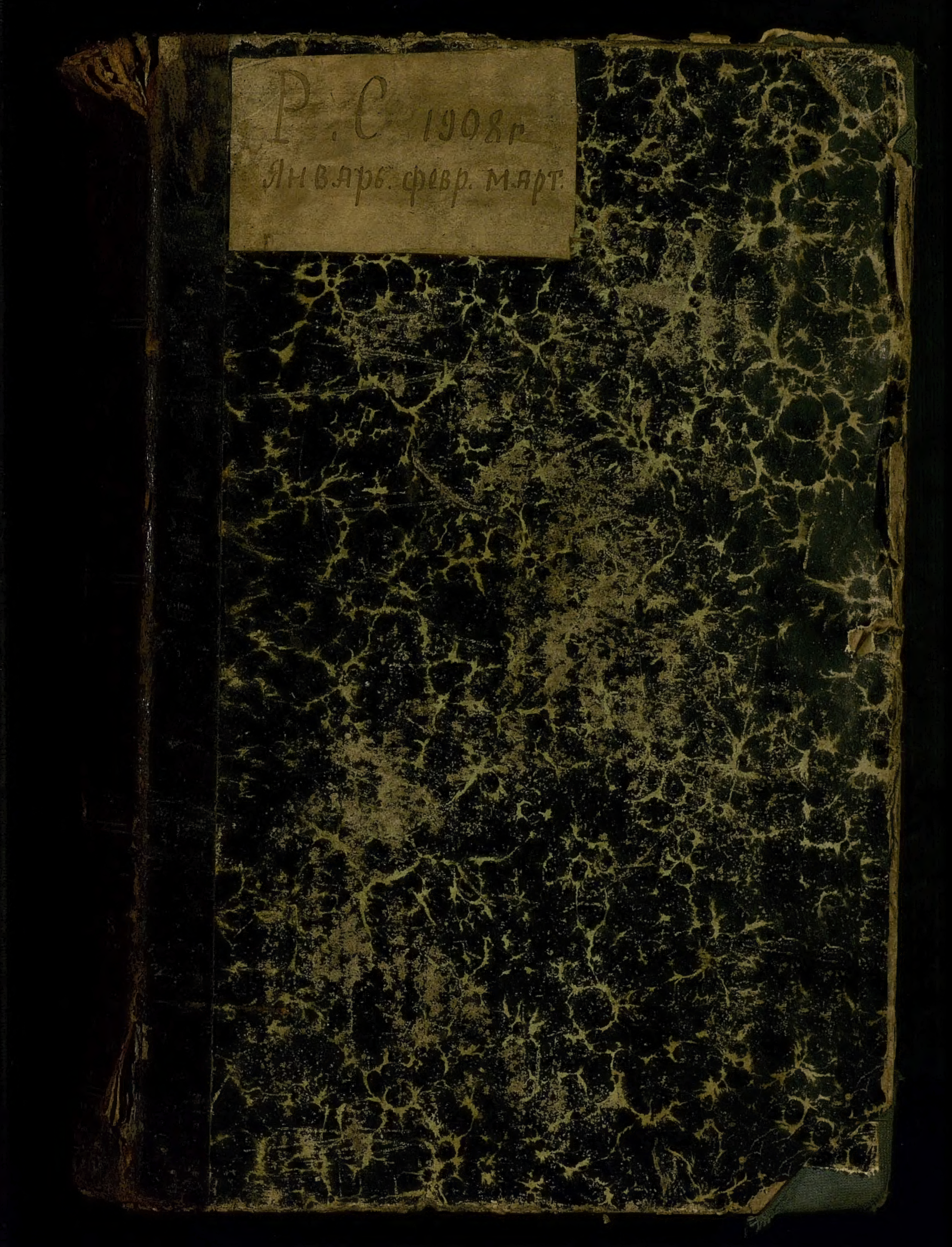

Р. С. 1908г
Январь. февр. март.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1908.

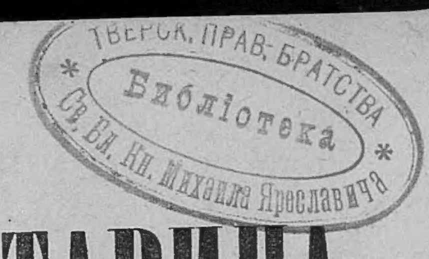
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

рис. К. Брожъ.

Великій Князь
Константинъ Константиновичъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

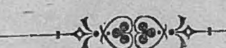
ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1908.

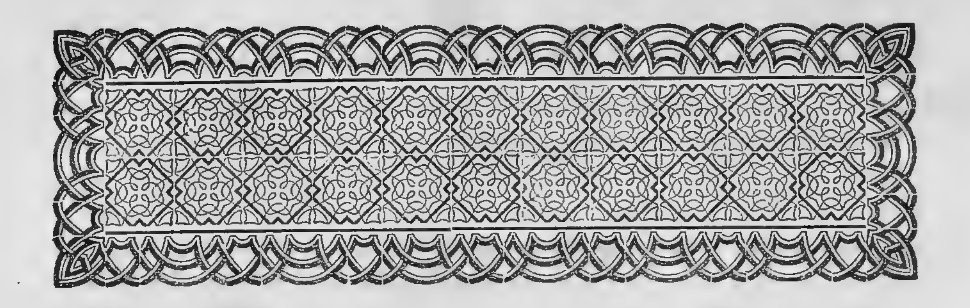
ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда», Морская, 65.
1908.

Поэзія К. Р.

(Къ 25-лѣтію литературной дѣятельности).

Уже давно нашей широкой читающей публикѣ стало извѣстно, что скромными инициалами *К. Р.*, подъ обратившими на себя всеобщее вниманіе стихотвореніями, появившимися въ разныхъ журналахъ, подписывается Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Болѣе четверти вѣка славно подвизается Августѣйшій поэтъ на благородномъ литературномъ поприщѣ, на которомъ онъ сумѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе и извѣстность совершенно независимо отъ своего исключительно высокаго общественнаго положенія. Среди современныхъ нашихъ поэтовъ К. Р. занимаетъ выдающееся мѣсто. Его поэзія чужда жгучихъ элементовъ злободневной современности, она не несетъ дани быстро пробѣгающимъ событіямъ времени, но зато въ ней есть главное достоинство истинной поэзіи—въ ея негромко, нѣжно звучащихъ, ласковыхъ струнахъ слышится сочувственный откликъ на самыя теплыя, задушевныя движенія человѣческаго сердца... Муза К. Р.—та чистая, благородная муза, которая осѣнила золотые дни русской литературы, муза пушкинской школы. Она пробуждаетъ сочувствіе и любовь.

Личная жизнь поэта служитъ лучшимъ опроверженіемъ ходячаго мнѣнія, что только тотъ можетъ сильно и глубоко чувствовать, только тотъ можетъ понимать страданіе и горе, кто самъ боролся и страдалъ... Едва-ли судьба была такъ щедра къ кому-нибудь другому изъ дѣтей своихъ, какъ къ поэту К. Р. Великій Князь Кон-

стантинъ Константиновичъ, которому нынѣ пятидесятый годъ, проходитъ свѣтлый и радостный жизненный путь. Вотъ краткій очеркъ его жизни. Великій Князь родился 10 августа 1858 г. Отецъ его, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, оставилъ по себѣ память благороднаго и просвѣщеннаго дѣятеля; для раскрѣпощенія крестьянъ, для насажденія образованія имъ сдѣлано очень многое... Получивъ тщательное домашнее воспитаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ проходя, съ 12 лѣтъ, морскую службу, молодой Великій Князь принялъ участіе въ русско-турецкой войнѣ; дѣло подъ Силистріей, 3 октября 1877 г., принесло ему георгіевскій крестъ. Въ слѣдующемъ году Великій Князь былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Его Императорскаго Величества, затѣмъ посвятилъ два года путешествію по югу Европы. Съ конца 1883 г. до 1891 г. Великій Князь служилъ л.-гв. въ Измайловскомъ полку, а затѣмъ былъ назначенъ командиромъ л.-гв. Преображенскаго полка. Въ началѣ 1900 г. Великій Князь занялъ постъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Еще въ маѣ 1889 г. Великій Князь сталъ во главѣ Императорской Академіи Наукъ—какъ ея Президентъ; въ этой должности онъ состоитъ понынѣ. При немъ Академія значительно расширила свою дѣятельность; нужно отмѣтить цѣлый рядъ научныхъ экспедицій, реорганизацію академическаго музея, пушкинскій праздникъ 1899 года, учрежденіе разряда изящной словесности... Русская наука многимъ обязана Августѣйшему цѣнителю знаній. Въ качествѣ начальника военно-учебныхъ заведеній, сумѣвшаго высоко поставить въ нихъ дѣло воспитанія, Великій Князь пріобрѣлъ большую популярность.

Въ цвѣтущую пору юности, въ маѣ 1879 г., впервые заговорила муза К. Р. Его первое поэтическое произведеніе было ему навѣяно впечатлѣніями Крыма—южнымъ моремъ, радостнымъ маемъ, лунной ночью—и собственной молодостью, и съ его пера скатилась настоящая жемчужина:

Задремали волны,
Ясенъ неба сводъ,
Свѣтитъ мѣсяцъ полный
Надъ лазурью водъ.
Серебрится море,
Трепетно горитъ...
Такъ и радость горе
Ярко озаритъ.

Этой прекрасной маленькой пьесой началась поэтическая дѣятельность К. Р. Путешествія по Африкѣ, Италіи, Палестинѣ и другимъ странамъ юга взлелѣяли, выхолили юную музу, и она быстро

окрѣпла и возмужала. Творчество стало для К. Р. привычнымъ, любимымъ занятіемъ. Весну 1881 г. онъ привѣтствовалъ стихами:

Порою вешнею счастливъ
Поэтъ: ужъ онъ не дремлетъ
И *силы творческой* приливъ
Душою чуткой внемлетъ;
Онъ ударяетъ по струнамъ,
И, полно вдохновенья,
Его свободно къ небесамъ
Несется пѣснопѣнье . . .

Въ августовской книгѣ „Вѣстника Европы“ 1882 г. появилось стихотвореніе К. Р. „Псалмопѣвецъ Давидъ“. Въ слѣдующей книгѣ журнала появилось уже пять стихотвореній: „Въ Венеціи“; на начинающаго поэта общество сразу обратило вниманіе: инициалы еще не были раскрыты. Ободренный успѣхомъ поэтъ продолжалъ трудиться и совершенствоваться, и въ 1886 г. появился первый сборникъ „Стихотвореній К. Р.“. Эта книжка сблизила молодого поэта съ старыми лебедями пушкинской школы—Фетомъ, Полонскимъ и Майковымъ. Фетъ писалъ молодому собрату:

Пѣвцамъ—высокое намъ мило;
Въ насъ разгоняетъ сонъ души
Днемъ лучезарное свѣтило,
Узоры звѣздъ—въ ночной тиши.
Поемъ мы пурпура сіянье,
Побѣды гордые часы,
И вѣчной мѣди изваянье,
И мимолетныя красы.
Но нѣтъ красы, значеньемъ равной
Той, у которой, всемогущъ,
Изъ-подъ вѣнца семьи державной
Нетлѣнный зеленѣетъ плющъ.

Какъ относился Фетъ къ нашему поэту, видно изъ одного его стихотворенія, посвященнаго Великому Князю. Фетъ сравниваетъ его письмо съ теплымъ весеннимъ лучомъ:

Весной нежданной сладко вѣетъ,
Въ груди теплѣй, въ глазахъ свѣтлѣетъ,
Я робко за тобой пою,
И сердце благодарно снова
За жаръ живительнаго слова,
За юность свѣтлую твою.

Около того же времени К. Р. писалъ Фету:

. . . испытанный годами,
Неунывающій боецъ,
Ты, убѣленный сѣдинами,
Вѣнчанный славою пѣвецъ,
Меня, взрощеннаго судьбою
Въ цвѣтахъ, и счастьи, и любви,
Своей дряхлѣющей рукою
На трудный путь благослови.

Послѣднее изданіе стихотвореній Фета (1901 г.) печаталось подъ наблюденіемъ Великаго Князя, который почтилъ такимъ образомъ память своего учителя и любимаго поэта.

Впечатлѣніе юности, свѣжести, производимое стихами К. Р., отмѣтилъ и А. Н. Майковъ, который, получивъ сборникъ К. Р., отвѣчалъ Великому Князю:

. . . нежданно, къ нелюдиму,
Вашъ стихъ является ко мнѣ
И дразнитъ стараго, какъ въ зиму,
Воспоминаньемъ о веснѣ.

Майковъ высоко цѣнилъ талантъ К. Р. Эти иниціалы онъ взялъ заглавіемъ стихотворенія, содержащаго въ себѣ оцѣнку творчества нашего поэта:

Эти милыя двѣ буквы,
Что два яркіе огня,
Въ тьмѣ осенней, въ бездорожье
Манятъ издали меня.
Зажжены онѣ въ воротахъ,
Что въ чудесный міръ ведутъ,—
Міръ, гдѣ только гости съ неба,
Духи чистые живутъ.
Для того живутъ, чтобъ знали
Дѣти бѣдныя земли
Славословье силъ небесныхъ,
Высшей Правды и Любви;
Для того, чтобъ знали тоже
Братья ихъ на небесахъ
Обо всѣхъ земныхъ страданьяхъ,
Обо всѣхъ людскихъ слезахъ...

К. Р. явился въ началѣ своего поприща хранителемъ лучшихъ традицій русской литературы, и ея славные представители были

почтены его вниманіемъ. Я. П. Полонскому нашъ поэтъ писалъ въ день его юбилея:

Незабвенныхъ поэтовъ безсмертную лиру
Унаслѣдовалъ ты, о пѣвецъ,
Ты ревниво и свято сберегъ ее міру
И стяжалъ себѣ славы вѣнецъ.
Въ чуткихъ струнахъ будила волшебные звуки
Вдохновенная пѣсня твоя,
То врачуя сердецъ сокровенныя муки,
То веселье и радость лія.
Лишь *во имя того, что свѣтло и правдиво,*
Что волнуетъ восторгами грудь,
Лишь *во имя добра* ты всю жизнь терпѣливо
Свой тернистый прокладывалъ путь.
И за то, что *завѣтъ тѣхъ пѣвцовъ незабвенныхъ*
Ты исполнилъ, трудясь и любя,
Никогда въ пѣснопѣньяхъ твоихъ вдохновенныхъ
Не забудетъ отчизна тебя.

Къ И. А. Гончарову К. Р. обратился съ восторженной благодарностью за то, что старый художникъ слова „звукамъ робкаго напѣва внималъ задумчиво не разъ":

Когда жъ бывали пѣсни спѣты,
Его ты кротко поучалъ,
Ему *художества завѣты*
И тайны вѣчныя вѣщалъ.

Это отношеніе нашего поэта къ искусству сказалось и въ его посланіи А. Г. Рубинштейну:

Игры упоительной звуки текли.
Мы въ нѣжномъ восторгѣ внимали.
Всѣ радости неба, все горе земли
Тѣ звуки въ себѣ отражали.
Плѣнять насъ и трогать имъ было дано:
Предъ ними стихали сомнѣнья,
И было такъ много *обидъ прощено*
И пролито слезъ умиленья.
О, пусть насъ уноситъ волшебной игрой
Туда, въ тѣ завѣтныя дали,
Гдѣ нѣтъ *ни вражды, ни тревоги* земной,
Ни зла, ни борьбы, ни печали.

Въ 1899 г. поэтъ откликнулся на пушкинскій юбилей, свѣтлый праздникъ русской поэзіи, своимъ словомъ, по обыкновенію полнымъ любви къ добру и къ людямъ. Голосъ К. Р. былъ однимъ изъ самыхъ звучныхъ въ торжественномъ хорѣ, воспѣвшемъ Пушкина:

Его ужъ нѣтъ,—но дивныхъ пѣсней
Не позабыть сердцамъ людей:
Онѣ звучатъ имъ все прелестнѣй
И все ихъ *трогаютъ* живѣй.

От заботъ земли унылой,
Отъ тревогъ и суеты
Насъ невѣдомою силой
Въ вихрѣ пѣсенъ уносило
Въ неземныя высоты.
Сколько радостныхъ мгновеній
Подарилъ ты намъ, поэтъ!
Сколько чистыхъ наслажденій,
Сколько радужныхъ видѣній
И какой *небесный свѣтъ*
Сладкозвучнымъ роемъ пѣсенъ
Пролилъ ты въ сердца людей!...

Намъ ясны, такимъ образомъ, тѣ требованія, которыя предъявляетъ поэтъ къ своему искусству. Взгляды свои на поэзію К. Р. выразилъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. „Поэту" онъ сказалъ о его славномъ назначеніи:

Пусть гордый умъ вѣщаетъ міру,
Что все незримое лишь сонъ,
Пусть знанье молится кумиру
И лишь науки чтитъ законъ.
Но ты, поэтъ, вѣрь въ жизнь иную,—
Тебѣ небесъ открыта дверь;
Вѣрь въ *силу творчества живую*,
Во все несбыточное вѣрь!
Лишь тѣмъ, что *свято, безупречно*,
Что *полно чистой красоты*,
Лишь тѣмъ, что *свѣтитъ правдой вѣчной*,
Пѣвецъ, плѣняться долженъ ты.
Любовь—твое да будетъ знанье,
Проникнись ей,—и пѣснь твоя
Включитъ въ себѣ и все страданье,
И все блаженство бытія.

Опредѣленнѣе и точнѣе поэтъ выразилъ эту мысль въ стихахъ, написанныхъ на юбилей А. Н. Майкова:

> Твоя восторженная лира
> И пѣсни чистыя твои
> Намъ проливали *звуки мира,*
> *Добра, надежды и любви.*
> Ты черни вѣтренной въ угоду
> Себѣ, пѣвецъ, не измѣнялъ,
> *Свою священную свободу*
> Страстямъ толпы не подчинялъ;
> Ты пѣлъ въ теченіе полвѣка,
> Безсмертья лаврами увитъ,
> Ту пѣснь, что *душу человѣка*
> *И возвышаетъ, и живитъ...*

Когда поэта „волной холодной“ охватываетъ „міра суета“,— тогда—говоритъ онъ—:

> Звѣздой мнѣ служатъ путеводной
> *Любовь и красота.*
> О, никогда я не нарушу
> Однажды данный имъ обѣтъ:
> *Любовь* мнѣ согрѣваетъ душу,
> Она—мнѣ жизнь и свѣтъ.
> Не зная устали, ни лѣни,
> Отважно къ цѣли я святой
> Стремлюсь, чтобъ преклонить колѣни
> Предъ *вѣчной красотой.*

Поэтъ разсказалъ намъ о процессѣ своего творчества, описалъ

> тѣ чудныя мгновенья,
> Когда нисходитъ въ душу вдохновенье,
> И, зародившись, новой пѣсни звукъ
> Въ ней пробуждаетъ столько тайныхъ мукъ
> И столько неземного восхищенья...

Объ одномъ изъ такихъ моментовъ онъ повѣдалъ въ обращеніи къ музѣ, которая къ нему „украдкою незримая являлась“:

> Лишь только ночь, бывало, въ небѣ ясномъ
> Своихъ огней заводитъ хороводъ,
> Ужъ сердцемъ я, всегда тебѣ подвластнымъ,
> Невольно твой угадывалъ приходъ.
> Я замиралъ, восторговъ чистыхъ полный,
> Подъ взоромъ глазъ невидимыхъ твоихъ,

И въ этотъ часъ таинственно-безмолвный
Плѣнительный въ душѣ слагался стихъ.
О, если бы тотъ мигъ учуять снова!
Уже во тьмѣ узоры звѣздъ зажглись.
Все спитъ кругомъ... Душа моя готова.
Я жду тебя... О, муза, появись!

Этой чистой, нѣжной музѣ чрезвычайно присуще религіозное, благоговѣйное настроеніе, тѣсно связанное съ разлитой въ поэзіи К. Р. любовью къ добру. Это не та религіозность, которая жаждетъ личнаго душевнаго мира и покоя въ сознаніи неразрывной связи съ Божествомъ:—это дѣятельное, творческое чувство, источникъ благихъ мыслей и добрыхъ дѣлъ. Въ этомъ чувствѣ слышится твердая вѣра въ конечное торжество добра, звучатъ золотыя, незабвенныя слова шекспировскаго Лира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“:

... Пусть никто не говоритъ,
Что сѣмя доброе безсильно
Взойти добромъ; что только зло
На нивѣ жатвою обильной
Намъ въ назиданіе взошло.
Больнѣй внимать такимъ сужденьямъ,
Чѣмъ грусть и скорбь сносить отъ тѣхъ,
Кому мгновеннымъ увлеченьемъ
Случится впасть въ ничтожный грѣхъ.
Не всѣ ль виновны мы во многомъ,
Не всѣ ли братья о Христѣ?
Не всѣ ли грѣшны передъ Богомъ,
За насъ распятымъ на крестѣ?

Поэтъ вѣритъ, что „всѣ, кто сѣяли слезами, святою радостью, пожнутъ“. Въ минуту молитвеннаго общенія съ Богомъ мысль его посвящена ближнимъ:

Всѣхъ, которыхъ пришелъ искупить
Ты твоею Пречистою Кровью,—
Безкорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!...

И въ душѣ поэта живетъ счастливая, радостная увѣренность, что бытіе не кончается у гроба, что „есть жизнь за могилой“:

Нѣтъ, мнѣ не вѣрится, что мы воспоминанья
О жизни въ гробъ съ собой не унесемъ;
Что смерть, прервавъ навѣкъ и радость, и страданья,
Насъ усыпитъ забвенья тяжкимъ сномъ.

Раскрывшись гдѣ-то тамъ, ужель ослѣпнутъ очи,
И уши навсегда утратятъ слухъ?
И память о быломъ во тьмѣ загробной ночи
Не сохранитъ освобожденный духъ?...
Не можетъ быть! Нѣтъ, все, что свято и прекрасно,
Простившись съ жизнью, мы переживемъ
И не забудемъ, нѣтъ! Но чисто, но безстрастно
Возлюбимъ вновь, сливаясь съ Божествомъ!

Сквозь призму этой вѣры самая смерть перестаетъ казаться страшной:

...не страшно умирать,
Когда средь огорченій и страданья,
Средь испытаній и труда
Ни разу грѣшныя уста
Не изрекали словъ роптанья;
Когда умѣли нѣжною душой
Мы раздѣлять чужое счастье,
Когда въ печали полные участья
Мы радовались радости чужой,
Когда мы плакали чистосердечно
О горемычной участи людей
И относилися безпечно
Къ печали собственной своей...

Религіозное настроеніе и нравственныя сочувствія поэта съ наибольшей полнотою выражены въ поэмѣ „Севастіанъ-Мученикъ" (1887 г.), безусловно лучшемъ и самомъ популярномъ произведеніи К. Р. И съ внѣшней, и съ внутренней стороны это мастерская вещь, въ которой виденъ уже созрѣвшій и разработанный талантъ. Она производитъ впечатлѣнія и религіозное, и художественное разомъ, въ ихъ гармоническомъ сліяніи. Въ поэмѣ есть великолѣпныя картины внѣшней жизни,—напримѣръ, разнообразное и краснорѣчивое въ своей сжатости описаніе праздника въ древнемъ Римѣ:

Въ Римѣ праздникъ. Рыщутъ колесницы;
Топотъ, стукъ колесъ по мостовой,
Ржанье, свистъ бича и крикъ возницы
Въ гулъ слилися. Къ форуму толпой
Повалилъ народъ. Снуютъ носилки,
Пыль клубится облакомъ густымъ;
Фыркаетъ, храпитъ и рвется пылкій
Конь подъ всадникомъ лихимъ.

Въ честь богини зеленью, цвѣтами
Убранъ былъ Венеры пышный храмъ;
Отъ курильницъ синими клубами
Возносился легкій ѳиміамъ.
Въ наготѣ божественнаго тѣла,
Фидія рукою создана,
Въ благовонномъ сумракѣ бѣлѣла
Олимпійская жена.

А вотъ картина еще прекраснѣе,—передающая внутреннюю красоту человѣческаго духа. Севастіанъ готовится погибнуть за вѣру отъ руки палача; охваченный экстазомъ, онъ не видитъ, какъ нумидіецъ уже цѣлится въ его грудь:

Въ этотъ часъ предсмертнаго томленья
Все земное мученикъ забылъ;
Полнъ восторга, въ сладкомъ упоеньѣ,
Въ небесахъ мечтою онъ парилъ.
Передъ нимъ отверзлись двери рая;
Озаренъ сіяньемъ неземнымъ,
Звалъ его, вѣнецъ ему сплетая,
Лучезарный серафимъ.

И мученикъ погибаетъ со словами, полными вѣры и любви:

„Вѣрю я! Ужъ время недалеко:
Зла и лжи съ земли сбѣгаетъ тѣнь,
Небеса зардѣлися съ востока,—
Близокъ, близокъ правды яркій день...
Тьму неправды властно расторгая,
Словно солнце пламенной зарей,
Засіяютъ истина святая
И любовь надъ грѣшною землей“...

„Истина и любовь“—этимъ leit-motiv'омъ поэзіи К. Р. оканчиваются строфы о святомъ Севастіанѣ.

Жаждой добра окрашена въ поэзіи К. Р. любовь къ женщинѣ. Это не та жгучая, пьянящая, хмѣльная страсть, которая опрокидываетъ душу; не губительная молнія, сжигающая сердце въ пепелъ. Нѣтъ, это тихое, нѣжное чувство, которое спокойно, потому что глубоко, какъ вѣчно тихи и спокойны глубокія озера. Поэтъ глядитъ на прекрасную женщину, и въ его сердцѣ зрѣетъ нѣжное, молитвенное настроеніе, онъ „благоговѣетъ богомольно передъ святыней красоты“:

Ты такъ невыразимо хороша!
О, вѣрно подъ такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!

Какой-то кротости и грусти сокровенной
Въ твоихъ очахъ таится глубина;
Какъ ангелъ, ты тиха, чиста и совершенна;
Какъ женщина, стыдлива и нѣжна.
Пусть на землѣ ничто средь золъ и скорби многой
Твою не запятнаетъ чистоту,
И всякій, увидавъ тебя, прославитъ Бога,
Создавшаго такую красоту.

Глядя въ прекрасныя, „кроткія", „мягкія" очи, поэтъ думаетъ:

Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живетъ въ задушевныхъ мечтахъ,
Все сказалось такъ просто и ясно
Мнѣ въ чарующихъ этихъ очахъ.
Не могли бы ихъ тайнаго смысла
Никакія слова превозмочь...
Словно ночь надо мною нависла,
Свѣтозарная, вешняя ночь!

Эта тихая, кроткая любовь зажигаетъ священный огонь Весты на домашнемъ очагѣ въ укромномъ уголку, который любитъ нашъ поэтъ:

Въ комнатѣ этой и зиму, и лѣто
Столько цвѣтовъ на окнѣ...
Какъ мнѣ знакомо и мило все это,
Какъ это дорого мнѣ!
Юныя грезы! счастливыя встрѣчи
Въ полѣ и въ миракѣ лѣсномъ...
Подъ вечеръ долгія, тихія рѣчи
Рядомъ за чайнымъ столомъ...
Годы минувшіе, лучшіе годы,
Чуждые смутъ и тревогъ!
Ясные дни тишины и свободы!
Мирный, родной уголокъ!

Но поэтъ не замыкается въ этомъ укромномъ уголку, убаюканный личнымъ, эгоистическимъ счастьемъ. Въ его душѣ теплится живое сочувствіе человѣческому горю, самому обыденному, маленькому, незамѣтному. Умеръ въ больницѣ солдатъ... Какая сѣрая, привычная глазу картинка будничной дѣйствительности! Сколько ихъ носятъ мимо нашихъ оконъ, этихъ бѣдныхъ, маленькихъ людей! Но сердце поэта ласковымъ прощальнымъ привѣтомъ отзывается на эту мелкую картинку; оно умѣетъ найти и замѣтить ее въ гре-

мящемъ, спѣшащемъ житейскомъ круговоротѣ. Солдатъ умеръ на чужбинѣ, чужая рука закрыла ему глаза, чужая земля приняла его гробъ...

По небу тучи неслись вереницей
Въ утро его похоронъ,
Выла и плакала снѣжная вьюга...
Вынесли гробъ, привязали на дроги,
И по худой мостовой
Старая кляча знакомой дорогой
Ихъ потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
Чтобъ до угла хоть дойти...
Дрогамъ во слѣдъ мы глядѣли, глядѣли
Долго съ печалью нѣмой.
Перекрестилися, шапки надѣли
И воротились домой...
Люди чужіе солдата зароютъ
Тамъ, за заставой, гдѣ вѣтры лишь воютъ,
Гдѣ-то въ глуши далеко...

Въ кругъ сочувствій поэта входитъ привязанность къ родинѣ. Слыша на чужбинѣ, за границей колокольный звонъ, К. Р. вспоминаетъ русскіе колокола:

Несется благовѣстъ... Какъ грустно и уныло
На сторонѣ чужой звучатъ колокола.
Опять припомнился мнѣ край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.
Я вижу сѣверъ мой съ его равниной снѣжной,
И словно слышится мнѣ нашего села
Знакомый благовѣстъ: и ласково, и нѣжно
Съ далекой родины гудятъ колокола...

Любовь къ родинѣ у нашего поэта не носитъ ничего горделиваго; въ ней не слышатся „кимвалъ бряцающій“ и „мѣдь звенящая“, которые обыкновенно такъ рѣзко звучатъ въ патріотическихъ стихахъ. На картины родины К. Р. отзывается такъ, какъ однажды отозвался на нихъ Тютчевъ („Эти бѣдныя селенья, эта скудная природа“...), въ томъ же тонѣ:

Обыкновенная картина:
Кой-гдѣ березовый лѣсокъ,
Необозримая равнина,
Болото, глина и песокъ.

Пускай все это и уныло,
И некрасиво, и бѣдно,
Пусть хорошо все это было
Знакомо намъ давнымъ давно,—
Налюбоваться не могли мы
На эти ровныя поля...
О, сѣверъ, сѣверъ мой родимый,
О, сѣверъ, родина моя!

Ему милъ этотъ разметавшійся просторъ:

Необозримая равнина
И церковь Божья надъ рѣкой.
Кругомъ, что ни обнимутъ взоры,
Жилья далеко не видать;
Луга, овраги, лѣсъ да горы,
Просторъ, раздолье—благодать.
Какъ вѣютъ на сердце цѣлебно
И этотъ миръ и тишина!...

„Миръ и тишину" поэтъ любитъ въ окружающей насъ природѣ. Не бури и грозы гремятъ въ лучшихъ аккордахъ его нѣжной лиры, а тихо шелестятъ полевыя травы, шуршатъ весенніе листья... Поэту особенно удаются описанія спокойной, кроткой природы. Вотъ изображеніе ночи (въ „Севастіанѣ-мученикѣ"):

Небо залито лазурью нѣжной,
Закатился мѣсяцъ въ облака;
Медленно, неслышно, безмятежно
Уплываетъ ночь. Вотъ вѣтерка
Предразсвѣтная прохлада вѣетъ;
Край небесъ, свѣтлѣя и горя,
Заалѣлъ съ востока... Тьма рѣдѣетъ,—
И зардѣлася заря.

Связь души поэта съ природой крѣпка. Она „полна лазури, какъ эта тихая рѣка"; весенній „запахъ, милый и знакомый, былое въ сердцѣ воскресилъ"; поэтъ „глядитъ въ ночь" и отдается ея „материнской ласкѣ, какъ нѣжный сынъ"; ночь, которая „такъ дивно хороша", его „томитъ и чаруетъ", и онъ зоветъ ее, эту Шехерезаду, нашептывающую ему свои сказки, и межъ нимъ и ею „нѣтъ разлада", заключенъ „таинственный союзъ", и поэтъ учится у нея, какъ она сама, „средь дольней тьмы душою становиться все чище и свѣтлѣй".

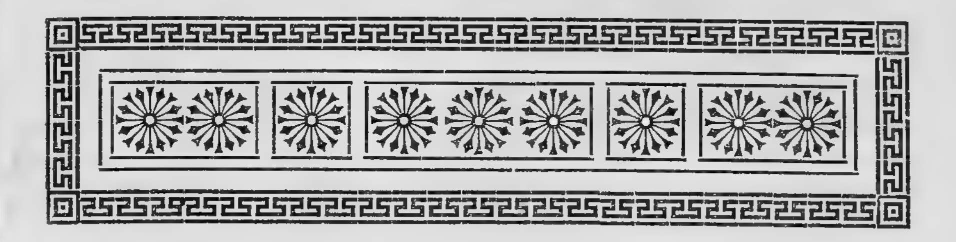
Такое просвѣтлѣніе, очищеніе духа изобразилъ К. Р. въ драматическомъ отрывкѣ „Возрожденный Манфредъ", внушенномъ „Ман-

фредомъ“ Байрона. Дерзновенный духъ байроновскаго героя познаетъ всю ничтожность своей мудрости, своего знанія, своей прежней гордыни, и онъ постигаетъ „душою обновленной высшую смиренья благодать“; узнаетъ, что „нѣтъ побѣды выше и святѣй, какъ надъ самимъ собой, что только тотъ во истину великъ, кто предъ великимъ въ восторгѣ умиленья преклонится“. Глубокій интересъ къ вѣковымъ запросамъ и стремленіямъ человѣческаго духа навелъ нашего поэта на изученіе „Гамлета“ и изъ-подъ его пера, послѣ долгой, упорной ковки языка, послѣ тяжкой борьбы съ труднымъ подлинникомъ британскаго генія, вышелъ переводъ великой драмы, по единодушному мнѣнію критиковъ—самый вдохновенный, самый тщательный въ нашей литературѣ, самый близкій къ Шекспиру.

Муза К. Р. займетъ свое неоспоримое мѣсто въ исторіи русской литературы и не забудется тогда, когда исчезнетъ изъ памяти поколѣній длинный рядъ прогремѣвшихъ въ свое время именъ. Въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ, можетъ быть, слишкомъ много цитатъ,— но пусть читатель на это не посѣтуетъ. Лилія, сорванная въ саду, разскажетъ, какъ благоухаетъ садъ. Съ лиліями, такими пышными въ своей скромности, такими величавыми въ своей простотѣ, хочется сравнить эту гуманную, чистую, проникнутую идеей добра, истины и красоты, нѣжную, изящную поэзію, въ которой „все полно мира и отрады“...

А. С.

Житейскія встрѣчи.

(Отрывки изъ воспоминаній).

I.

Синьоръ Бѣляевъ.

Въ сентябрѣ 1873 года мнѣ пришлось впервые быть въ Неаполѣ, гдѣ я встрѣтился съ двумя сослуживцами по судебному вѣдомству, и мы вмѣстѣ совершили различныя экскурсіи по окрестностямъ. Однажды мы отправились на пароходѣ на островъ Капри. Несмотря на безоблачное, ярко синее небо, такое же синее море довольно сильно волновалось, такъ что было много больныхъ и въ томъ числѣ мои спутники. Я не былъ подверженъ морской болѣзни, но, чтобы не видѣть непріятнаго зрѣлища траги-комическихъ страданій другихъ, я, облокотившись на бортъ парохода, смотрѣлъ на воду.

— Мутитъ-съ?—услышалъ я возлѣ себя чей-то ласковый вопросъ и оглянулся. Передо мной стоялъ средняго роста сутуловатый человѣкъ въ сѣромъ, довольно поношенномъ костюмѣ и яркомъ галстухѣ. Гладко выбритый подбородокъ, сѣдыя бакенбарды котлеточками, курносый толстый носъ, того типа, который напоминаетъ, по выраженію одной моей казанской знакомой, — „скворешницу", сѣро-зеленоватые, добрые, хотя немного безпокойные, глазки, мягкая линія рта и вся его фигура съ несомнѣнностью обличали въ немъ русскаго. — Нѣтъ, не мутитъ! — На меня тоже это не дѣйствуетъ, т. е. морская *болѣсть*. Я привычный тутъ ѣздить. Ужъ который разъ! И на парусахъ, бывало, туда же плавалъ. Я, вѣдь, въ Неаполѣ живу. Можетъ быть изволили видѣть на Санта Лючіи,—возлѣ гостиницы Викторія—вывѣску:—Джузеппе Бѣляевъ. Это — я самый и есть. Кораллами торгую и по винной части

посредникомъ бываю. А вы, вѣдь, на Капри изволите ѣхать? — Да! — Одни или съ компаніей? — Съ товарищами. — Что же вы тамъ изволите дѣлать? — Какъ что? Посмотримъ лазоревый гротъ, а потомъ походимъ по острову, позавтракаемъ. — Такъ-съ! Это, значитъ, какъ англичане дѣлаютъ... Но, только, я вамъ доложу, что это самое нестоющее дѣло и нечего тамъ смотрѣть. Ну, гротъ, конечно, это другое дѣло... Съ непривычки оно интересно. Положатъ васъ на дно лодки съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, да и пропихнутъ въ гротъ... такъ первое время своимъ глазамъ не повѣрите! Но, только, потомъ пароходъ опять всѣхъ заберетъ и повезетъ васъ на другую сторону острова и пойдутъ всѣ ногами пыль разводить по набережной безъ всякаго интересу до самаго пароходнаго свистка. Вотъ тебѣ и все Капри!.. Надо со знающимъ человѣкомъ ѣхать, которому извѣстно, какъ и что... Вотъ, коли вами угодно съ товарищами, такъ я васъ свезу прямо съ парохода на самую верхушку острова, на развалины дворца Тиверія!. Ужь останетесь довольны! А покуда вы наверху будете, я, немножко пониже, въ остеріи, вамъ макароны приготовлю, да лакрима-кристи и всего съ каждаго вамъ обойдется по десяти лиръ со всѣмъ, и съ ослами. Такъ угодно? Я, вѣдь, не изъ выгоды, а, почему же хорошимъ русскимъ не услужить. Поговорите-ка съ вашими товарищами!

Конечно, мои спутники съ радостью согласились и когда послѣ посѣщенія удивительнаго голубого грота, пароходъ причалилъ къ пристани, Бѣляевъ съ таинственнымъ видомъ сдѣлалъ намъ знакъ, чтобы мы не сходили съ парохода, а самъ втесался въ толпу на берегу и поднялъ шумный торгъ съ хозяевами ословъ, крича и жестикулируя, какъ совершенный итальянецъ и ударяя „по рукамъ“, какъ русскій.Затѣмъ, когда берегъ передъ пароходомъ почти опустѣлъ, онъ намъ торжественно крикнулъ: пожалуйте! готово! и повелъ насъ къ осламъ, при каждомъ изъ которыхъ находилось по очень некрасивой неаполитанкѣ, въ какихъ-то грязныхъ сѣрыхъ кофтахъ и юбкахъ. Самъ же онъ взмостился на исхудалаго Россинанта, и мы двинулись съ чрезвычайнымъ шумомъ. Погонщицы били ословъ и что-то кричали; ослы ревѣли; при Россинантѣ тоже былъ погонщикъ, въ свою очередь покрикивавшій на погонщицъ, къ которымъ по дорогѣ присоединились еще двѣ, и все это покрывалось командою Бѣляева на русско-итальянскомъ діалектѣ, приправляемой русскими крѣпкими словцами. ¿Per questa cosa tante ragazze?! съ гнѣвомъ спрашивалъ онъ. Но „рагацци“ ничего не отвѣчали, а только усиленно начинали кричать на несчастныхъ ословъ. Такъ, двигаясь очень скоро, мы миновали группы удивленныхъ англичанъ и быстро помчались въ гору. Саженяхъ въ пяти-

десяти ниже развалинъ находилась остерія или тратторія очень невзрачнаго вида съ одной большой комнатой, часть которой, вѣроятно для хозяйственныхъ надобностей, была отдѣлена грязной полосатой занавѣской, за которой слышалось шипѣнье плиты. Здѣсь Бѣляевъ насъ покинулъ, предложивъ однимъ отправляться на развалины и объявивъ, что будетъ самъ слѣдить за приготовленіемъ макаронъ. — И... — прибавилъ онъ многозначительно — приготовлю вамъ суприз. По двѣ лишнихъ лиры вамъ ничего не составитъ, а довольны останетесь...

Когда, насладившись видомъ, мы вернулись въ тратторію, то на столъ было подано огромное блюдо макаронъ и очень вкусное вино. — А гдѣ же сюрпризъ? спросилъ одинъ изъ насъ Бѣляева. Суприз?... отвѣчалъ онъ, лукаво подмигивая,—вы вотъ покушайте и выпейте, тогда и суприз лучше покажется.—Убѣдившись, что мы исполнили его совѣтъ, онъ торопливо отодвинулъ обѣденный столъ къ стѣнѣ, торжествующимъ взглядомъ окинулъ образовавшееся свободное пространство и хлопнулъ три раза въ ладоши. Изъ-за занавѣски вышли три изъ погонщицъ, которыя были помоложе, и лошадиный погонщикъ съ мандолиной въ рукѣ. Бѣляевъ взялъ въ руки бубенъ, и раздались звуки тарантеллы. Танецъ сначала медлительный, началъ потомъ какъ змѣя свиваться и развиваться все быстрѣе и быстрѣе. Некрасивыя лица танцующихъ преобразились. Въ глазахъ ихъ запылалъ огонь безумія и восторга. Платья стали раздуваться, и тяжелое, страстное дыханіе начало почти покрывать собою звуки инструментовъ. Я никогда ничего подобнаго себѣ не представлялъ. Это была не та балетная тарантелла, которую мнѣ приходилось видѣть на сценѣ и вѣроятно пришлось-бы увидѣть, по особому заказу, въ самомъ Неаполѣ, исполненную профессіональными танцовщицами. Это была настоящая простонародная тарантелла безъ прикрасъ, но и безъ педантической размѣренности. Лицо Бѣляева пылало. Онъ весь подергивался, кричалъ по-русски: лихо! лихо! поддай жару! и наконецъ бросился въ присядку среди бѣшено вертящихся женщинъ. Подобно крику пѣтуха въ „Danse macabre“ раздался далеко внизу первый призывный свистокъ парохода, и „сюрпризъ“ прекратился.

На другой день мы зашли въ магазинъ Бѣляева, гдѣ за прилавкомъ сидѣлъ его взрослый сынъ отъ жены-итальянки, не говорящій по-русски, и накупили разной дряни изъ коралловъ и лавы. Предъ нашимъ уходомъ пришелъ и самъ Бѣляевъ, на котораго, какъ я замѣтилъ тутъ же и затѣмъ впослѣдствіи, сынъ и жена—высокая красивая итальянка съ изсиня-черными волосами—смотрѣли то угрюмо, то со снисходительнымъ пренебреженіемъ. Довольный на-

шими закупками, онъ предложилъ намъ придти къ нему на другой день обѣдать, обѣщая угостить насъ русской ухой и пирогомъ.—А винцо ужъ будетъ на вашъ счетъ!—прибавилъ онъ.

Этотъ обѣдъ, приготовленный въ его оригинальной квартирѣ,—устроенной на плоской кровлѣ того шестиэтажнаго дома, гдѣ помѣщался магазинъ, съ чуднымъ видомъ на море и Везувій,—былъ весьма плохъ. Уха изъ морской рыбы и изъ frutti di mare представляла какую-то сѣрую, дурно пахнущую бурду, а тѣсто пирога вязло на зубахъ и было совершенно безвкусно. Но вино, особливо Lacrima Cristi spumante, было превосходно, и нашъ амфитріонъ оказывалъ ему особенное, чтобы не сказать чрезмѣрное, вниманіе, несмотря на мрачные взгляды, бросаемые на него супругою, раза два проходившею чрезъ комнату пиршества. Послѣ обѣда мы вышли на терассу покурить и полюбоваться чуднымъ вечеромъ. Хозяинъ впалъ въ благодушное состояніе и въ отвѣтъ на наши разспросы словоохотливо развязалъ языкъ и разсказалъ часть исторіи своей жизни, столь ярко рисующую и натуру русскаго человѣка, и наше крѣпостное право, что я запомнилъ его разсказъ почти дословно.

„Я, господа,—началъ онъ свое повѣствованіе,—былъ крѣпостнымъ князя К.—помѣщика Тульской губерніи, жившаго зимою въ обширномъ собственномъ домѣ, похожемъ на усадьбу, на Садовой улицѣ въ Москвѣ. Отецъ мой былъ старостой въ деревнѣ. Разъ, когда мнѣ было лѣтъ двѣнадцать, отъ барина пришелъ приказъ прислать меня на службу въ дворню, при обозѣ со всякой живностью, всегда посылаемой къ Рождеству. Батька съ мамкой покручинились, снарядили мнѣ тулупъ, дали серебряный полтинникъ на дорогу,—матка повыла при прощаньи... и отправили меня съ обозомъ. Больше я ихъ и не видѣлъ. Царство имъ небесное! Когда добрались до Москвы, меня свели въ баню, выстригли и показали барину. Баринъ меня осмотрѣли, назвали „Бѣляшкой“ по прозвищу моего отца и приказали крѣпостному-портному сшить мнѣ изъ желтаго верблюжьяго сукна казакинъ *съ пистонами* (т. е. съ карманами для патроновъ) и съ запасомъ, чтобъ на долго хватилъ. Это значило, что я буду казачкомъ. Бывало, сидишь и дремлешь за дверями той комнаты, гдѣ сидятъ баринъ. Они хлопнутъ въ ладоши. Сейчасъ надо бѣжать подавать имъ трубку съ длиннымъ чубукомъ, а длинной, сложенной въ трубочку, зажженой бумажкой давать имъ ее раскуривать. Случалось, коли не успѣешь этого скоро и какъ слѣдуетъ сдѣлать, такъ и подзатыльникъ получишь. Такъ прожилъ я года два, а затѣмъ отравилъ барскую любимую кошку...—Какъ отравили? По неосторожности, случайно или нарочно?— Э-э, да что вспоминать! Отравилъ, да и все тутъ! Мальчишка вѣдь еще былъ. Баринъ приказали меня высѣчь, а затѣмъ

отдали въ ученье къ Яру, за Тверской заставой, въ знаменитый тогда трактиръ. Ужъ не знаю, есть ли онъ теперь? У Яра выучился я кушанья готовить, особливо пожарскія котлеты, которыя тогда очень въ моду пошли, а начала ихъ дѣлать жена станціоннаго смотрителя подъ Москвой. Барина же я за все это время не видалъ. Только разъ, какъ на грѣхъ, пріѣзжаютъ они вечеромъ съ пріятелями ужинать и потребовали этихъ самыхъ котлетъ. Остались очень, очень довольны, позвали Яра и стали ему свое удовольствіе выражать. А Яръ и говоритъ имъ: у насъ эти котлеты хорошо умѣетъ дѣлать вашъ крѣпостной Осипъ Бѣляевъ. Баринъ ничего не сказали, а только на другой день мнѣ приказъ: назадъ въ дворню! Хозяинъ поѣхалъ меня отпрашивать, но только баринъ и слышать ничего не хотѣли. Я,—говоритъ,—можетъ быть, какъ-нибудь пожарскихъ котлетъ захочу, такъ онъ у меня тутъ подъ руками будетъ. Дѣлать нечего, воля барская!.. Вернулся я въ дворню, нашли мой старый казакинъ, перешили на весь запасъ, да такого, совсѣмъ кургузаго, опредѣлили быть при кухнѣ. Ну, ужъ и принялъ я тутъ горя! Поваръ смотритъ на меня звѣремъ, ругается, никакого дѣла не даетъ, а только норовитъ всякую непріятность сдѣлать. „Ты, молъ, меня подсиживать пришелъ"! А за нимъ и дворня вся! Смѣются на меня, да дразнятъ. Не иначе зовутъ, какъ князь Пожарскій. Просто, хоть руки на себя налагай... Такъ прошло больше года, а баринъ объ котлетахъ ни разу и не вспомнили.

Только однажды иду я по двору, а баринъ зачѣмъ-то тоже вышли на дворъ, увидѣлъ меня, да и говорятъ: ты чего тутъ безъ дѣла шляешься?! А на другой день и отдали меня обучаться мѣдно-котельному мастерству у нѣмца Карла Ивановича, на Кузнецкомъ мосту. Тамъ я пробылъ четыре года и всему ихнему дѣлу научился, такъ что послѣ хозяина старшимъ мастеромъ сталъ и даже кое-что и въ кубышку себѣ отложилъ. А Карлъ Ивановичъ человѣкъ былъ хорошій, добрый. Я у него и по-нѣмецки говорить выучился. Дочка у него была—Каролиной звали—видная такая, какъ хлѣбъ разсыпчатый! Русая была... И коса — *играмадная!* Полюбились мы другъ другу, а Карлъ Ивановичъ все посматриваетъ, да помалкиваетъ. Только разъ въ воскресенье пришелъ изъ ихней церкви, да и говоритъ мнѣ:—вотъ, что Осипъ, я ужъ старъ становлюсь, но вижу все, хоть и не говорю. А тебѣ откроюсь. Хочу я, любезный другъ, lieber-Freund, новое дѣло начать: калетовскія свѣчи дѣлать (тогда эти свѣчи только-что появились) и возьму я тебя своимъ компаньономъ. А когда помру, ты дѣло дальше поведешь. Каролинхенъ тебѣ нравится... женись на ней и будь мнѣ вмѣсто сына! Мнѣ тогда и умереть будетъ спокойно...—Взяли эти слова меня

за сердце, ударился я въ слезы и у Карла Ивановича руку поцѣловалъ. Только прошло недѣли двѣ,—стали мы это свѣчное дѣло обдумывать, какъ вдругъ отъ барина приказъ—явиться къ нему. Пошелъ я, а сердце, признаться, такъ и захолонуло. Баринъ меня къ ручкѣ допустили и говорятъ: я, бѣляшка, за границу ѣду на три года и нѣмецкой землей проѣзжать буду, такъ мнѣ толмачъ нуженъ. Вотъ ты и будешь при мнѣ толмачемъ и въ родѣ, какъ бы камардиномъ, такъ собирайся въ путь.—Я упалъ ему въ ноги, сталъ молить меня оставить, говоря, что и по-нѣмецки плохо знаю. И на волю сталъ проситься.—Врешь, говорятъ, врешь! по-нѣмецки ты знаешь такое, что для меня нужно, а на волю—да ты съ ума чтоли сошелъ?! Мнѣ въ тебѣ, канальѣ, надобность, а ты на волю проситься вздумалъ. Я тебѣ такую волю покажу, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь. Собирайся! Да, чтобъ я объ этомъ больше не слыхалъ... Пришелъ я домой, весь зеленый, руки и ноги трясутся, и разсказалъ все Карлу Ивановичу. Онъ на другой день пошелъ къ барину, просилъ, умолялъ. Три тысячи за меня ассигнаціями предлагалъ, за отпускную. Такъ куда тебѣ! Баринъ на него ногами затопали и прогнали, Простился я съ Каролиночкой, поплакали мы съ ней, и уѣхалъ я за границу. Что съ нею и съ Карлой Иванычемъ стало, мнѣ неизвѣстно, а только новое дѣло онъ врядъ ли завелъ, потому что я у него былъ примѣрно за мѣсто правой руки.

Отправились мы за границу съ бариномъ въ *огрмадной* каретѣ, дормезомъ называется. Всякіе въ ней ящики понадѣланы и меньше какъ четверкой ѣхать невозможно, а сзади пристройка такая сдѣлана съ кожанной крышкой, для прислуги. Въ карету сѣли баринъ, да барышня, да гувернантка ихняя, Энжени-мамзель, французина, а я сзади помѣстился. Отслужили молебенъ, да и поѣхали съ прохладцой, да съ ночевками на станціяхъ. Какъ пріѣхали въ нѣмецкія земли, такъ и сталъ баринъ надо мной мучительствовать. Бывало, нѣмецъ кучеръ ѣдетъ себѣ малой рысцой—трюхи, да трюхи—а баринъ высунутся въ окно, да кричатъ мнѣ:—Оська! Скажи ему, чтобъ ѣхалъ скорѣй!—А нѣмцу вѣдь, что говори, что нѣтъ. Онъ шагу не прибавитъ, даже не оглянется, да еще у *шламбама* (шлагбаумъ) остановится, да со сторожами разговаривать начнетъ. Только тѣмъ, бывало, и возьмешь, что ему пива поднесешь, да и самъ съ нимъ выпьешь. Онъ поскорѣй заберетъ возжи и кричитъ, чтобъ шламбамъ подняли, а шагу все-таки не прибавитъ. Пріѣдемъ бывало на станцію, а баринъ меня ругать.—Ты, молъ, съ ними разговаривать не умѣешь!—да и норовятъ, бывало,—въ зубы дать. Долго ли, коротко ли—пріѣхали мы во Францію. Тутъ уже другой народъ пошелъ. Какъ-то разъ баринъ, садясь въ карету,

въ сердцахъ, за то что я ему чѣмъ-то не потрафилъ, дали мнѣ въ ухо, а французы, что кругомъ стояли, стали роптать и смѣяться, пальцами на меня показывать. Просто со стыда сгорѣлъ! И пока мы ѣхали по Франціи на меня совсѣмъ другимъ духомъ повѣяло, сталъ я смѣлѣе и этакую отвагу въ себѣ почувствовалъ. Только за послѣдней станціей передъ Парижемъ приказали баринъ остановиться у какого-то трактира и велѣли себѣ лимонной воды подать, а затѣмъ, когда уже надо было дальше ѣхать, и я влѣзъ на свою вышку, зачѣмъ-то потребовали меня внизъ, да и покажись имъ, что я не скоро слѣзъ на ихъ зовъ. Онъ меня ругнулъ, сбилъ съ головы картузъ и за волосы рукой ухватилъ. Тутъ ужъ не знаю, что со мной сдѣлалось! Взялъ я его руку, отвелъ отъ своего лица, да и говорю: нѣтъ, ваше сіятельство! бранить, браните, а драться больше не извольте!—Баринъ посмотрѣлъ на меня, да и говоритъ: Оська, да ты съ ума что ли сошелъ?! Забылъ, кто я и кто ты! — Нѣтъ, говорю, не забылъ. А только драться вы прекратите, потому—*Парижъ виденъ!..* Такъ съ тѣхъ поръ баринъ меня и не трогалъ.

Въ Парижѣ мы прожили больше года. Я и по-французски тамъ выучился. Баринъ денегъ не жалѣли и я кое-что прикопить успѣлъ. А потомъ поѣхали въ Италію. Въ Марсели баринъ корабль зафрахтовалъ, чтобы въ Чивитта-Векію ѣхать. Пришелъ день отъѣзда, подъѣхали мы въ дормезѣ къ пристани. Баринъ и говоритъ капитану.—Вы, говоритъ, мой дормезъ на палубу поставьте.—А капитанъ говоритъ: у меня для этакой махины мѣста нѣтъ, да и въ условіи объ этомъ не было сказано. Это, говоритъ, не экипажъ, а цѣлый *эдифисъ*. Вы, говоритъ, мнѣ съ нимъ и корабль потопить можете, въ случаѣ чего Боже сохрани. И отказался везти. Тогда баринъ къ начальству обратились, суда просили. Ну, судъ дѣло разобралъ и велѣлъ капитану принять дормезъ на пароходъ. А какъ пріѣхали мы въ Чивитта-Векію, тамъ „*догана*“ и эти папежскіе чиновники такъ въ руку и смотрятъ. Прогнѣвили они чѣмъ-то нашего князя, онъ и сталъ на нихъ кричать.—А!—говорятъ они,—коли такъ, то по нашему *риголаменту* послѣ заката солнца никакого досмотра производить нельзя. У васъ тутъ въ каретѣ, да и на васъ самихъ можетъ какія воспрещенныя вещи спрятаны, такъ мы васъ завтра обыщемъ. А теперь извольте въ каретѣ остаться до утра. И слуга вашъ—тоже, а синьора и синьорина могутъ, коли угодно, въ городѣ переночевать. Баринъ еще пуще стали на нихъ кричать, грозить, что будутъ жаловаться, а они говорятъ: это какъ вамъ будетъ угодно, а мы свое *риголаменто* соблюдаемъ. Слугу, пожалуй, отпустимъ для ухода за дамами, а васъ попросимъ остаться. Затворили дверцы

кареты, да тонкой веревкой три раза вокругъ кузова обмотали и печать приложили. Такъ баринъ до утра и просидѣли. А я отвелъ Энжени мамзель и барышню въ альберго, а когда къ ночи барышня заснули, такъ мы съ Энжени гулять пошли, только такъ, чтобъ баринъ не видѣлъ.

Въ Римѣ баринъ наняли квартиру на небольшой площади. На этой же площади помѣщалось и русское посольство, а посломъ былъ тогда, кажись, генералъ Киселевъ. Только тутъ ужъ баринъ совсѣмъ меня возненавидѣли. Ничѣмъ бывало не могу угодить. Драться не дерутся, а только ругаются скверными словами даже до невозможности. Голосъ у нихъ былъ громкій, какъ труба. Окна, бывало, открыты на площадь,—по всей площади и слышно, какъ они ругаются. Только разъ наругались они и ушли со двора, а изъ посольства приходитъ курьеръ, который меня уже зналъ, да и говоритъ: посланникъ васъ требуетъ къ себѣ. Прихожу я, а посланникъ — такой представительный былъ мужчина — и спрашиваетъ меня: кто это у васъ такъ скверно ругается на всю площадь.—Говорю: кому же у насъ ругаться, кромѣ барина.—Кого же, спрашиваетъ, онъ ругаетъ?—Кого же, говорю, ему ругать кромѣ меня. — За что жъ онъ васъ ругаетъ? Я говорю: не знаю за что, а только онъ у насъ ндравный. Всего недавно драться пересталъ... Я-то признаться, зналъ, за что баринъ такъ ужь на меня взъерепенился, да не сказалъ посланнику. Страмить его не хотѣлъ! А онъ, по правдѣ говорить, послѣ Чивитта-Векіи возревновалъ меня къ Энжени мамзель.—Что же и были основанія?—спросилъ одинъ изъ насъ.—Бѣляевъ снисходительно улыбнулся, замолчалъ и нѣсколько мгновеній глядѣлъ задумчиво въ даль, потомъ вздохнулъ и отвѣтилъ: Э-эхъ, господа! Что было, то прошло, а только, какъ же, помилуйте! Я былъ человѣкъ молодой, что называется „въ соку", а она—извѣстно *французина.* Его же два раза въ недѣлю іодомъ приходилось мазать...—и продолжалъ свой разсказъ. Вотъ посланникъ и говоритъ мнѣ: да чего вы съ нимъ связались? — Я ихній крѣпостной. — Здѣсь нѣтъ крѣпостныхъ, и если вы отъ него уйдете, то васъ здѣсь никто не тронетъ. — Куда же мнѣ дѣваться? спрашиваю я. — Да можете здѣсь въ посольствѣ пробыть нѣсколько дней, а тамъ пріищете себѣ занятія.— Я повторять этого себѣ не заставилъ; пошелъ домой, собралъ свой чемоданчикъ, да и перешелъ въ посольство. На другой день баринъ, узнавъ про это наканунѣ вечеромъ, пришли къ посланнику объясняться. Что ужъ они промежду себя говорили—мнѣ неизвѣстно, а только баринъ вышелъ отъ него весь красный и никакихъ правъ больше на меня не предъявлялъ.

Такъ я и остался на всегда за границей. Тянуло меня во Францію.

ереПѣхалъ я въ Парижъ, гдѣ въ то время было много бѣглецовъ изъ Польши, сошелся съ однимъ полякомъ и открыли мы *эстаминетъ* около барьеръ де л'анферъ. Дѣла у насъ пошли хорошо, а особенно много бывало у насъ этихъ самыхъ эмигрантовъ, которымъ не только что польская, но даже и моя русская рѣчь были пріятнѣе, чѣмъ, многимъ совершенно назнакомая, французская. Такъ прошло еще года три. Я совсѣмъ оперился и имѣлъ капиталъ въ 7.000 франковъ; ходилъ съ тросточкой, при часахъ,—ну, словомъ ни дать, ни взять парижанинъ. Только, иду я разъ по улицѣ и прямо попадаю на барина, который ѣдетъ въ фіакрѣ. Онъ меня узналъ, да и кричитъ: Бѣляша, Бѣляша! Ты ли это, другъ любезный?—Меня даже въ жаръ бросило отъ радости за такое его слово. Подошелъ я къ нему, шляпу снялъ, а онъ улыбается, да и говоритъ: кувре ву, мосье. Сталъ меня разспрашивать что и какъ? да и говоритъ: приди-ка, Бѣляша, завтра ко мнѣ. Мы съ тобой по душѣ потолкуемъ. Я спросилъ о барышнѣ, а онъ и говоритъ: барышни ужъ нѣтъ; она въ Римѣ померла, и я ея тѣло отвезъ въ Россію, а потомъ ужъ сюда вернулся съ Энжени... Чай помнишь? говоритъ—и на меня эдакъ глазомъ коситъ. Перекрестился я, пожелалъ барышнѣ Царства Небеснаго, и разстались мы. На другой день прихожу къ барину, постучалъ молоткомъ въ дверь — тогда не вездѣ звонки были, а молотки при дверяхъ висѣли — мнѣ и отворяетъ Галактіонычъ, старый буфетчикъ, котораго баринъ вмѣсто меня въ камардины взялъ. Впустилъ меня въ переднюю, а самъ пошелъ докладывать и слышу говоритъ барину: французъ какой-то пришелъ, васъ спрашиваетъ; прикажете принять, ваше сіятельство? А баринъ, слышу, отвѣчаютъ: знаю я какой это французъ! Проси, проси.—Вотъ Галактіонычъ кивнулъ мнѣ головой на дверь барской комнаты, да и пошелъ за мной, неся большой серебряный подносъ съ кофіемъ. Вошли мы и покуда онъ, держа подносъ, дверь за собой ногою затворялъ, баринъ встали, пошли мнѣ навстрѣчу, протягиваютъ руку и говорятъ: а-а, Бѣляша, другъ любезный!—Какъ увидалъ и услыхалъ это старикъ Галактіонычъ, такъ даже въ лицѣ весь измѣнился. Поставилъ подносъ съ размаху на столъ, махнулъ рукою, да и говоритъ: пропала барская честь! А потомъ заплакалъ и вышелъ вонъ.

Вотъ и приспособилъ меня баринъ къ себѣ. Требуетъ чуть не каждый день, даетъ разныя порученія. Туда сходи, то исправь, тамъ навѣдайся, купи, перемѣни! Я-то все это за его ласку съ дорогой душой дѣлалъ, а только дѣла свои по эстаминету (питейное заведеніе) очень запустилъ. Разъ какъ-то баринъ мнѣ и говорятъ:—послушай, Бѣляша, ты вѣдь вѣроятно при деньгахъ, а я, повѣришь ли мнѣ, хлѣбъ на корню за два года впередъ продалъ. Имѣніе давно заложено въ опекунскомъ

совѣтѣ и процентовъ вотъ ужъ сколько времени не платилъ: не изъ-чего! Раззорила меня въ конецъ Энжени, а теперь вотъ бросила на старости лѣтъ. День и ночь только и думаю, какъ бы домой вернуться, да около родителей, покойницы жены и дочки косточки свои въ родной землѣ сложить. Помоги ты мнѣ! Вѣришь ли: выѣхать изъ Парижа не съ чѣмъ, за дорогу заплатить не могу. У тебя есть деньги, говори?!— Грѣшный человѣкъ! Обманулъ я ихъ тогда... Прости мнѣ Господи мои прегрѣшенія! У меня было 7.000 франковъ, а я сказалъ, что у меня всего пять.—Принеси ихъ мнѣ, говоритъ князь.—Принесъ я, и они вскорости собрались уѣзжать. Пошелъ я ихъ проводить въ контору почтовыхъ экипажей, сѣли они, поцѣловалъ я ихъ ручку, а они меня въ лобъ, да и говорятъ: не хорошо, Бѣляша, что ты отъ меня не по закону ушелъ и на родину вернуться не можешь. Довольно тебѣ бродяжничать... Не хорошо! Ну, да я тобой доволенъ и не къ тому это говорю, а хочу, чтобъ ты по закону жилъ. Вотъ тебѣ бумага, и будешь ты съ ней жить по закону.—Взялъ я бумагу, понялъ, что это—вольная (самъ-то я былъ не грамотный), слезы у меня такъ и полились. Какъ тронулась почтовая карета, такъ, повѣрите-ли, я на колѣнки всталъ и то мѣсто, гдѣ колеса на землѣ стояли, поцѣловалъ. Кругомъ на меня смотрятъ: думаютъ сумасшедшій, а у меня на душѣ херувимы поютъ. Побѣжалъ я въ посольство,— тамъ у меня знакомый секретарекъ былъ. Прямо къ нему. Что вы, говоритъ, Осипъ Васильевичъ, такой необыкновенный? Будешь, говорю, необыкновеннымъ, коли человѣкомъ своего отечества сталъ! Вотъ, говорю, извольте прочитать! А самъ даже отъ радости сидѣть не могу, все по комнатѣ бѣгаю. Прочиталъ онъ бумагу, да и говоритъ: что-же это такое?—Какъ, говорю, что? Вольная! Отпускная!... Онъ покачалъ головой, да и говоритъ: такая это вольная, Осипъ Васильевичъ, что когда вы съ нею на русскую границу пріѣдете, васъ въ желѣза закуютъ, да барину, какъ бѣглаго, и предоставятъ по этапу. Вотъ онъ вамъ какую отпускную написалъ... И объяснилъ онъ мнѣ все, что тамъ было написано. Тошно мнѣ стало на душѣ, заплакалъ я снова, да ужъ по другому. Махнулъ рукой, да и разорвалъ бумагу въ мелкіе клочья... А денежки мои такъ и пропали...—Зачѣмъ же вы ему ихъ давали, послѣ всего, что было? опять спросили мы нашего собесѣдника.—Онъ посмотрѣлъ на насъ удивленно и поучительнымъ тономъ отвѣтилъ: да какъ же не дать? Вѣдь, они же были наши барины... Съ тѣхъ поръ я окончательно остался на чужбинѣ. Товарищъ мой давно уже сталъ ссориться со мной за мои частыя отлучки по порученіямъ князя. А когда я ему сказалъ, что у меня осталось только 2.000 франковъ, то онъ все дѣло перевелъ на свое имя, а меня изъ него очень

искусно вывинтилъ, ссылаясь на то, что хочетъ его расширить и я ему по деньгамъ больше не компаньонъ. Разстались мы добромъ, но только послѣ всего этого стало мнѣ въ Парижѣ скучно, я и перебрался снова въ Италію. Здѣсь мнѣ спервоначалу очень не повезло, особливо въ Римѣ, и я все прожилъ, бросаясь отъ однихъ дѣловъ къ другимъ. Чѣмъ только я не былъ! И комиссіонеромъ, и въ маленькомъ театрѣ помощникомъ у завѣдывавшаго гардеробомъ, и чуть въ натурщики у художниковъ не попалъ. У министра графа Фальконе дѣтей обучалъ. — Чему же именно вы ихъ обучали? коварно спросилъ одинъ изъ насъ.—Чему? чему?! окрысился Бѣляевъ. Извѣстно чему: *гулять ихъ водилъ...*

Перебрался я сюда въ Неаполь. Сталъ меня консулъ рекомендовать пріѣзжимъ русскимъ, и вотъ здѣсь-то я удостоился видѣть Государя Императора Николая Павловича. Онъ пріѣхалъ въ рединѣ 40-хъ годовъ въ своихъ экипажахъ съ большой свитой. Король его встрѣтилъ у крыльца Палаццо Реале и колѣно предъ нимъ, говорятъ, хотѣлъ преклонить. Что за красавецъ былъ! Экипажи его, однако, дорогой пообились и пообтрепались. Надо было ихъ исправить и подновить. Своихъ мастеровъ съ нимъ для этого было мало. Вотъ и наняли итальянцевъ—маляровъ и кузнецовъ—и пошли у нихъ съ русскими ссоры. Извѣстно, другъ друга не понимаютъ! Наши-то привыкли командовать... Ну, а у здѣшнихъ подлецовъ чуть-что сейчасъ за ножи, сейчасъ кольтеллата (coltellata). Вотъ консулъ меня и рекомендовалъ среди нихъ въ переводчики. Дѣло пошло ладнѣе. Разъ какъ-то работаютъ мои ребята, и вдругъ русскіе говорятъ промежъ себя: государь, государь сюда идетъ. Смотрю—и точно! У меня даже въ глазахъ потемнѣло. Спрятался я за кузовъ одной кареты и стою ни живъ, ни мертвъ, а онъ подошелъ къ русскимъ и говоритъ: ну что ребята? Не ссоритесь, съ итальянцами?—Никакъ нѣтъ, Ваше Величество.—А какъ вы съ ними объясняетесь?—У насъ, Ваше Величество, есть русскій переводчикъ, здѣшній.—Гдѣ же онъ? спрашиваетъ государь. Тѣ меня и зовутъ: Бѣляевъ, Бѣляевъ! Государь-Императоръ тебя спрашиваетъ.—Вышелъ я изъ-за кареты, сталъ, а земля изъ-подъ ногъ такъ и уходитъ, такъ и уходитъ... Николай Павловичъ пошелъ прямо на меня. Подошелъ совсѣмъ близко, взглянулъ мнѣ въ глаза грозно, да и спрашиваетъ: ты эмигрантъ? Политическій?—Никакъ нѣтъ, отвѣчаю, Ваше Императорское Величество. Я — русскій, бѣглый дворовый князя К... Онъ на меня посмотрѣлъ еще разъ пристально, да и говоритъ: такъ вотъ ты кто! Ну, продолжай себѣ переводить! Повернулся и ушелъ. Всѣ меня стали поздравлять, а ужъ съ чѣмъ, право, не знаю. Голова у меня была какъ въ туманѣ, и я даже, повѣрите ли, заболѣлъ отъ по-

трясенія. Съ тѣхъ поръ дѣла мои пошли хорошо, особливо, когда стала наѣзжать въ Неаполь покойная супруга Николая Павловича, Императрица Александра Ѳедоровна. Тутъ ужь я завсегда при ея дворѣ ютился, и дѣла было много, да и выгода была;—ужь не говоря о царицѣ, а и баре русскіе тогдашніе за цѣной не стояли, не то что теперешніе, у которыхъ на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ-то щелкъ; только слава одна, что русскіе!—Какихъ тутъ порученій мнѣ ни приходилось исполнять! Какихъ людей не насмотрѣлся... Хоть-бы вотъ старушка раскольница, что въ своей телѣжкѣ, на своей лошади изъ Россіи къ батюшкѣ Николаю Чудотворцу въ Бари приплелась! Изволите это вы себѣ представить?! И вѣдь не говорила ни покаковски, окромя какъ по-русски!—А то еще былъ присланъ въ Бари архимандритъ отъ Синода,—мощи осмотрѣть и все прочее, потому что наше правительство одно время хотѣло эти мощи купить и въ Россію перевезти. Меня и назначили съ нимъ ѣхать. Королевское правительство распорядилось всѣмъ префектамъ и другимъ начальствамъ предписать, чтобы русскому архимандриту всякій почетъ оказывали. Святой это человѣкъ былъ! Ѣдемъ мы съ нимъ въ каретѣ, а въ ногахъ у него мѣшокъ съ деньгами на расходы и деньги-то все крупныя... *Скуди* они тогда назывались. А въ окна такъ и лѣзутъ съ протянутыми руками нищіе: синьоръ, синьоръ, уна пикола монета, соно векіо, соно амалато! Онъ и говоритъ: дай ему монету. —Да у насъ мелкихъ нѣтъ,—говорю.—Ну дай крупную!— Ваше высокое преосвященство, говорю я, да вѣдь это народъ такой, что каждаго изъ нихъ купить, продать и снова купить, такъ онъ такой монеты не сто́итъ. Вѣдь, эдакъ вы всѣ деньги раздадите.— А онъ мнѣ въ отвѣтъ: да ты христіанинъ или нѣтъ? Православный ли ты человѣкъ? Крестъ-то на тебѣ есть? Ты птицъ небесныхъ видалъ? Вѣдь не жнутъ, не сѣютъ, а кто ихъ кормитъ! Дай ему крупную монету... Просто, бывало, злость беретъ!—Пріѣхали мы въ первый городъ по дорогѣ. Тамъ въ префектурѣ обѣдъ готовъ чудесный съ винами и ночлегъ. Кровати широчайшія и одѣяла атласныя. Онъ, какъ взглянулъ на все это, да и говоритъ мнѣ: это что еще?! я по такому святому дѣлу ѣду, а тутъ такой соблазнъ, сущее дьявольское навожденіе! Нѣтъ, ты, Осипъ Васильевичъ, оставайся, коли тебѣ всё это лакомо, а я пойду назадъ въ карету, и коли нельзя сейчасъ дальше ѣхать, такъ и ночь тамъ просижу. А ты, голубчикъ, раздобудь мнѣ вареной картошки, да сольцы щепотки двѣ. Я пожую, да и буду славить моего Господа...—Префектъ въ мундирѣ стоитъ, кланяется, проситъ. Ничего и слышать не хочетъ мой архимандритъ. Ну что жъ, свелъ я его въ карету, досталъ ему картофелю, да и говорю: благословите потрапезовать! — Иди,

иди, говоритъ, чревоугодничай! — Ну я пошелъ, все пріѣлъ, да подъ атласнымъ одѣяломъ и заснулъ, а на утро, какъ поѣхали дальше, онъ мнѣ и говоритъ: это все ты, окаянный, сластолюбія своего ради, мнѣ такія встрѣчи устраиваешь? — Помилуйте! говорю — ваше высокое преосвященство! Да вѣдь это отъ короля такое распоряженіе.—Что ты грѣшишь, что ты лжешь! станетъ такое лицо обо мнѣ худомъ думать! Это все ты! Покайся, говоритъ.—Да и началъ меня чуть не исповѣдывать. Ну ужь и натерпѣлся я съ нимъ...

— А не тянетъ васъ въ Россію—спросили мы.—Какъ вамъ сказать? Прежде очень тянуло, а потомъ женился, дѣти пошли, вотъ и обвыкъ здѣсь. Опять же и холодно въ России. Тутъ, лѣтъ семь тому назадъ купецъ русскій пріѣзжалъ, хорошій человѣкъ. Мы съ нимъ мѣсяца два душа въ душу жили. Какъ уѣзжать, онъ и говоритъ: Поѣдемъ со мной, Осипъ Васильевичъ. Я тебя на свой счетъ свезу и *риторно* тебѣ заплачу. По крайней мѣрѣ родную землю посмотришь. Я и соблазнился. Поѣхали мы зимой, доѣхали до Гардскаго озера, а оно, повѣрите ли, у одного берега замерзло. Такъ мнѣ это холодно показалось, да и раздумье меня взяло. Тамъ, думаю, что дальше, то больше холоднѣе станетъ. Вотъ я и отпросился домой. Нѣтъ, ужъ, мнѣ здѣсь и дни свои скончать. Опять же и порядки русскіе мнѣ не нравятся. Помилуйте! На что же это похоже!? *Крѣпостныхъ* тамъ теперь нѣтъ. Это вовсе напрасно сдѣлано. Вотъ вамъ удивительно, что я это говорю, бывшій бѣглый дворовый, а я вамъ по совѣсти скажу: нельзя, чтобы господъ не было! Въ тѣ времена всякій бывалъ къ своему дѣлу опредѣленъ, а теперь что?—только слава, что свободный. А кто о немъ позаботится? Конечно, итальянцамъ этого не понять, да вѣдь они народъ непутевый. Вотъ хоть-бы у насъ въ Неаполѣ. Пока былъ Бурбонъ и порядокъ былъ и все, какъ слѣдуетъ, а теперь этому Виктору Эммануилу одна слава, что король, да усы ограмадные, а я-бы за него десяти чентезимовъ не далъ. Тоже, король называется! Вотъ нашъ Николай Павловичъ такъ ужь точно былъ король!—Королямъ король!!...

Онъ вышелъ насъ провожать на улицу все въ томъ же настроеніи критическаго ко всему отношенія. Передъ домомъ стоялъ полицейскій въ своей треуголкѣ. —Тоже полиція называется! презрительно воскликнулъ Бѣляевъ... Полицейскій привѣтливо кивнулъ ему головой. Бѣляевъ подошелъ къ нему, хлопнулъ его по плечу и ласково взялъ за длинную эспаньолку.— Volete andare in Russia? —И тотчасъ перевелъ это по-русски такими словами: хочешь въ Петербургъ, къ нашему Трепову поступить?—Полицейскій засмѣялся и въ свою очередь потрепалъ его по плечу, сказавъ добродушно: hé! Signore Bellà— buffone!—Эхъ—ты, макаронщикъ!—воскликнулъ

Бѣляевъ и обратился къ намъ, предлагая свои услуги при отправленіи нашемъ на желѣзную дорогу.—Вы ужъ не извольте безпокоиться, сказалъ онъ намъ. Я пораньше приду и ваши *bagagli* сдамъ. Мы заказали ему прислать въ Россію вина,—что онъ исполнилъ впослѣдствіи весьма добросовѣстно—и на другой день предо мною въ послѣдній разъ промелькнула его добродушная русская физіономія съ маленькимъ оттѣнкомъ итальянскаго лукавства.

Тридцать четыре года прошло съ тѣхъ поръ... Вѣроятно, его уже нѣтъ въ живыхъ, но я считалъ нужнымъ записать свои о немъ воспоминанія, какъ о представителѣ отжившаго міра и безсознательномъ героѣ цѣлой крѣпостнической эпопеи.

Санъ-Ремо. 1907.

А. Ѳ. Кони.

Покойный Владиміръ Васильевичъ Стасовъ всегда очень высоко ставилъ Чаадаева, считалъ судьбу его – судьбу человѣка и мыслителя заживо обреченнаго на молчаніе смерти — безпримѣрной по своей трагичности, хотя исторія нашей литературы представляетъ и вообще не мало такихъ, „изъятыхъ изъ обращенія" и въ расцвѣтѣ силъ замолчавшихъ поневолѣ, талантовъ, и сокрушался, что этотъ великій умъ мало извѣстенъ массѣ читающей публики. Какъ только явилась возможность говорить въ печати и издаватъ произведенія, находившіяся такъ долго подъ запретомъ, В. В. привелъ въ исполненіе свое давнишнее намѣреніе: собралъ всѣ сочиненія Чаадаева, какъ вышедшія по-русски, такъ и никогда не появлявшіяся въ русской печати [1]), присоединилъ къ нимъ письма Чаадаева и всѣ наиболѣе замѣчательныя письма къ нему и отзывы о немъ современниковъ и наконецъ составилъ полную библіографію всего о Чаадаевѣ написаннаго. Все это должно было выйти въ 1906 г. — въ годъ пятидесятилѣтія смерти Чаадаева—въ видѣ большого тома, вполнѣ уже готоваго къ печати и даже частью уже начавшаго печататься въ послѣдніе мѣсяцы жизни Влад. Вас.

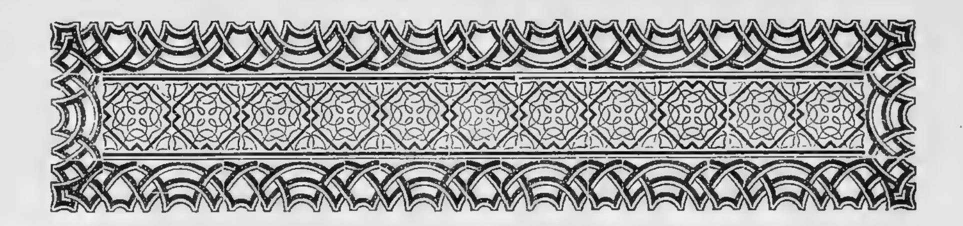
Настоящая статья должна была служить *введеніемъ* къ этому тому, и въ концѣ его, послѣ всѣхъ сочиненій Чаадаева, должно было быть напечатано *заключеніе*, или критическая оцѣнка произведеній, историческаго значенія и личности Чаадаева.

Смерть застала Вл. Вас. за этой работой. Заключительныя строки печатаемой теперь статьи написаны незадолго до смерти, можетъ быть даже лишь за нѣсколько дней, въ ту самую ночь, послѣ которой Вл. Вас. уже болѣе не всталъ.

В. К.

[1]) Переводъ французскихъ статей и писемъ былъ порученъ В. В. Александрѣ Николаевнѣ Шульговской и проредактированъ имъ самимъ. Какъ извѣстно, точная передача Чаадаевскаго французскаго текста представляетъ большія трудности.

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ [1]).

Біографическій очеркъ.

1.

Прошло 50 лѣтъ со времени кончины Чаадаева, но только въ настоящіе дни становится возможнымъ опредѣлить физіономію, характеръ и историческое значеніе этого высокозамѣчательнаго русскаго человѣка-дѣятеля.

Покуда Чаадаевъ былъ живъ, о немъ нельзя было говорить,—онъ былъ подъ опалой; что и писалось и мало, и рѣдко о немъ, то писалось только иностранцами—маркизомъ Кюстиномъ, Жюльвекуромъ, Гакстгаузеномъ,—писалось на иностранныхъ языкахъ, печаталось за границей; въ Россіи возможны были въ печати только—либо грубыя ругательства славянофила Языкова и полицейскаго чиновника Вигеля, или же ничтожные комплименты Сушкова и стишки лихого гусара Дениса Давыдова.

Тотчасъ послѣ смерти Чаадаева, въ 1856 г. дѣло стало измѣняться. Первымъ сталъ указывать Россіи великое значеніе Чаадаева Герценъ въ своей глубоко-талантливой, но даже и до сихъ поръ мало-извѣстной книгѣ: „О развитіи революціонныхъ политическихъ идей въ Россіи". Позже, въ своей „Полярной Звѣздѣ"—Герценъ первый же началъ писать свои воспоминаніи о Чаадаевѣ, съ которымъ былъ близокъ и друженъ въ самую сильную пору его жизни и творчества.

Страницы въ его „Былое и Думы", посвященныя Чаадаеву, принадлежатъ къ числу самыхъ великолѣпныхъ и художественныхъ созданій его; онѣ представляютъ портретъ и опредѣленіе Чаадаева—

[1]) Это послѣдній трудъ В. В. Стасова, который предполагался для помѣщенія во главѣ изданія „Собраніе сочиненій П. Я. Чаадаева". Начато имъ было и „Заключеніе", но оно осталось не оконченнымъ.

несравненны по глубокой правдѣ, блеску и краскамъ его живописи.

Въ теченіе послѣдующихъ годовъ, въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго русскими изслѣдователями сдѣлано очень много для того, чтобы въ нашемъ отечествѣ узнали, наконецъ, все значеніе и всю заслугу одного изъ лучшихъ его сыновей. Благодаря Герцену, Чаадаевъ былъ словно изъ мрака безумнаго чистилища какого-то, поднятъ вверхъ къ свѣту. Послѣ долгаго запрета и полной неизвѣстности онъ сталъ завладѣвать общими симпатіями, получать все болѣе и болѣе высокое мѣсто въ понятіи русскихъ людей. Было еще въ живыхъ не мало друзей и товарищей Чаадаева: одинъ за другимъ они стали писать и издавать „воспоминанія" о покойномъ своемъ дорогомъ человѣкѣ; другіе разыскивали его сочиненія, письма, дотолѣ никому неизвѣстныя, и печатали ихъ; третьи изучали его положеніе среди современнаго ему поколѣнія, его связи, отношенія и знакомства; еще иные разсматривали цѣли и стремленія его мыслей, смыслъ его надеждъ и вѣрованія, искали опредѣлить содержаніе его натуры и физіономіи; наконецъ, еще иные пытались указать значеніе всей жизни и твореній Чаадаева, какъ для современнаго, такъ и будущихъ русскихъ поколѣній.

Многочисленные труды, посвященные изученію Чаадаева—истинный рядъ заслугъ, доставившихъ исторіи русской жизни и русской литературы матеріалъ навсегда цѣнный и прочный.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ сдѣлано до сихъ поръ уже не мало, и личность Чаадаева изображена уже съ разныхъ сторонъ съ опредѣленною ясностью и полнотой. Это все заслуги значительныя.

Но, не взирая на истинное достоинство того, что сдѣлано до сихъ поръ, остается еще многое неизученнымъ и не вполнѣ освѣщеннымъ въ личности и твореніяхъ Чаадаева. На недостаточное изученіе его жаловался еще 30 лѣтъ тому назадъ Пыпинъ, даромъ что самъ сдѣлалъ необыкновенно много и самаго важнаго для настоящаго узнанія и оцѣнки Чаадаева, но и эту самую жалобу нельзя не повторять съ глубокимъ сожалѣніемъ и нынче.

Масса матеріала, касающаяся жизни и твореній Чаадаева, очень велика, и сомнительно, чтобы могли явиться еще новые матеріалы этого же рода—кажется, въ настоящую минуту они уже всѣ исчерпаны. Но уже и то, что есть на-лицо, даетъ возможность приходить къ выводамъ, до сихъ поръ еще не троганнымъ и не пробованнымъ и къ заключеніямъ очень дѣйствительнымъ, но какъ-то странно остававшимся въ тѣни.

Настоящія замѣтки, вовсе не задаваясь намѣреніемъ представить читателю полную характеристику Чаадаева и его твореній, имѣютъ

только цѣлью изложить нѣсколько соображеній, прямо вытекающихъ изъ фактовъ, уже достаточно накопившихся въ настоящее время, но недостаточно оцѣненныхъ и разсмотрѣнныхъ.

По рожденію, воспитанію и по всѣмъ обстоятельствамъ жизни своей, Чаадаевъ былъ аристократъ и идеалистъ. Въ его натурѣ не было ничего ни народнаго, ни демократическаго, ни реалистическаго. И оба эти обстоятельства наложили самую неизгладимую печать какъ на всѣ его мысли и дѣла, такъ и на всѣ его творенія. Родился онъ человѣкомъ очень умнымъ, получилъ въ теченіе своей жизни образованіе очень удовлетворительное, сначала по стараніямъ людей, располагавшихъ его судьбою въ продолженіе его дѣтства и отрочества, а потомъ вслѣдствіе собственныхъ своихъ заботъ и условій; онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и до конца жизни былъ въ постоянномъ общеніи съ людьми замѣчательно высокаго интеллектуальнаго уровня, часто талантливыми, иногда даже геніальными, кругъ чтеній его былъ всегда чрезвычайно обширенъ, такъ что вслѣдствіе всего этого атмосфера, среди которой привелось ему провести всю жизнь, была вполнѣ благопріятная и счастливая. Но не смотря на все это, Чаадаеву никогда не удалось избавиться отъ элементовъ враждебныхъ и вредныхъ, присущихъ его натурѣ и придававшихъ ей, отчасти, колоритъ отрицательный. Да этой отрицательности и нежелательности онъ, повидимому, никогда самъ и не сознавалъ. Многіе предразсудки были всегда истинными пятнами его натуры и дѣятельности.

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ родился въ нижегородскомъ помѣстьи своихъ родителей, по однимъ біографамъ,—27 мая 1793 г., по другимъ—27 мая 1796 г. Онъ былъ внукомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей XVIII-го вѣка. Дѣдъ его, князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ, былъ не только по службѣ своей замѣчательнымъ дѣятелемъ, какъ депутатъ Ярославскаго дворянства въ комиссіи для составленія законовъ—этомъ великолѣпномъ предпріятіи Екатерины II въ лучшую пору ея дѣятельности и намѣреній, но также одинъ изъ раннихъ русскихъ ученыхъ, мыслителей и писателей.

Конечно, онъ еще отстаивалъ съ особенною энергіей сословныя права и привилегіи того дворянства, къ которому самъ принадлежалъ, однако же понималъ уже очень ясно многія отрицательныя стороны современнаго ему царствованія, полнаго лишь чарующаго

престижа для современниковъ; онъ и протестовалъ противъ нихъ въ своихъ писаніяхъ. Екатерина II въ первые годы своего царствованія смотрѣла на него съ такимъ уваженіемъ и съ такими надеждами, что поручила ему разобрать бумаги Петра I и дала ему доступъ въ библіотеки патріаршую и типографскую, но позже совершенно перемѣнилась къ нему, находила его „Исторію" неинтересною, а его самого—лишеннымъ дарованія.

Но и „Исторія" его, и „Путешествіе въ землю Офирскую"— литературныя явленія для своего времени истинно-замѣчательныя.— Чаадаевъ никогда не зналъ и не видалъ своего дѣда. Щербатовъ умеръ въ 1790 году, т. е. за 3 года до рожденія Чаадаева. Чаадаевъ лишился родителей еще въ младенческіе годы свои и остался на попеченіи двухъ своихъ дядей кн. Щербатовыхъ и тетки, пожилой княжны Анны Михайловны Щербатовой. Князья Щербатовы, по всѣмъ разсказамъ люди хорошіе, умные и образованные сдѣлались опекунами и воспитателями сироты-Чаадаева, продолжали выполнять свѣтлыя мысли и завѣты старшаго брата и дали своему племяннику такое хорошее воспитаніе, какое только возможно было въ Россіи, въ началѣ XIX вѣка. Въ это время состояніе Петра Чаадаева и его брата Михаила простиралось до милліона рублей (имѣніе въ Нижегородской губерніи, домъ въ Москвѣ и значительный капиталъ). Жили они зимой въ Москвѣ, въ домѣ у тетки, лѣтомъ въ деревнѣ. Въ раннемъ дѣтствѣ, при Петрѣ Яковлевичѣ Чаадаевѣ былъ дядька англичанинъ, который хотя и пріучилъ его пить грогъ, но эта пагубная пріучка скоро прошла сама собой и не оставила на Чаадаевѣ совершенно никакихъ слѣдовъ.

Къ 12-ти своимъ годамъ Чаадаевъ былъ мальчикомъ чрезвычайно живымъ, бойкимъ, умнымъ, замѣчательно образованнымъ и необыкновенно красивымъ. Среди маленькихъ московскихъ аристократовъ, сверстниковъ его, онъ игралъ, и по характеру, и по степени образованности—первую роль. Жихаревъ говоритъ, что князь Дмитрій Щербатовъ давалъ своимъ двумъ сыновьямъ, а вмѣстѣ съ ними и своимъ двумъ племянникамъ Петру и Михаилу Чаадаевымъ образованіе совершенно необыкновенное, столько дорогое, блистательное и дѣльное, что для того, чтобы найти ему равное, должно подняться на высокія ступени общественнаго положенія. Кромѣ профессоровъ Московскаго университета были между преподавателями Щербатовскаго семейства нѣсколько ученыхъ съ европейскимъ именемъ. Но сверхъ того при своей образованности Чаадаевъ выдавался особенно способностью привлекать къ себѣ другихъ, хотя былъ крайне избалованъ и самоволенъ, и этотъ даръ привлекать къ себѣ симпатіи окружающихъ остался у него на всю жизнь.

Юношей Чаадаевъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ (если не самыхъ первыхъ) въ числѣ франтовъ, модниковъ и знаменитыхъ танцоровъ московскаго большого свѣта, ревностно посѣщалъ балы и собранія, театры, пиры и всякія модныя затѣи—кругъ его знакомства былъ огромный, но въ то же время онъ страстно занимался увеличеніемъ и всевозможнымъ обогащеніемъ своей библіотеки: онъ усердно возился съ московскими книгопродавцами и букинистами, былъ въ перепискѣ съ знаменитымъ парижскимъ книгопродавцемъ и издателемъ Дидо́ и, по словамъ одного изъ значительнѣйшихъ своихъ біографовъ, искалъ бесѣдъ съ „знаменитостями" о предметахъ религіи, науки и искусства. Но горячій и заносчивый патріотизмъ былъ ему столько свойственъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, что однажды лѣтомъ 1807 года, т. е. когда ему было всего лѣтъ 14, услыхавъ о заключеніи тильзитскаго мира между Наполеономъ и русскимъ правительствомъ, онъ въ досадѣ и отчаяніи убѣжалъ изъ дому и забился въ рожь, а когда его тамъ нашли, онъ съ горькимъ плачемъ объявилъ, что домой не вернется и не хочетъ присутствовать при представленіи, устроенномъ у нихъ въ домѣ въ знакъ празднованія, потому что „этотъ миръ—пятно для Россіи и униженіе для государства"...

Въ другой разъ, когда полицейскій частный приставъ пріѣхалъ въ Москвѣ въ домъ Щербатовыхъ отбирать нѣмецкую печатную реляцію объ Асперискомъ сраженіи, то Чаадаевъ отдалъ приставу листъ, но рѣзко заявилъ, что „недостойно русской политики раболѣпствовать передъ Наполеономъ до того, чтобъ утаивать его неудачи"... Мелкимъ же спорамъ и столкновеніямъ въ семействѣ не было конца и при этомъ „острый, смѣлый и бойкій мальчикъ почти всегда бралъ верхъ надъ важнымъ и строгимъ опекуномъ и дядей, княземъ Дмитріемъ Щербатовымъ"...

Осьмнадцати лѣтъ Чаадаевъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи вмѣстѣ со своимъ братомъ Михаиломъ, но остался тамъ недолго, ему по тогдашней аристократической модѣ и по примѣру дѣда и дядей, пришлось поступить въ военную службу, въ гвардію, и хотя къ этого рода должности у него не было никакой склонности, ни способности, онъ оставался военнымъ, можно сказать, по инертности и по принятой складкѣ, цѣлыхъ 10 лѣтъ. Лишь внѣшнія обстоятельства, о которыхъ говорено ниже, заставили его покинуть совершенно несвойственную ему дѣятельность и перейти къ той, которая была ему пріятна, дорога и вполнѣ свойственна. Въ 1811 году Чаадаевъ былъ привезенъ въ Петербургъ и 12 мая 1812 г., т. е. 19 лѣтъ, поступилъ въ гвардію, и именно въ тотъ самый Семеновскій полкъ, считавшійся первымъ по всей

гвардіи, въ который, за 60 лѣтъ ранѣе его, поступилъ въ 1750 г., 17-ти же лѣтнимъ юношей—его дѣдъ князь Мих. Мих. Щербатовъ, и въ которомъ также служилъ въ началѣ XIX вѣка одинъ изъ его двухъ дядей, князь Дмитрій Михайловичъ Щербатовъ, его опекунъ.

Юнкеромъ Семеновскаго полка Чаадаевъ присутствовалъ, въ 1812 году, на Бородинскомъ сраженіи, въ самый день сдачи Москвы былъ произведенъ въ офицеры, участвовалъ потомъ въ Кульмскомъ и Лейпцигскомъ сраженіяхъ, а потомъ годы 1813-й и 1814-й со своимъ полкомъ участвовалъ въ разныхъ битвахъ на французской территоріи и нѣсколько времени прожилъ въ Парижѣ. Въ 1813 г. Чаадаевъ перешелъ изъ пѣхоты въ кавалерію, изъ Семеновскаго полка въ Ахтырскій гусарскій, а воротившись въ Россію, былъ переведенъ въ началѣ 1815 г. на службу въ лейбъ-гусарскій полкъ, издавна квартировавшій въ Царскомъ Селѣ. Здѣсь произошелъ фактъ, имѣвшій громадное значеніе въ жизни Чаадаева. Онъ познакомился съ Пушкинымъ.

2.

Пушкинъ поступилъ въ лицей въ 1811 году при самомъ его основаніи и прожилъ въ немъ 6 лѣтъ, до средины 1817 года, когда вышелъ изъ него по окончаніи курса. Въ то время, между царскосельскими лицеистами и царскосельскими гусарскими офицерами существовали близкія товарищескія отношенія. Когда Чаадаевъ и Пушкинъ сошлись, первому было 23 года, второму 17 лѣтъ.

У Пушкина не было до тѣхъ поръ ни одного особенно значительнаго знакомства, онъ еще не встрѣчалъ ни одного товарища, юноши, выходящаго изъ ряду вонъ по интеллектуальности, по образованности. У Чаадаева подобная счастливая встрѣча уже произошла. Онъ поступилъ въ Московскій университетъ 17-ти лѣтнимъ юношей въ 1810 году, въ одно время съ такимъ же юношей, какъ онъ самъ, и которому также предстояло сдѣлаться впослѣдствіи одною изъ великихъ русскихъ славъ—съ Грибоѣдовымъ. Оба юноши получили хорошее домашнее образованіе, уже много читали русскаго и иностраннаго, въ томъ числѣ и древнихъ классиковъ, а университетъ еще много прибавилъ въ образованіи ихъ обоихъ, особенно вслѣдствіе самаго благодатнаго вліянія на нихъ профессора Булэ, читавшаго курсы исторіи, философіи и эстетики. Чаадаевъ и Грибоѣдовъ быстро сошлись и подружились, и самыя задушевныя, симпатичныя отношенія продолжались между ними, не взирая на продолжительные перерывы ихъ личныхъ сношеній и встрѣчъ, до самой смерти Грибоѣдова въ 1829 году.

Ихъ любимый профессоръ Булэ, вопреки всѣмъ царствовавшимъ въ то время понятіямъ, модамъ и вкусамъ, совѣтовалъ юношамъ не поступать на военную службу, но они не послѣдовали его совѣту и оба пошли именно на эту службу: Чаадаевъ поступилъ юнкеромъ въ гвардейскій Семеновскій полкъ въ 1812 году, Грибоѣдовъ—въ Московскій гусарскій полкъ графа Салтыкова въ томъ же 1812 г. Такимъ образомъ оба были гусарами.

Такого человѣка Пушкинъ еще не встрѣчалъ на своемъ вѣку. Среди толпы молодыхъ, веселыхъ, беззаботныхъ, наслаждающихся всѣми благами жизни, праздныхъ гусарскихъ офицеровъ, такой гусаръ, какъ Чаадаевъ, серьезный мыслитель, глубокій художникъ, не могъ не остановить на себѣ вниманія кипучаго, страстнаго, прожигающаго жизнь, но поэта и глубокаго мечтателя, какимъ былъ юноша Пушкинъ. Два талантливые, хотя и совершенно разные по натурѣ и характеру, молодые человѣка быстро познакомились, оцѣнили другъ друга и сошлись. Они часто видались, бесѣдовали, спорили, совѣщались. Въ одномъ стихотвореніи 1821 года, т. е. скоро послѣ выхода изъ лицея, Пушкинъ писалъ:

О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки!
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель.
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
И счастливъ буду я......

Но еще ранѣе посланія 1821 года Пушкинъ, увидавъ портретъ Чаадаева, написанный въ формѣ офицера Ахтырскаго гусарскаго полка, писалъ въ 1817 году, около времени своего выхода изъ лицея:

Онъ высшей волею небесъ
Проводитъ жизнь на службѣ царской.
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ,
У насъ онъ офицеръ гусарскій.

Таково было громадно-высокое мнѣніе, которое во время его юношества образовалось у Пушкина о Чаадаевѣ. Этотъ послѣдній былъ для него и глубокій мудрецъ, и проницательный наблюдатель

современной жизни, человѣкъ способный на великія историческія дѣла, будущій народный трибунъ. „Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ“ написалъ Пушкинъ, а въ своей „Запискѣ о народномъ воспитаніи“ говоритъ: надо представлять Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечественныхъ. И потому Пушкинъ жаждалъ его мыслей и указаній, въ одномъ направленіи съ нимъ высказывалъ въ молодыхъ стихотвореніяхъ своихъ мысли вольнолюбивыя.

Правда, ихъ обоихъ скоро постигло разочарованіе, они скоро увидѣли, что многимъ ихъ надеждамъ не суждено осуществляться, и лишь черезъ немного мѣсяцевъ послѣ выпуска изъ лицея Пушкинъ уже писалъ въ посланіи къ Чаадаеву:

Любви, надежды гордой славы
Не долго тѣшилъ насъ обманъ.
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ.
Но въ насъ кипятъ еще желанья...
Пока надеждою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.

И вотъ весь наполненный идеей — служить своему отечеству, свободѣ и прогрессу, какъ и Чаадаевъ, вѣрный его товарищъ, другъ, руководитель и наставникъ, Пушкинъ писалъ свою „Оду на свободу“ 1817 г., стихотворенія: „Свободы сѣятель пустынный, я рано вышелъ, до звѣзды“ (1823), въ то же время пламенный привѣтъ освобождающейся Греціи: „Возстань, о Греція, возстань!“ (1823), и въ то же время огромную массу пламенныхъ, страстныхъ эпиграммъ, въ которыхъ онъ бичевалъ своимъ могучимъ стихомъ всѣ тѣ злобныя невѣжественныя личности, которыя изъ всѣхъ силъ старались мѣшать свободѣ и росту русскаго своего отечества и ревностно пробовали затушить его понятія и интеллектъ. „О муза пламенной сатиры, прійди на мой призывный кличъ“, восклицалъ Пушкинъ и сыпалъ свои огненныя эпиграммы на всѣхъ главныхъ дикарей и варваровъ тогдашняго русскаго властительнаго міра.

Еще въ 1819 году, скоро послѣ лицея Пушкинъ писалъ своему бывшему товарищу князю Горчакову (впослѣдствіи канцлеру):

Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
Опасною прельщенный суетой,
Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорѣлъ въ чаду большого свѣта
И отдохнуть убрался я домой...

...Мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсъ счастливая семья...
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены,
Гдѣ Бутурлинъ [1]) невѣждъ законодатель,
Гдѣ Шеппингъ [2]) царь и скуки предсѣдатель,
Гдѣ глупостью единой всѣ равны...
И ты, Харитъ любовникъ своевольный,
Пріятный лжецъ, язвительный болтунъ
По-прежнему острякъ небогомольный,
По-прежнему философъ и шалунъ,
И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ,
И милый кругъ друзей моихъ умножь.

Въ томъ же 1819 году Пушкинъ писалъ про князя Ал. Ник. Голицына, министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, производившаго громадный вредъ въ нашемъ отечествѣ, вслѣдствіе своего ретроградства, изступленнаго мистицизма и низкихъ интригъ.

Вотъ Хвостовой покровитель,
Вотъ холопская душа,
Просвѣщенія губитель,
Покровитель Бантыша [3]),
Напирайте, Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ!
Не попробовать ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.

Но въ то же время Пушкинъ разилъ своими великолѣпными стихами и архимандрита Фотія, врага кн. Голицына, но тоже изувѣра, отчаяннаго обскуранта и корыстолюбца, завладѣвшаго всѣми помышленіями и громадными имѣніями графини Орловой, дочери гр. Алексѣя Орлова, одного изъ свирѣпѣйшихъ „Орловъ" Екатерининскаго времени:

Полу-фанатикъ, полу-плутъ,
Ему орудіемъ духовнымъ—
Проклятье, мечъ, и крестъ, и кнутъ.

---

[1]) Бутурлинъ—въ то время флигель - адъютантъ, впослѣдствіи военный историкъ, членъ Государственнаго Совѣта, предсѣдатель цензурнаго комитета.

[2]) Баронъ Шеппингъ въ то время кавалергардскій ротмистръ, флигель-адъютантъ.

[3]) Хвостова и Бантышъ изувѣры, ханжи и мистики того времени.

Пошли намъ, Господи, грѣховнымъ
Поменьше пастырей такихъ
Полу-благихъ, полу-святыхъ...

Но кромѣ поклонниковъ насилія и хвалителей кнута въ области духовныхъ дѣлъ, Пушкинъ разилъ своими громами тоже и дѣятелей литературныхъ, на которыхъ никто не нападалъ, которыхъ всѣ хвалили за талантъ и высоко чтили за заслуги, но которые все-таки распространяли средь русскаго общества взгляды зловредные; нападалъ на Карамзина, автора „Россійской исторіи" и записки „О старой и новой Россіи"—и нападалъ не взирая на то, что былъ хорошо знакомъ съ Карамзинымъ, бывалъ у него въ домѣ и въ литературномъ отношеніи смотрѣлъ на него съ почтеніемъ.

Въ превосходномъ стихотвореніи „Передъ бюстомъ завоевателя" Пушкинъ писалъ:

Напрасно видятъ тутъ ошибку:
Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела;
Не даромъ ликъ сей двуязыченъ,
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противорѣчіямъ привыченъ,
Въ лицѣ и жизни арлекинъ.

Многіе смотрѣли тогда, среди русской публики, какъ-то легко и поверхностно на эти эпиграммы, посланія, оды; все это имъ казалось баловствомъ, капризомъ, шалостью юнаго начинающаго поэта, что Пушкинъ хотѣлъ только „срывать улыбку нѣкоторыхъ сорванцовъ и подлецовъ" (слова кн. Вяземскаго) [1]... Но самъ Пушкинъ смотрѣлъ иначе. Онъ высоко цѣнилъ эти свои произведенія и говорилъ, что изъ всего, что приходилось „предать забвенію" изъ его произведеній, вслѣдствіе цензуры, онъ всего болѣе жалѣетъ о своихъ эпиграммахъ.

Въ 1823 году Пушкинъ писалъ:

О муза пламенной сатиры,
Приди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювенала бичъ!

---

[1]) Нельзя, кажется, удивляться словамъ кн. Вяземскаго, написаннымъ лѣтъ 90 тому назадъ, коль скоро на нашемъ вѣку, въ 1898 году, такой образованный, умный и талантливый человѣкъ, какъ Влад. Серг. Соловьевъ, могъ упрекать Пушкина въ его эпиграммахъ и называть его изданія эпиграммы на злого, вреднаго и бездарнаго Каченовскаго „недостойными личными выходками".

Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята подлецы,
Впередъ! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда,
А если же кого забуду—
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!

И когда на Пушкина летѣли проклятья, брань, свистъ цѣлой массы невѣждъ - современниковъ, Пушкинъ чувствовалъ жестокую обиду и оскорбленіе. Онъ страдалъ. Онъ писалъ князю Вяземскому: „Если уже и князь Вяземскій (такъ думаетъ), то что же прочіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю".

И все-таки эти могучіе поэтическіе протесты имѣли громадную историческую важность для современниковъ. Эпиграммы и сатиры Пушкина расходились въ тысячахъ копій по Россіи и читалась съ жадностью „Ода на свободу".

Въ эпиграммѣ на новороссійскаго генералъ-губернатора Пушкинъ говорилъ:

Полу-милордъ, полу-купецъ,
Полу-мудрецъ, полу-невѣжда,
Полу-подлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

Но сколько ни было въ то время нападокъ на Пушкина съ разныхъ сторонъ, его оставляли въ покоѣ и своею личностью онъ не былъ принужденъ платиться. Но онъ написалъ еще одну чудную и мощную эпиграмму на лютаго и злобнаго временщика того періода, невѣжду и варвара Аракчеева, тогдашняго полновластнаго владыку Россіи:

Всей Россіи притѣснитель
Губернаторовъ мучитель,
И Совѣта онъ учитель,
. . . .
Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести,
Кто жъ онъ „преданный безъ лести"?
Просто фрунтовой солдатъ.

И это уже не прошло для Пушкина даромъ: рѣшено было сослать Пушкина въ Соловецкій монастырь или даже въ Сибирь. Это рѣ-

шеніе страшно поразило Чаадаева. Кара постигла того человѣка, который былъ для него не только самый дорогой другъ, но также глубокій сочувственникъ всѣхъ его мыслей, надеждъ и мечтаній. Онъ мгновенно, не взирая на поздній вечерній часъ, бросился къ Карамзину, пользовавшемуся великимъ довѣріемъ и силою во мнѣніи Императора Александра I, и умолялъ его, не откладывая, тотчасъ же на слѣдующее утро явиться къ Императору и ходатайствовать за Пушкина. Александръ I и самъ любилъ великаго русскаго юношу-поэта, несмотря на всѣ его эпиграммы и сатиры самыя ѣдкія, и не только съ удовольствіемъ читалъ разныя произведенія его, доходившія до него то черезъ петербургскаго генералъ-губернатора Милорадовича, то черезъ командира гвардейскаго корпуса, Васильчикова, при которомъ Чаадаевъ состоялъ адъютантомъ,—но даже иногда приказывалъ передать Пушкину его удовольствіе и сочувствіе. И все-таки вслѣдствіе постороннихъ вліяній, Александръ I считалъ въ то время необходимымъ выслать Пушкина изъ Петербурга и отправить въ дальнюю ссылку. Однако же представленіе Карамзина и графа Милорадовича—генералъ-губернатора подѣйствовали, и велѣно было сослать Пушкина не на Сѣверъ въ Соловецкій монастырь, а на Югъ, на службу при канцеляріи губернатора генерала Инзова, начальника переселенческаго управленія. Въ эпилогѣ къ поэмѣ своей „Русланъ и Людмила“ Пушкинъ глубоко тронутый, писалъ въ 1820 году:

... Грозы незримой
Сбиралась туча надо мной.
Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возвратила миръ,
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящій младости кумиръ...

Въ своемъ посланіи къ Чаадаеву Пушкинъ писалъ въ слѣдующемъ 1821 году:

Ничто не замѣнитъ единственнаго друга,
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
И, неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!

Несмотря, однако, на всѣ эти лучшія надежды и ожиданія, Пушкину не пришлось посвятить свой вѣкъ и свои чувства дорогому другу. Судьба ихъ разбросала вдаль одного отъ другого. Событія жизни сложились у каждаго изъ нихъ двухъ совершенно иначе и уже ничего общаго не имѣли. Образъ мыслей у каждаго изъ нихъ также сложился совершенно иначе на свой особенный ладъ.

Съ 1820 года и начинается разлука Чаадаева и Пушкина. Имъ болѣе никогда не привелось жить, какъ въ юношескіе годы, долгое время вмѣстѣ. Они разъѣхались въ дальнія стороны и лично видались уже рѣдко и мало.

Пушкинъ, высланный изъ Петербурга, принужденъ былъ странствовать по разнымъ краямъ Россіи въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ. Сначала онъ жилъ на Югѣ, въ Новороссіи, въ Елисаветградѣ, Кишиневѣ, Одессѣ, въ Крыму и на Кавказѣ, наконецъ съ 1824 года жилъ въ своей деревнѣ, селѣ Михайловскомъ, въ Москвѣ и Петербургѣ; въ этомъ послѣднемъ городѣ остался до самой своей кончины въ 1837 году.

Великосвѣтская и придворная жизнь всегда его тяготила. Онъ на нихъ постоянно жаловался и въ бесѣдахъ съ друзьями, и въ письмахъ, и во всѣхъ созданіяхъ своихъ.

Онъ цѣнилъ теперь болѣе всего деревенскую жизнь, природу, одиночество, бесѣду съ самимъ съ собою, съ мечтами и мыслями, рисующими или его собственную личность или личность, изображаемую его творческимъ воображеніемъ. Его великій, необычайный талантъ все болѣе и болѣе росъ, крѣпчалъ и великолѣпно расцвѣталъ въ чудныхъ художественныхъ и глубоко-національныхъ формахъ. Поэтичность, красота, правда, простота очертаній, чудныя краски, національность, музыка рѣчи, изумительный рельефъ изображенія являлись у Пушкина все въ большей и большей поразительности. Но онъ покинулъ нѣкоторые изъ своихъ могучихъ путей и ступилъ на пути новые, прежде для него далекіе или вовсе чуждые.

Мысли и сужденія Пушкина стали являться съ оттѣнкомъ печальной консервативности и далеко не свободнаго „патріотизма", иногда даже совершенно узкаго.

Что̀ касается важнѣйшихъ общественныхъ, дѣйствительныхъ событій или лицъ современности, онъ теперь интересовался уже гораздо менѣе прежняго, какъ будто усталъ отъ роли протестанта и критика, не цѣнилъ уже болѣе ихъ значенія свѣтлымъ умомъ и живымъ неподкупнымъ чувствомъ.

Еще въ 1824 году онъ провозглашалъ, въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ":

Поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ,
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ...

но въ апрѣлѣ 1825 года, вспоминая свои эпиграммы, онъ уже писалъ князю Вяземскому: „съ живыми—полно, не хочу ссориться". Свою „Оду на свободу" онъ называлъ презрительно „дѣтской одой", дѣятельность декабристовъ—„злонамѣренными усиліями" и „пагубнымъ результатомъ черноземнаго идеализма" (Записка о народномъ возстаніи 1826 г.).

Первые признаки такой перемѣны настроенія появлялись изрѣдка даже еще въ 1819 году. „Я не тотъ!" писалъ онъ тогда.

Мои златые годы
Безумства жаръ, веселость, острота,
Любовь стиховъ, любовь моей свободы
Проходитъ все, какъ легкая мечта...

Чѣмъ дальше онъ подвигался въ жизни, тѣмъ меньше идея „свободы", какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльнаго человѣка уже не значила для него столько, сколько значила прежде, въ отроческіе и юношескіе годы, въ періодъ близкаго и глубокаго общенія съ Чаадаевымъ. Протесты Радищева противъ существовавшихъ въ нашемъ отечествѣ государственныхъ порядковъ онъ уже находилъ только „дерзкими" („мелкій чиновникъ дерзаетъ вооружиться противъ общаго порядка, противъ самодержавія, противъ Екатерины!"), книгу эту Пушкинъ называлъ преступленіемъ „неизвиняемымъ", твореніемъ „политическаго фанатика", „возмутительной сатирой", „пошлымъ и преступнымъ пустословіемъ", при чемъ любопытно замѣтить ту странность, что въ то же время Пушкинъ писалъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой возбуждалъ,
Что вслѣдъ Радищева возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ...

Но необходимо на это замѣтить: „возславилъ" да, это правда, это было, но потомъ онъ отступился отъ этого возславленія. Но далѣе—Наполеона Пушкинъ не только провозглашалъ „чуднымъ посланникомъ провидѣнія", „ратникомъ волею вѣнчаннымъ", но съ негодованіемъ восклицалъ про него: „господа властители, вы сотворили великую глупость, согнавъ Наполеона съ престола"—(vous avez fait une sottise de détrôner Napoléon).

Будучи 23-хъ лѣтнимъ юношей, Пушкинъ горячо сочувствовалъ Греціи, желавшей освободиться;—30 лѣтъ—Пушкинъ уже нисколько не сочувствовалъ возстаніямъ Бельгіи, Испаніи, Польши, точно

также желавшимъ освободиться, и считалъ ихъ страстную дѣятельность—„бунтами“; корилъ Мицкевича за его народолюбивое настроеніе, а французскихъ современныхъ политическихъ дѣятелей и писателей за ихъ сочувствіе бѣдствіямъ Польши; всего печальнѣе это выразилось въ его надменныхъ „патріотическихъ“, впрочемъ превосходныхъ по художественности стихотвореніяхъ „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, радостно сочувствовалъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ запрещенію либеральнаго журнала Полеваго „Телеграфъ“, наконецъ, за немного времени до своей кончины онъ писалъ Чаадаеву 19 октября 1836 года, что несмотря на всѣ тяжкія и печальныя стороны русской исторіи, онъ „никогда не желалъ бы для нашего отечества никакой другой исторіи, кромѣ той, какую Господь Богъ намъ послалъ“. Изображенія печальнаго положенія русскаго крестьянина у Радищева онъ признавалъ только „моднымъ краснословіемъ“. Таковы были перемѣны въ общественномъ настроеніи и мысляхъ Пушкина въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ онѣ были въ періодъ интимнаго его общенія съ Чаадаевымъ.

У Пушкина изсякла и навсегда потребность выступать съ огненными атаками на народившихся между тѣмъ новыхъ Аракчеевыхъ и Голициныхъ, Фотіевъ и Филаретовъ, Карамзиныхъ и Воронцовыхъ. Уже ни на одного изъ такихъ людей онъ болѣе не указывалъ русскому народу негодующимъ перстомъ.

И однако же прежняя дружба, нѣжность и симпатія къ Чаадаеву продолжались у Пушкина, какъ они ни расходились по своимъ понятіямъ и мнѣніямъ. О томъ свидѣтельствуютъ письма Пушкина къ Чаадаеву 1831 и 1835 года. Временная, чуждая его натурѣ роль карателя и проповѣдника кончилась, онъ вошелъ въ настоящую свою роль высокаго художника, но невозмутимаго покладистаго гражданина. Только при этомъ оказывается, что какъ ни любилъ Чаадаевъ Пушкина, какъ ни цѣнилъ и какъ ни уважалъ его талантъ, но всетаки не слишкомъ высоко цѣнилъ его. Въ своей „Апологіи“, говоря о значительныхъ историческихъ личностяхъ Россіи, Чаадаевъ говоритъ, что „изъ ея утробы изошли могучая натура Петра Великаго, всемірный умъ Ломоносова, граціозный геній Пушкина“. И такъ, Чаадаевъ находилъ въ Пушкинѣ только элементъ граціи, изящества прелести; онъ не признавалъ за нимъ той роли, которую живописалъ самъ Пушкинъ:

Поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ,
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ,
Героевъ утѣшаетъ онъ...

(„Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“).

Никакой подобной роли, значитъ, Чаадаевъ Пушкину не приписывалъ, не взирая на всѣ его громовыя безпощадно-карательныя эпиграммы и сатиры, возникавшія у Пушкина во время интимнѣйшаго сближенія ихъ двухъ. Чаадаевъ только наслаждался чудною художественною натурою Пушкина.

3.

У Чаадаева жизнь шла совершенно иначе, чѣмъ у Пушкина. Онъ никогда не измѣнялся въ своихъ коренныхъ мнѣніяхъ, не взирая на тѣ жестокіе удары судьбы, которые ему суждено было испытать въ годы юности и зрѣлости. Онъ всегда оставался твердымъ, непоколебимымъ и вѣрнымъ тому символу вѣры, который онъ исповѣдывалъ тогда еще, когда носилъ офицерскій гусарскій мундиръ.

Чаадаеву въ его молодыхъ годахъ все удавалось, все еще благопріятствовало. Онъ былъ очень красивъ и всѣмъ нравился; былъ уменъ, великолѣпно образованъ, любезенъ и пріятенъ, остеръ, ловокъ, и вмѣстѣ—много занимался, много читалъ. Онъ составилъ себѣ превосходную библіотеку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ отличный танцоръ, истинный центръ тогдашней аристократической молодежи въ Москвѣ и Петербургѣ. Его очень зналъ и любилъ князь Васильчиковъ, прежній командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка, въ которомъ Чаадаевъ служилъ до гвардіи, а въ 20-хъ годахъ начальникъ гвардейскаго корпуса. Онъ въ 1817 году взялъ Чаадаева себѣ въ адъютанты.

Его зналъ и любилъ самъ Императоръ Александръ I. Вслѣдствіе всего этого, всѣ знавшіе Чаадаева считали, что ему предстоитъ блестящая служебная карьера и блестящая будущность. Но совершенно неожиданно все вдругъ перемѣнилось.

Въ концѣ 1820 года въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку произошелъ бунтъ, вслѣдствіе жестокостей и варварства полкового командира Шварца. Императоръ Александръ находился въ то время за границей, на конгрессѣ въ Троппау.

Васильчиковъ отправилъ къ нему съ этимъ извѣстіемъ и съ подробными докладами, письменными и устными, Чаадаева, какъ своего ближайшаго подчиненнаго. Бунтъ гвардейскаго полка считался такимъ важнымъ и требующимъ, въ первое время, секрета государственнымъ событіемъ, что, по пріѣздѣ къ Императору, Чаадаева провели къ нему въ темнотѣ, поздно вечеромъ, въ штатскомъ платьѣ. Императоръ принялъ Чаадаева, его бумаги и докладъ очень любезно и, отпуская его назадъ въ Россію, приказавъ уѣзжать немедленно на слѣдующее утро, сказалъ: „adieu, monsieur le libéral“ (прощайте, господинъ либералъ).

Потомъ, вслѣдъ за отъѣздомъ Чаадаева, Императоръ Александръ I писалъ къ Ил. Вас. Васильчикову, 10 ноября: „я уже сообщалъ вамъ черезъ Волконскаго и *черезъ Чаадаева*, различныя замѣчанія, которыя пришли мнѣ на мысль...“ Все это показывало хорошее расположеніе Императора къ Чаадаеву, отсутствіе какого бы то ни было недовольства. И однако же, не взирая на всю эту внѣшнюю любезность, Чаадаевъ не удостоенъ былъ никакой награды, ни флигель-адъютантскаго званія (какъ, по принятому обычаю, ожидалось); въ то время князь Волконскій—начальникъ штаба—написалъ Васильчикову изъ Лайбаха 22 февраля 1821 года, что „Государь получилъ, со стороны, особыя извѣстія о Чаадаевѣ, очень „неблагопріятныя“ и потому онъ былъ оставленъ безъ всякаго повышенія и награды, и когда съ досады попросился въ отставку, то его отпустили равнодушно.—Какой былъ всему этому резонъ и причина, чей былъ доносъ Императору, въ чемъ онъ состоялъ—остается на всегда тайной. Чаадаевъ во всю свою жизнь молчалъ про этотъ эпизодъ своей жизни и ничего не разсказалъ даже самымъ ближайшимъ друзьямъ и пріятелямъ.

Въ нѣкоторыхъ біографіяхъ Чаадаева прежняго времени всегда разсказывался анекдотъ, будто „Чаадаевъ, по своей небрежности, сильно запоздалъ въ дорогѣ и пріѣхалъ въ Троппау тогда, когда австрійскій первый министръ, князь Меттернихъ, уже получилъ извѣстіе о бунтѣ Семеновскаго полка и разсказалъ о томъ Александру“.

Но близкій пріятель и біографъ Чаадаева, Лончиновъ, совершенно опровергаетъ оффиціальными датами этотъ разсказъ какъ фальшь и выдумку. Но еще рѣшительнѣе окончательно опровергли сказку „Записки“ знаменитаго австрійскаго премьеръ-министра князя Меттерниха, напечатанныя въ Парижѣ въ 1880 г. Здѣсь, въ „Дневникѣ“, мы читаемъ:

„15 ноября 1820 г. Мы получили сегодня извѣстіе о дѣлѣ Семеновскаго полка. Дѣло само по себѣ ничего не стоитъ (n'est rien au fond), а все-таки оно очень непріятно. Оно ничего не стоитъ, какъ фактъ самъ по себѣ, но очень значительно по возможности, которую придаетъ ему масса публики. Сегодня ночью пріѣхали три курьера, одинъ за другимъ. Сейчасъ же послѣ этого Императоръ Александръ велѣлъ позвать меня и разсказалъ мнѣ событіе. Мы его обсудили совершенно на одинъ манеръ.

Императоръ вообще такъ измѣнился теперь, что намъ часто случается быть согласными. Царь думаетъ, что долженъ быть какой-нибудь резонъ для того, чтобъ 3.000 русскихъ солдатъ рѣшились на дѣло, столь мало свойственное ихъ національному характеру. Онъ даже соображаетъ, что это радикалы устроили это событіе,

чтобы его перепугать и заставить воротиться въ Петербургъ. Я не согласенъ съ нимъ. Это было бы что-то ужъ черезъ-чуръ несообразное (par trop fort), еслибъ радикалы въ Россіи могли уже располагать цѣлыми полками; но это доказываетъ, сколько Императоръ измѣнился". Но есть у біографовъ Чаадаева еще и другой разсказъ о причинахъ ставленія имъ военной службы. Они утвержаютъ будто, бы Чаадаевъ вышелъ въ отставку единственно потому, что въ началѣ 1821 г. въ высшемъ Петербургскомъ кругу его обвиняли въ „предательствѣ" противъ бывшаго его полка, Семеновскаго, что онъ наговорилъ про него много вреднаго и невѣрнаго Императору Александру I, и что это имѣло большое вліяніе на крутыя мѣры, принятыя противъ полка; говорили, будто Чаадаевъ хотѣлъ своими наговорами отличиться и выслужиться, и съ этою цѣлью напросился у своего начальника, Васильчикова, быть посланнымъ въ Лобау къ Александру I. Эти сплетни будто бы такъ огорчали и сердили Чаадаева, что онъ для доказательства своей невинности Петербургской аристократіи, взялъ да и вышелъ въ отставку. Но эти объясненія столько же фальшивы, фантастичны и невѣроятны, какъ и предыдущія, на счетъ опозданія въ дорогѣ. Это вполнѣ убѣдительно и неопровержимо доказывается письмомъ Волконскаго къ Васильчикову и объявленіемъ его въ этомъ письмѣ о какомъ-то доносѣ Императору на Чаадаева.

Одинъ изъ біографовъ Чаадаева—профессоръ Кирпичниковъ высказываетъ мысль, что нельзя думать, чтобъ Императоръ Алаксандръ перемѣнился въ отношеніи къ Чаадаеву вслѣдствіе доноса нѣкоего агента полиціи, по имени Грибовскаго, на русскія тайныя общества 20-хъ годовъ (доносъ этотъ напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ" т. III стр. 423), потому что Грибовскій упоминаетъ здѣсь объ участіи Чаадаева въ „тайномъ обществѣ", но представляетъ это общество столь невиннымъ и участіе Чаадаева столь ничтожнымъ, что только отсутствіе другихъ документовъ заставляетъ насъ придавать этой запискѣ такое значеніе". Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что „записка" Грибовскаго представляла участіе Чаадаева въ тайномъ обществѣ далеко не ничтожнымъ.

Въ доносѣ Грибовскаго—Бенкендорфу говорилось между прочимъ, что Н. И. Тургеневъ, дававшій главное направленіе „Обществу Благоденствія", брался, при помощи профессора Куницына, издавать журналъ по самой дешевой цѣнѣ, для большого расхода, полагая издержки на счетъ общества. Содѣйствовать же ему должны были всѣ члены, также брались *Чаадаевъ* (испытывавшійся *еще для Общества*), Кюхельбекеръ (бывшій лицеистъ) и другіе. Такія указанія „Записки" должны были, безъ сомнѣнія, имѣть самое рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Чаадаева.

Императоръ Александръ I писалъ графу Аракчееву, 5-го ноября 1820 года, по поводу Семеновской исторіи: „Тебѣ должно быть уже извѣстно, любезный Алексѣй Андреевичъ, несчастное, но въ то же время и постыдное приключеніе, случившееся въ Семеновскомъ полку. Легко можемъ себѣ вообразить, какое печальное чувство оно во мнѣ произвело. Происшествіе, можно сказать, неслыханное въ нашей арміи. Еще печальнѣе, что оно случилось въ гвардіи, а для меня лично еще грустнѣе, что именно въ Семеновскомъ полку... По всему заключаю, что тутъ было внушеніе чуждое, но не военное. Вопросъ возникаетъ: какое же? Сіе трудно рѣшить. Признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя, по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, всѣ въ сообщеніяхъ между собою и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работа въ Троппау...“ „Это письмо Александра I, подтверждающее „Записки“ князя Меттерниха, ясно рисуетъ настроеніе и мысль Императора. Со всегдашнею своею робостью, подозрительностью въ послѣдніе годы своей жизни, онъ былъ убѣжденъ, что бунтъ Семеновскаго полка дѣло революціонеровъ изъ среды тайныхъ обществъ, всѣ тайныя общества связаны одни съ другими, а шпіонъ Грибовскій указалъ, что Чаадаевъ былъ членомъ одного изъ нихъ,—значитъ, съ нимъ надо разстаться, и всѣ любезности съ нимъ въ Троппау—были напрасны, онѣ остались въ сторонѣ. И Чаадаевъ долженъ былъ быть изъятъ изъ близости къ Императору и прежней службы. Жихаревъ разсказываетъ, что Императоръ Александръ былъ крайне недоволенъ и крайне подавленъ отставкой Чаадаева, присылалъ одно очень значительное лицо уговаривать его остаться, и, быть можетъ, все это такъ и было, но эти извѣстія (ничѣмъ основательно не подтвержденныя) нисколько не противорѣчатъ письму князя Волконскаго о „доносѣ“ и коренному недовольству Императора на Чаадаева за принадлежность этого послѣдняго къ тайному обществу.

Мы довольно долго остановились на этомъ событіи изъ жизни Чаадаева потому, что оно имѣло громадное вліяніе на всю остальную жизнь примѣчательнаго человѣка.

4.

Но какія бы ни были причины, а Чаадаевъ изъ военной службы вышелъ въ отставку. Это оказалось фактомъ величайшей важности въ жизни его. Съ 1821 года вся его судьба измѣняется и получаетъ новое направленіе. Несмотря на весь свой умъ, прекрасное образованіе и философскій складъ мышленія, Чаадаевъ повиновался иногда, въ продолженіе всей жизни, вліяніямъ и побужденіямъ очень невысокаго свойства. Такъ было и на этотъ разъ. Имъ руководило

въ рѣшимости бросить службу лишь оскорбленное честолюбіе, чванство, нарушенныя надежды на „блестящую карьеру". Жихаревъ говоритъ: „Не помню что-то, жалѣлъ ли Чаадаевъ объ мундирѣ, но объ чинѣ имѣлъ довольно смѣшную слабость горевать до конца жизни и утверждалъ, что очень хорошо быть полковникомъ, потому-дескать, что полковникъ „un garde fort sonore" (чинъ очень звонкій). Онъ былъ малодушно огорченъ и разсерженъ и съ сердцовъ вышелъ въ отставку. Онъ даже не захотѣлъ оставаться въ Россіи и рѣшилъ ѣхать за границу надолго, точно будто Россія была виновата, и въ ней не стоитъ дольше оставаться. По счастью, изъ его сердитости не вышло ничего для него дурного. Напротивъ, онъ много выигралъ. Самъ того, конечно, не предвидя, по нечаянности онъ принесъ себѣ пользу, поставилъ самъ себя на тотъ рельсъ, который былъ для него самый необходимый.

Раньше всего, надо замѣтить, отъѣздъ Чаадаева принесъ ему ту пользу, что, проживъ нѣсколько лѣтъ за границей,—онъ спасся отъ Сибири. Не уѣзжай онъ никуда, останься онъ въ Москвѣ, онъ, можно сказать, навѣрное попалъ бы въ исторію декабристовъ. Изъ разныхъ источниковъ теперь извѣстно, что онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ декабристами. Погодинъ пишетъ въ своемъ „Дневникѣ" 13 сентября 1840 г.: видѣлся съ Чаадаевымъ, который зналъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Заговоръ начался въ квартирѣ у Александра Муравьева, бывшаго начальника штаба у Розена, послѣ смотра, коимъ былъ недоволенъ Императоръ Александръ. Сергѣй Муравьевъ, Пестель, Бестужевъ и проч., знали очень дурно порусски. Самую конституцію они написали по-французски. „Преобразователи!.." „Сверхъ того, декабристъ Якушкинъ разсказываетъ въ своихъ „запискахъ", что самъ „принималъ" Чаадаева членомъ въ тайное общество [1]). Конечно, все это обнаружилось на процессѣ декабристовъ, и Чаадаеву не миновать бы ссылки и даже, можетъ быть, Сибири. Это первое. Второе же то, что, выйдя въ 1821 г. въ отставку, Чаадаевъ покончилъ навсегда съ общественной правительственной службой, къ которой вовсе не былъ способенъ. Впослѣдствіи, спустя 12 лѣтъ, въ 1833 г. Чаадаевъ просилъ дозволенія

---

[1]) „Чаадаевъ", разсказываетъ Якушкинъ (бывшій товарищъ Чаадаева по Московскому университету и Семеновскому полку), согласился на его предложеніе вступить въ Общество Благоденствія, но сказалъ мнѣ, что напрасно я не принялъ его прежде; тогда онъ не вышелъ бы въ отставку и постарался бы попасть въ адъютанты къ великому князю Николаю Павловичу, который очень можетъ быть, покровительствовалъ бы подъ рукой тайное общество, если бы ему внушить, что это общество можетъ быть для него опорой въ случаѣ восшествія на престолъ старшаго брата".

поступить на гражданскую службу, и Императоръ Николай сначала далъ ему это разрѣшеніе, указавъ служить по министерству финансовъ, но вскорѣ потомъ шефъ корпуса жандармовъ, графъ А. Х. Бенкендорфъ сообщилъ ему 5 августа 1833 г. по случаю одного особаго дѣла, о которомъ рѣчь будетъ ниже, что „одна лишь служба и служба долговременная даетъ намъ право и возможность судить о дѣлахъ государственныхъ,“ и косвенно предварялъ, что ему не слѣдуетъ „принимать на себя судить о предметахъ ему неизвѣстныхъ“. Послѣ такого безцеремоннаго указанія на невѣжество Чаадаевъ уже пересталъ думать о службѣ и ни въ какое министерство не поступалъ.

Сердитый, огорченный, Чаадаевъ очень скоро послѣ выхода своего въ отставку уѣхалъ за границу (весной 1821 года) [1]), съ намѣреніемъ воротиться въ Россію не скоро. Такъ и сдѣлалъ: онъ пробылъ въ чужихъ краяхъ 5 лѣтъ и возвратился на родину лишь лѣтомъ 1826 года. Но онъ возвратился уже совершенно инымъ человѣкомъ въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ былъ до тѣхъ поръ: онъ являлся теперь уже не гусарскимъ офицеромъ, очень образованнымъ, свободомыслящимъ, но еще вовсе не помышлявшимъ объ общественной писательской дѣятельности. У него было тогда много прекрасныхъ идей, много правдивыхъ взглядовъ на людей, вещи и событія, но все это были какъ бы случайные отрывки, отдѣльныя мысли, не связанные въ одно цѣлое строго установленнымъ планомъ. Теперь было совсѣмъ другое дѣло. Пять лѣтъ Чаадаевъ провелъ одиноко, одинъ самъ съ собою, далеко отъ общества и толпы. Здѣсь, какъ раньше до тѣхъ поръ въ Россіи, онъ ревностно продолжалъ дѣло своего умственнаго самообразованія, много читалъ, много занимался. Онъ къ этому присоединилъ бесѣды съ нѣсколькими, немногими, но избранными и нравящимися ему людьми науки, изъ числа тѣхъ, которые славились въ тогдашней Западной Европѣ, Франціи, Англіи, Германіи. У него завязались близкія отношенія, обмѣнъ взглядовъ и мыслей съ Гумбольдтомъ, Кювье, Шеллингомъ, Ламменэ, Баланшемъ, Бональдомъ и нѣсколькими другими. Знаменитый германскій философъ Шеллингъ говорилъ впослѣдствіи князю Ивану Сергѣевичу Гагарину, русскому, но принадлежавшему къ ордену іезуитовъ, что „Чаадаевъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, какихъ онъ когда-либо встрѣчалъ“. Чаадаевъ познакомился

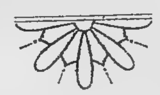
[1]) Въ своихъ показаніяхъ капитанъ-командору Колвакову въ Брестъ-Литовскѣ, въ 1826, Чаадаевъ говорилъ, по выходѣ въ отставку, онъ прожилъ еще 2 года въ Россіи, но это не подтверждено никакими документами; всѣ біографы Чаадаева повторяютъ, что онъ уѣхалъ изъ Россіи весной 1821 г.

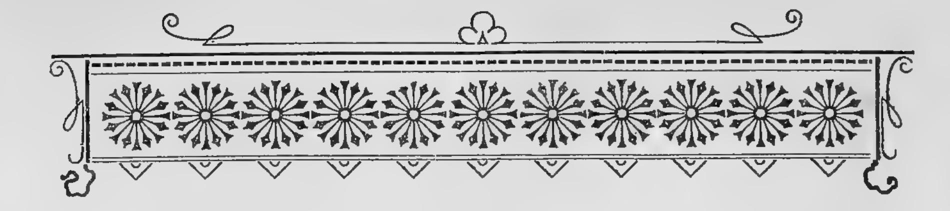
съ Шеллингомъ въ Карлсбадѣ въ 1821 году и съ тѣхъ поръ былъ съ нимъ въ перепискѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ этихъ новыхъ знакомыхъ были заражены, по тогдашней всеобщей европейской модѣ, настроеніемъ мистическимъ и піэтистическимъ. Чаадаевъ, повидимому, уже и раньше, по самой сущности своей натуры, наклонный къ воззрѣніямъ подобнаго же рода, поддался этимъ неблагопріятнымъ вліяніямъ, конечно, всего болѣе вслѣдствіе своихъ недавнихъ разочарованій и невзгодъ. По счастію, эти печальныя европейскія вліянія способны были подѣйствовать на него лишь отчасти и не властны были исказить до корней его своеобразный, могучій духъ изслѣдованія, критики и протеста.

При возвращеніи Чаадаева изъ чужихъ краевъ обратно въ Россію лѣтомъ 1826 года, онъ былъ остановленъ у русской границы и задержанъ въ Брестъ-Литовскѣ вслѣдствіе политическихъ сомнѣній начальства. Но такъ какъ въ тѣхъ краяхъ въ это самое время проѣзжалъ великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ, лично знавшій Чаадаева, то по его волѣ арестъ Чаадаева немедленно кончился, и онъ безъ дальнѣйшихъ помѣхъ пріѣхалъ въ Москву, Чаадаевъ въ ней поселился навсегда и прожилъ всѣ остальные 30 лѣтъ своей жизни. Прожилъ на одной и той же улицѣ, въ одномъ и томъ же домѣ, мало выѣзжая, мало съ кѣмъ и видаясь, и только посѣщая нѣсколькихъ избранныхъ близкихъ людей.

В. В. Стасовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ жизни Өедора Ивановича Буслаева.

I.

Мои отношенія къ Ө. И.—Перемѣна въ его жизни и характерѣ.—Его курсъ 1871 г. и значеніе этого курса.—Отношеніе Ө. И. къ философамъ и философіи.

Я зналъ Өедора Ивановича съ 1868 г. по день смерти, т. е. почти слишкомъ 30 лѣтъ. Отношенія наши были въ высшей степени просты и ясны. Онъ видѣлъ во мнѣ своего послѣдователя и популяризатора своихъ мнѣній, видѣлъ, что я ничего не ищу ни въ его семьѣ, ни въ смыслѣ оставленія при университетѣ, и благоволилъ ко мнѣ подъ конецъ жизни, увлеченный Гёте, онъ хотѣлъ видѣть во мнѣ Эккермана, часто говорилъ: „придете домой, запишите то и то“ и рекомендовалъ всегда „любимымъ“ ученикомъ. Мой идеалъ былъ всегда Николай Саввичъ Тихонравовъ, и я никогда не могъ простить московскому студенчеству и обществу, что такой человѣкъ былъ брошенъ въ своихъ замыслахъ на полдорогѣ. Но я всегда идеализировалъ профессоровъ, я всегда считалъ Ө. И. за честнѣйшаго и за образованнѣйшаго человѣка, а подъ конецъ жизни сердечно ему сочувствовалъ, а потому и оставался вѣренъ ему, такъ сказать, всю жизнь.

1868 годъ былъ роковымъ въ жизни Ө. И. Ему исполнилось 59 лѣтъ, онъ вторично женился, а главное—онъ позналъ *русскую* дѣйствительность, которую называли тогда *катковскою.* О времени 1868 года я разскажу по слухамъ или по разсказамъ самого Ө. И. значительно отрывочнымъ.

Шестидесятые годы произвели на Ө. И. потрясающее впечатлѣніе. До тѣхъ поръ онъ ничего подобнаго себѣ и представить не могъ. Вездѣ жизнь, возбужденіе.

*

„Тогда, говорилъ онъ, генералы требовали реформъ". „Законоучитель наслѣдника цесаревича принесъ разъ задачу (Ѳ. И. не могъ припомнить какую), гдѣ ясно характеризовались *требуемыя* реформы". Главными въ то время лицами по словамъ Ѳ. И. были Чернышевскій, Кавелинъ, Лавровъ, которыхъ Ѳ. И. называлъ шутя министрами. Особенно не благоволилъ Ѳ. И. къ Кавелину, котораго считалъ увлекающимся, Н. Г. Чернышевскій казался ему слишкомъ скромнымъ и тоже не вызывалъ симпатіи. Ѳ. И. разсказывалъ, что онъ былъ съ нимъ на одномъ обѣдѣ, гдѣ Чернышевскій говорилъ рѣчь, въ которой часто повторялъ: „фермеры, фермеры". Самый этотъ оттѣнокъ въ разсказѣ Ѳ. И. указывалъ на отрицательное отношеніе Ѳ. И. къ личности Н. Г.

Только Лавровъ, который печаталъ тогда статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ", казался Ѳ. И. *цѣльной* натурой [1]). Но Ѳ. И. чувствовалъ себя чуждымъ этому направленію, а вмѣстѣ съ тѣмъ обязаннымъ такъ или иначе высказаться. Человѣкомъ, къ которому онъ сохранилъ полное уваженіе отъ того времени до конца жизни, былъ А. Н. Пыпинъ, котораго онъ помнилъ совсѣмъ молодымъ, вскорѣ послѣ диссертаціи, и онъ далъ ему слово, что отвѣтитъ, ему на его критику „Историческихъ Очерковъ" и такъ сказать уяснитъ отношеніе свое къ всему происходившему па его глазахъ. Сущность критики въ томъ, что Ѳ. И. любитъ народъ только *въ языкѣ* и *литературѣ*. Кажется, въ это же время зародилась у Ѳ. И. идея, которую много разъ онъ повторялъ въ тѣсномъ кругу знакомыхъ, что только тотъ народъ заслуживаетъ вниманія, который самъ завоевываетъ себѣ свободу, а не получаетъ ее сверху, въ видѣ милости.

Въ домѣ гр. Строганова Ѳ. И. привыкъ къ особой атмосферѣ. Въ своихъ запискахъ Ѳ. И. разсказываетъ, что въ отсутствіе графа С. Гр., графиня придумала особое правило этикета, чтобы послѣ обѣда всѣ молчали $^1/_2$ часа, а Ѳ. И. открылъ часы, когда это молчаніе ему надоѣло. Графиня крикнула: „выдьте вонъ, Ѳ. И.!" Ѳ. И. пережилъ и перечувствовалъ ужасное волненіе въ теченіе ночи и на утро заявилъ, что оставляетъ мѣсто. Графиня, страшно боявшаяся мужа, послала узнать, какого бы нравственнаго удовлетворенія желалъ Ѳ. И. Послѣдній потребовалъ, чтобы, такъ какъ оскорбленіе было сдѣлано при дѣтяхъ, при нихъ же за столомъ графиня ска-

[1]) Впослѣдствіи, читая письма Кавелина къ Турчанинову, Ѳ. И. находилъ, что Турчаниновъ былъ болѣе правъ и послѣдователенъ, но свернулъ съ $^1/_2$ дороги.

зала: „извините меня, Ѳ. И.“ И это было исполнено. А въ Петербургѣ, въ придворной жизни, Ѳ. И. встрѣтилъ особую атмосферу. Много разъ онъ разсказывалъ, что, послѣ того, какъ онъ былъ приглашенъ къ наслѣднику на вечерній чай, на утро заѣхали и оставили ему карточки многіе *весьма* высокопоставленныя лица. Но особенное впечатлѣніе на Ѳ. И. произвелъ эпизодъ съ министромъ государственныхъ имуществъ А. А. Зеленымъ. На вечерѣ въ Эрмитажѣ, послѣ того какъ утромъ разнеслись слухи объ его отставкѣ, никто не хотѣлъ узнавать бывшаго министра.—Ѳ. И. прямо сталъ бояться за себя и послѣ при сношеніи съ разными „сферами“ онъ всякій разъ находилъ подтвержденіе правотѣ своего взгляда („всѣ други, всѣ пріятели до *чернаго* лишь дня“). Это—во-вторыхъ.

Какъ разъ по окончаніи занятій съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Ѳ. И. получилъ возможность ѣхать за границу. Къ этому времени относится эпизодъ, разсказанный А. И. Кирпичниковымъ, какъ они, студентами, устроили обѣдъ Ѳ. И. и на этомъ обѣдѣ Н. С. Тихонравовъ, выясняя значеніе Ѳ. И., назвалъ его „вѣчнымъ студентомъ“, который, женатый, подъ 50 лѣтъ, ѣдетъ учиться, чтобы учить другихъ. Ѳ. И. уѣзжалъ въ самомъ радужномъ настроеніи, возвращался въ еще болѣе радужномъ, а вернувшись въ Москву, нашелъ *Катковскій* режимъ. Тутъ же умерла его первая жена, которую онъ глубоко любилъ.

Катковскій режимъ поразилъ Ѳ. И. Онъ зналъ Каткова за смѣлаго, постоянно лицемѣрнаго и *„въ случаѣ“*, надменнаго человѣка. Ѳ. И. помнилъ, какъ еще въ 40-хъ годахъ онъ носился съ переводомъ „Ромео и Юліи“ и, *никогда не теряя почвы*, представлялся человѣкомъ „не отъ міра сего“. Какъ бывшій преподаватель наслѣдника цесаревича, Ѳ. И. въ каждый пріѣздъ Государя Александра II въ Москву являлся на вокзалъ на встрѣчу Государя. Государь подавалъ Ѳ. И. руку и милостиво съ нимъ разговаривалъ. Каждый разъ при этомъ Ѳ. И. видѣлъ, какъ въ то же время Катковъ становился у косяка двери и „молчаливо“ кланялся въ поясъ. Только послѣ усмиренія польскаго мятежа Ѳ. И. видѣлъ, какъ Государь, не сказавъ ни слова, подалъ въ 1-й разъ Каткову руку. Въ этотъ разъ Катковъ стоялъ уже въ общемъ ряду и кѣмъ-то изъ министровъ былъ названъ Государю. И вотъ теперь Катковъ уже имѣлъ свой голосъ (въ 1867 г.). („Современникъ“ и „Русское Слово“ были запрещены). Ѳ. И. отлично понималъ, что долженъ былъ обозначать режимъ Каткова и впервые, быть можетъ, пожалѣлъ, что въ 1863 г. не оставилъ университета. Онъ всегда говорилъ, что какъ у Мол-

чалина были два качества: „умѣренность и аккуратность“, такъ и у Каткова и его „приспѣшниковъ“—два: „лицемѣріе и интрига“.

Потерю жены Ѳ. И. считалъ „указаніемъ свыше“, и когда она скончалась, Ѳ. И. круто измѣнилъ весь образъ жизни (онъ былъ до того первый танцоръ и всегда первый открывалъ мазурку), а затѣмъ вдругъ неожиданно женился во второй разъ. При этомъ онъ сказалъ, что теперь „*женился на наукѣ*“, а для этого прежде всего нуженъ *особый семейный строй* жизни, особый бытъ. Итакъ къ началу 1868 учебнаго года Ѳ. И., если не рѣзко, то *значительно* перемѣнился. Вотъ съ этихъ поръ я и „зазналъ“ его.

Какъ разъ въ это время, не безъ борьбы „съ историками“ добился Леонтьевъ раздѣленія филологическаго факультета на три отдѣленія: классическое, историческое и словесное, въ надеждѣ привлечь стипендіями и льготами большинство на свое классическое отдѣленіе. Результатъ вышелъ неожиданный. Огромное число пошло на словесное отдѣленіе. Раздѣленіе же только сблизило профессоровъ съ ихъ слушателями, и мы скоро стали бывать у профессоровъ, т. е. у Буслаева и Тихонравова, а частію у Юркевича (который велъ двойную игру) и А. Л. Дювернуа. Мало того классики тоже перекочевали къ намъ, вотъ почему Ѳ. И. открылъ семинаріи, т. е. особыя занятія по изученію рукописей, памятниковъ и капитальныхъ трудовъ. На эти семинаріи стали приходить и классики и вмѣстѣ съ нами стали бывать у Ѳ. И. Сразу образовалось на вечерахъ у Ѳ. И. два теченія: шумливое „дамское“ и серьезное—въ кабинетѣ Ѳ. И. Онъ жилъ тогда у Неопалимой Купины въ д. Микулина и у нихъ была рояль. Около этой рояли и сосредоточивалось „шумливое“ общество. Фуроръ здѣсь производилъ нашъ товарищъ А. Р. Ржаницынъ, тогда женихъ извѣстной богачки Рязановой, и потому сосредоточивавшій на себѣ вниманіе дамскаго общества. Въ „шумливомъ“ обществѣ установился „денежный“ режимъ и разговоръ о такомъ или другомъ богачѣ разливалъ иногда даже сладостный трепетъ. Къ счастію обѣ компаніи сидѣли вмѣстѣ только за самоваромъ, т. е. часовъ до 9 съ 1/2. (Въ послѣдніе годы жизни, въ „стариковскомъ“ [1]) домѣ въ 10 часовъ всѣ расходились). Собственно серьезную часть студентовъ представлялъ тогда В. А. Андреевъ, который первый и привелъ насъ къ Ѳ. И. Разумѣется, центромъ были разныя свѣтила, на которыхъ я смотрѣлъ съ благоговѣніемъ. Я бывалъ у Ѳ. И. и по утрамъ (тутъ занимались и

---

[1]) Поварская д. Старикова, гдѣ Ѳ. И. жилъ послѣдніе годы

списывали лекціи). Изъ утреннихъ посѣщеній памятно мнѣ одно на масляницѣ. Ѳ. И. повелъ насъ на Дѣвичье поле. Онъ разсказалъ намъ все о происхожденіи этихъ гуляній (онъ велъ ихъ изъ Италіи), о полишенеляхъ, и пр. и пр. И въ заключеніе разсказалъ, что при Николаѣ I полиція подвергала тѣлесной расправѣ тѣхъ изъ паяцовъ, которые „проговаривались“ на счетъ текущихъ дѣлъ.

Подъ вліяніемъ обстоятельствъ, указанныхъ въ самомъ началѣ статьи, т. е. „женившись на наукѣ“, Ѳ. И. составилъ для насъ блестящій и самый либеральный курсъ, который заканчивался статьей: „Догадки и мечтанія о первобытномъ человѣкѣ“. Курсу этому Ѳ. И. придавалъ особенное значеніе и, повидимому, это понималъ и онъ самъ, и студенты. Не менѣе блестящій курсъ о „Московскихъ вольнодумцахъ“ читалъ и Николай Саввичъ.

Подвергая „осмотру“ самыя основы первобытной жизни (нужно бы, поправляя Ѳ. И., сказать: преданія о нихъ), Ѳ. И. сводилъ ихъ къ незамысловатымъ обычаямъ и формамъ жизни. Особенно онъ гордился анализомъ преданій о низведеніи огня и первобытномъ человѣкѣ. Его радовало и то, что онъ идетъ рука объ руку съ передовыми изслѣдователями естественныхъ наукъ, что онъ разрушаетъ косность той самой старины, изслѣдованія о которой создавали ему извѣстность. Онъ любилъ сопоставлять два своихъ мнѣнія. „Знаете, разъ у насъ здѣсь, въ Москвѣ, мы съ Галаховымъ зашли въ табльдотъ у театра. За столомъ онъ сталъ хвалиться своей христоматіей, а я его сразу остановилъ: „да что вся ваша новая литература безъ старины? Вамъ шага безъ старины нельзя сдѣлать“. И сейчасъ же прибавлялъ: „а въ сущности старина—слава Богу, что она прошла, и славянофилы самые глупые люди, какъ и всѣ тѣ, которые бы пожелали воскресить старье. И теперь еще старина давитъ насъ тяжелымъ кошмаромъ. Слава Богу, что она прошла!“ И Ѳ. И. крестился, какъ онъ дѣлалъ всегда, если хотѣлъ выразить, что испытываетъ удовольствіе [1]). Къ началу 90-хъ годовъ Ѳ. И. на этихъ статьяхъ основывалъ свой *общественный* образъ мыслей. „Я всегда стоялъ впереди по своему образу мыслей, это чувствовали и держали меня въ черномъ тѣлѣ. Я не вступалъ въ борьбу, но я, какъ Лафатеръ или какъ Ренанъ, имѣлъ выдающееся вліяніе на образъ мыслей лицъ, близко ко мнѣ подходившихъ; меня всегда считали немного

---

[1]) У Златоуста Ѳ. И. вычиталъ, что молитва есть особое блаженное состояніе души, и противопоставлялъ это опредѣленіе тургеневскому опредѣленію молитвы. Но впослѣдствіи сталъ предпочитать исключительно тургеневское и больше уже не упоминалъ о первомъ.

изъ красныхъ, а высокопоставленные товарищи то игнорировали меня, то приближались какъ къ наиболѣе оставшемуся вѣрнымъ себѣ". Все это была совершенная правда. Наиболѣе практичные товарищи Ѳ. И. тянули къ Леонтьеву. Естественники благоволили къ Ѳ. И. и немного заискивали въ немъ. Чаще всего въ это время бывалъ у Ѳ. И. С. А. Усовъ, который посвятилъ Ѳ. И. своихъ „Единороговъ". Въ это время разгорѣлся споръ по поводу Струве, на диспутѣ, при покровительствѣ П. Д. Юркевича и подъ прикрытіемъ катковщины, пытавшагося защищать метафизику, а главное—пробраться въ университетъ. Струве постигла полная неудача, но все дѣлалось на деликатнѣйшей почвѣ. Юркевичъ пересылалъ свои оттиски (одинъ чрезъ меня) Усову, а С. А. ему свои брошюры [1]). Ѳ. И. сильнѣйшимъ образомъ ратовалъ противъ Юркевича. „Это—совершеннѣйшій невѣжда и лицемѣръ въ катковскомъ вкусѣ! У него вовсе нѣтъ никакихъ знаній!" И онъ приводилъ доказательства. Но и послѣдующіе „Философы" не пользовались его симпатіею. Онъ упрекалъ ихъ въ невѣжествѣ. „Можно ли строить философскія системы безъ знанія языка и литературы. Это будутъ мысли, а не системы". Помню въ этомъ смыслѣ диспутъ Ѳ. И. съ М. М. Троицкимъ, котораго онъ совсѣмъ приперъ къ стѣнѣ, и Гротомъ; Ѳ. И. былъ неумолимъ въ спорѣ и не отставалъ, пока противникъ не просилъ пощады [2]).

Въ это же время почти постояннымъ посѣтителемъ Ѳ. И. былъ Е. В. Барсовъ, покойный Ѳедоръ Гиляровъ и множество лицъ, которыя то бывали, то нѣтъ, въ родѣ Писемскаго, Бартенева и т. д.

II.

Отношенія къ профессорамъ.—Толстопятовъ.—Троицкіе.—Воспоминанія о Грановскомъ, Кетчерѣ и славянофилахъ.—Составленіе „Плановъ" и непріятности.—Апокалипсисъ и поѣздка въ Петербургъ.

Менѣе всего я помню время, когда Ѳ. И. жилъ въ д. Михайловой, купленномъ потомъ Маклаковой, Л. Ф., у Спаса, въ Каретномъ ряду. Михайловы были наши сосѣди по другому дому, и я ихъ хорошо зналъ. Самый даровитый изъ нихъ застрѣлился въ Орен-

[1]) Одна изъ нихъ оканчивалась словами по адресу Юркевича: „брошюрочки раскупаются".

[2]) Помню два его спора: съ В. П. Шереметевскимъ и Ѳ. И. Хотяинцевымъ. Перваго онъ заставилъ сознаться, что швейцарскія дороги (на Риги и С.-Готардъ) не поднимаются перпендикулярно, а спиралью. А второй черезъ меня просилъ извиниться, что онъ ошибся, что, дѣйствительно, нѣтъ гравюры и никакого снимка не помню съ какой картины V вѣка по Р. Хр.

бургѣ, сестры были институтки, а братъ—юристъ, студентъ. Вся эта семья пребывала постоянно у Ѳ. И. и пользовалась симпатіею „дамъ“. Было тутъ, въ этомъ домѣ, всегда очень шумно, и тутъ я послѣдній разъ встрѣтилъ сына Ѳ. И., который, кажется, вскорѣ получилъ мѣсто директора Коломенской прогимназіи, а потомъ и женился вопреки желанію Ѳ. И., и отношенія ихъ стали холодными на долгое время. Ѳ. И. уѣхалъ за границу, и затѣмъ я уже бывалъ у него чаще всего въ домѣ Бернова, на Молчановкѣ. „Дамы“ благоволили ко мнѣ потому, что я представилъ Ѳ. И. одну свою хорошую знакомую, родомъ изъ одной очень богатой фирмы, которой принадлежала, между прочимъ, гостиница „Дрезденъ“. Ѳ. И. былъ доволенъ моими посѣщеніями, потому что переживалъ тяжелое время борьбы съ товарищами и сослуживцами. Это былъ конецъ 70-хъ годовъ.

Разъ я засталъ такую сцену. Неуспокоенный Ѳ. И. доканчивалъ споръ съ своими домашними. Можно было понять, что у Ѳ. И. былъ В. И. Герье и просилъ его присоединиться къ какому-то товарищескому заявленію. Дѣло перешло въ споръ, и неожиданно вступилась въ него супруга Ѳ. И., повидимому, досточно знакомая съ дѣломъ и „оберегавшая“ Ѳ. И. отъ „опасныхъ“ шаговъ. Пораженные противники удалились, а Ѳ. И. искалъ нравственнаго сочувствія и оправданія поступка его жены у посторонняго человѣка. Я и не старался узнать, въ чемъ дѣло, но обѣ стороны успокоились [1]).

Чаще всего въ это время бывалъ у Ѳ. И. Толстопятовъ, котораго Ѳ. И. сердечно любилъ и уважалъ, и М. И. Троицкій съ супругой, которые были въ фаворѣ у „дамъ“. М. А. Троицкая была дочь А. И. Полунина. Она всегда имѣла свѣдѣнія обо всемъ, что касалось университета, и впослѣдствіи являлась всегда окруженная молодежью, въ родѣ Шеффера и даже убогаго Миронова. Ѳ. И. тщательно изолировалъ себя отъ этихъ разговоровъ и особенно еще не любилъ бесѣдъ въ передней, которыя онъ называлъ молебнами. Я помнюодинъ случай, когда я грудью вступился за Н. С. Тихонравова, по поводу допущенія новымъ ректоромъ (Боголѣповымъ) полиціи въ стѣны университета по случаю акта. Я доказывалъ, что Н. С. ничего подобнаго никогда бы не позволилъ. „О, о! какой вы горячій! Мы за вами этого

[1]) Къ этому времени относятся разсказы о Ѳ. И. въ родѣ слѣдующихъ: въ засѣданіяхъ Совѣта, будто, Ѳ. И. присутствовалъ черезъ разъ, чтобы не подписывать протоколовъ (выдумка очевидна, но типична). Еще—будто, разъ, въ виду настояній Н. С. Тихонравова, Ѳ. И. воскликнулъ: „это насиліе“!, а Н. С. съ невозмутимымъ спокойствіемъ замѣтилъ: „Вы слишкомъ стары и опытны, чтобъ Васъ насиловать“. Это живо и типично собственно для Тихонравова.

не знали", сказано было мнѣ, но М. А. съ неудовольствіемъ должна была умолкнуть, а Ѳ. И. удалился при самомъ началѣ спора.

Съ Толстопятовымъ Ѳ. И. постоянно бесѣдовалъ о трудностяхъ русскаго профессорства. Профессоръ самъ долженъ исполнять черную работу. (Толстопятовъ, напр., самъ *шлифовалъ* камни, а Ѳ. И. приводилъ всегда въ образецъ Н. Саввича, который, одинъ единственно, студентомъ составилъ замѣчательнѣйшую библіографическую работу о Жуковскомъ).

Еще одно обстоятельство показало мнѣ Ѳ. И. въ новомъ свѣтѣ. Я представилъ ему одного юнкера М. Г. Стремоухова, которому, по особымъ причинамъ, не разрѣшено было поступить въ артиллерійское училище и которому поэтому плохо приходилось въ Александровскомъ училищѣ при бывшемъ „притчей во языцѣхъ" начальникѣ училища — Самохваловѣ. Ѳ. И. писалъ и самъ ѣздилъ къ Самохвалову и, кажется, писалъ даже выше. Положеніе Стремоухова сдѣлалось отличнымъ. Онъ отлично рисовалъ, и Ѳ. И. самъ знакомилъ его съ школами живописи и своими гравюрами. Впослѣдствіи онъ также много сдѣлалъ для Зилотти: установилъ съ нимъ переписку и поправлялъ его сочиненія.

Единственный разъ въ жизни мнѣ случилось застать Ѳ. И. одного. „Дамы" уѣхали въ театръ. Ѳ. И. любилъ и самъ оперу и слушалъ всегда, не глядя на сцену: онъ боялся испортить впечатлѣніе видомъ искривленнаго рта и проч. Но иногда онъ оставался дома, какъ и было въ этотъ разъ. Отпустивъ наскоро разныхъ случайныхъ посѣтителей, онъ оставилъ меня, И. М. Живаго и М. А. Горбова (первый на правахъ товарища привезъ второго посовѣтоваться о переводѣ Данта: Горбовъ этимъ занимался). Чтобы занять насъ, Ѳ. И. пустился въ воспоминанія, онъ говорилъ о Грановскомъ и славянофилахъ. Началось съ Н. Х. Кетчера, котораго Ѳ. И. терпѣть не могъ. Онъ встрѣчалъ его у Солдатенкова на обѣдахъ. „Здѣсь", говорилъ Ѳ. И., „грубый, съ бутылкой шампанскаго, Кетчеръ обходилъ всѣхъ и заставлялъ пить, иначе можно было подвергнуться грубой насмѣшкѣ". Ѳ. И. удивлялся, какъ могли ему благоволить западники — Герценъ и Грановскій, воплощенная деликатность. Ѳ. И. вспоминалъ еще проводы Бѣлинскаго, гдѣ Кетчеръ также произвелъ дебошъ и помѣшалъ дружественному настроенію. Естественно, разговоръ перешелъ на славянофиловъ. Ѳ. И. отлично зналъ всѣхъ Аксаковыхъ и Хомякова. Но онъ любилъ только Константина Аксакова и Хомякова. „Если бы Сергѣй Тимоѳеевичъ могъ когда-либо представить, что Иванъ женится на фрейлинѣ (Тютчевой), онъ мерт-

вый бы всталъ изъ могилы, чтобы не позволить этого. Аксаковы никогда не хотѣли знать Петербурга. Константинъ даже говорилъ: Рига — нѣмецкій городъ, и то говорятъ *рижская* губернія, а Петербургъ — Петербургская". До конца жизни К. Аксаковъ оставался цѣломудреннымъ. „Цѣльная былъ натура. Царство ему небесное", говорилъ Ѳ. И., „а это — директоръ банка и славянофилъ — да развѣ это мыслимо? газетчикъ! подождите, онъ съ Катковымъ сторгуется!" „Сторговаться или столковаться съ Катковымъ" — ниже ужъ ничего не было въ глазахъ Ѳ. И.

Оставивъ въ 1881 году университетъ, Ѳ. И., по порученію графа С. Д. Шереметева, занялся составленіемъ общихъ плановъ для женскаго дворянскаго института. Но „умыселъ другой тутъ былъ", а работа эта принесла Ѳ. И. массу огорченій. Ѳ. И. терпѣть не могъ классицизма и классической системы, которую онъ иначе не называлъ, какъ величайшимъ несчастіемъ для Россіи. И вообще Ѳ. И. былъ врагъ всякихъ „переломовъ", производимыхъ насильственно и сверху (такъ онъ относился и къ разрушенію университетскаго устава 1863 года), но классицизмъ казался ему водвореніемъ мертвечины и формалистики и водвореніемъ обскурантизма. Вотъ своими „планами" Ѳ. И. и хотѣлъ показать, въ чемъ живой духъ школы. Онъ взывалъ къ самодѣятельности и къ серьезнымъ занятіямъ еще въ старшихъ классахъ школы. Почему Ѳ. И. горячо взялся за планы для женскаго училища,—объясняется тѣмъ, что Ѳ. И. высоко ставилъ женское образованіе и ждалъ всего отъ серьезной его постановки [1]. Чтобы покончить съ классицизмомъ, скажу, что и послѣ, разсматривая, по порученію министерства, письменныя работы учениковъ Московскаго округа, Ѳ. И. неустанно указывалъ гибельные результаты изученія классическихъ грамматикъ.

Вотъ какъ составлялись эти „планы". Ѳ. И. считалъ важнѣйшими науками языки: отечественный и иностранные, исторію и математику. Для послѣднихъ онъ пригласилъ Н. И. Карѣева и В. В. Бобынина, программы для первыхъ составилъ исключительно самъ. Онъ не довѣрялъ только своей библіографической памяти и вполнѣ довѣрялъ въ этомъ отношеніи мнѣ. И еще разъ онъ усумнился, удобно ли, какъ ему чрезвычайно хотѣлось, дѣлать въ младшихъ классахъ диктанты изъ Евангелія, языкъ котораго онъ считалъ

---

[1]) „Если женщины будутъ серьезно учиться, онѣ сумѣютъ поставить жизнь на твердыхъ нравственныхъ началахъ",—говорилъ онъ.

наиболѣе соотвѣтствующимъ этому возрасту. Я отсовѣтовалъ, и Ѳ. И. согласился, но объ этомъ ниже.

Карѣевъ промелькнулъ въ жизни Ѳ. И. метеоромъ съ нежелательнымъ блескомъ, о чемъ тоже ниже. Программой его Ѳ. И. остался недоволенъ и всю ее передѣлалъ по-своему. Только программа Бобынина осталась неприкосновенной, но Ѳ. И. самъ строго опредѣлилъ кругъ того, что должно было войти въ нее.

А вотъ огорченія. Бывшій предводитель дворянства кн. Мещерскій устроилъ мужской пансіонъ при Дворянскомъ Собраніи. Порядки въ немъ были плохіе—и на этой почвѣ велась борьба. Но она не была пріятна для новаго предводителя графа С. Д. Шереметева, несмотря на его близость ко двору и на крупный, по его просьбѣ, сдѣланный подарокъ дворянству (я разумѣю запасный дворецъ у Красныхъ воротъ). Ѳ. И. былъ въ этомъ засѣданіи и видѣлъ, что дѣло проиграно. Особенно тяжелы и язвительны были намеки кн. Шаховскаго-Глѣбова-Стрѣшнева насчетъ женскаго же института, основаннаго нѣкогда родителемъ гр. Шереметева. Здѣсь въ собраніи Ѳ. И. видѣлся съ Самаринымъ, что ему было очень пріятно.

Вторая напасть пришла со стороны статсъ-секретаря Оома, который находилъ планы слишкомъ либеральными (вотъ здѣсь-то Ѳ. И. и порадовался, что не указалъ диктантовъ изъ Евангелія). Выдержки изъ письма Оома Ѳ. И. читалъ мнѣ, но вообще все письмо находилъ страннымъ и вызваннымъ какимъ-то недомысліемъ.

Наконецъ третья напасть. Ѳ. И. позволилъ г. Чудинову перепечатать „Планы" въ Пантеонѣ словесности, а онъ пустилъ ихъ въ отдѣльную продажу. Ѳ. И. боялся этимъ оскорбить гр. Шереметева, но послѣ примирился съ этимъ и радовался, что хотя такимъ путемъ они нѣсколько вошли въ публику.

Съ графомъ Сергіемъ Дмитріевичемъ (какъ любилъ писать и говорить Ѳ. И., доказывая, что Сергій одно и то же, что Сергѣй, а употребляется разно) Ѳ. И. примирился на знаменитомъ Апокалипсисѣ. Этотъ трудъ былъ цѣлою эпохою въ его жизни. Онъ смотрѣлъ на него прямо какъ на „долгъ, завѣщанный отъ Бога". Онъ часто крестился и постоянно говорилъ, что эта работа для будущаго, что теперь оцѣнить ее могутъ только Кондаковъ и Покровскій. Изъ ученыхъ спеціалистовъ Ѳ. И. болѣе всѣхъ любилъ и считалъ даже „образцовымъ" Кондакова. Рисунки и вся обстановочная, въ высшей степени кропотливая часть производилась „святымъ" человѣкомъ—М. К. Пуцилло. Эта добрѣйшая душа и личность была настоящимъ кладомъ для Ѳ. И., что̀ онъ и понималъ отлично.

Изданіе Апокалипсиса на счетъ Общества письменности и древностей опять приблизило Ѳ. И. ко двору. Два раза Ѳ. И. представлялся Императору Александру III и былъ принятъ съ отмѣнною милостію. Государь вспоминалъ „счастливые" годы занятій брата (Николая Александровича, умершаго Наслѣдникомъ), говорилъ даже о текущихъ дѣлахъ (начало его царствованія). Но особенно тронутъ былъ Ѳ. И. царственною простотою обхожденія, когда Государь, видя, что Ѳ. И. трудно отворить тяжелыя двери, самъ помогъ ему отворить массивную дверь, сказавъ: „у насъ тяжелыя двери, вамъ не отворить ихъ".

Ѳ. И. представлялся и Государынѣ, которая бесѣдовала съ нимъ о митрополитѣ Филаретѣ, по тому случаю, что Ѳ. И. и Филаретъ были единственные академики, остававшіеся въ Москвѣ и числившіеся въ Академіи. Ѳ. И. имѣлъ слабость къ Филарету, называлъ его „единственнымъ" пастыремъ и не упускалъ случая разсказать, какъ онъ сдѣлалъ поправку къ архитектурному чертежу Тона, который не соблюлъ типа православнаго храма при постройкѣ храма Христа Спасителя.

III.

Начало юбилея.—Отношеніе къ товарищамъ.—Причина изолированности.—Ученики Ѳ. И.

Возвратясь изъ Петербурга, Ѳ. И. любилъ разсказывать цѣлую эпопею своихъ отношеній къ четыремъ царствованіямъ. Въ это время онъ жилъ уже на Поварской, уголъ Трубнаго, въ д. Старикова (въ шутку называли „стариковскимъ" домомъ; здѣсь и скончался Ѳ. И.) Здѣсь жилъ и А. И. Чупровъ, и Ѳ. И. не разъ дѣлалъ параллели въ эту сторону, говоря, что оба они одинаковаго „направленія".

Ѳ. И. боготворилъ Александра II, гордился, что родился въ 1818 году (годъ рожденія Александра II) и крайне негодовалъ на Жуковскаго за то, что тотъ испортилъ натуру Государя своимъ романтизмомъ, благодаря чему Государь не докончилъ своихъ реформъ. „А онъ былъ очень дальновидный человѣкъ, онъ во время открылъ клапанъ, и Россія ему многимъ обязана". Смерть Александра II поразила его несказанно. Ѳ. И. не называлъ его иначе, какъ мученикомъ и любилъ говорить: „это былъ великій Государь,— *онъ былъ чуждъ предубѣжденій!*".

Въ 1888 году предположено было чествовать 40-лѣтіе ученой дѣятельности Ѳ. И. Онъ отнюдь не хотѣлъ какой-либо торжественности и вмѣстѣ искалъ признанія своихъ заслугъ, какъ-будто не довѣряя себѣ самому. Ѳ. И. хотѣлось видѣть въ какомъ-нибудь большомъ изданіи (академическомъ или въ журналѣ М. Н. Пр.) собраніе адресовъ и телеграммъ, но хлопоты мои были безуспѣшны, и я остановился на „Филологическихъ Запискахъ". Ѳ. И. самъ просматривалъ собраніе, иногда даже диктовалъ детали [1]). Особенно негодовалъ Ѳ. И. на Тихонравова (отчасти подъ вліяніемъ „дамъ"), за позднее поднесеніе адреса. Думаю, негодовалъ больше не за себя лично, а за noblesse oblige университета. Здѣсь считаю умѣстнымъ разсказать объ отношеніяхъ Ѳ. И. къ товарищамъ и ученикамъ. Изъ товарищей Ѳ. И. больше всего любилъ Леонтьева, который умѣлъ всегда уговорить и успокоить Ѳ. И.; нѣкоторое время онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Соловьеву, затѣмъ благоговѣлъ передъ Грановскимъ, сердечно уважалъ Кудрявцева и любилъ Мюльгаузена. Очень высоко цѣнилъ дарованія Вызинскаго, который для Польши бросилъ университетъ и потомъ эмигрировалъ. Ѳ. И. цѣнилъ и его характеръ, а его дарованія находилъ феноменальными.

Но честолюбіе однихъ, различіе во взглядахъ съ другими, скоро создало ему особое индивидуальное положеніе. *Дѣло въ томъ, что Ѳ. И. не имѣлъ общественныхъ идеаловъ. И въ наукѣ, и въ жизни Ѳ. И. не понималъ задачъ общественныхъ, или понималъ ихъ односторонне, въ смыслѣ образованныхъ классовъ.* Ѳ. И. любилъ русскій языкъ и народную литературу, *но народа не любилъ, говорилъ, что не знаетъ, гдѣ онъ и есть ли еще.* Когда Николай Саввичъ читалъ намъ изъ Кантемира (не говорю о болѣе новыхъ писателяхъ)

Бьешь холопа до крови
За то, что махнулъ рукою
Вмѣсто лѣвой правою...
Звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови, плоть въ твоемъ слугѣ съ тобой
одноличнa—

мы понимали, что это значитъ, и трепетъ охватывалъ насъ, и жгучій стыдъ за прошлое и за себя. Отъ Ѳ. И. ничего этого мы никогда не слыхали. Ѳ. И. могъ работать, только имѣя опредѣленный объектъ въ смыслѣ ли жизни, въ смыслѣ ли науки. Онъ могъ помочь Гераклову, Стремоухову, но не понималъ студенческой бѣд-

[1]) Часть передана мною И. Е. Забѣлину въ Историч. музей.

ности, нужды и нищеты народной. Ѳ. И., напр., считалъ долгомъ каждому сказать привѣтъ. И вотъ каждое воскресенье онъ спрашивалъ Ѳ. А. Гилярова: „ну, что Ваша газета?“ („Театр. извѣстія“), пока тотъ грубо не сказалъ: „Ѳ. И. я самъ стыжусь этой газеты, меня нужда заставляетъ заниматься ей. За что же вы меня травите?“ Или—Ѳ. И., въ молодости, посѣщалъ трущобы, гдѣ жили нищіе, но изъ этого, кромѣ воспоминаній, ничего не вышло. Онъ мнѣ разсказывалъ потомъ, что у него осталась привычка класть въ карманъ горсть копеекъ и подавать нищимъ, входить въ разговоры: сколько нищій набираетъ и какъ расходуетъ деньги. И вотъ ему говорили, сколько кто изъ нихъ пропиваетъ на чаю, сколько проѣдаетъ, какія выработались привычки“. И дальше этого не шли эти разспросы Ѳ. И—ча. Подавалъ Ѳ. И. исключительно калѣкамъ, а въ трущобы ходилъ, по его словамъ, молодой *изъ любопытства*: въ этомъ онъ весь.

Вотъ почему, я думаю, онъ и не кончилъ своей работы о Тургеневѣ. Пока дѣло шло о техникѣ, слогѣ, работа шла успѣшно. Но когда Ѳ. И. пришлось разбираться въ общественныхъ запросахъ и идеалахъ Тургенева, Ѳ. И. растерялся и не зналъ, что именно тутъ требуется. Онъ не любилъ, если и ученики его (А. И. Кирпичниковъ) брались за такія темы. Даже, какъ будто, считалъ это внѣ компетенціи профессора.

Много разъ заявлялось, что Ѳ. И. требовалъ отъ ученаго, чтобы онъ непремѣнно имѣлъ послѣдователей и учениковъ, и самъ гордился, что его ученики пошли дальше него, но онъ былъ своеобразенъ и разборчивъ въ этомъ отношеніи. Самый ближайшій его ученикъ былъ безспорно Н. С. Тихонравовъ. Не признавать его дарованій Ѳ. И. не могъ, но, отчасти подъ вліяніемъ несходства натуръ, отчасти подъ вліяніемъ постороннихъ вліяній Ѳ. И. былъ къ нему придирчивъ, хотя всякій разъ не безъ боли сердца. Какъ главное обвиненіе противъ Н. С. выдвигалъ Ѳ. И. то, что Н. С. ни разу не былъ за границей. „Такой даровитый человѣкъ (Ѳ. И. считалъ его гораздо даровитѣе себя) и сидитъ байбакомъ въ Россіи. Это—неуваженіе къ европейской цивилизаціи и къ прошлому“.

Разъ онъ получилъ 1.000 р. на поѣздку; такъ и замоталъ ихъ. Позже онъ ставилъ въ вину Н. С. занятіе новыми писателями, Гоголемъ: „Это—тамъ какія-то подстрочныя примѣчанія! нѣтъ, нѣтъ—это не дѣло ученаго!“ Послѣ „лѣтописей литературы“ ихъ пути были разные.

Кромѣ того, они были соперники по разысканію и оцѣнкѣ рукописей, и Н. С. превосходилъ своего учителя. Я только разъ видѣлъ Н. С. у Ѳ. И. Какъ мнѣ показалось, Н. С. былъ какъ-то почтите-

ленъ и даже застѣнчивъ и все соглашался съ Ѳ. И. (дѣло шло именно о какой-то рукописи).

Вмѣстѣ съ Любимовымъ Н. С. былъ ученикъ Ѳ. И. по гимназіи, и Ѳ. И. любилъ разсказывать, какой 1-й былъ тихоня и какой Н. С. былъ отчаянный, но шелъ выше всѣхъ. При этомъ Ѳ. И. не скрывалъ, что самъ онъ былъ не чуждъ тогдашнихъ педагогическихъ пріемовъ и частенько „диралъ за вихры" учениковъ, обходя классъ, потому что сидѣть на стулѣ не любилъ. Ѳ. И. посѣтилъ Н. С. передъ смертью, горевалъ, что тотъ умиралъ одинокимъ, и радовался, что они простились задушевно - товарищески и поцѣловались. Послѣ Н. С. ближайшими учениками Ѳ. И. считалъ Н. П. Кондакова, Александра Веселовскаго, Дашкевича, Соболевскаго и А. И. Кирпичникова. Перваго онъ ставилъ внѣ критики и говорилъ о немъ съ гордостью, даже бывалъ въ особомъ настроеніи послѣ его посѣщенія. Съ нимъ въ рядъ онъ ставилъ своего ученика „по духу", а не буквально (слова Ѳ. И.) петербургскаго Покровскаго. Имъ двоимъ вручалъ Ѳ. И. судьбу своего Апокалипсиса. Изданія ихъ Ѳ. И. получалъ съ восхищеніемъ. Передъ Александромъ Веселовскимъ (Ѳ. И. не называлъ его безъ имени) преклонялся, и теоріи его (литературной эволюціи) придавалъ первенствующее значеніе, всегда прибавляя по поводу той или другой статьи его: „этого бы я не могъ сдѣлать, хотя моя миѳологическая теорія еще крѣпка".

Никогда не забуду диспута Александра Николаевича („Вилла Алберти") и того сердечнѣйшаго вниманія, какое ему оказано было Ѳ. И. и Н. С. Тихонравовымъ. Еще памятнѣе мнѣ разсказъ Н. С. о пирушкѣ, которую они задали по этому случаю, и какъ Александръ Николаевичъ заложилъ пальто, когда не хватило „капиталовъ", но Ѳ. И., конечно, не было на этой „холодной" пирушкѣ и такихъ „студенческихъ" сообщеній, отъ которыхъ у насъ какъ-то особенно замирало сердце, у Ѳ. И. не было. Оттого-то онъ и дальше стоялъ отъ нашего воображенія и, такъ сказать, идеала.

Изъ позднѣйшаго ряда—Соболевскій, Кирпичниковъ и Дашкевичъ—Ѳ. И. даровитѣйшимъ считалъ послѣдняго, и книга его: „Средневѣковая романтика" казалась Ѳ. И. напоминающею старыя идеальныя диссертаціи „какихъ теперь не пишутъ", чѣмъ-то въ родѣ повторенія „Виллы Алберти". Соболевскаго Ѳ. И. находилъ одностороннимъ, а А. И. Кирпичникова слишкомъ разностороннимъ. Я помню одно чтеніе А. И. на дому у Ѳ. И. (о Пушкинѣ или Тургеневѣ); онъ видимо остался очень доволенъ искренностью и увлекательностью тона автора. Но, вообще, у него какъ-то не укладывалось понятіе: профессоръ и новѣйшій періодъ литературы.

Затѣмъ, шелъ пробѣлъ. Въ этомъ пробѣлѣ помѣщались В. Ѳ.

Миллеръ, покойный Шаховъ и Н. И. Карѣевъ. Къ первымъ двумъ Ѳ. И. не благоволилъ отчасти потому, что они были ближе къ Н. С., особенно послѣдній и по своему „пошибу". Сюда же надо отнести П. Г. Виноградова, но не знаю, слушалъ ли онъ Ѳ. И. Диспутъ Шахова какъ сейчасъ передо мной. Тономъ его диссертаціи [1]) особенно былъ недоволенъ С. М. Соловьевъ. Онъ находилъ въ диссертаціи не языкъ, а *жаргонъ*, объяснилъ, что, напримѣръ, слово „огорошить" произошло отъ обычая обсыпать горохомъ боярина, заврavшагося за столомъ царя.

Почти съ его словъ я напечаталъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ" статью о диспутѣ Шахова, вызвавшую крайній шумъ. Въ защиту Шахова выступилъ В. И. Герье, но окончательное слово осталось за мной. Ѳ. И. тайно поощрялъ меня (потомъ обычнымъ афоризмомъ): „это ужъ не работа, если она не вызываетъ шума и многочисленной критики".

Съ Карѣевымъ у Ѳ. И. были нелады—по давней исторіи. Поступая на I курсъ филологическаго факультета, Карѣевъ, до появленія въ стѣнахъ университета, вывѣсилъ объявленіе: „Ученикъ VII класса I гимназіи составилъ брошюру (имя рекъ—темой была греческая грамматика), которая продается у швейцара Никапора". Объявленіе вывѣшено было въ парадныхъ сѣняхъ прямо съ большого входа, и тамъ, гдѣ юридическіе и филологическіе профессора выходили изъ профессорской, не имѣя возможности миновать эти столбы. Это было въ 1868 г., когда Леонтьевъ мнилъ себя силой. Но Карѣевъ поступилъ на словесное отдѣленіе. Съ волосами à la художникъ, длинными до плечъ, необыкновенно пріятными и выразительными глазами, онъ расположилъ къ себѣ ласковымъ обхожденіемъ многихъ товарищей, особенно В. А. Андреева, „сына извѣстной фирмы", которому тогдашніе студенты-словесники много обязаны. (Въ томъ числѣ и Н. И.). Андреевъ указалъ имъ возможность печататься на университетской скамьѣ, дѣлалъ у себя вечера, имѣлъ прекрасную библіотеку [2]) и даже послѣ издавалъ на свой счетъ труды товарищей. У Ѳ. И. Андреевъ былъ завсегдатаемъ. И вотъ пошелъ темный слухъ, что Н. И. и Андреевъ оставляются при университетѣ по каѳедрѣ Ѳ. И. Какъ это дошло до Ѳ. И., не знаю, но результатъ былъ чрезвычайный. На переходномъ, съ третьяго на четвертый курсъ, экзаменѣ Ѳ. И. поставилъ мнѣ послѣднему пятерку, а затѣмъ Андрееву, Карѣеву и още троимъ по двойкѣ. Всѣ они остались на годъ, но перешли на историческое отдѣленіе.

---

[1]) Французская литература въ первые годы XIX столѣтія.

[2]) Пожертвована въ Московскую Духовную Академію.

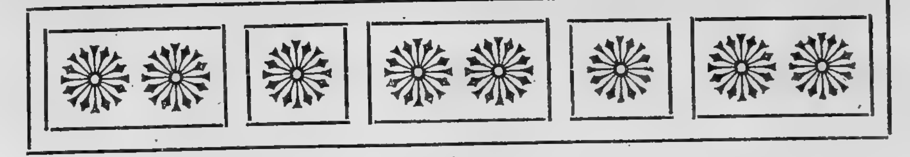
Коноводомъ собственно былъ Карѣевъ. Ѳ. И. пережилъ тяжелыя минуты, пострадалъ Андреевъ, уцѣлѣлъ Карѣевъ, который, скоро послѣ окончанія курса, *сочинилъ* диссертацію и былъ назначенъ въ Варшаву на каѳедру исторіи. Окончательно съ Карѣевымъ Ѳ. И. примирился только послѣ юбилейнаго адреса С.-Петербургскаго университета.

Изъ послѣдующихъ поколѣній Ѳ. И. восхищался работами Жданова, но не знаю, ученикъ ли онъ Ѳ. И.

Сообщилъ В. А. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Начало бюрократіи въ Россіи.

I.

Въ концѣ XVIII в. система высшаго и мѣстнаго управленія въ Россіи покоилась на первенствующемъ значеніи дворянства, владѣвшаго милліонами крѣпостныхъ крестьянъ и заполнявшаго всѣ степени государственной службы. Еще Императрица Екатерина II, закрѣпившая эти привилегіи дворянства Особой Жалованной ему грамотой, чувствовала весь вредъ господства одного сословія въ такомъ демократическомъ по духу государствѣ, какъ Россія, и мирилась съ этимъ положеніемъ вещей лишь по необходимости, видя въ дворянствѣ опору своей власти. Наслѣдникъ ея, Императоръ Павелъ, задумалъ освободить самодержавіе отъ существовавшаго аристократическаго привѣска, даровать системѣ высшаго управленіи всесословный характеръ личнаго усмотрѣнія Государя, стоящаго превыше сословныхъ интересовъ и имѣющаго одну цѣль—благо народа во всемъ его цѣломъ. „Sachez, говорилъ Павелъ, qu'il n'y a de grands Seigneurs en Russie que ceux auxquels je parle et pendant l'instant où je leur fais cet honneur". Начались нарушенія дворянскихъ привилегій, „развратное", по словамъ Павла, поведеніе дворянъ подверглось строгой регламентаціи не только въ области права, но даже въ частной жизни; суровыя требованія, предъявленныя къ лицамъ, занимавшимъ военныя и гражданскія должности, отозвались также прежде всего на дворянахъ. Но, лишая дворянство политическаго значенія, которымъ оно пользовалось, предоставляя ему въ государствѣ лишь служебную роль, Императоръ долженъ былъ создать новые органы управленія, не имѣющіе сословнаго, дворянскаго характера и исходящіе отъ единаго источника власти—власти самодержавнаго монарха. Отсюда возникло стремленіе Павла замѣнить коллегіальное начало въ высшемъ управленіи единоличною властью министровъ въ непосредственной зависимости отъ Государя, отсюда—появленіе на выс-

шихъ степеняхъ государственной службы, доселѣ занятыхъ сплошною стѣною представителями аристократическихъ родовъ,—массы, „parvenus", выскочекъ, независимо отъ ихъ происхожденія, образованія и денежныхъ средствъ. Старые аристократическіе роды потѣснились, давая мѣсто Обольяниновымъ, Аракчеевымъ, Кутайсовымъ, Ливенамъ, Нелидовымъ, Вязьмитиновымъ, на высотѣ постовъ появились совершенно молодые, незнатные люди (Ливенъ, напримѣръ, управлялъ военною частію всего 23-хъ лѣтъ отъ роду, Растопчинъ завѣдывалъ иностранными дѣлами—32-хъ л.), единственною заслугой которыхъ было угодливость власти. И тогда-то впервые образовался расколъ между аристократіей и высшей администраціей, такъ какъ выскочки, въ предыдущія царствованія, считались единицами и тонули въ аристократическомъ морѣ (Орловы, Безбородки, Разумовскіе), а при Павлѣ составъ высшей администраціи обновлялся цѣликомъ почти три раза, и лишь немногіе новые люди тотчасъ же вошли въ родственныя связи со старыми дворянскими родами, какъ напримѣръ, Кутайсовы съ Лопухиными. При томъ, возвышая избранниковъ своихъ, Императоръ далеко не всѣхъ могъ обогатить. Старые екатерининскіе вельможи смотрѣли на новыхъ людей съ высокомѣріемъ. Когда одинъ изъ павловскихъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ позволилъ себѣ въ разговорѣ сказать старому канцлеру Остерману: „въ нашихъ чинахъ", то получилъ въ отвѣтъ: „въ вашихъ, но не въ нашихъ". Изъ лицъ аристократическихъ родовъ Императоръ Павелъ приблизилъ къ себѣ только тѣхъ, въ чьей личной преданности онъ не сомнѣвался; таковы были князья Куракины, гр. Н. П. Шереметевъ, гр. А. С. Строгановъ. Не случайно особымъ довѣріемъ Императора пользовался графъ фонъ-деръ-Паленъ, и др. прибалтійскіе нѣмцы, остзейское происхожденіе которыхъ, казалось, являлось ручательствомъ, что они не будутъ сторонниками роптавшаго русскаго дворянства.

Новые люди должны были служить и новой системѣ управленія. Общество въ Россіи въ то время было только дворянское; поэтому, по взгляду Императора, объ участіи общественныхъ силъ въ управленіи не могло быть и рѣчи. Въ губерніяхъ мѣстная администрація, бывшая выборной отъ дворянства, поставлена была теперь въ исключительную зависимость отъ губернатора, всецѣло отвѣчавшаго за всѣ ея дѣйствія, даже собственнымъ имуществомъ, отсюда поговорка: „положеніе хуже губернаторскаго". Въ высшемъ управленіи предположено было, вмѣсто коллегій, образовать семь департаментовъ, подъ начальствомъ министровъ. Хотя это преобразованіе и не было закончено при Павлѣ, но ходъ занятій въ новыхъ министерствахъ уже принялъ чисто-бюрократическій оттѣнокъ, и дѣла зависѣли

отъ единоличнаго усмотрѣнія чиновниковъ. Всѣмъ дѣлопроизводствомъ, по разсказу Тургенева, завѣдывали столоначальники отдѣленій департаментовъ въ министерствахъ, которымъ передавались начальниками отдѣленій всѣ докладныя записки, полученныя ими самими отъ директоровъ департаментовъ; этимъ же послѣднимъ всѣ бумаги передавались министрами. Столоначальникъ, свидѣтельствуетъ Тургеневъ, зналъ дѣло прежде, полнѣе и основательнѣе начальника отдѣленія, директора и министра, который никогда и ни о какомъ дѣлѣ никакого яснаго и основательнаго понятія имѣть не могъ. Дѣло по посредствующимъ инстанціямъ опять доходило до министра, который преподносилъ его въ красивомъ извлеченіи Государю. Эти извлеченія и сокращенія разными лицами такъ долго отходили отъ существа дѣла, что по утвержденіи доклада Государемъ иногда не знали, какъ привести его въ исполненіе. Между тѣмъ, дѣйствія министровъ оставались безъ всякаго контроля. Государственный Совѣтъ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій, Сенатъ обращенъ былъ въ судейское мѣсто. Хаотическое положеніе законодательства, не приведшаго еще въ систему, необходимость помнить и разобраться во всѣхъ законоположеніяхъ, начиная съ царствованія Алексѣя Михайловича, только усиливали тягость единоличнаго режима, создавали всевозможные поводы къ злоупотребленіямъ. Идеалъ полицейскаго государства, въ которомъ каждый, самый мелкій органъ власти являлся какъ бы представителемъ воли самодержавнаго монарха, оказывался очевидно несостоятельнымъ. Какъ же отнесся къ нему преемникъ Императора Павла, Императоръ Александръ I?

II.

„Я никогда не могу привыкнуть къ идеѣ царствовать деспотически“, писалъ Александръ I наставнику своему Лагарпу, тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ, „и не способенъ поддерживать угнетеніе“. Съ молодыми друзьями своими: Кочубеемъ, Строгановымъ, Новосильцевымъ и Чарторыйскимъ Александръ образовалъ негласный комитетъ общественнаго спасенія, чтобы перестроить „безобразное зданіе государственнаго управленія“ и водворить въ немъ законность взамѣнъ личнаго произвола. Теоретическія представленія Государя и молодыхъ его совѣтниковъ о свободѣ и равенствѣ никакъ не могли однако уложиться въ практическія рамки, выразиться въ какой-либо опредѣленной, осязательной мѣрѣ, тѣмъ болѣе, что партія старыхъ екатерининскихъ дѣльцовъ требовала возвращенія къ прошлому до-павловскому режиму, а Лагарпъ, ста-

рый свободолюбецъ, къ удивленію Александра, расхолаживалъ его намѣренія поступиться полнотой самодержавной власти, указывая на политическую незрѣлость русскаго общества. Поэтому, дѣйствія Александра приняли скоро характеръ, по выраженію Строганова, вялый. Государственный Совѣтъ получилъ, правда, законодательное значеніе, а Сенату возвращены были его права по надзору за администраціей и за соблюденіемъ законовъ и дано было даже право представлять Государю о неудобствахъ въ исполненіи законовъ уже изданныхъ. Но возстановлять коллегію, даровать Сенату власть исполнительную не рѣшились „свободныхъ мыслей коноводы", окружившіе монарха: подъ вліяніемъ дѣльцовъ новой, бюрократической формаціи, они боялись преобладающаго значенія дворянства и убѣдили Государя остановиться на системѣ единоличнаго управленія министровъ. 8-го сентября 1802 г. положено было основаніе бюрократическому строю Россіи образованіемъ восьми министерствъ. Министры были полновластными начальниками своихъ вѣдомствъ, но должны были сначала представлять ежегодно отчеты о своемъ управленіи Сенату, который по разсмотрѣніи ихъ докладывалъ ихъ съ своимъ заключеніемъ Государю. Но въ скоромъ времени министры избавились отъ этой стѣснительной опеки. По всѣмъ, даже маловажнымъ случаямъ они испрашивали Высочайшія разрѣшенія, упразднявшія необходимость отчетности предъ Сенатомъ, а въ 1803 г. Сенату предписано было указать представлять о неудобствахъ законовъ, лишь *ранѣе* изданныхъ. „Министры, писалъ Каразинъ, основавъ бытіе свое на развалинахъ коллегій, стали между Государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величіе; хотя подвѣдомые ему отчетами, но, сказавъ: „я имѣлъ счастіе докладывать Государю", заграждали уста сенаторамъ, и сія мнимая отвѣтственность была пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые Государемъ, сообщались Сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіей правили министры". Безотвѣтственность министровъ привела, по замѣчанію Сперанскаго, къ тому, что, боясь критики, они уклонялись браться за вопросы, требующіе силы, твердости, и такимъ образомъ способствовали застою въ государственной энергіи. „Вся дѣятельность правительства, писалъ Сперанскій, направляется главнымъ образомъ на текущія дѣла, и вся тактика министровъ состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать „важныхъ вещей, имѣя однако видъ, что они неутомимо дѣйствуютъ и хлопочутъ". Докладывая Государю, что хотѣли и какъ хотѣли, министры сдѣлались всемогущими въ своихъ вѣдомствахъ. Послѣдствія не замедлили сказаться. По свидѣтельству Державина, министры съ самаго начала стали распоряжаться само-

вольно, подавали доклады о милліонахъ и „зачали тащить казну по своему усмотрѣнію“. Гр. С. Р. Воронцовъ говорилъ о министерскомъ деспотизмѣ, что отъ него блекнетъ все, что есть въ странѣ цвѣтущаго, что онъ все оподляетъ (avilit) и является причиною бѣдствій какъ для подданныхъ, такъ и для Государя“.

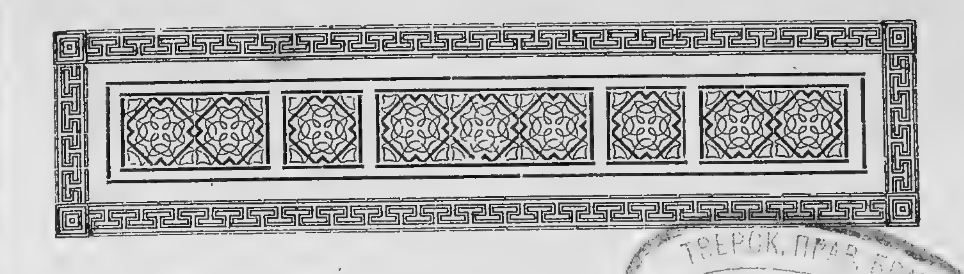
Комитетъ министровъ учрежденъ былъ для общаго обсужденія докладовъ каждаго министра, предварительно поднесенія ихъ Государю, для надлежащаго соображенія ихъ со всѣми государственными частями, въ вѣдѣніи ихъ находящимися. Но, естественно, министры не чинили здѣсь другъ другу затрудненій. Въ комитетъ вносились часто дѣла, уже получившія Высочайшее разрѣшеніе, только для регистраціи, или сомнительныя, отвѣтственность за рѣшеніе которыхъ, уже предначертанное, министръ желалъ взвалить на плечи товарищей; въ комитетъ наконецъ начали поступать и законодательныя дѣла, вносить которыя въ Государственный Совѣтъ министръ почему-либо считалъ для себя неудобнымъ. Своеволіе и безпредѣльность власти министровъ распредѣлялись и между подчиненными имъ мѣстами и лицами, въ средѣ дѣйствій каждаго. Явилась между чиновниками своего рода круговая порука, а министры считали своею обязанностію, ограждая себя, защищать своихъ подчиненныхъ даже въ случаяхъ особыхъ злоупотребленій; такимъ „отцемъ“ для чиновниковъ былъ особенно министръ коммерціи, гр. Н. П. Румянцевъ. Это бюрократическое царство закрѣплено было въ 1811 г. изданіемъ „Общагоучрежденія министерствъ“, написаннаго Сперанскимъ.

Кто же наполнилъ новую бюрократическую армію? Разумѣется, на высшихъ степеняхъ были по преимуществу представители родовой аристократіи, но на-ряду съ ними начали выдвигаться остзейскіе дворяне, а также иностранцы, проникшіе въ Россію въ большомъ количествѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., въ особенности нѣмцы. Нѣкоторыя отрасли высшаго управленія пріобрѣтали, по личности начальника, исключительно иноплеменный характеръ; въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ, напримѣръ, въ дипломатическомъ и полицейскомъ, чуждые Россіи люди считались иногда въ силу этого болѣе благонадежными и полезными. Но огромную долю участія въ дѣлахъ бюрократической машины приняли на себя люди, вышедшіе изъ рядовъ мелкаго дворянства и изъ духовнаго сословія; послѣднимъ покровительствовалъ сначала Сперанскій. Успѣхамъ ихъ содѣйствовалъ указъ, по которому въ чины 8-го и 5-го классовъ могли быть произведены лишь лица, прошедшія университетскій курсъ или выдержавшія соотвѣтствующій экзаменъ. Хотя указъ этотъ скоро былъ отмѣненъ, но права, присвоенныя университетскому дип-

лому по государственной службѣ, побудили наполнить университетскія аудиторіи бѣдныхъ дворянъ и семинаристовъ. Толпа эта, превратившись въ чиновниковъ, лишенная какихъ бы то ни было традицій и связей съ покинутой средой, и образовала, въ концѣ концовъ, ту бюрократическую армію, предъ которой должна бы поникнуть и сословная, и народная жизнь, и само правительство въ высшемъ значеніи этого слова. Эта армія заполнила собою и дворянское сословіе, не имѣя, конечно, дворянскихъ традицій, и выдѣлила свою, *бюрократическую* аристократію, изъ которой выходили сановники по рожденію. Эта аристократія иногда смѣшивалась съ родовитой, но никогда не уступала ей своего мѣста и въ строѣ государственной жизни была несравненно сильнѣе ея, такъ какъ въ рукахъ ея находилось все управленіе.

Е. Шумигорскій.

Изъ минувшаго.

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.).

Помѣщая съ особымъ удовольствіемъ воспоминанія давняго сотрудника „Русской Старины", редакція имѣетъ въ виду, въ скоромъ времени ознакомить читателей журнала съ 45 лѣтней литературной дѣятельностью уважаемаго Григорія Константиновича Градовскаго и воспроизвести его портретъ.

Ред

I.

М. Н. Катковъ. — Его взгляды на польскій вопросъ. — Мое знакомство съ Катковымъ. — Пріѣзды Каткова въ Петербургъ. — Встрѣча съ графомъ Д. А. Толстымъ.

Мнѣ приходилось близко знать М. Н. Каткова, еще въ тѣ времена, когда онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ. Въ его изданіяхъ участвовали тогда такіе писатели, какъ И. С. Тургеневъ, М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), гр. А. К. Толстой, гр. Л. Н. Толстой. На страницахъ „Русскаго Вѣстника" печатались „Отцы и Дѣти", „Губернскіе Очерки", „Война и Миръ", „Анна Каренина". Съ тогдашнимъ Катковымъ имѣли постоянныя связи такіе публицисты и ученые, какъ К. Д. Кавелинъ, В. П. Безобразовъ, А. Д. Градовскій.

Издатель „Русскаго Вѣстника" и арендаторъ „Московскихъ Вѣдомостей" былъ тогда горячимъ сторонникомъ всѣхъ преобразованій Царя-Освободителя, приверженцемъ европейской образованности и англійскаго парламентаризма. Попасть въ то время въ сотрудники къ Каткову было нелегко.

Мнѣ кажется, не безполезно разсказать о моемъ знакомствѣ съ М. Н. Катковымъ и о послѣдовавшемъ за тѣмъ разрывѣ. Имѣлъ я нѣкоторыя сношенія и съ гр. Д. А. Толстымъ. Эти двѣ личности

были тѣсно связаны. Они вліяли другъ на друга. Катковъ „обрабатывалъ“ министра, а министръ дѣйствовалъ чрезъ публициста Страстнаго бульвара. Оба они много навредили Россіи, особенно подъ конецъ своей дѣятельности, и оба почти одновременно исчезли, оставивъ самое тягостное наслѣдіе родинѣ.

Либеральныя идеи, западничество, приверженность къ европейскимъ свободамъ и политическимъ учрежденіямъ могли стяжать успѣхъ Каткову въ литературныхъ и общественныхъ сферахъ; но вліятельную роль въ правящихъ сферахъ московскому публицисту принесло польское возстаніе. Либерализмъ Каткова терпѣлся; но на немъ далеко уѣхать нельзя. Иное дѣло обличеніе бунтовщиковъ, призывы къ усмиреніямъ и безпощаднымъ карамъ. На этой почвѣ можно легко выслужиться и выдвинуться. М. Н. Катковъ быстро и ярко обнаружилъ эти способности.

Поляки повторили ошибки 1830 года. Тогда они растеряли конституцію, свое привилегированное положеніе не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Въ 1863 г. они нарушили и поколебали прогрессивное движеніе и у себя, и во всей Россіи. Реакціонеры разомъ ожили и стали указывать, какія опасности являются на почвѣ свободы и ослабленія „ежевыхъ рукавицъ“. Русское общество вполнѣ сочувствовало всѣмъ улучшеніямъ въ Царствѣ Польскомъ. Иные энтузіасты, какъ извѣстно, пошли даже сражаться за освобожденіе Польши. Но поляки и тутъ напортили и себѣ, и русскому прогрессивному движенію. Они возродили самый узкій *національный шовинизмъ*, стали поносить не только полицейскій режимъ и всѣ репрессіи дореформеннаго времени, но и русскій народъ вообще. Мы превратились въ угнетателей, азіатскихъ дикарей; отрицалось наше славянское происхожденіе; на русскій народъ, на русское общество поляки воздвигали гнѣвъ и презрѣніе Европы, которая только-что примирилась съ нами и дружественно привѣтствовала паденіе крѣпостного права, первые шаги къ дальнѣйшему гражданскому и политическому возрожденію.

На почвѣ національной вражды не можетъ расти взаимное сближеніе. Сочувствіе русскаго общества къ полякамъ охладѣло, а жестокости иныхъ повстанцевъ, звѣрскія выходки „жандармовъ-вѣшателей“, неразборчивость въ средствахъ борьбы унизили польское возстаніе и уронили его романтическую привлекательность. М. Н. Катковъ поднялъ брошенную поляками перчатку національной вражды, политической ошибки и созданной возстаніемъ государственной опасности. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появились горячія и талантливыя статьи, воодушевленныя патріотизмомъ, идеями государственнаго единства и заботами о благѣ того населенія, которое

не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ десяти западно-русскихъ губерніяхъ обречено было нести всѣ невзгоды старой борьбы и междоусобной славянской войны. „Московскія Вѣдомости“ выясняли, что даже въ Царствѣ Польскомъ низшіе слои народа, крестьяне, не могли сочувствовать возстанію. Тѣмъ болѣе оно было преступно въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ поляки-помѣщики владычествовали подъ покровомъ полицейскаго режима, но крестьяне, малороссы, бѣлоруссы и литовцы вовсе не желали польскаго гнета. Они дорожили только-что совершившимся освобожденіемъ и не имѣли ничего общаго съ стремленіями польской шляхты и польскаго духовенства. Заботясь не только объ усмиреніи мятежа, но и объ устраненіи его на будущее время, М. Н. Катковъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла, доказывалъ необходимость возможно лучшаго устройства и обезпеченія крестьянъ, улучшенія быта православнаго духовенства, обновленія чиновничества, развитія народнаго образованія, поднятія русской общественности въ западныхъ губерніяхъ и распространенія на нихъ всѣхъ тѣхъ преобразованій, къ которымъ готовилась Россія. Относительно западной Руси М. Н. Катковъ не только сохранилъ либерализмъ, но и былъ радикаленъ. Особенно настойчиво и убѣдительно этотъ радикализмъ проявлялся по крестьянскому вопросу.

И. С. Аксаковъ, въ качествѣ славянофила, вполнѣ поддерживалъ „русское дѣло“ въ западныхъ губерніяхъ, но славянофильство въ то же время все еще обрѣталось въ великомъ подозрѣніи въ бюрократическихъ сферахъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Особенно не нравился въ Петербургѣ образный, сердечный языкъ Аксакова. На совѣты объ „умѣренности“ Аксаковъ отвѣчалъ:—Не могу лепетать *выхолощеннымъ* языкомъ!

„Московскія Вѣдомости“, не погрѣшая противъ силы слога и доводовъ, умѣли ладить съ бюрократизмомъ, знали, въ какой часъ надо промолчать, кому слѣдуетъ воскурить ѳиміамомъ восхваленій, и кого можно задѣть больно и смѣло. Оба московскіе публициста оказали несомнѣнныя услуги русскому политическому слову. Оно было красиво и сильно, даже когда погрѣшало въ содержаніи. Лучшія привѣтствія освобожденію крестьянъ, свободѣ печати и новому суду (20 ноября 1864 г.) принадлежали изданіямъ Каткова и Аксакова. Тѣмъ прискорбнѣе тотъ „поворотъ“, который совершился въ нихъ десять лѣтъ спустя, и особенно, послѣ кончины Царя-Освободителя.

Либеральная печать страдала непониманіемъ польскаго вопроса и западно-русскаго дѣла. Единственная въ шестидесятые годы ретроградная крѣпостническая газета „Вѣсть“ рѣзко нападала на „милю-

тинск уюполитику“ въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ и обзывала мировыхъ посредниковъ „красными“ и „босоногими патріотами“. Прогрессивная печать не знала хорошо, на какой ногѣ стоять. Не хотѣлось ей душить поляковъ, но бросалась въ глаза и вся неправда крѣпостническихъ нападеній „Вѣсти“.

Познакомился я съ М. Н. Катковымъ по поводу процесса, возбужденнаго однимъ русскимъ помѣщикомъ противъ основателя и тогдашняго издателя „Кіевлянина“, профессора В. Я. Шульгина. Русскіе помѣщики притязали, чтобъ крестьянское дѣло рѣшалось въ ихъ имѣніяхъ иначе, нежели въ польскихъ. За удовольствіе быть крестьянами русскихъ помѣщиковъ надо было платить уменьшенными надѣлами и болѣе высокой выкупной оцѣнкой. „Кіевлянинъ“ возсталъ противъ подобныхъ притязаній и, обличая корыстную ихъ сторону, назвалъ богатаго помѣщика „карманнымъ патріотомъ“. Это былъ отвѣтъ на „босоногихъ патріотовъ“ газеты „Вѣсть“. Поднятая кляуза, по существу дѣла, не стоила выѣденнаго яйца; но всѣ крупные помѣщики сосредоточили на ней свои надежды, желая какъ-нибудь подорвать новый пересмотръ крестьянскаго дѣла и повернуть его назадъ, какъ это удалось крѣпостникамъ послѣ инвентарей 1848 года и съ выкупными договорами 1861—62 г.г., которые навязывались крестьянамъ полицейскими „экзекуціями“ и военными командами. Въ Кіевѣ тогда доживалъ еще старый судъ, предсѣдатель котораго, матеровой канцеляристъ стараго Сената, видимо угождалъ возрождавшемуся плантаторству и реакціоннымъ поползновеніямъ. Несмотря на блестящую защиту В. Я. Шульгина, судебная палата вынесла обвинительный приговоръ (отмѣненный впослѣдствіи Сенатомъ).

Вотъ по этому-то дѣлу я написалъ статью, которая выяснила сущность и общее значеніе этого процесса, и послалъ ее въ „Московскія Вѣдомости“. М. Н. Катковъ немедленно напечаталъ ее, да еще и съ своей стороны грянулъ громами не только противъ „карманныхъ патріотовъ“, но и противъ услужливой, дореформенной судебной палаты.

Въ 1869 году генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ былъ назначенъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ. При немъ политика относительно Западнаго края стала мѣняться. Мирволили богатымъ, вліятельнымъ „панамъ“, а бѣднаго крестьянина опять забывали. Мелкіе помѣщики терпѣли всѣ невыгоды бывшаго возстанія и исключительныхъ мѣръ, а крупные „магнаты“ преспокойно достигали разныхъ снисхожденій и изъятій.

„Московскія Вѣдомости“ долго еще и горячо обличали эту непослѣдовательность и неправду относительно большинства населенія.

Исключительное положеніе затягивалось, вопросъ не двигался къ коренному рѣшенію. Административное своеволіе обращалось снова противъ „новшествъ" и государственныхъ интересовъ.

При такихъ условіяхъ, я счелъ за благо оставить Кіевъ и переѣхалъ въ Петербургъ. Не имѣя еще прочныхъ связей съ столичной печатью, я посылалъ свои статьи въ тѣ газеты, которыя могли ихъ помѣстить (по своему направленію). Болѣе всего ко мнѣ подходили „С.-Петербургскія Вѣдомости", находившіяся тогда въ рукахъ В. Ф. Корша (прежняго москвича); но по вопросамъ Юго-Западнаго края я иногда писалъ въ „Московскія Вѣдомости". Въ апрѣлѣ 1870 г. я поѣхалъ въ Кіевъ, чтобы перевезти въ Петербургъ свою семью, и между двумя поѣздами заѣхалъ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей".

М. Н. Катковъ принялъ меня чрезвычайно любезно и произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе. Обращеніе его было свѣтское, разговоръ сжатый и содержательный. Онъ хвалилъ мои статьи, справился о моемъ положеніи въ Петербургѣ и сообщилъ, что онъ имѣетъ кое-какіе виды на постоянное сотрудничество мое въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Мнѣ это предложеніе было очень кстати. Вошелъ П. М. Леонтьевъ, и Катковъ познакомилъ меня съ своимъ издательскимъ близнецомъ.

На обратномъ пути, я остановился въ Москвѣ на двое сутокъ; полюбовался всѣмъ, что пріятно русскому сердцу въ древней столицѣ, и окончательно условился съ Катковымъ. Мнѣ предложено было завѣдывать петербургскимъ отдѣленіемъ редакціи и писать какія угодно статьи и корреспонденціи, главнымъ образомъ по тѣмъ текущимъ вопросамъ, которые разрабатываются въ бюрократическихъ сферахъ и государственныхъ учрежденіяхъ. Мое служебное положеніе облегчило эту задачу, а черезъ петербургское отдѣленіе „Московскихъ Вѣдомостей" М. Н. Каткову сообщали всѣ законодательные проекты, правительственныя вѣсти и готовящіяся перемѣщенія и назначенія. Связи у Каткова были сильныя.

Время отъ времени М. Н. Катковъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, останавливался въ лучшей гостиницѣ на Малой Морской (теперь Гоголевская) и съ утра до ночи разъѣзжалъ къ разнымъ „особамъ" или принималъ у себя. Обыкновенно пріѣзды Каткова связывались съ какими-нибудь дѣлами въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Конечно, я видѣлся съ Катковымъ, и онъ бывалъ у меня, ввидѣ отвѣтнаго визита. Вѣжливость его была образцовая. Онъ и тогда уже страдалъ безсонницей и съ трудомъ начиналъ говорить, какъ-бы заикаясь, не скоро овладѣвалъ собой и оживлялся. Голосъ его былъ добродушный и въ немъ трудно было угадать громовержца „Московскихъ Вѣдомостей".

У Каткова я встрѣтился въ первый разъ и съ графомъ Д. А. Толстымъ. Это былъ невзрачный брюнетъ, съ густой, темнаго цвѣта растительностью на головѣ и лицѣ; одѣтый скромно въ черный сюртукъ. Ничего внушительнаго и важнаго онъ не представлялъ и держался очень просто. Въ этомъ отношеніи онъ очень выгодно отличался отъ П. А. Валуева, который рисовался „государственнымъ мужемъ".

Съ Катковымъ графъ Д. А. Толстой обращался дружественно и съ видимымъ уваженіемъ. Бывавшіе у Каткова подчиненные графа Толстого, начиная съ Е. М. Ѳеоктистова (бывшаго потомъ начальникомъ Главнаго управленія по дѣламъ печати), явно и откровенно лебезили передъ Катковымъ. Ѳеоктистовъ сидѣлъ на кончикѣ стула и молчалъ, если его не спрашивали, и вставалъ, когда Катковъ приподнимался съ своего кресла. Замѣчая это благонравіе, я вспомнилъ характеристику Алмазова: „Палъ великій Ѳеоктистовъ съ двухъ-аршинной высоты"... Оставляя свой „постъ", онъ утѣшалъ радовавшихся редакторовъ, что послѣ него „еще хуже будетъ". Предсказаніе оправдалось. Ѳеоктистову наслѣдовалъ М. П. Соловьевъ.

Русскую литературу не разъ искореняли и запугивали; но она оживала съ новой силой. Наша мученица-печать не забудетъ завѣта поэта: „Впередъ, безъ страха и упрека".

II.

Взгляды Каткова на классицизмъ.—„Потокъ Богатырь",

Въ одно изъ свиданій съ М. Н. Катковымъ въ Петербургѣ, когда мы были одни, мнѣ удалось вызвать весьма любопытныя объясненія по весьма жгучему тогда вопросу объ учебной реформѣ. Съ своей стороны, я относился къ спору о древнихъ языкахъ вполнѣ нейтрально. Мнѣ казалось, что лучшее рѣшеніе этого вопроса было назади, въ уваровскихъ гимназіяхъ. Въ одной изъ нихъ я учился въ 1853—1859 г.г. Это была первая Харьковская гимназія, считавшаяся университетской. Въ ней преподавались два новѣйшихъ языка и два древнихъ. Французскій и нѣмецкій были обязательны; но ихъ никто не зналъ, исключая учившихся имъ дома или жившихъ у учителей (француза или нѣмца). Надъ этими несчастными учителями, по укоренившемуся варварскому обычаю, имѣвшему связи съ національизмомъ и прежней враждой къ нѣмцамъ и, вообще, иностранцамъ,—царило въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ непрестанное глумленіе, не то въ видѣ забавы, не то какъ проявленіе „патріотическихъ" чувствъ. Древніе же языки не были обязательны,

отъ нихъ можно было и освободиться; но для поступленія въ университетъ требовался латинскій языкъ на всѣхъ факультетахъ, а на историко-филологическомъ надо было знать и греческій. Понятно, что большинство училось одному латинскому, чтобъ не держать экзамена изъ него въ университетѣ. Будущіе „словесники" не только зубрили латынь, но и наслаждались „чудными звуками эллинской рѣчи". Меньшинство, довольствовавшееся гимназическимъ курсомъ, было избавлено отъ общенія и съ Цицеронами и съ „старца великаго тѣнью". Въ общемъ изученіе древнихъ языковъ было удовлетворительно и, во всякомъ случаѣ, не отличалось отъ участи и учебной постановки остальныхъ предметовъ.

Меня поражала та нетерпимость, съ которой Катковъ настаивалъ на сосредоточеніи всего гимназическаго курса около двухъ мертвыхъ языковъ и на безусловной обязательности классицизма для университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Вмѣсто прежней, терпимой даже въ крѣпостное время *свободы*, навязывалась *неволя*, а неволя всегда внушала отвращеніе и приносила обратныя послѣдствія. Цѣпей никто не любитъ.

Катковъ внимательно выслушалъ мое сомнѣніе и, затѣмъ, постепенно воодушевляясь, изложилъ свои основные доводы, закулиснымъ суфлеромъ которыхъ являлся, какъ многіе думали, П. М. Леонтьевъ. Все европейское просвѣщеніе зиждется на классицизмѣ. На изученіи древнихъ авторовъ, поэтовъ, юристовъ началось возрожденіе образованности, выходъ человѣчества изъ мрака среднихъ вѣковъ. Вся европейская наука, высшая цивилизація обязаны своимъ развитіемъ изученію классиковъ. Они служили и орудіемъ единенія всего просвѣщеннаго міра.

— Не понимаю,—закончилъ Катковъ,—чтобъ истинный ученый или литераторъ могъ не цѣнить всѣхъ умственныхъ и художественныхъ богатствъ, завѣщанныхъ намъ Греціей и Римомъ. Если мы хотимъ достигнуть той общественности, тѣхъ политическихъ учрежденій, которыми пользуются передовые западные народы; если мы желаемъ имѣть просвѣщенныхъ государственныхъ людей, выдающихся ученыхъ и писателей, мы должны создать ту школу, которая вырабатываетъ такіе умы, лежитъ въ основѣ изобрѣтательности, культуры, развитія знаній.

Очень можетъ быть, что Катковъ зналъ, какіе доводы болѣе всего могутъ склонить меня въ пользу классицизма.

— Отчего же, Михаилъ Никифоровичъ,—вы не выдвинете эту весьма важную аргументацію въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"?.. Извините меня, но нѣкоторые изъ доводовъ, приводимыхъ въ статьяхъ объ учебной реформѣ, скорѣе отталкиваютъ общество, нежели убѣждаютъ.

Катковъ прошелся по комнатѣ, усмѣхнулся и тихо,—но убѣжденно сказалъ:

— Не въ обществѣ дѣло... Умная часть общества должна понять, а глупыхъ и неучей никто не спрашиваетъ. Реформа рѣшается не въ обществѣ, а въ министерствѣ, въ правительственныхъ сферахъ... Неужто, эти сферы можно пронять доводами науки, просвѣщенія, задачами политическаго значенія?

И Катковъ иронически захохоталъ.

— Кто такіе наши государственные мужи,—продолжалъ онъ.— Въ большинствѣ это паркетные шаркуны, мастера маршировки и угодливости.

Что имъ наука и что они ей? Даже правовѣды и лицеисты не болѣе какъ натасканные, дрессированные чиновники. Этихъ господъ надо убѣждать доказательствами, что просвѣщеніе не представляетъ ни малѣйшей опасности, и что классики не приведутъ къ республикѣ, не нарушатъ полицейскаго благополучія и являются опорой порядка.

— А министерство народнаго просвѣщенія, а Толстой

— Что Толстой?.. Самого Толстого надо наставлять и подпирать на каждомъ шагу... Онъ-то и является однимъ изъ примѣровъ невѣжества нашихъ верховъ. О классикахъ онъ имѣетъ такое же понятіе, какъ и о Марсѣ или Юпитерѣ. Главнѣйшіе, основные доводы болѣе всего должны быть обращены къ Цѣпному мосту... Вся сила тамъ!..

Въ словахъ Каткова было много правды; но являлась опасность, что полицейскіе доводы приведутъ и къ полицейской постановкѣ учебной системы. Вышло даже хуже, оправдалось предсказаніе И. С. Аксакова. Онъ доказывалъ, что Катковъ дѣлаетъ громадную ошибку, отстаивая свои преобразованія бюрократическимъ путемъ.

— Бюрократія, какъ боа; едва приблизишься къ ней, она обвивается вокругъ своей жертвы, втягиваетъ ее въ свою пасть и въ конецъ-концовъ поглощаетъ. Она сушитъ и изводитъ все живое, душитъ умъ, личность. Лучше держаться подальше,—особенно публицисту.

Предсказаніе сбылось. Учрежденіе у Цѣпнаго моста постепенно поглотило Каткова. Незамѣтно, особенно послѣ смерти П. М. Леонтьева, онъ позабылъ всѣ доводы, кромѣ полицейскихъ, не терпѣлъ противорѣчій, отрицалъ свободу мнѣній и превратился изъ выдающагося, прогрессивнаго публициста въ злобнаго изувѣра. Общество отшатнулось отъ него. „Учебная реформа“ обратилась въ одинъ изъ тормозовъ народнаго просвѣщенія. Грамматическія упражненія забивали всю охоту къ ученію. Классиковъ никто не зналъ; на самостоятельное чтеніе, которое всегда служило основой умствен-

наго развитія, не доставало времени, а зубристика внушала даже отвращеніе къ книгѣ. Получалось въ результатѣ не просвѣщеніе, а народное затемнѣніе.

Но въ 1870 году все это еще было впереди, а скрытые, не оглашенные Катковымъ доводы были очень привлекательны. Онъ говорилъ убѣжденно и искренно. Голосъ его былъ мягкій, съ декламаторскими интонаціями. Я не имѣлъ тогда основаній не довѣрять М. Н. Каткову, а настойчивость, воодушевленіе и усердіе его при проведеніи реформы производили хорошее впечатлѣніе. Онъ не щадилъ своихъ силъ и здоровья для дѣла, которое считалъ высокой государственной и общественной потребностью.

Среди нашей обломовщины, косности и равнодушія, это было рѣдкое явленіе. Вышло, однако, не по хорошему, а по дурному. Даже Аксаковъ, предостерегавшій Каткова, не избѣгъ потомъ общей участи и попалъ въ сѣти бюрократическаго и полицейскаго режима.

Сохранилось въ моей памяти еще одно свиданіе съ М. Н. Катковымъ. Я засталъ его въ очень хорошемъ настроеніи и не истомленнымъ безсонницей, которой онъ часто страдалъ. На мой вопросъ о здоровьи и что его радуетъ, онъ отвѣчалъ:

— А вотъ послушайте эту прелесть...

И Катковъ взялъ со стола небольшую рукопись и размѣрно, выразительно прочелъ стихотвореніе графа А. К. Толстого. Это была былина о „Потокѣ-Богатырѣ". Я всегда любилъ Алексѣя Толстого, его чудный, сильный русскій языкъ. Сколько ясности и красоты! Это не нынѣшніе „декаденты", которые уродуютъ и слова, и понятія, воображая, будто слово дано человѣку для затемнѣнія и безъ того темныхъ и ничтожныхъ ихъ мыслей; чѣмъ темнѣе и безсвязнѣе ихъ бредъ, тѣмъ представляется онъ глубокомысленнѣе для подобныхъ же почитателей. Chaque sot trouve toujours un plus sot, qu'il admire.

Катковъ съ особымъ удареніемъ и смѣясь прочелъ второй разъ о томъ, какъ московская царевна встрѣтила Потока. „Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ, что иного словца мнѣ сказать не велитъ, я тебя, прощелыгу, нахала, и не такъ бы еще обругала"! Повторилъ Катковъ и насмѣшку надъ современными дѣвицами, которыя совершаютъ „пресловутое общее дѣло: потрошатъ чье-то мертвое тѣло".

Надо замѣтить, что Катковъ въ то время былъ на сторонѣ высшаго образованія женщины и особенно отстаивалъ женщину-врача; но онъ былъ противъ легкомысленныхъ отношеній къ этому вопросу, противъ стриженыхъ волосъ и мужскихъ ухватокъ, противъ обращенія серьезнаго дѣла въ грязную шутку и флиртъ. Въ

былинѣ о Потокѣ-Богатырѣ доставалось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

Новѣйшія крайности осмѣивались такъ же, какъ и древнемосковская татарщина, съ ея жестокостями и холопствомъ. Алексѣй Константиновичъ Толстой былъ искреннимъ сторонникомъ освободительной эпохи, но тогдашніе „нигилисты“ причисляли его къ ретроградамъ.

Особенно нравилось Каткову заключеніе былины:

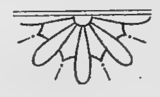
„Но до здраваго русскаго вѣча вамъ еще, государи, далече“!

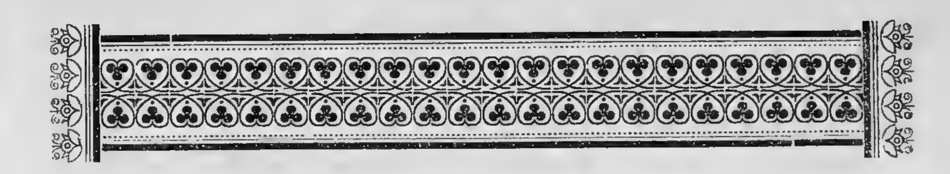
— Вотъ если бъ у насъ,—говорилъ Катковъ,—поболѣе было такихъ людей, какъ Алексѣй Константиновичъ, такъ и не пришлось бы Потоку еще лѣтъ на двѣсти заснуть. Дождались бы и мы „здраваго русскаго вѣча“, да еще въ обновленномъ, современномъ видѣ... Это Алексѣй Толстой, а не Дмитрій; Ѳедотъ, да не тотъ!..

Былина появилась въ слѣдующей книжкѣ „Русскаго Вѣстника“. Тогда отъ Каткова не отшатнулись еще русскіе писатели.

Г. К. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За кулисами дипломатіи.

ГЛАВА I.

Какъ пришелъ я къ мысли настоящаго очерка.—Характеристики дѣйствующихъ лицъ: Андрей Николаевичъ Карцовъ—дипломатическій агентъ въ Бѣлградѣ.—Императорскій посолъ въ Константинополѣ—Николай Павловичъ Игнатьевъ.—Наше посольство въ Вѣнѣ: посолъ Евгеній Петровичъ Новиковъ и Сергѣй Спиридоновичъ Татищевъ.—Императрица Марія Александровна и ея приближенные.

Къ мысли написать настоящій очеркъ пришелъ я слѣдующимъ образомъ: въ 1876 г., еще безусымъ юношею, я попалъ въ Сербію въ качествѣ яко бы добровольца. Сначала на бивакѣ Ибарской арміи, затѣмъ проживая у дяди своего А. Н. Карцова, нашего дипломатическаго агента въ Бѣлградѣ, я былъ свидѣтелемъ своеобразной картины тогдашняго движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, познакомился со многими дѣятелями. Начавъ, 25 лѣтъ спустя, писать свои воспоминанія, я обратился къ А. Н. Карцову съ просьбою все, относящееся до этой эпохи, просмотрѣть и провѣрить. А. Н. не только снисходительно исполнилъ мою просьбу, но и передалъ мнѣ хранившіяся у него частныя письма и замѣтки. Хотя матеріалы эти отрывочны и неполны, но и то, что досталось мнѣ въ руки, показалось мнѣ настолько характернымъ и цѣннымъ, что я, не медля, задумалъ: приступить къ отдѣльному очерку, а пробѣлы, насколько возможно, восполнять по воспоминаніямъ дипломатической моей службы и устнымъ преданіямъ. Судить о томъ, удалось ли мнѣ и въ какой мѣрѣ уловить смыслъ событій, я не берусь. Во-первыхъ, въ собственномъ дѣлѣ никто не судья, во-вторыхъ, выясниться это можетъ лишь послѣ того, какъ будутъ открыты архивы и обнародована переписка того времени. Но даже и тогда, относительно многихъ явленій придется довольствоваться догадками: въ такую смутную эпоху, какъ 1875—76 гг., важнѣйшіе переговоры велись путемъ личныхъ свиданій, а потому миновали картоны дипломатическихъ канцелярій.

Начну съ характеристики дѣйствующихъ лицъ и, прежде всего,

А. Н. Карцова, весною 1875 г. къ самой завязкѣ событій назначеннаго въ Бѣлградъ дипломатическимъ агентомъ.

Андрей Николаевичъ Карцовъ, изъ дворянъ Смоленской губерніи, кончилъ курсъ въ Александровскомъ лицеѣ и принадлежалъ къ XXI его выпуску. Опредѣлившись на службу въ Азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ нѣкоторое время былъ секретаремъ въ Бѣлградѣ, а затѣмъ консуломъ въ Іерусалимѣ. Наше правительство придавало особенную цѣну отношеніямъ къ императорской Франціи. Поэтому, Іерусалимъ, гдѣ интересы православія и латинства сталкивались, являлся пунктомъ чрезвычайно важнымъ. А. Н. Карцовъ не замедлилъ обратить на себя вниманіе своими изъ ряду выдающимися дипломатическими способностями. Благодаря его такту и энергіи окончено было громкое дѣло о верхнемъ Придѣлѣ Храма, l'affaire de la Coupole, тянувшееся съ отдаленной эпохи первой Имперіи. Состоялось соглашеніе, по которому эта часть храма осталась за греками, съ правомъ для католиковъ ее, съ согласія грековъ, освѣщать во время своихъ католическихъ праздниковъ. Достигъ этого А. Н. Карцовъ, съ одной стороны черезъ свои дружескія отношенія къ патріарху Кириллу, съ другой—систематическимъ спаиваніемъ французскаго консула де-Барера. Делегатъ папы монсиньоръ Валерга соглашенія не призналъ и остался при отдѣльномъ мнѣніи.

Въ Іерусалимѣ своими рѣшительными дѣйствіями касательно двухъ, изъ Россіи командированныхъ, духовныхъ лицъ,—А. Н. Карцовъ навлекъ на себя неудовольствіе Государыни Императрицы Маріи Александровны. Хотя канцлеръ князь Горчаковъ и доложилъ, какъ происходило дѣло, но слѣдъ этого неудовольствія едва-ли совсѣмъ изгладился: быть можетъ, тутъ и зародилось нерасположеніе, которое Государыня въ исходѣ сербо-турецкаго столкновенія проявила, и въ столь осязательной формѣ, по отношенію къ А. Н. Карцову

За свою дѣятельность въ Іерусалимѣ А. Н. Карцовъ получилъ повышеніе: былъ переведенъ генеральнымъ консуломъ въ Корфу. Онъ оставался тамъ до 1875 г., когда послѣдовало его назначеніе въ Бѣлградъ.

Въ Сербіи А. Н. Карцовъ снова оказался подъ начальствомъ генерала Н. П. Игнатьева. Помня его по Іерусалиму, Николай Павловичъ надѣялся въ немъ найти помощника дѣятельнаго и болѣе подходящее орудіе для своей политики, нежели какимъ былъ предмѣстникъ А. Н. Карцова, Н. П. Шишкинъ. Вотъ что по этому поводу писалъ онъ А. Н. Карцову, въ письмѣ отъ 6/18 мая 1875 г.:

„Никто болѣе меня не желалъ отъѣзда вашего предмѣстника и скорѣйшаго назначенія вашего. Тезка мой безспорно умный и талантливый человѣкъ, но онъ слишкомъ долго засидѣлся въ Бѣлградѣ.

Желчь, тоска и злость на окружающихъ людей и обстоятельства одолѣвали его способности мышленія. Это плохія основанія для сношеній съ „единокровными и единовѣрными" братьями славянами...

...Оцѣнивъ давно ваши способности, характеръ и пріемы, не сомнѣваюсь, что вы поставите себя на прекрасную ногу со всѣми и поладите, какъ съ княземъ, такъ и со всѣми партіями, до внутреннихъ дрязгъ которыхъ намъ нѣтъ никакого дѣла. Все зависитъ отъ умѣнья взяться за дѣло и за людей. Вы это доказали въ Іерусалимѣ, и я еще недавно, бесѣдуя съ вашимъ старымъ пріятелемъ Кирилломъ о минувшихъ событіяхъ, выразилъ мысль, что, будь вы два года тому назадъ въ Іерусалимѣ, престарѣлаго патріарха не вытѣснили бы. Кириллъ подтвердилъ это убѣжденіе, сознавшись, что вы не дали бы ни ему, ни пашѣ сдѣлать глупости, которыя привели къ прискорбной развязкѣ".

Что касается умѣнья А. Н. Карцова ладить съ иностранными коллегами, Н. П. Игнатьевъ въ письмѣ отъ 23 сентября 1875 года даетъ такой отзывъ:

„...Необходимо вамъ держаться въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ коллегами австрійскимъ (котораго легко вамъ забрать въ руки) и нѣмецкимъ; не мѣшаетъ и всѣхъ другихъ подобрать „галантерейнымъ образомъ", на что́ вы издавна „мастеръ".

Человѣкомъ партіи или опредѣленнаго направленіи А. Н. Карцовъ никогда не былъ. Свое честолюбіе онъ единственно ставилъ въ томъ, чтобы высоко держать знамя Россіи и какъ можно точнѣе и лучше выполнять получаемыя инструкціи. Всякой, такъ называемой politique personnelle, онъ былъ безусловно чуждъ... Мысль изъ Бѣлграда давать тонъ общей политикѣ Россіи показалась бы ему смѣшною и предосудительною. По сказаннымъ причинамъ, дѣятельность А. Н. Карцова я въ правѣ назвать министерскою „инструкціонною". Въ этомъ онъ разнился отъ другихъ товарищей—Н. П. Игнатьева, М. А. Хитрово, А. С. Іонина. Тѣ слѣдовали „вѣяніямъ" и искали себѣ опоры въ сферахъ общественныхъ и придворныхъ.

Въ 1875 г. А. Н. Карцову еще не исполнилось 40 лѣтъ. Семья его состояла изъ жены и троихъ дѣтей. Женатъ онъ былъ на левантинкѣ дѣвицѣ Порталисъ, дочери ливанскаго шелкозаводчика.

Какъ хозяинъ, А. Н. Карцовъ отличался хлѣбосольствомъ. Характера живого и общительнаго, веселый и остроумный собесѣдникъ, онъ привлекалъ къ себѣ и вліялъ на окружающихъ. Французскимъ языкомъ, на которомъ тогда велась дипломатическая переписка, онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Донесенія его, писанныя легкимъ, полнымъ юмора стилемъ, пользовались въ Петербургѣ большимъ успѣхомъ и читались на расхватъ.

Тогда во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ государственный канцлеръ, князь А. М. Горчаковъ. Какъ политическій дѣятель, онъ былъ на зенитѣ своей славы. Несомнѣнно, князь Александръ Михайловичъ былъ человѣкъ высокоталантливый, огромнаго политическаго опыта. Но годы его были преклонные. Физическія его силы, а съ ними и духовныя, съ каждымъ днемъ ему измѣняли. Голова оставалась свѣжею, но бороться со старческими наклонностями ослабѣвшая воля была не въ состояніи. Эгоизмъ, манія величія, страсть къ рекламѣ, скаредность, похотливость,—эти черты были всегда присущи натурѣ князя. Теперь, болѣе несдерживаемыя нравственною уздою, онѣ имъ завладѣли и затемнили прирожденную ему ясность взгляда. По отношенію къ подчиненнымъ его безцеремонность переходила въ цинизмъ и достигала неприличія и безстыдства. Объ амурахъ престарѣлаго канцлера по городу ходили скабрезные разсказы. Проведя всю жизнь въ придворныхъ сферахъ, князь А. М. былъ придворнымъ весьма искуснымъ. Благодаря остроумной приправѣ, анекдоты и bons mots стараго князя сходили ему съ рукъ и даже въ чопорномъ кругу Императрицы Маріи Александровны принимались благосклонно.

Могъ ли такой, себя пережившій и распустившійся человѣкъ оказаться на высотѣ тѣхъ историческихъ событій, которыя, подобно грозовой тучѣ, надвигались на Россію? Занятый, исключительно, самимъ собою, въ дѣлахъ внѣшней политики, князь А. М. видѣлъ только рамку, выпукло выдѣлявшую собственную его личность. Князя Бисмарка онъ считалъ своимъ ученикомъ и не прощалъ ему, что тотъ его превзошелъ. Изъ подчиненныхъ бѣльмомъ на глазу у него былъ Н. П. Игнатьевъ. Всякій разъ какъ Н. П. Игнатьевъ изъ Константинополя пріѣзжалъ въ Петербургъ, князь А. М. съ раздраженіемъ ставилъ ему вопросъ: Vous venez me prendre mon portefeuille?

Въ продолженіе цѣлыхъ 12-ти лѣтъ (1864—1876 гг.) дѣлами посольства нашего въ Константинополѣ завѣдывалъ генералъ Николай Павловичъ Игнатьевъ. Турецкимъ Востокомъ канцлеръ А. М. Горчаковъ интересовался мало; поэтому, въ дѣйствіяхъ своихъ Н. П. Игнатьевъ былъ почти полнымъ хозяиномъ. На всѣхъ событіяхъ того времени отпечатлѣлась его личность яркая и могучая. Политической дѣятельности онъ предавался съ увлеченіемъ, еще въ полномъ цвѣту молодости, безбрежныхъ упованій и неограниченнаго честолюбія. На всякомъ мѣстѣ Н. П. Игнатьевъ явился бы выдающимся дѣятелемъ,—въ Константинополѣ, гдѣ каждый человѣкъ на счету, онъ скоро пріобрѣлъ преобладающее значеніе. Его называли le vice-Sultan; да онъ и былъ имъ на самомъ дѣлѣ: турецкіе министры его боялись и были у него въ рукахъ.

Главною и неизмѣнною цѣлью Игнатьевской политики было разрушеніе Турецкой имперіи и замѣна ея христіанскими, предпочтительно славянскими народностями. Идеологическая окраска нашей политики отвѣчала послѣ эманципаціи охватившему Россію либеральному настроенію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совпадала съ politique des nationalités Наполеоновской Франціи.

Умозрительнымъ политикомъ Н. П. Игнатьевъ не былъ: съ принципами и отвлеченностями онъ обращался довольно безцеремонно. Политическому міросозерцанію его недоставало глубины, историческаго чернозема. Однажды, по поводу болгарскихъ церковныхъ дѣлъ, совѣтникъ А. И. Нелидовъ замѣтилъ, что православіе Россія восприняла отъ Византіи. „Совсѣмъ не отъ Византіи, возразилъ Н. П. Игнатьевъ, а отъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія".

Въ Константинополѣ Н. П. Игнатьевъ былъ въ упоеніи собственнаго политическаго значенія. Событія его окружали такимъ ореоломъ, что онъ становился какъ бы вождемъ всего славянства. Съ 1875 г., а тѣмъ болѣе послѣ убіенія султана Абдулъ-Азиса, вліяніе Н. П. Игнатьева въ Константинополѣ пошло на убыль. Очень понятно, когда возгорѣлась война Сербіи съ Турціею, онъ, по его выраженію, „всею душою былъ въ Сербо-Черногорскомъ лагерѣ". Только внѣшнія неудачи могли заставить Турцію пойти съ повинною и дать Н. П. Игнатьеву реваншъ за пораженіе, которое онъ понесъ на той самой Константинопольской почвѣ, которую онъ изучилъ вдоль и поперекъ и на которой онъ, въ самомъ дѣлѣ, господствовалъ.

По манерѣ дѣятельности и дипломатическимъ пріемамъ Н. П. Игнатьевъ былъ homme d'action et d'expédients. Онъ любилъ прибѣгать къ фортелямъ и въ затрудненіяхъ находилъ новые выходы. Подчиненнымъ рѣдко удавалось сообщить ему новость, которую бы онъ не зналъ раньше. Съ наступленіемъ темноты, къ нему пробирались проходимцы, политическіе интриганы или попросту шпіоны.

Н. П. Игнатьевъ былъ того мнѣнія, что Н. П. Шишкинъ засидѣлся въ Бѣлградѣ. Такой же упрекъ, и еще съ бо́льшимъ основаніемъ, можно бы сдѣлать ему самому. Окруженный льстивыми „братушками" и заискивающими аферистами „русско-подданными", Н. П. Игнатьевъ,—импульсивный по натурѣ, страсти своей къ преувеличенію все болѣе давалъ волю. Члены русской колоніи, армяне и греки, доставляли Н. П. Игнатьеву политическія свѣдѣнія, а онъ, въ отплату, ихъ административнымъ и судебнымъ дѣламъ оказывалъ защиту. Бывали случаи, когда по соображеніямъ политическимъ, иногда по добротѣ душевной или изъ желанія проявить свое всемо-

гущество, онъ это покровительство простиралъ слишкомъ далеко. Въ Петербургѣ противъ Игнатьева дѣйствовала цѣлая клика. Главнымъ ея руководителемъ являлся ближайшій помощникъ князя М. А. Горчакова, директоръ Азіатскаго департамента, П. Н. Стремоуховъ. Бывшій тогда въ Константинополѣ генеральнымъ консуломъ, М. А. Хитрово, какъ на зло, съ Игнатьевымъ повздорилъ. Съ легкой руки М. А. Хитрово, про отношенія Н. П. Игнатьева къ „дѣльцамъ" русской колоніи въ корридорахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и петербургскихъ гостиныхъ пошли ходить сплетни.

Совершенно иного типа и склада былъ нашъ посолъ въ Вѣнѣ, Евгеній Петровичъ Новиковъ.

Е. П. Новиковъ воспитывался въ Московскомъ университетѣ и удостоился званія магистра славянскихъ нарѣчій. Его диссертація объ Іоаннѣ Гусѣ такъ понравилась митрополиту Филарету, что владыко сказалъ: „Если бы были духовнымъ, я бы васъ сдѣлалъ епископомъ". Поступивъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, Е. П. Новиковъ научные пріемы работы сохранилъ и на дипломатической службѣ. Каждый вопросъ онъ обдумывалъ и разбиралъ принципіально, исторически, до мельчайшихъ подробностей, до переутомленія. Пунктуаленъ онъ былъ до педантичности. Какъ-то разъ въ депешѣ онъ, вмѣсто haut du pavé, поставилъ haut bout du pavé. Это такъ его огорчило, что онъ едва не телеграфировалъ на станцію Граница, чтобы вернуть курьера. Въ 1870 году, во время пребыванія Тьера въ Вѣнѣ, Е. П. Новиковъ, передавая ему сообщеніе нашего правительства, забылъ одну подробность, самую ничтожную. На слѣдующій день, рано по-утру, Тьеръ уѣзжалъ изъ Вѣны. Новиковъ явился къ нему въ гостиницу въ шесть часовъ утра. Такая совѣстливость поразила Тьера: „jeunes gens, обратился онъ къ секретарямъ, pour préciser un point l'ambassadeur de Russie s'est levé de grand matin. Si tous nous avions été aussi scrupuleux dans le travail, peut-être les malheurs de notre patrie ne seraient pas arrivés".

Что касается дипломатическаго искусства, Е. П. Новиковъ, разумѣется, не могъ равняться Н. П. Игнатьеву. Ни самообладанія, ни умѣнія обходиться съ людьми у него не было. Впечатлѣніе, которое онъ производилъ на постороннихъ, было или отталкивающее, когда онъ принималъ холодно-вѣжливый тонъ, или комическое, когда онъ начиналъ горячиться и кричать. Начальственнаго неодобренія онъ боялся до смѣшного: разъ навсегда было приказано подавать ему телеграммы уже расшифрованными, такъ какъ въ ожиданіи расшифровки онъ чуть не заболѣвалъ отъ волненія. Не всегда различалъ онъ важное отъ второстепеннаго и отъ пустяка приходилъ въ отчаяніе. Подъ гнетомъ неотвязныхъ мыслей и въ состояніи ки-

пѣнія, онъ испытывалъ потребность въ собесѣдникѣ и легко подпадалъ подъ вліяніе.

Зато въ главныхъ политическихъ вопросахъ, когда путемъ усидчиваго труда онъ выработалъ себѣ убѣжденіе, сбить его уже было невозможно. Сильнымъ онъ себя чувствовалъ въ своемъ кабинетѣ, за рабочимъ столомъ. Тутъ каждое положеніе онъ готовъ былъ подтвердить цѣлымъ арсеналомъ ссылокъ и доводовъ. Вначалѣ карьеры, будучи секретаремъ, а потомъ совѣтникомъ посольства въ Константинополѣ, онъ, какъ истый питомецъ Московской alma mater, заплатилъ дань увлеченію славянами. Ближайшее съ ними знакомство, особенно съ болгарами, произвело въ его взглядахъ рѣшительную перемѣну. Бесѣды съ болгарскими народными „дѣйцами", докторомъ Чомаковымъ, Крестовичемъ и др., привели Новикова къ заключенію, что болгарамъ до Православія и славянской солидарности рѣшительно никакого нѣтъ дѣла: всѣ ихъ стремленія сводятся къ національному партикуляризму и грубо эгоистичны. Е. П. Новиковъ не любилъ, чтобы ему напоминали, что и онъ нѣкогда увлекался славянами. „Ne me rappelez pas mes erreurs de jeunesse", восклицалъ онъ и нервно кружилъ по комнатѣ.

Въ нашемъ Вѣнскомъ посольствѣ, до прихода Е. П. Новикова, славянофильскія традиціи преобладали. Мѣсто посольскаго священника занималъ протоіерей Раевскій, служившій посредникомъ между петербургскими кружками и австрійскими славянами. Въ Вѣну Е. П. Новиковъ прибылъ съ твердо установленнымъ, отрицательнымъ взглядомъ на славянскій вопросъ. Сближеніе между Россіею и Австро-Венгріею онъ считалъ дѣломъ первостепенной государственной важности. Съ одной стороны, оно казалось ему необходимымъ какъ противовѣсъ военному преобладанію Германіи, а съ другой, какъ залогъ полюбовнаго разрѣшенія затрудненій на Балканскомъ полуостровѣ, возникновенія которыхъ слѣдовало ожидать каждую минуту. Своимъ откровеннымъ, корректнымъ образомъ дѣйствій Е. П. Новиковъ очень скоро пріобрѣлъ довѣріе и расположеніе австрійскихъ правительственныхъ сферъ. Однажды, въ Пештѣ въ казино графъ Андраши сказалъ ему, намекая на Германію: „Quand deux marchent d'accord le troisième doit les suivre, mais séparons nous: le Consul général d'allemagne Weckergotter nous dévore des yeux".

Прочіе члены нашего посольства въ Вѣнѣ были: совѣтникъ Васильчиковъ, значеніемъ онъ не пользовался, страдалъ душевнымъ разстройствомъ, перешедшимъ въ острое помѣшательство, затѣмъ А. Н. Татищевъ—довольно безцвѣтный. Всѣхъ затмевалъ другой Татищевъ—Сергѣй Спиридоновичъ.

Въ описываемое время, С. С. Татищевъ находился въ самомъ

разгарѣ безшабашной молодости. Ростомъ онъ былъ выше средняго, черты лица у него были правильныя и красивыя, тэмбръ голоса черезвычайно пріятный, глаза немного прищурены. Своими благами природа щедро его надѣлила. Быстрымъ ухомъ схватывалъ онъ предметы и тотчасъ въ выраженіяхъ изящныхъ и мѣткихъ опредѣлялъ ихъ сущность. Изъ всего тогдашняго поколѣнія дипломатовъ Сергѣй Татищевъ былъ несомнѣнно способнѣйшій. Къ сожалѣнію, проявленію блестящихъ его дарованій его страсти и порочныя наклонности служили помѣхою. Не однѣ женщины сбивали съ пути Татищева; что гораздо хуже, онъ былъ игрокъ и расточитель.

Въ качествѣ Wunderkind'a, домашніе Татищева непомѣрно его избаловали. Въ результатѣ, у него развилось „я", посторонняго соперничества не выносившее. Ему, какъ феномену, міръ долженъ былъ поклоняться и имъ любоваться. Обаятельностью натуры онъ привлекалъ людей, но цинизмомъ обращенія и систематическимъ отдавливаніемъ ноги онъ неизмѣнно кончалъ тѣмъ, что всѣхъ оскорблялъ и отъ себя отталкивалъ. Посломъ Е. П. Новиковымъ онъ завладѣлъ совершенно, но другіе сослуживцы подчиниться не захотѣли и съ нимъ вступили въ безпощадную борьбу.

Никакого состоянія у Татищева не было, это, однако, не препятствовало ему блистать въ свѣтѣ и проигрывать въ Jockey Club'ѣ огромныя деньги. У царицы моды княгини Полины Меттернихъ онъ пользовался большимъ успѣхомъ. Съ графомъ Андраши онъ проводилъ вечера въ Carl Theater'ѣ. На такую широкую жизнь откуда брались у Татищева деньги? Сложилась легенда, будто бы Татищевъ торговалъ секретами посольства и продалъ австрійскому правительству шифръ. Е. П. Новикова легенда эта приводила въ негодованіе, при чемъ онъ высказывалъ слѣдующее: „Если бы Татищевъ что-нибудь продалъ, болѣе всѣхъ виноватъ былъ бы я, ибо не доглядѣлъ. Но дѣло въ томъ, что продавать было нечего: не австрійцы отъ насъ искали, а съ постоянными требованіями обращались къ нимъ мы". Въ свое оправданіе Татищевъ составилъ обширный мемуаръ. По его увѣренію, онъ игралъ въ компаніи съ греческимъ посланникомъ княземъ Ипсиланти и съ нимъ заодно занималъ деньги у ростовщиковъ. Въ концѣ концовъ, Ипсиланти, cet ami généreux, уплатилъ за него 100.000 гульденовъ.

Вѣнская исторія, какъ и многіе аналогичные факты жизни Татищева, и доселѣ осталась невыясненной. Въ необыкновенномъ этомъ человѣкѣ страннымъ образомъ и въ цѣльномъ видѣ совмѣщались контрасты явно непримѣримые: добро и зло, грязь и золото. Несомнѣнно, горячо любилъ онъ Россію. При первомъ выстрѣлѣ за Дунаемъ, онъ поспѣшилъ стать въ ряды дѣйствующей арміи. До

послѣдней минуты талантливое перо его было посвящено служенію національной идеѣ. И, тѣмъ не менѣе, въ потомствѣ Татищевъ не займетъ мѣста равнаго славнымъ народнымъ дѣятелямъ: Хомякову, Самарину, Каткову и Аксакову. Проповѣди его, холодной и разсчетливой, недоставало качества наиболѣе существеннаго: искренности. Онъ писалъ о прошломъ, а мысль его витала въ настоящемъ. Воздвигая на пьедесталъ Императора Николая I, онъ передъ глазами имѣлъ одну цѣль: попасть въ милость къ Императору Александру III. Когда по этому поводу ему дѣлали замѣчаніе—„Que voulez Vous? je suis un homme politique refugié dans l'histoire",— спокойно отвѣчалъ Татищевъ. Императоръ Александръ III прекрасно понималъ, куда гнетъ Татищевъ, и на его заигрыванія не поддавался. Однажды, Гирсъ пришелъ къ царю съ жалобою на Татищева. „Отчего хотите вы меня лишить интереснаго чтенія?" остановилъ его Государь. „Онъ мнѣ очень мило подкуриваетъ".

Затѣмъ С. С. Татищевъ въ различныхъ политическихъ негоціаціяхъ принималъ участіе, большею частью, негласно, но всегда дѣятельное. Онъ поработалъ на поприщѣ франко-русскаго союза, между правительствами Россіи и Болгаріи служилъ посредникомъ, наконецъ, въ Лондонѣ, по порученію С. Ю. Витте, выступилъ провозвѣстникомъ англо-русской дружбы. Какъ ни успѣшны и плодотворны были эти дѣйствія, чувствовалось: тутъ не все ладно, открывались пробѣлы, которые, подлежитъ сомнѣнію, чтобы позднѣйшему изслѣдованію удалось заполнить. Блестящій публицистъ и политикъ съ одной стороны, къ себѣ безжалостный прожигатель жизни съ другой—С. С. Татищевъ двойственности духовнаго своего склада до конца оставался вѣренъ. Какъ въ юные годы, такъ и на склонѣ дней, въ деньгахъ онъ испытывалъ острую нужду и вѣчно былъ за ними въ погонѣ. Деньги его искушали, деньги являлись больнымъ мѣстомъ всей его дѣятельности общественной и служебной.

Императрица Марія Александровна была, хоть и нѣсколько маскированнымъ, но вліятельнымъ факторомъ тогдашняго политическаго положенія. Женщина высокаго нравственнаго строя, она была глубоко проникнута сознаніемъ царственныхъ своихъ обязанностей. Нѣмецкая принцесса по рожденію, она на русскомъ престолѣ стала русскою и истинно православною. Свое пониманіе Россіи и ея политическихъ цѣлей Государыня заимствовала изъ того своеобразнаго Символа, который въ увлекательной формѣ выраженъ въ поэтическихъ произведеніяхъ А. С. Хомякова и Ѳ. И. Тютчева. Въ этомъ же направленіи воспитала она и сына своего цесаревича Александра Александровича и приставила къ нему человѣка совершенно московскаго духа: К. П. Побѣдоносцева.

По возвышенному представленію славянофильской школы, освобожденіе единовѣрныхъ славянъ есть историческое призваніе Россіи, дѣло любви, а не своекорыстнаго разсчета. Императрица Марія Александровна безспорно была женщина большого ума, но государственный горизонтъ ея имѣлъ свои особенности, въ противоположность Екатеринѣ II, этой великой реалисткѣ на тронѣ. Екатерина II имѣла опредѣленные политическіе виды, son idée de derrière la tête, и не соглашалась подчинить интересы Россіи легитимистскимъ требованіямъ эпохи. Принципы славянофильскаго ученія Императрица Марія Александровна принимала за наличную монету, она имъ вѣрила слѣпо и старалась примѣнить ихъ къ вопросамъ текущей политики. Чтобы какіе-нибудь Ангальтъ-Цербтскіе родственники да позволили себѣ въ политику Россіи вмѣшиваться, развѣ это было бы мыслимо при Екатеринѣ II? Въ царствованіе Александра II иностранному вліянію двери широко распахнулись. Тетка Императора, высококультурная великая княгиня Елена Павловна открыто заявляла себя нѣмкою, объединенію Германіи горячо сочувствовала и съ прусскими правительственными сферами находилась въ прямыхъ сношеніяхъ. Братъ Императрицы, принцъ Александръ Гессенскій отъ другихъ государей къ нашему двору бралъ на себя порученія свойства политическаго и довѣрительнаго. Сыну его, нѣжно ею любимому племяннику, молодому, Александру Баттенбергскому Императрица Марія Александровна помогла сдѣлаться первымъ княземъ Болгаріи.

Приближенные Императрицы Маріи Александровны раздѣляли ея убѣжденія. Изъ нихъ личностью наиболѣе выдающеюся была Антонина Дмитріевна Блудова [1]. Для лицъ причастныхъ православному востоку ея салонъ былъ всегда гостепріимно открытъ. Затѣмъ, поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ и его три дочери: извѣстная своимъ умомъ Екатерина Ѳедоровна, Анна Ѳедоровна, воспитательница великой княгини Маріи Александровны и, наконецъ, Дарья Ѳедоровна. Назову еще графиню Тизенгаузенъ, графиню Протасову, госпожу Мальцеву и баронессу Нину Карловну Пилларъ.

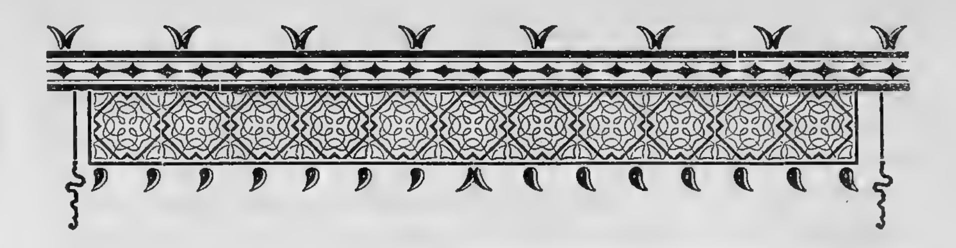
Сообщилъ Ю. С. Карцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1] Про графиню А. Д. Блудову князь А. М. Горчаковъ говаривалъ: „Celle là ne restera pas tranquille jusqu'à ce qu'elle n'ait le C., bien assis sur le croissant de la Sainte Sophie". Въ дамскомъ обществѣ это смягчалось: jusqu'à qu'elle ne soit assise à califourchon и пр.

К. И. Невоструевъ.

(Біографическій очеркъ).

„Отрѣшившись отъ всего ради знанія— отъ семейныхъ радостей, отъ общественныхъ удовольствій, ничѣмъ такъ не дорожилъ въ своей жизни этотъ богатырь-работникъ, какъ временемъ“.

Е. В. Барсовъ.

Разсказываютъ, что когда въ концѣ 1843 года скромный преподаватель семинаріи, Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ, впервые появился въ Москвѣ въ качествѣ описателя одного изъ древнѣйшихъ ея книгохранилищъ,—первопрестольная столица встрѣтила его не очень дружелюбно: надъ этимъ робкимъ, застѣнчивымъ провинціаломъ въ длинномъ плащѣ и порыжѣвшей шляпѣ откровенно смѣялись, а московскій генералъ-губернаторъ Закревскій даже отъ души удивлялся, что есть еще люди, занимающіеся „такими пустяками“. Однако, когда появилось описаніе, никто уже не смѣялся. Наоборотъ, было признано, что это—трудъ солидный, подобные которому не часты и на западѣ, а Академія Наукъ увидѣла въ немъ даже „гражданскій подвигъ“. Когда же, вслѣдъ за описаніемъ рукописей синодальной библіотеки, появились и другія изданія и труды К. И.—общество должно было признать, что это—„лучшій труженикъ науки“. И оно признало...

Но вотъ со дня его смерти прошло уже болѣе 30-ти лѣтъ [1]).

---

[1]) 29 ноября 1907 года исполнилось 35 лѣтъ со дня его кончины, и къ этому бы времени, конечно, лучше было пріурочить его біографію, но мы забѣгаемъ впередъ не безъ основанія: еще есть въ живыхъ люди, видѣвшіе К. И. и его труды и вотъ, можетъ быть, ихъ то и побудятъ вспомнить прошлое эти строки, написанныя исключительно на основаніи архивныхъ данныхъ.

Уже отпразднованы юбилеи многихъ славныхъ его современниковъ. Мы читаемъ объ ихъ жизни, гордимся ихъ дѣятельностью, а объ этомъ богатырѣ-работникѣ какъ будто всѣ забыли. Тяжелая рука всемогущаго времени уже въ значительной степени наложила покрывало на многіе факты изъ его жизни; уже отошли къ отцамъ своимъ его сверстники, старѣются его младшіе современники, а о немъ и его подвигахъ—ни слова. Трудно, конечно, теперь возстановить полную картину этой, не кричавшей о себѣ, но все же замѣчательной жизни. Однако лучше что-нибудь, чѣмъ ничего...

I.

Дѣтскіе годы.—Воспитаніе.—Школа.

Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ родился въ 1815 году. Отецъ его въ это время былъ священникомъ г. Елабуги (Вятской губерніи), а нѣсколько ранѣе онъ былъ учителемъ Вятской семинаріи и, по своему времени, кажется очень дѣльнымъ и образованнымъ [1]). Жилъ онъ, повидимому, довольно бѣдно: по крайней мѣрѣ разсказываютъ, что Капитону Ивановичу иногда приходилось довольствоваться сухарями съ водой и ходить въ школу босымъ [2]).

Съ дѣтства привыкши, такимъ образомъ, къ матеріальнымъ недостаткамъ и лишеніямъ, Капитонъ Ивановичъ съ дѣтства же привыкъ и къ строгому порядку и строго трудовой жизни. Отецъ его былъ очень требователенъ въ этомъ отношеніи. Уча своихъ дѣтей „не только страху Божьему, но и человѣческому“ [3]), онъ, по возвращеніи ихъ изъ школы, всегда провѣрялъ, чему они тамъ научились и, если находилъ ихъ познанія недостаточными, сейчасъ же и наказывалъ [4]). Впрочемъ, онъ не былъ безразсуднымъ деспотомъ и не слишкомъ давилъ дѣтей своею притязательностью. Во всякомъ случаѣ онъ не требовалъ отъ нихъ чрезмѣрныхъ занятій, не непремѣнно хотѣлъ видѣть ихъ обладателями пальмы школьнаго первенства. Наоборотъ, онъ даже предостерегалъ ихъ отъ излишняго увлеченія работой, справедливо полагая, что „науки полезны лишь при

---

[1]) Послужной списокъ прот. А. И. Невоструева, въ архивѣ К. И. Невоструева (хранится въ библ. Моск. Дух. Акад.). Ср. Савва. Хроника моей жизни т. IV, стр. 643; Душеполезное чт. 1872 г. т. III, стр. 463, примѣчаніе. Некрологъ А. И. Невоструева, сост. свящ. Д. Кастальскимъ, стр. 3. М. 1872.

[2]) Русскій Архивъ 1873 г., т. I, стр. 848.

[3]) Кастальскій. Некрологъ А. И. Невоструева, стр. 3. Ср. Русскій Архивъ 1873 г. т. I, стр. 848.

[4]) Русскій Архивъ 1873, I, 848.

здравіи тѣлесномъ и душевномъ" [1]). Вообще отецъ Невоструевыхъ очень серьезно относился къ воспитанію дѣтей [2]), тщательно слѣдилъ за ихъ развитіемъ, внимательно прислушивался къ ихъ пробуждающейся мысли. Когда дѣти подростали и переходили въ семинарію, отецъ заповѣдывалъ имъ завести памятныя книжки, записывать туда все хорошее, что они видѣли, слышали или думали и, по истеченіи мѣсяца, давать ему на прочтеніе. Благодаря такой цензурѣ, отецъ всегда зналъ, что творилось въ душахъ дѣтей, и могъ во время замѣтить и предотвратить опасность. Такъ и случилось однажды съ братомъ К. И., Александромъ, не исключеннымъ изъ послѣдняго класса семинаріи лишь благодаря своевременно принятымъ отцомъ мѣрамъ [3]).

И такъ, все дѣтство К. И. протекло подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ отца. То же было, навѣрно, и въ юношескіе годы: отецъ такъ же, какъ и отъ старшихъ братьевъ, требовалъ отъ него ежемѣсячныхъ отчетовъ, такъ же, какъ и тѣмъ давалъ совѣты, такъ же направлялъ на истинный путь, призывая къ серьезной и усиленной работѣ надъ собою.

Заботясь объ умственномъ развитіи дѣтей, отецъ Невоструевыхъ не забывалъ и религіознаго ихъ воспитанія, постоянно внушая имъ непрестанно молиться Богу: „безъ Него, говорилъ и писалъ онъ дѣтямъ, не увидишь ничего добраго" [4]). И эти уроки не проходили даромъ. Глубоко западая въ отзывчивыя дѣтскія сердца, они приносили плодъ сторицею, и мы знаемъ, что и К. И. и его старшій братъ, Александръ Ивановичъ, были людьми высокой религіозности, и одно время оба чувствовали склонность даже къ аскетическимъ подвигамъ.

Вотъ и все, что извѣстно намъ о дѣтствѣ Капитона Ивановича и о его домашнемъ воспитаніи [5]). Когда оно окончилось, мальчикъ былъ опредѣленъ въ бурсу—Елабужское духовное училище,—приходящимъ. Объ этомъ періодѣ жизни Кап. Ив—ча не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній ни въ его архивѣ, ни въ разныхъ о немъ воспоминаніяхъ. Е. В. Барсовъ разсказываетъ, правда, объ одномъ

---

[1]) Письмо отца къ А. И. Невоструеву (Кастальскій, стр. 4).

[2]) Кромѣ Александра и Капитона у Невоструевыхъ былъ еще сынъ Михаилъ,—впослѣдствіи священникъ Никольской Елабужской церкви.

[3]) Кастальскій, стр. 4.

[4]) Кастальскій, стр. 4.

[5]) Мы говорили лишь объ отцѣ К. И. Что касается матери, то о ней рѣшительно ничего неизвѣстно, кромѣ темнаго намека, что она была очень мягкаго характера, любила дѣтей, и что ея ласки въ значительной степени умѣряли излишнюю, подчасъ, суровость отца.

случаѣ изъ школьной жизни К. И.,—именно о томъ, какъ онъ подалъ „делеку“ на одно изъ первыхъ мѣстъ и занялъ его [1]).

Однако, этотъ фактъ не представляетъ собою ничего особенно характернаго для К. И., такъ какъ такія „делеки“ подавались въ то время довольно часто, и то же самое разсказываетъ о себѣ, напр., Н. П. Гиляровъ-Платоновъ [2]).

Небольшую цѣнность для характеристики Кап. Ив—ча имѣетъ и другое замѣчаніе о его школьной жизни, принадлежащее тому же Е. В. Барсову и отмѣчающее привязанность К. И. къ рекреаціямъ (о нихъ онъ съ любовію вспоминалъ даже въ дни чудовскаго заточенія), такъ какъ кому же не свойственно въ дѣтскіе годы любить веселыя прогулки въ шумной товарищеской средѣ, на чистомъ, вольномъ воздухѣ. Въ дни этихъ прогулокъ и учителя и самъ ректоръ сбрасывали свой грозный и неприступный видъ и часто бывали съ учениками какъ равные [3]), особенно, если приходилось, по окончаніи прогулки, добираться домой при помощи тѣхъ же самыхъ учениковъ [4]). Вообще это были свѣтлые дни въ жизни старой бурсы, сильно скрашивавшіе ея обычную неприглядно-затхлую дѣйствительность,—дни, которыхъ нельзя было, поэтому, забыть старому бурсаку. Немудрено, что ихъ не забылъ и Капитонъ Ивановичъ.

Ничего неизвѣстно намъ и о школьныхъ учителяхъ К. И. и о тѣхъ результатахъ, какіе дала школа (низшая)—о „школьныхъ итогахъ“, какъ говорилъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Говоря вообще, тогдашняя школьная подготовка была очень слаба, такъ какъ училищная корпорація составлялась крайне неудовлетворительно. Ректоромъ обыкновенно бывалъ какой-нибудь соборный протоіерей или благочинный, инспекторомъ—какой-либо приходскій священникъ, исполнявшій къ тому же еще и преподавательскую обязанность; остальныя учительскія мѣста занимали, по большей части, молодые студенты семинаріи, смотрѣвшіе больше на сторону, слѣдившіе больше за вакантными священническими мѣстами, чѣмъ за заня-

---

[1]) Русскій Архивъ 1873, ч. I, 848—49. Въ старой бурсѣ былъ обычай пересаживать учениковъ въ разрядномъ спискѣ въ какое угодно время года. Если кто-нибудь хотѣлъ повыситься и выдвинуться онъ писалъ на лучшей своей работѣ: „contendo de loco cum NN“ и, въ случаѣ дѣйствительнаго превосходства работы, занималъ мѣсто своего противника.

[2]) Изъ Пережитого, М. 1881, ч. I, стр. 200.

[3]) Примѣры такого братанья педагоговъ и питомцевъ сохранили исторіи многихъ семинарій. См. напр. „Исторію Воронежской Духовной Семинаріи“ П. В. Никольскаго, ч. II, стр. 191. „Дневникъ семинариста“ И. С. Никитина и т. д.

[4]) О подобныхъ вещахъ разсказываетъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Изъ пережитого, ч. I, стр. 41.

тіями учениковъ и своею наукой. Для нихъ учительство было лишь временнымъ занятіемъ, лишь средствомъ выдвинуться предъ епархіальнымъ начальствомъ и получить потомъ хорошій приходъ,—неудивительно, что они относились къ нему небрежно. Къ тому же и самая постановка преподаванія въ старой бурсѣ,—всѣ эти цензоры и авдиторы, облагавшіе классы прямыми и косвенными налогами, сильно отбивали охоту, а иногда и возможность учиться. И если такъ дѣло обстояло въ близкой къ Москвѣ Коломнѣ [1]), то въ далекой Вяткѣ и Елабугѣ этого можно ожидать вполнѣ. Впрочемъ, что касается собственно Кап. Ив—ча, то эти невыгодныя стороны тогдашней школы значительно умѣрялись для него отцовскими заботами и попеченіями.

Съ помощью отца дѣти Невоструевыхъ учились превосходно и два изъ нихъ были въ Академіи и окончили ея въ числѣ первыхъ магистровъ [2]). — Изъ предметовъ училищнаго курса К. И. очень хорошо усвоилъ латинскій языкъ: по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи онъ превосходно владѣлъ имъ и дѣлалъ прекрасные переводы (напр., онъ перевелъ архимандриту Саввѣ предисловіе къ его Указателю Синодальной ризницы и Библіотеки, да и почти весь встрѣчающійся въ книгѣ латинскій текстъ принадлежитъ ему) [3]).

По окончаніи училища, К. И. поступилъ въ Виѳанскую (Московской губ.) духовную семинарію, гдѣ въ то время профессорствовалъ его старшій братъ, Александръ Ивановичъ. Подъ его руководствомъ и протекли (хотя и не сполна) [4]) семинарскіе годы К. Ив. Нелегко, навѣрно, досталось Невоструеву это руководство старшаго брата. Ал. Ив. былъ человѣкъ стариннаго закала—суровый, жесткій. Самъ воспитанникъ старой школы и суроваго, требовательнаго отца, онъ очень строго относился къ ввѣреннымъ его попеченію ученикамъ. Какъ воспитатель, онъ былъ сторонникомъ строжайшей чисто-военной дисциплины и любилъ, чтобы всѣ ходили у него „по стрункѣ". Когда его назначили въ Коломну, онъ ввелъ въ тамошней школѣ

---

[1]) И. П. Гиляровъ-Платоновъ. Изъ пережитого, ч. I, 317—18.

[2]) Александръ Ивановичъ окончилъ академію 3, а К. И.—10 магистромъ. См. Исторію Моск. Дух. Акад. С. К. Смирнова, стр. 539, 548.

[3]) Савва. Хроника, т. III, стр. 51.

[4]) Ал. Ив. въ 1832 г. (т. е., черезъ 2 г. послѣ поступленія брата) былъ назначенъ баккалавромъ М. Д. Акад., а въ 1834 г. назначенъ ректоромъ коломенскихъ духовныхъ училищъ и соборнымъ протоіереемъ г. Коломны. Потомъ онъ былъ законоучителемъ Александровскаго института (съ 1841 г.) и, наконецъ, настоятелемъ Московскаго Казанскаго собора. Скончался 1 апр. 1872 г. О немъ: Прав. Обозр. 1874 г. т. II, №№ 7 и 10.

невиданные прежде артикулы. Съ его пріѣздомъ впервые появилось стояніе не до конца отвѣта, а до приказанія сѣсть, стояніе „болваномъ“ по цѣлымъ недѣлямъ за неуспѣваніе въ наукѣ, стояніе опоздавшаго на урокъ подъ дверью такъ, чтобы „другой опоздавшій болванъ разбилъ голову первому опоздавшему болвану“, продолжительное стояніе на колѣняхъ, усиленныя „сѣкуціи“ [1]). Въ его ректорство устраивалось даже нѣчто вродѣ „провожденія сквозь строй“ или, какъ это называлось въ бурсѣ „сѣкуціи со звонкомъ“ или „подъ звонкомъ“ [2]). Но если такъ поступалъ онъ съ подчиненными ему учениками, то, навѣрно, не слишкомъ-то мирволилъ онъ и брату [3]). Во всякомъ случаѣ онъ уже ни за что не терпѣлъ никакихъ упущеній и пропусканія уроковъ, ни за что не могъ поощрять лѣни и „недѣланія“, какъ это часто дѣлаютъ вліятельные родственники. Самъ онъ былъ человѣкъ кабинета и трудолюбія удивительнаго,—того же, несомнѣнно, онъ требовалъ и отъ своего брата. И не только эту замѣчательную усидчивость и трудолюбіе передалъ онъ Кап. Ив—чу, не только пріучилъ его работать безъ устали, не покладая рукъ,—нѣтъ; онъ пересадилъ въ него и еще одну выдающуюся черту своего характера—способность сполна отдаваться одному дѣлу, посвящать ему всѣ свои силы и ничего ужъ болѣе не предпринимать, хотя бы новое занятіе и сулило что-нибудь привлекательное. Посвятивши себя справѣ богослужебныхъ книгъ, онъ не хотѣлъ ужъ знать ничего другого, рѣшительно отказываясь отъ всякихъ видныхъ должностей и почетныхъ званій...

Подъ такими-то вліяніями складывался характеръ Капитона Ивановича. Съ одной стороны строгій, требовавшій самой тщательной исполнительности, отецъ; съ другой—не менѣе требовательный братъ, учившій усидчивости и трудолюбію,—умѣнію работать. Ихъ совокупными усиліями и выработался изъ К. И. неутомимый труженикъ науки, беззавѣтно преданный своему дѣлу, всего себя отдавшій ему и отдавшій безкорыстно, во имя самаго дѣла, а не ради „сквернаго прибытка“ [4]).

---

[1]) Гиляровъ-Платоновъ, Изъ пережитого, ч. I, стр. 189—190.

[2]) Op. cit., стр. 198.

[3]) А. И. вообще былъ человѣкъ требовательный и жесткій. Въ Москвѣ его помнятъ еще очень хорошо, и мы сами слышали отъ одного почтеннаго батюшки такой отзывъ о немъ: „да, жестокій былъ человѣкъ... тяжелый человѣкъ“.

[4]) Въ этомъ отношеніи очень характерно письмо К. И. къ Александру Васильевичу Горскому по поводу приглашенія со стороны послѣдняго принять участіе въ описаніи рукописей. Отказываясь отъ такой чести по слабости здоровья и недостаточности исторической подготовки, К. И., въ то же время, и колеблется, зная, что „большая настоитъ въ этомъ дѣлѣ нужда“

Значительную роль сыграла въ дѣлѣ воспитанія Кап. Ив—ча и академія. Въ нее (Московскую Академію) онъ поступилъ въ 1836 г. и окончилъ ея курсъ въ 1840 году: значитъ, его пребываніе здѣсь падаетъ на самую свѣтлую пору академическаго прошлаго,—на то время, когда во главѣ академіи стояли такія лица, какъ Филаретъ Гумилевскій (Ректоръ съ 1835 г. по 1841 г.) [1]), прот. Ѳ. А. Голубинскій [2]), А. В. Горскій и др. Особенно сильное вліяніе имѣли на К. И., какъ и на всю тогдашнюю академію, несомнѣнно, Филаретъ и А. В. Горскій.

Филаретъ началъ новую эру въ академической наукѣ. Онъ первый сталъ читать лекціи по-русски, а не на латинскомъ языкѣ, первый внесъ въ богословіе философскій элементъ вмѣсто прежняго безраздѣльнаго господства схоластики [3]), первый выступилъ съ новыми для русскаго богословія пріемами—критикой источниковъ, филологическимъ анализомъ, съ исторіей догматовъ вѣры и полемикой съ противоположными взглядами и ученіями [4]).

Его лекціи, по отзыву академическаго историка, были „серьезными и умными" [5]); онѣ были содержательными,—скажемъ мы,—но что всего важнѣе, онѣ будили мысль студентовъ, зажигали въ нихъ любовь къ наукѣ, направляли къ изученію каждаго предмета по первоисточникамъ.

Незамѣнимымъ помощникомъ въ этой работѣ Филаретъ имѣлъ молодого баккалавра А. В. Горскаго [6]),—своего замѣстителя по каѳедрѣ общей церковной исторіи. Совокупными усиліями они сдѣлали то, что въ комнатахъ тогдашнихъ студентовъ стали появляться латинскіе и греческіе фоліанты и пергаменты, старыя рукописи и древнія книги: студенты стали стремиться къ строго научной работѣ и даже положительно къ научнымъ открытіямъ [7]). И это увлеченіе работой было настолько сильно, что преемнику Филарета,

---

(Письмо Кап. Ив. къ А. В. отъ 3 іюня 1849 г.). И этотъ безкорыстный мотивъ всегда оставался девизомъ работы К. И. Матеріальные разсчеты, какъ осязательно увидимъ ниже, не играли здѣсь ровно никакой роли.

[1]) С. К. Смирновъ. „Ист. М. Д. Ак.".

[2]) О прот. Ѳ. А. Голубинскомъ К. И. сохранилъ благодарное воспоминаніе и въ своихъ письмахъ къ А. В. неизмѣнно пересылалъ ему свои „почтительнѣйшіе поклоны".

[3]) Русскій Архивъ 1873 г. ч. I, стр. 851.

[4]) Ист. М. Д. Акад., стр. 20—21.

[5]) Тамъ же.

[6]) Магистръ VIII курса (1832 г.), съ 1839 г. ординарный профессоръ, а потомъ и ректоръ академіи.

[7]) Русскій Архивъ 1873 г., т. I, стр. 851.

архим. Евсевію (Орлинскому) [1]) пришлось сдерживать студентовъ,— постоянно внушать имъ: „побольше гуляйте и меньше сидите“ [2]).

Да, то было время усиленныхъ трудовъ, энергичной, кипучей и плодотворной работы.

Сочиненія въ тогдашней Академіи писались огромныя—по 50 и больше листовъ, и требовали они большой начитанности и основательной внѣшней обработки. Особенно много приходилось трудиться надъ послѣдней: во главѣ Академіи стоялъ зоркій цензоръ—митрополитъ Филаретъ, самъ читавшій многія сочиненія, а онъ-то ужъ не терпѣлъ ни одного неяснаго выраженія, ни одного необдуманнаго слова. Онъ все боялся, что кто-то „смутится“, боялся какихъ-то „сомнѣній“, и вотъ онъ придирался къ словамъ, заставляя по нѣсколько разъ переписывать и даже перепечатывать написанное [3]). Естественно, что при такихъ условіяхъ опасеніе за судьбу своей работы всегда было очень сильно, а это, несомнѣнно, только осложняло дѣло, требуя страшной усидчивости и непрерывнаго труда. Большинство такъ и поступало, иногда даже во вредъ здоровью [4]).

Такъ шли дѣла въ Академіи. Легко видѣть, что для Невоструева эта ученая академическая атмосфера была родною стихіей: въ ней еще больше и лучше развивались и крѣпли тѣ задатки неутомимаго труженика науки, которые раньше были переданы ему братомъ, а еще раньше, въ дѣтствѣ, внѣдрены заботливымъ отцомъ. Изъ Академіи Капитонъ Ивановичъ вышелъ съ жаждой широкой научной дѣятельности [5]), съ дивнымъ навыкомъ къ работѣ; много онъ и сдѣлалъ и имя „богатыря-работника“, данное ему въ одной изъ поминальныхъ статей, по отношенію къ нему отнюдь не является гиперболой.

---

[1]) Магистръ VIII к., потомъ проф. церк. исторіи и инспекторъ Виѳанской Семинаріи. 1834 г. перемѣщенъ въ Моск. Семинарію, потомъ былъ профессоромъ М. Д. Ак. по каѳедрѣ церковнаго законовѣдѣнія, съ 1838 г. инспекторомъ, а съ 1841 г. и ректоромъ этой же академіи. Въ 1847 г. перемѣщенъ въ Спб. Д. Ак., потомъ былъ епископомъ Винницкимъ и архіепископомъ Могилевскимъ.

[2]) Русскій Архивъ 1873 г., I, 854.

[3]) Извѣстно, напримѣръ, дѣло о книгѣ баккалавра М. Д. Ак. Руднева (О ересяхъ русской церкви), длившееся цѣлыхъ 25 лѣтъ, въ теченіе которыхъ книга неоднократно переработывалась и даже перепечатывалась. См. Ист. М. Д. Ак., стр. 173, 213—214, 216—229.

[4]) Ист. М. Д. Ак., стр. 172—173.

[5]) Въ этомъ отношеніи интересны письма Капитона Ивановича къ А. В. Горскому черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи академическаго курса. Чего, чего онъ не задумывалъ, какихъ плановъ не строилъ, чего не хотѣлъ сдѣлать. Хотѣлось ему и принять участіе въ переводѣ библіи на русскій языкъ (съ еврейскаго подлинника) и написать толкованіе на какую-нибудь книгу

II.

Симбирскіе годы (1840—49).

По окончаніи академическаго курса К. И. былъ назначенъ преподавателемъ или, какъ тогда называли, „профессоромъ“ вновь открытой Симбирской Симинаріи. На мѣсто назначенія онъ явился осенью того же года (1840-го) и сначала произвелъ на учениковъ очень невыгодное впечатлѣніе. Хилый, тщедушный, небольшого роста, крайне при этомъ застѣнчивый, онъ не обладалъ способностью кому бы то ни было импонировать, а его близорукость, сразу же замѣченная учениками, сдѣлала его положительно безоружнымъ предъ толпой классныхъ буяновъ. Особенно его не взлюбили ветераны, обитатели такъ наз. „классной Камчатки“. Замѣтивши беззащитность учителя, они въ первый же урокъ подняли такой крикъ, такъ грубо оскорбляли К. И., что онъ вынужденъ былъ окончить занятія до звонка. На другой день повторилась та же исторія, потомъ дѣло пошло еще хуже... Наконецъ, безобразіе на урокахъ сдѣлалось невыносимымъ, и Кап. Ив., несмотря на все свое миролюбіе, принужденъ былъ доложить о немъ начальству. На его счастье къ этому времени въ Симбирскъ пріѣхалъ новый (переведенный изъ Иркутска) инспекторъ, А. М. Благовидовъ—человѣкъ рѣшительный и энергичный. Онъ сразу поставилъ семинарію въ надлежащее положеніе. Наказавши виновныхъ, онъ смѣнилъ бурсацкую аристократію, въ видѣ цензоровъ и прочихъ должностныхъ лицъ, учредилъ по столамъ отвѣтственныхъ старшинъ, и миръ на урокахъ новаго учителя возстановился. Помимо этихъ чисто дисциплинарныхъ мѣропріятій, инспекторъ постарался и разубѣдить учениковъ въ ихъ взглядѣ на новаго учителя. Черезъ цензора онъ постоянно внушалъ имъ, что ихъ новый наставникъ—личность не совсѣмъ обыкновенная: магистръ и самый лучшій преподаватель по трудолюбію и знанію своего предмета. Ученики сначала были озадачены этимъ, такъ какъ лекціи К. И., читаемыя робкимъ, прерывающимся голосомъ, по сплошь перечеркнутымъ тетрадкамъ, отнюдь не производили на нихъ внушительнаго впечатлѣнія. Однако, когда пришло время экзаменовъ передъ рождественскими каникулами, преосвященный Симбирскій Өеодотій выразилъ свою благодарность именно

новаго завѣта и составить порядочные учебники. Для этого онъ хотѣлъ было даже перевестись изъ Симбирска въ Казанскую семинарію, полагая, что тамъ лучше работать и „можно принести больше пользы другимъ“ (см. напр., письма Кап. Ив-ча къ Ал. В-чу отъ 14 іюня 1842 г., 14 авг. 1843 г. и др.). А сколько онъ трудился надъ составленіемъ своихъ лекцій...

новому наставнику и только ему. Ученики изумились еще болѣе. Впрочемъ, больше прислушиваясь къ лекціямъ Кап. Ив., они и сами вскорѣ оцѣнили его по достоинству, полюбили его уроки и иногда даже жалѣли, что они слишкомъ скоро кончаются. Одно только имъ не нравилось — это то, что К. И. слишкомъ часто передѣлывалъ свои записки (печатныхъ учебниковъ тогда по многимъ предметамъ не было), такъ что имъ приходилось едва-ли не каждый мѣсяцъ переписывать все заново. Но отъ этого К. И. отказаться ужъ не могъ: назначенъ онъ былъ на священное писаніе, патристику и еврейскій языкъ—предметы, которые онъ самъ называлъ „незнакомыми“ [1]), такъ что ему пришлось готовиться къ преподаванію уже на мѣстѣ [2]). Однако и здѣсь обстоятельства ему не благопріятствовали: при наличности желанія готовиться совершенно не было нужныхъ для этого пособій, такъ какъ вновь заведенная семинарская библіотека была еще почти пуста. Въ такихъ обстоятельствахъ К. И. обращается къ своему академическому наставнику, Александру Вас. Горскому, съ просьбой выслать кое-какія пособія и руководства по его предметамъ. Александръ Васильевичъ высылаетъ ему кое-что, но не сразу, а по мѣрѣ выписки изъ-за границы,—вотъ почему Кап. Ив—чъ постоянно передѣлывалъ и исправлялъ свои лекціи: каждое новое пособіе, каждая новая книга приносили новый взглядъ на предметъ, новое его освѣщеніе, а этого уже достаточно для того, чтобы порядочный преподаватель сообщилъ объ нихъ и ученикамъ.

Такъ шли дѣла въ первые мѣсяцы учительства Кап. Ив—ча. Послѣ святокъ онъ уже окончательно примирился съ учениками, чему не мало способствовало его радушіе и внимательность къ нимъ: по праздникамъ онъ звалъ ихъ къ себѣ, много бесѣдовалъ; эти бесѣды потомъ передавались другимъ, и популярность новаго учителя росла все болѣе и болѣе. Къ концу года дѣло дошло даже до того, что въ отношеніи популярности среди учениковъ Кап. Ив—чъ сталъ уже соперничать съ извѣстнымъ тогда въ Симбирскѣ учителемъ Сбоевымъ, славившимся своимъ краснорѣчіемъ [3]).

---

[1]) Письмо Кап. Ив—ча къ А. В. Горскому отъ 9-го ноября 1840 г., въ архивѣ Горскаго.

[2]) Такъ бываетъ, впрочемъ, и теперь, да такъ и будетъ всегда, пока въ академіяхъ не будетъ введена хотя бы относительная спеціализація, и пока ея „кандитаты“ не получатъ возможности сами выбирать себѣ учительскія должности, а не подчиняться въ этомъ случаѣ произволу канцелярій.

[3]) Свѣдѣнія объ учительствѣ Кап. Ив—ча смотр. у свящ. А. Баратынскаго. „Правосл. Обозрѣніе“, 1873 г., ч. III, стр. 194—197.

Между тѣмъ, какъ улаживались отношенія съ учениками, К. Ив. продолжалъ неутомимо трудиться надъ изученіемъ своихъ предметовъ, штудируя все новыя и новыя книги и руководства. Къ этому времени, по указу Св. Синода, библіотеки другихъ семинарій выслали въ Симбирскъ дублеты своихъ книгъ, но и кромѣ нихъ К. И. продолжалъ постоянно пріобрѣтать книги на свой счетъ. Пріобрѣталъ онъ ихъ все тѣмъ же путемъ,— черезъ А. В. Горскаго, благодаря чему между ними завязалась переписка. На первыхъ порахъ она была очень незначительна по размѣрамъ: К. И. писалъ, обыкновенно, 3 раза въ годъ — въ Рождество, Пасху и день Ангела А. В. (30 августа) и только изрѣдка, если очень нужны были какія книги, прибавлялъ одно—два лишнихъ письма.

Ничего особеннаго не представляла собою эта переписка и по своему содержанію. На первыхъ порахъ К. И. только просилъ о высылкѣ книгъ, да разсыпался въ любезностяхъ, читая иногда своему бывшему профессору цѣлые акаѳисты. Вотъ что, напр., писалъ онъ 6 іюня 1842 г., извиняясь за долгое молчаніе: „Презирая вольныя и невольныя вины мои, по благоснихожденію Вашему паки пріимите меня въ прежнія къ Вамъ отношенія. Благоволите быть неразумному наставникомъ, слабому помощникомъ, нищему благодѣлемъ“... [1]).

Однако, съ теченіемъ времени, этотъ напыщенный и елейный тонъ мало по малу исчезаетъ, и письма принимаютъ болѣе естественный и свойственный имъ видъ—простого обмѣна мыслей: такъ и видно, какъ Невоструевъ больше и больше мужалъ, сознавалъ себѣ цѣну и болѣе внимательно и серьезно относился къ своимъ мыслямъ и словамъ. Изъ Академіи онъ вышелъ почти юношей, не опредѣлившимъ своего жизненнаго пути, колеблющимся туда и сюда; потомъ онъ постепенно крѣпнетъ, начинаетъ думать, высказывать свои личныя сужденія.

Лѣтомъ 1843 г. К. И. задумалъ было переводиться въ Казань: „тамъ, писалъ онъ Ал. В—чу Горскому, представляется болѣе средствъ къ занятіямъ и образованію и, какъ я думаю, болѣ можно доставить и другимъ пользы [2])“. Однако, подходящаго мѣста въ Казанской семинаріи не оказалось, и Невоструеву пришлось остаться въ Симбирскѣ. Впрочемъ, и здѣсь онъ скоро нашелъ себѣ дѣло по душѣ—занятіе археологіей.

---

[1]) Письмо изъ архива А. В. Горскаго.

[2]) Письмо К. Ив—ча къ Ал. В. Горскому отъ 14 авг. 1843 г., въ архивѣ Горскаго.

Путешествуя лѣтомъ 1843 г. по Волгѣ, К. И. плѣнился красотою края, въ которомъ жилъ, и полюбилъ его. „Ахъ, какія тамъ по Волгѣ встрѣчаются прелестныя и величественныя мѣстоположенія, — писалъ онъ Ал. Вас—чу. Какія гигантскія горы, горы кремнистыя, часто съ необыкновенно великими, непроходимыми пещерами, сторожатъ нашу царицу-рѣку! А подъ горами—какія иногда стелятся прекрасныя долины! Нѣкогда сіи горы и пещеры служили притономъ разбойниковъ, страшныхъ для плывущихъ судовъ и воспѣтыхъ въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ. Съ высоты горъ невольно представляется мысль о чемъ-то безпредѣльномъ, далекомъ и вѣчномъ; земля и все земное исчезаетъ подъ ногами, сердце томится и рвется неведомо куда"... [1])

Такъ восторгался К. Ив. чудною природою Поволжья, и здѣсь, въ этихъ немногихъ словахъ восторга, уже сказывается въ немъ та историческая и археологическая жилка, которая опредѣлила впослѣдствіи его судьбу: при взглядѣ на прелестный ландшафтъ его обнимало высокое чувство романтическаго томленія „по невѣдомому", но мысль невольно, сама собой, обращалась къ минувшимъ днямъ этого ландшафта, поднимала историческую завѣсу, воскрешала забытые образы стародавняго прошлаго...

Скоро эта склонность къ историко-археологической работѣ обнаружилась и болѣе дѣйствительнымъ образомъ. Въ консисторскомъ архивѣ Кап. Ив—чъ нашелъ нѣсколько данныхъ для исторіи симбирскихъ церквей и монастырей, заинтересовался ими и тщательно ихъ подобралъ. Сначала онъ не предполагалъ серьезно заниматься этимъ дѣломъ, и вся указанная работа была выполнена имъ лишь для того, чтобы порадовать Ал. В—ча,—большого, какъ онъ зналъ, любителя всякихъ рѣдкихъ вещей и древнихъ бумагъ. Къ нему онъ и направилъ свои выписки. Однако, А. В., похваливши эти труды начинающаго археолога, возвратилъ ихъ назадъ съ присоединеніемъ совѣта и впредь заниматься подобными изслѣдованіями [2]). Совѣтъ палъ на добрую почву, и Кап. Ив. очень усердно занялся симбирскими, самарскими, ставропольскими и др. поволжскими древностями, совершая съ этою цѣлью почти ежегодныя вакаціонныя поѣздки по разнымъ приволжскимъ и др. городамъ. Такъ было въ

---

[1]) Письмо Кап. Ив—ча къ А. В. Горскому 30 августа 1843 г., въ архивѣ Горскаго.

[2]) См. письма К. Ив—ча къ Ал. В—чу отъ 14 апр. 1845 г., отъ 28 авг. того же года и др. и Ал. В—ча къ Кап. Ив—чу отъ 30 мая 1845 г. и др., — въ архивѣ Горскаго.

1844 г. [1]), въ 1846 г. [2]) (два раза), въ 1847 г. [3]) и 1848 г. [4]), когда онъ посѣтилъ Ставрополь, Самару, Сингелей, Сызрань, Курмышъ и др. города и мѣстечки. Преосвященный Ѳеодотій очень сочувствовалъ этимъ работамъ Кап. Ив—ча и всячески ему помогалъ, ходатайствуя передъ свѣтскими властями объ открытіи Кап. Ив—чу доступа въ казенные и городскіе архивы. Помимо этого, онъ обѣщалъ взять его съ собою во время поѣздки по епархіи, чтобы онъ могъ лично ознакомиться съ епархіальными древностями [5]).

Не довольствуясь собственными трудами, Кап. Ив—чъ старался привлечь къ дѣлу разработки мѣстной старины и своихъ учениковъ. Когда послѣдніе отъѣзжали на вакаціи, онъ поручалъ имъ тщательно осмотрѣть свои приходскіе храмы и, если можно, собрать кое-какія свѣдѣнія о своихъ селахъ и городахъ,—тѣ или другія ходячія о нихъ легенды [6]). Эти ученики исполняли у него и роль писцовъ: 15 человѣкъ изъ нихъ постоянно сидѣли у Кап. Ив—ча и работали подъ его руководствомъ надъ описаніемъ какого-нибудь мѣстнаго монастыря или храма [7]). Вообще, приступивши къ археологическимъ работамъ, Кап. Ив. попалъ въ свою сферу, и дѣла шли у него отлично: помощь и поддержку онъ находилъ вездѣ. Въ одну изъ своихъ вакаціонныхъ поѣздокъ К. И. познакомился съ богатыми Симбирскими помѣщиками Языковыми, которые, узнавши родъ его занятій, приняли въ немъ большое участіе. Помимо того, что они представили въ его пользованіе свое обширное собраніе рукописей

---

[1]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 30 авг. 1844 г., въ архивѣ Горскаго.

[2]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 5 іюня и 23 авг. 1846 г., въ архивѣ Горскаго

[3]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 28 авг. 1847 г., въ архивѣ Горскаго.

[4]) Письмо. К. И. къ А. В. отъ неизв. декабря 1848 г.. въ архивѣ Горскаго.

[5]) Работы Кап. Ив—ча были довольно успѣшны. Кромѣ того, что онъ собралъ матеріалы для описанія многихъ Симбирскихъ церквей и монастырей и даже вообще Симбирскаго края (въ его архивѣ хранятся даже карты этого послѣдняго, исполненныя студентомъ Московскаго университета Ефремовымъ),—онъ отыскалъ еще въ Самарскомъ магистратѣ нѣсколько новыхъ данныхъ для исторіи Пугачевскаго бунта, въ Ставрополѣ нашелъ „свѣдѣнія о крещеніи калмыкъ“ и объ основаніи города, и вообще онъ признавался Александру Васильевичу, что въ его собраніи матеріаловъ есть акты, пригодные для изданія архивной комиссіи и археографической экспедиціи. И въ этомъ онъ едва-ли ошибался: не даромъ же, во всякомъ случаѣ, Погодинъ (историкъ) такъ усиленно добивался, чтобы Невоструевъ напечаталъ что-нибудь изъ своихъ открытій въ его „Москвитянинѣ“ (письмо К. И. къ Ал. В—чу отъ 15 мая 1846 г. въ архивѣ Горскаго). См. также письмо Кап. Ив—ча къ Ал. В—чу Горскому 28 августа 1847 г., въ архивѣ Горскаго.

[6]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 1 декабря 1845 г., въ архивѣ Горскаго.

[7]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 1 апрѣля 1846 г., въ архивѣ Горскаго.

и старинныхъ актовъ [1]), они хлопотали еще, чтобы онъ былъ назначенъ библіотекаремъ вновь открытой въ Симбирскѣ Карамзинской библіотеки [2]). Черезъ ихъ посредство К. Ив—чъ сдѣлался лично извѣстнымъ симбирскому губернатору, и послѣдній, открывая ему двери губернскихъ архивовъ, очень добивался того, чтобы Невоструевъ напечаталъ что-нибудь изъ исторіи мѣстнаго края [3]).

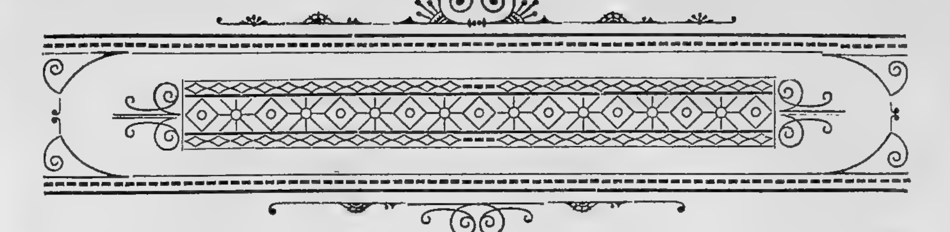
Такъ шли стороннія занятія Кап. Ив—ча. Онъ былъ положительно заваленъ разнообразнѣйшимъ археологическимъ матеріаломъ, постоянно копался въ немъ, неутомимо разбирая и сличая старыя бумаги. И все же онъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ, жалуясь на скупость Симбирскихъ архивовъ. Ему хотѣлось иной работы — пошире, поважнѣе, — хотѣлось открыть что-нибудь, имѣющее не мѣстное только, а и общерусское значеніе, и вотъ его воображенію представлялась Москва съ ея древними книгохранилищами, съ ея громадными и мало разработанными архивами, и онъ всѣми силами своей души стремился въ нее [4]). Однако, на его бѣду ни въ Московской, ни въ Виѳанской семинаріи свободныхъ преподавательскихъ мѣстъ не оказывалось, и онъ поневолѣ принужденъ былъ сидѣть въ Симбирскѣ. Впрочемъ судьба скоро сжалилась надъ нимъ и онъ попалъ въ Москву, хотя и не въ качествѣ преподавателя, какой-нибудь изъ двухъ ея семинарій.

Сообщ. Андреевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 1 апр. 1846 г., въ архивѣ Горскаго.
[2]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 24 апр. 1847 г., въ архивѣ Горскаго.
[3]) Тамъ же.
[4]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 5 іюля 1846 г., въ архивѣ Горскаго.

Замѣтки о Пушкинѣ.

III.

Эпиграммы Вяземскаго на Булгарина.

Въ числѣ приписываемыхъ Пушкину эпиграммъ на Ѳ. В. Булгарина есть слѣдующая:

Фигляринъ, вотъ полякъ примѣрный,
Въ немъ истинныхъ сарматовъ кровь:
Смотрите, какъ въ груди сей вѣрной
Хитра къ отечеству любовь.
То мало, что изъ злобы къ русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Онъ бѣгалъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ:
Патріотическій предатель,
Разстрига, самозванецъ сей,
Ужъ не полякъ, ужъ нашъ писатель,
Ужъ русскій къ сраму нашихъ дней.
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ.

Г. С. Чириковъ, приводя эту эпиграмму въ своей статьѣ „Замѣтки на новое изданіе сочиненій Пушкина“ („Рус. Арх.“ 1881 г.; „Бумаги А. С. Пушкина“, вып. I, М., 1881, стр. 115), говоритъ, что первыя три четверостишія приписываются князю П. А. Вяземскому или Е. А. Баратынскому, но четвертое „несомнѣнно“ принадлежитъ Пушкину. Какъ приписываемая Пушкину, эпиграмма эта,

съ небольшими отступленіями отъ изложеннаго выше текста, напечатана въ изданіяхъ сочиненій Пушкина подъ редакціей П. О. Морозова (изд. литературнаго фонда, т. II, стр. 90—91; изд. „Просвѣщенія“, т. II, стр. 484, 485) и П. А. Ефремова (изд. Суворина, т. VIII, стр. 318). П. О. Морозовъ по поводу этой эпиграммы замѣчаетъ: „едва ли не вѣроятнѣе мнѣніе, что въ ней Пушкину принадлежатъ только послѣдніе четыре стиха, остальное же написано Баратынскимъ“.

Приведенную эпиграмму сообщилъ П. А. Плетневу князь П. А. Вяземскій въ письмѣ отъ 31 января 1831 г., изъ с. Остафьева [1]). Вяземскій говоритъ о Н. И. Гречѣ и Булгаринѣ: „Должно вывести этихъ негодяевъ къ позорному столбу. Вотъ эпиграмма, которая ходитъ по Москвѣ. Не знаю, чья она, но чья бы она ни была, она хороша, потому что даетъ пощечину кому подобаетъ“ („Нѣсколько писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ П. А. Плетневу“, сообщилъ К. Я. Гротъ, Спб., 1897, стр. 6, отд. отт. изъ „Извѣстій Отд. русс. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ“, т. II, 1897 г., кн. 1). Такимъ образомъ, автора эпиграммы Вяземскій не назвалъ. Самъ Булгаринъ, познакомившись съ эпиграммой, рѣшилъ, что написалъ ее не кто иной, какъ Пушкинъ. Поэтъ сообщилъ 1 іюня 1831 г., изъ Царскаго Села, Вяземскому, что при появленіи эпиграммы, Булгаринъ, говорятъ, „такъ огорчился, что прямо адресовался къ Государю со слезной жалобой на меня: сдѣлайте-де, Ваше Величество, такую божескую милость, уймите Пушкина, который все меня обиждаетъ своими стишками. Государю было не до стишковъ, Булгаринъ же не въ первый разъ надоѣдалъ ему своими жалобами и доносами — онъ и велѣлъ его выслать, какъ человѣка безпокойнаго“ („Старина и Новизна“, кн. XII). Слухъ этотъ оказался ложнымъ (М. Лемке, „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.“, Спб., 1908, стр. 282). Раскрылось имя автора лишь много лѣтъ спустя: на поляхъ берлинскаго изданія ненапечатанныхъ въ Россіи стихотвореній Пушкина (второе изданіе „Русскаго“, Н. В. Гербеля, 1870 г.), противъ этой эпиграммы на Булгарина, кн. Вяземскій написалъ: „Эта эпиграмма не Пушкина, а моя“ („Старина и Новизна“, кн. VIII, М., 1904, стр. 38). Выясняется не только принадлежность эпиграммы не Пушкину, а кн. П. А. Вяземскому, но и причина сдержанности Вяземскаго въ его отзывѣ о ней: онъ считалъ ее хорошей потому только, что она „даетъ пощечину кому подобаетъ“, и писалъ, что не знаетъ, кто ея авторъ, потому, конечно, что считалъ неудобнымъ ввѣрять свое имя письму,

---

[1]) Выше она цитирована по этому письму.

тѣмъ болѣе, что для его корреспондента было безразлично, кто написалъ ее. Но для издателей и читателей Пушкина это, конечно, не безразлично, и эпиграмму „Фиглyринъ, вотъ полякъ примѣрный"... необходимо не вносить болѣе въ собранія произведеній Пушкина. Нѣкогда она была очень популярна. Полемизируя съ Булгаринымъ въ 1835 г., Бѣлинскій („Журнальная Замѣтка"—„Молва" 1835 г., № 46—47) писалъ: „я глубоко бы презрѣлъ человѣка, который бы, напримѣръ, *изъ злобы къ русскимъ*, сперва леталъ бы *подъ французскимъ орломъ*, а потомъ бы перешелъ опять къ русскимъ... На святой Руси не было, нѣтъ и не будетъ ренегатовъ, т. е. этакихъ выходцевъ, бродягъ, пройдохъ, этихъ разстригъ и *патріотическихъ предателей*, которые бы, *играя двойною присягою, попадали въ двойную цѣль и, избавляя отъ негодяя свое отечество, пятнали бы своимъ братствомъ какое-нибудь государство*"... [1]).

Пушкину приписывается еще одна эпиграмма Вяземскаго на Булгарина:

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнѣй:
Ахъ ты, безстыдникъ! ахъ, злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.

Въ изданіяхъ П. О. Морозова (литерат. фонда, I, 91; „Просвѣщ.", II, 122, 483—484) и П. А. Ефремова (изд. Суворина, II, 225; VIII, 318) она напечатана какъ несомнѣнно принадлежащая Пушкину пьеса. Впервые она была напечатана въ „Литературной Газетѣ" 1830 г., № 53, 18 сентября. Она не была подписана, но имя ея автора было извѣстно. Его зналъ Бѣлинскій, ненавидѣвшій и презиравшій славнаго Ѳаддея. Нападая въ 1840 г. на „Сѣверную Пчелу" („Репертуаръ русскаго театра" — „Отечественныя Записки" 1840 г., № 4) и отвѣчая на статью „Пчелы", унижавшую Пушкина, Бѣлинскій ядовито писалъ:

„Не есть ли это осуществившаяся басня не объ умирающемъ, а объ умершемъ львѣ?.. У Пушкина отнимаютъ все—и кто же, кто?.. Напрасно сочинитель статьи „Сѣв. Пчелы" не упомянулъ съ похвалою хоть объ эпиграммахъ Пушкина. Правда, слѣдовало бы упомянуть, что Пушкинъ такой былъ мастеръ писать ихъ, что и чужія хорошія эпиграммы приписывались ему, какъ, напримѣръ, извѣстная и превосходная эпиграмма князя Вяземскаго... Что ни печаталось превосходнаго въ этомъ родѣ въ „Литературной Газетѣ" баро-

[1]) Курсивъ—нашъ.

*

на Дельвига, если не было подписано имени автора, всегда публикою приписывалось Пушкину. Это самое случилось съ безыменною эпиграммою, напечатанною въ „Литературной Газетѣ“ за 1830 годъ, во II-мъ томѣ, на 136 страницѣ:

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ *Чацкимъ* всѣхъ дружнѣй“
и проч.

1 февраля 1830 г. Вяземскій писалъ Пушкину, изъ Москвы: „отыщи епиграмму мою на Булгарина, гдѣ я жалуюсь на похвалы его... и напечатайте ее въ Газетѣ“ [1]).

Чацкимъ здѣсь названъ его создатель—Грибоѣдовъ, дружбой съ которымъ Булгаринъ любилъ хвалиться. Грибоѣдовъ умеръ, не успѣвши раскусить своего друга. Въ февралѣ 1830 г. Булгаринъ писалъ А. К. Бенкендорфу: „Всѣмъ въ Россіи извѣстно, какая тѣсная дружба связывала меня съ покойнымъ Грибоѣдовымъ“ („Русс. Стар.“ 1905 г., декабрь, 710).

Не имѣя друзей среди живыхъ, Булгаринъ облыжно жаловалъ въ свои друзья мертвыхъ; это вошло у него въ привычку. Въ „Отечеств. Запискахъ“ 1846 г., Бѣлинскій въ своемъ обычномъ критическомъ обзорѣ „Русская литература въ 1845 году“ очень хвалилъ два напечатанныя въ „Москвитянинѣ“ „посланія“ Булгарину, „которыя“— писалъ Бѣлинскій,—„особенно первое, такъ хороши, что, желая содѣйствовать ихъ извѣстности, мы считаемъ за нужное выписать ихъ здѣсь“. Въ нихъ Булгаринъ обозванъ могильнымъ червемъ:

...онъ съ прибылью двойной
Презрѣнье отъ живыхъ на мертвыхъ вымещаетъ
И, чтобъ нажить друзей, какъ Чичиковъ другой,
Онъ души мертвыя скупаетъ.

И авторъ эпиграммъ взывалъ къ литературному червяку:

Не лобызай же мертвецовъ,—
И безъ тебя у нихъ васъ много....

Когда другъ и сподвижникъ Булгарина Н. И. Гречъ писалъ, что съ нимъ „могу сказать—подружился“ Викторъ Гюго, который будто бы высказался о необходимости цензуры, А. И. Герценъ напечаталъ въ своемъ „Колоколѣ“ (1859 г., № 35) опроверженіе Гюго, отказавшагося отъ чести быть другомъ Греча, и напомнилъ Гречу

[1]) „Переписка Пушкина“, ред. В. И. Саитова, изд. Академіи Наукъ, т. II стр. 115.

слова Н. А. Полевого о Булгаринѣ, который любилъ ссылаться не на живыхъ, а на мертвыхъ въ подтвержденіе своихъ разсказовъ, вродѣ такого: „Покойный императоръ Наполеонъ, подъѣзжая ко мнѣ съ покойными маршалами Неемъ и Даву, остановилъ свою бѣлую лошадь (которая, вѣроятно, тоже почила отъ земного галопа)“... [1]).

IV.

Изъ исторіи „Мѣднаго Всадника“.

Когда явится біографъ Пушкина и станетъ изучать жизнь нашего великаго поэта, книги о которомъ у насъ до сихъ поръ нѣтъ, и исторію его произведеній, онъ долженъ будетъ прежде всего разобраться въ хаосѣ мелочнаго, отрывочнаго матеріала, отдѣлить существенное отъ несущественнаго, достовѣрное отъ ложнаго. Между прочимъ, ему придется устранить цѣлый рядъ живучихъ легендъ, которыя едва не узаконены временемъ и могутъ попасть въ число тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы судимъ о Пушкинѣ-смертномъ и о Пушкинѣ-безсмертномъ. Одна изъ такихъ легендъ, связанная съ „Мѣднымъ Всадникомъ“, была недавно вполнѣ убѣдительно опровергнута П. А. Ефремовымъ („Сочиненія Пушкина“, изд. Суворина, т. VIII, Спб., 1905 г., 457—460). Это—ходившій съ конца тридцатыхъ годовъ разсказъ о выпущенной изъ поэмы страстной, потрясающей обвинительной рѣчи, которую будто бы бросаетъ въ лицо безпощадному Мѣдному Всаднику другой герой поэмы, обезумѣвшій чиновникъ. Сказкѣ этой вѣрилъ еще Бѣлинскій, не замѣчая, что поэма Пушкина—стройное цѣлое, къ которому прибавить нечего, и идея котораго выражена такъ, какъ могъ и долженъ былъ ее выразить великій поэтъ.

Съ „Мѣднымъ Всадникомъ“ соединяется еще одна легенда,—что Пушкинъ написалъ свою поэму подъ впечатлѣніемъ разсказаннаго государю Александру Павловичу княземъ А. Н. Голицынымъ въ 1812 г. сна: будто Мѣдный Всадникъ, покинувъ свою скалу, поскакалъ по петербургскимъ улицамъ къ государю, жившему тогда на Каменномъ островѣ, и сказалъ ему, что столицѣ, ждавшей Наполеона, нечего страшиться вторженія враговъ, пока Мѣдный Всадникъ на своемъ мѣстѣ. Разсказъ кн. Голицына далъ Пушкину великолѣпный образъ скачущаго по улицамъ столицы бронзоваго гиганта.

---

[1]) „Сочиненія Герцена“ изд. Ф. Павленкова, т. VI, Спб., 1905 г., стр. 228.

„Мощному властелину судьбы“, который ни предъ чѣмъ не колебался, не останавливался и „уздой желѣзной Россію вздернулъ на дыбы“, въ поэмѣ противопоставленъ другой герой, Евгеній,— бѣдный, жалкій чиновникъ, которому, по его собственнымъ словамъ, „могъ бы Богъ прибавить ума и денегъ“. Вотъ они оба передъ нами. Городъ залитъ водой. „Стояли стогны озерами, и въ нихъ широкими рѣками вливались улицы“...

Тогда на площади Петровой,
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ,
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стоятъ два льва сторожевые,—
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній...

. . . .

И обращенъ къ нему спиною,
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

Другой случай, не столь романтическій, какъ сонъ, о которомъ разсказалъ Александру I кн. А. Н. Голицынъ, далъ поэту образъ несчастнаго, сидящаго на львѣ. Объ этомъ случаѣ разсказываетъ современникъ Пушкина и очевидецъ наводненія 7 ноября 1824 г. А. В. Кочубей („Семейная хроника. Записки Аркадія Васильевича Кочубея. 1790—1873“. Спб. 1890, стр. 204). Львы, которые въ вѣчной поэмѣ Пушкина сохранятся тогда, когда исчезнутъ ихъ мраморныя изваянія, знакомы всему Петербургу. Они украшаютъ крыльцо дома военнаго министерства, близъ Исаакіевскаго собора. Этотъ прекрасный домъ построенъ въ 1817 г. для князя Лобанова-Ростовскаго знаменитымъ архитекторомъ Монферраномъ (строителемъ Александровской колонны, Исаакіевскаго собора и памятника Николаю I); по окончаніи постройки онъ былъ купленъ военнымъ министерствомъ, которому принадлежитъ понынѣ. На одномъ изъ этихъ львовъ спасся нѣкто Яковлевъ. По словамъ А. В. Кочубея, онъ „прогуливался по городу и, когда вода начала уже прибывать, спѣшилъ домой; но, подойдя къ дому князя Лобанова (теперешнему военнаго министерства), онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что вода препят ствуетъ ему идти далѣе. Для спасенія жизни Яковлевъ рѣшился-

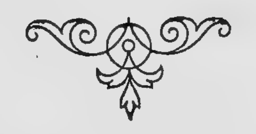
взлѣзть на одного изъ львовъ, стоявшихъ у этого дома, и тамъ просидѣлъ все время наводненія".

Поэтъ бралъ „свое" всюду, гдѣ находилъ его. Два случайные, мимолетные разсказа, о страшномъ сновидѣніи и о человѣкѣ, просидѣвшемъ на каменномъ львѣ нѣсколько часовъ, которые не надолго остановили бы вниманіе всякаго простого смертнаго, генію внушили высокопоэтическую, величественную мысль—противопоставить другъ другу Мѣднаго Всадника, гордо возвышающагося въ своей „неколебимой вышинѣ" надъ разъяренной стихіей, и замирающаго отъ холода и страха человѣка верхомъ на мраморномъ звѣрѣ.

Въ тѣхъ же „Запискахъ" Кочубея (стр. 203—204), а также въ „Сочиненіяхъ" князя П. А. Вяземскаго (т. VIII, стр. 126) разсказанъ забавный случай съ сенаторомъ графомъ В. В. Толстымъ, который проснулся въ день наводненія, не зная о несчастьѣ, подошелъ къ окну и, увидѣвъ плывущаго по улицѣ въ лодкѣ генералъ-губернатора графа М. А. Милорадовича, съ ужасомъ рѣшилъ, что сходитъ съ ума, и успокоился только тогда, когда убѣдился, что другіе видятъ то же самое, и что, значитъ, онъ не сталъ жертвой галлюцинаціи. Среди пушкинскихъ набросковъ къ „Мѣдному Всаднику" этотъ анекдотъ воспроизведенъ въ стихахъ, но Пушкинъ откинулъ ихъ, какъ комическій элементъ, который только нарушилъ бы величавую строгость поэмы о „властелинѣ судьбы" и безжалостно попранныхъ имъ ея пасынкахъ, о желѣзной волѣ, которая, по выраженію Радищева, „вознося отечество, не утвердила вольность частную".

Исторія созданія „Мѣднаго Всадника" отчасти показываетъ намъ трудно-познаваемую сущность художественнаго творчества. Геній золотитъ все, къ чему прикасается въ часъ, когда его голова озарена божественнымъ лучомъ, и безформенные, косные обломки повседневной жизни, попавъ въ таинственное поэтическое горнило, выходятъ изъ него претворенными въ вѣчные образы, полные высшей красоты.

Сообщилъ Н. Лернеръ.

Оригинальныя резолюціи епископа черниговскаго Порфирія.

(Изъ жизни нашего духовенства).

Какъ-то въ консисторію были присланы прошенія двухъ священниковъ, которые по обоюдному согласію просили епархіальное начальство помѣнять ихъ мѣстами. Просьба о перемѣщеніи была слабо мотивирована, и епископъ Порфирій положилъ слѣдующую резолюцію:

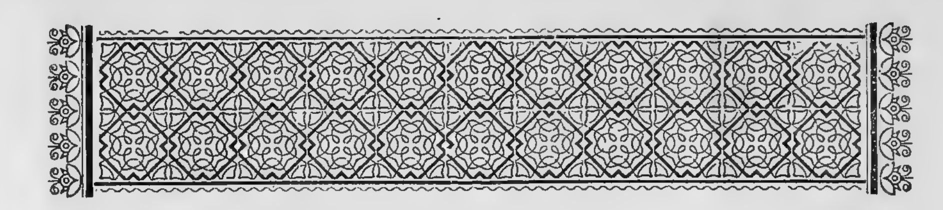
„Обоимъ въ просьбѣ отказать и — сказать, что только цыгане мѣняются лошадьми“.

Въ одномъ отдаленномъ и бѣдномъ селѣ умеръ дьяконъ. На открывшееся свободное мѣсто подалъ прошеніе пономарь, когда-то учившійся въ семинаріи, но выбывшій, по неуспѣшности, чуть-ли не изъ перваго класса. Епископъ Порфирій на прошеніи пономаря положилъ такую резолюцію:

„Не подобаетъ пономарю скакать черезъ дьячка во дьякона“, (т. е. послужи дьячкомъ, а потомъ и хлопочи уже о возведеніи въ санъ дьякона).

Сообщилъ А. Н. Сергѣевъ.

Сандепу и Мукденъ.

(Воспоминанія запаснаго).

Нашему полку объявлена сегодня мобилизація, вотъ и васъ заберутъ, и желаніе ваше—повоевать исполнится". Такъ говорилъ мнѣ мой знакомый Петръ Ивановичъ, входя рано утромъ въ одинъ изъ осеннихъ дней въ мою комнату.

Петръ Ивановичъ былъ человѣкъ правдивый и совсѣмъ не былъ склоненъ къ такъ называемому „пусканію утокъ", а потому и въ данномъ случаѣ, слова его оказались правдой: полкъ, стоящій гарнизономъ въ нашемъ маленькомъ городкѣ (нашъ полкъ, какъ мы всѣ называли) дѣйствительно закопошился и началъ готовиться къ отходу въ далекую Маньчжурію, гдѣ уже давно грохотали японскія и русскія пушки.

Меня, какъ запаснаго, также взяли, и не прошло, кажется, и трехъ дней со времени визита ко мнѣ Петра Ивановича, какъ я уже снова преобразился въ солдата, будучи облеченъ во всю солдатскую аммуницію и получивъ на руки 3-хъ линейную винтовку.

Я съ радостью поступилъ снова на Царскую службу, но если бы вы меня тогда спросили—чему я собственно радовался, то едва-ли бы я сумѣлъ бы отвѣтить вамъ правдиво. Я дѣйствительно радовался, и по поводу этого въ дальнѣйшихъ запискахъ есть не мало, быть можетъ туманныхъ и неосновательныхъ, разсужденій, но я вносилъ въ эти записки все то, что подсказывала мнѣ душа.

Не буду говорить о томъ, какъ мы совершили далекій переѣздъ отъ нашего города до Мукдена (о всѣхъ этихъ переѣздахъ слишкомъ много уже говорено и писано), а начну свои воспоминанія со времени прибытія полка въ Мукденъ.

Считаю нужнымъ добавить о томъ, что, съ прибытіемъ полка на театръ военныхъ дѣйствій, я былъ назначенъ въ числѣ трехъ че-

ловѣкъ въ личное прикрытіе къ командиру полка, благодаря чему и долженъ былъ находиться все время при нашемъ полковникѣ. Этому назначенію я тоже былъ доволенъ, потому что, находясь ближе къ офицерской средѣ и не теряя въ то же время общенія съ средой солдатской, я могъ быть больше освѣдомленъ во всѣхъ вопросахъ боевой дѣятельности полка.

Въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ буду совершенно правдивъ.

Эшелонъ нашъ выступилъ изъ Харбина, въ дни Рождественскихъ праздниковъ, 30-го декабря около полудня подходилъ къ Мукдену. Мы всѣ съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣли въ окна вагона, стараясь разглядѣть этотъ огромный и чуждый намъ городъ, но онъ, какъ таинственный и вѣчно молчаливый сфинксъ, какъ бы прятался отъ насъ, не желая обнаруживать предъ нашими взорами свою глубокую древность и свой многовѣковой покой. Видны были только огромныя стѣны, возвышающіяся надъ ними причудливыя черепичныя крыши фанзъ и кумиренъ, но все это было гдѣ-то вдали, закутанное мглой—неясное и неопредѣленное. Тутъ же около полотна желѣзной дороги разстилалась огромная равнина, вся усѣянная небольшими холмиками. Это необъятное китайское кладбище, на которомъ спали вѣчнымъ сномъ цѣлыя поколѣнія—свидѣтели давно минувшихъ вѣковъ и современности. Поѣздъ тихо шелъ среди этого обиталища мертвыхъ и такъ же тихо подошелъ къ вокзалу.

Напрасно мы ждали, что кто-нибудь прійдетъ къ намъ и укажетъ, какъ быть дальше: гдѣ разгружаться, куда ставить обозъ и складывать вещи, куда, наконецъ, вести людей; никто не приходилъ и никто ничего не говорилъ. Среди безконечной вереницы вагоновъ сновали какіе-то люди, слышался грохотъ маневрирующихъ вагоновъ, свистки паровозовъ, и вообще передъ нами предстала извѣстная каждому суматоха желѣзнодорожной жизни, которая тутъ была еще болѣе безпорядочна и ощутительна по случаю огромнаго военнаго движенія. Эта картина безотрадно подѣйствовала на душу.

Часа два мы простояли въ полномъ невѣдѣніи—что дѣлать дальше и не могли за это время добиться толковыхъ и опредѣленныхъ указаній по этому поводу отъ всѣхъ тѣхъ, къ кому пробовали обращаться. Видно было, что всѣ служащіе сбились съ ногъ и утомились отъ безпрерывной дѣятельности.

Съ горя пошли на вокзалъ. Тутъ грязь, дымъ; толпа какихъ-то незнакомыхъ офицеровъ; всѣ мѣста у столовъ заняты, и долго пришлось ждать очереди, пока явилась возможность съѣсть тарелку довольно плохого супа, съ весьма подозрительнымъ бифштексомъ на придачу.

Наконецъ, уже подъ вечеръ, поѣздъ нашъ перемѣстили въ какой-то платформѣ и сказали: ну теперь разгружайтесь; и мы начали разгружаться.

Уже поздно вечеромъ, когда взошла луна, было приказано отвести людей въ устроенныя для проходящихъ войскъ землянки. Мы построились и съ музыкой пошли къ назначенному мѣсту. Шли бодро и весело, и каждый сознавалъ, что наконецъ-то и онъ становится составною частью того громаднаго организма, который представляетъ собою армія, стоящая лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Это сознаніе ободряло каждаго, и какъ-то весело становилось на душѣ. Вотъ госпиталь; прекрасные госпитальные наметы освѣщены; около нихъ снуетъ госпитальная прислуга въ чистыхъ фартукахъ; прохаживаются какіе-то офицеры—вѣроятно выздоравливающіе; а вотъ близъ дороги стоитъ и молодой офицеръ подъ руку съ сестрой милосердія; она нѣжно прижалась къ нему, и по всему видно, что здѣсь, хотя и слышится временами кровожадный ревъ бога войны, но и другой божекъ—нѣжный и изящный—не прекращаетъ своей дѣятельности.

Всѣ смотрятъ на насъ, а мы подъ звуки молодецкаго марша вступаемъ въ тотъ заколдованный кругъ военной славы, о которомъ всѣ мы давно уже мечтали на нашей далекой родинѣ; вступаемъ окрыленные надеждою на счастье и побѣду, а нѣкоторые и съ молитвой на устахъ, о томъ, чтобы Богъ помогъ съ честью перенести все грядущее и исполнить долгъ воина передъ Царемъ и родиной.

На другой день въ полдень приказано двинуться въ деревню Янъ-зу-дянзу—въ верстахъ 10—12 отъ Мукдена.

Снова музыка, снова воодушевленіе, которое еще болѣе охватываетъ каждаго, потому что впереди слышенъ грохотъ орудійной пальбы, и этотъ грохотъ, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, слышенъ все яснѣе и яснѣе, напоминая намъ, что тамъ-то впереди и дѣлается то дѣло—страшное и жестокое, которое захватываетъ душу и заставляетъ биться сердце. Прибывъ въ Янъ-зу-дянзу подъ вечеръ, мы расположились по фанзамъ и простояли такъ до 10-го января, встрѣтивъ тутъ же и Новый годъ и свой полковой праздникъ. Жизнь наша здѣсь была бы совсѣмъ на мирномъ положеніи, если бы не непривѣтливая грязная обстановка фанзъ, если бы не холодъ по ночамъ и не грохочущія пушки каждый день.

Изъ событій, кои запечатлѣлись въ памяти, можно отмѣтить пріѣздъ къ намъ нашего корпуснаго командира. На меня его посѣщеніе произвело неизгладимое впечатлѣніе, и то же самое было съ каждымъ изъ насъ. Упоминаю объ этомъ потому, что считаю важ-

нымъ въ моральномъ отношеніи то именно первое впечатлѣніе, которое производитъ начальство на войска, тѣмъ болѣе такое начальство, подъ руководствомъ котораго, какъ каждый сознавалъ, намъ придется принять первое боевое крещеніе.

Смотръ былъ назначенъ въ девять часовъ утра, а потому въ восемь съ половиною часовъ полкъ началъ выходить на площадь и выстраиваться. И вдругъ въ это время прибылъ корпусной командиръ. Это былъ глубокій старецъ, какъ-то грузно и неувѣренно державшійся на сѣдлѣ, даже и тогда, когда его лошадь шла шагомъ (болѣе скорыми аллюрами онъ, кажется, никогда и не ѣздилъ, по крайней мѣрѣ никто никогда не видѣлъ его рысящимъ или галопирующимъ), лицо его было изборождено морщинами, глаза свѣтили тускло и непривѣтливо, а губы были сложены въ презрительную улыбку. Глядя на него, каждый почувствовалъ, что этотъ старецъ пріѣхалъ къ намъ не съ добрымъ и привѣтливымъ словомъ, не съ тѣмъ огонькомъ, который, исходя отъ сердца, быстро передается солдатамъ и зажигаетъ ихъ сердца радостію и воодушевленіемъ.

Прежде всего онъ презрительно поздоровался съ нами и послѣ этого началъ читать командиру полка нотацію за то, что мы опоздали, были плохо выправлены, и что не былъ посланъ ординарецъ къ нему навстрѣчу. Потомъ онъ началъ говорить что-то такое, обращаясь уже къ намъ, солдатамъ, но говорилъ такъ тихо, что мы ничего рѣшительно не могли понять, а потому и стояли молча, не рѣшаясь крикнуть: „рады стараться, покорнѣйше благодаримъ“ и тому подобное. Старикъ часто прерывалъ свою рѣчь дѣлая паузы и ожидая, что вотъ-вотъ мы дружно гаркнемъ что-нибудь въ отвѣтъ на его слова по-солдатски, но мы не слышали его словъ, а потому и молчали.

Это окончательно вывело старика изъ терпѣнія, и онъ, обращаясь къ командиру полка, довольно громко произнесъ: что это, они у васъ нѣмые что ли, почему не отвѣчаютъ ничего. Тогда командиръ началъ намъ дѣлать знаки шашкой, и мы впопадъ или не впопадъ начали драть глотки, выкрикивая послѣ каждаго перерыва солдатскія изреченія. Въ общемъ смотръ не удался, старикъ остался нами видимо очень не доволенъ и поселилъ въ насъ чувство тоски и разочарованія. Солдаты, расходясь по фанзамъ, обмѣнивались своими впечатлѣніями, и въ ихъ словахъ слышалось много мѣткаго и неутѣшительнаго въ моральномъ отношеніи.

Вскорѣ это грустное впечатлѣніе изгладилось съ пріѣздомъ къ намъ нашего командующаго арміей; онъ сразу поднялъ нашъ духъ, и для этого понадобилось какихъ-нибудь пять минутъ времени: ласковое слово солдату, пожатіе руки офицеру, простота и непод-

дѣльность теплаго чувства, что всегда уловитъ русская душа—и этого было достаточно для того, чтобы ободрить насъ и заставить увѣровать въ то, что и мы—Царское войско, къ которому можно подходить не съ кислой гримасой презрѣнія, а съ теплымъ и задушевнымъ словомъ, которое заставляетъ людей полной грудью кричать восторженное „ура“!

Очень любили и цѣнили мы этого человѣка, сознавая, что и онъ любилъ насъ искренно и не притворно, и какъ намъ было жаль его, когда онъ уѣхалъ отъ насъ по причинамъ, для насъ солдатъ совершенно не извѣстнымъ.

Вскорѣ мирная обстановка замѣнилась трудностями походно-боевой жизни.

Въ ночь на 10-ое января было получено приказаніе о нашемъ выступленіи въ походъ на правый флангъ. Предстояло совершить въ одинъ день почти 30-ти верстный маршъ. Начались спѣшныя приготовленія, такъ какъ нужно было выступить въ 5 час. утра, то-есть часа черезъ три послѣ полученія приказанія. Спѣшно укладывались повозки, обаммуничивались лошади, люди копались въ своихъ вещахъ, отбирая, что взять съ собой и что бросить какъ ненужное. Никто не спалъ, хотя и было приказано не тревожить людей и дать возможность отдохнуть часика два. Но какой же сонъ при этихъ обстоятельствахъ? Луна тускло свѣтила своею послѣднею четвертью, ныряя среди плывшихъ по небу облаковъ, когда полкъ нашъ, грузно ступая по замерзшей и обратившейся въ камень почвѣ, началъ стягиваться на сборный пункъ и строиться въ колонну; дулъ холодный и рѣзкій вѣтеръ, который хотя и не былъ силенъ, но обжигалъ лицо и руки. Слышался глухой топотъ по сторонамъ: то двигались другіе полки сюда же на сборный пунктъ. И въ этомъ шумѣ отъ тысячей солдатскихъ ногъ слышалась сила и мощь.

Вскорѣ всѣ полки собрались. Солдаты, тяжело нагруженные, съ мохнатыми папахами на головахъ, тихо переговаривались между собою, ожидая прибытія начальства. Пріѣхалъ корпусный командиръ и съ мѣста же напустился на нашего начальника дивизіи; слышно было, что онъ его за что-то отчитываетъ, но за что—мы не могли понять. Помню, что солдаты очень обрадовались, когда на замѣчаніе корпуснаго: „нельзя спать, генералъ“ —начальникъ дивизіи, возвысивъ голосъ и съ чувствомъ нескрываемой злобы, отвѣтилъ: „теперь не до сна, ваше превосходительство“. Наконецъ тронулись. Солдаты снимали шапки и набожно крестились.

Нашъ полкъ шелъ въ авангардѣ, выславъ впередъ заставы и дозоры. Вѣтеръ мало по малу крѣпчалъ, но на ходу его вліяніе не

было замѣтно. Мы проходили мимо сидящихъ у дороги полковъ нашего же корпуса, которые ждали своей очереди занять мѣсто въ походной колоннѣ. Мракъ ночи началъ мало по малу разсѣяваться, и на востокѣ засвѣтилась заря. Вѣтеръ усилился, и въ воздухѣ, надо полагать, было очень холодно, потому что усы и бороды у всѣхъ превратились въ сплошныя леденыя сосульки. Люди шли бодро, подгоняемые стужей.

Въ одиннадцать часовъ дня пришли въ большую китайскую деревню Су-ходя-пу и на площади остановились на большой привалъ. Приказано было обѣдать, но обѣдъ еще не уварился, такъ какъ при сильномъ вѣтрѣ на ходу кухни наши плохо функціонировали, что̀ вѣроятно происходило не столько отъ недостатковъ въ системѣ кухонь, сколько отъ неопытности кашеваровъ. Пришлось вмѣсто обѣда грызть сухари, да, нагрѣвъ воду въ котелкахъ, попить чайку. Часа два мы простояли здѣсь на привалѣ и пошли далѣе. Маршрутъ нашъ былъ измѣненъ, и намъ, вмѣсто оставшихся 15 верстъ, приходилось пройти еще около 25 верстъ.

Пошли. Командиръ полка велъ насъ, руководствуясь картой, которая, въ сущности говоря, почти ничего не поясняла.

На картѣ были показаны какія-то дороги и селенія, а на мѣстности такихъ селеній не было; проводниковъ тоже у насъ не было, а изъ жителей, благодаря ли холоду, или какимъ инымъ причинамъ, никто не брался проводить насъ до назначеннаго мѣста, и вообще китайцы видимо не очень симпатизировали намъ, стараясь на всѣ наши вопросы какъ можно скорѣе отвѣчать „бутунда“ — (не понимаю), и мы шли хотя по-прежнему бодро, подгоняемые стужей, но не увѣренно. Всѣ недоумѣвали относительно того—неужели нельзя было въ штабѣ нашего корпуса озаботиться если не предварительной рекогносцировкой, то хотя бы наймомъ опытныхъ проводниковъ. Кажется, очень простое дѣло, но почему-то не поступили такъ, предпочитая болѣе примитивный способъ разрѣшенія этого вопроса на авось.

Вскорѣ послѣ большого привала насъ обогналъ корпусный со своимъ штабомъ; на пути онъ разнесъ нашего командира за то, что люди тяжело нагружены; какъ будто бы онъ былъ виноватъ въ томъ, что путемъ долгихъ измышленій пришли наконецъ къ прекрасному и идеальному типу нашего солдатскаго снаряженія.

Къ счастью для насъ послѣ этого бѣлый флагъ корпуснаго штаба, влекомый казакомъ, опередилъ насъ и не показывался уже болѣе, изъ чего мы и заключили, вздохнувъ облегченно, что его превосходительство изволилъ прослѣдовать на мѣсто, предназначенное для ночлега корпуса, предоставивъ намъ самимъ разбираться и

упражняться въ чтенiи такихъ картъ, которыя собою почти ничего не выражали; и все же каждый изъ насъ вздохнулъ облегченно.

Мы начали упражняться въ этомъ чтенiи, для чего на помощь себѣ призывали жителей попутныхъ деревень, останавливаясь и съ помощью мимики и жеста прося равнодушныхъ китайцевъ прiйти къ намъ на помощь, но они, вѣроятно, думали, что мы хотимъ посягнуть на цѣломудрiе ихъ неуклюжихъ красавицъ, а потому и торопились убѣдить насъ въ своемъ „бутунда". Лишь только нѣкоторые, болѣе благоразумные, прозрѣвали смыслъ нашихъ жестовъ и, вооружившись палками, старались начертить на землѣ нашъ маршрутъ, но свѣдѣнiя относительно разстоянiя до конечнаго пункта пути были самыя разнообразныя: одни говорили, считая на пальцахъ, что осталось пять верстъ, другiе—десять, третьи—15, а были и такiе, которые, повергая насъ въ унынiе, поясняли, что осталось не менѣе 20 верстъ. Кому было вѣрить и какъ быть и чѣмъ, наконецъ, руководствоваться. Боже мой, думалъ каждый изъ насъ: гдѣ же мы находимся—здѣсь ли на такъ называемомъ театрѣ военныхъ дѣйствiй, гдѣ слышится постоянный грохотъ отдаленныхъ выстрѣловъ, или же гдѣ-нибудь въ Курской или Калужской губернiи на какихъ-то маневрахъ, коими руководятъ неискусные начальники. Казалось, что это какой-то безсмысленный сонъ, какой-то тяжелый и ужасный кошмаръ, отъ котораго такъ хотѣлось скорѣе отдѣлаться; хотѣлось не видѣть, не понимать этого безобразiя—этого страшнаго сумбура, но онъ былъ на глазахъ у каждаго и не видѣть его было невозможно.

Вечерѣло. Люди выбивались изъ силъ, но никто не отставалъ.

Неуклюжiй и тяжелый мѣшокъ оттягивалъ плечо, скверный полушубокъ, поверхъ котораго надѣта шинель, стѣснялъ и давилъ грудь и плечи; идти было не свободно, но мы шли, потому что нужно было идти. Лица солдатъ были хмуры; не слышалось ни шутокъ, ни разговоровъ, и каждый изъ насъ понималъ, что на первыхъ же порахъ у насъ началось какое-то столпотворенiе, какое-то безобразiе; каждый задавалъ себѣ при этомъ вопросъ: что же будетъ дальше, когда придется идти не по дорогѣ между мирнымя деревнями, а по боевому полю подъ пулями и снарядами.

Проклятый червь сомнѣнiя заставляетъ больно сжиматься сердце.

Солнце уже садилось, когда мы проходили черезъ большую деревню, жители которой порадовали насъ извѣстiемъ, что намъ предстоитъ пройти еще около 15 верстъ.

Колонна наша тянулась далѣе. Солдаты подбодряли себя, стараясь не отстать. Темнѣло, а мы все шли, шли и шли.

Наконецъ наступила совершенно темная ночь, и мы, подойдя къ какой-то небольшой фанзѣ, остановились, и не зная и не видя, куда

идти дальше. Начальникъ дивизіи разослалъ во всѣ стороны казаковъ, приказавъ имъ найти во что бы то ни стало ту деревню, въ которую мы шли, а людямъ было приказано стянуться въ колонну и отдыхать. Начался шумъ, обычный на бивакѣ; солдаты раздобылись гаоляномъ и зажгли огромные костры, грѣясь отъ стужи. Холодный вѣтеръ разметывалъ пламя во всѣ стороны.

Артиллерія, лязгая лафетами, осторожно пробиралась въ темнотѣ между отдыхающими солдатами; ѣздовые орали во всю мочь, боясь наѣхать на повалившихся въ изнеможеніи людей, а кругомъ былъ безпросвѣтный мракъ, сгущенный еще заревомъ огромныхъ костровъ, мракъ, который нагонялъ тяжелыя думы. Часа четыре простояли мы на этомъ мѣстѣ, но холодъ никому не далъ покоя и невозможно было хотя бы на минуту вздремнуть среди этой стужи и хаоса; а усталые глаза слипались, утомленныя ноги и плечи просили отдыха, но его не было.

Часа въ два ночи затрубили сборъ, и мы снова тронулись въ дальнѣйшій путь. На сей разъ насъ велъ казакъ, которому какимъ-то чудомъ удалось уловить въ ночномъ мракѣ ту деревню, въ которую мы должны были слѣдовать, и узрѣть флагъ, подъ сѣнью котораго почивали мирнымъ сномъ чины корпуснаго штаба. Казаку сначала даже не вѣрили, но онъ клялся и божился, что видѣлъ этотъ флагъ своими собственными глазами; тогда судьба всего отряда была ввѣрена этому „чичероне“, и онъ повелъ насъ на сей разъ уже безъ всякихъ картъ и дорогъ, а прямо по гаоляновымъ грядкамъ, чѣмъ и вызвалъ потокъ самыхъ изысканныхъ „комплиментовъ“ по адресу нашего полка, какъ идущаго въ головѣ колонны, со стороны артиллеристовъ, пушки которыхъ дѣлали сильные прыжки, перескакивая съ грядки на грядку. Тукъ-тукъ-тукъ! — слышалось позади насъ громыханіе пушекъ, и къ намъ то и дѣло летали артиллерійскіе ординарцы — узнать, почему мы идемъ не по дорогѣ, а цѣлиной. Наконецъ мы вышли на какую-то дорогу; грохотъ позади насъ прекратился, и мы тихо поплелись мимо какихъ-то сонныхъ деревень, очень часто останавливаясь неизвѣстно зачѣмъ.

Передъ разсвѣтомъ утомленные и продрогшіе отъ стужи мы подошли къ воротамъ, пробитымъ въ глинобитной стѣнѣ, окружавшей какую-то очень большую деревню. Это и была именно та деревня, въ которую намъ нужно было слѣдовать и, дойдя до которой ровно черезъ сутки послѣ нашего выступленія, мы сдѣлали безъ малаго 50 верстъ.

Нашъ командиръ остановился въ воротахъ и пропускалъ мимо себя полкъ. Такъ какъ я былъ назначенъ въ прикрытіе командиру, то стоялъ тутъ же и смотрѣлъ на лица солдатъ. Боже мой! До чего

эти люди были утомлены: лица у всѣхъ блѣдны и суровы; глаза тускло смотрѣли куда-то въ пространство, видимо безъ всякаго выраженія; у нѣкоторыхъ на лицахъ застыли какія-то растерянныя улыбки, какъ это часто можно наблюдать у людей, поставленныхъ въ безвыходное положеніе; очень многіе шли, опираясь на ружья, какъ на посохи, и казалось, что если бы этихъ людей заставить пройти еще какихъ-нибудь полверсты, то они бы легли въ изнеможеніи и замерзли бы тутъ же около дороги. А впереди разгоралась уже канонада жестокаго боя подъ Сандепу, и насъ вели въ этотъ бой, унылыхъ и изнеможденныхъ до крайности, вели голодныхъ и холодныхъ, не спавшихъ цѣлую ночь; и казалось, что нарочно постарались въ насъ убить всѣ нравственныя и физическія силы передъ этимъ первымъ кровавымъ крещеніемъ; казалось, что нарочно, вопреки основнымъ принципамъ всякой тактики и стратегіи, наконецъ даже просто логики, насъ заставили отмахать въ одинъ переходъ этотъ безсмысленный 50-ти верстный маршъ, для того, чтобы привести насъ къ полю сраженія не бодрыми и воодушевленными, а окончательно обезсиленными. Что же это наконецъ такое?. Наше ли незнаніе основъ, или же наша халатность — непростительная и ужасная халатность здѣсь, при грохотѣ пушекъ, въ присутствіи хитраго и коварнаго врага, воины котораго сотканы изъ энергіи. Стыдно и грустно, но тѣмъ не менѣе это было такъ.

По приходѣ въ деревню, никто насъ не встрѣтилъ, никто не показалъ районовъ расположенія полковъ; всѣ спали, и намъ самимъ, чуть ли не съ бою, пришлось занимать фанзы подъ постой солдатъ, и часа два прошло, когда послѣ страшнаго безпорядка, послѣ невообразимой ругани и всякихъ препирательствъ удалось размѣстить людей кое-какъ по фанзамъ, но при этомъ каждую секунду надо было быть на чеку, такъ какъ могли приказать тронуться въ бой.

А впереди въ верстахъ семи все сильнѣе и сильнѣе разгорался бой; слышна была артиллерійская канонада, а временами даже въ морозномъ воздухѣ слышался какъ бы шелестъ летящаго снаряда, и это обстоятельство, помню, многихъ повергало въ недоумѣніе, потому что всѣ удивлялись, какъ это на такомъ большомъ, сравнительно, разстояніи можно разслышать полетъ снарядовъ. Окна нашей фанзы вздрагивали при каждомъ выстрѣлѣ, и такъ, подъ звуки этой музыки боя, мы забылись тяжелымъ свинцовымъ сномъ, растянувшись гдѣ кто могъ: на грязныхъ канахъ и полахъ неопрятныхъ фанзъ, забывъ про голодъ и жажду. Это было 12 января.

Подъ вечеръ получилось приказаніе выступать въ деревню Чжань-Тянь — туда, откуда слышался грохотъ канонады.

Было уже совершенно темно, когда полкъ нашъ стоялъ въ колоннѣ, готовый тронуться въ путь. Люди немного отдохнули и подкрѣпились.

И вотъ, помню, всѣхъ насъ поразило странное явленіе: вдругъ на темномъ небѣ мы увидѣли огромный огненный крестъ.

Былъ ли это облескъ отъ какого-нибудь пожара, или большого костра, или же это было явленіе изъ числа тѣхъ, къ коимъ лучше не примѣнять никакихъ объясненій—судить не берусь, но крестъ ярко свѣтился на небѣ; что онъ намъ предвѣщалъ: или радость побѣды, или же кровавыя испытанія, полныя ужаса и горя—никто не можетъ сказать. Многіе солдаты набожно крестились при видѣ этого зрѣлища. Крестъ началъ мало по малу меркнуть и постепенно совсѣмъ погасъ, и надъ нами простерлась безконечная, мрачная, бездна, безъ звѣздъ и безъ всякихъ свѣточей—непонятная и ужасная въ своей безконечности бездна.

Полкъ нашъ снова шелъ впереди всей колонны. Выслали впередъ охотниковъ и связались съ ними непрерывной цѣпью людей, поставленныхъ другъ отъ друга шаговъ на пять,—такъ, чтобы идущій позади могъ бы различить силуэтъ идущаго впереди товарища. Бой затихъ, и впереди была мертвая тишина непроглядной и холодной зимней ночи. На этотъ разъ, кажется, насъ снабдили проводникомъ-казакомъ, и мы увѣренно, хотя и очень медленно, двигались впередъ, идя и по гаоляновымъ грядкамъ и по дорогамъ, минуя какія-то деревни и останавливаясь очень часто, вѣроятно потому, что даже проводникъ путался среди этой темноты и лабиринта дорогъ и тропинокъ. Навстрѣчу намъ, помню, попался какой-то китаецъ, онъ бѣжалъ по полю и громко кричалъ. Его сочли за шпіона и привели къ командиру полка. Китаецъ бытъ одѣтъ, несмотря на адскій холодъ, въ одну куртку, которая была разстегнута на груди. Думаю, что это былъ душевно больной, который сталъ таковымъ, быть можетъ, только послѣ испытанныхъ имъ сегодня ужасовъ боя. Его повели къ начальнику отряда, и дальнѣйшая его судьба осталась для насъ неизвѣстной. Потомъ въ темнотѣ обрисовались четыре фигуры, которыя несли на плечахъ что-то длинное и грузное, мѣрно колыхавшееся въ тактъ шага.—Убитаго офицера несемъ, отвѣчали носильщики на обращенный къ нимъ вопросъ. Многіе сняли шапки и перекрестились. Всѣмъ стало тяжело на душѣ, и нѣкоторые офицеры даже начали выражать протестъ противъ того, что напрасно мертвецовъ носятъ на глазахъ у войскъ, что это можетъ дурно повліять на людей. Быть можетъ, это замѣчаніе и вѣрное.

Часа черезъ три, то есть приблизительно около полуночи при-

были въ Чжянь-Тянь. Это была огромная деревня, въ которой на нашу долю выпало перенести очень и очень многое. Приказано было поставить людей по фанзамъ и отдыхать, но одна изъ ротъ должна была занять сторожевое охраненіе и простоять цѣлую ночь, смотря лицомъ не къ сторонѣ непріятеля, а чуть ли не въ нашу сторону. Кажется, въ данномъ случаѣ была ошибка штаба, опредѣлившаго въ темнотѣ невѣрное направленіе. Снова начались поиски фанзъ, и нѣкоторымъ ротамъ пришлось долго путаться по лабиринтамъ деревни, перелѣзать черезъ стѣнки, перепрыгивать черезъ канавы, прежде чѣмъ удалось найти какое-нибудь пристанище, такъ какъ большинство фанзъ было уже занято прибывшими сюда ранѣе солдатами.

На другой день, 12 января, часовъ въ 12 дня, полку приказано было собраться на площади деревни и быть готовымъ къ выступленію. Черезъ часъ полкъ былъ готовъ. Оказалось, что вся наша дивизія должна была направиться въ помощь другой дивизіи, которая уже штурмовала Сандепу. Командиръ полка напомнилъ намъ въ краткихъ словахъ о томъ, на какое важное дѣло теперь каждый изъ насъ идетъ; говорилъ о товарищеской выручкѣ и о святости долга воина. Лица солдатъ были серьезны; каждый сознавалъ, что настаетъ самая важная минута въ его жизни,—минута, когда придется стать лицомъ къ лицу къ смерти и вмѣстѣ съ симъ выполнить свой долгъ. Каждый въ душѣ, я убѣжденъ въ этомъ, молился теперь о томъ, чтобы Богъ подкрѣпилъ его нравственныя силы и не допустилъ бы въ душу чувство страха и сомнѣнія. Всѣ мы, снявъ шапки, молились, смотря на наше знамя, золотой крестъ котораго ярко сіялъ въ морозной мглѣ зимняго дня. Намъ долго послѣ этого пришлось стоять въ ожиданіи, такъ какъ полкъ нашъ на этотъ разъ былъ назначенъ слѣдовать въ хвостѣ колонны и передъ нами медленно тянулись могучіе ряды тяжело нагруженной пѣхоты, потомъ, громыхая колесами, потянулась безконечная вереница пушекъ и зарядныхъ ящиковъ, которые очень часто останавливались, задерживаемые, вѣроятно, на крутомъ спускѣ къ рѣкѣ Хунхе, черезъ которую надлежало проходить за ними; снова потянулась пѣхота, и вся эта безконечная вереница людей, лошадей, орудій и ящиковъ медленно ползла туда, откуда слышенъ былъ несмолкаемый грохотъ боевого пира, и гдѣ кровь уже лилась изъ обезображенныхъ и поверженныхъ человѣческихъ тѣлъ. Наконецъ, пришла и наша очередь, и мы пошли по извилистымъ улицамъ деревни, направляясь къ рѣкѣ. Только-что мы тронулись, какъ пріѣхалъ нашъ командующій арміей. Онъ поздоровался съ нами, обгоняя насъ, и въ это же время вдругъ запылала большая фанза, которую поджогъ китаецъ

съ цѣлью подать условленный знакъ непріятелю, очевидно, о томъ, что войска наши идутъ впередъ, и что прибылъ большой генералъ со свитой. Китайца этого, вѣроятно, постигла надлежащая кара. Мы подвигались далѣе. Прошли мимо бивака какого-то полка, который оставался на мѣстѣ. Музыканты играли маршъ, и мы проходили подъ его звуки; потомъ прошли мимо какого-то госпитальнаго учрежденія; здѣсь у дороги стоялъ докторъ и молодая сестра; послѣдняя жадно и грустно всматривалась въ лица солдатъ, видимо, стараясь прочесть на этихъ лицахъ то чувство, которое должны испытывать люди, идущіе въ бой.

Идя по льду рѣки, мы встрѣчали много носилокъ съ ранеными, а также и такихъ раненыхъ, которые плелись сами; лица у нихъ были грустны и безнадежны; мы не заговаривали съ несчастными, какъ бы боясь услышать отъ нихъ правду о всемъ томъ, что они („тамъ“) видѣли и слышали. Мы пошли по льду рѣки; люди скользили и падали. Такъ подвинулись мы версты на три, сами не зная, куда идемъ, потомъ остановились и повернули назадъ, идя подъ крутымъ лѣвымъ берегомъ рѣки; потомъ свернули въ какой-то оврагъ и, наконецъ, когда уже начало вечерѣть, и когда всѣ мы уже страшно утомившись отъ этихъ безцѣльныхъ блужданій ощупью по льду или по кочкамъ и кустамъ оврага, вышли наконецъ изъ этого послѣдняго то увидѣли передъ собою огромное поле, на далекомъ горизонтѣ котораго ярко горѣло пожарище. Оттуда же несся несмолкаемый гулъ выстрѣловъ; въ бинокль видно было, какъ передвигались вереницы какихъ-то людей. Это и было боевое поле подъ Сандепу, а люди, которые по немъ передвигались, и были тѣ войска, кои изнемогали уже, напрягая послѣднія усилія, чтобы овладѣть этой твердыней. Насъ вмѣсто того, чтобы сейчасъ же ввести туда —на помощь этимъ изнемогавшимъ людямъ, построили въ глубокія колонны, да еще и лицомъ-то поставили не туда, гдѣ дрались люди, а подъ прямымъ угломъ къ нимъ, такъ что вся картина боя была уже не передъ нашими глазами, а сбоку.

Тутъ же стоялъ нашъ корпусный со своимъ штабомъ, и здѣсь было совершенно безопасно, такъ какъ не долетали сюда ни снаряды, ни пули. Уже совсѣмъ начало темнѣть; зарево горящаго въ Сандепу пожара разросталось; бой, видимо, стихалъ, а мы все стояли и стояли, сами не отдавая себѣ отчета—зачѣмъ мы сюда пришли и что должны здѣсь дѣлать. Морозъ давалъ себя чувствовать, и люди начали топтаться и прыгать на мѣстѣ, стараясь согрѣть окоченѣвшія ноги. Наконецъ уже передъ темнотою было приказано двинуться въ южномъ направленіи, дойти до виднѣвшейся верстахъ въ двухъ деревни, которая не была занята японцами, и здѣсь

на линіи этой деревни связаться съ войсками перваго Сибирскаго корпуса.

Въ стройномъ порядкѣ мы двинулись на указанную деревню; преодолѣли какой-то оврагъ, на скатѣ котораго была устроена засѣка и, дойдя до линіи деревни, остановились. Было уже совсѣмъ темно, когда мы сюда пришли, и стало еще холоднѣе. Приказано было выставить сторожевое охраненіе изъ трехъ ротъ. Все это было исполнено. Связь съ сосѣдними частами войскъ установлена, и мы были обречены на стояніе въ теченіе цѣлой морозной ночи на открытомъ полѣ, не будучи въ состояніи развести хотя бы маленькій костерокъ для того, чтобы согрѣться, а главное не отдавая себѣ яснаго и опредѣленнаго отчета о томъ—зачѣмъ мы тутъ стоимъ и гдѣ теперь находится непріятель. Это была томительная и мучительная ночь, въ теченіе которой никто не сомкнулъ глазъ. До сихъ поръ не могу понять—какъ это мы не поотмораживали себѣ ногъ и носовъ на этомъ проклятомъ полѣ. Звѣзды ярко горѣли; все замерзло и было тихо, какъ бы переживая впечатлѣнія кроваваго пира. Вскорѣ подошли къ нашему полку и прочіе полки дивизіи; вся эта масса людей, закутанныхъ въ башлыки и полушубки, толпилась на морозѣ, не смѣя пошевелиться изъ боязни выдать этимъ себя непріятелю и въ то же время не отдавая себѣ отчета въ томъ—гдѣ собственно этотъ непріятель и какія его намѣренія. Мы, солдаты, е знали даже—стоимъ ли мы одни на этомъ полѣ, или рядомъ съ нами есть какія-нибудь другія части войскъ; офицеры говорили намъ, что вправо стоятъ Сибирскіе стрѣлки, а влѣво части какой-то дивизіи, но далеко ли это вправо и влѣво, ясныхъ указаній не было. Вообще всѣ мы были совершенно не освѣдомлены о томъ, что творится кругомъ насъ, а равно и о той задачѣ, которая на насъ была возложена; это было вопреки самаго основного положенія, трактующаго о томъ, что каждый воинъ долженъ знать свой маневръ.

А морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ; звѣзды, какъ алмазы, играли въ безконечной выси неба, глядя на которое невольно чудилось, что тамъ-то—въ этой безконечности, и совершается та великая тайна, которую и намъ, окончательно сбитымъ съ толку жизнью и ея разнообразными противорѣчіями, быть можетъ, и удастся когда-нибудь постигнуть. И невольно душа рвалась къ этимъ далекимъ и прекраснымъ мірамъ,—къ этой святой и великой тайнѣ божественнаго торжества.

Прошелъ часъ, другой, третій, и окончательно закоченѣвшіе люди начали топтаться и двигаться на мѣстѣ. Многіе дули себѣ въ кулаки, подпрыгивая и вытанцовывая ногами замысловатые пиру-

эты; многіе грѣлись по-извощичьему—ударяя себя руками по бокамъ; многіе пробовали бороться, и жалко было смотрѣть на эти тысячи людей, которымъ нужно было согрѣться и которые не могли этого сдѣлать.

Кто-то принесъ извѣстіе о томъ, что атака на Сандепу отбита, что японцевъ „видимо не видимо" и что тѣ войска, которыя штурмовали, понесли огромныя потери. Это всѣхъ повергло въ нѣкоторое уныніе, но потомъ начали относиться къ этому слуху недовѣрчиво и говорили, что завтра наша возьметъ.—Вотъ подожди, говорили солдаты: ободняетъ, такъ наша возьметъ, потому силы много нашей понавалило. Чтобы вотъ теперь-то по холоду-то идти бы—бить японцевъ, слышались предположенія, но тутъ же болѣе осторожные сейчасъ же протестовали, говоря, что теперь ночь темная, и что въ такую трущобу затешешься, что и не вылѣзешь, а онъ—этотъ японецъ—всякій кустикъ, всякій овражекъ знаетъ и туда тебя заведетъ, что не вернешься.

Такъ, перебрасываясь такими предположеніями, мы старались хоть чѣмъ-нибудь наполнить тоскливо тянувшееся время. Какой-то расторопный солдатъ принесъ изъ сосѣдней деревни огромную охапку гаоляна, и это приподняло общее настроеніе; всѣ увидѣли въ этомъ какое-то новое дѣло, которымъ можно заняться и наполнить время. Деревня была тутъ же подъ бокомъ, и раздобывшійся гаоляномъ торжественно сообщилъ, что тамъ этого самаго „кавыльяну" сколько хошь. Сейчасъ же, съ разрѣшенія начальства, потихоньку крадучись, отправились за гаоляномъ и вскорѣ нагромоздили его цѣлыя горы. Начали устраивать постилку сначала для офицеровъ, а потомъ и для себя; начали даже сооружать шалашъ для командира полка, который, окоченѣвъ отъ стужи, мрачно и быстро ходилъ по грядкамъ. Каждый старался работать, хотя и былъ убѣжденъ въ томъ, что работа эта ни къ чему не поведетъ, потому что все равно никто не будетъ спать на этихъ гаоляновыхъ „пуховикахъ".

Когда командирскій шалашъ былъ уже оконченъ, то и настaлъ конецъ нашему стоянію. Пріѣхалъ корпусный командиръ—мрачный и недовольный. Онъ снова началъ говорить, что нельзя спать въ такую ночь, и что надо быть бдительнымъ (откуда онъ вывелъ заключеніе о томъ, что мы спали—не знаю). Потомъ онъ приказалъ нашему полку продвинуться на линію сторожевого охраненія и тамъ занять позицію и окопаться. Мы двинулись впередъ и, дойдя до мѣста назначенія, начали тыкать нашими лопатами въ промерзлую землю, стараясь углубиться, но отъ этого старанія ровнымъ счетомъ ничего не выходило, и здѣсь нужно было работать не нашей игрушечной лопатой, которая только можетъ тѣшить начальническое око

на инспекторскомъ смотру, а нужно было бить по этому „желѣзу“, въ которое теперь обратилась почва, огромной и тяжелой киркой, да и та, какъ въ этомъ мы убѣдились впослѣдствіи, въ состоянія была отколупывать лишь ничтожные кусочки.

Бились мы, бились съ этой окаянной почвой, и ничего у насъ не выходило; наконецъ, солдаты догадались и начали лопатами сгребать верхній слой пыли и всякаго мусора и дѣлать изъ этой трухи ничтожный валикъ. Когда мы кончили эту работу, то на небѣ показались уже первые признаки разсвѣта, и намъ было приказано отступить на прежнее мѣсто и тамъ снова заняться возведеніемъ этихъ импровизированныхъ, но не грозныхъ брустверовъ, которые могли только чорта тѣшить.

Все же „окопались“, и здѣсь пылью и мусоромъ и, едва окончили это, какъ снова было получено приказаніе: частью полка занять сосѣднюю деревню, а другую часть полка отдѣлить приблизительно на полъ-версты вправо, дабы получился промежутокъ, допускающій возможность стрѣльбы расположившейся позади насъ артиллеріи: приказано было деревню привести въ оборонительное положеніе, а отдѣленной отъ полка части, конечно, окопаться.

Разсвѣло, и полкъ нашъ былъ разведенъ, какъ приказано. Начали снова „толочь воду въ ступѣ“, но получилось четвертое приказаніе: полку занять прежнее положеніе, то есть то именно, гдѣ были нами возведены первые бруствера изъ пыли и мусора. Пошли и заняли это первое положеніе. И все это безсмысленное шатанье очень дурно повліяло на людей. Солдаты и сами, не понимая обстановки, теперь убѣдились, что и начальство-то не очень хорошо освѣдомлено въ этомъ отношеніи. Люди были голодны и злы; слышались ядовитыя остроты по поводу этихъ безсмысленныхъ шатаній. —За грибамъ когда ходишь, такъ меньше исходишь, говорили солдаты; дали лопату, а ей только г.... копать, острили другіе; а ты зубамъ попробуй, авось откусишь, а лопату прибереги на смотръ, и т. п.

Теперь, когда насталъ день, то всѣ обратили свои взоры впередъ, стараясь разсмотрѣть, гдѣ же собственно непріятель, но никто не могъ сказать ничего опредѣленнаго.

— А гдѣ же энта самая Сандяпа, братцы? — вопрошалъ кто-нибудь.

— А тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, — отвѣчалъ другой.

— Что, видишь японца?—спрашивалъ солдатикъ своего сосѣда, который напрягалъ свой взоръ, всматриваясь куда-то вдаль.

— Да онъ не туда смотритъ; развѣ тамъ японецъ-то.

— А то гдѣ жъ по-твоему?—вопрошалъ уже въ свою очередь задѣтый за живое наблюдатель. Дуракъ, то вороны на полѣ сидятъ, а онъ-то думаетъ, что японцы; вонъ гдѣ японцы-то, ты вонъ куда смотри,—указывалъ солдатъ въ противоположную сторону,—а на воронъ-то намъ нечего смотрѣть.

— Вонъ она Сандяпа-то, братцы, гляди сюда, ротный сказывалъ,—говорилъ солдатъ,—указывая на большую группу деревьевъ, виднѣвшуюся на горизонтѣ.

— Какъ же, держи карманъ, а нашъ ротный вонъ на тую деревню указывалъ; говорилъ: смотри, братцы, вонъ она—Сандепа, а тамъ въ ей и японцы.

Словомъ никто не зналъ ничего опредѣленнаго; не знали ни солдаты, ни офицеры, а каждому хотѣлось бы знать и быть орiентированнымъ.

Было тихо. Бой не начинался, и мы лежали за пыльными окопами, жуя отъ скуки сухари.

Командиръ нашъ прохаживался по тропинкѣ, какъ бы измѣряя разстоянiе отъ цѣпи до расположенныхъ позади послѣдней ротъ резерва.

Кто-то принесъ воды въ котелкѣ, и солдаты начали грѣть себѣ чай, разводя тутъ же въ цѣпи небольшiе костерки, и пили эту горячую влагу съ жадностью, чувствуя холодъ и голодъ. Вотъ, наконецъ, громыхнула позади насъ пушка, и снарядъ, разрѣзая воздухъ, прожурчалъ надъ нашими головами и понесся далеко впередъ. Началась рѣдкая артиллерiйская канонада; видимо мы нащупывали противника, который умышленно молчалъ, не желая себя обнаруживать; ружейнаго огня не открывали, потому что впереди не видно было никакихъ признаковъ присутствiя непрiятеля. Можно было подумать, что онъ провалился сквозь землю и исчезъ.

А артиллерiя все палила и палила, посылая рѣдкiя шрапнели, съ постановкою на ударъ къ сторонѣ противника.

Сначала мы интересовались этой стрѣльбой, а потомъ, убѣдившись въ ея безполезности, бросили и это дѣло и скучали въ бездѣйствiи.

Получилось приказанiе—выслать впередъ охотниковъ, съ цѣлью развѣдать — есть ли непрiятель въ расположенныхъ впереди насъ деревняхъ.

Охотники пошли и черезъ полтора часа вернулись и сообщили, что деревни пусты, но что, идя дальше за линiю этихъ деревень, они видѣли на полѣ множество нашихъ убитыхъ, которые валялись не подобранными и что дальше за этими мертвецами находится большая деревня, изъ которыхъ непрiятель открылъ по нимъ огонь.

Поле, усѣянное трупами нашихъ солдатъ, было очевидно вчерашнее поле сраженія, а деревня за нимъ и была эта заколдованная Сандепу, которую мы должны были штурмовать.

Командиръ отправился на правый флангъ нашего полкового участка, занятый 4-мя ротами. Вскорѣ сюда пріѣхалъ нашъ начальникъ штаба и передалъ приказаніе: вести 4 роты во впереди лежащую въ двухъ верстахъ деревню (вонъ въ ту, на окраинѣ которой стоитъ развѣсистое большое дерево, указалъ начальникъ штаба) и, занявъ эту деревню, взять направленіе на Сандепу и начать атаку.

Приказаніе это тотчасъ же было сообщено и разъяснено людямъ, и все же, повидимому, даже и начальникъ штаба, отдавая это приказаніе, не былъ въ достаточной степени освѣдомленъ—куда собственно слѣдуетъ направить ударъ; онъ показалъ только рукой то направленіе, въ которомъ было Сандепу, но этого для ясности обстановки было очень недостаточно. Намъ не было даже сказано—какъ мы должны дѣйствовать, и кто поддержитъ нашу атаку, кто, наконецъ, будетъ правѣе и лѣвѣе насъ; а можетъ быть и никого не будетъ, а просто бросятъ однихъ на непріятельскую твердыню.

Словомъ, обстановка совершенно не была намъ выяснена, и на вопросъ командира по этому поводу, получился отвѣтъ: поддержатъ, а теперь ведите скорѣе роты, потому что время дорого.

Мы пошли, имѣя двѣ роты въ цѣпи и двѣ въ резервѣ.

Командиръ шелъ между цѣпью и резервомъ. Быстро мы продвигались впередъ, прыгая по безконечнымъ гаоляновымъ грядкамъ, на которыхъ торчали острые корешки срѣзаннаго гаоляна. Огня никто по насъ не открывалъ, и мы вполнѣ благополучно дошли до деревни.

Здѣсь впереди послѣдней оказался широкій и глубокій оврагъ, по дну котораго извивался замерзшій ручей.

Было приказано: двумъ ротамъ, идущимъ въ цѣпи, занять противоположный гребень оврага, а ротамъ резерва стать на днѣ послѣдняго и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Все это было передано, но почему-то впереди идущія роты не остановились, какъ было приказано, а, по выходѣ изъ оврага, продолжали быстро двигаться впередъ.

Думая, что причина этого заключается въ томъ, что съ линіи гребня не видна впереди лежащая мѣстность, мы побѣжали на противоположный берегъ оврага, но оказалось, что отсюда было все видно впередъ; несмотря на громкіе крики, роты все двигались и двигались впередъ и остановились только тогда, когда заняли длинный бугорокъ, расположенный шагахъ въ 400 отъ оврага.

Ротный командиръ, помню, получилъ за это изрядную головомойку, но оправдывался тѣмъ, что не понялъ и не слышалъ приказанія.

Уводить роты снова назадъ не стоило, а нужно было прежде всего оріентироваться, хоти бы при помощи карты и компаса. По этимъ даннымъ ясно выходило, что Сандепу лежитъ прямо на востокъ отъ насъ, и дѣйствительно въ той сторонѣ въ морозной и зимней мглѣ, одѣтыя бѣлымъ инеемъ, высились группы огромныхъ деревьевъ, между которыми были видны фанзы; но всѣхъ насъ смущала наша артиллерія, которая теперь открыла уже частый огонь, и снаряды, пролетая надъ нашими головами, рвались далеко на юго-востокъ отъ насъ по направленію уже другой деревни.

Если, думали мы, необходимо атаковать Сандепу, то, вѣроятно, артиллерія, пуская свои снаряды, взяла именно то направленіе, которое нужно, дабы подготовить атаку, и слѣдовательно мы должны атаковать въ юго-восточномъ направленіи; между тѣмъ карта и компасъ указывали намъ восточное направленіе.

Считая разрѣшеніе этого вопроса очень важнымъ, командиръ началъ уже писать донесеніе о томъ, что онъ не оріентированъ, и просилъ, чтобы прислали точное указаніе о томъ, въ какомъ направленіи надлежитъ атаковать, но на сей разъ вопросъ разрѣшился самъ собою и при томъ самымъ неожиданнымъ для насъ образомъ.

Донесеніе не было еще окончено, какъ съ юго-западной стороны, направляясь намъ въ тылъ и въ правый флангъ, прилетѣла, какъ бы порхая, непріятельская шимоза и, упавъ въ шагахъ двадцати позади цѣпи нашей правофланговой роты, разорвалась съ такой силой, что оглушила близъ лежащихъ людей. Огромное облако буроватаго ѣдкаго и вонючаго дыма поднялось фонтаномъ къ верху и начало таять въ морозномъ мглистомъ воздухѣ, а мельчайшіе стальные осколки съ визгомъ и воемъ на подобіе мяукавшихъ кошекъ, разлетѣлись въ разныя стороны, никого къ счастію не поранивъ.

Насъ, слѣдовательно, увидѣли и послали намъ первый встрѣчный привѣтъ, но увидѣли совсѣмъ не съ той стороны, откуда должны были по нашему предположенію увидѣть и встрѣтить, а съ тыла и съ фланга, то есть именно оттуда, откуда мы не ожидали никакихъ „торжественныхъ“ встрѣчъ и оваций.

За первой шимозой грохнулась вторая, третья; всѣ онѣ рвались около людей и разлетались съ визгомъ на сотни осколковъ, но люди пока были цѣлы.

Было приказано цѣпямъ отойти въ оврагъ, и люди начали отходить. Шимозы летѣли на насъ безостановочно, всюду взрываясь и подбрасывая къ верху столбы дыма и земли и завывая своими осколками.

Мы собрались наконецъ въ оврагѣ и заняли цѣпями наружный его гребень, какъ это было предположено первоначально, но непріятель и здѣсь продолжалъ громить насъ, пристрѣлявшись замѣчательно мѣтко. Одна изъ шимозъ, помню, ударила въ крутой берегъ оврага, близъ стрѣлковъ, занимавшихъ его. Здѣсь дѣло не обойдется безъ крови,—подумалъ я,—и дѣйствительно проклятая шимоза ранила двухъ человѣкъ; одинъ изъ нихъ, раненый въ ногу, тихо стоналъ, а другой съ окровавленной головой былъ въ безчувственномъ состояніи. Произошла непріятная заминка. Люди, увидѣвъ въ первый разъ результаты непріятельской стрѣльбы, слегка растерялись и, кажется, начинали трусить. Многіе крестились, и лица были растерянны и безпомощны. Человѣкъ, попавшій первый разъ въ огонь, чувствуетъ, что его охватила со всѣхъ сторонъ какая-то ужасная сила, изъ сферы вліянія которой ему уже нѣтъ больше выхода.

Послышались крики: носилки! Подай носилки! но они были довольно далеко, а потому раненыхъ не ловко и не сноровисто потащили за руки и за ноги. Солдатъ, раненый въ голову, сначала попрежнему не подавалъ признаковъ жизни; его несли лицомъ къ низу, и его окровавленная голова безпомощно болталась и изъ нея капали кровавые сгустки. Потомъ онъ очнулся и началъ тихо стонать, прося, чтобы его положили и оставили въ покоѣ.

А непріятельскіе снаряды все порхали и порхали надъ оврагомъ, не причиняя намъ къ счастью вреда.

Получилось наконецъ приказаніе: съ атакой повременить и подождать, пока наша артиллерія не подготовитъ основательно атаки огнемъ.

Мы всѣ вздохнули свободнѣе: теперь все же такъ или иначе, но задача стала болѣе опредѣленной, и такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ же было приказано и окапываться, при чемъ для этого обѣщано было даже подвезти шанцевый инструментъ, то роты начали занимать указанныя имъ мѣста, кои опредѣлились послѣ быстрой рекогносцировки деревни и ея ближайшихъ окрестностей.

Было приказано: двумъ ротамъ занять глинобитныя стѣнки на берегу оврага, а двѣ роты расположились по берегу оврага лѣвѣе деревни. Съ этой позиціи вся впереди лежащая мѣстность была прекрасно видна, и роты за стѣнками были вполнѣ надежно укрыты отъ ружейнаго огня; тѣ же, которыя расположились лѣвѣе деревни, нуждались въ закрытіи, а потому надлежало, не дожидая, пока при-

везутъ инструментъ (его такъ и не подвезли) приступить къ возведенію окоповъ малыми лопатами.

Огонь непріятеля умолкъ, и роты начали ковыряться въ мерзлой землѣ.

Помню, въ это же время къ намъ прибылъ еще одинъ баталіонъ нашей же дивизіи и расположился на обширномъ дворѣ, обнесенномъ со всѣхъ сторонъ невысокой стѣнкой позади нашего праваго фланга.

Такимъ образомъ у насъ образовался надежный и сильный резервъ, и это значительно приподняло общее настроеніе. Такъ мы просидѣли съ часъ времени. Впереди начали показываться небольшія группы непріятеля. Видно было, какъ черныя точки передвигались впередъ. Непріятель очевидно повелъ на насъ наступленіе. Начался съ его стороны рѣдкій ружейный огонь, на который было приказано не отвѣчать.

Люди наши внимательно всматривались впередъ, не обращая вниманія на одиночныя, тихо свистящія надъ нами пули; нѣкоторыя изъ нихъ громко хлопали, попадая въ глинобитныя стѣны фанзъ, и тогда только можно было убѣдиться въ дѣйствительной скорости и силѣ ихъ полета.

Выполняя свою задачу, мы старались ничѣмъ не выдавать своего присутствія, намѣреваясь подпустить непріятеля возможно ближе и тогда уже встрѣтить его надлежащимъ образомъ. Солдаты, хорошо понявъ и усвоивъ себѣ эту несложную задачу, съ замираніемъ сердца слѣдили за передвиженіемъ непріятеля, высказывая другъ другу свои замѣчанія.

— Гляди, ребята, вонъ лизервы ихніе идутъ—вонъ за цѣпью-то.

— А много жъ ихней силы претъ, братцы, гляди, что мураши высыпали.

— Ничего, намъ бы ихъ поближе подпустить, а тогда поубавимъ, не бось не сунутся.

Всѣ были оживлены и ждали съ нетерпѣніемъ, что будетъ дальше, но въ это время, нежданно, негаданно въ нашу деревню прибыли еще два баталіона изъ другого корпуса и съ ними рота пулеметовъ. Они, какъ это тотчасъ же и выяснилось, имѣли совершенно отдѣльную отъ насъ задачу—чисто рекогносцировочнаго характера и совершенно не имѣли никакихъ указаній относительно того, чтобы дѣйствовать съ нами совмѣстно. Тотчасъ же они приступили къ выполненію своей задачи и, выславъ густыя цѣпи впередъ и вправо, завязали оживленную перестрѣлку съ непріятелемъ и привлекли на себя его огонь, какъ ружейный, такъ и артиллерійскій.

Пулеметы, расположившись за глинобитной стѣнкой въ промежуткахъ между нашими людьми, подняли адскую трескотню, нанося вредъ непріятелю; въ бинокль хорошо были видны результаты пулеметнаго огня: непріятельскіе санитары безпрестанно взваливали себѣ на спину раненыхъ и пускались съ ними бѣгомъ, прыгая по гаоляновымъ грядкамъ; нѣкоторые изъ нихъ, сраженные во время этого бѣга, валились вмѣстѣ со своею тяжелою ношею и больше уже не поднимались.

Непріятель открылъ жестокій артиллерійскій огонь, видимо стараясь нанести вредъ нашимъ пулеметамъ. Вообще это оружіе незамѣнимо въ полевой войнѣ, и положительно надо удивляться тому, что у насъ пулеметовъ было слишкомъ мало, въ то время какъ японцы имѣли ихъ чуть ли не по одному на каждую роту, у насъ же ихъ было шесть—восемь штукъ на цѣлый корпусъ.

Несмотря на то, что нашъ огонь былъ открытъ на дистанцію болѣе чѣмъ 2.000 шаговъ, потери непріятеля были весьма значительны, но это все же не останавливало стремительности его наступленія. Мы ясно видѣли, какъ длинныя цѣпи непріятеля, по одиночкѣ и цѣлыми линіями, согнувшись почти подъ прямымъ угломъ, перебѣгали отъ закрытія къ закрытію, цѣпляясь за каждую складочку мѣстности и, укрывшись за ней, начинали стрѣлять изъ своихъ винтовокъ, посылая въ нашу сторону свинцовый ураганъ, который все время жалобно стоналъ надъ нашими головами; удары пуль о глинобитныя стѣнки участились; здѣсь и тамъ появились раненые, которыхъ санитары убирали въ особую фанзу.

Непріятельскія шимозы и шрапнели рвались съ оглушительнымъ грохотомъ, наполняя воздухъ ѣдкимъ дымомъ и рѣжа уши стономъ и воемъ осколковъ.

Вотъ одна изъ шимозъ ударила въ дверь какой-то китайской землянки, въ которой, ища спасенія отъ ужасовъ войны, старались укрыться десятка два мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Шимоза, влетѣвъ въ этотъ подземный людской муравейникъ, лопнула тамъ и что было послѣ этого—одному Богу извѣстно. Изъ подземной дыры выскочило нѣсколько окровавленныхъ человѣческихъ фигуръ; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали съ окровавленными же дѣтьми, нервно прижимая ихъ къ груди; нѣкоторые тащили за исхудалыя рученки испуганныхъ и плачущихъ дѣтей—полуголыхъ или же прикрытыхъ какими-то лохмотьями, и всѣ опрометью и съ душу раздирающими криками бросались въ разныя стороны, мечась въ смертельномъ страхѣ и ища спасенія отъ этого пира крови и смерти. А шимозы рвались, вырывая все новыя жертвы, и казалось, не будетъ конца этому кровавому пиру.

Нѣкоторые офицеры были ранены, и одна изъ шрапнелей, разорвавшись надъ крышей фанзы, свалила баталіоннаго командира, который застоналъ, мучаясь раной.

Такъ какъ непріятель все надвигался и надвигался, то было приказано нѣкоторымъ ротамъ перейти оврагъ и снова занять наружную его окраину, съ цѣлью встрѣтить атаку непріятеля и не допустить его ворваться въ оврагъ. Люди плотно прижались къ склону оврага, ожидая атаки и готовые встрѣтить его штыкомъ. Надъ нашими головами несся по-прежнему ураганъ свинца и чугуна; пулеметы громко трещали, и вообще бой принялъ весьма ожесточенный характеръ. Я тоже былъ сначала въ оврагѣ, но потомъ, когда люди успокоились и отчетливо сознали свое здѣсь назначеніе, вернулся снова вмѣстѣ съ командиромъ въ деревню и сталъ около пулеметовъ.

И вотъ вдругъ въ это время запылала китайская фанза, на дворѣ которой были расположены пулеметы. Мы, очевидно, были во власти шпіоновъ, и въ данномъ случаѣ это былъ сигналъ, указывающій японцамъ именно то мѣсто, куда надлежитъ сосредоточить огонь. И дѣйствительно шрапнели полетѣли сюда. Вотъ одна изъ нихъ разорвалась шагахъ 30 отъ правофлангового пулемета, вслѣдъ за нею прилетѣла другая и лопнула въ 3—4 шагахъ отъ него, перебивъ и поранивъ всю прислугу. Послышались душу раздирающіе вопли раненыхъ солдатъ; лошади начали рваться; люди кричали, и въ общемъ началась суматоха.

Раненыхъ появлялось все больше и больше; было не мало и убитыхъ, которыхъ сносили всѣхъ въ одно мѣсто и складывали рядомъ на дворѣ въ одной изъ фанзъ.

Лица у этихъ перешедшихъ въ вѣчность людей, въ большинствѣ случаевъ, были спокойны, но были и страшно обезображенные мертвецы.

Вотъ лежитъ молодой солдатъ со спокойно сложенными на груди руками; глаза закрыты, и кажется, что этотъ юноша сладко спитъ послѣ трудной работы; кажется даже, что онъ грезитъ во снѣ о чемъ-то дорогомъ и прекрасномъ, и только восковая блѣдность лица говоритъ, что эта греза и есть вѣчный покой, невѣдомый, таинственный безъ болѣзни и воздыханія. Всмотритесь внимательнѣе въ это лицо и постарайтесь прочесть на немъ признаки ужаса и страданій, которые мы привыкли считать за неизбѣжныхъ спутниковъ смерти. Ничего этого нѣтъ. На лицѣ спокойствіе спящаго человѣка; даже не вѣрится, что это мертвецъ, и лишь восковая блѣдность лица и рукъ, да кровавое пятнышко на шинели, на томъ мѣстѣ, гдѣ находится сердце, подскажутъ вамъ истину. Невольно среди ужаса окру-

жающей обстановки, среди грохота пушекъ, свиста пуль, среди этихъ стоновъ и воплей вы остановитесь передъ такимъ мертвецомъ, и чувство святого трепета защемитъ вамъ сердце. Боже мой! Да неужели то, что мы называемъ смертью и о чемъ мы привыкли размышлять только лишь съ чувствомъ крайняго отвращенія и ужаса, на самомъ дѣлѣ и есть этотъ ужасъ; а жизнь,—не она ли—сплошной ужасъ, не она ли море страданій, не она ли безконечно сумрачная и страшная долина слезъ,—долина, среди которой расхаживаютъ на просторѣ всѣ атрибуты порока человѣческаго—его эгоизмъ, злоба, его невѣріе ни во что чистое и прекрасное; долина, среди которой смѣло разгуливаетъ сатана, стараясь умышленно закрыть глаза человѣческіе на всякую добродѣтель и заглушая слабый голосъ этой добродѣтели своимъ сатанинскимъ хохотомъ. Нѣтъ, тутъ что-нибудь не такъ; и хочется вѣрить въ то, что люди ошибаются, считая смерть за нѣчто ужасное; хочется вѣрить въ то, что этотъ человѣкъ въ сѣрой шинели, съ кровавымъ пятномъ на груди и съ восковой блѣдностью на застывшемъ въ вѣчномъ покоѣ лицѣ — теперь-то именно и убѣдился въ томъ, что смерть не несетъ за собою чего-то мрачнаго и ужаснаго, а наоборотъ есть избавленіе отъ всего этого,—избавленіе, которое даетъ человѣку прозрѣніе прекрасныхъ идеаловъ и безконечно широкихъ горизонтовъ дальнѣйшаго бытія.

Нерѣдко среди мертвецовъ попадались такіе, на которыхъ тянетъ посмотрѣть; но по большей части убитые на войнѣ имѣютъ поистинѣ отвратительный и ужасный видъ со всѣми признаками насильственной смерти; - и отъ такихъ хочется отвернуться, хочется не видѣть этихъ неподвижныхъ выразителей ужасовъ войны; но ихъ нельзя не видѣть—они всюду; по всему полю разбросаны они, поверженные въ прахъ, окровавленные, смрадные, съ вытекшими мозгами, съ раскрытыми и неподвижно смотрящими глазами, судорожно сжатыми пальцами; всюду вы видите ихъ разбросанными по полю, на которомъ сатана правитъ свой кровавый пиръ.

Японцы, очевидно, нащупали наши пулеметы и начали разстрѣливать ихъ мѣткими шрапнелями во флангъ; держаться подъ такимъ огнемъ было немыслимо, такъ какъ минутъ черезъ пять можно было рисковать потерею всѣхъ людей пулеметной роты. Начальникъ прибывшаго къ намъ отряда, пожилой полковникъ, засуетился. Онъ спѣшно отдалъ приказаніе—снять пулеметы и, говоря, что задача его отряда кончена, приказалъ отступать, и вскорѣ вся пѣхота и пулеметная рота ушла изъ деревни, и мы остались одни.

Бой не затихалъ, и японцы, видя, что деревня оставляется нашими войсками, усилили свой огонь, не рѣшаясь однако атаковать,

такъ какъ роты нашего полка, занявъ стѣнки деревни и оврагъ, энергично отвѣчали на огонь противника.

Съ уходомъ сибирскихъ стрѣлковъ нашъ правый флангъ оказался совершенно открытымъ, въ виду чего командиръ полка приказалъ четыремъ ротамъ занять большой дворъ, обнесенный глинобитной стѣной и находящійся за нашимъ правымъ флангомъ; четыремъ же другимъ ротамъ приказано было расположиться: двумъ—за стѣнками по берегу оврага, а двумъ на лѣвомъ флангѣ по берегу же оврага—за весьма сомнительными окопами изъ пыли и мусора, которые мы только и были въ состояніи сдѣлать нашими маленькими лопатами. Обѣщанный намъ шанцевый инструментъ, конечно, не подвезли, а потому о возведеніи окоповъ болѣе солидной профили нечего было и помышлять.

Артиллеріи у насъ не было, пулеметы ушли, и мы продолжали бой исключительно только ружейнымъ огнемъ, стараясь не дать возможности непріятелю продвинуться впередъ и прикрывая этимъ отходящихъ къ своимъ позиціямъ сибирскихъ стрѣлковъ.

Такъ до самаго вечера мы вели оживленную перестрѣлку и непріятель не двигался впередъ, а занявъ позицію въ верстѣ отъ насъ, забрасывалъ насъ огнемъ своихъ пушекъ и ружей.

Смеркалось. Бой затихалъ. Морозъ усилился; небо было ясно и звѣздное, и ночь обѣщала быть сильно морозной, а люди наши вотъ уже второй день не только ничего не ѣли, но даже не имѣли возможности вскипятить себѣ въ достаточномъ количествѣ воды для того, чтобы спокойно напиться чаю. Теперь же намъ предстояло снова провести ночь на холодѣ, не имѣя возможности ни обогрѣться, ни подкрѣпить себя пищею, ни отдохнуть.

Наше положеніе было довольно опасное, такъ какъ мы очутились значительно впереди всѣхъ нашихъ войскъ, и непріятель, не будучи въ состояніи атаковать насъ днемъ, могъ навалиться на насъ этой ночью съ фронта и съ любого изъ фланговъ. Приходилось быть бдительнымъ въ высшей степени.

Окончательно уже стемнѣло, когда къ намъ подошелъ еще одинъ баталіонъ другого полка; такимъ образомъ всего у насъ оказалось три баталіона.

Въ виду опасности, грозящей намъ съ трехъ сторонъ, было приказано расположиться соотвѣтствующимъ образомъ и оцѣпить всю деревню секретами.

Настала полнѣйшая тишина. Люди отлично понимали всю опасность нашего положенія и, лежа на своихъ участкахъ, совершенно притаились. Не слышно было ни разговоровъ, ни шороха. Не было возможности согрѣть себя какимъ-либо движеніемъ, а между тѣмъ

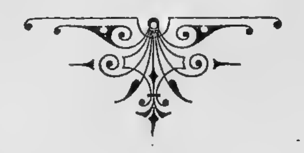
морозъ давалъ себя чувствовать. Люди жались другъ къ другу, стараясь согрѣться своей теплотой. Офицеры, переходя отъ одной роты къ другой, напоминали намъ о бдительности и о томъ, какъ встрѣтить непріятеля штыкомъ, если бы онъ повелъ на насъ атаку.

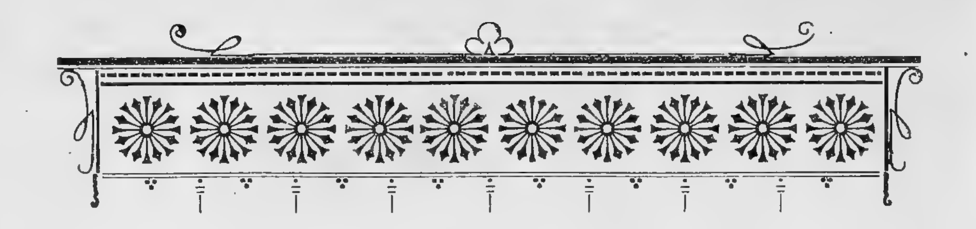
Тяжело было въ особенности секретамъ на морозѣ и безъ движенія.

Непріятель также притаился и съ его стороны ничего не было слышно. Мы не знали—остались ли японцы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ засталъ послѣдній моментъ боя, или же они ушли назадъ, или же наконецъ ползутъ къ намъ съ ловкостью кошки для того, чтобы сразу броситься на насъ всею массою.

Н—ъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1885

Владиміръ Павловичъ Безобразовъ, ученый, экономистъ публицистъ, общественный дѣятель, академикъ и сенаторъ, род. 3 января 1828 г. въ Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ его отецъ Павелъ Николаевичъ [1]) управлялъ удѣльной конторой [2]), воспитывался въ Московскомъ Дворянскомъ институтѣ, откуда за отличіе переведенъ въ Царскосельскій лицей, кончилъ курсъ съ серебряной медалью въ 1847 г., женился въ 1852 г. на Елизаветѣ Дмитріевнѣ Масловой [3]) и скончался въ годъ смерти Салтыкова, Хвощинской и Д. А. Толстого, 29 августа 1889 г. въ г. Дмитровѣ Московской губ. [4]).

Когда его переносили за 15 в., на родной погостъ, гдѣ онъ лежитъ рядомъ съ горячо любимой матерью [5]), приходилось вспоминать о желаніи покойнаго, чтобъ его везла одна лошадь. Не было и ея—гробъ несли свои, носковскіе крестьяне, окружалъ народъ, который онъ близко зналъ и любилъ всю жизнь.

Во всякое время крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ и сидѣли въ кабинетѣ, украшенномъ интересной коллекціей лубочныхъ картинъ, собранныхъ во время странствованій по Россіи.

В. П. не любилъ Петербурга, гдѣ протекла почти вся его жизнь, какъ служба въ министерствѣ финансовъ. Быстрая карьера вначалѣ—24 л. онъ начальникъ отдѣленія, 35 л., дѣйствительный статскій совѣтникъ и членъ совѣта министра—нелюбившаго его Рейтерна,—застой потомъ: въ этой должности онъ остается до 1885 г., когда назначается къ присутствованію въ департаментѣ герольдіи.

---

[1]) Родъ Безобразовыхъ восходитъ къ XIV вѣку—родоначальникъ выходецъ изъ Пруссіи.

[2]) Впослѣдствіи въ Москвѣ, но не въ 1828 г., какъ это значится у Брокгауза и Эфрона, Энциклопедической словарь. Т. III.

[3]) Троюродная сестра, дочь лицеиста I к., внучка Дм. Бор. Мертваго, впослѣдствіи извѣстная писательница Татьяна Свѣтова (*Венгеровъ*. Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, вып. 28).

[4]) Гдѣ онъ и похороненъ въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ (Венгеровъ).

[5]) Елизавета Павловна Полторацкая, племянница извѣстнаго А. Оленина, сводная сестра Варвары Алек. Бакуниной, матери Мих. Алек.

Отдыхалъ онъ, когда путешествовалъ, и во время этихъ путешествій изъѣздилъ всю европейскую Россію. За 2 мѣсяца до своей кончины, тяжко больной, онъ совершилъ послѣднее изслѣдованіе Маріинской системы, далекій отъ мысли, что Череповецъ—его предѣлъ.

Путешествія эти были командировками, во время которыхъ онъ изслѣдовалъ самые разнообразные вопросы—начиная съ учрежденія на новыхъ основаніяхъ должностей губернскихъ механиковъ—1861 г. (въ бытность помощникомъ оберъ-провіантмейстера петербургской и псковской губ.), объ изготовленіи предметовъ государственной обороны—1868 г. и о состояніи главнѣйшихъ иностранныхъ университетовъ—1875 г. (два заграничныхъ путешествія), о поземельныхъ банкахъ 1860 и 1865 г.г. (въ Россіи и за границей), о состояніи уральскихъ заводовъ—1869 г, (онъ настаивалъ на необходимости продать ихъ въ частныя руки, чѣмъ нажилъ врагами горное вѣдомство) и кончая общимъ вопросомъ о состояніи промышленности и торговли въ центральныхъ губерніяхъ и на Нижегородской ярмаркѣ—1862, 1879—89 гг. Въ связи съ этимъ вопросомъ была командировка на двѣ московскія выставки—сельско-хозяйственную въ 1864 г. и Всероссійскую промышленную въ 1882 г. Слѣдствіемъ были крупные труды (Отчетъ о выставкѣ 1882 г. заключаетъ въ себѣ 6 т.), изъ которыхъ соціально-экономическіе заняли бы видное мѣсто и доставили бы автору почетное имя во всякой другой литературѣ, какъ по обилію собранныхъ матеріаловъ, свѣдѣній и наблюденій, такъ и по добросовѣстной и обстоятельной ихъ разработкѣ, но у насъ эти труды не обращали на себя должнаго вниманія даже со стороны лицъ, спеціально занимающихся тѣми же вопросами и предметами государственнаго и народнаго хозяйства, говоритъ Л. З. Слонимскій [1]. „Изслѣдованія о народномъ хозяйствѣ Россіи“ (Спб. 1882—5, т. I—II) должны быть признаны наиболѣе интересными и цѣнными изъ всѣхъ экономическихъ работъ Б. Авторъ поставилъ себѣ задачей собрать наиболѣе полныя и точныя свѣдѣнія о ходѣ промышленной жизни въ ея главныхъ центрахъ—въ Московскомъ районѣ и „по главной улицѣ“ Россіи—Волгѣ. Способъ изслѣдованія отличается необыкновенной осмотрительностью и многосторонностью; всѣ сообщенія и выводы основаны исключительно на собранныхъ лично матеріалахъ“ [2]).

Вся жизнь его упорный трудъ и перечень написаннаго занимаетъ 4 стр. мелкаго шрифта въ вышеупомянутомъ словарѣ Венгерова. В. П. началъ писать въ 1854 г. мелкія статьи въ Ж. Мин. Внутр. Д.—послѣдняя большая работа—біографія гр. Ѳ. П. Литке появилась въ Запискахъ Академіи въ 1889 г. (есть и отдѣльное изданіе). Статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ до 70-хъ годовъ, когда онъ разошелся съ Катковымъ—въ 70-хъ г. въ „Голосѣ“, гдѣ онъ велъ иностранной отдѣлъ, фельетоны въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Новостяхъ“, статьи въ „Русской Мысли“ и „Наблюдателѣ“ (Вопросы дня).

Подъ редакторствомъ В. П. вышли въ 1873—80 гг. 8 томовъ „Сборника Государственныхъ Знаній“ [3]), гдѣ соединены лучшія силы, а самъ редакторъ писалъ въ каждомъ томѣ „Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія“ и рецензіи. Въ 1857—58 гг. онъ редактировалъ

---

[1]) *Венгеровъ,* вып. 28.
[2]) Тамъ же.
[3]) По поводу сборника до 80 рецензій (Венгеровъ).

„Вѣстникъ Императорскаго Географическаго Общества“, въ 1858—59 г. „Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ“. Кромѣ того, „Матеріалы для актовыхъ налоговъ“, переводы и оффиціальныя записки.

Въ Географическомъ обществѣ онъ былъ одно время секретаремъ, въ Вольноэкономическомъ—предсѣдателемъ III отдѣленія.

Въ 1864 г. избранъ адъюнктомъ академіи наукъ, позже экстраординарнымъ академикомъ. Въ теченіе 10 лѣтъ (1868—78 гг.) читалъ въ Александровскомъ лицеѣ политическую экономію и финансовое право (4 л. въ недѣлю). Въ 1870 г. избранъ преподавателемъ политической экономіи и государственныхъ финансовъ къ великимъ князьямъ Алексѣю Александровичу и Николаю Константиновичу, въ 1876 г. къ Сергѣю Александровичу и Константину Константиновичу. Онъ искренно полюбилъ своихъ высокопоставленныхъ учениковъ. Чувство было взаимное, и нѣсколько лѣтъ послѣ кончины В. П. великій князь Сергѣй Александровичъ говорилъ о немъ со слезами на глазахъ.

Если въ „Дневникѣ“ идетъ такъ часто рѣчь о царской фамиліи, не надо забывать, что Дневникъ отдыхъ отъ трудовъ неутомимаго труженика и его сердечная исповѣдь. Прямой и горячій въ жизни, онъ заноситъ свои мимолетныя впечатлѣнія. Оффиціальный оптимизмъ смѣняется присущимъ автору глубокимъ пессимизмомъ.

Сердечность, добродушіе и остроуміе В. П. признаются даже такимъ его врагомъ, какъ К. Скальковскій въ „Нашихъ современныхъ дѣятеляхъ“.

Никто не имѣлъ понятія о томъ, сколько онъ дѣлалъ добра, пока послѣ смерти не обнаружился архивъ писемъ. За кого только онъ не хлопоталъ, сколько пристроилъ и сколько было писемъ, гдѣ просили еще. Оставалась безвѣстной и глубокая религіозность. О послѣднихъ минутахъ разсказываетъ архимандритъ Сергій, его причащавшій [1]), Обыкновенно нетерпѣливый, онъ сносилъ свою болѣзнь со стоицизмомъ, не жаловался, особенно ободрился послѣ причастія и за нѣсколько часовъ до смерти еще читалъ. Но архимандритъ Сергій передаетъ не точно, какъ произошла смерть. Въ это время онъ былъ одинъ. Дверь въ сосѣднюю комнату была открыта, послышался глубокій вздохъ [2]).

Почетный гражданинъ г. Иванова-Вознесенска, почетный мировой судья г. Дмитрова, онъ исполнялъ 2 мѣсяца обязанности участковаго судьи, уѣздный и губернскій гласный отличался среди лучшихъ русскихъ ораторовъ—московскихъ своимъ умѣніемъ говорить.

Въ „Мысляхъ по поводу мировой судебной власти“ (М. 1866) рисуется изумленіе людей, которые въ своемъ самоуправствѣ должны подчиниться приговорамъ мировыхъ судей. Много дѣльнаго сказано о главномъ русскомъ злѣ—пьянствѣ. „Въ этомъ мірѣ (питейныхъ заведеній) постоянно живетъ и безконечно плодится та нравственная зараза, которая порождаетъ, можетъ быть, 95% всѣхъ преступныхъ и безнравственныхъ дѣяній въ Россіи отъ самыхъ мелкихъ до самыхъ крупныхъ“. „Достаточно сказать, что мы почти не видѣли буйства, драки и насилія, которымъ бы вообще не предшествовало опьяненіе. Самые тихіе и свирѣпые въ трезвомъ видѣ люди совершаютъ неслыханныя безчинства, *выпимши*“. „Если обузданіе пьянства есть

---

[1]) Русскій архивъ, 1889, 9.

[2]) Неточно и описаніе болѣзни, что вошло во всѣ некрологи. Смерть произошла не отъ неудачно вырѣзанной мозоли, ничего подобнаго не было, а отъ болѣзни сердца, печени и почекъ.

пресѣченіе важнѣйшаго источника преступныхъ дѣяній въ нашемъ отечествѣ, нравственная порча великаго народа, если для этого достаточно точное выполненіе законовъ, то какое блистательное поприще открывается для мировой юстиціи. Самое несовершенное въ судебныхъ уставахъ 1864 г.— Уставъ о наказаніяхъ".

Почетный членъ международнаго статистическаго института (1885 г.). другъ Молинари, Блунчли и Лоренца Штейна, онъ называетъ своимъ учителемъ Гнейста. „То былъ достойный его ученикъ", замѣчаетъ въ своемъ талантливомъ этюдѣ В. Чуйко, замѣчательный ученый, который могъ равняться по силѣ съ лучшими авторитетами въ Европѣ" [1]. Какъ Гнейстъ, онъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ самоуправленію Англіи, которое выработалось изъ цѣлаго ряда учрежденій и гдѣ парламентаризмъ лишь верхушка. Такое прочное зданіе не имѣетъ ничего общаго съ бумажными конституціями. Здѣсь коренится его своеобразный взглядъ на земскія учрежденія [2]. „Почему они не введены въ общій строй, не органы государства, а вольности, постороннія учрежденія, посторонніе люди, а наши земскіе дѣятели усугубляютъ это недоразумѣніе и создаютъ государство въ государствѣ". „Каково бы ни было происхожденіе, спеціальное призваніе и названіе мѣстныхъ властей, центръ тяжести мѣстнаго самоуправленія можетъ быть только въ одной какой-нибудь власти, около которой сосредоточиваются лучшія силы и наибольшее движеніе мѣстнаго общества" [3]).

Если писатель и желаетъ сохраненія нѣкоторыхъ народныхъ особенностей, такъ защищаетъ общину, но вооружается противъ волостного суда, т. к. крестьяне сами желаютъ, чтобы ихъ судили по закону, и существованіе отдѣльныхъ крестьянскихъ судовъ вопіющее зло, и признаетъ Россію такимъ же европейскимъ государствомъ, какъ и остальныя. „Всѣ наши успѣхи и пріобрѣтенія результаты зап. европейской цивилизаціи". Ратуя противъ русской ломки учрежденій, онъ желаетъ ихъ органическаго роста—это самое платоническое желаніе въ странѣ, гдѣ народный геній Илья Муромецъ— прототипъ Обломова въ извѣстномъ смыслѣ.

Ясно, что воззрѣнія В. П. не подходили ни подъ одинъ изъ нашихъ излюбленныхъ трафаретовъ. Всю жизнь оставался онъ независимымъ, занималъ среднее невыгодное положеніе, по словамъ Чуйко, и имѣлъ потому несчастье быть чужимъ для всѣхъ русскихъ партій и кружковъ.

Еще въ чаду перваго горя пришлось прочитать, что умеръ „доктринеръ" и „фритредеръ", принесшій вредъ Россіи участіемъ въ пониженіи тарифа и устройствомъ гастрономическихъ обѣдовъ у Донона [4]), экономическаго парламента, имѣвшаго огромное вліяніе на русскую жизнь, и что Б. былъ всегда на сторонѣ враговъ нашей промышленности.

Пусть г. Колесовъ и разъяснилъ, что покойный не участвовалъ ни въ одной изъ тарифныхъ комиссій, а Л. Слонимскій назвалъ эту характеристику не имѣющей ни малѣйшаго отношенія къ осторожному и трудолюбивому

---

[1]) В. П. Безобразовъ. Наблюдатель, 1889, 11.
[2]) Земскія учрежденія и самоуправленіе. М. 1874.
[3]) Мысли по поводу мировой судебной власти.
[4]) Экономическіе обѣды—3 р. съ виномъ—не могли быть по петербургскимъ цѣнамъ гастрономическими.
[5]) № 4864.

изслѣдователю, все же нельзя не сказать—развѣ у насъ такъ уже много замѣчательныхъ людей?

Широкая натура Б. не имѣла ничего общаго съ доктринерствомъ, безусловнымъ защитникомъ свободы промышленности онъ никогда не былъ, но заботился объ интересахъ потребителей и говорилъ, что „вмѣшательство правительства возможно, пока оно не умерщвляетъ чувство личнаго промышленнаго интереса и личной промышленной отвѣтственности". Не глубоко ли это вѣрныя слова?

Сторонникъ свободы личности, невмѣшательства государства [1]), высокообразованный популяризаторъ западно-европейской науки, честный и доблестный гражданинъ съ твердыми убѣжденіями и широкими воззрѣніями, возросшими на твердомъ фундаментѣ русской исторіи и европейской цивилизаціи [2]), защитникъ законности, поклонникъ судебныхъ уставовъ 1864 г. [3]).

„Всю жизнь отдалъ онъ наукѣ, но не отвлеченнымъ ея теоріямъ, а практическому примѣненію къ жизни общества и государства" [4]).

„Всю жизнь оставался онъ вѣренъ *прогрессивнымъ* убѣжденіямъ, несмотря на колебанія нашей политической атмосферы" [5]).

---

[1]) „Русскія Вѣдомости" № 241.

[2]) Наблюдатель 1889, 9. Получивъ поверхностную подготовку къ ученой дѣятельности въ лицеѣ, онъ образовалъ себя самъ и слѣдилъ за общимъ ходомъ науки и литературы, и не только экономической и государственной. Библіотека изъ десятковъ тысячъ томовъ была къ услугамъ всѣхъ и, когда зачитывали, онъ покупалъ новые экземпляры.

[3]) „Умственный памятникъ, долженствующій служить въ отдаленномъ потомствѣ величайшей честью нашего времени".

[4]) „Энциклопедическій Словарь", т. III.

[5]) Слонимскій (Венгеровъ).

Выборгъ, *11 августа.* Вчера вечеромъ пріѣхалъ сюда изъ Райволы, чтобы сдѣлать экскурсію по Финляндіи, для отдыха и наблюденій. Я ужасно измучился работой: дошло до того, что не могу писать безъ головной боли, а приходилось писать цѣлый день. Всякій день чувствую, что наступаетъ старость, что нельзя столько работать, какъ прежде, и жить себя не бережа. А нужно работать, чтобы содержать семью, да и скучно безъ работы.

Въ Райволѣ ничего не записывалъ. Нечего было записывать; однѣ мои мысли—не стоитъ, да и нѣтъ времени.

Остановился здѣсь въ Societas Hôtel. Очень порядочно, но хозяинъ финнъ нелюбезенъ, какъ всѣ финны. Такой гостиницы однако въ Россіи не можетъ быть въ губернскомъ городѣ.

Я хочу ограничить до возможности территорію моихъ экскурсій: и для дѣла лучше, и для отдыха. Я не понимаю отдыха безъ дѣла и потому буду дѣлать наблюденія въ Финляндіи.

Вильманстрандъ, 12 августа. Изъ Выборга проѣхалъ на пароходѣ къ Корсаковымъ въ Кива-Коска на Сайменскомъ каналѣ. Очень красиво. Вообще прелестные виды съ парохода.

Эксплоатація въ гостиницѣ въ Выборгѣ,—при уплатѣ за счетъ показали мнѣ курсъ на 5 марокъ ниже, чѣмъ на желѣзной дорогѣ.

Такса извощика за часъ $1^1/_2$ м., въ гостиницѣ сказали 2 м., а извозчикъ требовалъ $2^1/_2$ м.

Финны наивно глупо эксплоатируютъ. Оттого мало пріѣзжихъ.

Съ Корсаковыми въ экипажѣ до Юстилы, оттуда почтовой дорогой до Вильманстранда (болѣе 50 в.). Лошади хороши возятъ скоро, на одной лошади въ одноколкѣ. Русскимъ языкомъ кое-кто говоритъ, но вообще плохо путешествовать, не зная по-фински.

На одной изъ станцій нѣтъ лошадей изъ штатныхъ, а есть reservi, чтобы заставить заплатить вдвое прогоновъ.

На послѣдней станціи передъ Вильманстрандомъ едва добудились. Я проголодался. Прислуга ничего не понимаетъ, надо объясняться знаками. Наконецъ, является хозяинъ еврей (типическій), и все пошло по маслу; говоритъ на всѣхъ языкахъ; точно изъ дичи вдругъ открылась Европа съ его появленіемъ. Вотъ призваніе евреевъ—облегчать всѣ отношенія.

По дорогѣ лѣса и лѣса.

Мальчики-ямщики—бойкій народъ. Съ дѣтства трудятся финны.

Въ $12^1/_2$ часовъ ночи прибылъ въ Вильманстрандъ. Въ лучшемъ

(единственномъ) отелѣ Абрамова (сто лѣтъ, что водворились здѣсь) нѣтъ комнаты.

Отель Абрамова весьма приличный. Меня привезъ ямщикъ въ какую-то трущобу—Hôtel Willmanstrand. Содержитъ молодая чухонка, распоряжается какая-то старуха, въ родѣ горничной (кажется, еврейка) тертая. Смѣсь нравовъ патріархальныхъ и развратныхъ, не разберешь. Однако и въ этомъ отелѣ въ родѣ постоялыхъ дворовъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ, но все-таки какъ ни гадко, лучше, чѣмъ въ нихъ. Понимаютъ удовлетвореніе образованныхъ потребностей: бѣлье и проч.

Сегодня утромъ рожденіе хозяйки—пѣсни и плясъ подругъ у нея съ 9 ч., утра. Приходитъ ко мнѣ, только-что я всталъ, съ шампанскимъ и проситъ выпить за ея здоровье.

Я объѣзжалъ городъ: виды на озеро хороши, ничего особеннаго. Постройки малыя, но очень порядочныя.

Много пріѣзжихъ. Badehaus.

Ярославецъ (ростовецъ) давно имѣетъ здѣсь лавку. Финны плохи для розничной торговли.

14 августа, Куопіо. За table d'hôte въ Вильманстрандѣ у Абрамова познакомился съ финляндскимъ офицеромъ *г. Hellman.* Очень порядочный человѣкъ, воспитывался въ 1 кадетскомъ корпусѣ. Въ русскомъ духѣ, хотя финляндецъ. Видитъ дурныя стороны Финляндіи, самохвальство (у русскихъ этого нѣтъ), хотя очень любитъ Финляндію. Военная школа и войско объединяютъ. Говоритъ, что всѣ военные за Россію. Возмущается выходкой корреспондента въ Daily News о нейтралитетѣ Финляндіи. Весной какой-то чудакъ говорилъ объ этомъ въ финляндскихъ газетахъ.

12 августа, въ 8 ч. вечера, ѣду на пароходѣ Ansio (скверный, маленькій, есть большіе отличные) въ Куопіо, куда пріѣхалъ вчера, 13 августа вечеромъ (9 ч.). Хотя скверная погода—вѣтеръ и дождь, но все-таки могъ насладиться видами озеръ. Настоящія финляндскія красоты,—вода, лѣса, скалы, островки, небольшія возвышенности, мало поселеній, почти нѣтъ. Мрачно, но вездѣ слѣды тщательной культуры. Шлюзы—какъ хорошо обдѣланы и какъ аккуратно проходятъ.

На пароходѣ много говорилъ съ лютеранскимъ пасторомъ, *г. Герцъ* въ Куопіо—военный проповѣдникъ и учитель въ Лицеѣ. Касались всего: большія свѣдѣнія по Финляндіи и богословію. Никакой русскій священникъ—кромѣ развѣ высшихъ духовныхъ лицъ въ академіяхъ—не имѣетъ такихъ познаній. А это очень незначительный человѣкъ. Вотъ громадная пропасть съ Россіей! Пасторы отлично поставлены. Нѣкоторые имѣютъ до 25.000 марокъ

въ годъ. Печально, что онъ разсказывалъ про русскаго священника въ Куопіо,—только пьетъ и рыбу ловитъ.

Въ Куопіо два лицея—шведскій и финскій и оттого мало учениковъ. Вездѣ 2 партіи. Учатъ древнимъ языкамъ и тремъ новымъ—французскому, нѣмецкому, шведскому; русскому нигдѣ не учатъ.

Компанія учителей возвращается съ вакацій—какая порядочность во всемъ, хотя простота. Добрые семейные нравы. Пасторъ—интеллигентный центръ.

На пароходъ набираютъ товары и тѣсно. Въ Куопіо остановился въ гостиницѣ Societät house, хозяинъ г. *Norden*—милый человѣкъ, образованный, музыкантъ (cornet à piston). Тутъ живетъ *Ларошъ*—вездѣ нахожу знакомыхъ.

Сегодня, 14 августа, сдѣлалъ поѣздку на гору Pönion,—отсюда великолѣпный видъ на Калливези. Но тамъ ничего не устроено, надо взлѣзать на башню, чтобъ что-нибудь видѣть.

Ничего еще не устроено для туристовъ; предложеніе должно идти навстрѣчу спроса. Финляндія могла бы сдѣлаться для Россіи (для туристовъ) тѣмъ, чѣмъ служитъ Швейцарія для Германіи.

Встрѣтился на пароходѣ и здѣсь съ купцомъ изъ Выборга—Ahrenberg—обѣщалъ доставить хересъ.

Объѣзжалъ городъ. Какъ можно сравнить съ нашимъ. Тишина (финскій характеръ), но все въ порядкѣ, всѣ улицы шоссированы; все прибрано, ничего не валяется и не валится, какъ у насъ.

Въ отелѣ не роскошно, но чисто.

Конечно, нужно сдѣлать больше, чтобы привлечь туристовъ.

16 августа, Нейшлотъ. 14 августа, вечеромъ, былъ домашній концертъ въ гостиницѣ въ Куопіо, хозяинъ страстный меломанъ, игралъ на корнетѣ и пѣлъ, Ларошъ акомпанировалъ, Ahrenberg пѣлъ. Все было gemüthlich. (Гувернантка-англичанка у Лароша и еще горничная, а бѣдные люди, — вотъ ширина русской натуры).

Подъ конецъ большой споръ: купецъ жалуется на Россію, на таможенный тарифъ, разоряющій Финляндію. Главное на чугунъ. Заводы должны закрыться. Устроены только въ виду вывоза въ Россію. Это и несправедливо. Финляндцы такіе же подданные Россіи. Финляндія облагаетъ только 4 русскіе товара: вино (водка запрещена), сахаръ, табакъ и еще что? И какъ глупо это возвышеніе тарифа, которое вредно для насъ самихъ. Натурально, что финляндское правительство думаетъ о репрессіяхъ.

Но вообще грустно видѣть нерасположеніе финляндцевъ къ Россіи; любятъ только Государя.

Еще интересно: Ahrenberg говоритъ съ презрѣніемъ о Россіи потому, что она не имѣетъ конституціи. „Wir haben nichts zu thun mit dem russischen Volke weil es noch nicht selbständig ist, nicht constitutionell, darum kennen wir nur den Kaiser“ [1]).

Вчера, 15 августа, въ 8 час. утра, поѣхалъ опять на пароходѣ Ansio въ Нейшлотъ, куда прибылъ вчера вечеромъ въ 8 часовъ.

На пароходѣ сперва очень мало пассажировъ. Капитанъ жалуется, что развелось много пароходовъ. (Двѣ конкуррирующія компаніи на этомъ пути. Другая компанія гораздо больше и гораздо болѣе удобные пароходы).

Какая разница для удобства на пароходѣ, когда мало пассажировъ и товаровъ. Несравненно пріятнѣе.

Компанія на пароходѣ. Дѣвица Михайлова, очухоненная русская, знать не хочетъ Россіи, считаетъ своимъ отечествомъ Финляндію. Отецъ, купецъ въ Сердоболѣ (кажется маленькій). Былъ женатъ 2 раза на чухонкахъ, говоритъ съ дѣтьми по-фински (не удерживается даже языкъ).

Старшій сынъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ, еще говоритъ по-русски, а меньшой уже не говоритъ. Дѣвица Михайлова говоритъ по-русски, какъ иностранка, съ акцентомъ и многое не понимаетъ. Осталось русскаго только фамилія (вотъ православное духовенство и должно бы поддерживать русское чувство и связь съ Россіей) и прыть. Михайлова хочетъ быть учительницей, была въ женскомъ училищѣ въ Сердоболѣ и годъ на педагогическихъ курсахъ въ Гельсингфорсѣ—путешествуетъ одна, ничего не боится; очень бойка, шумно хохочетъ, не похожа на финнокъ (но безъ всякаго оттѣнка нигилизма). Ничего русскаго не пробуждается въ ней, какъ я ни будилъ въ ней русское чувство, со мной чувствуетъ себя какъ съ иностранцемъ, а съ финскими женщинами на пароходѣ, какъ своя.

Кухарка, ѣдущая въ Любекъ *для занятій на кухнѣ*, на пароходѣ скрываетъ это и играетъ „роль барыни въ шляпкѣ“.

Ждали на одной пристани какую-то quasi аристократическую барыню и опоздалъ отъ этого пароходъ. Разговоръ этой барыни съ хозяйкой буфета, которая при всемъ уваженіи сидитъ подлѣ нея. Капитанъ, зная, что я сенаторъ, подаетъ мнѣ руку. Вообще полное

---

[1]) У насъ нѣтъ ничего общаго съ русскимъ народомъ, потому что онъ еще не самостоятеленъ, не имѣетъ конституціи, мы знаемъ лишь императора.

равнодушіе къ титуламъ (даже и оффиціальнымъ русскимъ); много чувства собственнаго достоинства и равенства.

Садятся на пароходъ много семействъ съ дѣтьми и опять семейные патріархальные нравы (нѣжность къ дѣтямъ).

Въ одеждѣ никакой элегантности, но опрятно. У всѣхъ женщинъ перчатки.

Въ Нейшлотѣ бѣдствую—въ отелѣ дѣвицы Мельзе (старуха, болятъ зубы). Ужасно патріархальная гостиница; ничего не могу добиться,—насилу дали закуску. Хозяйка говоритъ немного по-нѣмецки, но уходитъ спать. Всѣ комнаты проходныя; я запертъ, не знаю, что дѣлать. Ложусь въ 10 часовъ. Горничная говоритъ только по-фински. Утромъ подлѣ въ гостиной помѣстили семейство, и мнѣ не позволяютъ проходить! Хозяйка предлагаетъ мнѣ перейти въ другую комнату. Я ее обругиваю, одѣваюсь и уѣзжаю. За все берутъ 4 марки. Возня достать извозчика; ѣду, куда глаза глядятъ, отыскивать другой отель.

Вотъ трудность быть туристомъ въ Финляндіи.

Въ большихъ городахъ чувствуешь себя въ Европѣ болѣе, чѣмъ въ большихъ городахъ въ Россіи; но въ малыхъ мѣстахъ дичь, хотя и въ нихъ болѣе культуры, чѣмъ у насъ.

Наконецъ, попадаю въ гостиницу (на почтовой станціи) г. Юнакова—спасенье. Онъ тоже говоритъ, что онъ православный финляндецъ, а не русскій, говоритъ по-русски, какъ иностранецъ. Происходитъ откуда-то съ Ладожскаго озера; говоритъ, что тамъ всѣ русскіе, какъ онъ,—т. е. *офинены*.

Отъ очухоненія спаслись, кажется, только ярославцы (лавка въ Вильманстрандѣ).

Въ гостиницѣ Юнакова просто, но хорошо; финскій тонъ, чистота не русская.

Объѣзжаю Нейшлотъ; кромѣ развалинъ замка ничего интереснаго, городъ плохой, неизмѣримо грязнѣе Куопіо (тамъ всѣ улицы шоссированы, здѣсь въ родѣ нашихъ улицъ, и постройки не поддерживаются). Пасторъ Гердъ говоритъ, что чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ хуже въ Финляндіи и нравы хуже.

Особенность Нейшлота: посреди города огромныя скалы, на нихъ какъ на фундаментѣ стоятъ многіе дома, ихъ не взорвали; у меня передъ окнами, на дворѣ гостиницы, большая скала.

Куопіо. Прогулка въ окрестностяхъ, паркъ, рестораны, театръ, очень мило и устроено по-нѣмецкому (Anlagen).

Никакихъ слѣдовъ русской культуры, кромѣ ярославскихъ лавокъ.

Прекрасныя новыя каменныя зданія въ Куопіо. Префектура. Нельзя сравнить всѣ эти постройки въ хорошемъ стилѣ съ нашими, внутри Россіи. Болѣе вкуса, чѣмъ у насъ.

Бѣдность народа по Реціусу. При этой бѣдности культура. Страшное трудолюбіе.

Чтобы привлечь туристовъ, нужно, чтобы нѣмцы и русскіе заводили гостиницы, въ которыхъ бы говорили по-русски и по-нѣмецки (напримѣръ любимцы). Нигдѣ нѣтъ русскихъ газетъ, но вездѣ множество финляндскихъ.

Много читаютъ. На пароходахъ всѣ классы. Вся европейская новѣйшая литература переведена на финскій языкъ.

Много грустныхъ размышленій объ отношеніяхъ России къ Финляндіи. Какъ могущественно мы ославянили финновъ въ древности. А теперь они насъ офиниваютъ, даже на древнихъ русскихъ ладожскихъ берегахъ. Чрезъ шведскую культуру финны стали культурнѣе насъ.

Интересно это историческое движеніе: сперва ассимилированіе финновъ русскими, а потомъ наоборотъ. Но развѣ славяне были культурнѣе Чуди. Христіанство. Духовенство того времени. Поднявшись сперва черезъ шведскую культуру, финская дѣлается теперь *самобытной* (финоманія). Значитъ, періодъ подражанія не вредитъ позднѣйшему самобытному развитію національной культуры.

Финляндская культура, развиваясь самостоятельно, дѣлается общеевропейской.

Самый чужой народъ въ Финляндіи—русскіе. Войско всего болѣе объединяетъ.

Насильственное обрусеніе повредило бы всего болѣе.

S. Michel, 18 августа. 16 августа поѣхалъ по почтовой дорогѣ изъ Нейшлота въ С. Михель, около $4^1/_2$ часовъ. Юнаковъ показалъ русское радушіе, провожая меня и помогая во всемъ. Эта черта любезности, совсѣмъ чуждая финнамъ, осталась въ немъ. Но все-таки онъ сдержанъ, больше финнъ и никакого русскаго веселья и задушевности! Сухъ.

Съ 16 на 17 августа ночевалъ на станціи Лескала (35 в. отъ Нейшлота). Удивительно чисто и хорошія постели на всѣхъ станціяхъ.

Глава семейства (содержатель станціи) 100-лѣтній старикъ, еле ходитъ и трясется, однако за всѣмъ смотритъ, всѣ ему повинуются, а онъ получаетъ и держитъ деньги. Молодыя дѣвушки (дочери или внучки?) ведутъ все хозяйство и за всѣмъ смотрятъ. Удивительно скромны, какъ всѣ финки. Тщательно запираютъ къ себѣ двери (я это замѣтилъ *вездѣ*) и укрываются отъ чужого любопытнаго и особенно нескромнаго взгляда.

Долго готовили и, наконецъ, принесли скверную селедку, масло и неудобосъѣдаемую говядину (говядина вездѣ ужасна). За все взяли 3 м. Въ Нейшлотѣ 4 м. Какъ только не пьешь краснаго вина, такъ все дешево; впрочемъ дурно. Прихотливымъ людямъ ѣздить по Финляндіи не легко. Надо брать съ собой провіантъ; но вѣдь даже и въ Швейцаріи приходится бѣдствовать въ дикихъ мѣстахъ, а въ Тиролѣ еще хуже.

Въ Ленскалѣ забавный Lehnsman (любезенъ не по-фински). Говоритъ насилу по-нѣмецки. Угощаетъ меня todi (todi вездѣ) и угощается. Важно расположился на станціи. Онъ инспектируетъ всѣ мѣста и всѣхъ должностныхъ лицъ. Это въ родѣ фискала. Ихъ нѣсколько въ губерніи и они помощники губернатора (имъ и назначаются?). Наблюдаютъ за порядкомъ, законностью—взысканіемъ податей и долговъ. Они сверхъ жалованья, 1.500 марокъ, получаютъ проценты со всѣхъ взысканій, всего бываетъ до 7.000 марокъ въ годъ. На этой должности, кажется, зиждется все управленіе Финляндіей?

Кажется, todi подавали ему даромъ. Онъ имѣетъ начальническій тонъ, однако не по-русски. Старикъ сидитъ. Уѣзжаетъ ночью съ больной ногой. Lehnsman этотъ Adolph Eskeline.

На слѣдующей станціи финнъ, подмастерье у часовыхъ дѣлъ мастера въ Петербургѣ. Онъ подгулялъ, первый пьяный мною видѣнный въ Финляндіи; очень боекъ, говоритъ по-русски, пристаетъ ко мнѣ. Какъ чухонцы развертываются въ Россіи и какъ вреденъ имъ Петербургъ.

Я просилъ сказать извозчику, что если бы онъ лучше ѣхалъ, то получилъ бы больше на водку, а онъ его разнесъ, угрожая, что я пожалуюсь финляндскому консулу. Отсюда цѣлая характеристическая исторія. Хозяинъ сталъ говорить, что я не имѣю право ни за какую водку ѣхать скорѣе законнаго (10 в. въ 70 минутъ). Недавно, чтобы помочь народу, прибавили прогоны до 16 пенни на версту и убавили скорость съ 10 в. въ часъ; всѣ недовольны—стали ѣздить на долгихъ—вольнонаемныхъ. Финны вѣчно сидятъ на законности, къ которой мы такъ мало привыкли. „На водку не купишь лошадь". Хозяинъ приказываетъ сыну, мальчику 12—13 лѣтъ, везти меня законно, а тотъ безпрестанно смотритъ на часы, и однако вслѣдствіе обѣщанія водки все-таки везетъ скорѣе. Финны любятъ стоять на своихъ законныхъ правахъ и обязанностяхъ и безпрерывно ихъ оговаривать.

Дорога отъ Нейшлота до Михеля вмѣсто необыкновенно живописной весьма однообразна,—лѣса и лѣса.

Только 2—3 мѣста живописны. Крайнія патріотическія преуве-

личенія Армфельда. Дурная погода портитъ мнѣ всякое удовольствіе.

Туристовъ на этихъ путяхъ не бываетъ совсѣмъ.

На всѣхъ станціяхъ развѣшены финскія народныя картинки. главное съ Императорской фамиліей, они лучше нашихъ (висятъ и наши—Голышева).

Пассажъ на другой станціи—не даютъ лошадей. Не могу понять отчего. Спасаетъ барыня (съ семействомъ, ѣдетъ на своихъ лошадяхъ съ мужемъ и дѣтьми, очень порядочная). Объясняюсь съ ней по-нѣмецки, выходитъ, что не понимаютъ, что мнѣ нужно. Недогадливы чухонцы. Эти, кажется, особенно глупы; остались одни молодые, родители не дома и ничего не понимаютъ. Удивительно. Трудно путешествовать.

Вчера около 6 часовъ пріѣхалъ въ Санъ-Михель (Михелинъ) въ единственную почтовую гостиницу. Очень хорошо. Содержатель г. Nyholm говоритъ и по-нѣмецки, и по-русски. Очень услужливъ и разговорчивъ. Человѣкъ тертый. Такъ честенъ, что совѣтуетъ покупать сигары не у него, а въ лавкѣ (Дашевичъ). Обращается со всѣми какъ равный. (Въ Финляндіи и не интересуются кто вы такой, даже фамиліи не спрашиваютъ).

Я помѣщикъ въ dependance. Ужасная мерзость финляндскіе нужники, а говорятъ, что опрятны. Полиція требуетъ, чтобъ были не въ домѣ.

Санъ-Михель ничтожный городишко, менѣе 2.000 жителей. Въ такихъ мѣстахъ у насъ не существуетъ такихъ гостиницъ; это доказываетъ благовоспитанныя потребности проѣзжающихъ (финляндцевъ и нѣмцевъ-купцовъ), ибо туристовъ не бываетъ. Главный доходъ зимой.

Хозяинъ соообщаетъ много. 4 полицейскихъ на весь городъ и все въ порядкѣ. (Въ Финляндіи нѣтъ кабаковъ?). Пьютъ прилично. Въ лютеранскую церковь ходятъ рѣдко. Служба здѣсь финская, а хозяинъ шведоманъ. Даже молоденькая горничная говоритъ, что она шведоманка. Вотъ какъ глубоко идетъ раздѣленіе партій—весь народъ.

Опять Lehnsman, опять попиваетъ и меня угощаетъ. Показываетъ свой мундиръ, шляпу, шпагу. Добродушіе рѣдкое у финновъ. Можетъ быть нужно съ ними ближе сойтись, какъ я сошелся съ этимъ Lehnsman.

Необыкновенная тишина въ С. Михелѣ. Я засѣлъ на цѣлый день здѣсь, потому что пароходъ въ Вильманстрандъ идетъ только завтра. Сегодня воскресенье и пароходы не ходятъ. Вотъ еще неудобство. Все заперто, и никто ничего не дѣлаетъ. Пасторъ этого требуетъ.

Вліяніе пасторовъ (но оно благотворно) имѣетъ свои дурныя стороны и крайности.

Пароходъ отходитъ въ 4 часа ночи! Возможно ли это. Я ѣду ночевать на пароходѣ. Вообще это манера финляндцевъ въ 4—5 часовъ утра уѣзжать и пріѣзжать на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ; они встаютъ рано — простой народъ въ 2 часа.

Погода скверная, холодно. Я чувствую себя дурно, да и некуда ѣхать. Все прочиталъ, что было. Однако наблюдаю и схожусь съ людьми.

За обѣдомъ познакомился съ купцомъ изъ Любека — commis-voyageur. Разъѣзжаетъ съ образцами. Такихъ много. Много, говоритъ, можно продать и купить здѣсь.

Люди не такъ бѣдны, какъ кажется, и либеральный таможенный тарифъ помогаетъ вывозу. Тутъ это наглядно. Эти commis-voyageurs продаютъ и при томъ покупаютъ, что могутъ. Ввозъ и вывозъ.

Очень дѣльныя рѣчи этого господина. Говоритъ, что вольные города недовольны прусскимъ единствомъ. „Покоряемся, но не примиряемся. Должна же быть республика въ Германіи". Сильно говоритъ противъ протекціонизма. Между Швеціей, Любекомъ и Финляндіей идетъ оживленная торговля.

Здѣшніе купцы безпрерывно бѣгаютъ къ моему commis. Вотъ прикосновеніе Финляндіи къ З. Европѣ и въ такомъ ничтожномъ внутреннемъ городишкѣ. Вотъ цивилизующее начало, а самобытность остается.

Вчера всѣ ушли въ баню (Rezius, о финской банѣ). Финляндцу нужно только теплое и спокойное мѣсто. Дальше потребности не идутъ. Страшная борьба съ природой даетъ это направленіе желать только отдыха.

И какъ они тихи. Какая мертвечина на улицахъ и въ гостиницахъ.

Низшіе классы не имѣютъ такого непріятнаго чувства къ Россіи, какъ средніе, политизирующіе (и высшіе — они вѣроятно космополитичны и дипломатичны). Но и низшіе равнодушны; слова любовнаго о Россіи не слыхалъ. Полное равнодушіе хуже вражды!

Какъ финляндцы обращаются съ чужими? Спокойно уходятъ въ свои комнаты, а вы дѣлайте, что хотите.

Нравы неизмѣримо строже и чище, чѣмъ въ Россіи; что тамъ внутри я не знаю.

Чувствуешь себя въ Финляндіи, какъ въ совсѣмъ чужой странѣ. А мы должны были бы быть ей всѣхъ ближе. (Съ русскими окриками тутъ ничего не подѣлаешь). Вотъ тутъ бы помогли туристы. Англичане имѣли вліяніе на Швейцарію и сдѣлались тамъ популярны.

Туризмъ лучше дачной жизни. У насъ туристы только изъ самаго высшаго класса. Значеніе туризма: освѣженіе физическихъ и духовныхъ силъ. Умственное развитіе черезъ соприкосновеніе съ чужими. (Крайность и зло — непрерывный туризмъ насъ русскихъ за границей).

Неустрашимость и законность финновъ: разсказъ офицера о мальчикѣ-извозчикѣ, котораго онъ хотѣлъ пугнуть револьверомъ, чтобы онъ скорѣе ѣхалъ. Тотъ не моргнулъ.

Здѣсь настоящее самоуправленіе; по закону отвѣтственныя должности. Дѣло не въ выборахъ.

Не чувствуешь нигдѣ начальства, какъ у насъ, и вездѣ порядокъ.

Приличіе въ ресторанахъ. Равенство обращенія. Буржуазная публика господствуетъ.

По закону надо разъ въ 3 года причащаться. Но это не исполняется. Дѣвушекъ родившихъ—пасторы заставляютъ каяться при свидѣтеляхъ.

18 августа. Вечеромъ сѣлъ на пароходъ, идущій въ 4 часа утра въ Вильманстрандъ. На немъ ночевалъ. Прибылъ въ Вильманстрандъ въ $1^1/_2$ часа въ гостиницу Абрамова.

Тутъ нашелъ Кулибина, директора Горнаго департамента, а съ нимъ черезъ ст. Симолу. (Anschluss изъ Вильм. на Гельсингф. линію). Прибылъ въ $9^1/_2$ час. утра въ Райволу.

Разговоръ съ Кулибинымъ. Грустно видѣть, что то же нелѣпое направленіе горнаго хозяйства, съ которымъ я боролся въ 1868—70 гг., остается до сихъ поръ. Та же упорная защита хищничества и несознаніе въ немъ.

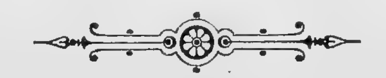
23 августа. Переѣзжаю сегодня въ Петербургъ.

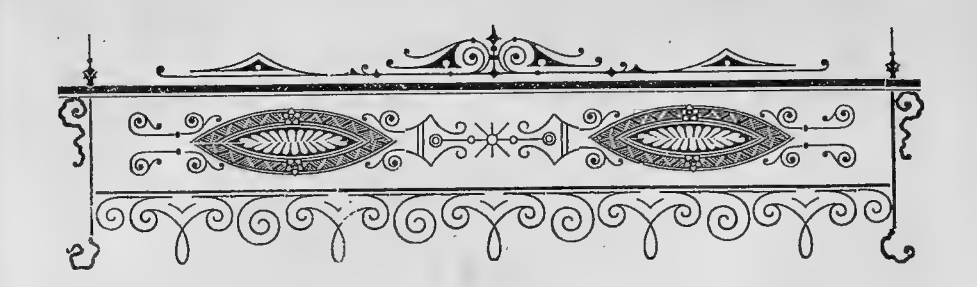
Какъ ни неудобно было жить и главное работать въ Райволѣ, но я какъ всегда, съ грустнымъ чувствомъ переѣзжаю въ ненавистный Петербургъ. А нынѣшній годъ приходится еще водвориться въ немъ такъ рано.

Одна надежда уѣхать въ Носково, на 2 мѣсяца. Но осуществится ли она? Невозможно безъ оскудѣнія умственныхъ силъ жить круглый годъ на этомъ болотѣ.

Сообщила М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ воспоминаніямъ о высокопреосвященномъ Іустинѣ, бывшемъ архіепископѣ херсонскомъ и одесскомъ.

О преосвященномъ Іустинѣ въ печати, при жизни его, говорено было немного; причины этому кроются прежде всего въ его скромности; вообще его надо ставить въ ряду тѣхъ служителей нашей Церкви православной и іерарховъ, которые не любили выставляться; приближенныхъ ему людей владыко всегда и неизмѣнно просилъ какъ можно меньше афишировать его и стараться объ его дѣяніяхъ замалчивать: „придетъ время, еще разберете по косточкамъ, когда однѣ онѣ только и останутся здѣсь, а душа будетъ тамъ,—теперь же не надо перебирать; пусть разберутъ тогда вкривь и вкось, какъ угодно".

Это былъ человѣкъ безспорно умный, спокойный, необыкновенно просто-здраво смотрѣвшій на все, о чемъ приходилось ему разсуждать, а главное, это былъ человѣкъ чисторусскій; про него, болѣе чѣмъ про кого-либо, можно было всегда сказать, и всѣ знавшіе его говорили, что, „не зная и не признавая своихъ личныхъ интересовъ", „онъ всю свою жизнь радовался радостями Россіи и горевалъ ея горестями".

I.

Высокопреосв. Іустинъ—въ мірѣ Иванъ Охотинъ, родился въ 1828 году въ семьѣ священника одной изъ церквей города Арзамаса, нижегородской губерніи. Вспоминая свое дѣтство, владыко разсказывалъ, какъ въ его памяти, съ самаго ранняго возраста, врѣзались производившіеся въ родительскомъ домѣ вечерніе подсчеты денегъ.

— Бывало, отецъ вернется отъ всенощной и, опустошивъ всѣ свои карманы, выложитъ на столъ цѣлую массу мѣдныхъ монетъ. Карманы у священниковъ и теперь глубокіе, а тогда дѣлались такіе, что чего, бывало, ни наложи, все въ нихъ утонетъ. Мѣдныя деньги, извѣстно, какія ходили тогда—гривна, помните, какая громадная была, а стоила она всего три копѣйки; весь столъ бывало завалитъ батюшка такими гривнами, да пятаками—грязными, зелеными.

— Ваня, иди подсчитай, надо непремѣнно сегодня же кончить счетъ и сегодня же отослать, что слѣдуетъ отцу діакону да причту,—скажетъ неизмѣнно отецъ,—а самъ сядетъ съ матерью у простывшаго самовара за чай, который мы дѣти уже отпили.

Не любилъ я этой операціи и по сейчасъ о ней вспоминаю съ большимъ неудовольствіемъ; не любилъ во-первыхъ потому, что долго, бывало, сидишь, считаешь, ошибешься — пересчитываешь; руки загрязнишь, спать хочется, глаза липнутъ, протрешь ихъ позеленѣвшими въ мѣдянкѣ пальчиками, щипетъ, саднитъ; во-вторыхъ потому, что и самъ отецъ ненавидѣлъ все это дѣло.

— Неужели же никогда духовенство наше не доживетъ до того, чтобы избавиться отъ этого побирательства, на которое мы обречены; стыдно прихожанамъ въ глаза смотрѣть,—говаривалъ нерѣдко покойный батюшка.

Вотъ когда еще духовенство тяготилось этимъ способомъ полученія средствъ къ жизни;—это было,—вспоминалъ владыко,—болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ, а и по сю пору далеко не вездѣ духовенство избавлено отъ этой печальной необходимости; только теперь, благодаря Государю Александру Александровичу, начинаютъ кое-гдѣ по очереди подводить духовенство подъ законъ о выдачѣ ему содержанія отъ казны и тѣмъ избавляютъ его отъ побиранія за совершеніе требъ.

— Такъ, бывало, много-много разъ въ году намучаешься подсчетомъ мѣдной „прояренной“ монеты.—Съ другой стороны, что дѣлать, не будь и этихъ мѣдныхъ средствъ, не пришлось бы выучиться хоть на мѣдныя деньги, не довелось бы подготовиться въ духовное училище, а безъ ученія куда человѣкъ пригоденъ.

Только благодаря этому немного миришься съ этими несимпатичными воспоминаніями.

II.

Въ старшемъ классѣ Петербургской семинаріи Иванъ Охотинъ, по собственному почину и убѣжденію, принялъ монашество, а затѣмъ, тотчасъ по успѣшномъ окончаніи курса С.-Петербургской духовной академіи, былъ посвященъ въ священный санъ іеромонаха. Такимъ образомъ онъ прослужилъ церкви съ 1853 года по 1907-й,— болѣе пятидесяти четырехъ лѣтъ.

Въ санѣ архимандрита преосв. Іустинъ состоялъ нѣкоторое время въ духовно-педагогической служебной дѣятельности—въ С.-Петербургской духовной академіи инспекторомъ и въ Ярославской семинаріи ректоромъ; въ началѣ семидесятыхъ годовъ, посвященный во епископа, онъ былъ назначенъ викаріемъ волынской епархіи.

Очень скоро, сравнительно въ молодыхъ годахъ, владыко былъ назначенъ на самостоятельную каѳедру—епископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ. Въ то время каѳедра эта имѣла особое значеніе, какъ одна изъ немногихъ, числившихся въ числѣ архіепископскихъ. Теперь такого дѣленія епархій нѣтъ.

Въ Харьковѣ правдивость, прямота характера преосв. Іустина, искренняя преданность его русской Церкви и дорогому отечеству, послужили причиной смѣщенія его: видя близко и неодобряя основу дѣятельности тогдашняго харьковскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта графа М. Т. Лорисъ-Меликова, преосв. Іустинъ вообще высказывался передъ нимъ просто и чистосердечно; а на одномъ изъ совѣщаній прямо и откровенно сказалъ ему, что, „нисколько не отмѣчая принадлежности его къ иной церкви и не придавая этому значенія, онъ, владыко, для государственнаго дѣятеля, отличеннаго особымъ монаршимъ довѣріемъ, полагалъ бы болѣе достойнымъ внимательное отношеніе къ Церкви православной и къ стоящимъ на высотѣ своего долга представителямъ власти, какъ гражданской, такъ и духовной“.

Недолго было Михаилу Таріеловичу снестись съ графомъ Толстымъ,—оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода; епископъ Іустинъ телеграммой былъ отставленъ, а затѣмъ „почтовымъ ходомъ“, какъ онъ выражался, значитъ, оставшись нѣсколько дней ничѣмъ, получилъ извѣщеніе о назначеніи епископомъ подольскимъ и брацлавскимъ.

— Бѣда небольшая, что каѳедра эта считалась не архіепископскою,—не разъ говаривалъ владыко,—а не ладно было то, что опять пришлось возвратиться въ край юго-западный, не русскій, изъ котораго мнѣ лишь незадолго передъ тѣмъ довелось, съ такою радостью, выбраться.

*

Тамъ, служа Церкви и преодолѣвая всѣ трудности служенія „въ краѣ господства католицизма“,—владыко, въ теченіе восьми лѣтъ, прилагалъ свои заботы къ тому, чтобы духовно-нравственное воспитаніе заброшеннаго туда православнаго юношества шло во ввѣренномъ ему вѣдомствѣ нормальнымъ теченіемъ; всѣ, близко знавшіе его дѣятельность за тѣ годы, въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ онъ близко входилъ во все, касавшееся каменецъ-подольской семинаріи и другихъ духовно-учебныхъ заведеній, заботился объ открытіи новыхъ школъ, давая на это зачастую средства изъ скудной собственности. Измучился владыко, видя, какъ, при всѣхъ его стараніяхъ, „дѣло русское, православное, туго подвигалось по пути улучшенія и повышенія въ этомъ краѣ, помыкавшемъ всѣми завѣтами нашей Церкви и нашего Отечества“.

III.

Въ 1885 году, уже въ бытность оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода Конст. Петр. Побѣдоносцева, владыко былъ, совершенно случайно и неожиданно, осчастливленъ переводомъ въ чисторусскую губернію—епископомъ курскимъ и бѣлградскимъ.

Преосв. Іустинъ никогда не думалъ о какихъ бы то ни было повышеніяхъ; не такой онъ былъ человѣкъ; онъ не далъ никакого значенія тому, что, послѣ восьми лѣтъ ссылки, былъ переведенъ опять на каѳедру не архіепископскую. Но со стороны это было замѣчено и нельзя было не замѣтить. Всѣмъ было ясно, что никому больше, какъ К. П. Побѣдоносцеву, надлежало обратить вниманіе на епископа, пострадавшаго за правду, вынесшаго несправедливость со стороны государственнаго дѣятеля, который считалъ себя лично задѣтымъ высказанной ему истиной. Судя, по недавно сдѣлавшимся извѣстными, письмамъ Конст. Петровича,—онъ достаточно оцѣнилъ тогда же дѣятельность графа Лорисъ-Меликова; но, видимо, не далъ себѣ труда обратить вниманіе на то, что дѣятельность та была въ трехъ словахъ осуждена святителемъ церкви, а за осужденіе святитель поплатился и понесъ кару.

К. П. Побѣдоносцевъ всегда ясно показывалъ, иногда прямо высказывалъ преосв. Іустину, а чаще высказывалъ другимъ при разговорѣ о владыкѣ, что нельзя повышать и отличать неимѣющихъ дара сдерживать себя служителей церкви. Какое-то недоразумѣніе, что-то старческое виднѣлось въ этомъ высказываньи такого здраваго мыслителя, какимъ былъ К. П.; простое брюзжанье выглядываетъ изъ-за здравости сужденій этого человѣка, умѣвшаго и незадумывавшагося

подъ часъ сорваться передъ кѣмъ угодно своимъ мнѣніемъ такъ же, какъ благородно сорвался преосв. Іустинъ передъ всесильнымъ тогда графомъ Лорисъ-Меликовымъ.

IV.

Почти черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смѣщенія преосвященнаго Іустина съ харьковской архіепископской каѳедры,—въ 1893 г., первоприсутствовавшій въ Св. Сѵнодѣ, достойнѣйшій митрополитъ с.-петербургскій Палладій, зная всю жизнь, чисто-русскія воззрѣнія и твердыя убѣжденія владыки Іустина, задумалъ предложить назначеніе его на открывшуюся каѳедру херсонскую и одесскую съ возведеніемъ его въ санъ архіепископа; К. П. Побѣдоносцевъ слышать не хотѣлъ объ этомъ назначеніи, и митрополиту Палладію, твердо рѣшившему поставить во что бы то ни стало на своемъ,—стоило большого трудовъ и времени добиться согласія Константина Петровича.

Собираясь въ отъѣздъ изъ Курска въ Одессу, владыко Іустинъ непритворно высказывалъ, что съ бо̀льшею радостью уѣзжалъ изъ края подольскаго безъ повышенія въ русскую губернію—курскую; „здѣсь я имѣлъ удовольствіе въ неусыпныхъ трудахъ спокойно прожить болѣе шести лѣтъ среди добрыхъ русскихъ православныхъ людей; повторится ли такое житье? Одесса край не русскій; правда, поэтому трудовъ потребуется больше; въ этомъ немалое утѣшеніе, а будутъ ли труды облегчаться такою же чисторусскою, сердечною средою, въ какой пришлось легко и незамѣтно оставить за плечами годы курскаго пребыванія“?

Высокопреосв. Іустинъ всегда во всемъ отличался безпристрастностью и справедливостью. Въ письмѣ отъ 2-го апрѣля этого года на имя одного изъ курскихъ сослуживцевъ, съ которымъ онъ, со времени курскаго совмѣстнаго служенія, сохранилъ самыя добрыя отношенія,—владыко, между прочимъ, пишетъ за семь недѣль до кончины своей: „Скончавшагося Конст. Петр. Побѣдоносцева очень жаль;—что бы о немъ ни говорили и ни писали, онъ много сдѣлалъ добраго для Церкви и для Отечества нашего дорогого.—Пожалѣть немного нужно развѣ о томъ, что онъ не умеръ нѣсколькими годами (хотя бы двумя) раньше; тогда не пережилъ бы онъ себя, а главное, не подвергся бы преступному развѣнчиванію со стороны тѣхъ, кто пользовался его вниманіемъ и даже покровительствомъ по службѣ. Но, видно, такъ суждено свыше“.

Это пишетъ восьмидесятилѣтній старецъ, имѣвшій всѣ основанія быть недовольнымъ только-что отошедшею въ вѣчность „силою“,

каковую представлялъ собой Конст. Петровичъ; но владыко отдаляетъ отъ себя всѣ личныя недовольства, онъ вспоминаетъ „усопшей силѣ" только ея заслуги передъ самымъ дорогимъ и наиболѣе почитаемымъ—передъ Церковью и передъ Родиной.

Къ числу высокихъ качествъ, которыми былъ богатъ владыко Іустинъ, надо отнести благородство чистой души его и полнѣйшее отсутствіе той злопамятности, которая зачастую унижаетъ людей до мстительности.

Много воспоминаній осталось о владыкѣ въ Курскѣ; видно, что вспоминавшееся имъ самимъ пребываніе въ этомъ благословенномъ городѣ оставило и въ жителяхъ, среди которыхъ онъ пребывалъ, тѣ же чувства удовольствія, утѣшенія и благодарности.

Владыко отличался замѣчательною щедростью въ дѣлахъ благотворительности и широко удѣлялъ на нихъ пожертвованія изъ своихъ небольшихъ средствъ.

V.

Всякій разъ, когда кто-либо при Владыкѣ Іустинѣ высказывалъ предположенія о задуманномъ созданіи какого-либо учрежденія, имѣвшаго въ основѣ цѣли благотворительныя,—если преосвященный видѣлъ, что дѣло идетъ о предположеніяхъ серьезныхъ, стоющихъ вниманія—а онъ всегда такимъ сочувствовалъ,—то обыкновенно, при окончаніи разговора, въ которомъ онъ всегда принималъ самое живое участіе, онъ, бывало, ловилъ минуту, незамѣтно, медленной походкой подходилъ къ своему письменному столу, а затѣмъ, вручая высказывавшемуся лицу сто, двѣсти рублей,—конфузливо говорилъ: „ну тамъ, что будетъ, съ благословенія Божія, а отъ меня для основанія этого благого дѣла, примите небольшую лепту, на ваше начинаніе".

Не говоря о духовныхъ дѣлахъ, много свѣтскихъ дѣлъ такимъ благимъ „приношеніемъ архипастыря на начинаніе" основалось, устроилось, установилось и дѣйствуетъ понынѣ въ Курскѣ и въ другихъ мѣстахъ его служенія.

Между прочимъ въ 1892 году въ Курскѣ основалась существующая и процвѣтающая нынѣ исправительная для малолѣтнихъ преступниковъ колонія. — Внимательно выслушавъ вице-губернатора, который подробно развивалъ объ этомъ свою мысль, владыко давая свое благословеніе, вынесъ двѣсти рублей „для начала"; а затѣмъ, по мѣрѣ приближенія этого дѣла къ осуществленію, онъ увеличивалъ свою лепту.—Когда въ собраніи образовавшагося въ Курскѣ общества колоніи, начались совѣщанія, владыко принималъ въ нихъ живѣйшее, дѣятельное, участіе, при чемъ вносилъ свои мысли и пред-

ложенія; между прочимъ онъ высказалъ, что никоимъ образомъ учреждавшемуся заведенію не слѣдуетъ присвоивать названія, которое напоминало бы прошлое питомцевъ; вмѣсто названія „колонія малолѣтнихъ преступниковъ“, было, по предложенію владыки, постановлено присвоить наименованіе „исправительная земледѣльческо-ремесленная колонія для малолѣтнихъ“.

Преосв. Іустинъ въ началѣ предлагалъ даже слово „исправительная“ не употреблять, но впослѣдствіи согласился съ доводами, приводившимися за сохраненіе этого названія.

VI.

Владыко вообще часто съ горячей благодарностью вспоминалъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ осуществленію этой идеи:— Е. Г. и В. В. фонъ-Валь, графа Д. А. Милютина, графиню Е. Н. и графа К. П. Клеймихель, А. А. Андреевскую, предсѣдателя суда В. Ѳ. Раковскаго, товарищей предсѣдателя, А. Г. Гизетти и И. И. Гаферберга, прокурора С. А. Лузгина, полк. В. А. Воинова, Е. С. и К. М. Каменевыхъ, губ. предв. двор. князя Н. Ѳ. Косаткина-Ростовскаго и княгиню Н. К. Касаткину-Ростовскую, В. Н. Перцова, В. Д. и И. В. Сукманъ, Е. К. Монтрезора, Е. А. и А. Н. Алферовыхъ и М. И. Драгомирова; „я ихъ всегда вспоминаю въ своихъ молитвахъ за это и за многое другое“, говорилъ онъ не разъ.

Нельзя не вспомнить, что во время проведенія мысли объ учрежденіи въ Курскѣ колоніи, въ городъ пріѣхалъ командовавшій войсками кіевскаго военнаго округа генер.-адъют. М. И. Драгомировъ; онъ обыкновенно останавливался у графа К. П. Клейнмихеля; за обѣдомъ, услышавъ разговоръ о колоніи, Мих. Ив. вынулъ изъ кармана пятьдесятъ рублей, передалъ ихъ сосѣду своему вице-губернатору, при чемъ сказалъ: пожалуйста прими отъ меня, отъ жены моей и отъ дѣтей эту сумму на доброе дѣло, но только пожалуйста, обяжись словомъ не печатать и не разсказывать объ этомъ, оставь меня ради Бога въ сторонѣ.

Преосв. Іустинъ, вспоминая объ Мих. Ивановичѣ, всегда говорилъ объ этомъ и добавлялъ: много грѣховъ простится этому геніальному полководцу за то, что онъ твердо знаетъ, помнитъ св. Евангеліе и преисполненъ имъ.

Преосвященный зналъ, что Мих. Ивановичъ Драгомировъ увлекался Евангеліемъ; онъ не разъ велъ съ нимъ бесѣды о священномъ писаніи.

Съ своей стороны Мих. Ив. говорилъ про владыку Іустина: архіумный архіерей; если бы такихъ-то побольше!

Впослѣдствіи, а именно 22 сент. 1892-го года, владыко самъ совершилъ богослуженіе при освященіи мѣста, купленнаго для колоніи и при закладкѣ первыхъ построекъ, воздвигавшихся тогда для нея.

VII.

Однажды въ Одессѣ преосвященному Іустину разсказали, что, въ одномъ изъ русскихъ городовъ, учредитель, намѣтившій основать колонію, отправился прежде всего къ мѣстному архіерею за благословеніемъ и очень былъ сконфуженъ, когда архіерей, вслушавшись въ разъясненіе сути дѣла, сказалъ: какъ! малолѣтнихъ преступниковъ вы хотите пріютить въ колоніи; не понимаю; пусть имъ остается пріютомъ тюрьма, они должны нести наказаніе за свои преступленія, а не награждаться довольствомъ въ такомъ пріютѣ, о какомъ вы думаете.—Учредитель ушелъ, въ большомъ смущеніи.

Владыко Іустинъ вѣрить этому не хотѣлъ, очень огорчился, долго не могъ придти въ себя и, нерѣдко возвращаясь къ разсказу объ этомъ, говорилъ: это невѣроятно, неправдоподобно и неестественно.

Въ томъ же 1892 году, за выбытіемъ изъ Курска энергичнаго, губернатора Виктора Васильевича фонъ-Валя [1]) на должность с.-петербургскаго градоначальника, — во временное исправленіе должности губернатора вступилъ вице-губернаторъ. Мѣсяца два съ половиной пришлось ему временно нести губернаторскія обязанности; въ то время въ предѣлы губерніи была занесена холера.—Наскоро, энергично были приняты всѣ необходимыя мѣры къ удаленію этой непрошенной гостьи; на средства города, земства, прилегающихъ къ Курску желѣзныхъ дорогъ (моск.-курской, кіево-курской и курско-харьк.-азовской) предпринята была постройка больницъ подъ городомъ и организація борьбы съ эпидеміей; частныя пожертвованія пришли на помощь этому дѣлу; — во главѣ жертвователей стоялъ преосв. Іустинъ,—его примѣру послѣдовали состоятельные люди и помощь была оказана широкая.

---

[1]) Впослѣдствіи почетный опекунъ, затѣмъ виленскій губернаторъ, командиръ корпуса жандармовъ, товар. министр. внутрен. дѣлъ; нынѣ почетный опекунъ, членъ Госуд. Совѣта.

VIII.

Курскій вице-губернаторъ, возвратясь однажды изъ поѣздки по окрестнымъ селамъ, въ которыхъ пришлось устроить лазареты и вообще организовать дѣло борьбы со свирѣпствовавшей эпидеміей, заѣхалъ къ преосвященному Іустину и между прочимъ разсказалъ ему о бѣдственномъ положеніи сиротъ, остающихся послѣ умирающихъ массами отъ холеры бѣдныхъ крестьянъ и о распоряженіи, сдѣланномъ имъ въ нѣсколькихъ наиболѣе пострадавшихъ селахъ— немедленно создать въ нихъ дѣтскіе пріюты; владыко, не дождавшись конца разсказа и стараясь скрыть навернувшіяся въ его добрыхъ глазахъ слезы, произнесъ: „да вѣдь на это нужны средства и не малыя; вы меня просто увлекли желаніемъ обезпечить участь этихъ несчастныхъ сиротъ; разрѣшите положить въ основаніе облегченія этой вопіющей нужды триста рублей; позвольте мнѣ ихъ вамъ вручить послѣ завтра—сегодня у меня такой суммы и не найдется; можетъ быть впервые въ жизни я вхожу въ долгъ; но, думается, не грѣшно его сдѣлать для такого высокаго, поистинѣ христіанскаго дѣла; очень вы меня этою своею мыслью тронули и обрадовали, дай Богъ успѣха этой затѣѣ; отъ чистаго сердца призываю на него благословеніе Творца вселенной. Да пошлетъ Онъ вамъ силъ къ доведенію этого симпатичнаго дѣла до конца".

— Ну, владыко, отозвался вице-губернаторъ, я не знаю, какъ благодарить васъ за все это, но въ другой разъ я стѣснюсь вамъ высказывать свои намѣренія; довольно было бы вашего святительскаго благословенія, а вы жертвуете такую сумму; право, въ другой разъ, воздержусь, не выскажусь...

— Я то все равно узнаю, а на вашей душѣ не останется ли грѣха, коли вздумаете обойти человѣка, который всегда радъ съ готовностью пособить благому начинанію? сказалъ съ доброй улыбкой преосв. Іустинъ,

Господь услышалъ предстательство владыки: увлеченные примѣромъ своего архіерея, мѣстные зажиточные купцы, отъ мала до велика, понесли свою первоначальную лепту; это дало возможность сельскимъ временнымъ пріютамъ сдѣлать свое дѣло; а когда, послѣ прекращенія холеры, въ нихъ миновала надобность на мѣстахъ, дѣти изъ нихъ были черезъ $1^1/_2$ мѣс. свезены въ Курскъ, въ одинъ общій пріютъ, который, по пріѣздѣ новаго губернатора, былъ переданъ ему. — Графъ Алексѣй Дмитіевичъ Милютинъ, взявшись энергично продолжать это дѣло, собралъ громадныя средства отъ того же щедраго курскаго купечества; онъ поставилъ времен-

ный пріютъ на постоянную, совершенно прочную ногу и исходатайствовалъ принятіе его подъ высокое покровительство Великой Княгини Ксеніи Александровны. Преосв. Іустинъ ежегодно до конца жизни вносилъ на него извѣстную сумму.

Нынѣ пріютъ имени Великой Княгини Ксеніи Александровны въ Курскѣ процвѣтаетъ, а получающія въ немъ питаніе и воспитаніе дѣти, несомнѣнно, вмѣстѣ съ родными и родственниками своими, благословляютъ и вѣдомыхъ и невѣдомыхъ имъ жертвователей, отъ нихъ же первымъ былъ высокопреосвящ. Іустинъ,—въ ту пору епископъ курскій и бѣлоградскій.

IX.

Не было въ Курскѣ начинанія, на которое преосв. Іустинъ не вносилъ бы щедрой лепты, не было ни одного стараго учрежденія, которое владыко не поддерживалъ бы своими единовременными и ежегодными взносами.

Впослѣдствіи изъ Одессы высокопреосв. Іустинъ постоянно щедро высылалъ въ разные города своимъ знакомымъ средства на различныя благотворительныя учрежденія, въ основаніи и открытіи которыхъ въ свое время раньше самъ принималъ посильное участіе, а также на такія, о предстоявшемъ открытіи которыхъ до него доходили свѣдѣнія.

Больше всего владыко покровительствовалъ школамъ, учебнымъ заведеніямъ и вообще образованію.

Принимая посильное участіе въ открытіи пріютовъ, колоній и подобныхъ заведеній, онъ всегда неизмѣнно касался учебной стороны.—Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выбытія изъ Курска, онъ прослышалъ, что бывшій курскій вице-губернаторъ, занявъ постъ черниговскаго губернатора, вознамѣрился учредить въ Черниговѣ исправительную колонію для малолѣтнихъ и немедленно выслалъ свое пожертвованіе на нее, а въ особомъ письмѣ, давая благословеніе и высказывая свои пожеланія, подробно высказалъ свое мнѣніе о томъ, какъ должно быть обставлено въ ней „обученіе дѣтей не только грамотѣ, т. е. чтенію и письму, но непремѣнно твердому обстоятельному знанію Закона Божія, священной исторіи и, непремѣнно же, отечествовѣдѣнія; а при томъ, писалъ онъ, не надо забывать и ариѳметику и еще кое-что полезное въ жизни до ремеслъ включительно“.

Надо было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ владыко въ 1896 году, пріѣхавъ въ *Черниговъ* на сослуженіе съ кіевскимъ митрополитомъ Іоанникіемъ при открытіи мощей Святителя Ѳеодосія, осмо-

трѣлъ начинавшую тогда свою дѣятельность, благословленную имъ заочно, колонію.—Собраннымъ дѣтямъ онъ сказалъ тогда: „дѣти, старайтесь учиться; помните, что принимать пищу физическую т. е. пить и ѣсть вамъ не надо было учиться; Господь создалъ насъ такъ, что мы съ первыхъ дней своего существованія ѣдимъ и пьемъ; для того же, чтобы всю жизнь принимать пищу духовную, которая гораздо важнѣе хлѣба, помните, надо много стараться учиться и постоянно учиться: корень ученія горекъ, плоды его сладки; помните, дѣти, книжку; она будетъ вамъ лучшимъ другомъ, всегда, отъ начала вступленія вашего въ жизнь и до конца дней вашихъ; молитесь, дѣти, и учитесь; усердно молитесь, чтобы Богъ послалъ вамъ силы и разума учиться, упорно учитесь для того, чтобы въ молитвѣ имѣть больше утѣшенія и радости; все остальное пойдетъ у васъ въ жизни хорошо, если не будете забывать молитвы и ученія“.—Владыко благословилъ дѣтей иконками, обласкалъ ихъ, а уѣзжая изъ колоніи съ отраднымъ чувствомъ, сказалъ губернатору: давно ли собраны они? мѣсяца три, говорите вы, а уже въ нихъ и не видать слѣда преступности; кроткими, незлобивыми, почти ласковыми смотрятъ они, дай Богъ успѣха этому прекрасному и доброму дѣлу.

Тогда же владыко оставилъ 100 рублей, которые должны были оставаться неприкосновенными и могли быть употреблены только „на постройку храма въ колоніи, если бы постройка таковая когда-нибудь была предпринята“.—Въ 1899 году церковь при той колоніи была устроена, и нельзя, конечно, не считать, что этому благому дѣлу начало положено преосвященнымъ Іустиномъ.

Освященіе закладки зданія колоніи и церкви совершалъ тогда преосвященный Питиримъ, епископъ новгородсѣверскій, викарій черниговской епархіи,—впослѣдствіи епископъ тульскій и бѣлевскій, затѣмъ курскій и бѣлградскій (нынѣ курскій и льговскій); освященіе же храма совершено было викаріемъ черниговской епархіи преосвященнымъ Евфиміемъ—епископомъ новгородсѣверскимъ—уроженцемъ нижегородской губ. [1]); такимъ образомъ и тотъ и другой имѣли нѣчто общее съ владыкой Іустиномъ: еп. Питиримъ занялъ впослѣдствіи его мѣсто, а еп. Евфимій—уроженецъ одной съ

---

[1]) Преосв. Евфимій съ 1900 г. состоитъ епископомъ енисейскимъ и красноярскимъ. Это прекрасный типъ святителя православной церкви: онъ тридцать лѣтъ пробылъ сельскимъ священникомъ въ нижегородской губерніи; овдовѣвъ въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ принялъ монашество и очень скоро обратилъ на себя вниманіе, почему черезъ очень короткій промежутокъ времени былъ посвященъ во епископа.

нимъ губерніи. Преосв. Іустинъ, конечно, не былъ нисколько ни суевѣрнымъ, ни суетнымъ; но, такимъ и подобнымъ совпаденіемъ онъ давалъ нѣкоторое значеніе или по крайней мѣрѣ обращалъ на нихъ вниманіе; такъ онъ много разъ подчеркивалъ, что самое счастливое время его жизни и службы было время, проведенное въ Курскѣ,—точно Пресвятая Богородица, изображенная на святой Чудотворной иконѣ Знаменской, явившейся въ Коренной, подъ Курскомъ, пустыни—чествуемая 27 ноября, покровительствовала ему, какъ родившемуся въ этотъ день—27 ноября.

X.

Владыко былъ вообще человѣкъ серьезный, смотрѣлъ какъ будто бы сурово, но былъ въ высшей степени привѣтливый, натурально-любезный — безъ всякой дѣланности, а затѣмъ, главное — прямой, открытый человѣкъ. Къ людскимъ слабостямъ, — если онѣ не являлись плодомъ закоренѣлаго расположенія къ преступности, а въ особенности разсчетливой,—владыко умѣлъ быть всегда замѣчательно снисходительнымъ и всегда съ деликатностью находилъ имъ оправданіе.

Въ обществѣ какъ-то чувствовалось, что преосв. Іустинъ, даже среди архипастырей, выдѣлялся особою любовью къ Церкви; онъ никогда не выставлялся и—Боже сохрани,—не щеголялъ своею религіозностью; онъ совершенно спокойно относился къ тому, какъ прихожане молились и какъ они умѣли проявлять свое вѣрованіе;—никогда съ его стороны не было ни малѣйшаго намека на упрекъ или осужденіе; нерѣдко случается слышать, что какой-нибудь пастырь или архипастырь укоряетъ прихожанъ, если они проявляютъ свои религіозныя чувства не въ той формѣ, въ какой, по его мнѣнію, слѣдовало проявлять или какую онъ, разъ навсегда намѣтивъ, признаетъ;—преосвященный Іустинъ про такіе укоры говорилъ: „пусть осуждаетъ, только не надо забывать, извѣстное правило—не судите, да не судимы будете—это первое; а второе, что нельзя войдти въ душу человѣка насильно; осужденіемъ нельзя привлечь,—можно лишь отвратить“.

Въ особенности преосв. Іустинъ держался строго того, чтобы осужденіемъ не обезкураживать темный людъ.—Но если онъ видѣлъ въ комъ бы то ни было сознательное пренебреженіе къ православной Церкви,—онъ не стѣснялся высказывать прямо, откровенно съ полною рѣзкостью свое неодобреніе; нѣсколько такихъ случаевъ остались въ памяти не только тѣхъ, кто подобное неодобреніе вы-

слушалъ, но и тѣхъ, кому довелось присутствовать при рѣзкомъ назиданіи владыки; всѣ твердо знали, что преосв. Іустинъ даромъ не проявитъ рѣзкости;—это былъ человѣкъ разумный и далекій отъ проявленія тѣни мелочности въ чемъ бы то ни было.

Замѣчательно, что, безъ прямого приглашенія или притягиванія, и только лишь спокойно, своимъ кроткимъ, яснымъ словомъ, а главное простою торжественностью и величественностью своихъ богослуженій, высокопреосв. Іустинъ всегда и вездѣ привлекалъ массу молящихся.—И въ Курскѣ, и въ Харьковѣ, и особенно въ Одессѣ видно было, насколько, по прибытіи его туда, храмы, съ каждымъ его богослуженіемъ, болѣе и болѣе наполнялись.—Даже въ Петербургѣ было замѣтно,—что, когда владыко,—находясь на чредѣ въ Св. Сѵнодѣ, служилъ въ томъ или другомъ столичномъ храмѣ, народъ стекался на его богослуженіе.

XI.

Значительною особенностью владыки было полное пониманіе имъ толпы.—Онъ нерѣдко говорилъ: мы, монахи, не зная усталости, можемъ стаивать въ храмѣ Божіемъ подолгу и терпѣливо слушать проповѣди „долгодлящіяся", а вѣдь вотъ простой-то работящій, трудящійся или служащій человѣкъ, придетъ въ церковь—долго ли его отвратить отъ богослуженія. Надо всегда помнить и брать во вниманіе слабости человѣческія; нельзя забывать, что ни того терпѣнія въ немъ не выработано, ни того настроенія нѣтъ;—это настроеніе надо вызвать богослуженіемъ.—Иногда просто человѣкъ, располагая небольшимъ временемъ, пришелъ помолиться;—слава Богу, что вспомнилъ о Божіемъ жилищѣ; Боже сохрани, какъ-нибудь его поставить въ такое положеніе, что онъ вдругъ не выдержитъ долгаго богослуженія, или долгой проповѣди, да съ половины того или другого уйдетъ;—поэтому надо твердо держаться того, чтобы, вполнѣ соблюдая все установленное правилами Церкви, нисколько не нарушая торжественности и благолѣпія,—не затягивать службы, излишне не задерживать молящихся, въ особенности же не томить ихъ долгою проповѣдью".

У самого владыки богослуженіе всегда отбывалось „безъ спѣха, но скоро"; богослуженіе его было въ высшей степени торжественное, увлекающее; это всегда и всѣми признавалось.—Никогда не забывалъ его богослуженія тотъ, кто разъ присутствовалъ на немъ въ Курскѣ во время традиціоннаго торжества выноса иконы Знаменія Божіей Матери изъ собора и переноса ее крестнымъ ходомъ въ

Коренную пустынь за 27 верстъ отъ города, когда владыко Іустинъ бодро шествовалъ во главѣ движенія многотысячныхъ массъ народа. — Отмѣчалась именно простота торжественности. — Не безызвѣстны случаи выраженія восторга иностранцами, коимъ доводилось присутствовать при его богослуженіяхъ въ Курскѣ, а въ особенности въ Одессѣ, гдѣ иностранцевъ проживаетъ много, и гдѣ вообще раньше и православный-то народъ какъ-то мало былъ прирученъ къ присутствованію на богослуженіяхъ.

Самъ владыко обыкновенно говорилъ проповѣди полныя жизненности, понятныя, содержательныя, но краткія, сжатыя;—правда, духовенство высказывало по его адресу легкій укоръ за это; но все сводилось къ тому, что въ стилѣ, въ слогѣ его слова не было ничего тяжелаго—ничего такого, что мы,—правильно или неправильно,—привыкли считать свойственнымъ исключительно духовенству.—Въ словѣ владыки Іустина всегда слышалась ясная для общаго пониманія, неподдѣльная по духу,—чисто русская рѣчь.

Въ укорахъ этихъ какъ бы слышалось сѣтованіе на то, что владыко въ своей епархіи сначала рекомендовалъ воздерживаться отъ произнесенія длинныхъ проповѣдей, а когда убѣдился, что этому не всѣ вняли,—твердо воспретилъ представлять ему на утвержденіе проповѣди, которыя занимали болѣе обыкновеннаго полулиста, исписаннаго обычнымъ, немелкимъ почеркомъ. Уже не говоря о томъ, что „въ многоглаголаніи нѣтъ спасенія“,—два основанія къ этому выставлялъ владыко Іустинъ,—во-первыхъ то, что при искренности можно многое сказать въ немногихъ словахъ, а во-вторыхъ, что надо говорить столько, сколько можетъ внимательно, безъ напряженія, прослушать человѣкъ, пребывающій вообще въ трудѣ, въ работѣ или въ службѣ; не надо доводить его до притупленія, при которомъ онъ стоитъ въ храмѣ, не слушая или, еще того хуже, утомленный длинною рѣчью, рѣшается среди проповѣди покинуть храмъ Божій.

Много объ этомъ толковали на разные лады „отцы“; между ними всегда можно найти немало такихъ, которые любятъ поговорить, не видя при этомъ никакихъ основаній къ тому, чтобы воздерживаться отъ словоизверженій; кромѣ того много встрѣчается такихъ, кои всегда рады сами себя послушать.

XII.

Не одобряя распоряженій владыки относительно обузданія стремленій отцовъ къ излишней говорливости, они часто и много жаловались на это постороннимъ людямъ.

Если преосв. Іустинъ зналъ, что молящіеся были очень довольны этой мѣрой, то едва-ли онъ вполнѣ представлялъ себѣ,—въ какой степени они были ему за это благодарны.

Относительно чувствъ духовенства къ преосв. Іустину, надо замѣтить, что его ненавидѣли тамъ, гдѣ въ числѣ „отцовъ" водились люди порочные, въ особенности, если они являлись коноводами; а это, къ сожалѣнію, въ послѣднее время далеко не рѣдкость.—Вообще же его, вмѣстѣ съ обществомъ, цѣнило и духовенство за то, что онъ проявлялъ себя заботливымъ по отношенію къ нему, былъ внимателенъ къ его нуждамъ и участливо входилъ во все жизненное.

Является очень поучительнымъ просмотрѣть оставленное имъ завѣщаніе, по которому онъ значительную долю нажитаго имъ скромною, бережливою жизнью состоянія,—оставилъ на различныя, учрежденныя его починомъ или при его участіи, благотворительныя дѣла—пріюты и школы для дѣтей сиротъ духовнаго званія, богадѣльни для вдовъ лицъ духовнаго званія, а также на монастыри и церкви; лишь небольшую, хотя и достаточно обезпечивающую безбѣдное существованіе, часть онъ завѣщалъ сестрѣ своей, проживающей съ семьей на родинѣ—въ Арзамасѣ.

XIII.

Преосв. Іустинъ былъ сверстникомъ отцу Іоанну Кронштадтскому, вмѣстѣ съ нимъ учился и очень его уважалъ.

Однажды лѣтомъ 1892-го года въ Курскъ пришло извѣстіе о томъ, что изъ Орла долженъ прибыть о. Іоаннъ; на вокзалъ сбѣжались и съѣхались громадныя массы народа; все общество было въ сборѣ; пріѣхалъ и управлявшій губерніей; почти въ моментъ прихода поѣзда прибылъ владыко „встрѣтить своего друга и товарища";—всѣ были тронуты этимъ актомъ деликатности.

Оберъ-кондукторъ пришедшаго скоро поѣзда объявилъ, что въ поѣздѣ нѣтъ о. Іоанна; многіе изъ прибывшихъ на вокзалъ, не повѣривъ этому сообщенію, въ большомъ нетерпѣніи бросились къ заднему вагону, въ которомъ всѣ шторы были опущены; едва-едва, при энергичномъ участіи владыки, удалось сдержать толпу отъ совершенія большого неприличія, которое она стремилась совершить—вломиться въ вагонъ; въ немъ, какъ оказалось, ѣхалъ какой-то пожилой господинъ съ больной, разслабленной дочерью. Въ тотъ же день эта фальшивая тревога была описана въ „Курскихъ губ. вѣдомостяхъ".—О. Іоаннъ, прослышавъ обо всемъ этомъ, рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ посѣтить Курскъ. Мѣсяца черезъ три

кіевскій генералъ-губернаторъ графъ Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ телеграммой изъ Кіева спросилъ курскаго губернатора графа А. Д. Милютина,—не встрѣтиться ли какихъ-либо препятствій къ пріѣзду о. Іоанна въ Курскъ?

Запросъ этотъ былъ совершенно умѣстный: рѣшительно весь городъ кинулся встрѣтить уважаемаго батюшку; можно сказать двое сутокъ „все въ Курскѣ прожило отцомъ Іоанномъ".

Преосвященный Іустинъ встрѣтилъ о. Іоанна на вокзалѣ, проѣхалъ съ нимъ въ соборъ, а затѣмъ къ себѣ въ приготовленные для дорогого гостя покои. Въ тотъ же день о. Іоаннъ при громадномъ стеченіи народа въ соборѣ, въ присутствіи владыки, отслужилъ всенощную и на другой день обѣдню.

— Мы всѣ, въ семинаріи и въ академіи любили и уважали о. Іоанна, говорилъ преосв. Іустинъ; онъ съ дѣтства показывалъ намъ примѣръ необычайной скромности и особенной, свойственной только ему, приверженности къ святой Церкви нашей.

По истинѣ что-то умилительное и трогательное представляли взаимныя отношенія пастыря и архипастыря,—этихъ двухъ служителей Церкви, товарищей.

Какъ оказалось, въ этотъ разъ о. Іоаннъ изъ Кіева долженъ былъ проѣхать въ Харьковъ и рѣшилъ завернуть въ Курскъ.

XIV.

Въ концѣ октября 1903 года Одесса праздновала пятидесятилѣтній юбилей служенія преосв. Іустина Церкви; юбилей совпалъ съ десятилѣтіемъ пребыванія владыки въ должности одесскаго архіепископа. Соборъ, въ которомъ владыко торжественно служилъ обѣдню, былъ переполненъ народомъ.—Послѣ того часовъ пять владыко въ архіерейскихъ покояхъ принималъ мѣстныя, а также прибывшія со всѣхъ мѣстъ его прежняго служенія депутаціи и выслушивалъ привѣтственные поздравительные адресы.

На обѣдѣ, данномъ въ тотъ же день въ честь владыки духовенствомъ, присутствовали всѣ представители мѣстнаго гражданскаго и военнаго управленія во главѣ съ командовавшимъ войсками одесскаго военнаго округа генералъ-адъютантомъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ и одесскимъ градоначальникомъ Нейдгардтомъ.

Много было сказано рѣчей; всѣ они отмѣтили любовь и уваженіе къ владыкѣ, а также указали и подчеркнули массу его дѣлъ на пользу Царю, Церкви и Отечеству.

Государь Императоръ пожаловалъ ему въ тотъ день бриллiантовые знаки ордена св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

XV.

Куряне никогда не забудутъ, какъ владыко Іустинъ — въ 1892-мъ году, желая удовлетворить переданную ему управлявшимъ губерніей вице-губернаторомъ просьбу горожанъ и населенія губерніи, отправилъ на площади торжественное богослуженіе съ моленіемъ „о ниспосланіи вѣдра“, а затѣмъ совершилъ, во главѣ градскаго и сосѣднихъ селъ духовенства, крестный ходъ вокругъ Курска.—То было лѣто, послѣдовавшее за годомъ неурожайнымъ.

При тропической жарѣ, продержавшейся уже болѣе семи недѣль и неизмѣнно стоявшей въ тотъ день, шестидесятичетырехлѣтній, чувствовавшій сильное недомоганіе, владыко, въ полномъ тяжеломъ облаченіи, бодро обошелъ всю окраину широко раскинувшагося города.

Съ какой радостью участники крестнаго хода приняли на себя, показавшіяся передъ окончаніемъ торжества, крупныя, освѣжительныя капли дождя, обратившагося, на пространствѣ двѣнадцатой версты шествія владыки, въ громадный ливень.

Что умиленные этимъ случаемъ куряне—сыны православной Церкви, запечатлѣли въ своей памяти воспоминаніе объ этомъ незабвенномъ событіи, въ этомъ не было и, слава Богу, не могло быть тогда ничего удивительнаго.—Но поразило всѣхъ то, что, вмѣстѣ съ православными сынами земли русской, этотъ случай Знаменія Господня пережили и прочувствовали не только всѣ христіане-иновѣрцы, но даже евреи и магометане. Всѣ они въ тѣ дни дѣлились своими впечатлѣніями, вознося непритворно, съ умиленіемъ благодареніе Творцу Небесному.

Когда на другой послѣ крестнаго хода день управлявшій губерніей вице-губернаторъ, съ нѣкоторыми изъ находившихся въ городѣ представителей дворянства, города, администраціи и всѣхъ сословій, пришелъ благодарить преосвященнѣйшаго Іустина, — владико, на заданный ему вопросъ, не ухудшилось ли отъ такихъ непосильныхъ трудовъ и отъ проливного дождя состояніе его здоровья? отвѣтилъ съ неизмѣнно отличавшею его добротою и скромностью: „Что вы, что вы, Господь съ вами, я поздоровѣлъ сразу на десятки лѣтъ,— такъ утѣшительно было лишній разъ радостно увидѣть, съ какой глубокой вѣрой въ подобныхъ случаяхъ проявляютъ себя наши чисто-русскіе, добрые православные люди. А на сколько ободряетъ и

укрѣпляетъ спокойная увѣренность въ томъ, что такъ это и вездѣ на всемъ громадномъ пространствѣ земли русской,—гдѣ раздается сильное и любвеобильное слово вѣры нашей православной!

XVI.

Владыко ничего не имѣлъ противъ напечатанія его писемъ послѣ его кончины; письма эти представляютъ немалый интересъ, а потому, за періодъ времени съ начала 1904 года, будутъ подобраны и въ выдержкахъ появятся въ свѣтъ.

Въ тѣхъ письмахъ вылился обликъ этого человѣка, гордившагося тѣмъ, что „Господь судилъ ему принадлежать Россіи"; онъ горделиво сносилъ всплывшіе для Россіи тяжкіе результаты преступной общей распущенности; не плакалъ онъ, не распускался въ ужасномъ горѣ, но, съ твердостью перенося бѣдственное положеніе великой Родины, болѣлъ.

XVII.

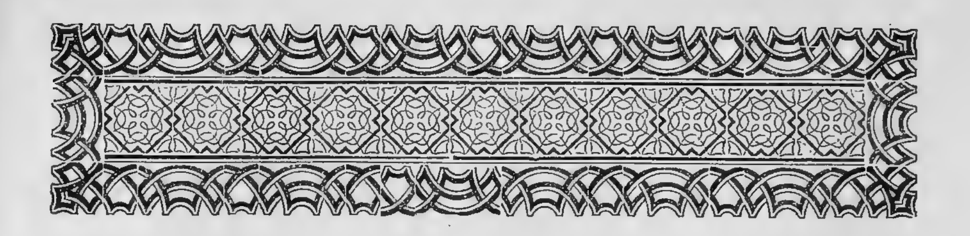
Крѣпкое здоровье владыки Іустина надломилось бѣдствіями Россіи; восьмидесятилѣтній, архипастырь началъ жаловаться на боли сердца; сначала онъ своевременно, благоразумно и добросовѣстно призналъ нужнымъ уйти отъ сложныхъ дѣлъ епархіи.—Удалившись въ началѣ 1906-го года на покой въ Новоіерусалимскій монастырь въ г. Воскресенскъ, Московской губ.,—онъ тамъ безъ дѣла не оставался: отправлялъ богослуженія, входилъ въ жизнь обители; близко принимая къ сердцу благосостояніе монастыря, проводилъ въ немъ различныя улучшенія и вообще заботился о немъ.

Послѣднее, довольно пространное, твердымъ, четкимъ почеркомъ написанное письмо его было получено здѣсь, въ Петербургѣ, 19 мая 1907 года, а 25-го числа, находясь по дѣламъ монастыря въ Москвѣ, владыко, внезапно и совершенно неожиданно, скончался, какъ передавали нѣкоторыя газеты, во время совершенія богослуженія въ одномъ изъ древнихъ храмовъ сердца Россіи.

Е. Андреевскій.

Ст. Сиверская.
17 іюня 1907 г.

Александръ I и королева Гортензія [1].

Одиннадцать писемъ къ Императору Александру I.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ французскаго журнала „La Revue de Paris“ напечатаны письма къ Императору Александру I бывшей голландской королевы Гортензіи, оригиналъ которыхъ хранится въ государственномъ архивѣ въ Петербургѣ и которыя сообщены журналу директоромъ этого архива, С. Горяиновымъ, снабдившимъ ихъ примѣчаніями.

Эти письма остроумной и увлекательной свѣтской женщины повѣствуютъ о мимолетномъ эпизодѣ изъ жизни Императора Александра I, который познакомился съ Гортензіей въ бытность свою во Франціи, въ 1814 г. Подпавъ подъ обаяніе его личности, бывшая голландская королева сумѣла, въ свою очередь, возбудить въ Императорѣ участіе къ своей судьбѣ и настолько заинтересовать его, что Александръ, по отъѣздѣ изъ Парижа, переписывался съ нею и даже повѣрялъ ей свои огорченія и искалъ у нея сочувствія. Ихъ переписка продолжалась впрочемъ недолго; она оборвалась вскорѣ послѣ того, какъ Наполеонъ I вернулся съ острова Эльбы и Гортензія—его падчерица (дочь Императрицы Жозефины отъ перваго брака), и жена его брата, Людовика-Бонапарта, была изгнана изъ Франціи, по подозрѣнію въ участіи въ бонапартистскихъ происках.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ Александръ лишилъ ее своихъ симпатій.

Въ 1814 г. Гортензія „осталась въ Парижѣ послѣ его капитуляціи и только въ концѣ марта рѣшилась отправиться къ регентшѣ,

---

[1]) Lettres à Alexandre I. La Revue de Paris, 15 octobre 1907.

Маріи-Луизѣ, въ Рамбулье. Тутъ она встрѣтилась съ двумя братьями своего мужа, Іосифомъ и Жеромомъ, и получила посланное ей мужемъ съ курьеромъ приказаніе регентши привезти къ нему своихъ дѣтей въ Блуа. Увидѣвъ въ этомъ нарушеніе своихъ материнскихъ правъ, Гортензія рѣшила не повиноваться мужу и извѣстила Людовика, Марію-Луизу и Императора о своемъ намѣреніи отправиться къ своей матери, въ Наварру, куда она и прибыла 1 апрѣля.

Въ Наваррѣ она застала цѣлое общество: тутъ были все люди преданные союзникамъ, которые не были довольны ея пріѣздомъ и только терпѣли ея присутствіе".

Между тѣмъ графъ Нессельроде писалъ чтицѣ королевы, г-жѣ Cochelet, что въ случаѣ возвращенія Гортензіи въ Парижъ ей не будетъ угрожать никакой опасности и что всѣ ея желанія будутъ исполнены, и совѣтовалъ ей послѣдовать за матерью, которая переѣхала изъ Наварры въ Мальмэзонъ „обѣщая, что дня черезъ два—три по ея пріѣздѣ туда ее *посѣтятъ* (т. е. Императоръ Александръ) и что съ ней очень *желаютъ* познакомиться.

„Вы должны быть благодарны ему, писалъ Нессельроде, такъ какъ онъ заботится о вашихъ интересахъ какъ о своихъ собственныхъ". Самъ Наполеонъ поручилъ Коленкуру посовѣтовать Гортензіи пріѣхать въ Мальмэзонъ, „такъ какъ отъ этого зависѣла судьба ея дѣтей". Она сначала отказалась воспользоваться этимъ предложеніемъ, отвѣтивъ, что не можетъ отдѣлить своей судьбы отъ судьбы Бонапартовъ. „Чѣмъ болѣе они несчастны, тѣмъ болѣе я обязана раздѣлить ихъ участь", говорила она.

Когда ея мать уѣхала изъ Наварры, — Гортензія отправилась обратно въ Рамбулье, къ Маріи-Луизѣ. Какъ только Жозефина пріѣхала въ Мальмэзонъ, къ ней явился, 16 апрѣля, адъютантъ русскаго Императора, Чернышевъ, которому поручено было предупредить ее, что Императоръ посѣтитъ ее на слѣдующій день.

Александръ былъ въ высшей степени любезенъ и держалъ себя очень почтительно. Пробывъ довольно долго, онъ собирался уѣхать, въ тотъ моментъ, когда пріѣхала съ дѣтьми Гортензія. Она была принята въ Рамбулье очень холодно: „я жду отца [1]), сказала ей Марія-Луиза, ваше присутствіе можетъ стѣснить его". Дѣйствительно, Императоръ австрійскій пріѣхалъ въ Рамбулье 16 апрѣля, а 23 числа Марія-Луиза и король римскій уѣхали оттуда. Гортензія не рѣшилась присоединиться къ Бонапартамъ или вернуться въ Наварру; она покорилась необходимости и отправилась къ матери, въ Маль-

[1]) Императора австрійскаго.

мэзонъ. При первой встрѣчѣ съ Александромъ, она держала себя холодно и отвергла всѣ предложенія, которыя были сдѣланы ей Императоромъ относительно ея дѣтей. Впослѣдствіи она говорила, что она „приняла, какъ слѣдуетъ, побѣдителя своей страны“. Но Александръ посѣтилъ ее вторично и пустилъ въ ходъ все свое очарованіе, чтобы понравиться ей, какъ человѣкъ, если онъ былъ ей ненавистенъ какъ монархъ. Это произвело, въ концѣ концовъ, на Гортензію извѣстное впечатлѣніе; она поняла, что она могла воспользоваться для себя благосклонностью Императора и что ея мать могла извлечь изъ нея пользу для ея брата, Евгенія: „я предпочла бы все-таки, говорила Гортензія, чтобы намъ не приходилось ни къ кому обращаться съ просьбами“.

„Посѣщенія Императоромъ Мальмэзона участились, и мало по малу между Александромъ и Гортензіей завязалась дружба; Гортензія переселилась въ Парижъ, въ свой отель въ улицѣ Cérutt. Въ это время велись переговоры объ отреченіи Наполеона и обезпеченіи семейства Бонапартовъ, и Гортензіи, благодаря покровительству Императора Александра, было назначено 400.000 фр., тогда какъ ея мужъ, Людовикъ, получилъ всего 200.000 фр.“; матеріально она была совершенно обезпечена.

„Ей принадлежалъ въ Парижѣ отель въ улицѣ Cérutt, а въ окрестностяхъ столицы замокъ Сенъ-Ле съ землями, гдѣ она проводила лѣто; она имѣла два милліона франковъ годового дохода“, и, кромѣ того, была поставлена въ независимое положеніе отъ Бонапартовъ, и вслѣдствіе этого получила возможность сама вести воспитаніе своихъ дѣтей.

По настоянію Александра I, Людовикъ XVIII согласился пожаловать ей титулъ герцогини Сенъ-Ле, но въ патентѣ на этотъ титулъ, игнорируя ея прежнее званіе, онъ именовалъ ее „mademoiselle Bauharnais“, чѣмъ Гортензія была очень разсержена: „забываютъ, что я была королевой“, сказала она; „впрочемъ, я не гонюсь за этимъ титуломъ“.

Принявъ вмѣсто фамиліи Бонапартъ—которую она носила и которую продолжали носить ея дѣти, фимилію Сенъ-Ле, по принадлежавшему ей имѣнію, Гортензія окончательно порвала узы, связывавшія ее съ Бонапартами.

„Въ маѣ мѣсяцѣ 1814 г., Александръ проводилъ большую часть вечеровъ у королевы Гортензіи; у нея играли, пѣли; въ ея домѣ и въ кругу ея близкихъ онъ чувствовалъ себя непринужденно. Эти частыя посѣщенія вызвали неудовольствіе Тюильрійскаго двора, гдѣ Александра не сумѣли принять и гдѣ онъ бывалъ рѣдко. Гор-

дость короля, который называлъ себя главою старѣйшей королевской династіи, оскорбляла Императора.

Когда Гортензія переѣхала въ Сенъ-Ле, Императоръ навѣщалъ ее и тамъ.

„Въ исходѣ мая, онъ отправился въ Англію, гдѣ пробылъ съ 26 мая по 10 іюня. На обратномъ пути въ Россію, Императоръ ѣхалъ инкогнито, подъ именемъ генерала Романова, чрезъ Голландію, на Кобленцъ, Карлсруэ, Лейпцигъ, Франкфуртъ на Одерѣ; и вернулся въ Петербургъ 6/18 іюля послѣ 18-мѣсячнаго отсутствія.

Императрица Елисавета Алексѣевна провела это время у своихъ родныхъ въ Баденѣ, откуда русскій посланникъ, баронъ Мальтицъ, писалъ 10/22 августа 1814 г., что присутствіе Императрицы привлекло въ Баденъ значительное число знатныхъ иностранцевъ, въ числѣ коихъ были: принцъ Евгеній съ супругою, и бывшая королева Голландіи, подъ именемъ герцогини Сенъ-Ле.

Пребываніе всѣхъ этихъ лицъ въ герцогствѣ Баденскомъ составляетъ предметъ перваго изъ писемъ герцогини Сенъ-Ле къ Императору Александру, хранящихся въ государственномъ архивѣ.

1.

Письмо къ Императору Александру отъ 23 сентября 1814 г.

Я давно уже не писала вамъ и, признаюсь, *мнѣ кажется*, будто это не составляетъ уже теперь для меня такой необходимости, какъ прежде. Зачѣмъ вамъ такъ часто вспоминать меня? У васъ много другихъ думъ, а такъ какъ дружба бываетъ иногда очень требовательна, то лучше имѣть поменьше друзей, не правда ли? По крайней мѣрѣ я стремлюсь къ этому, и несмотря на свою слабость, сдѣлала въ этомъ отношеніи нѣкоторые успѣхи. Но сейчасъ я имѣю многое разсказать вамъ о моей поѣздкѣ въ Баденъ и о сдѣланныхъ тамъ знакомствахъ. Но быть можетъ вы не любопытны? Сегодня, когда у меня явилась охота поболтать, это было бы мнѣ непріятно, мнѣ хотѣлось бы, чтобы въ данную минуту вы страдали этимъ недостаткомъ; кстати о недостаткахъ, вамъ приписываютъ одинъ—весьма прискорбный для вашихъ друзей, именно *вѣтренность*. Я говорила только о кокетствѣ; другихъ недостатковъ я не признаю, а въ послѣдній не хочу вѣрить.

Я провела двѣ недѣли въ Баденѣ, бѣгая по горамъ, вечера я проводила съ герцогиней, съ моимъ братомъ и сестрою; мы рисовали, играли, пѣли. Я не могу нахвалиться отношеніемъ ко мнѣ всей вашей семьи; Императрица по-моему интересна и талантлива. Го-

ворятъ, что она васъ любитъ и грустить, не встрѣчая взаимности.

Королева Шведская [1]), прехорошенькая женщина и хотя она очень робка, но видимо веселаго характера; безъ сомнѣнія, это много помогло ей перенести ея горе. Принцесса Амалія [2]) производитъ впечатлѣніе особы, которая сумѣетъ вести домъ въ отсутствіе маркграфини; что касается короля Баварскаго [3]), то онъ находится всецѣло подъ обаяніемъ королевы; я бы рискнула сказать, что онъ очень любитъ меня, если бы *по отношенію къ королю, это могло что-либо означать.* Великая герцогиня истая француженка,—въ полномъ смыслѣ этого слова,—живая, веселая, остроумная, очаровательно разсуждаетъ и болтаетъ всякій вздоръ.

Мы много говорили о васъ; мнѣ хочется передать вамъ одну изъ нашихъ бесѣдъ дословно.

— Вы видѣли Императора? Онъ очарователенъ; онъ за вами ухаживалъ, не правда ли?

— Императоръ былъ очень добръ ко мнѣ и ко всей моей семьѣ; мнѣ кажется, что мое положеніе возбудило въ немъ участіе; онъ хотѣлъ исправить зло, которое онъ намъ невольно сдѣлалъ, вотъ и все; мнѣ кажется, что онъ не сталъ бы ухаживать ни за одной женщиной.

— Какъ! онъ ухаживаетъ за всѣми, онъ даже очень вѣтренъ и, что бы вы ни говорили, онъ къ вамъ неравнодушенъ; онъ много бесѣдовалъ со мною о вашемъ братѣ, о вашемъ мужѣ, а о васъ говорилъ весьма мало.

— Вотъ вамъ доказательство, что онъ мало интересуется мною, и это неудивительно; нѣтъ, нѣтъ, это не правда.

— Я предсказывала вамъ, когда мы возвратились изъ Эрфурта, что если вы когда-нибудь съ нимъ встрѣтитесь, то вы отобьете у меня эту побѣду; то, чего я боялась—случилось. То же случилось и съ княземъ Ипсиланти, который былъ влюбленъ въ меня, а съ тѣхъ поръ, какъ вы тутъ, не обращаетъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Правда, кузина; говорятъ, что я кокетка, а вы съ вашей наружностью привлекаете людей гораздо болѣе, нежели я, и если бы я кого-нибудь любила, то вы единственная женщина въ мірѣ, которой я бы боялась.

— Все это очень лестно, но вы ошибаетесь; на меня никто не обращаетъ вниманія, начиная съ Императора.

---

[1]) Фредерика-Доротея—сестра Императрицы Елисаветы Алексѣевны.

[2]) Принцесса Баденская, третья сестра Елисаветы Алексѣевны.

[3]) Онъ былъ женатъ на второй сестрѣ Елисаветы Алексѣевны—Каролинѣ.

— А какимъ же образомъ онъ знаетъ, что вы дѣлаете; когда я сказала ему однажды, что вы находитесь въ Пломбьерѣ, то онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ еще; мнѣ писали изъ Парижа, что она отложила свою поѣздку, такъ какъ она нездорова“. Видите, дорогая кузина, ему извѣстно все, что вы дѣлаете, и если ему пишутъ объ этомъ изъ Парижа, то это доказываетъ, что онъ этимъ интересуется.

— По моему мнѣнію, это означаетъ только, что за неимѣніемъ другой темы для разговора, онъ пользуется случаемъ разсказать то, что онъ слышалъ обо мнѣ новаго. Милости, оказанныя намъ Императоромъ, не составляютъ ни для кого тайны, и если я теперь спокойна, то я обязана этимъ ему, но большая разница входить въ положеніе человѣка, или принимать въ немъ сердечное участіе.

Вотъ, приблизительно, содержаніе нашего разговора; умалчиваю о томъ, что мы говорили о вашихъ личныхъ качествахъ; это походило бы на комплименты, а я не намѣрена расточать ихъ вамъ. Къ тому же я не буду преувеличивать вашего достоинства. Знаете ли, я вижу въ васъ двухъ людей. Когда я думаю о монархѣ, который выказалъ мнѣ сочувствіе и принялъ съ такой добротою участіе въ моемъ положеніи, то я чувствую къ нему благодарность, я молю Бога о его счастьи, вотъ и все; но когда я думаю о человѣкѣ, который выказалъ мнѣ довѣріе и дружбу, когда я вспоминаю, что онъ былъ готовъ полюбить меня, то я страдаю и возлагаю надежду на Провидѣніе; этотъ человѣкъ сумѣлъ найти откликъ въ моемъ сердцѣ; нерѣдко случалось послѣ нашей встрѣчи, что, будучи взволнована, или тревожась за свое будущее, я была готова покориться своей судьбѣ и говорила: на тебя, Господи, уповаю! Тотъ, чьи чувства такъ схожи съ моими—это другъ, это поддержка, ниспосланная мнѣ небомъ.

У меня является желаніе писать ему, мнѣ хочется сказать ему все, что я чувствую, даже всѣ глупости, которыя приходятъ мнѣ въ голову; онъ долженъ знать меня, онъ долженъ судить меня; быть можетъ, бесѣдуя съ нимъ о себѣ, я доставлю ему удовольствіе. Когда же я кончаю письмо, когда я надписываю адресъ,—мнѣ кажется, что я ошиблась!

Неужели я пишу все это вамъ,—я, чужая вамъ женщина, которой вы не можете особенно интересоваться. Право, я должна казаться вамъ сумасшедшей. Если вы находите, что, продолжая писать вамъ, коль скоро я даю себѣ отчетъ въ томъ, кому я пишу—я поддаюсь непростительной слабости, не дочитывайте этого письма, сожгите его.

На этомъ слѣдовало бы кончить, но хотя вы и представляетесь

мнѣ сегодня только монархомъ, мнѣ все же хочется разсказать вамъ маленькое приключеніе, бывшее со мною въ Баденѣ.

Когда я пріѣхала въ Савернъ, около моей кареты столпилось нѣсколько французскихъ офицеровъ, и я слышала, какъ они говорили: „Это королева Гортензія, мы всегда узнаемъ ее“.

Я сдѣлала видъ, что ничего не слышу, и, перемѣнивъ, лошадей, отправилась далѣе и доѣхала до горы. Я хотѣла подняться наверхъ пѣшкомъ по крутой тропинкѣ; мы были однѣ съ mademoiselle К.; обернувшись, я увидѣла четырехъ офицеровъ; я не знала, тѣ ли это самые офицеры, которыхъ я видѣла у дверей (почтовой станціи), но я все же рѣшила соблюдать инкогнито. Когда тропинка стала круче, одинъ изъ офицеровъ, молодой и довольно пріятной наружности, предложилъ мнѣ руку; признаюсь, я чуть не расхохоталась; сначала я отказалась отъ его помощи, но затѣмъ взяла его руку; нѣсколько минутъ спустя, офицеры сознались, что они меня узнали, что я буду для нихъ всегда королевой Гортензіей, что ихъ полкъ къ моимъ услугамъ, и стоитъ мнѣ сказать слово—они будутъ счастливы пожертвовать для меня жизнью.

Вы догадываетесь конечно, что я имъ отвѣтила; я сказала, что они должны прежде всего думать о своемъ отечествѣ, что Императоръ отрекся отъ престола, что ихъ монархъ преисполненъ самыхъ добрыхъ намѣреній, что они должны быть благоразумны, должны избѣгать междоусобій и прежде всего должны любить родину. Было бы слишкомъ долго повторять все, что было сказано съ той и съ другой стороны; скажу одно — когда мы поднялись на гору, гдѣ была сооружена тріумфальная арка для герцога Беррійскаго, котораго туда ожидали, то они провели меня подъ аркой, сказавъ: „Отдадимъ честь королевѣ; она прошла тутъ первая; теперь наша душа спокойна“.

Когда мы пріѣхали въ городъ, офицеры хотѣли конвоировать меня, и мнѣ съ величайшимъ трудомъ удалось отдѣлаться отъ нихъ; я очень боялась, чтобы объ этомъ приключеніи не стали говорить, и просила ихъ никому не разсказывать этого; кажется, они сдержали слово, такъ какъ никто не упоминаетъ объ этомъ случаѣ. Вы бы посмѣялись, если бы слышали, какъ я разсуждала, убѣждая этихъ сумасбродныхъ юношей; самый молодой изъ нихъ въ особенности, кажется, воображалъ себя героемъ романа, жертвующимъ собою для королевы или похищающимъ королеву; мнѣ удалось отдѣлаться отъ нихъ, только пообѣщавъ обратиться къ нимъ за помощью, когда въ этомъ окажется необходимость.

Теперь я снова съ моими малютками и счастлива, что застала ихъ вполнѣ здоровыми; меня навѣстили всѣ мои друзья:

право, я не могу жаловаться на свою судьбу. Многіе выказываютъ мнѣ такую искреннюю дружбу; мнѣ кажется даже, что ко мнѣ относятся теперь съ бо̀льшимъ расположеніемъ, чѣмъ прежде; или быть можетъ люди считаютъ теперь себя болѣе въ правѣ выказывать мнѣ расположеніе. Какъ сладко быть любимой! Стоитъ ли о чемъ-либо сожалѣть, когда имѣешь друзей!

Я совершила опять маленькую поѣздку; я забочусь о своемъ здоровьи; я еще нужна моимъ дѣтямъ; поэтому я не могу пренебрегать ничѣмъ, чтобы сохранить свое здоровье. Я была въ Гаврѣ, шесть разъ искупалась въ морѣ, но это слишкомъ раздражаетъ нервы, и теперь я больше никогда не поѣду, я не хочу болѣе разстраваться съ дѣтьми, но ихъ отецъ причиняетъ мнѣ каждый день новое мученье, требуя, чтобы я ихъ отдала ему; онъ говоритъ, что если онъ несчастенъ, то и его сынъ долженъ быть несчастенъ.

Видно, что это говоритъ не мать; я не уступаю ему, представляя себѣ, какая участь ожидаетъ моихъ дѣтей въ будущемъ; но я не удивлюсь, если въ газетахъ появится на-дняхъ какая-нибудь статья, или если онъ обратится въ судъ. Впрочемъ, я полагаюсь во всемъ на волю Провидѣнія; покоряясь безропотно своей судьбѣ, я всегда вспоминаю васъ и ваши совѣты: видите, какъ многимъ я вамъ обязана; вы сдѣлали мнѣ много добра и если вы не лишите меня своей дружбы, то это будетъ благо, которое я цѣню выше всего.

Письмо вышло такое длинное, что мнѣ совѣстно; не стану перечитывать его, иначе я навѣрно не пошлю его; теперь я уже долго не буду писать, такъ какъ я боюсь злоупотребить вашимъ временемъ и быть можетъ наскучить вамъ.

2.

Письмо къ Императору Александру изъ Сенъ-Ле, отъ 4 октября 1814 г.

Я бы хотѣла, чтобы вы меня побранили; я заслуживаю этого, такъ какъ я не послѣдовала во всемъ вашимъ совѣтамъ; поэтому побраните меня, прошу васъ, а потомъ выслушайте, почему я такъ поступила.

Французскій король говорилъ, что у меня собираются всѣ недовольные, что они составляютъ у меня заговоры. Вашъ посланникъ говорилъ, что мнѣ слѣдовало бы хоть разъ повидать *ихъ* [1]), что они этого желаютъ, что это было бы гарантіей и что это одно побудило бы ихъ оставить меня въ покоѣ и не думать болѣе обо

---

[1]) Подъ словомъ *ихъ, они* королева подразумѣваетъ Бурбоновъ.

мнѣ. Мой братъ и герцогъ Виченскій также говорили, что если я хочу остаться во Франціи и жить подлѣ нихъ, то мнѣ слѣдуетъ хоть разъ повидать ихъ.

Признаюсь, я относилась къ этому совершенно безразлично; я ничего не собиралась просить у него [1]), я хотѣла только поблагодарить его за то, что онъ сдѣлалъ скорѣе ради васъ, нежели ради меня; но въ то же время мнѣ хотѣлось вывѣдать, каковы его намѣренія относительно моихъ дѣтей, которыхъ отецъ требуетъ къ себѣ и которыхъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ взялъ подъ свое покровительство. Этотъ шагъ былъ мнѣ непріятенъ только потому, что вы его не одобряли, но я объясняла это тѣмъ, что вы не хотѣли подвергать меня непріятности; мнѣ же хотѣлось рискнуть и сдѣлать все возможное, чтобы сохранить дѣтей при себѣ. Впрочемъ, когда что-либо угрожаетъ непріятностью лично мнѣ, то у меня всегда хватаетъ смѣлости идти этому навстрѣчу. И такъ, я рѣшилась испросить частную аудіенцію; вы понимаете, конечно, что при иныхъ условіяхъ я никогда не согласилась бы отправиться во дворецъ.

Отвѣтъ заставилъ себя нѣсколько ждать, но былъ утвердительный. Я поѣхала.

Онъ держалъ себя прекрасно. Когда я вошла, онъ былъ одинъ; мнѣ показалось, что онъ былъ нѣсколько смущенъ, но онъ первый заговорилъ со мною о безпокойствѣ, которое доставляютъ мнѣ дѣти, и я попросила его взять ихъ подъ свое покровительство. Увѣряю васъ, что я ничуть не была смущена.

Когда я собралась уйти, всѣ наперерывъ бросились провожать меня, такъ какъ среди присутствовавшихъ было не мало лицъ, которыхъ я раньше знала и къ которымъ относилась хорошо. Герцогиня Девонширская, бывшая въ одной изъ сосѣднихъ залъ, выразила желаніе быть мнѣ представленной. Былъ моментъ, когда мнѣ было ужасно смѣшно видѣть себя на томъ же самомъ мѣстѣ и почти въ томъ же положеніи, какъ прежде; не знаю,—боялся ли кто-нибудь увидѣть во мнѣ отраженіе Императора Наполеона, но какъ бы то ни было всѣ были очень почтительны. Впрочемъ, это далеко не то, что прежде. Mademoiselle Cochelet, ожидавшая меня въ сосѣднемъ залѣ, могла бы разсказать вамъ кое-что о старцахъ, которыхъ она видѣла; это выходцы съ того свѣта, своимъ воинственнымъ видомъ напоминавшіе героевъ пятнадцатаго вѣка.

Какъ бы то ни было, я чувствую теперь почву подъ ногами; хотя я и не думаю, чтобы король могъ вмѣшаться въ это дѣло, если оно получитъ огласку. Для того, чтобы идти противъ воли

[1]) Короля Людовика XVIII.

отца, который имѣетъ права на своего сына, и заставить говорить о себѣ въ такой моментъ, какой мы переживаемъ, мнѣ надобно постоянно твердить себѣ, что моему сыну будетъ худо; потому-то я хочу послать вамъ послѣднее письмо мужа и мой отвѣтъ на него.

Надобно твердо вѣрить въ вашу дружбу, чтобы такъ долго занимать ваше вниманіе собою, но мнѣ такъ отрадно вѣрить въ нее и я такъ счастлива, что могу отдохнуть, бесѣдуя съ вами, и забыть на время горе, причиняемое мнѣ другими. Положеніе моего бѣднаго брата при Вѣнскомъ дворѣ должно быть очень тяжело; поручаю его вашему дружескому вниманію, чтобы облегчить ему тѣ непріятности, какія ему приходится испытывать. Вы такъ хорошо умѣете угадать то, что чувствуютъ другіе! Поэтому мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ еще разъ о тѣхъ чувствахъ, которыя я питаю къ вамъ. Меня просили замолвить вамъ слово на счетъ Foloë. Я отвѣтила, что я не собираюсь писать вамъ; ее хотятъ выдать замужъ за молодого адъютанта, отецъ котораго находится при мнѣ, но мнѣ кажется, что они хотятъ слишкомъ многаго, и я никоимъ образомъ не хотѣла бы вліять на ваше рѣшеніе".

Ко второму письму королевы Гортензіи было приложено письмо къ ней ея мужа, короля Людовика, и ея отвѣтъ на него. Мы не приводимъ здѣсь этихъ писемъ, такъ какъ они представляютъ для читателя мало интереса и касаются исключительно вопроса объ устройствѣ дѣтей королевы Гортензіи. Король настойчиво заявлялъ о своихъ родительскихъ правахъ и настаивалъ на томъ, чтобы его старшій сынъ жилъ при немъ, соглашаясь, на этомъ условіи, оставить матери второго сына, а въ случаѣ отказа съ ея стороны угрожалъ ей судомъ.

„Секретарь русскаго посольства, Бутягинъ, писалъ графу Нессельроде 21 октября (2 ноября) 1814 г., что герцогиня Сенъ Ле поручила ему передать Императору Александру письмо, въ которомъ она умоляла е. в. оказать ей покровительство. Ея мужъ давно уже требовалъ у нея дѣтей.

Она отвѣчала ему отказомъ; теперь же, писалъ Бутягинъ, онъ угрожаетъ ей судомъ. Она всячески старалась избѣжать этого скандальнаго процесса и сочла долгомъ обратиться къ французскому правительству, чтобы заручиться, въ случаѣ надобности, его покровительствомъ. Хотя король Людовикъ XVIII сожалѣлъ Гортензію и ея дѣтей и обѣщалъ ей свое покровительство, но онъ не считалъ возможнымъ, вопреки закону, лишить отца его естественныхъ и законныхъ правъ на ребенка.

3.

Письмо къ Императору Александру отъ 5 октября 1814 г.

Вы опечалены! вы страдаете! ваше письмо растрогало меня! Какъ я вамъ благодарна за то, что вы повѣряете мнѣ свое горе, что ваше сердце ищетъ сочувствія въ моемъ! я чувствую это глубоко! Я думала, что вы счастливы, и я любила васъ! Вы поймете, что дружеское чувство, которое я питаю къ вамъ, заговорило теперь съ удвоенной силой; пожалуй, я стану считать себя необходимой, такъ какъ тотъ, кто страдаетъ, становится мнѣ ближе; васъ должно радовать по крайней мѣрѣ, что особа, которой вы посвятили жизнь, преисполнена столь благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ; какъ мнѣ все это понятно и какъ это возвышаетъ ее въ моихъ глазахъ; но, разставшись съ нею, развѣ вы не будете всегда для нея лучшимъ другомъ; и развѣ не величайшее счастье въ жизни, когда люди понимаютъ другъ друга. Я хотѣла бы сказать вамъ что-нибудь въ утѣшеніе, но вы найдете его въ самомъ себѣ.

Напишите мнѣ, когда ваше горе потеряетъ свою остроту; мнѣ надобно узнать, когда вы успокоитесь; я живо чувствую ваше горе, а можно ли быть счастливой, когда друзья страдаютъ?

Какъ я благодарна вамъ за то, что вы меня посвятили въ это; вы этимъ доказали мнѣ вашу дружбу, которой я такъ дорожу. Какъ я была бы счастлива, если бы я могла быть подлѣ васъ! Я поняла бы васъ! Какъ тяжело должно быть терять то, что составляло весь смыслъ жизни? И кому на этомъ свѣтѣ нужны эти жертвы? Впрочемъ, достаточно того, что человѣкъ доволенъ собою, что онъ дѣлаетъ то, что считаетъ долгомъ, а наградою за это служитъ собственное сознаніе и сочувствіе друзей.—Вспоминайте иногда ту, которая такъ высоко цѣнитъ васъ, и если ея теплая дружба можетъ хоть нѣсколько утѣшить васъ въ вашемъ горѣ, помните, что это будетъ для нея огромнымъ счастьемъ.

Мнѣ сейчасъ сообщили, что Поццо уѣзжаетъ. Не знаю, во-время ли будетъ вами получено это письмо, но я хотѣла бы, чтобы вы какъ можно скорѣе прочли то, что подсказываетъ мнѣ чувство, поэтому я посылаю письмо съ нимъ; полагаю, что оказія эта надежная.

4.

Письмо отъ 14-го октября.

Я много думаю о васъ; я представляю васъ себѣ среди блестящаго свѣта; вы стараетесь забыться, но это вамъ не удается, такъ какъ душевная скорбь—это такой недугъ, отъ котораго трудно исцѣлиться. Особенно вамъ будетъ недоставать этого привычнаго счастья, когда вы вернетесь въ Петербургъ. Къ чему вамъ разставаться окончательно? Я прекрасно знаю, что таково желаніе всѣхъ окружающихъ, такъ какъ я сама когда-то говорила вамъ объ этомъ; но отплатятъ ли вамъ такой же нѣжной привязанностью за ту, которой вы хотите пожертвовать; трудно вычеркнуть прожитое изъ жизни.

Исполните свой долгъ, но не лишайте себя по крайней мѣрѣ дружбы той, которая заслужила ваше уваженіе. Мнѣ кажется, что разстаться съ вами окончательно было бы для нея слишкомъ большою жертвою; я тревожусь за ваше счастье. Сколько любимыхъ существъ вы теряете! Разскажите мнѣ все подробнѣе. Если у васъ хватитъ мужества, я порадуюсь вмѣстѣ съ вами; если нѣтъ—то я вполнѣ пойму васъ. Я сожалѣю о посланномъ мною очень глупомъ письмѣ, наполненномъ пустяшными подробностями, которое вы получили, быть можетъ, въ то время, когда вамъ было грустно; веселость посторонних людей бываетъ иногда въ тягость; это можетъ случиться, когда людей раздѣляетъ большое пространство, когда мы не знаемъ, что дѣлается съ друзьями, и думаемъ, что они счастливы, а они, въ эту самую минуту, быть можетъ, проливаютъ слезы.

Хотя вы прочли въ этомъ письмѣ, что я сомнѣваюсь нѣсколько въ вашей дружбѣ и чувствую, что и мои чувства къ вамъ уже не тѣ, но вы этому не повѣрили, не правда ли? Ваше горе, которое я такъ живо приняла къ сердцу, показало мнѣ, что я ошиблась и что стоило вамъ сказать „у меня горе“, и чувства, которыя я питаю къ вамъ, сказались съ новой силой.

Я все еще живу спокойно въ деревнѣ, чувствуя себя хорошо, и останусь тутъ какъ можно дольше. Къ тому же, одинъ день, проведенный въ Парижѣ, доказалъ мнѣ, что мое пребываніе тамъ могло бы быть не совсѣмъ удобно, такъ какъ у меня перебывало множество народа, и я увѣрена, что это не поправилось. На письмо, съ котораго мною послана вамъ копія, я не получила никакого отвѣта. Дѣти мои становятся очень милы; по вашему совѣту, я буду пользоваться ихъ присутствіемъ безъ всякихъ опасеній; это чувство для меня новое, и мнѣ пріятно быть вамъ обязанной имъ.

Братъ пишетъ мнѣ изъ Вѣны, что вы по-прежнему добры къ нему; это меня не удивляетъ; что касается его, то я возлагаю надежды только на васъ. Если бы вы знали, какъ мнѣ грустно, что онъ въ Вѣнѣ; но я повторяю то, что говорила моя покойная мать, о васъ: „есть добрый ангелъ, ниспосланный намъ Богомъ; онъ спасетъ насъ отъ всѣхъ бѣдъ".

Сейчасъ замѣтила, что я пишу вамъ на разорванномъ листочкѣ; виною этому моя вѣтренность; но вы знаете мою лѣность и простите, что я не переписываю письма. Прощайте, будьте счастливы, какъ вы того заслуживаете; вспоминайте иногда о той, которая будетъ всегда относиться съ самымъ нѣжнымъ участіемъ ко всему, что васъ постигнетъ. Ваше довѣріе заставляетъ меня быть откровенной; я вѣрю въ вашу дружбу; если бы вы знали, какъ мнѣ это отрадно! Но я осмѣлюсь пользоваться тѣмъ, что вы мнѣ даете только тогда, когда я буду знать, что вы довольны. Это составляетъ всегда мое горячее желаніе.

Разсчитывая на вашу доброту, я прилагаю письмо къ брату; дѣло въ томъ, что я не знаю, куда писать ему; вы же пріучили меня располагать вами безъ боязни. Я очень довольна Бутягинымъ; онъ очень вамъ преданъ и выказываетъ мнѣ также большое сочувствіе.

„Въ вышеприведенныхъ письмахъ отъ 5 и 14 октября упоминается о другѣ, съ которымъ Александръ долженъ былъ разстаться. Какъ извѣстно, онъ былъ очень привязанъ къ Марьѣ Антоновнѣ Нарышкиной, съ которой ему пришлось въ это время порвать отношенія; надобно думать, что герцогиня Сенъ Ле говоритъ именно объ ней. Гортензія просила Императора Александра передать письмо ея брату Евгенію; но письмо это, вложенное въ конвертъ съ траурной каймой съ надписью: „его императорскому высочеству, брату моему принцу Евгенію", хранится въ государственномъ архивѣ вмѣстѣ съ письмами къ Александру I. Почему оно не было передано по назначенію и кѣмъ было оно распечатано, неизвѣстно. Между тѣмъ принцъ Евгеній находился въ то время въ Вѣнѣ. Та же участь постигла и всѣ прочія письма, посланныя Гортензіей брату черезъ посредство Александра; они не были переданы, хотя она и выражала въ своихъ письмахъ полную увѣренность въ томъ, что ея просьба будетъ исполнена".

(Окончаніе слѣдуетъ).

На ворѣ шапка горитъ.

Въ 1895-мъ году ***скій губернаторъ А. возвратился однажды въ городъ *** изъ Петербурга и Москвы послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ столицахъ; въ кабинетѣ,—въ подложенной на письменномъ столѣ именной корреспонденціи, которую ему не успѣли препроводить, что называется, „вслѣдъ“, —онъ нашелъ до 30 анонимныхъ писемъ, заключавшихъ въ себѣ угрозы, а также оскорбительные и унижающіе человѣческое достоинство вздорные доносы на чиновниковъ разныхъ подвѣдомственныхъ губернатору учрежденій.

Черезъ день послѣ того въ хроникѣ неоффиціальнаго отдѣла мѣстныхъ „губернскихъ вѣдомостей“ появилось объявленіе:

„Начальникъ губерніи, получивъ болѣе двухъ дюжинъ анонимныхъ доносовъ, частью вовсе безъ подписи, а частью съ обозначеніемъ подписи одною, очевидно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, вымышленною, буквою, приказалъ объявить господамъ П. О. D. L. Е. Ц. А. М. и имъ подобнымъ, что всѣ ихъ навѣты, какъ оставленные безъ разсмотрѣнія,—преданы сожженію. Къ этому добавляется, что всякія правильныя, основательныя представленія и сообщенія могли бы доводится до свѣдѣнія губернатора безпрепятственно прямымъ путемъ, для чего двери губернаторскаго дома открыты; пасквильные же доносы, передача которыхъ требуетъ сокрытія имени доносителя (или доносчика) и удержанія его въ тайнѣ,—каждый стремящійся доставить оные непристойнымъ, скрытымъ, позорнымъ путемъ,—пусть лучше оставляетъ при себѣ; такимъ доносамъ вѣры не дается и даваться не будетъ“.

Каково же было всеобщее изумленіе и смущеніе, когда по городу *** стало извѣстно, что въ мѣстномъ клубѣ (благородное собраніе) въ день выхода номера „губернскихъ вѣдомостей“ съ этимъ объявленіемъ, одинъ изъ служащихъ въ учрежденіи, не состоящемъ въ непосредственномъ подчиненіи губернатору, чиновникъ,—по чину и по должности не совсѣмъ мелкій—во время ужина, горячо и запальчиво доказывалъ, что подобными объявленіями редакція „губернскихъ вѣдомостей“ не должна и не смѣетъ оскорблять тѣхъ лицъ, которыя для „выясненія истины“ берутъ на себя „благой трудъ“ открывать губернатору глаза на извѣстное имъ вопіющее нарушеніе кѣмъ-либо закона или на неправильное, нерѣдко безобразное, отношеніе кого бы то ни было, какъ къ своимъ обязанностямъ, такъ и къ правамъ гражданъ.

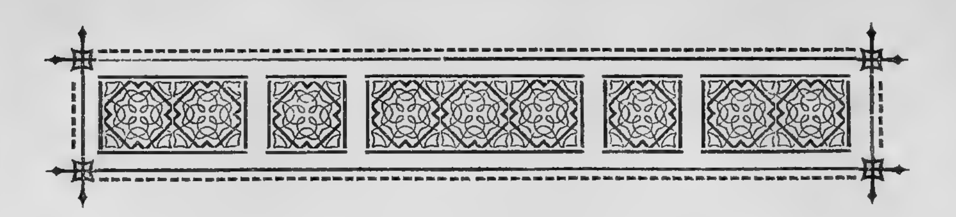
До того случая этотъ „чиновникъ“ только слегка подозрѣвался въ практикованіи такого постыднаго способа сношенія съ высшею въ губерніи властью.

Этотъ чиновникъ между товарищами и сослуживцами слылъ за холоднаго, бездушнаго, безстрастнаго человѣка вообще; но въ частности имъ помыкала страсть къ наградамъ и къ наживѣ; онъ горячо мечталъ о чинахъ, вѣчно жаждалъ орденовъ и всякими путями копилъ деньгу.

Сообщилъ А. Е. К.

Ст. Сиверская.
23 августа 1907.

Въ плѣну у японцевъ.

I.

18-го апрѣля 1905 года нашъ минный отрядъ подъ брейдъ-вымпеломъ капитана 2 ранга барона Радена вышелъ изъ Владивостока и направился въ Амурскій заливъ. Предполагался новый набѣгъ къ японскимъ берегамъ, въ которомъ должны были участвовать миноносцы 201, 203, 205 и 206. Задача этого набѣга состояла въ томъ, чтобы, выйдя на путь слѣдованія почтовыхъ пароходовъ, захватывать всѣ встрѣчныя паровыя суда, а парусныя—топить. Это былъ первый походъ послѣ скучнаго зимняго стоянія во льду, а потому мы всѣ были весело настроены, рвались въ дѣло и ожидали блестящаго успѣха. Только одинъ изъ нашихъ командировъ скептически относился къ настоящему походу: „конечно все пойдетъ, какъ по маслу", говорилъ онъ, „тамъ въ Японіи стоитъ привязанный пароходъ, и намъ остается только его отвязать и привести во Владивостокъ, а это сущіе пустяки".

...Стрѣлой пролетѣли мы мимо стоявшихъ въ Золотомъ Рогѣ крейсеровъ „Россія" и „Громобой" и, обогнувъ длинную отмель, такъ называется „кошку Токаревскаго" вышли въ Амурскій заливъ. Погода стояла свѣжая и вмѣстѣ съ тѣмъ туманная. Въ открытомъ морѣ насъ стало сильно качать, и начался перебой винта, а около трехъ часовъ по полудни миноносецъ № 206 поднялъ сигналъ: „имѣю поврежденіе въ машинѣ", и весь отрядъ долженъ былъ зайти въ одну изъ прибрежныхъ бухтъ, гдѣ и простоялъ до слѣдующаго утра. По исправленіи машины миноносца 206-го, мы продолжали походъ. Въ бухтѣ св. Ольги пополнили запасъ угля, а оттуда направились къ берегамъ Японіи.

Семь дней провели мы въ Японскомъ морѣ, но ни разу не встрѣтили непріятеля: должно быть весь японскій флотъ нахо-

дился на югѣ въ ожиданіи эскадры адмирала Рожественскаго, а коммерческія суда, въ виду предстоявшаго боя, не рисковали выходить въ море. Только на восьмыя сутки около полдня, подъ самыми берегами Мацмая показалась большая рыбацкая шхуна, шедшая на югъ подъ всѣми парусами. Легко себѣ представить состояніе духа японцевъ, когда имъ приказано было остановиться и спустить шлюпку. На шхунѣ началась бѣготня, всѣ кричали, всѣ распоряжались. Паруса въ полномъ смыслѣ слова полетѣли внизъ, снасти были выдернуты изъ блоковъ, всюду висѣли концы и царилъ безпорядокъ.

Окруженная четырьмя миноносцами, безпомощно качаясь на волнахъ, стояла рыбацкая шхуна въ ожиданіи приговора, который уже давно ей былъ предрѣшенъ. Начальникъ отряда приказалъ японцамъ съѣхать на берегъ, а шхуна послѣ этого была взорвана. Сначала раздался глухой трескъ, и дымящіяся доски, бревна и части деревянной палубы взлетѣли высоко вверхъ, а затѣмъ начался пожаръ. Пламя охватило мачты, снасти перегорали, и реи вмѣстѣ съ горящими парусами безпрестанно падали на провалившуюся палубу...

Около двухъ часовъ показалась вторая шхуна. Не взирая на наше приказаніе остановиться, она продолжала идти своей дорогой. Тогда съ миноносца 203 былъ сдѣланъ холостой выстрѣлъ. Шхуна легла въ дрейфъ и по требованію начальника отряда стала убирать паруса. Какъ и первую шхуну, ее собирались взорвать, а японцевъ рѣшено было въ качествѣ военно-плѣнныхъ доставить во Владивостокъ, куда баронъ Раденъ намѣревался отсюда идти. Такимъ образомъ нашъ семидневный походъ долженъ былъ ознаменоваться всего лишь потопленіемъ двухъ рыбацкихъ шхунъ. Кромѣ того, предвидя упреки въ томъ, что не стоило ради такихъ ничтожныхъ результатовъ рисковать четырьмя миноносцами, я сталъ просить барона Радена разрѣшенія самостоятельно привести шхуну подъ парусами во Владивостокъ. Начальникъ отряда изъявилъ свое согласіе и далъ мнѣ 12 человѣкъ такъ называемой призовой команды, состоявшей изъ машинистовъ, кочегаровъ, минеровъ и комендоровъ, людей впервые ступавшихъ на палубу паруснаго судна. Не было только марсовыхъ, знакомыхъ съ паруснымъ дѣломъ. Это отчасти объясняется тѣмъ, что при выходѣ изъ Владивостока баронъ Раденъ, имѣя намѣреніе брать въ плѣнъ только паровыя суда, не потребовалъ марсовыхъ. Поэтому мнѣ предстояла задача выучить свою команду управляться парусами и во время хода непосредственно самому наблюдать за правильнымъ выполненіемъ моихъ распоряженій.

Снабдивъ насъ провизіей на трое сутокъ и забравъ плѣнныхъ японцевъ кромѣ одного, оставленнаго на шхунѣ для указанія судового инвентаря, начальникъ отряда съ миноносцами направился во Владивостокъ, а я сталъ знакомиться со своей новой шхуной. По конструкціи она принадлежала къ столь распространенному въ Японіи типу 100-тонныхъ двухмачтовыхъ шхунъ съ косыми парусами. Гротъ-трисель (задній парусъ) былъ значительно больше форъ-триселя (передняго), а чтобы устранить происходящее при этомъ стремленіе руля „ходить на вѣтрѣ", т. е. поворачивать шхуну носомъ къ вѣтру, имѣлся длинный прямоугольный парусъ въ родѣ фока, подымавшійся на особомъ рейкѣ на фокъ (передней) мачтѣ. Кромѣ этихъ трехъ парусовъ, шхуна носила еще форъ-стеньги-стаксель, кливеръ и бомъ-кливеръ.

На верхней палубѣ находились двѣ рубки: кормовая капитанская и носовая командная. Первая была внутри обита краснымъ деревомъ и отличалась изящной отдѣлкой. На видномъ мѣстѣ стоялъ небольшой жертвенникъ, походившій на шкафчикъ краснаго дерева со статуэтками Будды, курительными свѣчами и тарелочками для жервоприношеній. На полу былъ раскинутъ большой циновочный коверъ, посреди котораго стоялъ четырехугольный ящикъ, наполненный золой съ четырьмя раскаленными угольками и двумя мѣдными палочками, для ихъ переворачиванія. Этотъ ящикъ, судя по разбросаннымъ вокругъ него шелковымъ подушкамъ, служилъ судовымъ очагомъ, у котораго въ свободное время собиралась японская команда шхуны. Койка капитана была завѣшана шелковой занавѣской, а подъ койкой имѣлось нѣсколько выдвижныхъ ящиковъ.

Командная рубка прилегала къ судовой кухнѣ. Размѣрами она была немногимъ больше капитанской. Внутри по стѣнамъ въ два ряда въ видѣ паръ находились койки съ выдвижными ящиками, а на палубѣ лежалъ циновочный коверъ. Вездѣ замѣчалась присущая японцамъ чистота и опрятность.

Въ этихъ двухъ рубкахъ помѣщался весь экипажъ шхуны, а огромный трюмъ подъ всей верхней палубой былъ наполненъ рисомъ, аккуратно или вѣрнѣе изящно запакованнымъ въ циновочныхъ куляхъ.

На бакѣ у носовой рубки стояла водяная цистерна въ видѣ продолговатаго деревяннаго ящика, раздѣленнаго переборкой на двѣ части. На полу-ютѣ (т. е. у самой кормы) помѣщался штурвал, связанный цѣпнымъ штуртросомъ [1]) съ массивнымъ желѣзнымъ румпелемъ [1]). Это большое количество желѣза, безпрестанно мѣняв-

---

[1]) Приспособленіе для управленія рулемъ.

шее свое положеніе относительно компаса, сильно увеличивало его девіацію [1]). Для прежнихъ владѣльцевъ шхуны это не должно было играть большой роли, т. к., плавая все время вдоль береговъ, они имѣли возможность безпрестанно опредѣлять свое мѣсто и девіацію. Мы же въ открытомъ морѣ были лишены этой возможности, а такъ какъ на шхунѣ не было инструментовъ для опредѣленія астрономическимъ путемъ мѣста корабля, то слѣдовало всецѣло довѣриться счисленію. Таковы были условія, при которыхъ я началъ свое плаваніе.

II.

Пока мы приводили въ порядокъ снасти, разбросанныя по всей палубѣ, вѣтеръ совершенно стихъ, и шхуна подъ всѣми парусами стояла на мѣстѣ въ разстояніи полутора миль отъ берега. Моя команда выражала опасеніе, что японцы, пользуясь штилемъ и отсутствіемъ нашихъ миноносцевъ, предпримутъ вооруженное нападеніе, но къ счастью ихъ предположенія не оправдались. Въ 6 часовъ вечера задулъ слабый вѣтерокъ отъ SW, который, постепенно усиливаясь, помогъ намъ удалиться отъ непріятельскихъ береговъ. Всѣ повеселѣли, матросы запѣли на бакѣ, а я принялся разбирать судовой инвентарь. Еще долго виднѣлись свѣтящіеся береговые огоньки и горѣвшая какъ факелъ шхуна. Мы шли со скоростью пяти узловъ [2]), но, вслѣдствіе противнаго вѣтра, приходилось лавировать, а такъ какъ японскія шхуны вообще не ходятъ круто къ вѣтру, то къ конечной цѣли мы пододвигались очень медленно. Ночью мнѣ пришлось большую часть времени провести на верхней палубѣ, такъ какъ мои рулевые въ первый разъ въ жизни вступали на руль и полагаться на нихъ было рискованно. Вѣтеръ между тѣмъ все усиливался и къ двумъ часамъ достигъ силы 8 балловъ, а появившаяся зыбь, ударяя о навѣтренный бортъ шхуны, сбивала ее съ курса.

На слѣдующее утро вѣтеръ задулъ еще съ большей силой, и такая погода продолжалась пять сутокъ. Японецъ Окадо-санъ съ безпокойствомъ посматривалъ на разсвирѣпѣвшую стихію, безпрестанно открывалъ дверцы жертвенника, зажигалъ курительныя свѣчи и, наклоняя голову, хлопалъ въ ладоши передъ статуэткой Будды. Меня сначала занимала новизна положенія: я чувствовалъ себя полнымъ и самостоятельнымъ хозяиномъ; я сознавалъ, что всѣ находящіеся на шхунѣ теперь зависятъ отъ меня, моя малѣйшая ошибка

---

[1]) Отклоненіе сѣвера компасной стрѣлки отъ магнитнаго сѣвера подъ вліяніемъ судового желѣза,

[2]) 5 миль въ часъ. Морская миля равна верстѣ и три четверти.

насъ всѣхъ можетъ погубить, и это ласкало мое самолюбіе, но когда на четвертыя сутки провизія, данная намъ съ миноносцевъ, вся вышла и пришлось достать изъ трюма кулекъ риса, а въ цистернахъ переливались одни лишь жалкіе остатки воды, я сталъ желать, чтобы это самостоятельное положеніе поскорѣе пришло къ концу.

III.

На шестыя сутки съ утра показались возвышенные уссурійскіе берега. До нихъ было еще очень далеко и издали они казались голубыми, но, по мѣрѣ нашего къ нимъ приближенія, они вырисовывались яснѣе и опредѣленнѣе. Вѣтеръ значительно стихъ, и въ воздухѣ появилось множество чаекъ, летавшихъ надъ самой водой. Близость своихъ береговъ насъ всѣхъ радостно настроила; даже японецъ повеселѣлъ и сталъ выдѣлывать всевозможные фокусы, надъ которыми моя команда смѣялась отъ души. Вечеромъ показался Владивостокскій прожекторъ, и мнѣ еще разъ удалось опредѣлить свое мѣсто. Теперь мы были уже совсѣмъ въ своихъ водахъ, и утромъ я разсчитывалъ быть въ Золотомъ Рогѣ, но судьба рѣшила иначе: вѣтеръ къ двумъ часамъ ночи окончательно стихъ, и горизонтъ сталъ заволакиваться туманомъ. Вахтенный послѣдовательно мнѣ докладывалъ сначала, что ходу 3 узла, потомъ 2 и, наконецъ, ½ узла...

Мои предположенія, что къ утру туманъ разойдется, не оправдались, и мы продолжали штилевать, окруженные густымъ непроглядным туманомъ. Вчерашняя зыбь сильно качала шхуну, паруса безпрестанно перелетали съ борта на бортъ и рвались, а снасти попеременно то натягивались, то ослабѣвали. Однообразно проходили дни за днями въ томительномъ ожиданіи вѣтра. Сознавая свое безвыходное положеніе, я неоднократно вспоминалъ походъ 8 іюня прошлаго года, когда мы, подъ начальствомъ капитана 2 ранга Виноградскаго, подходили съ тремя миноносцами къ тѣмъ же японскимъ берегамъ, потопили пять шхунъ, а шестую мнѣ было поручено привести подъ парусами къ нашимъ берегамъ. Тогда тоже пришлось штормовать, но всего лишь сутки. Нашъ приходъ во Владивостокъ совпалъ съ возвращеніемъ крейсерскаго отряда изъ удачнаго похода, а потому весь городъ ликовалъ и со вниманіемъ слѣдилъ за призовой шхуной, входившей въ гавань подъ русскимъ военнымъ флагомъ, поднятымъ надъ печально развѣвавшимся японскимъ. То были счастливыя минуты, которымъ болѣе не суждено было повториться.

Меня мучило, что встать на якорь невозможно вслѣдствіе боль-

шой глубины и что насъ сноситъ теченіемъ. Въ такомъ безпомощномъ положеніи провели мы четверо сутокъ. На пятыя туманъ сталъ подыматься, а горизонтъ увеличиваться. Около полдня удалось разсмотрѣть берега и опредѣлить, что насъ снесло немного къ югу отъ параллели Посьета, а спустя часъ времени на сѣверѣ показался транспортъ, шедшій безъ кормового флага прямо на насъ.

Я предполагалъ, что это одинъ изъ транспортовъ адмирала Рожественскаго, проскочившаго за наше двухнедѣльное плаваніе во Владивостокъ, и въ виду того, что вода у насъ вся вышла, я поднялъ сигналъ „имѣю недостатокъ въ прѣсной водѣ", на что съ транспорта отвѣтили: „сдавайтесь", и одновременно былъ поднятъ японскій флагъ. Предъ нами стоялъ непріятельскій минный транспортъ, предъявлявшій требованіе, на которое мы, очевидно, согласиться ни въ какомъ случаѣ не могли, а такъ какъ у насъ не было орудій для отраженія нападенія, то я рѣшилъ шхуну потопить, чтобы отнять у непріятеля возможность ея захвата. Японецъ Окадо-санъ былъ тотчасъ же запертъ въ каюту, а рулевому я приказалъ держать по направленію къ берегу. Транспортъ между тѣмъ приближался все ближе и ближе, намѣреваясь встать съ нами бортъ о бортъ. Я предупредилъ свою команду, собравшуюся около меня на ютѣ, о своемъ рѣшеніи подвернуться непріятелю подъ носъ, чтобы сломать и затопить шхуну, а затѣмъ, давъ транспорту подойти къ намъ совершенно близко, приказалъ положить (руль) право на бортъ и всталъ непріятелю поперекъ пути. Японцы, повидимому, не ожидали этого маневра и, не успѣвъ отвести руля, наскочили на кормовую часть шхуны. Раздался страшный трескъ, кормовая шампунка (лодка) была сбита въ воду, руль оторванъ и наружная обшивка пробита, отчего шхуна получила сильную течь. Транспортъ подтянулъ насъ къ своему борту, и японскій офицеръ, спустившись по штормтрапу (веревочной лѣстницѣ), сталъ осматривать поврежденія. На бакѣ уже заводили перлинь для буксировки, но поврежденія шхуны оказались настолько серьезными, что японцамъ тотчасъ же пришлось отказаться отъ этого намѣренія, возиться же съ подводкой пластыря и приготовленіемъ временнаго руля подъ самымъ Владивостокомъ было болѣе чѣмъ рискованно. Поэтому непріятель ограничился лишь тѣмъ, что освободилъ запертаго Окадо-санъ и взялъ насъ въ плѣнъ, а шхуна, по мѣрѣ того какъ мы отъ нея отходили, плавно погружалась въ морскую пучину...

Итакъ въ своихъ водахъ, вблизи Владивостока мы были взяты въ плѣнъ. Боже мой, какія тяжелыя то были минуты! Хотѣлось что-нибудь сдѣлать, куда-нибудь бѣжать, но дѣлать было нечего, мы были окружены японцами и шли въ Гензанъ. Меня тотчасъ же

разлучили съ наши матросами и поставили къ дверямъ моей каюты часового. Я бросился на койку и съ болью въ сердцѣ сталъ передумывать все случившееся. Проклиная день и часъ, когда мы вышли въ этотъ злосчастный походъ, я осуждалъ капитана 2 ранга Радена, что онъ не вышелъ мнѣ навстрѣчу [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что теперь все кончено: я былъ въ плѣну и, слѣдовательно, не могъ болѣе принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и экспедиціяхъ, но это еще не все: меня мучило и то обстоятельство, что минный транспортъ подходилъ къ Владивостоку во время тумана, очевидно съ цѣлью забросать входъ минами, и тутъ-то у меня впервые зародилась мысль во что бы то ни стало бѣжать изъ плѣна, чтобъ предупредить объ этомъ наши крейсера, которые могли пострадать въ первую голову.

IV.

Во Владивостокѣ между тѣмъ сначала насъ ждали со дня на день, потомъ стали безпокоиться, предполагая, что мы потерпѣли крушеніе, а впослѣдствіи, когда выяснилось, что мы въ плѣну, пошли по городу самыя невѣроятные слухи. Одни говорили, что насъ забрали еще у береговъ Японіи, гдѣ мы были брошены начальникомъ экспедиціи въ полный штиль, другіе говорили, что японецъ, оставленный на шхунѣ, увеличилъ до того девіацію, что мы вмѣсто Владивостока попали на Іезо. Японцы въ своихъ газетахъ писали, что призовую шхуну снесло въ Гензанъ, гдѣ она была замѣчена сторожевыми миноносцами, и во Владивостокѣ тотчасъ всѣ повѣрили этому нелѣпому извѣстію, считая слова японцевъ за непреложную истину и вполнѣ возможными (снесло теченіемъ свыше чѣмъ на 600 верстъ! развѣ это мыслимо?). Обиднѣе же всего то, что даже въ морскихъ кругахъ были наивные люди, вѣрившіе этимъ невѣроятнымъ слухамъ. Никому не приходило въ голову, что японцы хорошо умѣютъ скрывать свои дѣйствія, замаскировывая ихъ всевозможными выдумками. Никто не допускалъ мысли, что насъ взяли въ плѣнъ вблизи Владивостока, хотя всѣ отлично знали, что мою шхуну видѣли около бухты Преображенія, т. е. подъ нашими берегами. Спустя нѣкоторое время крейсеръ „Громобой“ наскочилъ на мину, поставленную какъ разъ тѣмъ самымъ транспортомъ, съ которымъ я имѣлъ дѣло, но и тогда никому въ голову не пришло истинное положеніе вещей.

---

[1]) Какъ впослѣдствіи оказалось, это было вполнѣ возможно сдѣлать, такъ какъ мою шхуну видѣли проходящей нашу бухту Преображенія, расположенную къ сѣверо-востоку отъ Владивостока, и дали о томъ знать по телеграфу.

И тогда продолжали вѣрить японцамъ. Но не могли же японцы на самомъ дѣлѣ хвастаться и прокричать на весь свѣтъ, что ихъ минный транспортъ *подъ самымъ Владивостокомъ* потопилъ русскую призовую шхуну. Очевидно, явился бы вопросъ, зачѣмъ минный транспортъ подходилъ къ Владивостоку. Японцы слишкомъ умны, чтобъ дѣлать такія глупости.

V.

Пока по Владивостоку носились всѣ эти толки, меня отправили въ Японію, гдѣ и помѣстили въ фукуокскомъ пріютѣ военноплѣнныхъ.

Городъ Фукуока лежитъ на западномъ берегу о. Кіусіу въ глубинѣ обширной и закрытой со всѣхъ сторонъ бухты, служащей убѣжищемъ нѣсколькимъ десяткамъ рыбачьихъ шхунъ.

Въ западной части города возвышается старинная крѣпость временъ самураевъ, окруженная широкимъ водянымъ рвомъ. Черезъ этотъ ровъ въ трехъ мѣстахъ переброшены каменные мосты, охраняемые маленькими японскими часовыми, которые зорко слѣдятъ за всякимъ входящимъ внутрь ограды.

Въ настоящее время крѣпость утратила всякое стратегическое значеніе и служитъ казармой нижнимъ чинамъ, а во время войны тамъ было отведено два участка для русскихъ военноплѣнныхъ: въ одномъ, сплошь застроенномъ деревянными бараками и походившемъ на небольшую деревню, помѣщались наши солдаты, въ другомъ, окруженномъ высокимъ деревяннымъ заборомъ—мы, офицеры. Между двумя офицерскими бараками былъ расположенъ прудъ съ маленькимъ островкомъ, на которомъ стоялъ памятникъ въ честь японо-китайской войны, представлявшій собою высокую металлическую колонну съ вертикально-поставленной на ней миной Уайтхеда.

Тутъ же въ оградѣ была построена лавочка, въ которой продавались самые что ни на есть плохіе товары и по самымъ дорогимъ цѣнамъ, а такъ какъ офицеровъ за рѣдкими исключеніями въ городъ не пускали, приходилось все покупать здѣсь. Рядомъ съ лавочкой стояла билліардная, тутъ же была развѣшена сѣтка лаунтенниса, а еще дальше находилась общая столовая, въ которой по субботамъ и воскресеньямъ православный священникъ, японецъ, служилъ всенощную и обѣдню.

Плѣнные офицеры имѣли каждый отдѣльную комнату, пользовались садомъ, въ ихъ распоряженіи былъ билліардъ и тенисъ, наконецъ они получали жалованье отъ русскаго правительства по 50 р. въ мѣсяцъ, и, казалось, ни въ чемъ не нуждались. Но, Боже мой,

какое то было тяжелое, безпросвѣтное существованіе! мы не жили, мы прозябали. Состояніе духа плѣннаго офицера можетъ понять только лицо, бывшее въ плѣну и знакомое съ этими наглыми и надменными японцами, которые у насъ въ Европѣ умѣютъ прикидываться и вѣжливыми и предупредительными.

Время въ плѣну тянулось безконечно долго и однообразно. Читать, кромѣ подпольнаго изданія „Революціонная Россія“, которое японцы намъ охотно подсовывали, было нечего. Правда, въ канцеляріи цѣлая комната была завалена кипами книгъ, присланныхъ намъ изъ Россіи и отъ японскаго епископа Николая, но эти книги намъ читать не давали. Ихъ слѣдовало сначала процензуровать; просмотрѣть же цѣлую библіотеку, написанную на иностранномъ языкѣ, двумъ переводчикамъ дѣло не легкое, и вотъ книги стояли да стояли на полу, дожидаясь конца войны.

Приблизительно то же самое было и съ письмами, присылавшимися намъ изъ Россіи: они лежали въ этихъ несчастныхъ японскихъ канцеляріяхъ мѣсяцами. Накоплялись цѣлые тюки, которые быстро росли, а переводчики боялись къ нимъ прикоснуться, такъ какъ уже слишкомъ ихъ много накопилось.

И вотъ благодаря этимъ высшимъ соображеніямъ мы были лишены духовной пищи и какъ тѣни слонялись изъ угла въ уголъ. Всюду слышались одни и тѣ же восклицанія: „Какая скука! Боже, когда это кончится?!“

А тутъ еще японцы при всякомъ удобномъ случаѣ разсказывали о своихъ побѣдахъ, раздувая свои подвиги и стараясь унизить русскую армію и ея офицеровъ.

VI.

Съ первыхъ дней моего пребыванія въ Фукуока, я сошелся съ казакомъ Василіемъ Ивановичемъ Носоновымъ. Это было человѣкъ твердой воли, уже давно рѣшившій бѣжать въ Россію и ожидавшій только случая, чтобъ привести свой планъ въ исполненіе. Общность стремленій насъ связала, и мы сговорились дѣйствовать сообща, ни на минуту не сомнѣваясь въ успѣхѣ нашего предпріятія. Къ намъ присоединился еще техническій мастеръ Михаилъ Михайловичъ Шикунинъ, тоже рвавшійся на волю. Днями просиживали мы вмѣстѣ, разсматривая карты и намѣчая на нихъ предполагаемые пути слѣдованія.

Планъ бѣгства былъ очень простъ: окончивъ всѣ приготовленія, въ первую дождливую ночь мы перелѣзаемъ черезъ заборъ, переходимъ въ бродъ водяной ровъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, расширив-

шись въ маленкій прудъ, прилегаетъ къ незаселенной мѣстности, и уходимъ въ горы. Тѣмъ временемъ насъ начинаютъ искать вдоль берега моря, а мы по горнымъ вершинамъ сначала углубляемся внутрь страны на югъ, затѣмъ мѣняемъ направленіе вдоль хребтовъ на востокъ и наконецъ, повернувъ на сѣверъ, подходимъ къ морскому берегу. Тамъ на широтѣ Симоносекскаго пролива ночью дѣлаемъ нападеніе на одну изъ рыбацкихъ шхунъ, перевязываемъ застигнутыхъ врасплохъ японцевъ и вмѣстѣ съ ними идемъ во Владивостокъ.

Въ случаѣ, если бы не оказалось подходящей шхуны, рѣшено было взять первую лежавшую на берегу шлюпку, приспособить къ ней сдѣланный изъ простыни парусъ и переплыть Цусимскій проливъ, а у береговъ Кореи захватить шаланду и идти во Владивостокъ. Во время пути надъ корейцами долженъ былъ быть установленъ надлежащій надзоръ, а по прибытіи на мѣсто выданы деньги за потерянные дни.

Въ виду большой населенности Японіи мы хотѣли идти только по ночамъ, день же проводить въ лѣсахъ и горахъ подальше отъ людского жилья. На сушѣ долженъ былъ насъ вести казакъ, на морѣ—я. Конечно, рискъ былъ громадный, такъ какъ насъ могли поймать сто разъ и прежде всего при перелѣзаніи черезъ заборъ, но казакъ ручался за первую часть экспедиціи, — я за вторую.

Съ перваго взгляда можетъ казаться страннымъ, что мы не хотѣли воспользоваться выгоднымъ мѣстоположеніемъ Фукуока, и тутъ же захватить шхуну, но на самомъ дѣлѣ этого сдѣлать было невозможно, такъ какъ, обнаруживъ наше бѣгство и одновременное исчезновеніе шхуны, японцы непремѣнно выслали бы изъ Симоносеки и Нагасаки нѣсколько миноносцевъ, а такъ какъ мы къ Симоносекскому проливу подошли бы только къ утру, то имъ ничего не стоило бы насъ увидать и поймать. По нашему же плану мы должны были захватить шхуну дней черезъ десять вечеромъ и въ первую же ночь пройти опасный Симоносекскій проливъ. При этомъ исчезновеніе шхуны со всѣмъ экипажемъ могло ускользнуть отъ вниманія японцевъ, такъ какъ легко было бы предположить, что рыбаки ушли на ловъ, а острое впечатлѣніе нашего бѣгства за десять дней успѣло бы уже притупиться.

Носоновъ, какъ казакъ, однако питалъ больше довѣрія къ способу пѣшаго хожденія и неоднократно совѣтовалъ, переплывъ проливъ, продолжать путь пѣшкомъ, я же держался того мнѣнія, что на сушѣ гораздо труднѣе пройти незамѣченными и, если насъ за это время не поймаютъ, ручался за благополучный исходъ всей экспедиціи.

VII.

Приготовленія къ бѣгству велись въ тайнѣ и, кромѣ нѣсколькихъ артиллеристовъ, никто объ этомъ не зналъ.

Японцы очень подозрительны и ко всему относятся съ недовѣріемъ, поэтому очень трудно было незамѣтно отъ нихъ покупать все намъ необходимое. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось достать планъ города Фукуока и карту фукуокской губерніи съ нанесенными горными хребтами, рѣками, городами и даже большими деревнями, карту острова Нипона, Мацмая, планъ Фукуока съ ближайшими окрестностями, карту Японскаго моря, Кореи и Татарскаго пролива, такъ какъ въ случаѣ блокады Владивостока намъ пришлось бы идти въ Николаевскъ на Амурѣ.

Шикунинъ досталъ компасъ, а казакъ купилъ оцинкованнаго кровельнаго желѣза, изъ котораго мы стали составлять опрѣснитель, чтобы не очутиться среди моря безъ прѣсной воды. Опрѣснитель состоялъ изъ жестяного таза отъ рукомойника, въ который вливалась соленая вода. На тазъ устанавливался усѣченный конусъ, сдѣланный изъ листового желѣза, своимъ широкимъ основаніемъ. На верху—на маломъ основаніи конуса покоилась сковородка-холодильникъ съ водой, которая отъ времени до времени мѣнялась, а водные пары, подымавшіеся изъ таза рукомойника внутри конуса и сгущавшіеся у нижней поверхности холодильника, стекали на другую сковородку, помѣщенную внутри конуса и прикрѣпленную къ нему проволокой. Опрѣснитель могъ быть разбираемъ на части, при чемъ конусъ сворачивался въ трубку листового желѣза.

Когда все это было готово, мы приступили къ испытаніямъ опрѣснителя, что́ было произведено въ комнатѣ казака. Для этого былъ принесенъ хибачъ (жаровня), на него поставленъ опрѣснитель съ грязной водой, почерпнутой изъ лужи, и черезъ $^1/_4$ часа мы получили стаканъ чистой, прозрачной воды. Такимъ образомъ опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и намъ нечего было больше опасаться недостатка прѣсной воды.

Изъ нижнихъ чиновъ о нашемъ бѣгствѣ знали только вѣстовой Носонова казакъ Фирстовъ и вѣстовой Шикунина бомбардиръ Баргинъ, которымъ мы предложили бѣжать вмѣстѣ съ нами. Они тотчасъ же согласились и стали усердно помогать намъ въ приготовленіяхъ. На нихъ была возложена обязанность ежедневно собирать оставшійся отъ стола черный хлѣбъ и сушить его на сухари, которые затѣмъ убирались въ комнатѣ казака въ одной изъ его корзинъ, а для того, чтобы они не заплѣсневѣли отъ ужасной сырости,

царившей въ нашемъ баракѣ, въ комнатѣ ежедневно разводили хибачъ.

Сборка хлѣба и изготовленіе сухарей не могла не привлечь вниманія японцевъ, но когда имъ сказали, что вѣстовые приготовляютъ изъ нихъ квасъ, они сразу успокоились, конечно не подозрѣвая о существованіи огромнаго склада въ помѣщеніи казака.

VIII.

Единственной нашей задержкой былъ финансовый вопросъ. Ни у кого изъ насъ не было денегъ, между тѣмъ расходы на приготовленіе къ бѣгству составляли около 60 рублей. Все было взято на книжку, расплатиться было нечѣмъ, а занять не у кого, такъ какъ выдаваемые офицерамъ 50 рублей въ началѣ мѣсяца исчезали безслѣдно на столъ, на платье, уплату долговъ и т. д. Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что нашъ купецъ Кономи даже охотнѣе давалъ на книжку, чѣмъ на наличныя деньги, такъ какъ при такомъ положеніи вещей въ началѣ мѣсяца ему платили по счетамъ, а затѣмъ офицеры были принуждены все покупать въ его лавочкѣ „на книжку", хотя въ городѣ то же самое было лучше и стоило значительно дешевле.

Постоянное оттягиваніе японскими властями офицерскаго жалованія сильно осложняло наше дѣло: надо было бѣжать, такъ какъ въ іюлѣ вѣтры прекращались, условія бѣгства съ каждымъ днемъ ухудшались, періодъ дождей скоро долженъ былъ окончиться, и тогда незамѣтно удрать изъ крѣпости было бы значительно труднѣе, наконецъ, настала первая четверть луны, и съ каждымъ днемъ ночи становились свѣтлѣе и свѣтлѣе.

Днями просиживалъ я у казака, уговаривая его скорѣе назначить день бѣгства, но онъ совѣтовалъ переждать получку жалованія, чтобы хорошенько запастись провизіей, на самомъ же дѣлѣ ему просто хотѣлось получить сначала свой 4-хъ мѣсячный артурскій окладъ, который по словамъ японцевъ долженъ былъ на-дняхъ придти.

Меня мучило и то обстоятельство, что Владивостокъ могъ въ скоромъ времени быть отрѣзанъ и блокированъ, а тогда при нашемъ прорывѣ легко было бы встрѣтиться съ японскимъ флотомъ. Наконецъ, Носановъ имѣлъ неосторожность сказать о нашемъ намѣреніи бѣжать нѣсколькимъ офицерамъ. Правда, то были люди надежные, но все-таки лучше было бы молчать. Даже его вѣстовой и вмѣстѣ съ тѣмъ другъ Фирсовъ ему тогда замѣтилъ:

— Вы, ваше благородіе, много-то не болтайте...—Это былъ дружескій совѣтъ, и казакъ не обидѣлся. Онъ зналъ, что Фирсовъ его любитъ и говоритъ искренно.

Шикунинъ тоже соглашался со мною, что нужно торопиться, не упуская золотого времени.

— Мы оставимъ полковнику довѣренность въ полученіи нашего жалованія, — говорилъ онъ — и Ѳедоръ Степановичъ расплатится по счетамъ.

Казакъ обыкновенно на этотъ совѣтъ ничего не отвѣчалъ и задумчиво крутилъ свой длинный усъ.

IX.

17 іюня намъ удалось съ Шикунинымъ уговорить казака махнуть рукой на свой 4-хъ мѣсячный окладъ, который онъ все равно получитъ въ Россіи и, тотчасъ же по полученіи жалованья, закончивъ всѣ приготовленія, двинуться въ путь; но вечеромъ уже лежа въ постели, когда снова налетѣлъ шквалъ съ дождемъ, сильно ударявшимъ въ наши окна, когда послышался скрипъ наклоняющихся отъ вѣтра деревьевъ и вѣтеръ черезъ щели нашего барака проникъ въ мою комнату, у меня сильно забилось сердце: „Боже мой, какая чудная погода для бѣгства“, подумалъ я, „навѣрное часовой спрятался въ будку и японцы не рискнутъ вылѣзть изъ своихъ домиковъ, а мы тутъ безпечно лежимъ на боку“. Я рѣшилъ завтра же утромъ убѣдить казака, не дожидаясь получки жалованія, бѣжать, тѣмъ болѣе, что два дня тому назадъ, мнѣ назначили вѣстового матроса, который тоже согласился слѣдовать за нами и могъ мнѣ служить помощникомъ при управленіи парусами на шхунѣ.

На слѣдующее утро, напившись чаю, я хотѣлъ уже идти къ Носонову, но онъ меня предупредилъ.

— Вода въ прудѣ отъ дождя настолько поднялась, — говорилъ онъ — что его теперь не перейти въ бродъ.

— Ну и что? — спросилъ я.

— Придется переждать, пока вода спадетъ, — отвѣчалъ онъ.

— Намъ во всякомъ случаѣ надо бѣжать,—возразилъ я—прибыль воды не можетъ намъ служить препятствіемъ. Времени терять некогда: съ каждымъ днемъ охрана дѣлается все строже и строже, у забора поставили лишняго часового, всѣ вѣстовые нашего барака какимъ-то образомъ уже знаютъ о нашемъ предполагаемомъ бѣгствѣ и между собою толкуютъ и перетолковываютъ все на свой ладъ. Будемъ медлить и слухъ дойдетъ до японцевъ.

Въ это время къ окну подошелъ Шикунинъ и какъ всегда съ таинственнымъ видомъ сталъ намъ что-то говорить, но такъ тихо, что ровно ничего нельзя было разобрать. Подобная осторожность всегда злила казака, и онъ громко восклицалъ:

— Да говорите громче, никто васъ не улышитъ!

— Тсъ!... тутъ всюду японскіе часовые шатаются! — возражалъ тотъ.

— Вотъ будете такъ шептаться, такъ какъ разъ и привлечете ихъ вниманіе, — говорилъ Носоновъ.

На этотъ разъ Шикунинъ пришелъ сообщить намъ очень пріятную новость: у него оказалось 100 руб. русскихъ денегъ, которыя онъ размѣнялъ на японскія и предлагалъ займообразно употребить на приготовленія къ бѣгству съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же безотлагательно двинуться въ путь.

Возможность немедленнаго исполненія задуманнаго плана воодушевила казака, онъ улыбнулся и, повернувшись въ мою сторону, сказалъ:

— Что, же я на все сегласенъ: бѣжать такъ бѣжать, къ тому же и Фирсовъ ужъ нѣсколько разъ меня спрашивалъ, когда наконецъ мы двинемся въ путь.

Рѣшено было тотчасъ же сходить въ лавочку и купить огурцовъ, чаю, немного сахару, рису и масла, а затѣмъ въ первую дождливую ночь бѣжать...

X.

24 іюня съ утра погода стала хмуриться, голубой небосклонъ покрылся тучами, временами появлялись небольшіе шквалики, а въ 7 часовъ вечера началъ накрапывать дождикъ. Въ теченіе всего этого дня намъ какъ-то ничего не хотѣлось дѣлать, сердце сильно билось, и на душѣ было легко и пріятно. Казакъ ходилъ веселый, вѣстовые были довольны, что насталъ конецъ томительнаго ожиданія, и всѣми нами овладѣло праздничное настроеніе.

Въ 8 часовъ вечера мы начали готовиться. Прежде всего завѣсили одѣяломъ окно комнаты Шикунина, откуда всѣ мы должны были выйти, затѣмъ внесли туда парусиновыя котомки, набитыя сухарями, между которыми, для экономіи мѣста, былъ всыпанъ рисъ. Огурцы было рѣшено нести въ особой сѣткѣ въ рукахъ. Сверхъ каждой котомки придѣлали по окороку. Приготовленія велись очень поспѣшно, дверь постоянно открывалась, то входили участники бѣгства, то товарищи, помогавшіе намъ выбраться изъ ограды, то нашъ полковникъ Саблуковъ, то еще кто-нибудь. Всѣ приходили съ искрен-

ними чувствами, каждому хотѣлось выразить свое расположеніе, а потому неудобно было ихъ не впускать въ комнату, несмотря на то, что безпрерывное открываніе и закрываніе двери было очень опасно.

Носоновъ совершенно преобразился: одѣвшись въ темный полосатый японскій кимоно (халатъ), повязавшись кушакомъ, въ форменной фуражѣ, въ японскихъ лаптяхъ и съ котомкой на спинѣ онъ походилъ на настоящаго запорожца. Онъ смѣялся, шутилъ и балагурилъ.

Передъ самымъ нашимъ отправленіемъ дверь опять открылась, и въ комнату вошелъ полковникъ. „Ну что, готовы?... бѣжите?" говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ. „Богъ помощь... желаю успѣха". Затѣмъ, прослезившись, онъ благословилъ и поцѣловалъ каждаго изъ насъ.

— Ну, айда!—воскликнулъ казакъ—я пошелъ.—Черезъ три минуты онъ былъ уже по ту сторону забора. Въ саду въ разныхъ мѣстахъ стояли наши артиллеристы и, слѣдя за часовыми, начинали пѣть, лишь только тѣ къ нимъ приближались, а это давало намъ возможность судить о томъ, гдѣ находятся японцы.

— Но куда дѣвался Малышевъ? — замѣтилъ я, не видя своего вѣстового.

— Онъ, знать, не пойдетъ, — отвѣтилъ, улыбаясь, Басаргинъ, — лежитъ на постели и плачетъ.

Я отправился въ помѣщеніе вѣстовыхъ и позвалъ его.

— Чего же ты тутъ? — спросилъ я — пора бѣжать: казакъ уже по ту сторону забора.

Матросъ переминался съ ноги на ногу и наконецъ тихимъ голосомъ сказалъ:—сейчасъ, ваше благородіе. Я вернулся въ комнату. Оказалось, что М. М. Шикунинъ и Фирсовъ только-что вышли изъ барака. Мнѣ оставалось еще написать письмо полковнику Саблукову съ просьбой получить наше жалованье и расплатиться по долгамъ. „Извините, пожалуйста, глубокоуважаемый Ѳедоръ Степановичъ", писалъ я, „что мы васъ не предупредили о нашемъ бѣгствѣ, а также ничего не сказали остальнымъ офицерамъ, но вы сами понимаете, что при выполненіи нашего плана необходимо было все дѣло держать въ секретѣ". Конечно, полковнику заранѣе было извѣстно содержаніе письма, такъ какъ оно было написано исключительно для того, чтобы передать ему довѣренность въ полученіи жалованія и оградить отъ обвиненія въ сообщничествѣ.

Когда письмо было готово, я направился въ свою комнату, чтобы его положить на столъ. Въ корридорѣ мнѣ встрѣтился Малышевъ, стоявшій невдалекѣ отъ нашей двери съ опухшими глазами и, казалось, ждавшій меня.

— Ваше благородіе...—занылъ онъ—а насъ не разстрѣляютъ?...

— Малышевъ!—окликнулъ я его.

— Ваше благородіе, — чуть слышно простоналъ онъ — у меня... сердце... болитъ... я... я... — и онъ закрылъ свое лицо рукой.

— Ступай въ свою койку—спи себѣ покойно, — отвѣтилъ я — я думалъ, что имѣю дѣло съ матросомъ.

Когда я вернулся въ комнату Шикунина, тамъ уже никого не было, кромѣ прапорщика Ермакова.

— Ну-съ, теперь вашъ чередъ, — улыбаясь, замѣтилъ онъ — тѣ всѣ уже перелѣзли черезъ заборъ.

Одѣвъ на спину котомку, на ноги лапти, чтобы не оставлять европейскаго слѣда, я пошелъ за Ермаковымъ. Какъ сейчасъ помню, въ сосѣдней комнатѣ раздавалось пѣніе одного изъ нашихъ артиллеристовъ, который высокимъ теноркомъ пѣлъ:

„Ямщикъ уныло напѣваетъ,
Качая буйной головой...“

Теперь съ тѣхъ поръ прошло уже много времени, но всякій разъ, когда я слышу „Ямщика“ Дюрманда, мнѣ вспоминается тотъ таинственный вечеръ, полный надеждъ на возвращеніе на родину и на лучшія времена.

Перебравшись черезъ заборъ, я увидалъ лежавшаго въ травѣ Носонова, который указалъ мнѣ мѣсто сбора нашихъ товарищей. Они лежали въ маленькомъ оврагѣ, замаскированномъ кустами. Въ это самое время около забора послышалось пѣніе:

„Что день грядущій мнѣ готовитъ?“

Я поспѣшилъ лечь на землю и сталъ прислушиваться къ шагамъ часового. Тѣмъ временемъ Носоновъ крался вдоль священной рощи, отыскивая тропинку, ведущую къ пруду. Долго бродилъ онъ по незнакомой ему мѣстности и, наконецъ, вернувшись къ намъ, тоже залегъ въ оврагѣ.

— Тропинки нигдѣ нѣтъ,—шепнулъ казакъ,—придется такъ пробиваться черезъ чащу.—Это было довольно трудное дѣло, такъ какъ стволы стояли настолько близко одинъ къ другому, что казалось невозможнымъ свободно между ними пройти; къ тому же лишь только мы тронулись, какъ началась трескотня отъ сухихъ сучьевъ, лежавшихъ на землѣ. Поминутно казакъ оборачивался и ворчалъ, что мы слишкомъ шумно за нимъ слѣдуемъ, но сдѣлать съ этимъ мы ничего не могли. Временами мы останавливались, прислушивались и, убѣдившись, что никого кругомъ нѣтъ, продолжали нашъ путь.

Наконецъ, добравшись до пруда, казакъ первый влѣзъ въ воду, за нимъ я, потомъ Шикунинъ и оба вѣстовыхъ. Длинною вереницею съ котомками на спинахъ двинулись мы по водѣ. Сначала она была намъ только до колѣнъ, но затѣмъ уровень сталъ подниматься, нижняя часть котомокъ начала омываться водой, ноги до колѣнъ уходили въ илъ, и мы съ большимъ трудомъ двигались впередъ. Дольше идти нельзя было, такъ какъ мало того, что наши котомки промокли бы насквозь со всѣми сухарями, чаемъ и прочимъ провіантомъ, но мы еще опасались, что насъ засосетъ въ илъ, а потому рѣшили повернуть назадъ и искать въ другомъ мѣстѣ брода. Путешествовали мы по водѣ уже цѣлый часъ, и легко себѣ представить, какъ это было утомительно. Къ тому же нервы были напряжены отъ постояннаго наблюденія за часовымъ, который стоялъ на мосту и только благодаря дождю не обращалъ на насъ вниманія. Носоновъ забралъ съ собой все свое штатское платье, отчего его котомка и безъ того тяжелая, намокнувъ, отвисала назадъ и сильно давила ему плечи. Онъ совершенно измучился и готовъ былъ сбросить свою ношу, но мы съ Фирсовымъ пришли ему на помощь и стали ее поддерживать. Такъ перебродили мы на ту сторону пруда и, сѣвъ въ кусты, достали огурцы, такъ какъ насъ томила невѣроятная жажда.

Часы, при переходѣ вбродъ, у всѣхъ остановились, вода попала и въ компасъ, отчего онъ сталъ сильно застаиваться и во время дальнѣйшаго пути приходилось руководствоваться почти исключительно полярной звѣздой. Японскіе лапти увязли вмѣстѣ съ носками въ пруду и, чтобы не оставлять слѣда, нужно было идти босикомъ; провизія вся вымокла, а одежда отъ грязной прудовой воды пріобрѣла какой-то специфическій запахъ, отъ котораго мы до конца нашего бѣгства не могли отдѣлаться.

Отдохнувъ хорошенько, мы пошли вдоль пруда. Казакъ шелъ впереди насъ въ разстояніи шаговъ 15, за нимъ я, за мною Шикунинъ и оба вѣстовые. Такимъ образомъ Носоновъ служилъ тамъ развѣдчикомъ, мы же во всемъ ему подражали. Такъ, напримѣръ, ляжетъ онъ—и мы ложились, бѣжитъ онъ назадъ—и мы отъ него, возьметъ онъ вдругъ въ сторону въ кусты или въ поле,—и мы не нагоняя его бросались въ сторону; это обозначало, что по дорогѣ, навстрѣчу, идутъ японцы, которыхъ нужно пропустить. Никакихъ разговоровъ во время пути не допускалось, если же казакъ хотѣлъ съ нами посовѣтоваться, то, повернувшись къ намъ лицомъ, онъ подымалъ свою дубинку вверхъ, и это служило намъ знакомъ, что не слѣдуетъ отъ него бѣжать.

Въ самомъ началѣ нашего пути случилось происшествіе, чуть

чуть не испортившее намъ все дѣло: мы шли вдоль пруда, по ту сторону котораго виднѣлись маленькіе крѣпостные огоньки. Вдругъ казакъ остановился на мигъ и бросился бѣжать въ сторону вправо подъ гору. Мѣстность, по которой мы шли, имѣла характеръ трехъ терассъ, которыя оканчивались водянымъ рвомъ и дальше болотомъ. Мы послѣдовали за Носоновымъ, перебѣжали черезъ двѣ дороги и залегли въ водяной ровъ. Вдали виднѣлись три огонька, быстро приближавшіеся къ намъ. Мы притаились.

— Но гдѣ же М. М!?—подумалъ я, не видя его въ канавѣ.— Оказалось, что онъ рѣшилъ одѣть штиблеты и отсталъ немного отъ насъ. Въ это самое время показались японцы, и мы бросились подъ гору. Одѣвъ штиблеты, Шикунинъ потерялъ насъ изъ виду и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ движущіеся на него огоньки. По близорукости онъ рѣшилъ, что японцы идутъ по верхней дорогѣ, сбѣжалъ на вторую и залегъ рядомъ съ ней въ травѣ. Каково же было его самочувствіе, когда огоньки черезъ нѣсколько минутъ оказались шагахъ въ двадцати отъ него и шли прямо по направленію къ нему. Бѣжать къ канавѣ было поздно, такъ какъ тѣмъ самымъ можно было только обнаружить наше тамъ присутствіе, а поэтому Шикунинъ рѣшилъ пожертвовать собой и накрылся съ головой своимъ кимоно. Огоньки приближались все ближе и ближе, голоса звучали все громче и громче. То были три японскихъ солдата—обходъ, слѣдившій за военноплѣнными съ этой стороны пруда. Шикунинъ замеръ на мѣстѣ, когда огоньки находились отъ него въ разстояніи трехъ шаговъ и вдругъ... они прошли мимо, также дружно бесѣдуя, какъ прежде. Огоньки становились все меньше и меньше, а голоса стихали и, наконецъ, опасность миновала. Шикунинъ всталъ и началъ насъ разыскивать. Осторожно переступая шагъ за шагомъ, двигался онъ вдоль кустовъ къ болоту. Мы же замѣтивъ, что кто-то крадется, спустились въ воду по грудь и внимательно слѣдили за темной фигурой, пробивавшейся сквозь кусты. Съ одной стороны мы предполагали, что это Шикунинъ, съ другой же боялись, что это японскіе солдаты, поймавъ одного, искали остальныхъ, но острое зрѣніе казака насъ вывело изъ затрудненія.

— Онъ,—проворчалъ Носоновъ.

Шикунинъ съ виноватымъ выраженіемъ подошелъ къ товарищамъ и разсказалъ обо всемъ случившемся. Мы сдѣлали ему соотвѣтствующее внушеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ были рады, что все такъ хорошо кончилось.

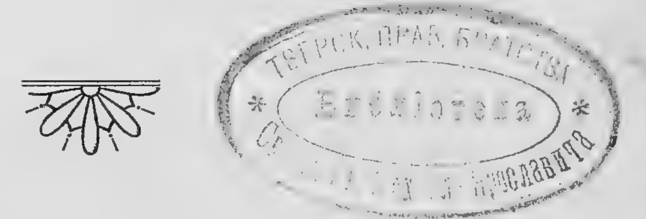
Дальше дорога шла къ какимъ-то казармамъ, между которыми намъ нужно было пройти. Носоновъ просилъ не растягиваться и тѣснѣе идти. Народъ здѣсь не спалъ, и въ домахъ слышался раз-

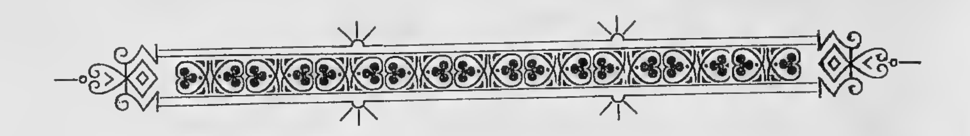
говоръ. Становилось даже немного жутко, такъ какъ мы шли ужъ слишкомъ откровенно. Вдругъ за нами послышались громкіе голоса. Казакъ побѣжалъ впередъ, а мы всей вереницей за нимъ. Я оглянулся назадъ и увидѣлъ въ концѣ улицы нѣсколько фонарей, и тотчасъ затѣмъ раздался конскій топотъ. Изо всѣхъ ногъ понеслись мы по дорогѣ, шедшей къ рисовому полю. За нами ѣхали японцы. Носоновъ свернулъ влѣво и, пробѣжавъ шаговъ сто, легъ на землю, а японцы продолжали ѣхать по большой дорогѣ и такимъ образомъ обогнали насъ, по всей вѣроятности, даже не обративъ на насъ вниманія.

Прошли мы сравнительно мало, а устали порядочно, вымокли до костей, и по тѣлу пробѣгала какая-то непріятная лихорадочная дрожь. Но при всемъ этомъ было пріятно сознавать, что находимся на свободѣ вдали отъ этихъ ненавистныхъ японскихъ офицеровъ и отъ тяжелаго плѣннаго режима, во сто разъ болѣе тяжелаго, чѣмъ наше теперешнее положеніе. Мы сѣли отдохнуть и свалили на землю свои мокрыя котомки.

А. Толстопятовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Спиритическіе сеансы въ осажденномъ Севастополѣ.

Въ спиритическихъ сеансахъ я признаю по большей части шарлатанство, иногда, быть можетъ, наши мускулы невольно подчинены желаемому рѣшенію задуманной нашей мысли; а потому и получаются желаемые отвѣты, однако нельзя не признать въ спиритизмѣ особенной, невѣдомой силы. Лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить мои спиритическіе сеансы въ Севастополѣ. Во время осады этого города, я нѣкоторое время исправлялъ должность бригаднаго адъютанта, а потому имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько болѣе свободнаго времени, чѣмъ въ строю, и встрѣтивъ въ Алексапольскомъ полку товарища по гимназіи барона Эльснера, занялся съ нимъ спиритизмомъ. Оба мы были въ Севастополѣ первый разъ въ нашей жизни, и о Южной, главной части города не имѣли ни малѣйшаго понятія. Полки наши находились на Корабельной части города, которая была отрѣзана отъ Южной небольшой бухтой у 4-го бастіона. Мостикъ черезъ бухту эту можно было назвать, на подобіе венеціанскаго, pont des soupirs, ибо рѣдко кому удавалось цѣлымъ и невредимымъ перейти его, такъ какъ французы были не далѣе отъ него, какъ въ 400 метрахъ, и мѣтко обстрѣливали мостикъ. Но возвращаюсь къ спиритизму. Орудіемъ для нашихъ спиритическихъ сеансовъ служила тарелка съ четырьмя сургучными пятнышками, расположенными крестообразно; тарелка помѣщалась на листѣ бумаги съ алфавитомъ, прописаннымъ по окружности; тарелка двигалась, приближалась пятнышками то къ той, то къ другой буквѣ, останавливаясь каждый разъ, — и такимъ образомъ составлялись слова. Мы наслышались, что въ то время въ Севастополѣ было много непріятельскихъ шпіоновъ, и такъ какъ этотъ

вопросъ насъ сильно интересовалъ, а потому впервые спросили: правда ли, что въ Севастополѣ много шпіоновъ, и кто стоитъ во главѣ ихъ? Послѣ нѣсколькихъ сеансовъ, которые иногда доставляли и неопредѣленные отвѣты, получилось въ общемъ свѣдѣніе, что дѣйствительно въ городѣ шпіоновъ много, и во главѣ ихъ стоитъ французъ Жибіе (Gibier), живущій въ домѣ Дехтерева. На вопросъ, гдѣ находится домъ Дехтерева? получился отвѣтъ: на Большой Морской. Отправились мы съ Эльснеромъ на Южную сторону. Было 5 часовъ утра. Очутились мы на широкой улицѣ; первый встрѣченный человѣкъ,—это была баба, гнавшая пару коровъ.

— Матушка! гдѣ тутъ Большая Морская улица?

— Эта самая и есть.

— А не знаете ли домъ Дехтерева?

— У самаго 4-го бастіона.

Намъ, не бывшимъ никогда въ Севастополѣ, это показалось крайнѣ удивительнымъ. У 4-го бастіона мы нашли домъ Дехтерева, но изрѣшетенный непріятельскими снарядами, безъ крыши почти; въ немъ десятокъ солдатъ. Само собой здѣсь шпіонъ не могъ жить. Дальнѣйшіе наши сеансы обнаружили, что самъ-то Дехтеревъ не живетъ въ своемъ домѣ, а въ домѣ полковника Баредаки на Екатерининской улицѣ. Каково было наше удивленіе, когда дѣйствительно нашлась и эта улица и тотъ домъ, на фронтонѣ коего была вывѣшена вывѣска съ нарисованной офицерской фуражкой, и съ надписью на голубомъ фонѣ золотыми буквами: „Заведеніе Дехтерева". Входимъ въ заведеніе. Насъ встрѣчаетъ миловидный молодой человѣкъ, лѣтъ около 30-ти, съ маленькой бородкой, и предлагаетъ свои услуги. Мы заказали фуражки, чтобы имѣть предлогъ ходить туда и слѣдить за предполагаемымъ шпіономъ. Въ слѣдующихъ сеансахъ мы задались вопросомъ: не самъ ли М. Gibier насъ встрѣчалъ? И получили отвѣтъ утвердительный. На вопросъ, почему онъ такъ хорошо говоритъ по-русски? получился отвѣтъ: что онъ обучался 8 лѣтъ въ Петербургѣ въ шляпочномъ заведеніи. О результатѣ нашихъ сеансовъ мы передали начальнику 11-й пѣхотной дивизіи, генералу Павлову, который доложилъ о сказанномъ начальнику гарнизона графу Остенъ-Сакену, но Дм. Ерофеевичъ посмѣялся надъ Павловымъ, сказавъ: „какъ можно такимъ ребячествамъ вѣрить?" Въ назначенный мастеромъ день, мы отправились на Южную сторону за фуражками, и, не доходя еще до Екатерининской улицы, встрѣтили нашего молодца подъ конвоемъ 15 солдатъ, ведущихъ его.

— Кого вы ведете, ребята?

— Шпіона, ваше благородіе.

— Гдѣ его поймали?

— На 6-мъ бастіонѣ ваше благородіе.

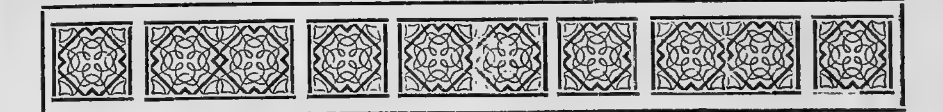
— Куда же ведете его?

— Не могимъ знать.

Что сталось съ нашимъ Gibier, мы не узнали, убѣдились лишь въ томъ, что труды наши были не безрезультатны.

Сообщилъ К. Добровольскій.

Путивль.

(Изъ памятной книжки земскаго статистика).

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
(Пушкинъ. „Русланъ и Людмила").
Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ—я. Довольно...
(Пушкинъ. Изъ драмы „Борисъ Годуновъ").

Путивль основанъ въ XI ст. Въ русскихъ лѣтописяхъ въ первый разъ имя этого города упоминается въ 1146 году; говорится, что это городъ „крѣпкій, многолюдный и съ княжимъ дворцомъ". Съ 1523 года, по отобраніи Путивля великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Іоанновичемъ отъ удѣльнаго князя рыльскаго Василія Шемяки, онъ пріобрѣтаетъ значеніе первоклассной крѣпости, обороняющей русское государство отъ Литвы и Крыма. Слѣды крѣпостныхъ укрѣпленій,—напр. „городокъ", со стѣнъ котораго плакала Ярославна, жена князя Игоря, призывая стихіи защитить ея мужа отъ половцевъ,—сохранились и до сихъ поръ. Теперь „городокъ" превращенъ въ скверъ, и съ него открывается прелестный видъ на окрестности города верстъ на 30—40 кругомъ. Кромѣ „городка", въ Молченскомъ монастырѣ, прилегающемъ къ городу, хорошо сохранились ворота, выходящія изъ подземныхъ крѣпостныхъ галлерей.

Какъ въ средневѣковья умственная жизнь западныхъ народовъ концентрировалась въ монастыряхъ, такъ и здѣсь—за данный періодъ—она нашла отраженіе въ просвѣтительной дѣятельности Молченскаго монастыря, нѣкогда занимавшаго выдающееся политическое положеніе въ жизни „земли путивльской". Въ обширномъ монастыр-

скомъ архивѣ можно найти все, что относится къ политическому и экономическому укладамъ тогдашней жизни этой „земли“: богатую переписку игуменовъ съ удѣльными князьями и великими государями московскими, рыночныя цѣны на продукты, цѣны на „вольный“ трудъ „черкасскихъ людей“, работавшихъ „за великихъ искусниковъ“, въ монастырскомъ подворьѣ или въ боярскихъ хоромахъ, урожайность, замѣчательныя явленія природы (кометы, появленіе необычайно-большихъ стай волковъ, наводненія и пр.). Въ большинствѣ документовъ отразилось интересное міросозерцаніе тогдашнихъ „интеллигентныхъ“ людей относительно природы и соціальныхъ идеаловъ. Разумѣется, все это такъ пропитано богословской схоластикою и мистикою, что, иногда, не спеціалисту даже трудно и добраться до настоящаго смысла этихъ писаній. Тѣмъ не менѣе, встрѣчаются интересныя мѣста. Напр., мнѣ пришлось, съ большимъ изумленіемъ, прочесть восторженный панегирикъ человѣку, написанный въ 1201 году. „Человѣкъ“,—говорится въ желтомъ, выцвѣтшемъ отъ времени, пергаментѣ рукописи неизвѣстнаго автора:—„аки пресвѣтлое твореніе Божіе, и ликомъ подобенъ Богу и во вся дѣлахъ (своихъ) яко пресвѣтлая крилія молоньи небесной свѣтитъ“... И это написано 700 лѣтъ назадъ! А человѣкъ у насъ и до сихъ поръ—„дешевле щепки“. Онъ—„пушечное мясо“ для милитаризма, „продуктъ“—для эксплоатаціи его потовыжимательнымъ прессомъ капитала,—все, что угодно, но только всего менѣе человѣкъ—„подобье божіе“, существо, мысль котораго, душа, по убѣжденію неизвѣстнаго автора, проникнуты огнемъ „молоньи небесной“...

Особенно хорошо здѣсь уніатское евангеліе виленской печати 1616 года, написанное іезуитами на полу-польскомъ, на полу-малорусскомъ нарѣчіи, и посвященное „Вельможному пану, Его Милости пану Богдану князю Огинскому съ Козельска, Подкоморію Троцкому, Державцу Дорушинскому и Кормяловскому и пр., Пану нашему Милостивому“. Читается евангеліе легко. Ни со стороны изложенія, ни со стороны стиля я не встрѣчалъ ничего подобнаго этой чудной книгѣ даже въ современной популярной литературѣ. Языкъ ея—чистый, настоящій народный языкъ и потому—понятный каждому простолюдину. Но великія истины—именно отъ того, что онѣ сказаны просто—пріобрѣтаютъ прелесть новизны и не для однихъ только простолюдиновъ, но и для тѣхъ, кто, стоя на „верхахъ“ жизни, хочетъ проникнуться интересами всѣхъ угнетенныхъ, страдающихъ, трудящихся... Видно, что редакторы евангелія преслѣдовали не фиктивныя, „консисторскія“, а реальныя, живыя цѣли... Послѣ этого становится понятнымъ массовой переходъ южно-русскаго крестьянства въ „унію“. Можно сказать, что, если бъ польская шляхта не

смотрѣла на крестьянина—какъ на „быдло", не уничтожала бы его человѣческаго достоинства, не отнимала бы у него свободу,—торжество уніи было бы обезпечено католическому міру далеко за предѣлами Украйны.

Такова сила популярнаго печатнаго слова.

Но, кромѣ пыльныхъ фоліантовъ библіотеки и архива подъ монастырскими сводами, на древнихъ переходахъ, въ старинныхъ башняхъ витаютъ великія историческія тѣни...

Здѣсь жилъ Лжедимитрій.

Потерпѣвъ неудачу въ приступѣ Новгорода Сѣверскаго, защищаемаго Петромъ Ѳедоровичемъ Басмановымъ, онъ 19 ноября 1604 г. въ первый разъ принялъ посланцевъ изъ Путивля, которые объявили, что путивляне „повязали воеводъ и отдаютъ ему Путивль со всѣмъ уѣздомъ" [1]).

Но Димитрій двинулся на Путивль уже послѣ пораженія его при Добрыничахъ, въ 1605 году.

Тамъ у него устроился самъ собою дворъ: маленькій Путивль сдѣлался на нѣкоторое время оживленною и многолюдною столицею. Съ разныхъ сторонъ Руси туда безпрестанно прибывали охотники служить Димитрію. Многолюдство привлекло туда и торговцевъ; образовалось тамъ подобіе ярмарки. Вмѣстѣ съ этимъ Путивль сохранялъ воинственный образъ: каждый день опасались то нападеній, то измѣны. На стѣнахъ были заряженныя пушки: и день и ночь пушкари, чередуясь, стояли наготовѣ съ фитилями; по валу, по всему посаду и по околицѣ ходили и ѣздили отряды для надзора. Дмитрій дѣятельно работалъ надъ ратнымъ дѣломъ, прибѣгалъ и къ благочестію. Онъ приказалъ привезти изъ Курска Чудотворную икону Божіей Матери, которая славилась знаменіями и исцѣленіями. Духовенство обнесло ее по городской стѣнѣ въ торжественной процессіи; множество народа слѣдовало за ней. Каждый день послѣ того, утромъ, Димитрія видѣли въ церкви: онъ усердно молился предъ иконой и говорилъ, что отдаетъ себя и свое дѣло защитѣ и покрову Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ" [2]).

„Путивляне знали Димитрія и любили его, когда онъ проживалъ у нихъ въ городѣ" [3]).

Іеромонахъ о. Амфилохій, мой чичероне по монастырю, разсказывалъ, что въ архивѣ имѣлось немало документовъ, которые вовсе неизвѣстны нашимъ историкамъ, и между ними—дневникъ, писан-

[1]) Н. И. Костомаровъ. Историческія монографіи и изслѣд. Книга 2-я, т. IV. Смутное время Московск. государст. въ началѣ XVII ст., стр. 90.

[2]) Ibid., стр. 118.

[3]) Ibid., стр. 267.

ный рукою самого Димитрія, и журналъ іезуита, дававшаго ему уроки французскаго языка, исторіи, богословія и философіи. Гдѣ эти документы—если правда, что они были,—и цѣлы ли они?

Разсказываютъ также, что имѣлось черновое письмо Димитрія къ паннѣ Маріи Мнишекъ, въ которомъ онъ отказывался, ради любимой женщины, отъ вѣры отцовъ. Въ этомъ письмѣ личность Димитрія обрисовывается въ образѣ благороднаго и великодушнаго рыцаря, какимъ впослѣдствіи онъ и былъ на московскомъ престолѣ— и по отношенію къ народу, и по отношенію къ вѣроломнымъ московскимъ боярамъ,—въ частности, къ такой „старой лисѣ", какъ князь Василій Шуйскій. Димитрій любилъ все возвышенное и прекрасное, и былъ человѣкъ—въ эпоху поголовнаго дьяковскаго и боярскаго казнокрадства и обмана. Въ такое время онъ заявилъ, что въ его царствованіе не будетъ казней и—простилъ Шуйскаго. Какой контрастъ съ Борисомъ! съ тѣмъ Борисомъ, о которомъ историкъ разсказываетъ, что онъ „велѣлъ привезть мать Димитрія въ Новодѣвичій монастырь; оттуда привезли ее во дворецъ ночью тайно и ввели въ спальню Бориса. Царь былъ тамъ съ своей женою.— „Говори правду, живъ ли твой сынъ или нѣтъ?" грозно спросилъ Борисъ.—„Я не знаю", отвѣчала старица. Тогда царица Марія пришла въ такую ярость, что схватила зажженую свѣчу, крикнула: „ахъ ты б . . . .! смѣешь говорить: не знаю—коли вѣрно знаешь!" и швырнула ей свѣчею въ глаза. Царь Борисъ охранилъ Мароу, а иначе царица выжгла бы ей глаза. Тогда старица Мароа сказала: „мнѣ говорили, что моего сына тайно увезли изъ Русской земли безъ моего вѣдома, а тѣ, что такъ мнѣ говорили, уже умерли. Разсерженный царь приказалъ отвести старицу въ заключеніе и держать съ большой строгостью и лишеніями" [1]).

Происхожденіе Димитрія, какъ исторической личности, то, что составляетъ вокругъ него, такъ сказать, историческую фабулу, „интригу" — все это, можетъ быть, окутано для насъ завѣсою таинственности и можетъ толковаться и такъ и иначе; но благородство его характера, но широта его политическихъ замысловъ, — послѣ того, какъ онъ короновался на престолѣ московскихъ государей,— развѣ этого не достаточно, чтобы признать въ немъ человѣка, гуманиста своего времени?

Въ числѣ преданій, характерныхъ для Димитрія, но незаписанныхъ его историками, слѣдуетъ отмѣтить преданіе о „Галѣ Крулевнѣ", записанное мною со словъ одного путивльскаго старожила, любителя старины.

---

[1]) Ibid., стр. 101.

Однажды поѣхалъ Димитрій по Путивлю, ночью, — караульные посты осматривать. Осмотрѣлъ часовыхъ, выѣхалъ за крѣпостной валъ и поѣхалъ дальше. Много ли, мало ли онъ отъѣхалъ, — слышитъ: гуторятъ. Одинъ голосъ дѣвичій,—другой—парубка.

— Галю, говоритъ парубокъ, — серденько мое! Прыйшовъ до тебе изъ Кыива... а ты и не жартуешь... якъ прежде...

— Чего жъ мене жартувати! спрашиваетъ дивчина.—Чи купивъ ты мини черевики?

— Ни! Грошей не ма...

— Отто дурень! Якъ бы ты, Олесю, купивъ мене черевики, — ябъ тоби поциловала бы...

— Якіе жъ черевики?

— Якъ у крулевны...

— Гэ!

Димитрій слѣзъ съ коня и подошелъ къ нимъ. Они видѣли его раньше, въ городѣ, узнали и испугались.

— Не бойтесь, сказалъ онъ. — Я царскій бояринъ. Нельзя ли напоить коня?

Конь былъ въ мигъ напоенъ.

— А почему такая красивая паночка босой ходитъ?—спросилъ Димитрій, улыбаясь.

— Черевиківъ нема! звонко засмѣялась Галя. — Просила того дурня,—указала она на смущеннаго Олеся,—а винъ не купивъ.

Димитрій улыбнулся.

— Хочешь быть королевной?—И черевики будутъ.

— Ни! нахмурилась Галя, — черевики хочу, а крулевной не хочу...

Димитрій вскочилъ на коня и, прощаясь, подалъ ей кошелекъ, туго набитый червонцами:

— Такъ купи же себѣ королевскіе черевики!—ласково сказалъ онъ.

Съ тѣхъ поръ Галю прозвали „Крулевной“ и отъ нея, впослѣдствіи, весь родъ сталъ носить фамилію Королевыхъ, существующую и до сихъ поръ въ одномъ изъ селъ Путивльскаго уѣзда.

Но — вернемся къ жизни Димитрія въ Молченскомъ монастырѣ.

Димитрій жилъ въ башнѣ теперешняго двухъ-этажнаго храма Рождества Богородицы. Ранѣе эта башня была одной изъ боевыхъ башенъ военнаго укрѣпленія, и храмъ былъ пристроенъ къ ней въ 1630 году. Башня представляетъ обширную комнату, надъ алтаремъ, подъ самымъ куполомъ храма. Чтобы попасть въ нее,—надо пройти черезъ узкую нишу въ стѣнѣ (ниша эта легко маскируется иконостасомъ, иконою), и затѣмъ подняться по узкой лѣстницѣ вверхъ.

Комната свѣтлая, изъ оконъ открывается видъ на живописныя окрестности: на Сеймъ, на гладкіе, какъ столъ, луга, гдѣ въ старину были казацкіе „майданы“, на монастырскій вѣковой лѣсъ, на слободы и — въ перспективѣ — на желѣзно-дорожную станцію, которая, въ хорошую погоду, видна, какъ на ладони. Изъ этихъ оконъ Димитрій обозрѣвалъ свои рати, со всѣхъ сторонъ подходившія къ нему на помощь. Въ восточномъ углу комнаты, на престолѣ,—статуя Христа въ терновомъ вѣнкѣ на челѣ, по которому струятся капли крови, — грубо вырѣзанное изъ дерева католическое изображеніе, облицованное гипсомъ; но гипсъ осыпался, контуры изображенія какъ-то обвострились, стали угловатыми, и это придаетъ всей фигурѣ Божественнаго Учителя еще болѣе аскетическій видъ, — страдальческій, скорбный. Около статуи Христа—блюдечко, на немъ— нѣсколько мѣдныхъ монетъ: лепта богомольцевъ. Димитрій молился предъ изваяніемъ Христа. Какія думы, какія мысли, какія молитвы шептали уста этого необыкновеннаго человѣка?

Я былъ въ монастырѣ въ началѣ августа, когда воздухъ пылалъ зноемъ, а въ монастырскихъ цвѣтникахъ цвѣли золотистые хризантемы, розовыя петуніи, ярко-красные, какъ кумачъ, жирные піоны... Но на церковныхъ переходахъ, среди толстыхъ каменнныхъ стѣнъ, было прохладно, какъ въ погребѣ... Стояла настоящая монастырская тишина... Казалось, все, что слышишь отъ о. Амфилохія, было недавно, случилось только вчера, и, что величавыя историческія тѣни, — негодующія, грозныя, печальныя, — какими мы видимъ ихъ на исторической аренѣ прошлаго,—присутствуютъ гдѣ-то тутъ, недалеко, и съ изумленіемъ слушаютъ ваши — странныя для нихъ — замѣчанія, съ недоумѣніемъ смотрятъ на „чужихъ“ людей...

Отъ обозрѣнія статуи Христа мы переходимъ къ осмотру орѣховаго кресла, на которомъ любилъ сидѣть Димитрій, принимая пословъ, бояръ, земскихъ служилыхъ людей, воеводъ... Это кресло, въ готическомъ стилѣ, украшенное позолоченными орнаментами, сильно пострадавшими отъ времени, привлекаетъ всеобщее вниманіе туристовъ.

И одна мысль: кто онъ былъ? преслѣдуетъ здѣсь каждаго неотступно. Невозможно легко отвязаться отъ мучительныхъ сомнѣній...

Припоминается все, что разсказываютъ на этотъ счетъ историки.

Бояринъ Бѣльскій, говорятъ, узналъ, что хотятъ убить царевича Димитрія, жившаго съ матерью въ Угличѣ. Объ этомъ хорошо былъ освѣдомленъ англичанинъ Смитъ, жившій тогда въ Россіи.

„Бѣльскій, разсказываетъ Смитъ, — вошелъ въ сношеніе съ матерью царевича; мальчика подмѣнили, на его мѣсто подставили сына какого-то священника, который былъ однихъ лѣтъ съ Димитріемъ

и похожъ на него. Этотъ поповскій сынъ воспитывался подъ именемъ царевича Димитрія, и однажды, когда онъ игралъ съ дѣтьми, ему и перерѣзали горло, будто случайно, желая разрѣзать шейное ожерелье. Тѣло его лежало въ продолженіе трехъ дней всенародно; всѣ думали, что это Димитрій, а, между тѣмъ, настоящій Димитрій проживалъ въ неизвѣстности" [1]).

Впослѣдствіи Богданъ Бѣльскій подвердилъ это всенародно. То же подтверждаетъ и англійскій историкъ Маржеретъ.

„Я знаю навѣрное, — говоритъ Маржеретъ, — что тогда бѣжало въ монашескомъ видѣ двое, одинъ Гришка Отрепьевъ, другой безъименный. Борисъ разослалъ гонцовъ ловить ихъ и стеречь всѣ дороги. На границѣ учредили заставы, и три или четыре мѣсяца трудно было ѣздить изъ города въ городъ. Когда называвшій себя Димитріемъ прибылъ въ Московское государство, то привелъ съ собой Григорія Отрепьева. Ему было отъ роду за 35 лѣтъ, тогда какъ самозванцу было не болѣе 23 или 24-хъ. Вскорѣ самозванецъ сослалъ Григорія Отрепьева въ Ярославль за пьянство и безпутное поведеніе. Одинъ изъ жившихъ въ Ярославлѣ въ домѣ Англійской компаніи разсказывалъ Маржерету, что когда самозванца убили, то Григорій Отрепьевъ сталъ увѣрять всѣхъ, что убитый вовсе не Гришка, и указывалъ въ доказательство на свою личность. Василій Шуйскій приказалъ его отыскать и неизвѣстно—что нимъ сдѣлалъ" [2]).

„Если онъ не Димитрій, то все-таки—кто же онъ?—спрашивалъ бы народъ. А коль скоро онъ—неизвѣстно кто, то почему же онъ не Димитрій? И почему правительство можетъ знать, что онъ не Димитрій, когда сознается, что не знаетъ: кто онъ? Для вліянія на народъ рѣшились предать проклятію вора. Но кого проклинать? Нужно было имя" [3]).

Въ 1605 году патріархъ Іовъ издалъ грамоту о проклятіи „разстриги Гришки Отрепьева" и объ отлученіи его отъ церкви.

Впослѣдствіи, этой грамотою и широко пущеннымъ Борисомъ слухомъ, что „бродяга, называвшій себя Димитріемъ, есть Гришка Отрепьевъ", пользовались, какъ средствомъ для интриги, враги Димитрія во время его царствованія.

„Чуть только кто былъ недоволенъ царемъ, то имѣлъ способъ выразить свое неудовольствіе, назвавши его Гришкою-разстригою. Это было естественно послѣ того, какъ уже во всей Московщинѣ его проклинали подъ именемъ Гришки Отрепьева" [4]).

---

[1]) Н. Костомаровъ. Кто былъ первый Лжедимитрій, стр. 37.

[2]) Ibid., стр. 31.

[3]) Ibid., стр. 11.

[4]) Ibid., стр. 27.

Здѣсь много страннаго... Надобно помнить, что „судъ надъ Шуйскимъ былъ совершенъ боярами и выборными изъ всѣхъ сословій, слѣдовательно, Лжедимитрій сильно рисковалъ тогда, передавая собственное дѣло на обсужденіе націи“. Надобно помнить, что „въ минуты его убійства, заговорщики, взявши его съ фундамента Борисова дома, внесли во дворецъ и стали допрашивать; „говори, кто ты таковъ? кто твой отецъ?“ Не показываетъ ли этотъ вопросъ, что заговорщики не знали совершенно, что онъ Гришка Отрепьевъ; иначе, зачѣмъ спрашивать его. Тогда они бы прямо обличили его, что онъ Гришка“ [1]).

Грамота Шуйскаго о низложеніи царя ничего не говоритъ о доказательствахъ, что Димитрій былъ Гришка Отрепьевъ. Много въ ней говорится объ измѣнѣ православной вѣрѣ, русскимъ обычаямъ и пр.; но доказательствъ самозванства нѣтъ.

„Самый способъ его низложенія и смерти — говоритъ Костомаровъ — какъ нельзя яснѣе показываетъ, что нельзя было уличить его не только въ томъ, что онъ Гришка, но даже и вообще въ самозванствѣ. Зачѣмъ было убивать его? Почему не поступили съ нимъ именно, какъ онъ просилъ: почему не вынесли его на площадь, не призвали ту, которую онъ называлъ матерью? Почему не изложили предъ народомъ своихъ противъ него обвиненій? Почему, наконецъ, не призвали матери, братьевъ и дядю Отрепьева, не дали имъ съ царемъ очной ставки и не уличили его? Почему не призвали архимандрита Пафнутія, не собрали чудовскихъ чернецовъ и вообще всѣхъ знавшихъ Гришку, и не уличили его? Вотъ сколько средствъ, чрезвычайно сильныхъ, было въ рукахъ его убійцъ, и они не воспользовались ни однимъ изъ нихъ. Нѣтъ, они отвлекали народъ, науськали его на поляковъ, сами убили царя скопомъ, а потомъ объявили, что онъ Гришка Отрепьевъ, и все темное, непонятное въ этомъ вопросѣ объяснили чернокнижествомъ и дьявольскимъ прельщеніемъ“ [2]).

Вотъ почти и всѣ историческія „справки“ о „Лжедимитріи“ и, Богъ знаетъ, какая страшная драма скрывается за ними!

Кромѣ димитріевыхъ реликвій, въ монастырѣ много рѣдкихъ иконъ. Замѣчателенъ образъ Жировицкой Божіей Матери. Подъ иконою, написанной въ 1590 году, сдѣлана надпись по-польски: „Pocies znieis zanadcher ubi nychwalenieis zanadseraphinj rezskazjj slowo Boga rodzaca“; ниже еще польская надпись, которая означаетъ:

---

[1]) Ibid., стр. 17—18.

[2]) Ibid., стр. 19.

„Чудотворный образъ Божіей Матери въ Жировицахъ въ области Литовской“. По преданію эта икона была подарена Димитрію его тестемъ воеводою Мнишекъ.

На стѣнахъ церковныхъ переходовъ сохранилась еще старая живопись XIII—XIV. Чудеснымъ образомъ пощадила ее рука захолустныхъ „реставраторовъ“. Напримѣръ, хорошо сохранилась картина „Страшнаго Суда“; это—что-то неподражаемое, наивное и вмѣстѣ — величественное. Хороша также икона, изображающая „Евагрія-священника, не простившаго брата своего, діакона“. Это уже изъ области монастырской, „пещерной“, жизни. Но—какія это аскетическія фигуры! сколько въ нихъ печали и... смерти, похоронившей въ себѣ все, до самаго минорнаго аккорда жизни...

Въ нѣкоторыхъ придѣлахъ монастырскихъ храмовъ старинная живопись иконъ и фрески на стѣнахъ „реставрированы“. Объ этомъ даже тяжело говорить... Все, что было драгоцѣннаго въ старой аскетической живописи, — эти темныя иконы, полныя тайны, эти глубокіе символы,—все стерто и замѣнено ярко-свѣтлой, кричащей живописью „новаго стиля“... Здѣсь бы нуженъ былъ Васнецовъ, а, между тѣмъ, „реставрація“ была поручена обыкновеннымъ церковнымъ живописцамъ, „подрядчикамъ“...

Не касаясь массы другихъ историческихъ достопримѣчательностей Молченскаго монастыря, скажемъ нѣсколько словъ о „часахъ царевны Софьи“.

Когда вы вступите за монастырскую ограду, все время вы слышите мелодичный. „серебряный“ бой башенныхъ часовъ. Сначала это пріятная мелодія; но скоро вы замѣчаете, что она повторяется черезъ-чуръ часто: часы отбиваютъ каждую минуту; съ непривычки эта музыка начинаетъ надоѣдать, и, наконецъ, вы обращаетесь къ монаху съ недоумѣвающимъ вопросомъ:

— Что это такое?

— А что? усмѣхнется монахъ.—Часто бьютъ? Да, всѣ это спрашиваютъ...

А потомъ онъ, по обыкновенію, разскажетъ и исторію часовъ.

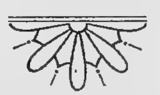
До 1770 года въ Путивлѣ былъ Свято-Духовъ монастырь (потомъ его переименовали въ нынѣшній Преображенскій соборъ). Вотъ въ этомъ-то монастырѣ и была заключена Петромъ —въ нижнемъ этажѣ колокольни—царевна Софья Алексѣевна. Разгнѣванный, но всегда и во всемъ изобрѣтательный Петръ, отправляя сестру въ заточенье, сказалъ ей на прощанье, что онъ пришлетъ ей „подарокъ на память о немъ“. Софья, конечно, хорошо знала своего брата и не ждала отъ него ничего добраго. Между тѣмъ, Петръ выписалъ изъ Амстердама часы, отбивавшіе каждую минуту, при-

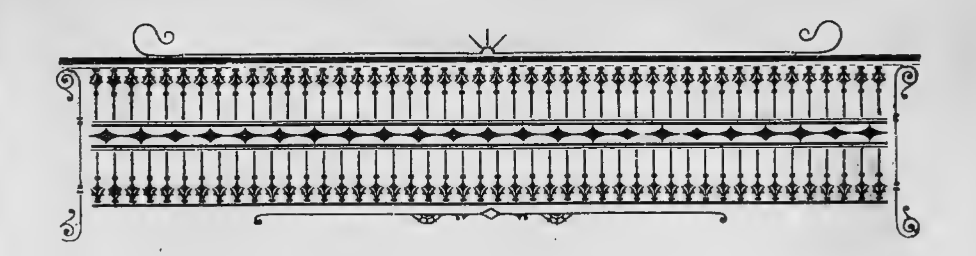
казалъ отправить ихъ въ Путивль и поставить надъ окномъ несчастной узницы—чтобы она каждую минуту помнила о Петрѣ. И царь достигъ цѣли: царевна не находила покоя отъ братова подарка ни днемъ, ни ночью и, просыпаясь, съ ужасомъ вскакивала съ кровати и вслушивалась въ эти неумолимые „динь-динь-динь!“

Петръ перевелъ царевну въ Новодѣвичій монастырь, а часы приказалъ передать въ даръ Молченскому монастырю.

А. Дунинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Матереубійцы.

(ПРОЦЕССЪ ЖУКОВЫХЪ).

(Эпизодъ изъ судебной хроники XVIII столѣтія).

Дѣло Алексѣя и Варвары Жуковыхъ отчасти уже извѣстно въ русской исторической литературѣ по талантливому очерку К. П. Побѣдоносцева, помѣщенному въ изданномъ имъ сборникѣ подъ заглавіемъ: „Историческія изслѣдованія и статьи“ [1]). Очеркъ этотъ, подробно освѣщающій *первую часть* замѣчательнаго процесса, въ виду отсутствія въ рукахъ автора большей части матеріала, къ сожалѣнію, не даетъ общей картины этого крайне интереснаго съ бытовой стороны дѣла. Произведенныя нами архивныя изысканія позволяютъ прослѣдить подробно весь ходъ процесса и дальнѣйшую судьбу всѣхъ участниковъ этой драмы и нѣсколько пополнить недостатокъ фактическихъ свѣдѣній въ статьѣ покойнаго писателя.

---

[1]) Спб. 1876 г.

I.

Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, пензенскимъ воеводою былъ назначенъ одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей московскаго дворянства того времени, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Жуковъ. Обладающій средствами, жившій до назначенія на воеводскую должность въ Москвѣ, въ своемъ обширномъ домѣ-помѣстьѣ на Никитской, какъ неограниченный властитель, привыкшій пользоваться полной безнаказанностью во всѣхъ своихъ поступкахъ, — это былъ человѣкъ суроваго и властнаго характера, не терпящій противорѣчій нигдѣ и ни въ чемъ. Въ то время, когда происходило описываемое событіе, у Жукова было четверо дѣтей: двое сыновей—Алексѣй и Петръ, и двѣ дочери. Два брата, по своему характеру и наклонностямъ, представляли полнѣйшую противоположность: Петръ, не по годамъ разсудительный и спокойный, умѣвшій приноравливаться къ капризамъ отца, пользовался большей благосклонностью послѣдняго, чѣмъ пылкій и возмущавшійся всякой несправедливостью и насиліемъ—Алексѣй. Съ матерью у Алексѣя отношенія также были натянутыя, и жизнь его въ отцовскомъ домѣ была не сладка. Достиженіе 20-ти лѣтняго возраста дало ему относительную свободу: по желанію отца онъ былъ опредѣленъ въ военную службу, въ Преображенскій полкъ. Полковая жизнь сразу втянула его въ свой круговоротъ, и съ безпечностью молодости онъ бросился въ блестящій омутъ Петербургской гвардейской жизни. Но на кутежи и попойки требовались деньги, а присылки изъ дому были очень рѣдки. Напрасно Жуковъ писалъ письма къ отцу и матери съ просьбою о присылкѣ денегъ—денегъ не высылали. Пришлось дѣлать долги. Онъ бралъ направо и налѣво, бралъ, гдѣ только можно было взять. Скоро ему пришлось спасаться отъ преслѣдованія кредиторовъ. Получивъ долгосрочный отпускъ, онъ уѣхалъ въ Москву и поселился въ пустовавшемъ отцовскомъ домѣ. Потянулась невеселая жизнь. Отсутствіе денегъ и невозможность вращаться въ обществѣ, къ которому онъ такъ привыкъ во время службы въ полку, назойливыя приставанія объ уплатѣ долговъ, все это въ достаточной степени отправляло жизнь молодому гвардейцу. Зная, что у родителей есть деньги, и видя ихъ упорное нежеланіе помогать ему, онъ сталъ смотрѣть на отца и мать, какъ на своихъ злѣйшихъ враговъ. Пользуясь ихъ отсутствіемъ, онъ однажды вывезъ изъ отцовскаго дома всю движимость, распродалъ ее и вырученныя деньги промоталъ [1]). Разумѣется,

---

[1]) К. П. Побѣдоносцевъ. Дѣло Жуковыхъ.

что этотъ поступокъ вызвалъ сильное неудовольствіе родителей. Переѣздъ старухи Жуковой съ старшей дочерью въ Москву еще болѣе обострилъ положеніе, и укоры матери вызывали такіе же укоры и со стороны сына. Эти взаимныя пререканія перешли въ открытую вражду, когда Алексѣй Жуковъ весной 1754 г. противъ воли отца и матери, не спросясь у нихъ, женился на дочери поручика Варварѣ Полтевой. Молодые поселились въ домѣ тещи Анастасіи Полтевой, за Арбатскими воротами [1]). Недолго однако пришлось Жукову наслаждаться жизнью съ молодой женой, кредиторы розыскали его и тутъ, и пришлось опять просить мать о помощи. Жукова не могла простить ни сыну, ни женѣ его, того, что сынъ женился не спросясь, и еще болѣе того, что женившись, онъ получилъ за женой въ приданое только три тысячи руб. вмѣсто шести, какъ было ему обѣщано. Несмотря на нелюбовь къ сыну, она заботилась о его матеріальныхъ интересахъ! Невѣстку свою она постоянно бранила и даже, при случаѣ, бивала. Сынъ требовалъ отъ матери денегъ для уплаты долговъ—мать денегъ ему не давала и еще болѣе сердилась.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончились всѣ эти споры, если бы Жукова не была вызвана внезапно въ Пензу, къ мужу. Оказалось, что старикъ Жуковъ попалъ подъ судъ. Въ бытность его пензенскимъ воеводой онъ творилъ всевозможныя насилія надъ обывателями и бралъ взятки, какъ говорится, съ живого и съ мертваго. Въ виду массы доносовъ и челобитныхъ на него, присылаемыхъ въ Петербургъ, послѣдовало отрѣшеніе его отъ воеводской должности [2]), и для производства слѣдствія была учреждена по высочайшему повелѣнію особая комиссія. Рѣшивъ не дожидаться конца слѣдствія, Жукова вмѣстѣ съ 15-лѣтнею дочерью Надеждою вернулась въ Москву. Младшій сынъ Петръ, отцовскій любимецъ, и малолѣтняя дочь остались въ Пензѣ. Между тѣмъ дѣла Алексѣя все ухудшались; положеніе его становилось критическимъ. Узнавъ о возвращеніи матери, онъ сильно задумался: онъ зналъ, что у матери были деньги, зналъ, что въ ея спальнѣ постоянно стоитъ подъ кроватью мѣдный сундукъ, гдѣ хранятся деньги и драгоцѣнности. Деньги были нужны ему дозарѣзу, да и враждебность матери сильно его ожесточила. Страшная мысль пришла ему въ голову:—покончить со старухой. Мысль эта сдѣлалась неотвязной, она преслѣдовала его и днемъ и

[1]) Въ приходѣ церкви Филиппа Апостола.

[2]) Жукову удалось совершенно оправдаться предъ комиссіей, хотя къ воеводской должности онъ допущенъ не былъ и жилъ до самой смерти безвыѣздно въ своемъ пензенскомъ домѣ. Обширная переписка слѣдственной комиссіи по д. Жукова хранится въ Московскомъ Архивѣ М-ва Юстиціи.

*

ночью. Наконецъ онъ рѣшился открыть свое намѣреніе женѣ. Посовѣтовавшись, они нашли нужнымъ привлечь къ соучастію и тещу —Настасью Полтеву. На совѣщаніи всѣми тремя было рѣшено склонить къ преступленію кого-либо изъ слугъ Агрипины Жуковой, что сдѣлать было не особенно трудно, такъ какъ старая барыня была взыскательна и сурова, и дворовые люди ее не любили. Планъ этотъ удался: Варвара Жукова уговорила двухъ сѣнныхъ дѣвушекъ принять участіе въ заговорѣ, обѣщая имъ свободу и деньги. Жуковы въ этомъ случаѣ дѣйствовали вполнѣ искренно и, заботясь о томъ, чтобы дать имъ въ случаѣ удачи возможность скрыться, уговорили обманомъ, знакомую Полтевыхъ полковницу Нестерову, укрыть этихъ дѣвушекъ до времени у себя.

Согласившіяся участвовать въ преступленіи Авдотья Іонова и Катерина Данилова привлекли къ дѣлу калмыка Александра Александрова, жившаго въ домѣ Жуковой. Алексѣй Жуковъ обѣщалъ ему дать 20 рублей и отпустить на волю, если онъ доставитъ ему стоявшій всегда подъ кроватью матери сундучекъ. Калмыкъ согласился и, въ свою очередь, нашелъ еще двухъ товарищей: человѣка Полтевой Михайлу Григорьева и скрывавшагося въ домѣ Жуковой бѣглаго столяра Ивана Сизова [1]), которому также было обѣщано сто рублей. Нѣсколько разъ собирались заговорщики къ Жукову (онъ жилъ въ домѣ тещи въ саду, въ палаткѣ) для выработки плана дѣйствій, при чемъ всѣ переговоры велись въ присутствіи жены и тещи. Долго откладывался день приведенія заговора въ исполненіе, долго колебался Жуковъ прежде, чѣмъ рѣшиться на страшное дѣло, но наконецъ день былъ назначенъ.

Вечеромъ, 9 сентября 1754 года, были отданы послѣднія распоряженія: двумъ дѣвкамъ было велѣно лечь спать близъ дверей спальни, а калмыку дожидаться на улицѣ, близъ забора. Поздно вечеромъ пришелъ въ домъ Полтевой Иванъ Сизовъ. Всѣ приспособленія къ убійству велись съ рѣдкимъ хладнокровіемъ: заговорщики не забыли даже поужинать. Послѣ ужина была подана карета, въ которую сѣли Алексѣй Жуковъ съ женой, а Иванъ Сизовъ и Михайла Григорьевъ помѣстились на козлахъ. Настасья Полтева осталась дома. Было около 12 ч. ночи, когда карета со всевозможными предосторожностями подъѣхала къ Жуковскому дому. Все было тихо. Дожидавшійся калмыкъ сообщилъ, что старуха уже спитъ, и медлить не стоитъ. Кромѣ Сизова и Гаврилова, былъ взятъ еще человѣкъ

[1]) Сизовъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, былъ столяромъ у поручика Семеновскаго полка Сергѣя Васильевича Шереметева и сбѣжалъ отъ него вслѣдствіе жестокаго обращенія.

изъ дворни Полтевой —Тимоѳей Ефремовъ, ни о чемъ не знавшій и взятый для того, чтобы покараулить экипажъ, когда всѣ уйдутъ. Но Алексѣй Жуковъ, сообразивъ, что онъ можетъ догадаться или струсить и уѣхать, рѣшилъ остаться вмѣстѣ съ женой въ каретѣ, оставивъ Ефремова на запяткахъ, а остальнымъ идти въ домъ. Трое людей перелѣзли черезъ заборъ, прошли садомъ и по подставленной калмыкомъ лѣстницѣ проникли въ пустыя комнаты большого каменнаго дома Жуковой. Одна изъ дожидавшихся дѣвушекъ (Катерина Данилова) отперла имъ дверь жилыхъ покоевъ, а другая впустила въ спальню, гдѣ спала Жукова вмѣстѣ съ дочерью, и тотчасъ же потушила горѣвшій огонь. Убійцы бросились на несчастныхъ, спавшихъ на одной постели и звѣрски задушили обѣихъ: столяръ Сизовъ—мать, а Михайло Гавриловъ—дочь. Обѣ дѣвки и калмыкъ помогали убійцамъ, держа старуху за ноги, чтобы не билась, но она, несмотря на темноту, узнала Сизова и успѣла прокричать: „Иванъ, что ты дѣлаешь?“ [1]).

Къ концу страшнаго дѣла пришла также участвовавшая въ заговорѣ горничная Варвары Жуковой—Матрена Семенова и зажгла огонь. Бросивъ трупы, убійцы отыскали ключъ отъ сундука и, вынувъ изъ него ларецъ съ деньгами и серебряную кружку и захвативъ съ собою бутылку съ водкой,—отправились къ каретѣ объявить Жукову, что все исполнено. Въ отвѣтъ на это взволнованный Жуковъ сказалъ: „сестру мнѣ жаль, а матушка—Богъ съ ней!“

Въ карету вмѣстѣ съ Жуковыми сѣли и дѣвки, нарядившіяся въ принадлежащія покойнымъ бархатныя шубы, и поѣхали въ домъ Нестеровой, гдѣ согласно уговору и были оставлены. Алексѣй же съ женой вернулись къ ожидавшей ихъ Полтевой съ богатой добычей: денегъ въ ларцѣ оказалось на 563 рубля 20 коп.!

II.

На другой день по всей Москвѣ разнесся слухъ о необычайномъ преступленін, совершенномъ на Никитской. Утромъ, по обыкновенію, дворовые люди Жуковой ждали прихода хозяйки въ людскую для дачи обычныхъ распоряженій по дому, но прошелъ обычный часъ, а въ барскихъ покояхъ царила небывалая тишина. Встревоженная челядь рѣшилась войти въ покои и въ спальнѣ наткнулась на страшное зрѣлище: два трупа—барыни и дочери со всѣми признаками насильственной смерти лежали на кровати... Перепуганные люди немедленно дали знать въ полицейскую команду. Прибывшій

[1]) К. Побѣдоносцевъ. Дѣло Жуковыхъ.

съ командой поручикъ Юреневъ, осмотрѣвъ тѣла и сдѣлавъ повальный обыскъ въ домѣ, замѣтилъ отсутствіе въ дворнѣ двухъ дѣвокъ и распорядился арестовать всѣхъ дворовыхъ людей и отвести ихъ въ полиціймейстерскую канцелярію. Сообщеніе о трагической смерти жены и дочери было отправлено Александру Жукову съ нарочнымъ.

Началось слѣдствіе. Примѣты бѣжавшихъ дворовыхъ были извѣстны, и поэтому вся московская полиція была поставлена на ноги. Дознались, что бѣглянки скрываются въ домѣ подполковницы Нестеровой, и 13 сентября, въ то время, какъ у нея собрались гости, домъ былъ внезапно окруженъ полицейской командой и всѣ находящіяся въ немъ были арестованы и взяты, какъ сама Нестерова, такъ и ея дворня и даже гости.

Московское общество такъ было взволновано этимъ кровавымъ дѣломъ, такъ негодовало на убійцъ и требовало примѣрнаго ихъ наказанія, что даже обычная для XVIII вѣка судебно-полицейская волокита отступила на второй планъ, и слѣдствіе повелось быстро и энергично. На первомъ же допросѣ Авдотья Іонова и Катерина Данилова сознались во всемъ, но добавили, что дѣйствовали по наущенію Алексѣя Жукова. Этимъ показаніемъ мѣнялась вся сущность процесса. Довольно обыкновенное дѣло убійства барыни дворовыми людьми—становилось важнымъ дѣломъ о *матереубійствѣ*.

На другой день Алексѣй Жуковъ вмѣстѣ съ женой и тещей былъ взятъ подъ стражу. Супруги повинились сразу же, но Полтева признала себя виновной лишь въ укрывательствѣ похищенныхъ денегъ, что же касается до исполненія убійства, то хотя она и знала о замыслѣ, но не думала, что онъ будетъ приведенъ въ исполненіе. Жуковы же показали противное, говоря, что она подговаривала ихъ къ убійству. О Нестеровой убійцы заявили, что просили ее лишь укрыть въ домѣ двухъ дѣвокъ, а о злодѣяніи сообщили ей позднѣе, что подтвердила и сама Нестерова.

Руководившій всѣмъ ходомъ предварительнаго слѣдствія, московскій генералъ-полиціймейстеръ Татищевъ [1]), выказалъ въ этомъ дѣлѣ необыкновенное рвеніе: по всей Москвѣ было объявлено, что за розыскъ и поимку остальныхъ участниковъ убійства тому, кто приведетъ или укажетъ преступниковъ, будетъ дано въ награду 30 рублей—сумма, для того времени, весьма значительная. Вскорѣ послѣ этого объявленія (12 октября) одинъ изъ дворовыхъ людей поручика Оголина, очевидно прельщенный крупной наградой, задержалъ на улицѣ одного изъ убійцъ, а именно Михайлу Григорьева. Приведенный въ полицію преступникъ во всемъ повинился и по-

[1]) Генералъ-адъютантъ Алексѣй Даниловичъ Татищевъ.

дробно разсказалъ, какимъ образомъ онъ скрывался. По его словамъ, онъ на другой день послѣ убійства убѣжалъ изъ Москвы въ деревню Нѣмчинову, къ своему дядѣ Захару Васильеву и жилъ у него до самой поимки, при чемъ дядя его посвященъ былъ въ тайну. Нужно замѣтить, что за два дня до ареста Григорьева былъ взятъ подъ стражу ткачъ Андрей Ефремовъ, тотъ самый, который былъ взятъ на запятки кареты Жуковыхъ въ ночь убійства и ничего не зналъ о готовящемся злодѣяніи. Всѣ, уже арестованные участники преступленія заявили о полной его невинности, они показали, что онъ былъ „дурачекъ", полуюродивый и взятъ былъ въ соучастники только въ силу этого обстоятельства. Но слѣдственная комиссія не удовлетворилась, ни отзывомъ о его невинности со стороны другихъ, ни собственнымъ его показаніемъ. Несчастный Ефремовъ былъ сѣченъ плетьми и допрошенъ вторично, но безрезультатно: виновнымъ онъ себя не призналъ.

Послѣ перваго допроса арестованнаго Михайлы Григорьева, въ комиссію прибылъ самъ Татищевъ и приказалъ дать преступникамъ очную ставку. Выслушавъ вновь отъ Григорьева показаніе о степени участія Жуковыхъ и Полтевой въ убійствѣ, генералъ-полиціймейстеръ приказалъ вводить остальныхъ обвиняемыхъ по-одиночкѣ. Алексѣй Жуковъ на очной ставкѣ увѣрялъ, что приказывалъ убить только свою мать, что же касается сестры, то онъ велѣлъ ее обернуть одѣяломъ, чтобъ не видала людей [1]). Григорьевъ же утверждалъ противное, говоря, что Жуковъ приказывалъ ему убить и сестру вмѣстѣ съ матерью, но онъ сначала приказанія этого не слушался и совершилъ убійство только по настоянію Полтевой. Убійца думалъ, что клеветой на другихъ онъ умалитъ свою собственную вину. Алексѣй Жуковъ въ концѣ-концовъ не выдержалъ очной ставки и заявилъ, что „виноватъ во всемъ". Настасья Полтева отрицала упорнѣйшимъ образомъ свое участіе въ убійствѣ, несмотря на то, что дочь и зять единогласно заявили, что преступленіе совершенно исключительно благодаря ея наущеніямъ. Споръ грозилъ сдѣлаться безконечнымъ, и поэтому комиссія рѣшила примѣнить обычное ужасное средство—пытку.

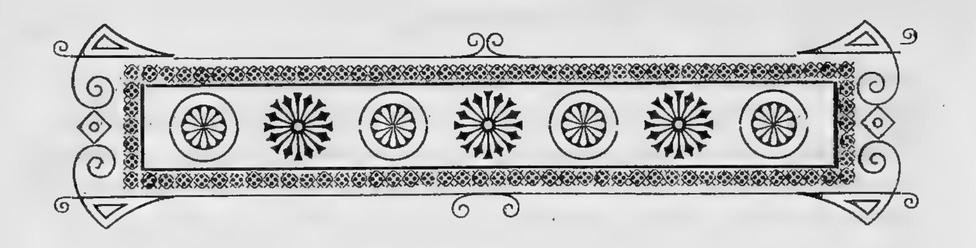
Сообщилъ М. Корольковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) К. Побѣдоносцевъ. Дѣло Жуковыхъ.

Матеріалы для біографіи А. Ѳ. Воейкова.

Въ настоящихъ матеріалахъ для біографіи А. Ѳ. Воейкова, одного изъ выдающихся журналистовъ первой половины истекшаго столѣтія, приводятся его письма къ Ѳ. Н. Глинкѣ и въ сжатомъ очеркѣ обрисовываются издававшіеся имъ журналы: „Новости литературы“ и „Славянинъ“.

I.

Письма къ Ѳ. Н. Глинкѣ.

1.

10 апрѣля (года не означено).

Почтеннѣйшій Ѳедоръ Николаевичъ. Воля ваша и власть ваша, но статьи о старушкахъ не могутъ быть напечатаны безъ того, чтобы не поставить, что сіи статьи получены отъ васъ, и что благотворители, желающіе сдѣлать имъ пособіе, могутъ приносить деньги въ квартиру вашу, состоящую въ... Вы не издавали ни журнала, ни газеты. Вы не знаете, что это должность каторжная и сопряженная съ ужасными всякаго рода мученіями. Да идетъ сія чаша мимо васъ. Вы довольно испили оцта и желчи на пиру сей жизни. Ожидаю благосклоннаго и скораго отвѣта.

Преданный всею душою Воейковъ.

2.

Въ этомъ ли родѣ отрывковъ вамъ надобно, почтеннѣйшій и добрѣйшій? Если я не угадалъ, то возвратите мои стихи и скажите опредѣлительнѣе, чего вы хотите. Готовъ служить всѣмъ для прекрасной цѣли.

Жду вашихъ гостинцевъ нетерпѣливо, ибо золотая руда Вяземскаго по милости цензуры начинаетъ примѣтно истощаться. Въ № 3 забраковали прелестную басню его: „Шипцы и свѣчи“.

У насъ сегодня въ 8 часовъ читаетъ Плещеевъ французскую комедію, не пожалуете ли послушать. Очень обяжете и жену, и мужа

Воейковыхъ.

5/II, 1823 г.

3.

Буди по глаголу Твоему.

Воейковъ.

12/IV, 1823 г.

4.

Не ханжа, а христіанинъ, писатель съ перомъ, а не съ кинжаломъ, свободомыслящій, а не своевольный, не на манеръ Греча и Булгарина, здравія желаю!

Неужели вы, добрый Ѳедоръ Николаевичъ, рѣшились не заглядывать въ очаровательные царскосельскіе сады, гдѣ

прохлада и нѣга
и ропотъ у брега

водометовъ, водоскатовъ, рѣчекъ и ручейковъ ждетъ васъ? Мы сгоревались о васъ и, наконецъ, рѣшились писать, въ надеждѣ, что вы откликнетесь. Въ концѣ будущей недѣли, т. е. около 12-го, я съ А. А. буду въ Питерѣ и проживу дня два или три. Дайте взглянуть на васъ и обнять васъ вашимъ искреннимъ почитателямъ, мужу и женѣ

Воейковымъ.

4/VII, 1824.

5.

Благодѣтель бѣдныхъ! Вы такъ счастливы, или, справедливѣе сказать, къ вамъ публика имѣетъ такое уваженіе, что одно ваше слово больше сдѣлаетъ, нежели цѣлыя страницы журналистовъ, вышедшихъ изъ вѣры. Вы изъ камня источите воду. Напишите, почтеннѣйшій Ѳедоръ Николаевичъ, воззваніе къ благотворителямъ, а наше дѣло тиснуть. Мы переѣхали въ городъ, и вы обяжете насъ, если пожалуете завтра, т. е. 6 ноября, (откушать) хлѣба-соли. Моя жена именинница.

В. п. с. А. Воейковъ.

5/XI, 1824.
Спб.

6.

Приношу вамъ, милостивый государь, Ѳедоръ Николаевичъ, мою всеусерднѣйшую благодарность за гостинцы. Только, знаете ли, сти-

ховъ-то мало. Нельзя ли сдѣлать одолженіе подарить еще одинъ псаломъ или пророчество и переслать оные чрезъ г. Сибирякова? Въ ожиданіи сего я остановилъ печатаніе апрѣльской книжки. Долго ль пробудетъ здѣсь С. Н.?

Душевно преданный
Воейковъ.

13/II, 1825.
№ 117.

7.

1825, апрѣля 21-го. Спб.

Обѣднѣвъ хорошими стихотвореніями, которыя у насъ, журналистовъ, улетаютъ скорѣе денегъ, скорѣе молодости, скорѣе счастья, прибѣгаю къ вашей сокровищехранительницѣ. Вы въ былые дни бывали до меня щедры; будьте и теперь доступны; пришлите хотя одно стихотвореніе для майской книжки.

Очень много меня и публику обяжете. О прозѣ и мечтать не смѣю; развѣ для шутки закажете вы обратить къ себѣ слѣдующій стихъ:

мечтамъ Воейкова—ты далъ существованье!

8.

Другъ человѣчества.

Безъ сомнѣнія священникъ Алексѣй Ивановичъ Маловъ разсказалъ вамъ причину, которая воспрепятствовала мнѣ извѣстить благотворителей бѣдныхъ о положеніи подполковницы Гавриловой.

Теперь открывается вамъ новый случай быть посредникомъ между нищетою и боязнью и между богатствомъ и добродушіемъ: прилагаемое у сего письмо и сама ходательница извѣститъ васъ о бѣдствіяхъ, ею и мужемъ ея претерпѣнныхъ. Вы никогда не отказывались служить своимъ перомъ и краснорѣчіемъ для извѣщенія публики, что есть несчастные, достойные ихъ помощи. Обмокните небесное свое перо въ чернила и напишите воззваніе, а я немедленно втисну его въ листокъ военныхъ вѣдомостей. Соотечественники ваши имѣютъ къ вамъ полную довѣренность, и одной подписи вашей достаточно, чтобы быть увѣреннымъ въ успѣхѣ.

Въ ожиданіи милостиваго удовлетворенія въ моей просьбѣ, за отличную честь поставляю быть вамъ

покорнѣйшимъ слугою
А. Воейковъ.

25/VI, 1825.
Царское Село.
№ 416.

9.

Наконецъ я собрался отвѣчать вамъ на милое ваше письмо отъ 9 апрѣля, милостивый государь Ѳедоръ Николаевичъ. Я нѣсколько разъ видѣлся съ Димитріемъ Осиповичемъ Барановымъ и слышалъ о васъ самыя добрыя вѣсти. Онъ не нахвалится вашимъ благочестіемъ, ревностью къ службѣ, благотворительностью и сердоболіемъ. За это онъ самъ сдѣлался мнѣ вдвое милѣе, и я положилъ ѣздить къ нему разъ въ недѣлю обѣдать по средамъ. Уже и началъ исполнять это; въ минувшую среду провелъ у него время и полезно, и пріятно. У него обѣдалъ старый заслуженный генералъ Каменевъ. человѣкъ не хитрый, но съ природнымъ хорошимъ умомъ и отмѣнно занимательный, потому что былъ очевидцемъ безсмертныхъ подвиговъ Суворова. Онъ находился при штурмѣ Измаильскомъ и Пражскомъ и былъ съ двумя эскадронами Воронежскаго легко-коннаго полка въ Варшавѣ во время возстанія жителей сей столицы противъ русскихъ войскъ. Признаюсь, что я слушалъ его, разинувъ ротъ, и ловилъ каждое слово, и записалъ каждое слово. Послѣ обѣда самъ хозяинъ прочелъ записку (mémoire) свою о первомъ пріѣздѣ Суворова въ Петербургъ въ царствованіе Императора Павла I. Этого пріѣзда не должно смѣшивать со вторымъ, т. е. съ тѣмъ, когда онъ самымъ лестнымъ рескриптомъ государя былъ вызванъ для командованія австро-россійскою арміею въ Италіи. Сія записка весьма любопытна и будетъ служить добрымъ матеріаломъ для исторіи того времени и для біографіи Суворова. Сенаторъ не восписуетъ хвалы вашему дикому краю и полудикому обществу: онъ говоритъ, что похудѣлъ отъ грусти, живучи въ Петрозаводскѣ, и отдаетъ даже преимущество безлюдному Пскову. А это уже много! Ибо я ничего не знаю скучнѣе древняго Пскова.

Я видаюсь также не рѣдко съ почтеннѣйшимъ вашимъ эксъ-губернаторомъ Тимоѳеемъ Ефремовичемъ Фанъ-деръ-Флитомъ и онъ часто говоритъ о васъ, о вашемъ житьѣ-бытьѣ, о вашихъ набожныхъ занятіяхъ. Маленькая его дочка Сашенька сердечно къ вамъ привязана.

Дм. Осиповичъ сказалъ мнѣ о сочиненной вами вновь поэмѣ; это утѣшительно. Подкрѣпи васъ Господь!

Съ высокимъ уваженіемъ и преданностью, за особенную честь поставляю быть вамъ,

Милостивый государь,
покорнѣйшимъ слугою
Воейковъ.

25/IV, 1828 г., Спб. № 436.

Не прошу весеннихъ цвѣтовъ „Славянину": вы сами и догадливы, и милостивы.

Поздно замѣтилъ, что пишу на оторванной четверкѣ: извините.

10.

Спѣшу порадовать ваше чувствительное сердце, милый Ѳедоръ Николаевичъ. Вчерашній день навѣстилъ меня, больного, въ моей кельѣ, прежде бывшій издатель „Инвалида," а теперешній издатель „С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей", д. ст. сов. Павелъ Павловичъ Пезаровіусъ. Между прочими разговорами онъ сказалъ мнѣ, что ваше стихотвореніе на миръ съ Оттоманскою Портою, напечатанное въ „Акад. Вѣдомостяхъ", было представлено ген.-маіоромъ Мердеромъ (дядькою вел. князя Александра Николаевича) Государю Императору, и что оно имѣло счастіе заслужить похвалу Е. И. В — ва, въ особенности же стихъ: „одинъ умѣлъ войти, другой—остановиться".

Любя всею душою васъ и вашу небесную музу, счастливымъ себя почту, если первый сообщилъ вамъ сію прекрасную новость.

Знаете ли что? Я къ вамъ съ маленькою просьбою. Не найдется ли у васъ въ полудикомъ гранитномъ краю пяти человѣкъ не съ каменными сердцами къ изящному? Вѣдь у васъ теперь не Атилла гражданскимъ губернаторомъ. Вы станете отговариваться неимѣніемъ дворянъ въ своей губерніи, но въ Архангельскѣ и въ Вяткѣ еще меньше, но тамошніе просвѣщенные правители губерній подписываются на журналы и говорятъ: „пусть читаютъ наши приказно-служители, они образуютъ тѣмъ и сердце. и умъ, и слогъ". Въ Архангельской губерніи у меня 10 подписчиковъ, и кто же они? Благоволите выслушать: 1) канцелярія гражд. губернатора; 2) губернское правленіе; 3) казенная палата; 4) окружной лѣсничій; 5) удѣльная контора; 6, 7, 8, 9 и 10) частные люди. Впрочемъ, да будетъ воля твоя!

Прилагаю у сего почетный билетъ для его превосходительства г. гражданскаго губернатора, и для вашего высокородія — другой, Увѣдомьте, исправно ли пересылается вамъ „Славянинъ" въ текущемъ году, да подарите своихъ прелестныхъ, благовонныхъ чувствами стихотвореній. Душевно-преданный слуга

Воейковъ.

18/X, 1829 г., Спб. № 430.

Сообщ. **М. К. Соколовскій.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Одинъ изъ прототиповъ Пушкинской Татьяны.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, однажды лѣтомъ въ Варшавѣ случилось мнѣ зайти съ товарищемъ — гвардейской конной артиллеріи подпоручикомъ, Леонидомъ Александровичемъ Яновичемъ, — въ „Европейскую гостиницу“; мы кончили свой завтракъ и принялись за кофе, когда въ прекрасный залъ ресторана гостиницы вошелъ молодой, очень худой, стройный офицеръ одного изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, стоявшихъ въ Варшавѣ или вообще въ Царствѣ Польскомъ.

— А, вотъ неожиданность; какими судьбами, Александръ Викторовичъ, какъ бы пробормоталъ про себя Яновичъ. — Извини, я на минуту тебя оставлю, добавилъ онъ, и направился къ офицеру, уже успѣвшему занять мѣсто на противоположномъ концѣ большого зала.

Ресторанъ этотъ въ то время содержался Васильевымъ, — который долгое время былъ поваромъ у начальника края въ концѣ пятидесятыхъ годовъ—генералъ-адъютанта князя Горчакова; онъ, кажется, былъ его крѣпостнымъ, и князь, подъ конецъ своей жизни, далъ ему вольную; такимъ образомъ за долголѣтнее исправное веденіе кулинарнаго дѣла при дворѣ маститаго генерала, командовавшаго арміями и въ Молдавіи, и въ Севастополѣ, и въ Варшавѣ, Васильевъ получилъ высшую награду—свободу. Средствами этого бывшаго повара залъ ресторана былъ великолѣпно украшенъ, отдѣланъ мраморомъ, мозаикой и другими рѣдкостями тогдашняго архитектурнаго искусства.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Васильевъ уже повыдалъ дочерей своихъ замужъ; ихъ разобрали саперные, артиллерійскіе и иные офицеры; самъ онъ нѣсколько отшлифовался, пріобрѣлъ свойственную русскому человѣку развязность, нашедшую себѣ основу не столько въ его внутреннихъ качествахъ, сколько въ тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, которыя ему сразу показалъ контингентъ посѣтителей ресторана; предъявлявшіяся ему потребителями замѣчанія о томъ, что выставленное въ буфетѣ то или иное кушанье сильно отдаетъ гнилью, онъ, наклонившись и убѣдившись въ вѣрности заявленія,

нерѣдко отпарировалъ спокойнымъ — „съѣдятъ“; въ этомъ и подобныхъ случаяхъ нажитый имъ апломбъ сказывался, правда, больше всего; но если бы не это, — онъ вообще легко могъ бы сходить за московскаго средней руки купца.

А. А. Яновичъ и вошедшій молодой офицеръ встрѣтились и поздоровались очень радушно; поговорили нѣсколько минутъ, а затѣмъ также дружелюбно распрощались.

— Это мой землякъ,—псковичъ; давно мы не видались; много онъ во мнѣ воспоминаній возбудилъ, сказалъ Яновичъ, возвратясь къ нашему столу.

— Отчего же ты не остался съ нимъ подольше? поговорилъ бы; зачѣмъ было стѣсняться!...

— Ничего, мы завтра съ нимъ встрѣтимся основательно. Кстати, сказалъ онъ, его мать была женщина рѣдкой красоты; онъ ее очень напоминаетъ правильностью чертъ и овальностью лица, а въ особенности легкой, едва замѣтной косоглазостью; жаль только, что у него цвѣтъ лица темный, оливковый; она была бѣлая съ большимъ, хорошимъ, нѣжнымъ румянцемъ во всю щеку. — Ея наружность и почти все изъ чертъ ея характера А. С. Пушкинъ взялъ въ образецъ при созданіи типа Татьяны въ „Евгеніи Онѣгинѣ“; это извѣстно всей Псковской губерніи, а больше всего округѣ, прилегающей къ „Святымъ горамъ“.

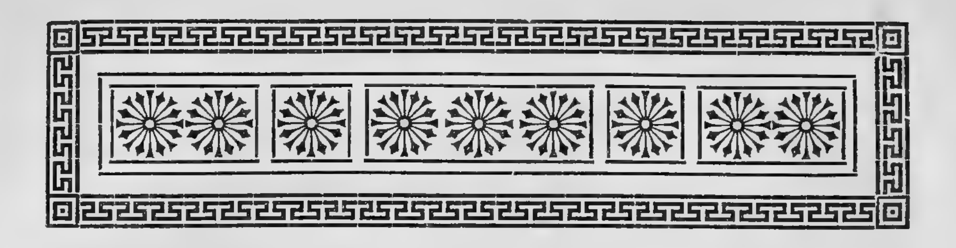
Молодой человѣкъ только-что окончилъ курсъ въ Павловскомъ военномъ училищѣ;—фамилія его Фокъ.

Это былъ тотъ самый А. В. Фокъ, которому довелось въ чинѣ шт.-капитана 15 іюня 1877 г. на глазахъ покойнаго Мих. Ив. Драгомирова заслужить Георгіевскій крестъ при славной Зимницко-Систовской переправѣ, а впослѣдствіи выдержать окончившееся трагически сидѣнье въ Портъ-Артурѣ.

Сообщ. А. Е. К.

Спб. 11 декабря 1907 г.

Къ исторіи нашихъ сношеній съ Черной Горой въ началѣ XIX столѣтія.

(Три письма черногорскаго митрополита Петра I Петровича Нѣгоша).

Въ XXXI книгѣ „Споменика“ Сербской Королевской Академіи (1898 г.) г. Мирко Драговичъ сообщилъ подъ заглавіемъ: „Прилози за истори у Црне Горе и Боке Которске почетком XIX стольетија“ (стр. 95—127) рядъ документовъ изъ петербургскаго Государственнаго Архива, касающихся главнымъ образомъ сношеній Черной Горы съ Россіей въ началѣ XIX ст. Въ числѣ этихъ документовъ имѣется составленный, очевидно, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, для доклада имп. Алесандру I, сводъ содержанія тѣхъ писемъ, съ которыми прибылъ въ Россію черногорскій архимандритъ Симеонъ Ивковичъ, посланный митрополитомъ Петромъ I Петровичемъ Нѣгошемъ съ слѣдующей миссіею. Архимандритъ долженъ былъ изложить императору Александру I „единодушное желаніе митрополита черногорскаго и всѣхъ народовъ того края, православную вѣру исповѣдующихъ“: 1) чтобы по низложеніи всемірнаго врага (Наполеона) соединить воедино провинціи: а) Черногорскую съ присовокупленіемъ къ ней трехъ городовъ албанскихъ: Подгорицы, Спужа и Жабляка; б) Боку ди Катаро; в) Герцеговину; г) Рагузу и д) Далмацію. 2) Соединеніе сіе,—по заявленію перваго письма, врученнаго Ивковичу,—утвердить на вѣчныя времена однимъ общимъ наименованіемъ сихъ областей Славено-сербскаго царства. 3) Присоединить титулъ Славено-сербскаго царя къ августѣйшему титулу Императора Всероссійскаго. 4) Для управленія симъ царствомъ назначить президента изъ при-

родныхъ Россіянъ. 5) Общее желаніе народа, чтобы вицепрезидентомъ и товарищемъ управляющаго наименовать черногорскаго митрополита и по примѣру митрополита карловицкаго, что въ Венгріи, украсить его титуломъ князя Россійскаго и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. 6) Столицею сего царства и мѣстопребываніемъ президента и вицепрезидента назначить Рагузу, яко средоточіе пяти областей. 7) Въ митрополіи Славено-сербскаго царства подъ нынѣшнимъ митрополитомъ постановить трехъ архіереевъ: въ Далмаціи въ городѣ Зарѣ; въ Герцеговинѣ въ городѣ Требиньѣ и въ Катаро, который будетъ намѣстникомъ митрополита. 8) Въ сихъ трехъ городахъ учредить по одной семинаріи или школѣ. Въ заключеніе же народы сіи желаютъ сохранить на вѣчныя времена свою вѣру и вольность подъ покровительствомъ Россійскаго престола.

Во второмъ письмѣ, по особому порученію отъ митрополита, Ивковичъ представлялъ „о многихъ трудахъ и усердіи и честности статскаго совѣтника Санковскаго“ [1]). Митрополитъ просилъ о немъ, чтобы „до новаго въ томъ краѣ учрежденія“ онъ былъ оставленъ полномочнымъ Его Величества, а въ награду ему испрашивалъ чинъ камергера и орденъ св. Владиміра. Тутъ же представлялись къ наградамъ и другія лица. Изъ высочайше утвержденнаго въ Бартенштейнѣ 3 мая 1807 г. рапорта министра иностранныхъ дѣлъ имп. Александру I мы видимъ, что первое представленіе черногорскаго владыки не встрѣтило сочувствія со стороны нашей дипломатіи. „Такъ какъ обстоятельства не дозволяютъ еще заняться устроеніемъ того края,—докладывалъ министръ,—то я по предмету сему заготовилъ отвѣтное отъ себя письмо къ черногорскому митрополиту“, очевидно, отвергавшее обширные проекты владыки. Менѣе затруднительнымъ представлялось исполненіе ходатайства владыки о награжденіи разныхъ лицъ, и оно было удовлетворено въ широкой мѣрѣ, при чемъ самому архимандриту Ивковичу пожалованъ былъ украшенный алмазомъ крестъ св. Анны 2-ой степени и, сверхъ того, ему вмѣстѣ съ братомъ выдано было 500 червонцевъ.

Отправляя Ивковича въ Петербургъ, митрополитъ черногорскій снабдилъ его слѣдующими рекомендательнымя письмами къ министру иностранныхъ дѣлъ кн. Адаму Чарторыйскому [2]).

---

[1]) Стефанъ Санковскій отправленъ былъ Александромъ I въ Черную Гору въ качествѣ уполномоченнаго при владыкѣ Петрѣ. См. П. А. Ровинскаго, Черногорія, т. I, стр. 757; K. Jirecka, Poselstvi Republiky Dubrovnické k cisarovne Katerine II, v letech 1771—1775, Praha, 1893, str. 80.

[2]) Письма эти хранятся въ библіотекѣ Музея кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ, рукоп. № 5462.

I.

Сіятелнѣйшій князь,
Милостивый Государь! Адамъ Адамовичъ.

Вашему Сіятелству за явленное мнѣ и народу пастирству моему въ вѣрѣнному усерднѣишее ходатайство и благожеланіе, остаемся обязаны на вѣки чувствительнѣишею признательностію, и всенижайше прошу ваше сіятелство и въ предь не оставте о благоденствіи сихъ народовъ ходатаиствовать у всемилостивѣишаго Государя Императора всероссіискаго, вашего сіятелства ходатаиство и посредство весьма намъ нужно, безъ коего мы усовершенствованы быть не можемъ, такъ же всепокорнѣише прошу ваше сіятелство будте добрый ходатай и архимандриту Ивковичу.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ по вѣкъ мой.

Милостиваго Государя
Вашего Сіятелства
всепокорнѣйшій слуга
(подписано:) Черногорскій Митрополитъ
Петръ Петровичъ Негошъ.

Кастелновои
7-го октября 1806-го [1]).

II.

Сіятелнѣйшій князь,
Милостивый Государь! Адамъ Адамовичъ,

Вашему Сіятелству довольно извѣстно изърядныя заслуги Господъ вице адмирала Синявина и Санковскаго здѣсь по всѣмъ имъ препорученностямъ оказанные высочаишему нашему двору. Я при сему прилагаю по надписи на всевысочаишее имя Государю Императоръ пакетъ, подъ окрытою печатью, всепокорнѣише прошу ваше сіятельство яко добраго нашего ходатая оной поднесть Государю Императору, и въ пользу обѣихъ сихъ велможъ не оставте ваше благопріятное ходатайство употребить. Я истинно почту какъ бы мнѣ самому сіе благожелаемое удовольствіе учинили, равно и народъ пастирству моему въ вѣрѣнныи чувствителнѣишею по вѣкъ благодарностію пребудетъ, а сіе удовлетвореніе заслуженныхъ особъ послужитъ къ пользѣ дальнѣишаго нашего предмѣта.

Есмь съ глубочаишимъ высокопочитаніемъ по вѣкъ мой

Милостиваго Государя,
вашего сіятельства
всепокорнѣишій слуга
(подписано:) Черногорски Митрополитъ
Петръ Петровичъ Негошъ.

Кастельновой
24-го Октября 1806-го.

III.

Сіятелнѣйшіи князь,
Милостивый Государь! Адамъ Адамовичъ,

Осмѣливаюсь яко высокому нашему ходатаю вашему сіятелству рекомендовать Симеона архимандрита Ивковича. Онъ по всевѣрно преданнѣишей его приверженности къ высочайшему престолу все-

[1]) То же самое письмо имѣется въ другомъ экземплярѣ, помѣченномъ 8-ымъ октября 1806 года.

россиискому, можетъ ваше сіятелство о всѣмъ нужномъ уведомить, и по существующимъ въ немъ добрымъ талантамъ, и хорошимъ качествамъ, и посему что и народъ къ нему весьма привязанъ, можетъ своему отечеству и интересамъ высочаишаго нашего двора быть очинь полезенъ, всепокорнѣйше прошу ваше сіятелство по дѣламъ отечества его касающимся будте ему Ивковичу сіятелнѣишіи князь добрый ходатай.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ по вѣкъ

Милостиваго Государя,
вашего сіятелства
всепокорнѣишіи слуга
(подписано:) Митрополитъ Черногорскіи
Петръ Петровичъ Негошъ.

Въ Катарѣ
6-го марта 1807-го.

На послѣднее письмо кн. Чарторыйскимъ заготовленъ былъ слѣдующій отвѣтъ:

Преосвященнѣйшій Митрополитъ,
Милостивый Архипастырь.

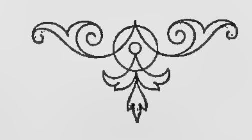
Письмо Вашего Высокопреосвященства изъ Катаро отъ 6-го марта я имѣлъ честь получить чрезъ преподобнаго отца архимандрита Симеона Ивковича, и благодарю Васъ, Милостивый Архипастырь, за столь пріятное мнѣ благорасположеніе ваше и за доставленіе свиданія съ столь почтеннымъ и достойнымъ служителемъ Церкви и Отечества какъ Г. Ивковичь. Я съ удовольствіемъ желаю содѣйствовать съ моей стороны всѣми способами отъ меня зависящими къ совершенію желаній вашихъ и къ успѣху общаго дѣла вами столь достославно защищаемаго и непремину по возможности моей споспѣшествовать намѣреніямъ вашимъ стремящимся къ пользѣ и славѣ России и единовѣрныхъ ей братій. Прошу Васъ продолжать ко мнѣ ваше доброе расположеніе и вѣрить, что я всегда пребуду съ отличнымъ уваженіемъ,

Милостивый Архипастырь,
Вашего Высокопреосвященства
всепокорнымъ слугою—

Гл. квартира Бартенштейнъ.
мая—дня 1807.

(Черновикъ безъ подписи).

Сообщилъ В. А. Францевъ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА"
на 1908 годъ.

Вступая въ 1908 году на тридцать девятый годъ своего существованія, „**Русская Старина**", благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Е. К. Андреевскаго, Е. А. Боброва, И. Н. Божерянова, Н. Д. Бутовскаго, Н. Н. Вельяминова, К. А. Военскаго, А. А. Голомбіевскаго, С. М. Горяинова, Г. К. Градовскаго, П. Я. Дашкова, Н. М. Затворницкаго, Е. С. Каменскаго, Н. Н. Каразина, Ю. С. Карцева, В. О. Ключевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. О. Лернера, П. М. Майкова, П. Д. Паренсова, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. Ф. Руднева, В. И. Саитова, Д. А. Скалона, М. К. Соколовскаго, Т. О. Соколовской, А. И. Успенскаго, Д. И. Успенскаго, И. А. Шляпкина, Е. С. Шумигорскаго, Н. Д. Чечулина, А. И. Фаресова и др.

Въ 1908 году будутъ напечатаны:

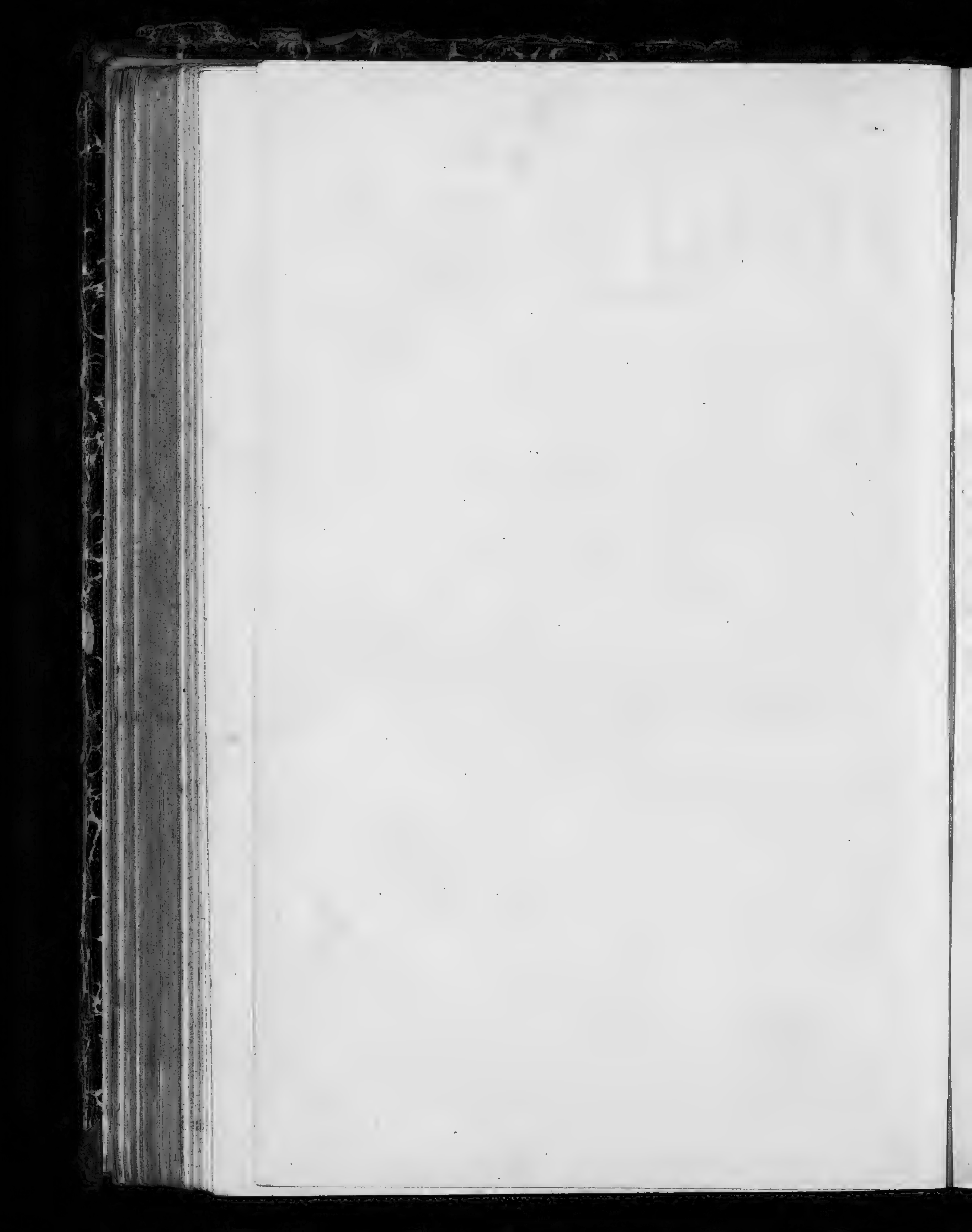
А. Ф. Кони—„Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля" и „Житейскія встрѣчи", **Г. К. Градовскаго**—„Изъ минувшаго", **Ю. С. Карцева**—„За кулисами дипломатіи", **П. Д. Паренсова**—„Изъ прошлаго", воспоминанія—**Д. В. Скалона**, записки генерала **Домонтовича**, «Война за независимость славянъ 1877—1878 гг.» **П. Д. Зотова, А. Бѣломора**—«Изъ русско-японской войны», **А. Толстопятова**—«Въ плѣну у японцевъ», переписка основателя „Русской Старины"—**М. И. Семевскаго**, воспоминанія **Тургенева, Де Санглена, А. Ф. Петрушевскаго**, воспоминанія командира „Варяга"—**В. Ф. Руднева**, переписка—композитора **А. И. Сѣрова**, письма **П. И. Чайковскаго**, воспоминанія—Веселовскаго, Леваковскаго, Никитина, воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства и др.

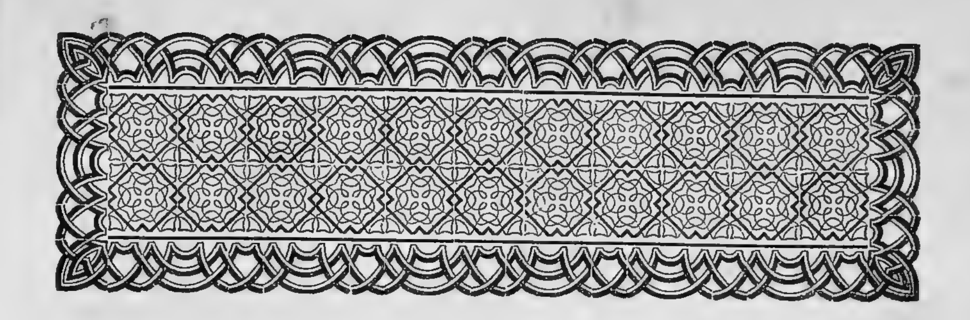
По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.

(По поводу 50-лѣтія его дѣятельности).

Жизнь прожить—не поле перейти,—говоритъ старая русская пословица. И дѣйствительно, какъ бы заурядна ни была жизнь человѣка, но если онъ можетъ оглянуться на полвѣка своего сознательнаго существованія въ качествѣ взрослаго, то и въ ней найдутся годы, періоды, дни и часы, которые все-таки заслуживаютъ нѣкотораго воспоминанія. Къ сожалѣнію, всеразрушающая рука времени не щадитъ не только физической оболочки, но и душевныхъ свойствъ большинства людей, изъ которыхъ, по выраженію Талейрана, „года обыкновенно не дѣлаютъ мудрецовъ, а лишь старцевъ“. При этомъ нерѣдко старѣющіеся люди не безъ умиленія привѣтствуютъ въ себѣ тотъ мимолетный подъемъ жизненной энергіи, который принято называть „второю молодостью“, и никогда не обращаютъ нужнаго вниманія на явные и печальные признаки того, что справедливо назвать „вторымъ дѣтствомъ“, ко всему относящемуся съ эгоистическимъ благодушіемъ и стремленіемъ къ спокойствію во что бы то ни стало. Недаромъ Бѣлинскій, считая трудъ задачей всей жизни до гробовой доски, совѣтовалъ бояться преждевременной старости, первыми страшными предшественниками которой считалъ „довольство тѣмъ, что есть, безъ потребности въ томъ, чего нѣтъ, но безъ чего, однако, не для чего жить“ — и „примиреніе съ окружающею дѣйствительностью и терпимость къ посредственности“. Есть однако, къ счастью, исключенія,—и въ нашей жизни можно съ нравственнымъ удовлетвореніемъ остановиться на немногочисленныхъ, но тѣмъ

болѣе дорогихъ именахъ, носители которыхъ до преклоннаго возраста сохранили „душу живу“, закаленную въ неустанномъ трудѣ.

Одно изъ такихъ именъ принадлежитъ Константину Константиновичу Арсеньеву.

К. К. Арсеньевъ родился 24 января 1837 года. Отецъ его, извѣстный статистикъ, историкъ и географъ, долженъ былъ оставить профессорскую каѳедру въ С.-Петербургскомъ университетѣ по настоянію попечителя округа Рунича, —яраго преслѣдователя всякаго свободнаго проявленія духа. Убѣжденный сторонникъ гражданской и личной свободы, Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ несомнѣнно заложилъ въ душу своего младшаго сына, Константина Константиновича, тѣ же стремленія къ освобожденію русскаго гражданина отъ тяжелыхъ путъ, наложенныхъ на него условіями тогдашней жизни. Эти отчасти врожденныя, отчасти воспитанныя стремленія оказались настолько прочными въ душѣ послѣдняго, что онъ вынесъ ихъ нетронутыми послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ, какъ видно изъ его собственныхъ воспоминаній, рутина и формалистика въ преподаваніи способны были скорѣе убить, чѣмъ укрѣпить жажду какого-либо обновленія. Кончивъ курсъ въ 1855 г., Арсеньевъ поступилъ на службу въ центральное управленіе министерства юстиціи. Онъ участвовалъ въ редактировані возникшаго въ это время журнала этого министерства и одновременно съ этимъ готовился къ экзамену на кандидата историко-филологическаго факультета въ цѣляхъ занять впослѣдствіи каѳедру всеобщей исторіи въ университетѣ. Неблагопріятно сложившіяся обстоятельства помѣшали ему привести въ исполненіе его намѣреніе, но въ итогѣ этихъ занятій появился рядъ этюдовъ по политической экономіи и государственному праву и множество статей въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ Арсеньевъ завѣдывалъ отдѣломъ иностранной политики, а также переводъ „Исторіи Французской революціи“ Минье съ предисловіемъ къ нему.

Богатство духовныхъ силъ Арсеньева проявилось на разнообразныхъ поприщахъ: онъ явился юристомъ, общественнымъ дѣятелемъ, публицистомъ и критикомъ.

Когда, въ 1866 году, былъ введенъ новый судъ, Арсеньевъ поступилъ въ присяжные повѣренные округа Петербургской судебной палаты и пробылъ въ этомъ званіи 8 лѣтъ, почти постоянно занимая мѣсто предсѣдателя Совѣта. Первые годы существованія новаго суда передъ лучшими представителями нарождающейся адвокатуры стояла трудная въ отношеніи нравственной отвѣтственности задача—вырабатывая пріемы адвокатской техники, положить одновременно и основанія адвокатской этики. Арсеньевъ несомнѣнно больше всѣхъ другихъ

способствовалъ разрѣшенію этой задачи своей дѣятельностью,—какъ защитникъ-практикъ, какъ руководитель занятій Совѣта и какъ авторъ „Замѣтокъ о русской адвокатурѣ". Глубокое и безусловное благородство въ пріемахъ и средствахъ борьбы, основательное изученіе дѣла, полное уваженіе къ человѣческому достоинству всѣхъ тѣхъ— кто бы они ни были,—съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло на судѣ—таковы отличительныя черты его, какъ защитника. Въ качествѣ члена и предсѣдателя Совѣта, онъ немало потрудился надъ организаціей *сословія* присяжныхъ повѣренныхъ и надъ установленіемъ извѣстныхъ этическихъ требованій, связанныхъ съ существомъ дѣятельности адвокатуры, какъ представительницы общественнаго служенія. На-ряду съ опредѣленіемъ своихъ судебныхъ и административныхъ функцій и объема своей подсудности, Совѣтъ, подъ руководствомъ и при участіи Арсеньева, выяснилъ характеръ отдѣльныхъ поступковъ или цѣлаго поведенія, которые должны вызывать недопущеніе или исключеніе тѣхъ или иныхъ лицъ изъ состава организованной адвокатуры.

Изданіемъ своихъ „Замѣтокъ о русской адвокатурѣ", вышедшихъ въ свѣтъ уже послѣ оставленія имъ адвокатской дѣятельности, Арсеньевъ сдѣлалъ весьма цѣнный вкладъ въ юридическую литературу. Въ этихъ „Замѣткахъ" нашли себѣ теоретическое выраженіе и строгія этическія требованія, предъявляемыя имъ къ защитнику, и богатый опытъ, и обширныя познанія, и тщательно продуманные взгляды на адвокатуру. Несмотря на то, что „Замѣтки" эти появились болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, онѣ до сихъ поръ не потеряли своего значенія, потому, во-первыхъ, что нѣкоторыя реформы, предлагаемыя въ нихъ въ цѣляхъ лучшей организаціи адвокатуры и подъема ея нравственнаго значенія, еще не осуществлены, а во-вторыхъ потому, что онѣ съ несомнѣнностью могутъ стать нравственнымъ кодексомъ для всѣхъ, посвящающихъ себя адвокатской дѣятельности, такъ какъ заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ указаній относительно пріемовъ и способовъ веденія судебнаго состязанія.

Въ цѣляхъ выясненія здравыхъ взглядовъ на адвокатуру, авторъ въ цѣломъ рядѣ статей знакомилъ своихъ читателей съ положеніемъ ея на Западѣ. Немалое вниманіе удѣлялъ онъ и уголовному процессу, которому посвятилъ свои книги „Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла" и „Судебное слѣдствіе", а также множество отзывовъ и замѣчаній по всѣмъ выдающимся вопросамъ уголовной практики во внутренней хроникѣ „Вѣстника Европы". Арсеньевъ внимательно слѣдилъ за судебною жизнью, чутко отзываясь на каждое сколько-нибудь замѣтное явленіе. Такъ, въ 1888 г., онъ написалъ кри-

тическое изслѣдованіе о русскомъ судебномъ краснорѣчіи, народившемся со времени введенія новаго суда.—Въ 1874 году онъ былъ назначенъ товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента; въ 1880 г. принималъ дѣятельное участіе въ сенаторской ревизіи Самарской и Саратовской губерніи, а въ 1884 г. вновь вступилъ въ ряды адвокатуры, для того лишь, чтобы поддержать искъ г. Петербурга къ обществу водопроводовъ вслѣдствіе нежеланія послѣдняго устроить на Невѣ фильтръ. Побѣда была одержана, и онъ снова оставилъ адвокатскую дѣятельность, но на этотъ разъ ужъ навсегда. Однако, служба его судебному дѣлу съ оставленіемъ судебной дѣятельности не прекратилась. Не говоря уже о многочисленныхъ докладахъ въ Петербургскомъ юридическомъ обществѣ, гдѣ онъ долгое время былъ товарищемъ предсѣдателя, а нынѣ состоитъ предсѣдателемъ, ему пришлось принять участіе въ работахъ созданной статсъ-секретаремъ Муравьевымъ комиссіи о пересмотрѣ законоположеній по судебной части. Не только въ самой комиссіи, но и на страницахъ „Вѣстника Европы" Арсеньевъ горячо сталъ на защиту „старыхъ" Судебныхъ Уставовъ и въ особенности суда присяжныхъ, которымъ грозила немалая опасность отъ этой комиссіи.

Съ 1880 г. Арсеньевъ выступилъ въ качествѣ дѣятельнаго публициста, составляя отдѣлъ „Внутренняго обозрѣнія" и отчасти „Общественной Хроники" Вѣстника Европы. Въ эти тяжелые годы отреченія отъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, онъ, силою своего вѣскаго слова, глубокаго убѣжденія и непоколебимой вѣры въ величіе началъ совершенныхъ преобразованій, старался остановить походъ противъ взглядовъ, вынесенныхъ изъ этой свѣтлой эпохи. Всякое общественное явленіе, новый законъ, проектъ, статья, отражавшіе на себѣ вѣяніе времени, вызывали внимательную и глубокую критику со стороны Арсеньева. Вопросы свободы совѣсти и слова, земскаго и городского самоуправленія, правъ и потребностей инопленменниковъ, народнаго хозяйства, просвѣщенія и законодательства встрѣчали горячую защиту Арсеньева, напоминавшаго постоянно о вѣчныхъ требованіяхъ человѣческаго духа и справедливости. Глубокая вдумчивость, громадная эрудиція и многосторонній опытъ придавали особую вѣскость всѣмъ его утвержденіямъ. Въ 1886 — 87 г. онъ напечаталъ статьи: „Вопросъ о сліяніи властей на низшей ступени государственнаго управленія" и „Сословное начало въ мѣстномъ самоуправленіи", въ которыхъ идутъ рука объ руку историкъ-судья и гражданинъ, задумывающійся надъ будущимъ своей родины.—Обширныя изслѣдованія посвящены имъ двумъ недавнимъ больнымъ вопросамъ русскаго быта: свободѣ печати и

свободѣ совѣсти. По первому вопросу онъ написалъ статью еще въ 1869 г. подъ названіемъ „Русскіе законы о печати“, а въ 1904 г. издалъ сборникъ „Законодательство о печати“, который продиктованъ стремленіемъ облегчить положеніе русской печати. Другой вопросъ — о свободѣ совѣсти — вызвалъ цѣлый рядъ появлявшихся во „Внутреннемъ обозрѣніи“ Вѣстника Европы статей, изъ которыхъ затѣмъ былъ составленъ сборникъ „Свобода совѣсти и вѣротерпимость“. Эти статьи проникнуты горячимъ сочувствіемъ къ людямъ, тѣснимымъ за свои религіозныя убѣжденія, съ заступничествомъ за которыхъ и выступилъ Арсеньевъ. Подвергая суровой критикѣ наши карательные законы, онъ зачастую не могъ сдержать въ себѣ возмущенія на полную насилія нашу церковную политику, и горячія ноты негодованія врываются иногда въ спокойный тонъ его изложенія.

На страницахъ „Вѣстника Европы“ онъ выступалъ не только въ качествѣ публициста, но и въ качествѣ критика. Его критическія статьи стали появляться съ 1883 г., а затѣмъ вошли въ значительной части въ изданные въ 1888 г. два тома „Критическихъ этюдовъ“. Наибольшіе по размѣрамъ и по богатству содержанія очерки посвящены имъ Салтыкову и Некрасову;—изъ нихъ первый заключаетъ въ себѣ интереснѣйшія изслѣдованія по общимъ вопросамъ словесности, а второй—проникнутую теплотою чувства защиту памяти поэта противъ неоднократно раздававшихся обвиненій его въ неискренности и фальши. Нравственное значеніе литературныхъ произведеній отмѣчено Арсеньевымъ въ статьяхъ „Поэтъ и тенденціозный писатель“ и „Романъ какъ орудіе регресса“. Авторъ не ограничился отечественной литературой, а посвятилъ многочисленныя работы также и иностраннымъ писателямъ—Флоберу, Гонкуру, Доде, Ренану, Золя и др.. За литературные труды Академія Наукъ выбрала Арсеньева въ 1901 году почетнымъ академикомъ. Въ 1893 г. онъ принялъ на себя главное редактированіе оконченнаго нынѣ обширнаго Энциклопедическаго Словаря Брокгауза и Ефрона.

Жаждущая кипучей дѣятельности, многосторонняя и проникнутая стремленіемъ къ общей пользѣ натура Арсеньева заставила его выйти, съ начала восьмидесятыхъ годовъ, на арену общественной службы. Онъ былъ гласнымъ Лужскаго земскаго собранія, Петербургскаго губернскаго земства, почетнымъ мировымъ судьей и предсѣдателемъ мужскаго училищнаго совѣта. Глубокій интересъ къ земской дѣятельности и живое участіе его въ ней оставили слѣдъ въ литературѣ: такова его статья: „По поводу реформы земскихъ учрежденій“, вышедшая въ 1888 году. Когда, въ 1903 году была преобразована Петербургская городская дума, онъ принялъ дѣятельное участіе въ ея работахъ. Наконецъ, въ послѣдніе три года,

со времени пробужденія политической жизни въ Россіи, Арсеньевъ явился участникомъ съѣздовъ городскихъ и земскихъ дѣятелей, членомъ партіи демократическихъ реформъ и разныхъ комиссій и третейскихъ судовъ. Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что эта разнообразная дѣятельность не помѣшала ему устраивать въ нѣдрахъ своей семьи, для друзей и знакомыхъ, литературные вечера, на которыхъ разрабатывались вопросы искусства, литературной критики, религіи и нравственной философіи, при чемъ доклады и возраженія обыкновенно оканчивались полнымъ глубокаго и всесторонняго содержанія заключеніемъ самого хозяина дома. Гостямъ приходилось слышать доклады Спасовича, Владиміра Соловьева, переводчика и знатока Шекспира Соколовскаго, Боборыкина, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Набокова, Неплюева, П. Н. Тарновской, пишущаго эти строки и другихъ — и не разъ уходить съ освѣжающими и ободряющими впечатлѣніями.

Такъ среди неустанной работы наступилъ для Арсеньева знаменательный день пятидесятилѣтія его общественно-литературной дѣятельности. Почитатели его, вопреки и въ нарушеніе его всегдашней скромности, рѣшили почтить его особымъ торжествомъ, на призывъ къ которому откликнулись, забывая раздѣляющіе ихъ оттѣнки политическихъ убѣжденій и взглядовъ, весьма и весьма многіе. 15-го ноября, въ 5 часовъ дня, состоялось это чествованіе, и предъ юбиляромъ, душевная бодрость котораго осталась нетронутой, несмотря на сѣдину и слѣды усталости на блѣдномъ лицѣ, предстали со своими привѣтствіями представители Академіи Наукъ и Разряда изящной словесности, Петербургскаго и Московскаго университетовъ, Губернскаго и Лужскаго уѣзднаго земствъ, Петербургской городской думы, юридическаго и вольно-экономическаго обществъ, столичнаго мирового съѣзда и совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, литературнаго фонда и ряда просвѣтительно-благотворительныхъ обществъ, а также различныхъ журналовъ и изданій. Петербургскій университетъ возвелъ его въ степень доктора государственнаго права honoris causa, Московскій выбралъ своимъ почетнымъ членомъ, а Лужское уѣздное земство постановило открыть два училища имени юбиляра въ ознаменованіе его плодотворной дѣятельности въ своей средѣ. Во всѣхъ привѣтствіяхъ и адресахъ звучала одна безусловная нота уваженія къ личности и трудамъ Арсеньева и благодарное воспоминаніе о послѣднихъ. Между ними нельзя не отмѣтить адреса журнала, въ которомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, съ благороднымъ упорствомъ защищалъ онъ необходимыя условія гражданственности и свободу человѣческаго духа. „Первый одъ существованія „Вѣстника Европы“ (1866 г.)—говорила въ

своемъ адресѣ редакція этого журнала,—былъ вмѣстѣ и началомъ вашего въ немъ сотрудничества: въ этомъ самомъ году появилась на его страницахъ ваша первая статья. Такимъ образомъ, изъ пятидесятилѣтія вашего служенія литературѣ, сорокъ лѣтъ, можно сказать, принадлежатъ значительною частью „Вѣстнику Европы“: въ первыя пятнадцать лѣтъ ваши очерки и этюды въ области исторіи, политики и литературы, были настолько многочисленны, что, изданные вмѣстѣ, составили бы хорошій томъ; въ послѣднія же двадцать пять лѣтъ—цѣлая четверть вѣка!—вы отдались вполнѣ журналу, войдя въ составъ редакціи и избравъ для себя важный его отдѣлъ, а именно ежемѣсячныя обозрѣнія журнала въ области нашей жизни государственной и гражданской; вмѣстѣ взятое все это составило бы свыше пятисотъ печатныхъ листовъ, помимо многочисленныхъ отдѣльныхъ этюдовъ и очерковъ, помѣщенныхъ вами въ то же самое время въ журналѣ. Но не обширность вашихъ трудовъ по журналу составляетъ ихъ главное достоинство: читатели его, безъ сомнѣнія, должны признать, что въ вашихъ обозрѣніяхъ они всегда находили отзвукъ своего внутренняго чувства и отголосокъ своихъ мыслей о необходимости у насъ широкихъ государственныхъ реформъ; въ ту эпоху, еще недалекую отъ насъ, этотъ предметъ представлялся особенно труднымъ для трактата о немъ въ печати, и вы всегда находили возможность преодолѣвать такія трудности. Вотъ что составляетъ вашу заслугу уже не предъ журналомъ, а предъ самимъ обществомъ, и вотъ теперь какая выпала на вашу долю награда: вы дожили до дней осуществленія того, что еще очень недавно казалось рискованною мечтою! Это наилучшимъ образомъ завершило пятидесятилѣтіе вашей литературной дѣятельности и дало вамъ великую отраду увидѣть воочію всходы того, что вы сѣяли, съ великими усиліями и трудомъ, многіе годы, оставаясь всегда неуклонно на избранномъ вами пути чести, правды и добра. Примите же сердечное и дружеское поздравленіе редакціи съ душевнымъ пожеланіемъ вамъ здравія и новыхъ силъ для новыхъ трудовъ на пользу дальнѣйшаго, прочнаго и успѣшнаго развитія нашей новой политической и гражданской жизни“.

Привѣтствуя своего сочлена, какъ почетнаго академика, разрядъ изящной словесности Императорской Академіи наукъ въ своемъ адресѣ высказалъ, обращаясь къ юбиляру: „Разрядъ привѣтствуетъ васъ и какъ литературнаго критика. Ваша оцѣнка цѣлаго ряда писателей русскихъ и иностранныхъ поучительна по своей полнотѣ, вдумчивой опредѣленности и доказательности, по внимательному изученію мотивовъ творчества писателей и по стремленію точно и справедливо выяснить какъ идею, такъ и тен-

денціи ихъ произведеній, существующія рядомъ и отнюдь не исключающія одна другую. Эта оцѣнка сопровождается интереснѣйшими изслѣдованіями по общимъ вопросамъ словесности: о задачахъ и пріемахъ сатиры, объ отличіи ея отъ фельетона и каррикатуры, о психологическомъ ея элементѣ, о смѣшеніи утрировки съ прозорливостью, о психологіи творчества, объ опытахъ построенія научной критики и объ экспериментальномъ романѣ. Всесторонне, разбирая того или другого писателя, вы умѣли не обособлять представленія о немъ отъ историческихъ условій, въ которыхъ развилось или стало угасать его дарованіе, и отъ того воздѣйствія, которое оказали, будя мысль, его произведенія на нравственное развитіе общества. Съ грустью отмѣчая, въ нѣкоторыхъ случаяхъ размѣнъ таланта на мелкую монету, соотвѣтствующую мимолетной „злобѣ дня", вы со словами горячаго сочувствія относились къ дѣятелямъ въ безграничной области вѣры въ русскій народъ и любви къ нему... Пускай же въ этой области съ неизсякаемою бодростью продолжается и вашъ трудъ еще на многіе годы!"

Вечеромъ въ тотъ же день состоялся въ ресторанѣ Донона юбилейный обѣдъ, въ которомъ приняло участіе болѣе 120 человѣкъ, и юбиляру вновь пришлось выслушать отъ видныхъ представителей науки, литературы, публицистики и политическихъ партій рядъ горячихъ привѣтствій, разнообразныхъ по содержанію, единыхъ по своей искренности. Всѣ они были проникнуты одной господствующей мыслью: въ Арсеньевѣ чествовался не представитель какой-либо изъ политическихъ партій, а человѣкъ, который дорогъ всѣмъ присутствующимъ своими общечеловѣческими нравственными свойствами и,—благодаря которому въ разнообразныхъ областяхъ и на путяхъ дѣятельности столько лѣтъ столь многіе почерпали бодрость въ настоящемъ и свѣтлую вѣру въ лучшее будущее. Въ словѣ своемъ присяжный повѣренный А. С. Зарудный, сынъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ создателей Судебныхъ Уставовъ, незабвеннаго Сергѣя Ивановича Заруднаго, высказалъ Арсеньеву „по праву представленія" сердечное привѣтствіе отъ своего давно умершаго отца, въ остроумной формѣ изобразивъ, что и какъ сказалъ бы послѣдній—если бы могъ участвовать въ торжествѣ—по поводу плодотворной дѣятельности юбиляра на почвѣ, созданной Судебными Уставами 1864 года. Ораторъ вспомнилъ, что на вечеръ, данный его отцомъ въ день десятилѣтія этихъ Уставовъ, были приглашены одни участники этой великой законодательной работы и, въ видѣ исключенія, лишь двое изъ сравнительно молодыхъ судебныхъ дѣятелей, въ которыхъ благородный участникъ „великой реформы" видѣлъ товарищей по духу и практическихъ продолжателей своего дѣла.

Это были Арсеньевъ и пишущій эти строки,—тогда молодой прокуроръ Петербургскаго окружного суда. Въ виду этого ораторъ заявилъ настойчивое желаніе присутствующихъ услышать, между прочими, и привѣтствіе юбиляру со стороны послѣдняго. Хотя этимъ послѣднимъ уже была, въ качествѣ сотоварища Арсеньева по Академіи наукъ, высказана оцѣнка дѣятельности юбиляра въ составленномъ имъ, приведенномъ выше, адресѣ Разряда изящной словесности, но пришлось подчиниться и сказать слѣдующее:

„А. С. Зарудный поступилъ довольно жестоко, заявивъ совершенно неожиданное мною требованіе услышать, между прочимъ, и слово стараго гостя своего знаменитаго отца въ памятный день 10-лѣтія Судебныхъ Уставовъ. Повинуюсь, хотя и нахожусь въ большомъ недоумѣніи. Что могу сказать я? Съ какой новой точки зрѣнія освѣтить личность и дѣятельность юбиляра? Все это уже сдѣлано такъ полно и всесторонне, что, кажется, прибавить нечего. Произведенъ не только синтезъ, но и подробный анализъ того, что представляетъ собою слово „Арсеньевъ“. Онъ весь разобранъ, какъ здѣсь говорили, по косточкамъ. Оставалось бы лишь повторять то, что говорили съ такой теплотой и блескомъ предшествующіе ораторы, лишь добавляя кое-что изъ области личныхъ воспоминаній и, являясь, такъ сказать, свидѣтелемъ прошлаго.—Такъ—къ словамъ говорившаго о первыхъ годахъ адвокатской дѣятельности юбиляра, я могъ бы присоединить мои воспоминанія о томъ времени, когда мнѣ приходилось бывать не разъ противникомъ и вмѣстѣ ученикомъ его въ давно забытыхъ судебныхъ бояхъ, изъ которыхъ я всегда выходилъ съ глубокимъ и благодарнымъ уваженіемъ къ моему побѣдителю. Я могъ бы вспомнить ту безукоризненность пріемовъ и то высокое дарованіе, которое онъ вносилъ въ веденіе судебнаго дѣла, когда его рѣчь лилась, какъ многоводная рѣка, неотразимо, но безъ шума размывая и сокрушая преграды на своемъ пути, и когда въ ея чистыхъ струяхъ, безчисленными яркими огоньками, отражалось солнце нелицемѣрной правды. Потомъ эта рѣка разлилась широко, освѣжила и оплодотворила далекія нивы и то же солнце не переставало играть на ней, ободряя и веселя смущенныя подчасъ сердца!

Къ словамъ тѣхъ, кто говорилъ о трудахъ его для укрѣпленія и вѣрнаго пониманія Судебныхъ Уставовъ, я могъ бы добавить, что Уставы эти явились, какъ то, что въ римскомъ правѣ называется insula in flumine nata. На этомъ островѣ былъ зажженъ впервые, какъ маякъ, огонь настоящаго правосудія. Но вскорѣ наступили трудныя времена: волны вражды и вольнаго или невольнаго невѣжества стали заливать берега этого острова, отрывая отъ него кусокъ за кускомъ. И съ самаго острова началось бѣгство на болѣе спокойный, удобный и выгодный

материкъ, а число тѣхъ, кто со старой вѣрой, но съ колеблющейся надеждой поддерживали огонь и проливаемый имъ свѣтъ, загораживая его собою отъ вѣтра, становилось все меньше и меньше. Для этого меньшинства, вслѣдствіе пагубнаго для него незнанія миѳологіи, Ѳемида была, какъ выразился Спасовичъ, „Афродитой, вышедшей изъ пѣны морской“. Но не смотря на то, что враги и ложные друзья исказили ея чарующій образъ, и что ея станъ согнулся, волосы порѣдѣли, зубы выпали, чистое чело покрылось морщинами, и здоровый цвѣтъ лица смѣнился чахоточнымъ румянцемъ,—это меньшинство оставалось ей вѣрно, потому что и въ частной и въ общественной жизни первая любовь, вошедшая въ сердце, послѣднею выходитъ изъ памяти. Я напомнилъ бы, какую поддержку и ободреніе находили себѣ въ трудахъ юбиляра тѣ, кому были дороги Судебные Уставы. Я напомнилъ бы и о позднѣйшемъ времени... Тогда руки, вскормленныя этими Уставами, дерзновенно поднялись на нихъ, и подъ предлогомъ *ремонта*, предприняли ихъ разрушеніе, отдавая слѣдствіе въ руки полиціи, оставляя ближайшій къ народу судъ въ распоряженіи земскихъ начальниковъ, уничтожая единство кассаціоннаго суда, не допуская несмѣняемости мѣстныхъ судей, колебля безъ всякой нужды представленіе объ устойчивости суда присяжныхъ и низводя судью въ служебное положеніе обыкновеннаго чиновника. Юбиляръ былъ призываемъ украсить своимъ *именемъ* комиссію, въ которой разработывалась эта почтенная задача, но онъ принесъ въ нее однако не только свое имя, но и твердое исповѣданіе вѣры стараго судебнаго дѣятеля и тѣмъ облегчилъ и укрѣпилъ омраченную душу тѣхъ, къ сожалѣнію немногихъ, которые оставались, безъ надежды на успѣхъ, вѣрны старому чувству ясныхъ дней первыхъ годовъ судебной реформы.

Я присоединился бы и къ привѣтствію, произнесенному отъ имени давно покойнаго, такъ много сдѣлавшаго и такъ страдавшаго на границѣ обѣтованной земли, С. И. Заруднаго. Нашъ юбиляръ, конечно, не разъ въ своей жизни чувствовалъ необходимость пожатія дружеской руки, той руки, про которую Шиллеръ сказалъ O, Du! Du, die alle Wunden heilest — der Freundschaft zarte, liebe Hand. Принявъ на себя то, что въ гражданскомъ правѣ называется *представительствомъ безъ полномочія*, я напомнилъ бы ему о двухъ дорогихъ ему усопшихъ: Владимірѣ Даниловичѣ Спасовичѣ и Валеріанѣ Александровичѣ Половцовѣ. Будь они живы—первый изъ нихъ, вспомнивъ тѣ битвы, „гдѣ вмѣстѣ рубились они“, горячо протянулъ бы ему руки и своимъ живымъ и памятнымъ намъ всѣмъ языкомъ, воскликнулъ бы: „Константинъ Константиновичъ! какой счастливый день! вѣдь вашъ юбилей *диво-дивное*, о кото-

ромъ мы и мечтать не могли!" А другой—одинъ изъ благороднѣйшихъ сыновъ судебнаго вѣдомства,—въ молчаливомъ сердечномъ порывѣ, крѣпко сжалъ бы его руку въ своей честной, безтрепетной рукѣ.

Къ тому, что говорилось объ испытанныхъ юбиляромъ тяжелыхъ минутахъ и скорбяхъ, я добавилъ бы, что въ такія минуты человѣку нужно теплое и близкое участіе, нуженъ согрѣвающій его очагъ. „Der Mann muss hinaus in'sfeindliche Leben", но надо, чтобы послѣ полученныхъ и нанесенныхъ ударовъ, послѣ пыли, а иногда и грязи арены общественной борьбы, послѣ пролитыхъ пота и крови собственнаго сердца, боецъ находилъ себѣ отраду у семейнаго очага, гдѣ его отогрѣютъ, ласково перевяжутъ его раны и подкрѣпятъ его силы. Мы видѣли здѣсь, во время юбилейныхъ привѣтствій, рядомъ съ такимъ бойцомъ—представительницу его домашняго очага, свидѣтельницу многихъ лѣтъ его личной жизни. Погруженная въ себя и задумчивая—она, конечно, мысленно переживала годы тревогъ за любимаго человѣка и въ справедливой за него гордости, въ минуты общаго признанія его заслугъ, плакала невидимыми внутренними, умиленными слезами. Я думаю, что выражу единодушное чувство всѣхъ присутствующихъ, прося Константина Константиновича передать отъ нашего имени спутницѣ его жизни наше сердечное и почтительное привѣтствіе.

Такимъ образомъ оказывается, что мнѣ нечего сказать новаго. Характеристика юбиляра достаточно полна и многостороння. Скажу одно—по поводу общаго смысла его дѣятельности. Потребности общества и народа выливаются не только въ прямыхъ заявленіяхъ,—онѣ находятъ себѣ выраженіе во всѣхъ чаяніяхъ, упованіяхъ, скорбяхъ и неслышныхъ радостяхъ на разныхъ концахъ страны. Все это предугадывалъ, выяснялъ и проводилъ въ жизнь нашъ юбиляръ. Вотъ почему онъ можетъ сказать о себѣ словами Пушкина: „И неподкупный голосъ мой—былъ эхомъ русскаго народа". Мнѣ помнится, что въ рѣчи одного изъ выдающихся англичанъ, кажется Гладстона, есть слѣдующее мѣсто: „благороднѣйшее дѣло Создателя—есть благородный человѣкъ". Привѣтствуя Константина Константиновича, я съ благодарнымъ чувствомъ поднимаю бокалъ во имя и въ честь этого двойного благородства!"

А. Ѳ. Кони.

*

Письмо Фета М. И. Пыляеву.

Степановка, 25 февраля [1]).

Monsieur Пыляевъ!

Въ крайнемъ мученіи съ переднимъ зубомъ, я вспомнилъ, что Вы искусны по этой части и имѣете нужные для вырыванія инструменты.

Надѣюсь, Вы будете такъ обязательны подать страждущему сосѣду [2]) помощь.

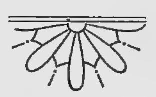
Посылаю лошадей и прошу пріѣхать завтра въ среду утромъ, ибо у насъ ночевать, по причинѣ перестройки, буквально негдѣ.

Исполненіемъ моей убѣдительной просьбы вы равно обяжете меня, какъ человѣкъ и какъ хирургъ [3]).

Любезнѣйшимъ хозяевамъ Вашимъ нашъ общій съ женой прошу передать поклонъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ
имѣю честь быть
Милостивый Государь,
Вашъ всегда готовый къ услугамъ
А. Фетъ.

Сообщилъ В. А. Алексѣевъ.

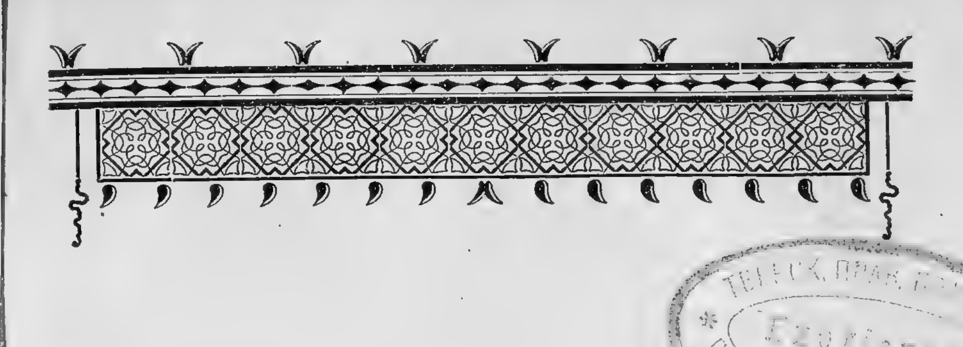

---

[1]) Безъ полной даты.

[2]) Покойный знатокъ петербургской старины гостилъ у одного изъ знакомыхъ помѣщиковъ.

[3]) Конечно, какъ любитель. Мих. Ив. лечилъ очень удачно. Между прочимъ, онъ поднялъ на ноги извѣстнаго милліонера Асташова.

Изъ прошлаго [1]).

Въ Болгаріи.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

Глава XII.

Медаль, учрежденная княземъ въ воспоминаніе вступленія его въ княженіе. —Многознаменательный обѣдъ во дворцѣ и титулъ „Высочества".—Переговоры съ Давыдовымъ о назначеніи меня Намѣстникомъ княжества, на время отсутствія князя.—Отъѣздъ князя въ Петербургъ.—Пропажа чемодана Давыдова съ документами.—А. М. Кумани.—Праздникъ Богоявленія Господня въ Софіи, 6-го января 1880-го года, и что изъ этого вышло.

Утверждаясь въ весьма странной, и во всякомъ случаѣ ложной, мысли, что распустивъ очередное Народное Собраніе, одновременно, и этимъ самымъ, упразднена конституція, князь не считалъ болѣе нужнымъ стѣсняться и началъ издавать указы, противорѣчившіе основнымъ законамъ. Только по военному министерству нарушеній закона, (кромѣ принятія Кёллера), не было, такъ какъ каждый разъ когда князь задумывалъ что-либо подобное, онъ предварительно справлялся, соглашусь-ли я скрѣпить (контрсигновать) указъ, а такъ какъ я, на основаніи §§ закона, отказывался, а безъ моей скрѣпы указъ не имѣлъ силы [2]), то дѣло откладывалось до лучшихъ временъ [3]).

---

[1]) См. „Русскую Старину", декабрь 1907 года.

[2]) § 154 конституціи.

[3]) Относительно такого контрсигнованія бывали и личные разговоры. Князь обыкновенно начиналъ такъ: „Je veux faire un ukaz"... Я докладывалъ, что этотъ указъ будетъ противорѣчить закону. — „Alors vous ne le contresignerez pas?"... Я отвѣчалъ, что не могу, но что я могу уйти и тогда мой преемникъ, назначенный княземъ, можетъ быть подпишетъ. — „Alors

По § 58 конституціи титулы благородства и другія отличія, а равно и ордена въ Болгарскомъ княжествѣ не допускались; по § 59 князю предоставлялось „право учредить одинъ знакъ отличія, исключительно для военныхъ, за дѣйствительно совершенные ими подвиги во время войны". Такое демократическое установленіе явилось слѣдствіемъ преобладанія въ Тырновскомъ Учредительномъ Собраніи партіи народниковъ-демократовъ.

Я всегда находилъ, что суровый § 58 подлежитъ измѣненію, прежде всего въ томъ, что касается орденовъ, даваемыхъ за мирныя заслуги. Человѣческой натурѣ свойственно ощущать удовольствіе, получая награду, а также и награждая. Хотя, съ точки зрѣнія высшей морали, наградою должно служить духовное удовлетвореніе исполненнаго долга, или принесенной пользы, но мы далеко ушли отъ временъ Соломона и Ликурга; человѣкъ, на длинной лѣстницѣ своей жизни, сдѣлалъ уже много уступокъ тщеславію, и возвращаться къ первобытнымъ временамъ немыслимо. Даже высокіе умы, работавшіе на пользу человѣчества, заслужившіе всемірную извѣстность, ученые, писатели, доктора-гуманисты, не только не гнушались чиновъ, титуловъ и орденовъ, но дорожили ими, и даже очень. Не составили исключенія такія имена, какъ Гёте и Гумбольдъ. Одинъ знаменитый во всей Европѣ хирургъ [1]), произведя удачную горловую операцію моему знакомому, русскому сановнику, отказался отъ большого гонорара, но очень просилъ, чтобы этотъ сановникъ, по возвращеніи въ Россію, при представленіи Государю Императору Александру II, исходатайствовалъ ему русскій орденъ, котораго у него еще нѣтъ. Швейцаръ, извѣстнаго всему міру, Берлинскаго доктора — профессора Лейдена, на вопросъ „дома-ли докторъ-профессоръ?"... неукоснительно отвѣчалъ: „Der Staatsrath"... (статскій, государственный совѣтникъ), или „excélence" (превосходительство)... Все это въ порядкѣ вещей вездѣ, гдѣ есть человѣкъ съ его слабостями, и странно было бы думать, что болгары отъ этого свободны. Я былъ увѣренъ, что со временемъ явятся и ордена за мирныя заслуги, но торопиться съ этимъ не видѣлъ никакой надобности. Князь смотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ очень любилъ ордена; Гессенскій орденъ называлъ: „l'ordre de ma maison" [2]) и огорчалс что не можетъ давать ихъ въ мирное время. По желанію князя я раз-

---

n'en parlons plus"... говорилъ князь и этимъ кончалось. Князь очень желалъ моего ухода, но съ тѣмъ, чтобы инціатива исходила отъ него, чтобы я ушелъ по его требованію, а не по моему желанію, на почвѣ разногласій, при которыхъ законъ былъ бы на моей сторонѣ.

[1]) Боюсь сказать навѣрное, но кажется Бильротъ.

[2]) Орденъ моего „дома".

рабатывалъ проектъ военнаго ордена и его рисунокъ; основаніе теперешняго болгарскаго ордена Александра, бѣлый мальтійскій крестъ, предложено мною; но это касалось военныхъ заслугъ и отдаленнаго будущаго, князю же не терпѣлось, и вотъ, 1-го января 1880 года, всѣ министры, бывшіе и настоящіе, а можетъ быть и еще кто-нибудь, получили коробочки съ медалями, при письмѣ.

Въ полученномъ мною было сказано [1]).

Дорогой генералъ Паренсовъ!

Прошедшій годъ будетъ принадлежать къ самымъ знаменательнымъ для болгарскаго народа. Въ нашей памяти останется неизгладимой минута, когда во дворцѣ Августѣйшаго Нашего Дяди, Освободителя Болгаріи, въ Ливадіи прибыла и намъ представилась депутація болгарскаго народа для предложенія княжескаго престола. Для сохраненія и внѣшнимъ образомъ живымъ въ вашей памяти того историческаго момента, когда черезъ 500 лѣтъ первый болгарскій Государь вступилъ на болгарскую землю, благоволили мы приказать отчеканить прилагаемое воспоминаніе, — которое съ одной стороны представляетъ Нашъ Образъ[2]), а съ другой — гербъ вновь воздвигнутой болгарской Державы, увѣнчанное болгарскими народными цвѣтами.

Какъ члену нашего перваго министерства, препровождаемъ вамъ это воспоминаніе, увѣряя васъ въ нашемъ особенномъ благоволеніи и любви. Александръ.

Г. Софія. 1 января 1880 года.

Такъ какъ въ письмѣ этомъ было употреблено слово „воспоминаніе“ и ничего не было сказано о „ношеніи“ его, то я полагалъ, что найду въ присланной коробкѣ какой-нибудь жетонъ, но, открывъ, увидѣлъ, что тамъ медаль, да еще съ ушкомъ, очевидно, указывавшимъ на то, что медаль предназначалась для „ношенія“... Медали я не надѣлъ, а коллеги мои надѣли. Это конечно было замѣчено княземъ; я опять попалъ въ „оппозицію“ и уже какъ будто „личную“.

Обращаясь къ самому письму, не могу не отмѣтить, что въ этомъ оффиціальномъ документѣ, составители его, или вдохновители его авторовъ, не смогли отрѣшиться отъ постановки на главномъ мѣстѣ личнаго *я*. Казалось бы, что основнымъ мотивомъ учрежденія медали должно было служить „освобожденіе Болгаріи отъ 500-тълѣтняго рабства“, а не „вступленіе на болгарскую землю...“, такъ какъ первое было причиной, а второе только послѣдствіемъ. Первое

[1]) Здѣсь приводится переводъ съ болгарскаго.
[2]) Портретъ.

было историческимъ событіемъ громадной важности, измѣнившимъ карту Европы, а вторая—явленіемъ временнымъ, преходящимъ и по существу своему—замѣняемымъ.

Неудовольствіе князя на меня выражалось иногда въ весьма причудливыхъ формахъ и распространялось даже на мою жену, съ которой князь, послѣ какой-нибудь размолвки со мной, бывшей на докладѣ, утромъ, демонстративно не танцовалъ вечеромъ, на балу во дворцѣ. То же самое происходило и при распредѣленіи мѣстъ за обѣденнымъ столомъ, при чемъ князь, желая обратить мое вниманіе, всегда находилъ нужнымъ какъ-будто извиняться передо мной, объясняя случившееся какимъ-нибудь правиломъ придворнаго этикета. Все это было очень мелочно и очень скучно, но однажды произошло нѣчто, совершенно невѣроятное.

Князь собирался ѣхать въ самомъ началѣ января 1880-го года въ Петербургъ, на два мѣсяца и пригласилъ меня къ себѣ, чтобы сообщить, что онъ желаетъ сдѣлать военный обѣдъ во дворцѣ, пригласивъ всѣхъ офицеровъ Софійскаго гарнизона. Отдавая мнѣ соотвѣтственныя приказанія, князь сказалъ, что изъ не военныхъ будетъ только русскій дипломатическій агентъ А. П. Давыдовъ, и показалъ мнѣ рисунокъ стола, съ распредѣленіемъ мѣстъ. По правую сторону князя долженъ былъ сидѣть я, по лѣвую Давыдовъ; около Давыдова—Шепелевъ, напротивъ князя—гофмаршалъ баронъ Ридейзель, а рядомъ съ нимъ и напротивъ меня—мой помощникъ, А. К. Тимлеръ. Изъ этого распредѣленія мѣстъ видно, что мнѣ, какъ и подобало на „военномъ“ обѣдѣ, отведено было самое почетное мѣсто. Князь приказалъ быть всѣмъ въ полной парадной формѣ, а мнѣ надѣть не мундиръ генеральнаго штаба, а обще-генеральскій. Очевидно князь затѣвалъ что-то грандіозное. Уходя отъ князя и раздумывая объ этой грандіозности и торжественности, я сообразилъ, что, вѣроятно, князь скажетъ какую-нибудь рѣчь, и мнѣ, какъ старшему, надо будетъ отвѣтить; тутъ-то я и набрелъ на вопросъ: на какомъ языкѣ будетъ говорить князь? Этотъ вопросъ пріобрѣталъ большое значеніе, если вспомнить то, что сказано мною въ концѣ гл. III, о титулѣ. Если князь будетъ говорить по-французски, то дѣло улаживалось просто; я употреблю слово Altesse, безъ прибавленія Sérénissime, какъ дѣлалъ всегда; но если князь будетъ говорить по-болгарски или по-русски (конечно заучивши заблаговременно нѣсколько привѣтственныхъ фразъ), то дѣло усложняется. Сказать „Свѣтлость“, да еще во дворцѣ, будетъ противорѣчить тому modus vivendi, которое мы установили съ Давыдовымъ, при самомъ возникновеніи вопроса о титулѣ; будетъ принято княземъ, какъ личное оскорбленіе, ему нанесенное, въ его домѣ, но зато будетъ вполнѣ

согласно съ основнымъ государственнымъ закономъ, на которомъ я до сихъ поръ твердо стоялъ. Сказать „Высочество"—нарушеніе закона и отреченіе отъ всего прошлаго, съ такимъ трудомъ выдержаннаго. Недоумѣвая, какъ быть, и не желая быть застигнутымъ въ расплохъ, я зашелъ къ барону Ридейзелю съ тѣмъ, чтобы спросить у него: не знаетъ ли онъ чего-либо, по этому дѣлу: Оказалось, что я пришелъ очень кстати, такъ какъ Ридейзель собирался ѣхать ко мнѣ, *по приказанію князя*, сообщить и предупредить меня, что онъ скажетъ рѣчь *по-французски.*

Вполнѣ довольный такимъ исходомъ, я, успокоенный, отправился домой и такъ какъ можно было заранѣе, съ большой достовѣрностью, установить въ чемъ будетъ заключаться привѣтственное слово князя представителямъ арміи, то и составилъ конспектъ отвѣта „верховному вождю войска", краткій, но сильный. Для провѣрки себя, на всякій случай, я прочиталъ этотъ конспектъ моему другу Шепелеву, который его вполнѣ одобрилъ и вмѣстѣ со мной радовался, что и на этотъ разъ подводный камень титула нами благополучно обойденъ.

Обѣдъ начался и продолжался вполнѣ благополучно до шампанскаго; князь со мной разговаривалъ—по-французски; не скажу, чтобы онъ выглядѣлъ вполнѣ спокойно; въ веселости его было много дѣланнаго, но я приписывалъ это тому ненормальному и неспокойному состоянію духа, въ которомъ онъ вообще, послѣднее время, находился. Когда бокалы были налиты, князь всталъ; мы встали тоже, я—вполнѣ спокойно, заранѣе увѣренный въ успѣхѣ моего отвѣтнаго „слова" и князь заговорилъ—по-болгарски! Я, и всѣ знавшіе предварительные переговоры мои съ Ридейзелемъ,—Тимлеръ, Шепелевъ, Давыдовъ... были ошеломлены. Впослѣдствіи, Тимлеръ, сидѣвшій напротивъ и все время наблюдавшій за княземъ, говорилъ мнѣ, что князь, весь обѣдъ, быть очень красный, а когда всталъ, то сдѣлался блѣденъ—„какъ скатерть". Что сказалъ князь—не помню. Жидкое ура—и всѣ сѣли; многіе сидѣли въ томительномъ молчаньи.—Что мнѣ было дѣлать?

Тутъ, долженъ сознаться, я сдѣлалъ величайшій промахъ; грубѣйшую ошибку. Я попался въ разставленныя мнѣ сѣти; но, и я это утверждаю, я влѣзъ въ эти сѣти—совершенно сознательно. Мнѣ до такой степени надоѣлъ вопросъ о титулѣ, до такой степени была противна разыгравшаяся сцена, что я, рѣзко поднявшись, началъ совсѣмъ другую рѣчь, отчеканивъ вступленіе въ нее словами: „Ваше Высочество" — по-русски. Тимлеръ, внѣ себя отъ происшедшаго, не перестававшій пожирать князя глазами, сказалъ мнѣ потомъ, что когда я поднялся, то князь сдѣлался, если это воз-

*

можно, еще блѣднѣе, но при первыхъ моихъ словахъ вспыхнулъ. Только-что я кончилъ мою, очень краткую рѣчь, князь бросился мнѣ на шею, обнялъ и поцѣловалъ. Комедія была сыграна, и на всѣхъ присутствующихъ, непосвященныхъ въ закулисную сторону дѣла, произвела впечатлѣніе, что вся эта игра была заранѣе обдумана княземъ и мною, обусловлена и сдѣлана съ цѣлью провозглашенія его, на торжественномъ „военномъ" обѣдѣ,—„Высочествомъ". Военное пронунсіаменто.

Говорятъ, что бѣда — одна не приходитъ. Можно добавить еще, что одна ошибка влечетъ за собой другую.

Послѣ обѣда ко мнѣ подходитъ начальникъ Софійскаго военнаго отдѣла и Софійскаго гарнизона полковникъ Логиновъ [1]) и говоритъ мнѣ, примѣрно, слѣдующее:

„Ваше Превосходительство. Сегодня мы всѣ были здѣсь „оффиціально", „въ шарфахъ". Хотя и обѣдали, но были „на службѣ". Вы, нашъ старшій начальникъ, въ оффиціальномъ обращеніи къ князю, употребляли титулъ „Высочества". Какъ прикажете отвѣчать караулу и часовымъ во дворцѣ на привѣтствіе князя?" Вопросъ этотъ меня нисколько не изумилъ; я былъ уже настолько раненъ тѣмъ, что произошло за обѣдомъ, что это меня не укололо. Я не знаю, задалъ ли его полковникъ Логиновъ отъ себя, или кто-нибудь, въ свою очередь, его спросилъ. Я могъ бы конечно избѣжать категоричнаго отвѣта; могъ бы, напримѣръ, сказать уклончиво: „поступать по уставу", что было бы пожалуй правильнѣе, но все же это было бы, до нѣкоторой степени, ловкой увверткой. А мнѣ все стало противно; кромѣ того приведенная уклончивая, отвѣтная фраза тогда не пришла мнѣ въ голову и я, раздраженный, отвѣтилъ: „отвѣчать— Высочество",—и при первой возможности уѣхалъ.

Вскорѣ пріѣхалъ ко мнѣ Тимлеръ, въ совершенномъ отчаяніи отъ всего случившагося, въ величайшемъ негодованіи на князя и осыпалъ меня упреками, зачѣмъ я сдѣлалъ такъ, а не иначе. Понятно, послѣ совершившагося факта, легко говорить, что было бы лучше поступить иначе... Кабы знать гдѣ упасть — соломы бы подостлалъ. Тимлеръ засидѣлся у меня долго, какъ вдругъ, около часа ночи, является Шепелевъ. „Я къ вамъ прямо отъ князя. Онъ въ ужасномъ волненіи". — „Въ чемъ дѣло?"—„Князь вышелъ гулять, поздоровался съ часовыми на подъѣздѣ, и они отвѣтили ему: „Ваше Высочество". Князь вернулся во дворецъ, тотчасъ послалъ за мпой и поручилъ мнѣ немедленно, несмотря на поздній часъ, ѣхать къ вамъ и „упро-

[1]) Петръ Петровичъ, л.-гв. Литовскаго полка.

сить" васъ, передѣлать все по-старому. Онъ меня ждетъ и сказалъ, что не ляжетъ спать до полученія отвѣта".

Ну, думаю, заварилась каша. Ordre, contre-ordre, désordre! Послалъ за полковникомъ Логиновымъ и передалъ ему, на словахъ, приказаніе вернуться къ старому, но Логиновъ просилъ письменнаго подтвержденія, мотивируя это тѣмъ, что онъ, вернувшись съ обѣда домой, отдалъ по гарнизону письменный приказъ именовать князя „Высочествомъ". — Просьбу Логинова я исполнилъ [1]).

Описанный случай до очевидности показалъ, что мнѣ съ княземъ вмѣстѣ въ Болгаріи не быть; одному изъ насъ оставаться, другому уходить, и въ данномъ случаѣ, понятно—уходить мнѣ. Сознавъ то и сознавъ, что уходить надо теперь же, я вполнѣ упокоился. Это наступившее успокоеніе дало мнѣ силу дѣйствовать самостоятельно и независимо, въ другомъ, немедленно наступившемъ дѣлѣ, касавшемся уже не моей личности, а всей Болгаріи.

Въ виду предстоявшаго отъѣзда князя изъ Болгаріи, на основаніи § 19-го конституціи, должно было назначить намѣстника (регента). Однажды А. П. Давыдовъ пригласилъ меня прійти къ нему по очень важному дѣлу. Мы были одни, и Давыдовъ тотчас же заговорилъ объ отъѣздѣ князя и выборѣ намѣстника, при чемъ, послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ фразъ, заявилъ мнѣ, что выборъ княземъ намѣстника остановился на мнѣ. Я отвѣтилъ согласіемъ, но спросилъ, какое будетъ на этотъ счетъ мнѣніе Русскаго Императорскаог правительства и не слѣдуетъ ли предварительно спросить объ этомъ Государя Императора. Давыдовъ отвѣтилъ, что все уже сдѣлано, что Государь согласенъ, и показалъ мнѣ депешу: „Государь Императоръ ничего не имѣетъ противъ назначенія генерала Паренсова намѣстникомъ княжества, если это не стѣснитъ его въ исполненіи прямыхъ его обязаностей". Подписано: Гирсъ [2]). „Тогда", говорю я, „дѣло кончено. Хотя Болгарія меньше нѣкоторыхъ русскихъ губерній, но все жъ интересно, въ чинѣ генералъ-маіора и имѣя 36 лѣтъ отъ роду, быть, временно, во главѣ княжества". Но тутъ послѣдовалъ разговоръ настолько, по моему мнѣнію, интересный и важный, что я его передамъ дословно, такъ, какъ онъ происходилъ. — „Назначеніе ваше намѣстникомъ не составляетъ еще самой важной части того, что я долженъ вамъ сообщить, а вотъ главное:

---

[1]) Этотъ случай и далъ основаніе князю, въ его жалобахъ на меня въ Петербургѣ, заявлять: „Когда генералъ Паренсовъ мной доволенъ — армія называетъ меня „Высочествомъ", а когда недоволенъ—„Свѣтлостью", въ доказательство чего приводился какъ фактъ, обѣденный эпизодъ, дѣйствительно бывшій, но неправильно освѣщаемый.

[2]) Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

князь твердо рѣшилъ покончить съ конституціей; до такой степени твердо, что онъ не желаетъ даже возвращаться въ Болгарію при существованіи теперешней формы правленія, а поэтому онъ пришлетъ изъ Петербурга, на ваше имя, ультиматумъ, съ требованіемъ пріостановки конституціи на 7 лѣтъ и передачи власти, полностью, въ его руки. Этотъ ультиматумъ вы должны объявить народу". — Выслушавъ Давыдова, я спросилъ, говоритъ ли онъ все это мнѣ отъ себя, или ему поручено все изложенное мнѣ объявить? Давыдовъ отвѣтилъ, что онъ говоритъ со мной по порученію князя. — „Значитъ", сказалъ я, „мы, русскіе, должны, собственными руками разрушить все то, что съ такимъ трудомъ созидали?"... — Да. — „Ну, а если народъ меня не послушаетъ?"... Давыдовъ сказалъ, что и онъ подобную возможность предвидѣлъ и задалъ объ этомъ князю вопросъ, на что послѣдовалъ отвѣтъ: „il y a ses bayonettes" [1]).

Я былъ удрученъ, но все же отвѣчалъ: хорошо; я это сдѣлаю. Но сдѣлаю при одномъ условіи: если вы предъявите мнѣ такую же депешу, за подписью Гирса, въ которой будетъ сказано, что Государь этого желаетъ, что это воля Государя Императора. Тогда я перестану быть болгарскимъ военнымъ министромъ и превращусь въ русскаго генерала, посланнаго въ Болгарію на экзекуцію — разрушить то, что, годъ тому назадъ, создано русскими трудами, войной и русской кровью. Думаю даже, что, при такой постановкѣ дѣла, обойдусь безъ штыковъ". Давыдовъ слушалъ меня сидя и довольно терпѣливо, но тутъ вскочилъ: „Никогда вы такой телеграммы не получите"... — „Почему?"... „Государь противъ переворота". Тутъ уже и я не нашелъ нужнымъ пребывать въ напущенномъ на себя, дѣланномъ, спокойствіи, тоже всталъ и выговорилъ: „Такъ передайте же отъ меня васъ пославшему, что я не только не употреблю штыковъ для совершенія желаемаго, но наоборотъ: силою всѣхъ 16-ти тысячъ штыковъ, въ моемъ распоряженіи находящихся, пойду противъ всякаго, кто задумаетъ что-либо подобное, безъ воли и одобренія Государя Императора".—Давыдовъ, все время нервно ходившій по своей маленькой комнатѣ, остановился и вскричалъ: „Что вы говорите, я вамъ говорилъ отъ имени князя. Я не могу передать ему вашихъ словъ". — Въ большомъ волненіи я отвѣтилъ: „А я васъ прошу передать дословно"; попрощался и ушелъ.

Вопросъ о переворотѣ больше не поднимался. Намѣстникомъ былъ назначенъ министръ народнаго просвѣщенія, Тырновскій

---

[1]) „У него" (т. е. у меня) „есть штыки".

епископъ Климентъ, и князь уѣхалъ въ ночь на 2 или 3-го января.

Провожать князя, во дворецъ, собрались всѣ министры. Князь былъ очень со всѣми любезенъ, даже со мной. Спускаясь съ лѣстницы, князь попрощался со мной, при чемъ я пожелалъ ему счастливаго пути, на что получилъ отвѣтъ: „о, очень васъ благодарю. Именно мнѣ нуженъ „счастливый“ путь“. На слово „счастливый“ было сдѣлано особое удареніе, сопровождаемое многозначительнымъ взглядомъ, которое я понялъ и объяснилъ себѣ въ томъ смыслѣ, что князь нуждается въ пожеланіи — „счастливаго исполненія его желаній“... въ предстоящемъ ему пребываніи въ Петербургѣ.

Желѣзной дороги не было; у подъѣзда дворца стояло нѣсколько экипажей и повозки подъ вещи.—Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ князя въ Россію, былъ и А. П. Давыдовъ, уѣзжавшій, чтобы уже не возвращаться. На его мѣсто былъ назначенъ Александръ Михайловичъ Кумани.

Такъ какъ въ Петербургѣ должны были рѣшиться различные военные вопросы, мною поднятые, въ особенности же уступка болгарской арміи 16 тысячъ ружей бердана № 2, которыми была вооружена русская армія, и которая, по тому времени, считалась лучшей, то я попросилъ у князя разрѣшеніе на поѣздку въ Петербургъ моего помощника, полковника Тимлера. Командировка его была разрѣшена, и онъ поѣхалъ одновременно съ княземъ.

Мнѣ никогда не приходилось ѣздить съ княземъ, но я слышалъ, что онъ любилъ очень скорую ѣзду. Можетъ быть вслѣдствіе этой скорости, съ поѣздомъ князя стряслась, гдѣ-то уже подъ Рущукомъ, бѣда; одна изъ повозокъ съ вещами опрокинулась и чемоданы выпали. Надо же было случиться такому несчастью, что опрокинулась та именно повозка, въ которой находились чемоданы Давыдова. И надо еще къ этому прибавить, что когда подобрали выпавшіе чемоданы, то, по пріѣздѣ въ Рущукъ, всѣ они оказались на лицо и цѣлыми, кромѣ чемодана Давыдова, который изчезъ безслѣдно.— А въ немъ была уложена секретная переписка его съ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, копіи донесеній Давыдова, отвѣты министерства, шифрованныя депеши и т. п. Были розыски, которые ни къ чему не привели. Правда ли это послѣднее—не знаю, но знаю то, что содержателемъ почты отъ Софіи до Рущука былъ вольный человѣкъ, австрійскій подданный, жившій въ Болгаріи и слѣдовательно находившійся въ непосредственномъ вѣдѣніи австрійскаго консульства, куда, понятно, за розысками полиція явиться не могла.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда князя, ко мнѣ въ каби-

нетъ вошелъ человѣкъ, въ русскомъ камергерскомъ мундирѣ, выше средняго роста, необычайно широкоплечій, съ громадной головой на толстой шеѣ, съ цѣлой копной непослушныхъ, вьющихся волосъ на головѣ, въ очкахъ, съ вздернутымъ, широкимъ носомъ, поразительно некрасивый, но съ удивительно пріятнымъ выраженіемъ лица и тоненькимъ голосомъ, совершенно не соотвѣтствовавшимъ всей громоздкой фигурѣ. Онъ отрекомендовался: вновь назначенный генеральный консулъ и дипломитическій агентъ Александръ Михайловичъ Кумани.—Къ фигурѣ его, какой-то квадратной, можно было примѣнить нашу поговорку: „не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ", а глядя на его умное, съ оттѣнкомъ самаго добродушнаго юмора, лицо, чувствовалось сразу невольное къ нему влеченіе, вполнѣ оправдываемое умственными и душевными свойствами этого замѣчательнаго человѣка. Службу свою А. М. началъ въ черноморскомъ флотѣ, кажется штурманскимъ офицеромъ. Князь А. С. Меншиковъ, посланный императоромъ Николаемъ І-мъ въ Константинополь, для переговоровъ, передъ Крымской войной, узнавъ, что молодой мичманъ оріенталистъ, лингвистъ, знаетъ восточные языки, взялъ его съ собой, и съ той поры Кумани служилъ въ дипломатическомъ корпусѣ. Знаніе языковъ у А. М. было поистинѣ изумительное; кажется, не было языка, котораго онъ бы не зналъ; это былъ новый Мецофанти. Кумани ѣхалъ въ Болгарію изъ Петербурга одновременно съ русскимъ инженеромъ путей сообщенія Бергштрессеромъ, поступившимъ на службу княжества; дорогой познакомились, и Бергштрессеръ разсказывалъ, что онъ, еще ѣдучи по Россіи, былъ пораженъ необычайнымъ языковѣдѣніемъ Кумани. Пріѣхавъ въ Румынію, Кумани свободно говорилъ по-румынски; переѣхали Дунай, ступили на почву Болгаріи, Кумани заговорилъ по-болгарски, а когда, за неимѣніемъ желѣзныхъ дорогъ, сѣли въ Рущукѣ въ коляску, съ возницей, туркомъ, Кумани заговорилъ по-турецки. Заинтригованный Бергштрессеръ началъ справляться, какіе языки знаетъ Кумани и получая неизмѣнные отвѣты: „понимаю", „знаю", „говорю", съ досады спросилъ: „а по-португальски—говорите..?"— „О, я долго жилъ въ Лиссабонѣ и когда-то хорошо говорилъ; теперь, конечно, потерялъ привычку говорить на этомъ языкѣ". Бергштрессеръ бросилъ свои разспросы. Обладая феноменальной памятью, Александръ Михайловичъ былъ интереснѣйшимъ разсказчикомъ, но разсказывая, повергалъ своихъ слушателей въ трепетъ тѣмъ, что часто, по поводу какого-нибудь выраженія, слова или высказанной мысли, уклонялся въ сторону отъ предмета повѣствованія, и всѣ боялись, что, увлекшись, ему не удастся вернуться къ первоначальной темѣ; но ничуть не бывало: окончивъ вводное, А. М. продолжалъ прерван-

ное къ великому удовольствію слушателей. Вообще это былъ выдающійся человѣкъ, какъ своими умственными, такъ и душевными качествами.—Но по службѣ онъ былъ неудачникъ, хотя его очень цѣнилъ и ставилъ высоко кн. Орловъ, нашъ посолъ въ Парижѣ. Въ чемъ заключался секретъ—я не знаю; но, пробывъ нѣкоторое время въ Болгаріи, заслуживъ общую любовь болгаръ и русскихъ, онъ былъ перемѣщенъ генеральнымъ консуломъ въ ужаснѣйшій, по выраженію Кумани, Кадиксъ, т. е. служебно понизился, потомъ очутился въ Марсели, добрался до поста посланника, кажется, въ Японіи и скончался. Мы съ первыхъ словъ почувствовали другъ къ другу расположеніе, окончившееся искренной привязанностью, продолжавшейся и за предѣлами Болгаріи.

Кумани встрѣтилъ князя въ Рущукѣ, тамъ ему представился и имѣлъ съ нимъ продолжительный и многознаменательный разговоръ, который передалъ мнѣ со всѣми подробностями и оттѣнками. Князь началъ съ того, что заявилъ о своемъ безповоротномъ рѣшеніи измѣнить форму правленія въ Болгаріи и спросилъ мнѣніе о семъ А. М—ча. Кумани очень изысканно и дипломатично отвѣтилъ, что конечно князю, на себѣ испытавшему всѣ неудобства теперешняго государственнаго строя княжества, лучше всего судить, насколько назрѣла необходимость его измѣненія, но задалъ вопросъ: надѣется ли князь, что народъ, недавно получившій это государственное устройство, безпрекословно съ нимъ разстанется и перемѣнѣ подчинится? Князь довольно высокомѣрно отвѣтилъ: „j'ai mon armée [1]). И на это Кумани, очень мягко, отвѣтилъ, что онъ уже много слышалъ о хорошихъ качествахъ болгарскаго войска, но что, все же, войско это еще молодо, недавно вышло изъ народа и вѣроятно еще не закалилось въ суровой дисциплинѣ и сознаніи своего долга. Можно ли на него разсчитывать при дѣйствіяхъ противъ того же народа? На это послѣдовалъ замѣчательный отвѣтъ: „Oui, vous avez raison. Tant que j'ai le général Parensoff comme ministre de la guerre et à la tête de l'armée, je ne puis compter sur elle. Mais ma première demande à l'Empereur sera le rappel du général Parensoff. Je pierai Sa Majesté de me donner comme ministre de la guerre un général, qui ai les initiales de l'Empereur sur les épaulettes, et si c'est possible—originaire des provinces baltiques [2]). Кумани, справедливо возмущенный послѣдними словами

---

[1]) У меня есть армія.

[2]) Да, вы правы. До тѣхъ поръ, пока военнымъ министромъ и во главѣ арміи находится генералъ Паренсовъ, я не могу на нее (армію) разсчитывать. Но первой же моей просьбой къ Государю будетъ просьба объ отозваніи

князя, очень почтительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и язвительно, отвѣтилъ: „Monseigneur, il est vrai, que nous avons en Russie la Pologne, la Finlande, le Caucase... Mais nous servons tous le même maitre“ [1]). Недовольный такимъ отвѣтомъ, князь прекратилъ разговоръ.—Вѣроятно, отъ свиты князя Кумани слышалъ, будто бы онъ хочетъ указать Государю, въ числѣ желанныхъ имъ лицъ, на Радецкаго. Радецкій носилъ вензеля Его Величества, но не былъ уроженцемъ Прибалтійскаго края.

Программу своего будущаго поведенія въ Болгаріи Кумани разъяснилъ мнѣ не теоретическими разсужденіями, а изложеніемъ того, что онъ уже сдѣлалъ и что собирается сдѣлать. Онъ успѣлъ побывать съ визитами не только у находившихся во власти, министровъ, кмета и другихъ чиновъ, но и у многихъ видныхъ болгарскихъ дѣятелей, безъ различія партій, не брезгуя и оппозиціей. Мало того, зная, что въ Болгаріи уважаютъ старика Славейкова, хотя и не за выдающуюся политическую дѣятельность, а какъ народнаго поэта, Кумани не только поѣхалъ къ нему, но еще ранѣе заѣхалъ въ Одессѣ, въ училище, въ которомъ воспитывался сынъ Славейкова и привезъ старику поклонъ отъ его сына. — Весьма естественно, что такой любезностью, а главное отсутствіемъ всякой горделивости и исключительности, почтеннѣйшій Александръ Михайловичъ сразу снискалъ себѣ расположеніе всѣхъ болгаръ, но понятно, тоже сразу заслужилъ неодобреніе приверженцевъ князя, которые отписали обо всемъ въ Петербургъ, и Кумани, съ первыхъ же своихъ шаговъ на новомъ посту, не попалъ въ число persona grata при дворѣ князя.—Со мной у Кумани установились самыя искреннія и дружескія отношенія. Онъ меня очень поддерживалъ въ вопросѣ о проведеніи желѣзныхъ дорогъ, ратуя противъ предпочтенія соединенія Софіи съ Вѣной, на чемъ сильно настаивалъ гр. Кевенгюллеръ; ратовалъ онъ и противъ передачи постройки дорогъ австрійскому еврею, барону Гиршу. Онъ, какъ и я, стоялъ за русскаго еврея, барона Г. О. Гинцбурга, которому первоначальный предприниматель, нашъ извѣстный строитель желѣзныхъ дорогъ, Губонинъ, передалъ всѣ свои полномочія [2]).

генерала Паренсова. Я буду просить Его Величество дать мнѣ, въ военные министры, генерала съ вензелями на эполетахъ (Свиты Е. В., или генералъ-адъютанта) и, если возможно, уроженца балтійскихъ губерній (т. е. нѣмца).

[1]) Дѣйствительно, у насъ въ Россіи существуютъ: Польша, Финляндія, Кавказъ... Но всѣ мы служимъ одному повелителю (господину).

Примѣчаніе: Надо помнить, что это говорилось въ 1880 г., когда рѣчь объ „автономіяхъ“ еще не поднималась.

[2]) См. гл. VIII.

Приближалось 6-е января, Богоявленіе Господне, праздникъ, особо чествуемый въ Болгаріи и при томъ настолько, что даже турки, во время ихъ владычества, разрѣшали болгарамъ ходить на Іордань, а духовенству—совершать освященіе воды, наряжая военный караулъ къ источнику, не для почести конечно, а для огражденія публичнаго богослуженія отъ случайнаго, но возможнаго, проявленія мусульманскаго фанатизма толпы. Естественно, что болгары интересовались вопросомъ, какъ будетъ справленъ этотъ праздникъ въ первую годовщину свободной Болгаріи. Рѣшено было святить воду у колодца, расположеннаго близъ дворца. Богослуженіе долженъ былъ совершать Софійскій митрополитъ Мелетій, въ присутствіи намѣстника княжества, епископа Климента, высшихъ чиновъ и при участіи войскъ; надо было устроить „Крещенскій парадъ". Но тутъ-то и выходило затрудненіе. Кто же будетъ первенствовать на этомъ парадѣ, послѣ богослуженія? Временной глава государства, высшій представитель власти—монахъ; уѣхать ему и предоставить мнѣ, какъ старшему военному, принять парадъ въ его отсутствіи,—неудобно. Очевидно, что епископу Клименту надо было быть на парадѣ, и быть первымъ, главнымъ. Но какъ это устроить относительно военной стороны торжества,—мы не знали. Выручилъ насъ А. М. Кумани, посовѣтовавшій дѣлать такъ, какъ дѣлаетъ папа въ Римѣ, мимо котораго проходитъ церемоніальнымъ маршемъ папская гвардія (а прежде, во время существованія свѣтской власти папы—и другія войска), и которую папа благословляетъ при прохожденіи. Обсудили это дѣло въ совѣтѣ министровъ и рѣшили взять за образецъ папу, съ тѣмъ добавленіемъ, что войска, проходя мимо епископа Климента, увидѣвъ его благословляющую руку, будутъ его привѣтствовать. Праздникъ удался на славу. Собралась масса народу, и епископъ Климентъ, по окончаніи освященія воды, взошелъ на ступени наружнаго крыльца во дворцѣ князя, Кумани въ парадномъ мундирѣ сталъ возлѣ него, а я, во главѣ всѣхъ войскъ, прошелъ мимо намѣстника церемоніальнымъ маршемъ.—Болгары были въ восторгѣ; но не восторгнулись этимъ приверженцы князя, которые нашли въ этомъ актѣ не только промахъ, но чуть ли не преступленіе со стороны епископа Климента, въ особенности же съ моей стороны. Вину епископа Климента, до нѣкоторой степени, смягчали; ему прощали его „невѣдѣніе"; но меня обвиняли жестоко. Весь народъ и прохожденіе войскъ съ отданіемъ почестей „монаху" сочли за криминалъ; говорили, что отъ генерала Паренсова, при его оппозиціонныхъ взглядахъ, ничего другого и ожидать было нельзя, что все это я подстроилъ нарочно для того, чтобы показать народу, что: что „князь", что, „монахъ",—все едино, и что Болгарія отлично

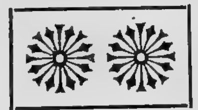
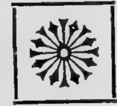
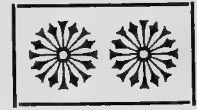
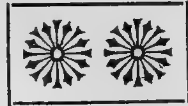
обходится и безъ князя. Климента даже жалѣли, такъ какъ было очевидно, что я его обошелъ. Толкованіе о неправильности моего поведенія распространили и обставили такими доводами, что этимъ взглядомъ прониклись даже тѣ русскіе, служившіе въ Болгаріи при князѣ, которые относились ко мнѣ довольно безпристрастно. Мнѣ пришлось говорить объ этомъ инцидентѣ и произведенномъ имъ впечатлѣніи, съ однимъ русскимъ изъ свиты князя, въ политику не вмѣшивавшимся и вполнѣ ко мнѣ расположеннымъ. Я развивалъ мысль, что все, происшедшее 6-го января, доказываетъ не мою революціонность, а наоборотъ, мою консервативность, что я, не взирая на лица, отдаю почетъ власти, законно поставленной. Епископъ Климентъ не былъ узурпаторомъ и похитителемъ власти, а былъ замѣстителемъ главы государства, тѣмъ же княземъ избранный, — согласно закона вступившій во власть и облеченный слѣдовательно ея прерогативами и атрибутами. На всѣ мои доводы я слышалъ одно: „но все-таки,.. въ отсутствіи князя... военный парадъ передъ монахомъ... Согласитесь"... Но я не соглашался.

Какъ бы то ни было, этотъ эпизодъ прибавилъ еще одну каплю въ чашу моихъ провинностей, каплю, пожалуй и ненужную, до такой степени эта чаша была переполнена.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ [1]).

Біографическій очеркъ.

(Окончаніе).

5.

По словамъ профессора Кирпичникова, Чаадаевъ, въ первые два—три года послѣ 5-ти лѣтняго пребыванія въ западной Европѣ, велъ въ Москвѣ (годы 1826—1828) жизнь довольно уединенную и былъ настроенъ очень мрачно; считалъ себя больнымъ, постоянно совѣтовался съ докторами, хотя ему было тогда всего 30 съ небольшимъ лѣтъ. Ему однако оказалъ самую существенную помощь его докторъ профессоръ Альфонскій. Утомленный его мнительностью и жалобами (иногда преувеличенными) на немощи и болѣзни, онъ, почти насильно, свезъ его въ московскій англійскій клубъ и устроилъ его вступленіе въ члены клуба. Чаадаеву клубъ, клубная публика и клубная жизнь пришлись вполнѣ по душѣ, и онъ до конца жизни оставался членомъ этого клуба.

Нѣкоторое понятіе объ этой эпохѣ Московской жизни Чаадаева и его общества получаемъ изъ письма хорошаго его знакомаго, Мельгунова (бывшаго въ то время пріятелемъ композитора Глинки). Онъ писалъ въ 1830 году А. В. Веневитинову: „по пятницамъ мы собираемся у Свербѣевыхъ, по воскресеньямъ у Кирѣевскихъ, иногда по четвергамъ у Кошелевыхъ и время отъ времени у Баратынскихъ [2]). Два, три раза въ недѣлю мы всѣ въ сборѣ, дамы—непре-

---

[1]) См. „Русская Старина", январь 1908 г.

[2]) Въ „Быломъ и Думахъ" Герценъ говоритъ (глава XXX): споры (славянофиловъ и западниковъ) возобновлялись на всѣхъ литературныхъ и нелитературныхъ вечерахъ, на которыхъ мы встрѣчались,—а это было раза два или три въ недѣлю. Въ понедѣльникъ собирались у Чаадаева, въ пятницу у Свербѣева, въ воскресенье у А. П. Елагиной.

мѣнныя участницы нашихъ бесѣдъ, и мы проводимъ время, какъ нельзя веселѣе: Хомяковъ споритъ, Кирѣевскій поучаетъ, Кошелевъ разсказываетъ, Баратынскій поэтизируетъ, Чаадаевъ проповѣдуетъ или возводитъ очи къ небу, Герке дурачится, Мещерскій молчитъ, мы остальные слушаемъ; подъ-часъ наша бесѣда оживляется хоромъ цыганъ, танцами, бѣганьемъ въ запуски, гдѣ особенно отличался Х. И. Герке (воспитатель дѣтей въ одномъ знакомомъ семействѣ)"... „Проповѣдь и возведеніе очей къ небу"—подробности очень характерныя для Чаадаева. Религіозное настроеніе сильно преобладало тогда въ этомъ бывшемъ гусарскомъ офицерѣ.

На допросѣ въ Брестѣ-Литовскѣ, въ 1826 году, Чаадаевъ показалъ командиру Колзакову: „Изъ давняго времени, прежде выѣзда за границу (въ 1821 году) занимался я христіанскою литературой, не имѣя при томъ никакого другого вида, какъ умноженіе познаній своихъ на счетъ религіи и укрѣпленія своего въ вѣрѣ христіанской. Въ Россіи имѣю значительное собраніе книгъ по сей части; въ бытность свою въ Дрезденѣ старался увеличить, сколько могъ, оное собраніе. Живши же въ Россіи, я часто выписывалъ книги изъ чужихъ краевъ съ дозволенія цензуры... Я получалъ всѣ безъ изъятія, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ содержались личныя клеветы на счетъ царской фамиліи"...

На этомъ же допросѣ Чаадаевъ показалъ: „Во Флоренціи (во время путешествія), я познакомился съ англичаниномъ Кукомъ, извѣстнымъ миссіонеромъ, при его проѣздѣ изъ Іерусалима во Францію. Такъ какъ всѣ его мысли и весь кругъ дѣйствій обращены были къ религіи, то всѣ разговоры мои съ нимъ относились до сего предмета. Благоденствіе Англіи приписывалъ онъ всеобще-распространенному тамъ духу вѣры. Я же съ своей стороны говорилъ ему съ горестью о недостаткѣ вѣры въ народѣ русскомъ, особенно въ высшихъ классахъ. По сему случаю далъ онъ мнѣ письмо къ пріятелю своему (Марріоту) въ Лондонъ, чтобы онъ могъ познакомить меня болѣе съ нравственнымъ расположеніемъ въ Англіи"... Въ этомъ письмѣ Кукъ говорилъ Марріоту, что Чаадаевъ ѣдетъ въ Англію для изслѣдованія нравственныхъ причинъ благоденствія того края, „дабы ввести оныя, буде можно, въ Россію". Англиканскій же миссіонеръ Кукъ приписывалъ благоденствіе Англіи—„всеобще-распространенному тамъ духу вѣры"... Здѣсь выразились истинныя цѣли, вкусы и направленіе Чаадаева. Его всего болѣе интересовало въ молодую пору его жизни религіозное положеніе народовъ и желаніе повысить въ своемъ отечествѣ религіозное чувство русской націи. Послѣ поѣздки въ Троппау и Лобау главная печаль его была —

не собственная участь и личное бѣдствіе, не утрата той блестящей будущности, которая, казалось, была ему предназначена судьбою, а забота о повышеніи благосостоянія того народа, къ которому онъ, по нечаянности, принадлежалъ, посредствомъ христіанской религіи, по его мнѣнію, слишкомъ неглижируемой въ Россіи. Но при этомъ до середины 20-хъ годовъ XIX столѣтія, хотя и проживъ нѣсколько времени въ разныхъ совершенно различныхъ странахъ Европы, Чаадаевъ не давалъ еще предпочтеніе одной которой-либо исключительной формѣ христіанской религіи передъ другими существующими на свѣтѣ религіями. Проведя многіе мѣсяцы въ католической Франціи и въ католической Италіи, онъ все-таки не цѣнилъ „католичество" выше „протестантства". Это доказывается тѣмъ, что въ 1824 году во Флоренціи онъ собирался ѣхать въ Лондонъ, чтобы самому лично изслѣдовать, какимъ именно образомъ христіанская вѣра англиканскаго исповѣданія „создала благоденствіе Англіи".

Въ 1824—25 годахъ Чаадаевъ сталъ уже совершенно другимъ человѣкомъ. Въ Парижѣ онъ попалъ въ среду новаго французскаго большого свѣта, состоявшаго изъ бывшихъ эмигрантовъ, ревностныхъ роялистовъ, клерикаловъ и ультрамонтановъ. Это было совершенно другое общество въ сравненіи съ тѣмъ, какое онъ зналъ въ Парижѣ во время перваго своего пребыванія тамъ въ 1813 и 1814 годахъ. Тогда въ Парижѣ существовали только остатки солдатскаго имперіалистскаго режима Наполеона I и обломки дореволюціоннаго французскаго общества. Теперь же Чаадаевъ нашелъ въ Парижѣ новый міръ, въ короткое время быстро выросшій и гордившійся своею ролью—ролью возстановителя старыхъ гнилыхъ порядковъ. Это новое общество, принявшее названіе Реставраціи, состояло въ значительнѣйшей долѣ изъ посѣдѣлыхъ эмигрантовъ, воротившихся изъ своего бѣгства въ Европу, изъ разслабленныхъ жуировъ, отупѣлыхъ ханжей, герцоговъ, виконтовъ и графовъ, направляемыхъ и настраиваемыхъ іезуитами и аббатами. Чаадаевъ и самъ былъ аристократъ по рожденію и привычкамъ, нѣчто въ родѣ роялиста, мирящагося со всѣми установившимися и принятыми порядками своего времени, и самъ былъ поклонникъ привитой съ дѣтства слѣпо неразсуждающей набожности, хотя и безъ аббатовъ и іезуитовъ. Поэтому, ему легко и совершенно по душѣ было сойтись съ французскими піэтистами и ультрамонтанами, и съ восхищеніемъ знакомиться съ ихъ книгами и сочиненіями,—тѣмъ болѣе, что католичество и фанатическій піэтизмъ были въ тотъ моментъ въ совершенной модѣ по всей Европѣ, вслѣдствіе ревностной проповѣди всяческаго средневѣковья въ жизни, наукѣ и искусствѣ

новооткрытымъ романтизмомъ. Чаадаева нисколько не удивляли и не отталкивали отъ себя ни ограниченность, ни бѣдность мысли ни раболѣпство ультрамонтанства. Онъ совершенно спокойно сошелся съ парижскими модными клерикалами: Бональдомъ (виконтомъ), Шатобріаномъ (виконтомъ), Балланшемъ, Ламменэ, всей многочисленной его школой, съ послѣдователями де-Местра (графа), съ энтузіазмомъ увѣровалъ въ его книгу о папѣ, гремѣвшую тогда средь католическаго міра; наконецъ, познакомился съ русской перебѣжчицей Свѣчиной, еще съ 1816 года переселившейся во Францію и основавшей въ Парижѣ русско-католическое „подворье". Послѣ того Чаадаевъ познакомился въ Берлинѣ со знаменитымъ философомъ Шеллингомъ—мистикомъ, романтикомъ и проповѣдникомъ философской системы „Откровенія". Послѣ всѣхъ разнообразныхъ воспріятій своихъ за границей и прямо вслѣдствіе ихъ Чаадаевъ воротился въ Россію, въ 1826 году, совершенно инымъ человѣкомъ, чѣмъ какимъ туда поѣхалъ за 5 лѣтъ раньше. По уму, по способностямъ и по привычкѣ и стремленію къ серьезному, глубокому мышленію, по знаніямъ это былъ прежній Чаадаевъ и даже значительно развившійся Чаадаевъ, но Чаадаевъ съ умомъ затемненнымъ словно какой-то постороннею, напрасно навязанною извнѣ занавѣской. Онъ воротился, правда, вовсе еще не католикомъ, какъ многіе потомъ думали, но все-таки человѣкомъ, зараженнымъ всѣми тогдашними религіозными и философически-историческими модными понятіями.

И вотъ такою „проповѣдью" занялся онъ не только среди пріятелей, но и пріятельницъ.

Въ 1827 году, когда ему было 34 года, Чаадаевъ познакомился съ Елизаветой Дмитріевной Пановой, урожденной Улыбышевой, родной сестрой извѣстнаго музыкальнаго писателя и пріятеля Глинки, Александра Дмитріевича Улыбышева. Она плѣнила Чаадаева не только не внѣшностью [1]), но своею образованностью, умомъ и на видъ „серьезнымъ" направленіемъ. Между ними завязалась дружба, происходили частыя бесѣды, продолженіемъ которыхъ стала переписка, конечно, на французскомъ языкѣ [2]).

---

[1]) Соболевскій говоритъ, „что она была гадкая собой".

[2]) Тотъ же С. А. Соболевскій, пріятель Пушкина и Чаадаева, говорилъ въ одномъ письмѣ къ Жихареву: что Панова „была глупая" bas-bleu и страшная распутница Я! до сихъ поръ не могу понять, какъ могъ Чаадаевъ компрометировать себя письмомъ къ ней и даже признаваться въ знакомствѣ съ нею. Но этому трудно вполнѣ довѣрять: нѣкоторыя уцѣлѣвшія письма и отзывы Пановой доказываютъ, что она была женщина экзальтированная и, можетъ быть, иногда легкомысленная въ своихъ сужденіяхъ, но никакъ не „глупая".

Письма г-жи Пановой не сохранились, но сохранились письма Чаадаева. Въ нихъ рисуются портреты и ея, и его. Повидимому, она была особа образованная, довольно умная, но праздная аристократическая, ничѣмъ серьезно и дѣйствительно не занимавшаяся. Ее занимали, какъ многихъ другихъ русскихъ дамъ ея времени и круга, католичество въ томъ подновленномъ реакціонномъ видѣ, какъ оно занимало тогда Европу реставраціи, а затѣмъ ея собственныя мечты, жалобы на непониманіе другими ея характера и натуры. Такимъ личностямъ всегда нуженъ интимный конфидентъ, совѣтникъ и духовникъ, на манеръ католическихъ. Но такая роль мало приходилась, повидимому, по вкусу Чаадаеву. Отвѣты, совѣты и соображенія онъ, въ своей любви къ проповѣдыванію, поспѣшилъ давать г-жѣ Пановой и писалъ ей 1 декабря 1829 года, въ первомъ своемъ письмѣ: „Я очень счастливъ, что могъ содѣйствовать направленію вашихъ мыслей къ религіи“. Однако же онъ не пожелалъ ограничиваться только ея программой и ея личностью праздной диллетантки. Ему потребна была другая болѣе обширная программа, сцена и объектъ. И онъ предпринялъ написать нѣчто вродѣ высшаго университетскаго и академическаго курса, гдѣ ему можно будетъ изложить судьбы міра и всѣхъ народовъ, — всего болѣе русскаго, но съ точки зрѣнія спеціальной, и особенно въ ту минуту пріятной и дорогой — католической. Онъ это и сдѣлалъ въ рядѣ „Писемъ о философіи и исторіи“. Похвалъ Европѣ было тутъ безконечно много, порицаній Россіи еще болѣе, за всѣ ея прошлыя столѣтія, всѣ ея событія, направленія, характеры, натуру, даже ея внѣшній физическій складъ, форму, лицо, выраженіе, интеллектъ, отсталость. Всѣ эти недочеты и недостатки имѣли, по его мнѣнію, причиной отдаленіе и отдѣленіе Россіи, еще съ самаго начала ея существованія, отъ Западной Европы и католичества. Безъ сомнѣнія, тутъ было много односторонности, заблужденій и близорукости, но было также и много правды, ясныхъ взглядовъ о печальныхъ судьбахъ и страшныхъ историческихъ страданіяхъ нашего отечества отъ многихъ поколѣній ея властителей, и все это было высказано съ такой мощью, силой, оригинальностью и глубиной, съ такой одушевленной талантливостью, какихъ не проявлялось до того ни у кого изъ русскихъ писателей относительно затронутыхъ Чаадаевымъ вопросовъ. Въ какой мѣрѣ все это могло пригодиться для женщины, праздной аристократки и дилеттантки, занятой всего болѣе своими личными маленькими психологіями и модной современной игрой въ религію и католицизмъ? Конечно, при своемъ глубокомъ и проницательномъ умѣ, Чаадаевъ не могъ не открыть, въ самомъ непродолжительномъ времени, что у его

собесѣдницы не было, на самомъ дѣлѣ, ничего серьезнаго и основательнаго. По его собственнымъ словамъ, она была „молодая женщина, щедро одаренная природой“, но все-таки „женщина, не знающая, чѣмъ наполнить свой день“. Поэтому онъ ей своихъ „Писемъ“ вовсе даже и не показалъ, даромъ, что писалъ ихъ вначалѣ нарочно для нея и адресовалъ ей (не выставивъ, впрочемъ, ея фамиліи). Онъ скоро отъ игры съ нею въ философію усталъ, съ нею разстался, она съ мужемъ уѣхала въ Нижній-Новгородъ, и они потомъ лѣтъ шесть не видались и не переписывались.

Изъ письма Чаадаева къ московскому оберъ-полиціймейстеру Цинскому въ 1837 году извѣстно, что г-жа Панова и ея мужъ нѣсколько лѣтъ не уплачивали Чаадаеву одинъ свой долгъ (3,000 р.), несмотря на всѣ напоминанія. Сверхъ того, въ этомъ же письмѣ къ оберъ-полиціймейстеру Цинскому Чаадаевъ именно говоритъ, что лишь въ 1836 году, свидѣвшись съ нимъ послѣ длиннаго перерыва ихъ знакомства, г-жа Панова „впервые узнала отъ него въ Москвѣ о существованіи „Письма“, напечатаннаго въ 1836 году, а о прочихъ письмахъ Чаадаева вовсе ничего никогда не слыхала. Наконецъ Чаадаевъ прибавляетъ въ этомъ же письмѣ къ Цинскому: „Я своего письма къ г-жѣ Пановой не послалъ, потому что довольно долго его писалъ, а потомъ наше знакомство прекратилось“. Въ концѣ 30-хъ годовъ эта „несчастная“, по словамъ Чаадаева, женщина лишилась разсудка.

„Философическихъ писемъ“ не прочитала Е. Д. Панова и никакой въ томъ не было бѣды, но вмѣсто того прочитала ихъ вся компанія Чаадаевская, а это было собраніе самыхъ даровитыхъ, самыхъ образованныхъ, самыхъ мыслящихъ людей Москвы. Выше были уже поименованы нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ. Къ сказанному тамъ Мельгуновымъ слѣдуетъ прибавить то, что говорилъ про эту же компанію Герценъ

Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, очень значительный человѣкъ, въ средѣ тогдашней русской свободомыслящей интеллигенціи, былъ, какъ почти всѣ замѣчательнѣйшіе его товарищи, членъ тайнаго общества и замѣшанъ въ декабристскомъ движеніи, уцѣлѣлъ отъ кары всего болѣе потому, что приходился роднымъ братомъ Алексѣю Ѳедоровичу Орлову и постоянно жилъ въ Москвѣ. „Московскіе львы“ [1]). съ 1825 г. были ,говоритъ Герценъ, „Пушкинъ, Михаилъ

---

[1])... „Бѣдный Михаилъ Орловъ былъ похожъ на льва въ клѣткѣ. Вездѣ стукался онъ въ рѣшетку, нигдѣ не было ему ни простора, ни дѣла, а жажда дѣятельности его съѣдала... Я видѣлъ въ немъ ветерана нашихъ мнѣній, друга нашихъ героевъ, благородное явленіе въ нашей жизни...“

Орловъ, Чаадаевъ, Ермоловъ", а въ другомъ мѣстѣ: „Михаилъ Өедоровичъ Орловъ окружилъ себя въ Москвѣ небольшимъ кругомъ знакомыхъ и проповѣдывалъ тамъ свои теоріи; главное мѣсто по талантамъ и странностямъ въ этомъ кругу занималъ Чаадаевъ". Люди этого круга сильно были заинтересованы „Философическими письмами", можно сказать, они были ими поражены, признали ихъ необыкновенно замѣчательными литературными произведеніями, выходящими изъ ряду вонъ. Одинъ изъ членовъ кружка, пріятель, а впослѣдствіи біографъ Чаадаева, Свербѣевъ пишетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ": „Я читалъ нѣкоторыя изъ „Писемъ" Чаадаева, плодъ его 2-годичнаго строгаго уединенія въ Москвѣ, въ 1827—29 годахъ, и всѣ они были довольно запутаннаго содержанія. Но одно изъ нихъ (1-е), конечно самое замѣчательное своею оригинальною рѣзкостью, еще въ рукописи и на французскомъ языкѣ производило величайшій эффектъ"...

Другой пріятель Чаадаева, его племянникъ и впослѣдствіи также біографъ, Жихаревъ, писалъ: „Въ моихъ понятіяхъ Чаадаевъ былъ самый крѣпкій, самый глубокій и самый разнообразный мыслитель, когда-либо произведенный русскою землею...".

Въ 1830 году Чаадаевъ послалъ свою рукопись также и Пушкину, и Пушкинъ говорилъ ему въ своемъ письмѣ отъ 6-го іюля, изъ Царскаго Села: „Все, что вы говорите о Моисеѣ, о Римѣ, объ Аристотелѣ, объ идеѣ истиннаго Бога, о древнемъ искусствѣ, о протестантствѣ, удивительно по силѣ, правдѣ и краснорѣчію. Все, гдѣ портретъ и картина широко, грандіозно; а такъ какъ ваша манера понимать исторію для меня совершенно нова, то я не могу всегда согласиться съ вами...". Несогласенъ былъ здѣсь Пушкинъ съ Чаадаевымъ на счетъ Гомера и Марка Аврелія, на которыхъ Чаадаевъ нападалъ съ какой-то особенной исключительно реальной точки зрѣнія, и на счетъ царя Давида, котораго Чаадаевъ тоже какъ-то странно и преувеличенно превозносилъ. Въ томъ же письмѣ Пушкинъ говорилъ своему другу: „Хотите чтобы я отослалъ вамъ вашу рукопись? Но что вы станете съ нею дѣлать въ Некрополисѣ?" Чаадаевъ подписалъ вмѣсто „Москва" „Некрополисъ", т. е. „Городъ Мертвыхъ". Пушкинъ спрашивалъ, что Чаадаевъ будетъ дѣлать со своимъ сочиненіемъ въ городѣ Мертвыхъ, потому что не зналъ еще, что вопреки названію, Чаадаевъ считалъ Москву вовсе не такимъ „мертвымъ" городомъ и горячо желалъ, чтобы всѣ или по крайней мѣрѣ *очень, очень многіе* изъ тамошнихъ обитателей узнали его „Письма". Чаадаевъ, когда пришелъ въ столкновеніе съ начальствомъ, упорно отнѣкивался отъ намѣренія печатать „Письма", а сверхъ того, въ продолженіе своей жизни много разъ

упорно заявлялъ письменно, печатно и словесно, что никогда не искалъ ни благоволенія публики, ни ея похвалъ („Апологія", письмо къ брату Михаилу 5 января 1837 г.) „Письмо написано было не для публики, съ которою я никогда не желалъ имѣть дѣла, и это видно изъ каждой строки его...", но эти слова были далеко не настоящая истина. Доказательства тому выступили на свѣтъ лишь недавно. Профессоръ Кирпичниковъ нашелъ въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ рукопись, содержащую постановленіе цензурнаго комитета 31 января 1833 года. Комитетъ разсматривалъ рукопись Чаадаева, состоявшую изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, которыя оказались теперь воспроизведеніемъ разныхъ мѣстъ II-го и III-го „Философическихъ писемъ" Чаадаева. Комитетъ не разрѣшилъ напечатаніе этого сочиненія на томъ основаніи, что „первая" статья, содержащая опроверженіе возраженій протестантства противъ католической вѣры, заключаетъ въ себѣ „мысли, противныя понятіямъ о православіи, чистотѣ и превосходствѣ Церкви Восточной"; *другая* же статья признаетъ Моисея „не посланникомъ Божіимъ, а лишь геніальнымъ законодателемъ"... Поэтому цензурный комитетъ постановилъ, что сочиненіе это не можетъ быть „одобрено" („Русская Мысль" 1896, апрѣль, статья профессора Кирпичникова о Чаадаевѣ „по новымъ документамъ"). Такимъ образомъ, оно и осталось ненапечатаннымъ.

Кромѣ этой неудачной попытки распространенія своихъ историческихъ и философскихъ мыслей, Чаадаевъ въ эту же самую пору своей жизни предпринималъ и другія еще попытки, оканчивавшіяся такою же неудачею.

Нѣсколько раньше исторіи съ цензурой онъ обратился къ старому своему знакомому знаменитому философу Шеллингу, читавшему тогда лекціи о философіи въ Берлинскомъ университетѣ. Въ 1832 году послѣ перерыва знакомства въ цѣлыхъ 7 лѣтъ, Чаадаевъ вдругъ вздумалъ написать ему пространное письмо, гдѣ высказывалъ ему, какъ громадно ему обязанъ въ раскрытіи ему глазъ на истинныя философскія и историческія понятія и просилъ сообщить ему подробныя свѣдѣнія о его новой системѣ „религіи откровенія". Этой системѣ онъ предсказывалъ громадную всемірную будущность. Просилъ же онъ Шеллинга объ этомъ особенно горячо потому, что надѣялся посвятить въ эту новую философію и связанную съ нею систему собственныхъ своихъ мыслей—„цѣлое молодое поколѣніе, бѣдное настоящимъ, но богатое будущимъ". Конечно, это молодое поколѣніе было русское. Но Чаадаевъ жестоко ошибся въ своихъ ожиданіяхъ: корреспонденція съ Шеллингомъ возобновилась и продолжалась потомъ еще долго (есть на-лицо еще другое письмо

Чаадаева къ Шеллингу 1842 года); Шеллингъ, по всей вѣроятности, сообщилъ своему энтузіастному поклоннику въ Россіи свѣдѣнія о своей новой философской системѣ (документовъ объ этомъ фактѣ не сохранилось), но все-таки Чаадаеву не привелось распространить въ своемъ отечествѣ „религію откровенія" Шеллинга, ни создать у насъ послѣдователей берлинскаго профессора.

Но страстное желаніе проповѣдывать и распространять свои мысли и убѣжденія среди другихъ было у Чаадаева такъ велико, что, не удовольствуясь видами на русскую молодежь, онъ задумалъ подавать совѣты и указанія даже русскому правительству. Въ 1833 году онъ представилъ начальнику III отдѣленія собственной его величества канцеляріи, графу А. Х. Бенкендорфу, письмо, гдѣ онъ излагалъ свои мысли о народномъ просвѣщеніи въ Россіи. Начальникъ III отдѣленія не представилъ императору этого письма и увѣдомилъ о томъ Чаадаева. Что подумалъ тогда этотъ послѣдній—не извѣстно, но графу Бенкендорфу написалъ, 16 мая 1833 г., письмо, гдѣ говорилъ, что „очень тронутъ былъ, увидавъ, что это сдѣлано для собственной пользы". Къ этому онъ прибавилъ истинно удивительныя слова: „Мнѣ кажется, состояніе народной образованности не есть вещь государственная", и „можно судить объ этомъ предметѣ, отнюдь не отваживаясь мѣшаться въ дѣла правительства"... Какая изумительная странность! Но если бы это въ самомъ дѣлѣ думалъ Чаадаевъ, то спрашивается—зачѣмъ ему было писать свое письмо? Если подумать, что тутъ былъ страхъ передъ высшею властью, то онъ былъ, надо полагать, совершенно напрасенъ: стоитъ только вспомнить, что за семь лѣтъ до этого, Пушкинъ въ 1826 г. подавалъ Императору Николаю I записку „о народномъ образованіи", и она не повела автора ни къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ, хотя онъ въ ней многое порицалъ и находилъ необходимымъ измѣнить многое изъ тѣхъ правилъ и законовъ, которые тогда существовали по этому самому вопросу на практикѣ: Пушкинъ требовалъ уничтоженія экзаменовъ чиновниковъ, уничтоженія тѣлеснаго наказанія въ учебныхъ заведеніяхъ, и т. д. и при этомъ указывалъ на пользу уничтоженія чиновъ вообще. Впрочемъ, можетъ быть, записка Пушкина прошла безъ вреда для него собственно потому, что Пушкинъ тутъ же ратовалъ противъ „своевольства мысли" и того „просвѣщенія", которое привело къ нарожденію декабристовъ и ихъ „пагубной дѣятельности".

Около этого же времени (1832—1833 г.) Чаадаевъ написалъ назначенную тому же начальнику III отдѣленія записку, отъ имени своего пріятеля Ивана Васильевича Кирѣевскаго, котораго журналъ „Европеецъ" былъ запрещенъ (въ 1832 г.) на второй книжкѣ, за

статью о Россіи, показавшуюся высшему начальству одобреніемъ конституціоннаго строя и народной свободы. Чаадаевъ, отъ имени своего пріятеля, съ негодованіемъ протестовалъ противъ приписываемыхъ Кирѣевскому тенденцій и симпатій; онъ усердно заявлялъ, что Россія всею своей культурой обязана единственно и всецѣло своимъ монархамъ и что провозглашенію такого сознанія назначенъ былъ посвящать всѣ свои силы журналъ „Европеецъ". Неизвѣстно —показывалъ ли императору Николаю графъ Бенкендорфъ и эту записку, но она никого не убѣдила, и журналъ такъ и остался запрещеннымъ навѣки.

Въ виду такихъ неудачъ Чаадаевъ замолчалъ и ничего общественнаго болѣе не предпринималъ. Онъ ограничился бесѣдами въ домахъ у интимныхъ своихъ пріятелей. Съ нѣкоторыми была у него также, во время ихъ путешествій, обширная переписка. Особенно выдается по глубокимъ мыслямъ и блестящему остроумному писанію его переписка съ Ал. Ив. Тургеневымъ, во время путешествія этого послѣдняго по Германіи, Франціи, Англіи и Италіи въ 1834, 1835 и 1836 годахъ. Чаадаевъ писалъ Тургеневу обо всѣхъ литературныхъ, философскихъ и историческихъ явленіяхъ, поражавшихъ его наблюдательный и острый умъ. Въ эти годы онъ писалъ Тургеневу про Кукольника, про Загоскина, Сенковскаго и его „Библіотеку для чтенія", про Канта, Шеллинга, Фихте, Гейне и Давида Штрауса („Жизнь Христа"), про Балланша и Эпштейна, нашихъ славянофиловъ и т. д.—Но между пріятелями было у него, по-всегдашнему, нѣсколько московскихъ дамъ (графиня Марья Николаевна Орлова, графиня Растопчина, княгиня Софья Сергѣевна Мещерская, г-жи Елагина, Бравура, Свербѣева и др.). Нѣкоторые изъ пріятелей были въ такомъ восхищеніи отъ его сочиненій, что уговаривали его напечатать нѣкоторыя изъ нихъ по-французски во французскомъ журналѣ „Fronde littéraire" и какомъ-то другомъ еще; иныя по-русски, въ русскомъ журналѣ „Наблюдатель" и т. д., но это все не удавалось и не состоялось. Наконецъ пришло и такое время, когда сочиненія Чаадаева появились въ русской печати. Это случилось въ 1836 году, когда ему было 43 года. Давно пора было.

6.

Въ сентябрѣ 1836 года въ московскомъ журналѣ Надеждина „Телескопъ" № 15, начала печататься статья Чаадаева подъ названіемъ: „Философическія письма" въ переводѣ на русскій языкъ. Статья эта должна была занять нѣсколько №№ журнала, но напе-

чаталось всего *одно* только письмо—*первое*. Чаадаевъ энергично отказывался отъ того, чтобы это сочиненіе было издано по его желанію или даже съ его согласія. Въ оффиціальномъ отзывѣ своемъ московскому оберъ-полиціймейстеру, во время возникшаго слѣдствія, онъ писалъ: „Я никогда не имѣлъ намѣренія, ни желанія, печатать эту статью; я узналъ о печатаніи оной тогда только, когда она получила одобреніе цензора и находилась въ корректурѣ".

Своему брату Михаилу онъ писалъ также (5 января 1837 г.): „Редактору „Телескопа" попался какъ-то въ руки переводъ моего письма, и онъ тогда только увѣдомилъ меня, что печатаетъ мои письма, когда они были уже въ наборѣ. Сначала я не хотѣлъ этому вѣрить, но, получивъ отпечатанный листъ и видя въ самой чрезвычайности этого случая какъ бы намекъ Провидѣнія, далъ свое согласіе"...

Эти слова совершенно противорѣчили истинѣ. Теперь вполнѣ достовѣрно извѣстно, что еще въ началѣ 1833 г. цензурный комитетъ разсматривалъ и не дозволилъ напечатать *двѣ статьи*, воспроизводившія цѣликомъ или частями II-е и III-е „Философическія письма"; въ письмѣ же къ Тургеневу 1836 г. Чаадаевъ писалъ: „До меня дошелъ слухъ, что раньше напечатанія въ „Телескопѣ" я пытался напечатать въ „Наблюдателѣ" знаменитое письмо мое (1-е). —Это изумительная ложь, редакторы этого журнала могутъ засвидѣтельствовать это. Они очень хорошо знаютъ, что я никогда и не думалъ печатать въ ихъ журналѣ что-нибудь другое, кромѣ тѣхъ двухъ писемъ, которыя были читаны на вечерѣ у Свербѣевой. Изъ нихъ первое было имъ сообщено только для уразумѣнія того, что дальше шло"... Сверхъ того онъ самъ же прибавлялъ въ объясненіи оберъ-полиціймейстеру: „Вѣроятно я бы могъ и во время корректуры остановить печатаніе въ „Телескопѣ", еслибъ усильно того потребовалъ. Но этого я не сдѣлалъ"... Такимъ образомъ какъ ни оправдывался, какъ ни объяснялся Чаадаевъ, а все-таки въ результатѣ оказывается, что онъ давалъ свое сочиненіе другимъ для напечатанія.

При всегдашнемъ горячемъ желаніи Чаадаева распространять среди людской массы свои мысли (какъ указано было выше), онъ еще болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, могъ, послѣ оваций интеллигентнѣйшихъ пріятелей своихъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, желать распространенія того сочиненія, которое было у него самое зрѣлое и самое важное. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ „Писемъ" онъ прямо говоритъ, что приступаетъ къ изложенію такихъ соображеній, мыслей и выводовъ, которыхъ до того не было еще въ виду. Конечно, онъ могъ надѣяться, что не одни близкіе люди будутъ ему сочувство-

вать, и что даже среди незнаемыхъ имъ массъ народныхъ найдется не мало личностей, которымъ его новыя своеобразныя, независимыя мысли придутся по вкусу, покажутся справедливыми, важными и дорогими, что многіе будутъ тронуты, потрясены правдой, будутъ благодарны за безстрашное указаніе истины, слишкомъ долго незамѣченной или забытой. Онъ глубоко ошибся. Случилось то, чего онъ никогда не могъ предвидѣть. Масса публики встрѣтила его твореніе со злобой, ненавистью и презрѣніемъ, съ хохотомъ и насмѣшкой, съ враждой и жаждой преслѣдованія. Одинъ изъ современниковъ и очевидцевъ, Свербѣевъ, пишетъ: „Никогда съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи стали читать и писать, съ тѣхъ поръ, какъ въ ней завелась книжная дѣятельность, никакое литературное и ученое событіе, не исключая даже смерти Пушкина, скоро потомъ, въ февралѣ 1837 года, не производило такого огромнаго вліянія и такого обширнаго дѣйствія, не разносилось съ такою скоростью, и съ такимъ шумомъ... Около мѣсяца среди цѣлой Москвы почти не было дома, въ которомъ не говорили бы про Чаадаевскую исторію. Даже люди, никогда не занимавшіеся никакимъ литературнымъ дѣломъ, круглые неучи, барыни по степени интеллектуальнаго развитія мало разнившіяся отъ своихъ кухарокъ, подъячіе и чиновники, потонувшіе въ казнокрадствѣ и взяточничествѣ, тупоумные, посѣдѣвшіе и одичавшіе въ пьянствѣ, распутствѣ и суевѣріи, молодые отчизнолюбцы и старые патріоты—все соединилось въ одномъ общемъ воплѣ, воплѣ проклятія и презрѣнія къ человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію. Не было такого осла, который бы не считалъ за священный долгъ и пріятную обязанность лягнуть копытомъ въ спину льва историко-философской критики“. Разсказывали даже, что студенты Московскаго университета шумно выражали желаніе съ оружіемъ въ рукахъ мстить за оскорбленіе націи.

Въ Петербургѣ статья Чаадаева произвела также необыкновенное впечатлѣніе. Князь Вл. Ѳед. Одоевскій, одинъ изъ очень извѣстныхъ тогда литераторовъ, пріятель Пушкина, Грибоѣдова, Батюшкова, Баратынскаго, Дельвига, многихъ декабристовъ, человѣкъ очень образованный, прекрасный и добрый, но совершенно слабый характеромъ, вовсе не самостоятельный, увлекся общимъ теченіемъ, перепугался, пришелъ въ „патріотическое“ негодованіе и писалъ въ Москву Шевыреву: „Что надѣлалъ Надеждинъ! Какъ до такой степени не знать своего дѣла? Здѣсь, въ Петербургѣ, объ этомъ такой трезвонъ по гостинымъ, что ужасъ... Ясно вижу, что журнала въ Москвѣ издавать нельзя: у насъ, москвичей, такое незнаніе того, что дѣлается на Руси! Такое незнаніе струнъ, которыхъ нельзя трогать! Вздора наши цензоры не пропускаютъ, а вдругъ брякнутъ торже-

ственно, что мы должны быть подданными папы"... Какъ и многіе другіе русскіе, не только въ Москвѣ и Петербургѣ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ нашего отечества, Одоевскій только и понялъ въ „Письмѣ", что рѣчь идетъ объ „окатоличеніи" Россіи.

Въ своемъ, надѣлавшемъ въ началѣ столько шума, а теперь такъ несправедливо забытомъ, важномъ и интересномъ сочиненіи „La Russie en 1839" Кюстинъ говорилъ: „При появленіи статьи Чаадаева Петербургъ и Москва загорѣлись пламенемъ. По всей Россіи не хватало Сибири, не хватало рудъ, не хватало кнута для того, чтобы достаточно наказать человѣка, измѣнившаго своему Богу и своей странѣ".

Но это была еще враждебность мягкая, слѣдствіе маломыслія и малологичности. Проявилась тутъ же рядомъ и враждебность злобная, мстительная, непримиримая. Вслѣдствіе своей фанатичности скудоумной она стала требовать преслѣдованія и кары. Ф. Ф. Вигель, прежде полиціймейстеръ въ Керчи, а впослѣдствіи директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, приведенный въ негодованіе статьей Чаадаева, написалъ на него жалобу петербургскому митрополиту Серафиму. Въ письмѣ отъ 21 декабря 1836 г. Вигель говорилъ: „Проживъ болѣе полувѣка, я никогда ничьимъ не былъ обвинителемъ. Но вчера чтеніе одного московскаго журнала возбудило во мнѣ негодованіе, которое довело меня до отчаянія. Въ семъ положеніи не нахожу другого средства къ успокоенію своему, какъ прибѣгнуть къ вашему высокопреосвященству съ просьбою обратить пастырьское вниманіе ваше на то, что меня такъ сильно встревожило... Первая статья „Телескопа" содержитъ въ себѣ такія изреченія, которыя одно только безумство себѣ позволить можетъ. Читая оныя, я сперва не повѣрилъ глазамъ своимъ. Многочисленнѣйшій народъ въ мірѣ, въ теченіе вѣковъ существовавшій, препрославленный, поруганъ, униженъ до невѣроятности... Среди ужасовъ французской революціи, когда попираемо было величіе Бога и царей, подобнаго не было видано. Никогда, нигдѣ, ни въ какой странѣ, никто толикой дерзости себѣ не позволилъ. По безумной злобѣ несчастнаго (Чаадаева-автора), противъ Россіи есть тайная причина, коей, впрочемъ, онъ скрывать не старался: отступничество отъ вѣры отцовъ своихъ и переходъ въ латинское исповѣданіе... О, Боже! до чего мы дожили! Сама святая и соборная апостольская церковь вопіетъ къ вамъ о защитѣ: при ея священномъ гласѣ моленія мои ничто. Вамъ предстоитъ обязанность объяснить правительству пагубныя послѣдствія, которыя проистекаютъ отъ дальнѣйшей снисходительности и указать на средства къ обузданію толикихъ дерзостей"...

Митрополитъ Серафимъ, прославившійся своимъ фанатизмомъ и консерваторствомъ, поспѣшилъ сообщить о статьѣ Чаадаева начальнику III отдѣленія собственной его величества канцеляріи, графу Бенкендорфу. Въ письмѣ отъ 28 октября 1836 г. онъ писалъ: „сужденія о Россіи, помѣщенныя въ сей негодной статьѣ, столько оскорбительны для чувства, столько ложны, безразсудны и преступны сами по себѣ, что не могу принудить себя даже къ тому, чтобы хотя одно изъ нихъ выписать здѣсь для примѣра... Прошу покорнѣйше всѣ замѣченныя въ книжкѣ мѣста довести до высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, митрополитъ Серафимъ сообщилъ о статьѣ Чаадаева Правительствующему Синоду.

Но не бездѣйствовалъ также и министръ народнаго просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ, извѣстный своимъ безпредѣльнымъ, обскурантнымъ фанатизмомъ, какъ по части классицизма, такъ и по части лжепатріотизма; человѣкъ до того трусливый и ограниченный, что долго мѣшалъ почтеннѣйшему и ревностному собирателю русскихъ народныхъ пѣсенъ Петру Васильевичу Кирѣевскому— издавать во всеобщее извѣстіе эти драгоцѣнные памятники чуднаго народнаго творчества. Это былъ министръ народнаго просвѣщенія! Ему вездѣ мерещились крамолы, опасности и волненія. Онъ давно зналъ Чаадаева, еще съ 1811 года, когда тотъ пріѣхалъ изъ Московскаго университета, въ Петербургъ, на службу въ гвардію; ему хорошо была извѣстна абстрактная научная, мирная натура Чаадаева, не наклонная къ какой бы то ни было активной, агитаторской дѣятельности; но, по всегдашнему усердію, онъ открылъ вмѣстѣ со своей толпой невѣждъ и обскурантовъ московской и петербургской публики въ статьѣ Чаадаева—ужасы и преступленія самаго ужаснаго калибра. Основываясь на приговорѣ цензурнаго комитета, призваннаго имъ спеціально къ экстренному совѣщанію, графъ Уваровъ изложилъ Императору Николаю I, что статья Чаадаева „предосудительна въ религіозномъ и политическомъ отношеніи", а потому онъ ходатайствовалъ о закрытіи журнала „Телескопъ" навсегда и о необходимости кары, какъ автора, такъ и издателя и цензора. Императоръ согласился съ министромъ, но усилилъ предлагаемую кару. „Телескопъ" былъ запрещенъ, издатель Надеждинъ высланъ въ Усть-Сысольскъ (Вологодск. губ.), а цензоръ Болдыревъ отставленъ отъ службы. Сверхъ того, находя, что статья Чаадаева „смѣсь дерзостной безсмыслицы, достойной умалишеннаго", Императоръ Николай повелѣлъ 4 декабря 1836 года, имѣть за Чаадаевымъ медико-полицейскій надзоръ. Слова Вигеля о „безуміи" статьи Чаадаевской явно пришлись по вкусу и пошли въ прокъ.

На основаніи высочайшаго повелѣнія Чаадаевъ былъ подвергнутъ домашнему аресту, всѣ бумаги у него обысканы и отобраны. Онъ писалъ своему брату Михаилу 5 января 1837 г.: „Что касается до моего положенія, то оно теперь состоитъ въ томъ, что я долженъ довольствоваться одною прогулкою въ день и видѣть у себя ежедневно господъ медиковъ, *ex officio* меня навѣщающихъ. Одинъ изъ нихъ пьяный, частный штабъ-лекарь, долго ругался надо мною самымъ наглымъ образомъ, но теперь прекратилъ свои посѣщенія, вѣроятно, по предписанію начальства“...

Дѣйствительно, московскій генералъ-губернаторъ кн. Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, возвратившись въ это время изъ отпуска, нашелъ, что „пора, однако же, этому фарсу и кончиться“ (*il faut pourtant que cette farce finisse*) и исходатайствовалъ у Императора Николая I разрѣшеніе снять съ Чаадаева и арестъ, и уволить его отъ докторскихъ и полицейскихъ посѣщеній.

Выше было уже сказано, что Пушкинъ читалъ „Письма“ Чаадаева въ рукописи на французскомъ языкѣ, еще лѣтомъ 1830 г., восхищался ими, но сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній противъ разныхъ существеннѣйшихъ мыслей Чаадаева. Теперь же Чаадаевъ скоро по отпечатаніи „Письма“ въ „Телескопѣ“, послалъ Пушкину одинъ изъ 25 отдѣльныхъ оттисковъ статьи, полученныхъ имъ изъ редакціи. Пушкинъ благодарилъ Чаадаева, но въ своемъ письмѣ отъ 19 октября 1836 г. говорилъ: „Я удивился, что эта вещь была переведена и напечатана. Я доволенъ переводомъ [1]): въ немъ сохранилась и энергія, и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, вы знаете, что я далекъ отъ полнаго согласія съ вашимъ мнѣніемъ“... И далѣе Пушкинъ горячо высказывался противъ безмѣрно преувеличенной и раздутой переоцѣнки Чаадаевымъ Запада и католицизма, и противъ совершенно почти ничтожной, будто бы роли Россіи въ исторіи міра. Этотъ отпоръ Пушкина былъ въ высокой степени замѣчателенъ: это высокій историческій документъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ покуда участь Чаадаева не была еще рѣшена начальствомъ и только носились зловѣщіе слухи въ публикѣ, Пушкинъ спрашивалъ о своемъ старинномъ пріятелѣ другого старипнаго пріятеля—поэта Дениса Давыдова, товарища своихъ юношескихъ лѣтъ. Давыдовъ отвѣчалъ изъ Москвы 23 ноября 1836 г.: „Ты спрашиваешь о Чаадаевѣ? Какъ очевидецъ, я ничего не могу тебѣ сказать о немъ; я прежде не ѣзжалъ къ нему и теперь не

---

[1]) Переводъ былъ сдѣланъ Ник. Хр. Кетчеромъ, однимъ изъ главныхъ товарищей и друзей Станкевическаго—Герценовскаго кружка, считавшимся отличнымъ переводчикомъ; имъ изданы переводы на русскій языкъ твореній Шекспира (1858), Гофмана (18...) и другихъ. *В. С.*

ѣзжу. Я всегда почиталъ его человѣкомъ начитаннымъ и, безъ сомнѣнія, весьма умнымъ шарлатаномъ, въ безпрестанномъ пароксизмѣ честолюбія, но безъ духа и характера (какъ бѣлокурая кокетка), въ чемъ я, кажется, не ошибаюсь. С. [1]) разсказывалъ мнѣ весь разговоръ его съ нимъ отъ доски до доски! Видя бѣду неминуемую, онъ признался ему, что писалъ этотъ пасквиль на русскую націю во время сумасшествія, въ припадкахъ котораго онъ посягалъ на собственную свою жизнь. Какъ онъ старался свалить всю бѣду на журналиста и цензора [2]), на перваго потому что онъ очаровалъ его и увлекъ его къ дозволенію отдать въ печать этотъ пасквиль, а на послѣдняго за то, что пропустилъ оный. Это просто гадко; но что̀ смѣшно — это скорбь его о томъ, что скажутъ о признаніи его умалишеннымъ знаменитые его друзья и ученые: *Ballanche, Lamenais, Guizot* и какіе-то нѣмецкіе шустера метафизики!" Въ то же время Давыдовъ подсмѣивался надъ Чаадаевымъ въ извѣстныхъ своихъ юмористическихъ стишкахъ („Современная Пѣснь"):

Маленькій аббатикъ
. . . . . набатикъ.

Согласенъ ли былъ Пушкинъ съ бѣднымъ, скуднымъ мнѣніемъ лихого гусара и легонькаго цѣнителя на счетъ шарлатанства и кокетничанья, Чаадаева неизвѣстно. Черезъ немного недѣль послѣ письма Дениса Давыдова—Пушкина не было уже болѣе въ живыхъ.

Совершенно противуположное впечатлѣніе произвело „Письмо" Чаадаева на Герцена, жившаго въ 1836 г. въ Вяткѣ, въ ссылкѣ. „Со второй, третьей страницы, пишетъ онъ, меня остановилъ печально серьезный тонъ, отъ каждаго слова вѣяло долгимъ страданіемъ, уже охлажденнымъ, но еще озлобленнымъ. Эдакъ пишутъ люди, долго думавшіе, много думавшіе и много испытавшіе; жизнью, а не теоріей доходятъ до такого взгляда... Читаю далѣе... Письмо растетъ, оно становится мрачнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи, протестомъ личности, которая за все вынесенное хочетъ высказать часть накопившагося на сердцѣ. Я раза два останавливался, чтобы отдохнуть и дать улечься мыслямъ и чувствамъ... и потомъ снова читалъ и читалъ. И это напечатано по-русски, неизвѣстнымъ авторомъ? Я боялся,—не сошелъ ли съ ума. Потомъ я перечитывалъ „Письмо" Видбергу, потомъ молодому учителю гимназіи, потомъ опять себѣ. Весьма вѣроятно, что то же самое происходило въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ столицахъ и господскихъ домахъ"... „Возвратившись въ Москву (въ 1840 г.), я сблизился съ

[1]) Александръ Сергѣевичъ Соболевскій. *В. С.*

[2]) Надеждинъ, Болдыревъ. *В. С.*

Чаадаевымъ, и съ тѣхъ поръ до самаго отъѣзда моего за границу (1847 г.) мы были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ"...

Впослѣдствіи спустя много лѣтъ, уже послѣ смерти Чаадаева, Герценъ написалъ въ „Полярной Звѣздѣ" о своемъ покойномъ другѣ воспоминанія такою великою художественною кистью, такими красками жизни и душевнаго пламени, которыя дѣлаютъ эти страницы однимъ изъ поразительнѣйшихъ и несравненнѣйшихъ портретовъ въ мірѣ. Но Чаадаевъ этихъ страницъ никогда не увидалъ.

Послѣ событія съ его „Письмомъ" Чаадаевъ, по свидѣтельству Жихарева, проводилъ первое время въ крайнемъ смущеніи и большомъ малодушіи. Сначала онъ совершенно растерялся; потомъ, болѣе и болѣе вдумываясь въ положеніе, болѣе и болѣе усматривая, что если кто въ авантажѣ обрѣтается, такъ ужъ навѣрное не тѣ, которые его объявили сумасшедшимъ, онъ съ этимъ положеніемъ примирился и даже нашелъ въ немъ удовлетвореніе своему тщеславію и своей гордости. Онъ еще въ началѣ писалъ брату: „Говорятъ, что правительство думало поступить снисходительно, этому очень вѣрю, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно могло поступить несравненно хуже... Странно однако же, что мое сочиненіе въ продолженіе многихъ лѣтъ, читанное и перечитанное въ подлинникѣ, никогда никого не оскорбляло; въ слабомъ же переводѣ всѣхъ поразило... Мнѣнія автора, выраженныя за 6 лѣтъ назадъ, можетъ быть ему вовсе теперь не принадлежатъ. Вотъ уже три мѣсяца, какъ я сошелъ съ ума. Нынѣ издатель сосланъ въ Вологду, цензоръ отставленъ отъ должности, а я продолжаю быть сумасшедшимъ... Теперь, думаю, ясно тебѣ видно, что все произошло законнымъ порядкомъ, и что просить нѐ о чемъ и нѐкого".

Своему пріятелю Ал. Ив. Тургеневу онъ жаловался, что, конечно, онъ „хвалитъ власти, которымъ любопытно показалось узнать его писанія", но у него ихъ отобрали, онъ очень желаетъ, чтобы эти писанья его пошли властямъ въ прокъ, но онъ жестоко скучаетъ безъ своихъ бумагъ въ первый разъ въ жизни". („Это всего мнѣ чувствительнѣе, прибавляетъ онъ въ письмѣ къ брату: Тамъ находятся труды всей моей жизни, все, что составляетъ цѣль ея"). Затѣмъ, онъ продолжаетъ Тургеневу: „Вотъ теперь мнѣ надо читать, заниматься изученіями. Пришли мнѣ Штрауса [1]) и книгу де-Местра о Бэконѣ".

Вся интеллигентная Москва, мужчины и женщины, ѣздила къ нему въ гости, по понедѣльникамъ, или съ визитами, и Герценъ въ своихъ

---

[1]) Знаменитая „Жизнь Христа" Давида Штрауса, появившаяся въ печати въ 1846 году. *В. С.*

чудныхъ разсказахъ рисуетъ яркую картину того уваженія, даже моды, которыми почитали въ 40-хъ годахъ Чаадаева. Но именно это-то и приводило въ негодованіе противоположную половину Москвы, не интеллигентуую и темную. Это-то именно жестоко и бѣсило ее. Погодинъ въ своемъ „Дневникѣ" приводитъ насмѣшки Вигеля въ письмѣ къ Хомякову: „Вы всѣ, господа, не пророки въ родимой вашей Москвѣ; ей нужны плѣшивые лже-пророки" (Чаадаевъ). Славянофильскій фаворитный поэтъ Языковъ посвящаетъ Чаадаеву цѣлые потоки брани и насмѣшекъ. Онъ писалъ въ 1844 году:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна:
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю папъ.
Почтенныхъ предковъ сынъ ослушный,
Всего чужого гордый рабъ,
Ты все свое предалъ и выдалъ...
И ты еще не сокрушенъ...
Ты все еще стоишь, красивый идолъ,
Строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ?!
Ты цѣлъ еще!... тебѣ понынѣ
Вѣнки плететъ большой нашъ свѣтъ:
Твоей насмѣшливой гордынѣ
У насъ находишь ты привѣтъ...
Намъ не смѣшно, намъ не обидно,
Не страшно намъ тебя ласкать,
Когда изволишь ты безстыдно
Свои хуленья изрыгать!
На все, на все, что намъ священно,
На все, чѣмъ Русь еще жива,
Тебя мы слушаемъ смиренно...
Твои преступныя слова
Мы осыпаемъ похвалами,
Другъ другу ихъ передаемъ
Страннопріимными устами
И не брезгливымъ языкомъ...

Эти стихи читалъ прямо, самому Чаадаеву, тотчасъ же при ихъ появленіи—Жихаревъ. „Послѣ дружескихъ словъ Пушкина, говоритъ онъ, Чаадаевъ могъ легко простить, и простилъ чистосердечно, минутную вспышку сатирическаго на него юмора Языкова". Но

это были только причитанія и проклятія изъ лагеря славянофиловъ, противъ которыхъ Герценъ и Бѣлинскій такъ грозно и неумолимо возставали въ 40-хъ годахъ. Герценъ писалъ, именно по поводу разныхъ стихотвореній Языкова: „Гадкая котерія, стоящая за правительствомъ и церковью и смѣлая на языкъ, потому что имъ громко отвѣчать нельзя. Они, кромѣ Аксакова (Константина) и Кирѣевскаго (Ив.), не имѣютъ тѣни гуманности и благородства. И что за сумбуръ въ головѣ у этихъ людей. Недавно я вытѣснилъ на чистую воду Хомякова изъ-за лѣса фразъ, остротъ, анекдотовъ, которыми онъ услащаетъ свою рѣчь, и онъ вывертывался старыми понятіями идеализма, битыми мистическими представленіями...“ Понятно, что славянофилы тоже мало долюбливали даже еще въ 40-хъ годахъ Герцена, и этотъ самый Языковъ писалъ про него, въ своемъ посланіи къ Константину Аксакову:

...Дай руку мнѣ. Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно становитъ
Превыше Истины Святой,
Тому, кто нашу Русь злословитъ,
И ненавидитъ всей душой,
И кто Нѣметчинѣ лукавой
Предался.—И вслѣдъ за ней,
За госпожею величавой,
Идетъ блистательный лакей,
А православную царицу,
А матерь русскихъ городовъ
Смѣнить на пышную блудницу
На Вавилонскую готовъ!..

Чаадаевъ и самъ недолюбливалъ славянофиловъ. Еще въ 1834—35 году онъ жаловался въ письмѣ къ своему другу А. И. Тургеневу: „Въ настоящее время у насъ происходитъ своеобразное движеніе умовъ, стараются сфабриковать національность; а такъ какъ никакихъ матеріаловъ для этого не имѣется [1]), то получится, конечно, совершенно искусственный продуктъ... Не грустно ли, скажите, видѣть, что въ тотъ моментъ, когда всѣ народы сближаются, всѣ мѣстныя и географическія особенности стушевываются, мы погру-

[1]) Таково было убѣжденіе Чаадаева въ 20-хъ и даже въ началѣ 30-хъ годовъ, позже оно измѣнилось. *В. С.*

жаемся въ себя, и возвращаемся къ узкому патріотизму (*à l'amour du clocher*)...

Въ концѣ 30-хъ годовъ (1837—38) Чаадаевъ писалъ въ Апологіи: „Теперь является новая школа. Не хотятъ больше Запада, хотятъ разрушить дѣло Петра Великаго, хотятъ снова въ пустыню. Забывая то, что Западъ сдѣлалъ для насъ, и неблагодарные къ великому человѣку, который насъ цивилизовалъ, къ Европѣ, которая насъ научила, эти люди отвергаютъ и Европу, и великаго человѣка, и въ своемъ торопливомъ жарѣ, этотъ новѣйшій патріотизмъ провозглашаетъ насъ любимыми дѣтьми Востока"!.. И эта нелюбовь къ славянофильскому толку и приходу осталась у него навсегда. Онъ былъ всегда въ дружескихъ, на видъ, сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ самыхъ выдающихся славянофиловъ, но только тамъ, гдѣ они выступали врагами не-русскихъ политическихъ и религіозныхъ формъ жизни. Такъ, напримѣръ, по поводу публичной лекціи славянофила Самарина противъ протестантства (1844 г.) Чаадаевъ съ восхищеніемъ объявлялъ, въ письмѣ къ одному пріятелю (неизвѣстному теперь). „Дѣло шло о томъ, говоритъ онъ, „возможна ли проповѣдь въ какой-либо иной церкви, кромѣ православной?.. Никогда, въ томъ я увѣренъ со времени существованія на землѣ университетовъ, молодой человѣкъ, едва оставившій скамью университетскую, не разрѣшалъ такъ удачно такихъ великихъ вопросовъ..." Точно также въ 1844 или въ 1845 году Чаадаевъ хлопоталъ у французскаго графа Сиркура о томъ, чтобы тотъ напечаталъ въ Парижѣ статью Хомякова, славянофильскаго содержанія, о Россіи, которую онъ, Чаадаевъ, самъ же нарочно перевелъ на французскій языкъ, но тутъ же въ письмѣ прибавлялъ: „Вы знаете, что я не раздѣляю мнѣній автора, но полагаю, что полезно дѣлать русскую литературу „достояніемъ широкихъ слоевъ европейскаго общества"...

Однако же, нападая всегда на славянофиловъ, какъ рѣшительный западникъ, Чаадаевъ во многихъ случаяхъ являлся и самъ полнѣйшимъ славянофиломъ. Объ этой его особенности будетъ говорено еще ниже.

Мы видѣли выше, что сочиненіе, навлекшее на Чаадаева бѣду, носило заглавіе: „Философическія письма", но оно появилось въ свѣтъ, въ печати, въ количествѣ всего только *одного* единственнаго письма. Прочія на много лѣтъ остались въ полномъ мракѣ. Ихъ уцѣлѣло до нашего времени, въ рукописи, всего только *четыре*; но, повидимому, ихъ должно было быть гораздо болѣе. При томъ же, эти письма, даже во всей своей сложности, должны были, по первоначальной мысли автора, войти въ составъ какого-то особаго боль-

шого сочиненія. Послѣ своего печальнаго событія, Чаадаевъ писалъ: „Катастрофа, такимъ страннымъ образомъ только-что искалѣчившая нашу умственную жизнь и выбросившая на вѣтеръ трудъ цѣлой жизни, есть, въ сущности, результатъ зловѣщихъ криковъ, раздавшихся въ извѣстной части нашего общества при появленіи нашей статьи, этихъ страницъ, если хотите мучительныхъ, но во всякомъ случаѣ заслуживавшихъ чего-нибудь иного, а не тѣхъ воплей, какими ихъ встрѣтили... Мой трудъ остался недоконченнымъ: статья, такъ странно задѣвшая народное тщеславіе, должна была служить предисловіемъ"... Все это не состоялось, всѣ планы, всѣ долголѣтнія приготовленія, думы, изысканія, лопнули и пошли прахомъ. Для Чаадаева это была конечно, „мучительная, нестерпимая боль". Но онъ былъ не тотъ человѣкъ, чтобы только стонать да жаловаться. Ему надо было писать, высказываться публично, всему обществу—да еще не одному современному обществу русскому, но и всѣмъ будущимъ.

Онъ это и сдѣлалъ въ своемъ большомъ сочиненіи *второмъ* и *послѣднемъ*, которое носитъ названіе: „Апологія сумасшедшаго". Здѣсь онъ уже не пишетъ болѣе письма къ какой-то „милостивой государынѣ", фантастической или дѣйствительной, реальной. Онъ прямо адресуется къ народной массѣ. Онъ ей уже прямо жалуется, ее прямо поучалъ, ей проповѣдывалъ. Онъ адресуется къ великой массѣ русскихъ людей, которой онъ говоритъ: „больше васъ всѣхъ, повѣрьте мнѣ, я обожаю интересы моей страны, я горжусь ея славой, умѣю оцѣнить великія ея качества"... Въ этомъ сочиненіи, онъ исправлялъ многія свои прежнія заблужденія, предразсудки и ошибки, безстрашно указывалъ на нихъ самъ, не щадя своего самолюбія. И это придало новую силу его мысли, дало этому созданію такое великое значеніе и ширину, которыхъ нѣтъ во всѣхъ остальныхъ, даже самыхъ значительныхъ его созданіяхъ. Къ несчастью, и это сочиненіе, какъ два первыхъ, осталось недовершеннымъ, далеко недоведеннымъ до конца. Имъ была написана только I-ая глава (небольшихъ размѣровъ), да начало II-ой главы (въ общемъ 9 строкъ), всего остальнаго не было вовсе написано. Когда начало созидаться это твореніе, истинно замѣчательное и великое—неизвѣстно, но надо предполагать, что это произошло въ теченіе 1837 года. Чаадаевъ въ самомъ началѣ текста говоритъ про событіе съ „Письмомъ" какъ про „только-что случившееся", а оно, какъ извѣстно, совершилось въ сентябрѣ 1836-го и своими ближайшими послѣдствіями захватило часть 1837 года. Это сочиненіе осталось почти совершенно неизвѣстно современникамъ.

7.

Въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ своей жизни Чаадаевъ не создавалъ уже ничего равнаго или даже приближающагося къ двумъ главнымъ твореніямъ своей жизни: „Философскимъ письмамъ“ и „Апологіи“. Онъ какъ будто усталъ и присмирѣлъ. Цѣль его жизни какъ будто была уже достигнута и выполнена. Онъ уже не предпринималъ болѣе ничего крупнаго, обширнаго. Быть можетъ, въ этой усталости большую роль играло слишкомъ долгое пребываніе среди московскаго общества (такъ называемаго „высшаго“), гдѣ у него было, конечно, нѣкоторое, довольно значительное, количество почитателей, даже поклонниковъ—извѣстно, что многіе изъ нихъ постоянно говорили и писали ему: „maître“ (учитель), а подписывались: „disciple“ (ученикъ), но, несмотря на всю эту сахарную, конфектную сторону, тутъ для него оставалось, все-таки, много шершаваго, жесткаго, кислаго и сухого.—Герцена въ 1843 году поражало существованіе „множества партій“ самыхъ непонятныхъ. „Партія“ католиковъ, говорилъ онъ, ушла въ нелѣпости всѣхъ дальше. Князь Гагаринъ считаетъ Чаадаева отсталымъ. „Партія“ православныхъ, Кирѣевскій en tête, а потомъ и Шевыревъ—дилетанты „религіи“... Самъ Чаадаевъ жаловался на тотъ „большой свѣтъ“ московскій, среди котораго ему приходилось постоянно жить. Въ одномъ изъ писемъ къ кн. Софіи Серг. Мещерской онъ говоритъ: „Настоящія строки содержатъ цѣлое исповѣданіе вѣры. Много благодарю васъ за то, что вы дали мнѣ случай изложить его и передать его вамъ. Мои религіозныя мнѣнія, постоянно подверженныя нелѣпымъ толкованіямъ нашихъ гостиныхъ, нуждались въ томъ, чтобы формулироваться сколько-нибудь строго“...

Отъ этого, неудовлетворенный московскими гостиными, Чаадаевъ искалъ себѣ пристанища съ тѣми и тамъ, гдѣ онъ не долженъ былъ жаловаться на праздную болтовню и праздныхъ болтуновъ. И вотъ онъ пишетъ кн. Софіи Серг. Мещерской, въ 1839 году, про разумное, а не только слѣпо - фанатическое воспріятіе и толкованіе библіи; въ 1841 году, ей же, противъ книги какого-то неизвѣстнаго англійскаго пастора, не признающаго культа Богоматери и святыхъ; въ 1844 году къ кн. Ив. Серг. Гагарину про то, что вполнѣ допустимо предположеніе о томъ, что русская великая княжна Анна, дочь Ярослава I, выйдя за мужъ за французскаго короля Генриха I, не перешла въ католическую вѣру [1]); въ 1845 г.

[1]) Письмо это должно относиться къ 1844 году, такъ какъ Герценъ пишетъ въ своемъ „Дневникѣ“ 2 ноября 1844: „Гагаринъ католикъ сдѣлался іезуитомъ. Онъ хочетъ натурализироваться во Франціи и потомъ, сдѣлав-

Чаадаевъ писалъ Ив. Вас. Кирѣевскому про рѣчи знаменитыхъ англійскихъ министровъ Пиля и Росселя: эти рѣчи онъ находитъ „явленіемъ европейской образованности", но односторонними; въ 1847 году, Чаадаевъ писалъ кн. П. А. Вяземскому огромное письмо по случаю выхода въ свѣтъ „Переписки съ друзьями": что Гоголь—писатель даровитый, „милый намъ, но не въ мѣру захваленный и московскими друзьями и славянофилами и заносчиво зазнавшійся". Наконецъ, желая познакомить западную Европу со статьями и мнѣніями московскихъ славянофиловъ, Чаадаевъ послалъ графу Сиркуру свой переводъ—на французскій языкъ—одной статьи Хомякова (какъ уже о томъ сказано выше) и къ переводу приложилъ письмо свое къ графу Сиркуру, гдѣ излагалъ свои взгляды на исторію древней Россіи [1]; но это письмо, хотя и очень обширное, не заключаетъ ни единой мысли, ни единой строчки, которыя не были бы уже извѣстны намъ теперь изъ прежнихъ твореній Чаадаева. Это все только повтореніе того, что за много лѣтъ было уже высказано имъ съ великою силою и во всей многосторонней полнотѣ въ „Письмахъ" и въ „Апологіи". Для иностранцевъ, они, безъ сомнѣнія, могли представить очень большой интересъ новизны.

„Съ годами,—говорятъ люди, близко знавшіе и глубоко цѣнившіе Чаадаева,—его характеръ портился. Въ немъ замѣчалось старческое раздраженіе, самолюбіе, иногда мелочность; въ обыденной жизни въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, онъ, какъ и многіе другіе мыслители, былъ всегда неискусенъ, а подъ старость, можетъ быть, впадалъ и въ ребяческія ошибки...." Конечно, этому пониженію душевнаго и интеллектуальнаго уровня — приходится приписать тѣ странныя убѣжденія и рѣчи, которыя иногда являлись у него въ концѣ 40-хъ и въ теченіе 50-хъ годовъ, и которыя совершенно противорѣчили убѣжденіямъ и рѣчамъ прежнихъ, лучшихъ его годовъ. Выше было уже говорено о томъ, какъ Герценъ глубоко сталъ цѣнить Чаадаева съ самаго же перваго начала ихъ знакомства, послѣ пріѣзда Герцена изъ ссылки въ Москву. Герценъ прибавлялъ, что самыя

шись священникомъ, возвратиться Россію. Это невозможно, его на границѣ схватятъ, или не пустятъ въ Россію.—Настоящее письмо Чаадаева адресовано къ „Отцу Ивану Гагарину" еще въ Москвѣ, значитъ, не могло быть писано позже ноября 1844 года. *В. С.*

[1]) Отсылая къ Александру Ивановичу Тургеневу свой переводъ статьи Хомякова, съ русскаго на французскій языкъ, 15 февраля 1845 года, Чаадаевъ говоритъ, что письмо, слѣдующее при этой статьѣ, „написано давнымъ давно, но какъ-то долго ждало попутнаго вѣтра".

дружелюбныя и близкія отношенія продолжались между ними до отъѣзда Герцена за границу (послѣ чего имъ уже болѣе не привелось встрѣтиться). Когда Герценъ въ 1849 году напечаталъ свою знаменитую книгу: „Du développement des idées révolutionnaires en Russie“ (о развитіи революціонныхъ мыслей въ Россіи), Чаадаевъ, по словамъ Жихарева, „пришелъ въ восхищеніе отъ отзыва Герцена о немъ“. Дѣйствительно, отзывъ былъ страстный, глубоко симпатичный. Герценъ отводилъ Чаадаеву великую роль въ русской исторіи и культурѣ.

Онъ говорилъ: „авторъ требуетъ отъ Россіи отчета въ тѣхъ страданіяхъ, которыми она напоила человѣка, дерзнувшаго выйти изъ скотскаго состоянія. Онъ хочетъ знать, что мы покупаемъ такою цѣною, чѣмъ мы заслужили такое положеніе; онъ анализируетъ его съ безпощадной глубиной, приводящей въ отчаяніе... Великую важность придаетъ этой статьѣ лиризмъ его суроваго негодованія, потрясающій духъ, и надолго оставляющій его подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ“. Но Чаадаевъ не видалъ самой книги Герцена, а только слышалъ изъ нея лишь отрывки, въ пересказѣ друзей или знакомыхъ. Потому онъ и остался доволенъ и радъ. Но, когда до него дошли болѣе подробныя извѣстія, онъ совершенно перепугался и счелъ обязанностью поскорѣе сбросить съ себя самомалѣйшую тѣнь солидарности и близости съ Герценомъ. Въ письмѣ къ графу Ал. Ѳед. Орлову, начальнику III-го отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, написанномъ въ серединѣ лѣта 1848 года, онъ говорилъ: „Въ этой книгѣ мнѣ приписываются мнѣнія, которыя никогда не были и никогда не будутъ моими мнѣніями... Какъ остаться равнодушнымъ, когда наглый бѣглецъ гнуснымъ образомъ искажаетъ истину, приписываетъ намъ собственныя чувства и кидаетъ на имя наше собственный свой позоръ...“ При этомъ Чаадаевъ просилъ гр. Орлова доставить ему книгу Герцена, для того, чтобы онъ, Чаадаевъ, могъ написать на нее опроверженіе... Гр. Орловъ этого желанія не исполнилъ и никакого опроверженія Чаадаевъ не написалъ. Но даже ближайшіе люди, искренно ему преданные, не похвалили его. Жихаревъ, прочитавъ это письмо въ копіи, сказалъ Чаадаеву: „Не постигнуть, зачѣмъ ты сдѣлалъ такую ненужную гадость? (basses-se gratuite). Чаадаевъ взялъ письмо, бережно сложилъ его въ маленькій портфельчикъ, который всегда носилъ при себѣ, и, помолчавъ съ полминуты, сказалъ: „Mon cher, on tient à sa peau (своей кожей дорожишь)“. Извѣстно, что такое былъ 1848 годъ въ Россіи. Поэтому, письмо Чаадаева къ гр. Орлову легко находитъ себѣ, если не оправданіе, то по крайней мѣрѣ извиненіе и объясненіе. Герценъ никогда ничего даже и не слыхалъ про это письмо

и до конца жизни своей сохранилъ о Чаадаевѣ самое чистое, высокое и свѣтлое воспоминаніе.

Но кромѣ странной измѣны Герцену, Чаадаевъ могъ поражать, въ послѣдніе годы, и своимъ новымъ понятіемъ объ отношеніяхъ однихъ народовъ къ другимъ, и о правѣ владычества однихъ изъ нихъ надъ другими. Въ 1849 году, когда Венгрія пыталась сбросить съ себя тяжкое австрійское иго, Чаадаевъ радовался побѣдамъ австрійскаго правительства и въ разныхъ письмахъ (къ М. Орлову, къ Хомякову и др.) высказывалъ убѣжденія, что эти побѣды „входили въ планъ Провидѣнія". Чаадаевъ, высказывавшій это, былъ уже совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ прежній Чаадаевъ.

Изъ 1850-хъ годовъ извѣстны только два документа, касающіеся жизни Чаадаева: *два* письма. Одно В. А. Жуковскому отъ 27 мая 1851 года. Здѣсь онъ жалуется Жуковскому на то, что русская литература существуетъ среди полной безнаказанности: „Времъ, что ни попало, на словахъ и на бумагѣ... Пора бы вамъ пріѣхать къ намъ, съ нами пожить, да насъ поучить... Не повѣрите, какъ мы избаловались съ тѣхъ поръ, какъ проживаемъ безъ пѣстуновъ. Безначаліе губитъ насъ... Міръ грамотный, какъ и безграмотный безъ командировъ жить не можетъ..." Такимъ образомъ, здѣсь Чаадаевъ отказывается отъ всей новой русской литературы, съ Бѣлинскимъ во главѣ, совершенно также, какъ за три года раньше, въ письмѣ къ графу А. Ѳ. Орлову, въ 1848 г., отказывался отъ Герцена, и всего, имъ высказываемаго тогда о Россіи и положеніи ея мысли и литературы. Все новое современное движеніе нашего отечества было Чаадаеву въ обоихъ случаяхъ чуждо, враждебно, непонятно.

Другой документъ былъ также письмо. И именно письмо къ Герцену за границу, отъ 20 іюля 1851 года. Гдѣ находится теперь оригиналъ этого письма—неизвѣстно, но въ XXIX-й главѣ „Былого и думъ" Герценъ разсказываетъ, что въ этомъ *единственномъ* своемъ письмѣ къ Герцену въ чужіе края Чаадаевъ говорилъ, что „гибнетъ, слабѣетъ и быстрыми шагами приближается къ концу, не отъ того угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди, а того, которое сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ, и которое по этому самому пагубнѣе перваго..." И однако же, ему въ это время было всего 58 лѣтъ, и такъ далеко было ему до дряхлой, немощной старости. Казалось бы, у него оставалось еще такъ много силъ, съ которыми онъ былъ бы способенъ продолжать свою великую, могучую рѣчь къ современникамъ, продолжать свою энергическую, глубокую оцѣнку.

Послѣднее извѣстіе изъ жизни Чаадаева относится къ 1854 г.

Н. В. Сушковъ разсказываетъ: „Мнѣ случилось сказать о Чаадаевѣ нѣсколько словъ въ „Раутѣ“ 1854 года, и какъ въ простодушіи тщеславія своего онъ остался доволенъ имъ! Чаадаевъ былъ именно *простодушно тщеславенъ* — рѣдкое психическое явленіе! Мнѣ это очень въ немъ нравилось“. Разсказывая о посѣщеніи Москвы Далматскимъ путешественникомъ — графомъ Погичемъ - Загорскимъ, г. Сушковъ говорилъ, что въ числѣ знакомившихъ пріѣзжаго съ Москвою былъ и П. Я. Чаадаевъ. Этотъ послѣдній ввелъ его въ Англійскій Клубъ. „У Петра Яковлевича Погичъ - Загорскій встрѣтился съ Кирѣевскимъ (Ив. Вас.) и другими образованными лицами, такъ какъ у него съ незапамятныхъ временъ сталкиваются и москвичи и залетные гости, всѣхъ видовъ, цвѣтовъ, круговъ и направленій. Просвѣщенный хозяинъ бесѣдуетъ въ философо-скромномъ домикѣ, чуть не въ развалинахъ, на Басманной, со всякимъ умнымъ человѣкомъ, къ какому бы онъ ни принадлежалъ кружку.

„Эта-то терпимость, при всемъ его упорствѣ въ собственныхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, и удерживаетъ въ болѣе или менѣе пріязненныхъ отношеніяхъ съ нимъ столько разнородныхъ людей“...

Одинъ изъ ближайшихъ знакомыхъ Чаадаева (подписавшійся Ъ — С.) говоритъ въ статьѣ о немъ, напечатанной въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1861 г. № 1: „Холодность Чаадаева въ обществѣ говоритъ скорѣе о томъ, какъ онъ умѣлъ владѣть своими страстями“...

Чаадаевъ былъ очень строенъ и одѣвался всегда довольно изящно. Блѣдное лицо его было совершенно неподвижно, когда онъ молчалъ, какъ будто изъ мрамора; голое чело его, печальное выраженіе глазъ и ироническая улыбка, игравшая на тонкихъ губахъ, придавали ему то симпатичное и благородное выраженіе, которое такъ хорошо передано на его портретѣ [1]). Вообще Чаадаева видѣли часто въ театрѣ, на балахъ и въ клубѣ... Петръ Яковлевичъ оставался до самой смерти членомъ Московскаго Англійскаго Клуба и былъ однимъ изъ его ревностнѣйшихъ посѣтителей. Встрѣчаясь тамъ временами съ нѣкоторыми изъ своихъ старыхъ знакомыхъ и сослуживцевъ, онъ иногда довольно колко и остроумно отдѣлывался отъ нихъ. Нѣкоторыя изъ такихъ остротъ, разносившіяся тотчасъ по всему городу, довольно извѣстны...

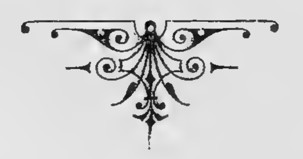

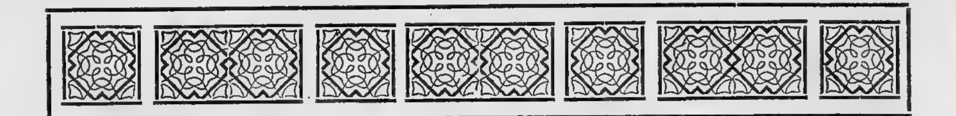
[1]) Портретъ этотъ превосходно выполненъ извѣстнымъ литографомъ Alophe; Impr. Lith. Cattier. In f°; papier de Chine.

Чаадаевъ скончался 14 апрѣля 1856 г., можно сказать, совершенно неожиданно. „Онъ былъ еще такъ недавно между насъ, пишетъ—Ъ.—С., во всей полнотѣ своей умственной жизни. Онъ умеръ, можно сказать, на ногахъ послѣ двухъ—трехъ дневной болѣзни, не покидая своихъ привычекъ, не запираясь дома, встрѣчая или, лучше сказать, искавъ встрѣчи съ друзьями и знакомыми“...

М. Н. Лонгиновъ также говоритъ: „Въ послѣдніе годы его жизни мы были истинно дружны съ Чаадаевымъ и видѣлись безпрестанно... Образъ жизни и здоровье его, казалось, обѣщали ему еще много лѣтъ жизни, но Провидѣніе рѣшило иначе“.... Похороненъ Чаадаевъ въ Донскомъ монастырѣ, согласно съ его желаніемъ, выраженнымъ въ духовной. Отпѣвалъ его и надъ его могилой произнесъ очень сочувственную рѣчь—его духовникъ Н. А. Сергіевскій.

В. В. Стасовъ.

Изъ жизни Өедора Ивановича Буслаева.

(Окончаніе).

IV [1]).

Юбилей Ө. И. — Его чтенія. — Отзывы о писателяхъ. — „Воспоминанія“. — Отношенія къ М. М. Стасюлевичу и „знатнымъ“ персонамъ.

Изъ моего „Чествованія“ и „Дополненія къ чествованію“ заслугъ Ө. И. видно, какъ Ө. И. боялся, чтобы въ печать не проникло что-либо неправильное по отношенію къ оцѣнкѣ его личности и трудовъ. Это—присущая ему черта пуританизма. Онъ въ черновомъ и корректурѣ просматривалъ мою работу, измѣнялъ или давалъ болѣе точное выраженіе, но, правду сказать, внутренно не проникался разными похвальными отзывами. Онъ былъ очень скроменъ въ отзывахъ о себѣ, всегда говорилъ, что онъ всѣмъ знаменитымъ сверстникамъ уступаетъ въ дарованіи и способностяхъ, и удивлялся, какъ это „сдѣлалось“, что онъ вдругъ такъ извѣстенъ. Справивъ юбилей, если только можно такъ выразиться, Ө. И. утомился и заболѣлъ. Эта болѣзнь скосила его. Онъ не любилъ разговора о болѣзняхъ и никогда не любилъ прибавленія „покойный“. А тутъ, какъ разъ неожиданная смерть Викторова [2]), потомъ смерть его преемника Д. П. Лебедева, сгорѣвшаго, аллегорически говоря, на глазахъ Ө. И., и собственная тяжкая болѣзнь и начинавшаяся слѣпота—все это должно было дѣйствовать на Ө. И. подавляющимъ образомъ. Онъ обратился къ новой „болѣе легкой“ литературѣ. Изъ писателей послѣдняго періода его занималъ тогда Толстой и его сказки, начиная съ той, которая была помѣщена въ „Недѣлѣ“ („Свѣчка“), пре-

---

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1908 г.

[2]) Ө. И. принималъ горячее участіе въ составленіи брошюрки: „Нѣсколько словъ о смерти А. Е. Викторова“.

тили онѣ ему до невозможности. Дѣло поправила нѣсколько „Власть тьмы“. Ѳ. И. находилъ ее глубочайшею и въ высшей степени народною. Потомъ вдругъ круто повернулъ и повторялъ: „народная! да, для Тульской губерніи, для Московской, для центральнаго района, а, напримѣръ, для Вятской, Пензенской—это еще вопросъ. Назовите мнѣ, какая губернія населена *русскимъ* племенемъ чисто. Мы не знаемъ, гдѣ нашъ народъ“. „Смерть Ивана Ильича“ показалась Ѳ. И. „грязною“.

Онъ сталъ перечитывать Гончарова, котораго перезабылъ, и сначала проводилъ мысль, что авторъ большого романа „Обрывъ“ всегда выше того, кто пишетъ только „въ 2 частяхъ“, что „Обломова“ не вычеркнешь, что Маркушка Волоховъ даже *великую* личность, Вѣру, заставилъ отдаться себѣ. Но послѣ статьи „Нарушеніе воли“ („В. Е.“, 1889 г.), которую Ѳ. И. узналъ гораздо позже, онъ отвернулся отъ Гончарова. Онъ находилъ безобразно-возмутительной мысль, что можетъ быть скрыто что-либо изъ жизни писателя или вообще извѣстнаго человѣка—отъ народа, отъ критики. При этомъ Ѳ. И. указывалъ на семейную жизнь Гончарова, которая внушила, будто, Гончарову эту статью.

Я полагаю, что въ это время именно родилась у Ѳ. И. мысль разобрать свои бумаги и начать „Воспоминанія“, чтобы по возможности самому установить „начала“ своей ученой и всякой другой личности.

Отъ Гончарова Ѳ. И. рѣшительно и безповоротно перешелъ къ Тургеневу. Онъ ставилъ его по образованію выше всѣхъ. Изъ его произведеній перлами считалъ „Дневникъ лишняго человѣка“, „Наканунѣ“ и разсказъ „Странная Исторія“, отъ котораго онъ велъ психологію русскаго героизма, страстности и порывовъ къ исканію „особой“ дѣятельности. Въ „Дымѣ“ Ѳ. И. находилъ неправильное пониманіе народной поэзіи, увлекался разсказомъ „Жидъ“ и рѣшилъ заняться изученіемъ *всего* Тургенева ради стиля, техники построенія и языка. Онъ два раза перечиталъ всѣ его сочиненія, испещрилъ всѣ края своими замѣчаніями, въ родѣ: „вотъ отсюда и пошелъ нашъ нигилизмъ“ и оставилъ тетрадь полуисписанную началомъ работы, сдѣлалъ массу выписокъ, вырѣзокъ и запасся Зелинскимъ и иностранными критиками о Тургеневѣ.

Достоевскаго Ѳ. И. находилъ болѣзненнымъ и малохудожественнымъ. „У него преобладаетъ элементъ поучительный“. Но Ѳ. И. признавалъ большую глубину въ главѣ „Великій Инквизиторъ“ въ братьяхъ Карамазовыхъ и жалѣлъ, что Достоевскій не написалъ

послѣдняго романа, гдѣ бы вывелъ Алешу Карамазова дѣйствующимъ героемъ. Въ Островскомъ Ѳ. И. изумлялся богатству языка. „Что если бы къ этому вовремя образованіе".

Изъ сочиненій графа Льва Толстого Ѳ. И. выше всего цѣнилъ романъ „Анна Каренина", гдѣ можно найти и отвѣтъ на то, какъ стоятъ въ храмѣ подъ вѣнцомъ, и какъ происходитъ земское собраніе и проч. и проч. „Эти писатели пошли отъ Пушкина и Гоголя". Въ Пушкинѣ Ѳ. И. цѣнилъ независимый образъ мыслей и стихъ. „Стихи отжили вѣкъ и не имѣютъ права на существованіе, какъ не имѣли его никогда и раньше. Прозой яснѣе выразить мысль, но представить Пушкина безъ стиховъ я не могу. Его образъ нераздѣленъ съ стихотворнымъ выраженіемъ мыслей".

Гоголя Ѳ. И. не любилъ и никогда не приводилъ въ своей большой и малой грамматикахъ примѣровъ изъ его сочиненій. „Развѣ онъ то могъ сдѣлать для изображенія крѣпостнаго права! Его хохлацкую хитрость лучше всего понималъ Щепкинъ. Прочтите мою статью „Щепкинъ и Гоголь" въ „Современной Лѣтописи".

Также Ѳ. И. не цѣнилъ Лермонтова, котораго перечитывалъ въ это время.

Когда ему приводили мнѣніе Боборыкина, что „двадцатилѣтній поручикъ въ два года съ небольшимъ создаетъ „Демона" и „Героя нашего времени", Ѳ. И. говорилъ: „Демонъ—и соблазнилъ какую-то дѣвчонку—важная вещь, чтобы носиться съ этимъ. Ну, а княжна Мери—нѣтъ, нѣтъ! слабо! Подражаніе Пушкину и только!"

Прочитавъ изслѣдованіе Шляпкина о Грибоѣдовѣ, Ѳ. И. остался при взглядѣ на его „Горе отъ ума", усвоенномъ отъ Бѣлинскаго, т. е. считалъ „Горе отъ ума" сатирой, не комедіей.

Изъ новыхъ писателей Ѳ. И. считалъ выше всѣхъ Короленко. Онъ ставилъ его выше Тургенева, находя въ немъ, при богатствѣ языка, массу остроумія и *юмора*, котораго нѣтъ у Тургенева [1]). „Слѣпого музыканта" Ѳ. И. считалъ безукоризненнымъ, особенно нравился разсказъ „Лѣсъ шумитъ", затѣмъ шелъ Чеховъ. „Степь", „Тифъ", „Счастье" Ѳ. И. считалъ лучшими.

Мачтетъ часто бывалъ въ домѣ Ѳ. И., и Ѳ. И. относился къ нему симпатично. Въ своей теоріи, при оцѣнкѣ произведеній, Ѳ. И. всегда имѣлъ въ виду Чернышевскаго „Эстетическія отношенія", и Ѳ. И. не могъ отдѣлаться отъ досадной мысли объ основныхъ положеніяхъ этой книги. Разъ я для опыта далъ Ѳ. И. напечатанный въ „Отече-

---

[1]) Ѳ. И. опредѣлялъ *остроуміе*, какъ высшее проявленіе способностей писателя въ ихъ полномъ составѣ и ужасно былъ недоволенъ опредѣленіемъ Бэна въ „Стилистикѣ" (перев. А. Грузинскаго).

ственныхъ Запискахъ“ 1863 г., № 1 разсказъ А. С. Суворина „Отверженный“. Ѳ. И., возвращаясь, сказалъ: „да, это несомнѣнный реализмъ. Но, знаете, солнце и навозъ одинаково реальны. Вотъ здѣсь изображенъ только навозъ“. То же и „Смерть Ивана Ильича“. „Чернышевскій правъ, когда говоритъ о деревянномъ яблокѣ въ царскихъ дверяхъ и о живомъ яблокѣ. Но спящій левъ въ скульптурѣ уже выше дѣйствительности; тутъ уже *обобщеніе*“.

Ѳ. И. крайне не любилъ Боборыкина. Очевидно, были какія-то дальнія недоразумѣнія. Онъ разсказывалъ, какъ въ редакціи новой „Библіотеки для чтенія“ возсѣдалъ П. Д., и сотрудники ждали его *выхода*. Ѳ. И. желалъ во что бы то ни стало огласить фактъ, что одинъ такой сотрудникъ въ *теченіе года ежедневно* посылалъ П. Д. открытыя письма, гдѣ называлъ его Буерыкинымъ вмѣсто Боборыкина. Чтобы не прерывать разсказа о чтеніяхъ Ѳ. И., скажу, что уже въ послѣдніе годы жизни, перенесши вторую болѣзнь, Ѳ. И. пожелалъ перечитать и своихъ старыхъ любимцевъ, или читалъ по случайнымъ указаніямъ. Я принесъ ему „Мельмота-скитальца“ Матюрэна, и Ѳ. И. глубоко сожалѣлъ, что не прочелъ его раньше. Для теоріи романа—мнѣ это была необходимая вещь: по воображенію онъ выше Шекспира, по реализму и глубинѣ—имъ обоимъ нѣтъ равнаго.

А. И. Кирпичниковъ указалъ на Ахшарумова: „Концы въ воду“. Ѳ. И. перечиталъ всего Ахшарумова; послѣ прочелъ всѣ романы Лѣтневой, но Станюковича „Два брата“ не совсѣмъ понравились Ѳ. И. Изъ иностранныхъ Ѳ. И. любилъ англійскіе романы, но онъ съ удовольствіемъ перечиталъ Скриба: „Мавры при Филиппѣ“. Сю: „Вѣчный жидъ“, „Мартынъ-Найденышъ“; Дюма: „Двѣ Діаны“—онъ находилъ тутъ или слѣды былого, или ему нравились характеристики (іезуитизма, напр.). Коллинза изъ новой англійской литературы Ѳ. И. предпочиталъ другимъ.

Ослѣпши, Ѳ. И. принялся за „Воспоминанія“ и за „Дополненія“ къ нимъ. Ѳ. И. крайне боялся, что его характеристика матери и другія страницы изъ его жизни вызовутъ неодобреніе критики. Когда я принесъ книжку „Недѣли“ съ отзывомъ о „Воспоминаніяхъ“, Ѳ. И. расцѣловалъ меня—и долго думалъ, что это моя статья, а послѣ еще былъ довольнѣе, когда я доказалъ ему, что свидѣтельство постороннято еще значительнѣе. „Дополненія“ свои Ѳ. И. хотѣлъ видѣть напечатанными чрезъ 10 лѣтъ, но не удержался и нѣсколько отрывковъ напечаталъ въ „Починѣ“ и 1 въ „Вѣстникѣ Европы“. Особенно крупныхъ фактовъ въ этихъ дополненіяхъ не было,—но начало было написано очень литературно. Ѳ. И. разсказалъ тамъ, что его матушка добыла для него гороскопъ, по кото-

рому 3 числа особенно должны были стать роковыми въ его жизни. И дѣйствительно, въ одно изъ этихъ чиселъ Ѳ. И. тонулъ. Болѣе всего разсказывалось въ „Дополненіяхъ“ о Тургеневѣ и о жизни въ Кунцовѣ.

„Воспоминанія“ привлекли къ Ѳ. И. вниманіе его бывшихъ товарищей, теперь высокопоставленныхъ лицъ. Его посѣтили К. П. Побѣдоносцевъ, графъ И. Д. Деляновъ и многіе другіе. Побѣдоносцевъ просилъ у Ѳ. И. оттисковъ „Воспоминаній“, потому что онъ не можетъ читать ихъ въ „пакостномъ“ журналѣ, т. е. „Вѣстникѣ Европы“. Ѳ. И. защитилъ „пакостный“ журналъ, сказавъ, что только въ немъ онъ могъ помѣстить свои „Воспоминанія“, оставаясь вѣренъ памяти своего Высокаго ученика. Болѣе всего доволенъ былъ Ѳ. И. своими воспоминаніями потому, что они возобновили его отношенія съ М. М. Стасюлевичемъ. Ѳ. И. много разъ говорилъ, что пріѣзды М. М. производятъ на него самое бодрящее дѣйствіе. Въ это время часто бывалъ у Ѳ. И. его землякъ Селивановъ, человѣкъ даровитый, но очень шумливый. Онъ привозилъ всегда массу петербургскихъ слуховъ и новостей, которые приводили въ ужасъ „дамскую половину“. Ѳ. И—чу онъ привозилъ новыя стихотворенія, въ родѣ „Эхо“ и проч. Ѳ. И. любилъ эти стихи и охотно ихъ слушалъ. Изъ переданныхъ имъ мнѣ вырѣзокъ (газетныхъ и другихъ) огромное количество касалось соціалистическихъ процессовъ и всякихъ свѣдѣній о соціальномъ движеніи. У Ѳ. И. была коллекція фотографій государственныхъ преступниковъ, доставленная кѣмъ-то изъ его почитателей. Его крайне интересовало возникновеніе и образованіе этого типа. Онъ любилъ называть себя „передовымъ застрѣльщикомъ“ и даже создалъ цѣлую теорію: „Я сдѣлалъ свое дѣло. Я не призванъ былъ къ вмѣшательству въ жизнь, но идеи, зароненныя мною, были всегда чистыя и плодотворныя идеи и то, что я говорилъ, принесло, быть можетъ, болѣе результатовъ, чѣмъ то, что я писалъ“. Не признавая существованія народа, какъ политическаго элемента въ Россіи, Ѳ. И. часто говорилъ: „какой это народъ; реформы народъ заработываетъ самъ, а не навязываются ему сверху; китайцы всегда будутъ выше японцевъ“. „У насъ и исторія опредѣляется военнымъ сословіемъ. У насъ и архіереи, и губернаторы изъ военныхъ; мои работы нашли своего Я. И. Ростовцева. Посмотрите политическія исторіи, кѣмъ онѣ совершались? военными! Гдѣ у насъ гражданство. Купцы—что ли? Да, провались завтра университетъ, половина Замоскворѣчья не пойметъ, что это значитъ, и не почувствуетъ никакого неудобства. У насъ все въ войскѣ“.

V.

Послѣдніе дни жизни.—Оцѣнка личности.

Такъ доживалъ свои дни Ѳ. И., но никто не думалъ, что онъ такъ близокъ былъ къ своей кончинѣ. И на слѣпоту свою онъ смотрѣлъ своеобразно. „Хорошо, что я ослѣпъ; труды мои все-таки значительны, а напечатай въ старости что-нибудь неосновательное или пустое и испортишь всю кадку меда ложкой дегтя“. „Я очень счастливъ былъ въ жизни, и если бы надо жить второй разъ, я нехотя сталъ бы жить по другому“.

Обремененный занятіями, я не былъ у Ѳ. И. съ января 1897, но въ апрѣлѣ жена говорила мнѣ, что Ѳ. И. „молодцомъ“. Дѣйствительно, все время онъ выглядѣлъ очень бодро для своихъ лѣтъ и любилъ сравнивать себя съ часто бывавшимъ у нихъ К. П. Садовымъ, который теперь, несмотря на параличъ, пережилъ Ѳ. И.

Со времени второго брака и матеріальная жизнь стала лучше. „Людмила у меня финансистъ, и я теперь гораздо богаче и обезпеченнѣе, чѣмъ прежде“.

Ѳ. И. былъ честнѣйшій человѣкъ и требовалъ для себя очень малаго. Онъ *очень дешево* обошелся своему народу. Никакой ренты онъ никогда не получалъ. Когда его уговаривали нѣсколько лѣтъ потянуть въ университетѣ, чтобы получать пенсію по новому уставу, онъ говорилъ: „нѣтъ, съ меня и этого довольно. На что мнѣ больше!“ Сумму, полученную за рукописи, книги, онъ отдалъ многосемейному сыну. 400 пудовъ книгъ, дорогихъ и серьезныхъ, подарилъ въ студенческую библіотеку, основанную по мысли Тихонравова. Рукописи лекцій и письма принесъ въ даръ Румянцевскому музею [1]). Такъ онъ сторицею возвратилъ своему народу, котораго не признавалъ, то, что потрачено было на его воспитаніе и на пенсію ему. Онъ былъ крайне благодаренъ своей женѣ за ея заботы и попеченіе и на смертномъ одрѣ много разъ благодарилъ ее. Но, больной, онъ углубился въ себя и какъ-то замкнулся: не часами, а днями молчалъ и не говорилъ ни слова, а только крестился. Это обижало его домашнихъ, а послѣ они жалѣли, что безпокоили его въ этомъ состояніи разспросами.

---

[1]) Слѣпота и болѣзнь помѣшали ему издать лекціи, читанныя Наслѣднику Николаю Александровичу. Онъ уже началъ о нихъ переговоры съ г. Долговымъ.

Не беря на себя слишкомъ многаго, я постараюсь посильно опредѣлить личность покойнаго дорогого наставника и болѣе, чѣмъ наставника.

Въ воззрѣніяхъ на жизнь онъ руководился имъ же созданной теоріей „надорганической среды". „Объясните мнѣ *исторически* появленіе Наполеона I"? говорилъ онъ. Или: „Гдѣ связь между изобрѣтеніемъ пороха и смерью Царя-мученика?" „*Такъ* вотъ и я: сталъ словесникомъ, по судьбѣ вошелъ своимъ вліяніемъ въ жизнь людей, которые со мной не имѣли ничего общаго, и работалъ въ такихъ областяхъ, о которыхъ никогда не мечталъ". Онъ вѣрилъ въ особое призваніе человѣка, несмотря на *полное* уваженіе къ изслѣдованіямъ физіологовъ и естественниковъ, каковы Бюхнеръ, Молешоттъ, Дарвинъ. „Объясните мнѣ способность разнообразить предметы и совершенствоваться, которая свойственна одному человѣку: животное ѣстъ и будетъ ѣсть, но не сумѣетъ разнообразить свою пищу. Соловей поетъ прекрасно, но одно и то же, и не можетъ усовершенствовать свое пѣніе".

Ближе всего по натурѣ, воззрѣніямъ, пониманію своего назначенія Ѳ. И. подходилъ къ Ренану. Въ нихъ было множество сходныхъ сторонъ. Когда г-жа А. въ моемъ присутствіи читала ему свою статью о Бурже, гдѣ былъ этюдъ о Ренанѣ, Ѳ. И. замолкъ на минуту, какъ-то потомъ озарилось лицо его, и онъ вскричалъ: „Да это я! Прочтите, прочтите еще разъ! Это словно вы меня характеризовали". Вотъ это мѣсто—судите по нему сами: на складъ Ренановскаго ума громадное вліяніе оказала нѣмецкая наука. Историческая критика, усвоенная имъ въ Германіи, заставила его на католицизмъ взглянуть, какъ на явленіе, зависящее отъ *общеисторическихъ* условій жизни... У Ренана былъ утонченный скептицизмъ и умѣнье обращать этотъ скептицизмъ въ орудіе наслажденія. Эта-то способность къ умственнымъ и сердечнымъ метаморфозамъ, это-то умѣнье примѣниться къ далекимъ отъ насъ чувствамъ и вкусамъ и при томъ находить наслажденіе въ этомъ переживаніи чужой жизни и называется дилеттантизмомъ. Благодаря природному влеченію сердца, онъ могъ въ воображеніи своемъ „преклонять колѣна передъ всѣми алтарями... Нравственное чутье дало ему возможность подъ *буквою* формулъ отыскать *духъ* всякаго вѣроученія и прочувствовать долю утѣшительной истины, которая въ немъ заключается. Изъ этого „всемірнаго пріобщенія" онъ вынесъ то убѣжденіе, что настоящая истина скрывается подъ всѣми символами, но провозглашать диктатуру одного изъ этихъ символовъ значитъ неправильно относиться къ другимъ. Вслѣдствіе такого широкаго пониманія, иронія и скептицизмъ зависѣли у него оттого, что тонкій и гибкій

умъ его допускаетъ столько же одинаково достовѣрныхъ рѣшеній, сколько существуетъ точекъ зрѣнія, а не оттого, что онъ не находитъ одного абсолютно-вѣрнаго рѣшенія. Для такого ума ни одна формула, ни одна доктрина не вмѣщаетъ всего многообразія явленій, и потому ни одна изъ доктринъ имъ всецѣло не принимается и ни одна вполнѣ не отвергается. Онъ изучилъ 5 — 6 литературъ, столько же философій, а слѣдовательно и народностей, проявившихъ эти умственныя движенія. Такая широкая разносторонность дѣлаетъ его истымъ сыномъ своего вѣка. Совмѣщеніе въ нашемъ мозгу мыслей и мечтаній разныхъ расъ и эпохъ, конфликтъ всякихъ доктринъ и вѣроученій не составляетъ ли выдающуюся черту нашего вѣка? Пытливый изслѣдователь текстовъ, человѣкъ такой обширной эрудиціи является не менѣе *краснорѣчивымъ выразителемъ своего времени, чѣмъ иной отрицатель древности и преданія*".

Прекрасно, совершенно такъ! говорилъ Ѳ. И. „Въ водоворотѣ убѣжденій и чувствъ трудно держаться одного направленія: для того пришлось бы быть нетерпимымъ, недобросовѣстнымъ по отношенію къ другимъ. Онъ героически сознается, что неспособенъ объединить въ своемъ умѣ всю многосложность *современной мысли и признаетъ потому въ великомъ вопросѣ человѣческаго бытія законность всякаго способа его рѣшеній.* Искренность этого сознанія вмѣстѣ съ широкимъ образованіемъ скрашиваютъ дилеттантизмъ его не менѣе, чѣмъ та сила воспріимчивости, которая не притупилась въ немъ опытомъ жизни и позволяла ему отзываться на всѣ высокія и благородныя проявленія души человѣческой. Извѣстное изреченіе гласитъ: „все понять значитъ все простить"; „такое всепрощеніе однако равняется нравственному индифферентизму!" [1]). Да я тутъ весь, сказалъ Ѳ. И. и долго сидѣлъ, задумавшись. Недавно, читая отчетъ о публичномъ чтеніи проф. Трубецкаго, посвященномъ Ренану, я опять былъ пораженъ сходствомъ личности Ѳ. И. съ личностію Ренана. „Степень популярности отдѣльныхъ его произведеній была часто обратно пропорціональна ихъ научности. Онъ всюду являлся литераторомъ, эклектикомъ-популяризаторомъ, но не открывшимъ новые, неизвѣданные пути ученымъ, *не реформаторомъ, не бойцомъ*. По своимъ воззрѣніямъ онъ былъ гуманистъ, аристократъ, но его *гуманизмъ* своеобразно *сплетался съ скептицизмомъ*, при чемъ оригинальная эстетика составляла основную черту и основной недостатокъ всѣхъ его произведеній" [2]). Это былъ

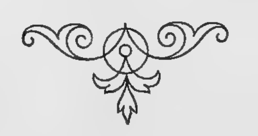
[1]) СПБ. кн. 2 отд. II р. 18, 19, 20, 1890 года.

[2]) Р. Вѣд. 97 № 350 отъ 19 декабря.

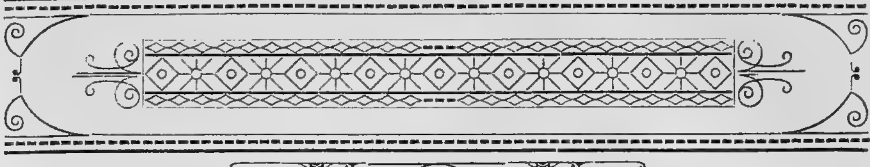
народникъ, скажу я, не любившій народа; ученый, не создавшій самостоятельнаго компетентнаго взгляда на свою спеціальность. Собственно, это былъ просвѣщенный мыслитель, высоко ставившій образованіе и науку, оставшійся вѣрнымъ ихъ сыномъ до гробовой доски. Зная, какъ туго прививается у насъ вѣра въ науку, какъ много еще у насъ самодѣльщины, нельзя не преклониться предъ цѣльностью этого образа, предъ такою гуманистическою личностью, какою былъ Ѳ. И. Вѣчная ему память!

Быть можетъ, мои „Воспоминанія" покажутся мало обработанными и нѣсколько суровыми, но я говорилъ одну правду, слѣдуя завѣту Ѳ. И.: „разскажите обо мнѣ все, что знаете, но говорите одну правду, безъ прикрасъ—это лучшій мнѣ памятникъ въ потомствѣ".

Сообщилъ В. А. Лебедевъ.

Александръ I и королева Гортензія [1].

Одиннадцать писемъ къ Императору Александру I.

(Окончаніе).

5.

Письмо къ Александру отъ 23 октября, написанное на бумагѣ съ траурной каймою.

Мнѣ сказали, что ѣдетъ курьеръ, и я хочу, чтобы онъ отвезъ вамъ это письмо, которое будетъ служить вамъ доказательствомъ того, что я не могу васъ забыть, такъ какъ я постоянно думаю о васъ и готова вѣрить, что хотя вы и находитесь въ водоворотѣ событій, но вамъ все-таки нужна моя дружба. Говорятъ, будто вы намѣрены провести нѣсколько дней въ Карлсруэ; не скрою, — я испытала нѣкоторую досаду при мысли, что я такъ недавно была въ этой странѣ, и что я не могу быть тамъ одновременно съ вами. Я была бы такъ счастлива видѣть васъ; но мы, бѣдныя женщины, не можемъ пренебрегать приличіями.

Сердце подсказываетъ мнѣ, что несмотря на огромное желаніе я не должна этого дѣлать, такъ какъ иначе люди могли бы подумать, что я слишкомъ сильно этого желаю. Но мнѣ было бы очень пріятно совершить эту поѣздку,—сознавать, что вы такъ близко и не видѣть васъ, будетъ для меня очень тяжело. Вы будете вспоминать меня, не правда ли? Если вы счастливы, вѣрьте, что я раздѣляю ваше счастье, а если вы все еще страдаете, то сердце подскажетъ мнѣ это, и я пойму васъ,—будьте въ томъ увѣрены. Прощайте, вѣрьте

---

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1908 г.

въ мое неизмѣнное и нѣжное расположеніе; оно слишкомъ глубоко, чтобы быть инымъ.

Посылаю вамъ еще одно письмо къ брату; видите, какъ я злоупотребляю вашей дружбою [1]).

6.

Письмо къ Александру отъ 26 октября 1814 г., написано на бумагѣ съ траурной каймою.

Мнѣ очень грустно, я очень несчастна и чувствую потребность дорассказать вамъ о своихъ мученіяхъ. Я рѣшительно ничего не добилась отъ мужа; онъ послалъ адвокату довѣренность на веденіе дѣла. Онъ во что бы то ни стало требуетъ своего сына; я чувствую, что, исполняя свой долгъ, я жертвую своимъ спокойствіемъ, хотя законъ противъ меня, но я считаю долгомъ не уступать. Будущее моего сына, его счастье, его образованіе—поставлены на карту, и я не имѣю надежды на успѣхъ.

Я рѣшаюсь вести дѣло, которое получитъ большую огласку, и рискую начать его только для того, чтобы удержать у себя сына возможно долѣе. Будь я увѣрена, что ему будетъ хорошо, повѣрьте, я пожертвовала бы для его благополучія счастьемъ быть вмѣстѣ съ нимъ; но что я могу ожидать отъ человѣка, который говоритъ: если я несчастливъ, то я хочу, чтобы и сынъ мой былъ несчастливъ; видно, что это говоритъ не мать.

Всѣ увѣряютъ, что я проиграю дѣло, что мнѣ придется пожертвовать сыномъ, что по нашимъ законамъ онъ даже имѣетъ право требовать, чтобы я жила съ нимъ, но меня преслѣдуетъ мысль: *мой сынъ погибнетъ*, я въ этомъ твердо увѣрена.

Боже мой, какъ странно всегда складываются обстоятельства; мнѣ всегда казалось, что счастье женщины въ томъ, чтобы объ ней не говорили; чего бы я не дала за это. Моимъ девизомъ было—быть какъ можно менѣе извѣстной, какъ можно менѣе волноваться, а судьба всегда ставитъ меня въ такое положеніе, что я обращаю на себя всеобщее вниманіе; между тѣмъ единственно, чего я добиваюсь—это чтобы мои друзья отвели мнѣ маленькій уголокъ въ своемъ сердцѣ. Я была такъ спокойна послѣднее время! Что дѣлать, не слѣдуетъ падать духомъ. Мнѣ пріятно подѣлиться съ вами своимъ горемъ.

---

[1]) Письмо это, такъ же, какъ и предыдущія, передано не было.

Я надѣюсь, что вы посочувствуете мнѣ такъ же, какъ я сочувствовала вашему горю; я не забыла объ немъ, повѣрьте мнѣ; мнѣ необходимо знать, что вы счастливы. Я не пишу брату о своихъ терзаніяхъ, онъ давно все это предвидѣлъ и совѣтовалъ мнѣ, во избѣжаніе этого, разстаться съ старшимъ сыномъ, чтобы сохранить второго. Но возможно ли это? Мужчины не понимаютъ чувствъ матери; а тотъ, кому угрожаетъ несчастье, всегда особенно дорогъ намъ.

Но я слишкомъ много говорю о себѣ. Я только-что очень много говорила съ этими противными адвокатами, поэтому вы простите мнѣ нѣкоторую сбивчивость въ томъ, что я говорю и чувствую. Я питаю къ вамъ такія дружескія чувства, мнѣ такъ необходимо, чтобы вы хоть иногда вспоминали обо мнѣ; когда я думаю, что я имѣю въ васъ друга, который относится ко мнѣ не совсѣмъ равнодушно, то это облегчаетъ мое горе и я чувствую себя менѣе несчастной.

7.

Нижеслѣдующее письмо отъ 2 ноября (написанное на золотообрѣзной бумагѣ) было передано Александру I Бутягинымъ.

Ваше Величество были такъ добры ко мнѣ, что я прибѣгаю къ вамъ еще разъ и прошу вашего участія и покровительства. Мой мужъ хочетъ отнять у меня своего старшаго сына и тѣмъ лишить его того положенія, которое онъ получилъ, благодаря вашей доброжелательности къ намъ. Одно мое спасеніе въ томъ, если меня не подведутъ подъ общій законъ во Франціи; на основаніи патентовъ, данныхъ мнѣ королемъ французскимъ, я могла бы подлежать политическому суду и, такимъ образомъ, мое дѣло было бы изъято изъ общаго суда. Но я боюсь, что король, при всемъ его благоволеніи ко мнѣ, не захочетъ высказать своего мнѣнія. Поэтому я прибѣгаю къ Вашему Величеству. Если бы Императоръ Наполеонъ потребовалъ, чтобы ему отдали его сына, само собою разумѣется, онъ не получилъ бы его. Не могла ли бы и я подлежать такому же суду, если бы князь Тайлеранъ написалъ объ этомъ сюда. Вы выразили желаніе быть покровителемъ нашей семьи, поэтому я съ полнымъ довѣріемъ вручаю вамъ свои интересы.

Какъ я была бы счастлива, если бы дѣти остались при мнѣ, такъ какъ вдали отъ меня они были бы очень несчастны; какъ отрадно было бы мнѣ сознаніе, что я обязана вамъ ихъ счастьемъ и тѣмъ спо-

койствіемъ, какимъ я могу наслаждаться, только находясь вмѣстѣ съ ними.

Повѣрьте, государь, что, вспоминая ежедневно, чѣмъ я вамъ обязана, я рада случаю высказать это вамъ и повторить вамъ еще разъ увѣреніе въ моей преданности и признательности.

Гортензія.

Парижъ, 2 ноября.

8.

Письмо отъ 17 ноября, на конвертѣ надпись: Его Величеству Императору Александру.

Я написала вамъ церемонное письмо, чтобы подѣлиться съ вами своимъ горемъ; но мнѣ такъ пріятно говорить съ вами, какъ съ братомъ, что я охотно оставляю этотъ тонъ, совершенно не соотвѣтствующій моимъ чувствамъ; мнѣ говорили, что оказія была ненадежная, и я не смѣла писать иначе.

Вамъ извѣстно теперь все, что меня терзаетъ; объ этомъ говоритъ весь Парижъ. Мнѣ подаютъ надежду, что сынъ останется при мнѣ; сдѣлавъ все, что повелѣваетъ мнѣ долгъ, я покорюсь волѣ Божіей. Убѣдительно прошу васъ не поднимать здѣсь этого вопроса; мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы сдѣлали шагъ, который могъ бы доставить вамъ непріятное, такъ какъ король не хочетъ мѣшаться въ это дѣло, и я вполнѣ это понимаю. Мой мужъ обратился въ судъ, который рѣшитъ это дѣло. Мнѣ придется теперь возвратиться въ Парижъ, хотя я чувствовала себя такъ хорошо за городомъ; но ничто не дѣлается такъ, какъ хочешь; въ жизни приходится со многимъ мириться; я бы совсѣмъ упала духомъ, если бы мнѣ пришлось усомниться въ вашей дружбѣ; надѣюсь однако, что мнѣ не суждено испытать это горе. Я не хочу, чтобы участіе, которое вы принимаете во мнѣ, доставило вамъ хотя малѣйшую душевную тревогу.

Нѣсколько дней тому назадъ, mademoiselle Кошеле призналась мнѣ въ томъ, что она говорила съ вами о моей дальнѣйшей судьбѣ; это огорчило меня; вы достаточно сдѣлали для меня и для моихъ дѣтей. Я признательна вамъ за это и такъ люблю васъ, что считаю за счастье быть всѣмъ обязанной вамъ. Но если бы я думала, что, заботясь обо мнѣ, вы могли бы этимъ поставить себя въ неловкое положеніе, то мнѣ не доставило бы удовольствія время отъ времени бесѣдовать съ вами о себѣ. Когда мнѣ грустно, я люблю подѣлиться

этимъ съ вами; если меня что-либо безпокоитъ, я опять-таки говорю это вамъ и люблю вспоминать ваши добрые совѣты; но я говорю все это другу и не хочу, чтобы васъ безпокоили изъ-за вещей, которыхъ вы не можете сдѣлать.

Единственное благо, котораго я ожидаю отъ васъ и которому я придаю величайшую цѣну—это быть любимой вами; это дороже всего; ваша дружба дастъ мнѣ болѣе счастья, нежели все ваше могущество. Не обращайте никогда вниманія на то, что пишетъ вамъ особа, которая меня любитъ, но которая не очень далека; я не очень бранила ее за ея смѣлость, такъ какъ я ей дорожу, къ тому же она въ настоящее время очень груститъ. Тотъ, кѣмъ она интересовалась, вѣроятно, разлюбилъ ее; она не знаетъ, чѣмъ вызвана ихъ размолвка; какъ видите, мужчины вездѣ не многаго стоютъ, они дѣлаютъ зло, не подозрѣвая этого, и сами кричатъ.

Я видѣла нѣсколько дней тому назадъ одну женщину, сердечная рана которой до сихъ поръ не зажила; она освѣдомлялась о васъ съ величайшимъ участіемъ; она до сихъ поръ сердится на меня за то, что не могла проститься съ вами, и полагаетъ, что я виною происшедшей въ васъ перемѣны; она такъ именно и говоритъ. Я по совѣсти защищала васъ; я защищалась сама по необходимости, но въ концѣ-концовъ я не знала, что говорить, такъ какъ вы въ самомъ дѣлѣ затронули ея сердце, а вамъ ее не жаль. Говорятъ, будто особа, которую вы любите, должна пріѣхать сюда, правда ли это?

Въ такомъ случаѣ, какъ бы вы желали, чтобы я поступила? Мнѣ, конечно, будетъ пріятно увидѣть ее, говорить съ нею о васъ. Но какъ вы на это посмотрите, и знаетъ ли она, что вы со мною говорили объ ней? Я хочу поступить такъ, чтобы вы были довольны, и буду ждать вашего отвѣта. Прощайте, повторяю вамъ еще разъ, совершенно искренно, что я питаю къ вамъ самую нѣжную дружбу, и что мнѣ нужно только ваше расположеніе; я ничего не хочу отъ васъ.

Я довольна тѣмъ, что есть; чувство, которое я питаю къ вамъ, было бы омрачено и утратило бы свою прелесть, если бы къ нему примѣшался какой-нибудь разсчетъ; я не просила васъ даже позаботиться о моемъ братѣ, хотя это было послѣднее желаніе матери, такъ какъ я знаю ваше сердце и знаю, какъ искренно вы хотѣли устроить наше счастье. Вы угадали, чего жаждало мое сердце, такъ какъ, пріобрѣтя вашу дружбу, которую я постараюсь сохранить, я ничего больше не желаю.

Я писала брату о своихъ невзгодахъ. Всѣ юристы, съ которыми я совѣтовалась, говорятъ, что я выиграю дѣло, что отцовская власть

должна быть защитою для дѣтей, а въ данномъ случаѣ она вредитъ имъ. Словомъ, я жду и надѣюсь. Скажите мнѣ, что несмотря на водоворотъ, въ которомъ вы вертитесь, вы вспоминаете иногда меня, и вы дадите мнѣ этимъ единственное счастье, на которое я могу расчитывать въ настоящую минуту.

9.

Письмо отъ 28 декабря 1814 г., написанное на золотообрѣзной бумагѣ; на конвертѣ надпись: Его Величеству Императору Всероссійскому, въ Вѣну.

Я давно не писала вамъ, а между тѣмъ вы были больны; надѣюсь, вамъ приходила мысль, что ваши друзья молятъ Бога о вашемъ здоровьи и счастьи. Настаетъ новый годъ; надѣюсь, онъ пройдетъ спокойнѣе для насъ, нежели былъ прошлый годъ для меня.

Все, что не касается меня близко, не особенно затрогиваетъ меня, и если мнѣ удастся, какъ я надѣюсь, сохранить дѣтей, то я не буду жаловаться на свою судьбу, но нужно все-таки имѣть довольно много самообладанія, чтобы занимать гостей, какъ я это дѣлаю.

Я не потеряла ни одного изъ своихъ друзей, у меня собирается все то же общество; иностранцы очень добиваются приглашенія ко мнѣ. Сколько поводовъ къ зависти! Поэтому, въ тѣхъ маленькихъ салонахъ, гдѣ вы рѣдко бывали, обо мнѣ очень злословятъ. Но я утѣшаю себя, говоря, что тотъ, кто имѣетъ друзей, долженъ имѣть и враговъ. Во время пережитыхъ мною треволненій, личность [1], которую вы оставили здѣсь, держала себя по отношенію ко мнѣ безукоризненно; всѣмъ, что у меня будетъ хорошаго въ жизни, я буду обязана вамъ; эта мысль придастъ этому еще больше цѣны. По всей вѣроятности вы очень заняты,—не говоря уже о развлеченіяхъ,—поэтому я не хочу болѣе злоупотреблять вашимъ временемъ. Примите самыя искреннія пожеланія къ наступающему новому году отъ моихъ дѣтей и отъ меня и не лишайте своего расположенія тѣхъ, кто искренно любитъ васъ.

---

[1]) Павелъ Бутягинъ.

10.

Письмо Гортензіи къ Александру отъ 25 марта 1815 г., написанное послѣ возвращенія Наполеона съ острова Эльбы. На конвертѣ надпись: Императору Александру.

Отъѣздъ единственнаго человѣка, который могъ сообщать мнѣ извѣстія о васъ, огорчаетъ меня. Я не вижу теперь возможности побесѣдовать иногда съ вами, если вы не создадите этой возможности. Позволитъ ли вамъ это противная политика?

Вамъ извѣстно конечно, какія перемѣны произошли во Франціи; я уже давно предвидѣла, что такъ не могло долго продолжаться; вы сами были того мнѣніи, что Бурбоны понимаютъ Францію совершенно превратно. Поэтому не удивительно, что единственная партія, которая имъ здѣсь сочувствовала, состояла изъ стариннаго дворянства, что составляетъ большинство нашихъ, Парижскихъ салоновъ. Народъ всецѣло на сторонѣ императора, но онъ хочетъ мира, и Наполеонъ конечно будетъ достаточно уменъ, чтобы руководствоваться въ данномъ случаѣ мнѣніемъ огромнаго большинства, такъ какъ онъ уже испыталъ на себѣ, что нельзя оставаться на престолѣ, отдѣляя свое дѣло отъ дѣла народнаго; участь, постигшая Бурбоновъ, вполнѣ подтверждаетъ это. Таковъ мой взглядъ на политику, и я вижу, что здѣсь намѣрены его держаться; но всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, какъ выскажется императоръ Александръ.

Говорятъ, что его интересы требуютъ быть въ мирѣ съ Франціей, что онъ не долженъ опасаться, что ему будутъ созданы непріятности въ Польшѣ, что онъ хотѣлъ счастья Франціи и, слѣдовательно, онъ не станетъ воевать съ нами, чтобы защитить королевскую фамилію, которая не выказала ему ни малѣйшей признательности, и дѣйствовать наперекоръ націи, совершенно ясно высказавшей свои желанія, ибо человѣкъ, который явился совершенно одинъ, чтобы потребовать обратно свой престолъ, доказалъ этимъ, что онъ повинуется волѣ народа. Онъ обѣщаетъ либеральную конституцію, свободу печати, словомъ, онъ хочетъ удовлетворить всѣхъ, если бы онъ этого не сдѣлалъ, онъ не могъ бы удержаться на престолѣ. Неужели же тотъ, кого мы любили, о поступкахъ котораго французы вспоминаютъ до сихъ поръ съ любовью, принесетъ намъ новыя несчастья? Я всегда утверждаю, что это невозможно, и такъ какъ все вышесказанное составляетъ чаще всего предметъ нашихъ бесѣдъ, то мнѣ хотѣлось передать вамъ это и высказать увѣренность, что вы можете быть только нашимъ другомъ; если бы отно-

сительно васъ поступали неискренно и нелойяльно, то вы всегда успѣете стать нашимъ врагомъ.

Но довольно о политикѣ; она кажется мнѣ такой холодной, когда я бесѣдую съ вами; хочу поговорить немного о себѣ; хотя я не собиралась болѣе писать вамъ.

Не получая отъ васъ ни словечка, я рѣшила, что хотя вы и интересовались мною, но это не была та дружба, которую вы мнѣ обѣщали; между тѣмъ получить отъ васъ нѣсколько словъ было бы для меня такъ пріятно и часто прямо необходимо; поэтому я пишу вамъ сегодня только для себя, такъ какъ это доставляетъ мнѣ удовольствіе и, если бы я не написала вамъ, то я очень сожалѣла бы объ этомъ послѣ отъѣзда Бутягина. Я хочу, чтобы вы, наперекоръ самому себѣ, вспомнили, какъ вы были добры ко мнѣ; то нѣжное участіе, которое вы принимали во всѣхъ нашихъ бѣдствіяхъ, ваши заботы о нашей судьбѣ, все это,—если вы не забыли объ этомъ,—служитъ мнѣ порукой, что я для васъ не безразлична,—люди всегда любятъ тѣхъ, кому они дѣлаютъ добро; что касается послѣднихъ, то я не стану говорить вамъ, что они чувствуютъ, вы безъ труда поймете это. Но въ настоящую минуту, признаюсь откровенно, мнѣ очень грустно.

Для того, чтобы быть счастливой, мнѣ нужно только немного спокойствія и любви, а я все время вишу въ воздухѣ, и меня изводятъ всѣ эти прошенія и посѣщенія людей для меня безразличныхъ. Хотя происшедшая перемѣна [1]) можетъ выгодно отразиться на судьбѣ моихъ дѣтей, которая раньше была совершенно необезпечена, тѣмъ не менѣе я уже сожалѣю объ утраченномъ спокойствіи, а если вы объявите намъ войну, какъ все это будетъ печально!

Мнѣ пришлось пережить нѣсколько тягостныхъ минутъ; кому-то вздумалось распустить слухъ, будто я продала свои брилліанты, чтобы подкупить войска. Можете судить, какъ это похоже на меня; меня хотѣли арестовать. Я не показывалась пять дней; однако, когда король уѣзжалъ, я написала ему, чтобы поблагодарить его за его доброту. Мнѣ кажется, я была обязана сдѣлать это, послѣ его благосклоннаго пріема и данныхъ мнѣ двухъ аудіенцій. Я послала также къ герцогинямъ Орлеанской и Бурбонской и просила ихъ обратиться ко мнѣ, если онѣ желаютъ что-либо получить отъ императора, заявивъ, что я буду счастлива быть имъ полезной. Въ этомъ хорошая сторона моего положенія, которое было бы мнѣ иной разъ въ тягость, если бы я не имѣла возможности оказать покровительство тѣмъ, кто страдаетъ.

---

[1]) Т. е. возвращеніе Наполеона.

Вамъ быть можетъ извѣстно, что Наполеонъ былъ очень сердитъ на меня за то, что я согласилась упрочить положеніе моихъ дѣтей во Франціи; я увѣрена, что его родные сдѣлали все возможное, чтобы возстановить его противъ меня, но онъ убѣдился въ томъ, что я заслужила уваженіе своимъ осторожнымъ поведеніемъ. и послѣ объясненія со мною, сказавъ мнѣ, что онъ далъ себѣ слово не видѣться больше со мною, онъ увѣрилъ меня, что теперь все забыто, и что объ этомъ не слѣдуетъ болѣе говорить.

Какъ видите, рѣшаясь занимать ваше вниманіе всѣми этими мелочами, касающимися меня лично, я разсчитываю на вашу благосклонность; если бы вы знали, какъ мнѣ отрадно видѣть въ васъ своего друга! это для меня всего дороже; все это величіе, котораго люди такъ добиваются, для меня ничто передъ увѣренностью въ вашемъ расположеніи, и когда я думаю, что я останусь безъ извѣстій о васъ, то я готова плакать.

Не забывайте меня; какъ бы ни сложилась судьба; повѣрьте, моя любовь чего-нибудь да стоитъ [1]); я готова раздѣлить все, что случится съ вами, и когда я молю Бога о вашемъ счастіи, мнѣ кажется, будто я молю Его о себѣ.

Надѣюсь, вы пришлете намъ обратно того, кто отвезетъ вамъ это письмо [2]). Мнѣ казалось, что онъ очень интересовался mademoiselle Кошеле; онъ былъ ея утѣшителемъ. Насколько я подмѣтила, тутъ было нѣчто болѣе простого участія. Я хотѣла вамъ предложить устроить этотъ бракъ; для васъ я готова пожертвовать другомъ.

Что у насъ дѣлается; пожалуй, всѣ воздушные замки разлетятся теперь прахомъ! Но если вы будете намъ другомъ, то все устроится какъ нельзя лучше.

Когда Бутягинъ явился за этимъ письмомъ, mademoiselle Кошеле обратила его вниманіе на то, какъ восторженно французскій народъ привѣтствовалъ императора Наполеона, на что Бутягинъ отвѣтилъ, что его монархъ можетъ считать себя обманутымъ въ глазахъ всѣхъ остальныхъ монарховъ, такъ какъ онъ поручился за Наполеона. „Я вамъ напишу, сказалъ онъ, даю вамъ слово, если я найду, что императоръ настроенъ благопріятно“. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, mademoiselle Кошеле получила по почтѣ три письма, съ парижскимъ штемпелемъ, писанныя одною и тою же рукою, которую она признала за почеркъ Бутягина; одно изъ нихъ было адресовано королевѣ Гортензіи, другое—герцогу Виченскому, третье ей лично.

---

[1]) Подъ словами: „чего-нибудь“ можно разобрать: „лучше любви другой“.

[2]) Бутягина.

Во всѣхъ этихъ письмахъ, которыя были вѣроятно продиктованы Александромъ въ отвѣтъ на письмо Гортензіи 25 марта, было написано дословно слѣдующее: „Ни мира, ни перемирія; съ этимъ человѣкомъ не можетъ быть примиренія; вся Европа сливается въ одномъ чувствѣ. Помимо этого человѣка, все что хотятъ; никому не отдается никакого предпочтенія; лишь только онъ будетъ устраненъ, о войнѣ не будетъ рѣчи“.

Правительство Бурбоновъ обвинило Гортензію въ томъ, что она была душою заговора, вслѣдствіе котораго Наполеонъ вернулся съ о. Эльбы. Въ этомъ удалось убѣдить императора Александра. На это намекаетъ mademoiselle Кошеле въ своихъ запискахъ [1]), говоря: „чтобы обмануть его, была пущена въ ходъ очень ловкая интрига; этимъ объясняется, что этотъ человѣкъ, съ столь возвышенной душою, отдалился со временемъ отъ нея, что было такъ недостойно его и той, которой онъ хотѣлъ быть полезенъ вопреки всѣмъ проискамъ“. На Вѣнскомъ конгрессѣ былъ поднятъ вопросъ объ удаленіи Наполеона съ о. Эльбы, изъ опасенія, чтобы онъ не вернулся во Францію. Въ исходѣ января 1815 г., Поццо ди Борго указалъ на о. Святой Елены какъ на надежное мѣсто изгнанія, Императоръ Александръ открылъ этотъ планъ принцу Евгенію, который предупредилъ о томъ Наполеона, и послѣдній рѣшился поспѣшно вернуться во Францію. Съ тѣхъ поръ Императоръ Александръ относился къ Евгенію очень холодно. Когда было получено извѣстіе о высадкѣ Наполеона во Франціи, бывшіе въ Вѣнѣ монархи возвратились къ своимъ арміямъ или въ свои владѣнія. Императрица Елисавета уѣхала изъ Вѣны 9/21 марта 1815 г. и отправилась къ своимъ роднымъ въ герцогство Баденское, чтобы выждать тамъ исхода событій. Послѣдовавъ за нею, Императоръ Александръ отправился въ главную квартиру въ Гейдельбергъ, куда онъ совершилъ свой въѣздъ 4 іюня 1815 г. Тутъ явилась къ нему баронесса Криденеръ, и начались ихъ бесѣды. По просьбѣ Александра, баронесса переѣхала 9 іюня въ Гейдельбергъ и появилась въ маленькомъ крестьянскомъ домикѣ въ десяти минутахъ ходьбы отъ квартиры Александра; Императоръ, во все время своего пребыванія въ Гейдельбергѣ, проводилъ у нея вечера, просиживая отъ 10 до 2 часовъ, за чтеніемъ библіи. 25 іюня Александръ уѣхалъ изъ Гейдельберга съ тѣмъ, чтобы вступить во главѣ войска во Францію и пригласилъ баронессу Крюденеръ послѣдовать за нимъ въ Парижъ.

Образъ жизни Александра въ Парижѣ въ 1815 г. далеко не походилъ на его препровожденіе времени тамъ въ 1814 г. Тогда онъ лю-

[1]) Mémoires de mademoiselle Cochelet, т. II, стр. 147.

билъ бывать въ обществѣ и часто посѣщалъ салоны. Его часто можно было встрѣтить у императрицы Жозефины, у королевы Гортензіи, у принца Беневентскаго, у маршаловъ Нея, Мармонта, Ожеро и другихъ. Въ 1815 г. Александръ искалъ уединенія, избѣгалъ празднествъ. Его видѣли только у короля прусскаго, у короля Людовика XVIII и у герцога Веллингтона. Михайловскій-Данилевскій разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что, вставъ въ восьмомъ часу утра и отдавъ приказанія начальнику штаба, князю Волконскому, Александръ проводилъ все утро за письменнымъ столомъ и работалъ часовъ по пяти, не вставая съ мѣста. Онъ обѣдалъ въ два часа, обыкновенно въ обществѣ великихъ князей и генераловъ Уварова, Коновницына, князя Волконскаго и другихъ лицъ, которыя приглашались по очереди. Въ шесть часовъ онъ садился на лошадь и сопровождаемый только однимъ жокеемъ совершалъ прогулку въ окрестностяхъ Парижа. Возвратившись съ прогулки, онъ проводилъ вечеръ одинъ или у баронессы Криденеръ.

28 сентября, Александръ оставилъ Парижъ; на обратномъ пути въ Россію, проѣзжая чрезъ Швейцарію, онъ не далъ знать о себѣ ни словомъ королевѣ Гортензіи. Такъ жалуется въ своихъ воспоминаніяхъ mademoiselle Кошеле. Онъ не хотѣлъ скомпрометтировать себя передъ союзниками, вступая въ сношенія съ принцессой изъ семейства Бонапартовъ, которую считали душою всѣхъ заговоровъ.

12 іюля 1815 г. королева Гортензія принуждена была оставить Парижъ, по приказанію прусскаго генерала Мюффлинга, назначеннаго союзными монархами губернаторомъ г. Парижа.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ, Императоръ Александръ избѣгалъ всякихъ сношеній съ герцогиней Сенъ-Ле и когда въ „Indépendant“ (№ 78) и въ другихъ газетахъ было упомянуто о томъ, что герцогиня посѣтила его нѣсколько разъ, то онъ приказалъ самымъ категорическимъ образомъ опровергнуть это извѣстіе. Что касается герцогини Сенъ-Ле, то полномочные министры союзныхъ монарховъ сдѣлали заявленіе, что ихъ дворы изъявили свое согласіе разрѣшить герцогинѣ, по ея просьбѣ, пребываніе въ имѣніи, принадлежавшемъ ей въ Ваатландѣ“ [1]).

Барону Криденеру, повѣренному въ дѣлахъ Россіи при Швейцарской республикѣ, и его коллегамъ было повелѣно сообщить объ этомъ постановленіи швейцарскому правительству, но послѣднее отвѣтило на это категорическимъ отказомъ, не согласившись даже на временное пребываніе въ Швейцаріи особы, „которую оно счи-

---

[1]) Баронъ Криденеръ—сынъ баронессы Юліи Криденеръ, друга Императора Александра.

тало весьма опасной для спокойствія Швейцаріи и сосѣднихъ странъ. „Надобно надѣяться“, говорилось въ этомъ отвѣтѣ, „что г.г. министры четырехъ дворовъ найдутъ возможность устроить дѣло такъ, чтобы эта дама, отнюдь не заслуживающая того участія, какое она сумѣла внушить, могла жить въ какомъ-нибудь другомъ уголкѣ Европы“.

7 декабря 1815 г. бывшая королева Гортензія поселилась, несмотря на протестъ баденскаго правительства, въ Констанцѣ, но герцогъ Баденскій, недовольный присутствіемъ герцогини въ его владѣніяхъ, не разрѣшилъ ей пріобрѣсти землю на берегу Констанцскаго озера [1]). Разумѣется, онъ дѣйствовалъ такъ по настоянію французскаго правительства. Французской полиціи было извѣстно, что герцогиня Сенъ-Ле была окружена эмигрантами, съ которыми она поддерживала постоянно сношенія, и что она вела тайную переписку съ Франціей [2]); правительство Людовика XVIII потребовало, чтобы она удалилась отъ границы Франціи. И герцогъ Баденскій, по требованію французскаго посланника, повелѣлъ ей выѣхать изъ Констанца [3]).

Императоръ Францъ готовъ былъ разрѣшить ей поселиться гдѣ-либо въ его владѣніяхъ, но такъ какъ, въ силу конвенціи, заключенной союзными державами, надзоръ за Гортензіей былъ предоставленъ Россіи, то надобно было прежде всего заручиться на это согласіемъ Императора Александра [4]), къ которому Гортензія и обратилась съ просьбою. Письмо ея было передано графомъ Каподистрія, которому Гортензія писала 1 сентября 1816 года.

„Ваше сіятельство, поселившись въ Констанцѣ благодаря милости Императора и вашимъ заботамъ, я хочу сообщить вамъ о томъ, что со мной происходитъ, и просить васъ передать прилагаемое письмо Императору. Французскій дворъ требуетъ, чтобы я уѣхала изъ Констанца; не подавъ никакого повода къ такой строгости, я не знаю, чѣмъ она вызвана, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, оно само согласилось на то, чтобы я жила тутъ. Мнѣ жилось очень спокойно въ моемъ уединеніи; но если я должна покинуть этотъ городъ, и если это согласно съ желаніемъ россійскаго Императора, то не будетъ ли онъ такъ добръ войти еще разъ въ мое положеніе и указать мнѣ другое мѣсто, гдѣ, живя подъ его непосредственнымъ покровительствомъ, мнѣ не приходилось бы

---

[1]) Депеша Каподистрія 16 (28) октября.

[2]) Депеша Поццо ди Борго къ графу Нессельроде, 27 августа (8 сентября) 1816 года,

[3]) Депеша Анштедта къ Нессельроде, 3 (15) сентября 1816 г.

[4]) Депеша Поццо ди Борго отъ 27 августа (8 сентября).

бояться козней несправедливыхъ и недоброжелательныхъ лицъ. Люди всегда нападаютъ на тѣхъ, у кого нѣтъ поддержки; хотя бы я не имѣла иныхъ правъ на участіе, о которомъ я прошу, какъ оказанныя мнѣ уже милости, но я такъ высоко цѣню ихъ, что это дастъ мнѣ право вновь просить объ этомъ участіи.

Будьте моемъ ходатаемъ; я не знаю, какое мѣсто жительства я могу избрать, тамъ какъ мнѣ неизвѣстно, чѣмъ я опасна, но надобно сознаться, что столь частые переѣзды отзываются весьма неблагопріятно на моемъ матеріальномъ состояніи и на моемъ здоровьи; если мнѣ будетъ разрѣшено поселиться въ Баваріи, либо въ Швейцаріи, я все-таки желала бы находиться подъ покровительствомъ Императора, и если онъ не откажетъ мнѣ въ этомъ, то я буду увѣрена, что мнѣ ничто болѣе не угрожаетъ".

11.

Письмо къ Императору Александру изъ Констанца, отъ 1 сентября 1816 года.

Ваше Величество, скоро годъ, какъ я живу, съ согласія вашего Величества, въ Констанцѣ, гдѣ я нашла то спокойствіе и тотъ душевный міръ, которыхъ я давно жаждала. Не знаю, по какой причинѣ, въ тотъ моментъ, когда мой братъ съ женою собирались провести у меня нѣсколько дней, и когда великій герцогъ и герцогиня увѣдомили меня о томъ, что они также собираются навѣстить меня, французское правительство потребовало, чтобы великій герцогъ воспретилъ мнѣ пребываніе въ своихъ владѣніяхъ. Полнѣйшее уединеніе, въ которомъ я жила, находя въ немъ удовольствіе, должно было, казалось бы, разсѣять ни на чемъ не основанныя предубѣжденія. Но надобно безропотно покориться испытаніямъ, какія ниспосылаетъ намъ Провидѣніе. Я не осмѣлилась бы, государь, нарушить молчаніе, которое обстоятельства налагаютъ на меня по отношенію къ вамъ, если бы я не была поставлена въ необходимость прибѣгнуть снова къ вашей помощи. Признаюсь, мнѣ было бы отрадно получить эту помощь отъ васъ, и такъ какъ мои дѣти и я сама находимся въ такомъ положеніи, что намъ необходимо имѣть покровителя, то я хотѣла бы найти его въ лицѣ монарха, котораго я уважаю болѣе всего и прошлое участіе котораго даетъ мнѣ надежду на то, что онъ отнесется ко мнѣ съ тѣмъ же безпристрастіемъ и съ тою же благосклонностью, какъ прежде,—что́ для меня такъ необходимо.

Братъ мой очень желаетъ, чтобы я переѣхала къ нему; это было бы для меня самое подходящее. Но можетъ ли король баварскій согласиться на это, не будучи уполномоченъ Вашимъ Величествомъ? Я не хотѣла бы ѣхать въ Австрію изъ опасенія очутиться по близости отъ одного семейства, тамъ проживающаго, съ которымъ, правда, связана моя судьба, но которое никогда не относилось ко мнѣ доброжелательно. Во всѣхъ превратностяхъ судьбы, которыя мнѣ придется, быть можетъ, испытывать, я могла бы найти утѣшеніе, если бы Ваше Величество благоволили принять дальнѣйшее участіе въ судьбѣ моихъ дѣтей и дать мнѣ то спокойствіе, которое будетъ моимъ счастьемъ. Осмѣливаюсь напомнить Вашему Величеству о тѣхъ чувствахъ, которыя я питаю къ вамъ; ничто не могло поколебать ихъ, они останутся всегда неизмѣнны. Гортензія, герцогиня Сенъ-Ле.

Въ отвѣтъ на адресованное государю письмо, графъ Каподистрія писалъ Гортензіи изъ Варшавы 4 (16) октября:

„Порученіе, которое вы благоволили дать мнѣ, исполнено. Я передалъ немедля приложенное письмо его императорскому величеству.

Его величество, при многочисленныхъ занятіяхъ, сопряженныхъ съ настоящей его поѣздкой, затрудняется отвѣтить вамъ лично; но во исполненіе его приказанія и въ присутствіи его величества, я имѣю честь быть выразителемъ тѣхъ чувствъ, которыя одушевляли его величество при чтеніи вашего письма.

Императоръ узналъ съ величайшимъ сожалѣніемъ о послѣднихъ шагахъ, предпринятыхъ французскимъ правительствомъ по отношенію къ вамъ. Участіе, которое его величеству благоугодно было принять въ васъ, побуждаетъ его и нынѣ желать, чтобы ваше спокойствіе ничѣмъ не было нарушено, но его величество не можетъ рѣшить, насколько законны поводы, руководившіе поведеніемъ министерства его христіаннѣйшаго величества, и не можетъ самъ указать, гдѣ бы вы могли поселиться, оставивъ то мѣсто, которое съ общаго согласія было избрано для вашего мѣстопребыванія. Выборъ мѣста зависитъ исключительно отъ коллективнаго рѣшенія союзныхъ державъ.

Впрочемъ, его императорское величество вполнѣ сочувствуетъ вашей мысли и, отдавая должное руководящимъ вами побужденіемъ, которыя заставляютъ васъ видѣть главную прелесть жизни въ тѣсномъ кругу родныхъ, повелитъ представить ваше желаніе на благовоззрѣніе союзныхъ державъ; а русскимъ

посланникамъ въ Вѣнѣ, Лондонѣ и Берлинѣ будетъ повелѣно сообразовать свои шаги съ благожелательнымъ отношеніемъ его величества".

„Въ тотъ день, когда было отправлено вышеприведенное письмо, графомъ Каподистрія была послана въ Парижъ депеша къ генералу Поццо ди Борго, которому повелѣвалось объясниться съ герцогомъ Ришелье и уладить дѣло такъ, чтобы герцогиня Сенъ-Ле либо могла остаться тамъ, гдѣ она находилась, либо поселиться подлѣ брата въ Баваріи.

Гортензія провела еще полгода въ Констанцѣ и только 6 мая 1817 г. уѣхала къ брату въ Мюнхенъ; король Баварскій дозволилъ ей поселиться въ Аугсбургѣ. Въ этомъ городѣ ее видѣлъ, въ 1819 г., графъ Делагардъ Шамбонэ, былъ принятъ ею и описываетъ ее слѣдующимъ образомъ [1]):

„Въ ней все было гармонично: ангельское выраженіе лица, разговоръ, манеры держать себя, обращеніе, нѣжный голосъ.

Ея привѣтливость производила тѣмъ большее впечатлѣніе, что она исходила отъ чистаго сердца; разсказывая, она умѣла набросать такую живую картину, что слушатель чувствовалъ себя зрителемъ или участникомъ передаваемой сцены. Она обладала изумительнымъ искусствомъ очаровывать собесѣдника, и ея безыскусственныя чары оставляли въ душѣ глубокій, неизгладимый слѣдъ. Въ эти короткія мгновенія дружеской бесѣды я убѣдился въ томъ, что все, что мнѣ говорили объ ней хорошаго, отнюдь не было преувеличено.

Съ какимъ глубокимъ чувствомъ она говорила о своей матери по поводу ея кончины, разсказывала о трагической смерти своего друга, г-жи Брокъ! А какъ только рѣчь заходила о ея братѣ, о дѣтяхъ, объ искусствѣ, ея лицо преображалось, отражая всю глубину ея чувства.

Во время нашей бесѣды, она высказала мнѣ свое огорченіе по поводу того, что ей приходилось жить въ изгнаніи, вдали отъ родины:

„Имѣть одну комнатку, да, одну только комнатку гдѣ-нибудь въ шестомъ этажѣ въ Парижѣ, вотъ все, что бы я хотѣла", и на глазахъ у нея показались слезы. О мѣрахъ, которыя были приняты, чтобы удалить ее изъ Франціи, она говорила съ покорностью человѣка, который жалуется, но не ропщетъ. Послѣ двухчасовой бесѣды, я не зналъ, чему болѣе восхищаться, ея уму или ея сердцу".

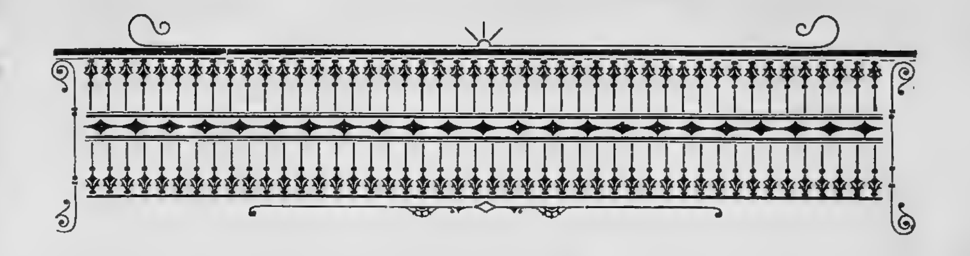
---

[1]) Comte de la Garde-Chambonas. Souvenires du Congrès de Vienne.

„Въ 1821 г. герцогиня Сенъ-Ле пріѣхала на воды въ Швейцарію, въ мѣстечко Бадъ, въ четырехъ льё отъ Цюриха. Хотя ей было разрѣшено жить только въ Валлисѣ, подъ верховнымъ надзоромъ четырехъ союзныхъ державъ и французскаго двора, но швейцарское правительство нашло вѣроятно, что опасенія, которыя она нѣкогда внушала, окончательно разсѣялись; поэтому оно предоставило ей совершенно спокойно жить въ Бадѣ, тѣмъ болѣе, что смерть Наполеона I, о которой она узнала изъ газетъ, повергла ее въ горе и заставила облечься въ трауръ".

Сообщ. В. Т.

Изъ минувшаго [1]).

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.).

III.

Свиданіе съ Тьеромъ.—Ретроградное направленіе Каткова.—Разрывъ съ литературой и обществомъ.

Завѣдываніе петербургскимъ отдѣленіемъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей" доставляло мнѣ не мало хлопотъ. Спать приходилось въ четыре пріема, вставать не позже 7-ми часовъ утра. Въ Петербургѣ это переворачиваетъ нормальную жизнь. Но была и пріятная сторона этого дѣла, которымъ до меня завѣдывалъ Болеславъ Маркевичъ, другъ Каткова и А. К. Толстого, игравшій значительную роль въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, авторъ романовъ, которыхъ, признаться, я никогда не читалъ. Благодаря отдѣленію „Москов. Вѣдом.", я узнавалъ многія политическія новости прежде другихъ и знакомился съ интересными личностями. Изъ числа ихъ назову Т. И. Филиппова, извѣстнаго теолога и государственнаго контролера. Среди важныхъ новостей, я узналъ изъ первыхъ о правительственномъ рѣшеніи объявить строгій нейтралитетъ относительно франко-прусской войны; но строгій нейтралитетъ, въ дѣйствительности, оказался покровительственнымъ для Пруссіи. Сдѣланы были даже нѣкоторыя приготовленія къ частичной мобилизаціи войскъ, на случай, если бъ Австрія вмѣшалась въ возникшую трагическую распрю, исходъ которой и всѣ послѣдствія трудно было тогда пред-

[1]) См. «Русск. Стар.» 1908 г., январь.

видѣть. У насъ были еще поклонники Наполеоновской Франціи, восхищавшіеся тѣми продѣлками, которыя Викторъ Гюго заклеймилъ „Исторіей одного преступленія“. Наши доморощенные бонапартисты считали ихъ проявленіями геніальности. Если бъ Наполеонъ III иначе относся къ польскому возстанію, а въ Берлинѣ не было бъ родственниковъ,—франко-прусская война можетъ быть не возникла бы такъ неожиданно и по самому ничтожному поводу, или эта распря сопровождалась бы иными, не столь блестящими для Пруссіи послѣдствіями. Но Бисмаркъ хорошо зналъ истинное положеніе вещей и политическую атмосферу 1870 г. Онъ помогъ Франціи избавиться отъ имперіализма, но дорогой цѣной и не безъ новыхъ опасностей для международнаго мира, съ явнымъ нарушеніемъ политическаго равновѣсія.

Война 1870 года возгорѣлась въ концѣ іюля среди лѣтняго отдыха и затишья; а 4 сентября совершилась уже позорная седанская катастрофа, съ плѣненіемъ громадной арміи и „седанскаго героя“, недавняго вершителя судебъ Европы.

Въ Парижѣ провозглашена была республика, и вскорѣ въ Петербургъ прибылъ, въ качествѣ неоффиціальнаго чрезвычайнаго посла, маститый историкъ, бывшій министръ орлеанской монархіи, знаменитый парламентскій ораторъ Тьеръ. Онъ былъ одинъ изъ пяти членовъ парламентской оппозиціи, не терявшихъ мужества и терпѣнія въ идейной борьбѣ съ наполеоновскимъ режимомъ. Всѣ остальные члены Законодательнаго Корпуса составляли сплошное „послушное“ большинство. Къ концу наполеоновскаго режима оппозиція, какъ извѣстно, возросла до нѣсколькихъ десятковъ членовъ; но Тьеръ былъ въ числѣ очень немногихъ, предостерегавшихъ противъ войны, когда вышколенное, подтасованное „представительство“, сплошь „правое“, выкрикивало о своемъ „патріотизмѣ“ и, заглушая здравыя мнѣнія, до одуренія орало: „въ Берлинъ, въ Берлинъ!“.

Вмѣсто Берлина, вышелъ Седанъ, а потомъ и Парижъ. Разгромленная, обездоленная, униженная Франція прислала будущаго президента республики просить заступничества Россіи. Тогда уже выяснялось, что сближеніе Россіи и Франціи требуется простымъ чувствомъ самосохраненія.

Я видѣлся съ Тьеромъ во время его пребыванія въ Петербургѣ и имѣлъ съ нимъ очень интересную бесѣду. Это было мое первое и послѣднее „интервью“.

Тьеръ занималъ нѣсколько комнатъ въ „Грандъ-Отелѣ“, на Малой Морской. Я передалъ ему свою визитную карточку съ надписью, что его желаетъ видѣть представитель редакціи „Москов-

скихъ Вѣдомостей". Эта газета и вліятельная роль М. Н. Каткова были хорошо извѣстны Тьеру. Онъ немедленно меня принялъ.

Черезъ пріемную меня провели въ кабинетъ. Черты Тьера мнѣ были знакомы. Мнѣ не трудно было узнать его въ небольшого роста старичкѣ, довольно полномъ, съ старательно выбритымъ лицомъ, напоминавшимъ добродушнаго учителя или гувернера. Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ; но на спинкѣ одного изъ стульевъ висѣлъ, какъ бы расправляясь и отдыхая съ длинной дороги, черный фракъ и на немъ красная лента нашего ордена св. Анны.

Тьеръ встрѣтилъ меня стоя, протянулъ руку и заявилъ, что онъ радъ видѣть представителя главнѣйшей русской газеты, руководимой знаменитымъ московскимъ публицистомъ. Онъ говорилъ пріятно, свободно, но съ тѣми неуловимыми оттѣнками, которые разомъ внушали вниманіе къ каждому слову и давали чувствовать, что этотъ старичокъ не педагогъ, не гувернеръ, а важный государственный дѣятель. Слова его лились свободно, но каждое изъ нихъ было взвѣшено, стояло на должномъ мѣстѣ и не требовало поясненій. Тьеръ замѣтилъ мой взглядъ, мимолетно брошенный на фракъ и Анненскую ленту.

— Вы застали меня въ важную минуту. Мнѣ назначена сегодня ауденція у Его Императорскаго Величества. Вы видите мои приготовленія. Эта лента получена мною въ 30-хъ годахъ, отъ отца нынѣшняго вашего Государя, покойнаго Императора Николая I. Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ и въ Россіи, и въ нашей несчастной Франціи!

Мнѣ послышалась печаль, особенная грусть, незримыя слезы, въ этомъ воспоминаніи. Я поспѣшилъ спросить, не безпокою ли его своимъ посѣщеніемъ, и что я готовъ явиться къ нашему, всѣми чтимому въ Россіи, знаменитому посѣтителю въ другой разъ.

— У насъ есть еще время,—отвѣтилъ Тьеръ и пригласилъ присѣсть... Занявъ кресло у письменнаго стола, на которомъ виднѣлся развернутый листъ „Journal de St.-Pétersbourg", — и помолчавъ на минуту,—Тьеръ уже вполнѣ твердымъ, спокойнымъ голосомъ, какъ-бы съ желаніемъ вывести молодого собесѣдника изъ стѣснительнаго положенія, предупредилъ мои разспросы. Мнѣ было тогда 28 лѣтъ, и я опасался, какъ-бы не обидѣть малѣйшею неловкостью великаго человѣка и нашего гостя, въ его несчастномъ, приниженномъ положеніи. Онъ все это понялъ своимъ старымъ опытомъ и заговорилъ самъ, о чемъ было надо.

— Безъ сомнѣнія, вы желали бы знать цѣль моего пріѣзда въ Россію въ такое время, когда во Франціи каждый человѣкъ на счету и долженъ защищать свое отечество. Но ради этой-то защиты, околь-

*

ными путями, я совершилъ долгій, утомительный для старика путь. Я не скрываю и говорю прямо. Я пріѣхалъ просить заступничества дружественнаго народа, великой страны, которая не можетъ допустить, чтобы на ея глазахъ истекла кровью Франція, подъ ударами грубой силы, опасной не только для насъ, но и для всей Европы. Мы не только просимъ, но и требуемъ этой защиты, ибо нельзя безнаказанно допустить уничтоженія Франціи. Это былъ бы ударъ для всего человѣчества. Истинные интересы Россіи тѣсно связаны съ существованіемъ и мощью французскаго народа. Мы сражались другъ съ другомъ, но никогда не были врагами. И никогда не будемъ ими! Это сознаніе, глубокое убѣжденіе двинуло меня въ путь и объясняетъ мое пребываніе въ Петербургѣ.

Послѣ этой рѣчи, Тьеръ незамѣтно втянулъ меня въ разговоръ, въ которомъ уже я очутился въ положеніи допрашиваемаго. Онъ интересовался знать объ отношеніяхъ русскаго общества и печати къ войнѣ, и на чьей сторонѣ общественное сочувствіе? Я отвѣчалъ, что преобладающее настроеніе нашего общества не было и не могло быть на сторонѣ Наполеона. Вторая Имперія, ея насилія надъ Франціей и политика военныхъ приключеній возбуждала естественное негодованіе въ прогрессивной Россіи. Мы удивлялись, какъ можетъ французскій народъ сносить подобный гнетъ, и спрашивали, куда дѣвалась передовая нація, съ ея знаменитымъ дивизомъ: „свобода, равенство и братство". Но теперь, когда вторая имперія рухнула, общее сочувствіе на сторонѣ Франціи, и хочется вѣрить, что война должна прекратиться. Сами пруссаки объявили, что она ведется съ французскимъ правительствомъ, а не съ французскимъ народомъ.

— Этому нельзя довѣрять!... воскликнулъ Тьеръ. — Вся Европа была введена въ обманъ. Наполеонъ попалъ въ давно подготовленную ловушку. Въ дѣйствительности, война была объявлена Бисмаркомъ. У Мольтке все было давно подготовлено, и оставалось только пустить въ ходъ машину по сигналу Бисмарка. Они теперь хвастаются, что у нихъ даже каждый волъ зналъ, гдѣ онъ долженъ былъ быть съѣденъ, при вторженіи во Францію. Военная расплата предъявляется къ французскому народу, а не ко второй имперіи. Ея уже нѣтъ, а война длится и угрожаетъ Парижу. Мы были поставлены въ тяжкое трагическое положеніе: въ случаѣ побѣды, укрѣплялся бонапартизмъ, внутренній гнетъ; въ случаѣ пораженія—гибла Франція. Вотъ почему я возставалъ противъ этой войны. Мы теряли, страдали въ обоихъ случаяхъ. Намъ пришлось бороться не только съ внѣшнимъ врагомъ, но и съ измѣной бонапартистовъ.

Тьеръ задалъ мнѣ еще одинъ довольно щекотливый вопросъ: въ какой мѣрѣ русское общественное мнѣніе, если оно теперь на сторонѣ Франціи, оказываетъ вліяніе на правительство?

Я отвѣчалъ, что вліяніе русскаго общественнаго мнѣнія не имѣетъ правильныхъ и видимыхъ формъ проявленія. Оно дѣйствуетъ медленно и незримыми, идейными путями. Наша печать стѣснена цензурой, тѣми преградами, которыя, къ сожалѣнію, заимствованы отъ наполеоновскаго режима.

— Но ваша газета, „Московскія Вѣдомости", сколько извѣстно, пользуется свободой и вліяніемъ?

— Внѣшняя политика у насъ находится всецѣло подъ руководствомъ Государя, и наша печать касается ея съ удвоенной осторожностью, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло осложняется родственными и вѣковыми дружественными отношеніями. Мнѣ кажется, никто у насъ не желаетъ ссориться съ Берлиномъ, но и Францію всѣ жалѣютъ... Лично,—добавилъ я,—горячо желаю, чтобъ Франція одержала теперь побѣду и избавилась отъ непріятельскаго нашествія. Желаю полнаго успѣха и вашей миролюбивой миссіи.

Тьеръ поблагодарилъ. На мое замѣчаніе, что затрудненіе можетъ встрѣтиться въ сомнѣніяхъ, какое образуется и окончательно утвердится правительство Франціи, — Тьеръ увѣренно сказалъ:

— Утвердится республика. Другого исхода быть не можетъ. Я орлеанистъ, приверженецъ конституціонной монархіи; но не могу не признать, что единственное спасеніе въ республикѣ. Короли и императоры погубили себя во Франціи. Французскій престолъ не можетъ вмѣстить всѣхъ претендентовъ на него!...

На этомъ кончилась моя бесѣда съ будущимъ президентомъ третьей Французской республики, которая упрочилась, какъ и предсказывалъ старый политикъ и монархистъ. Извѣстно, что Тьеръ добился только содѣйствія Россіи для открытія мирныхъ переговоровъ.

На другой день, къ удивленію своему, я засталъ у себя визитную карточку Тьера. Онъ лично завозилъ ее, и сопровождавшій его секретарь вручилъ ее моей прислугѣ, въ мое отсутствіе [1]).

Около 37 лѣтъ прошло со дня бесѣды моей съ Тьеромъ. Не могу поручиться за буквальную точность выраженій; но содержаніе ея, взгляды Тьера, вопросы его и разъясненія относительно войны, будущаго положенія Франціи и необходимости поддержки ея ради

---

[1]) Визитная карточка Тьера окружена широкой траурной полосой. Это былъ знакъ несчастья Франціи и печали ея представителя. Эта визитная карточка цѣла и хранится до сихъ поръ у меня, какъ драгоцѣнная память о замѣчательной исторической личности и пребываніи ея въ Петербургѣ,

интересовъ самой Россіи—переданы съ безусловной вѣрностью. Я хорошо усвоилъ ихъ и видѣлъ подтвержденіе и оправданіе основныхъ взглядовъ Тьера въ теченіе многихъ лѣтъ, даже послѣ смерти перваго президента третьей Французской республики. Точное изложеніе бесѣды съ Тьеромъ было записано мною и послано къ М. Н. Каткову; но она не попала въ печать, и я не замѣтилъ ея отраженія въ отношеніяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“ къ дальнѣйшимъ событіямъ войны и ея исходу. Во время геройской защиты Парижа и отчаянныхъ усилій Франціи поправить ошибки и измѣны наполеоновскихъ маршаловъ, я написалъ брошюру о необходимости миролюбиваго посредничества и прекращеніи этой возмутительной бойни, съ ея жестокостями и систематическими реквизиціями, заложниками и аптекарскими счетами, какъ основѣ будущей контрибуціи.

Брошюра эта не была дозволена цензурой „въ виду объявленнаго нейтралитета“. Въ 1813 году Пруссія была спасена и возстановлена Россіей; въ 1871 году съ незримымъ содѣйствіемъ русской политики Пруссія обобрала Францію и покорила Германію, образовавъ изъ всѣхъ ея королевствъ и герцогствъ, великихъ и малыхъ, объединенную, воинственную имперію.

Всѣ ученики были благодарны Бисмарку за упрощеніе уроковъ и экзамена изъ географіи Средней Европы. Въ ней значилось прежде столько государствъ, сколько сочинили у насъ партій для Государственной Думы, пока въ ней не образовалось кое-какое единеніе. Но рожденная въ Версали, среди кровопролитія, Германская имперія поглотила десятки милліардовъ на вооруженіе всѣхъ государствъ и принесла много бѣдствій и ошибочныхъ политическихъ шатаній главнымъ образомъ Россіи. Хорошо еще, что не отплатили намъ открытой войной, а лишь тайными, враждебными договорами и „берлинскимъ маклерствомъ“. Правда, были еще парады на Марсовомъ полѣ, на которыхъ и мнѣ удалось нѣсколько разъ прекрасно видѣть и престарѣлаго Императора Вильгельма, и Бисмарка въ бѣломъ кирасирскомъ мундирѣ, и молчаливаго Мольтке,—всѣхъ трехъ старцевъ, проявившихъ такъ много молодой энергіи, зрѣлаго ума и необычайнаго военнаго и политическаго искусства. Пруссія всегда обладала честной образцовой администраціей и хорошей,

---

въ важнѣйшій періодъ европейской жизни. Умалялось значеніе Франціи; появлялась на политической сценѣ объединненая воинственная Германія.

Карточку Тьера я хотѣлъ всегда передать литературному музею; но его до сихъ поръ нѣтъ. Я уступилъ бы ее теперь кому либо изъ любителей-коллекціонеровъ, желая собрать средства для одной литературной цѣли. *Авт.*

обязательной народной школой. Вотъ чѣмъ „города берутъ“ и отечество великое создаютъ.

Въ концѣ 1871 г. кончилось мое сотрудничество въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Я имѣлъ неосторожность соблазниться предложеніями князя В. П. Мещерскаго. Для редакторства „Гражданина“ пришлось мнѣ отказаться отъ должности въ министерствѣ государственныхъ имуществъ (въ земельномъ отдѣлѣ) и отъ участія въ другихъ изданіяхъ. Весной 1874 года я писалъ уже въ „Голосѣ“. Все это усиливало разрывъ съ М. Н. Катковымъ, хотя мнѣ лично и не представлялось къ этому поводу. Мнѣ долго помнились хорошія, прежнія отношенія и либеральные взгляды Каткова. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Вѣстникъ“ порывали съ прогрессомъ и съ литературой. Разыгралась исторія съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“. Старѣйшая газета отнята была у В. Ф. Корша, перестала быть „академической“. Не стало лучшаго, умѣренно-либеральнаго органа. Этотъ вредный для общаго развитія поступокъ былъ совершенъ ближайшими сотрудниками Каткова. Сами „Московскія Вѣдомости“ оторвались отъ университета, которому принадлежали. Катковъ не платилъ аренды и сталъ нападать на новый судъ, когда онъ пробовалъ оградить университетскіе интересы.

Вмѣсто „свободы“ печати, Катковъ сталъ подавлять всякое мнѣніе, кромѣ своего, и прибѣгалъ на этомъ пути къ самымъ низменнымъ, явнымъ и тайнымъ, возмутительнѣйшимъ обвиненіямъ. Подражатели Каткову перещеголяли, однако, своего учителя. Подобными же средствами насаждался и лже-классицизмъ. Вся общественная дѣятельность и земство попали въ эти же „участковые пріемы“.

Катковъ превратился въ яраго ретроградa и разрушалъ все, чему поклонялся въ эпоху освободительныхъ реформъ. Прежній сторонникъ англійскаго парламентаризма возставалъ даже противъ тѣхъ нерѣшительныхъ улучшеній, которыя проявлялись при кратковременномъ управленіи Лорисъ-Меликова.

Въ области иностранной политики „Московскія Вѣдомости“ проявляли слѣпое, раболѣпное поклоненіе Бисмарку. Онѣ называли его „лучшимъ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ“ и весьма часто воспроизводили статьи берлинскихъ оффиціозовъ. Сближеніе съ Франціей Катковъ выдавалъ за „революціонную идею“, повторяя бисмарковскія указанія, будто монархической Россіи не приличествуетъ и опасно дружить съ республикой. Такое прислужничество къ иностранному министру и рѣзкія нападенія на противоположныя мнѣнія (какъ извѣстно, все же, восторжествовавшія), вызывавшія много-

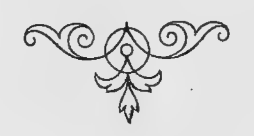
лѣтнія преслѣдованія цензуры,—порождали самые нелестные для Каткова толки.

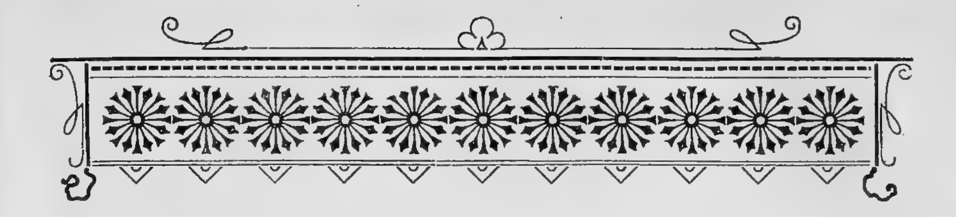
Во всякомъ случаѣ, неудивительно, что Катковъ постепенно утратилъ всякое общественное уваженіе, что лучшіе писатели прервали съ нимъ прежнія сношенія, а И. С. Тургеневъ отшатнулся отъ руки Каткова даже на пушкинскомъ праздникѣ.

Жаль падшаго человѣка, занимавшаго видное мѣсто въ публицистикѣ, но утратившаго впослѣдствіи свой талантъ. Со страницъ „Московскихъ Вѣдомостей" раздавался съ тѣхъ поръ лишь злобный булгаринскій лепетъ.

Г. К. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминаніе о пребываніи первой Русской военной миссіи въ Персіи.

Первая поѣздка въ Тегеранъ.

I.

Проѣздъ Насръ-Эдинъ-шаха по Эриванской губерніи во время второго путешествія въ Европу.—Сопровожденіе шаха кавказскими казаками.—Вызовъ меня въ Тифлисъ.—Командировка въ Тегеранъ.—Пріѣздъ въ Джульфу.

Двадцать восемь лѣтъ тому назадъ Насръ-Эдинъ-шахъ во время своего второго путешествія въ Европу, проѣздомъ по Эриванской губерніи, всюду былъ встрѣчаемъ и сопровождаемъ частями кавказскихъ казачьихъ полковъ, которые по окончаніи Турецкой войны были расположены въ разныхъ мѣстахъ этой губерніи. Внѣшній видъ этихъ боевыхъ полковъ, ихъ красивая обмундировка и блестящее снаряженіе привлекли вниманіе шаха. При дальнѣйшемъ же слѣдованіи по пути онъ имѣлъ случай убѣдиться и во внутреннихъ высокихъ качествахъ этой кавалеріи. Лихая, отчаянной смѣлости, одиночная ѣзда казаковъ напоминала ему отчасти вольную нестѣсняемую никакими регламентами ѣзду персидской конницы. Но въ то же время какая-то внушительная тишина и грозная сплоченность строя казачьихъ полковъ болѣе близкая его сердцу, чѣмъ мертвенная скованность полковъ Европейской кавалеріи, вызвали восторженное его удивленіе.

Задумавъ незадолго до того произвести преобразованіе всѣхъ военныхъ силъ, шахъ затѣялъ по этому поводу сношенія съ австрійскимъ правительствомъ, результатомъ чего въ скоромъ времени ожидалось прибытіе въ Тегеранъ австрійской военной миссіи всѣхъ родовъ оружія, кромѣ кавалеріи. Относительно послѣдней пока еще не было опредѣленнаго рѣшенія.

Англичане, никогда не упускавшіе случая распространенія своего вліянія на азіатскія государства, сильно навязывались къ шаху со своими услугами, указывая на блестящій результатъ въ этомъ отношеніи, при организаціи ими индійской бенгальской кавалеріи. Не малой приманкой служила также обѣщанная ими нѣкоторая денежная помощь въ этомъ дѣлѣ, что при частыхъ финансовыхъ затрудненіяхъ Персіи представляло много соблазна.

Неизгладимое впечатлѣніе, произведенное на Насръ-Эдинъ-шаха казаками, безповоротно рѣшило этотъ вопросъ въ пользу Россіи.

По прибытіи въ Тифлисъ шахъ обратился къ намѣстнику Кавказа Великому Князю Михаилу Николаевичу, выразивъ желаніе пригласить на службу въ Персію русскихъ офицеровъ для сформированія по образцу казаковъ части отборной кавалеріи, на что въ скоромъ времени послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Въ октябрѣ 1878 г. я въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба находился въ составѣ Эриванскаго отряда, штабъ котораго тогда былъ въ Эривани. Война кончилась, но войска еще оставались на мѣстахъ въ ожиданіи подведенія главныхъ итоговъ войны. Послѣ лихорадочной военной дѣятельности страшная скука заѣдала насъ всѣхъ; мы всѣ томились бездѣліемъ, хотѣлось скорѣе разстаться съ кочевой безпріютной жизнью и вернуться къ обыденнымъ условіямъ мирнаго времени.

Но судьба располагаетъ иначе. Помню, какъ-то сидѣлъ я у себя на квартирѣ въ особенно грустномъ настроеніи. Принесли телеграмму отъ начальника окружного штаба, требуетъ немедленнаго моего прибытія въ Тифлисъ. Что за спѣшность?

— Сердце сжалось отъ какого-то неяснаго предчувствія, но, впрочемъ, всякая перемѣна въ такомъ томительномъ положеніи, въ какомъ мы всѣ находились, могла быть только желательна, а потому нераздумывая долго я въ темную непроглядную ночь того же дня выѣхалъ въ Тифлисъ. Ѣхалъ безостановочно и на слѣдующій день поздно вечеромъ былъ въ Тифлисѣ, а на другой день утромъ я являлся начальнику штаба генералу Павлову. „Вотъ кстати,—сказалъ онъ, — какъ вы очутились здѣсь? А я послалъ вамъ телеграмму“.

„Да я по вашей телеграммѣ и пріѣхалъ“.

„Какъ по телеграммѣ, да это было только третьяго дня. Ну, скоро, удивили вы меня, но и я васъ не менѣе удивлю“.

Тутъ онъ мнѣ разсказалъ о хлопотахъ шаха по части формированія у себя кавалеріи и добавилъ, что Великій Князь для этой цѣли выбралъ меня. Да, дѣйствительно удивилъ.

Ничего подобнаго мнѣ въ голову не могло придти. Хотя для офи-

цера генеральнаго штаба, состоящаго по порученіямъ, какимъ я былъ при Эриванскомъ отрядѣ, всякаго рода неожиданныя командировки не новость и даже передъ этимъ за три мѣсяца я временно былъ вызванъ на должность начальника штаба Аджарскаго отряда при его движеніи на Батумъ. Но ѣхать въ Персію, да еще съ такимъ порученіемъ казалось просто сказочнымъ. Въ нѣсколькихъ словахъ Павловъ передалъ мнѣ сущность дѣла. Никакихъ подробностей его не касался. Да и что онъ могъ мнѣ сказать въ самомъ дѣлѣ, когда по его словамъ оно было и для него совершенно незнакомо.

„Совѣтую только вамъ понравиться шаху, — добавилъ онъ съ улыбкой,—если можно, сдѣлайтесь министромъ“.

Не многосложна была рѣчь Павлова, въ ней не было никакихъ указаній, никакихъ связывающихъ инструкцій. Тѣмъ-то она и была цѣнна. Мнѣ было предоставлено право дѣйствовать полновластно, сообразуясь только съ условіями, въ которыхъ мнѣ придется находиться. Это было прямымъ результатомъ полнаго невѣдѣнія о новомъ дѣлѣ. Тотъ же взглядъ и то же полное предоставленіе мнѣ права самостоятельно вести дѣло и въ Персіи, вѣроятно, въ силу той же причины совершеннаго незнакомства персіянъ съ моимъ дѣломъ. Совпаденіе такихъ счастливыхъ обстоятельствъ было слишкомъ благопріятно для меня, что будетъ видно послѣ. Впослѣдствіи, когда это дѣло, сразу занявшее прочное положеніе, могло пріобрѣсть большое политическое значеніе, эти инструкціи были необходимы. Но Великаго Князя Михаила Николаевича, сердечно относившагося къ дѣлу военной миссіи въ Персіи и всегда выказывавшаго неоцѣнимое вниманіе, уже не было на Кавказѣ, и настала эпоха безначалія, подъ начальствомъ Левана Меликова и временныхъ начальниковъ штабовъ...

Черезъ нѣсколько дней я узналъ о рѣшеніи командировать меня сначала одного въ Тегеранъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ дѣломъ, за которое мнѣ предстояло взяться. Для поѣздки меня снабдили деньгами, разсчитавъ примѣрно на три мѣсяца. Сумма была довольно солидная и, какъ мнѣ казалось тогда, даже слишкомъ большая; жалованія въ мѣсяцъ 200 руб., суточныхъ по 16 руб. и 100 руб. на наемъ переводчика. Мое преувеличенное мнѣніе относительно громадности отпущенной мнѣ суммы было первой ошибкой въ числѣ другихъ подобныхъ объясняемыхъ незнаніемъ условій персидской жизни.

Въ послѣднихъ числахъ ноября 1878 года я съ казачьимъ урядникомъ на почтовыхъ выѣхалъ изъ Тифлиса на Эривань, Нахичевань въ Джульфу и, переправясь черезъ пограничную рѣку Араксъ,

остановился на ночлегъ въ персидскомъ таможенномъ домѣ. Здѣсь я былъ встрѣченъ посольскимъ гулямомъ (курьеръ изъ туземцевъ), высланнымъ генеральнымъ консуломъ Кребелемъ. Въ поданномъ письмѣ Кребель поздравлялъ меня съ пріѣздомъ въ Персію, ожидая, что по прибытіи въ Тавризъ, я остановлюсь у него въ консульствѣ. Этотъ гулямъ помогъ мнѣ на первыхъ порахъ съ приготовленіемъ къ дальнѣйшему путешествію. Размѣнялъ русскія деньги на персидскія кроны и нанялъ перевозочныя средства, — чарвадаровъ до Тавриза.

Не скажу, чтобы ночь, проведенная въ первомъ пограничномъ пунктѣ Персіи, оставила во мнѣ пріятныя воспоминанія. Много-много пришлось передумать. Слишкомъ незнакома была эта страна, всѣ представленія о которой, вынесеныя изъ учебныхъ заведеній, оканчивались Даріемъ Кодоманомъ. Дальнѣйшая же исторія Персіи положительно заволакивалась непроницаемыми потемками, завѣса надъ которыми, какъ я узналъ уже впослѣдствіи, была приподнята бывшимъ въ Персіи англійскимъ посланникомъ Морьеромъ въ его описаніи исторіи Персіи новѣйшаго времени. Тогда же моему воображенію представлялись люди съ обрѣзанными ушами, то съ засѣченными пятками и съ постояннымъ выраженіемъ испуга на лицѣ.

Приходила даже на умъ печальная участь нашего посланника Грибоѣдова...

Свѣжесть яснаго морознаго утра, веселый шумъ и суета, приготовленія къ поѣздкѣ разсѣяли печальныя мысли.

Будь, что будетъ, рѣшилъ я, какъ всегда рѣшается въ подобныхъ случаяхъ.

II.

Путь отъ Джульфы до Тавриза.—Тавризъ.—Базаръ.—Русское генеральное консульство.—Кребель. — Визитъ наслѣдному принцу. — Отъѣздъ. — Скачка между Тавризомъ и Тегераномъ.

Вяло и томительно тянулась ѣзда на чарвадарахъ, дорога, отойдя версты на три отъ берега, втягивалась въ ущелье. Солнце поднималось все выше и выше и начинало припекать; удушливая пыль, взбиваемая копытами катеровъ довольно значительнаго каравана, и при этомъ частыя остановки отъ сваливавшихся дурно пригнанныхъ вьюковъ дѣлали слѣдованіе съ караваномъ положительно невыносимымъ. Это заставило меня отдѣлиться съ урядникомъ отъ каравана и ѣхать далеко впереди. Картина представлялась непригладная: голыя вершины непрерывно тянувшихся по обѣ стороны дороги хребтовъ стѣсняли кругозоръ. Впрочемъ къ концу перехода мѣст-

ность оживилась. Горный ручей, какъ-бы вырвавшись изъ бокового ущелья, широко разлился по равнинѣ. Почуявъ близость водопоя, лошади рвались изъ поводьевъ. Свѣжесть и журчанье чистой горной воды намъ самимъ доставляли громадное удовольствіе. Утоливъ жажду и вообще освѣжившись, мы, не чувствуя большого утомленія, доѣхали до ночлега.

На ночь остановились на первой почтовой станціи. Къ моему пріятному удивленію станція представляла весьма сносный ночлегъ. Комнаты чистыя и опрятныя. Тамъ же можно было достать все необходимое. Безъ всякаго промедленія принесли курицу, яицъ и масла.

Сами люди далеко не имѣли запуганнаго вида и отличались привѣтливостью и предупредительностью.

На другой день съ ранняго утра двинулись въ путь. Дальнѣйшее путешествіе не представляло никакихъ особенностей, только въ слѣдованіи каравана произошло измѣненіе. Оставивъ при вещахъ моего денщика и переводчика и предоставивъ каравану двигаться самостоятельно, я съ гулямомъ и урядникомъ отправился впередъ прямо до слѣдующей станціи. Освободившись такимъ образомъ отъ скучнаго каравана, мы двигались съ большимъ удобствомъ. Мѣстность по-прежнему выказывала признаки унынія и запустѣнія; поселенія были рѣдки и бѣдны, никто не попадался по пути; но изрѣдка встрѣчающіеся остатки придорожныхъ колодцевъ и фонтановъ, а также развалины большихъ караванъ-сараевъ указывали на счастливое прошлое этого края въ эпоху частыхъ торговыхъ сношеній Тавризской провинціи съ богатымъ Эриванскимъ ханствомъ и Карабахомъ.

До самаго Тавриза горы только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отходя въ сторону на короткое разстояніе, снова сближались и, только не доходя верстъ 20 до Тавриза, исчезли въ дали, образуя широкую Тавризскую равнину.

Послѣдній день, передъ пріѣздомъ въ Тавризъ, былъ особенно скученъ и томителенъ. При въѣздѣ въ равнину вдали открылись обширныя селенья и нескончаемые сады; казалось, что это было предмѣстье Тавриза. Ободрившись, въ надеждѣ на близкое окончаніе пути, я погналъ лошадь болѣе сильнымъ аллюромъ. Но большое было разочарованіе, когда, подъѣхавъ къ селенію, пришлось убѣдиться, что такихъ селеній по дорогѣ еще нѣсколько.

Передъ самымъ городомъ ввидѣ предмѣстья тянулись нескончаемые сады съ рѣдкими домами между ними. Наконецъ вотъ и ворота въ стѣнахъ города. Поѣхали дальше по узкимъ и пустыннымъ улицамъ, по бокамъ которыхъ почти сплошь тянулись стѣны, скрывавшія за собой невысокіе дома.

Кругомъ полная тишина, не было видно никакихъ признаковъ

жизни, и только по мѣрѣ приближенія къ базару и караванъ-сараю улицы становились болѣе оживленныя, а въ самыхъ базарахъ жизнь кипѣла съ утра до ночи.

Караванъ-сарай—громадное высокое зданіе, съ широкими какъ улицы галлереями; при въѣздѣ въ нихъ тотчасъ же открывалась базарная суета. Шумъ голосовъ, крики погонщиковъ и гортанныя зазыванія торговцевъ такъ и висѣли въ воздухѣ. Горы наваленной разнообразной зелени и красиво уложенные въ рядъ всевозможные фрукты пестрѣли повсюду, и тутъ же нѣчто въ родѣ открытыхъ ресторановъ, вѣчно приготовляющихъ заманчивые для туземцевъ пловы и кеобабы, скопляли въ этомъ мѣстѣ цѣлыя толпы народа. Вотъ черезъ толпу протискиваются вѣчно трудящіеся и перегруженые ослики, на крупахъ нѣкоторыхъ, освободившихся отъ своихъ грузовъ, сидятъ верзилы-погонщики съ неестественно протянутыми къ мордѣ осликовъ или подогнутыми ногами, иначе бы они бороздили землю.

Но вотъ по мѣрѣ движенія въ глубь караванъ-сарая шумъ все тише и тише, голоса только изрѣдка долетаютъ, становится темнѣй и прохладнѣй. Въ полусумракѣ съ трудомъ можно разглядѣть неподвижныя фигуры торговцевъ. На разосланныхъ коврахъ они, подогнувъ подъ себя ноги, сидятъ на пяткахъ; ихъ лѣнивыя фигуры молчаливы. Здѣсь ужъ не слышно ни выкрикиваній, зазываній покупателей и только булькотаніе кальяновъ прерываетъ сонливую тишину. Въ этихъ отдѣленіяхъ продавались ковры и разныя изъ нихъ издѣлія: мафражи, нѣчто въ родѣ четырехъ-угольныхъ мѣшковъ, открытыхъ съ верхней стороны и стягивающихся веревками, весьма удобные для путешествія, переметныя сумы и пр.

Выѣхавъ изъ караванъ-сарая, мы снова очутились на улицѣ также пустынной и безлюдной. Наконецъ послѣ долгихъ странствованій по извилистымъ и узкимъ улицамъ, почти на краю города, мы въѣхали въ ворота русскаго генеральнаго консульства.

Довольно тѣсный дворъ, окруженный высокими стѣнами, былъ застроенъ зданіями. Простой домъ консула занималъ середину двора; съ правой стороны отъ входа стояла маленькая церковь въ обыкновенномъ стилѣ православныхъ церквей. Она была построена однимъ изъ бывшихъ генеральныхъ консуловъ и по неимѣнію постояннаго причта, служба въ ней происходила только временами, когда священникъ пріѣзжалъ въ Тавризъ. На дворѣ я былъ встрѣченъ генеральнымъ консуломъ Кребелемъ. Войдя со мной въ домъ, онъ указалъ на кабинетъ, предложивъ мнѣ расположиться какъ угодно, и прибавилъ, что въ немъ никто не будетъ меня безпокоить. Отдохнувъ немного послѣ тяжелаго путешествія, я вышелъ въ другія комнаты. Въ обширной парадной пріемной снова увидѣлъ хозяина

дома. Въ разговорѣ выяснилось, что мнѣ придется пробыть въ Тавризѣ дней пять. Условились тутъ же относительно моего представленія Валіату — персидскому Наслѣдному Принцу, имѣющему резиденцію въ Тавризѣ. Затѣмъ онъ сообщилъ о времени завтрака и обѣда, и мы разстались. На другой день, какъ и въ послѣдующіе дни, я проводилъ большую часть времени въ кабинетѣ. Все утро до завтрака въ домѣ незамѣтно было никакого движенія. По всѣмъ вѣроятіямъ Кребель и чиновники занимались въ канцеляріи. Послѣ занятій ко мнѣ часто заходилъ младшій чиновникъ консульства Шульжевскій, я съ нимъ сошелся, и мы нерѣдко дѣлали большія прогулки за городъ. По характеру своему онъ былъ не совсѣмъ сроденъ той средѣ, въ которой онъ находился; человѣкъ простой, безхитростный и весьма добродушный, что называется душа на распашку. Онъ все порывался куда-нибудь уйти, вспоминалъ про свою Малороссію и видимо тяготился всѣмъ окружающимъ. Да и вообще оттѣнокъ какого-то недовольства и неудовлетворенности замѣчался у всѣхъ живущихъ въ консульствѣ. Мнѣ самому казалось, что Тавризъ для европейца долженъ быть весьма не привлекательнымъ. Это чисто азіатскій городъ, и жизнь въ немъ для иностранца, не погруженнаго въ торговыя дѣла, представлялась слишкомъ тяжелою.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ и камергеръ Кребель повидимому не безъ права занималъ первенствующее значеніе между консулами. Хорошо образованный, серьезный, но далеко не сухой, обходительный, онъ вполнѣ обладалъ тактомъ и съ перваго раза производилъ впечатлѣніе человѣка высшаго общества. Ходилъ слухъ о предстоящей ему перемѣнѣ по службѣ. Согласовалось ли это съ его личнымъ желаніемъ или нѣтъ, не знаю, но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ Кребеля ужъ не было въ Тавризѣ, и въ дальнѣйшей своей карьерѣ онъ, кажется, затерялся въ какомъ-то Македонскомъ городишкѣ.

Въ день представленія Валіату я и Кребель, сопрождаемые консульскими казаками и гулямами, отправились пѣшкомъ во дворецъ. Въ этотъ день въ Тавризѣ происходило какое-то народное волненіе. Говорили, что полкъ Валіата былъ собранъ и держался наготовѣ.

Покажется страннымъ, что мы выбрали такой день для расхаживанія по городу, но намъ этотъ день былъ назначенъ изъ дворца, да и къ тому же всякаго рода волненія въ Тавризѣ были дѣломъ почти обычнымъ. Вообще мятежи въ мусульманскихъ городахъ имѣли видъ простого галдѣнія и базарныхъ толковъ.

Настоящій заговоръ трудно было себѣ представить. Въ тайникахъ мусульманскихъ домовъ никакая конституція не можетъ оставаться скрытною. Всякая новость, по туземному—хабаръ, гдѣ бы

она ни возникала, въ гаремахъ ли, или на базарѣ, не устоитъ передъ любопытствомъ и будетъ сообщена, кому нужно, гораздо раньше, чѣмъ заговоръ начнетъ приводиться въ исполненіе.

Женская гаремная жизнь почти все время проводится на плоскихъ крышахъ домовъ. Тамъ онѣ, закутанныя въ чадры, видятъ, что происходитъ на улицѣ, а главное имѣютъ общеніе съ гаремными жительницами сосѣднихъ домовъ. Отсюда устанавливается своего рода телеграфъ, и обитательницы гаремовъ, снѣдаемыя до тошноты скукой, находятъ единственное развлеченіе въ сплетнѣ. Невѣроятно, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ ничтожнѣйшая новость не пошла бы гулять по крышамъ домовъ, съ края на край города.

Мы вошли во дворецъ Валіата, подъ сводами воротъ стоялъ караулъ. Пройдя дальше во дворъ, мы были проведены въ обширную пріемную. Довольно многочисленное общество свѣтскихъ и духовныхъ лицъ дожидало выхода Валіата. Ихъ присутствіе вѣроятно объяснялось городскими происшествіями. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Валіатъ въ черномъ сардари (сюртукѣ) безъ украшеній. Поздоровавшись съ Кребелемъ, онъ началъ съ нимъ довольно оживленный разговоръ на персидскомъ языкѣ, вѣроятно говорилось о событіяхъ дня. Во время разговора онъ обращался къ какому-нибудь сановнику, тотъ, прижимая руки къ груди и слегка наклонивъ голову, скороговоркой отвѣчалъ: „ба́ле-ба́ле“ (точно такъ) и затѣмъ, продолжая вести бесѣду съ Кребелемъ, онъ обращался къ другому лицу вѣроятно съ какимъ-нибудь приказаніемъ; тотъ, прижимая пальцы лѣвой руки къ глазамъ и говоря „бе-чешмъ“, немедленно удалялся. Съ нимъ же уходило нѣсколько человѣкъ, должно быть подчиненныхъ ему чиновниковъ.

„Бе-чешмъ“—своеобразный, трудно объяснимый жестъ персіянъ. Чешмъ въ буквальномъ переводѣ—глаза. Нѣкоторые въ этомъ выраженіи видятъ высшую готовность исполнить приказаніе, какъ бы отвѣчая за это собственными глазами. Другіе же просто отказываются дать этому какое-нибудь объясненіе. Мнѣ кажется, что въ этомъ жестѣ не заключается вышеприведеннаго мрачнаго значенія, оно можетъ быть равнозначно нашему „вмигъ“, „въ мгновеніе ока“.

„Бе-чешмъ“ повторялось все чаще и чаще, наконецъ залъ опустѣлъ и послѣднимъ вышелъ Кребель.

Я удивился, чего Кребель оставался такъ долго, какъ бы нескромно присутствуя при распоряженіяхъ, но это объяснилось тѣмъ, что генеральный консулъ имѣлъ право обращаться къ Валіату въ дѣлахъ, касающихся дипломатическихъ сношеній. Это такъ же и въ интересахъ самого Валіата, чтобы въ донесеніяхъ о такихъ происшествіяхъ русское посольство имѣло окраску не безвыгодную для персіянъ.

Насталъ и день отъѣзда. Седьмого декабря, простившись съ гостепріимнымъ хозяиномъ, въ четвертомъ часу дня на почтовыхъ верховыхъ лошадяхъ я выѣхалъ изъ Тавриза. Меня сопровождалъ урядникъ и посольскій гулямъ. Необходимыя вещи помѣщались на вьючной лошади. Вьюкъ былъ объемистъ, состоялъ изъ походной кровати, дорожнаго сундука и мафража. Весь вьюкъ съ сѣдломъ вѣсилъ не менѣе 6 пудовъ. Слѣдованіе происходило такимъ образомъ: впереди двигался чапаръ-шагиръ (вожакъ), ведя за поводъ вьючную лошадь, за вьюкомъ гулямъ, за нимъ я и потомъ урядникъ. Я съ намѣреніемъ остановился на подробностяхъ слѣдованія на почтовыхъ. Я думаю, что ничего подобнаго не существуетъ нигдѣ въ мірѣ кромѣ Персіи.

Лишь только мы оставили за собой околицу послѣднихъ строеній Тавриза, чапаръ-шагиръ вмѣстѣ съ вьюкомъ поднялся въ карьеръ, гулямъ сталъ изрядно нахлестывать нагайкой вьючную лошадь. Я хотя немало удивился, но съ удовольствіемъ помчался за ними, урядникъ такъ же не отставалъ отъ меня.

Такимъ образомъ мы, какъ сказочныя тѣни, летѣли въ наступающей темнотѣ и только въ глубокихъ рытвинахъ и оврагахъ слегка сдерживали коней. Въ этотъ день пришлось сдѣлать одну только станцію въ 30 верстъ и тамъ заночевать.

Станціи на этомъ трактѣ до самаго Тегерана сравнительно удобны. Содержатся довольно опрятно, но мебели кромѣ столовъ и табуретокъ другой не имѣется. Проѣзжихъ встрѣчаютъ, можно сказать, радушно, люди услужливы и съ готовностью выполняютъ ихъ желанія. Самоваръ, посуда, провизія для несложнаго обѣда доставлялась весьма быстро и дешево.

Станціи отстоятъ одна отъ другой на различныхъ разстояніяхъ, которыя опредѣляются мѣрой—сагатъ (по-персидски — часъ) или фарсагъ (по-татарски) и равняется семи верстамъ, вѣроятно сообразуясь часомъ ѣзды иноходью. Есть станціи въ 4 сагата (около 30 в.), есть и въ семь (50 в.). Онѣ устроены на почтовомъ трактѣ, вѣроятно для исключительнаго пользованія дипломатическихъ чиновниковъ, а также разныхъ иностранцевъ. На пути меня встрѣчали цѣлые караваны богатыхъ персіянъ, но слѣдовъ ихъ остановки на станціяхъ не замѣчалось, должно быть, они предпочитали останавливаться въ селеніяхъ въ караванъ-сарахъ. Съ разсвѣтомъ дня все ужъ было готово для дальнѣйшаго путешествія; верховыя лошади осѣдланы, и вьючная подведена къ крыльцу.

Сильный, проворный чапаръ вынесъ багажъ, распредѣлилъ его по вѣсу, на глазъ, на двѣ равныя части, разложилъ на землѣ по обѣ стороны лошади, и обмотавъ каждый вьюкъ отдѣльно волосяной ве-

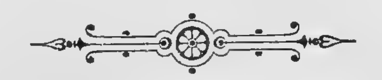
ревкой, сталъ провѣрять вѣсъ, взвѣшивая на рукахъ почти безошибочно. Затѣмъ вьюкъ накладывался на паланъ—родъ вьючнаго сѣдла, состоящаго изъ набитой соломой, грубой парусинной покрышки спины, закрывающей лошадь отъ холки почти до хвоста. Весь вьюкъ снова переплетался нѣсколько разъ веревками, чѣмъ прикрѣплялся къ палану, при чемъ, сдвигая вправо и влѣво, достигалось совершенное его равновѣсіе. Все это дѣлалось необыкновенно скоро. Затѣмъ чапаръ-шагиръ и всѣ верховые садились на лошадей, вьючная лошадь выводилась за ворота станціи и съ мѣста вскачь, почти безъ передышки до слѣдующей станціи. Этотъ разъ я проѣхалъ больше предыдущаго и чѣмъ дальше, все больше и больше, такъ что 13 декабря я сдѣлалъ въ день 105 верстъ и наконецъ 15 декабря до Тегерана осталось только 70 верстъ, куда и прибылъ къ 3-мъ часамъ дня.

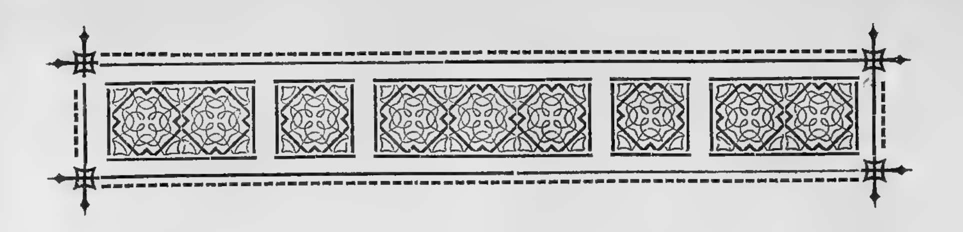
Считаю не лишнимъ привести одно замѣчаніе. Въ Тавризѣ, слегка познакомивъ меня съ предстоявшимъ путемъ до Тегерана, совѣтовали не брать съ собою моего казачьяго сѣдла, а запастись, вмѣсто него, англійскимъ. Иначе быстрая ѣзда на верховыхъ почтовыхъ лошадяхъ будетъ невозможна. Я послѣдовалъ этому совѣту и былъ конечно весьма доволенъ. Трудно себѣ представить, какія мученія пришлось бы испытать при такой сильной, а главное продолжительной скачкѣ на казачьемъ сѣдлѣ: на короткихъ стременахъ, онѣмѣніе согнутыхъ въ колѣняхъ и напряженныхъ ногъ сдѣлало бы такую ѣзду положительно невыносимой, по неволѣ пришлось бы обратиться къ перемѣнному аллюру, но такая ѣзда несравненно медленнѣе, да и для вьючной лошади менѣе удобна, чѣмъ скачь, при которомъ вьюкъ бьетъ центрально по лошади, а не ерзаетъ вправо и влѣво, какъ бываетъ при неспокойной рыси.

Мнѣ представляется улыбка казакомана. Да, конечно, думаетъ онъ, вся суть здѣсь не въ неудобствѣ казачьей ѣзды, а видно ѣздокъ плохъ и мало знакомъ съ этой ѣздой. Скажу на это только, что съ производства въ офицеры до того времени, я уже 12 лѣтъ прослужилъ въ казачьихъ войскахъ, а вынести цѣлую недѣлю непрерывной скачки, въ которой нѣкоторые дни были 105 верстъ и все это безъ предварительной подготовки,—что-нибудь да значитъ.

А. Домонтовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За кулисами дипломатіи [1]).

ГЛАВА II.

Maintenant la paix est assurée.—Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ.—Депеша-программа генерала Н. П. Игнатьева. — Миссія принца Александра Гессенскаго.—Обѣщаніе Императора Александра II Императору Францу Іосифу—не совершать безъ вѣдома Австріи никакихъ дѣйствій панславистическаго характера.—Неодобреніе Государемъ Игнатьевской программы.—Соглашеніе съ Австро-Венгріею. — Разборъ этого соглашенія. — Почему соглашеніе это должно оставаться тайною.—Положеніе Н. П. Игнатьева поколеблено.—Междуцарствіе въ мин. ин. дѣлъ.—Пріѣздъ А. Н. Карцова въ Петербургъ.— Quel est notre programme?—Духъ времени.

1875 г., 10-го апрѣля, т. е. въ концѣ нашего марта, князь Горчаковъ, прибывъ въ Берлинъ, извѣстилъ циркулярно по телеграфу нашихъ представителей за границею, что вслѣдствіе происходившихъ между правительствами нашимъ и германскимъ переговоровъ „миръ въ Европѣ обезпеченъ". Maintenant la paix est assurée. Хотя и не въ томъ смыслѣ, какой ей придавалъ ея авторъ, многознаменательная фраза эта получила историческое значеніе. Князю Бисмарку представился грозный призракъ коалиціи le cauchemar des coalitions. Тогда противъ Германіи къ Франціи и Россіи, вѣроятно, присоединилась бы и Австрія. Страшно раздосадованный, онъ осыпалъ князя Горчакова сарказмами и упреками: попытку стараго канцлера возбудить во французахъ сомнѣніе въ германскомъ миролюбіи, а себя выставить миротворцемъ, князь Бисмаркъ назвалъ поступкомъ недружественнымъ и несовмѣстнымъ съ довѣріемъ и узами, традиціонно связующими обѣ имперіи.

Прошло около трехъ мѣсяцевъ. Въ Босніи и Герцеговинѣ возгорѣлось возстаніе. Вниманіе Россіи, остановившееся было на Рейнѣ, теперь передвинулось къ берегамъ Дуная. По отношенію къ Бисмарковскимъ опасеніямъ, событія на Востокѣ являлись какъ нельзя болѣе кстати. Отсюда подозрѣніе: не было ли самое возстаніе дѣ-

[1]) См. „Русскую Старину" январь 1908 года.

ломъ рукъ Бисмарка? Дѣятельностью революціоннаго общества „О младина“ почва была уже готова, не хватало, главнымъ образомъ, денегъ. По свѣдѣніямъ Е. П. Новикова, денежныя субсидіи доставлялись инсургентамъ изъ таинственнаго источника черезъ Прагу.

Н. П. Шишкинъ, предмѣстникъ А. Н. Карцова въ Бѣлградѣ, видѣлъ въ „О младинѣ“ общество чисто революціонное. Въ Константинопольскомъ посольствѣ смотрѣли на вещи далеко не такъ строго. Секретарь князь Цертелевъ, только что переведенный изъ Бѣлграда, подавалъ записку, въ которой старался доказать, что „О младина“ преслѣдуетъ цѣли, отнюдь не революціонныя, а національныя и патріотическія. Въ приложеніяхъ мы находимъ категорическое заявленіе князя Милана, повидимому, въ отвѣтъ на представленіе нашего правительства. Князь Миланъ объявляетъ, что его министры ставятъ ему требованія революціонныя и воинственныя, но что онъ ни за что не подчинится и скорѣе смѣнитъ кабинетъ или же откажется отъ престола. Тутъ не мѣшаетъ припомнить: все дѣтство князя Милана протекло подъ страшнымъ впечатлѣніемъ убійства его дяди, князя Михаила. Въ Бѣлградѣ онъ былъ на передовомъ посту и чувствовалъ себя подъ первымъ ударомъ.

На событія, подобно грозовой тучѣ со всѣхъ сторонъ надвигавшіяся, нашъ посолъ въ Константинополѣ, генералъ Н. П. Игнатьевъ отозвался обширною депешею-программою. Депеши этой, къ сожалѣнію, въ подлинникѣ я не читалъ, но содержаніе ея слышалъ отъ самого автора. Свое изложеніе Н. П. Игнатьевъ начиналъ съ обстоятельнаго историческаго очерка. Примѣры исторіи доказываютъ, что всякій разъ, какъ на турецкомъ Востокѣ Россія дѣйствовала заодно съ Австро-Венгріею и Германіею, она обманывалась, и усилія, ею затраченныя, пропали даромъ. Поэтому, Н. П. Игнатьевъ полагалъ: Россіи слѣдуетъ ни съ кѣмъ не сговариваться и сохранить себѣ свободу дѣйствія. Значеніе настоящей минуты султанъ Абдулъ-Азисъ сознаетъ вполнѣ и, чтобы потушить огонь и прекратить смуту, онъ готовъ на необходимыя жертвы. Уступить полосу территоріи непосредственно Черногоріи онъ не считаетъ удобнымъ, но предлагаетъ этотъ участокъ передать Государю Императору, который уже отъ себя его переуступитъ князю Николаю.

Съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ Россіи, ея потребности въ сохраненіи мира и пр., политическая программа Н. П. Игнатьева представляла преимущества весьма важныя. Въ конфликтъ съ Англіею она насъ не вводила и съ Германіею и Австро-Венгріею въ обязательныя отношенія не впутывала. Между Турціею и ея возставшими подданными Россія принимала на себя роль благожела-

тельнаго посредника, и не болѣе. Другое дѣло, отдачею участка земли Черногоріи достигъ ли бы султанъ прекращенія кризиса и успокоенія. Но не спасеніе цѣлости Турецкой имперіи имѣлъ въ виду нашъ посолъ въ Константинополѣ. Главною его мыслью было, чтобы крушеніе Оттоманскаго могущества произошло не сразу, а постепенно и, такимъ образомъ, Россія не была бы поставлена въ необходимость вмѣшаться и проливать кровь.

Къ сожалѣнію, почва въ Петербургѣ оказалась предвосхищенною. Туда отъ Императора австрійскаго съ довѣрительною миссіею прибылъ братъ Императрицы Маріи Александровны, принцъ Александръ Гессенскій. „L'Empereur François Joseph", объявилъ онъ Государю Императору, „est à l'entière dèvotion de Votre Majesté". Въ свою очередь, Императоръ Александръ II связалъ себя словомъ: безъ вѣдома австрійскаго Императора, на турецкомъ Востокѣ, какихъ-либо дѣйствій панславистическаго харектера онъ не предприметъ.

Въ депешѣ-программѣ генерала Н. П. Игнатьева канцлеръ князь Горчаковъ увидѣлъ диссертацію на званіе министра иностранныхъ дѣлъ. Искуснымъ придворнымъ былъ онъ недаромъ. Между личными наклонностями Императора Александра II и славянофильскими стремленіями кружка Императрицы Маріи Александровны принцъ Александръ Гессенскій, по родственному своему положенію, служилъ соединительнымъ звеномъ. Чувство недоброй памяти, которое съ 1855 г. старый канцлеръ таилъ противъ Австріи, теперь, подъ вліяніемъ зависти къ князю Бисмарку съ одной стороны и соперничества съ генераломъ Н. П. Игнатьевымъ съ другой,—у него поостыло. Очень понятно, князь Горчаковъ вѣсы въ пользу Австріи постарался перетянуть, а политическіе взгляды Н. П. Игнатьева дискредитировать и провалить.

Императоръ Александръ II поля Игнатьевской депеши покрылъ отмѣтками, въ которыхъ, вмѣсто обычныхъ похвалъ и поощреній, выражалось неодобреніе и сквозило раздраженіе. Противъ мѣста, гдѣ Игнатьевъ распространялся о преданности султана Абдулъ-Азиса, Государь помѣтилъ: „Je n'ai que faire de son amitié".

Путь въ Константинополь—черезъ Вѣну. Въ предвидѣніи будущихъ войнъ съ Турціей, маститый фельдмаршалъ князь Паскевичъ формулу эту оставилъ потомкамъ въ назиданіе. Посредствомъ дружбы съ Австро-Венгріей русской арміи на Балканскій полуостровъ раскрывался свободный доступъ. Отсюда въ основѣ Горчаковской политики соглашенія съ Австріею подразумѣвалась возможность

военнаго исхода. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, программа Н. П. Игнатьева опиралась на способы воздѣйствія мирнаго, преимущественно дипломатическаго характера.

По мысли князя Горчакова, переговоры съ Австро-Венгріею надлежало вести непосредствено и, что особенно важно, не посвящая Германію въ тайну. Снова возвращались къ политическимъ преданіямъ Маріи Терезіи и ея сына Императора Іосифа II. Но тогдашняя Пруссія была маленькимъ королевствомъ. Современная Германія представляетъ первоклассную военную державу. Ея внѣшними дѣлами завѣдывалъ государственный человѣкъ, обнаружившій свою геніальность въ цѣломъ рядѣ громкихъ успѣховъ. Съ доминирующимъ положеніемъ Германіи, преодолѣвая чувства личнаго антагонизма, считаться наша дипломатія была обязана. Если князь Горчаковъ хотѣлъ начать политику въ большомъ стилѣ,—онъ долженъ былъ генерала Н. П. Игнатьева изъ Константинополя перевести въ Берлинъ, чтобы, такъ или иначе, съ княземъ столковаться à fond. Посредничество между нами и Англіею, которое ему предлагалъ князь Бисмаркъ, онъ отвергъ категорически. Старый канцлеръ тѣшилъ себя надеждою—ему удастся князя Бисмарка обойти и за его спиною восточный вопросъ оборудовать по своей волѣ. Средствомъ для этого, по его мнѣнію, являлась съ Австро-Венгріею entente à deux. Вмѣсто Игнатьевской выжидательной программы, которая, въ общихъ чертахъ, и была политикою европейскаго концерта, отнынѣ съ Австро-Венгріею мы себя изолировали, съ морскими державами,—Англіею, Франціею, Италіею,—порывали, а относительно Германіи ничѣмъ себя не обезпечивали. Стоило въ нашемъ соглашеніи съ Австро-Венгріею образоваться малѣйшей трещинѣ,—и Россія, при сомнительномъ нейтралитетѣ Германіи, передъ тѣсно сплоченнымъ синклитомъ прочихъ державъ, оказывалась въ полномъ одиночествѣ.

Что же Австро-Венгрія? Послѣ торжественныхъ завѣреній преданности Императора Франца-Іосифа русскому Государю, изъявила ли она готовность Россіи содѣйствовать и въ счастіи и несчастіи раздѣлить ея судьбу? Ничуть не бывало. Она только разрѣшала русской арміи углубиться въ стратегическій мѣшокъ, имя которому—Балканскій полуостровъ, и обѣщала помогать намъ дипломатически. Съ Англіею и Германіею она не ссорилась, а, наоборотъ, до конца событій съ этими державами поддерживала отношенія наилучшія. О всемъ томъ, что между Вѣною и Петербургомъ происходило, князь Бисмаркъ былъ освѣдомленъ обстоятельно, но до поры до времени, онъ вмѣшиваться не желалъ и дѣлалъ видъ, что ничего

не знаетъ. Прямой помощи Россіи не оказывая, Австро-Венгрія, тѣмъ не менѣе, оставила за собою право, когда сочтетъ нужнымъ, перейти къ активнымъ дѣйствіямъ. Тягости и риски войны, такимъ образомъ, принимала на себя Россія. Между тѣмъ, Австро-Венгрія, дружа съ противниками Россіи и въ тылу русской арміи сохраняя свои силы нетронутыми, получала всѣ козыри въ руки. Сдѣлка эта представляетъ примѣръ marchè de dupes въ исторіи небывалый.

При всей своей хрупкости и для Россіи невыгодности, русско-австрійское соглашеніе еще разъ служитъ доказательствомъ непреложной истины: наихудшая система, но проводимая послѣдовательно, сто разъ предпочтительнѣе тому положенію, когда двѣ—три системы дѣйствуютъ одновременно, и одна разрушаетъ то, что, передъ тѣмъ, совершила другая. Соображенія генерала Игнатьева, хороши были, или нѣтъ, но въ Петербургѣ они одобрены не были. На предложенную султаномъ Абдулъ-Азисомъ дружбу Императоръ Александръ II отвѣтилъ отказомъ. Вліяніе Россіи въ Турціи поколебалось и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнило генералу Игнатьеву и личное его счастіе. Политическая звѣзда его, которая была на зенитѣ, закатилась и, хотя онъ потомъ и занималъ мѣсто внутри Имперіи, но на прежнюю высоту она болѣе не поднималась. Наступилъ для него подходящій моментъ покинуть постъ, на которомъ онъ, въ теченіе десятилѣтія, подвизался съ такою славою. Дальнѣйшее его пребываніе въ Константинополѣ, это потомъ выяснилось рельефно,—принесло лишь вредъ, какъ ему лично, такъ и самому дѣлу. Безъ поддержки свыше, самостоятельнаго совершить онъ ничего не могъ, съ другой стороны, для министерской политики онъ служилъ помѣхою и бѣльмомъ на глазу. Къ сожалѣнію, въ силу и понынѣ у насъ господствующей монархической теоріи, представитель Россіи, а особенно если онъ генералъ-адъютантъ, въ лицѣ своемъ воплощаетъ волю монарха и, поэтому, имѣть собственныхъ идей онъ не долженъ. Въ корнѣ лицемѣрное, разсужденіе это заключаетъ въ себѣ пагубную ложь. Побороть свое нравственное „я", при всемъ желаніи, способенъ не всякій. Пользуясь колебаніями и сбивчивостью оффиціальныхъ инструкцій, генералъ Игнатьевъ продолжалъ работать въ духѣ собственныхъ убѣжденій и самостоятельно. Въ то время какъ Е. П. Новиковъ и графъ Андраши изготовляли австро-русское сепаратное соглашеніе, онъ съ маркизомъ Салисбюри велъ дѣло на основаніяхъ противоположныхъ. Стремясь, во что бы то ни стало, добиться устраненія вліянія генерала Н. П. Игнатьева, графъ Андраши дерзновенно потребовалъ, чтобы переговоры между Австріею и Россіею хранились отъ него въ секретѣ. Получилась курьезная аномалія: съ разрѣшенія князя Горчакова, русскій посолъ

Е. П. Новиковъ далъ австрійскому министру честное слово—le général Ignatieff ne saura rien de la Convention.

Князь Горчаковъ находился въ отпуску, товарищъ министра Вестманъ скончался, а директоръ азіатскаго департамента подалъ въ отставку. Удаленіе отъ дѣлъ П. Н. Стремоухова произошло слѣдующимъ образомъ. Вступивъ въ исправленіе должности скончавшагося Вестмана, въ увѣренности, что его утвердятъ товарищемъ, П. Н. Стремоуховъ поѣхалъ представиться Государю. Но появленіе его произвело впечатлѣніе неблагопріятное. „Надѣюсь, сказалъ ему Государь, ты и при новомъ товарищѣ также хорошо будешь исполнять свои обязанности". П. Н. Стремоуховъ обидѣлся, бросилъ службу и уѣхалъ въ деревню. Во главѣ министерства случайно оказались: старшій совѣтникъ баронъ А. Г. Жомини и вице-директоръ азіатскаго департамента А. А. Мельниковъ. Опасаясь, какъ бы кратковременное правленіе ихъ не прошло безслѣднымъ, господа эти, по поводу Герцеговинскихъ дѣлъ, обнародовали въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" сообщеніе тона довольно воинственнаго. Когда имъ это замѣтили, они поспѣшили напечатать второе сообщеніе, которое только усугубило впечатлѣніе перваго. Кромѣ того, баронъ А. Г. Жомини отличался болтливостью: дипломатическія его indiscrètions въ петербургскихъ гостиныхъ служили темою разговоровъ и анекдотовъ.

Между тѣмъ, въ Бѣлградѣ происходило бракосочетаніе князя Милана съ дочерью бессарабскаго землевладѣльца полковника Кешко. Самъ Императоръ Александръ II удостоилъ быть посаженымъ отцомъ. Покончивъ со свадебнымъ торжествомъ, А. Н. Карцовъ отправился въ Петербургъ. На пути онъ заѣхалъ въ Курскую губернію, въ деревню къ своему бывшему начальнику П. Н. Стремоухову, который успѣлъ успокоиться и одуматься. Онъ просилъ А. Н. Карцова быть его заступникомъ и отвезти отъ него письмо князю-канцлеру. Попытка эта успѣха не имѣла. Князь Горчаковъ взялъ письмо, но объявилъ напередъ „nous sommes privés d'un collaborateur précieux. Mais il n'y a rien à faire: l'Empereur est contre lui".

Князь Горчаковъ приказалъ А. Н. Карцову ознакомиться съ дѣлами и разрѣшилъ открыть ему разные картоны. Но въ этихъ dossiers главнаго и не находилось: всего того, что происходило за кулисами, миссіи принца Александра Гессенскаго, первыхъ признаковъ сближенія съ Австро-Венгріею тамъ не было и слѣда.

Русское общественное мнѣніе, какъ западническое либеральное, такъ и славянофильское, къ Австріи относилось съ одинаковою враждебностью. Классическая неблагодарность, которою Австрія въ

1853—55 г.г. отплатила намъ за услугу, оказанную ей въ венгерское возстаніе, была у всѣхъ въ памяти. Мы гордились призваніемъ Россіи защищать угнетенныя народности,—съ 1815 года. Австрія считалась оплотомъ реакціи и гасительницею національнаго духа и свободы. Вопреки собственнымъ выгодамъ, мы горячо симпатизировали объединенію Италіи, хотя не трудно было предвидѣть, что вытѣсненная изъ Италіи Австрія обратится къ Востоку и для насъ явится тамъ опаснымъ соперникомъ. Наконецъ, какъ разъ въ эту минуту, австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Андраши, венгерскій патріотъ, заочно повѣшенный въ 1848 году, слѣдовательно, завзятый врагъ того славянства, на помощь которому мы готовились выступать.

Равнымъ образомъ, общественное мнѣніе въ Венгріи несочувственно относилось къ присоединенію Босніи и Герцеговины, опасаясь усиленія въ Австріи славянскаго элемента. Взявшись, въ угоду Императору Францу-Іосифу, осуществить этотъ проектъ, графъ Андраши сознательно приносилъ въ жертву свою, столь дорого купленную, популярность. Что касается Германіи, то хотя князь Бисмаркъ и толкалъ Австрію на Востокъ, но онъ предпочелъ бы, чтобы успѣхами своими на новомъ поприщѣ Австрія была обязана Европѣ, и, главнымъ образомъ, Германіи, а никакъ не самостоятельнымъ отношеніямъ своимъ къ русской имперіи.

Князь Горчаковъ отлично понималъ значеніе приведенныхъ соображеній. Если бы планъ отдачи Австріи Босніи и Герцеговины сдѣлался извѣстнымъ, встревоженные интересы тотчасъ сплотились бы и образовалось теченіе, совладать съ которымъ было бы невозможно. Въ предупрежденіе сего, князь Горчаковъ пустился на махинацію чрезвычайно рискованную. Минуя обычный дипломатическій путь, втайнѣ отъ князя Бисмарка и генерала Игнатьева, за спиною русскаго общественнаго мнѣнія и венгерской оппозиціи, онъ съ Вѣнскимъ кабинетомъ повелъ негоціацію непосредственно и съ графомъ Андраши вступилъ какъ бы въ заговоръ. Такимъ образомъ, правда, тайна обезпечивалась, но получалась другая невыгода: въ дипломатической нашей дѣятельности единство было нарушено. Въ то время какъ наши неосвѣдомленные представители держались прежняго направленія,—наша политика перемѣнила руль, и мы плыли въ фарватерѣ совершенно новомъ.

Е. П. Новиковъ чувствовалъ себя на вполнѣ твердой почвѣ. Его депеши, въ которыхъ онъ доказывалъ необходимость прочныхъ и непосредственныхъ отношеній съ Австро-Венгріею, неизмѣнно удостоивались Высочайшаго одобренія и покрывались лестными отмѣтками. Судя по всему, снова возвращались мы къ славнымъ днямъ

дружбы и совмѣстныхъ дѣйствій Императрицы Екатерины II съ Императоромъ Іосифомъ II. Отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы Е. П. Новиковъ считалъ взятіе Австріею Босніи и Герцеговины желательнымъ для Россіи. Но только при этомъ условіи мы въ войнѣ съ Турціею могли обезпечить себѣ тылъ. Тѣмъ болѣе настаивалъ онъ, во что бы то ни стало, покончить съ возстаніемъ. Всякая поддержка инсургентамъ или даже простое выраженіе къ нимъ сочувствія приводило его въ состояніе неописуемаго раздраженія.

Совершенно въ иномъ положеніи находились другіе агенты съ Н. П. Игнатьевымъ во главѣ. Ничего не зная о томъ, что мы съ Австро-Венгріею вступили въ сдѣлку, они въ коварной политикѣ этой державы продолжали видѣть главное преткновеніе. Въ самомъ дѣлѣ, Австро-Венгрія, которая подавляла у себя дома малѣйшее поползновеніе славянъ къ свободѣ, могла ли она сочувствовать освобожденію славянъ въ Турціи? Присоединяясь къ Россіи и требуя отъ Турціи реформъ, Австро-Венгрія дѣйствуетъ неискренно. Турція потому и противится и не уступаетъ, что разсчитываетъ на поддержку не одной Англіи, но также Австро-Венгріи.

Между тѣмъ, оффиціальная политика двигалась своимъ чередомъ. Турціи была предъявлена извѣстная нота Андраши, предлагавшая въ возставшихъ провинціяхъ реформу мѣстнаго самоуправленія. Но всѣмъ было ясно, что нота Андраши полумѣра, которая никого удовлетворить не можетъ. Въ заступничествѣ державъ инсургенты видѣли доказательство, что на ихъ сторонѣ общественное мнѣніе, слѣдовательно, косвенное себѣ поощреніе. Сербія и Черногорія заботились о судьбѣ турецкой райи, а домогались расширенія своей территоріи. Ратуя за самостоятельность турецкихъ славянъ, русское общество давало понять своему правительству, что пора бы и съ него снять опеку и дать ему права народнаго представительства, которыми прочіе европейцы давно пользуются. Выходило, что у каждаго былъ свой отдѣльный умыселъ, и что возстаніе босно-герцеговинское было только подходящею почвою и предлогомъ для разнородныхъ требованій и ожиданій. На дипломатическія ноты и циркуляры смотрѣли какъ на лекарства, подобно липовому цвѣту или ромашкѣ, если пользы, то и вреда не приносящія.

На своемъ Бѣлградскомъ посту А. Н. Карцовъ находился подъ давленіемъ осложняющихся событій и въ полномъ невѣдѣніи. Князь Миланъ и сербскіе министры обращались къ нему за совѣтами и разъясненіями, но онъ ничего не могъ имъ сказать, кромѣ того, что появилось въ оффиціальныхъ документахъ, т. е. что они знали и безъ него. Тогда, съ пыломъ еще не остывшей молодости, А. Н. Карцовъ рѣшилъ отправиться въ Петербургъ съ намѣреніемъ до-

биться опредѣленныхъ инструкцій. Поѣздка эта произошла въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 г.

Въ Петербургѣ Императоръ Александръ II принялъ А. Н. Карцова благосклонно и къ его заявленію, что нота графа Андраши ничего не стоитъ, отнесся снисходительно. Затѣмъ, А. Н. Карцовъ приступилъ къ князю Горчакову съ настоятельною просьбою опредѣленнаго отвѣта. При разговорѣ молчаливымъ свидѣтелемъ присутствовалъ баронъ А. Г. Жомини.

— Нота графа Андраши, докладывалъ А. Н. Карцовъ, оказалась безсильнымъ палліативомъ. Въ Сербіи воинственная агитація усиливается. Положеніе князя Милана съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣе. Я боюсь, что онъ не въ силахъ будетъ слѣдовать совѣтамъ державъ и кончитъ тѣмъ, что уступитъ движенію. Въ придунайскихъ мѣстностяхъ весна наступаетъ рано: событія могутъ разгорѣться неожиданно. Что прикажете мнѣ дѣлать? Quel est notre programme?.

Князь Горчаковъ только щелкнулъ пальцами и воскликнулъ:— Ah, voilà notre programme.—Выходя, на лѣстницѣ А. Г. Жомини сказалъ А. Н. Карцову:—Vous avez été admirable de toupet avec lui. Que voulez Vous? il n'a pas de programme" [1]).

Ничего не добившись, А. Н. Карцовъ вернулся во-свояси. Въ Вѣнѣ Е. П. Новиковъ встрѣтилъ его укорами насчетъ яко бы безхарактерности князя Милана.—Внукъ Милоша, стыдитесь,—воскликнулъ онъ и, при этомъ, въ азартѣ чуть перстомъ не выкололъ глазъ А. Н. Карцову.

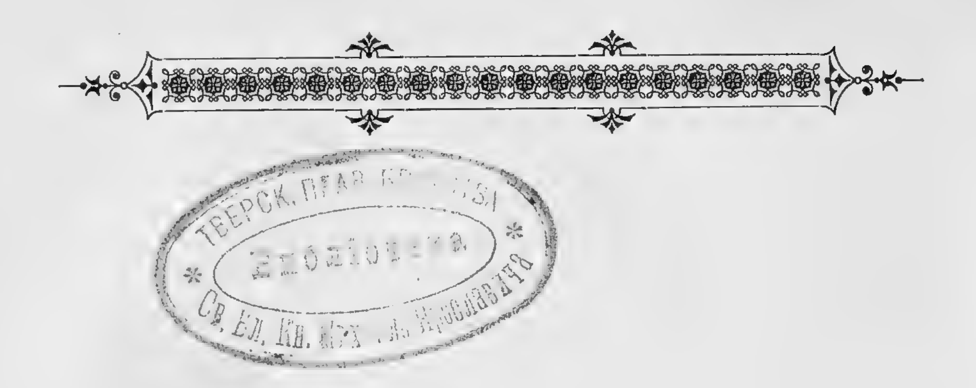
Обвиненіе, обращаемое Новиковымъ къ Милану, еще съ большимъ основаніемъ можно бы сдѣлать петербургскимъ правящимъ сферамъ. Мы видимъ, съ какою легкостью Турція, когда ей не мѣшаютъ, справляется со всевозможными движеніями: армянскимъ, македонскимъ и даже войною съ Греціею. То же несомнѣнно бы произошло и тогда, если бы не было духа времени, передъ которымъ пасовалъ не только слабый властелинъ крошечной Сербіи, но и самъ могучій Самодержецъ великой Россіи.

Ю. С. Карцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Ю. Карцовъ. Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ, стр. 48.

О серебряныхъ рудахъ—въ Чердынскомъ уѣздѣ (1663 г.).

Государю и Царю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, холопъ твой Мишка Голенищевъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 171 году Мая въ 17 день прислана Твоя В. Г. Ц. и В. Кн. Алексѣя Михаиловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Грамота изъ Приказу Твоего В. Г. большого дворца за приписью твоего Государева Дьяка Дениса Савлукова ко мнѣ холопу Твоему въ Пермь Великую въ Чердынь; да съ тою же Твоею В. Г. Грамотою присланы въ Пермь Великую въ Чердынь Московскіе стрѣльцы Полковника и головы Семенова Приказу Полтева Ивашко Блиновъ, Ивашко Харитоновъ, Тренка Ивановъ, Макидонко Котовъ; а велѣно имъ въ Перми Великой въ Чердыни за горою прозвище Поманенною, межъ Варганомъ озеромъ на болотѣ отъискивать руды серебренныя, а для знатья того мѣста и руды велѣно имъ взять съ собою Казанскаго уѣзда, изъ села Сарапула Чердынскихъ крестьянъ: Ивашку Токарева, Сеньку Степанова, Оничку Иванова; а серебреника добраго для плавки тое руды велѣно имъ взять у меня, холопа Твоего, изъ посадскихъ или изъ какихъ чиновниковъ. И такъ Твоя В. Г. Грамота ко мнѣ холопу Твоему придетъ, а Московскіе стрѣльцы Ивашко Блиновъ съ товарищами въ Чердынь пріѣдутъ, и мнѣ бъ холопу Твоему велѣть имъ серебренныя руды отъискивать, и снасти имъ какія къ тому дѣлу надобны, купить, и для плавки дать имъ серебренаго мастера добраго, кому бъ такое дѣло было за обычай, и во всемъ томъ велѣно мнѣ холопу Твоему чинить имъ споможенье, чтобъ имъ тое руды подлинно отъискать.

А какъ дастъ Богъ серебренную, или какую другую руду отъищутъ, и мнѣ холопу Твоему тое руды опытъ съ тѣмъ же стрѣльцами велѣно прислать къ тебѣ В. Г. къ Москвѣ на Ямскихъ подводахъ, да о Томъ велѣно мнѣ холопу Твоему къ Тебѣ В. Г. отписать, а отписку велѣть подать и опытъ объявить въ Приказѣ Твоего В. Г. большого дворца, Твоему Государеву Окольничему Ѳедору Михаиловичу Ртищеву, да Твоему Государеву Думному Дворянину Григорью Михаиловичу Аничкову, да Твоимъ Государевымъ Дьякомъ Прокопію Коптѣеву, да Андрею Селину; а въ которомъ мѣстѣ руду отъищутъ и мнѣ бъ холопу Твоему въ томъ мѣстѣ поставить караулъ, и приказать беречь накрѣпко, чтобъ никто тое руды не имал до Твоего В. Г. Указу.

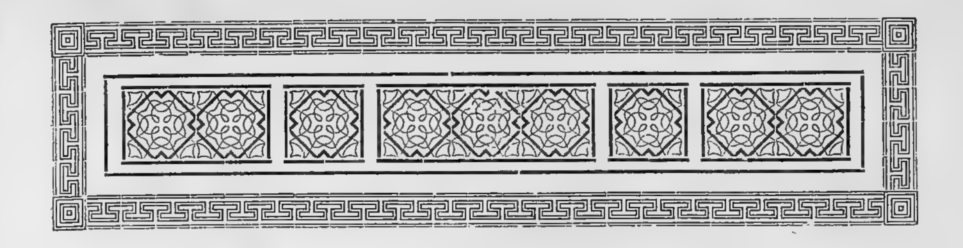
По Твоей В. Г. Царя и В. К. Алексѣя Михаиловича, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Грамотѣ, Московскихъ стрѣльцовъ Ивашка Блинова съ товарищи послалъ я холопъ Твой изъ Чердыни къ Варгану озеру отъискивать серебренные руды, да съ ними же стрѣльцы посылалъ я холопъ Твой для знатья того мѣста и руды изъ Казанскаго уѣзду изъ с. Сарапула, Чердынскаго крестьянина Максима Семенова, а прозвище Иванова сына Токарева, и серебреника Чердынца Андрюшку Вятчанина, да съ съ ними жъ стрѣльцами послалъ я холопъ Твой работниковъ Чердынцовъ наемныхъ людей Мокейки Свирѣпова съ товарищи шесть человѣкъ, и къ тому дѣлу снасти я холопъ Твой велѣлъ имъ дать.

И въ нынѣшнемъ, Государь, во 171-мъ году Іюля въ 3 день пріѣхавъ отъ Варгана озера, тѣ Московскіе стрѣльцы Ивашко Блиновъ съ товарищи, и подали мнѣ холопу Твоему доѣзду своего память за руками, а въ тое де ихъ памяти написано: Ѣздили де они Ивашко съ товарищи съ рудознатцами со Максимомъ Токаревымъ къ Варгану озеру за Поманенную гору за камень, серебрянной руды искать, и серебренной-де руды не съискали; а съискали они Ивашко съ товарищи руду мѣдную за камнемъ на Сибирскихъ водахъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ у Варгана озера и той мѣдной руды для опыту взявъ, привезли въ Чердынь пудъ съ полтретья, а сдѣлать, Государь, опыту изъ мѣди плавить серебреникъ не умѣетъ.—И я холопъ Твой тое мѣдную руду съ ними же Московскими стрѣльцами съ Ивашкомъ Блиновымъ съ товарищи явиться и тое мѣдную руду объявить, у Твоего В. Г. большого дворца и Твоему Государеву Окольничему Ѳедору Михаиловичу Ртищеву, да Твоему Государеву Думному Дворянину Григорію Михаиловичу Аничкову, да Твоимъ Государевымъ Дьякомъ Прокопью Коптѣеву, да Андрею Селину. А гдѣ, Государь, тѣ Московскіе стрѣльцы тое мѣдную руду отъискали,

и я холопъ твой у той руды до твоего В. Г. Указу караулу не поставилъ по тому, что та руда съискана на Сибирскихъ водахъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, а не въ Чердынскомъ, и то мѣсто отъ Чердыни удалено, и мѣсто закаменное и пустое, и жилья около того ни съ которую сторону близко нѣтъ, и о томъ, что ты В. Г. мнѣ холопу своему укажешь.

Сообщилъ Санинъ.

Сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ въ исходѣ 17 и первой половинѣ 18 вѣка [1]).

По изслѣдованіямъ О. Пирлинга.

Четвертый томъ обширнаго изслѣдованія О. Пирлинга, „La Russie et le Saint-Siège", изъ котораго пространныя извлеченія были помѣщены въ свое время на страницахъ „Русской Старины", полонъ живѣйшаго интереса: разработанный авторомъ на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ преимущественно изъ рукописныхъ сочиненій, хранящихся въ историческихъ архивахъ Рима, Парижа, Вѣны и проч., онъ посвященъ описанію отношеній къ католической церкви Петра I, и тѣхъ иллюзорныхъ надеждъ, которыя были вызваны въ душѣ католиковъ появленіемъ Царя въ Вѣнѣ въ 1698 г., его таинственными и загадочными переговорами и бесѣдами съ кардиналами, нунціями и іезуитами. Весьма любопытны также сообщенныя О. Пирлингомъ неизвѣстныя до сихъ поръ у насъ данныя о сношеніяхъ Россіи при Екатеринѣ I и Петрѣ II съ представителями галликанской церкви, съ которыми Петръ Великій сошелся въ Сорбоннѣ, во время своего пребыванія въ Парижѣ.

В. Т.

---

[1]) La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques, tome IV. P. Pierling 1907.

I.

Посольство Зѣровскаго и Блумберга.—Леопольдъ I.—Василій Васильевичъ Голицынъ.—Жалобы католиковъ. — Переговоры. — Требованія Голицына.— Его уступчивость.—Пріѣздъ Карла Вота.—Бесѣда съ Голицынымъ.—Шмидтъ водворяется въ Москвѣ.—Вѣнская карета.

Въ исходѣ семнадцатаго вѣка австрійская дипломатія проявила особенную заботливость о судьбѣ католиковъ, проживающихъ въ Россіи; въ Австріи царствовалъ въ то время Императоръ Леопольдъ I, воспитанникъ іезуитовъ, отличавшійся большой преданностью къ католической вѣрѣ.

Въ то время одною изъ его главныхъ заботъ было образовать лигу противъ турокъ, которые готовились отомстить Австріи за пораженіе, нанесенное имъ подъ стѣнами Вѣны Яномъ Собѣсскимъ, пришедшимъ на ея выручку съ польскимъ войскомъ. Турки были настолько сильны, что Австрія не надѣялась на свои собственныя силы для того, чтобы объявить войну Турціи, и искала союзниковъ.

Въ 1684 году изъ Вѣны выѣхало въ Москву посольство, во главѣ котораго стояли видные въ то время дипломаты: Зѣровскій и Блумбергъ, которыхъ сопровождали, въ качествѣ домашнихъ священниковъ, іезуиты: Патеръ Шмидтъ и Карлъ Вота, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Императора Леопольда и потому игравшій видную роль въ этой миссіи.

Въ 1684 году московскій престолъ занимала замѣчательная „тріархія, состоявшая изъ двухъ братьевъ: неспособнаго Іоанна, геніальнаго ребенка Петра и правительницы Софьи, въ дѣйствительности же, государствомъ правилъ всемогущій фаворитъ Софьи, князь Василій Голицынъ". Человѣкъ передовой, онъ мало походилъ на остальныхъ бояръ. Въ его домѣ, обставленномъ съ изяществомъ и вкусомъ, была рѣзная мебель, были статуи, картины, глобусы, было много печатныхъ и рукописныхъ книгъ на разныхъ языкахъ и самаго разнообразнаго содержанія; въ его библіотекѣ были между прочимъ сочиненія Юрія Крижанича. Образованный, любезный хозяинъ говорилъ по-латыни, любилъ бесѣдовать о политикѣ и былъ настолько либераленъ, что заводилъ рѣчь о необходимости освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Живя въ переходное, смутное время, когда въ государствѣ шла ожесточенная борьба между старымъ и новымъ укладомъ жизни, онъ искусно умѣлъ лавировать, скрывая свои истинные взгляды и намѣренія.

Незадолго до прибытія въ Москву посольства, московскіе католики стали энергично добиваться того, чтобы имъ было разрѣшено

имѣть своихъ священниковъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1684 г., генералъ Гордонъ жаловался князю Голыцину на то, что иностранныя вѣроисповѣданія не пользуются въ Россіи одинакими правами: протестанты имѣли свои церкви и своихъ пасторовъ, а католикамъ не дозволялось не только строить церквей, но даже имѣть патеровъ. Онъ просилъ объ уравненіи ихъ въ правахъ. Ему былъ данъ обычный уклончивый отвѣтъ: „подайте прошеніе“. Прошеніе было составлено, подписано знатнѣйшими католиками, подано Царю и погребено въ канцеляріи приказа.

Въ это же самое время, т. е. въ первой половинѣ 1684 года, вопросъ о сближеніи съ римской церковью былъ поднятъ, впрочемъ также безуспѣшно, архіепископомъ Севастіаномъ Кнабомъ, который посѣтилъ Москву проѣздомъ въ Персію, куда онъ отправлялся, чтобы заручиться поддержкою персидскаго правительства противъ турокъ. Онъ привезъ царю письма отъ Императора Леопольда. Допущенный, послѣ долгихъ проволочекъ, ко двору и вынужденный отложить свой отъѣздъ, вслѣдствіе суроваго зимняго времени, онъ воспользовался имъ, чтобы поднять вопросъ о католической вѣрѣ и о сближеніи съ Римомъ; часто бесѣдовалъ съ Менезіемъ и, какъ ему казалось, успѣлъ кое-чего добиться отъ московскаго правительства.

Но всѣ эти переговоры велись частнымъ образомъ; съ оффиціальными сферами гораздо труднѣе было вести дѣло,—въ этомъ императорскіе послы убѣдились очень скоро.

Прежде всего въ приказѣ обсуждался, въ присутствіи бояръ и дьяка Украинцева, вопросъ о лигѣ противъ турокъ. Голицынъ рѣшилъ быть твердымъ и, хотя ему была необходима помощь Императора для устройства дѣлъ съ Польшей, но онъ предъявилъ извѣстныя требованія, твердо стоялъ на нихъ и не соглашался ни на какія уступки. „Мы не станемъ воевать съ Портой, сказалъ онъ, если не будетъ возстановленъ миръ съ Польшею. Вы хотите заключить съ нами союзъ противъ султана; дайте намъ гарантіи относительно Собѣсскаго, какъ только поляки уступятъ намъ Кіевъ и Днѣпровскій бассейнъ, мы тотчасъ объявимъ войну султану и крымскому хану. Иначе мы можемъ очутиться между двухъ огней и на насъ могутъ напасть съ тыла“.

Какъ видно, Голицынъ предлагалъ Польшѣ уступить русскимъ роскошную провинцію взамѣнъ мало обѣщавшей диверсіи со стороны русскихъ. Австрійскіе послы не поддались на эту удочку: наученные опытомъ и изумленные тѣмъ оборотомъ, какой принимали переговоры, они отказались дать какія бы то ни было обѣщанія отъ имени Польши. Голицынъ настаивалъ; дѣло не двигалось съ мѣста.

Послѣ этого былъ поднятъ вопросъ о католикахъ. Въ инструкціяхъ, полученныхъ послами, имъ предписывалось добиваться желаемой цѣли путемъ уступокъ въ вопросахъ объ этикетѣ и царскомъ титулѣ. Готовность папы Иннокентія XI пойти на уступки давала надежду на то, что удастся завязать непосредственныя сношенія съ Римомъ. Царскій титулъ уже не могъ быть помѣхой при переговорахъ, но уступка, сдѣланная несвоевременно, не имѣла въ глазахъ русскихъ прежней цѣны; когда же послы предъявили, со своей стороны, требованіе, чтобы католикамъ было дано право сорудить въ Москвѣ церковь, и чтобы іезуитамъ было разрѣшено постоянное жительство въ Москвѣ, то бояре выразили неудовольствіе по поводу тѣхъ ничтожныхъ уступокъ, которыя дѣлалъ съ своей стороны Императоръ, и отвѣчали уклончиво, что „церковными дѣлами вѣдаетъ патріархъ, съ которымъ и слѣдуетъ объ этомъ говорить“.

Переговоры опять затянулись, но когда засѣданія были перенесены изъ посольскаго приказа въ квартиру князя Василія Васильевича Голицына, то всѣ почувствовали себя привольнѣе и непринужденнѣе. Бояринъ намекнулъ посламъ на свою любовь къ лошадямъ; послы поняли его съ полуслова и немедленно прислали ему великолѣпныхъ верховыхъ лошадей и обѣщали прислать изъ Вѣны карету. Дѣло стало налаживаться.

Нѣсколько времени спустя Голицынъ пригласилъ пословъ на тайное совѣщаніе, въ свой загородный домъ. Тутъ, вдали отъ докучливыхъ свидѣтелей, позабывъ о патріархѣ, „котораго онъ считалъ въ душѣ старымъ дуракомъ“, Голицынъ явился совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Общительный, любезный, онъ не скупился на слова и далъ торжественное передъ Богомъ обѣщаніе покровительствовать католикамъ. Увлекшись сердечными изліяніями, онъ воскликнулъ, ударяя себя въ грудь: „Будьте сговорчивѣе въ вопросахъ этикета, остальное я беру на себя“. Когда же послы выразили желаніе оформить эти неопредѣленныя обѣщанія, то онъ ловко уклонился отъ всякихъ объясненій.

Такимъ образомъ, въ сущности еще ничего не было рѣшено, когда 24 іюня 1684 г. прибылъ въ Москву переодѣтый въ статское платье іезуитъ Карлъ Вота, въ качествѣ оффиціальнаго посла съ письмами отъ Императора къ обоимъ Царямъ. Передъ отъѣздомъ въ Россію, Вота добивался отъ Ватикана ввѣрительныхъ грамотъ, которыя дали бы ему право начать оффиціальные переговоры о церковной уніи; но получивъ отъ папы, вмѣсто оффиціальныхъ полномочій, только благословеніе на предстоящій трудъ, Вота все-таки рѣшилъ привести въ исполненіе планъ, который онъ долго обдумывалъ.

Воспитанникъ іезуитской коллегіи, Вота, по свидѣтельству со-

временниковъ, былъ человѣкъ обворожительный, и не только талантливый, но, какъ выразился нунцій Паллавичини, „такой, какого Москва не видывала болѣе столѣтія“. Лестная репутація, предшествовавшая іезуиту въ Москвѣ, была причиной, что князь Василій Голицынъ, много слышавшій объ немъ отъ Менезія, поспѣшилъ устроить ему торжественную аудіенцію, которая состоялась 1-го іюля. Ради этой аудіенціи, оба Царя, къ величайшему изумленію пословъ, вернулись изъ загороднаго дворца въ Кремль.

Но на торжественной царской аудіенціи, разумѣется, не могло быть рѣчи о дѣлахъ; они составили предметъ частныхъ бесѣдъ съ Голицынымъ.

Князь Василій Васильевичъ произвелъ на іезуита впечатлѣніе человѣка просвѣщеннаго, способнаго идти не по проторенному пути.

Вота представилъ ему мотивированную записку, въ которой вопросъ о соединеніи церквей разбирался со стороны догматической и съ точки зрѣнія политики. Это была цѣлая программа будущихъ реформъ. По словамъ Воты, она произвела на боярина столь сильное впечатлѣніе, что онъ далъ ему слово, что она будетъ „непремѣнно“ принята дворомъ и духовенствомъ. Ослѣпленный радужными надеждами, Вота считалъ всѣ затрудненія устраненными. Увлекшись своей мечтою объ уніи церквей, онъ поспѣшилъ сообщить свои надежды папѣ Иннокентію XI. Къ сожалѣнію, во многихъ отношеніяхъ интересная записка не дошла до насъ.

На самомъ дѣлѣ, успѣхъ былъ далеко не такой блестящій, какъ себѣ представлялъ Вота. 1 іюля, послѣ очень бурныхъ преній, посламъ удалось однако добиться у московскаго правительства разрѣшенія оставить въ Москвѣ своего священника Шмидта, въ качествѣ императорскаго миссіонера, съ правомъ исполнять требы, — на что̂ русскіе до тѣхъ поръ упорно не соглашались. Надобно замѣтить, что хотя Шмидтъ не скрывалъ своей принадлежности къ іезуитскому ордену, но Голицынъ простеръ свою благосклонность такъ далеко, что просилъ патера навѣщать его и обращаться къ нему, въ случаѣ надобности, и выказывалъ ему полное довѣріе. Сдѣлавъ эту уступку, русскіе оставили себѣ, на всякій случай, маленькую лазейку. Съ той и съ другой стороны не было заключено никакого письменнаго соглашенія; разрѣшеніе на пребываніе іезуита въ Москвѣ было дано словесно и могло быть, во всякую минуту, взято обратно.

Побѣда была очень скромная, тѣмъ не менѣе императорское посольство радовалось и этому относительному успѣху, достигнутому путемъ немалыхъ усилій. По крайней мѣрѣ первый шагъ былъ сдѣланъ, и у католиковъ былъ отнынѣ въ Москвѣ духовный пастырь и ходатай ихъ интересовъ; они ликовали и заботились единственно

о томъ, что собрать достаточно денегъ для содержанія церковнаго причта; они обратились съ просьбою о поддержкѣ къ варшавскому нунцію, но щедрость Императора Леопольда вывела ихъ изъ затрудненія.

Въ Вѣнѣ рѣшено было сдѣлать необходимыя затраты, чтобы удержать завоеванную позицію, такъ какъ отзывы пословъ были весьма благопріятные! Звѣровскій считалъ возможнымъ добиться весьма многаго, сдѣлавъ нѣкоторыя уступки въ вопросахъ этикета, но прежде всего, по его мнѣнію, необходимо было заручиться содѣйствіемъ князя Голицына.

На основаніи депешъ, полученныхъ отъ пословъ, австрійскій вице-канцлеръ, графъ Кенигсэггъ представилъ Императору Леопольду, въ октябрѣ 1684 г., обстоятельный докладъ, настаивая на необходимости учредить въ Москвѣ католическую миссію, подъ покровительствомъ Императора; что касается непосредственныхъ сношеній между царями и папами, то онъ объ этомъ мало заботился. По мнѣнію вице-канцлера, для успѣха дѣла слѣдовало поддерживать переписку съ кн. Голицынымъ и, во что бы то ни стало, „приручить этого боярина"; обѣщанная послами карета могла скрѣпить дружбу. Какъ разъ въ это время, въ Вѣнѣ была отремонтирована карета покойнаго эрцгерцога Леопольда-Вильгельма; она была обита бархатомъ, стоила не болѣе тысячи флориновъ и по мнѣнію вице-канцлера была достаточно хороша для Москвы.

Императоръ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ министра. Понимая, что главная цѣль — присоединеніе царя къ лигѣ, не была имъ достигнута, онъ все же радовался тому, что былъ сдѣланъ шагъ къ сближенію церквей. Такъ какъ заслуга этого принадлежала іезуитамъ, то было рѣшено, что они будутъ стоять во главѣ московской миссіи. При этомъ рѣшили не посылать въ Москву поляковъ и литовцевъ, а исключительно чеховъ, для которыхъ русскій языкъ не представилъ трудностей. Содержаніе миссіонеровъ,—Шмидта и его помощника, Императоръ принялъ на свой счетъ, назначивъ имъ опредѣленное жалованіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были возобновлены и дипломатическіе переговоры. Въ Москву былъ посланъ курьеромъ Гансъ Курцъ, съ порученіемъ благодарить князя Голицына и обоихъ Царей за разрѣшеніе, данное католикамъ „исповѣдать свою вѣру" и имѣть своихъ священниковъ. Предлогъ къ посылкѣ Курца былъ найденъ: ему было поручено сопровождать знаменитую карету эрцгерцога. Между прочимъ онъ долженъ былъ представить Голицыну второго іезуита.

Что касается Карла Вота, то онъ льстилъ себя надеждою, что онъ одержалъ важную побѣду, успѣвъ расположить Голицына къ

мысли объ уніи; онъ былъ настолько увѣренъ въ своемъ успѣхѣ, что писалъ польскому королю Яну Собѣскому, что „онъ утвердилъ союзъ Рима съ Москвою"; эта надежда оказалась обманчива, но въ то время Вота имѣлъ нѣкоторое основаніе предаваться ей, такъ какъ въ Москвѣ была получена отъ папы Иннокентія XI грамота на имя русскихъ Царей, которую Вота хотѣлъ представить лично. Въ этой грамотѣ, всѣ царскіе титулы были перечислены полностью, также точно, какъ и въ оффиціальныхъ документахъ, присланныхъ Леопольдомъ I.

II.

Посольство Ганса Курца. — Продѣлка де-Буа. — Отношеніе духовенства и патріарха Іоакима къ католикамъ. — Пропаганда. — Изгнаніе іезуитовъ. — Проводы ихъ.—Происки лютеранъ. –Подложныя письма.—Въ Москву посылаются два приходскихъ священника.—Книга Авриля.

Гансъ Курцъ, посланный Леопольдомъ въ Москву, былъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ и испытанной преданности; по части бюрократической формалистики, онъ могъ заткнуть за поясъ любого дьяка. Съ нимъ былъ посланъ въ Россію новый іезуитъ, Альбертъ де-Буа, который долженъ былъ остаться въ Москвѣ.

Къ несчастью, они ѣхали порознь, и де-Буа, предоставленный самому себѣ, сдѣлалъ на первыхъ же порахъ большую ошибку. Варшавскій нунцій Паллавичини поручилъ ему передать Царямъ папскую грамоту. Порученіе было деликатное и требовало соблюденія тайны: надобно было дать понять московитамъ все значеніе и важность царскаго титула и добиться за это для папы титула Pontifex Maximus. Де-Буа обязался письменно исполнить въ точности данныя ему инструкціи.

Но, прибывъ на русскую границу, онъ выдумалъ облечься въ свою голубую сутану и выдать себя за папскаго уполномоченнаго. Его письмо къ Менезію было перехвачено и въ Москвѣ узнали изъ него, что онъ везетъ папскую грамоту. Въ Кремлѣ не знали, что и думать: вмѣсто іезуита, о которомъ говорилъ Курцъ, ѣхало должностное лицо папскаго престола съ оффиціальной грамотой. Де-Буа едва удалось попасть въ Москву, гдѣ отъ него потребовали, чтобы онъ принялъ свой настоящій обликъ іезуита.

Это маленькое осложненіе было тѣмъ досаднѣе, что начатые переговоры не ладились, несмотря на то, что австрійская карета и произвела должное впечатлѣніе. Князь Голицынъ былъ очень доволенъ и гордился ею. Онъ нарядилъ даже своихъ лакеевъ въ ливреи нѣмецкаго покроя, обшитыя серебряными галунами. Несмотря на это, Курцу пришлось столкнуться съ такими же препятствіями,

съ какими боролся его предшественникъ. Не уполномоченный предложить русскимъ какія-либо новыя условія, онъ ни на іоту не подвинулъ дѣла о заключеніи лиги противъ Турціи; объ ней почти не было и рѣчи, всѣхъ занималъ исключительно вопросъ о церковныхъ дѣлахъ.

Курцу было поручено добиваться не только возобновленія письменныхъ сношеній съ Римомъ, но и права для католиковъ свободно исповѣдывать свою вѣру, имѣть свою церковь съ колокольней, и настаивать на томъ, чтобы все это было подтверждено царскимъ указомъ, а между тѣмъ папская грамота вызвала въ Москвѣ большое разочарованіе. Оказазалось, что царскій титулъ, котораго такъ добивались бояре, фигурировалъ только въ заголовкѣ и не повторялся въ самомъ текстѣ грамоты: убѣдившись въ этомъ, русскіе заявили рѣшительно, что они отказываются отъ дальнѣйшей переписки съ Римомъ до тѣхъ поръ, пока ихъ требованіе относительно царскаго титула не будетъ удовлетворено полностью.

Успѣшнѣе были домогательства Курца относительно іезуитовъ; патеру де-Буа было разрѣшено поселиться въ Москвѣ на тѣхъ же условіяхъ, какъ Шмидту, хотя добиться этого стоило неимовѣрныхъ трудовъ. Русское духовенство смотрѣло недоброжелательно на вторженіе латинянъ въ Москву; патріархъ Іоакимъ рѣшительно возсталъ противъ этого. Онъ до того ненавидѣлъ иностранцевъ, что будучи на смертномъ одрѣ, отказался допустить къ себѣ врача нѣмца. Какъ бы то ни было, де-Буа дѣйствовалъ столь энергично, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1685 г., онъ уже могъ сообщить Императору Леопольду, что имъ купленъ въ нѣмецкой слободѣ большой домъ для устройства католической часовни.

Такимъ образомъ въ Москвѣ остались на постоянное жительство два іезуита. На мѣсто де-Буа, умершаго три мѣсяца спустя отъ чахотки, былъ назначенъ Давидъ, а на мѣсто Шмидта пріѣхалъ въ 1688 г. Тихавскій.

О томъ, какъ жилось іезуитскимъ патерамъ въ нѣмецкой слободѣ, подробныхъ свѣдѣній не имѣется. Ихъ дѣятельность должна была ограничиваться сношеніями со своей паствою, но, разумѣется, у нихъ установились сношенія и съ православными и съ протестантами, которыхъ было въ слободѣ очень много, тогда какъ католиковъ насчитывали едва сто человѣкъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ этой маленькой семьи католиковъ былъ извѣстный генералъ Патрикъ Гордонъ, пользовавшійся впослѣдствіи особымъ расположеніемъ Петра Великаго. Онъ былъ ревностный католикъ, принималъ горячее участіе въ дѣлахъ католической церкви и въ своихъ единовѣрцахъ, которые смотрѣли на него, какъ на самаго

надежнаго своего покровителя. Онъ высоко цѣнилъ патера Шмидта, о которомъ онъ не разъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ. Послѣ отъѣзда іезуита изъ Москвы между ними установилась переписка, и Гордонъ даже поручилъ ему воспитаніе своего сына.

Поддержанные Гордономъ и другимъ ревностнымъ католикомъ, коммерсантомъ Гаскони, который также пользовался большимъ вліяніемъ въ нѣмецкой слободѣ, іезуиты быстро обставили свою часовню всѣмъ необходимымъ, начали совершать богослуженіе, произносить проповѣди и поученія, и въ то же время открыли школу, куда они надѣялись привлечь русскихъ юношей. Дѣйствительно, кое-кто изъ передовыхъ бояръ сталъ посылать своихъ дѣтей къ іезуитамъ, гдѣ ихъ обучали грамматикѣ. Это, въ свою очередь, повело къ сближенію іезуитовъ съ русскими; есть даже намекъ на то, что нѣкоторые изъ русскихъ приняли католическую вѣру.

Но относительно этого, чрезвычайно любопытнаго, обстоятельства нельзя сказать ничего положительнаго, такъ какъ пропаганда велась въ глубокой тайнѣ. Намекъ на переходъ русскихъ въ католичество встрѣчается въ сочиненіяхъ Крижанича; то же подтверждалъ въ своихъ донесеніяхъ и Тихавскій, но, къ сожалѣнію, онъ говоритъ объ этомъ довольно туманно. Кого именно онъ подразумѣвалъ, говоря „о нѣсколькихъ знатнѣйшихъ боярахъ, перешедшихъ, въ величайшей тайнѣ, въ католическую вѣру“ и кто были тѣ многочисленные сочувствовавшія латинянамъ лица, не рѣшавшіяся однако сдѣлать рѣшительнаго шага—остается неизвѣстно; іезуитъ ихъ не называетъ. А между тѣмъ въ умахъ несомнѣнно совершился какой-то переворотъ, чувствовалось новое вѣяніе, и патріархъ Іоакимъ съ видимымъ безпокойствомъ говорилъ: „послѣ моей смерти вся Москва будетъ принадлежать іезуитамъ“.

Конечно, эти опасенія были преувеличены, однако и среди духовенства замѣчалась склонность къ переходу въ католичество. Если вѣрить слухамъ,—въ окрестностяхъ Москвы существовалъ монастырь уніатовъ, братія котораго пополнялась пріѣзжими изъ Польши.

Эти попытки къ прозелитизму, преступныя съ точки зрѣнія старо-московской партіи, были извѣстны Голицыну по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ; но, вѣрный своему слову, онъ оставался, попрежнему, просвѣщеннымъ покровителемъ іезуитовъ, которые, въ свою очередь, питали къ нему за это величайшую благодарность и основывали на этомъ самыя оптимистическія надежды.

Впрочемъ, іезуиты бесѣдовали иногда съ боярами и съ лицами духовнаго званія, но на народъ они, разумѣется, не могли имѣть непосредственнаго вліянія; живя въ слободѣ, обслуживая свою маленькую паству, находясь подъ неослабнымъ наблюденіемъ властей,

они не имѣли ни времени, ни возможности распространять свои взгляды въ болѣе мирномъ кругу, къ тому же самое ихъ пребываніе въ Москвѣ не было ничѣмъ обезпечено; православное духовенство относилось къ нимъ крайне недоброжелательно и только выжидало удобнаго случая, чтобы избавиться отъ непріятнаго сосѣдства еретиковъ. Уже въ 1686 г. Гордонъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ о „католическомъ священникѣ", котораго хотѣли выслать изъ Россіи и о которомъ онъ ходатайствовалъ передъ Царемъ. Этотъ католическій священникъ былъ никто иной, какъ Шмидтъ, другъ и пріятель Гордона. Ему только было разрѣшено остаться въ Москвѣ, но въ томъ же году къ нему пріѣхалъ и поселился съ нимъ его товарищъ—іезуитъ Давидъ.

Однако съ паденіемъ Софіи и устраненіемъ отъ власти князя Голицына іезуиты лишились своего главнаго покровителя и защитника. Патріархъ Іоакимъ поспѣшилъ этимъ воспользоваться. Посланный царевной Софіей для переговоровъ съ Петромъ, въ Троицкую Лавру, куда удалился царственный юноша, хитрый патріархъ сталъ на сторону побѣдителя и такъ упрочилъ этимъ свое положеніе, что у Петра ему не было ни въ чемъ отказа. Не теряя ни минуты, не предувѣдомивъ Гордона, онъ втихомолку попросилъ Царя изгнать изъ Москвы іезуитовъ и получилъ на это его согласіе. Указъ, подписанный Царемъ, былъ немедленно приведенъ въ исполненіе, словно патріархъ боялся, что всякое промедленіе можетъ разрушить его планы.

Давидъ и Тихавскій, единственные іезуиты, бывшіе въ то время въ Москвѣ, ничего не подозрѣвали, когда 12 октября 1689 г., около полудня, они были неожиданно вызваны въ приказъ, и имъ былъ предъявленъ подписанный Царями Иваномъ и Петромъ указъ, повелѣвавшій имъ въ двадцать четыре часа выѣхать изъ Москвы. Это было, какъ имъ сказали въ приказѣ, не изгнаніе, а просто высылка, вызванная требованіями религіи, на чемъ настаивалъ патріархъ. Императоръ Леопольдъ I не могъ быть обиженъ этимъ, такъ какъ московское правительство не приняло на себя относительно іезутовъ никакихъ обязательствъ. Никакія возраженія не были приняты. Впрочемъ, отъѣзжающимъ любезно было предложено всяческое содѣйствіе, даны карета, деньги на путевыя издержки и конвой.

Изъ приказа миссіонеры поспѣшили къ польскому резиденту Довмонту и послѣ совѣщанія съ переводчиками посольскаго приказа отправили двухъ нарочныхъ въ Троицкую Лавру—къ Гордону и къ Петру.

Не дожидаясь возвращенія нарочныхъ, Тихавскій отправился въ приказъ вмѣстѣ съ Довмонтомъ. Переговоры ни къ чему не при-

вели; они добились одного, а именно имъ объяснили, при свидѣтеляхъ, причину ихъ высылки: это было настоятельное требованіе патріарха и духовенства, которое считало латинскую церковь „противной православной вѣрѣ и несовмѣстимой съ нею". Тихавскій возражалъ противъ этого; но его доводы не убѣдили дьяковъ, которые только старались выгородить лютеранъ и кальвинистовъ, говоря, что „они не причастны къ этому дѣлу".

Весь день прошелъ въ переговорахъ. На разсвѣтѣ патеровъ предупредили, что они должны уѣхать въ тотъ же день; въ теченіе дня имъ неоднократно объ этомъ напоминали. Въ виду ихъ энергичнаго протеста, имъ дали нѣсколько часовъ острочки и поднесли имъ шесть собольихъ шкуръ, стоимость которыхъ равнялась путевымъ издержкамъ.

Такимъ образомъ отъѣздъ былъ отложенъ на день до субботы, 15 октября. Въ этотъ день, католики собрались, съ утра, въ часовню, чтобы отслушать обѣдню,—пріобщиться святыхъ Тайнъ и излить свою скорбь въ молитвѣ.

На прощанье отцы іезуиты благословили свою паству. Кареты были поданы, пристава теряли терпѣніе. Миссіонеры наконецъ уѣхали, сопровождаемые резидентомъ Довмонтомъ, нѣсколькими приставами и нѣсколькими преданными друзьями. Они покинули слободу съ искреннимъ сожалѣніемъ и съ горячимъ желаніемъ вернуться туда какъ можно скорѣй.

Въ тотъ моментъ, когда іезуиты выѣзжали изъ города, имъ подали отвѣтъ Гордона; Царь Петръ Алексѣевичъ не отмѣнилъ своего указа, но согласился отстрочить отъѣздъ іезуитовъ на короткое время; въ данную минуту это не имѣло для нихъ никакого значенія. Имъ оставалось только продолжать свой путь. Въ воскресенье 16 октября, они остановились на нѣколько часовъ въ окрестностяхъ Москвы, чтобы окончательно проститься съ друзьями.

Католики искренно сожалѣли объ отъѣздѣ своихъ патеровъ, а ихъ враги—протестанты тотчасъ начали строить противъ нихъ козни. Въ бытность въ Москвѣ іезуиты постояно жаловались на протестантовъ, жившихъ въ слободѣ; особенно боялись они Франца Лефорта, убѣжденнаго кальвиниста.

Тотчасъ послѣ отъѣзда іезуитовъ, переводчикъ посольскаго приказа, лютеранинъ Гюбнеръ сталъ распространять компрометтирующаго свойства подложныя письма, своего собственнаго сочиненія, которыя были приписаны уѣхавшимъ миссіонерамъ, не имѣвшимъ возможности оправдаться. На основаніи этихъ подложныхъ писемъ, и перехваченной переписки іезуитовъ и ихъ друзей, возникло „дѣло". Насколько правильны были эти обвиненія, сказать трудно, такъ какъ

оригиналы этихъ писемъ исчезли; въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранятся только выписки изъ нихъ или невѣрные переводы.

Изгнаніе іезуитовъ изъ Москвы произвело въ Вѣнѣ весьма тягостное впечатлѣніе; Императоръ рѣшилъ, во что бы то ни стало, добиться ихъ возвращенія. 26 августа 1690 года онъ повелѣлъ Зѣровскому потребовать у дьяка Украинцева объясненія по поводу случившагося и настаивать на томъ, чтобы указъ объ изгнаніи іезуитовъ былъ отмѣненъ. Дьякъ хранилъ упорное молчаніе. Мало того, въ это самое время въ Москвѣ поступили очень рѣшительно съ іезуитомъ Терпиловскимъ, который былъ тамъ проѣздомъ на обратномъ пути изъ Астрахани, гдѣ онъ миссіонерствовалъ. Московское правительство, не обращая ни малѣйшаго вниманія на просьбы католиковъ, которые хотѣли, чтобы Терпиловскій остался въ Москвѣ, потребовало, чтобы онъ немедленно уѣхалъ оттуда, а когда онъ сталъ медлить, то его выслали силою. Такъ какъ русскіе, на всѣ сдѣланные имъ запросы, продолжали отмалчиваться, то Императоръ Леопольдъ рѣшилъ отправить въ Москву новое посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ Курцъ, уже знакомый съ Москвою и вполнѣ заслуживавшій довѣрія.

Несмотря на энергію австрійскаго посла, съ которой могло сравняться только упорство русскихъ, отвѣчавшихъ на всѣ его домогательства молчаніемъ, почти весь 1691 годъ прошелъ въ безплодныхъ и безцѣльныхъ переговорахъ. Отсутствіе Голицына давало себя чувствовать. Съ новыми людьми трудно было вести дѣло.

Курцъ предпочелъ бы конечно обсудить его съ самимъ Царемъ, который, какъ ему казалось, относился къ католикамъ доброжелательно, ибо онъ не только присутствовалъ не разъ при ихъ богослуженіи, но даже подарилъ имъ для часовни богатый коверъ. Но добраться до Царя было не легко: его зорко охраняли лютеране и кальвинисты. Будь у Курца деньги, онъ попытался бы подкупить ихъ, но къ сожалѣнію его карманы были пусты, и ему поневолѣ пришлось обратиться въ посольскій приказъ и претерпѣть всевозможныя мытарства. Обвиненія противъ іезуитовъ, которыя сводились раньше только къ тому, что они „не внушали симпатіи", были мотивированы теперь иначе. Имъ ставили въ вину, что они вмѣшивались въ чужія дѣла, вели переписку съ заграницей, распространяли листки и образки, напечатанные въ Римѣ, принимали въ свою школу русскихъ дѣтей, чтобы воспитать ихъ въ правилахъ католической вѣры, бесѣдовали и вели споры съ патріархомъ и духовенствомъ. Это именно, какъ сказали Курцу, и было причиною ихъ изгнанія.

Курцъ очучился въ затруднительномъ положеніи. Ему былъ предъявленъ рядъ ничѣмъ необоснованныхъ, весьма туманныхъ обвиненій, которыя допускали самыя разнообразныя толкованія и не могли быть провѣрены и опровергнуты. Не было никакой возможности разобраться въ этомъ, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, Курца встрѣтили въ приказѣ какъ-то особенно таинственно, и бояре, удаливъ постороннихъ, выразили желаніе побесѣдовать съ нимъ наединѣ. Взявъ съ него слово, что все, что онъ услышитъ отъ нихъ, останется въ тайнѣ, они увѣряли, что они не хотятъ обвинять напрасно ни іезуитовъ, ни католиковъ, но хотятъ только открыть глаза Императору на нравственныя качества тѣхъ людей, которымъ онъ покровительствовалъ. Послѣ этого таинственнаго предисловія, Курцу была торжественно предъявлена вышеупомянутая переписка.

Онъ внимательно разсмотрѣлъ почеркъ, бумагу, печати и выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы это были подлинныя письма. „Я знаю лично изгнанныхъ іезуитовъ, сказалъ онъ, и считаю ихъ неспособными писать письма предосудительнаго содержанія. Не сыграли ли съ ними злую шутку лютеране и кальвинисты?“ Дьяки запротестовали, ручаясь за подлинность писемъ. Курцъ стоялъ на своемъ, но, застигнутый врасплохъ, онъ согласился въ концѣ концовъ съ тѣмъ, что ошибка можетъ случиться со всякимъ, но настаивалъ, что нельзя вину одного человѣка приписывать всѣмъ. Совѣщавшіеся разошлись, ничего не рѣшивъ.

Надежды, которыя лелѣялъ австрійскій Императоръ, разлетѣлись такимъ образомъ прахомъ. Оставалось оплакивать „мечты о свободѣ вѣроисповѣданія и о церкви съ колокольней“. Московскіе бояре были рѣшительно противъ всякихъ нововведеній, и такъ какъ предубѣжденія противъ іезуитовъ нельзя было искоренить, то приходилось послать на ихъ мѣсто такихъ людей, которыхъ русскіе согласились бы принять. Въ 1690 г. московскіе католики просили Зѣровскаго прислать имъ двухъ приходскихъ патеровъ. Съ подобной же просьбой они обратились въ 1692 г. къ Императору Леопольду, вскорѣ послѣ отъѣзда Курца, который вступилъ по этому поводу въ переговоры съ приказомъ. Русскіе согласились допустить въ Москву двухъ священниковъ, если только это не будутъ переодѣтые іезуиты. Если же случится что-либо подобное, говорили бояре Курцу, то „двери навсегда и для всѣхъ будутъ закрыты“.

Леопольдъ уступилъ. Въ 1692 г. имъ было послано въ Москву изъ Ольмюца два приходскихъ священника, Леффлеръ и Яроссъ, которымъ австрійское правительство ассигновало ежегодно по 400 флориновъ жалованья. Они прожили въ слободѣ около шести лѣтъ,

преслѣдуемые съ самаго начала всевозможными неудачами. Въ Москву они пріѣхали вмѣстѣ съ Отто Плейеромъ, зятемъ Курца, который ѣхалъ съ намѣреніемъ изучить русскій языкъ и служить затѣмъ по дипломатической части. Это былъ человѣкъ въ высшей степени грубый, причинившій миссіонерамъ бездну непріятностей. Радушно принятые католиками, священники принялись энергично за свое дѣло и прежде всего подумали о постройкѣ церкви и стали хлопотать о разрѣшеніи. Но Плейеръ разстроивалъ всѣ ихъ планы.

Наскучивъ этимъ, страдая къ тому же отъ суроваго климата и не получая своевременно обѣщаннаго жалованья, они обратились съ жалобою къ кардиналу Коллонницу и къ самому Императору. Единственнымъ ихъ желаніемъ было вернуться на родину, чего они и добились въ 1698 г., а на ихъ мѣсто въ Россію вскорѣ были присланы вновь іезуиты.

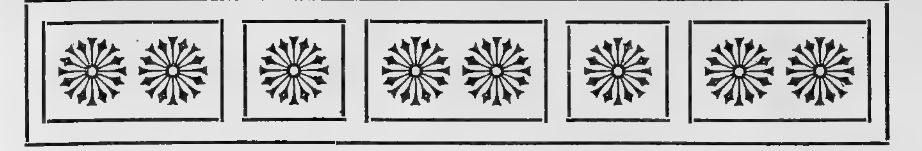
Католики, жившіе въ нѣмецкой слободѣ, очень желали возвращенія іезуитамъ, но они понимали, какъ трудно было этого добиться, тѣмъ болѣе, что одно случайное обстоятельство снова возстановило противъ нихъ Царя. Въ 1692 г. появилась въ Парижѣ книга, написанная іезуитомъ Аврилемъ, посѣтившимъ Россію, въ которой онъ описывалъ грубость ея нравовъ и писалъ между прочимъ, что русскіе большіе пьяницы и обманщики. Это бы все ничего, но патеръ писалъ еще, что молодой Царь Петръ Алексѣевичъ, нѣсколько дней спустя послѣ своего брака съ Евдокіей Лопухиной, заболѣлъ падучей, которая была наслѣдственною въ его семьѣ. Книга надѣлала шума, и когда она дошла до Москвы, то Лефортъ показалъ ее Петру; Царь былъ сильно разгнѣванъ и озлобленъ противъ іезуитовъ и попутно противъ всѣхъ католиковъ. Генералъ Гордонъ, встревоженный этимъ, старался успокоить его и убѣдить въ томъ, что книга была апокрифическая. Въ тотъ же день,—это было 6-го апрѣля 1694 г.,—онъ писалъ Шмидту, прося поддержать его и помочь ему доказать это. „На сочувственное отношеніе Петра нельзя болѣе расчитывать",—съ грустью закончилъ онъ свое письмо.

Это печальное извѣстіе огорчило и патера Шмидта. Онъ поспѣшилъ сообщить его генералу іезуитскаго ордена, который приказалъ произвести разслѣдованіе, предлагалъ написать опроверженіе,—но повидимому это не было сдѣлано.

Нѣсколько лѣтъ спустя, злополучная книга подняла снова цѣлую бурю; однако это не помѣшало іезуитамъ возвратиться въ Москву.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. И. Невоструевъ[1].

(Біографическій очеркъ).

Окончаніе).

III.

Московскіе годы. Работы въ Синодальней библіотекѣ (1849—1872).

Въ началѣ 1849 года митрополиту Филарету было донесено, что „нѣкоторые свѣтскіе люди" (между прочимъ В. М. Ундольскій и М. П. Погодинъ) хотятъ во что бы то ни стало добиться доступа въ московскую синодальную библіотеку съ цѣлью ея описанія, причемъ сильно укоряютъ духовное начальство за то, что это не было сдѣлано раньше и что библіотека, поэтому, совершенно недоступна [2]). Митрополитъ, хотя и полагалъ, что „невѣрное или неосмотрительное употребленіе древнихъ рукописей, относящихся до церковныхъ догматовъ и проч., можетъ произвести соблазнъ и дать пищу лжеученіямъ" и что, по этому, „для всякаго приходящаго отворять дверь въ церковную библіотеку не такъ удобно, какъ въ свѣтскую" [3]),—однако все же былъ смущенъ, тѣмъ болѣе, что „свѣтскіе люди" обѣщали жаловаться даже государю [4]). Письмомъ къ ректору М. дух. акад. архим. Алексію (Ржаницину) онъ приказалъ духовнымъ цензорамъ „убѣждать отъ пропущенія, безъ представленія Св. Синоду" всякія описанія и каталоги синодальной библіотеки [5]) и въ то же время предложилъ проф. А. В. Горскому заняться составленіемъ „отчетливаго

---

[1]) См. „Русская Старина", январь 1908 г.

[2]) Богосл. Вѣстн. 1896 г., ч. II, стр. 147; ср. 1900 г., ч. III, стр. 420 и 481.

[3]) Собраніе мнѣній и отзывовъ м-та Филарета, т. дополнит., стр. 277—285.

[4]) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 472.

[5]) А таковые могли появиться, такъ какъ еще и раньше были попытки описанія—Калайдовича въ 1824 г. и В. М. Ундольскаго въ 1847 г. Послѣдній уже и приготовилъ кое-что. См. Бог. В. 1900, ч. III, стр. 482.

каталога". „Какъ желательно намъ самимъ, писалъ онъ Алексію, такъ какъ и нужно сдѣлать дѣло, за несдѣланіе котораго могутъ укорить: то поговорите съ г. Горскимъ, не возьмется ли онъ за сіе дѣло съ нѣсколькими сотрудниками, которыхъ дѣло онъ направлялъ бы и повѣрялъ, посѣщая по временамъ Москву" [1]). Посовѣтовавшись съ ректоромъ, А. В. согласился, а въ сотрудники избралъ себѣ Невоструева, о чемъ митрополитъ сдѣлалъ соотвѣтствующее представленіе Св. Синоду.

3 іюля 1849 г. Александръ Васильевичъ увѣдомилъ объ этомъ и Невоструева. „По порученію нашего владыки, писалъ ему, я долженъ былъ принять на себя составленіе отчетливаго описанія славянскихъ рукописей синодальной библіотеки и для этого избрать себѣ сотрудника, который бы на мѣстѣ могъ вести это дѣло подъ моимъ надзоромъ и распоряженіемъ. Выборъ мой палъ на васъ... Въ Москвѣ вамъ даны будутъ и помѣщеніе въ Чудовомъ монастырѣ и два писца изъ окончившихъ курсъ семинаріи. Я же буду по временамъ пріѣзжать въ Москву, вмѣстѣ съ вами разсматривать, какія рукописи какъ нужно описывать, помогать вамъ въ вашихъ изслѣдованіяхъ и проч. и проч. Жду отъ васъ скораго отвѣта" [2]). На это письмо К. И. сначала отвѣтилъ отказомъ, мотивируя его своею сильною привязанностью къ богословскимъ, собственно, наукамъ. „Чувствую, писалъ онъ Ал. В—чу, большую способность и имѣю средства къ занятію по богословскимъ наукамъ и грустно теперь оставить ихъ [3]): онѣ питаютъ и грѣютъ меня" [4]). „И при воспитаніи и на должности, писалъ онъ еще, я занимался собственно богословскими науками и считалъ долгомъ своего званія для нихъ собственно трудиться и писать, а древностями (предполагая жить въ Москвѣ) заниматься въ моемъ родѣ второстепенно" [5]). Однако, какъ кажется Кап. Ив—чъ клеветалъ на себя, считая себя спеціалистомъ въ области „собственно богословія". По всей вѣроятности его пристрастіе и „большая способность" къ богословскимъ наукамъ была не болѣе, какъ привычкой человѣка, 9 лѣтъ дѣлавшаго одно и то же дѣло. Съ предметами, на которые его назначили, онъ ознакомился, лекціи составилъ—вотъ и показалось ему, что эти науки —его призваніе и что къ нимъ только онъ и способенъ. И это тѣмъ легче, что въ нашихъ академіяхъ нѣтъ спеціализаціи, такъ

---

[1]) Письма м-та Филарета къ Архіеп. Тверскому Алексію. М. 1883 г., стр. 45—46.

[2]) Письмо Ал. В-ча къ К. Ив-чу отъ 3 іюня 1849 г., въ архивѣ Горскаго.

[3]) Письмо Кап. Ив-ча къ Ал. В-чу отъ 11 іюня 1849 г.

[4]) Письмо Кап. Ив-ча къ Ал. В-чу отъ 18 іюня 1849 г.

[5]) Письмо Кап. Ив-ча къ Ал. В-чу отъ 11 іюня 1849 г.

что большинство ихъ воспитанниковъ еще на школьной скамьѣ приготовляетъ себя ко всякимъ случайностямъ, вродѣ неожиданнаго назначенія на гомилетику и т. п. [1]).

Впрочемъ, что касается собственно Невоструева, то, помимо всего, онъ еще сильно боялся отвѣтственности за такое большое дѣло, да и вообще, по своей слабохарактерности и житейской неопытности, трусилъ перемѣны жизни и труда. Поэтому-то онъ и началъ отказываться и всячески отговариваться. Въ письмѣ отъ 18 іюня онъ „доносилъ“ Горскому, что „разборъ синодальныхъ рукописей кажется ему дѣломъ для него чрезвычайнымъ, что русскую исторію онъ знаетъ только фактически и то не по первоисточникамъ, что свѣдѣній библіографическихъ, филологическихъ,—начитанности, что собственно и требуется для описанія рукописей, онъ не имѣетъ“ [2]). „И хотя, писалъ онъ еще, я порядочно разумѣю и читаю рукописи XVI и XVII столѣтій, но у васъ совсѣмъ иное дѣло. Для этого надо быть Востоковымъ и Строевымъ, которые къ сему заранѣе готовились, жили въ Москвѣ, въ архивахъ и библіотекахъ, или всезнающимъ Евгеніемъ“ [3]).

Однако, и эти отговорки показались Ал. В—чу неудовлетворительными. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ онъ и разбиваетъ ихъ, справедливо указывая Невоструеву, что недостатокъ знаній всегда можно пополнить, хотя бы предварительнымъ чтеніемъ Востокова и Строева, къ тому же онъ будетъ не одинъ, и онъ, Горскій, всегда съ удовольствіемъ сообщитъ ему разныя дополнительныя свѣдѣнія, поскольку ихъ можно будетъ отыскивать въ имѣющихся подъ руками книгахъ и рукописяхъ [4]). Гораздо болѣе основательными были ссылки Кап. Ив—ча на свое слабое вообще здоровье и особенно на плохое зрѣніе, но и здѣсь Горскій не согласился съ нимъ, говоря, что вѣдь и всякая научная работа требуетъ здоровья и почти немыслима безъ зрѣнія. Подобнымъ же образомъ отнесся онъ и къ

---

[1]) Мы настаиваемъ на этомъ потому, что не видимъ ни въ жизни, ни въ трудахъ Кап. Ивановича особенной склонности къ отвлеченнымъ вопросамъ и абстрактному мышленію. Пусть родъ его занятій (въ Синод. библіотекѣ) заставлялъ его постоянно вращаться среди историческихъ памятниковъ и документовъ, но, при особой склонности и способности къ богословію въ собственномъ смыслѣ, вѣдь можно бы и здѣсь работать и писать именно въ этомъ духѣ. И однако же такихъ работъ мы у него не видимъ, а чисто-историческія и историко-археологическія знаемъ, равно какъ знаемъ и то, что ими-то онъ и прославился.

[2]) Письмо Кап. Ив. къ Ал. В-чу отъ 18 іюня 1849 г., въ архивѣ Горскаго.

[3]) Т. е. Болховитиновымъ, извѣстнымъ историкомъ. Тамъ же.

[4]) Письмо Ал. В-ча къ К. И. отъ 1 іюля 1849 г., въ архивѣ Горскаго, Ср. Богосл. Вѣстн. 1896 г., ч. II, стр. 249.

заявленію Невоструева о его склонности къ богословію. „Вы жалѣете, писалъ онъ, что должны отстать отъ своихъ богословскихъ занятій, но для усовершенствованія своихъ познаній, при вашемъ неутомимомъ трудолюбіи, вы уже, конечно, сдѣлали довольно. Притомъ, предполагаемое описаніе не выводитъ насъ изъ круга церковныхъ наукъ, но открываетъ вамъ новую область, вводитъ въ ближайшее знакомство съ минувшимъ временемъ, которое однакожъ имѣетъ тѣсную связь съ настоящимъ нашимъ положеніемъ. Итакъ, не отказывайтесь отъ дѣла [1])“.

Послѣ этого Кап. Ив—чъ уже совсѣмъ [2]) пересталъ отказываться и началъ собираться въ Москву. Извѣщая объ этомъ Ал. Вас., онъ такъ мотивировалъ свое согласіе. „Ваша рекомендація и обязанность безпрекословно повиноваться начальству, Промысломъ движимому, опредѣляютъ меня къ назначеннымъ трудамъ... И какъ бы дѣло ни рѣшилось: Божіе пріемлю назначеніе, потому успокоюсь и по мѣрѣ силъ моихъ буду трудиться [3])“... Этого именно и добивался отъ него А. В., еще раньше внушавшій ему, что „начальство властно распоряжаться нами и помимо нашей воли для своихъ цѣлей [4]). Итакъ, судьба Невоструева рѣшилась. Въ концѣ августа 1849 г. [5]) онъ уже былъ въ Москвѣ и прежде всего, конечно, посѣтилъ своего руководителя и принципала А. В. Горскаго. Здѣсь, на предварительномъ совѣщаніи, они сообща выяснили задачи и цѣли своей работы, ея методъ и до нѣкоторой степени ея характеръ. Они рѣшили, что ихъ описаніе „не должно явиться въ видѣ простой описи рукописей или подробнаго перечня заключающихся въ нихъ статей“. Рѣшено было „представить болѣе отчетливое о нихъ понятіе, въ соображеніи съ вопросами ученой изыскательности, обращающей вниманіе и на содержаніе и на языкъ древнихъ памятниковъ письменности“. Что касается порядка описанія, то за лучшее было признано описывать рукописи по содержанію и сообразно съ временемъ ихъ написанія, т. е., другими словами, по мысли описателей описаніе должно было явиться систематическимъ и располагаться въ хронологическомъ порядкѣ [6]). Многое и другое, навѣрно, было

---

[1]) Письмо Ал. В-ча къ К. И. отъ 1 іюля 1849 г., въ архивѣ Горскаго, Ср. Богосл. Вѣстн. 1896 г., ч. II, стр. 249.

[2]) Мы говоримъ „совсѣмъ“ потому, что еще и раньше К. И. уже давалъ надежду на согласіе: „отнюдь, писалъ онъ А. В., не отказываюсь, да и не могу ослушаться“. См. его письмо отъ 18 іюня 1849 г.

[3]) Письма К. И. къ А. В. отъ 11 и 18 іюня 1849 г.

[4]) Письмо А. В. къ К. Ив-чу отъ 3 іюня 1849 г.

[5]) Въ Душепол. Чт. 1872 г., ч. III, стр. 463, прим. ошибочно показалъ 1847-й годъ вмѣсто 1849 г.

[6]) См. предисловіе къ I тому описанія. Ср. Богосл. Вѣстн. 1896 г., т. 2, стр. 251.

переговорено на этомъ совѣщаніи, но, къ сожалѣнію, оно составляетъ уже тайну кабинетной жизни ученыхъ.

Узнавши правила своей работы и ознакомившись съ ея пріемами, Кап. Ив. отбылъ (изъ Сергіева Посада, гдѣ проживалъ Ал. В.) на мѣсто своего назначенія и поселился въ отведенной ему монашеской кельѣ Чудова монастыря. Ал. Вас. немедленно напутствовалъ его своими пожеланіями [1]), и Кап. Ив. приступилъ къ занятіямъ [2]). Началась изумительная работа, длившаяся непрерывно болѣе 20 лѣтъ (1849—1872 г.)—работа-подвигъ. Уѣзжая въ Москву, К. И., по его собственному признанію [3]), долго боролся съ самимъ собой, боясь отвѣтственности за такую сложную работу, но, разъ рѣшившись, онъ захотѣлъ выполнить ее уже какъ слѣдуетъ и отдалъ на это всѣ свои силы, всю энергію,—посвятилъ всю свою жизнь. Нужно только принять во вниманіе, что за 23 года непрерывнаго и тяжелаго труда Кап. Ив. едва 2—3 раза выпросилъ себѣ шестинедѣльный „вакатъ", едва нѣсколько разъ побывалъ въ Сергіевой Лаврѣ и лишь одинъ разъ (да и то съ научною цѣлью) [4]) въ родной Елабугѣ, — чтобы вся его дѣятельность сразу же предстала во всей своей могучей привлекательности. Все это было бы пожалуй и неудивительно, если бы эта работа была связана съ какимъ-нибудь

---

[1]) „Богъ да благословитъ доброе начало трудовъ Вашихъ, любезнѣйшій Кап. Ив., писалъ Горскій,—добро творяще да не стужаемся его". (Письмо А. В. къ К. И. отъ 9 сентября 1843 г., въ арх. Горскаго.

[2]) Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно Синодальной библіотеки, въ которой работали Ал. В. и К. И. Образовавшаяся изъ митрополичьей библіотеки, она особенно расширилась во времена патріарховъ, когда въ нее вошли многіе №№ Великокняжеской библіотеки. Ко времени учрежденія Синода въ ней насчитывалось 866 №№ печатныхъ книгъ, 224 рукописи на разныхъ языкахъ, до 300 №№ жалованныхъ, послушныхъ и др. грамотъ и 114 №№ отдѣльно хранившихся соборныхъ уложеній, книгъ и рукописей. Въ 1722 г. игумену Ѳеан. Кондоиди было поручено привести въ порядокъ эту библіотеку, а проф. эллинской школы Ѳеон. Скіадѣ составить описаніе греческихъ манускриптовъ. Описаніе было издано въ 1723 г. на лат. и русскомъ языкахъ. Въ 1773 г. описаніе продолжилъ проф. Московск. университета Маттеи... Вскорѣ, впрочемъ, библіотека эта значительно сократилась въ своемъ объемѣ, такъ какъ печатныя ея книги были переданы въ библіотеки Московской и С.-Петербургской духовн. академій и отчасти въ СПБ. Императ. Публичную библіотеку. Въ Синодальной библіотекѣ, такимъ образомъ, остались лишь рукописи. Ихъ-то и поручено было описать К. Ив. и Ал. В. (См. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи т. I., кн. I, стр. 687—717. Кіевъ 1891 г.).

[3]) Письмо К. И. къ Ал. В. Горскому отъ 18 іюня 1849 г., въ архивѣ Горскаго.

[4]) Для разрытія и изслѣдованія Ананьинскаго могильника, близъ г. Елабуги. Это было въ 1871 г.

почетнымъ и независимымъ положеніемъ или, по крайней мѣрѣ, хорошо оплачивалась, но въ томъ-то и дѣло, что кромѣ вреда для здоровья да различныхъ непріятностей К. И. не получалъ отъ нея ничего. Работая безъ устали, не покладая рукъ, онъ никогда не былъ застрахованъ отъ того, чтобы всякій служащій на архіерейскомъ подворьѣ позволялъ себѣ дѣлать ему выговоры, укоряя за медлительность и вялость [1]), а какой-нибудь приставникъ библіотеки не давалъ на домъ книгъ, задерживая, такимъ образомъ, работу [2]). Что же касается награды за работу, то Кап. Ив—чу выплачивались положительно нищенскіе (сравнительно съ его трудомъ) оклады. Когда его вызывали въ Москву, то обѣщали платить то же жалованье, что и въ Симбирскѣ [3]), но это оказалось несбыточной мечтой и, вмѣсто получаемыхъ въ Симбирскѣ 1550 рублей, ему дали сначала 375, потомъ 528 и, наконецъ, уже въ послѣдніе его годы до 700 рублей [4]). Такъ, 23 года „трудился онъ дни и ночи, отказывая себѣ во снѣ и одеждѣ и питаясь пищей простого ремесленника [5])“.

На свою работу Кап. Ив—чъ удѣлялъ ежедневно очень много времени—едва не весь день и, если случалось, что кто-нибудь отрывалъ его отъ занятій часовъ на 5—6, онъ запирался потомъ на нѣсколько дней, никого не принимая и наверстывая потерянное время [6]). Недовольствуясь занятіями въ самой библіотекѣ, онъ тащилъ рукописи въ свою убогую келью и здѣсь по вечерамъ и ночамъ шла та же упорная и кропотливая работа, возвышавшаяся, однако, иногда до положительнаго творчества [7])...

Не тотчасъ послѣ совѣта съ Ал. Вас. приступилъ Невоструевъ къ работѣ: онъ очень сильно чувствовалъ свою неподготовленность и потому сначала принялся за чтеніе подходящихъ книгъ и руководственныхъ пособій,—напр., о древнемъ правописаніи и древнерусскомъ нарѣчіи [8]). Только въ декабрѣ началъ онъ правильную работу, получивши въ свое распоряженіе двухъ писцовъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи. Обыкновенно описаніе совершалось та-

---

[1]) Письмо К. И. къ Ал. В. отъ 10 февр. 1850 г.

[2]) Письмо К. И. къ Ал. В. отъ 3 сентября 1849 г.

[3]) Письмо А. В. къ К. Ив-чу отъ 3 іюня 1849 г. А въ Симбирскѣ К. И. получалъ: „900 рублей наставническихъ, 350 степенныхъ и 300 руб. за Еврейскій языкъ“ (см. его письмо къ А. В. отъ 11 іюня 1849 г.).

[4]) Вятскія Еп. Вѣд. 1873 г. № 1, стр. 32. Ср. Русскій Арх. 1873 г., т. I, стр. 859.

[5]) Вятскія Еп. Вѣд., вышецитир. №, стр. 32.

[6]) Русскій Архивъ 1873, т. I, стр. 847.

[7]) Рус. Архивъ 1873, т, I, 846.

[8]) Письмо К. И. къ Ал. В-чу отъ 8 ноября 1849 г., въ архивѣ Горскаго.

кимъ образомъ. Работая подъ надзоромъ и руководствомъ К. И., писцы дѣлали описаніе внѣшности рукописи, перечисляли заключающіяся въ ней статьи и отдѣлы, отмѣчали приписки на поляхъ и поправки и вообще все то, что такъ или иначе обращало на себя ихъ вниманіе. Потомъ это описаніе вмѣстѣ съ рукописью переходило къ К. И., который урѣзывалъ или распространялъ его, высказывалъ, кромѣ того, свои сужденія о времени происхожденія рукописи (если дата была неизвѣстна), о писателяхъ ея статей, о томъ, самостоятельна ли она или переведена съ какого-нибудь языка. Все это, затѣмъ, препровождалось на провѣрку и исправленіе (если таковое было нужно) къ Ал. В—чу и отправлялось иногда не разъ, особенно если К. И. почему-либо не хотѣлъ согласиться съ поправками своего принципала и упорно отстаивалъ свой взглядъ. Когда выправка кончалась [1]) — описаніе сдавалось въ типографію и понемногу печаталось. Вотъ механизмъ работы

Обыкновенно ставятъ вопросъ, [2]). — кто больше потрудился надъ описаніемъ рукописей — Горскій или Невоструевъ, и рѣшаютъ его до противоположности различно. Въ этомъ отношеніи не сходятся между собою ни печатные отзывы, ни ходящіе въ Москвѣ устные разсказы.

„Одни приписываютъ весь трудъ Горскому, а на Невоструева смотрятъ какъ на чернорабочаго; другіе держатся мысли, что Горскій только слегка обдѣлывалъ, очищалъ написанное Невоструевымъ

---

[1]) Иногда описаніе читалъ и самъ м-тъ Филаретъ, поставленный синодальнымъ указомъ во главѣ всего этого дѣла. Ему же постоянно представлялись отчеты о ходѣ описанія—мѣсячный Кап. Ив-чемъ и за треть—Ал. В. Горскимъ. Когда былъ оконченъ I-й томъ описанія и пересмотрѣнъ митрополитомъ, его все же не рѣшились выпустить въ свѣтъ безъ Синодальнаго разрѣшенія и отправляли бѣловой экз. въ Св. Синодъ. Здѣсь, однако, дѣло едва не окончилось печально, такъ какъ архим. Іоаннъ (впосл. еп. Смоленскій) призналъ печатаніе описанія „опаснымъ". Невоструевъ и Горскій подъ руководствомъ самого Филарета составили оправдательную записку, и дѣло было представлено на усмотрѣніе Филарету. Такъ онъ отстоялъ его. См. объ этомъ интересномъ фактѣ въ Богосл. Вѣстникѣ 1900 г., т. 3, стр. 485—515.

[2]) Онъ совершенно ясенъ каждому, читавшему переписку К. И. и А. В., и можно только удивляться, на чемъ основывается мнѣніе, будто Невоструевъ былъ лишь просто письмоводителемъ А. В. Горскаго. Правда, А. В. иногда прямо посылалъ въ Москву уже готовыя описанія и Невоструеву, повидимому, не оставалось ничего болѣе, какъ отдать ихъ для переписки, а затѣмъ и печати. Однако такъ бывало далеко не всегда и даже не часто, такъ какъ К. И. иногда вновь пересматривалъ эту рукопись, посылалъ А. В. возраженіе на его описаніе и неоднократно въ такихъ и подобныхъ случаяхъ добивался признанія справедливости своего мнѣнія (см. хотя бы его письма къ Ал. В-чу отъ 13 дек. 1849 г. или неизв. числа іюня 1850 г.),

иные же [1]) занимаютъ среднее положеніе, отдавая должное и тому и другому [2])". Всего болѣе разнообразія въ устныхъ преданіяхъ, но общій тонъ ихъ таковъ, что въ достоинствѣ работы Невоструева не остается никакихъ сомнѣній. Даже болѣе того: подъ ихъ вліяніемъ опредѣленно складывается представленіе о Кап. Ив—чѣ, какъ объ удивительномъ человѣкѣ, много, но ужъ слишкомъ тайно трудившемся, — работавшемъ для славы чужого имени.

Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробное и всестороннее обслѣдованіе этого вопроса [3]), мы замѣтимъ только, что онъ очень споренъ и труденъ, такъ какъ при рѣшеніи его встрѣчается одно едва преодолимое препятствіе: это предвзятая мысль о несравненномъ ученомъ превосходствѣ А. В. Горскаго надъ К. И. Невоструевымъ. Обыкновенно, всѣ разсуждающіе объ этомъ поступаютъ такъ. Отмѣтивши несомнѣнное превосходство знаній Горскаго въ моментъ начала описанія рукописей, они говорятъ, затѣмъ, немного о томъ, что при такихъ условіяхъ Невоструевъ только и могъ писать съ его голоса, подтверждаютъ это двумя—тремя фактами и выводъ готовъ: несомнѣнно больше сдѣлалъ Горскій...

Однако, такіе пріемы намъ кажутся по крайней мѣрѣ недостаточными. Конечно, то безспорно, что въ моментъ начала описанія и первые его годы Горскій — этотъ блестящій профессоръ Академіи—зналъ несравненно больше Невоструева [4]) и, по этому самому, долженъ былъ и больше работать. Однако, не всѣ же 23 года Невоструевъ пребывалъ все въ томъ же блаженомъ невѣдѣніи, такъ какъ не могли же вѣдь не отразиться на состояніи его научнаго багажа его изумительно усердныя занятія въ разныхъ Московскихъ архивахъ и книго-хранилищахъ. Вѣдь это было бы чѣмъ-то положительно немыслимымъ (да ученые труды Невоструева, написанные имъ въ минуты отдыха отъ описанія, и не допускаютъ этого), но если такъ, то намъ кажется совершенно очевиднымъ, что въ работѣ Горскаго и Невоструева по описанію синодальныхъ рукописей нужно различать по крайней мѣрѣ два періода, двѣ стадіи. Пер-

---

[1]) Напримѣръ Н. С. Тихонравовъ.

[2]) Богосл. Вѣстн. 1900 г., т. III, стр. 421.

[3]) Иначе мы вышли бы изъ рамокъ біографическаго очерка, такъ какъ для окончательнаго его рѣшенія пришлось бы привлечь огромное количество архивнаго матеріала, сопоставлять его съ изданными уже томами описанія и вообще входить въ детальное его разсмотрѣніе. Данный вопросъ можетъ служить предметомъ особаго изслѣдованія.

[4]) Это и понятно, такъ какъ уже каѳедра, занимаемая имъ въ академіи (церковной исторіи), обязывала его быть на уровнѣ наиболѣе прочно установленныхъ научныхъ выводовъ по вопросамъ, возникавшимъ при описаніи,—напр., о заимствованіяхъ съ греческаго языка.

вую мы назвали бы временемъ усиленной работы Невоструева подъ усиленнымъ же контролемъ и руководствомъ Горскаго; вторую же— временемъ не менѣе напряженной работы Невоструева, но уже болѣе слабаго контроля и сравнительно рѣдкаго руководительства А. В. Горскаго. Былъ и еще періодъ въ описаніи, когда К. И. работалъ подъ своею уже отвѣтственностью [1]), хотя, по его собственному признанію и Ал. Вас. не покидалъ совершенно этого дѣла и даже принималъ въ немъ „большое участіе [2])".

Говоря такъ, мы поступаемъ отнюдь не произвольно: явное доказательство тому представляетъ вся обширная переписка только-что названныхъ ученыхъ описателей. Въ ней совершенно ясно отражается все дѣло, и оно становится тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ болѣе стараешься отрѣшиться отъ всякихъ предвзятыхъ мыслей и относиться къ дѣлу совершенно безпристрастно.

Когда Кап. Ив—чъ ѣхалъ въ Москву, онъ былъ, какъ мы уже и видѣли, слишкомъ небольшого мнѣнія о своихъ способностяхъ и историко-археологическихъ познаніяхъ и, въ то же время, слишкомъ высоко ставилъ авторитетъ А. В. Горскаго. Это и понятно: вѣдь недалеко еще было то время, когда онъ воскурялъ предъ нимъ ѳиміамы и писалъ хвалебно-елейныя посланія,—вотъ почему въ первые годы описанія онъ, большею частью, лишь съ восторгомъ прислушивается къ ученымъ изысканіямъ своего бывшаго профессора, ждетъ его слова по цѣлымъ мѣсяцамъ, боясь самъ сдѣлать хотя бы одинъ рѣшительный шагъ, хотя бы одно болѣе или менѣе смѣлое предположеніе. Это выжиданіе „слова" Горскаго доходитъ у К. И. иногда прямо до курьезовъ, и онъ цѣлыя недѣли ждетъ отвѣта на свой вопросъ: гдѣ помѣщать замѣчанія на книги Св. писанія — послѣ каждой книги или послѣ цѣлаго ихъ отдѣла [3]). При такомъ настроеніи Невоструева, естественно, А. В. Горскому не оставалось ничего болѣе, какъ только трудиться, не покладая рукъ,—выполняя всю ученую сторону описанія. Впрочемъ, даже въ это время Невоструевъ не совсѣмъ безъ критики относился къ изысканіямъ своего патрона и на первыхъ уже порахъ, послѣ долгихъ пререканій, успѣлъ доказать, что библія, такъ упорно относимая Ал. В—чемъ къ XVII вѣку, на самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ XV-му [4])...

---

[1]) Послѣдній 5-й томъ описанія Кап. Ив-чъ выпустилъ уже за одною своего подписью.

[2]) См. описаніе рукописей Синод. Библ. Отдѣлъ 3, ч. I, стр. XXII. М. 1869 г.

[3]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 3 декабря 1849 года, въ архивѣ Горскаго.

[4]) См. письмо К. И. къ А. В-чу отъ 3 сент. 1849 г., ср. письмо отъ 13 декабря того же года.

Это было въ началѣ совмѣстной работы нашихъ ученыхъ. Потомъ, когда Невоструевъ освоился съ дѣломъ, пріобрѣлъ значительную эрудицію (онъ неустанно штудировалъ всевозможныя руководства [1]), и, такъ наз., „ученое чутье", подобные случаи участились, споры стали оживленнѣе и энергичнѣе, а иногда получали даже и довольно острый характеръ. — Такая перемѣна въ Невоструевѣ [2]) не могла, конечно, остаться незамѣтной для А. В., и онъ могъ теперь съ полнымъ правомъ отдохнуть, предоставивъ К. И. бо́льшую свободу. Такъ дѣйствительно и случилось и, если прежде А. В. постоянно умѣрялъ пылъ Невоструева [3]), совѣтуя ему не безпокоиться о прiисканiи греческихъ подлинниковъ славянскихъ статей въ тѣхъ или иныхъ сборникахъ и говоря, что онъ сдѣлаетъ это самъ [4]), то теперь, наоборотъ, Невоструеву приходилось жаловаться, что его слишкомъ обременяютъ работой, сваливая на него все.

„Не болѣзнь моя, писалъ онъ А. В — чу 29 іюля 1854 г. (на которую я вамъ не жаловался, хотя и могъ бы) сокрушаетъ меня и заставляетъ просить увольненія [5]) отъ дѣла, а то, что всю почти работу слагаете вы на меня одного: я долженъ и дѣлать описаніе рукописи со всѣми сличеніями, справками и изслѣдованіями и просматривать по вашимъ замѣчаніямъ писцами сдѣланныя описанія, что, какъ увидите, не легко, и надъ писцами наблюдать и доставлять имъ работу. Это для меня слишкомъ тяжело и обидно и становится невыносимымъ при другихъ непріятностяхъ и болѣзни тѣ-

---

[1]) См. Савва. Хроника, т. III, стр. 136. Въ письмахъ К. И. неоднократно просилъ Горскаго, чтобы тотъ выхлопоталъ ему доступъ въ университетскую библіотеку, и когда А. В. отказалъ ему въ этомъ, онъ добился разрѣшенія заниматься въ типографской библіотекѣ и брать книги на домъ изъ семинарской. О Чудовской и Румянцевской библіотекахъ нечего и говорить, онъ былъ ихъ неизмѣннымъ посѣтителемъ. См. письмо К. И. къ Ал. В-чу отъ 10 февр. 1850 г.; ср. письмо А. В. къ К. И. отъ 14 февр. того же года.

[2]) Надо полагать, однако, что эта перемѣна не была слишкомъ ужъ рѣзкой, такъ какъ и раньше А. В. давалъ Невоструеву отвѣтственныя порученія, которыя тотъ съ успѣхомъ выполнялъ. Напр., еще въ 1849 г. онъ, по желанію А. В., изложилъ свой общій взглядъ на списки библіи, „подвелъ ихъ подъ классы" и т. д. См. письма К. И. къ А. В. Горскому отъ XI, 4 и XI, 15 1849 г.

[3]) Письмо А. В. къ К. И. отъ 27 января 1850 г. Надо, впрочемъ, признать, что укоры А. В. были иногда и справедливы, такъ какъ К. И. дѣйствительно выписывалъ много лишняго. См. напр. письмо А. В. къ К. И. отъ 26 сент. 1849 г.

[4]) Тамъ же.

[5]) Намекъ на увольненіе, которое Невоструевъ просилъ у митрополита весною этого года. См. письмо К. Ив-ча къ А. В-чу отъ 3 мая 1854 г., въ архивѣ Горскаго.

лесной, которая оттого еще болѣе усиливается". Вотъ что было через 5 только лѣтъ послѣ начала описанія. Пусть это письмо написано въ минуты болѣзненнаго раздраженія, пусть оно дышетъ гнѣвомъ человѣка кѣмъ-то и чѣмъ-то разобиженнаго [1]), но количество работы, возложенной на К. Ив—ча, отъ этого вѣдь не уменьшится, а намъ это только и нужно.

Въ 1857 году между описателями произошло серьезное недоразумѣніе [2]), и К. Ив—чъ написалъ Горскому обширное обличительное посланіе,—тоже для насъ интересное и важное. Отмѣчая свои труды по состоянію перваго выпуска описанія, К. И. особенное ихъ достоинство видитъ въ томъ, что онъ всегда старался утвердить свои выводы на прочномъ основаніи множествомъ выбранныхъ сличеній, примѣровъ и проч. „Вы сами, пишетъ онъ, неоднократно меня отъ этого воздерживали, совѣтуя не расширять дѣла на многіе годы [3]) и пощадить силы для другихъ трудовъ; вы сами многое, даже иногда по недоразумѣнію существенное исключали изъ описанія, что потомъ, по переговорамъ со мною и вашемъ вниканіи, принимали, во многомъ сначала не соглашались, спорили со мною, но потомъ убѣдились. Стараясь объ отчетливости и полнотѣ описанія, я добровольно, по одобреніи его уже вами и владыкой, при новой перепискѣ описанія для Св. Синода вновь пересмотрѣлъ свящ. текстъ, сдѣлалъ, напримѣръ, въ изложеніи текста пятокнижнія существенныя дополненія и перемѣны и позволялъ это отчасти при самомъ печатаніи онаго. Когда описаніе это вышло въ свѣтъ, это самое, мною предпринятое и посильно исполненное, отчетливое и полное изложеніе текста отличило его отъ всѣхъ другихъ описаній рукописей и особенно поправилось публикѣ [4])". Далѣе онъ говоритъ, что „Богъ помогъ ему въ такомъ же обширномъ видѣ описать об-

---

[1]) Не митрополитъ ли здѣсь причиной? Конецъ письма дѣлаетъ это очень вѣроятнымъ. Здѣсь, на предложеніе А. В., по совѣту Владыки, воспользоваться семинарской больницей, К. И. раздраженно отвѣчаетъ: „благодарю Васъ покорно, но въ сем. больницу я не пойду и отъ Владыки, аще что пріиму, забвена буди десница моя".

[2]) Недоразумѣніе состояло въ томъ, что въ отчетѣ оберъ-прокурора Св. Синода за 1855 г. описаніе было приписано лишь Горскому, а К. И. обвинилъ въ этомъ именно Ал. В-ча. Однако, послѣдній утверждалъ, что онъ тутъ ни при чемъ, и К. И. долженъ былъ извиниться. (Его письмо къ А. В. отъ 29 янв. 1857 г.).

[3]) Дѣйствительно мы знаемъ, наприм., изъ письма А. В. къ К. Ив-чу отъ 14 февр. 1850 г., что онъ посовѣтовалъ послѣднему „не гнаться за всѣмъ: чего нѣтъ у насъ подъ руками, предоставимъ сдѣлать другимъ"— писалъ онъ ему.

[4]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 18 января 1857 г.

ширный и важный по древности рукописей отдѣлъ Св. отцовъ и писателей церковныхъ [1])" и отмѣчаетъ, что и самъ А. В. въ одушевленіе приходилъ отъ этихъ описаній его и съ большою похвалою отзывался о немъ стороннимъ людямъ. „Съ такою же подробностью, пріемами и результатами, продолжаетъ К. И., описалъ я при помощи Божіей и трудный отдѣлъ русскихъ писателей, дѣлая обильныя выписки и сообщая обо всемъ обстоятельныя свѣдѣнія [2])". Затѣмъ онъ указываетъ на свои работы по историческому отдѣлу и вездѣ отнюдь не хочетъ быть голословнымъ, документально доказывая всю грандіозность своего труда.—Совсѣмъ иное сообщаетъ онъ намъ о работѣ Ал. В—ча Горскаго. „Между тѣмъ, пишетъ онъ, какъ я такъ работалъ,—нужда заставляетъ меня сказать это,—вы, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ведете дѣло слабо, *не такъ, какъ было сперва*, и часто по мѣсяцамъ и цѣлымъ третямъ оставляете дѣло такъ, что я затрудняюсь, чѣмъ бы занять писцовъ. Къ тому же трудной работы вы какъ-то уклоняетесь... По ревности моей, пусть и неразумной, я двукратно докладывалъ вамъ на совѣсть, что такое обозрѣніе важнаго отдѣла (книгъ богословскихъ) не соотвѣтствуетъ обработкѣ прочихъ, требованіямъ науки, современнымъ нуждамъ церкви и заслужитъ справедливый упрекъ. Указаніе на академическія занятія ваши (безцѣнныя и великія, — что и говорить о нихъ!) извиняетъ сей недостатокъ дѣятельности по библіотекѣ, но и подтверждаетъ его [3])". Такъ писалъ Невоструевъ, и А. В. не сталъ опровергать его, замѣтивши лишь, что вѣдь и у него бывали разныя рукописи, и онъ не сидѣлъ безъ дѣла [4]).

Въ 1858 году недоразумѣніе снова повторилось, и обличительное писаніе К. Ив—ча на этотъ разъ является еще болѣе характернымъ для его отношеній къ А. В. Горскому. Теперь поводомъ къ столкновенію нашихъ описателей послужилъ отчетъ объ описаніи, представленный въ Св. Синодъ за подписью одного лишь А. В., и просьба послѣдняго о награжденіи Невоструева, въ которой онъ „представилъ его немного больше своего письмоводителя" [5]). Вотъ что писалъ по этому поводу К. И. 28 мая 1858 года: „извините меня, если, защищая свою работу, я погрѣшилъ противъ вашей оговоркою или недоговоркою. Пишу прямо, что чувствую, безъ боязни и лести, правды и пользы ради; и въ иномъ случаѣ, при естественномъ гнѣвѣ вашемъ, вмѣсто порицанія, не худо бы и при-

---

[1]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 18 января 1857 г.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Письмо А. В. къ К. И. отъ 29 янв. 1857 г.
[5]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 9 окт. 1857 г.

нять что-нибудь". Далѣе онъ вспоминаетъ о томъ, какъ онъ указывалъ А. В. на его ошибки при описаніи списковъ библіи, какъ тотъ не послушалъ его совѣтовъ и какъ за это „разразилась на нихъ критика"; съ горькимъ чувствомъ отмѣчаетъ, что и въ Петербургѣ В. М. Ундольскій распространяетъ мнѣніе о немъ, какъ лишь о хорошемъ письмоводителѣ, а „какъ онъ могъ знать это, пишетъ К. И., когда у меня ни разу не былъ" [1]). Опровергая несоотвѣтствующій взглядъ на себя, К. И. еще и раньше писалъ Горскому: „Бога призываю на душу мою и Васъ самихъ: развѣ не письмоводители одни у насъ (оставаясь иначе безъ дѣла) занимались перечнемъ статей, а я лишь нужными по нимъ замѣчаніями и *изслѣдованіемъ ихъ* [2]), а въ другихъ уже трудныхъ для писцовъ, тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, какъ это и вы дѣлали въ отдѣлѣ историческомъ [3]).

Вотъ въ какихъ чертахъ представляются намъ работы Горскаго и Невоструева надъ описаніемъ синодальныхъ рукописей во второй періодъ совмѣстной дѣятельности нашихъ описателей. Подводя однажды (и все по поводу разныхъ „недоразумѣній") итоги своей работѣ за этотъ періодъ, К. И. писалъ Горскому, что „кромѣ трехъ-четырехъ, онъ разсмотрѣлъ всѣ рукописи, вошедшія въ составъ 2-го важнаго и обширнаго отдѣла", и что трудъ его „былъ настолько полонъ и всестороненъ, что А. В. опасался,—кончится ли онъ" [4]). Въ своихъ письмахъ онъ даетъ и еще много доказательствъ своего громаднаго и научнаго труда (а не работы смышленаго письмоводителя), и мы не имѣемъ основаній ему не вѣрить уже по одному тому, что онъ писалъ эти письма лицу, такъ же какъ и онъ знавшему дѣло и заинтересованному въ немъ,—именно А. В. Горскому.

Много, чрезвычайно много сдѣлалъ для описанія этотъ послѣдній, но не лгалъ и Невоструевъ, когда открыто заявлялъ и при томъ самому Горскому, что во второй періодъ описанія онъ „дѣйствовалъ большею частью независимо отъ него, шелъ путями, указываемыми самымъ изслѣдованіемъ, дѣлалъ сверхъ предѣловъ и совѣтовъ его, работалъ, кажется, болѣе его, сколько милосердный Богъ далъ разума и силъ, безъ мелкихъ разсчетовъ, а лишь бы создать достойный чести памятникъ" [5]). Да вѣдь не напрасно же и самъ А. В., бесѣдуя объ этомъ дѣлѣ съ „Харьковскимъ Владыкой" (Филаретомъ Гумилевскимъ), откровенно сознавался, что *„безъ Невоструева не*

[1]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 28 мая 1858 г.
[2]) Курсивъ нашъ.
[3]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 17 мая 1857 г.
[4]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 9 окт. 1857 г.
[5]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 18 янв. 1857 г.

было бы такого описанія" [1]). Что касается третьяго періода описанія, когда К. И. работалъ подъ своею лишь отвѣтственностью, то въ это время (какъ видно изъ переписки нашихъ ученыхъ) А. В. уже не предпринималъ непосредственнаго участія въ описаніи, хотя К. И. часто обращался къ нему за справками, книгами изъ академической библіотеки, совѣтами и по старой памяти посылалъ ему отпечатанные уже полулисты для второй корректуры. Впрочемъ, есть извѣстіе, что и VI томъ описанія, пока еще не изданный и лежащій въ Синодальной библіотекѣ, тоже снабженъ помѣтками Горскаго, хотя онъ могъ быть составленъ еще въ періодъ совмѣстной дѣятельности описателей, такъ какъ и цензорская подпись на немъ (архимандрита Михаила) обозначена 8-мъ апрѣля 1863 года [2]).

Резюмируя сказанное выше, мы не можемъ не остановиться на словахъ Изм. Ив. Срезневскаго, имѣвшаго возможность близко наблюдать ходъ работъ по описанію [3]): „велики и достойны всякаго уваженія въ научномъ отношеніи были замѣтки, замѣчанія и соображенія К. И. Невоструева" [4]), говорилъ онъ, и это, какъ нельзя болѣе, согласуется съ тѣмъ представленіемъ объ описаніи, которое составилось у насъ на основаніи просмотрѣннаго архивнаго матеріала.

Такъ шли работы К. И. по описанію библіотеки. Только что указанныя, а также и другія непріятности и „недоразумѣнія" (у митрополита, на его подворьѣ, въ типографіи и т. п.) не разъ заставляли его выходить изъ себя и проситься назадъ, въ Симбирскъ; но имъ дорожили и всячески уговаривали его остаться. Даже самъ митрополитъ, обычно только повелѣвавшій, и тотъ снисходилъ до того, что представлялъ ему резоны и „милостиво утѣшалъ" [5]).

---

[1]) Тамъ же. Ср. Ист. М. Дух. Ак., стр. 493. А оно вышло прекраснымъ, такъ что по нему можно продуктивно работать, не справляясь съ самыми рукописями.

[2]) С. И. Смирновъ „А. В. Горскій", стр. 45 и прим. С. пос. 1901 г.

[3]) Изм. Ив. неоднократно пріѣзжалъ въ Москву для ученыхъ работъ и останавливался у К. И., имѣя, такимъ образомъ, полную возможность судить о характерѣ и качествѣ работы Невоструева. См., напр., письмо К. И. къ А. В. отъ 26 іюля 1858.

[4]) Записки Имп. Ак. Наукъ, т. XIII, стр. 230 Ср. С. И. Смирновъ „А. В. Горскій", стр. 44.

[5]) Впрочемъ, митрополитъ вообще очень хорошо относился къ Невоструеву,—защищалъ отъ произвола московскихъ чиновниковъ, хлопоталъ о прибавкѣ ему жалованья, приглашалъ почаще заходить для бесѣды и даже ассигновалъ средства на изданіе его „Слова Ипполита". Не даромъ же, при одномъ воспоминаніи о немъ (уже послѣ его смерти) у К. И. показывались на глазахъ слезы. См. Рус. Арх. 1873 г., ч. I, стр. 859. Ср. письма К. И. къ Ал. В. отъ 3 апрѣля 1850 г., 16 іюня 1850 г., 5 сентября 1850 г. и 29 янв. 1857 г.

И слабохарактерный К. И. всегда поддавался на эти увѣщанія и давалъ слово: „забывъ прошлое, паки посильно трудиться по библіотекѣ“ [1]), т. е. оставался на новыя испытанія и новыя непріятности. Только однажды свѣтлый лучъ освѣтилъ его незавидно сложившуюся жизнь,—это когда академія наукъ предъ цѣлымъ свѣтомъ заявила о выдающихся достоинствахъ его труда и увѣнчала его, вмѣстѣ съ А. В., первой и полной Ломоносовской преміей.

Это событіе, случившееся уже на закатѣ дней К. И. (въ 1867 г.), несомнѣнно очень сильно подняло духъ его и подвинуло его на еще большіе труды. Нѣсколько позже (въ началѣ 1870 г.) онъ былъ избранъ членомъ сербскаго ученаго общества въ Бѣлградѣ, а въ половинѣ того же года и членомъ юго-славанской академіи (въ Загребѣ) [2]). Впрочемъ, это было наградой не за одно уже описаніе рукописей, а и за другіе ученые труды.

Кстати нѣсколько словъ объ этихъ ученыхъ трудахъ.

IV.

Ученые труды.

Удѣляя массу времени работамъ по описанію рукописей, К. И., однако, не ограничивался только ими и предпринялъ цѣлый рядъ другихъ трудовъ и изслѣдованій, хотя того же все археологическаго и археографическаго характера. Прежде всего онъ и въ Москвѣ не переставалъ заниматься симбирскими и вообще приволжскими древностями и издавать ихъ описанія (напр. „Описаніе симбирскаго Спасскаго дѣвичьяго монастыря“, „Историческое описаніе бывшихъ въ Самарѣ мужского Преображенскаго и женскаго Спасскаго монастырей“ и т. д.; затѣмъ онъ составилъ нѣсколько статей литургическаго и церковно-археологическаго характера (напр. о скуфьѣ и камилавкѣ въ древней греческой и русской церкви, о древнерусскихъ иноческихъ поученіяхъ, о служебникѣ патріарха Іова, о монограммѣ митрополита Фотія на иконѣ Успенскаго собора и т. п.) и написалъ нѣсколько ученыхъ рецензій по порученію академіи наукъ, какъ ея членъ-корреспондентъ. Изъ послѣднихъ особенно важны двѣ: рецензія на сочиненіе Хрущова объ Іосифѣ Санинѣ (преп. Іосифѣ Волоцкомъ) и „Разсмотрѣніе“ рецензій на описаніе рукописей синодальной библіотеки.

Первая изъ нихъ, разросшаяся до размѣровъ цѣлаго изслѣдова-

---

[1]) См. письмо К. И. къ А. В. отъ 29 янв. 1857 г., въ арх. Горскаго.

[2]) Сборн. Ст. Имп. Ак. Наукъ, по отд. рус. яз. т. VII. Ср. Савва. Хроника т. IV, 407 стр.

нія, обнаружила строго-православныя убѣжденія своего автора, отказавшаго Хрущову въ преміи за излишній либерализмъ и свободу выраженій, и вызвало горячую полемику. Противъ К. И. поднялась цѣлая буря. Озобенно негодовали на него Изм. Иван. Срезневскій и Орестъ Миллеръ (уже давшіе о книгѣ Хрущова благопріятный отзывъ), при чемъ Ор. Миллеръ излилъ свое недовольство въ колкой статьѣ, „посвященной" К. И. („Инквизиторскія вожделѣнія ученаго") [1]), а Срезневскій (вмѣстѣ съ родственниками Хрущова) усиленно и разными способами добивался, чтобы К. И. отказался отъ своего отзыва. Но Невоструевъ твердо стоялъ на своемъ [2]), и его авторитетъ оказался настолько сильнымъ, что Хрущову, несмотря на солидарность съ нимъ ординарныхъ академиковъ, все же было отказано въ преміи [3]).

Что касается другой рецензіи, то, довольно обширная (78 стр.), она представляетъ собою обстоятельную отповѣдь рецензентамъ описанія и можетъ быть признана удачнымъ изслѣдованіемъ о составѣ библіи въ древней Россіи. Съ полнымъ знаніемъ дѣла и обширной эрудиціей опровергаетъ здѣсь К. И. многочисленныя, взводимыя на описателей, обвиненія и между прочимъ обвиненіе въ томъ, что они дѣлали слишкомъ поспѣшные выводы, основываясь на однихъ лишь синодальныхъ спискахъ. Нѣтъ, говоритъ онъ, „мы тщательно просмотрѣли печатные каталоги всѣхъ описанныхъ библіотекъ", и это его указаніе на 10 слишкомъ осмотрѣнныхъ и использованныхъ книгохранилищъ показываетъ еще разъ всю грандіозность его труда и его высокое достоинство [4]).

Но самымъ капитальнымъ изъ изданныхъ трудовъ Невоструева является его „Слово св. Ипполита объ антихристѣ", напечатанное въ 1868 году на средства митрополита Филарета. Здѣсь заслуга К. И. состояла въ томъ, что онъ отыскалъ въ чудовской библіотекѣ необращавшую ранѣе на себѣ вниманія редакцію этого памятника христіанской литературы III вѣка, сличилъ ее съ другою, бывшею въ большомъ ходу у старообрядцевъ, размотрѣлъ заграничныя изданія той и другой (Гудія, Комбефиза, Фабриція, Миня, Пика и др.),

---

[1]) Статья эта б. помѣщена въ № 10 журнала „Заря" за 1870 г.

[2]) Савва, Архіеп. Хроника. т. IV, 307. Впрочемъ, какъ кажется, К. И. не всегда былъ правъ, возставая, напр., противъ того, что Іосифъ Волоцкій могъ имѣть *политическіе* взгляды или того, что его мнѣніе о казняхъ еретиковъ было истиною.

[3]) Савва. Хроника, VI, 307.

[4]) Рецензія эта помѣщена въ VII томѣ Сборника Акад. Наукъ по отдѣл. рус. яз. и словесн., въ № 6. СПБ. 1870 г. Составлена она, главнымъ образомъ, по поводу возраженія Безсонова (Русская Бесѣда 1857 г.).

сдѣлалъ основательныя обширныя историческія справки и удачно доказалъ подлинность и именно этой (новой), а не другой, помѣщенной въ „Соборникѣ“, редакціи. Помимо обширнаго введенія къ изданію самаго текста слова (на славянскомъ, русскомъ и греческомъ языкахъ), К. И. снабдилъ его еще многочисленными учеными примѣчаніями, показывающими его большую освѣдомленность въ вопросахъ славянской палеографіи и древнерусскаго правописанія.—О достоинствахъ этого труда всего лучше свидѣтельствуетъ его успѣхъ.

Едва только вышла эта книга, какъ окружники и всѣ несогласные съ ученіемъ объ антихристѣ, какъ діаволѣ (опиравшимся на подложную редакцію „Слова“ Ипполита), стали раскупать ее въ большомъ количествѣ экземпляровъ и со всѣхъ сторонъ слать Кап. Ив—чу благодарственныя письма. Между прочимъ благодарилъ его и извѣстный авторъ окружнаго посланія—„убогій Ксеносъ“—Иллар. Егор. Кабановъ, который еще раньше выхода книги очень интересовался „Словомъ“ и всячески помогалъ К. И. въ его изслѣдованіяхъ [1]). Вообще эта книга, по собственному признанію Невоструева [2]), какъ-то „подошла къ современнымъ обстоятельствамъ раскола“ и потому пользовалась широкимъ распространеніемъ. Окружники были очень довольны ею и 172-е ея примѣчаніе (о начертаніи имени Спасителя) просили издать отдѣльною брошюрою, съ болѣе подробнымъ обоснованіемъ [3]). Впрочемъ, не одни только старообрядцы оцѣнили книгу К. И. Его трудъ не былъ незамѣченъ и академіей наукъ, удостоившей его половиной Уваровской преміи [4]), и даже Вѣнской академіей, отзывавшейся о немъ, какъ о „sehr schätzbares Werk“ (очень драгоцѣнномъ произведеніи) [5]).

Нѣсколько ранѣе К. И. было начато [6]) и почти уже выполнено большое изслѣдованіе о Мстиславовомъ евангеліи (нач. XII в.),—изслѣдованіе, которое Срезневскій называлъ „едва-ли не самымъ лучшимъ изъ всѣхъ трудовъ Невоструева“ [7]), очень сожалѣя, что

---

[1]) См. письмо его къ К. И. отъ 3 ноября 1867 г., въ архивѣ Новоструева.

[2]) Савва. Хроника, т. IV, 93.

[3]) Савва. Хроника, т. IV, 106.

[4]) Русскій Архивъ 1873 г.. ч. I, стр. 856.

[5]) Савва. Хроника, VI, 159. Въ Вѣну этотъ трудъ отвезъ славянскій ученый Миклошичъ.

[6]) Первоначально К. И. исполнялъ лишь порученіе м-та Филарета: возможно подробнѣе описать Евангеліе для Академіи Наукъ, въ виду опасности пересылки самой рукописи.

[7]) Сборникъ Отд. Рус. яз. и Словесности Император. Ак. Наукъ, т. X. стр. XXXVIII.

онъ остался неизданнымъ [1]). Случилось это, впрочемъ, по винѣ самого К. И., отказавшагося напечатать его въ запискахъ академіи наукъ и ждавшаго пособія отъ митрополита Филарета на отдѣльное его изданіе. Гдѣ находится теперь этотъ трудъ—неизвѣстно, и мы имѣемъ лишь его начало, напечатанное въ IX т. „Извѣстій имп. ак. наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности". Точно также остаются неизданными и „Сочиненія Ипполита въ древнеславянскомъ переводѣ" съ примѣчаніями К. И. [2]).

Помимо этихъ и другихъ [3]) работъ церковнаго характера, К. И. были написаны и изслѣдованія чисто археологическія, посвященныя разработкѣ древностей его родного Вятскаго края. Это—„Елабужскія древности" (небольшая замѣтка во 2 вып. III тома „Трудовъ Московскаго археологическаго общества") и „О городищахъ древняго волжско-болгарскаго и казанскаго царствъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской",—записка, читанная на I археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ, напечатанная въ его „Трудахъ" и содержащая, между прочимъ, и очеркъ Ананьинскаго могильника близъ города Елабуги.

Матеріалъ для этихъ изслѣдованій К. И. началъ собирать еще въ Симбирскѣ, во время вакаціонныхъ поѣздокъ по Волгѣ, но обработать его ему удалось лишь долгое время спустя—въ дни засѣданій I Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Впрочемъ, что касается собственно Ананьинскаго могильника, то имъ К. И. занимался и много и очень усердно. Вотъ что говоритъ объ этомъ Е. В. Барсовъ: „Во время восточной войны, когда всѣ умы и интересы Русскаго общества были заняты живыми вѣстями, впечатлѣніями дня и минуты, нашъ Чудовскій труженикъ занятъ былъ Елабужскимъ курганомъ, находящимся въ Вятской губерніи, близъ г. Елабуги. Онъ указываетъ на него одному изъ своихъ Вятскихъ корреспондентовъ, ведетъ съ нимъ дѣятельную переписку, составляетъ правила и указанія для раскопокъ этого кургана, борется съ препятствіями своему предпріятію, радуется своимъ успѣхамъ и любуется вырытыми вещами. Многіе затѣмъ раскапывали этотъ курганъ, много

---

[1]) Вышецитир. сборникъ, т. X, стр. XXXVIII.

[2]) Сожалѣніе это приходится повторить и теперь, присоединивъ сюда еще и опасеніе, не затерялся ли этотъ трудъ покойнаго ученаго совсѣмъ.

[3]) Кромѣ вышепоименованныхъ можно назвать еще слѣдующія работы Кап. Ив.: „Запись о ставленникахъ Москов. церквей съ 1645—1666 г.", „Акты XVII в. о чудесномъ исцѣленіи отъ иконы Св. Николая и о мѵрѣ", „Записка о переводѣ Евангелія Кирилломъ и Меѳодіемъ", „Pogud na historii u istoche, crkve u cescoi" (въ 21 кн. Записокъ Юго-Слав. Ак.), нѣсколько каноновъ и акаѳистовъ и т. д.

было сдѣлано изысканій и соображеній, но не былъ доволенъ ими Невоструевъ [1])". Чутье призваннаго археолога подсказывало ему, что тамъ должно быть нѣчто цѣнное, и вотъ въ 1870 г. по приглашенію Д. И. и И. Д. Стахѣевыхъ [2]), онъ самъ ѣдетъ въ Елабугу, роетъ тамъ курганъ и находитъ раздробленный на 7 частей камень съ изображеніемъ человѣка временъ Геродотовой Скиѳіи, на которомъ (камнѣ) твердо обосновываетъ свое мнѣніе о глубокой древности приволжскихъ кургановъ [3]). Вообще онъ и здѣсь потрудился довольно, и его изслѣдованія не могутъ не поражать читателя громадной эрудиціей, знакомствомъ не только съ русской, но и иностранной археологіей [4]).

Мы перечислили уже достаточное количество ученыхъ работъ и изданій К. И. [5]), чтобы видѣть его неутомимую энергію и его значеніе въ наукѣ. Работоспособность его должна быть признана изумительной, особенно если мы примемъ во вниманіе, что вѣдь у него всегда было постоянное дѣло, отнимавшее массу времени,—дѣло, которому онъ посвятилъ свою жизнь и которымъ отнюдь не манкировалъ—описаніе рукописей Синодальной библіотеки.

Однако и перечисленными трудами не ограничивается перечень сочиненій К. И., и мы можемъ указать еще на его описаніе Кашпиревскаго Благовѣщенскаго Симеонова монастыря (Археол. Вѣстн. 1867 г.), „Запись о ставленникахъ Московскихъ церквей за 1645—1666 г.г." (М. 1869 г.). „Записку о переводѣ Евангелія на славянскій языкъ, сдѣланномъ Кирилломъ и Меѳодіемъ" (Погодинскій Кир. Меѳ. сборн. 1865 г.), на его изданія двухъ редакцій житія преп. Іосифа Волоцкаго, иноческаго поученія митр. Алексія и т. д.

Помимо этихъ, такъ сказать, вольныхъ работъ К. И. очень часто приходилось выполнять еще работы невольныя, — не по собственному почину, а по просьбѣ и порученію разныхъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему почти не давали покоя. То М. П. Погодинъ (историкъ) присылалъ какія-нибудь свои работы для сличенія съ синодальными рукописями, то какой-нибудь, совершенно ему незнакомый Аѳонскій инокъ, „наслышавшись о его великодушіи", просилъ сдѣлать выписки изъ какихъ-то рукописей объ Аѳонской горѣ, то, наконецъ, Макарій Булгаковъ (впослѣдствіи митрополитъ Москов-

---

[1]) Рус. Арх. 1873 г. ч. 1, стр. 854—855.

[2]) Елабужскія древности, брош. К. И., стр. 1.

[3]) Камень этотъ К. И. пожертвовалъ Московскому Археологическому обществу, равно какъ и свою коллекцію монетъ.

[4]) Рус. Арх. 1873, ч. I, 855.

[5]) Порядочный, хотя и неполный перечень ихъ можно видѣть въ исторіи М. Д. Ак., стр. 495—497.

скій), постоянно осаждалъ его разными справками и просьбами о сличеніяхъ и выпискахъ для своей церковной исторіи. И его просьбы не были легко исполнимыми, такъ какъ, однажды, онъ напримѣръ просилъ Невоструева справиться: „1) нѣтъ ли богословскихъ и другихъ книгъ, писанныхъ на славянскомъ языкѣ въ домонгольскій періодъ, 2) нѣтъ ли здѣсь службъ собственно русскимъ святымъ того времени и какимъ есть и 3) вообще, нѣтъ ли русскихъ сочиненій XI, XII и до половины XIII вѣка [1]). Если мы примемъ во вниманіе, что это было еще въ 1856 году, т. е. въ то время, когда К. И. отнюдь не успѣлъ еще въ совершенствѣ изучить всю библіотеку, то его работа не можетъ показаться незначительной. И это тѣмъ болѣе, что К. И. ничего не любилъ дѣлать какъ-нибудь, но, разъ взявшись, дѣлалъ все, что только былъ въ силахъ, посылая, навѣрно, Макарію основательныя ученыя справки и прямо изслѣдованія. К. И. очень часто сердился на такихъ просителей, писалъ и говорилъ А. В. Горскому, что они ему надоѣдаютъ, но все же не оставлялъ ихъ просьбъ безъ исполненія, и Макарій откровенно писалъ ему, что онъ „самъ избаловалъ своихъ кліентовъ, ни разу и никому изъ нихъ не отказывая“ [2]).

Да, Невоструевъ не отказывалъ никому: „онъ былъ безконечно добръ въ житейскихъ и ученыхъ отношеніяхъ. Онъ всегда готовъ былъ подѣлиться со всякимъ занимающимся наукой своими огромными свѣдѣніями“ [3]).

V.

Личность К. И.—Послѣдніе годы.—Заключеніе.

Такъ жилъ и трудился въ Москвѣ К. И. Все время проходило въ тяжелой и кропотливой работѣ, въ занятіяхъ по различнымъ библіотекамъ, въ штудированіи всевозможныхъ книгъ по своей спеціальности: онъ весь былъ поглощенъ „дѣломъ“ и для какихъ-нибудь развлеченій,—для личной жизни, досуга у него не оставалось.

Это очень тревожило его друзей, и А. В., напримѣръ, не разъ совѣтовалъ ему быть поумѣреннѣе въ занятіяхъ, „стоять поближе къ обществу, ходить хотя бы на публичныя лекціи“ и т. д., но К. И. упорно стоялъ на своемъ, говоря [4]), что „къ обществу онъ хочетъ стоять въ отношеніи лишь своими ничтожными и малогод-

---

[1]) Письмо Еп. Мак. къ К. И. отъ 28 мая 1856 г., въ арх. Горскаго.

[2]) Его же письмо къ К. И. отъ 5 авг. 1872 г.

[3]) Вят. Еп. Вѣд. 1873 г., № 1, стр. 32.

[4]) Письмо К. И. къ А. В. отъ неизв. числа и года, помѣченное (въ арх. Горскаго) № 636.

ными трудишками". И этого принципа, опредѣлявшаго его жизненное направленіе, онъ держался всегда: „новостей, писалъ онъ преосв. Саввѣ уже въ 1867 году, не знаю никакихъ, потому что почти нигдѣ не бываю [1])." „Дыша свободою знанія, говоритъ о немъ Е. В. Барсовъ, философскимъ взоромъ смотрѣлъ онъ на жизнь общества и всего человѣчества. *Трудъ* онъ считалъ призваніемъ человѣка, и исторія всѣхъ народовъ предъ нимъ рисовалась ничѣмъ инымъ, какъ непрерывнымъ и разнообразнымъ движеніемъ *всеобщаго труда человѣческаго* [2]). „Не къ тому должны мы стремиться (сидитъ онъ въ своей кельѣ и разсуждаетъ), чтобы трудами другихъ пользоваться для своего удовольствія, но къ тому, чтобы своею жизнію облегчать труды другихъ"... [3]).

Такъ разсуждалъ К. И., такъ онъ и дѣлалъ, и это не только въ области науки, а и въ сферѣ повседневной жизни, съ ея невзгодами и передрягами, съ ея горемъ и несчастьями. Получая самъ около 500 рублей въ годъ и пріобрѣтая на это скудное жалованье огромное количество русскихъ и иностранныхъ книгъ, иногда очень рѣдкихъ и цѣнныхъ [4]), онъ все же нашелъ возможность отдать послѣдніе 200 рублей (сбереженные долгими лишеніями на покупку одного рѣдкаго заграничнаго изданія), въ пользу раненыхъ въ восточную войну, а ежедневно онъ дѣлился съ кремлевскими нищими остатками своего скуднаго обѣда [5]). Самъ довольствуясь небольшимъ окладомъ, онъ всегда старался выдвинуть своихъ помощниковъ—писцовъ, хлопоталъ о выдачѣ имъ наградъ, говоря, что лучше онъ „хотѣлъ бы лишенъ быть всякаго поощренія, нежели, чтобы видѣть безъ сего утружденную, слабую и надеждами живущую братію" [6]). Даже пріѣхавшихъ въ академію сербскихъ уроженцевъ П. Берича и Лазаря Богоевича онъ не оставилъ безъ вниманія, много помогалъ имъ совѣтами (по просьбѣ сербскаго митрополита) и матеріальною поддержкою и рекомендаціей, а когда послѣдній изъ нихъ заболѣлъ и былъ отправленъ въ Московскія клиники, К. И. постоянно посѣщалъ и ободрялъ его. Не даромъ же они писали ему восторженныя благодарственныя письма [7]).

---

[1]) Савва, Хроника, III, 704

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) Русскій Архивъ 1873 г., ч. I, стр. 847.

[4]) У него составилась, въ концѣ концовъ, очень хорошая библіотека завѣщанная М. Д. Ак.

[5]) Русск. Арх. 1873, ч. I, стр. 858; Вятскія Еп. Вѣд. 1873 г., № 1, стр. 32.

[6]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 23 іюля 1853 года.

[7]) См. ихъ письма отъ 22 марта, 19 апр., 14 янв. 1869 г. и 26 сент. и 30 ноябр. 1868 г., въ архивѣ Горскаго.

Таковъ былъ К. И. въ отношеніяхъ къ другимъ. Самъ по себѣ онъ былъ человѣкомъ очень религіознымъ, глубоковѣрующимъ. Это былъ, гласитъ надгробное слово, сказанное при его отпѣваніи свящ. В. Нечаевымъ [1]), „не просто благочестивый христіанинъ, но христіанинъ-подвижникъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ христіанъ, которые въ древнее время до установленія монашества, какъ особаго чина, вели жизнь свойственную монахамъ и назывались аскетами. Судьбы Божіи привели его на жительство въ эту (Чудовскую) обитель, не для монашескаго, впрочемъ, житія, а для ученыхъ занятій, возложенныхъ на него высшимъ духовнымъ начальствомъ. Но братія святой обители знаютъ, что онъ, хотя не принадлежалъ къ ихъ чину, былъ однако образцомъ для нихъ по строгому подвижническому житію, по точному исполненію церковныхъ уставовъ, по любви къ уединенію и безмолвію, по ревности къ молитвѣ келейной и церковной" [2]). Далѣе отмѣчается та его характерная черта, что онъ выходилъ изъ храма всегда послѣ всѣхъ и долгое время спустя по окончаніи службы [3]).

Такъ говорилъ церковный ораторъ... Конечно, его слова—надгробная рѣчь, а о мертвыхъ, какъ извѣстно,—aut bene, aut nihil", но въ данномъ случаѣ и нельзя заподозрить справедливости всего вышесказаннаго. Мы уже знаемъ и видѣли, что еще въ юношескихъ почти годахъ К. И. склонялся къ подвигамъ аскетизма, мы знаемъ также, что и отецъ Невоструевыхъ всегда внушалъ имъ горячую вѣру въ Бога, но и помимо этого не можетъ быть никакого сомнѣнія въ глубокой набожности К. И. Имя Божіе, какъ это осязательно видно изъ его писемъ, всегда было у него на устахъ, Бога онъ всегда призывалъ во свидѣтели своей правоты, Божіей помощью объяснялъ успѣхъ своихъ трудовъ и научныхъ открытій. „Богъ помогъ мнѣ описать" [4]), „я работалъ, сколько милосердный Богъ далъ разума и силъ" [5])—развѣ могутъ эти выраженія выйти изъ устъ невѣрующаго или скептика? Они могли бы еще принадлежать лицемѣру, но и это мы тоже знаемъ—К. И. никогда имъ не былъ. Онъ всегда прямо шелъ къ цѣли, имѣя въ виду лишь правду и стремясь лишь къ общей пользѣ,—все остальное, включая сюда и его карьеру, для него какъ бы не существовало. Вотъ почему и въ моменты „недоразумѣній", о которыхъ намъ пришлось говорить выше, онъ также обращался лишь къ Богу, только у Него искалъ

[1]) Впослѣдствіи Виссаріономъ, еп. костромскимъ,—† 30 мая с/г.

[2]) Душ. Чтеніе 1872, ч. III, стр. 463—464.

[3]) Тамъ же.

[4]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 18 января 1857 г. и мн. др.

[5]) Тамъ же и въ мн. др.

защиты и помощи, полагая, что „все устроилъ Богъ во благо“ [1]). Несомнѣнно, эта глубокая вѣра и помогала ему переносить разныя непріятныя случайности,—забывать ихъ и снова отдаваться своему дѣлу. И онъ отдавался и послѣ размолвокъ съ патрономъ работалъ еще больше, еще многоплоднѣе. Удивительнымъ представляется, какъ только могъ онъ снести такую массу труда...

Впрочемъ, конечно, этой усиленной работой онъ постоянно разстраивалъ свое здоровье—и безъ того не очень-то завидное и надежное. Не говоря уже о всегда слабомъ его зрѣніи, его постоянно мучили то ревматическія боли [2]), то какая-то опасная болѣзнь горла, схваченная имъ еще въ Симбирскѣ [3]). И та и другая болѣзнь держались всегда очень упорно, находя благопріятную для этого почву въ общей слабости его организма, истощеннаго работой и безсонными ночами. А тутъ еще и квартира его не отличалась удобствами—была мрачная и затхлая и, во всякомъ случаѣ, тѣсная. Правда, какой-то „ученикъ Невоструева“ опровергалъ указаніе Е. В. Барсова на неудобство квартиры К. И., но его опроверженіе совершенно голословно и не вяжется ни съ фактами [4]), ни съ собственными признаніями Невоструева. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ ученикъ говоритъ, что квартира К. И. была имъ самимъ избрана и что онъ другой даже и не хотѣлъ, но къ чему бы тогда ему жаловаться своимъ друзьямъ на ея неудобства [5]). Да мы имѣемъ и положительное свидѣтельство, что настоятель, несмотря на всѣ просьбы К. И., не далъ ему „одной только комнатки“, помѣстивъ тамъ своего келейника. „Трудно противъ рожна прати“,—писалъ по этому поводу Кап. Ив. [6]).

Впрочемъ, быть можетъ, на здоровье его вліяли также и занятія со старыми и пыльными рукописями и сидячій, по преимуществу, образъ жизни,—въ кабинетѣ.

Однако, какъ бы такъ ни было, здоровье К. И. постоянно ухудшалось. Во время сильныхъ приступовъ горловой болѣзни онъ перебиралъ, обыкновенно, одно за другимъ всѣ средства и рѣдко когда, по собственному признанію, получалъ какое-нибудь облегченіе. Его всегда осаждали и гидропаты, и аллопаты и гомеопаты; всѣ они

---

[1]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 29 янв. 1857 г.

[2]) См. его письмо къ А. В. отъ 14 авг. 1870 г.

[3]) См. его письмо къ А. В. отъ 27 авг. 1848 г.

[4]) Онъ говоритъ, напр., что настоятель монастыря Веніаминъ былъ человѣкъ добрѣйшей души и не могъ притѣснять кого бы то ни было, но въ Москвѣ о Веніаминѣ держатся существенно иного мнѣнія.

[5]) Русскій Арх. 1873 г. ч. I, стр. 859.

[6]) Письмо его къ А. В., не датир. и помѣч. № 636 (въ архивѣ Горскаго).

смѣялись другъ надъ другомъ, зачеркивали прежніе діагнозы и леченіе, назначали свое, а болѣзнь все держалась и ослабѣвала лишь „какъ-то сама собой“. Потомъ начинались новые пароксизмы, К. И. снова бѣжалъ къ врачамъ, поступалъ въ водолечебницы, а болѣзнь дѣлала свое дѣло [1]). Такъ тянулись годы. Наконецъ, въ 1872 г. К. И. занемогъ особенно сильно,—такъ сильно, что даже рѣшилъ устроить себѣ продолжительный „вакатъ“ и уѣхалъ на дачу Хлудова [2]), въ 80 в. отъ Москвы по Рязанской дорогѣ и въ 25 в. отъ Коломны. Здѣсь на чистомъ вольномъ воздухѣ, при отсутствіи утомительной работы и хорошемъ питаніи, силы его быстро возстановились, и онъ почувствовалъ себя лучше, хотя сознавалъ, что „болѣзнь все еще сидитъ“ [3]).

Однако и это временное облегченіе было непродолжительно. Когда онъ возвратился въ Москву и снова попалъ въ ту же затхлую атмосферу своей кельи и библіотеки, болѣзнь возвратилась съ новой и особенной силой, осложненная еще водянкой или, какъ сначала опредѣляли, водяной грыжей [4]). Напрасно, К. И. снова уѣхалъ на дачу (теперь уже къ С. М. Поспѣлову), напрасно онъ созывалъ консиліумы врачей,—у него открылась болѣзнь печени (tumor lepatis), организмъ его видимо уже разрушался, силы съ каждымъ днемъ слабѣли [5]). Конецъ его былъ лишь вопросомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Измученный затянувшейся болѣзнью, онъ согласился, наконецъ, лечь въ клинику; здѣсь ему дѣлали операціи, выкачивали воду, но она снова набиралась и даже съ осложненіемъ... 29 ноября (1872 г.) его не стало [6]).

Такъ отошелъ въ вѣчность „неутомимый труженикъ“ [7]), „богатырь-работникъ“ [8]), и лишь немногіе изъ его знаемыхъ посвятили его памяти теплое задушевное слово [9]). Печально оканчивалось одно изъ нихъ. „О, Русь, святая, широкая и привольная, воскли-

---

[1]) Около 1872 г. д-ръ Шкодъ уже отказался лѣчить ее, чѣмъ сильно опечалилъ Кап. Ив.

[2]) Алекс. Ивановича.

[3]) Письмо К. И. къ А. В. отъ 4 іюня 1872 г.

[4]) См. письмо К. И. къ А. В. отъ 25 октября 1872 г.

[5]) У него бывали головокруженія даже отъ усилій, нужныхъ для написанія письма. См. его письмо къ А. В. за № 667 въ архивѣ Горскаго.

[6]) См. телеграмму о его смерти на имя Ал. В., въ его архивѣ. Обычно же называютъ 30 число.

[7]) Письмо къ К. И. Ил. Е. Чабанова, вышецит.

[8]) Русск. Арх. 1873 г., ч. I, стр. 846.

[9]) Однако недовольныхъ К. И. было меньше, чѣмъ довольныхъ. См. Душ. Чт. 1872 г. ч. III, стр. 468.

цалъ его составитель. Еще ли такъ недостойно будутъ гибнуть у тебя лучшіе труженики науки изъ-за теплаго угла и куска хлѣба" [1]). Да, это былъ именно лучшій *труженикъ,* но онъ былъ лучшимъ *человѣкомъ,* въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Его доброта была извѣстна многимъ неимущимъ, которымъ удѣлялъ онъ изъ скромныхъ крохъ своего оклада, а его добродушное вниманіе ко всякому искавшему научной помощи до сихъ поръ еще памятно московскимъ старожиламъ.

Жизнь К. И. представляетъ собою прекрасный образецъ ученаго постоянства и вѣрности своему призванію даже до гробовой доски. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни незавидно было его положеніе, какихъ непріятностей онъ ни переносилъ,—только подъ вліяніемъ сильнѣйшаго раздраженія онъ грозилъ оставить свое дѣло. И вѣдь только грозилъ... Въ дѣйствительности же никакія блага міра не могли оторвать его отъ труда, которому онъ самоотверженно отдалъ свои силы и здоровье, отдалъ даже жизнь. Вѣдь приглашали же его въ Спб. Императорскую публичную библіотеку [2]), вѣдь хотѣли же дать ему въ Спб. и другое какое-то мѣсто [3]). Дѣло было только за нимъ, и онъ, несмотря ни на что, твердо стоялъ на своемъ пути, создавая „достойный чести памятникъ". И онъ создалъ его, создалъ цѣною своей жизни... Мы не можемъ и отнюдь не желаемъ отрицать громадной доли участія въ этомъ дѣлѣ Ал. Вас. Горскаго, но и мнѣніе, унижающее Нервоструева до степени чернорабочаго, приписывающее Горскому „нѣчто большее", намъ кажется мало обоснованнымъ. Пусть Горскій вначалѣ подавлялъ его массой знаній—что изъ того? Вѣдь потомъ было признано, что и „съ Невоструевымъ мы опустили въ могилу, въ гробовыхъ доскахъ, громаду знаній, добытыхъ цѣлою жизнью [4])". Да развѣ это только и нужно? Ученые спеціалисты-академики думали иначе, когда говорили, что не знаютъ, чему болѣе удивляться въ описаніи — „внимательности ли ко всему замѣчатольпому, даже мелочному (вспомнимъ при этомъ обвиненія А. В., что Невоструевъ слишкомъ останавливается на подробностяхъ), силѣ ли и ловкости соображеній (не забудемъ то одушевленіе, съ какимъ Горскій читалъ Невоструевскія тетради) [5]) или глубокой учености, *не многознанію* (плоду начитанности), а именно учености, знающей, что нужно знать и требующей отъ научнаго

---

[1]) Русск. Арх., вышецит., стр. 860.
[2]) Письмо К. И. къ Ал. В. отъ 28 мая 1858 г.
[5]) Тамъ же.
[4]) Рус. Архивъ 1873 г., ч. I, 860.
[4]) См., напр., письма А. В. къ К. И. отъ 27 сент. 1849 г., 18 ноября того же года и мн. др.

труженика добросовѣстныхъ изысканій [1]". Такъ говорили и писали академики, но что касается добросовѣстности работы, то въ этомъ отношеніи К. И. едва-ли имѣлъ себѣ равныхъ: вспомнимъ только, какъ негодовалъ онъ по поводу совѣта А. В. не гнаться за всѣмъ и оставить что-нибудь и послѣдующимъ работникамъ [2]). Впрочемъ, другіе его ученые труды, выполненные съ замѣчательною тщательностью и научностью, не оставляютъ въ этомъ уже никакого сомнѣнія и уничтожаютъ почти всякую необходимость доказывать это. Капитонъ Ивановичъ всегда дѣлалъ *все*, что могъ.

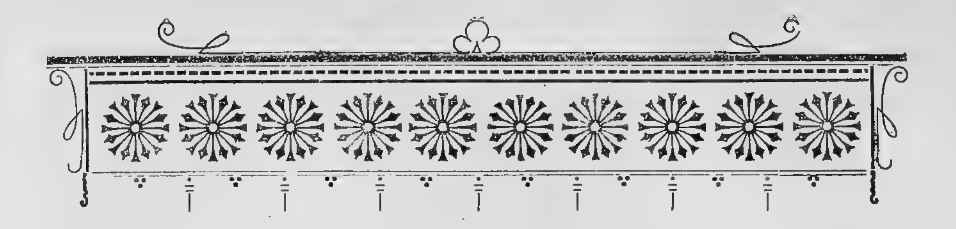
Побольше бы намъ такихъ безкорыстныхъ и самоотверженныхъ тружениковъ...

Вл. Андреевъ.

[1]) Сборникъ статей, читанныхъ въ отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. VII, № I, стр. 13.

[2]) Письма А. В. къ К. И. отъ 14 февр. 1850 г. и К. И. къ А. В. отъ 18 янв. 1857 г. и 28 мая 1858 г.

Сандепу и Мукденъ [1]).

(Воспоминанія запаснаго).

До полуночи все было тихо, но приблизительно около этого времени, далеко влѣво отъ насъ загрохотала ружейная перестрѣлка, — загрохотала какъ-то вдругъ; до насъ стало доноситься отвратительное жужжаніе пуль, разсѣкающихъ морозный воздухъ, потомъ послышалось довольно громкое и протяжное „ура". Люди встрепенулись; невольно руки схватились за винтовки, а глаза напрягались въ темноту, стараясь разглядѣть — что дѣлается впереди. Жутко становилось при мысли, что если какой-нибудь нервный солдатъ не выдержитъ и выстрѣлитъ, и тогда навѣрно начнется общая перестрѣлка, которую трудно будетъ остановить, и которая можетъ привести къ поголовному истребленію своихъ же людей, посланныхъ въ секреты. Но, слава Богу, все обошлось благополучно; офицеры успокаивали людей, напоминая имъ, чтобы отнюдь не стрѣляли, и тяжелая минута прошла. „Ура!", слышанное вдали, не долго потрясало воздухъ, да и оно было какое-то нервное, напряженное, не дружное; казалось, что это кричали люди не въ пылу боевого восторга и опьяненія, а люди, доведенные до отчаянія или до высшей степени нервнаго напряженія. Потомъ послышались звуки нашего рожка, на которомъ нѣсколько разъ проиграли отбой, и послѣ этого снова настала тишина мертвая.

Мы не знали, кто кого атаковалъ, и какіе результаты этой атаки; быть можетъ, это японцы набросились внезапно на какую-нибудь нашу часть, а быть можетъ, и мы перешли въ наступленіе; ничего намъ не говорила эта холодная и темная ночь, съ ея безчислен-

---

[1]) См. „Русскую Старину" январь 1908 г.

ными и ярко блестящими звѣздами. Каждый изъ насъ сознавалъ только то, что если мы были бдительны до сихъ поръ, то теперь намъ необходимо удвоить эту бдительность.

Вскорѣ послѣ этого командиру полка привели изъ секретовъ какого-то солдата. Приведенный имѣлъ видъ безумнаго человѣка; онъ говорилъ, что ихъ полкъ сейчасъ ходилъ въ атаку, но что эта атака отбита и что японецъ перебилъ всѣхъ людей и знамя ихнее забралъ, а командиръ полка свалился въ оврагъ и былъ почти на смерть задавленъ своими же солдатами. Словомъ, солдатъ этотъ, какъ въ бреду, мололъ про такіе ужасы, отъ которыхъ волосъ становился дыбомъ. Было приказано отвести этого безумца къ начальнику дивизіи и отнюдь не передавать людямъ всего того, что онъ разсказывалъ, дабы этимъ не подорвать и безъ того надорванныя силы.

До самаго утра, мы пролежали на своихъ мѣстахъ, все время всматриваясь въ темноту холодной ночи. Подъ утро морозъ еще болѣе усилился. Между китайцами, обывателями деревни, началось движеніе; они вѣроятно чувствовали, что съ разсвѣтомъ здѣсь снова разгориться бой и теперь видимо торопились убраться куда-нибудь, лишь бы не быть свидѣтелями тѣхъ ужасовъ, кои невольно имъ пришлось пережить въ теченіе предыдущаго дня.

Куда-то пойдутъ эти бѣдняки, гдѣ найдутъ они себѣ пріютъ и гдѣ скроютъ отъ опасности своихъ стариковъ и дѣтей. Мнѣ врѣзался въ память одинъ молодой китаецъ, который долго бѣгалъ по улицамъ, издавая одинъ и тотъ же жалобный звукъ: Ма-а, Ма-а. Видимо онъ кого-то искалъ и, не будучи въ состояніи найти, кричалъ съ тоской и отчаяніемъ голоса. Онъ нѣсколько разъ пробѣгалъ по окраинѣ деревни, не обращая никакого вниманія на лежащихъ вдоль стѣнокъ солдатъ, спускался неоднократно въ оврагъ, и тогда изъ глубины послѣдняго слышалось это тоскливое и душу раздирающее ма-а, ма-а. Наконецъ на этотъ зовъ изъ-за угла одной фанзы едва передвигая ноги вышла старушка китаянка и нѣжнымъ любящимъ голосомъ начала говорить съ обезумѣвшимъ отъ отчаянія юношей, который, услыхавъ ея голосъ, порывисто бросился къ ней, и вскорѣ они исчезли въ улицѣ деревни. Вѣроятно это сынъ искалъ свою старуху мать, которую онъ боялся потерять въ общей суматохѣ.

Китайцы быстро складывали свой скарбъ на арбы, запрягая въ нихъ лошадей и муловъ, и торопливо покидали деревню, стараясь выбраться отсюда до разсвѣта, а мы лежали и думали о томъ, что намъ принесетъ съ собою этотъ разсвѣтъ.

Мало по малу на востокѣ горизонтъ прояснялся; вотъ рѣзко

обозначились контуры окрестныхъ деревень, съ ихъ огромными рощами; звѣзды меркли одна за другой. Впереди мы уже ясно различали наши отходящіе секреты; теперь уже можно было разглядѣть красныя обмороженныя лица солдатъ, заледенѣлые усы и бороды, покрытыя инеемъ папахи, и ружейные стволы.

Впереди щелкнулъ выстрѣлъ, и пуля, жалобно воя, разрѣзала надъ нами воздухъ и громко чмокнула глиняную стѣну фанзы; за ней другая, третья, и началась непрерывная трескотня. Показались безконечныя цѣпи японцевъ, быстро двигающіяся къ намъ, за ними шли ряды резервовъ, и всѣ эти черненькія безчисленныя фигурки совершенно ясно различались на бѣлой поверхности поля. Временами фигурки эти куда-то пропадали, прячась за неровности мѣстности, но въ общемъ вся эта масса людей стремилась къ намъ, видимо съ твердымъ намѣреніемъ дойти на растояніе штыка.

Судя по длинѣ фронта наступающей цѣпи и по массамъ, идущимъ за цѣпями въ нѣсколько линій резервовъ, можно было заключить, что теперь противъ нашихъ трехъ баталіоновъ двигалось не менѣе двухъ полковъ, и съ этой массой приходилось считаться безъ пулеметовъ, пушекъ и безъ окоповъ, которыхъ мы не могли строить, за неимѣніемъ инструментовъ. Минута была рѣшительная. Солдаты мрачно смотрѣли впередъ, и многіе высказывали сожалѣніе, что нѣтъ у насъ ни пушекъ, ни пулеметовъ, изъ которыхъ можно было бы отлично поподчивать смѣло наступающаго противника. Необходимо было хоть чѣмъ-нибудь подбодрить людей и показать имъ, что наступающія массы совсѣмъ не такъ страшны, какъ это могло казаться съ перваго раза. Въ виду этого было приказано двумъ лѣвофланговымъ ротамъ открыть по наступающимъ огонь залпами, а баталіону спуститься въ оврагъ и занять наружную его окраину съ тѣмъ, чтобы встрѣтить подходящаго непріятеля огнемъ съ болѣе близкой дистанціи и не дать ему возможности занять оврагъ и, укрывшись въ немъ, собраться для удара въ штыки.

Замѣтивъ передвиженіе нашихъ войскъ, непріятель открылъ жестокій ружейный огонь; вмѣстѣ съ тѣмъ мы ясно слышали, какъ заговорили непріятельскіе пулеметы, которые японцы очевидно подвезли ночью. Пули роемъ неслись къ намъ, перелетая и падая между нашими наступающими частями. Нѣсколько солдатъ упало ранеными: нѣкоторые изъ нихъ остались неподвижными, а нѣкоторые корчились отъ боли, стонали и просили помощи.

Мы быстро двигались впередъ, стараясь какъ можно скорѣе укрыться въ оврагѣ и открыть огонь съ противоположнаго его склона.

Наконецъ мы достигли до этого склона, но здѣсь сразу стало

замѣтно, что непріятель понялъ цѣль нашего передвиженія и рѣшилъ воспрепятствовать нашимъ дѣйствіямъ силою и мѣткостью огня своихъ пулеметовъ.

Надъ гребнемъ оврага несся градъ свинца, направленный изъ мѣткаго дула пулемета. Пули съ яростью пролетали между мелкими кустами ивняка, сшибая вѣтки, и занимать здѣсь позицію для открытія огня было очень рискованно; тѣмъ не мѣнѣе люди, крестясь, вскарабкались на гребень оврага и открыли частый пачечный огонь. Здѣсь можно было наблюдать то спокойствіе и тотъ непоколебимый духъ отваги, который присущъ русскому солдату и который двигаетъ его на геройскіе подвиги. Надо было быть въ этомъ оврагѣ и слышать у себя надъ головой гулъ отъ летящаго свинца, видѣть, какъ этотъ свинецъ рѣзалъ растущій по гребнямъ оврага ивнякъ, и сознавать въ то же время, что нужно вотъ сейчасъ войти въ сферу этого ужаснаго урагана, который конечно начнетъ пронизывать ваше тѣло. И между солдатами находились такіе смѣльчаки, которые отпускали въ эти минуты шуточки и остроты, стараясь подбодрить упавшихъ духомъ товарищей.

— Ну, землячки, впередъ, впередъ; двухъ смертей не бывать — одной не миновать, кричали солдаты, выбираясь изъ оврага и обращаясь къ бородачамъ-запаснымъ, которые, крестясь и вздыхая, тежело взбирались на откосъ.

— О, Боже милостивый, сохрани и помилуй, крестились запасные.

— Съ колѣна, ребята, пали съ колѣна,—кричали солдаты:—ловчѣй будетъ, лежа-то оно не видать.—Многіе тутъ же падали убитыми наповалъ, многіе вскрикивали, будучи ранены. Вообще было очень жарко.

— Отъ ефтаго вѣтра и помереть можно,—говорили солдаты.

— Онъ изъ тебя душу-то выпретъ.

— Поприддержись, чтобъ съ ногъ не свалило.

— Работ-а-а-а-й,—кричалъ одинъ шутникъ,—стараясь подражать ямщику, подгоняющему лошадей и начиная палить изъ винтовки.

— Нахлестыв-а-а-а-й,—вторилъ ему другой.

Много здѣсь полегло народа.

Не долго мы пролежали на этомъ мѣстѣ, ведя оживленную перестрѣлку съ непріятелемъ, но все же мы продержались бы тутъ, если бы къ фронтальному огню не присоединился бы и фланговый. Вѣроятно нѣсколько японскихъ стрѣлковъ еще ночью пробрались впередъ и заняли такой пунктъ, изъ котораго они могли обстрѣливать продольно оврагъ, и теперь стало очевиднымъ, что держаться въ оврагѣ невозможно.

Приказано было отходить на прежнія мѣста; но непріятель

перенесъ теперь огонь своихъ пулеметовъ на заднiй склонъ оврага, и видно было, какъ поднималась пыль отъ безпрестанныхъ ударовъ пуль объ этотъ склонъ. Приходилось перебѣгать черезъ эту зону смерти. Помню, и я перекрестился и вручилъ себя волѣ Божьей передъ тѣмъ, какъ переходить это мѣсто. Пули безпрестанно шлепались, но ни одна не задѣла ни нашего командира, ни насъ, идущихъ за нимъ.

Сравнительно благополучно баталiонъ вернулся на прежнiя мѣста и расположился за стѣнками деревни, открывъ изъ-за нихъ огонь. Но тутъ заговорила и непрiятельская артиллерiя. Шимозы рвались, падая на землю и поднимая огромные столбы бураго дыма; шрапнели безпрестанно рвались надъ стѣнками, осыпая насъ пулями; нѣкоторыя попадали въ стѣнки и убивали на смерть людей; слышна была ружейная трескотня, среди которой ясно различалось мѣрное и правильное та-та-та пулеметовъ. Въ довершенiе всѣхъ бѣдъ на насъ, подобно тому, какъ это было и вчера, полетѣли снаряды непрiятеля справа.

Командиръ полка еще передъ разсвѣтомъ, предвидя бой и не разсчитывая на силы нашего небольшого отряда, послалъ записку къ сибирскимъ стрѣлкамъ, стоявшимъ позади насъ, прося у нихъ поддержки, но они сами готовились къ упорному бою и не могли выдѣлить въ помощь къ намъ ни одного человѣка. И вотъ теперь, когда на насъ напирала цѣлая масса непрiятельскихъ войскъ съ фронта и когда непрiятель зашелъ къ намъ и съ праваго фланга, невольно возникъ вопросъ относительно дальнѣйшей обороны этого пункта. Будь мы еще въ окопахъ было бы еще другое, не наши укрытiя отъ огня были настолько слабы, что ихъ легко разрушали снаряды непрiятеля; будь у насъ еще артиллерiя и пулеметы—мы могли бы оказать упорное сопротивленiе, но и этого у насъ не было. Наконецъ, и наша задача на сегодняшнiй день еще не опредѣлилась, такъ какъ мы не получали никакихъ указанiй объ этомъ, и то, чѣмъ должны мы были руководствоваться вчера—то есть выждать подготовки артиллерiйскимъ огнемъ атаки на Сандепу и тогда только перейти въ наступленiе—сегодня, очевидно, не имѣло уже смысла, такъ какъ непрiятель самъ перешелъ, повидимому, въ энергичное наступленiе.

Взвѣсивъ все это и принимая во вниманiе значительную убыль въ людяхъ, командиръ рѣшилъ взять на себя отвѣтственность и приказалъ отходить на расположенныя сзади наши войска.

Ничего не можетъ быть хуже и ужаснѣе, какъ отступать подъ огнемъ и напоромъ непрiятеля. Люди въ этомъ случаѣ теряются, и возстановить порядокъ среди массы отступающихъ войскъ дѣло

очень и очень не легкое. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Приходилось чуть не каждой ротѣ указывать ея мѣсто; приходилось вмѣстѣ съ тѣмъ не задерживаться долго и отходить скорѣе, потому что мѣстность была совершенно открытая и ровная.

Непріятель, видя наше отступленіе, конечно постарался поддать намъ пару и усилилъ свой огонь.

Не скажу, чтобы мы отступали въ порядкѣ, и я не знаю—есть ли гдѣ-либо такая армія, которая была въ состояніи выполнить этотъ злополучный маневръ съ соблюденіемъ стройности и порядка. Скажутъ, что виноваты офицеры; но въ данномъ случаѣ и ихъ нельзя винить. Я видѣлъ такихъ офицеровъ, которые лишились голоса отъ непрерывнаго крика, и все же они не могли ничего сдѣлать; да и какъ сдѣлать, когда люди не слышатъ ни вашего голоса, ни вашихъ свистковъ и не слышатъ потому, что они не всѣ находятся въ близкомъ разстояніи отъ офицеровъ, и еще потому, что имъ мѣшаетъ непрерывный грохотъ орудійной и ружейной пальбы.

— Направленіе на дерево,—иступленно и осипшимъ голосомъ кричитъ ротный командиръ, — указывая обнаженной шашкой это направленіе. Ближайшіе къ нему люди слышатъ, понимаютъ и берутъ указанное направленіе, но тѣ, которые отстоятъ отъ ротнаго въ шагахъ пятидесяти, уже не слышали его голоса и продолжаютъ идти по прежнему направленію. Рота разбредается. Командиръ начинаетъ выходить изъ себя.

— Куда пошли, дураки, куда-куда,—какъ зарѣзанный оретъ онъ, и смѣшавшіеся люди еще болѣе теряются. А тутъ каждую секунду сверлятъ воздухъ шимозы, лопаются шрапнели, и какъ шмели непрерывно жужжатъ пули.

— Рота, сто-о-о-й,—уже съ полнымъ отчаяніемъ вопитъ ротный;— нѣкоторые останавливаются, но нѣкоторые не слышатъ и идутъ дальше.

Ротный окончательно выходитъ изъ себя. Онъ уже мокрый; уже не говоритъ, а хрипитъ, неистово ругаясь по адресу тѣхъ, кому понадобилось это проклятое отступленіе. И все же онъ ничего не можетъ сдѣлать; рота отходитъ въ безпорядкѣ. Единственное, что можно похвалить во всѣхъ этихъ отступленіяхъ—это то, что нашъ солдатъ никогда не бѣжалъ въ это время; всегда онъ шелъ и даже, если хотите, флегматично шелъ, какъ бы вручая себя въ руки судьбы и сознавая, что пуля виноватаго всегда найдетъ.

Кое-какъ, поддерживая другъ друга огнемъ, мы отошли къ деревнѣ, которая оказалась занятой полкомъ сибирскихъ стрѣлковъ; они указали намъ на сосѣднюю деревню, еще не занятую нашими войсками. Сюда и перешли одна за другой наши роты, располо-

жившись снова за стѣнками и во рвахъ, коими изобиловала эта деревня. Сюда же вскорѣ прибыли и остальныя роты нашего полка, съ которыми мы разстались вчера, и такимъ образомъ весь нашъ полкъ собрался въ этой деревнѣ.

Каждой ротѣ былъ указанъ для обороны ея участокъ.

Прибылъ саперный полковникъ и съ нимъ нѣсколько саперъ, подъ руководствомъ которыхъ наши люди пробили удобные ходы въ стѣнкахъ, черезъ которые (ходы) можно было быстро поддержать другъ друга въ случаѣ атаки непріятеля.

Съ часъ времени непріятель далъ намъ отдохнуть, и мы свободно могли расположиться и устроиться на новыхъ мѣстахъ для обороны.

Около полудня на насъ снова посыпались непріятельскіе снаряды. Пѣхота его не показывалась, и ружейный огонь на этотъ разъ насъ не безпокоилъ. Артиллерія чрезъ наши головы начала бросать свои снаряды по артиллеріи противника; нѣкоторыя шрапнели, разрываясь преждевременно, угрожали намъ раненіемъ, и дѣйствительно въ полку было нѣсколько человѣкъ раненыхъ своими же снарядами, но это зло считается неизбѣжнымъ. Во всякомъ случаѣ, сидя за стѣнками этой деревни, мы чувствовали себя несравненно спокойнѣе, чѣмъ раньше, потому что опасаться обхода здѣсь уже не приходилось, такъ какъ на нашихъ флангахъ были свои же войска.

Солдаты грызли сухари, а нѣкоторые, расположившись за фанзами, попивали и чаекъ и въ общемъ, несмотря на огонь противника, всѣ были спокойны.

Денщики откуда-то принесли перекусить офицерамъ. Одинъ изъ нихъ—молодой парнишка, бодрился, сидя подъ огнемъ и говорилъ, что ему совершенно не страшно, но въ это время лопнула по близости шрапнель и пробивъ шинель этого денщика, сильно ударила его по ногѣ кружкомъ діафрагмы, который и упалъ тутъ же обезсиленный въ своемъ полетѣ.

Несчастный схватился за ногу, думая, что онъ раненъ, но такъ какъ крови не было, то онъ и успокоился, отдѣлавшись только большимъ желвакомъ; солдаты начали шутить надъ неудачникомъ, говоря, что въ обозѣ житье не примѣръ лучше и спокойнѣе.

Другой солдатъ, сидящій тутъ же, былъ раненъ трубкою отъ этой же шрапнели въ голову; этотъ какъ-то сразу облился весь кровью и поддерживаемый товарищами поплелся въ фанзу для перевязки.—Она, братъ, шутить не любитъ,—говорили солдаты;—ишь шмякнула, ровно въ тѣсто.

Цѣлый день пробыли мы въ этой деревнѣ подъ артиллерійскимъ огнемъ, который временами ослабѣвалъ, а временами уси-

ливался какъ-то вдругъ. Очевидно японцы нащупывали нашу артиллерію и обстрѣливали для этого мѣстность площадями. И вотъ, когда очередь доходила до нашей деревни, то въ нее начинали градомъ сыпаться снаряды, обдавая насъ своими удушливыми газами, пылью, комьями мерзлой земли и пулями. Но такой ураганъ продолжался обыкновенно въ теченіе нѣсколькихъ минутъ; потомъ онъ переносился на другое мѣсто, и черезъ наши головы летѣли тогда наши снаряды къ непріятелю. Нѣкоторые изъ нихъ оглушительно рвались надъ нами, и тогда между людьми поднимался споръ, и большинство никакъ не могли повѣрить тому, что это именно наши преждевременно лопнувшія шрапнели.

До наступленія темноты велась такая перестрѣлка; она была почти безрезультатна, потому что потери у насъ были невелики.

Далеко вправо отъ насъ слышалась сильная ружейная трескотня;—то сибирскіе стрѣлки отбивали атаки. Намъ же на сей разъ было приказано повременить переходомъ въ наступленіе, даже и въ томъ случаѣ, если бы сибиряки двинулись впередъ. Словомъ, мы должны были сидѣть и ждать дальнѣйшихъ приказаній.

Стемнѣло. Бой затихъ. Приказано было выставить сторожевое охраненіе, въ которое назначены были двѣ роты: никто имъ, конечно, не завидовалъ, потому что ночь обѣщала быть снова очень холодною. Прочія роты расположились каждая на своемъ участкѣ, люди раздобылись гаоляномъ и устроили себѣ даже шалаши, намѣреваясь предаться въ нихъ сладкому отдохновенію. Желая поддержать силы людей, командиръ приказалъ дать имъ по чаркѣ водки, которую и подвезли вмѣстѣ съ прибывшими подъ покровомъ ночи кухнями, но впослѣдствіи пришлось сильно въ этомъ раскаяться, потому что, благодаря этой злополучной чаркѣ, выпитой на голодный желудокъ, въ полку оказалось почти половина людей пьяныхъ.

Офицеры расположились по фанзамъ и также намѣревались отдохнуть и хотя немного обогрѣться. Всѣ успокоились, и большинство сладко спало; не спали только роты сторожеваго охраненія.

Вдругъ часа въ три ночи къ командиру прибылъ ординарецъ отъ начальника дивизіи и передалъ какую-то записку, содержаніе которой, какъ онъ доложилъ, было весьма важное и требовало немедленнаго исполненія.

Въ запискѣ значилось: собрать немедленно полкъ и отступить на Джяньтань.

Забѣгали ординарцы и посыльные; заспавшіеся офицеры побѣ-

жали къ своимъ ротамъ и начали будить людей, но не такъ-то легко было это сдѣлать: многіе были пьяны, и никакъ не могли понять—чего собственно отъ нихъ требуется; всѣ спали и такъ спокойно и крѣпко, какъ будто бы находились въ какой-нибудь Калужской губ., грѣясь на своей печи. А нужно было торопиться, потому что отъ стоящихъ рядомъ съ нами сибирскихъ стрѣлковъ получилось увѣдомленіе, что они уже уходятъ, и такимъ образомъ нашъ правый флангъ былъ уже обнаженъ.

Вслѣдъ за этимъ снова получилась записка отъ начальника дивизіи, который торопилъ полкъ скорѣйшимъ отходомъ.

Никто не понималъ—что такое случилось, и чѣмъ собственно вызвана необходимость столь поспѣшнаго отступленія. То говорили, что пойдемъ впередъ, а теперь вдругъ назадъ поворачивать. Словомъ, была полная неопредѣленность, а тутъ еще пьяные, съ которыми пришлось дѣйствовать даже съ помощью увѣсистыхъ тумаковъ. Наконецъ, полкъ построился въ резервную колонну; сторожевое охраненіе снималось съ началомъ движенія, и вотъ, едва только тронулась головная рота, какъ впереди щелкнулъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, и пошла кутерьма; къ ружейному огню присоединился огонь пулеметовъ, и снова на насъ понесся въ темнотѣ градъ пуль, которыя къ счастью въ большинствѣ случаевъ перелетали, но нѣкоторыя изъ нихъ успѣли уже найти свои жертвы. Помню, какъ теперь, одного уже пожилого солдата-бородача изъ запасныхъ; его ударила пуля въ животъ, и онъ, лежа на землѣ, тихо стоналъ. Къ нему подошелъ офицеръ и хотѣлъ поднять бѣднягу, чтобы передать его санитарамъ.—Умираю, ваше благородіе,—тихо проговорилъ раненый:—чувствую, что умираю; перекрестите меня, ваше благородіе, и оставьте здѣсь. Офицеръ перекрестилъ бѣднягу и самъ не выдержалъ и заплакалъ.

Люди съ просонковъ совсѣмъ очумѣли, а когда появились раненые, то начали терять голову, и многіе, завязанные башлыками и ничего не видя передъ собою, въ темнотѣ даже не знали, куда имъ идти. Нужно же было, пройдя черезъ проходъ, пробитый въ стѣнѣ, сейчасъ же повернуть направо и слѣдовать по улицѣ деревни, они же стремились прямо, путаясь и суетясь. Тогда пришлось стать на поворотѣ и направлять тѣхъ, которые путались.

Мы шли по какому-то оврагу, все время подъ свистящими надъ головами пулями; были и здѣсь раненые, которые плелись коекакъ за полкомъ, потому что въ темнотѣ санитары не могли всѣмъ своевременно оказать помощи.

Господи! Сколько воспоминаній оставили во всѣхъ насъ эти отступленія; сколько грусти и отчаянія вносили они въ простыя сол-

датскія сердца. Сколько ѣдкихъ замѣчаній приходилось слышать отъ тѣхъ же солдатъ, разговаривавшихъ гдѣ-нибудь у огонька на отдыхѣ, и въ этихъ замѣчаніяхъ было много мѣткаго, остроумнаго и горькаго.

— А что, братцы, теперь видно по новому воевать-то начали: допрежь, какъ намъ сказывали, про отступленія-то и думать начальство запрещало, а теперь вонъ поди жъ ты, что ни страженіе, то и отступленіе; ровно бы и не люди мы, а раки.

— Чудакъ, парень, допрежь-то почитай и анаралы грамоту плохо смыслили, а теперь что умнаго народу развелось—и не перечесть.

— Суворовъ, энта сказываютъ, былъ такой у насъ, такъ онъ, братъ ты мой, задалъ бы чосу намъ теперь, коли бы изъ могилы всталъ.

— Что и говорить. Потому, коли къ примѣру баба на тебя съ ухватомъ, или кочергой попретъ, да отъ нея разъ убѣжишь, другой убѣжишь, а на третій и бабы бояться начнешь.

— Энто вѣрно, что и бабы забояться можно.

— Прикажутъ, такъ и отъ бабы уйдешь.

— Не намъ про это знать; начальство на то есть.

— Такъ-то такъ, а все-жъ чудно̀.

— А ты сполняй, что приказано—вотъ те и сказъ.

— Оно точно и т. д.—всегда слышались въ этомъ духѣ разговоры на эту больную и задѣвающую всѣхъ за живое тему.

Къ разсвѣту мы наконецъ прибыли въ деревню Джяньтань и расположились за стѣнками по берегу рѣки Хунхе, готовые встрѣтить непріятеля, если бы онъ повелъ на насъ атаку; но онъ насъ не преслѣдовалъ и ограничился только занятіемъ тѣхъ деревень, которыя мы такъ поспѣшно очистили.

Часа два мы простояли за стѣнками, потомъ насъ отвели на какую-то площадь и приказали построиться въ резервную колонну; потомъ былъ вызванъ офицеръ для отвода фанзъ, и вскорѣ насъ развели по квартирамъ, и мы расположились въ фанзахъ.

Этимъ и кончилась наша печальная эпопея подъ Сандепу, эпопея, которая намъ стоила не мало жертвъ, если уже не говорить про „холодъ, голодъ и разныя солдатскія нужды, которыя порою бываютъ неизбѣжны“.

И вотъ теперь, вспоминая все пережитое и перечувствованное въ этихъ бояхъ подъ Сандепу, положительно затрудняюсь дать себѣ ясный отчетъ въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ этомъ сраженіи. Положительно не знаю—былъ ли какой-нибудь планъ этого сраженія, планъ, придуманный заблаговременно; да и быть не мо-

жетъ, чтобы не было такого плана, потому что это было бы равносильно безумію. Но если вы меня спросите теперь, понимаю ли я, и отдаю ли, какъ участникъ этого сраженія, себѣ ясный отчетъ въ томъ, что тамъ дѣлалось, то я отвѣчу вамъ: не понимаю и яснаго отчета нашимъ дѣйствіямъ не отдаю.

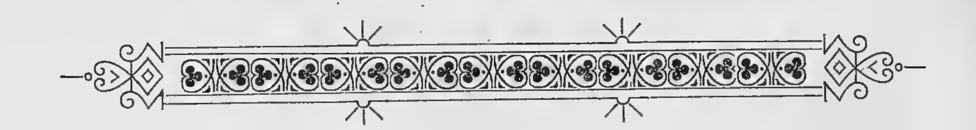
Я не понимаю—почему насъ не двинули сразу въ бой въ помощь той дивизіи, которая штурмовала уже Сандепу до нашего прихода, а заставили, вмѣсто того, зачѣмъ-то простоять цѣлую ночь на морозѣ. Я не понимаю—зачѣмъ четыре роты нашего полка послали въ деревню и приказали идти отсюда на штурмъ, когда наканунѣ цѣлая дивизія штурмовала и не могла взять Сандепу; неужели же думали, что тамъ, гдѣ не могла ничего сдѣлать цѣлая дивизія, сдѣлаютъ какія-то четыре роты. Я не понимаю — зачѣмъ къ намъ приходили сибирскіе стрѣлки съ пулеметами; зачѣмъ они пришли, пострѣляли, уложили своихъ людей, а потомъ снова ушли. Въ концѣ концовъ, я не понимаю—зачѣмъ мы отступили въ Джяньтань, не попытавшись дружно, всѣми силами обрушиться на Сандепу. И никто изъ насъ не понималъ — что такое творится здѣсь, на этомъ полѣ сраженія. Положимъ, мы солдаты и понять ходъ всей операціи намъ не легко, но вѣдь въ турецкую войну сражались такіе же сѣрые солдаты, но спросите участника какой-нибудь шипкинской, карской или плевненской операціи о томъ, что тамъ было, и онъ разскажетъ вамъ конечно безъ всякихъ мудрованій, но все же его разсказъ оставитъ въ васъ впечатлѣніе чего-то цѣльнаго, понятнаго; а здѣсь—хаосъ, сумбуръ и темнота.

Но эта несчастная эпопея смѣнилась новою, которая была еще болѣе мрачна и несчастна.

Н—ъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Одно изъ завѣщаній великаго князя Михаила Павловича.

Въ учебномъ 1865—66 году командиромъ перваго дивизіона Михайловскаго артиллерійскаго училища состоялъ полевой пѣшей артиллеріи капитанъ Николай Борисовичъ Шведеръ. Это былъ одинъ изъ офицеровъ, взятыхъ въ училище генераломъ Ник. Андр. Крыжановскимъ [1]) при назначеніи его послѣ Крымской кампаніи въ должность начальника Михайловскаго артиллерійскаго училища и академіи; человѣкъ пять-шесть Ник. Андр. избралъ для этого изъ числа артиллерійскихъ офицеровъ, съ которыми ему случилось познакомиться въ бытность начальникомъ штаба въ Севастополѣ, въ тяжелую для геройскаго гарнизона этого города годину.

Юнкера очень любили Шведера; онъ часто бесѣдовалъ съ ними, былъ постоянно въ ровномъ настроеніи, хотя бесѣды свои вообще не разнообразилъ и дальше разсказовъ о томъ, какъ ему въ жизни не везло — не шелъ; доброта, или вѣрнѣе, особое добродушіе его привлекало юнкеровъ и располагало къ нему. Весной 1866 года онъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гвард. артил. съ оставленіемъ въ училищѣ; это дало ему возможность попасть скоро въ полковники, при чемъ онъ миновалъ чинъ подполковника. На замѣчаніе юнкеровъ, что ему повезло, онъ отвѣчалъ: да это непремѣнно (онъ хотѣлъ сказать конечно) счастье, но не такой ешо большой. Онъ завѣдывалъ юнкерской кухней; выражалось это завѣдываніе, кажется, только тѣмъ, что каждую субботу онъ, въ совѣщаніи съ юнкерами, составлялъ расписаніе кушаній на предстоявшую недѣлю; при этомъ однажды, на просьбу юнкеровъ, дать къ обѣду въ извѣстный

[1]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ Императора Александра II, оренбургскій генералъ-губернаторъ. При Императорѣ Алексанрѣ III ему было поставлено въ вину дѣло хищнической раздачи киргизскихъ земель въ бытность министромъ государственныхъ имуществъ свѣтлѣйшаго князя Ливена. Генер.-адъют. Крыжановскій былъ уволенъ отъ службы.

день „голубцы“ (капуста, фаршированная мясомъ, рисомъ и лукомъ), онъ отвѣтилъ: „нельзя, господа, голюби теперь ошень дороги“. Ник. Борисовичъ кухни касался мало; завѣдывалъ ею всецѣло фейерверкеръ Зуевъ, вѣчно намасленый, насаленый, жирный и упитанный; столъ однако въ михайл. артил. училищѣ въ тѣ времена, надо отдать справедливость, былъ очень недурной.

Обѣдъ юнкеровъ состоялъ изъ двухъ блюдъ, потому что за нѣсколько лѣтъ до того, въ одинъ изъ неурожайныхъ годовъ юнкера отказались отъ третьяго блюда „въ пользу голодающихъ“. Это рѣшеніе нашихъ предмѣстниковъ мы чтили и оно оставалось въ силѣ.

Лѣтомъ 1866 года Ник. Бор. Шведеръ, возвратясь однажды съ практической стрѣльбы, которою онъ руководилъ, объявилъ намъ, что онъ покидаетъ училище.

Намъ оставалось пробыть въ училищѣ всего полтора - два мѣсяца,—до первыхъ чиселъ августа, тѣмъ не менѣе мы выразили по этому поводу глубокое сожалѣніе.

— Ну можетъ быть до конца лягеръ ешо пробуду, но уфъ половинъ августъ уйду; теперь надо толке явиться виликой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

— Куда, отчего, зачѣмъ и почему? посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

Изъ разсказа Николая Борисовича оказалось, что великій князь Михаилъ Павловичъ оставилъ распоряженіе:—одно изъ своихъ (пакетъ за № такимъ-то) завѣщаній раскрыть лишь тогда, когда умретъ управляющій его ораніенбаумскимъ имѣніемъ.

Въ началѣ іюля 66 же года управляющій скончался; согласно предсмертнаго распоряженія вел. князя, завѣщаніе было раскрыто комиссіей, составленной изъ товарища генералъ-фельдцейхмейстера, генералъ-адъютанта А. А. Баранцева, начальника Мих. арт. училища, генералъ-лейтенанта А. С. Платова, начальника артил. округа генер. лейт. Виламова, инспектора классовъ училища, генералъ-маіора Аксель Вильгельм. Гадолина, командира батареи училища полковника Алекс. Як. Фриде и священника училища отца Гиляровскаго-Платонова. Въ завѣщаніи было сказано, что, съ момента смерти управляющаго, на его мѣсто долженъ быть назначенъ старшій дежурный офицеръ мих. арт. училища, изъ числа прослужившихъ въ училищѣ не менѣе пяти лѣтъ; таковымъ оказался Ник. Борис. Шведеръ;—хотя старшимъ офицеромъ былъ командиръ второго дивизіона полковникъ фонъ Бергъ, но онъ прослужилъ къ тому времени въ училищѣ лишь два или три года. Женѣ бывшаго управляющаго, если таковая ко дню его смерти окажется въ живыхъ, великій князь велѣлъ оставить пожизненно квартиру, „сообразно численному составу семьи“.

*

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ артиллеристы, служившіе въ Стрѣльнѣ и имѣвшіе случай сталкиваться съ Ник. Борисовичемъ въ вагонахъ при проѣздѣ въ Петербургъ или обратно,—обречены были всегда выслушивать отъ него разсказъ объ этомъ осчастливившемъ его эпизодѣ. „Вотъ это былъ повезло", говорилъ онъ.

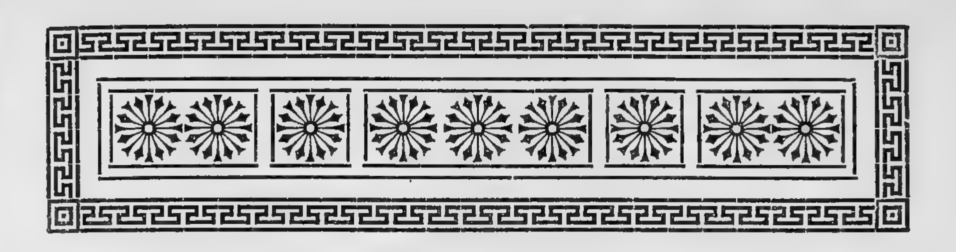
Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, почувствовавъ ослабленіе своихъ силъ, Ник. Бор. Шведеръ обратился къ вел. княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ съ просьбой объ увольненіи его отъ службы. Какъ вел. княгиня его ни уговаривала, онъ стоялъ на своемъ и въ концѣ концовъ удалился. Нельзя, говорилъ онъ; безсовѣстно было бы служить, когда силъ не хватаетъ. Великая княгиня оставила ему пожизненно полное содержаніе и добавила квартирныхъ тысячи полторы или двѣ.

Послѣдніе годы жизни онъ проживалъ въ Саперномъ переулкѣ онъ проходилъ около дома Англареса въ тотъ моментъ, когда случился ужасный провалъ стѣнъ и потолковъ этого дома (кажется, № 11); это подѣйствовало на него крайне удручающе.

Вскорѣ его разбилъ параличъ, а послѣ того онъ недолго прожилъ и скончался въ очень преклонномъ возрастѣ, попользовавшись болѣе такимъ образомъ полутора десятка лѣтъ слѣпымъ счастьемъ, выпавшимъ на его долю.

Сообщилъ А. Е. К.

Новые матеріалы о Н. И. Надеждинѣ.

(Къ біографіи).

Какъ извѣстно, Николай Ивановичъ Надеждинъ, извѣстный мыслитель эпохи Николая I, редакторъ журналовъ „Телескопа“ и „Молвы“, получилъ высшее образованіе въ Московской Духовной Академіи. Въ архивѣ этой послѣдней сохранились нѣкоторые „оффиціальные“ документы о Н. И. Надеждинѣ, не лишенные интереса и проливающіе хотя нѣкоторый свѣтъ на его студенческіе годы въ Академіи. Вотъ мы и рѣшаемся познакомить читателей съ этими, не лишенными интереса, документами.

Николай Ивановичъ Надеждинъ, какъ это и извѣстно, сперва былъ воспитанникомъ Рязанской Духовной Семинаріи. Эта семинарія, по уставу того времени, была подчинена Правленію Московской Духовной Академіи, которому и обязана была представлять ежегодно вѣдомость о поведеніи и успѣхахъ воспитанниковъ съ краткими ихъ біографіями. И вотъ Рязанская Духовная Семинарія *въ 1820 году* за № 383 представляетъ, между прочимъ, Правленію Академіи слѣдующія свѣдѣнія о воспитанникѣ „Средняго“ отдѣленія Николаѣ Надеждинѣ [1]):

---

[1]) Именныя и перечневыя вѣдомости. Дѣло М. Д. А. № 94. 1820 г.

„Ученики перваго разряда.
I. Николай Надеждинъ.

	Лѣтъ отъ роду.	Годъ и число вступленія въ Семинарію.	Способности и прилежаніе.	Успѣхи.	Поведеніе.	Кто какого разряда.	Кто куда поступилъ.	Кто на какомъ содержаніи.
Николай Надеждинъ, Зарайскаго уѣзда, села Бѣлоомута, Преображенской церкви священника Іоанна Иванова сынъ.	16	1815 Генваря 5.	Отличныхъ.	Отличныхъ.	Весьма честное.	I	Въ Московскую Духовную Академію.	На доходѣ съ предоставленнаго дьячкова мѣста.

Въ этомъ же году, какъ уже видно и изъ дѣній, Семинарія отправляетъ Николая Надеждина, для полученія высшаго образованія, въ Московскую Д. Академію и снабжаетъ его слѣдующимъ аттестатомъ [1]):

„Аттестатъ".

„Объявитель сего Рязанской Духовной Семинаріи
ученикъ кончившій курсъ философскихъ наукъ Николай
Надеждинъ, Рязанской епархіи, Зарайскаго уѣзда, села Бѣлоомута,
Преображенской церкви, священника Іоанна Іоаннова сынъ,
имѣющій отъ роду 16-ть лѣтъ.

При способностяхъ отличныхъ
и прилѣжаніи постоянномъ
обучался въ оной Семинаріи наукамъ:

№ 239-й

Философскимъ, Словеснымъ — Отлично
Историческимъ, Математическимъ — Очень хорошо,
языкамъ: латинскому—хорошо,
Греческому—отлично,
Еврейскому очень хорошо,
французскому похвально;
поведенія весьма честнаго.

[1]) Дѣло о составѣ 4 Академическаго Курса. 1820. № 184.

Нынѣ по окончаніи курса философскихъ наукъ
отъ Семинаріи уволенъ для поступленія въ московскую
Духовную Академію: для чего и данъ ему Надеждину
сей Аттестатъ изъ Семинарскаго Правленія. Августа
10 дня 1820 года. Ректоръ Архимандритъ Іеронимъ

Печать правленія Рязанской Духовной Семинаріи.

Инспекторъ и Богословія Профессоръ Протоіерей Георгій Полотебневъ
Экономъ Семинаріи Профессоръ Симеонъ Красильниковъ
Секретарь Яковъ Магнитскій."

Получивъ такой аттестатъ, Н. Надеждинъ отправляется въ Академію, въ которой и начинаетъ *усердно* заниматься науками. Результатомъ этихъ занятій являются блестящія годовыя отмѣтки: всѣ профессора въ концѣ перваго учебнаго года говорятъ о Надеждинѣ: „*отлично* успѣваетъ", а профессоръ: „Исторіи философскихъ системъ"—протопр. Вас. Кутневичъ добавляетъ въ своемъ отзывѣ: „и сочинилъ разсужденіе о системѣ Вольфа на латинскомъ языкѣ—отлично" [1]); а на экзаменахъ же Надеждинъ получаетъ такіе баллы [2]):

По классу чтенія Св. Писанія.	По классу философіи.	По классу всеобщей словесности.	По классу физико-математическихъ наукъ.	По классу греческаго языка.	По классу нѣмецкаго языка.
1	1	1	1	1	1

и въ „разрядномъ спискѣ, составленномъ послѣ открытаго испытанія, произведеннаго 1821 г. Іюня 30 дня и Іюля 1 и 2 дня" занимаетъ *2 мѣсто 1-го разряда.*

Такъ удачно кончился для Надеждина *первый* студенческій учебный годъ. Но не менѣе удаченъ для него былъ и, наступившій вскорѣ послѣ экзаменовъ, и *второй* учебный годъ. И въ концѣ этого, второго, учебнаго года профессора точно также отзываются о немъ: „успѣлъ отлично", и онъ также въ разрядномъ спискѣ, составленномъ послѣ испытаній, занимаетъ второе мѣсто I-го разря-

[1]) Дѣло о производствѣ испытаній Студ. Академ. въ 1821 г. № 73.
[2]) Во времена Надеждина высшій баллъ отмѣчался 1.

да, при оцѣнкѣ успѣховъ по предметамъ слѣдующими баллами [1]):

		По классу философіи.	По классу всеобщей словесности.	По классу математики.	По классу Греческаго языка.	По классу нѣмецкаго языка.
2	Николай Надеждинъ. .	1	1	1	1	1

Но въ этомъ году же съ Надеждинымъ происходитъ и нѣкоторое маленькое „внутреннее“ событіе: посвященіе въ стихарь [2]). Объ этомъ такъ читаемъ въ представленіи Московскому Архіепископу Филарету за № 217 Іюня 30 дня 1822 г. „Правленіе Московской Духовной Академіи, имѣя попеченіе объ образованіи воспитанниковъ Академіи въ проповѣданіи Слова Божія съ Церковной каѳедры, честь имѣетъ представить о рукоположеніи оныхъ въ стихарь, прилагая при семъ списокъ не-посвященныхъ въ оный“.

Списокъ студентовъ, не посвященныхъ въ стихарь:

1. Николай Надеждинъ

На этомъ представленіи была положена такая резолюція Преосвященаго: „№ 74. Іюля 1. По исповѣди представить“.

Во исполненіе этой резолюціи Николай Надеждинъ вмѣстѣ со своими товарищами былъ исповѣданъ. „Предписанные, читаемъ мы въ собственноручной припискѣ на указанномъ представленіи духовника, Студенты: Николай Надеждинъ... (и др.) мною исповѣданы и къ присягѣ приведены въ Трапезной Преподобнаго Сергія церкви, что въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, и по исповѣди и присягѣ не оказались быть сомнительными къ посвященію въ стихарь, въ чемъ и подписуюсь духовникъ

Іеромонахъ Моисей 1822 года Іюля 4-го дня“.

---

[1]) Дѣло о производствѣ внутреннихъ испытаній студ. М. Д. А. за 1822 г. Маія 25 д. № 93.

[2]) Дѣло о рукоположеніи нѣкоторыхъ воспитанниковъ М. Д. Академіи въ стихарь 1822 г. Іюля 5 дня. № 100.

„Значущіеся студенты въ стихарь посвящены Высокопреосвящ. Филаретомъ... въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, въ Троицкомъ Сергіевомъ Соборѣ Іюля 5 дня 1822 года, о чемъ правленію Московской Духовной Академіи вѣдать. Филаретъ, Арх. Московскій".

Такимъ „событіемъ" завершился для Н. И. Н. *второй* учебный годъ, послѣ котораго онъ сталъ уже студентомъ „высшаго" отдѣленія.

Въ началѣ слѣдующаго учебнаго, третьяго года Н. И. ожидало нѣкоторое „предпочтеніе" предъ прочими товарищами. Его, вмѣстѣ еще съ 12-ю товарищами, инспекторъ Академіи въ началѣ 3-го уч. г. рекомендовалъ какъ студента, способнаго быть надъ студентами низшаго отдѣленія „старшимъ".

Объ этомъ такъ читаемъ въ „дѣлѣ о избраніи старшихъ для надзора за поведеніемъ Студентовъ 1822 года Сентября 18 дня № 97":

„Записка объ избраніи старшихъ.

При переведеніи воспитанниковъ Четвертаго Академическаго курса изъ нижшаго отдѣленія въ высшее, и открытіе вновь пятаго курса, для опредѣленнаго правилами устава надзора за поведеніемъ Студентовъ на будущее четырехлѣтіе нужно избрать Старшихъ. Для прохожденія сей должности между воспитанниками высшаго отдѣленія я нахожу способными:

1. Ивана Цвѣткова

. . . .

7. *Николая Надѣждина*

. . . .

13. Ермія Розова,

которыхъ представляя на утвержденіе Академическому Правленію, покорнѣйше прошу снабдить ихъ надлежащими по сему предмету инструкціями.

Инспекторъ Архимандритъ Платонъ.

Сентября 18 дня 1822 года."—

Правленіе Академіи утвердило представленныхъ лицъ и снабдило ихъ слѣдующей, любопытной во многихъ отношеніяхъ, инструкціей, которую мы и позволяемъ себѣ привести сполна:

„Инструкція Старшаго.

I.

Старшему подъ главнымъ надзоромъ Инспектора поручается смотрѣніе за благонравіемъ Студентовъ ему ввѣряемыхъ. А какъ

на основаніи Академическаго устава 1-ой части 66-й статьи въ первое правило благонравія есть порядокъ въ разсужденіи времяни; по сему предметъ наблюденія старшаго есть, чтобы всѣ часы студентовъ располагаемы были по установленному порядку.

II.

Общее росписаніе часовъ въ уставѣ Академическомъ изображенное есть слѣдующее.

a) Въ 6-ть часовъ вставать;
b) 7-й по одѣяніи на молитву;
c) 8-й на пріуготовленіе къ урокамъ;
d) 9-й, 10-й, 11-й и 12-й въ классахъ;
e) 1-й и 2-й на обѣдъ, отдыхъ и прогулку;
f) 3-й и 4-й въ классахъ, кромѣ Четвертка;
g) 5-й на отдыхъ и прогулку;
h) 6-й, 7-й и 8-й на домашнія упражненія;
i) 9-й и 10-й На ужинъ, домашнія упражненія и на вечернюю молитву.

Старшій долженъ наблюдать, чтобы сіе росписаніе времени, а особенно часы молитвы, которая должна быть совокупная, съ точностію соблюдаемы были.—Не всѣмъ, но съ нѣкоторымъ разборомъ можно дозволить оставаться вечеромъ до 11-ти часовъ, но въ 11-ть часовъ огонь долженъ быть непременно погашенъ; вставать, а особливо въ лѣтнее время можно и ранѣе—по произволу.

III.

Хотя между домашними упражненіями Студентовъ музыка, кто оной учится или обучался, и можетъ быть терпима, но пѣніе безъ нотъ, а особливо пѣніе простонародное строго воспрещается. Уст. Ак. ч. I, ст. 72.

IV.

Всѣ студенты безъ изъятія въ Воскресные, праздничные и табельные дни непременно должны находиться при Церковномъ Богослуженіи. Старшій наблюдаетъ, чтобъ студенты ввѣряемые его смотрѣнію приходили въ Церковь къ началу служенія и сохраняли въ Оной приличное святости мѣста благочиніе.

V.

Никто изъ Студентовъ безъ вѣденія старшаго изъ Академіи отлучаться не долженъ, кромѣ прогулки въ садъ, находящійся при Лаврѣ въ назначенное для оной уставомъ время. Отлучка изъ Ака-

деміи во всякое другое мѣсто не иначе можетъ быть допущаема, какъ съ позволенія Инспектора.

VI.

Старшій во всякой замѣченной имъ неблагопристойности въ классѣ и во время стола, со стороны Студентовъ, ему ввѣренныхъ доноситъ Инспектору.

VII.

Хотя посѣщеніе Студентовъ отъ постороннихъ лицъ вовсе и не запрещается; но 1-е о всякомъ таковомъ посѣщеніи въ тотъ же день доноситъ Инспектору; 2-е частыя посѣщенія особливо лицъ малоизвѣстныхъ и позднымъ временемъ не дозволяются. Уст. Ак. ч. 1 ст. 86.

VIII.

Каждый день въ 9-ть часовъ вечера Старшій доноситъ Инспектору о поведеніи Студентовъ и о проступкахъ, имъ замѣченныхъ; о происшествіяхъ же, заслуживающихъ особенное вниманіе, доноситъ ему безъ малѣйшаго промѣдленія. Въ донесеніяхъ своихъ означаетъ: 1-е всѣ ли студенты встали въ свое время и были ли на совокупной молитвѣ; 2-е Всѣ-ли занимались упражненіями по назначеннымъ Академическимъ Уставомъ часамъ; 3-е Всѣ-ли были въ классахъ; 4-е Въ воскресные, Праздничные и Табельные дни всѣ-ли были при Церковномъ Богослуженіи и 5-е Всѣ-ли студенты здоровы или кто изъ нихъ болѣнъ.

IX.

Въ отличіе Старшій имѣетъ: 1-е особенное мѣсто въ Церкви и при столѣ; 2-е предшествуетъ Студентамъ вездѣ въ собраніяхъ; 3-е ему подчиненъ комнатный служитель. Уст. Ак. ч. I. ст. 89.

Сверхъ сего старшій исправнымъ прохожденіемъ должности своей обратитъ на себя особенное вниманіе начальства; и усердіе и вѣрность его къ смотренію за благонравіемъ Студентовъ приняты будутъ въ уваженіе при производствѣ въ степени Академическія.

Академіи Ректоръ Архимандритъ Кириллъ

№ 384. 1820 Сент. 30 дня"—

Таковы были права и обязанности „старшôго" студента. Неизвѣстно, какъ Н. И. Надеждинъ пользовался первыми и исполнялъ вторыя; но извѣстно только, что не въ ущербъ своему „учебному" дѣлу: Въ 1823 году, въ концѣ учебнаго года, инспекторъ доносилъ Правленію Академіи, что студентъ Надеждинъ „поведенія очень хорошаго", а профессора наукъ—Надеждинъ „отлично успѣвалъ", за исключеніемъ проф. Еврейскаго языка, который въ декабрьскую по-

ловину года доносилъ, что „Надеждинъ успѣвалъ: не худо“ [1]). Къ ранѣе изучаемымъ предметамъ для Н. И. въ третьемъ учебномъ году прибавились слѣдующіе: церковная исторія, церковное краснорѣчіе и богословіе съ еврейскомъ языкомъ. Н. И. Н. и во всѣхъ этихъ предметахъ отлично успѣлъ и послѣ годичнаго испытанія въ 1823 г. его успѣхи были опредѣлены такими баллами:

	Первый разрядъ.	По классу наукъ Богословскихъ.	По классу Церковнаго краснорѣчія.	По классу Церковной Исторіи.	По классу Еврейскаго яз.	По классу Греческаго яз.
8	Николай Надеждинъ. .	1	1	1	1	1

Такъ успѣшенъ былъ для Н. И. Надеждина и третій годъ его обученія въ Москов. Д. Академіи.

Наступилъ, наконецъ, теперь и четвертый годъ ученія въ Академіи „послѣдній“. Въ этомъ году Н. И. Н. „отлично успѣлъ“ во всѣхъ предметахъ учебнаго года и сверхъ того изучилъ „отлично“ новый предметъ: Англійскій языкъ“ [2]). Въ силу такихъ его успѣховъ „конференція Московской Духовной Академіи, на основаніи предварительнаго внутренняго и окончательнаго испытаній Студентовъ Академіи“ [3]), представила его въ степень „магистра богословія“, что и утвердила Коммиссія Духовныхъ Училищъ. Послѣ того Правленіе Академіи, принявъ во вниманіе и желаніе Н. И. Н. „служить по Рязанской Епархіи“ [4]), назначило его въ Рязанскую Семинарію профессоромъ словесности и выдало ему слѣдующій аттестатъ о его успѣхахъ въ Академіи [5]).

„Аттестатъ.

Объявитель сего Николай Надеждинъ Рязанской Епархіи Зарайскаго уѣзда села Бѣлоомута Преображенской церкви Священника Іоанна Іоаннова сынъ отъ роду имѣющій „20“ лѣтъ изъ Ря-

[1]) Дѣло о поведеніи студентовъ № 108, годъ 1823.

[2]) Дѣло о поведеніи студентовъ и производствѣ испытаній. 1824 г. № 99.

[3]) Дѣло о возведеніи въ Академич. степени студ. Акад. 4 курса 14 Іюля 1824.

[4]) Дѣло конференціи М. Д. А. объ испрашиваніи... Магистрамъ и Канд. М. Д. А. 4 учебн. курса классныхъ окладовъ, 1825 г. Февр. 18 дня № 5.

[5]) Дѣло съ приложеніемъ копій съ Аттестатовъ студентовъ, кончившихъ IV Академическій курсъ. 1824 г. 21 Ноября, № 107.

занской Семинаріи поступивъ Московскую Духовную Академію въ 1820 годѣ и совершилъ въ
оной учебный курсъ
при способностяхъ отличныхъ
прилѣжаніи неутомимомъ
поведеніи хорошемъ
въ продолженіи онаго оказался успѣвшимъ

въ наукахъ:	Богословскихъ	Отлично
	Философскихъ	
Словесности	Церковной	
	Всеобщей	
Исторіи	Церковной	
	Математикѣ	
въ языкахъ	Еврейскомъ	
	Греческомъ	
	Нѣмецкомъ	
	Французскомъ	
	Англійскомъ	

и принадлежитъ къ первому разряду Академическихъ Воспитанниковъ. Сего 1824 года Октября 20 дня съ утвержденія Коммиссіи Духовныхъ Училищъ Академическою Конференціею возведенъ въ степень Магистра и Академическимъ Правленіемъ опредѣленъ въ Рязанскую Семинарію Профессоромъ Словесности и нѣмецкаго языка. Въ засвидѣтельствованіе чего и данъ ему сей Аттестатъ изъ Академическаго Правленія Ноября „22“ дня 1824 года.

Академіи Ректоръ Кириллъ еп. Дмитровскій
Инспекторъ Архимандритъ Платонъ
№ 706.“— Секретарь Терновскій.

Получивъ, какъ видно изъ приведеннаго аттестата, это назначеніе на Словесность съ нѣмецкимъ языкомъ въ Рязанскую Семинарію, Н. И. Надеждинъ отправился сюда и будучи здѣсь „по приказанію Правленія М. Д. Академіи... введенъ правленіемъ Рязанской Духовной Семинаріи въ дѣйствительное отправленіе профессорской должности по классамъ Словесности и нѣмецкаго языка, съ выдачею ему изъ Академическихъ суммъ ста руб.“ [1]), прослужилъ въ этомъ званіи совершенно немного времени. Въ дѣлахъ Московской Д. Академіи сохранился слѣдующій „формуляръ“ Н. И. Надеждина за 1826-й годъ:

[1]) Дѣло о перемѣщеніи и увольненіи отъ Училищныхъ должностей нѣкоторыхъ наставниковъ по Семинаріямъ Московск. Округа и о опредѣленіи на вакантныя мѣста окончившихъ курсъ Академическій Магистровъ и Кандидатовъ. 1824. № 77.

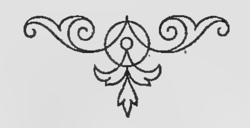
Имя и званіе.	Лѣтъ отъ рожденія.	Изъ какой націи и состоянія.	Гдѣ и чему обучался?	Когда и какъ проходилъ училищныя и другія должности, и какія имѣлъ производства и награжденія?	Какого поведенія, въ должности исправенъ-ли.	Не подлежалъ ли суду и штрафамъ.
Профессоръ Словесности и Нѣмецкаго языка, Библіотекарь, Магистръ Николай Надеждинъ.	22	Изъ великороссіянъ и духовнаго званія.	Съ 1815 года въ Рязанской Духовной Семинаріи обучался языкамъ: Россійскому, Латинскому, Греческому, Еврейскому и Французскому; наукамъ: Словеснымъ, Всеобщей Исторіи, Философіи и Математикѣ. Въ 1820 г. по предписанію Коммиссіи Духов. Учил., для высшаго образованія поступилъ въ Московскую Духовную Академію, гдѣ въ продолженіе четырехгодичнаго курса обучался; Богословію, Философіи, Церковной и Всеобщей Словесности, Церковной Исторіи, Математикѣ, Греческому, Еврейскому, Нѣмецкому, Французскому и Англійскому языкамъ.	1824 года 20 Октября, съ утвержденія Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, Академическою конференціею возведенъ на степень Магистра, и опредѣленъ въ Рязанскую Духовную Семинарію Профессоромъ Словесности и Нѣмецкаго языка; того же года 23 Ноября Семинарскимъ Правленіемъ поручена ему въ оной семинаріи должность Библіотекаря, въ каковой и утвержденъ 1825 года 14 Февраля Преосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Епископомъ Рязанскимъ. Нынѣ онъ, Надеждинъ, по опредѣленію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ согласно его желанію отъ занимаемыхъ имъ при семинаріи должностей и изъ духовнаго званія уволенъ для поступленія въ статскую службу.	Поведенія честнаго, а отъ должности уволенъ.	Не подлежалъ.

Изъ этого формула, или „послужного списка“ видно то, что Н. И. Надеждинъ прослужилъ около двухъ лѣтъ въ Семинаріи, а потомъ перешелъ въ свѣтскую службу.

Этими приведенными „документами“ и исчерпывается все, что̀ сохранилось про Н. И. Надеждина въ Академическомъ архивѣ. Но и приведенные документы весьма важны для біографіи Н. И. Надеждина, и мы вѣримъ, что будущій біографъ Н. И. Надеждина воспользуется ими.

Вас. Чистяковъ.

Сергіевъ Посадъ.
Апрѣль 1907 года.

Высочайшій рескриптъ графу Ѳ. В. Растопчину по возвращеніи его въ Москву въ 1812 г.

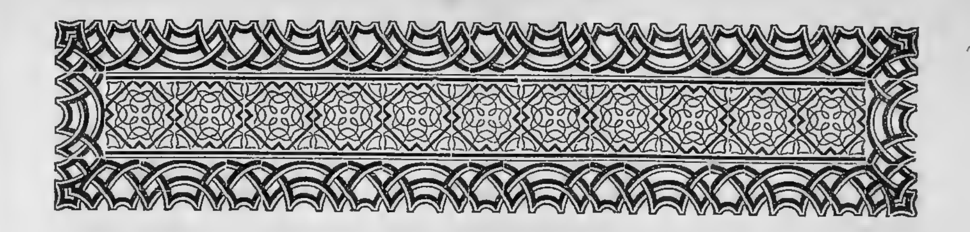
Графъ Ѳедоръ Васильевичъ, обращая печальный взоръ Нашъ на пострадавшую отъ руки злобнаго непріятеля Москву, съ крайнимъ сожалѣніемъ помышляемъ Мы объ участи многихъ потерпѣвшихъ и разоренныхъ жителей ея. Богу такъ угодно было! Неисповѣдимы судьбы Его. Часто въ буряхъ посылаетъ Онъ намъ спасеніе и во гнѣвъ являетъ милость свою. Сколь ни болѣзненно Русскому сердцу видѣть древнюю столицу Нашу большою частью превращенную въ пепелъ; сколь ни тяжко взирать на опаленные и поруганные храмы Божьи; но не возгордится врагъ нашъ сими своими злодѣйствами; пожаръ Москвы потушенъ кровію его. Подъ пепломъ ея лежатъ погребены гордость его и сила. Изъ оскорбленныхъ нечестивою рукою его храмовъ Божіихъ изтекла грозная и праведная месть. Уже руки, наносившія зло Россіи, связаны; уже обращенный въ бѣгство непріятель, предавъ на посѣченіе тылъ свой, льетъ кровавые токи по слѣдамъ своимъ. Гладъ и смерть текутъ за нимъ. Быстрота стопъ не помогаетъ ему. Долгота пути приводитъ его въ отчаяніе. Россія видитъ сіе, и вскорѣ съ радостью увидитъ вся Европа. И такъ хотя великолѣпную столицу Нашу пожиралъ несытый огонь, но огонь сей будетъ въ роды родовъ освѣщать лютость враговъ и нашу славу. Въ немъ сгорѣло чудовищное намѣреніе всесвѣтнаго обладанія, приключившее толико бѣдствій всему роду человѣческому, и приготовлявшее столько же золъ предбудущимъ родамъ. Россія вредомъ своимъ купила свое спокойствіе и славу быть спасительницею Европы. Толь знаменитый и достойный храбраго народа подвигъ исцѣлитъ и не дастъ ей ранъ своихъ чувствовать. Между тѣмъ обращая попечительное вниманіе Наше на пострадавшихъ жителей Московскихъ, повелѣваемъ вамъ немедленно приступить къ призрѣнію ихъ и къ поданію нуждающимся всевозможной помощи, возлагая на васъ обязанность представлять Намъ о тѣхъ, которые наиболѣе претерпѣли. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Александръ.

С.-Петербургъ.
Ноября 11 дня
1812 года.

Сообщилъ В. Афанасьевъ.

Съ кого Пушкинъ списалъ Зарѣцкаго?

Есть особый типъ людей, бывшій очень распространеннымъ въ прежнемъ русскомъ обществѣ—типъ „ёры-забіяки“, враля, хвастуна и лихого малаго. Герценъ [1]), который хорошо зналъ такихъ людей, набросалъ краткую художественную характеристику этого типа. Онъ „часто встрѣчается между польскими панами и особенно между отставными корнетами, живущими въ деревнѣ; къ нимъ принадлежалъ „собутыльникъ“ Дениса Давыдова Бурцовъ, Гагаринъ—Адамова головка [2]) и секундантъ Ленскаго Зарѣцкій... Это люди храбрые, опрометчивые до дерзости, до безразсудства и очень недальніе. Они всю жизнь живутъ воспоминаніемъ двухъ-трехъ случаевъ, въ которыхъ они прошли сквозь огонь и воду, кому-нибудь обрубили уши, простояли подъ градомъ пуль. Случается, что они сперва наклеплютъ на себя отважный поступокъ, апотомъ дѣйствительно его сдѣлаютъ, чтобыподтвердить свои слова. Они смутно понимаютъ, что этотъ задоръ ихъ сила, единственный интересъ, которымъ они могутъ похвастаться; а хвастаться имъ хочется смертельно. При этомъ они часто хорошіе товарищи, особенно въ веселой бесѣдѣ, и до первой размолвки за своихъ стоятъ грудью; и вообще имѣютъ больше военной отваги, чѣмъ гражданской доблести“. Вульгаризованныя и измельчавшія черты этого типа мы

[1]) А. И. Герценъ, „Сочиненія“, т. III, Спб., 1905 г., стр. 399.

[2]) „Князь Гагаринъ, прозванный Адамовой головой, храбрецъ, выигравшій въ 1812 г. у офицеровъ пари, что доставитъ Наполеону два фунта чаю! И доставилъ: и только по благосклонности Наполеона благополучно возвратился въ русскій лагерь“ („Русск. Стар.“ 1880 г., декабрь, 992).

находимъ въ безсмертномъ гоголевскомъ Ноздревѣ. „Такихъ людей"—разсказываетъ Гоголь—„приходилось всякому встрѣчать немало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое... Дружбу заведутъ, кажется, навѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный"... Ноздревъ „имѣлъ, подобно всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много передержекъ и другихъ тонкостей"... Ноздрева ловили съ поличнымъ, колотили, „задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ",—„и, что всего страннѣе, что можетъ только на одной Руси случиться, онъ чрезъ нѣсколько времени встрѣчался опять съ тѣми же пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался, какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего".. „Горе отъ ума" знакомитъ насъ съ Загорѣцкимъ, котораго „ругаютъ вездѣ, и всюду принимаютъ"... Московскій мужъ Платонъ Михайловичъ рекомендуетъ его Чацкому въ такихъ выраженіяхъ:

Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ—
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переносить гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ!

Не лучше отзывается о немъ старуха Хлестова:

Лгунишка онъ, картежникъ, воръ,
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говоритъ,—чай въ карты сплутовалъ...

Узнавъ отъ одного изъ гостей Фамусова пущенный Софьей слухъ о сумасшествіи Чацкаго, Загорѣцкій пуще всѣхъ старается раззвонить эту новость среди гостей. Въ Молчалинѣ Чацкій усматриваетъ нѣкоторыя черты Загорѣцкаго („въ немъ Загорѣцкій не умретъ"). Къ этой же галлереѣ принадлежатъ Тургеневскіе „Бреттеръ" и герой „Трехъ портретовъ".

Въ шестой главѣ „Евгенія Онѣгина" на сцену выступаетъ новое лицо—секундантъ Ленскаго—Зарѣцкій, яркая, интересная фигура. Зарѣцкій носитъ въ себѣ не только общія, типическія черты, но,

судя по отдѣльнымъ, частнымъ подробностямъ, еще личныя. Образъ Зарѣцкаго—несомнѣнный портретъ...

Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Ленскаго, живетъ
И здравствуетъ еще донынѣ
Въ философической пустынѣ
Зарѣцкій, нѣкогда *буянъ*,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсъ, трибунъ трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И *даже честный человѣкъ*:
Такъ исправляется нашъ вѣкъ!
Бывало, льстивый голосъ свѣта
Въ немъ *злую храбрость* выхвалялъ:
Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
Въ пяти саженяхъ попадалъ,
И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня Калмыцкаго свалясь,
Какъ зюзя пьяный, и Французамъ
Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
Новѣйшій Регулъ, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Вери
Въ долгъ осушать бутылки три.
Бывало, онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака
Иль умнаго дурачить славно,
Иль явно, иль исподтишка,
Хоть *и ему иныя штуки*
Не проходили безъ науки,
Хоть иногда и самъ въ просакъ
Онъ попадался какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и тупо отвѣчать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ,

*

Иль помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ *только обезславить*
Веселой шуткою, враньемъ,
Sed alia tempora! Удалость
(Какъ сонъ любви, другая шалость)
Проходитъ съ юностью живой.
Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учитъ азбукѣ дѣтей.
Онъ былъ не глупъ; и мой Евгеній,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его сужденій,
И *здравый толкъ* о томъ, о семъ...

Зарѣцкій передаетъ Онѣгину вызовъ Ленскаго. Онѣгину не хочется драться съ юношей, онъ во многомъ винитъ самого себя, онъ колеблется, но Зарѣцкій уже везетъ Ленскому извѣстіе, что вызовъ принятъ, а разъ въ дѣло вмѣшался Зарѣцкій,—дуэль неизбѣжна...

„...Теперь
Ужъ поздно; время улетѣло...
Къ тому жъ—онъ мыслитъ—въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золъ, онъ сплетникъ, онъ рѣчистъ...
Конечно: быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотня глупцовъ“...
И вотъ общественное мнѣнье!

Къ послѣднему стиху Пушкинъ сдѣлалъ примѣчаніе: „Стихъ Грибоѣдова“. Не только нѣкоторыя черты (шуллерство, сплетничанье, коварство) общія у Загорѣцкаго и Зарѣцкаго:—схожи самыя фамиліи героевъ Пушкина и Грибоѣдова. „Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый,—вотъ черты истинно-комическаго генія“, —писалъ Пушкинъ А. А. Бестужеву, познакомившись съ „Горемъ отъ ума“.

Портретъ Зарѣцкаго приводитъ на память рѣзкіе отзывы Пушкина о графѣ Ѳеод. Иван. Толстомъ, извѣстномъ подъ прозвищемъ

„Американца". Въ 1820 г. Пушкинъ писалъ, что „долго всѣ концы вселенной оскверняль развратомъ онъ", а потомъ исправился—„и теперь онъ, слава Богу, только что картежный воръ". Въ 1821 г. въ посланіи къ Чаадаеву [1]) Пушкинъ повторилъ свой отзывъ почти дословно.

Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но, просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?..

18 октября 1822 г. Пушкинъ писалъ брату, укоряя его, что тотъ показалъ одно письмо его Плетневу: „вся моя ссора съ Толстымъ происходитъ отъ нескромности К. Шаховского". М. Н. Лонгиновъ предполагалъ, что, „вѣроятно, первая эпиграмма Пушкина дошла до графа Толстого черезъ нескромность князя А. А. Шаховского" [2]).

А. Н. Вульфъ разсказывалъ М. И. Семевскому [3]), что „Пушкинъ готовился одно время стрѣляться съ извѣстнымъ, такъ называемымъ американцемъ Толстымъ. Гдѣ-то въ Москвѣ [4]) Пушкинъ встрѣтился съ Толстымъ за карточнымъ столомъ. Была игра. Толстой передернулъ, Пушкинъ замѣтилъ ему это. „Да я самъ это знаю, отвѣчалъ ему Толстой, но не люблю, чтобъ мнѣ это замѣчали". Вслѣдствіе этого Пушкинъ намѣревался стрѣляться съ Толстымъ и, готовясь къ этой дуэли, упражнялся въ стрѣльбѣ".

Въ „Сынѣ Отечества" 1821 г., № 35, гдѣ появилось посланіе къ Чаадаеву, было напечатано: „глупца-философа". Поэтъ писалъ Н. И. Гречу 21 сентября 1821 г.: „зачѣмъ глупецъ? стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда". Въ томъ же посланіи Пушкинъ задѣлъ своего литературнаго противника—М. Т. Каченовскаго—„не изъ ненависти къ нему"—признавался поэтъ въ письмѣ къ Вяземскому 2 января 1822 г.,—„но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду

---

[1]) У Чаадаева съ Толстымъ встрѣчался въ 30—40-хъ годахъ А. И. Герценъ (Сочин. Герцена, т. II. Спб., 1905 г., стр. 405).

[2]) „Русск. Архивъ" 1866 г., ст. 1752.

[3]) „С.-Петербургск. Вѣдомости" 1866 г., № 139—„Прогулка въ Тригорское. Л. Н. Майковъ", „Пушкинъ", Спб., 1899 г., стр. 222.

[4]) Если разсказъ и вѣренъ, то это не могло случиться въ Москвѣ, гдѣ Пушкинъ не бывалъ почти съ дѣтства.

Американца Толстого, котораго презирать мудренѣе". Эпиграфомъ къ „Кавказскому Плѣннику" Пушкинъ хотѣлъ было взять стихи изъ посланія князя П. А. Вяземскаго къ Толстому: „подъ бурей рока—твердый камень, въ волненьяхъ страсти—легкій листъ", но отъ этого эпиграфа Пушкинъ отказался, хотя онъ ему очень нравился: „понимаешь почему не оставилъ его", писалъ онъ Вяземскому 14 октября 1823 г.; очевидно, поэтъ боялся подать читателямъ поводъ къ сравненію и сопоставленію популярнаго Американца съ плѣнникомъ, а Толстому—къ какому-нибудь новому вранью и хвастовству. Вяземскому очень не понравились стихи о Толстомъ въ посланіи къ Чаадаеву, и, готовя сборникъ своихъ стихотвореній, Пушкинъ, по совѣту друга, исключилъ эти стихи изъ посланія: „вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились",—писалъ онъ Вяземскому въ серединѣ апрѣля 1825 г.—„единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ [1]), а не потому, что они другимъ не по нутру". Брату, которой вмѣстѣ съ Плетневымъ хлопоталъ по изданію, Пушкинъ писалъ: „о посланіи къ Ч. скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣгина, если его пасквиль этого стоитъ, и посему попроси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго (непремѣнно)". (Эта эпиграмма-пасквиль намъ неизвѣстна).

Тогда же, въ Михайловскомъ, Пушкинъ готовился къ дуэли съ Толстымъ и упражнялся въ стрѣльбѣ въ цѣль. „Даль свободнаго романа", своего „Онѣгина", Пушкинъ тогда „еще неясно различалъ", и въ четвертую главу „Онѣгина" Толстой не попалъ. По возвращеніи поэта въ 1826 г. въ Москву дуэль едва не состоялась, но противниковъ помирили общіе пріятели [2]), и бывшіе враги подружились. Не трудно предположить, что исходъ дуэли былъ бы для

---

[1]) Вяземскій былъ очень друженъ съ Толстымъ и въ стихахъ своихъ и разсказахъ объ Американцѣ высказалъ глубокую симпатію къ нему. (Сочин. Вяземскаго III, 161—163; VIII, 58—60). Оба они были когда-то „пробочниками", „кавалерами пробки". Къ числу „пробочниковъ" принадлежали Денисъ Давидовъ, Василій Пушкинъ, Батюшковъ. Въ одной застольной пѣснѣ „кавалеры пробки" такъ величали Толстого („Историч. Вѣстникъ" 1903 г., апрѣль, 210—211):

> А вотъ и нашъ американецъ.
> Въ день славный подъ Бородинымъ
> Ты храбро несъ солдатскій ранецъ
> И щеголялъ штыкомъ своимъ:
> На память дня того Георгій
> Украсилъ боевую грудь...

[2]) „Русск. Арх." 1865 г., 2-ое изд., ст. 1240, 1351.

Пушкина печальный. Родственница Толстого М. Ѳ. Каменская [1]) разсказываетъ, что „убитыхъ имъ онъ самъ насчитывалъ одиннадцать человѣкъ и онъ, какъ Іоаннъ Грозный, акуратно записывалъ имена ихъ въ свой синодикъ". „Страсть его была дуэли! Но онъ былъ опасный соперникъ, потому что стрѣлялъ превосходно изъ пистолета и рубился мастерски на сабляхъ", передаетъ Ѳ. В. Булгаринъ [2]). Участвуя въ войнѣ 12-го года, разсказываетъ И. П. Липранди [3]), Толстой „сберегался для отчаянныхъ предпріятій". Но, несмотря на сближеніе съ Толстымъ, который былъ въ 1829 г. даже сватомъ поэта, въ шестой главѣ „Онѣгина", обработанной въ 1827 г., Пушкинъ отвелъ ему обѣщанное мѣсто. Зарѣцкій,—конечно, Толстой; поэтъ описалъ его безъ злобы и раздраженія, отчего типъ Зарѣцкаго только выигралъ съ художественной стороны. (Л. Н. Майковъ [4]) обратилъ вниманіе на сходство Зарѣцкаго съ Толстымъ). Впрочемъ, Пушкинъ не могъ удержаться, чтобы не кольнуть Зарѣцкаго-Толстого. Зарѣцкій спрашиваетъ Онѣгина, гдѣ его секундантъ.

Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любилъ методу онъ изъ чувства,
И человѣка растянуть
Онъ позволялъ—не какъ-нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства,
По всѣмъ преданьямъ старины
(Что похвалить мы въ немъ должны).

Онѣгинъ представляетъ ему секунданта—своего лакея-француза Guillot, и ядовито замѣчаетъ:

„Я не предвижу возраженій
На представленіе мое:
Хоть человѣкъ онъ неизвѣстный,
Но ужъ конечно малый честный".—
Зарѣцкій *губу закусилъ...*

Если Толстой и узналъ себя въ Зарѣцкомъ, то, конечно, виду не подалъ и тоже „губу закусилъ": недаромъ вѣдь онъ умѣлъ „порой расчетливо смолчать". До насъ дошла относящаяся къ концу двадцатыхъ годовъ записка къ Толстому князя П. А. Вяземскаго,

---

[1]) „Историч. Вѣстн". 1894 г., іюль, стр. 44.
[2]) „Воспоминанія", т. V, стр. 203.
[3]) „Замѣчанія на воспоминанія Вигеля", М., 1873, стр. 7.
[4]) „Пушкинъ", Спб., 1899 г., стр. 303.

С. А. Соболевскаго, С. Д. Киселева и Пушкина, съ приглашеніемъ на пріятельскую пирушку".

Грибоѣдовъ, который зналъ Толстого и о немъ говоритъ какъ о „ночномъ разбойникѣ, дуэлистѣ, крѣпко на руку нечистомъ", но умномъ человѣкѣ, худшія черты его передалъ Загорѣцкому. Гораздо полнѣе характеризуетъ Вяземскій этого „американца и цыгана",

Котораго, какъ лихорадка,
Мятежныхъ склонностей дурманъ
Или страстей кипящихъ схватка
Всегда изъ края мечетъ въ край,
Изъ рая—въ адъ, изъ ада—въ рай,
Котораго душа есть пламень,
А умъ—холодный эгоистъ;
Подъ бурей рока—твердый камень
Въ волненьи страсти—легкій листъ...

Ф. Ф. Вигель [1]), познакомившись съ нимъ, остался подъ глубокимъ впечатлѣніемъ его ума. А. А. Стаховичъ въ своихъ „Клочкахъ воспоминаній" [2]) говоритъ: „немногіе умные и даровитые люди провели такъ бурно, безполезно, порой преступно жизнь, какъ провелъ ее Толстой, безспорно одинъ изъ самыхъ умныхъ современниковъ такихъ гигантовъ, какъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ". Даже изъ словъ враждебно настроеннаго противъ него Пушкина видно, что нашъ поэтъ цѣнилъ и признавалъ его умъ. Этотъ умъ, хорошее образованіе, храбрость, хладнокровіе, презрѣніе къ опасности, отвращеніе къ бюрократизму, которое любилъ выказывать Толстой, широкій, щедрый образъ жизни—всѣ эти черты, вмѣстѣ взятыя, давали недюжинную, непошлую, привлекательную личность. Толстой импонировалъ обществу сѣрыхъ, приниженныхъ людей своей вызывающей гордостью. Въ этой бурной, страстной душѣ тоже жилъ соціальный протестъ, но едва-ли ясно сознававшійся его носителемъ и сказывавшійся въ уродливой формѣ грязныхъ скандаловъ и преступныхъ безобразій [3]).

Пушкинъ, лично задѣтый Толстымъ, былъ къ нему не совсѣмъ справедливъ. Вѣрно понялъ людей этого типа глубокій и проницательный Герценъ [4]), тоже знавшій Толстого. „Удушливая пустота

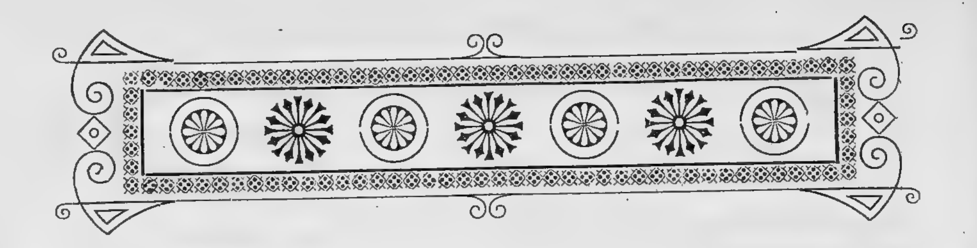
[1]) „Записки", М., 1892 г., II, 144.
[2]) „Былое и думы"—Сочин., II, Спб., 1905 г., стр. 181.
[3]) Цитир. по „Литер. Вѣстн.", т. VII, 1904 г., кн. 2, стр. 43.
[4]) О Толстомъ сохранилось довольно много свѣдѣній, среди которыхъ, впрочемъ, немало анекдотическихъ и недостовѣрныхъ. Краткій очеркъ посвятилъ ему В. И. Саитовъ въ примѣчаніяхъ къ „Остафьевскому архиву кн. Вяземскихъ" (I, 518—520).

и нѣмота русской жизни, страннымъ образомъ соединенная съ живостью и даже бурностью характера, особенно развиваетъ въ насъ всякія уродства. Въ пѣтушьемъ крикѣ Суворова... и буйныхъ преступленіяхъ Толстого-Американца я слышу родственную ноту, знакомую намъ всѣмъ, но которая у насъ ослаблена образованіемъ или направлена на что-нибудь другое... Онъ развилъ однѣ буйныя страсти, однѣ дурныя наклонности, и это неудивительно: всему порочному позволяютъ у насъ развиваться долгое время безпрепятственно, а за страсти человѣческія посылаютъ въ гарнизонъ или въ Сибирь при первомъ шагѣ"...

Н. Лернеръ.

Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина.

Воспоминанія Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова.

Въ 1886 г. Ѳ. А. Бычковъ напечаталъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (февраль, стр. 387—391), статью „Неосуществившаяся газета Пушкина“, посвященную извѣстной неудачной попыткѣ Пушкина въ 1832 г. приступить къ изданію газеты [1]. Матеріаломъ для автора послужили свѣдѣнія, сохранившіяся въ сочиненіи Наркиза Ивановича Тарасенко-Отрѣшкова о Пушкинѣ. Пушкинъ, познакомившись съ Тарасенко-Отрѣшковымъ, иногда выступавшимъ въ печати и слывшимъ за литератора, предложилъ ему раздѣлять редакторскій трудъ и заключилъ съ нимъ договоръ, но этому предпріятію не суждено было осуществиться.

Любезность Ѳ. А. Бычкова, которому приношу глубокую благодарность, дала мнѣ возможность познакомиться съ хранящимся въ его собраніи сочиненіемъ Тарасенко-Отрѣшкова. Это тетрадь, форматомъ въ листъ, въ 103 страницы, переписанная писарскимъ почеркомъ. Поправокъ автора немного, но многое вовсе зачеркнуто, такъ что не поддается прочтенію. Тетрадь носитъ заглавіе: „Значеніе Пушкина въ русской словесности. Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова. С.-Петербургъ. 1858 года“. Это очень плохая критико-біографическая работа, наполненная наивными разсужденіями о Пушкинѣ и вообще о литературѣ и весьма малосостоятельная въ біографической части, гдѣ широко использованы недавно появившіеся анненковскіе „Матеріалы для біографіи Пушкина“. Тарасенко-Отрѣшковъ былъ литераторъ весьма посредственный. П. В. Анненковъ

---

[1]) См. ст. Н. К. Пиксанова „Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневникъ“ (1831—1832)“ въ „Пушк. и его соврем.“, вып. V, стр. 30—74.

разсказываетъ о немъ: „Н. И. Отрѣшковъ успѣлъ составить себѣ репутацію серьезнаго ученаго и литератора по салонамъ, гостинымъ и кабинетамъ вліятельныхъ лицъ, не имѣя никакого имени и авторитета ни въ ученомъ, ни въ литературномъ мірѣ... Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Отрѣшкова, печаталось посмертное изданіе „Сочиненій Пушкина", удивившее даже и тогдашнюю, невзыскательную публику своей безпорядочностью" [1]). Тарасенко-Отрѣшковъ интересовался экономическими вопросами и писалъ о нихъ, но едва-ли съ успѣхомъ. Надъ одной статьей его противъ устройства въ Россіи желѣзныхъ дорогъ смѣялся въ 1836 г. Пушкинъ [2]). По смерти поэта, Отрѣшковъ былъ однимъ изъ членовъ опеки, учрежденной надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина. Имъ были пожертвованы въ Публичную библіотеку нѣкоторые матеріалы, касающіеся біографіи Пушкина и дѣлъ опеки. Съ наиболѣе интересною частью этихъ матеріаловъ мы вскорѣ ознакомимъ читателя „Русской Старины". Нынѣ же даемъ отрывки изъ сочиненія Отрѣшкова о Пушкинѣ, содержащіе его личныя воспоминанія о великомъ поэтѣ. Отрѣшковъ былъ не особенно близокъ къ Пушкину, но все-же въ воспоминаніяхъ его есть кое-что интересное. Этотъ недалекій человѣкъ понималъ высокое значеніе Пушкина; правда, онъ истолковывалъ его довольно криво,—но по крайней мѣрѣ добросовѣстно, хотя кратко записалъ, что зналъ. Если вспомнить, что такіе близкіе къ поэту и привычные къ перу люди, какъ Плетневъ [3]), Жуковскій, Вяземскій, не оставили своихъ воспоминаній о Пушкинѣ, начинаютъ казаться цѣнными даже немногословныя записки Тарасенко-Отрѣшкова.

---

[1]) П. В. Анненковъ, „Воспоминанія и критическіе очерки", т. III, Спб. 1881 г., стр. 258.

[2]) Сочин. Пушкина, изд. Литературнаго фонда, т. VII, стр. 413—414. Можемъ указать статьи Отрѣшкова по экономическимъ вопросамъ въ „Сборникѣ литературныхъ статей, посвященныхъ памяти А. Ф. Смирдина", Спб., 1858 г., т. II, 341—367, т. III, 263—278. Въ 1857 г. онъ выпустилъ брошюру „Посѣщеніе въ Крыму армій союзниковъ и счисленіе потерь въ людяхъ и деньгахъ, понесенныхъ Франціею, Англіею и Піемонтомъ въ нынѣшнюю войну ихъ противъ Россіи", Спб.

[3]) Я. К. Гротъ писалъ въ 1847 г. Плетневу: „если бы ты въ литературѣ менѣе былъ піэтистомъ... то ты, прочитавъ статью Жуковскаго о смерти Пушкина, скорѣе написалъ бы другую." („Переписка Грота съ Плетневымъ", т. III, Спб., 1896 г., стр. 161). „Съ кѣмъ долго живешь вмѣстѣ", — писалъ Плетневъ (ibid, 406)—„не заботишься о сохраненіи въ памяти, а еще менѣе на бумагѣ, частностей жизни, потому что все настоящее и близкое представляется обыкновеннымъ"...

* * *

„... Съ женитьбою Пушкина, при общественномъ его положеніи въ Петербургѣ, появилась неизбѣжная необходимость исполненія многочисленныхъ обязанностей свѣтской жизни и ея развлеченій. При томъ расходы по содержанію дома и увеличеніе семейства весьма озабочивали Пушкина. Для поддержанія своего положенія онъ сталъ изыскивать болѣе выгодныя занятія...“.

Стр. 30.—Далѣе Отрѣшковъ говоритъ о газетѣ Пушкина; этотъ отрывокъ напечатанъ Ѳ. А. Бычковымъ. Стремленіе Пушкина къ журналистикѣ такъ же объяснялъ и князь П. А. Вяземскій. Пушкинъ, писалъ онъ по поводу „Современника“, „не имѣлъ ни достойныхъ качествъ, ни погрѣшностей, свойственныхъ и даже нужныхъ присяжному журналисту... Срочная работа была не по немъ. Онъ принялся за журналъ вовсе не изъ литературныхъ видовъ, а изъ экономическихъ. Думалъ онъ, что совладаетъ съ журнальнымъ предпріятіемъ не хуже другого. Не боги же обжигаютъ горшки. Нѣтъ, не боги, а горшечники; но онъ именно не былъ горшечникомъ“ [1]). Узнавъ, что газета Пушкина не состоится, Гоголь писалъ И. И. Дмитріеву: „газеты Пушкинъ не будетъ издавать, и лучше“ [2]).

* * *

... Пушкинъ былъ небольшого роста, сухощавъ, съ курчавыми, весьма темно-русыми, почти черными волосами, съ глазами темноголубыми. Въ обликѣ лица сохранились еще черты африканскаго происхожденія, но въ легкомъ уже напоминаніи. Даже во множествѣ нельзя было не замѣтить Пушкина: по уму въ глазахъ, по выраженію лица, высказывающему какую-то рѣшимость характера, по едва-ли унимаемой природной живости, какого-то (sic!) внутренняго безпокойства, по проявленію съ трудомъ сдерживаемыхъ страстей. Такимъ по крайней мѣрѣ казался мнѣ Пушкинъ въ послѣдніе годы своей жизни. Къ этому можно еще сказать, что также нельзя было не замѣтить невниманіе Пушкина къ своему платью и его покрою, даже на большихъ балахъ. Въ обществѣ, сколько мнѣ случалось его видѣть, я всегда находилъ его весьма молчаливымъ, избѣгающимъ всякаго высказыванья.

---

[1]) Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. II, Спб., 1879 г., стр. 370—371.

[2]) Письма Гоголя, ред. В. И. Шенрока, I, 228.

Я сказалъ уже, что Пушкинъ въ лицеѣ отклонялся отъ изученія наукъ положительныхъ и предавался только чтенію книгъ, болѣе или менѣе относящихся до словесности. Къ этому можно прибавить, что этому вкусу или потребности природы своего дарованія, онъ не измѣнилъ и впослѣдствіи и не читалъ или читалъ мало книгъ по инымъ предметамъ. Когда, лично познакомившись съ Пушкинымъ, неоднократно я слышалъ, какъ онъ съ свойственной ему откровенностью говорилъ, что не читалъ многихъ изъ называемыхъ ему даже весьма извѣстныхъ сочиненій по части древнихъ и новыхъ философій, политики и исторіи. Конечно, для поэта нужны книги, нужны познанія и особенно въ словесности; но главное нужно вдохновеніе, нуженъ просторъ его творчеству. Иное дѣло для пріобрѣтенія познаній въ наукахъ. Здѣсь необходимъ трудъ; трудъ упорный и продолжительный, необходимо чтеніе книгъ, и при томъ многихъ книгъ. Но Пушкинъ, по выходѣ своемъ въ 1817 г. изъ лицея, вполнѣ предавшись творчеству своей поэзіи, обществу и развлеченіямъ столичной жизни, конечно, не имѣлъ времени заняться науками и чтеніемъ книгъ, до нихъ относящихся. Еще менѣе ему представлялось возможности имѣть много такихъ книгъ во все время, послѣдующее съ 1820 по 1826 г., т. е. во время его пребыванія и странствованій въ Бессарабіи, на Кавказѣ и въ селѣ Михайловскомъ. Потомъ съ 1826 по 1831 г. возвратились къ Пушкину та же привольная жизнь, тѣ же поэтическія занятія съ тѣмъ же вкусомъ и наклонностями, съ тѣми же отлучками и развлеченіями. Наконецъ съ 1831 по 1837 годъ, т. е. по день смерти, хотя Пушкинъ и могъ заняться учеными предметами, но заботливость по содержанію семейства, занятія по словесности, писаніе „Исторіи Пугачевскаго бунта",—при неизбѣжной потерѣ времени, требуемой его новымъ общественнымъ положеніемъ, а главное природная наклонность къ произведеніямъ собственной словесности,— не допустили его предаться иному чтенію и наукамъ.

Зато, при большой памяти, познанія Пушкина собственно въ произведеніяхъ словесности европейской и отечественной были обширны".

Стр. 62—65. — Слова Отрѣшкова о холодности Пушкина къ абстрактному мышленію въ общемъ вѣрны. Сообщая Пушкину, въ январѣ 1826 г., о выходѣ новой книги Галича объ эстетикѣ, Е. А. Баратынскій писалъ ему: „впрочемъ, какое о томъ дѣло, особливо тебѣ! Твори прекрасное, и пусть другіе ломаютъ надъ нимъ голову" [1]).

---

[1]) Переписка Пушкина, ред. В. И. Саитова, I, 317.

* * *

„... Далеко не столь строгимъ судьею является Пушкинъ о многихъ современныхъ ему писателяхъ. Увлекаемый дружбой ко многимъ нынѣ живымъ еще писателямъ, онъ чрезмѣрно цѣнилъ ихъ сочиненія. Приводить здѣсь ихъ имена было бы излишне. Желающіе могутъ найти любопытныя по сему свѣдѣнія въ перепискѣ Пушкина. Пушкинъ высоко цѣнилъ дарованія Гоголя. Но нельзя не удивляться, читая, что Пушкинъ присовѣтовалъ Гоголю заняться дѣломъ совершенно ему несвойственнымъ, а именно написать „Исторію русской критики“. Глубоко уважая и личность и способности Пушкина, Гоголь принялся было за этотъ для него недоступный трудъ; но вскорѣ потомъ его оставилъ.

Столь крайняя снисходительность и даже часто полная увѣренность Пушкина въ значительности дарованія многихъ изъ его друзей, какъ-то: барона Дельвига и другихъ, происходили отъ весьма уважительнаго побужденія его прекрасной души; я хочу сказать, что они происходили отъ пламеннаго желанія Пушкина успѣховъ всякому на поприщѣ русской словесности.

Какого безпристрастія можно требовать отъ воображенія столь пламеннаго, отъ природы столь воспріимчивой? Воззрѣнія Пушкина на всѣ окружающіе его предметы не могли не подчиниться имъ, и доказательствъ тому много найдется въ „Матеріалахъ его біографіи“...

Стр. 69—70.—„Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики“, записалъ Пушкинъ въ своемъ дневникѣ 7 апрѣля 1835 г. [1]. „Но въ записныхъ книгахъ Гоголя“—сообщаетъ Н. С. Тихонравовъ [2]—„нѣтъ слѣдовъ такого сочиненія“. Извѣстно, чѣмъ былъ Пушкинъ для Гоголя, и какъ свято лелѣялъ Гоголь воспоминаніе о своемъ учителѣ и другѣ. „О, Пушкинъ, Пушкинъ!—писалъ онъ Жуковскому въ 1837 г.—„Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни“... [3] „Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ... Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина... Все, что есть во мнѣ хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему“—такъ оплакивалъ Пушкина Гоголь [4].—О талантѣ Дельвига Пушкинъ былъ преувеличенно высокаго мнѣнія, котораго не раздѣ-

---

[1]) Сочиненія Пушкина, изд. литерат. фонда, V, 205.
[2]) Сочиненія Гоголя, изд. 10-е, т. V, стр. 652.
[3]) Письма Гоголя, изд. В. И. Шенрока, I, 459.
[4]) Ibid., 434—435.

лялъ Бѣлинскій, [1]) говорившій, что „Дельвигъ своею поэтическою славою былъ обязанъ больше дружескимъ отношеніямъ къ Пушкину и другимъ поэтамъ своего времени, нежели таланту“ [2]). Тарасенко-Отрѣшковъ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ душевную щедрость и доброту Пушкина.

* * *

„... Я помню, какъ однажды Пушкинъ говорилъ мнѣ, что онъ терпѣть не можетъ—когда просятъ у него: не на водку, а на чай. При чемъ не могъ скрыть своего легкаго неудовольствія, когда я сказалъ, что распространяющійся въ нашихъ сословіяхъ народа обычай пить чай благодѣтеленъ для нравственности, и что этому нельзя не радоваться.—„Но пить чай“, возразилъ Пушкинъ съ живостью,—„не русскій обычай“. (Стр. 71).

* * *

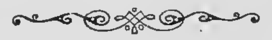
„... Остается сказать о Пушкинѣ какъ о человѣкѣ.

Возвышенность чувствованій и благородство правилъ внушаютъ уваженіе и составляютъ большое достоинство въ человѣкѣ, даже въ самомъ счастливомъ положеніи. Но сколько нужно имѣть твердости души, чтобы неизмѣнно сохранить ихъ въ теченіе всей жизни, какъ сохранилъ Пушкинъ, при врожденной живости характера, при воспріимчивости поэтической его природы?

Конечно, Пушкинъ имѣлъ счастіе съ самой первой молодости стать въ словесности на первое мѣсто и былъ единогласно признанъ первенствующимъ поэтомъ. Но это не уменьшитъ его достоинства—не имѣть ни къ кому зависти и признавать съ всегдашнею готовностью малѣйшее дарованіе.

Привязанность Пушкина къ друзьямъ была искренняя, и со многими изъ нихъ онъ оставался всю жизнь въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Когда случай сводилъ его и съ недругомъ, онъ легко забывалъ прежнія неудовольствія. Если Пушкинъ имѣлъ много искреннихъ друзей и еще болѣе цѣнителей превосходнаго его дарованія, если имѣлъ онъ и недруговъ,—то я увѣренъ, что истекшія 20 лѣтъ ослабили ихъ нерасположеніе, и что теперь и недруги, на-ряду съ друзьями, отдаютъ вполнѣ справедливость прекраснымъ качествамъ души Пушкина“. (Стр. 100—101).

Сообщилъ Н. Лернеръ.

[1]) Полн. собр. сочин. В. Г. Бѣлинскаго, изд. С. А. Венгерова, I, 354, 367, 437; VII, 37; VIII, 286.—Сочиненія В. Бѣлинскаго, ч. IX, М. 1860 г., стр., 260—261.—См. „Русс. Стар“. 1879 г., т. 24, стр. 251.

[2]) Сочиненія В. Бѣлинскаго, ч. IX, стр. 251.

Поминки достойнѣйшаго человѣка и начальника.

„Гдѣ всѣ тѣ, что прежде насъ
въ этомъ мірѣ жили?“...

Потомство должно помнить своихъ предшественниковъ, не только славныхъ въ исключительныя минуты своей жизни, но и, хотя бы болѣе скромно, за то, быть можетъ, всю жизнь достойно потрудившихся въ средѣ прямыхъ своихъ обязанностей.

Въ числѣ такихъ видное мѣсто занимаетъ Петръ Семеновичъ Ванновскій.

Въ виду годовщины (18 февраля) смерти этого славнаго человѣка, хочу разсказать объ одномъ маленькомъ эпизодѣ, наглядно указывающемъ на исключительно прекрасныя качества дорогого нашего покойника.

По случаю постигшихъ меня служебныхъ непріятностей, отправился я, поручикъ кавалерійскаго полка, къ министру П. С. Ванновскому.

Попалъ въ списокъ представляющихся министру. Человѣкъ было до 30-ти, я очутился стоящимъ между полковникомъ генеральнаго штаба, который все время надувался и пялилъ свою грудь, держа руки по швамъ, и капитаномъ, вѣроятно, военнымъ агентомъ, судя по массѣ иностранныхъ орденовъ. Капитанъ этотъ просилъ меня стать по очереди выше его, имѣя въ виду длинную рѣчь къ министру, которую онъ для памяти въ данный моментъ затверживалъ въ полъ-голоса.

Меня забавляло это чрезмѣрно повышенное у всѣхъ настроеніе и въ то же время я удивлялся моему сравнительному спокойствію. Конечно, спокойствіе это являлось слѣдствіемъ сознанія моей правоты, довѣрія къ умному большому человѣку и, наконецъ, философской примиренности со всѣмъ возможнымъ.

Изъ кабинета въ пріемную отворилась дверь, и вышелъ пріятный сѣдой старикъ, опираясь на палку.

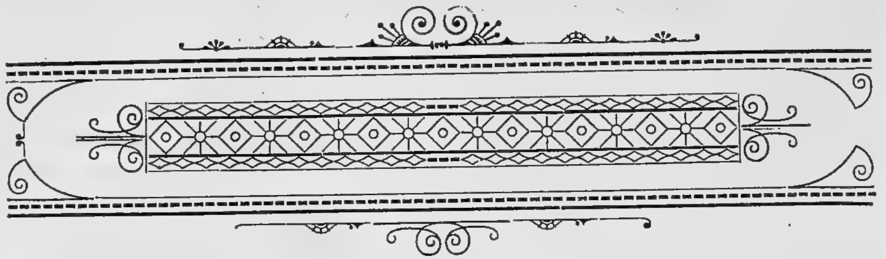
Относясь ко всѣмъ замѣчательно добродушно, онъ даже расцѣловался съ однимъ полковникомъ, разспрашивая его о женѣ и дѣтяхъ.

Когда очередь пришла ко мнѣ, онъ, глядя на мои эполеты, ласково спросилъ: „а вы, поручикъ, что скажете"? Отвѣчаю: я вашему высокопревосходительству писалъ, жаловался на своего командира, но... цѣли не достигъ. Тогда министръ нѣсколько повышеннымъ голосомъ: „неужели вы думаете, что у меня есть время читать ваши незаконные рапорты?"—Я это вижу, ваше высокопревосходительство, и вотъ поэтому-то и явилась необходимость лично быть у васъ! „А вы спрашивали разрѣшенія быть у меня"?—Не спрашивалъ, потому что не разрѣшили бы... а „по нуждѣ и закону перемѣна бываетъ!" „Вотъ вы какой?! Погодите я вашему начальству напишу"... сказалъ милѣйшій Петръ Семеновичъ. Но нужно было слышать шуточный тонъ этой отеческой угрозы, чтобы понять, что побѣда осталась за мной. Онъ въ тотъ же день приказалъ Главному Штабу доложить ему все дѣло обо мнѣ, и я получилъ возможное въ данное время удовлетвореніе.

Справедливое и доброе отношеніе Петра Семеновича не я одинъ на себѣ испыталъ, а потому: пусть живетъ вѣчно среди насъ духовный его обликъ, тогда и намъ теплѣе будетъ, напротивъ: они, видя общеніе живыхъ съ душами покойныхъ, въ свою очередь, будутъ стараться заслужить такое безсмертіе.

Сообщилъ С. Плышевскій.

Въ плѣну у японцевъ [1]).

XI.

Въ 4 часа утра мы подошли къ опушкѣ лѣса и сдѣлали привалъ. Дальше идти нельзя было, такъ какъ начинало свѣтать и слѣдовало позаботиться объ отысканіи удобнаго мѣста для дневки. За нами подымалась гора, поросшая высокими соснами и круто спускавшаяся къ проѣзжей дорогѣ. Впереди разстилалась равнина, покрытая тоже сосновымъ лѣсомъ, за которымъ виднѣлось рисовое поле. Кругомъ, казалось, не было жилья, а потому, поднявшись на гору, мы расположились бивуакомъ.

Между тѣмъ мало по малу стали обнаруживаться очень непріятныя обстоятельства, а именно, съ восходомъ солнца запѣлъ пѣтухъ, а по мѣрѣ того, какъ становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, послышались пѣтухи и по другимъ направленіямъ, и стали раздаваться дѣтскіе голоса, что̀ ясно указывало на сосѣдство цѣлой деревни.

Въ 8 часовъ показались школьники, бѣжавшіе внизу по дорогѣ. Мы хорошо видѣли ихъ шустрыя лица и притаились, а они, остановившись передъ нами, стали смотрѣть въ нашу сторону. Около двухъ минутъ, показавшихся намъ цѣлой вѣчностью, торчали они на одномъ и томъ же мѣстѣ, разговаривая между собой, а затѣмъ весело побѣжали дальше. Мы свободно вздохнули.

— Нѣтъ, мѣсто не надежное, — сказалъ казакъ, придется перейти.

Замѣчаніе было вполнѣ правильное, но всѣ мы такъ устали, что,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1908 года.

сознавая даже опасность положенія, лежали на землѣ, поддакивали, но не трогались съ мѣста. И вдругъ черезъ 1/2 часа побѣжали назадъ тѣ же самые школьники и снова остановились передъ нами. Мы поспѣшили сравняться съ землей. Что привлекало ихъ вниманіе, не знаю. Можетъ быть, какая-нибудь ящерица или змѣя у обрыва, во всякомъ случаѣ лишь только опасность миновала, мы тотчасъ же стали мѣнять мѣсто.

Лѣсокъ оказался такимъ маленькимъ, что положительно негдѣ было спрятаться, и намъ пришлось цѣлый часъ блуждать, прежде чѣмъ удалось отыскать чащу, въ которой мы и расположились.

Это новое мѣсто тоже не было слишкомъ укромно, такъ какъ вдали виднѣлись три фанзы, и ясно слышался разговоръ, но дѣлать было нечего, такъ какъ при переходѣ легко было встрѣтиться съ японцами, а потому мы рѣшили остаться здѣсь.

До полудня все прошло благополучно, но затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ послышались звонкіе, дѣтскіе голоса, а въ 3 часа съ какою-то поспѣшностью, саженяхъ въ пяти отъ насъ, пробѣжали два взрослыхъ японца.

— Пожалуй, дали уже знать изъ Фукуока, и насъ ищутъ, — замѣтилъ казакъ. Дѣйствительно, въ разныхъ мѣстахъ по лѣсу бродили дѣти и взрослые, и намъ казалось, что все это не спроста. Между тѣмъ у Носонова, Фирсова и Басаргина начался скверный, грудной кашель, да такой сильный, что онъ могъ легко привлечь вниманіе японцевъ. Положимъ, они кашляли въ землю или въ рукавъ, но все-таки выходило довольно громко.

Въ это время нервы у насъ были такъ сильно напряжены, что не хотѣлось ни спать, ни ѣсть, но для времяпрепровожденія мы все-таки достали ветчины съ сухарями и закусили въ первый разъ на свободѣ.

Въ 7 часовъ вечера рѣшено было перейти на старое мѣсто близъ дороги, чтобы не блуждать ночью по лѣсу и съ наступленіемъ темноты сразу взять правильное направленіе. Шикунинъ все настаивалъ, что надо пораньше выйти, такъ какъ прошлую ночь мы прошли очень мало. Казакъ наоборотъ держался того мнѣнія, что не слѣдуетъ спѣшить, такъ какъ можно безопасно идти только послѣ 11 часовъ, когда всѣ спятъ, рисковать же не благоразумно, но, уступая неотступнымъ просьбамъ товарища, онъ рѣшилъ наконецъ двинуться въ путь.

Потихоньку прошли мы гуськомъ мимо фанзъ и направились вдоль горныхъ хребтовъ на югъ. Казакъ шелъ значительно впереди насъ. Онъ велъ то дорожками, то тропинками, то рисовыми полями, иногда приходилось проходить деревнями, при встрѣчѣ съ людьми

*

мы брали въ сторону и ложились на землю. Обладая замѣчательнымъ зрѣніемъ, Носоновъ видѣлъ все издалека и шелъ увѣренно, сворачивая то вправо, то влѣво...

XII.

Въ 3 часа утра мы подошли къ лиственной рощѣ, деревья которой едва достигали человѣческаго роста, тѣмъ не менѣе Носоновъ рѣшилъ здѣсь расположиться въ ожиданіи разсвѣта, а съ восходомъ солнца отыскать болѣе подходящаго мѣста для дневки. Идти дальше въ эту ночь ему не хотѣлось изъ опасенія очутиться къ утру на какомъ-нибудь рисовомъ полѣ, на которыхъ вообще спрятаться довольно трудно.

— Придется здѣсь переждать разсвѣта, — замѣтилъ онъ и, помолчавъ немного, продолжалъ, — тутъ, кажется... стоятъ какія-то... укрѣпленія...

Сопоставленіе этихъ двухъ мнѣній показалось намъ съ Шикунинымъ очень страннымъ, и мы высказались за переходъ на другое мѣсто. Между тѣмъ Носоновъ, будучи отъ природы въ высшей степени самолюбивымъ, обидѣлся на наше замѣчаніе: мы уязвили его въ самое сердце. Мы, по его мнѣнію, выказали ему недовѣріе и отняли охоту что-нибудь дѣлать. Онъ сталъ горячиться, спорить и требовать „въ такомъ случаѣ“ указанія подходящаго мѣста. Когда же мы съ Шикунинымъ принялись его отыскивать, казакъ еще больше разсердился, сверкнулъ глазами и воскликнулъ:

— Что же это, господа!?... вы, кажется, со мною и разговаривать не желаете!... въ такомъ случаѣ... пойдемъ, Фирсовъ!—и накинувъ на плечи свою котомку, стремглавъ понесся на прохожую дорогу. За нимъ послѣдовалъ его вѣстовой.

— Бросьте, В. И.! — крикнулъ я ему, — что за вздоръ. Но какъ мы ни уговаривали казака, что вовсе не желали его обижать, онъ не слушался и безъ оглядки быстрымъ шагомъ шелъ впередъ.

Была совершена величайшая глупость: мы разбились на двѣ партіи; Носоновъ остался безъ моряка, который бы его могъ вести по морю, мы безъ казака, умѣвшаго на сушѣ приспособляться къ мѣстности и бывшаго незамѣнимымъ человѣкомъ въ нашей компаніи.

Мы съ Шикунинымъ отправились на поиски казака, желая его убѣдить бросить ссору, для общей — его и нашей пользы, но найти Носонова не могли—онъ исчезъ безслѣдно. Отбросивъ тогда въ сторону всякую осторожность, мы громко его звали, но отвѣта не

послѣдовало; казалось, онъ провалился сквозь землю. Пришлось вернуться обратно въ рощу.

Думать теперь о захватѣ шхуны было нечего, такъ какъ съ одной стороны втроемъ рискованно намъ было дѣлать нападеніе на семерыхъ, а съ другой даже при благопріятномъ исходѣ дѣла насъ было слишкомъ мало, чтобы справиться съ большими парусами. Оставалось только стянуть гдѣ-нибудь шлюпку, переплыть въ Корею, тамъ захватить мѣстную шаланду и идти на ней во Владивостокъ. Корейцы народъ трусливый и не посмѣли бы намъ не повиноваться.

Такъ разсуждали мы, сидя въ кустахъ, какъ вдругъ послышались чьи-то шаги. Это былъ Носоновъ; онъ, должно быть, и самъ рѣшилъ, что благоразумнѣе будетъ прекратить ссору, и сталъ насъ искать. Мы тотчасъ выбѣжали къ нему навстрѣчу. Начались взаимныя объясненія и обвиненія, при чемъ каждый считалъ себя невиновнымъ и видѣлъ вину въ другомъ. Казакъ выставилъ въ оправданіе своего поступка довольно нелѣпое возраженіе: „я думалъ, вы составили заговоръ“, говорилъ онъ; но въ общемъ всѣ были довольны, что снова сошлись.

Такъ какъ во время нашего инцидента уже совершенно разсвѣло, можно было свободно искать мѣсто дневки. Пройдя съ 1/2 часа, мы вошли въ строевой сосновый лѣсъ и расположились у ручейка пить чай. Надо сказать, что передъ нашимъ бѣгствомъ полковникъ Соблуковъ снабдилъ насъ спиртовой лампочкой, которая сослужила намъ большую службу, такъ какъ разводить въ канавахъ, огородахъ и поляхъ костеръ было немыслимо, между тѣмъ дѣйствіе нашей спиртовки никто не замѣчалъ, и ежедневно мы имѣли чай и рисовую кашу.

Казакъ не совѣтовалъ долго задерживаться у ручейка, опасаясь прихода дровосѣковъ, и мы вскорѣ перекочевали на болѣе скрытое мѣсто, которое замаскировали еще вѣтвями и маленькими деревцами, срубленными нашимъ единственнымъ оружіемъ — топоромъ. Вскорѣ мы сидѣли, какъ въ бесѣдкѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ зеленью.

Въ 8 часовъ, согласно предсказанію казака, явились дровосѣки. Мы ихъ видѣли хорошо и слышали ихъ голоса, но они насъ не замѣчали. Я такъ усталъ, что рѣшился немного отдохнуть, а проснувшись около полудня, увидалъ кругомъ себя разостланные кимоно товарищей, на которыхъ сушились подъ палящими лучами солнца сухари, вымокшіе во время переправы черезъ прудъ и отъ грязной воды получившіе мерзкій привкусъ; часть ихъ успѣла въ котомкахъ заплѣсневѣть, но мы рѣшили ихъ не выбрасывать, приберегая на черный день. Вода попала и въ жестяную банку съ чаемъ, который

также покрылся налетомъ ила, а потому казакъ высыпалъ его на кимоно и отъ времени до времени перемѣшивалъ. Муравьи безъ церемоніи ползали по сухарямъ и чаю, но сдѣлать съ ними очевидно ничего нельзя было: мы находились въ ихъ царствѣ—въ сосновомъ лѣсу и приходилось съ этимъ мириться.

Въ 11 ч. вечера мы двинулись въ путь. Сначала тропинкой, потомъ вдоль ручейка и наконецъ пересѣкли дорогу. Впереди насъ лежало большое рисовое поле. Но знаете ли вы, что такое рисовое поле? Это пространство вязкой земли, покрытое на $^1/_2$ аршина водой, изъ которой высовываются маленькіе пучки зелени—рисъ. Уходъ за этими полями долженъ быть самый тщательный, и японцы проводятъ цѣлые дни въ рисовыхъ поляхъ, находясь выше колѣнъ въ водѣ, и съ любовью работаютъ у каждаго пучка зелени. Очевидно, пройти цѣлое рисовое поле очень утомительно, т. к. ноги вязнутъ въ илѣ, а потому по разнымъ направленіямъ проложены твердыя тропинки, которыя разбиваютъ такимъ образомъ поле на мелкіе участки, облегчая ихъ обработку. Одной изъ такихъ дорожекъ мы воспользовались, направляясь на югъ. Встрѣтиться на рисовомъ полѣ съ японцами намъ было очень опасно, такъ какъ тамъ спрятаться абсолютно негдѣ; пришлось бы бѣжать назадъ, свернуть на первую перекрестную дорожку и разсчитывать исключительно на темноту.

Но все обошлось благополучно: идя быстрымъ шагомъ, мы вскорѣ миновали рисовое поле и подошли къ большому поселку, лежавшему на нашемъ пути. Названія его мы не знали, такъ какъ на нашей японской картѣ онъ былъ обозначенъ въ видѣ небольшого кружочка, рядомъ съ которымъ стоялъ замысловатый іероглифъ.

— Я пойду значительно впередъ,—замѣтилъ казакъ,—и лишь только поверну, бѣгите скорѣе всѣ назадъ.

Въ городѣ слышенъ былъ разговоръ, но не прошли мы и 50 шаговъ, какъ казакъ бросился бѣжать къ намъ. Мы тоже выбѣжали изъ города и взяли вправо по городской стѣнѣ, гдѣ и притаились. Показались два японца съ фонарями, за ними еще два, потомъ еще и еще; съ шумомъ выходили они изъ города и направились къ тропинкѣ на рисовомъ полѣ, по которой мы только-что пришли. Казакъ легъ на землю, мы послѣдовали его примѣру. Картина была грандіозная: темная ночь, впереди насъ рисовое поле, походившее на громадное озеро, обросшее камышемъ, по которому тянулась, раскачивая разноцвѣтными фонарями, вереница маленькихъ гномовъ, не замѣчавшихъ насъ, лежавшихъ съ котомками подлѣ высокой каменной стѣны. Повидимому, то была какая-нибудь религіозная процессія.

Полчаса пролежали мы здѣсь и, когда процессія уже совершенно

скрылась, снявъ щиблеты, чтобы не оставлять слѣда европейской обуви, босикомъ двинулись мы по поселку. Вдали былъ еще слышенъ людской говоръ, а въ окнахъ сквозь ставни виднѣлись огоньки. Положеніе становилось очень опаснымъ, но дѣлать было нечего. Вдругъ сзади насъ нагнали вѣстовые и съ поспѣшностью шепнули: „Ваше благородіе! два солдата за нами идутъ!“

Мы побѣжали предупредить казака и всей толпой бросились въ мелководную рѣченку, протекавшую тутъ же, по руслу которой выбрались въ поле.

Съ этой стороны города мѣстность становилась гористой. Сюда подходили отроги главнаго хребта, къ которому мы направились, и только послѣ пяти часового подъема намъ удалось добраться до одной изъ вершинъ. Справа и слѣва отъ насъ спускались крутые откосы, температура пала до такой степени, что становилось холодно, вѣтеръ все усиливался, и временами приходилось, чтобы не слетѣть внизъ, передвигаться на четверенькахъ. Мы всѣ шли въ щиблетахъ, а бѣдный Носоновъ забылъ свою обувь въ баракѣ и кромѣ японскихъ сандалій ничего не имѣлъ. Между тѣмъ по мѣрѣ того, какъ мы подымались, трава становилась все жосче и жосче; она рѣзала ему ноги, и въ открывавшіяся раны попадалъ песокъ и земля. Ноги казака покрылись черными нарывами, и онъ поминутно садился отдыхать...

XIII.

Расположившись на горныхъ вершинахъ у истока живописнаго ручейка, въ тѣни лиственныхъ деревьевъ, мы провели день очень спокойно вдали отъ людского жилья; никого не видали и не слыхали. Это было самое лучшее мѣсто за все наше бѣгство. Здѣсь нечего было опасаться внезапнаго прихода японцевъ, а потому мы разговаривали между собой безо всякой предосторожности. Наши щиблеты и носки, насквозь промокшіе за ночной переходъ, были развѣшаны по кустамъ и сушились на солнцѣ. Фирсовъ и Басаргинъ шили Носонову туфли изъ кожи, отрѣзанной отъ котомки Шикунина, такъ какъ его сандаліи окончательно истрепались.

Въ 7 часовъ вечера мы двинулись дальше. Впереди, какъ всегда, шелъ казакъ въ своей сѣрой тужуркѣ съ серебряными погонами, въ фуражкѣ съ желтымъ околышемъ и въ новыхъ самодѣльныхъ туфляхъ, а за нимъ гуськомъ всѣ остальные. По мѣрѣ того какъ мы спускались внизъ, виднѣлись слѣды человѣческихъ рукъ; въ травѣ валялись свѣжія стружки, мѣстами лежали, сложенныя въ видѣ

колодъ, бревна. Корни срубленныхъ деревьевъ еще не успѣли потемнѣть.

Казакъ по временамъ дѣлалъ свои замѣчанія: „здѣсь дровосѣки были"... говорилъ онъ „...здѣсь конь прошелъ вчера... тутъ должна стоять фанза", и остановившись, онъ просилъ насъ немного переждать, а самъ крадучись направился къ свѣже-срубленнымъ бревнамъ, посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ дровосѣковъ. Стояла мертвая тишина, и лишь изрѣдка раздавался трескъ отъ сухихъ сучьевъ, на которые казакъ нечаянно наступалъ...

Ручей, вдоль котораго мы шли, живописно извивался между двумя естественными зелеными откосами, украшенными строевымъ лѣсомъ, и то справа, то слѣва принималъ въ себя быстрые горные потоки, врывавшіеся въ него частью въ видѣ быстринъ, частью въ видѣ живописныхъ водопадовъ.

Проходя деревни, мы часто встрѣчались съ японцами; но тотчасъ же, сворачивая въ сторону, ложились въ траву, или вернувшись назадъ ускореннымъ шагомъ, заходили въ дворы, гдѣ пережидали ихъ.

Въ эту ночь мы рѣшили сдѣлать большой переходъ, но, увлекшись этой задачей, упустили изъ виду, что время также идетъ, и къ разсвѣту очутились въ большомъ селеніи, изъ котораго никакъ не могли выбраться. Безпрестанно сворачивали мы то вправо, то влѣво и попадали все въ новыя и новыя улицы: казалось, селенье не имѣло конца.

Казакъ остановился и сталъ прислушиваться; впереди былъ слышенъ топотъ. Мы тотчасъ повернули назадъ и притаились у крыльца перваго попавшагося дома. Шепотъ все усиливался и приближался, а въ это время внутри дома, у котораго мы стояли, раздался стукъ; пришлось бѣжать назадъ.

Пока мы такимъ образомъ блуждали по улицамъ, запѣли пѣтухи, въ домахъ начали открывать ставни, все чаще и чаще слышался разговоръ. Положеніе наше было критическое; казалось мы попали въ заколдованный кругъ, изъ котораго никакъ не могли выбраться, спрятаться же здѣсь между японскими службами было болѣе чѣмъ рискованно.

Уже совсѣмъ свѣтало, когда мы, наконецъ, выбрались изъ селенья и пересѣкли полотно ж. д., но положеніе наше не на много улучшилось, такъ какъ кругомъ насъ лежали безконечныя рисовыя поля со своими торными дорожками. Казакъ прибавилъ шагу. Со вниманіемъ смотрѣлъ онъ на кусты, росшіе въ концѣ поля, но ничего подходящаго для дневки не находилъ. Тогда мы рѣшились на очень рискованный шагъ: мы стали проходить маленькую деревню,

лежавшую недалеко отъ нашего пути, въ надеждѣ найти за ней болѣе подходящія условія дневки. Во многихъ домахъ виднѣлись теперь огоньки, въ другихъ совершенно громко разговаривали, въ третьихъ тушили огни и открывали ставни.

— Ну, други!—замѣтилъ казакъ, выйдя опять на совершенно открытое мѣсто, придется вамъ сегодня въ полѣ дневать.

Дѣйствительно, оставался одинъ исходъ: подойти къ виднѣвшемуся огороду и тамъ гдѣ-нибудь спрятаться. Такъ мы и сдѣлали; забравшись въ канаву, отдѣлявшую огородъ отъ проѣзжей дороги, и расположившись между низенькими кустами, залегли въ нихъ на цѣлый день. Сѣсть или встать не было возможности. Подъ палящими лучами солнца мы обливались пóтомъ и приходили въ ужасъ при мысли, что въ такомъ неудобномъ положеніи намъ предстоитъ провести цѣлый день, но, несмотря на всѣ эти неудобства, мы достали нашу спиртовку, взяли изъ канавы воды и, помянувъ добромъ полковника, сварили себѣ рисовую кашу и заварили чай. Послѣ обѣда Фирсовъ и Басаргинъ заснули, намъ же приходилось поминутно ихъ будить, такъ какъ молодцы храпѣли одинъ другого громче, а въ огородѣ работали японцы.

День прошелъ скучно и однообразно, а къ вечеру появилась бездна комаровъ, которые довершали тягость нашего положенія. Они свирѣпствовали до заката солнца, и мы были рады, наконецъ, въ 11 часовъ тронуться въ путь. Раньше выходить нельзя было, такъ какъ мѣстность была очень густо населена.

XIV.

На нашемъ пути теперь не было ни городовъ, ни деревень, ни заводовъ, а потому увѣренно шли мы впередъ, останавливаясь только у ручейковъ для пополненія запаса воды, которую въ чайникѣ несъ Фирсовъ. Вдругъ послышалась вдали стрѣльба; повидимому, происходили мѣстные маневры войскъ, отправлявшихся на театръ военныхъ дѣйствій. Стрѣльба все учащалась и была слышна какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны. Опасаясь попасть въ японскую часть, которая, ожидая своихъ противниковъ по маневрамъ, зорко слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ кругомъ, мы рѣшили направиться къ опушкѣ лѣса, виднѣвшагося на горизонтѣ, и лѣсомъ пройти въ горы, но не успѣли мы сдѣлать и полъ-пути, какъ изъ-за одной горки открыли по насъ сильный огонь. Чтобы не очутиться окруженными со всѣхъ сторонъ, пришлось бѣжать впередъ и прорваться черезъ эту засаду. Очевидно, японцы въ темнотѣ приняли

насъ за своихъ же солдатъ противнаго лагеря, а потому, не преслѣдуя, продолжали только стрѣлять и въ концѣ концовъ совершенно потеряли насъ изъ виду... Опасность миновала, когда мы достигли опушки лѣса. Между тѣмъ стрѣльба маневрирующихъ войскъ утихала и наконецъ совсѣмъ прекратилась.

Теперь наша задача состояла въ томъ, чтобы обойти высокую гору и, взобравшись на сосѣднюю, съ которой видно было море, высмотрѣть, гдѣ стоитъ наибольшее количество подходящихъ для насъ шхунъ. Мало-по-малу приближалось время нашего нападенія на рыбаковъ, но какъ нарочно вѣтра полторы недѣли не было, а это наводило насъ на грустное размышленіе, что при такомъ состояніи погоды нельзя будетъ выбраться изъ Японіи. Между тѣмъ запасы провизіи все уменьшались.

Отъ виднѣвшейся впереди горы до ближайшаго берега, по нашимъ разсчетамъ, можно было пройдти въ одну ночь, а до Кокурской бухты, откуда легче и скорѣе миновать опасный для насъ Симоносекскій проливъ—въ двѣ ночи. На общемъ совѣтѣ мы рѣшили идти къ ближайшему берегу, если за эту ночь поднимется вѣтеръ, въ противномъ случаѣ направиться въ Кокурскую бухту. Очевидно, рѣшеніе это было вызвано общей усталостью и желаніемъ поскорѣе захватить шхуну, такъ какъ у всѣхъ насъ на ногахъ появились нарывы, раздражавшіеся во время длинныхъ переходовъ.

Мы шли вверхъ по теченію горной рѣчки, которая, тѣснясь между скалистыми берегами, съ шумомъ перекатывалась черезъ многочисленные пороги. У ея истоковъ расположились мы бивакомъ. Отъ утомительнаго перехода по крутымъ горнымъ склонамъ мы такъ устали, что долго не могли отдышаться и около часу лежали на землѣ, какъ убитые. Затѣмъ, отдохнувъ немного, мы принялись собирать хворостъ для костра. Это занятіе было не изъ пріятныхъ, такъ какъ ноги отказывались ходить, а хворостъ очевидно не могъ лежать въ одномъ мѣстѣ. Развели костеръ; изъ камней составили родъ таганчика и, установивъ на немъ тазъ отъ умывальника (предназначавшійся для опрѣснителя), стали въ немъ варить рисовую кашу, приправивъ ее свинымъ саломъ. Главнымъ кашеваромъ былъ казакъ, который „усердно пробовалъ", не готова ли каша. Завтракъ удался на диво, и мы съ удовольствіемъ его уничтожили въ какія-нибудь пять минутъ, а затѣмъ всѣ завалились спать.

Красивая панорама представилась намъ, когда послѣ отдыха мы поднялись на самую вершину хребта: горы казались бархатными. По склонамъ ихъ росли всевозможныя тропическія деревья и кусты, на-ряду съ красавицами, соснами и съ флорой сѣверныхъ широтъ;

вдали виднѣлись искусно обработанныя японскія поля, походившія на сплошной цвѣтущій садъ.

Спускаться внизъ должно было быть легче, но на самомъ дѣлѣ и эта операція была довольно трудна: горныя тропинки безпрестанно терялись, заростали зеленью, иногда же совершенно прекращались; приходилось блуждать по склонамъ, заросшимъ дикой колючей травой, вышиной въ ростъ человѣка, отыскивая какую-нибудь тропинку, то спускаясь, то подымаясь по крутымъ склонамъ горъ. Казакъ жаловался на свою ногу, у Шикунина появилась дрожь и легкая лихорадка, Фирсовъ до того усталъ, что во время нашихъ многочисленныхъ приваловъ моментально засыпалъ и лежалъ на землѣ, какъ убитый; да не только онъ одинъ—мы всѣ дѣлали громадныя усилія, чтобы не заснуть, и все же мы чувствовали, что положеніе нашихъ товарищей въ японскомъ плѣну гораздо хуже нашего.

XII.

Пробродивъ въ горахъ цѣлую ночь, только къ тремъ часамъ 3-го іюля стали мы подходить къ морю, а такъ какъ, согласно нашему плану, Симоносекскій проливъ мы должны были пройдти въ первую половину ночи, то пришлось нападеніе на шхуну отложить до слѣдующаго дня и спрятаться на дневку въ густой бамбуковой рощѣ, расположенной на одной изъ сосѣднихъ сопокъ.

Днемъ мы отправились съ казакомъ на вершину, чтобы посмотрѣть, имѣются ли подходящія шхуны въ бухтѣ и съ какой стороны къ нимъ лучше подойти, а Шикунинъ съ вѣстовыми остался внизу.

Съ вершины горы представилась намъ очень красивая картина: обширное безпредѣльное море было усѣяно множествомъ шхунъ, самой разнообразной величины, были и двухмачтовыя, и одномачтовыя, всѣ онѣ лавировали по разнымъ направленіямъ, паруса горделиво надувались, а форштевни, высоко подымаясь надъ водой, рѣзали ея гладкую поверхность. У самаго берега лежалъ рыбацкій поселокъ, а съ противуположной стороны поднимались высокія зеленыя горы, по которымъ мы скитались послѣдніе дни.

Между тѣмъ небо понемногу заволакивалось свинцовыми тучами, и стали раздаваться раскаты грома. Мы спустились внизъ. Надвигалась гроза; подулъ сначала порывистый вѣтерокъ, затѣмъ вдругъ стемнѣло, и полилъ дождь. Главной нашей заботой было уберечь провизію отъ дождя, но всѣ усилія были напрасны: не болѣе какъ въ 1/4 часа все и всѣ вымокли насквозь. Раскаты грома становились

все сильнѣе. Казалось, молнія ударяла въ скалистую вершину нашей горы и съ трескомъ раздробляла ее на мелкія части.

Погода намъ благопріятствовала, вѣтеръ былъ попутный. Завладѣвъ шхуной, мы безъ труда могли бы быстро проскочить черезъ опасныя мѣста. Какъ сильно билось мое сердце при одной мысли, что завтра въ это время я, можетъ быть, буду уже стоять на палубѣ, кругомъ вода, позади Японія, а впереди дорогой Владивостокъ. Конечно, пришлось бы проводить безсонныя ночи, управлять парусами и бороться со стихіей, но это меня только радовало. Тамъ я былъ бы у своего дѣла, хорошо мнѣ знакомаго и любимаго, но увы... не суждено было исполниться моимъ мечтамъ.

Въ 9 часовъ вечера мы выступили на поиски шхуны. Пройдя рисовое поле, прилегавшее къ нашему лѣсу, мы вышли къ рыбацкому поселку, расположенному на берегу моря, но такъ какъ японцы еще не спали, рѣшено было переждать, пока все успокоится на маленькомъ буддійскомъ кладбищѣ. Здѣсь среди каменныхъ памятниковъ мы залегли и наблюдали, какъ постепенно замирала жизнь въ поселкѣ. Я сгоралъ отъ нетерпѣнія: приближалась серьезная минута. Планъ захвата шхуны былъ таковъ: отыскавъ на берегу шампунку (лодку), мы впятеромъ должны были отправиться къ какой-нибудь небольшой шхунѣ, дальше другихъ отстоявшей отъ берега. Приставъ къ ея борту, мы съ казакомъ должны были вдвоемъ босикомъ отправиться на развѣдку и высмотрѣть, изъ сколькихъ человѣкъ состоитъ экипажъ и въ какихъ помѣщеніяхъ онъ спитъ, а затѣмъ, подозвавъ остальныхъ товарищей, приступить къ дѣлу. На всякій случай были приготовлены веревки и топоръ, къ которымъ мы прибѣгли бы въ случаѣ сопротивленія.

Въ 11 часовъ казакъ поднялся и, осторожно оглядываясь по сторонамъ, сталъ проходить рыбацкій поселокъ. Теперь тамъ всѣ уже спали, и черезъ какихъ-нибудь пять минутъ мы стояли у самаго берега моря. Па горизонтѣ виднѣлось безчисленное множество огоньковъ рыбацкихъ шхунъ, которыя, по нашему предположенію, вышли на ночной ловъ, такъ какъ днемъ онѣ стояли вблизи берега и только вечеромъ могли отойдти отъ него. Рыбаки не спали, и нападеніе наше при такихъ условіяхъ не могло бы увѣнчаться успѣхомъ, а потому рѣшено было искать счастья у слѣдующей бухты.

Отдохнувъ немного, мы отправились скорымъ шагомъ на востокъ и, проходя мимо рыбацкаго поселка, наткнулись на японца, который удивленно на насъ посмотрѣлъ, но ничего не сказалъ. Это было начало нашихъ неудачъ. У второй бухты мы тоже ничего не нашли, такъ какъ всѣ шхуны также стояли на горизонтѣ и добраться до

нихъ не было никакой возможности. Шикунинъ сталъ ворчать, что „нужно было въ первой бухтѣ воспользоваться шампункой, лежавшей на берегу, и подойти къ рыбакамъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, они тамъ просто ночуютъ". Онъ былъ правъ, но жаль что эта свѣтлая мысль ему не пришла въ голову, когда всѣ и онъ самъ съ часъ тому назадъ были увѣрены, что рыбаки вышли на ночной ловъ и не спятъ; теперь же замѣчаніе не имѣло никакого практическаго значенія и только раздражало казака, у котораго отъ продолжительнаго напряженнаго вниманія нервы были совершенно расшатаны.

Въ 3 часа утра мы повернули въ горы, такъ какъ стало понемногу свѣтать, а до Кокурской бухты невозможно было дойти въ эту ночь. Мы всѣ ужасно устали и поминутно садились отдыхать, а во время одного изъ этихъ приваловъ совсѣмъ не замѣтили, какъ къ намъ подошли три японца съ косами и, остановившись на нѣкоторомъ разстояніи сказали: „шоку фукуока!?", т. е. это должно быть фукуокскіе офицеры, а затѣмъ бросились бѣжать отъ насъ. Мы тоже вскочили и побѣжали въ противоположную сторону.

— Что же теперь дѣлать?—замѣтилъ казакъ,—когда мы находились на безопасномъ мѣстѣ.—Я совѣтовалъ, несмотря на нашу усталость, вернуться къ первой бухтѣ и, просидѣвъ во вчерашнемъ лѣсу день, два, воспользоваться шампункой для нападенія на шхуну или непосредственно на ней идти въ Корею. Шикунинъ не соглашался со мною; онъ говорилъ, что не стоитъ идти назадъ, когда неизвѣстно, найдемъ ли мы на томъ же мѣстѣ шампунку или нѣтъ, и что лучше сейчасъ отыскать мѣсто для дневки, а завтра идти дальше на востокъ, только не по дорогамъ, а горами. Планъ этотъ, конечно, не выдерживалъ критики, такъ какъ съ одной стороны силы наши были надломлены и мы по дорогамъ-то едва, едва пододвигались впередъ, а съ другой стороны японцы насъ видѣли у первой бухты и у второй; слѣдовательно, знали направленіе нашего движенія, которое нужно было, конечно, совершенно измѣнить, вернувшись назадъ, т. е. во вчерашній лѣсъ.

Казакъ тоже держался мнѣнія Шикунина и говорилъ, что шампунку за два дня могутъ увести, а потому нѣтъ смысла возвращаться назадъ. Мы пошли на дневку; у всѣхъ было тяжело на душѣ, всѣ сознавали, что близокъ конецъ нашихъ скитаній и что Владивостокъ намъ только улыбнулся...

XVI.

Въ 11 часовъ ночи мы двинулись дальше. Осторожно оглядываясь по сторонамъ, стали мы выходить изъ кустовъ, въ которыхъ безъ воды просидѣли цѣлый день, и направились къ рисовому полю, чтобы утолить жажду.

Впереди насъ лежала деревня Кономинато со своими яркими огоньками, свѣтившими изъ оконъ фанзъ, а за ней должно было быть море. Японцы не спали, и нужно было дѣйствовать очень осмотрительно. Но при всей нашей осторожности, не успѣли мы сдѣлать и ста шаговъ, какъ услыхали за спиной звонокъ велосипедиста, и между нами проѣхалъ полицейскій, одѣтый во все бѣлое при шашкѣ. Мы поспѣшили назадъ къ мѣсту нашей дневки, и по пути наткнувшись на встрѣчнаго жандарма, едва, едва успѣли отъ него спрятаться въ одномъ изъ деревенскихъ огородовъ. Японцы насъ сторожили, или, вѣрнѣе сказать, искали, въ томъ не было сомнѣнія. Они напали на нашъ слѣдъ и прилагали всѣ усилія къ тому, чтобъ его не потерять. Такъ черезъ 10 минутъ мы увидѣли возвращавшагося полицейскаго, который теперь шелъ рядомъ съ крестьяниномъ и давалъ ему какія-то инструкціи.

Только въ часъ ночи намъ удалось благополучно обойти деревню черезъ сосновый лѣсъ и подойти къ рѣкѣ, на берегу которой лежала большая, неуклюжая шаланда. Мы попытались было ее спустить на воду, но она сидѣла такъ прочно, что пришлось отъ этого отказаться и отправиться дальше внизъ по теченію до самаго устья; но и тамъ мы ничего не нашли и должны были вернуться къ обмелѣвшей шаландѣ, чтобы, перейдя черезъ мостъ, продолжать путь къ востоку.

Вдругъ, совершенно неожиданно для насъ, шагахъ въ пятидесяти показалась бѣлая фигура полицейскаго съ шашкой, а рядомъ съ нимъ 5 японцевъ съ дубинами. Мы тотчасъ легли на песокъ, но было уже поздно, онъ крикнулъ, и изъ-за кустовъ выскочили десять японцевъ съ дубинами, а съ противоположной стороны еще двое. Мы были пойманы и окружены толпой японцевъ, которые тотчасъ же отняли у насъ палки, а затѣмъ изъ ихъ среды выступилъ впередъ коренастый старикъ, который сталъ хвастаться, что сидѣлъ въ каютѣ шаланды, поставленной намъ для приманки, и лишь только мы ее миновали, побѣжалъ дать знать объ этомъ полицейскимъ и товарищамъ, спрятавшимся въ разныхъ мѣстахъ.

Насъ повели въ деревню Кономинато. Пока мы шли лѣсомъ, толпа японцевъ росла все больше и больше. Поминутно къ ней присоединялись новыя партіи крестьянъ съ дубинами въ рукахъ,

число которыхъ возросло человѣкъ до трехсотъ. Здѣсь было все населеніе всѣхъ окрестныхъ деревень, которое, какъ одинъ человѣкъ, по первой просьбѣ администраціи вышло на помощь полиціи.

Кто же былъ виноватъ въ томъ, что насъ поймали? Впослѣдствіи мы часто старались въ этомъ разобраться, но, конечно, ни къ какому положительному результату никогда не приходили. Казакъ говорилъ: „Мы влопались оттого, что у меня пропала охота васъ вести... я не могу добросовѣстно исполнять свои обязанности, когда меня постоянно снабжаютъ совѣтами, въ которыхъ я совсѣмъ не нуждаюсь". Шикунинъ находилъ причину нашей неудачи совсѣмъ въ другомъ: „все это произошло оттого,— говорилъ онъ,—что казакъ не слушался совѣтовъ, ему нельзя было высказывать своего мнѣнія, такъ какъ это его сердило и онъ начиналъ спорить, а Анатолій Михайловичъ шелъ молча за В. И. и не принималъ никакого живого участія".

Я же держусь того мнѣнія, что только одинъ долженъ былъ всѣми начальствовать, а остальные четверо обязаны были молча идти за вожакомъ, давая свои совѣты лишь, когда ихъ спрашиваютъ. Если не соблюдать этого правила, то постоянно приходится разыгрывать басню: „Лебедь, щука и ракъ".

Казакъ нервничалъ, иногда даже возвышалъ голосъ, что̀ намъ не нравилось, но это ему слѣдовало прощать, такъ какъ его нервы были безусловно болѣе расшатаны, чѣмъ наши. Дѣйствительно, большая разница вести, или слѣдовать за вожакомъ. Въ этомъ заключалась наша вина, но и казакъ виноватъ, что допускалъ вмѣшательство товарищей въ свои обязанности. Посмотрѣлъ бы я, какъ кто-нибудь сталъ бы вмѣшиваться въ мои распоряженія на шхунѣ, или совѣтовать проложить не тотъ, а другой курсъ!? Я бы тогда уступилъ командованіе и предоставилъ бы лицъ совершенно не знакомыхъ съ моремъ самимъ себѣ, слѣпо исполняя лишь ихъ приказанія, а это безусловно заставило бы ихъ разъ навсегда отказаться отъ столь пагубныхъ совѣтовъ. То же самое могъ сдѣлать и казакъ. Онъ одинъ изъ насъ всѣхъ обладалъ великолѣпнымъ зрѣніемъ и на этомъ основаніи могъ держать всѣхъ въ повиновеніи.

Наконецъ, попавшись дважды на глаза японцамъ, слѣдовало совершенно измѣнить направленіе и отнюдь не идти на востокъ.

А. Толстопятовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Оригинальная резолюція архіепископа Смарагда.

(Изъ жизни нашего духовенства).

Въ числѣ архіереевъ прошлаго столѣтія видное мѣсто занималъ *архіепископъ Смарагдъ (Крыжановскій)* [1], любившій говорить: „дѣдъ мой — былъ еврей, отецъ — протоіерей, а я—архіерей". Во всѣхъ епархіяхъ, въ которыхъ Смарагдъ занималъ архіерейскую каѳедру, а въ теченіе 32-хъ лѣтняго архіерейства, онъ занималъ семь каѳедръ, о владыкѣ Смарагдѣ говорили, какъ о человѣкѣ неуживчивомъ, строптивомъ и крайне вспыльчивомъ. Нерѣдко ему приходилось вести войну съ губернскими властями и съ духовенствомъ, которое онъ старался подтянуть суровыми мѣрами. Онъ отличался, сверхъ того, очень оригинальными резолюціями. По всей вѣроятности, въ архивахъ консисторій тѣхъ епархій, въ которыхъ онъ служилъ, сохранилось не мало дѣлъ съ оригинальными резолюціями владыки, отличающимися остроуміемъ и находчивостью. Намъ довелось видѣть одну изъ такихъ резолюцій, вызванную слѣдующимъ происшествіемъ.

Въ серединѣ пасхальной недѣли причтъ села Х., Рязанской губерніи, поѣхалъ славить Христа по приходу, въ сосѣднія деревни, расположенныя очень близко другъ къ другу. Поѣхалъ священникъ, дьяконъ и причетникъ. Поѣздка ихъ продолжалась дня два—три, и они собрали цѣлыя груды крашеныхъ яицъ, творога, сметаны, куличей, муки, крупъ и т. п.—Все это пришлось дѣлить между собою, сообразно положенію каждаго лица въ церковной іерархіи. Дѣлежъ шелъ благополучно, но при раздѣлѣ яицъ, сложенныхъ въ кадочку,

---

[1]) Смарагдъ, въ мірѣ Александръ Крыжановскій, былъ ректоромъ Петербургской академіи. Съ 1831 г. епископъ Ревельскій, съ 1833 г.—Полоцкій, съ 1836—архіепископъ, съ 1837 — Могилевскій, съ 1840 — Харьковскій, съ 1841 — Астраханскій, съ 1844 — Орловскій, съ 1858 — Рязанскій. † 11 ноября 1863 года.

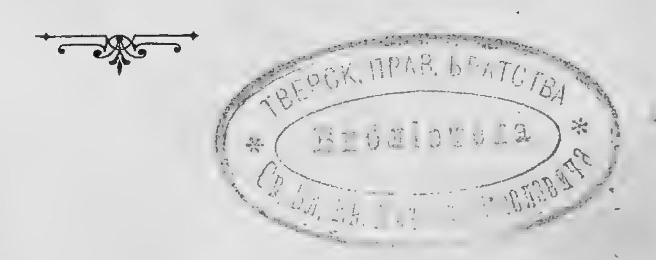
вышло преткновеніе. Дьяконъ настаивалъ, чтобы ему было дано такое же количество яицъ, какое слѣдуетъ священнику, такъ какъ и онъ христосовался усердно съ прихожанами и что у него отъ безконечныхъ поцѣлуевъ губы припухли не меньше, чѣмъ у священника. Священникъ не соглашался на такой дѣлежъ, указывая на то, что онъ занимаетъ болѣе высокій постъ—настоятеля приходской церкви, и что ему слѣдутъ болѣе значительная доля. Дѣло дошло до ссоры, тѣмъ болѣе упорной, что оба соперника были порядочно навеселѣ. Дьяконъ, человѣкъ вспыльчивый, рѣшительно отказался идти на какія бы то ни было уступки и, не помня себя отъ гнѣва, вскочилъ въ кадочку, наполненную яйцами, и сталъ ихъ топтать ногами, приговаривая: „ни тебѣ, батя, ни мнѣ, ни тебѣ, ни мнѣ!"—Дьячокъ, тоже порядочно подвыпившій, видя такую сцену, подбоченился и весело посвистывалъ.

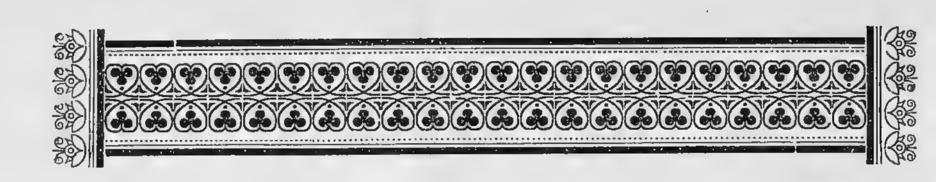
Возникло дѣло. Священникъ поѣхалъ съ жалобой на дьякона къ благочинному и преподнесъ ему кадочку меда. Дьяконъ былъ обвиненъ благочиннымъ въ неуваженіи къ священническому сану, въ злоупотребленіи спиртными напитками и въ дурной нравственности Благочинный, съ своимъ особымъ мнѣніемъ и изложеніемъ всего хода дѣла, представилъ его на усмотрѣніе Рязанской духовной консисторіи.

Узнавъ о происшедшемъ, дьяконъ отправился въ епархіальный городъ и, при помощи благопріятелей, нашелъ доступъ къ архіепископу Смарагду; онъ подробно и откровенно разсказалъ владыкѣ о своемъ дѣлѣ, не забывъ упомянуть и о кадочкѣ съ медомъ, поднесенной благочинному священникомъ.

Когда „дѣло" поступило, съ приговоромъ консисторіи, на утвержденіе архіепископа, владыка положилъ такую резолюцію: *„попа—хапуна, дьякона—топтуна, дьячка—свистуна, благочиннаго—сластуна—на мѣсяцъ въ монастырь"*.

Сообщилъ А. Сергѣевъ.

Матеріалы для біографіи А. Ѳ. Воейкова[1]).

11.

Милое письмо, любезнѣйшій Ѳедоръ Николаевичъ, навѣвающее тою же теплотою души, тѣмъ же мудрымъ простосердечіемъ, которое дѣлало васъ всегда необходимымъ для литературныхъ бесѣдъ нашихъ, я получилъ.

Не понимаю, какъ могло сдѣлаться, что вы до сихъ поръ не получили ни одной книжки „Славянина", который обязанъ вашей музѣ лучшими своими цвѣтами, самыми блестящими, самыми благовонными. Это весьма непріятное для меня обстоятельство показываетъ вамъ, что не въ однѣхъ земскихъ избахъ царствуетъ безпорядокъ, и что тщетно платили мы газетной экспедиціи по рублю съ экземпляра въ видѣ добровольной подати за исправную разсылку газетъ и журналовъ къ иногороднимъ нашимъ подписчикамъ. Меня утѣшаетъ то, что въ сію минуту вы уже зѣваете за моимъ „Славяниномъ"... зѣваете? Нѣтъ, съ самонадѣянностью Полевого вызываю васъ прочесть превосходное описаніе финляндскихъ походовъ 1808 и 1809 года, составленное на французскомъ языкѣ ген.-лейтенантомъ графомъ Сухтеленомъ изъ оффиціальныхъ бумагъ его родителя инженеръ-генерала, посла нашего въ Стокгольмѣ, и изъ записокъ бывшаго главнокомандующаго финляндскою арміею генерала графа Буксгевдена. Ея напечатано было и на французскомъ языкѣ только 50 экземпляровъ, кои не продавались, а розданы пріятелямъ автора. Вы, какъ сами славный военный писатель и воинъ, вѣрно скажете мнѣ спасибо за сію статью, за книгу хотѣлъ я сказать. Повѣрите ли вы однако, что ни отъ одного военнаго человѣка, ни отъ одного сенатора не слыхалъ я за нее добраго словечка, между тѣмъ какъ

---

[1]) См. „Русская Старина" январь 1908 г.

пустые и часто грубые разсказы про Греча и про Булгарина самые маститые старцы, никогда не улыбающіеся, законоискусники и молодые шпороносцы наизусть знаютъ. Въ первый годъ отъ рожденія „Славянина“ я было осмѣлился помѣщать теоретическія головоломныя статьи военныя изъ австрійскаго и французскаго журналовъ, но скоро увидѣлъ, что онѣ кислы для нашей пустоголовой госпожи публики. Теперь въ военномъ отдѣленіи ограничиваюсь историческими статьями о знаменитыхъ походахъ. Сердечно благодарю васъ за лестный отзывъ о литературной части моего журнала, но, увы, ясно вижу, сколь далека она и отъ той степени совершенства, которую бы могъ я ей дать при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ. О хорошихъ стихотвореніяхъ нельзя и думать: они продаются и внаймы отдаются; уже съ августа мѣсяца невинный винопродавецъ Аладьинъ начинаетъ забѣгать въ мелочную лавку Плетнева и исподволь приторговывать стишки славнаго Пушкина, засылаетъ сводчиковъ къ слѣпому пѣснопѣвцу Козлову, которому вѣчно надобны деньги; прицѣняетъ, даетъ понемножку рублишекъ въ задатокъ, но чтобы не оскорбить чести поэта—въ видѣ займа, потомъ нанимаетъ Сомова, съ которымъ можно легко расплатиться экземплярами Невскаго Альманаха съ небольшою уступкою. Вы одни, витязь Москвы и чести, безкорыстно подвизаетесь на торговой площади русской словесности; вы одни, идя по слѣдамъ Жуковскаго и Батюшкова, безкорыстно разсыпаете во всѣ журналы и календарики свои прелестныя и часто сильныя стихотворенія. Да будетъ вамъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.

Вамъ угодно было вспомнить о моихъ жалкихъ сиротахъ?

Сиротъ въ семействѣ, слава Богу, нѣтъ! Онъ помогъ мнѣ устроить ихъ участь самымъ лучшимъ образомъ, пославъ двухъ ангеловъ-хранителей—Жуковскаго и Перовскаго. Старшая, которой теперь 14 лѣтъ, поступила на 3 года въ институтъ Екатерининскій на иждивеніе Государыни Императрицы, средняя—11 лѣтъ,—туда же на 5 лѣтъ на иждивеніе ея высочества великой княжны Маріи Николаевны. Крошка, 3-хъ лѣтъ, прелестная и кроткая, какъ праведница мать ея, утѣшаетъ бабушку, тещу мою, которая имѣла два сокровища въ двухъ дочеряхъ, и обѣихъ схоронила. Дофинъ мой, единственный сынъ Андрюша, 7 лѣтъ, остался въ Женевѣ, въ учебномъ институтѣ господина Прива, куда онъ отданъ былъ еще покойною его матерью и оставался тамъ даже и тогда, когда Александра Андреевна переселилась изъ Швейцаріи въ Италію. Такова была ея воля: она для меня священна.

Не гнѣвайтесь на меня, что я долго, долго, непростительно долго молчалъ; нынѣшній годъ былъ для меня черный. Потеря жены,

перевезеніе дѣтей изъ-за 5.000 верстъ, хлопоты о томъ, какъ бы, куда бы пріютить ихъ; потомъ больше двухъ мѣсяцевъ продолжавшаяся пытка видѣть ихъ въ коклюшѣ и собственная болѣзнь моя, отъ которой третій мѣсяцъ какъ я ни ногой изъ дома; начинался четыре раза Антоновъ огонь на щекѣ подъ лѣвымъ ухомъ, и столько же разъ выдержанная операція. Вотъ радости, въ коихъ утопаетъ тотъ человѣкъ, котораго недавно знали вы здоровымъ, счастливымъ любовью ангела-подруги, въ цвѣтникѣ дѣтей, въ кругу образованнѣйшаго общества столицы, осыпаннаго милостями царя и особеннымъ благоволеніемъ великаго князя Михаила Павловича. Теперь онъ стоитъ, какъ подрытая башня-руина, готовая обрушиться на развалины и пепелъ, его окружающіе. Это все внѣшнее; въ сердцѣ своемъ я спокоенъ; когда же взгрустнется, то вспомню слова Спасителя, вырѣзанныя на могилѣ моей А. А.: „да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте; въ дому отца моего обители многая суть“.

В.

1829, 16/XI.
Спб. № 528.

12.

Ваше добродушіе, ваше великодушіе, ваше снисхожденіе, безцѣнный Ѳедоръ Николаевичъ, виновато въ моей винѣ въ столь долговременномъ молчаніи. Одно только могу сказать въ свое оправданіе: я ждалъ отъѣзда въ Тверь моего истиннаго друга жандармскаго полковника Леонтія Васильевича Дубельта, радовался за васъ и за него, съ нимъ хотѣлъ и писать, и словесныя сдѣлать ему порученія; но, увы, его услали въ Архангельскъ по страшно-страшному дѣлу между военнымъ и гражданскимъ губернаторами, но у меня все была полная увѣренность въ томъ, что по возвратѣ его въ Петербургъ изъ временной экспедиціи онъ все-таки съ прелестнымъ семействомъ своимъ опредѣленъ будетъ на берега Волги, въ городъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Увы! увы! увы! вмѣсто того онъ временно сдѣланъ исправляющимъ должность дежурнаго штабъ-офицера въ штабѣ жандармскаго корпуса на мѣсто полковника Муханова, который опредѣленъ въ Москву въ оберъ-полицеймейстеры. Кажется, что мой добрѣйшій Дубельтъ здѣсь останется, поелику Александръ Христофоровичъ весьма доволенъ его службою и въ особенности Архангельскою поѣздкою, гдѣ онъ много споспѣшествовалъ обнаруженію истины и поимкѣ денныхъ разбойниковъ съ перомъ въ рукѣ.

. . . . . завѣрить, что Василій Андреевичъ Жуковскій всегда

принималъ въ вашихъ несчастіяхъ самое живое участіе, и безъ всякаго сомнѣнія вы ему много обязаны.

Если будетъ ваша милость, то бросьте какую-нибудь лепту въ нищенскій кошель моего „Славянина". Онъ весьма бѣденъ. О, если бы и стиховъ, и прозы!.. Но это было бы слишкомъ... Подайте что-нибудь и не отталкивайте меня убійственными словами: Богъ дастъ!

Читали ль вы въ „Моск. Вѣстникѣ" презабавную статью: кабинеты русскихъ журналистовъ? Прочтите, право, это заставитъ васъ похохотать отъ всего сердца. Конца еще нѣтъ, а начало и середина обѣщаютъ хорошій. Читали ль вы исторію русскую всезнайки Полеваго? Какъ вы о ней думаете?

Съ нетерпѣньемъ стану ожидать и прощенья, и письма, и стиховъ, и прозы. Впередъ исправлюсь, ваше высокородіе! Сами изволите увидѣть.

Всею душою и всѣмъ помышленіемъ вамъ преданный

А. Воейковъ.

12/VI, 1830.
С.-Петербургъ.
№ 244.

13.

Здравствуете ли вы, дорогой мой Ѳедоръ Николаевичъ. Для обыкновенныхъ людей, которыхъ жизнь состоитъ въ томъ, чтобъ ѣсть, пить и играть въ карты, довольно одного здоровья. Но вамъ нужно еще вдохновеніе и просторъ. Да ниспошлетъ вамъ и то, и другое Господь—въ пользу новой газеты, которую съ новаго года я выдавать намѣреваюсь. Пришлите мнѣ на первый случай два-три вашихъ стихотворенія и напутствуйте новое дитя мое своимъ благословеніемъ. Не поскупитесь и пришлите, да не откладывайте. Слезно молю и заклинаю. Вслѣдъ засимъ доставлю программу, которая коротка и ясна. Жуковскаго я не видалъ уже два мѣсяца. Онъ живетъ въ Царскомъ Селѣ съ Его Высочествомъ Наслѣдникомъ, а я нынѣшнее лѣто имѣлъ служебное порученіе осмотрѣть и описать фабрики, мануфактуры и заводы С.-Петербургской губерніи,—порученіе, весьма пріятное для такого человѣка, который не издаетъ ни газеты, ни журнала. Теперь же двѣ недѣли никого не вижу и сижу, какъ прикованный, къ своему столу: пишу о весьма любопытной, блистательной выставкѣ Академіи Художествъ. Вы прочитаете мое маранье въ Р. И.

Стиховъ, милостивый государь Ѳедоръ Николаевичъ! Стиховъ, любезнѣйшій Ѳедоръ Николаевичъ! Стиховъ, добрѣйшій Ѳедоръ Николаевичъ!

Сатана Полевой соблазнилъ вашего брата и погубилъ. Очень жаль его.

Душевно преданный слуга
А. Воейковъ.

7/X, 1830.
С.-Петербургъ.

14.

И въ дикомъ природою и нравами Петрозаводскѣ ваше горячее расположеніе къ добру находило средство поддержать моего воинственнаго „Славянина", почтеннѣйшій Ѳедоръ Николаевичъ. Тверь не Петрозаводскъ, Обрѣзковъ, благородный и образованный, не вашъ олонецкій Лачиновъ, да и веселенькая съ 24-ю модными картинками газета моя не похожа на важнаго усыпительнаго „Славянина"... Но холера? Она къ Николину дню, къ дню именинъ нашего безпримѣрнаго батюшки-государя уберется по добру, по здорову съ лица русской земли, а то отморозитъ себѣ носъ и уши.

Прилагаю вамъ почетный билетъ, также и вашему любезному и всѣми тверитянами хвалимому губернатору. Кушайте, да похваливайте. Вотъ вамъ пять билетовъ. Не обидится ли Тверь такимъ маленькимъ количествомъ? Нѣтъ, довольно. Впрочемъ желающимъ настежь двери отворены для подписки въ почтовой конторѣ и во всѣхъ уѣздныхъ почтовыхъ экспедиціяхъ. Могу васъ увѣрить, а вы увѣрьте будущихъ моихъ щеголихъ-читательницъ, что мои картинки модъ будутъ выходить недѣлею прежде, нежели въ „Дамскомъ журналѣ" и „Галатеѣ" и двумя недѣлями раньше „Московскаго Телеграфа".

Есть у меня просьба поважнѣе этой, несравненно поважнѣе: это о томъ, чтобъ вы не забыли украсить новорождающуюся дочь мою своими прелестными стихотвореніями.

Одиннадцать лѣтъ всегда одинаково васъ любящій и уважающій

А. Воейковъ.

10/XI, 1830.
С.-Петербургъ.
№ 533.

15.

Спб. 14/IV 1831. № 214.

Сердечно благодарю васъ, безкорыстный, постоянный другъ Ѳедоръ Николаевичъ, за ваши дорогіе гостинцы моему „Инвалиду" и его товарищу. Но не думаю, чтобы теперь прилично было напечатать стихи къ монументу. Выводится только фундаментъ, а ни гранита, ни бронзы, ни даже фундамента за заборомъ не видно.

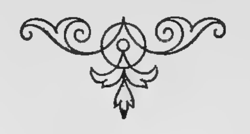
Я весьма боленъ: одышка и приливы крови къ головѣ. И та, и другая, не смотря на лѣкарей, или, можетъ быть, отъ того, что есть лѣкаря, усиливаются. Это совершенно отнимаетъ средства работать и заставляетъ безсовѣстно, безотвязно просить сострадательныхъ литераторовъ помочь мнѣ и прозою, и стихами; стиховъ у меня вашихъ пока довольно, я на нихъ скупъ и подаю читателямъ по ложечкѣ.

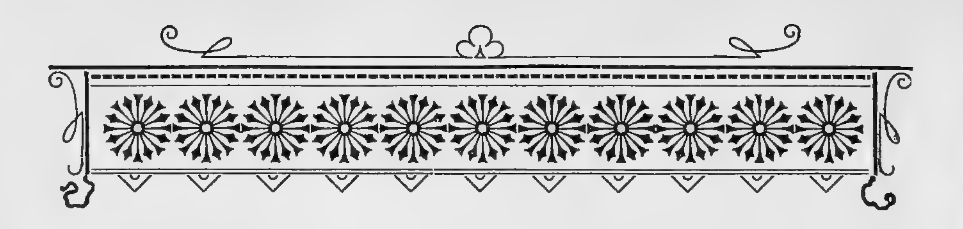
Если удосужитесь черкнуть ко мнѣ строчекъ десять, то не забудьте сказать мнѣ ваше мнѣніе о духѣ моей газеты и о томъ, что вамъ именно особенно нравится и что не нравится. Вы знаете, какъ много я уважаю вашъ вкусъ, вашъ умъ и ваше сердце—чистое, благородное, тепленькое.

Кстати, Ѳадей Бенединтовичъ сошелъ съ поприща журналистики; онъ навсегда продалъ свое право на изданіе „Сѣв. Пчелы" Н. И. Гречу, который обязался платить ему по 15 тысячъ рублей ежегодно, дондеже существуетъ пчелиный рой. Ѳадей Венедиктовичъ съ большимъ негодованіемъ оставилъ Петербургъ и едва-ли когда-нибудь въ него возвратится. Его Петръ Ивановичъ Выжигинъ шлепнулъ о землю,—chûte complete! Туго продается, туго раскупается, и все, и вся бранятъ и чадо, и родителя, и дѣвушку Выжигиныхъ. Обнимаю васъ и еще разъ умоляю не оставить прозою. Военная статья, которую вы давнымъ давно мнѣ подарили, скоро будетъ напечатана въ „Русскомъ Инвалидѣ". Желаю здравствовать и въ радости встрѣтить свѣтлый праздникъ!

Сообщ. Мих. Соколовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

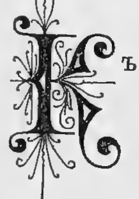

Матереубійцы [1].

(ПРОЦЕССЪ ЖУКОВЫХЪ).

(Эпизодъ изъ судебной хроники XVIII столѣтія).

III.

Къ примѣненію пытки надъ Алексѣемъ Жуковымъ могло встрѣтиться только одно препятствіе: военный чинъ. Но къ его несчастію, полковая канцелярія Преображенскаго полка увѣдомила полицеймейстерскую канцелярію еще 27 сентября, что Жуковъ изъ полковыхъ списковъ выключенъ и чина уже не имѣетъ. И поэтому канцелярія опредѣлила: „означенныхъ Настасью (Полтеву) и Алексѣя Жукова и жену его Варвару и человѣка Настасьина Михаила исподлинника [2]) спрашивать подъ плетьми, а что покажутъ — доложить". Полтева не выдержала пытки и созналась въ томъ, что подговаривала зятя къ убійству, Жуковы героически вынесли истязаніе и не показали ничего новаго, Михайло Григорьевъ также остался при прежнемъ показаніи.

Но судьи не довѣряли Жуковымъ: упорное запирательство Полтевой внушило мысль, что можетъ быть за ней и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ вины, и что инціатива преступленія принадлежитъ исключительно Жуковымъ. Не желая продолжать пытку, комиссія прибѣгла къ болѣе испытанному способу узнаванія тайнъ — способу постыдному.

---

[1]) См. «Русск. Стар.» 1908 г., январь.

[2]) Т. е. подлинно ли сказалъ правду на прежнемъ допросѣ.

Способъ этотъ былъ *исповѣдь.* „Того жъ октября 12 числа, — говоритъ оффиціальная бумага,—церкви Трiехъ Святителей, что у Красныхъ воротъ, придѣльный священникъ Василій Сергѣевъ, по исповѣди содержащейся въ главной полиціи Варвары Жуковой, при его превосходительствѣ господинѣ генералъ-лейтенантѣ, генералъ-полицеймейстерѣ Татищевѣ, передъ присутствiемъ объявилъ: означенная Варвара Жукова при спрашиваніи ея о томъ смертномъ, свекрови ея, Аграфены Жуковой убивствѣ, на духу объявила, что мать ея, Варвары, во-первыхъ, какъ ее, Варвару, такъ и мужа ея Алексѣя къ тому смертному убивству научала".

Послѣ этого показанія, сомнѣваться въ виновности Настасьи Полтевой было трудно, и окончательное рѣшеніе ея участи было отложено до полнаго окончанія слѣдствія. Судьямъ предстояло допросить еще нѣсколькихъ заподозрѣнныхъ въ соучастіи лицъ. Какъ упомянуто выше, одинъ изъ убійцъ, Михайло Григорьевъ, совершивъ преступленіе, скрывался нѣкоторое время у своего дяди Захара Иванова въ дер. Нѣмчановѣ. Судъ объ этомъ вспомнилъ и велѣлъ арестовать старика. На допросѣ онъ не признался въ соучастіи съ преступниками, былъ поставленъ на очную ставку съ племянникомъ и за упорное запирательство былъ сѣченъ плетьми. Наказаніе это было повторено еще два раза, но безуспѣшно. Несчастный старикъ не могъ выдержать жестокихъ мученій и, исповѣдовавшись и пріобщившись, умеръ 18 ноября. Полицеймейстерская канцелярія отнеслась недовѣрчиво къ смерти и, заподозривъ его въ насильственномъ лишеніи себя жизни, приказала трупъ умершаго вскрыть. Тѣло Захара было отослано въ генеральный гофъ-госпиталь для анатомированія; но результатъ остался неизвѣстнымъ.

Между тѣмъ составъ обвиняемыхъ все уменьшался: за три дня до смерти стараго Захара (15 ноября), умерли племянникъ его Михайло и калмыкъ Александръ. Рѣшеніе участи Полтевой тоже было близко. 14 декабря она была призвана къ допросу и очной ставкѣ съ Варварой Жуковой и полковницей Нестеровой, при чемъ послѣдняя была допрошена съ пристрастіемъ; она была *положена и развязана въ кольцы,* т. е. тѣло ея противоестественно поднято было на перевѣсъ съ растяженіемъ членовъ веревками, продернутыми въ кольца, вбитыя въ потолокъ. Несмотря на эту мучительную пытку, Нестерова осталась при прежнихъ показаніяхъ. Изъ обвиняемыхъ недоставало только одного: столяра Ивана Сизова, но и тотъ былъ вскорѣ розысканъ и доставленъ въ канцелярію. Слѣдственная комиссія приступила къ окончательному разбору дѣла, и участь всѣхъ подсудимыхъ должна была выясниться окончательно. Длинная и сложная процедура судебнаго разбирательства въ XVIII вѣкѣ, конечно,

затянулась, а тѣмъ временемъ еще одно подсудное лицо освободило себя—смертью.

2 марта 1755 г. дежурный по полиціи поручикъ [1]) донесъ, что содержащаяся подъ арестомъ Настасья Полтева сильно захворала и, вслѣдствіе ея желанія, пособорована. На другой день Полтева умерла. По обычаю тѣло ея, какъ арестантки, должно было быть отослано для погребенія въ существовавшіе тогда т. н. „убогіе домы", но такъ какъ это считалось позоромъ, то родственники ея обратились съ просьбой разрѣшить похоронить ее немедленно. Московская канцелярія затруднилась сама удовлетворить эту просьбу и отослала прошеніе на разрѣшеніе генералъ-полицеймейстера въ С.-Петербургъ [2]).

Отвѣтъ отъ генерала Татищева получился крайне строгій: „Понеже—писалъ онъ,—по тому дѣлу изъ содержащихся смертоубійцъ единомышленниковъ ея, Полтевой, еще въ бытность главной полиціи въ Москвѣ, нѣкоторые померли, и тѣла ихъ отвезены въ убогихъ домъ, гдѣ и прочіе таковые кладутся, и затѣмъ московской полиціи, имѣя уже о томъ точный примѣръ, не только нарочнаго присылать и убытокъ напрасно употреблять, но и чрезъ почту требовать резолюціи о томъ не слѣдовало; того ради, по указу Ея И. В. въ главной полицеймейстерской канцеляріи опредѣлено: въ московскую полицію послать указъ, по которому тѣло Настасьи Полтевой велѣно отвезти въ убогихъ домъ, какъ и съ вышеписанными единомышленниковъ ея мертвыми тѣлами учинено, понеже она во злыхъ своихъ дѣлахъ не только съ ними уравненная, но и пущею заводчицею къ такому злому умыслу была, а что касается по христіанской должности до отпѣванія, то и при ономъ убогомъ дому, при особливой церкви, священникъ имѣется, а впредь оной московской полиціи поступать осмотрительно, не наводя главной полиціи излишняго и напраснаго затрудненія".

Испуганныя такимъ рѣшительнымъ указомъ, московскія власти поспѣшили отправкою тѣла Полтевой въ убогій домъ.

IV.

Такимъ образомъ все предварительное слѣдствіе было уже закончено, и не было повода отдалять рѣшеніе дѣла. Состоялось послѣднее засѣданіе слѣдственной комиссіи, на которомъ былъ вынесенъ приговоръ. Онъ былъ суровъ и кратокъ: „тѣхъ злодѣевъ,

---

[1]) Ширванскаго пѣх. полка пор. Колеминъ.

[2]) Главная полиція къ тому времени была уже переведена въ Спб.

оставшихся нынѣ въ живыхъ, Алексѣя Жукова и жену его Варвару, по точнымъ пунктамъ воинскаго устава [1]) *колесовать* и тѣла ихъ положить на колеса. Дворовому же человѣку Ивану Иванову и дѣвкамъ Іоновой, Даниловой и Семеновой—отсѣчь головы".

Въ виду важности преступленія совершеннаго Жуковыми и той широкой огласки, которую оно пріобрѣло, приговоръ врядъ ли могъ быть вынесенъ въ болѣе мягкой формѣ. Но тѣмъ не менѣе, приведеніе этого приговора въ исполненіе встрѣтило неожиданное затрудненіе и оказалось юридически невозможнымъ; дѣло въ томъ, что преступленіе совершено было въ то время, когда смертная казнь была *отмѣнена* въ Россіи уже 10 лѣтъ тому назадъ [2]). Основываясь на указѣ Императрицы [3]), предписывающемъ о всѣхъ смертныхъ приговорахъ доносить Государынѣ, генералъ-полицеймейстеръ представилъ приговоръ о Жуковыхъ на Высочайшее усмотрѣніе 25 ноября 1754 г. Независимо отъ доклада Татищева, петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ Кочетовымъ было сообщено лично Императрицѣ о всѣхъ преступникахъ.

Но Императрица Елисавета Петровна, питавшая отвращеніе къ смертной казни, не торопилась въ утвержденію приговора, а за многими болѣе важными государственными дѣлами, повидимому, и совершенно о немъ забыла. Съ этого момента для приговоренныхъ къ смерти потянулись долгіе дни тяжелой тюремной жизни. До полученія указа изъ Петербурга всѣ преступники были помѣщены подъ стражу при полицеймейстерской канцеляріи и ждали со дня на день рѣшенія своей судьбы. Но проходили мѣсяцы, годы, многое измѣнилось въ Россіи, а узники все томились въ тѣсныхъ казематахъ, какъ бы забытые правосудіемъ.

Алексѣй Жуковъ и жена его, какъ особо важные преступники, были помѣщены въ особыхъ камерахъ, совершенно изолированныхъ отъ общихъ арестантскихъ помѣщеній. По тюремнымъ правиламъ, заключенные въ отдѣльныхъ камерахъ содержались прикованные цѣпью къ столу, и ключъ отъ цѣпи всегда хранился у дежурнаго солдата. Можно себѣ представить ужасное душевное состояніе двухъ молодыхъ людей, обреченныхъ на одиночное заключеніе. Во все время нахожденія въ тюрьмѣ имъ не было позволено видѣться другъ съ другомъ. Одинъ разъ Варвара Жукова сдѣлала было попытку пробраться на свиданіе къ мужу. Ей удалось подговорить одного изъ караульныхъ солдатъ дать ей ключъ отъ цѣпи,

---

[1]) Глава 22. 1, 2, 7 и 19 пункты.

[2]) Рескриптъ Импер. Елисаветы генер.-фельдмаршалу, графу Лассію, 2 авг. 1743 г.

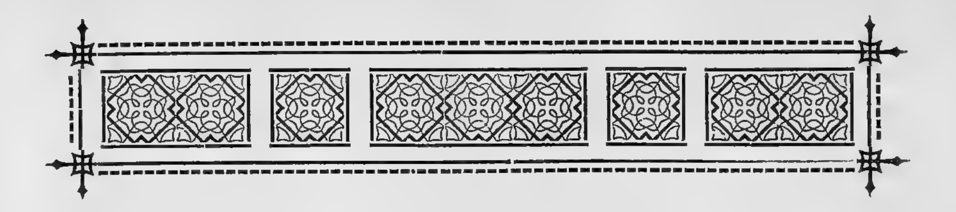
[3]) 1-го мая 1746 г.

къ которой она была прикована, но замыселъ не удался, такъ какъ ключъ былъ найденъ у нея ранѣе, чѣмъ она могла имъ воспользоваться. Но желаніе увидѣть мужа заставило ее еще разъ рѣшиться на это. Въ одинъ изъ темныхъ зимнихъ вечеровъ 1758 г. ее поймали поздно вечеромъ на тюремномъ дворѣ, одѣтую въ солдатскую шинель и шапку, неизвѣстно какъ добытыя ею. Въ такомъ видѣ мужественная женщина хотѣла проникнуть въ мужскую половину, но и тутъ судьба сулила ей неудачу. Послѣ этихъ двухъ случаевъ наблюденіе за Жуковыми было усилено.

Сообщилъ М. Корольковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Путивль.

(Изъ памятной книжки земскаго статистика).

(Окончаніе).

Ты знаешь край, ...
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора.
(А. Толстой. Малороссія).
Славная бекеша у Ивана Ивановича!
(Гоголь. Миргородъ).

II.

Путивль—маленькій и захудалый городокъ курской губерніи. Соборъ, нѣсколько церквей, монастырь, около $1^1/_2$ тысячи домовъ и домиковъ—вотъ и весь городъ. И если бъ не р. Сеймъ, обвивающая его широкой серебряной лентой, не сады, въ которыхъ онъ положительно утопаетъ, не живописныя окрестности, если бъ, наконецъ, не интересное историческое прошлое,—право, о немъ не стоило бы и говорить.... Посрединѣ города—какъ и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ—базаръ, раскинувшійся на обширной площади, покрытой навозными кучами. На базарѣ съ утра до вечера слышны крики и брань торговокъ и подвыпившихъ крестьянъ. Есть на площади и „гостиный дворъ“, пестрѣющій вывѣсками купцовъ, трактиръ съ номерами для пріѣзжающихъ. Трактиръ—типа 60-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія, въ какихъ любили останавливаться старосвѣтскіе Чичиковы и Ноздревы.

Въ городѣ иногда и дѣйствительно встрѣчаются типы гоголевскаго жанра, отъ героевъ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ

---

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1908 г.

Ивановичъ съ Иваномъ Никифорычемъ“ до „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Превращеніе въ какого-нибудь Довгочхуна здѣсь совершается незамѣтно: петербургское пальто мѣняется на „бекешу“, газета—на „Похожденія Рокамболя“. Въ концѣ концовъ возможно, что петербуржецъ, проживъ здѣсь лѣтъ 10, ложась спать, будетъ серьезно приказывать какой-нибудь Гапкѣ или Одаркѣ—чтобы она принесла ему чернильницу—для „собственноручныхъ“ надписей на бумажкахъ съ сѣменами дыни. „Сія дыня съѣдена такого-то числа“. И если при этомъ участвовалъ путивльскій Тяпкинъ-Ляпкинъ или Бобчинскій и Добчинскій (типы наиболѣе сохранившіеся въ нашей глуши), то—„участвовали такіе-то“.

Уѣздная жизнь засасываетъ человѣка невѣроятно. Некрасовъ, описавъ жизнь уѣзднаго (и чуть ли даже не губернскаго) русскаго города, гдѣ заѣзжій петербургскій баринъ охотился на дупелей на базарной площади, сказалъ, что въ такомъ городѣ „прилично только родиться да умереть“. Не знаемъ—насколько это можетъ быть вѣрно по отношенію къ Путивлю, но, заживаться здѣсь „пріѣзжему человѣку“ дольше, чѣмъ слѣдуетъ, опасно: „засосетъ“ какъ разъ...

Но хорошо пожить здѣсь недолго... Пріѣхать сюда лѣтомъ, напр., изъ Москвы или изъ Петербурга,—изъ самой „гущи жизни“... Какой контрастъ между шумными пыльными улицами столицы и тихаго зеленаго городка!

Улицы немощеныя, песчаныя... Не слышно ни шаговъ, ни стука колесъ. Тихо. Вѣетъ такимъ покоемъ... Можно идти цѣлый часъ и не встрѣтить ни одной живой души. Въ зной и ненастье обыватель предпочитаетъ оставаться дома и выбредаетъ на улицу только вечеромъ. Да и нѣтъ здѣсь такой неотложной нужды, которая побуждаетъ жителей большихъ городовъ бѣгать „сломя голову“, куда-то „стремиться“, переживать непонятныя для средняго путивлянина „мучительныя минуты жизни“; нѣтъ также и главнаго командира, принуждающаго людей, по своему капризу, бѣгать и суетиться,—нѣтъ капитала. Зато здѣсь рѣдкость—нервныя болѣзни, безсонница или плохой аппетитъ... Жизнь ведется „обстоятельная“. Послѣ обѣда, по старинкѣ, сонъ. Чиновникъ ли, ежедневно разсматривающій дѣла разныхъ Довгочхуновъ и Перепенокъ, земецъ ли, мечтающій черезъ тысячу лѣтъ покрыть мужицкія хаты черепичными крышами, „коммерсантъ“ ли, поджидающій къ слѣдующему базару наѣзда Коробочки съ разной „живностью“, адвокатъ ли,—всѣ, до городоваго на улицѣ включительно, погружаются въ сладкій послѣобѣденный сонъ.

Въ знойный лѣтній день, въ послѣобѣденное время, бѣленькіе домики, крытые очеретомъ, соломой, черепицею или желѣзомъ, съ

красными и зелеными кровлями, стоятъ такіе тихіе, какъ очарованные. Подъ окнами дремлютъ вербы, пирамидальные тополи. Бѣлыя, какъ снѣгъ, стѣны, яркая зелень деревьевъ, песокъ,—все залито ослѣпительными лучами южнаго солнца. Синій куполъ неба, глубокій и таинственный, величественно простирается надъ маленькимъ городомъ. Тихо... Слышно, какъ тикаютъ часы въ жилетномъ карманѣ. Изрѣдка, гдѣ-нибудь въ вишневомъ садочкѣ, изъ-за плетня сверкнутъ любопытные глазки, прозвучитъ звонкій дѣвическій смѣхъ, —и снова тишина.

Въ этой идилліи тишины и покоя многое уже мѣняется. Наблюдаются мотивы жизни большихъ городовъ. Жизнь ставитъ вопросы, и вопросы, которые расшевелятъ хоть мертваго...

Приведу одинъ случай характерный для обывательскаго пробужденія.

Приходитъ ко мнѣ мѣщанинъ:

— Вы статистъ?

Разумѣется, отвѣчаю ему утвердительно, не касаясь собственно вопроса о разницѣ между статистикомъ и статистомъ,—гдѣ же знать полуграмотному мѣщанину эти тонкости, когда даже мѣстная бюрократія адресовала намъ свои бумаги: „Статистамъ губернскаго земства“!..

— Скажите: какъ теперь на счетъ... поравненія?

— Какого поравненія?

— Да, вотъ, вы же дома мѣряете... лавки...

— Ну?

— Говорятъ, всѣхъ равнять будутъ... правда это?

Изъ того, что статистики ходили съ рулетками и мѣряли дома и лавки, мѣщанинъ вывелъ, что въ ближайшемъ будущемъ готовится экспропріація домовъ и лавокъ.

Я, какъ могъ, разъяснилъ ему значеніе оцѣночно-статистическихъ работъ.

— Такъ, такъ... поддакивалъ и изумлялся онъ.—Вотъ такъ исторія! А мы думали...

— А скажите, пожалуйста... вопросилъ онъ—вы—землемѣръ?..

— Статистикъ—поправилъ я.

— Все одно. У насъ васъ зовутъ землемѣрами...

Разскажу еще о путивльскомъ „парламентаризмѣ“.

Пришлось мнѣ быть на засѣданіи городской думы. Назначенъ былъ выборъ новаго городского головы. Шелъ докладъ ревизіонной комиссіи. Не было и слѣда губернской „помпы“. Все просто. Маленькое зальце, съ нависшими потолками, немного спертый воздухъ (дѣло было осенью), висячая лампа-коптилка, столы, накрытые

зеленымъ сукномъ, десятка три гласныхъ, десятка два публики, вотъ и все. Докладъ затрогивалъ всѣ больныя мѣста городского хозяйства, указывался и выходъ изъ „затруднительныхъ обстоятельствъ“. Голова, рутинеръ, принималъ докладъ черезъ-чуръ близко къ своему „отеческому“ сердцу и во время чтенія „кипятился“, силясь доказать думѣ свою „правоту“. Ему возражали, его „осаживали“... Дебаты были горячіе, и въ залѣ стоялъ невообразимый шумъ расходившихся „отцовъ“. Напрасно звонилъ предсѣдатель, призывая къ порядку.

И вотъ, въ самый разгаръ преній, въ залу входитъ запоздавшій гласный.

— Представьте, господа...—говоритъ онъ, обходя кругомъ стола и здороваясь съ товарищами, — сегодня мы съ N — и онъ назвалъ еще нѣсколькихъ лицъ — затравили... — ахъ, здрасте, Иванъ Иванычъ... — затравили... — голосъ его задрожалъ отъ волненія, а въ залѣ воцарилась мертвая тишина,—затравили двухъ волковъ!—выговорилъ онъ, наконецъ, любуясь эффектомъ.—Ма-атерые!

Картина засѣданія сразу измѣнилась.

— Какъ?! Гдѣ? Ловко! Поздравляемъ! Важно!

Мгновеніе—и зала муниципалитета напомнила становище охотниковъ американскихъ прерій, какъ ихъ рисуетъ въ своихъ разсказахъ Майнъ-Ридъ. Гласные повскакали со своихъ мѣстъ. Разговоръ на охотничьи темы сдѣлался всеобщимъ, всѣ наперерывъ разспрашивали счастливца, жестикулировали, смѣялись... Докладъ ревизіонной комиссіи былъ забытъ, и даже голова весело улыбался...

Да, здѣсь еще сохранилась трогательная, чисто-патріархальная наивность нравовъ и такой покой, какого трудно найти въ мятущихся большихъ городахъ...

Лѣтомъ здѣсь хорошо, конечно, для тѣхъ, кто нуждается въ покоѣ, въ здоровьѣ, въ возможности отдохнуть и забыться отъ шума и „ужасовъ жизни“...

Жизнь въ Путивлѣ поразительно дешева: за 15 рублей въ мѣсяцъ можно имѣть свѣтлую меблированную комнату со столомъ изъ 2-хъ мясныхъ блюдъ, съ молокомъ, самоварами и прислугой, а осенью—съ массой фруктовъ (грушъ, яблокъ, сливъ и пр.). Подъ бокомъ—роскошное купанье въ Сеймѣ. Одинъ недостатокъ до желѣзнодорожной станціи („Путивль“, Кіево-Воронеж. жел. д.) 23 версты—далеко; но какъ этотъ, такъ и другіе недостатки всякаго уѣзднаго города вполнѣ искупаются другими культурными удобствами, изъ которыхъ первое мѣсто слѣдуетъ отвести городской публичной библіотекѣ.

Едва-ли кто знаетъ, кромѣ ученыхъ и спеціалистовъ, что въ

Путивлѣ существуетъ библіотека, которая можетъ помѣряться своими книжными богатствами не только съ губернскими, но, по нѣкоторымъ отдѣламъ, и съ императорскими публичными библіотеками. Въ библіотеку вошли почти всѣ рѣдкія книги, отмѣченныя въ русской библіографіи до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Знатоки оцѣниваютъ ее въ полмилліона рублей. Ранѣе библіотека составляла частную собственность мѣстнаго купца г. Маклакова, собиравшаго книги десятки лѣтъ. Г. Маклаковъ завѣщалъ библіотеку родному городу. Маклаковъ былъ самоучка, личность недюжинная, богатоодаренная отъ природы и свѣтлая. Онъ оставилъ глубокіе слѣды своего вліянія не въ одной только области народнаго образованія...

Кромѣ массы книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія, въ библіотекѣ имѣются такія библіографическія рѣдкости, какъ напр. „Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранныхъ десницею Всевысочайшей особы. Изд. Палласа 1787 г.“, „Букварь Поликарпова 1701 г.“, „Ариѳметика Магницкаго 1703 г.“, „Лексиконъ славяно-русскій. Беренды 1653 г.“, первыя изданія сочиненій Ломоносова и Тредіаковскаго, „профессора элоквенціи, паче мудрости піитической“, рылѣевскія „Думы“ и мн. др. Много древнихъ книгъ по богословію и иконографіи, рукописей и гравюръ; хорошо представлены матеріалы по исторіи и этнографіи Украины и, отчасти — Польши.

Библіотекою выписываются газеты и журналы. Новѣйшая литература представлена слабо—какъ увидимъ ниже — вслѣдствіе плачевнаго состоянія городскихъ финансовъ, отразившагося не только на библіотекѣ, но и вообще на всемъ хозяйствѣ города.

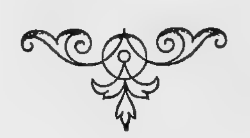
За Путивлемъ уже установилась репутація климатической станціи, и пріѣзжающіе сюда на лѣто петербуржцы и жители „центровъ“ даютъ о немъ самые лестные отзывы. Но, для постановки дѣла на широкую ногу, необходимо дать публикѣ медицинскія и метеорологическія или такъ называемыя курортныя таблицы, какія печатаются и на отечественныхъ, и на заграничныхъ климатическихъ курортахъ. Можно сказать впередъ, что у Путивля есть всѣ данныя на первоклассную климатическую станцію.

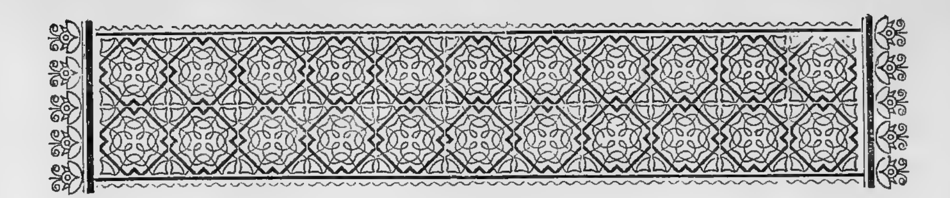
Сравнивая впечатлѣнія отъ изученія метеорологическихъ таблицъ по Путивльскому уѣзду статистика Вернера съ тѣми, какія я вынесъ изъ моего непосредственнаго знакомства съ Путивлемъ лѣтомъ и осенью, могу сказать, что это—одна изъ лучшихъ русскихъ климатическихъ станцій.

Но и помимо климатическихъ достоинствъ, Путивль, какъ древній городъ, богатъ историческими и археологическими памятниками, и, съ этой стороны, несомнѣнно, привлечетъ вниманіе русскихъ ту-

ристовъ. Чего только не пережилъ этотъ маленькій городокъ! Онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ комедію и драму русской исторіи,— видѣлъ романтиковъ, рыцарей, католическихъ монаховъ, Лжедмитрія, царевну Софію, княгиню Ярославну; не разъ пылалъ въ пламени пожаровъ и погибалъ въ лютой сѣчѣ, побѣждалъ враговъ и самъ былъ побѣждаемъ ими. Здѣсь православіе боролось съ католической уніей, „земщина"—съ „опричниной", тяглые и посадскіе люди—съ вольнымъ казачествомъ, ратные—съ иноземщиной и „государевыми ворами".

А. Дунинъ.

Особые взгляды.

(Изъ воспоминаній о Пав. Павл. Косаговскомъ).

Кто не знавалъ остроумнаго веселаго, беззаботнаго Павла Павловича Косаговскаго! Это былъ всегда и вездѣ желанный гость, дорогой собесѣдникъ; онъ много видѣлъ на своемъ вѣку, много зналъ и въ самыхъ разнообразныхъ разсказахъ былъ неистощимъ.

I.

Дѣдъ его былъ богатый помѣщикъ Валдайскаго уѣзда; громаднымъ несчастьемъ, посланнымъ ему, состояніе его было почти разорено: единственный, сынъ его родился слѣпымъ, и онъ вынужденъ былъ щедро отдавать все на то, чтобы облегчить жизнь несчастнаго; — онъ рѣшительно не жалѣлъ средствъ, окружилъ мальчика цѣлымъ, можно сказать, отрядомъ гувернеровъ, воспитателей, учителей; какъ только мальчикъ подросъ настолько, что началъ все понимать, ему постоянно читали, разсказывали, объясняли, — его учили; изъ него вышелъ высокообразованный человѣкъ; онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ; не было ничего такого, чего онъ не зналъ и чѣмъ не интересовался бы по самымъ разнообразнымъ наукамъ; до глубокой старости, онъ прожилъ въ неустанномъ слушаніи чтеній, что было равносильно набиранію новыхъ и новыхъ знаній.

Этотъ высокообразованный слѣпецъ былъ отецъ Павла Павловича Косаговскаго.

Павелъ Павловичъ окончилъ въ 1851 году курсъ наукъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ и оттуда или изъ дворянскаго полка

(впослѣдствіи Константиновское военное, а нынѣ Константиновское артиллерійское училище) былъ произведенъ въ прапорщики артиллеріи. Постоянно съ дѣтскаго возраста слушая чтенія, коими жилъ его слѣпой отецъ, Пав. Павл. тоже набрался знаній и могъ быть поставленъ въ ряду людей очень образованныхъ.

Недолго онъ прослужилъ въ военной службѣ: отецъ въ преклонномъ возрастѣ попросилъ его оставить службу, пріѣхать въ полуразоренное имѣніе и находиться при немъ. „И вотъ я, снявъ дорогой мнѣ артиллерійскій мундиръ, поѣхалъ доразорять полуразоренное дѣдовское имѣніе, говорилъ обыкновенно Пав. Павл. Но не скажу, чтобы восемь лѣтъ, проведенныя возлѣ отца, пропали для меня даромъ: большую часть времени я набирался самыхъ разнообразныхъ знаній, слушая интересныя чтенія, отъ которыхъ отецъ не отсталъ до самой кончины; часто и самъ я ему читалъ“.

II.

Отецъ скончался на восьмидесятомъ году жизни, а Пав. Павл. вскорѣ послѣ того былъ избранъ въ предводители дворянства.

Наступило время реформъ незабвеннаго Царя Освободителя. Какъ только открыла свою дѣятельность редакціонная комиссія,—въ нее, между прочимъ, отъ Новгородской губ. былъ избранъ валдайскій предводитель дворянства Пав. Павл. Косаговскій.

„Сунули меня въ нее, какъ захудалаго помѣщика“, говаривалъ онъ; съ большимъ неудовольствіемъ поѣхалъ я въ Петербургъ, не ожидая ничего хорошаго отъ новаго положенія, которое заставило меня окончательно запустить дѣла свои по имѣнію.

Предсѣдатель редакціонной комиссіи Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ самъ съ каждымъ изъ членовъ знакомился основательно; онъ разспрашивалъ до мельчайшихъ подробностей обо всей прошлой жизни и такимъ образомъ дошелъ до того, что узналъ въ Косаговскомъ бывшаго кадета, т. е., окончившаго курсъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ.

— При первомъ же удобномъ случаѣ доложу Государю, что среди членовъ этой высокой комиссіи имѣется кадетъ—нашъ бывшій питомецъ, сказалъ Яковъ Ивановичъ и свое намѣреніе очень скоро исполнилъ.

Извѣстно, что Государь Александръ Николаевичъ, съ 1849 года,—со времени кончины Вел. Князя Михаила Павловича до дня вступленія своего на престолъ,—состоялъ въ должности начальника военно-учебныхъ заведеній и занимался ими съ большой любовью; все касавшееся бывшихъ кадетъ, какъ говаривалъ Государь про нихъ—„моихъ дорогихъ питомцевъ“—его всегда очень интересовало; Го-

сударь относился къ нимъ съ большимъ участіемъ. Услышавъ докладъ своего бывшаго помощника [1]), Государь, при представленіи членовъ редакціонной комиссіи, вызвалъ П. П. Косаговскаго, удостоилъ его очень ласковымъ разговоромъ, а затѣмъ представилъ его Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Разсказывали, будто бы Императрица нашла, что у него такое лицо, съ котораго можно было бы писать ликъ Спасителя.

Когда П. П. Косаговскаго объ этомъ спрашивали, онъ обыкновенно смѣялся и говорилъ: не знаю, мнѣ Государыня этого не сказала.

III.

То обстоятельство, что П. П. Косаговскій сдѣлался лично извѣстенъ Государю въ связи съ тѣмъ, что онъ выдѣлялся своею начитанностью и образованностью, вызвало, тотчасъ по окончаніи работъ комиссіи, назначеніе его на должность вице-губернатора въ Пензу.

— Вотъ какъ нежданно капризная госпожа фортуна ко мнѣ повернулась, говорилъ Пав. Павл., вспоминая о тѣхъ годахъ своей жизни.

Фортуна однако и въ Пензѣ отъ него не отвернулась: во-первыхъ, онъ тамъ обрѣлъ начало семейной жизни, женившись на дочери извѣстнаго героя Крымской войны генерала Загоскина—Елизаветѣ Яковлевнѣ; а во-вторыхъ, очень скоро,—еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, онъ былъ назначенъ на постъ губернатора въ Витебскъ.

Пробывъ недолго витебскимъ губернаторомъ, П. П. былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ „директоромъ департамента полиціи исполнительной"; — въ этой должности онъ пробылъ, кажется, лѣтъ 15, если не больше, и только лишь тогда, когда департаментъ былъ преобразованъ, т. е. сдѣланъ тѣмъ, чѣмъ онъ состоитъ и понынѣ, — П. П. получилъ назначеніе на постъ одесскаго градоначальника (1881 г.).

Это было вскорѣ по вступленіи на престолъ Государя Императора Александра III-го.

Въ Одессѣ къ нему очень хорошо относились перебывавшіе тамъ одинъ за другимъ генералъ-губернаторы — Тотлебенъ, Дрентельнъ, Гурко, Роппъ, но госпожа фортуна видимо отъ него отвернулась. Надо

---

[1]) Я. И. Ростовцевъ, въ сущности, занималъ должность начальника штаба военно-учебныхъ заведеній; но Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ всегда называлъ его своимъ помощникомъ, а по вступленіи на престолъ назначилъ его на свое мѣсто.

замѣтить, что Пав. Павл., какъ достаточно набалованный ею, былъ далеко не чуждъ чудачествъ, онъ много оригинальничалъ, а нѣкоторые позволяли себѣ говорить проще — самодурствовалъ; — кромѣ того онъ ненавидѣлъ нѣмцевъ вообще и ненавидѣлъ до самозабвенія, какъ самъ иногда шутя выражался.

IV.

Однажды, къ нему, въ числѣ просителей, явился очень приличный молодой человѣкъ, и на вопросъ Павла Павл., какая у него просьба, отвѣтилъ, что пришелъ просить объ опредѣленіи его въ чиновники особыхъ порученій.

— Развѣ вы не знаете, что чиновники особыхъ порученій избираются каждымъ начальникомъ лично; я васъ не знаю, вы какъ съ неба свалились и проситесь прямо въ чиновники особыхъ порученій; съ чѣмъ это сообразно?

— А если нельзя, ваше превосходительство, такъ опредѣлите меня на какую-нибудь другую должность, сказалъ молодой человѣкъ, нисколько не потерявшись, мнѣ все равно, я только хочу служить.

Понравилась ли эта бойкость Павлу Павловичу, но онъ, оглядѣвъ молодого человѣка своими умными глазами, сказалъ: ну, хорошо, я объ васъ разузнаю и если получу хорошій отзывъ, то опредѣлю; гдѣ вы служили въ послѣднее время?

— Въ Гродненской губерніи, секретаремъ губернскаго по воинской повинности присутствія.

— Хорошо; оставьте вашъ адресъ у правителя канцеляріи; до свиданія.

Черезъ нѣсколько дней получивъ отъ Гродненскаго губернатора генер. штаба генералъ-маіора Цеймерна [1]) отзывъ о полнѣйшей

---

[1]) Николай Максимовичъ Цеймернъ очень богатый помѣщикъ Полтавской губерніи (Гадячскаго уѣзда). Это былъ одинъ изъ любимыхъ адъютантовъ фельдмаршала графа Ѳ. Ѳ. Берга; въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ командовалъ стоявшимъ въ Скерневицахъ Варш. губ. стрѣлковымъ баталіономъ и былъ очень близокъ къ проживавшему тамъ во дворцѣ фельдмаршалу князю А. И. Барятинскому; состоя въ свитѣ Его Величества, Цеймернъ былъ назначенъ гродненскимъ, а затѣмъ астраханскимъ губернаторомъ. Въ Астрахани какой-то негодяй, придя къ Ник. Макс. въ видѣ просителя, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера; тяжко раненый въ голову, генералъ успѣлъ схватить преступника и передать его полицеймейстеру, а затѣмъ впалъ въ безпамятство. Впослѣдствіи, состоя въ должности почетнаго опекуна, Н. М. получилъ назначеніе на должность владимірскаго губернатора; во Владим. губерніи онъ въ 1900 году завелъ конную стражу изъ астраханскихъ казаковъ; тогда это нововведеніе не было одобрено, а

непригодности этого чиновника, Пав. Павл. сказалъ: вотъ нѣмецъ не одобряетъ чиновника; это, по моему мнѣнію, первая и лучшая рекомендація и велѣлъ зачислить просителя въ чиновники особыхъ порученій. Чиновникъ вкрался къ нему въ полное довѣріе настолько, что вскорѣ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи одесскаго градоначальника; но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ за нимъ оказались такія преступленія, что его судили и сослали въ Сибирь, а Павлу Павловичу оказалось неудобнымъ оставаться въ Одессѣ, почему его перевели въ Курскъ губернаторомъ.

V.

Это было въ 1885 году. Здѣсь съ нимъ случилась большая бѣда: изъ-за нея онъ могъ легко потерять все и если не лишился службы, то только потому, что вся предыдущая его служебная дѣятельность была извѣстна, какъ примѣрная во всѣхъ отношеніяхъ.

VI.

Вотъ что вышло на четвертомъ году его пребыванія въ Курскѣ.

Служившій во время турецкой войны 1877/8 годовъ въ интендантствѣ дѣйствующей арміи, статскій совѣтникъ Л—чъ,—уроженецъ Курской губерніи, возымѣлъ намѣреніе пожертвовать десять тысячъ рублей на Курскую гимназію съ тѣмъ, чтобы въ той гимназіи, на проценты съ этого капитала, воспитывалось нѣсколько дѣтей дворянъ Курской губ. и чтобы ученики эти считались стипендіатами его, Л—ча, имени.

П. П. Косаговскій, которому Л—чъ нашелъ нужнымъ прежде всего сообщить о своемъ намѣреніи пожертвовать, отнесся къ этому дѣлу съ большимъ вниманіемъ и одобреніемъ; пригласивъ къ себѣ губернскаго предводителя дворянства камергера Александра Дмитріевича Дурново, онъ подѣлился съ нимъ этою новостью.—Но когда пришлось ему выслушать отвѣтъ предводителя, онъ пришелъ въ полное изумленіе: А. Д. Дурново заявилъ, что курское дворянство не приметъ этого пожертвованія по той причинѣ, что Г. Л—чъ служилъ во время войны въ интендантствѣ, и деньги эти, вѣроятно, нажилъ нечистыми путями; курскому дворянству не приходится на

теперь подобная конная стража заведена повсемѣстно. Нынѣ въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи Н. М. Цеймернъ состоитъ почетнымъ опекуномъ и членомъ комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Въ должности губернатора Н. М. Цеймернъ обращалъ особое вниманіе на собираніе статистическихъ данныхъ по всѣмъ отраслямъ управленія, при чемъ вводилъ для этого разработанный имъ чно графическій способъ.

такія деньги воспитывать своихъ дѣтей;—поэтому Дурново отказался принять деньги.

Заявивъ, что предводитель не имѣетъ права такъ рѣшать, а долженъ доложить дѣло дворянскому собранію, П. П. Косаговскій настоятельно предложилъ принять сумму, а въ дальнѣйшемъ поступить сообразно съ рѣшеніемъ дворянъ;—это дѣло не можетъ быть рѣшено единолично предводителемъ, хотя бы и губерскимъ, добавилъ онъ.

— Хорошо, сказалъ А. Д. Дурново, я ихъ приму, сложу въ денежный ящикъ, и пусть онѣ лежатъ тамъ полтора года, раньше января будущаго года дворяне не соберутся.—Это происходило въ іюнѣ 1888-го года;—время очередныхъ дворянскихъ собраній въ Курской губерніи—середина января.

Почему А. Д. Дурново счелъ себя въ правѣ такъ отнестись къ этому дѣлу, и не было ли тутъ какой-нибудь подкладки—неизвѣстно.

VII.

А. Д. Дурново, окончивъ въ 1861 году курсъ ученія въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія, состоялъ съ 1865 года нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ участковымъ городскимъ судьей. Это былъ очень дѣятельный, хлопотливый, отчасти и суетливый человѣкъ.—Хотя онъ былъ безусловно честнымъ человѣкомъ, но одна черта его характера порицалась всѣми въ одинъ голосъ: при своей щепетильности и при своемъ огромномъ самолюбіи, доходившемъ до болѣзненности, онъ часто позволялъ себѣ быть мстительнымъ; никогда никто не могъ его убѣдить въ томъ, что это качество недостойное.

Больше всего порицалось то, что онъ не избѣгалъ проявлять мстительность по отношенію къ людямъ маленькимъ.—Такъ однажды случилось, что приставъ того стана, въ которомъ находилось имѣніе Дурново (въ Щигровскомъ—Дурновка или Александровское, —уѣздѣ), въ чемъ-то не оказалъ ему почтенія или оказалъ непочтеніе. А. Д. озлился, нажаловался губернатору и добился того, что приставу было предложено искать другой родъ службы; онъ былъ уволенъ въ отставку. Къ счастью для этого пристава,—имѣвшаго, кстати сказать, неосторожность сдѣлаться многосемейнымъ (у него было пять сыновей и одна дочь), его зналъ съ прекрасной стороны начальникъ одной изъ сосѣднихъ съ Курскою губерній, раньше того служившій вице-губернаторомъ въ Курскѣ. Этотъ губернаторъ, услышавъ о бѣдѣ, стрясшейся надъ бѣднягой-приставомъ, котораго онъ случайно зналъ еще во время войны офицеромъ—Брянскаго

пѣхотнаго полка, — прославившагося защитой Шипкинскихъ высотъ,—взялъ его на службу приставомъ же въ свою губернію.

VIII.

Прошло съ полгода, губернаторъ пріѣхалъ въ Петербургъ; возвратившись однажды изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ засталъ у себя визитную карточку А. Д. Дурново, при чемъ человѣкъ доложилъ, что „господинъ генералъ очень желали повидаться и просили дать знать по телефону, когда они могутъ пріѣхать“.

— На другой день рано утромъ губернаторъ услышалъ стукъ въ дверь своего номера.

— Войдите.

Вошелъ А. Д. Дурново въ блестящемъ шталмейстерскомъ мундирѣ съ лентой Бѣлаго Орла черезъ плечо.

— Куда это вы собрались? не въ Царское ли Село представляться Государю?—спросилъ губернаторъ послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Нѣтъ, это я къ вамъ, счелъ долгомъ заѣхать...

— Что вы, Александръ Дмитріевичъ, развѣ это можно; а я-то, я заѣзжалъ къ вамъ вчера просто въ сюртукѣ, хорошо, что не засталъ; непремѣнно заѣду сегодня же въ мундирѣ...

— Помилуйте, сконфуженно улыбнулся блестящій шталмейстеръ.—Я являюсь къ вамъ просителемъ.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезнымъ?

— Вотъ вы взяли пристава Ж. къ себѣ на службу, вы не знаете, какой это негодяй; я считаю долгомъ васъ предостеречь; увольте его, пока онъ еще не успѣлъ натворить гадостей у васъ въ губерніи.

— Я этого человѣка давно знаю, знаю съ прекрасной стороны, приставомъ онъ былъ дѣльнымъ, примѣрнымъ, поэтому я его и опредѣлилъ; а если паче чаянія надѣлаетъ гадостей,— сейчасъ же уволю, надъ этимъ не задумаюсь ни минуты.

— Но вѣдь это для меня обидно; я настоялъ на его увольненіи, а вы сейчасъ же его и взяли; онъ смѣется.

— Помилуйте, Александръ Дмитріевичъ, что вы говорите; не грѣшно ли вамъ; я не знаю, что онъ противъ васъ сотворилъ, но считаю, что онъ уже понесъ достаточное наказаніе; его уволили, оставили безъ куска хлѣба, а затѣмъ ему пришлось истратить послѣдніе гроши на переѣздъ въ сосѣднюю губернію; чего же еще надо?

— Да это, наконецъ, я думаю, и курскому губернатору обидно: онъ только-что его вышвырнулъ какъ негоднаго, а вы, точно на

смѣхъ, взяли его въ свою губернію; курскій губернаторъ навѣрное обидѣлся...

— Нисколько, я въ этомъ убѣжденъ; тѣмъ болѣе, что прежде, чѣмъ назначить Ж. къ себѣ въ губернію, я списался о немъ съ курскимъ губернаторомъ и получилъ увѣдомленіе, что приставъ этотъ какъ былъ хорошимъ, такъ во всѣхъ отношеніяхъ и остался выдающимся, но личное столкновеніе его съ губернскимъ предводителемъ вызвало удаленіе его и увольненіе отъ службы; потомъ при свиданіи съ курскимъ губернаторомъ я ему откровенно сказалъ, что я никогда не сдѣлалъ бы такъ, а просто перевелъ бы его подальше отъ того стана, въ которомъ находятся ваши помѣстья... курскому губернатору это все равно, но я все-таки нашелъ нужнымъ ему это сказать...

— Я прошу васъ, сдѣлайте это для меня, увольте его...

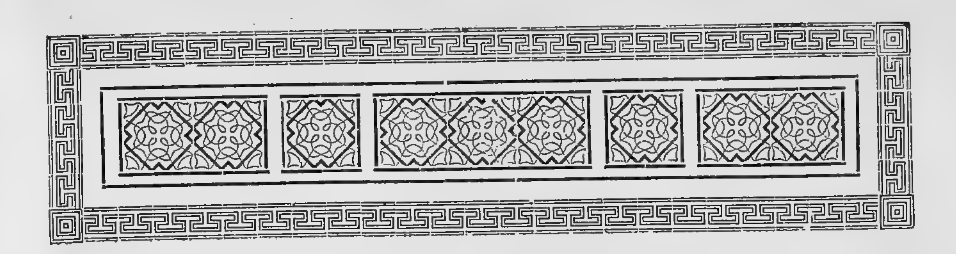
— Нѣтъ, нѣтъ зачѣмъ вы хотите непремѣнно меня заставить сдѣлать актъ величайшей несправедливости—придушить этого несчастнаго отца семейства и тѣмъ самымъ погубить его семью; я этого ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаю; ни турецкихъ, ни персидскихъ порядковъ я никогда не придерживался и придерживаться не буду ни въ какомъ случаѣ. До чего это можетъ дойти; найдется какой-нибудь знатный вельможа, осудитъ передъ министромъ губернатора, и губернаторъ также полетитъ, какъ изъ-за уступчивости начальника Курской губерніи полетѣлъ бѣдняга приставъ. (Боже мой, не далѣе какъ черезъ три года съ этимъ самымъ губернаторомъ это точь въ точь такъ и случилось! онъ не представлялъ себѣ возможности этого или быть можетъ произнесъ эти слова, какъ бы въ предчувствіи возможности невозможнаго у насъ на Руси!)

А. Д. Дурново, видя, что ничего нельзя подѣлать, попрощался очень сухо и ушелъ, а бѣдный приставъ и посейчасъ преисправно служитъ и выращиваетъ своихъ дѣтей.

А. Е. К.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Въ 1881 году исполнилось 50 лѣтъ храненія рукописи гр. Ланжерона въ библіотекѣ „дома Инвалидовъ" въ Парижѣ—срокъ, назначенный автором, въ своемъ завѣщаніи, послѣ котораго записки эти предоставляются въ общее пользованіе. Императоръ Александръ III, какъ любитель и знатокъ военной исторіи, придавая весьма важное значеніе этимъ запискамъ, пожелалъ ознакомиться съ ними и повелѣлъ, на свой счетъ, списать съ нихъ копію, которая и была первымъ спискомъ съ подлинника въ Россіи.

Полнаго перевода на русскій языкъ записокъ гр. Ланжерона, до сихъ поръ, въ печати не появлялось. Наиболѣе интересная часть записокъ, объ эпохѣ войнъ Россіи въ началѣ прошлаго столѣтія, имѣетъ то огромное для исторіи значеніе, что авторъ записокъ, по своему уму, образованію, наблюдательности и служебному положенію, имѣлъ широкій кругозоръ, обнимавшій событія не только съ исторической точки зрѣнія, но и съ бытовой; авторъ знакомитъ читателя съ политикой, исторіей, нравами воюющихъ народовъ, даетъ цѣлый рядъ картинъ войны, характеристикъ отдѣльныхъ лицъ, біографій. Критика его разумная, умѣренная, хотя и небезпристрастная, вызываетъ на размышленія и тѣмъ увеличиваетъ интересъ къ запискамъ.

Начатый печатаніемъ [2]) въ „Русской Старинѣ" переводъ его записокъ о войнѣ Россіи съ Турціей 1806—1812 г.г. вызвалъ большой интересъ въ читателяхъ и особенно въ людяхъ, изучающихъ военную исторію; интересъ этотъ увеличивается тѣмъ, что записки печатаются полностью, безъ пропусковъ; при чемъ, иногда слишкомъ откровенное описаніе частной жизни нисколько не затѣняетъ значенія нашихъ народныхъ героевъ.

По описанію войны 1806—1812 г.г. мы имѣемъ только 2 сочиненія, одно—оффиціальное Михайловскаго-Данилевскаго, а другое—частное Петрова.

---

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь, 1907 г.

[2]) Майская книжка 1907 г.

Ни то, ни другое не удовлетворяютъ изслѣдователей эпохи этой войны и, когда еще переводъ записокъ не появлялся въ печати, то многіе академисты разыскивали рукопись гр. Ланжерона для своихъ научныхъ работъ.

Такимъ образомъ, значеніе начатыхъ печатаніемъ въ „Русской Старинѣ" записокъ гр. Ланжерона весьма важно какъ въ историческомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніяхъ. Важность записокъ пріобрѣтаетъ особую цѣнность, когда онѣ будутъ доведены до конца. Многія наши ошибки, сдѣланныя 100 лѣтъ назадъ, къ несчастію, повторяются и теперь, а потому изученіе ихъ представляется насущно необходимымъ.

Въ ноябрьской книжкѣ „Русской Старины" за 1907 годъ записки гр. Ланжерона оборвались на 1808 годѣ, повидимому еще не законченномъ, но, судя по исторіи, наибольшій интересъ должны представлять послѣдующіе годы, когда обѣ воюющія арміи сформировались и начались болѣе активныя дѣйствія при новыхъ главнокомандующихъ. Осада Силистріи, сраженія подъ Шумлой, Дерикіой, подъ Батинымъ, Рущукомъ, Слободзеей... все это представляетъ величайшій интересъ, и появленія на страницахъ „Русской Старины" описанія этихъ событій мы ждемъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Читатель.

Несмотря на нѣкоторую суровость со стороны Мустафы, народъ господствовалъ въ правленіи, анархія царствовала въ столицѣ, и каждый день опасались новыхъ вспышекъ. Министръ финансовъ и министръ военный были въ очень дурныхъ отношеніяхъ и постоянно враждовали *между собой* [1]).

Мустафа-Байрактаръ, одинъ изъ самыхъ грозныхъ разбойниковъ Болгаріи, намѣревался преслѣдовать министра финансовъ и, въ то же время, будучи заклятымъ врагомъ великаго визиря Челебея, приводилъ въ исполненіе свой отважный замыселъ,—снова возвести на престолъ Селима. Увѣряютъ, что мысль эту ему подалъ г. *Себастіяни* [2]), который; встрѣтивъ Мустафу-Байрактара въ Рущукѣ, отлично разсчиталъ, что безначаліе и общее недовольство ему сильно помогутъ въ задуманномъ предпріятіи. Повелитель не могъ сдѣлать то доброе, котораго ждали отъ него.

Когда народъ увидѣлъ, наконецъ, что революція не имѣла другихъ результатовъ кромѣ какъ насыщеніе ненависти нѣкоторыхъ личностей и партій, что съ отмѣною Низамъ-Джедида увеличилась распущенность войска, и что новые налоги не уменьшились, то началъ сожалѣть о Селимѣ. Мустафа-Байрактаръ понялъ, что для приведенія своего замысла въ исполненіе, ему необходимо примириться съ великимъ визиремъ Мустафой—Челебеемъ, что онъ и не замедлилъ сдѣлать, посвятивъ Челебея въ свой замыселъ.

Оба тотчасъ отправились въ столицу съ войскомъ въ 40.000 ч., изъ которыхъ половина принадлежала Байрактару. Дорогой, Байрактаръ отдѣлилъ часть храбрѣйшихъ людей и отправилъ ихъ въ Фанараки, чтобы захватить Кавакши, который и былъ умерщвленъ ими 30 іюня 1808 г. Смерть начальника мятежниковъ сильно осла-

---

[1]) Въ военное время въ Турціи назначаются *два министра*; одинъ министръ остается около султана, а другой слѣдуетъ за великимъ визиремъ въ армію.

[2]) Господинъ *Себастіяни* былъ очень привязанъ къ Селиму; ни одинъ министръ въ Константинополѣ не пользовался такой благосклонностью, какая была оказана ему Селимомъ. Онъ часто видался съ нимъ частнымъ образомъ и даже обѣдалъ съ нимъ tête à tête; такихъ примѣровъ еще не встрѣчалось въ лѣтописи Оттоманской имперіи.

била ихъ самихъ. Между тѣмъ, ямаксы, придя въ себя отъ перваго чувства ужаса, пытались отомстить за смерть Кавакши, или вѣрнѣе, думали о собственной безопасности. Конница Байрактара навѣрное бы погибла, если бы не получила внезапнаго подкрѣпленія, благодаря которому ямаксы были разогнаны. Самая стычка произошла у деревни Фанараки, которая была затѣмъ сожжена.

Въ то время, какъ этотъ корпусъ конницы дѣйствовалъ на лѣвомъ флангѣ, остальные корпуса прибыли и расположились въ *Даудъ-Паша* [1]). Неизвѣстно, чѣмъ объяснили Челебей и Байрактаръ султану перемѣну направленія арміи и движеніе ея къ столицѣ, но мы знаемъ, что они сумѣли такъ обмануть султана, что тотъ не имѣлъ никакихъ подозрѣній и не выразилъ ни малѣйшей боязни и сомнѣній; они его увѣрили даже, что дѣйствовали такъ, чтобы возвысить его *авторитетъ* [2]).

Султанъ Мустафа вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ Санджіакъ-*Жерифомъ* (sandgiak-sherif) [3]), въ тотъ день, когда эта королевская хоругвь прибыла въ столицу.

Великій визирь спокойно занималъ свой постъ въ *Паша-Капусси* [4]). Войско Мустафы Байрактара расположилось близъ города, соблюдая строжайшую дисциплину, а самъ онъ ежедневно ѣздилъ въ Константинополь, гдѣ султанъ предложилъ ему занять *Ейупъ* [5]),—

---

[1]) *Даудъ-Паша* — равнина, лежащая въ 10-ти верстахъ отъ Константинополя, тамъ были расположены войска великаго визиря.

[2]) *Мустафа*, царствовавшій всего два мѣсяца, былъ такъ презираемъ и ненавидимъ, что никто не интересовался его дальнѣйшей судьбой.

[3]) *Санджіакъ-Шерифъ* (Sandjiak) значитъ дворянское знамя. Европейцы называютъ его знаменемъ Магомета. (Это вродѣ того, что раньше во Франціи называлось l'oriflamme — государственная хоругвь). Оно тщательно оберегается во внутреннемъ сералѣ и выносится только, когда великій визирь идетъ на войну; оно съ большой церемоніей несется въ лагерь. Ни одинъ христіанинъ не можетъ встрѣтиться по пути, и многіе безумцы платились жизнью за свое сумасшедшее любопытство. Это знамя оборачивается вокругъ того, кто его несетъ. Турки увѣряютъ, что оно никогда не попадало въ руки врагамъ, но это не достовѣрный фактъ.

[4]) *Паша-Капусси* (Капусси значитъ дверь) называется дворецъ великаго визиря; тамъ же помѣщаются различные комитеты (бюро); изъ-за этого дворца и произошло названіе Порта (la porte — дверь), la sublime Porte — блестящая Порта. Самъ дворецъ—это огромное зданіе, выстроенное изъ дерева.

[5]) *Ейупъ* — предмѣстье города Константинополя; оно получило названіе отъ мечети, которую соорудилъ Магометъ II послѣ взятія города, въ честь Ейупъ, начальника сарацинъ. Они осадили Константинополь раньше Магомета, Ейупъ былъ убитъ, и турки считаютъ его, также какъ и всѣхъ погибшихъ въ этой войнѣ съ христіанами, мучениками, умершими за вѣру. Они утверждаютъ, что сабля, которую одѣваютъ султану при вступленіи его на престолъ — принадлежала Ейупу.

дворецъ одной султанши, но онъ не воспользовался этимъ предложеніемъ и каждый вечеръ возвращался въ лагерь, проводя ночь со своимъ войскомъ. Онъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ султаномъ Мустафой и сумѣлъ внушить ему такое довѣріе, что тотъ назначилъ его генералиссимусомъ и далъ ему неограниченныя полномочія.

Байрактаръ уговорилъ своего повелителя удалить отъ дѣла и выслать муфтія, двоихъ казіаскіеровъ и отставить отъ должностей нѣкоторыхъ баловней судьбы, продолжая притворствовать до 4/10 іюля.

Въ этотъ день онъ выступилъ въ Порту, во главѣ многочисленнаго своего войска и собственною властью удалилъ великаго визиря, котораго онъ ужасно обманывалъ все это время, но услугами котораго пользовался постоянно, и приказалъ отвезти его въ лагерь Ауда-Паши, а государственную печать передалъ Чаушъ-Баши, первому экзекутору. Всѣмъ членамъ министерства онъ приказалъ тотчасъ же собраться въ сералѣ, объявивъ, что онъ самъ сейчасъ же прибудетъ. Дѣйствительно, онъ вскорѣ явился со своимъ войскомъ. Въѣздъ его въ первыя ворота дворца прошелъ безъ всякихъ препятствій и встрѣчъ, которыхъ никто ему не хотѣлъ дѣлать, а толпившемуся, близъ дворца, народу, Байрактаръ раздавалъ золото. Дверь второго двора онъ нашелъ запертой, и когда ему отказали открыть ее, онъ приказалъ проломить ее и взять стѣны приступомъ. Лишь только онъ произнесъ команду о штурмѣ,—какъ вдругъ ворота раскрылись и Байрактаръ увидѣлъ окровавленный и изуродованный трупъ Селима. Султанъ Мустафа, котораго низложенный визирь успѣлъ предувѣдомить о заговорѣ Байрактара, вообразилъ, что онъ, погубивъ Селима и выставивъ его тѣло на показъ заговорщикамъ, помѣшаетъ ихъ замысламъ.

Несчастный Селимъ былъ казненъ во внутреннемъ сералѣ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Байрактаръ, въ ужасномъ горѣ, проливалъ слезы надъ трупомъ Селима, но одинъ изъ офицеровъ напомнилъ ему, что теперь не время плакать. Тогда, опечаленный Байрактаръ сказалъ, что народъ недоволенъ правленіемъ Мустафы и объявилъ султаномъ брата его Махмуда. Султану Мустафѣ не оставалось никакихъ средствъ, чтобы отвратить этотъ ударъ, и онъ сошелъ съ престола съ такою же покорностью, съ какою и взошелъ на него 11 мѣсяцевъ тому назадъ. Это былъ человѣкъ трусливый и жестокій, какъ и большинство султановъ.

Серальная пушка возвѣстила Константинополю о томъ, что султанъ Махмудъ занялъ мѣсто своего брата. Общественная тишина нисколько не была нарушена во время всей революціи.—На другой

день Мустафа-Байрактаръ публично воздалъ погребальныя почести Селиму 3-му. Паши и все министерство сопровождали погребальное шествіе. Тѣло султана было погребено подлѣ султана Мустафы 3-го, отца Селима.

Султанъ Махмудъ былъ вторымъ, носящимъ это имя, 31-мъ императоромъ оттоманскимъ и 22-мъ послѣ завоеванія Константинополя. Когда онъ взошелъ на престолъ, ему было 26 л., у него не было дѣтей, такъ что онъ былъ послѣднимъ изъ этой *фамиліи* [1]).

Султанъ Махмудъ утвердилъ Байрактара въ должности великаго визиря, которую онъ, впрочемъ, самъ присвоилъ себѣ, по удаленіи, обманутаго имъ Челебея.

Если въ интересахъ султана было, чтобы главную должность занималъ этотъ предводитель новой революціи, помогавшій ему войти на престолъ, тѣмъ болѣе это было необходимо для самого разбойника. Власть ему была нужна для послѣдующихъ дѣлъ и работы.

Первымъ долгомъ онъ сталъ мстить за смерть Селима, умерщвляя всѣхъ способствовавшихъ революціи 1807 г. Ежедневно, производились казни ямаксовъ и въ огромномъ количествѣ [2]). Мустафа визирь выказывалъ много энергіи первое время; онъ ввелъ въ столицѣ прочный порядокъ и заставилъ бояться себя и въ то же время любить. Революція, которую онъ произвелъ, не походила на предъидущую и была ведена только однимъ человѣкомъ, а не толпою мятежниковъ. Онъ долженъ былъ утвердить власть султана, котораго возвелъ на престолъ, и предвидѣть всѣ дальнѣйшія событія.

Исторія султановъ часто показываетъ намъ примѣры, похожіе на подобныя революціи; между тѣмъ прошло уже 76 л., какъ не происходило такихъ катастрофъ.

Послѣ того какъ Ахметъ III лишился короны, три слѣдующіе султана: Махмудъ I, Мустафа III и Абдулъ-Гамидъ I, спокойно умирали на престолѣ.

Мустафа-визирь, немного времени спустя по водвореніи въ новой должности великаго визиря, занялся проектомъ произвести

---

[1]) Общее мнѣніе было таково: въ томъ случаѣ, если Оттоманская фамилія прекратится, то надо выбирать султана изъ фамиліи Чингисъ-Ханъ (Tchingis-Khan), какъ исходящихъ изъ той же вѣтви и, такъ какъ она происходитъ отъ прежнихъ крымскихъ Гирей-хановъ, то имѣетъ право на наслѣдованіе престола въ Имперіи.

[2]) Въ первый же день было отрублено болѣе 100 головъ и утоплены зашитыя въ мѣшки, всѣ женщины сераля, которыя потѣшались надъ смертью Селима.

небольшую революцію, которая бы уничтожила буйныхъ и опасныхъ янычаръ,—планъ, стоившій султану Селиму—трона. Мустафа долженъ былъ предвидѣть и опасаться ихъ сопротивленія, онъ долженъ былъ понять, что для исполненія этого плана надо было обладать большой силой воли и, главнымъ образомъ, подчиненія себѣ—вооруженныхъ силъ.

Хотя война съ Россіей неблагопріятствовала подобному предпріятію, но султанъ предоставилъ Мустафѣ отыскать средства, которыя могли бы способствовать его планамъ. Одно изъ этихъ средствъ заключалось въ томъ, чтобы собрать всѣ войска и распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Онъ могъ извлечь изъ этого двойную выгоду: во-первыхъ, заставилъ бы ихъ служить своимъ планамъ, а во-вторыхъ, содѣйствовалъ бы защитѣ имперіи, противупоставя эти же войска—русской арміи. Хотя перемиріе, которое существовало въ то время, было нарушено новыми непріязненными дѣйствіями, но онъ не хотѣлъ возобновленія войны, а потому и всѣ дѣйствія его вели къ миру или, по крайней мѣрѣ, къ продолженію перемирія. Въ этомъ отношеніи, онъ разсчиталъ совершенно вѣрно, и обстоятельства ему весьма благопріятствовали, но несмотря на всѣ средства, употребленныя имъ для достиженія своей главной цѣли, это ему не удалось.

Съ величайшимъ интересомъ вводилъ онъ въ свою имперію слѣдующія нововведенія: онъ сумѣлъ соединить нѣсколько партій, успокоилъ и примирилъ на время болгарскихъ разбойниковъ, бывшихъ ему хорошо знакомыми, такъ какъ многіе имѣли съ нимъ свои счеты, участвуя въ различныхъ низкихъ дѣлахъ и помогая ему въ его разбояхъ. Онъ ласкалъ жителей столицы, казался другомъ христіанъ; при немъ господствовали изобиліе и довольство, быстрый и правый судъ, онъ дѣлалъ видъ, что жестоко обращается съ знатными особами, когда ихъ находили виновными, и многихъ изъ нихъ, даже султановъ, заставлялъ уплачивать долги, до сего безнадежно требуемые. Такой честный судъ былъ совсѣмъ не въ обычаѣ въ Турціи. Его власть, такъ разумно направленная, особенная любовь къ народу, забота о назначеніи цѣнъ на предметы первой необходимости, достигли громадныхъ результатовъ. Мустафа-визирь сталъ всѣми любимъ. Но, желая внушить къ себѣ почтеніе и страхъ, онъ поддерживалъ эти чувства, преслѣдуя всѣхъ тѣхъ, которые, полагалъ онъ, несочувственно относились къ его планамъ и реформамъ. Каждый день онъ произносилъ нѣсколько смертныхъ приговоровъ и давалъ нѣсколько отставокъ прежнимъ служащимъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, янычары и не подозрѣвали объ его планахъ, такъ ловко сумѣлъ онъ ихъ скрывать. Онъ только что

далъ имъ и корпусу *Сейменовъ* [1]) (des Seimens) нѣсколько пространныхъ поясненій, относительно ружейныхъ пріемовъ и нѣкоторыхъ европейскихъ маневровъ. Тщательно избѣгая имени Низамъ-Джедида, но все же придерживаясь его направленія, онъ неправильно поступалъ, набирая въ рекруты въ корпусъ Сеймена всѣхъ тѣхъ, которые въ царствованіе Селима составляли часть регулярныхъ войскъ. Онъ ихъ сравнялъ съ другими военными корпусами имперіи, какъ напр. Терсаналисъ, *Топчисъ* [2]) и т. д. Христіане также были призываемы въ его войска и его собственная гвардія состояла изъ Сейменовъ. По мѣрѣ того, какъ число ихъ увеличивалось, и планъ Мустафы начиналъ развиваться, у янычаръ стали зарождаться подозрѣнія. Надо полагать, что они были подстрекаемы тѣми, которые были заинтересованы въ существованіи этого корпуса, тѣми, которые завидовали могуществу Мустафы, а также и тѣми, которыхъ коснулась его строгость. Конечно, подобное состояніе умовъ не могло ускользнуть отъ Мустафы, но, казалось, онъ себя слишкомъ обнадеживалъ тѣмъ, что имѣетъ достаточно времени, чтобы подготовить серьезный ударъ.

Подъ предлогомъ ближайшаго знакомства султана съ дѣйствующей арміей въ войнѣ противъ русскихъ, онъ хотѣлъ заставить его покинуть столицу, увлечь его въ центръ многочисленной арміи, которая была ему очень предана, и тамъ заставить султана издать фирманъ объ уничтоженіи янычаръ и дѣйствительно уничтожить

---

[1]) *Сейменъ* (Seimen)—35-ая орта или полкъ янычаръ: корпусъ войскъ въ въ 196 ортъ былъ присоединенъ къ янычарамъ. Число людей въ каждой ортѣ не равно. Султанъ записанъ въ 61-ой, которая называется Биринджи. Этотъ корпусъ составленъ изъ людей всѣхъ національностей, куда попасть крайне трудно и надо быть записаннымъ съ дѣтства. Они пользовались огромной властью и не разъ низлагали своихъ повелителей, но за исключеніемъ одного случая, не было примѣра, чтобы они обагрили свои руки кровью султановъ. Османъ 2-ой, сынъ Ахмета 1-го, умеръ подъ ударами янычаръ 65-ой орты; воспоминаніе объ этомъ фактѣ заставило янычаръ—проклять эту орту и, несмотря на то, что номеръ ея еще существуетъ, ни одинъ человѣкъ не захотѣлъ служить въ ея рядахъ. Произношеніе этого номера, напримѣръ, при полученіи жалованья, значитъ вызвать проклятія, которыя произносятся всегда при этомъ. Султанъ Селимъ, утвердивъ Низамъ-Джедидъ, захотѣлъ принимать въ него и христіанъ, но не посмѣлъ; тогда какъ съ давнихъ поръ матросы турецкаго флота большею частью состояли изъ грековъ, и прежде корпусъ янычаръ формировался изъ христіанскихъ дѣтей, которыхъ приносили султану въ дань. Паши Босніи и Илиріи также имѣютъ войска, въ составъ которыхъ входятъ христіане; у нихъ есть даже свои священники.

[2]) *Топчисы* (Les Topschis) значитъ артиллеристы. Терсаналисы принадлежали къ адмиралтейству.

ихъ, не боясь сопротивленій съ ихъ стороны. Для этого онъ приказалъ всему оттоманскому войску, собравшемуся изъ Европейской и Азіатской Турцій, расположиться лагеромъ около Константинополя. Многочисленность войскъ давала ему полную возможность привести въ исполненіе задуманный планъ, но онъ не сумѣлъ воспользоваться этой возможностью. Вмѣсто того, чтобы сконцентрировать всѣ войска близъ Константинополя, онъ расположилъ большую часть вдоль береговъ пролива.

Таково было положеніе дѣлъ, когда произошло возстаніе янычаръ, которое возгорѣлось въ ночь на 3/15 ноября 1808 г., въ періодъ *Рамазана* (de Ramazan) [1]), когда турки, въ продолженіе этого періода года, проводятъ всю ночь на ногахъ.

Мустафа совершалъ *Лифтаръ* [2]) у муфтія и, возвращаясь отъ него, замѣтилъ движеніе въ народѣ; понявъ, что всѣ дѣйствія будутъ направлены противъ него, и потому признавъ присутствіе свое среди нихъ небезопаснымъ, онъ поспѣшилъ достичь скорѣе Паша-Капуни.

Вскорѣ янычары, толпами стали подходить къ дворцу, и мятежъ начался съ того, что они подожгли дворецъ.

Гвардія Сейменовъ принуждена была начать перестрѣлку съ мятежниками; обѣ стороны дрались съ большимъ ожесточеніемъ среди громаднаго зданія, объятаго пожаромъ, но Мустафа въ этомъ случаѣ не оказался на своемъ мѣстѣ. Въ такую критическую минуту онъ выказалъ полное отсутствіе твердости характера, который онъ не разъ выказывалъ, но его обычная храбрость покинула его, и онъ спрятался въ одной изъ башень дворца, гдѣ и задохнулся отъ дыма. Его нашли тамъ уже мертвымъ. Вмѣстѣ съ нимъ нашли трупы одного изъ евнуховъ и его любимой жены; около этихъ трехъ труповъ лежали ящики, наполненные золотомъ и драгоцѣнными камнями [3]).

---

[1]) *Рамазанъ*—постъ у турокъ; онъ соблюдается у нихъ очень строго; во время поста они не смѣютъ принимать пищи до захода солнца, но вечеръ и ночь — это ихъ карнавалъ. Байрамъ (les Bayrams)—время ихъ праздниковъ; ихъ два: первый продолжается — 3 дня, второй — 4.

[2]) *Лифтаръ* — первая трапеза, которую употребляютъ турки вечеромъ во время Рамазана.

[3]) Одинъ армянинъ, по имени Манукъ-Бей, ближайшій другъ и довѣренный Мустафы, во время революціи, не оказался съ нимъ, такъ какъ находился тогда въ другомъ кварталѣ города. Онъ нашелъ способъ спастись съ большими трудностями и даже опасностью—въ Рущукѣ, гдѣ онъ овладѣлъ всѣми деньгами и драгоцѣнными вещами Мустафы. Затѣмъ онъ пріѣхалъ въ Бухарестъ и перешелъ къ русскимъ, которые очень хорошо съ нимъ обошлись и приняли къ себѣ на службу.

На слѣдующій день, янычары заперли городскія ворота и толпами кинулись къ Сералю. Но предупрежденные о возстаніи янычаръ, тамъ уже собрался многочисленный корпусъ Сейменовъ, квартировавшій въ *Скутари* [1]) подъ начальствомъ *Кади-Паши* [2]), для котораго море было свободно и путь сообщенія къ Сералю былъ открытъ.

Капитанъ-Паша и *Топчи-Паша* [3]) также могли проникнуть въ Сераль съ этой стороны, благодаря чему султанъ Махмудъ имѣлъ возможность не только отразить нападеніе янычаръ, но и могъ даже надѣяться усмирить ихъ. Нѣсколько удачныхъ вылазокъ изъ Сераля противъ мятежниковъ, поджогъ одной изъ главныхъ казармъ *янычаръ* [4]), огонь изъ нѣсколькихъ кораблей флота, успѣшно направленный, по распоряженію капитана, въ городъ, готовность Топчи и Терсаналисъ поддержать сторону Мустафы-визиря, такъ какъ имъ не былъ еще извѣстенъ его ужасный конецъ, давали султану небольшія надежды на успѣхъ. Но, какъ только узнали о судьбѣ ве-

---

[1]) *Скутари* (Скударъ), древній Крисополисъ, расположенъ въ Азіи, vis à vis Сераля, это большой и очень населенный городъ.

[2]) *Кади-Паша* — до того какъ быть пашой, былъ Кади-судьей. Во время революціи, онъ былъ пашой въ Коніѣ, городъ въ Анатоліи, но во время смерти Мустафы-визиря онъ находился со своими войсками въ Константинополѣ. Кади былъ ревностный партизанъ Низамъ-Джедида, и силою ввелъ его въ своемъ городѣ. Онъ былъ также злѣйшій врагъ янычаръ, послѣ ихъ тріумфа 3-го ноября. Онъ задумалъ бѣжать въ Азію, чтобы вооружить своихъ партизановъ, но былъ задержанъ и обезглавленъ. Голова его была выставлена на дверяхъ Сераля. Это варварскій обычай у турокъ: головы казненныхъ пашей или знатныхъ офицеровъ выставлять на серебряныхъ блюдахъ, или деревянныхъ, смотря по чину, у входа во второй дворъ Сераля, головы же непріятелей, убитыхъ въ сраженіяхъ, предварительно просаливались и складывались у входа перваго двора, когда ихъ набиралось слишкомъ много, то довольствуются одними ушами, которыя съѣдаются собаками. На эти головы и уши ставятся надписи, поясняющія, кто эти несчастные, солдаты или разбойники или преступники, погибшіе въ битвахъ или отъ руки палачей.

[3]) *Топчи-Баши*—шефъ артиллеріи, Капитаномъ-паша былъ тогда Рамизъ-Абдула, другъ Мустафы-Байрактара. Онъ бѣжалъ въ Россію, гдѣ я съ нимъ познакомился; это былъ очень молодой человѣкъ, красавецъ собой, съ чрезвычайно элегантными манерами. Онъ говорилъ немного по-французски и по-русски. Султанъ вызвалъ его къ себѣ, какъ только миръ съ Россіей былъ заключенъ; но враги его, боясь вліянія, которое онъ могъ имѣть на своего повелителя, казнили его въ Бухарестѣ.

[4]) Здѣсь былъ венгерскій ренегатъ, дезертиръ австрійскаго войска и офицеръ Сеймена, который называлъ себя *Солиманъ-Ага*, послѣ того какъ цѣловалъ коранъ и который сжегъ вскорѣ ихъ казарму, гдѣ погибъ самъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ инструкторовъ турецкихъ войскъ.

ликаго визиря, страхъ и ужасъ овладѣлъ Топчи и Терсаналисъ и они измѣнили султану, быть можетъ благодаря подкупу.

Какъ бы то ни было, но они бросили то дѣло, которое предприняли и защищали и перешли на сторону янычаръ. Сеймены, запертые въ Сералѣ, пытались было снова возобновить непріятельскія дѣйствія, но султанъ, разсудивъ, что это было бы совершенно безполезно и могло бы лишь повлечь за собой гибельныя послѣдствія для него, пріостановилъ ихъ вылазки, прекратилъ огонь съ флота и вступилъ въ переговоры съ янычарами. Онъ обѣщалъ вернуть Низамъ-Джедидъ и даже далъ письменно торжественное обѣщаніе, что въ продолженіе его царствованія вопросъ объ этомъ считается поконченнымъ [1]).

Во время этихъ переговоровъ султанъ Мустафа, тотъ самый, который замѣстилъ Селима и который низвелъ Мустафа-Байрактара, былъ лишенъ жизни. Увѣряютъ, что будто Махмудъ сказалъ Вади-Пашѣ и капитану-пашѣ: *„янычары требуютъ моего брата, если онъ снова взойдетъ на престолъ, онъ велитъ меня убить"*.— Прикажите,—отвѣтили ему они,—но султанъ молчалъ, а они поняли это молчаніе, какъ согласіе дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Мустафа умиралъ медленно, и если это не была насильственная смерть, то нѣтъ сомнѣнія, что черезъ 2 часа Махмудъ сдѣлался его убійцей. Эти султаны были изъ династіи Оттомановъ.

Янычары, или вѣрнѣе тѣ, кто руководилъ ими, послѣ смерти султана Мустафы, почувствовали всю необходимость сохранить Махмуда и оставить его царствовать, чтобы избѣжать еще большихъ несчастій. Потери обѣихъ сторонъ въ теченіе двухъ дней ожесточенной битвы, были весьма значительны; пожары, которые распространялись по всему городу, стоили жизни многимъ сражающимся съ обѣихъ сторонъ, а также и нѣкоторымъ зрителямъ. Особенно много было убито или сгорѣло дѣтей и женщинъ. Число жертвъ доходило до 17.000. Вади-Пашѣ и капитану-пашѣ удалось избѣжать мести янычаръ только благодаря бѣгству.

Сеймены, выйдя изъ Сераля, разсѣялись по всему городу.

Оставшись хозяевами, янычары могли безнаказанно предпринять все, что имъ вздумается, и имъ пришла въ голову фантазія просить султана позволить сжечь казармы въ Скутари и въ Левенчифликѣ (Léventchiflklighy). Разрѣшеніе конечно было дано, и эти чудныя зданія были преданы огню.

Тѣло Мустафы-визиря было повѣшено за ноги къ столбу, вы-

---

[1]) 1827 г. Онъ не надолго, однако, сдержалъ свое обѣщаніе.

крашенному въ красный цвѣтъ, поставленному на одной изъ площадей города, съ подписью, оскорбительной для его памяти.

Народные глашатаи объявляли народу о его судьбѣ и указывали, гдѣ находится его трупъ. Въ продолженіе 3-хъ дней народъ имѣлъ возможность смотрѣть на это зрѣлище. Два другіе столба, стоящіе по обѣимъ сторонамъ того, на которомъ былъ повѣшенъ Мустафа-визирь, гласили о будущей судьбѣ Вади-Паши и капитана-паши—Каписа, если они попадутся въ руки янычаръ.

Въ то время какъ двѣ партіи воевали въ городѣ, войска, стоявшія въ Даудъ-паша, оставались бездѣятельными и не принимали ни малѣйшаго участія въ столкновеніяхъ. Это была большая ошибка со стороны Мустафы, не собрать ихъ съ самаго начала возстанія въ столицѣ; не меньшая ошибка была со стороны командировъ, которые, будучи преданы визирю, не могли распорядиться объ этомъ сами. Предосторожность, принятая янычарами—держать городскія ворота закрытыми, не могла быть для нихъ непреодолимымъ препятствіемъ. Какъ только эти войска узнали о тріумфѣ янычаръ, они покинули лагерь и разбѣжались, чтобы избѣжать ихъ преслѣдованія. По окончаніи этой революціи, всѣ министры Порты были смѣнены за исключеніемъ *Рейсъ-Эфенди* [1]); хранителемъ печатей великаго визиря и министромъ юстиціи былъ назначенъ *Юсуфъ-паша* [2]); Челеби-Эфенди былъ замѣстителемъ *Каіа-бея* [3]), а Саидъ-Али получилъ званіе *капитана-паши* [4]).

---

[1]) *Галибъ*, о которомъ я уже говорилъ и буду имѣть случай еще говорить, былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ, образованныхъ и умныхъ людей, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать между турками.

[2]) *Юсуфъ* былъ Чаушъ-Баши, старшій судья. Послѣ смерти Мустафы-визиря, онъ нѣсколько времени былъ великимъ визиремъ. Послѣ него султанъ назначилъ на это мѣсто Кіуръ-Юсуфъ-Пашу. (Кіуръ значитъ одноглазый); онъ лишился—одного глаза въ игрѣ „Жиритъ“ (которая заключается въ томъ, чтобы на рыси, верхомъ, бросать маленькія палочки и ловить ихъ, не уменьшая аллюра и не сходя съ лошади). Я часто присутствовалъ на этихъ упражненіяхъ опасныхъ для участвующихъ и забавныхъ для зрителей. Это былъ его слуга, который выкололъ ему глазъ, но онъ его простилъ, далъ большую сумму денегъ и отправилъ отъ себя. Онъ былъ уже тогда великимъ визиремъ и командовалъ арміей противъ французовъ въ Египтѣ, гдѣ проигралъ (Гелиполійское) сраженіе съ генераломъ Клеберомъ и, несмотря на эту неудачу, ему удалось захватить Каиръ, получить обратно который стоило французамъ громадныхъ денегъ. Въ первый же годъ этой войны, 1807 г., онъ заслужилъ орденъ за храбрость; ему было тогда 70 лѣтъ.

[3]) Это былъ тотъ самый, который появился передъ Кававши-Оглы, и лишился жизни за это.

[4]) *Саидъ-Али*, алжирецъ, хорошій морской офицеръ, служившій въ послѣднихъ кампаніяхъ; онъ былъ разбитъ адмираломъ Синявинымъ окол-

Одинъ турокъ, *Гассанъ-ага* [1]), въ то время былъ *Кануклаіа* [2]), агентомъ Мустафы.

Янычары, удовлетворенные тѣмъ, что вмѣстѣ со смертію Мустафы-визиря, имъ удалось уничтожить и зданія, которыя хотѣлъ воздвигнуть новый министръ, удовольствовались его смертью и оскорбленіями, нанесенными его трупу. Послѣ этой кровавой катастрофы, Константинополь долго наслаждался полнымъ спокойствіемъ; авторитетъ султана, послѣ этой революціи, былъ, понятно, сильно ослабленъ, но, мало по малу, онъ снова пріобрѣлъ его и, благодаря своему энергичному упрямому и жестокому характеру, онъ сумѣлъ подавить янычаръ и избавиться отъ ихъ ужаснаго вліянія, которому подчинялась вся высшая администрація имперіи; оно породило анархію, безвѣріе, потерю кредита и въ продолженіе года, когда происходило это ужасное событіе, Порта могла выставить противъ русскихъ только весьма незначительное количество войскъ для возобновленія непріятельскихъ дѣйствій.

Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тенедоса; тогда Мустафа-Байрактаръ далъ ему отставку; послѣ того предложилъ ему должность капитана-паши, но затѣмъ онъ еще разъ былъ отставленъ отъ своей должности и сосланъ.

[1]) *Гассанъ-Ага*—европеецъ-богоотступникъ. Одновременно онъ занималъ нѣсколько мѣстъ: онъ былъ интендантъ въ адмиралтействѣ и директоръ таможенъ, гдѣ онъ выказалъ свое происхожденіе. Еще не существуетъ такой подлости и безчестности, которой бы онъ не учинилъ.

[2]) Онъ былъ *Капуклаіа*, агентъ Мустафы-визиря; ему удалось избѣжать опасности погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, благодаря огромной суммѣ денегъ; а между тѣмъ послѣ его смерти, послѣдовавшей вскорѣ послѣ того, у него нашли 250.000.000 піастровъ, которыми завладѣлъ султанъ, и которые пошли на содержаніе арміи, такъ какъ безъ этихъ денегъ она не могла бы существовать тогда.

Когда Оттоманская имперія принуждена была налагать наказанія на людей, осужденныхъ за измѣну и т. п., то она заставляла ихъ изъ собственныхъ средствъ покрывать тѣ или другіе расходы государства.

Эта система не безъ преимуществъ, она не лишаетъ обвиненныхъ жизни и безъ огласки и какихъ бы то ни было несправедливостей и жестокостей отучаетъ отъ дурныхъ наклонностей.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

Опечатка: На стр. 120 январьской книги (т. CXXXIII) напечатано: „Епископа Черниговскаго". Слѣдуетъ читать: „Епископа Чигиринскаго".

1

Открыта подписка на 1908 годъ

на общедоступную культурно-политическую и литературную газету

„РЕФОРМА“

(3-й годъ изданія),

выходящую ежедневно въ Петербургѣ.

Въ газетѣ примутъ участіе:

Вл. Азовъ, П. А. Берлинъ, А. Вергежскій, А. С. Изгоевъ, А. Н. Котельниковъ, Макаръ, С. Д. Протопоповъ, В. Ѳ. Тотомьянцъ, М. И. Туганъ-Барановскій, Б. І. Харитонъ, К. И. Чуковскій и др.

✦ Редакція „Реформы“ ставитъ себѣ задачей создать прогрессивный внѣпартійный органъ, который будетъ въ живомъ и доступномъ изложеніи знакомить своихъ читателей съ жизнью Россіи и Запада.

✦ Особое вниманіе будетъ удѣлено всѣмъ формамъ культурной и экономической самодѣятельности широкихъ слоевъ населенія.

✦ Въ провинціальномъ отдѣлѣ „Реформы“ найдутъ себѣ мѣсто корреспонденціи со всѣхъ угловъ Россіи и систематическое освѣщеніе текущихъ событій областной жизни.

✦ Газета „Реформа“ будетъ внимательно слѣдить за всѣми явленіями въ области литературы, науки и искусства и отмѣчать выдающіяся литературныя произведенія, давая о нихъ краткіе отзывы и отдѣльныя критическія статьи.

✦ Стремясь установить живую связь со своими читателями, редакція „Реформы“ вводитъ особый отдѣлъ, въ которомъ будетъ помѣщать отвѣты на вопросы читателей, имѣющіе общественное значеніе.

✦ „Реформа“ пользуется обширнымъ информаціоннымъ матеріаломъ (спеціальными и агентскими телеграммами, хроникой) большой газеты „Рѣчь“ и ея техническими средствами.

✦ Значительно увеличивая литературный матеріалъ газеты и соотвѣтственно съ этимъ расширяя ее до размѣровъ большой газеты, редакція сохраняетъ прежнюю подписную цѣну—6 рублей въ годъ.

✦ Во время сессіи Государственной Думы при газетѣ разсылается безплатное приложеніе „Государственная Дума“ съ подробными (по стенограммамъ) отчетами о ея засѣданіяхъ. Отчеты печатаются въ формѣ брошюры съ отдѣльной нумераціей страницъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 мѣсяц.		6 мѣсяц.		3 мѣсяц.		1 мѣсяцъ.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Въ Россіи	6	—	3	—	1	50	—	55
За границу	15	—	8	—	4	—	1	50

Учащіеся въ высш. учебн. завед., учителя низш. учебн. завед., фельдшера, акушерки, сельскіе священники, приказчики, крестьяне и рабочіе при непосредственномъ обращеніи въ главную контору, пользуются скидкой въ 10%.

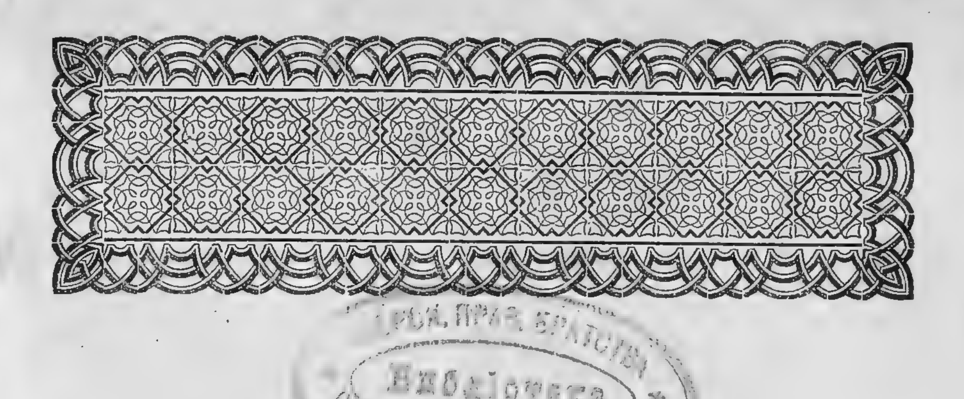
Новые, годовые и полугодовые, подписчики „Реформы“ на 1908 г. получатъ безплатно всѣ отчеты о засѣданіяхъ 3-ей Гос. Думы съ 1 ноября по 31 декабря.

Адресъ редакціи и главной конторы:

С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, 21.

Адресъ для телеграммъ: С.-Петербургъ, газета „РЕФОРМА“.

Издатель Ю. Б. Бакъ.

Изъ замѣтокъ и воспоминанiй судебнаго дѣятеля [1].

IV.

Изъ прокурорской службы.

Въ концѣ января или въ самомъ началѣ февраля 1873 года петербургскiй купецъ Лебедевъ лично принесъ мнѣ, какъ прокурору Петербургскаго Окружного Суда, жалобу на пользовавшуюся большою извѣстностью въ Петербургѣ и Москвѣ игуменью Владычне-Покровскаго монастыря въ Серпуховѣ *Митрофанiю*, обвиняя ее въ подлогѣ векселей отъ его имени, на сумму 22 тысячъ рублей.

На объясненiе Лебедеву, согласно 307 ст. У. У. С., отвѣтственности за ложные доносы, онъ подтвердилъ свою жалобу, указавъ на рядъ вѣскихъ и убѣдительныхъ данныхъ, заставившихъ его придти къ непоколебимому убѣжденiю въ виновности игуменьи Митрофанiи. Казалось бы, что дочь намѣстника Кавказа, фрейлина Высочайшаго Двора, баронесса Прасковья Григорьевна Розенъ, въ монашествѣ Митрофанiя, стоя во главѣ различныхъ духовныхъ и благотворительныхъ учрежденiй, имѣя связи на самыхъ вершинахъ русскаго общества, проживая во время частыхъ прiѣздовъ своихъ въ Петербургъ въ Николаевскомъ дворцѣ и появляясь на улицахъ въ каретѣ съ краснымъ придворнымъ лакеемъ, повидимому, могла стоять внѣ подозрѣнiй въ совершенiи подлога векселей. Но доводы купца Лебедева были настолько убѣдительны, что я немедленно далъ пред-

[1] См. „Русская Старина" февраль, октябрь и декабрь 1907 г.

ложеніе судебному слѣдователю Русинову о начатіи слѣдствія. Произведенная имъ экспертиза наглядно доказала преступное происхожденіе векселей и, по соглашенію со мной, онъ постановилъ привлечь игуменью Митрофанію, въ качествѣ обвиняемой, и выписать ее для допросовъ въ Петербургъ. Въ то время исполненіе служебнаго долга, „не взирая на лица", одинаково понималось всѣми судебными дѣятелями отъ министра юстиціи до судебнаго слѣдователя включительно. Поэтому личное сообщеніе мое о возбужденіи мною преслѣдованія противъ вліятельной и поставленной въ исключительныя условія особы духовнаго званія не встрѣтило со стороны графа Палена ни непріязненнаго, ни безплоднаго сожалѣнія, а лишь указаніе на то, что мнѣ, вѣроятно, придется встрѣтиться съ попытками косвенныхъ давленій на себя и на судебнаго слѣдователя и ходатайствами высоко поставленныхъ лицъ въ виду того, что многочисленные покровители Митрофаніи откажутся вѣрить въ возможность совершенія ею преступленія. Это предчувствовалъ и я, зная, кромѣ того, что между врагами нашего обновленнаго суда непремѣнно начнетъ снова циркулировать излюбленная легенда о *тенденціозности*, сопровождаемая „покиваніемъ главъ" на ближе всего стоящихъ къ дѣлу судебныхъ дѣятелей. Оказалось однако, что ожиданія и предчувствія обманули насъ обоихъ, но объ этомъ ниже.

Вызванная изъ Москвы Митрофанія остановилась въ гостиницѣ „Москва" на углу Невскаго и Владимірской. Ее сопровождали двѣ послушницы и ея вѣрный другъ, игуменья Московскаго Страстного монастыря Валерія, проявившая во все время процесса трогательное отношеніе къ своей подругѣ, въ невиновность которой она, повидимому, искренно вѣрила, и съ которой раздѣляла безропотно и даже радостно всѣ неудобства и стѣсненія совмѣстной жизни въ шумной и—въ то время—довольно грязной гостиницѣ. Это была небольшая сухощавая женщина съ задумчивыми и тонкими, изящными чертами лица. Наоборотъ, наружность Митрофаніи была, — если можно такъ выразиться,—совершенно ординарной. Ни ея высокая и грузная фигура, ни крупныя черты ея лица, съ пухлыми щеками, обрамленными монашескимъ уборомъ, не представляли ничего останавливающаго на себѣ вниманіе; но въ сѣро-голубыхъ на выкатѣ глазахъ ея подъ сдвинутыми бровями свѣтились большой умъ и рѣшительность.

Когда Русиновъ окончилъ первый ея допросъ и, настало время принятія мѣры пресѣченія противъ уклоненія отъ суда и слѣдствія, мы съ нимъ рѣшили оставить ее, въ виду неособенно значительной суммы могущаго быть предъявленнымъ гражданскаго иска, подъ

домашнимъ арестомъ, предложивъ ей для этого переселиться въ Новодѣвичій женскій монастырь. Противъ этого она протестовала самымъ горячимъ образомъ. „Я умоляю васъ,—сказала она,—не дѣлать этого:—этого я перенесу! Быть подъ началомъ другой игуменьи—для меня ужасно! Вы себѣ представить не можете, что мнѣ придется вынести и какія незамѣтныя для постороннихъ, но тяжкія оскорбленія проглотить. Тюрьма будетъ гораздо лучше!..“ Ея отчаяніе при мысли о возможности быть помѣщенной въ монастырь было такъ искренне, что пришлось предоставить ей жить въ гостиницѣ подъ домашнимъ арестомъ, установивъ осуществленіе полицейскаго надзора за нею незамѣтнымъ для постороннихъ образомъ, такъ что съ внѣшней стороны могло казаться, что она пользуется полной свободой и лишь по собственному желанію не выходитъ изъ своего помѣщенія. Но сама она знала, что находится подъ арестомъ и надзоромъ, и строго соблюдала вызываемыя этимъ условія, не принимая никого въ отсутствіе лица прокурорскаго надзора и не прибѣгая къ тайной перепискѣ, чего нельзя было сказать про нѣкоторыхъ, немногихъ изъ уцѣлѣвшихъ ея почитательницъ, одна изъ которыхъ приводила ее самое въ отчаяніе упорной посылкой ей коробочекъ съ сардинками, съ нацарапанными на стѣнкахъ непрошенными и нелѣпыми совѣтами.

Подлогъ векселей Лебедева былъ въ сущности преступленіемъ довольно заурядным по обстановкѣ и по свидѣтельскимъ показаніямъ разныхъ темныхъ личностей, выставленныхъ Митрофаніей въ свое оправданіе, а троекратная экспертиза установила съ несомнѣнностью не только то, что текстъ векселей писанъ ею, но что и самая подпись Лебедева на векселяхъ и вексельныхъ бланкахъ подделана—и при томъ довольно неискусно—самой Митрофаніей, не съумѣвшей при этомъ скрыть нѣкоторыя характерныя особенности своего почерка. Но *личность* игуменьи Митрофаніи была совсѣмъ не заурядная. Это была женщина обширнаго ума, чисто мужского и дѣлового склада, во многихъ отношеніяхъ шедшаго въ разрѣзъ съ традиціонными и рутинными взглядами, господствовавшими въ той средѣ, въ узкихъ рамкахъ которой ей приходилось вращаться. Эта широта воззрѣній на свои задачи въ связи со смѣлымъ полетомъ мысли, удивительной энергіей и настойчивостью не могла не вліять на окружающихъ и не создавать среди нихъ людей, послушныхъ Митрофаніи, и становившихся, незамѣтно для себя, слѣпыми орудіями ея воли. Самыя ея преступленія—мошенническое присвоеніе денегъ и вещей Медынцевой, подлогъ завѣщанія богатаго скопца Солодовникова и векселей Лебедева—несмотря на всю предосудительность ея образа дѣйствій, не содержали, однако, въ себѣ элемента *личной корысти,*

а являлись результатомъ страстнаго и неразборчиваго на средства желанія ея поддержать, укрѣпить и расширить созданную ею трудовую религіозную общину и не дать ей обратиться въ праздную и тунеядную обитель. Мастерскія ремесленныя и художественныя, разведеніе шелковичныхъ червей, пріютъ для сиротъ, школа и больница для приходящихъ, устроенныя настоятельницей Серпуховской Владыче-Покровской общины, были въ то время отраднымъ нововведеніемъ въ область черстваго и безцѣльнаго аскетизма „Христовыхъ невѣстъ". Но все это было заведено на слишкомъ широкую ногу и требовало огромныхъ средствъ. Не стѣснявшаяся въ способахъ пріобрѣтенія этихъ средствъ игуменья Митрофанія усматривала ихъ источники въ самыхъ разнообразныхъ предпріятіяхъ: въ устройствѣ на земляхъ монастыря заводовъ „гидравлической извести" и мыльнаго,—въ домогательствѣ о полученіи желѣзнодорожной концессіи на вѣтвь отъ Курской дороги къ монастырю,—въ хлопотахъ объ открытіи въ монастырѣ мощей новаго святаго угодника Варлаама и т. д. Когда изъ всего этого ничего не вышло, Митрофанія обратилась къ личной благотворительности. Ея связи въ Петербургѣ, ея близость съ высшими сферами и возможность щедрой *раздачи наградъ* благотворителямъ—помогли ей вызвать обильный притокъ пожертвованій съ стороны богатыхъ честолюбцевъ или людей, желавшихъ, подобно скопцу Солодовникову, заставить оффиціальный міръ хоть на время позабыть о путяхъ, которыми онъ и его товарищи по заблужденію думаютъ спасти свою душу. Когда источники, питавшіе такую благотворительность, были исчерпаны, притокъ пожертвованій сталъ быстро ослабѣвать. Съ оскудѣніемъ средствъ должны были рушиться дорогія Митрофаніи учрежденія, тѣ ея дѣтища, благодаря которымъ Серпуховская обитель являлась дѣятельной и жизненной ячейкой въ круговоротѣ духовной и экономической жизни окружающаго населенія. Съ упадкомъ обители, конечно, блѣднѣла и роль необычной и занимающей особо-вліятельное положеніе настоятельницы. Со всѣмъ этимъ не могла помириться гордая и творческая душа Митрофаніи, и послѣдняя пошла на преступленія.

Обвинительный приговоръ присяжныхъ засѣдателей Московскаго Окружного Суда, въ который было перенесено дѣло Лебедева, послѣ того, какъ въ Москвѣ были возбуждены преслѣдованія по болѣе важнымъ и сложнымъ дѣламъ Медынцевой и Солодовникова, былъ несомнѣннымъ торжествомъ правосудія и внушительнымъ урокомъ будущимъ Митрофаніямъ „дабы на то глядючи, имъ не повадно было такъ дѣлать". Но нельзя не признать, что Владычне-Покровской игуменьѣ пришлось выпить медлительно и до дна очень горькую чашу. Началось

съ того, что у ней совершенно не оказалось тѣхъ ожидаемыхъ заступниковъ, о которыхъ я говорилъ выше. Никто не двинулъ для нея пальцемъ, никто не замолвилъ за нее слова, не высказалъ сомнѣнія въ ея преступности, не пожелалъ узнать объ условіяхъ и обстановкѣ, въ которыхъ она содержится. Отъ нея сразу, съ черствой холодностью и поспѣшной вѣрой въ извѣстіе объ ея *изобличенности*, отреклись всѣ сторонники и недавніе покровители. Даже тѣ, кто давалъ ей пріютъ въ своихъ гордыхъ хоромахъ и обращавшій на себя общее вниманіе экипажъ, сразу вычеркнули ее изъ своей памяти, не пожелавъ узнать, доказано ли то, въ чемъ она въ началѣ слѣдствія еще только подозрѣвалась. Надо замѣтить, что это отношеніе къ Митрофаніи возникло еще въ такое время, когда, кромѣ слѣдствія по жалобѣ Лебедева, никакихъ другихъ обвиненій противъ нея не существовало, хотя, какъ оказалось впослѣдствіи, уже и въ это время въ Москвѣ были потерпѣвшіе отъ другихъ ея преступныхъ дѣйствій. Когда въ Москву пришли извѣстія, что игуменья, про вліятельную роль которой ходили легендарные разсказы, привлечена въ Петербургѣ, какъ простая смертная, къ слѣдствію, эти потерпѣвшіе зашевелились, и въ мартѣ 1873 года возникло въ Москвѣ дѣло Медынцевой, а въ августѣ—дѣло Солодовникова. Митрофанію два раза вызывали въ Москву для допросовъ, а въ августѣ того же года Московская прокуратура потребовала дѣло Лебедева для одновременнаго производства и слушанія съ двумя упомянутыми выше дѣлами, число свидѣтелей по которымъ, проживавшихъ въ Москвѣ, значительно превышало число свидѣтелей по дѣлу Лебедева.

Въ Москвѣ слѣдствіе велось съ большой энергіей, при чемъ у Митрофаніи, однако, явился сильный заступникъ въ лицѣ московскаго митрополита Иннокентія. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы это заступничество,—истекавшее изъ искренняго убѣжденія московскаго іерарха въ невиновности Митрофаніи,—было особенно умѣлымъ. Такъ, командированный имъ въ качествѣ депутата духовнаго вѣдомства, архимандритъ московскаго Спасо-Андроніева монастыря, въ жалобахъ Петербургскому и Московскому окружнымъ судамъ, доказывалъ, вопреки закону, что слѣдствія въ Петербургѣ и Москвѣ начаты совершенно неправильно, оскорбительны для званія игуменьи и производятся крайне пристрастно. Кромѣ того, въ заявленіяхъ, поданныхъ имъ, онъ повѣдалъ, что самое учрежденіе прокурорскаго надзора есть учрежденіе не христіанское, такъ какъ въ духѣ христіанской религіи все прощать, а не преслѣдовать, прочія же государства въ этомъ отношеніи примѣромъ намъ служить не могутъ, ибо, напримѣръ, Англія государство не христіанское; что о мѣстѣ, кото-

рое заняли въ общемъ мнѣніи новыя судебныя учрежденія, можно судить по тому, что когда онъ, архимандритъ Модестъ, желая посмотрѣть новый судъ, просилъ на это разрѣшенія своего высшаго духовнаго начальства, то позволенія не получилъ, „ибо скорѣе можно разрѣшить монашествующему посѣщеніе театровъ, чѣмъ новыхъ судовъ, въ коихъ слишкомъ много соблазна“—и что, наконецъ, экспертиза векселей Лебедева, произведенная въ Петербургѣ, является незаконною, потому что была предпринята 25 марта, т. е. въ день Благовѣщенія, который „вовсе не есть день, а великій праздникъ, когда никакихъ дѣйствій производить нельзя“.

Подлежавшая, по постановленію московскаго слѣдователя, содержанію подъ стражей, Митрофанія была перевезена въ Москву, гдѣ, если вѣрить ея вѣроятно преувеличенному заявленію на судѣ, ни сану, ни полу, ни возрасту ея не было оказано уваженія и законнаго снисхожденія. Она неоднократно, во время производства дѣла въ судѣ, жаловалась на тяжелое и крайне стѣснительное для больной женщины содержаніе „въ кордегардіи подъ надзоромъ мушкетеровъ“. Еще находясь въ Петербургѣ, оставленная всѣми, кто не былъ заинтересованъ лично въ ея оправданіи, какъ спасеніи отъ своей собственной отвѣтственности, она смутно предчувствовала и новыя грозящія ей обвиненія въ многодневное судебное засѣданіе, и отказъ лучшихъ силъ адвокатуры отъ ея защиты, и жестокое любопытство публики и травлю со стороны мелкой прессы, и коварные вопросы на судѣ, имѣвшіе цѣлью заставить ее проговориться и самой дать противъ себя оружіе. Она не могла не понимать, что въ ея лицѣ будутъ подвергнуты суровому и краснорѣчивому осужденію темныя стороны монашескаго смиренія и фарисейская окраска оффиціальной благотворительности — однимъ словомъ, все то, что вызвало впослѣдствіи страстную отповѣдь одного изъ самыхъ даровитыхъ русскихъ адвокатовъ Ѳ. Н. Плевако, воскликнувшаго въ концѣ первой своей рѣчи: „выше, выше стройте стѣны ввѣренныхъ вамъ общинъ, чтобы міру не видно было дѣлъ, творимыхъ вами подъ покровомъ рясы и обители“!

Все это, вмѣстѣ взятое, въ связи съ изнурительнымъ опуханіемъ ногъ, отражалось на нравственномъ состояніи Митрофаніи во время нахожденія ея въ Петербургѣ и побуждало слѣдователя Русинова—человѣка, который умѣлъ соединять съ энергической дѣятельностью сердечную доброту,—по возможности избѣгать вызововъ обвиняемой въ камеры судебныхъ слѣдователей Петербурга, гдѣ ея появленіе, конечно, возбуждало бы усиленное и жадное вниманіе толпящейся въ обширной пріемной публики. Поэтому и мнѣ, какъ наблюдав-

шему за слѣствіемъ, приходилось не разъ бывать у Митрофаніи въ гостиницѣ „Москва“ и имѣть съ нею разговоры, при чемъ я могъ убѣдиться въ умѣ и извѣстнаго рода добротѣ этой, во всякомъ случаѣ, выдающейся женщины. Если игуменья Митрофанія, предъ разбирательствомъ ея дѣла въ Московскомъ судѣ, была подвергнута нѣкоторому бойкоту со стороны видныхъ уголовныхъ защитниковъ и только одинъ изъ нихъ—присяжный повѣренный Самуилъ Соломоновичъ Шайкевичъ—нашелъ въ себѣ мужество не отказать ей въ своей трудной и искренней помощи, то въ добровольцахъ при слѣдствіи,—думавшихъ пристегнуть свое безвѣстное имя къ громкому процессу,—недостатка не было. Однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ оригинальной сцены. Слѣдователь Русиновъ, окончивъ дополнительный допросъ Митрофаніи, собирался уходить отъ нея, когда ей заявили, что присяжный повѣренный, фамиліи котораго я до того не слышалъ, желаетъ съ нею объясниться. Такъ какъ посторонніе не допускались къ ней иначе, какъ въ присутствіи прокурорскаго надзора, то она просила насъ остаться и дать ей возможность переговорить съ этимъ господиномъ. Вошелъ юркій человѣчекъ „съ безпокойной ласковостью взгляда“ и, къ великому удивленію Митрофаніи, подошелъ къ ней подъ благословеніе. „Что вы, мой батюшка?!“ воскликнула она, „я вѣдь не архіерей! Что вамъ угодно?“—Я желалъ бы говорить съ вами наединѣ, смущенно сказалъ вошедшій.—„Я васъ не знаю,—отвѣчала она—какіе же между нами секреты? Потрудитесь говорить прямо“.—Меня послали къ вамъ ваши друзья: они принимаютъ въ васъ большое участіе и жаждутъ вашего оправданія судомъ, а потому упросили меня предложить вамъ свои услуги по защитѣ, которую я надѣюсь провести съ полнымъ успѣхомъ.—„Надѣетесь?—сказала Митрофанія ироническимъ тономъ. Да вѣдь вы моего дѣла, батюшка, не знаете!“—Помилуйте, я увѣренъ, что вы совершенно невиновны, что здѣсь судебная ошибка.—„А какъ же вы думаете меня защищать и что скажете суду?“—Ну, это ужъ дѣло мое,—снисходительно улыбаясь, отвѣтилъ адвокатъ.—„Дѣло-то ваше—сказала Митрофанія,—но оно немножко интересно и для меня. Я вѣдь буду судиться, а не кто другой!“—Ахъ, Боже мой!—замѣтилъ адвокатъ, переходя изъ слащаваго въ высокомѣрный тонъ:—ну, разберу улики и доказательства и ихъ опровергну.—„Да вотъ видите ли, батюшка, вѣдь ужъ если меня предадутъ суду, если Господь это попуститъ, такъ значитъ улики будутъ вѣскія: ихъ, пожалуй, и опровергнуть будетъ нелегко. Дѣло мое важное,—вѣроятно самъ прокуроръ пойдетъ обвинять. А вы, чай, слышали, что здѣшній прокуроръ, какъ говорятъ, человѣкъ сильной рѣчи и противникъ опасный“.

Мм—да!—снисходительно отвѣтилъ адвокатъ, очевидно не зная меня въ лицо. „Нѣтъ, мой батюшка", сказала Митрофанія, выпрямляясь, и некрасивое лицо ея приняло строгое и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженное выраженіе, „не опровергать прокурора, а понять меня надо, вникнуть въ мою душу, въ мои стремленія и цѣли, усвоить себѣ мои чувства и вознести меня на высоту, которую я заслуживаю вмѣсто преслѣдованія"... По лицу ея пробѣжала судорога, и большіе глаза наполнились слезами, но она тотчасъ овладѣла собой и, вдругъ перемѣнивъ тонъ, сказала съ явною насмѣшкою: „Такъ вы это, батюшка, сумѣете ли? Да и позвольте васъ спросить, кто эти мои друзья, которые васъ прислали?"—Мм., они желаютъ остаться неизвѣстными,—отвѣтилъ смущенный адвокатъ.—„Вотъ и видно, что друзья! даже не хотятъ дать мнѣ радость узнать, что теперь при моемъ несчастіи есть еще люди, которые не стыдятся явно выразить мнѣ мнѣ свое участіе! Нѣтъ ужъ, батюшка, благодарю и васъ, и ихъ: я ужъ какъ-нибудь обойдусь безъ этой помощи".—И она поклонилась ему смиреннымъ поклономъ инокини.

Вскорѣ послѣ этого ко мнѣ въ прокурорскій кабинетъ пришелъ лохматый господинъ добродушнаго вида, назвавшійся кандидатомъ на судебныя должности при прокурорѣ одного изъ большихъ провинціальныхъ судовъ, и сталъ жаловаться на слѣдователя Русинова, что тотъ не хочетъ отпустить на поруки игуменью Митрофанію безъ моего о томъ предложенія.—Я дамъ охотно такое предложеніе, сказалъ я,—но вѣдь предъявленъ гражданскій искъ. Есть ли у вашихъ довѣрителей средства, обезпечивающія поручительство на такую сумму?—Какое обезпеченіе?—изумленно воскликнулъ пришедшій—для чего? И изъ послѣдующаго разговора выяснилось, что онъ не знаетъ, что поручительство по Судебнымъ Уставамъ принимается лишь съ денежнымъ обезпеченіемъ, при чемъ онъ съ наивной назойливостью сталъ мнѣ объяснять, что я ошибаюсь и смѣшиваю съ поручительствомъ залогъ. Шутливо погрозивъ ему написать его прокурору, какой у него невѣжественный кандидатъ, я посовѣтовалъ ему почитать Уставъ уголовнаго судопроизводства и не мѣшать моимъ занятіямъ неосновательными жалобами на слѣдователя. Черезъ нѣкоторое время онъ снова пришелъ ко мнѣ опять съ какою-то нелѣпой просьбою и снова сталъ незнаніе Судебныхъ Уставовъ валить съ больной головы на здоровую, чѣмъ мнѣ достаточно прискучилъ. Когда слѣдствіе стало приближаться къ концу, Митрофанія, послѣ предъявленія ей различныхъ документовъ и актовъ, внезапно сказала, что проситъ моего совѣта—къ какому защитнику ей обратиться. Я отвѣтилъ ей откровенно, что обвиненіе противъ нея ставится очень прочно и что я буду поддерживать его энергически,

почему совѣтую ей обратиться къ какому-нибудь сильному и извѣстному адвокату. Я назвалъ ей Спасовича, Герарда и Потѣхина, останавливаясь преимущественно на послѣднемъ, такъ какъ въ дѣлѣ былъ гражданскій оттѣнокъ, а характеръ простой и исполненной здраваго смысла, безъ всякаго ложнаго паѳоса, рѣчи послѣдняго казался мнѣ наиболѣе подходящимъ для защиты.—„А что вы скажете о...—и Митрофанія назвала фамилію являвшагося ко мнѣ кандидата—если его пригласить?"—Помилуйте, сказалъ я,—да вѣдь это человѣкъ ничего незнающій, неопытный и безтактный! Это значило бы идти на вѣрную гибель. Ужъ лучше взять защитника по назначенію отъ суда.—„Вотъ видите ли, батюшка, сказала Митрофанія,—я сама знаю, что онъ таковъ, но его покойная мать была моей подругой по институту, и онъ готовится быть адвокатомъ. Участіе въ такомъ дѣлѣ, какъ мое, во всякомъ случаѣ, сдѣлаетъ его имя извѣстнымъ, а извѣстность для адвоката, охъ, какъ нужна! Если же Господу угодно, чтобы я потерпѣла отъ суда, такъ тутъ вѣдь никто не поможетъ. Пускай же мое несчастье хотя кому-нибудь послужитъ на пользу"...

Когда наступило жаркое лѣто 1873 года, Митрофанія стала чувствовать себя очень дурно въ душной гостиницѣ въ одномъ изъ самыхъ оживленныхъ и шумныхъ мѣстъ Петербурга. Повтореніе ея допроса предвидѣлось не очень скоро, и я, по соглашенію со слѣдователемъ, рѣшился удовлетворить ея просьбу и отпустить ее на богомолье въ Тихвинъ, а затѣмъ, если позволитъ время и ходъ слѣдствія, то и на Валаамъ. Поѣздка въ Тихвинъ значительно укрѣпила ее и вызвала съ ея стороны въ письмѣ ко мнѣ выраженіе неподдѣльной признательности за „утѣшеніе въ горькомъ положеніи". На судѣ въ Москвѣ, жалуясь на „содержаніе въ кордегардіи", она сказала: „пока я была въ Петербургѣ, прокуроръ обращался со мною, какъ человѣкъ съ сердцемъ: онъ не глядѣлъ на меня, какъ на осужденную, но смотрѣлъ, какъ на обвиняемую, которая можетъ быть и оправдана. То же дѣлали и товарищи прокурора Денисьевъ и Вильямсонъ. Я питаю къ нимъ и до сихъ поръ благодарность". Эти слова не были тактическимъ пріемомъ по отношенію къ московской прокуратурѣ, а были, очевидно, искренни, ибо въ посмертныхъ ея запискахъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" въ 1902 году, она тепло вспоминаетъ о нашемъ отношеніи къ ней и наивно отмѣчаетъ, что молилась въ Тихвинѣ, между прочимъ, и за раба Божія Анатолія...

Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ большое впечатлѣніе на всемъ югѣ Россіи произвело такъ называемое *дѣло серій*. Вскорѣ по выпускѣ въ свѣтъ этого рода бумаги, въ торговлѣ и на базарахъ Харьковской губерніи появились во множествѣ превосходно сдѣланныя поддѣльныя серіи, даже окраской своею, составлявшею секретъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ кредитныхъ бумагъ, почти не отличавшіяся отъ настоящихъ. Всего ихъ было выпущено на 70 тысячъ. Изъ нихъ 15 тысячъ были получены въ обмѣнъ на свой капиталъ помѣщикомъ Славяносербскаго уѣзда Савичемъ, который, узнавъ, что потерялъ все свое состояніе, отъ отчаянія сошелъ съ ума и застрѣлился.

Лѣтомъ 1865 года началось слѣдствіе, возложенное на особую комиссію, засѣдавшую въ Изюмѣ. Оно велось очень энергично и успѣшно,—были добыты важныя вещественныя доказательства,—и вскорѣ заподозрѣнными оказались изюмскій предводитель дворянства Сонцевъ, помѣщикъ Карповъ, мѣщанинъ Спесивцевъ, дворянинъ Щепчинскій, отставной гусарскій полковникъ Беклемишевъ, бахмутскій уѣздный предводитель Гавриловъ и другіе, оговоренные сознавшимися въ участіи въ поддѣлкѣ мѣщаниномъ Коротковымъ, рѣзчикомъ Гудковымъ и граверомъ Зебе. Когда стали привлекать ихъ въ качествѣ обвиняемыхъ и производить у нихъ обыски, Сонцевъ покушался застрѣлиться, а затѣмъ сознался и тоже оговорилъ всѣхъ поименованныхъ лицъ. Въ началѣ слѣдствія Карповъ умеръ скоропостижно въ тюрьмѣ, при чемъ оказалось, что смерть послѣдовала послѣ того, какъ ему былъ принесенъ кѣмъ-то буракъ съ икрою. Изслѣдованіе желудка въ университетѣ обнаружило признаки отравленія наркотическимъ ядомъ, но протоколъ объ этомъ, вмѣстѣ съ остальною частью внутренностей, хранившихся въ кладовой врачебнаго отдѣленія Губернскаго Правленія, пропалъ безслѣдно, а кто приносилъ, подъ видомъ брата, икру—открыть не удалось. Арестованный въ Одессѣ Спесивцевъ, по доставленіи въ Изюмъ, заявилъ, что во всемъ сознается и укажетъ соучастниковъ, но на слѣдующее утро послѣ этого найденъ въ своей камерѣ мертвымъ, висящимъ на платкѣ, обвязанномъ вокругъ столба. При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла Гудковъ и Зебе сняли съ Гаврилова и Беклемишева свой оговоръ, будто бы исторгнутый у нихъ насиліемъ, и приняли всю вину исключительно на себя,—Сонцевъ же совершенно отказался отъ своего показанія, какъ даннаго имъ „не въ своемъ умѣ“.

Старое судопроизводство было тогда въ полномъ расцвѣтѣ и дало

себя знать. Его правила требовали для признанія виновности—„лучшаго доказательства всего свѣта“, какъ выражался законъ, т. е. собственнаго признанія или, во всякомъ случаѣ, не менѣе двухъ присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній, при чемъ въ оцѣнкѣ этихъ показаній отдавали предпочтеніе знатному предъ незнатнымъ, мужчинѣ предъ женщиной, духовной особѣ предъ свѣтскою и не довѣряли показаніямъ „людей, тайно портившихъ межевые знаки“,— „явныхъ прелюбодѣевъ“ и „иностранцевъ, поведеніе коихъ неизвѣстно“. Гудковъ и Зебе, какъ сознавшіеся, въ разныхъ инстанціяхъ были приговорены къ каторгѣ, а двое главныхъ, по общему убѣжденію, виновныхъ—Гавриловъ и Беклемишевъ, признанные уголовной Палатой и Сенатомъ таковыми, были оставлены Государственнымъ Совѣтомъ въ *сильномъ подозрѣніи* и, вернувшись въ Харьковъ, заняли свое мѣсто въ обществѣ.

Въ это время былъ введенъ въ Харьковѣ новый судъ, и прокуроромъ Судебной Палаты былъ назначенъ А. А. Шахматовъ. Онъ много и съ великими усиліями поработалъ для разъясненія истины въ дѣлѣ серій еще въ качествѣ губернскаго прокурора. Послѣ осуществленія судебной реформы въ Харьковскомъ округѣ, подъ его руководствомъ начато было тщательное и строго обдуманное дознаніе о чрезмѣрныхъ тратахъ Гудкова и Зебе въ теченіе послѣднихъ лѣтъ содержанія ихъ въ Харьковскомъ тюремномъ замкѣ, совпавшихъ съ быстрымъ таяніемъ большаго состоянія Гаврилова, которому досталось по наслѣдству болѣе 10 тыс. десятинъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ. Ознакомясь съ результатами дознанія, явно указывавшими на подкупъ въ пользу „оставленныхъ по подозрѣніи“ и на обѣщаніе вознагражденія Гудкову и Зебе на первомъ же этапномъ пунктѣ, Государственный Совѣтъ разрѣшилъ *возобновить* дѣло. За производствомъ новаго слѣдствія—сначала судебнымъ слѣдователемъ Фальковскимъ, а затѣмъ Гераклитовымъ,—наблюдать пришлось мнѣ. Оба эти слѣдователя были люди выдающихся способностей и трудолюбія, хотя и весьма различнаго характера и нравственнаго склада.

Эдмундъ Петровичъ Фальковскій—энергическій полякъ, съ красивой сѣдѣющею головою, будучи горячо преданъ своему дѣлу, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящимъ *слѣдственнымъ судьею*, у котораго настойчивость изслѣдованія не заслоняла собою высшихъ интересовъ правосудія. И впослѣдствіи, въ роли прокурора, онъ оставался тѣмъ *говорящимъ судьею*, какимъ начертали обвинителя составители Судебныхъ Уставовъ. Отдавая все свое время работѣ, онъ жилъ безалабернымъ хозяйствомъ стараго холостяка, дававшимъ ему подчасъ очень осязательно чувствовать свои темныя стороны. Въ одинъ прекрасный день онъ пришелъ ко мнѣ, многозначительно помолчалъ и

затѣмъ объявилъ, что женится на дѣвушкѣ, которую видѣлъ всего три раза и почти не знаетъ.—Какъ!—невольно воскликнулъ я — вы—закоренѣлый холостякъ и женитесь такъ скоропалительно! Вы очень неосторожно берете билетъ въ житейскую лотерею...—Гм! лотерея, лотерея! проворчалъ онъ,—я самъ знаю, что лотерея, но поживите съ мое (ему было далеко за тридцать), и вы меня поймете и узнаете, что наступаетъ въ жизни человѣка время, когда ему необходимо, *чтобы вокругъ него шелестѣло*!...—И во взглядѣ его засвѣтился восторгъ, вѣроятно подобный тому, который вспыхиваетъ въ глазахъ одинокаго путника, узрѣвшаго оазисъ въ печальной пустынѣ. Билетъ вынулся выигрышный, и теплая любовь „шелестѣла“ около Фальковскаго въ годы непрерывнаго труда и тяжкихъ страданій по пути къ могилѣ.

Обыскъ въ вещахъ возвращавшейся изъ Петербурга сводной сестры Гаврилова, Тимченковой, произведенный Фальковскимъ на почтовой станціи по дорогѣ въ Бахмутъ, и затѣмъ обыскъ въ тюремномъ замкѣ—дали блестящія, въ смыслѣ уликъ, данныя, указывавшія на организованный очень искусно и въ широкихъ размѣрахъ подкупъ, на который дѣйствительно ушла значительная часть состоянія Гаврилова. У Тимченковой, которая все время производства дѣла въ Петербургѣ прожила тамъ, найдены были письма Гаврилова, въ которыхъ онъ, между прочимъ, писалъ: „Надо подъ шумокъ тихонько дѣльце дѣлать, бросивъ вредныя иллюзіи о безкорыстіи. Нельзя всѣхъ мѣрять на чистый аршинъ. Давать не спѣши, пусть покажутъ! Достаточно дать понять, что у тебя есть, что дать“, или: „Извѣщаю тебя, что . . . .—хорошій человѣкъ и предпочитаетъ заниматься тѣмъ, что трудъ вознаграждаетъ—или уже вовсе не заниматься и т. д.“ или, наконецъ указывая на необходимость чрезъ кого-либо изъ петербургскихъ адвокатовъ, давъ ему слово держать все въ секретѣ, произвести экстренные расходы разнымъ лицамъ, писалъ „это статья самая могучая, надежная, а все остальное — наплевать“!.. Найдена была также расходная книга, гдѣ были записи на многія сотни рублей подъ такими названіями: „пансіонерамъ“, „на непредвидѣнные расходы“ (4.500 р.), „на буфетъ“ (700 руб.), „на аптеку“ (свыше 1.000 р.), на „трущобы“, „за статью“, „литераторамъ“ съ обозначеніемъ иныхъ изъ сотрудниковъ сатирическихъ и другихъ органовъ и того, сколько дано, чѣмъ и объяснялось необычное усердіе нѣкоторыхъ газетъ къ выясненію истины въ дѣлѣ серій и снятію „незаслуженнаго обвиненія съ почтенныхъ именъ“.

Понявъ, что обѣщаннаго вознагражденія на первомъ этапномъ пунктѣ имъ уже не видать, Гудковъ и Зебе при новомъ слѣдствіи

сознались въ томъ, что получали за снятіе своего оговора большія суммы на расходы въ тюрьмѣ. Гудковъ, мужчина огромнаго роста и атлетическаго сложенія, настоящая „косая сажень въ плечахъ“, заявилъ, что за время трехлѣтняго пребыванія въ острогѣ тратилъ на себя до 50 руб. въ день, проигралъ свыше десяти тысячъ,—ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, имѣлъ женщинъ, что всегда очень дорого стоило, и ежедневно ложился спать совершенно пьяный. „Вино намъ проносятъ конвойные въ кишкѣ, обмотанной вокругъ тѣла, и малюсенькій стаканчикъ, чуть не въ наперстокъ величиной, стоитъ 30 копѣекъ“,—пояснилъ онъ, прибавивъ: „а взгляните на меня, ваши благородія, сколько мнѣ надо такихъ стаканчиковъ, чтобы я охмѣлѣлъ!?“ Дѣло серій очень волновало Харьковское общество, нѣкоторые круги котораго, почему-то видя въ его возобновленіи антидворянскую тенденцію, недоброжелательно смотрѣли на „мальчишекъ“, затѣявшихъ „этотъ скандалъ“, однако большинство привѣтствовало прокуратуру, которая занималась не однимъ, по выраженію Некрасова, „караньемъ маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ“. При томъ подкупъ былъ доказанъ съ очевидностью, и съ новымъ слѣдствіемъ по дѣлу пришлось примириться. Было также ясно, что такое примитивное и ненадежное средство, какъ подкупъ,—отживаетъ свой вѣкъ, и при новыхъ судахъ тактика выхода сухимъ изъ воды должна будетъ совершенно измѣниться. Не улики тутъ становились опасны сами по себѣ, а то или другое искусство въ умѣньи ими пользоваться, толкуя ихъ, освѣщая и сопоставляя. И съ этой точки зрѣнія явилось довольно правдоподобное предположеніе, что со стороны обвиняемыхъ былъ пущенъ въ дѣло очень искусный маневръ.

Наблюдая за слѣдствіемъ, которое чрезвычайно разрослось, я жалѣлъ несчастнаго, страдавшаго сухоткою спинного мозга, безногаго и полуслѣпого Гаврилова и состоявшую изъ подростковъ семью Беклемишева, про трогательную любовь которыхъ къ отцу я много слышалъ. Поэтому я ограждалъ обвиняемыхъ силою предоставленныхъ прокурору правъ отъ суровыхъ мѣръ страстнаго и односторонняго судебнаго слѣдователя Гераклитова, который непремѣнно—хотя и безъ достаточныхъ основаній опасаться уклоненія ихъ отъ суда, — хотѣлъ ихъ *засадить* и одно время, пользуясь моимъ отъѣздомъ за границу, даже успѣлъ въ этомъ. Вернувшись изъ-за границы, куда я уѣхалъ въ 1869 году, страдая сильнымъ кровохарканьемъ, я далъ Гераклитову предложеніе объ освобожденіи изъ-подъ стражи обоихъ, предоставивъ ему отдать ихъ на поруки. Между тѣмъ, въ мое отсутствіе появилась очень взволновавшая всю прокуратуру корреспонденція изъ Харькова въ „С.-Петербург-

скихъ Вѣдомостяхъ", въ которой говорилось, что, съ отъѣздомъ за границу энергичнаго и талантливаго товарища прокурора, слѣдствіе по дѣлу серій, за которымъ онъ наблюдалъ, заглохло и, вѣроятно, будетъ замято, такъ какъ по нему ничего больше не дѣлается. Это извѣстіе было совершенно невѣрно. Ходилъ слухъ, что оно шло отъ извѣстнаго писателя Г. П. Данилевскаго, горячо ратовавшаго противъ обвиняемыхъ и изобразившаго ихъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ романовъ „Новыя мѣста". Но самъ онъ впослѣдствіи настойчиво отрицалъ это, ссылаясь на то, что корреспонденція была прислана изъ Харькова, гдѣ онъ въ это время не жилъ, и высказывая предположеніе, что она написана кѣмъ-нибудь по порученію обвиняемыхъ съ цѣлью вызвать опроверженіе. Во всякомъ случаѣ опровергнуть ложныя извѣстія, очевидно, всего приличнѣе было мнѣ. Я это и сдѣлалъ въ письмѣ въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", указавъ на дѣйствительное положеніе слѣдственныхъ дѣйствій, очень замедляемыхъ неполученіемъ отвѣтовъ отъ разныхъ мѣстъ и лицъ на необходимые запросы слѣдователя,—и подписалъ письмо моимъ оффиціальнымъ званіемъ. Газета напечатала извинительную „замѣтку", и вопросъ, казалось, могъ считаться исчерпаннымъ. Но чрезъ мѣсяцъ послѣ этого, когда слѣдствіе уже подходило къ концу, и все производство должно было поступить ко мнѣ для составленія обвинительнаго акта, я получилъ весьма меня встревожившую повѣстку отъ мирового судьи, вызывавшаго меня для примирительнаго разбирательства съ Беклемишевымъ. Въ жалобѣ своей мировому судьѣ Беклемишевъ, играя словами, придирался къ совершенно безразличнымъ выраженіямъ моего опроверженія и явно извращалъ смыслъ постановленія Государственнаго Совѣта о возобновленіи дѣла по вновь открывшимся уликамъ и вслѣдствіе того, что послѣдовавшій приговоръ явился слѣдствіемъ подкупа. Въ особенности ставилъ мнѣ жалобщикъ въ вину то, что въ моемъ опроверженіи корреспонденціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" было указано на устройство, во время содержанія его и Гаврилова въ Харьковскомъ и Изюмскомъ тюремныхъ замкахъ подкупа Гудкова и Зебе, тогда какъ онъ въ *Изюмскомъ* тюремномъ замкѣ не содержался, а находился лишь въ тюремной больницѣ, помѣщавшейся въ наемномъ домѣ,—какъ будто содержаніе въ тюремномъ замкѣ или въ больницѣ тюремнаго замка не одно и то же и въ послѣднюю можетъ поступить всякій желающій. Мировой судья, въ виду моей должностной подписи подъ опроверженіемъ, призналъ на основаніи 347 ст. Улож. дѣло себѣ не подсуднымъ и жалобу Беклемишева препроводилъ прокурору судебной палаты, отъ котораго она была направлена министру юстиціи. Уже года черезъ

полтора, будучи прокуроромъ Казанскаго окружнаго суда, я получилъ сообщеніе департамента министерства юстиціи о томъ, что, по мнѣнію графа Палена, мнѣ, какъ лицу оффиціальному, не слѣдовало выступать съ опроверженіемъ въ печати.

Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ разбирательства у мирового судьи, мнѣ нужно было присутствовать при дополнительномъ, предъ окончаніемъ слѣдствія, допросѣ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, у меня возникъ вопросъ о томъ, имѣю ли я на это право, въ виду того, что противъ меня можетъ быть по ст. 605 и 608 У. у. с. быть предъявленъ отводъ, какъ противъ лица, съ которымъ одинъ изъ обвиняемыхъ *имѣлъ тяжбу*. Въ то время—время непосредственнаго осуществленія судебной реформы—лица судебнаго вѣдомства отличались особою щепетильностью въ исполненіи своихъ обязанностей и слѣдовали совѣту Бентама о томъ, что судья не только долженъ *быть* справедливымъ, но и *казаться* такимъ. Поэтому, разъ могло быть заявлено обвиняемыми сомнѣніе, что я могу относиться, по личнымъ чувствамъ, къ нимъ не безпристрастно—я считалъ невозможнымъ продолжать участіе въ дѣлѣ и просилъ прокурора освободить меня отъ дальнѣйшаго веденія дѣла о поддѣлкѣ серій. Взглядъ мой былъ раздѣленъ и прокуроромъ Судебной Палаты Писаревымъ, который въ представленіи министру юстиціи высказалъ: „дѣло объясняется очень просто: заявленная въ уголовномъ порядкѣ претензія на лицо прокурорскаго надзора связана съ возбужденіемъ вопроса объ его отводѣ, а товарищъ прокурора К. имѣетъ репутацію даровитаго и опытнаго обвинителя“. Къ этому слѣдуетъ добавить, что кромѣ меня при Харьковскомъ окружномъ судѣ тогда состояло лишь два товарища прокурора, изъ которыхъ одинъ—Е. Ф. де-Росси, вполнѣ заслуживавшій, чтобы къ эпитету „даровитый и опытный“ были присоединены слова „энергическій и настойчивый“,—не могъ обвинять по дѣлу серій, ибо, въ качествѣ члена Уголовной Палаты, подписалъ первый приговоръ по этому дѣлу,—а другой лишь недавно оставилъ слѣдственную практику, былъ незнакомъ въ подробностяхъ съ обширнымъ и сложнымъ производствомъ по дѣлу серій и поэтому не могъ представлять сильнаго борца противъ опытныхъ и искусныхъ защитниковъ, къ которымъ, конечно, обратились бы подсудимые.—Жалоба Беклемишева надѣлала много шуму въ Харьковѣ, чему способствовало и появленіе у мирового судьи, въ качествѣ моего представителя, всѣми уважаемаго присяжнаго повѣреннаго Морошкина. Я получилъ по этому поводу нѣсколько анонимныхъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ стояло: „Господинъ *гуманный* при слѣдствіи и *опасный* на судѣ обвинитель! Enfin delogé! A la guerre comme à la guerre и т. д“.

Почти одновременно съ представленіемъ прокурора Судебной Палаты министру юстиціи по поводу „опроверженія“, къ послѣднему отъ шефа жандармовъ поступила докладная записка Беклемишева, въ которой, прибѣгая къ графу Шувалову, какъ къ единственному источнику защиты противъ интригъ прокурорскаго надзора съ Шахматовымъ (въ это время старшимъ предсѣдателемъ Одесской судебной палаты) во главѣ, онъ просилъ о производствѣ, данною шефу жандармовъ властью, дознанія, которое, открывъ массу зла, навсегда развяжетъ просителя съ злополучнымъ дѣломъ о серіяхъ. Разсчетъ на мое устраненіе отъ дѣла, если таковой дѣйствительно былъ, оказался, однако, неудачнымъ. Я былъ переведенъ въ Петербургъ, а на мое мѣсто былъ назначенъ талантливый обвинитель Монастырскій, который и провелъ на судѣ возобновленное дѣло о поддѣлкѣ серій.

Въ сентябрѣ 1871 года, будучи прокуроромъ петербургскаго Окружного Суда, я поѣхалъ отдохнуть въ семействѣ моихъ друзей, въ имѣніе „Селямъ“ на южномъ берегу Крыма, и возвращался черезъ Одессу. Проводить меня на станцію пришелъ прокуроръ мѣстной Судебной Палаты, имѣвшій весьма сановитую внѣшность и представлявшій изъ себя то, что Горбуновъ называлъ „мужчиной сѣдой наружности“. Мы тепло простились, и я продолжалъ перекидываться съ нимъ словами, уже сидя въ вагонѣ. Въ числѣ ближайшихъ ко мнѣ пассажировъ, на скамьѣ наискосокъ, сидѣлъ гладко выбритый, суетливый господинъ неопредѣленнаго возраста. Едва мы двинулись и я помахалъ моему провожатому шляпой въ отвѣтъ на пожеланія добраго пути, какъ этотъ господинъ, вѣроятно введенный въ заблужденіе моей тогдашней моложавостью, спросилъ меня съ любезной улыбкой и указывая глазами на удаляющуюся платформу, на которой еще стоялъ Прокуроръ Палаты: вашъ папаша? — Нѣтъ, знакомый.—И, конечно, хорошій знакомый? наставительно произнесъ онъ.—Да, хорошій. — А вы далеко ѣдете?—Да, далеко,—отвѣчалъ я неохотно, не любя дорожныхъ разговоровъ съ незнакомыми. Но мой собесѣдникъ не унимался. Куда же именно?—На сѣверъ.— Значитъ, въ Петербургъ?—Да.—Черезъ Кіевъ или Харьковъ?— Черезъ Харьковъ.—Гм! кажется, это хорошій городъ, а?—Да, хорошій.—А вы тамъ бывали?—Да, бывалъ.—А кто тамъ теперь губернаторъ? — Не знаю, отвѣчалъ я, чтобы отдѣлаться отъ разспросовъ, дѣлавшихся громко, на весь вагонъ: — кажется, князь Крапоткинъ.—Но вѣдь Дурново уже нѣтъ!—Кажется, нѣтъ.—А что тамъ сталось съ знаменитымъ дѣломъ серій? Заглохло, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ К. (онъ назвалъ меня) насильно перевели куда-то. Говорятъ—плакалъ, не хотѣлъ бросать этого дѣла. Но ужъ

очень сильна была интрига! Вотъ извольте у насъ быть честнымъ человѣкомъ! Подкупить его было нельзя, такъ *отравить* пробовали, едва живъ остался... Я не вытерпѣлъ и неосторожно сказалъ: этого никогда не было! —Какъ не было? возопилъ незнакомецъ—извините-съ, было! я достовѣрно знаю.—Могу васъ увѣрить, что это ложный слухъ.—Я не распространяю ложныхъ слуховъ,—запальчиво сказалъ мой собесѣдникъ,—и привыкъ, чтобы моимъ словамъ вѣрили, почему и повторяю, что его покушались отравить, чтобы замять, въ угоду дворянству, дѣло, всѣ нити котораго были въ его рукахъ!—Я пожалъ плечами.—Нечего пожимать плечами, молодой человѣкъ,—высокомѣрно сказалъ онъ,—а надо относиться съ уваженіемъ къ дѣятельности честныхъ людей... Ихъ у насъ немного! Вотъ оно, наше общество,—все болѣе и болѣе горячась и какъ-то нервно подергиваясь и вращая глазами, почти уже закричалъ онъ на весь вагонъ: — вотъ не угодно ли?! извольте полюбоваться! Говорятъ, что человѣкъ съ опасностью жизни исполнялъ свои обязанности и преслѣдовалъ вредныхъ людей, а молодой человѣкъ *не вѣритъ! не хочетъ* вѣрить! Вотъ представитель нашего испорченнаго общества! А скажи я, что К. укралъ триста тысячъ—онъ сейчасъ повѣритъ, съ радостью повѣритъ! Вотъ такъ у насъ все! Стыдно, стыдно-съ, молодой человѣкъ!!

Разговоръ принималъ непріятный оборотъ, и было очевидно, что холерическій путешественникъ только-что еще начиналъ выпускать дерзости, которыми былъ заряженъ. Надо было положить этому конецъ...—Да позвольте,—сказалъ я,—вы введены въ заблужденіе...—Не я, а вы-съ!—снова закричалъ онъ—я никогда не говорю того, чего достовѣрно не знаю. И па-а-азвольте васъ, милостивый государь, наконецъ, спросить, на какомъ основаніи вы, даже не потрудившись узнать, съ кѣмъ вы имѣете честь говорить, позволяете себѣ сомнѣваться въ правдивости моихъ словъ?!—Да на томъ основаніи, что я самъ тотъ именно К., о которомъ вы столь лестно отзываетесь, и могу васъ увѣрить, что меня, въ данномъ случаѣ, къ великому моему сожалѣнію, никто никогда не отравлялъ, а изъ Харькова я былъ переведенъ въ Петербургъ по собственному желанію.—Неправда!—почти взвизгнулъ незнакомецъ,—вы не К.: онъ долженъ быть гораздо старше!—Я молча вынулъ изъ бумажника мою оффиціальную карточку и подалъ ее ему. Настало общее молчаніе—говорю общее потому, что пассажиры, ожидая по тону моего собесѣдника какого-нибудь скандала, насторожили уши.

Желчный господинъ внимательно прочелъ мою карточку, подумалъ, потомъ вскинулъ на меня испытующій взглядъ и вдругъ, какъ бы озаренный какою-то мыслью, быстро положивъ кар-

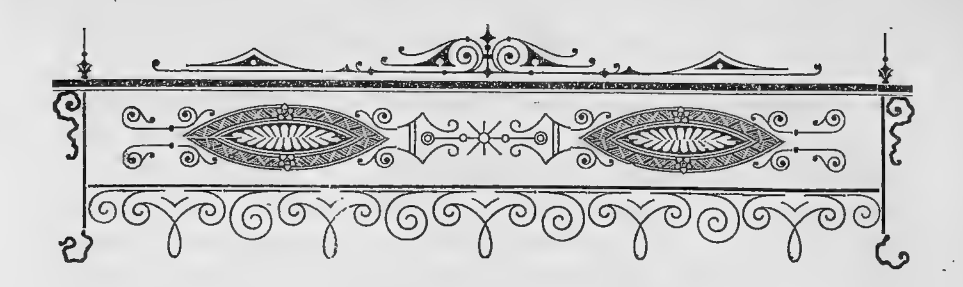
точку на колѣни, протянулъ мнѣ обѣ руки и торжествующе — умиленнымъ голосомъ воскликнулъ: — А! понимаю: благородная скромность! понимаю... Очень радъ познакомиться... Позвольте отрекомендоваться: директоръ реальнаго училища С—и. Очевидно было, что сбить его съ разъ занятой позиціи было невозможно, и мнѣ осталось покориться судьбѣ и навсегда остаться въ его сознаніи связаннымъ съ представленіемъ о неудавшемся отравленіи.

Намъ пришлось встрѣтиться черезъ 28 лѣтъ въ Сенатѣ. Бѣдняга предсталъ предо мной, какъ подсудимый, принесшій кассаціонную жалобу на приговоръ Петербургскаго мироваго съѣзда по обвиненію его въ оскорбленіи городового. Вспоминая прошлую встрѣчу, я не сомнѣвался, что оскорбленіе имѣло мѣсто, но, по счастью для С., съѣздомъ было допущено существенное нарушеніе формъ и обрядовъ, и приговоръ былъ кассированъ. Въ своихъ объясненіяхъ передъ Сенатомъ онъ такъ же, какъ и въ давніе годы, волновался и плохо управлялъ собою, но по виду очень постарѣлъ, и я бы его не узналъ при встрѣчѣ. Да и я, конечно, уже не былъ похожъ на того молодого человѣка, который когда-то самонадѣянно позволялъ себѣ не соглашаться со скоропалительнымъ Елисаветградскимъ педагогомъ по вопросу о своемъ собственномъ отравленіи.

А. Ѳ. Кони.

Октябрь. 1906 г.

Изъ моихъ воспоминаній [1]).

Въ отпуску.

1.

Величайшимъ наслажденіемъ для кадетъ нашего захолустнаго корпуса былъ, какъ уже сказано, отпускъ домой, къ родителямъ или близкимъ роднымъ, на праздники Рождественскій и свѣтлый Христовъ. Раза четыре или пять, въ послѣдніе годы моего пребыванія въ корпусѣ, попалъ и я въ число такихъ счастливцевъ и хотя ѣздилъ не домой, не въ Петербургъ, а только въ Новгородъ, къ людямъ, до того времени мнѣ незнакомымъ, но все-таки ощущалъ при этомъ извѣстную долю того благополучія, въ которое цѣликомъ погружались мои болѣе счастливые товарищи, отправлявшіеся въ родную семью.

Проживалъ въ то время въ Новгородѣ Семенъ Павловичъ Перфильевъ, дворянинъ, мелкій чиновникъ, котораго почему-то зналъ мой отецъ. Отецъ мой не былъ великой птицей въ административномъ мірѣ, но солидное его образованіе, ученые труды и чинъ статскаго совѣтника растягивали разстояніе между нимъ и Перфильевымъ въ дистанцію огромнаго размѣра. Кромѣ того отецъ былъ столичный житель, а Перфильевъ провинціалъ,—это тоже что-нибудь значило въ глазахъ послѣдняго; наконецъ, къ счету должны быть приняты и нѣкоторыя любезности со стороны моего отца по отношенію къ Семену Павловичу. Правда, любезности эти были самыя обыденныя, но Перфильевъ, по своей благодушной и благодарной натурѣ, считалъ себя неоплатно обязаннымъ, а моего отца—

---

[1]) См. „Русская Старина“, 1907 г. ноябрь.

своимъ благодѣтелемъ. Особенно тронуло его слѣдующее обстоятельство. Въ Петербургѣ, въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ воспитывалась его старшая дочь, которую ему удавалось посѣщать очень рѣдко, т. е. лишь тогда, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. Мой отецъ, тогда уже овдовѣвшій, посѣтилъ нѣсколько разъ дѣвочку (тогда воспитанницъ не выпускали за стѣны института), ласкалъ ее, привозилъ ей лакомства. Получивъ извѣстіе о первомъ такомъ визитѣ, Перфильевъ пришелъ въ совершенный восторгъ, вострубилъ объ оказанномъ ему „благодѣяніи" по всѣмъ стогнамъ новгородскимъ и окончательно утвердилъ за моимъ отцомъ титулъ своего благодѣтеля. Преисполненный благодарности, онъ пришелъ къ рѣшенію—отплатить моему отцу однородной услугой, вслѣдствіе чего я и сдѣлался его гостемъ.

Сначала мнѣ, одичавшему въ долговременномъ корпусномъ уединеніи, вовсе не улыбался отпускъ въ незнакомый домъ, въ незнакомое мѣсто. Со стѣсненнымъ сердцемъ взобрался я въ первый разъ въ присланную за мною повозку, заранѣе придумывая резоны для отказа отъ подобнаго отпуска на слѣдующій разъ. Ѣхалъ я на праздникъ Пасхи, въ простой телѣжкѣ, въ сопровожденіи присланнаго за мною провіантскаго сторожа, онъ же и кучеръ, и закрываясь отъ налетавшихъ порывовъ холоднаго вѣтра какой-то хламидой, не имѣвшей спеціальнаго назначенія въ перечнѣ статей человѣческаго костюма. Невеселыя мысли и опасенія стали однако рѣдѣть подъ вліяніемъ окружающей природы, очень неприглядной, но навѣвавшей сознаніе свободы. Все жило, двигалось, дѣйствовало собственнымъ импульсомъ, а не по командѣ; показывались и съ дорогой убѣгали избы, сараи, огороды, поля, а не манежи, не плацы, не классныя комнаты; не слышалось ни барабаннаго боя, ни отрывочныхъ, громкихъ словъ команды. Эта новизна положенія взяла наконецъ свое—я развеселился, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа въѣхалъ въ Новгородъ и скоро подкатилъ къ какой-то калиткѣ.

Я соскочилъ съ повозки, и опять мнѣ стало не по себѣ, снова появились прежнія сомнѣнія. Домишко стоялъ такой неказистый, вокругъ него все было такъ сѣро, грязно, непривѣтливо (я нигдѣ еще не бывалъ, кромѣ Петербурга и Аракчеевки), что хоть удирай на манеръ Подколесина. Робко отворилъ я дверь въ сѣни и столкнулся носомъ къ носу съ выходившимъ ко мнѣ навстрѣчу хозяиномъ.

— А, Сашенька, добро пожаловать, милости просимъ, рады дорогому гостю, ужъ такъ рады, что и сказать не умѣю. Пожалуйте, пожалуйте сюда.

Мы тутъ же, въ сѣняхъ, поцѣловались трижды и, рука въ руку, протиснулись въ крохотную, темную переднюю.

— Марья Корнѣевна, что жъ ты копаешься, иди встрѣчать дорогого гостя... Дарья, пошевеливайся, что къ плитѣ прилипла, успѣешь еще, ступай скорѣе.

— Сейчасъ, сейчасъ, самоваръ задержалъ, не кипитъ, хоть ты что, а гудитъ только... А чтобъ тебя—послышался голосъ хозяйки.

Прилипшая къ кухонной плитѣ кухарка, дебелая молодая деревенская дѣвушка Дарья ворвалась въ переднюю стремительно, въ видѣ налетѣвшаго изъ-за горъ шквала, и разрѣшаясь отъ бремени добродушія усиленными поклонами, стала меня тащить то за рукавъ куртки, то за сапогъ, якобы помогая раздѣваться. Показалась тотчасъ же и хозяйка, вся красная отъ борьбы съ самоваромъ.

— А, голубчикъ мой, красавецъ, сынокъ нашего благодѣтеля, какъ я рада... Вотъ гость, такъ гость... Ахти, никакъ ушелъ, чтобъ ему...—и Марья Корнѣевна моментально исчезла.

Смущенный новымъ моимъ положеніемъ, привѣтствіями Семена Павловича, улыбками, кивками и дерганіями Дарьи, я впалъ въ страшный конфузъ, услышавъ отъ Марьи Корнѣевны эпитетъ красавца, ни разу и ни отъ кого мною еще не слышанный. Къ тому же въ передней было такъ темно, что замѣтить тамъ мою красоту было совсѣмъ невозможно. А когда хозяйка, внезапно прервавъ любезности, произнесла непонятное для меня восклицаніе и исчезла, то слезы готовы были выступить у меня на глазахъ отъ смущенія, дошедшаго до апогея. И я пожалуй расплакался бы, если бы Семенъ Павловичъ не поторопился мнѣ объяснить поступокъ своей жены. Хотя это нѣсколько меня успокоило, но все-таки вступленіе мое изъ передней въ чистыя комнаты было не такое бодрое и непринужденное, на какое разсчитывало мое 12-лѣтнее самолюбіе.

Пройдя первую комнату, называвшуюся заломъ, я вошелъ во вторую, столовую, она же и гостиная. Тутъ на обѣденномъ столѣ, съ двумя поднимающимися полами, стоялъ взбунтовавшійся, но усмиренный самоваръ, пыхтя, какъ откормленный купчина изъ гостинаго ряда, а кругомъ красовались бублики, баранки, булочки и прочая хлѣбная снѣдь. Марью Корнѣевну мы застали за изглаживаніемъ на поверхности самовара слѣдовъ происшедшаго недоразумѣнія, что она дѣлала несомнѣнно съ цѣлью щегольнуть передо мною своимъ хозяйствомъ, ибо-де писать домой будетъ и свои впечатлѣнія съ правдивостью изобразитъ. Хозяева снова меня обласкали, усадили за столъ и стали наперерывъ угощать. Сначала я церемонился, робѣлъ, но подъ вліяніемъ искренняго радушія этихъ добрыхъ людей скоро освоился, пустился въ разговоры и даже въ

разспросы. Только трудно мнѣ было сладить съ угощеніемъ; несмотря на замѣчательную растяжимость моего желудка (каковымъ качествомъ отличались кадетскіе желудки вообще), мнѣ пришлось выпить и съѣсть столько, что я наконецъ осовѣлъ и замолчалъ.

На другой день я уже былъ въ маленькомъ домикѣ своимъ человѣкомъ, а хозяева сдѣлались сразу моими близкими и лучшими родными. Я уже не раздумывалъ въ слѣдующіе годы, ѣхать къ Перфильевымъ или остаться въ корпусѣ, и порядочно скучалъ, когда за мною почему-либо не присылали. И чѣмъ старше я становился, тѣмъ заманчивѣе рисовался въ моемъ воображеніи неказистый домикъ на бѣдной окраинѣ бѣднаго города. Я даже не могъ отдать себѣ яснаго отчета—что такое меня туда тянетъ, такъ какъ ничего притягательнаго для моихъ лѣтъ тамъ не имѣлось. А дѣло было въ сущности простое: настоятельно требовалось освѣженіе отъ шаблонной, механически правильной жизни и хоть малая доля свободы и возможности поступать по своему дѣтскому усмотрѣнію.

Перфильевы жили въ деревянномъ наемномъ домикѣ въ 3 или 4 маленькихъ окна по фасаду. Состоялъ домикъ изъ 3½ комнатъ, кромѣ передней и кухни; на улицу выходили залъ въ 2 или 3 окна и гостиная, столовая тожъ, въ одно окно; во дворъ смотрѣли спальня хозяевъ и нѣкоторое подобіе комнатки для дочери. Окна были заставлены геранью, китайскими розами и иными подходящими растеніями, а потому давали свѣту не много. Отъ нихъ порядочно дуло въ зимнее время, съ полу тоже несло холодомъ, а если подымался крѣпкій вѣтеръ, то вентиляція въ домикѣ достигала такого размѣра, что вполнѣ удовлетворила бы самаго требовательнаго гигіениста новѣйшаго времени. Комнаты были маленькія, съ низкими потолками; стѣны выкрашены дешевенькой охрой или перловой краской; меблировка отличалась примитивной простотой съ весьма немногими покушеніями па удобство и вовсе безъ покушеній на комфортъ, каковое слово Марья Корнѣевна даже не знала или смѣшивала съ канфоркой.

Бѣдно было въ домикѣ, но все-таки, благодаря малымъ размѣрамъ комнатъ, уютно и очень чисто. Нельзя того же сказать о всемъ, что видѣлъ глазъ въ окно, на такъ называемую улицу, которой въ сущности и не было, а былъ проѣздъ и проходъ, не прогрессировавшій безъ малаго со временъ Ярослава Мудраго. Грязь стояла тутъ глубокая, липкая и вонючая, обращавшаяся при безснѣжномъ морозѣ въ подобіе мостовой, называемой „колотьемъ“; такая мостовая дѣйствительно причиняла проѣзжимъ жестокое колотье, а грязь повергала ихъ въ меланхолію. Впрочемъ, проѣзжіе тутъ были рѣдки, да и прохожіе не изобиловали, къ большому

огорченію младшей хозяйской дочери, которая находилась на-лицо при родителяхъ, была моложе меня года на три и все свое время проводила у окна, наблюдая прохожихъ и проѣзжихъ. Улица наша шла по краю неглубокаго, но довольно крутого и грязнаго оврага, гдѣ попеременно происходили рандеву и рауты собакъ, свиней, куръ, ребятишекъ и зачастую стоялъ гамъ неописанный.

Пейзажъ былъ вообще непривлекательный, сидя дома любоваться было не на что; но на прогулки внѣ стѣнъ домика меня все-таки не тянуло.—Куда пойдетъ гулять молоденькій, робкій кадетъ, въ незнакомомъ городѣ, одинъ безъ товарища. И запутаешься, и зазѣваешься, пожалуй, не сдѣлаешь фронтъ встрѣчному офицеру, и на непріятность наскочишь. Поэтому, прогулявшись нѣсколько разъ по городу, я крѣпко засѣлъ дома и выходилъ лишь при оказіи, т. е. съ однимъ изъ хозяевъ, что случалось рѣдко: онъ либо на службѣ, либо по разнымъ дѣламъ, она погружена въ хозяйство. Общественныхъ удовольствій и развлеченій оба они тоже почти не знали; вся забота ихъ была о хлѣбѣ насущномъ. Оставалось, значитъ, подыскать у себя дома и занятіе и развлеченіе, дабы не одурѣть отъ бездѣлья. Занятіе и развлеченіе сошлись клиномъ на одномъ и томъ же, на чтеніи. Да, мое одиночество во время отпусковъ въ Новгородъ, продолжавшихся отъ одной до двухъ недѣль каждый, было полное. Хозяйская дочка была дѣвочка, на которую я смотрѣлъ свысока; сами хозяева въ свою очередь во мнѣ видѣли ребенка, а я со своей стороны смутно сознавалъ, что, несмотря на мой юный возрастъ и на элементарныя начатки образованія, хозяева не поймутъ меня, если я вздумаю побесѣдовать съ ними въ родѣ того, какъ бесѣдовалъ съ близкими корпусными товарищами.

Семенъ Павловичъ Перфильевъ былъ человѣкъ лѣтъ 40—50, довольно большого роста, съ большими руками и ногами, длиннымъ прямымъ носомъ и широкимъ ртомъ. Образованіемъ онъ не отличался, дальше умѣнья читать, писать и считать едва-ли что-нибудь разумѣлъ и внѣ тѣсной сферы мелкаго чиновничества мало чѣмъ интересовался. Служилъ онъ въ какомъ-то провіантскомъ учрежденіи, занималъ тамъ одну изъ низшихъ ступенекъ, имѣлъ чинъ маленькій, жалованье получалъ грошовое, ходилъ на службу въ опредѣленные часы, домой казенную работу никогда не приносилъ, и вообще дома ничѣмъ не занимался, кромѣ хозяйственныхъ распоряженій по покупкѣ дровъ, свѣчей, съѣстной провизіи и проч. Въ этомъ отношеніи онъ былъ и хозяиномъ, и хозяйкой, такъ что Марьѣ Корнѣевнѣ выходить изъ дому за покупками для хозяйства почти не приходилось, а до кухарки дѣло это не касалось вовсе. Такой внутренній порядокъ маленькаго домика сложился потому,

что Семенъ Павловичъ былъ феноменъ по части всякихъ покупокъ и заготовленій. Онъ зналъ, какъ никто,—гдѣ что слѣдуетъ искать: капусту у Андрона Причальнаго, огурцы у Фрола Фролова; рябчики и тетерки тогда-то и тамъ-то, а куры и индѣйки совсѣмъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ... Но мало было достать товаръ дешево, требовалось, чтобы онъ былъ хорошъ; Семенъ Павловичъ и эту статью изучилъ практически въ совершенствѣ. Ужъ если онъ купитъ арбузъ, такъ не трудитесь взрѣзывать для провѣрки; навѣрное спѣлъ, сочонъ и сладокъ. Принесъ онъ окорокъ, гуся или рябчика, будьте увѣрены, что все это шедевры.

Слава Семена Павловича по этой части росла изъ года въ годъ; просьбы и порученія умножались въ такой мѣрѣ, что онъ обратился почти въ оптоваго покупщика, а это еще увеличивало дешевизну его покупокъ. Донеслась слава и до его начальства, которое не замедлило воспользоваться выдающеюся способностью подчиненнаго: къ какому-то большому празднику онъ получилъ отъ начальства порученіе на закупку для его дома провизіи. Порученіе было исполнено блистательно, и съ той поры начальникъ обращался къ Перфильеву постоянно, такъ что Семенъ Павловичъ сдѣлался de facto чиновникомъ особыхъ порученій, и именно съѣстныхъ порученій, питая тайную надежду, что таковое повышеніе въ начальственномъ мнѣніи приведетъ его, Перфильева, рано или поздно и къ повышенію служебному. Надежда дѣйствительно его не обманула, но, увы, не скоро.

Положеніемъ своимъ онъ былъ недоволенъ, высказывалъ это даже мнѣ, и въ минуты жизни трудной хандрилъ, впрочемъ каждый разъ недолго. Особенно заманчивою карьерой представлялось ему въ воображеніи получить провіантскій магазинъ. Видя, что Семенъ Павловичъ считаетъ завѣдываніе магазиномъ верхомъ благополучія, я какъ-то вступилъ съ нимъ по этому предмету въ разговоръ, начавъ съ такого наивнаго вопроса, который вызвалъ на его лицѣ улыбку. А именно я спросилъ, что значитъ „завѣдывать провіантскимъ магазиномъ“, и когда уразумѣлъ, что все дѣло состоитъ въ полученіи на храненіе и въ выдачѣ кому слѣдуетъ хранимаго провіанта, при томъ на условіи самой строгой и точной отвѣтственности, то выразилъ изумленіе—въ чемъ же тутъ благодать заключается, развѣ жалованье очень большое?

— Нѣтъ, жалованье небольшое, объяснилъ мнѣ Семенъ Павловичъ: „а надо быть хозяиномъ, понимаете, хозяиномъ“...

Я совсѣмъ не понималъ и попросилъ добавочнаго объясненія.

— Вотъ вы знаете, что меня считаютъ за хорошаго хозяина, это значитъ, что я и купить умѣю хорошо и дешево, и присмо-

трѣть, чтобы купленное не испортилось, и въ расходъ выдамъ сколько нужно, не больше; меня не обманутъ и не обсчитаютъ. Въ хорошемъ хозяйствѣ всегда остаточки есть, а въ худомъ недостача; остаточекъ выростаетъ, коли съ людьми умѣешь поладить, гдѣ поблажить, а гдѣ и пригрозить; недостача множится отъ неумѣнья обойтись съ человѣкомъ. Остаточекъ—мой, идетъ ко мнѣ въ карманъ, а недостача тащитъ изъ кармана. Оттого на одномъ и томъ же дѣлѣ одинъ живетъ-поживаетъ припѣваючи, а другой подъ судъ идетъ и пропадаетъ со всѣми своими потрохами. Такъ-то-съ.

Очевидно, Семенъ Павловичъ не желалъ выходить изъ круга общихъ мѣстъ въ виду крайней неподготовленности своего собесѣдника къ трактуемому предмету. „Нельзя вамъ все объяснить досконально, годы ваши невелики и опытности нѣтъ. Поживете, уразумѣете".

Я такъ и остался при неразрѣшенномъ недоумѣніи и больше не безпокоилъ Семена Павловича разспросами. Впослѣдствіи выучили всему этому первые годы службы; я увидѣлъ тогда, что батарея, полкъ, провіантскій магазинъ—все это существуетъ и управляется на одной и той же хозяйственной основѣ, что лишь способы развитія основы и примѣненія къ дѣлу различествуютъ, да и то больше по буквѣ, чѣмъ по духу. Будешь хорошимъ хозяиномъ—и карманъ набьешь и предъ начальствомъ преуспѣешь; будешь худымъ хозяиномъ—пойдешь по міру съ опозореннымъ именемъ. Не требовалось воздавать кесарево кесареви полностью, а лишь въ той мѣрѣ, какая кесарю издали полною кажется. Въ этомъ и суть настоящаго хозяйства; оттого и сложилось присловіе, что при прокормленіи казеннаго воробья можно быть сытымъ самому, и съ женою, и съ ребятишками.

Видя, что ни я ему не могу служить развлеченіемъ уже по великому различію нашихъ лѣтъ, ни онъ мнѣ, Семенъ Павловичъ сталъ раздумывать, какимъ бы образомъ спасти меня отъ скуки на время моихъ отпусковъ, и косвенно повелъ объ этомъ рѣчь, рекомендуя два — три знакомыя семейства, гдѣ находились мои однолѣтки, съ которыми бы я могъ видѣться и проводить время. Тянись мое проживаніе въ Новгородѣ подольше, я бы согласился, несмотря на свою дикость, отъ знакомства же на нѣсколько дней отказался.

— Какъ же быть, сказалъ онъ,—вѣдь вы, голубчикъ, у насъ стоскуетесь и пожалуй похудѣете. Что скажетъ тогда вашъ папенька?

— Не соскучусь и не похудѣю, Семенъ Павловичъ: мнѣ у васъ очень хорошо, да я же и не надолго. А вотъ если бы можно было почитать что-нибудь, такъ я бы очень радъ былъ.

— Почитать... да что же вы читать хотите... Не знаю, найду ли что-нибудь такое, что по вашимъ молодымъ лѣтамъ было бы занятно.

— Да мнѣ все будетъ занимательно: и журналы, и романы, и путешествія; я люблю читать все.

— Хорошо, можетъ, и найдемъ; надо поговорить съ Николаемъ Кирилловичемъ, журналистомъ. У него есть такіе знакомые...

— А развѣ вы знакомы съ журналистомъ? Какъ его фамилія и какой журналъ онъ издаетъ?

— Это не то, что вы, Сашенька, думаете; это журналистъ нашей канцеляріи, ведетъ журналъ входящимъ и исходящимъ казеннымъ бумагамъ. А чтобы издавать журналъ разнымъ тамъ литературамъ и наукамъ, такъ куда ему; онъ только грамотѣ и знаетъ.

Мнѣ въ первый разъ привелось слышать, чтобы бумаги ходили, и потому я просилъ у Семена Павловича объясненіе, которое еще больше его убѣдило, что совершенно необходимо пріурочить меня къ какому-нибудь занятію вмѣсто того, чтобы пускаться въ разговоры о предметахъ, вовсе мнѣ незнакомыхъ. Благодаря такому рѣшенію, я сталъ получать на прочтеніе книги, добытыя чрезъ посредство журналиста, въ совершенно достаточномъ количествѣ, такъ что могъ проводить въ чтеніи сплошь цѣлые дни.

Такой исходъ былъ тѣмъ болѣе кстати, что Марья Корнѣевна, подобно своему мужу, тоже затруднялась моимъ бездѣльнымъ одиночествомъ и ломала голову—какъ бы помочь горю. Съ самаго начала она рѣшила—сдѣлать моимъ товарищемъ свою дочь, но скоро увидѣла, что ни одна сторона не наклевывается и дѣло не налаживается. Когда же я засѣлъ за книгу и стало меня совсѣмъ не слышно и не видно, то Марья Корнѣевна совершенно успокоилась и какъ будто сдѣлалась со мной еще привѣтливѣе и любезнѣе.

А привѣтливость ея, ласковость, радушіе, предупредительность были таковы, что мнѣ, неизбалованному съ этой стороны корпусною жизнью, представлялись качествами идеальными, только ей одной присущими. О Марьѣ Корнѣевнѣ я и въ корпусѣ вспоминалъ часто. Была она женщина простая, даже очень простая; если смотрѣть со стороны, то во многихъ отношеніяхъ простота эта впадала въ каррикатуру, наталкивала на сатирическій тонъ. По рожденію Марья Корнѣевна была мѣщанка или крестьянка, можетъ быть даже крѣпостная крестьянка; образованія не получила никакого и до конца жизни не умѣла ни читать, ни писать. Какъ судьба свела ее съ Семеномъ Павловичемъ — доподлинно не знаю; кажется, она была служанкой у него, у его родителей или вообще въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ. Красотой она не отличалась, но была миловидна, свѣжа,

проворна; годами немного моложе Семена Павловича. Она приглянулась, онъ увлекся—и получился результатъ естественный, впослѣдствіи оформленный законнымъ бракомъ. Жили они согласно, мирно, можетъ быть, и любовно и такъ дотянули до того времени, когда мнѣ привелось съ ними познакомиться. Взаимныя ихъ отношенія при мнѣ тоже были вполнѣ хорошія, какія бываютъ въ нормальныхъ семьяхъ между родителями послѣ 15—20 лѣтъ брачной жизни; называли они другъ друга по имени и отчеству, крупно не ссорились. Лишь Семенъ Павловичъ, можетъ быть самъ того не замѣчая, допускалъ въ обращеніи съ женой нѣкоторый оттѣнокъ превосходства или покровительства, чего Марья Корнѣевна или не видѣла, или считала натуральнымъ, такъ какъ мужъ есть глава и повелитель.

Вообще Марья Корнѣевна, произведя на свѣтъ двухъ дочерей и покончивъ съ этой статьей навсегда, обратилась исключительно въ хозяйку и заботу объ образованіи дочерей предоставила мужу. Любимой статьей ея хозяйства былъ кофе. Признавая въ мужѣ выдающіеся хозяйственные таланты, она отрицала его компетентность по кофейной части и не дозволяла ему вмѣшиваться въ эту отрасль. Покупала она кофе сама, сама же его жарила, молола и варила, при чемъ соблюдала множество пріемовъ и сноровокъ, безъ помощи которыхъ кофе, по ея убѣжденію, не могъ быть вполнѣ хорошъ. Приготовленіе кофе, подъ руками Марьи Корнѣевны, принимало видъ какъ бы мистеріи, требовало душевнаго спокойствія и сосредоточенности, разговаривать съ нею въ это время значило огорчать ее. Сервировка кофе отличалась изысканною опрятностью и чистотою; всякому предмету, кофейнику, сахарницѣ, сливочнику,—было назначено опредѣленное мѣсто, никогда не перемѣняемое; питіе кофе тоже производилось одноформенно, какъ строевое ученье на плацу. Если бы какой-нибудь дурной шутникъ возымѣлъ неблагородную мысль—разстроить традиціонный порядокъ кофепитія, напримѣръ, хоть опустить между Марьей Корнѣевной и блестящимъ кофейникомъ листъ бумаги, то весь смыслъ операціи былъ бы нарушенъ, и пришлось бы начинать ее снова.

Сначала ничего этого я не зналъ и потому грѣшилъ, но очень скоро уразумѣлъ—какъ надо себя держать при кофейномъ обрядѣ, чтобы не огорчать добрую и радушную хозяйку, но все-таки невольно впадалъ иногда въ ошибки. Замѣтивъ, что когда топилась въ гостиной печь, то Марья Корнѣевна ставила туда зачастую кофейникъ, и сидя на корточкахъ, все въ немъ помѣшивала ложечкой, я спросилъ, что это она дѣлаетъ, не кофе ли опять варитъ (кофе она пила часъ назадъ).

— Нѣтъ, голубчикъ, это не кофей, а переварочки, было мнѣ отвѣтомъ,—мы люди небогатые, безпрестанно варить кофе не можемъ.—Остановился я на томъ, что подъ „переварками" надо понимать остатки прежняго кофе, пущенные снова въ ходъ съ прибавкою воды, ради цѣлей экономическихъ.

Другою слабою струною Марьи Корнѣевны было желаніе—изъ своего скромнаго и бѣднаго уголка вторгаться изрѣдка въ сферу большого свѣта, „большого" конечно по ея масштабу. Этотъ большой свѣтъ состоялъ главнымъ образомъ изъ начальства Семена Павловича и приближенныхъ этого начальства. Марья Корнѣевна ѣздила туда рѣдко, по большимъ праздникамъ да по какимъ-нибудь необычнымъ случаямъ и готовилась къ такимъ визитамъ задолго, подвергая свой туалетъ внимательному осмотру. Побывавъ у 4—5 дамъ „большого свѣта", она успокоивалась надолго, какъ бы отбывъ священную и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятную обязанность. Разсказы о сдѣланныхъ визитахъ тянулись нѣсколько дней, а иногда и дольше, если визитъ ознаменовался какимъ-нибудь особеннымъ событіемъ, напримѣръ поднесеніемъ гостьѣ чашки чая или кофе собственноручно, провожаніемъ ея въ самую переднюю и т. п. Обыкновенно это передавалось по нѣсколько разъ мужу, каждому гостю, даже мнѣ, съ мельчайшими подробностями и какъ бы въ лицахъ; даже иногда передвигался на другое мѣсто столъ или стулъ, чтобы нагляднѣе и яснѣе представить мѣсто дѣйствія. Марья Корнѣевна при этомъ поминутно обминала обѣими руками свое платье, выпрямлялась, поводила головой направо и налѣво медленно съ достоинствомъ, говорила на распѣвъ (по ея мнѣнію—признакъ хорошаго тона). Самымъ эффектнымъ мѣстомъ ея повѣствованія было сказаніе о французскомъ языкѣ. Марья Корнѣевна не только по-французски не говорила, но и не понимала ни одного французскаго слова, а между тѣмъ, непремѣннымъ условіемъ всякаго хорошаго общества считала разговоръ на французскомъ языкѣ. Поэтому, когда въ ея присутствіи говорили по-французски, она подымала голову, улыбалась, обдергивала разныя видныя части своего туалета и вообще обнаруживала всѣ признаки довольствія. Она, бѣдная, и не подозрѣвала, что разговоръ на иностранномъ языкѣ въ присутствіи особы, этого языка не понимающей, есть большая по отношенію къ ней невѣжливость. А тѣмъ менѣе могло ей придти въ голову, что дамы, мѣнявшія во время ея визита русскій языкъ на французскій, дѣлали это единственно для того, чтобы издѣваться надъ нею вволю и безнаказанно.

2.

Вотъ въ сообществѣ этихъ-то лицъ, Семена Павловича и Марьи Корнѣевны, привелось мнѣ проводить мои праздничные досуги. Что мнѣ оставалось дѣлать, какъ не читать? Благодаря исходящему и входящему журналисту (такъ я именовалъ его въ моемъ умѣ для отличія отъ журналиста литературнаго), за книгами дѣло не ставало, при томъ доходили онѣ до меня безъ всякой цензуры, если не считать маневры, которые производилъ въ этомъ направленіи Семенъ Павловичъ. Маневры эти, впрочемъ, ограничивались тѣмъ, что онъ прочитывалъ заглавіе выдаваемой мнѣ книги и при этомъ или слегка подсвистывалъ, или многозначительно крякалъ (какъ многіе дѣлаютъ послѣ рюмки водки), или же произносилъ коротенькую сентенцію, въ смыслѣ междометія, напримѣръ: „ишь ты какая“. Далѣе этихъ невинныхъ подходцевъ его цензурная похоть не простиралась, и книга, какова бы она ни была, выдавалась мнѣ непремѣнно.

Чтеніе мое подъ гостепріимной кровлей Семена Павловича было истиннымъ винегретомъ, но все шло на потребу, переваривалось и голову не засоряло, только препятствовало образоваться вкусу.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ получилъ я цѣлый годъ „Библіотеки для чтенія“ Сенковскаго и всѣ 12 книгъ прочиталъ не только безъ утомленія, но съ наслажденіемъ. Въ особенности интересовала и забавляла литературная лѣтопись, т. е. отдѣлъ библіографическій, представлявшійся мнѣ верхомъ остроумія. Отдѣлъ этотъ дѣйствительно отличался замѣчательной хлесткостью и безшабашностью; самые серьезные предметы трактовались здѣсь съ легкимъ сердцемъ и тенденціозностью, что шло за бойкость мысли и слова. Вышло сочиненіе какого-то спеціалиста подъ заглавіемъ: „Нѣтъ болѣе геморроя“. Рецензія о немъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ была такая: „возьми замерзшее озеро и выпей его до дна, со льдомъ; если самъ не лопнешь, то геморрой непремѣнно лопнетъ“. Вотъ и все, хорошо, ясно и потѣшно, что и требовалось. Или вышла какая-то книжка про животный магнетизмъ; давая коротенькій отчетъ о книгѣ, рецензентъ игриво прибавляетъ, что оселъ былъ приведенъ въ магнетическое соприкосновеніе съ членомъ англійскаго парламента радикальной партіи, произнесъ блестящую рѣчь и былъ награжденъ оглушительными рукоплесканіями. Практиковались въ журналѣ критическіе пріемы еще проще: перелистовавъ какую-нибудь плохую книжку московской рыночной фабрикаціи, рецензентъ кликалъ своего лакея: „эй, Петрушка, поди сюда, возьми эту книгу, она для тебя написана“. Опять коротко, ясно и игриво.

Очень много доставалось Гоголю, юморъ котораго, живой и глубокій, никакъ не подходилъ подъ мѣрку Сенковскаго съ братіей и давалъ поводъ къ постояннымъ глумленіямъ, которыя представлялись нашему брату тонкимъ, остроумнымъ анализомъ. Такимъ образомъ въ насъ, не читавшихъ еще произведеній Гоголя, а получившихъ о нихъ понятіе съ чужого голоса, изъ рецензій и критическихъ статей разныхъ масляничныхъ дядей, подвизавшихся въ тогдашней литературѣ, вселялся и укрѣплялся взглядъ на Гоголя, прямо противоположный истинному. Конечно, продолжалось это большею частью лишь до перваго знакомства съ его произведеніями, однако гаерская критика все-таки имѣла вліяніе на юношей и неюношей, на однихъ кратковременное, на другихъ продолжительное.

Иногда, утомившись отъ многочасового чтенія, старался я развлечься глазѣніемъ въ окно, но интереснаго находилъ тамъ мало, а если и развлекался, то ненадолго. Мальчишки и дѣвчонки катались по склону оврага на салазкахъ или просто такъ: хохотали, кричали, бранились, дрались, дразнили гусей и индюковъ, которые либо гоготали съ оттѣнкомъ негодованія, либо, вытянувъ шеи, шипѣли и злились, угрожая икрамъ задирающей стороны. Являлись иногда свиньи и также принимали участіе въ спектаклѣ, хотя и невольное, но если при нихъ находились и ихъ семейства, то мальчишки обыкновенно обращались въ бѣгство, напуганные грознымъ хрюканьемъ, однако скоро возвращались съ сикурсомъ шариковъ, арапокъ, барбосокъ и снова переходили въ наступленіе. Гвалтъ поднимался сильный и шелъ crescendo, пока не показывались бабы въ разныхъ домашнихъ неглиже, драли расходившихся шалуновъ за вихры, награждали ихъ шлепками, прогоняли домой для дальнѣйшихъ педагогическихъ мѣропріятій и такимъ образомъ возстановляли тишину, впрочемъ ненадолго.

Вотъ все или почти все, что́ мнѣ приводилось видѣть черезъ окно на улицѣ, и потому чтеніе мое прерывалось на короткое время, а потомъ снова возобновлялось и тянулось до поздней ночи. Такъ шло изо-дня въ день. До обѣда Семенъ Павловичъ обыкновенно отсутствовалъ. Марья Корнѣева же была почти постоянно на-лицо и находилась въ непрерывномъ движеніи изъ кухни въ чуланъ, изъ чулана въ столовую и обратно, смотрѣла за топившимися печами, ставила къ огню переварки, сметала и стирала пыль, протирала окна и т. под. Разговоръ съ ней вести можно было лишь непродолжительный, а чаще только обмѣниваться короткими фразами. Иногда, впрочемъ, она присаживалась къ столу и обращалась ко мнѣ, руководясь чувствомъ искренняго соболѣзнованія.

— Ухъ, какъ устала, точно некрутъ на службѣ... А вы все за вашими дѣлами, какъ вамъ не надоѣстъ все одно и то же, изо-дня въ день. Хоть бы по городу прошлись, на людей посмотрѣть и себя показать, пусть полюбуются на черноброваго молодца.

Я смутился. Мое чернобровіе, возведенное Марьей Корнѣевной въ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, но безусловно отрицаемое моими собственными глазами, становилось какъ бы кошмаромъ. Я не могъ уяснить себѣ причинъ, по которымъ моя добрая и милая хозяйка настаивала на томъ, чего не было. Прохаживаясь по залу, я встрѣчалъ иногда свою физіономію въ зеркалѣ, останавливался, подходилъ поближе, пальцемъ ерошилъ брови и всматривался — какія-то сивыя, а совсѣмъ не черныя. Вытаскивалъ иногда носовой платокъ, муслилъ кончикъ и усиленно теръ брови,—все такія же сивыя. Такъ и теперь, я искоса взглянулъ въ зеркало, приподнялъ брови, опустилъ ихъ, — какъ есть сивыя. Зачѣмъ же она утверждаетъ, что онѣ черныя?

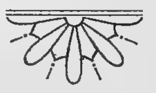
Раздался смѣхъ; дочка Марьи Корнѣевны расхохоталась, замѣтивъ мои маневры съ зеркаломъ, а я покраснѣлъ до слезъ. Марья Корнѣевна моего конфуза не замѣтила и продолжала:

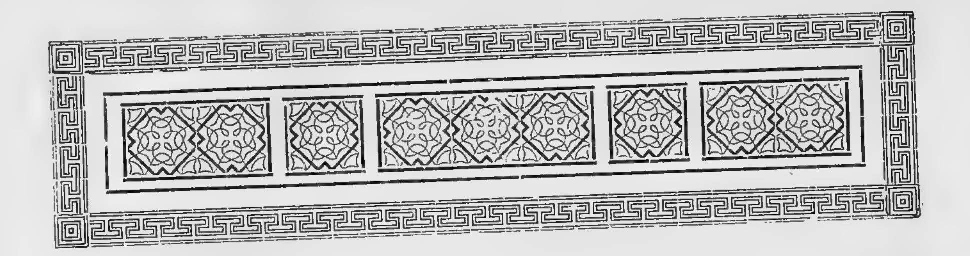
— Право, послушались бы, а то я какъ-будто во всемъ эфтомъ виновата: позвала къ себѣ сына нашего благодѣтеля и позвамши со скуки морю.

— Увѣряю васъ, Марья Корнѣевна, что мнѣ ни минуты скучно бываетъ, вѣдь я люблю читать, а въ корпусѣ и времени на это мало, да и книги трудно доставать.

Сообщилъ А. Ф. Петрушевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Походъ во Францію 1814 г.

По (неизданнымъ) запискамъ прапорщика лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Ивана Михаиловича Казакова.

Краткія біографическія свѣдѣнія объ И. М. Казаковѣ, сообщенныя его внукомъ А. Безгинымъ.

Дѣдъ мой съ материнской стороны Иванъ Михаиловичъ Казаковъ родился въ Новосильскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Котельномъ, 27 апрѣля 1797 г. Въ іюнѣ 1813 года изъ камеръ-пажей произведенъ въ прапорщики гвардіи съ назначеніемъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Изъ-подъ осажденнаго Модлина, близъ котораго формировались кадры резервныхъ частей полка, въ декабрѣ 1813 года, имѣя всего 16 лѣтъ отъ роду, привелъ на Рейнъ маршевую роту. 1-го января 1814 года съ полкомъ вступилъ въ предѣлы Франціи, а 19-го марта того же года—въ Парижъ; и въ томъ же году моремъ возвратился съ полкомъ на родину. Въ 1820 году, по случаю извѣстнаго столкновенія полка съ командиромъ онаго Шварцъ, штабсъ-капитанъ Казаковъ былъ переведенъ маіоромъ, сначала въ Нижегородскій пѣхотный, а черезъ полгода въ Астраханскій кирасирскій полкъ. Въ 1824 году И. М Казаковъ женился на дочери мценскаго помѣщика Н. Н. Телепневой и въ 1827 году вышелъ въ отставку въ чинѣ подполковника. Съ 1830 по 1842 г. онъ прослужилъ по выборамъ четыре трехлѣтія малоархангельскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Въ 1855 году И. М. Казаковъ, избранный начальникомъ малоархангельскаго ополченія, сформировалъ дружину изъ мѣстныхъ ратниковъ и привелъ ее въ Крымъ—15 сентября въ евпаторійскій отрядъ, а 19 ноября 1855 г. подъ Севастополь на Бельбекъ. Умеръ И. М. Казаковъ восьмидесяти шести лѣтъ отъ роду, 7 октября 1883 года въ своемъ имѣніи Алексѣевкѣ, Малоархангельскаго уѣзда, простудившись на охотѣ съ борзыми, съ которыми онъ вскачь лично загналъ волка.

Александръ Безгинъ
отставной генералъ-маіоръ.

Севастополь.
5-го октября
1907 года.

I.

Въ Пажескомъ корпусѣ.—Производство въ офицеры въ л.-гв. Семеновскій полкъ.—Отъѣздъ въ армію.—Блокада Модлина.—Наводненіе.—Выступленіе въ походъ съ маршевой ротой.— Вступленіе во Францію. — Фуражировки и реквизиціи.—Мародеры.—Фланговый маршъ изъ Лангра.—Нарядъ на ординарцы къ Ермолову.—Сраженіе 18 марта подъ Парижемъ.—Утро 19 марта и вступленіе союзниковъ въ Парижъ. — Посѣщеніе Императоромъ Александромъ I Парижской Оперы.

Въ 1809 году поступилъ я въ Пажескій корпусъ, будучи принятъ по экзамену въ третій классъ; въ 1810 году переведенъ во второй, 1811—въ первый классъ и произведенъ въ камеръ-пажи. Ученье шло хорошо, и я былъ на счету лучшихъ учениковъ. Камеръ-пажемъ я поступилъ на половину Императора Александра I, который, по необыкновенной добротѣ своей, полюбилъ меня, а я обожалъ его и всю царскую фамилію.

Два года—почти ежедневнаго нахожденія во дворцѣ отъ 4 часовъ по полудни до полуночи, для услугъ царской фамиліи, Императору и Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, этимъ земнымъ ангеламъ—довели любовь мою до обожанія, а преданность до пожертвованія жизнью.

Вся царская фамилія была не только милостива къ камеръ-пажамъ, но и любила ихъ, и была совершенно увѣрена въ ихъ любви и преданности, это доказывалось тѣмъ, что при фамильныхъ обѣдахъ, гдѣ всѣ они обѣдали одни, никто кромѣ камеръ-пажей не служилъ, и никто не могъ входить въ столовую, исключая камеръ-фурьера двора Крылова; и тогда они были, какъ говорится, на распашку—обо всемъ говорили безъ всякаго этикета, и шутили и смѣялись, какъ простые смертные; по окончаніи стола приказывали намъ брать при себѣ конфекты и фрукты, и все это поступало въ наши треуголки. Когда послѣ обѣда всѣ расходились по своимъ половинамъ, мы провожали ихъ, послѣ чего намъ подавали обѣдъ, и если не было вечеромъ собранія, то насъ отвозили въ корпусъ кромѣ одного дежурнаго, обязанность котораго начиналась съ 10 часовъ утра и кончалась въ полночь. Когда вдовствующая Императрица выѣзжала куда-либо, то дежурный верхомъ обязанъ былъ сопровождать у двери кареты; если это случалось зимой, Государыня всегда говорила дежурному: „restez, mon cher, il fait trop

froid“ [1]), но въ молодости холода нѣтъ, а верхомъ ѣздить было наслажденіе, ну и упросишь и умилостивишь, такъ, что позволитъ сопровождать.

Камеръ-пажемъ я былъ два года: съ половины 1811 года, 1812 г. и въ іюнѣ 1813 года выпущенъ въ Семеновскій полкъ, по экзамену вторымъ по корпусу. Прежде, до 1811 года, первые двое выпускались по экзамену поручиками, но по отмѣнѣ этого въ 1812 г.— прапорщиками.

Что испыталъ и перенесъ Императоръ въ столь тяжеломъ и столь славномъ 1812 году, можетъ знать только тотъ, кто былъ какъ я почти ежедневно при дворѣ и при царской фамиліи. Когда пришла вѣсть, что Наполеонъ вынужденъ былъ оставить Москву, и Императоръ вечеромъ вышелъ увѣдомить объ этомъ Императрицъ, дежурными камеръ-пажами были я и О***; мы бросились поздравлять Государя; онъ расцѣловалъ насъ, тогда мы кинулись на колѣни просить его приказать сдѣлать выпускъ, чтобъ имѣть возможность участвовать въ войнѣ; но онъ сказалъ на это — „погодите, вы еще молоды и вамъ нѣтъ еще и семнадцати лѣтъ“. Мы со слезами продолжали умолять его; тогда онъ велѣлъ ѣхать къ князю А. Н. Голицыну, чтобы тотъ завтра доложилъ ему объ этомъ. Князь также сталъ отговаривать насъ, говоря, что еще рано, слишкомъ молоды—нѣтъ еще и семнадцати лѣтъ; но на просьбы и слезы наши, далъ слово доложить Государю. Мы были въ восторгѣ; но дѣло протянулось, такъ какъ къ Пасхѣ назначили экзамены, и только въ іюнѣ 1813 года насъ произвели въ офицеры, камеръ-пажей въ гвардію, а пажей въ армію. Хоть и написано въ стихахъ: „нѣтъ счастья на землѣ—на небесахъ оно“, но это невѣрно, счастье и блаженство есть:—оно въ чинѣ прапорщика въ офицерскомъ мундирѣ; надѣвъ его, прапорщикъ не слышитъ земли подъ собой, а на гуляньѣ восторгъ его не знаетъ предѣла, такъ какъ въ воображеніи своемъ онъ увѣренъ, что всѣ только на него и глядятъ.

Послѣ производства мы откланялись Императрицамъ, были угощены и получили подарки.

Назначеніе наше послѣдовало не прямо въ полки, а въ формировавшіеся резервные баталіоны, расположенные близъ блокированной нашими войсками крѣпости Модлинъ; при чемъ произведеннымъ въ офицеры разрѣшено было заѣхать къ родителямъ, съ тѣмъ, чтобы въ мѣсячный срокъ явиться въ м. Свенцяны, гдѣ собирались кадры для формировавшихся резервовъ. Такой краткій

---

[1]) „Оставайтесь, мой милый, вѣдь слишкомъ холодно“. пер. А. Б.

срокъ заставилъ меня поспѣшить къ отцу, жившему въ своемъ новосильскомъ имѣніи Котельномъ. Лишившись матери, когда мнѣ было только два года, семья наша состояла кромѣ отца и сестры 19 лѣтъ, жившей при немъ въ Котельномъ, еще изъ брата 18 л., выпущеннаго изъ пажей въ офицеры въ концѣ 1812 года, въ полкъ родственника по матери, генерала Мещеринова, но вмѣстѣ съ пріѣздомъ моимъ къ отцу, было получено извѣстіе, что братъ Андрей тяжело раненъ подъ Бауценомъ и лѣчится въ госпиталѣ въ г. Бунцлау.

Грустно было разставаться съ родными послѣ столь кратковременнаго пребыванія у нихъ, но надо было спѣшить въ армію. Меня снарядили, надѣли кожаный поясъ съ тремя стами полуимперіаловъ и со слезами проводили въ дорогу, изъ Орла на Черниговъ, Бобруйскъ въ Гродно. Изъ Чернигова до Бобруйска почти вся дорога шла лѣсами; на одной станціи, смотритель совѣтовалъ мнѣ переночевать, говоря, что въ лѣсу по ночамъ пошаливаютъ. Со мной было два человѣка, изъ нихъ одинъ немолодой, служившій въ Пажескомъ корпусѣ дядькой на нѣсколькихъ пажей; было ружье, пара пистолетовъ, сабля и топоръ; молодость не знаетъ страха, кровь горяча, жизнь сильна и въ смерть не вѣритъ, а опасность сама ищетъ. Я не согласился ночевать—ночи іюньскія коротки, оружіе есть—сѣлъ въ повозку, и катай ямщикъ. Стало темнѣть; не доѣзжая пяти верстъ до слѣдующей станціи, лѣсъ сдѣлался гуще, и усталыя лошади едва тащились шагомъ по песчаной дорогѣ; какъ вдругъ изъ кустовъ выскочила темная фигура и схватила за поводъ коренную лошадь, которая уперлась и стала пятиться назадъ. Выхвативъ пистолетъ, я закричалъ: пусти или убью. Разбойникъ началъ свистать, изъ чащи послышался шумъ; тогда я выстрѣлилъ между коренной и пристяжной, мимо, боясь задѣть лошадь; фигура отшмыгнула въ лѣсъ; я выскочилъ изъ повозки съ саблей и другимъ пистолетомъ, бросился за ней; однако окликъ дядьки:—куда вы, въ лѣсу васъ убьютъ, садитесь скорѣе—меня образумилъ—и то правда—ускачемъ. Ямщикъ сталъ гнать лошадей, и мы прискакали на станцію, гдѣ смотритель мнѣ объявилъ, что наканунѣ на этомъ перегонѣ былъ ограбленъ проѣзжій.

Черезъ Бобруйскъ и Борисовъ я пріѣхалъ въ Свенцяны, гдѣ собирались кадры для формированія резервовъ. Отсюда мы вскорѣ двинулись и, пройдя границу, переправой черезъ Бугъ, пришли подъ Модлинъ въ предмѣстье его Новый дворъ, гдѣ былъ расположенъ формирующійся нашъ баталіонъ, командиромъ котораго былъ полковникъ Гурко; въ этотъ же баталіонъ поступали раненые и выздоравливающіе офицеры нашего полка; обучались поступаю-

щіе въ баталіонъ рекруты; и отъ баталіона же выставлялись караулы на пространство противъ угла, образуемаго сліяніемъ Вислы съ Наревомъ, составлявшимъ сильный кронверкъ крѣпости Модлинъ и находившимся въ разстояніи версты отъ нашей стоянки въ м. Новый дворъ, на концѣ площади котораго насыпанъ былъ высокій земляной валъ, защищавшій площадь отъ выстрѣловъ. На этой же площади былъ костелъ съ башней, изъ которой были отчетливо видны противолежащіе верки крѣпости, что дало мнѣ возможность, по порученію, удачно снять планъ западной и южной части крѣпости. Линія нашихъ часовыхъ находилась отъ кронверка саженяхъ въ 400; мѣстность была ровная, гладкая съ небольшой покатостью къ крѣпости; непріятельскіе часовые были ясно видны на валу, намъ слышны были ихъ голоса и музыка ихъ, игравшая по вечерамъ; а такъ какъ у насъ не было пушекъ, то они насъ нисколько не боялись. Когда мнѣ впервые пришлось идти содержать ночью цѣпь, я, выждавъ, пока стемнѣетъ, вышелъ со взводомъ на сто сажень впередъ и разставилъ втихомолку цѣпь изъ парныхъ часовыхъ, съ приказаніемъ говорить только шопотомъ, въ виду находящейся отъ насъ въ ста саженяхъ ихъ цѣпи, которая какъ только услышитъ у насъ какой-либо шумъ, тотчасъ давала знать въ крѣпость и оттуда, зная у насъ отсутствіе артиллеріи, угощали насъ ядрами и картечью. Получивъ докладъ отъ унтеръ-офицеровъ, что вся цѣпь разставлена отъ Вислы до Нарева, я присѣлъ къ маленькому кусту и не помню какъ заснулъ; только чуть стало разсвѣтать, я насилу былъ разбуженъ унтеръ-офицеромъ, просившимъ меня поскорѣе уходить за валъ, чтобъ не попотчивали картечью. Стоянка наша могла называться мирной: мы безъ орудій не могли ихъ атаковать, а они по малочисленности не дѣлали вылазокъ.

Рота, въ которой я состоялъ, была расквартирована въ полуверстѣ сзади мѣстечка. Однажды ночью въ то время какъ я спалъ раздѣтымъ, вдругъ забили сборъ. Лишь только я спустилъ съ кровати ноги, какъ смекнулъ, что въ избѣ вода; живо одѣвшись, сѣлъ на лошадь—вижу, что солдаты переходятъ ручей выше пояса въ водѣ; вмѣстѣ съ ними я переѣхалъ на незалитой берегъ, гдѣ и собрался весь баталіонъ, и какъ стало разсвѣтать, то увидѣли, что уголъ между Вислой и Наревомъ и площадь въ Новомъ дворѣ составляютъ одну сплошную массу воды, которая безпрестанно прибавлялась. Верстахъ въ двухъ позади были довольно высокіе холмы, покрытые лѣсомъ, насъ повели туда и, выбравъ удобное мѣсто, мы расположились на бивуакахъ, съ которыхъ при восходѣ солнца мы увидѣли, что вода подходитъ все ближе къ холмамъ и, наконецъ, обошла ихъ справа и слѣва, такъ, что къ вечеру мы очутились на

островѣ, вокругъ котораго вода разлилась верстъ на сорокъ. Избы въ деревнѣ залило съ крышами—кой-гдѣ торчали изъ воды однѣ трубы; жители тоже спасались на крышахъ, откуда на лодкахъ переправлялись на островъ, на которомъ мы расположились. Оказалось, что вода залила всю низменную окрестность между Вислой и Наревомъ, такъ что холмы, на которыхъ мы стояли бивуакомъ три недѣли, были какъ на островѣ. Островъ этотъ былъ версты на двѣ въ длину, а въ ширину отъ пятидесяти до двухсотъ саженъ; всѣ зайцы и лисицы собрались туда гонимыя водой—охота была отличная и производительная. Разливъ рѣки Вислы продолжался почти три недѣли, и когда къ концу августа вода опала, рѣки вошли въ берега, мы возвратились на свои квартиры.

Въ началѣ сентября получено было предписаніе выслать изъ резерва двѣ сильныя роты въ каждый гвардейскій полкъ для пополненія убыли, понесенной въ Кульмскомъ сраженіи, состоявшей изъ 30 офицеровъ и 800 нижнихъ чиновъ. Все встрепенулось, обрадовалось, выбрали 700 человѣкъ, раздѣлили на двѣ роты по 350; командовать одной назначенъ капитанъ Диринъ, а такъ какъ всѣ хотѣли идти въ дѣйствующую армію, то на другую согласились бросить жребій, по которому мнѣ, младшему прапорщику, судьба поблагопріятствовала, и я назначенъ былъ вести роту. Со всѣхъ гвардейскихъ полковъ составился порядочный отрядъ, порученный генералу Кошелеву. Когда всѣ собрались 2 сентября въ Варшаву, мы на другой день выступили въ походъ. И вотъ мнѣ, прапорщику, только-что выпущенному три мѣсяца изъ камеръ-пажей, пришлось вести роту въ 350 человѣкъ изъ Варшавы на Рейнъ черезъ всю южную Германію отдѣльно, не видавъ въ глаза ни одного начальника до самаго Фрейбурга. Дабы не обременять жителей, каждой ротѣ особо данъ былъ отдѣльный маршрутъ—мнѣ на Бреславль, черезъ Силезію, Богемію, Баварію. Вездѣ насъ отлично принимали, а въ Мюнхенѣ, гдѣ русскихъ раньше не видали, приняли насъ какъ освободителей съ особымъ радушіемъ. И я, прапорщикъ, черезъ всю Германію провелъ роту до Рейна, съ титуломъ: Herr Capitaine. Первый этотъ мой походъ былъ отличный и совершенъ благополучно, несмотря на мои шестнадцатилѣтнія проказы. Идя по назначенному маршруту, я располагался, какъ хотѣлъ и дѣлалъ дневки, гдѣ мнѣ вздумалось; и вытребовавъ форшпанки [1]), дѣлалъ иногда въ одинъ день два перехода. У насъ не было ни казначея, ни расходовъ, а вездѣ все получалось подъ росписки, по которымъ впослѣдствіи правительство расплачивалось. За Фрейбургомъ, гдѣ

[1]) Подводы. Замѣтка А. Б.

Императоръ сдѣлалъ смотръ всѣмъ собравшимся гвардейскимъ резервамъ, мы сошлись съ арміей и вступили въ полки около новаго года; а 1 января 1814 года перешли въ Базелѣ Рейнъ и вступили во Францію. Въ тотъ же день перешли Рейнъ—корпусъ генерала Сакена—кажется, во Франкфуртѣ и прусская армія подъ командой Блюхера—въ Кобленцѣ. Въ этотъ день холодъ былъ до 15 градусовъ мороза, по Рейну шелъ ледъ, и поля были покрыты снѣгомъ. Пройдя верстъ 15 отъ Базеля, армія остановилась на бивуакахъ; и тутъ только я узналъ, что такое походъ и война: черезъ всю Германію была только пріятная прогулка, а на снѣгу въ 15 градусовъ мороза мнѣ показалось очень даже непріятно. Грѣясь у костра и распивай чай, офицеры подтрунивали надо мной и спрашивали: „что, Казаковъ, хорошо ли это, какъ тебѣ нравится, ты просился на войну—гдѣ же лучше, здѣсь или въ Пажескомъ корпусѣ“.

Тутъ же къ нашей арміи присоединились и австрійскія войска; общая команда надъ всѣми, по политическимъ соображеніямъ, была предоставлена фельдмаршалу графу Шварценбергу, хотя самъ Императоръ нашъ былъ въ главной квартирѣ при гвардейскомъ корпусѣ. Такъ какъ на пути къ Парижу находилась первоклассная крѣпость Бельфоръ, и предположено было ее обойти, то мы пошли на Везуль и Лангръ. Передъ нашей арміей была небольшая часть французскихъ войскъ, которая ретировалась даже безъ выстрѣла.

Два перехода за Лангромъ мнѣ дали командировку—отвезти больныхъ въ г. Лангръ и сдать ихъ въ устроенный тамъ госпиталь. Кто бывалъ въ походахъ, тотъ знаетъ, какъ непріятны такія командировки; но дѣлать нечего—больныхъ посадили, положили на забранныя реквизиціей подводы и, получивъ отъ полкового адъютанта Панютина бумаги, я сѣлъ на лошадь свою и отправился съ больными, которыхъ сдалъ благополучно; а затѣмъ вытребовалъ себѣ квартиру, гдѣ, поблагодаривъ хорошаго человѣка хозяина, накормившаго меня и мою верховую лошадь, переночевалъ и на другой день отправился догонять полкъ. Въ эту поѣздку мнѣ много способствовало знаніе французскаго языка.

Въ приказахъ по арміи былъ строго запрещенъ грабежъ (какъ бываетъ въ непріятельской землѣ), и велѣно было обращаться какъ можно осторожнѣе съ огнемъ. Все это прекрасно, но неисполнимо: какъ только армія приходитъ на мѣсто, назначенное для ночлега, тотчасъ наряжаются команды для фуражировки, за кормомъ для лошадей, за дровами, соломой, водою—не есть ли это тотъ же

грабежъ—и близъ лежащія селенія около сто тысячной арміи, ночующей на бивуакахъ, оказываются разоренными и разграбленными, несмотря ни на какіе приказы. Назначается офицеръ, съ каждой роты по унтеръ-офицеру и 25 рядовыхъ, что составитъ человѣкъ 300 съ полка. Команда идетъ въ порядкѣ до селенія, гдѣ всѣ распускаются для поисковъ нужнаго и необходимаго. Жители большею частью уходятъ или скрываются. Спрашивается: какъ сохранить порядокъ тамъ, гдѣ селеніе растянуто на полуверстѣ, да еще, какъ это большею частью случается, въ ночное время. Первые пришедшіе на бивуакъ скоро и легко достаютъ нужное, а послѣдніе, по неволѣ должны вмѣсто соломы стаскивать крышу, а на дрова избы разбирать; можно ли усмотрѣть, чтобъ они не пошершили и не стянули бы чего вовсе ненужнаго. Мнѣ случилось разъ зимой, въ небольшой деревушкѣ, почти разграбленной, видѣть, какъ стащили соломенную крышу съ одной избы, въ которой помѣстился нашъ главнокомандующій Барклай, и каково же было мое положеніе, когда онъ вышелъ поспѣшно изъ избы и сталъ смотрѣть, какъ снимаютъ солому и стропила, которыя зимой не нужны, такъ какъ дождя не бываетъ. Когда же жандармы и казаки стали сгонять съ крыши фуражировъ, то Барклай, смѣясь, приказалъ ихъ не трогать, чтобъ не замерзли и не остались бы безъ пищи. Не есть ли это чистый, систематически организованный разбой и грабежъ, котораго нѣтъ возможности избѣжать. Когда армія наша проходила Шампань и Эпернэ, фуражиры нерѣдко прикатывали, вмѣсто воды, бочки съ виномъ. Скотъ былъ брошенъ по полямъ и деревнямъ, такъ что мяса иногда бывало очень много и рѣзались такія коровы красавицы, которыхъ трудно нарисовать; а начальники, отъ которыхъ поступали строжайшія приказанія—не жечь и не грабить,—преспокойно кушали чудную говядину, сваренную въ хорошемъ винѣ. Вотъ неизбѣжные плоды войны, всею тягостью ложащіеся на несчастныхъ жителей, на поля которыхъ приводятъ армію по научнымъ, тактическимъ и стратегическимъ распоряженіямъ. Это есть великая война, а разбойничанье—малая.

До г. Труа мы дошли безъ сраженій; первое сраженіе было подъ Бріенномъ, городъ, гдѣ Наполеонъ получилъ образованіе, онъ же его и защищалъ. Сраженіе не было ни выиграно, ни проиграно: обѣ стороны удержались на своихъ позиціяхъ. Въ сумерки мнѣ пришлось опять идти на фуражировку; командировка эта—самая горькая и несчастная. Распустивъ команду и назначивъ сборное мѣсто, остался я съ однимъ только старшимъ унтеръ-офицеромъ. Увидя, что въ костелѣ по окнамъ мелькаютъ огоньки, я вошелъ въ него; тамъ была толпа солдатъ, которые „шершили“ (ихъ терминъ) отъ слова—chercher.

Въ пылу негодованія я сталъ кричать: выходи вонъ, что вы забыли, что это храмъ Божій или вы нехристи... Огоньки мигомъ потухли и послышался гласъ, не съ небеси, а съ хоръ: „убирайся самъ скорѣе, а то вылетишь въ окно". Какъ пріятно слышать такія рѣчи. Унтеръ-офицеръ сказалъ: „уйдемте, ваше благородіе, тутъ сбродъ цѣлой арміи, а нашихъ нѣтъ". Вотъ оборотная сторона медали для чина прапорщика.

Не доходя немного до Ножана, мы услыхали пальбу, но вмѣсто того, чтобъ поспѣшить туда на помощь, насъ остановили и вскорѣ повели назадъ на прежніе бивуаки; причиной тому было—полученное въ главной квартирѣ извѣстіе, что Наполеонъ разбилъ Блюхера и заставилъ его отступить; потомъ бросился на Сакена, напалъ въ расплохъ, разбилъ отрядъ генерала Олсуфьева и взялъ въ плѣнъ подъ Лаономъ генерала Сенъ-При. Такъ какъ къ Парижу наступало три арміи, которыя старались концентрироваться, чтобъ въ одно время подступить, то Наполеонъ, допустивъ ихъ ближе, разбилъ по одиночкѣ и бросился подъ Ножаномъ на нашъ авангардъ, который долженъ былъ ретироваться, вслѣдствіе чего заставилъ и нашу главную армію, состоящую изъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ и изъ прусской и австрійской гвардіи—поспѣшно отступать, насѣдая на нашъ аръергардъ такъ, что, отступая, мы не успѣвали варить пищу и по той же дорогѣ дошли опять до Лангра и Везуля. Пруссаки шли вмѣстѣ съ нами, и ихъ солдаты разговаривали съ нашими. Пруссаки говорили намъ: „нахъ Москау", на что русскіе отвѣчали:—нѣтъ, братъ, прежде пойдемъ нахъ Берлинъ. Съ австрійцами такого ладу не было, а на фуражировкахъ бывали и драки. Такимъ образомъ мы очень поспѣшно ретировали, чтобъ не сказать бѣжали отъ Наполеона; и дойдя до Лангра, всѣ полагали, что отступимъ за Рейнъ. Но переночевавъ въ Лангрѣ, насъ двинули вправо, а противъ Наполеона на шоссе былъ оставленъ сильный кавалерійскій отрядъ подъ командою генерала Винцингероде, который долженъ былъ ретироваться до Базеля на Рейнѣ. Армія же наша изъ Лангра, оставивъ шоссе, двинулась форсированнымъ маршемъ двумя колоннами впередъ, по приведенной на картѣ линіи, черезъ Шампань на Мо и на Парижъ. Наполеонъ попался на эту штуку: онъ сдѣлалъ два перехода за Винцингероде къ Рейну, а мы два большіе перехода къ Парижу. Такой рискованный фланговый маршъ, конечно не Шварценбергомъ былъ придуманъ, а самимъ Императоромъ и начальникомъ его штаба Дибичемъ. Въ приказахъ было отдано, чтобъ не было отсталыхъ—и дѣйствительно ихъ не было. Противъ насъ не было никакого войска, и только подъ Феръ-Шампенуазѣ мы перерѣзали путь шести тысячамъ конскриптамъ подъ

командой маршала Сульта [1]). Кавалерія наша, составлявшая нашъ авангардъ, тотчасъ атаковала ихъ, но они построились въ каре и отбили нашихъ казаковъ. Французы стали ретироваться; армія, шедшая двумя колоннами, была растянута болѣе, чѣмъ на десять верстъ; потребовали тѣ полки кавалеріи, которые были въ головѣ колоннъ и по мѣрѣ прибытія ихъ—на рысяхъ пускали въ атаку; но безуспѣшно: непріятель выдерживалъ кавалерійскія атаки и ретировался въ порядкѣ, пока не подошла артиллерія и картечными выстрѣлами разстроила каре. Отступленіе французовъ обратилось въ бѣгство; кавалерія преслѣдовала, рубила и брала много въ плѣнъ, но усталая послѣ форсированнаго марша въ сумерки остановилась, а армія только къ вечеру дошла до Феръ-Шампенуаза. Послѣ перехода черезъ Мо, тамъ оставленъ былъ корпусъ, чтобъ удержать Наполеона, который, видя невозможность не только удержать, но и догнать нашу армію, поворотилъ на Фонтенебло. Сакенъ и Блюхеръ также подходили къ Парижу и 17 марта остановились близъ Парижа: гвардейскій корпусъ у Belleville и деревни Pantin на шоссе, гренадеры—лѣвѣе Buttes Chaumont; Сакенъ противъ canal de l'Ourcq, Блюхеръ—около Montmartre.

Вечеромъ мнѣ прислали нарядъ: 18 утромъ къ разсвѣту явиться въ корпусную квартиру на ординарцы къ генералу Ермолову. Не могу дать себѣ отчета, былъ ли я доволенъ этимъ назначеніемъ или нѣтъ, кажется, что я бы лучше желалъ быть во фронтѣ, полкъ какъ-будто своя семья, и на людяхъ и смерть красна, а ординарецъ— извѣстное дѣло—его разсылаютъ всюду и не берегутъ, какъ адъютантовъ. Форма ординарца очень проста, какъ и походная: сюртукъ, фуражка, шарфъ и ногайка—необходимое орудіе для лошади.

18 марта рано утромъ явился я къ Ермолову:—къ вашему превосходительству отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка на ординарцы присланъ. „Какъ ваша фамилія"?—Прапорщикъ Казаковъ. „А, любезный, ты изъ камеръ-пажей, да я и съ отцомъ твоимъ знакомъ— смотри—будемъ нынче хлопотать и трудиться, а завтра можетъ

---

[1]) Въ записки эти видимо писанныя на память, спустя много лѣтъ, при отсутствіи матеріала для провѣрки—могли вкрасться неточности, расходящіяся съ военной хронологіей, такъ, напр.: въ запискахъ ничего не говорится о происходившемъ 9 марта, за четыре дня передъ Феръ-Шампенуазомъ,—сраженіи всей арміи Шварценберга съ Наполеономъ при Арсисъ-сюръ-Объ; а въ сраженіи при Феръ-Шампенуазѣ упоминается здѣсь лишь о 6.000 новобранцахъ маршала Сульта, а не о корпусахъ Мармона и Мортье съ 23.000 человѣкъ при 84 орудіяхъ, какъ это значится въ военной исторіи; или авторъ перепуталъ или же отсутствовалъ, находясь гдѣ-либо въ арьергардѣ.

Примѣч. А. Безгина.

быть и отдыхъ—и въ Парижѣ побываемъ".—Да, ваше превосходительство, если не убьютъ. „Ну это кому что придется".

Сѣвъ на лошадь, генералъ поскакалъ по шоссе къ Бельвилю, гдѣ на лѣвой рукѣ, на довольно большой возвышенности стоялъ Бельвильскій замокъ, откуда верстахъ въ двухъ былъ виденъ Парижъ; внизу этой возвышенности расположены: деревня Пантенъ, черезъ которую идетъ шоссе по ровной и гладкой равнинѣ до самаго города и предмѣстье Ла Виллетъ, отъ которой тянутся сады съ каменными оградами каждаго хозяина; за ними высота эта продолжается въ видѣ полукруга и кончается въ полуверстѣ отъ города уступами, въ которыхъ были карьеры (каменоломни) Бюттъ Шомонъ. Непріятель занималъ деревню Пантенъ, Бельвиль и Бюттъ Шомонъ и окраину города до высоты Монмартра. Наша и прусская гвардія составляли центръ, гренадерскій корпусъ—лѣвый флангъ корпусъ Сакена—правый флангъ, а фельдмаршалъ Блюхеръ—еще правѣе, противъ Монмартра.

18 марта, въ шестомъ часу утра на крайнемъ правомъ и лѣвомъ флангахъ началась пальба, а въ центрѣ началась атака. Авангардъ нашъ вытѣснилъ непріятеля изъ Бельвиля и деревни Пантенъ; тогда непріятельскіе стрѣлки заняли сады за деревней, расположенные вдоль бельвильской высоты, за которой не очень крутой покатостью начинались Бюттъ Шомонъ. По выбитіи непріятеля изъ ближайшихъ садовъ, онъ занялъ Шомонскую высоту и каменоломни, которыя полукругомъ тянулись отъ Бельвиля къ Парижу. Сады деревни Пантенъ составляли сильную позицію, будучи огорожены каменными стѣнками частныхъ владѣльцевъ, служившихъ удобной защитой непріятелю. По очищеніи бельвильской высоты, Императоръ съ блестящею свитой занялъ ее; и все сраженіе отъ Бюттъ Шомонъ до Монмартра было видно намъ какъ на планѣ. За деревней Пантенъ на шоссе была непріятельская батарея, которая не дозволяла нашимъ войскамъ дебушировать на поле, такъ какъ направо и налѣво тянулись сады съ каменными стѣнами, а улица имѣла видъ ущелья, черезъ которое едва можно было пройти. Императоръ, желая дать случай прусской гвардіи отличиться, приказалъ генералу Ермолову атаковать и взять батарею. Меня отправили съ приказаніемъ. Какъ только я доложилъ генералу—то прусаки закричали „ура!" и колонной повзводно, съ музыкой какъ на ученьи вышли изъ-за горы и вступили въ улицу. Длина всей улицы была саженъ во сто. Батарея открыла учащенный огонь, но пруссаки бросились впередъ бѣгомъ съ крикомъ „ура!" и несмотря на значительныя потери, взяли ее и тѣмъ заставили непріятеля ретироваться къ Парижу и на Бюттъ Шомонъ. По очищеніи прусскою гвардіей

деревни Пантенъ и взятіи батареи, стрѣлковая цѣпь быстро двинулась впередъ, тѣсня непріятельскую. Пруссаки возвратились за деревню, чтобъ не терять напрасно людей; и наша гвардія встрѣтила прусскую—восторженнымъ „ура!“ въ отплату имъ за то, что они встрѣтили нашу гвардію послѣ Кульмскаго сраженія такимъ же „ура!“

Атака пруссаковъ и взятіе ими батареи были произведены на глазахъ Императора, продолжавшаго оставаться на Бельвилѣ, куда возвратившись, я уже не засталъ ген. Ермолова, поскакавшаго по направленію садовъ, въ которыхъ еще держались французскіе стрѣлки. Вдругъ слышу окликъ: „ординарецъ къ Императору“. Я подскакалъ и получилъ отъ Государя приказаніе къ ген. Ермолову, чтобы онъ занялъ Лэ Бюттъ Шомонъ, куда ретируются французы. Пробираясь около стѣнокъ садовъ, за полъ-версты лѣвѣе Бельвиля, я увидѣлъ баталіонъ пѣхоты, стоявшій развернутымъ фронтомъ, чтобъ не терять людей въ скученномъ строю. Генералъ Ермоловъ стоялъ съ небольшимъ конвоемъ казаковъ на лѣвомъ флангѣ баталіона. Я остановилъ лошадь передъ третьимъ рядомъ и докладываю генералу приказаніе; но такъ какъ стрѣлки наши выбили непріятельскихъ до послѣдней стѣнки и тѣ бѣгомъ отходили на покатость Шомонскихъ карьеръ, черезъ что стрѣльба шла безпрестанная, то генералъ закричалъ мнѣ: „подъѣзжай ближе“. Лишь только я тронулъ лошадь и миновалъ послѣдній рядъ, какъ ядро выбило всѣхъ трехъ человѣкъ, стоявшихъ одинъ за другимъ въ третьемъ ряду. „Ну я тебя спасъ“, сказалъ Ермоловъ. Выслушавъ приказаніе Государя взять Шомонскія карьеры, онъ велѣлъ вызвать стрѣлковъ налѣво и густою цѣпью атаковать высоты, и самъ въ шляпѣ съ султаномъ и въ лентѣ поѣхалъ на лѣвомъ флангѣ стрѣлковъ, приказывая наступать впередъ и впередъ. Пули сыпались, ранивъ двухъ казаковъ; изъ его ординарцевъ оставался я одинъ, другой Финляндскаго полка Корсаковъ былъ имъ куда-то усланъ; тогда, я еще въ духѣ камеръ-пажа, говорю ему:—ваше превосходительство, вы составляете цѣль, двое изъ вашего конвоя уже убиты, и меня уколотятъ, а мнѣ хотѣлось бы побывать въ Парижѣ. „Ну молчи—еще молодъ, а ступай скорѣе доложи Государю, что я сейчасъ возьму Лэ Бюттъ Шомонъ и проси прислать батарейную батарею и Семеновскій и Преображенскій полки“. Я поскакалъ во весь карьеръ и полверсты пришлось скакать подъ выстрѣлами непріятельской цѣпи до каменнаго забора, гдѣ былъ переулокъ. Только-что подскакалъ къ повороту, какъ изъ самаго переулка выскакиваетъ легкое конное орудіе въ четыре лошади, поворотившее налѣво, такъ, что моя лошадь ударившись въ лафетъ или спотыкнувшись, упала на лѣвый бокъ, такъ

неожиданно для меня, что лѣвая моя нога осталась подъ нею и заднее колесо орудія переѣхало черезъ нее позади переднихъ ногъ и прошло такъ близко около моего носа, что оторвало ремень отъ ногайки, висѣвшей у меня черезъ плечо. По миновании этой опасности, лошадь моя вскочила, и я всталъ цѣлъ и невредимъ, и тутъ я только узналъ, что это непріятельское орудіе, удирающее отъ кучки казаковъ. Видя, что лошадь моя не жалуется ни на что, я сѣлъ опять и поѣхалъ на бельвильскую высоту, гдѣ находился Императоръ.

Бельвильская высота сзади садовъ дер. Пантенъ поднимается уступомъ саженъ на восемь и такъ крута, что на нее пѣшкомъ нельзя взобраться, а надо объѣзжать на полверсты къ шоссе, откуда она поднимается длинною пологостью, за которою былъ перевязочный пунктъ, гдѣ, проѣзжая мимо, я видѣлъ, какъ отрѣзывали ногу офицеру, барону Корфу, въ то время какъ тотъ курилъ трубку изъ длиннаго чубука. Взобравшись на высоту, я поскакалъ къ свитѣ и доложилъ ген. Дибичу о порученіи генерала Ермолова. Императоръ, узнавъ меня, спросилъ: „что такое?“. Когда я доложилъ, что просятъ въ подкрѣпленіе Преображенскій и Семеновскій полки, Государь отвѣтилъ: „Нѣтъ!—лейбъ-Гренадерскій и Павловскій полки, а батарейной батареѣ, по занятіи Бюттъ Шомонъ, открыть огонь по городу“. Я поскакалъ къ резерву, гдѣ находилась батарея. Командующій оною полковникъ Таубе записалъ мою фамилію, вывелъ батарею на шоссе и приказалъ прислугѣ сѣсть на лафеты и передки, а мнѣ указать, гдѣ генералъ Ермоловъ и куда вести батарею. Крупной рысью понеслись мы по шоссе черезъ деревню Пантенъ, проѣхавъ которую, взяли налѣво полемъ на Бюттъ Шомонъ. Высота эта была уже очищена отъ непріятеля, и стрѣлковая цѣпь наша, какъ бы на ученьи, подвигалась къ предмѣстью города. Взобравшись на высоту, гдѣ Парижъ былъ виденъ въ полуверстѣ, какъ на ладони, батарея выстроилась и открыла огонь по городу.

На правой сторонѣ шоссе за дер. Пантенъ была ровная мѣстность до Монмартра; тамъ корпусъ Сакена велъ атаку, подавая руку пруссакамъ, атакующимъ Монмартръ. Лейбъ-гренадеры и Павловскій полки, разсыпавъ стрѣлковую цѣпь, двигались къ городу. За версту была видна атака французской кавалеріи на стрѣлковую цѣпь, которая отстрѣливалась, собираясь въ небольшія кучки, а проскакавшіе въ промежутки французы были атакованы нашими гусарами, которые порядочно порубили ихъ; все это было исполнено какъ бы на ученьи или на маневрахъ.

Оставивъ батарею, громившую городъ, я поскакалъ сзади нашей цѣпи и нашелъ генерала Ермолова на шоссе, проѣзжавшаго возлѣ

двухъ орудій, посылающихъ одно за другимъ ядра въ палисады, устроенные шаговъ на двѣсти позади предмѣстья на поперечной улицѣ.

День клонился къ вечеру; было уже 4 часа; цѣпь наша дошла до самыхъ домовъ; французы убрались за укрѣпленную поперечную улицу; изъ домовъ продолжались выстрѣлы, а наши выбивали изъ нихъ оставшихся и шершили по домамъ.

По открытіи съ Бютт Шомонъ огня, снаряды долетали до средины города;—противъ батареи показалось бѣлое знамя; батарея прекратила стрѣльбу, и парламентеръ былъ отправленъ къ Императору. Вскорѣ прискакали адъютанты съ приказаніемъ прекратить сраженіе. Генералъ послалъ меня по цѣпи съ распоряженіемъ остановиться и не стрѣлять, но люди были слишкомъ возбуждены и все выпускали заряды.

Здѣсь приходится описать мѣстность, чтобъ понять эпизодъ, происшедшій неожиданно. Съ правой и съ лѣвой стороны дороги начинались каменные трехэтажные дома, выдающіеся саженъ на 200 отъ окружающей городъ улицы. Дома, какъ видно, недавно выстроенные и не совсѣмъ еще отдѣланные, были сзади обнесены огородами и всѣ вмѣстѣ составляли выступъ изъ города. Съ правой стороны, за домами подъ прямымъ угломъ къ улицѣ, оставалось поле, гдѣ находился Уркскій каналъ и его резервуаръ Ла-Виллетъ, а позади его большая, высокая въ три яруса и широкая съ уступами башня, усѣянная солдатами. Генералъ расположился за домомъ по правой сторонѣ дороги, одно орудіе оставивъ на шоссе, другое поставилъ правѣе, такъ, чтобы можно стрѣлять въ башню. Когда стрѣльба совсѣмъ прекратилась (не знаю какъ другіе, но я былъ очень радъ, что остался живъ и не раненъ и что буду въ Парижѣ), генералъ уже хотѣлъ слѣзть съ коня, какъ съ башни послышался крикъ: mon general, approchez vous! venez! [1]). Генералъ выѣхалъ изъ-за угла и мы за нимъ, но какъ только показались, вдругъ съ башни раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и одинъ конвойный казакъ упалъ раненый; всѣ осадили за уголъ. Генералъ приказалъ подать фитиль, и орудіе грянуло картечью въ башню, съ которой полетѣло внизъ нѣсколько человѣкъ General, venez seul. Ce sont des ivrognes qui ont tiré,—venez seul nous vous garantissons sur l'honneur [2]). Онъ поѣхалъ одинъ и подъѣхалъ къ башнѣ. Они стали извиняться передъ нимъ. Генералъ имъ сказалъ, что парламентеры ихъ поѣхали въ Бельвиль къ Императору, и что война

---

[1]) Генералъ, приблизьтесь—пожалуйте.

[2]) Генералъ, пожалуйте одни. Это пропойцы стрѣляли, подъѣзжайте одни—мы честью ручаемся за вашу безопасность.

кончена. Возвратившись за домъ, генералъ Ермоловъ приказалъ спѣшиться и велѣлъ подать закуску. Не успѣлъ я взять кусочекъ хлѣба, какъ съ лѣвой стороны опять раздалось нѣсколько выстрѣловъ. „Казаковъ, поѣзжай туда—выгони этихъ мародеровъ". Приказъ—и исполняй его безъ отговорокъ. Я велѣлъ двумъ казакамъ ѣхать за мной, но генералъ сказалъ: „поѣзжай одинъ, иначе тебя убьютъ". Поѣхалъ и, поровнявшись съ поперечной улицей, гдѣ по стѣнамъ были разставлены солдаты, я, махая платкомъ, подъѣхалъ къ стѣнѣ и говорю имъ: Comme il y a armistice, et vos parlementaires sont auprès de l'Empereur, la guerre doit être finie. Je suis envoyé pour faire cesser les coups de fusils que l'on tire du côté gauche.—Peut-on parvenir par cette rue?—Oui mon officier [1]).

Я поѣхалъ шагомъ съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ и слышалъ не очень лестные отзывы о себѣ: Chien de russe—sacré b... de cosaquè! [2]): Это меня заставило остановиться и заговорить съ ними. Messieurs, que vous ai-je fait, que vous me traitez de la sorte—je remplis mon devoir, etant envoyé par mon général pour chasser ces maraudeurs, qui font la honte de l'armée.—„Tiens! il parle français—vous n'êtes donc pas russe?"—Si fait: russe jusqu'au bout des ongles.—„Excusez monsieur l'officier, cet homme qui se permet d'outrager sans rime ni raison—est une brute ou ivrogne".—Vous savez, qu'il y a armistice et que vos parlementaires sont auprès de l'Empereur [3]).

Проѣхавъ полъ-версты, тихимъ шагомъ, услыхалъ шумъ и говоръ влѣво, гдѣ были отдѣльныя строенія, и тамъ я увидѣлъ пѣхотнаго егеря, спорившаго съ мѣстнымъ жителемъ, который бросился ко мнѣ: Mon officier sauvez moi [4]). Я закричалъ егерямъ:—Что вы тутъ дѣлаете? Мародерничать! Сейчасъ вонъ! Гдѣ вашъ полкъ? Вонъ, негодяи! Маршъ! Они отправились задами. Тогда я обратился къ хозяину—donnez moi je vous prie un morceau de pain,

---

[1]) Такъ какъ заключено перемиріе и ваши парламентеры у Императора, то война должна быть кончена. Я посланъ прекратить ружейные выстрѣлы, раздающіеся слѣва.—Можно ли пробраться этой улицей.—Можно, господинъ офицеръ. Переводъ *А. Б.*

[2]) Русская собака ... казачій.

[3]) Что я вамъ сдѣлалъ, господа, что вы меня такъ третируете, я исполняю только свой долгъ, такъ какъ посланъ своимъ генераломъ прогнать мародеровъ, позорящихъ армію. „Э"! да онъ говоритъ по-французски, вы значитъ не русскій?—Русскій до ногтей.—Извините, г. офицеръ, человѣкъ тотъ, который позволилъ себѣ оскорбить васъ безъ всякаго повода—невѣжа или пьяница.—Извѣстно ли вамъ, что заключено перемиріе, и что ваши парламентеры находятся у Императора. *А. Б.*

[4]) Спасите меня, господинъ офицеръ.

je meurs de faim [1]). Онъ бѣжитъ и выноситъ мнѣ бѣлый хлѣбъ и миску бульона. Съ какимъ восторгомъ я съѣлъ это. Оглянувшись, я увидѣлъ возможность возвращаться назадъ полемъ позади всѣхъ строеній. Когда вернулся къ генералу, стало уже смеркаться. Онъ, сидя на диванѣ, попивалъ съ пріѣхавшими къ нему адъютантами шампанское, котораго притащили къ нему цѣлый ящикъ. Мнѣ также налили цѣлый стаканъ, но я и половины не могъ его выпить. Тутъ генералъ отпустилъ меня, и я въ потьмахъ отправился отыскивать полкъ, оставшійся на бивуакѣ около замка Бельвиль. Такимъ образомъ кончилось сраженіе подъ Парижемъ, который сдался вечеромъ 18 марта. Напившись чаю, усталый и измученный—я уснулъ какъ убитый.

Рано утромъ меня разбудили, и я, одѣваясь, былъ пораженъ необыкновенной картиной, которая никогда не исчезнетъ изъ моей памяти. Было 19 марта. Яркое весеннее солнце освѣщало удивительную панораму. Парижъ былъ виденъ какъ на ладони. Бивуакъ представлялъ необыкновенное зрѣлище: изъ замка, близъ котораго ночевалъ полкъ, было все вынесено—разставлено и разложено по всей горѣ:—повсюду видны были столы, стулья и диваны, на которыхъ лежали наши гренадеры; другіе на ломберныхъ столахъ чистили и бѣлили аммуницію; иные одѣвались и охорашивались передъ трюмо; ротные фельдшера брили солдатъ; другіе сами брились передъ огромными зеркалами и фабрили усы. Гудѣлъ говоръ несмѣтнаго множества людей; смѣхъ и радость отражались на всѣхъ лицахъ. Шутки и остроты такъ и сыпались. Кто смотрѣлъ въ зрительную трубу, говорилъ: славное мѣстечко, братцы, — хорошо бы тамъ пошершить; и зачѣмъ они сдались, мы бы тамъ похозяйничали. А старые гренадеры отвѣчали на это:—что вы врете, болваны, развѣ забыли строжайшій приказъ—не жечь, не грабить и не разорять ничего.

Рано утромъ потребовали въ полковую канцелярію ротныхъ писарей, и тѣ принесли оттуда приказы:—одѣться въ парадную форму; полку собраться къ 10 часамъ утра по правой сторонѣ шоссе у самаго города и въ полковой колоннѣ ожидать пріѣзда Императора. Въ 9 часовъ полкъ сталъ собираться внизу у д. Пантенъ въ колоннѣ. Нашъ полковой командиръ генералъ-маіоръ Потемкинъ молодцомъ подскакалъ къ полку, поздоровался и поздравилъ съ побѣдой и миромъ, заключеннымъ со временнымъ правительствомъ Парижа, провозгласившимъ паденіе Наполеона.

Еще наканунѣ вечеромъ, Государь послѣ сраженія объявилъ, что

---

[1]) Умоляю васъ дать мнѣ кусокъ хлѣба, я умираю съ голода.

онъ утвердилъ новую форму—рейтузы съ нашитыми красными лампасами и что самъ нынче явится въ ней; почему и приказалъ, чтобы полкъ былъ въ новой формѣ. Тогда генералъ Потемкинъ еще вечеромъ послалъ въ Парижъ полковаго казначея Лодомірскаго купить сукна, а ночью всѣмъ офицерамъ нашили лампасы. Послѣ привѣтствованія полка генераломъ Потемкинымъ, полковой адъютантъ Ѳедоръ Сергѣевичъ Панютинъ поскакалъ по баталіонамъ, вызывая г.г. офицеровъ пожаловать къ генералу; мы всѣ тотчасъ вышли къ нему; и генералъ благодарилъ насъ то, что мы всѣ были уже съ красными лампасами, а мы въ свою очередь поблагодарили его за присылку намъ алаго сукна, котораго сами мы не были въ состояніи достать.

Полкъ дѣйствительно былъ въ отличномъ состояніи и вышелъ какъ выходилъ на парадъ въ Петербургѣ. До Парижа было версты двѣ, когда полкъ по отдѣленіямъ двинулся направо по шоссе, но здѣсь предстала весьма непривлекательная картина: по всему пространству направо и налѣво было много неубранныхъ труповъ людей и лошадей, и валялись разбитыя орудія. Проходя мимо убитыхъ, солдаты набожно крестились и говорили: „Богъ не судилъ имъ видѣть торжество наше". Подходя къ первому дому, гдѣ вчера останавливался генералъ Ермоловъ, мы свернули вправо и, построившись во взводныя колонны, примкнули къ Преображенскому полку. Тутъ собрался весь гвардейскій корпусъ, прусская гвардія и часть австрійской. Главная квартира находилась въ нѣсколькихъ верстахъ далѣе деревни Пантенъ (не помню названія); когда изъ этой деревни показалась блестящая свита Государя, прусскаго короля и князя Шварценберга, послѣдовала команда: „Смирно; дирекція налѣво". Императоръ подъѣхалъ къ лѣвому флангу. На царское: „Здорово, ребята!" грянуло громкое „ура!" подвигавшееся по мѣрѣ приближенія Императора. Объѣхавъ полки, Государь скомандовалъ: „Къ церемоніальному маршу, повзводно, скорымъ шагомъ маршъ!" Барабаны забили, и музыка заиграла. Конвой заскакалъ впередъ; Государь и свита тронулись за нимъ. И 19 марта 1814 года войска вступили въ Парижъ. Погода была великолѣпная и теплая. На улицахъ народу было безчисленное множество; всѣ окна и балконы заняты были жителями съ флагами и цвѣтами. Торжество было во всей силѣ слова. Долго шли мы по улицамъ, потому, что шли повзводно на взводную дистанцію до самой площади Louis XV [1])—между Тюльирійскимъ садомъ и Champs-Elisées, гдѣ Императоръ остановился со свитою, пропуская шедшія церемоніальнымъ маршемъ

[1]) Нынѣ place de la Concorde. Прим. *А. Б.*

войска. Поровнявшись съ Государемъ, войска заходили повзводно лѣвымъ плечомъ въ аллею Елисейскихъ полей, гдѣ первая гвардейская дивизія остановилась на бивуакѣ въ куртинахъ, прочіе же полки проходили дальше за городъ, направляясь кружнымъ путемъ на Фонтенебло, куда прибылъ со своей гвардіею Наполеонъ. Стоянка наша была сносная. Тамъ было много ресторановъ, гдѣ мы въ первый разъ по вступленіи во Францію порядочно пообѣдали.

Въ 5 часовъ по полудни, меня отыскалъ адъютантъ и объявилъ мнѣ, что я назначенъ со взводомъ въ караулъ въ театръ la Grand Opéra, куда вечеромъ имѣетъ прибыть Императоръ. Такъ какъ я первое лицо въ полку съ лѣваго фланга, то съ меня всегда и назначался нарядъ. Генералъ Потемкинъ позвалъ меня и, отдавая приказаніе не опоздать, прибавилъ, что такъ какъ я недавно изъ камеръ-пажей, то Государь меня знаетъ, и я буду знать, что мнѣ нужно будетъ дѣлать въ караулѣ.

Я отправился со взводомъ въ театръ. Проходя черезъ Вандомскую площадь, я сдѣлался свидѣтелемъ странной сцены: на площади полной народа, двѣ пары воловъ тянули канатъ, зацѣпленный за бронзовую статую Наполеона, высящуюся на Вандомской колоннѣ. Тянули, тянули, но, несмотря на всѣ усилія и старанія погонщиковъ, не могли свалить статуи. Тогда какой-то любитель, взобравшись на колонну, закрылъ статую мѣшкомъ и тѣмъ удовлетворилъ неразумному желанію толпы, которая сама не знаетъ чего хочетъ. Толпа есть только орудіе въ рукахъ агитаторовъ или коноводовъ, управляющихъ толпой соразмѣрно своимъ выгодамъ. Я былъ поклонникомъ Наполеона I, его ума и великихъ всеобъемлющихъ способностей; а Франція, какъ пустая женщина и кокетка, измѣнила ему, забывъ его услуги,—что онъ, уничтоживъ анархію,—возродилъ всю націю, возвеличилъ и прославилъ ее своими удивительными побѣдами и реорганизаціей администраціи, чѣмъ справедливо заслужилъ титулъ: le Grand Napoleon!

Огромная толпа стояла на площади передъ le Grand Opéra, когда я пришелъ туда со взводомъ; каждый хотѣлъ достать билетъ, зная, что Императоръ будетъ въ театрѣ; давали, кажется—le Triomphe de Trajan. Только-что я устроилъ при входѣ караулъ, стали съѣзжаться начальники; въ числѣ ихъ пріѣхалъ генералъ Сакенъ, назначенный генералъ-губернаторомъ Парижа. Отдавъ ему честь, я получилъ приказаніе отобрать восемь человѣкъ изъ взвода и повести ихъ корридорами на маленькій подъѣздъ, куда подъѣдетъ Государь. Придя туда, я уже нашелъ тамъ восемь французскихъ жандармовъ съ карабинами. Корридоръ былъ аршинъ шесть ширины, а потолокъ

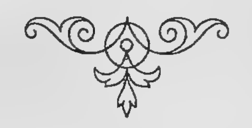
такъ низокъ, что гренадеры едва могли войти въ киверахъ безъ султановъ. Я бросился къ Сакену, спрашивая, какъ прикажетъ поступить. Сакенъ, войдя въ эту комнату, велѣлъ снять султаны, а ружья держать у ноги, и поставилъ насъ, съ правой стороны у входа съ подъѣзда, а жандармовъ, которые могли стоять и въ каскахъ и съ карабинами—съ лѣвой, мнѣ же приказалъ—двухъ часовыхъ приставить къ царской ложѣ и занять входы въ партеръ и на сценѣ, что я исполнилъ. На сценѣ меня приняли очень ласково и любезно директоръ Гардель и вся труппа. Всѣ любовались на молодцовъ гренадеръ, которыхъ я разставилъ по часовому у самой занавѣси и при входахъ сзади сцены. Тутъ я познакомился кромѣ директора,—съ Вестрисомъ, съ Тальмой, съ Баготини, съ мадемуазель Марсъ и съ прочими извѣстностями; вездѣ меня водили по сценѣ, и я любовался самъ на хорошенькихъ танцовщицъ. Въ оркестрѣ мнѣ дали кресло; театръ былъ уже полонъ, и входъ мой съ директоромъ въ оркестръ обратилъ взоры всей публики: l'officier de la garde! l'officier de la garde! и посыпались разспросы, но я учтиво отклонилъ ихъ, сказавъ, что я долженъ встрѣтить Императора при караулѣ. Доложивъ генералу, что часовые всюду разставлены, я спросилъ его, гдѣ мнѣ прикажетъ стать, и нужно ли мнѣ вынимать шпагу изъ ноженъ, когда караулъ будетъ стоять съ ружьями у ноги, онъ отдалъ мнѣ на все приказанія и прибавилъ: „по пріѣздѣ Государя, иди передъ нимъ, очищай входъ до самой ложи и отвори передъ нимъ дверь,—тебѣ это не мудрено—такъ какъ ты былъ камеръ-пажемъ, и Государь тебя знаетъ". Коляска подъѣхала. Я отворилъ дверь. Генералъ-губернаторъ встрѣтилъ его. Онъ вошелъ такимъ молодцомъ - красавцемъ, что и описать невозможно. Я стоялъ первымъ у него съ правой стороны и держалъ руку у кивера; взглянувъ на меня, онъ съ ангельской улыбкой сказалъ мнѣ:—„здравствуй"! Чуть-чуть, не бросился его обнимать, какъ это было во дворцѣ камеръ-пажемъ. Императоръ былъ мнѣ какъ отецъ, я его обожалъ и нисколько не конфузился. Къ жандармамъ Государь обратился со словами: „Bonjour mes enfants!"— Vive l'Empereur! воскликнули они. Гренадеры же наши громко и ясно отвѣтили:—„Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество".

При вступленіи Императора въ ложу, мнѣ право страшно стало отъ начавшихся тогда неумолкаемыхъ криковъ и бѣснованій публики. Наконецъ грянулъ оркестръ, и шумъ утихъ; я преспокойно отправился въ оркестръ и сѣлъ на указанное мнѣ мѣсто. Въ антрактахъ опять крики и бѣснованія. Зная, что Государь не будетъ ожидать конца піесы, я отправился къ своему посту и, какъ онъ

вышелъ изъ ложи, я также проводилъ его до особаго подъѣзда. По окончаніи спектакля, когда стали расходиться, я снялъ часовыхъ, и поблагодаривъ директора за приглашеніе приходить въ его ложу, отправился къ полку на бивуакъ. Утромъ офицеры разспрашивали меня, какъ и что было въ театрѣ. Я все разсказалъ; о самой же піесѣ ничего не могъ сказать, какъ только то, что я видѣлъ не тріумфъ Траяна, а тріумфъ—Императора Александра.

Сообщилъ Александръ Безгинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ статьѣ Г. А. Воробьева „Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, Митрополитъ Казанскій".

(Дополненіе и исправленіе хронологической неточности).

Въ апрѣльской книжкѣ (1907 г.) „Русской Старины" стр. 89—106 помѣщена статья Г. А. Воробьева „Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, Митрополитъ Казанскій".

Авторъ задался цѣлью охарактеризовать эту недюжинную личность, много поработавшую въ дѣлѣ просвѣщенія, на поприщѣ миссіи среди Казанскихъ инородцевъ и выяснить надлежащее отношеніе митрополита Веніамина къ народному движенію, охватившему Казанскій край въ 1773—1774 г. при приближеніи мятежныхъ шаекъ Пугачева.

Авторъ мастерски раскрываетъ фактъ невинности Святителя и подтверждаетъ совершенную неумѣстность какихъ бы то ни было обвиненій митрополита Веніамина въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Пугачевымъ.

Но не имѣя въ рукахъ печатныхъ свѣдѣній о послѣднихъ дняхъ земной жизни митрополита Веніамина, онъ не могъ въ законченной полнотѣ охарактеризовать нравственнаго облика этого выдающагося Святителя Русской Церкви и съ исторической достовѣрностью установить подлинный годъ его смерти.

Г. Воробьевъ болѣе характеризуетъ митрополита Веніамина, какъ мужественнаго и стойкаго воодушевителя казанцевъ въ дни отраженія пугачевскаго бунта. Но онъ сверхъ того еще былъ пастырь-молитвенникъ за казанцевъ.

Когда въ 1771 г. центральную Россію, Москву и ея окрестности поразила чума и затѣмъ перекинулась въ Казанскую епархію, начавъ здѣсь косить народъ,—преосвященный Веніаминъ велѣлъ принести въ Казань чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери

изъ Седміозерной пустыни, чтобы помолиться предъ нимъ объ избавленіи отъ ужасной болѣзни.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней самъ преосвященный и громадныя массы народа совершали усердныя моленія предъ чудотворнымъ образомъ—и этотъ единодушный молитвенный подвигъ пастыря и паствы отвратилъ моровое повѣтріе: чума пресѣклась, не причинивъ большого вреда ни Казани, ни ближайшимъ окрестностямъ [1]).

12-го іюля 1774 г. шайки Пугачева ворвались въ Казань. Началась ужасная бойня, неистовство и грабежъ. Не довольствуясь лавками и частными домами, дикая разбойничья орда врывалась въ храмы, расхищала церковную утварь, сдирала оклады съ иконъ и кощунственно глумилась надъ святыней. Городъ пылалъ въ огнѣ, а защитники его заперлись въ крѣпости. Страхъ смерти, ужасъ осады, нестерпимый жаръ отъ объявшаго крѣпость пламени снаружи и пожаровъ внутри, застилающіе глаза клубы ѣдкаго горючаго дыма, пыль, носящаяся столбами отъ поднявшагося сильнаго вѣтра и бури— все это производило паническій ужасъ въ сердцахъ осажденныхъ. Люди задыхались отъ жары, дыма и пыли. Всюду слышался вопль, стонъ, плачъ и рыданіе.

Между тѣмъ Святитель Казанской паствы въ это ужасное время молитвенно предстоялъ Богу за своихъ несчастныхъ пасомыхъ. Онъ не выходилъ изъ соборнаго Благовѣщенскаго храма, колѣнопреклоненно прося Господа о ниспосланіи скорой помощи осажденнымъ. Онъ въ это время являлъ собой образъ дивныхъ свѣтильниковъ Церкви Христовой, во имя любви презирающихъ опасности жизни и на крестѣ молитвы распинающихъ себя за спасеніе ближнихъ.

Когда стихла пальба мятежныхъ шаекъ, и Пугачевъ, ожидая болѣе удобнаго времени для взятія крѣпости отошелъ къ Арскому полю, митрополитъ Веніаминъ, не взирая на жаръ, дымъ и бурю, съ иконами и всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ пошелъ крестнымъ ходомъ внутри крѣпости кругомъ стѣнъ. Господь внялъ молитвѣ ревностнаго подвижника вѣры. Вскорѣ почувствовалось ослабленіе жары, вѣяніе прохлады, буря, пыль и дымъ прекратились, а на утро подоспѣла помощь Михельсона.

Таковъ былъ Святитель, какъ пастырь-молитвенникъ.

Но кромѣ того, это еще былъ пастырь-нестяжатель, пастырь, который, можно сказать, не имѣлъ за душой ни копѣйки (а не то, что 3.000 р., которыя онъ, якобы, переслалъ Пугачеву съ выраже-

---

[1]) Архивъ Седміозерной пустыни № 31-й. 1771 г.

ніемъ покорности и просьбой пощадить отъ разоренія Воскресенскій монастырь съ загороднымъ архіерейскимъ домомъ).

Свои пенсіонныя деньги 4.410 руб. онъ цѣликомъ почти употреблялъ на ту обитель, Седміозерную, гдѣ жилъ на покоѣ. Онъ на собственныя деньги отдѣлалъ золотомъ и красками иконостасъ въ теплой церкви [1]), щедро благотворилъ мѣстнымъ крестьянамъ, раздавая имъ хлѣбъ и овесъ [2]).

Когда митрополитъ Веніаминъ умеръ, его изъ личныхъ средствъ было нечѣмъ и не въ чемъ хоронить. Почти все, требующееся для похоронъ, было справлено на монастырскій счетъ [3]).

На похороны пріѣзжалъ архіепископъ казанскій Амвросій (Протасовъ) съ большой свитой и торжественно отпѣвалъ почившаго митрополита. Этотъ пріемъ архіепископа монастырь, за отсутствіемъ денежныхъ средствъ у покойнаго Святителя, опять-таки дѣлалъ на свой счетъ [4]). Митрополитъ Веніаминъ удалился на покой въ Седміозерную пустынь 17-го апрѣля 1782 г.

Здѣсь на его имя за весь періодъ 1782—1785 г. неоднократно присылались, какъ члену Св. Сvнода, извѣщенія изъ Сvнода о ходѣ Русской церковной жизни и порядкѣ церковныхъ дѣлъ. Архивъ Седміозерной пустыни за 1782—85 г. то и дѣло перемежается подобными извѣщеніями. Послѣ 1785 г. такія извѣщенія отсутствуютъ. Это первая данная, говорящая, что смерть преосвященнаго Веніамина послѣдовала не въ 1783 г., какъ думаетъ Воробьевъ, а гораздо позднѣе.

23-го іюня 1785 г. митрополитомъ Веніаминомъ былъ полученъ послѣдній указъ — извѣщеніе изъ Сvнода, но на этотъ указъ въ архивѣ Седміозерной пустыни, кажется, росписки преосвященнаго Веніамина въ полученіи уже не имѣется. Въ монастырской же вѣдомости за 1785 г. отъ 5-го іюня настоятельская вакансія (занимаемая пр. Веніаминомъ) числится праздною, а 9-го іюня того же года на нее былъ назначенъ игуменъ Касторій. Такимъ образомъ смерть Святителя падаетъ безусловно на 1785 г., и это должно считаться непреложной истиной. Мѣсяцъ и число точно установить нельзя. По преданію митрополитъ Веніаминъ скончался послѣ 21-го іюня [5]).

Преосвященный Веніаминъ былъ погребенъ въ холодной церкви у правой стѣны храма, впереди свѣчного ящика. Надъ гробомъ его

---

[1]) Архивъ Седміоз. пуст. 1787 г. № 9.

[2]) Ibidem.

[3]) ibidem... 1786 г. № 22.

[4]) Архивъ Седм. пуст. 1786 г. № 12.

[5]) Архивъ Сед. пуст. за 1785 г.

устроенъ деревянный склепъ, обложенный изразцами. Послѣ него въ обители остались и донынѣ хранятся митрополичій посохъ и большой писанный масляными красками въ ростъ портретъ преосвященнаго.

Въ 1899 г. производился ремонтъ соборнаго храма, гдѣ покоились останки пр. Веніамина. При ремонтѣ оказалось необходимымъ произвести поправки и у давшей значительныя трещины гробницы усопшаго митрополита.

„Когда, разсказываетъ іеросхимонахъ Гавріилъ, нынѣ схимоархимандритъ и намѣстникъ Седміозерной обители, мы втроемъ приступили къ освидѣтельствованію гроба почившаго и стали разбирать склепъ,—то вскорѣ всѣ мы обоняли безподобное благоуханіе отъ останковъ Святителя, и насъ охватилъ благоговѣйный страхъ и трепетъ.

По дальнѣйшемъ освидѣтельствованіи оказалось, что почившій Святителъ лежалъ нетлѣннымъ.

Его обликъ былъ покрытъ тонкимъ слоемъ мукообразной пыли.

Когда отерли эту пыль,—прояснился ликъ Святителя, какъ цвѣтъ бѣлаго воска. Онъ сіялъ красотой и совсѣмъ не представлялся такимъ морщинистымъ и старческимъ, какимъ изображенъ на портретѣ, хранящемся въ настоятельскихъ архіерейскихъ покояхъ обители.

Спереди голова имѣла большую лысину, но сзади спускались довольно густые прямые волосы каштановаго цвѣта. Длинная такого же цвѣта съ сильной просѣдью клинообразная борода окаймляла ликъ усопшаго. Носъ правильный, уста сжаты, глаза покрыты вѣками, какъ у спящаго и окружены темноватой каймой. Священныя одежды сохранились отъ тлѣнія до колѣнъ. Ниже колѣнъ останки были обнажены, и здѣсь на лѣвой ногѣ было замѣтно, что у икры нѣтъ мягкихъ частей и видна кость. Но остальныя части всѣ сохранены, какъ нетлѣнныя и благоухаютъ! Послѣ торжественной, совершенной архіерейскимъ служеніемъ, литургіи и великой панихиды мощи блаженной памяти митрополита Веніамина въ новомъ гробѣ были заложены въ нарочито приготовленную на томъ же мѣстѣ въ каменной стѣнѣ храмовой стѣнѣ нишу.

Самое переложеніе мощей ознаменовалось двумя чудесными явленіями. Исцѣлился крестьянинъ Яковъ Кадыль, ходившій со скрюченной спиной, и самъ схимо-архимандритъ Гавріилъ отъ боли зубовъ [1])“.

---

[1]) Подробнѣе см. „Извѣстія по Казанской Епархіи“ за 1905 г., ст. „Преосвященный Веніаминъ, митрополитъ казанскій и свіяжскій“.

Такимъ образомъ преосвященный митрополитъ Веніаминъ не только былъ ревностнымъ противоборникомъ пугачевскому бунту,— но еще болѣе пастыремъ-молитвенникомъ, пастыремъ-нестяжателемъ, пастыремъ святой богоугодной жизни, за что онъ и прославленъ свыше нетлѣніемъ мощей.

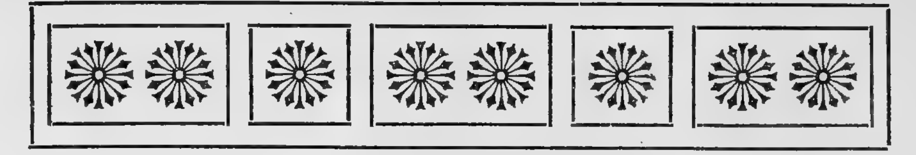
Его блаженное имя всегда можно слышать на заупокойныхъ эктеніяхъ въ Седміозерной пустыни. Оно записано во всѣхъ помянникахъ братіи и богомольцевъ обители.

На мѣстѣ упокоенія мощей Святителя находится слѣдующая надпись:

„Преосвященный Веніаминъ, митрополитъ казанскій, жившій въ Седміозерной пустыни съ апрѣля 1782 года на покоѣ въ оной. Въ 1785 году въ іюнѣ скончался и погребенъ здѣсь".

Іер. Гурій, и. д. д. Казанской Духовной Академіи.

Особые взгляды [1].

(Изъ воспоминаній о Пав. Павл. Косаговскомъ).

(Окончаніе).

IX.

П. П. Косаговскій очень хорошо и всесторонне зналъ А. Д. Дурново; отношенія между ними были очень плохія; и кажется, П. П. нисколько не думалъ объ улучшеніи ихъ: изощряя свое остроуміе, онъ нерѣдко подтрунивалъ надъ предводителемъ и тѣмъ несомнѣнно очень вооружалъ его противъ себя.

А. Д. Дурново слылъ за человѣка очень воспитаннаго, всегда старался быть вполнѣ корректнымъ; въ натурѣ его было не мало звѣриной хитрости и фальши; но это сразу не бросалось въ глаза. Не мало тяготилъ его громадный недугъ—онъ былъ очень глухъ; нѣкоторые разсказывали, будто бы онъ становился тугимъ на ухо тогда, когда въ этомъ являлась нужда,—но это невѣрно.

Чтобы покончить съ чертами характера и нрава А. Д. Дурново, надо упомянуть еще объ одномъ его свойствѣ или, вѣрнѣе сказать,—обычаѣ.

Когда у него къ кому бы то ни было являлось дѣло, онъ, прежде, чѣмъ обратиться съ этимъ дѣломъ, начиналъ самыя разнообразныя заискиванія и ухищренія къ тому, чтобы подготовить почву; такъ онъ того, кто ему становился нуженъ, начиналъ усиленно приглашать къ себѣ обѣдать, всячески угощалъ, женѣ и дѣтямъ старался возможно чаще привозить конфекты, шоколадъ, виноградъ, плоды, фрукты.—Всѣ такъ и знали,—къ кому онъ съ этимъ зачаститъ, значитъ, къ тому имѣется большая просьба.

Разсказываютъ, что случилось разъ ему имѣть дѣло въ дворянскомъ банкѣ по продажѣ участка земли; онъ узналъ у какого оцѣн-

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1908 г.

щика надо искать; оцѣнщикъ оказался холостой; конфектами не подъѣдешь; отъ обѣдовъ и отъ разныхъ угощеній упорно отказывается за недосугомъ; А. Д. не растерялся: онъ этого человѣка, съ которымъ былъ едва едва знакомъ началъ бомбардировать поздравительными телеграммами и на Рождество и на новый годъ и въ именины и даже чуть ли не узналъ для этого день его рожденія.

Надо однако отдать Александру Дмитріевичу Дурново полную справедливость: онъ продѣлывалъ такіе подступы не только тогда, когда имѣлъ нужду по своему собственному дѣлу; нѣтъ, онъ къ этому прибѣгалъ тогда, когда у него было на рукахъ чье-либо чужое дѣло и главнымъ образомъ именно тогда.

Въ основѣ онъ былъ очень добрый человѣкъ и предпринимать хлопоты по дѣламъ курскихъ дворянъ, въ особенности небогатыхъ мелкопомѣстныхъ,—было для него чистымъ наслажденіемъ; онъ набиралъ обыкновенно такихъ дѣлъ и неустанно разъѣзжалъ по разнымъ учрежденіямъ, обивалъ пороги высокопоставленныхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе дѣла; хлопоталъ онъ энергично, не жалѣя ни силъ, ни средствъ своихъ, отказы его не обезкураживали, и онъ почти всегда доводилъ дѣло до желаннаго результата.

— Я стараюсь обыкновенно такъ надоѣсть, что мнѣ разрѣшаютъ многое, лишь бы отвязаться и не позволить приставать безъ конца,— говорилъ онъ самъ.

Случалось, что его назойливыя и энергичныя хлопоты приписывались желанію добиться популярности, но извѣстно, что нѣтъ ни одного добраго дѣла, которое, съ той или съ другой стороны, не затемнялось бы злословіемъ.

X.

Разсказъ, который составитъ содержаніе этой X-ой главы, очень часто въ смѣшливомъ, игривомъ тонѣ разсказывалъ П. П. Косаговскій, не стѣсняясь иногда посмѣяться въ присутствіи самого Ал. Дм—ча.

Однажды онъ взялся похлопотать за двухъ дѣвочекъ-близнецовъ, дочерей умершаго небогатаго дворянина, котораго больная, немощная вдова рѣшительно не была въ состояніи ихъ содержать. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ отправился къ главноуправлявшему собственною Его Величества канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи. И. Н. Д.

А. Д. Дурново былъ съ нимъ хорошо знакомъ и вотъ, прежде чѣмъ приступить къ ходатайству, онъ привезъ и поднесъ въ изящной корзинкѣ двѣ дюжины роскошныхъ ананасовъ.

— Это изъ моего Дурновскаго сада,—сказалъ онъ;—вотъ какое роскошное плодоводство мы культивируемъ въ Щигровскомъ уѣздѣ.

И. Н. очень поблагодарилъ, не мало подивился, а затѣмъ сейчасъ же распорядился разсылкой своимъ друзьямъ, знакомымъ и роднымъ по парѣ драгоцѣнныхъ плодовъ. И. Н. не подозрѣвалъ, что на днѣ корзины его ожидалъ большой сюрпризъ: какъ оказалось, не по разуму усердный приказчикъ, укладывая этотъ „достарханъ", началъ съ того, что положилъ на дно въ двухъ экземплярахъ свой „прейсъ-курантъ, торговаго дома братьевъ Елисеевыхъ". — И. Н. посмѣялся и приказалъ—немедленно взять въ томъ же магазинѣ четыре дюжины такихъ же ананасовъ, уложить ихъ въ болѣе роскошную корзину, прейсъ-куранты положилъ сверху и послалъ этотъ „пешкешъ" Александру Дмитріевичу при шутливой запискѣ, въ которой очень мило было написано: „вы видите, что Дурновско-Шигровскимъ садомъ намъ можно пользоваться въ Петербургѣ обоимъ въ одинаковой мѣрѣ".

Пав. Павл. Косаговскій, вышучивая Ал. Дм—ча, разсказомъ объ этомъ эпизодѣ, конечно вызывалъ съ его стороны большое неудовольствіе; — несомнѣнно, А. Дм. таилъ за это на Павла Павловича большую злобу.

XI.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ пожертвованныя Л—мъ деньги были переданы губернскому предводителю дворянства, жертвователь, до котораго доходили смутныя вѣсти о томъ, что явились какіе-то тормозы въ дѣлѣ пріема его пожертвованія, явился къ П. П. Косаговскому съ просьбой оказать ему содѣйствіе къ обратному полученію той сумы.

— Я имѣю свѣдѣнія—сказалъ онъ,—о предстоящемъ пріѣздѣ въ Курскъ министра народнаго просвѣщенія статсъ-секретаря Ивана Давыдовича Делянова, сказалъ онъ, и хочу деньги эти передать ему на Курскую гимназію.

П. П. Косаговскій вполнѣ одобрилъ это намѣреніе, но спросилъ: какъ же я могу оказать вамъ содѣйствіе къ обратному полученію денегъ? вѣдь губ. предводитель уѣхалъ за границу.

— Онъ передалъ должность ближайшему уѣздному предводителю Хорвату; вѣроятно временно исправляющій должность губ. предводителя можетъ распорядиться.

На запросъ, сдѣланный по этому поводу Хорвату, онъ отвѣтилъ, что никакихъ дѣлъ и денегъ отъ Дурново не принималъ, а получилъ лишь увѣдомленіе объ его отъѣздѣ за границу и о необходи-

мости Хорвату вступить во временное исправленіе должности губ. предводителя.

Полицеймейстеромъ въ Курскѣ въ то время состоялъ нѣкій Топчіевъ—бывшій уланъ; онъ, кажется, считался вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, и П. П. Косаговскій ему вообще очень довѣрялъ.

При утреннемъ докладѣ онъ донесъ губернатору, что никоимъ образомъ Дурново не могъ сдать Хорвату деньги, такъ какъ онъ ихъ взялъ съ собой за границу; передъ своимъ отъѣздомъ онъ будто бы искалъ довольно крупную сумму взаймы подъ вексель, но не нашелъ; можно указать двухъ-трехъ купцовъ, съ которыми онъ велъ переговоры и отъ которыхъ получилъ отказъ; это его вынудило взять деньги изъ ящика.

— Гдѣ же находится денежный ящикъ дворянства? — спросилъ П. П. Косаговскій.

— Денежный ящикъ находится въ собраніи, въ вѣдѣніи секретаря, который преисправно караулитъ пустой ящикъ, доложилъ полицеймейстеръ; вотъ если бы ваше превосходительство приказали привезти къ вамъ ящикъ, да велѣли бы вскрыть его, такъ и увидѣли бы, что можетъ Л—чъ представить статсъ-секретарю Делянову.

Павлу Павловичу эта мысль, видимо, понравилась; онъ какъ говорится, ухватился за нее, несмотря на весь свой умъ.

XII.

Правителемъ канцеляріи курскаго губернатора въ то время состоялъ статскій совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Сукманъ; это былъ самъ законъ; испытанный, преданный дѣлу, знавшій его твердо, — онъ тщательно оберегалъ каждаго губернатора, при которомъ правилъ канцеляріей и ужъ бывало, ничѣмъ малѣйшимъ не подведетъ; на него можно было положиться, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ на каменную гору. П. П. Косаговскій былъ чуть ли не седьмой губернаторъ, при которомъ И. В. состоялъ въ должности правителя канцеляріи. Восьмой губернаторъ В. В. фонъ-Валь, оцѣнивъ его по достоинству, озаботился производствомъ его въ дѣйств. статск. совѣтники и взялъ съ собой въ Петербургъ правителемъ канцеляріи градоначальника; уже послѣ вступленія генерала Ник. Вас. Клейгельса въ должность градоначальника, дѣйств. ст. сов. И. В. Сукманъ пожелалъ уйти на покой, а потому вышелъ въ отставку съ пенсіей.

Узнавъ о предложеніи, сдѣланномъ Топчіевымъ относительно денежнаго ящика, И. В. Сукманъ въ ужасѣ началъ уговаривать П. П. Косаговскаго не дѣлать этого;—онъ просто умолялъ его.

— Боже сохрани, говорилъ онъ,—вы себя страшно подведете, да и просто погубите.

П. П. быть можетъ отчасти былъ съ этимъ согласенъ, но мысль, брошенная полицеймейстромъ, казалось, манила его. Онъ, какъ Гоголевскій почтмейстръ, въ одно ухо слышалъ пагубное, топчіевское „разбейте, разбейте ящикъ", а въ другое—благородное и благоразумное сукманское „не дѣлайте, не дѣлайте этого", и, наконецъ, рѣшилъ поступить по топчіевскому совѣту.

Полицеймейстръ, „исполняя приказаніе губернатора", привезъ къ нему ящикъ и тутъ же, не взирая на мольбы И. В. Сукмана, получилъ приказаніе разбить его.—Въ присутствіи секретаря дворянства ящикъ былъ разбитъ.

Что почувствовалъ П. П. Косаговскій и въ какомъ положеніи очутился Топчіевъ, когда на днѣ ящика нашли аккуратно сложенный пакетъ съ десятью тысячами рублей: надпись, сдѣланная рукой губернскаго предводителя Дурново, гласила: десять тысячъ рублей; деньги, которыя г-нъ Л—чъ намѣревается пожертвовать дворянству на Курскую гимназію. 1888 года іюня 10-го.

XIII.

Легко себѣ представить, какъ зашумѣло курское дворянство, узнавъ о такомъ необычайномъ оскорбленіи его избранника.

Вѣсть объ этомъ происшествіи скоро долетѣла до Петербурга, и черезъ три-четыре дня П. П. Косаговскій по телеграфу былъ приглашенъ прибыть въ столицу къ графу Д. А. Толстому—министру внутреннихъ дѣлъ.

Разспросивъ о подробностяхъ дѣла, графъ сказалъ:—вы вполнѣ понимаете, что вамъ оставаться въ Курскѣ немыслимо...

— Да, да отвѣтилъ П. П., немыслимо, гоните меня, графъ, за негодностью.

— Я цѣню вашу прошлую службу и потому сдѣлаю все возможное для того, чтобы вамъ не пришлось выйти въ отставку; я еще не остановился на той комбинаціи, которая позволила бы мнѣ перевести васъ такъ, чтобы вамъ не пришлось перебираться очень далеко; все это я обдумаю и дамъ вамъ отвѣтъ на дняхъ.—Но неужели же вы могли хоть одну минуту думать, что если бы этихъ злочастныхъ денегъ не оказалось въ злополучномъ ящикѣ, то вы этимъ оказали бы правительству услугу? — да, оказали бы, но совершенно медвѣжью! Какъ можно было не подумать о тѣхъ сложностяхъ, которыя могли выйти изъ этого дѣла!

XIV.

Въ концѣ февраля 1889 года тайный совѣтникъ П. П. Косаговскій былъ переведенъ губернаторомъ въ Полтаву; полтавскаго губернатора Евгенія Осиповича Янковскаго перевели въ Житомиръ, и волынскаго губернатора Свиты Его Вел. генералъ-маіора Виктора Васильевича фонъ-Валя назначили въ Курскъ.

Въ январѣ 1890 года состоялось дворянское собраніе; дворяне сдѣлали большія оваціи А. Д. Дурново, только-что вынесшему громадную непріятность отъ мѣстной власти: они избрали его такимъ большинствомъ, какимъ въ прежніе годы онъ не избирался; вторымъ кандидатомъ баллотировался отставной лейтенантъ гв. экипажа,—новооскольскій уѣздный предводитель дворянства князь Николай Өедоровичъ Касаткинъ-Ростовскій (нынѣ членъ Госуд. Совѣта по выборамъ отъ дворянства Курской губерніи).

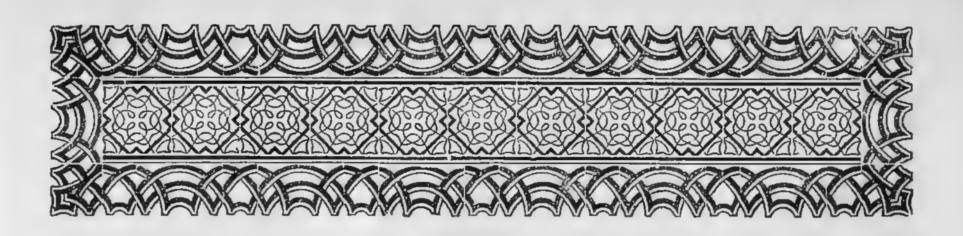
Когда Государю Императору Александру III былъ доложенъ избирательный списокъ, Государь, усмотрѣвъ въ немъ, что кн. Касаткинъ получилъ однимъ шаромъ больше, утвердилъ его въ должности губернскаго предводителя.—Этимъ А. Дм. Дурново была нанесена громадная обида; онъ упалъ духомъ, не мало переболѣлъ, еще болѣе оглохъ и не скоро оправился отъ этого совершенно неожиданнаго удара. П. П. Косаговскій до конца дней своихъ не могъ успокоиться отъ ужасной „катастрофы“ съ ящикомъ.

Недаромъ гр. Толстой деньги эти назвалъ „злосчастными“, а ящикъ „злополучнымъ“. Вотъ ужъ по истинѣ, коли Богъ кого захочетъ обидѣть,—разумъ отниметъ...

Е. Андреевскій.

1907 г., іюля 14-го.
ст. Сиверская.

Царевщенскіе бунтовщики.

(Изъ воспоминаній о 60-хъ годахъ).

Весною 1864 г., будучи молодымъ инженернымъ поручикомъ, я былъ командированъ въ Самарскую губернію, для производства развѣдочныхъ работъ на Самарской Лукѣ; такъ называется огибаемый Волгой мысокъ, по которому тянутся Жигулевскія горы, или такъ называемые Жигули, и противъ котораго на лѣвомъ берегу Волги расположенъ городъ Самара. Мѣстомъ производства моихъ работъ, а слѣдовательно и мѣстомъ моего жительства, было назначено село Царевщина, лежащее также на лѣвомъ берегу Волги, верстахъ въ 30 вверхъ отъ Самары, у подножія Царева Кургана.

Прежде чѣмъ говорить о сущности настоящаго разсказа, скажу нѣсколько словъ о самомъ Царевомъ Курганѣ и передамъ существующую у мѣстныхъ жителей легенду о происхожденіи сего кургана. Курганъ этотъ представляетъ отдѣльно стоящую возвышенность, имѣющую форму усѣченнаго конуса, высотою около 45 саженъ, надъ уровнемъ меженныхъ водъ, и около двухъ верстъ въ окружности, по основанію конуса. Въ народѣ существуетъ слѣдующая легенда относительно его происхожденія: Когда Мамай со своими полчищами шелъ на русскихъ князей, то желая увѣковѣчить памятникомъ этотъ походъ, онъ приказалъ, чтобы каждый изъ его воиновъ высыпалъ въ указанное мѣсто шлемъ земли, и такимъ образомъ образовался огромныхъ размѣровъ курганъ; когда же онъ возвращался обратно восвояси, послѣ понесеннаго имъ пораженія въ Куликовской битвѣ, то желая уничтожить памятникъ сего несчастнаго похода, онъ приказалъ, чтобы каждый изъ его воиновъ унесъ, съ насыпаннаго ими кургана, по шлему земли, но такъ какъ

возвращалось воиновъ гораздо меньше, чѣмъ пошло противъ русскихъ, то они снести всего кургана не могли, и слѣдовательно ихъ осталось на полѣ брани столько, сколько шлемовъ земли осталось въ Царевомъ Курганѣ. Составители этой легенды упустили изъ виду, что Царевъ Курганъ состоитъ не изъ земли, а сплошь изъ довольно плотнаго горнаго известняка, изъ каковаго состоятъ и, тянущіеся вдоль лѣваго берега Волги, начиная отъ рѣки Сокъ почти до самой Самары, Сокольи горы, и отмытый отрогъ каковыхъ представляетъ легендарный Царевъ Курганъ.

Еще ѣдучи на пароходѣ по Волгѣ къ мѣсту моей службы, я услыхалъ, что ѣду въ бунтовщичье село, что съ самаго объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ царевщенскіе мужики бунтуютъ, не хотятъ принимать надѣловъ и платить установленнаго за нихъ оброка. Прибывъ на мѣсто и набравъ всю команду рабочихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, производившихъ на меня впечатлѣніе крайне мирныхъ, добродушныхъ и послушныхъ людей, я былъ чрезвычайно удивленъ заслуженной ими репутаціей бунтарей. Ставъ въ очень близкія и хорошія отношенія съ моими рабочими, я чрезъ нихъ пріобрѣлъ уваженіе и довѣріе и остальныхъ крестьянъ села Царевщины, которые начали съ того, что стали приходить ко мнѣ за медицинской помощью, считая, что ученый человѣкъ долженъ и лѣчить умѣть, а затѣмъ стали приходить ко мнѣ за совѣтами, а то и просто побесѣдовать о всѣхъ своихъ нуждахъ и горяхъ, и я отъ нихъ самихъ подробно узналъ печальную исторію ихъ, такъ называемаго, бунтовщичества.

Большое село Царевщина принадлежало тогда двумъ братьямъ Д—ъ, жившимъ въ Петербургѣ, а въ самой Царевщинѣ жили два нѣмца управляющихъ: одинъ имѣніемъ, а другой винокуреннымъ заводомъ. Живя въ Петербургѣ и стоя близко къ правящимъ сферамъ, братья Д—ы знали положеніе объ освобожденіи крестьянъ гораздо ранѣе его обнародованія и въ Царевщинѣ произошло то, что продѣлалось и во многихъ другихъ имѣніяхъ, т. е. еще до освобожденія обмѣняли ихъ надѣлы, и часть хорошей пахотной земли, которой крестьяне пользовались, будучи крѣпостными, была отъ нихъ отобрана и замѣнена ничего нестоющими песчаными буграми. Еще будучи крѣпостными, крестьяне при этомъ обмѣнѣ земли возмутились; но тогда разговоръ былъ короткій и, не прибѣгая къ содѣйствію властей, а по собственному усмотрѣнію, нѣмцы управляющіе стали драть мужиковъ, да не просто розгами, а плетьми, на особо приспособленной для сего кобылѣ, на которой руки и ноги привязывались къ четыремъ кольцамъ. По поводу этой экзекуціонной кобылы было возбуждено даже преслѣдованіе противъ управляющаго имѣ-

ніемъ; но благодаря вліянію владѣльцевъ имѣнія, дѣло это было замято и ограничилось лишь отобраніемъ этой кобылы, которую я спустя уже 4 года видѣлъ въ полицейскомъ управленіи въ Самарѣ. Когда же послѣдовало освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и имъ предложено было принять въ надѣлъ ту землю, на которой ихъ застало Положеніе 19 февраля 1861 г., то крестьяне наотрѣзъ отказались принять надѣлъ и требовали, чтобы имъ дали въ надѣлъ ту землю, которою они пользовались до обмѣна надѣльной земли; а такъ какъ владѣльцы на это не соглашались, то крестьянъ принуждали платить оброкъ за тотъ надѣлъ, который имъ былъ данъ, но отъ принятія каковаго они упорно отказывались и на каковомъ, даже на годной его части, никакихъ работъ не производили, а сѣяли хлѣбъ на землѣ, арендованной ими у управленія государственными имуществами. Послѣ ихъ упорнаго отказа принять надѣлъ, стали ежегодно взыскивать съ нихъ оброкъ при помощи розогъ; крестьяне же, послѣ каждой экзекуціи, посылали ходоковъ въ Петербургъ, съ прошеніями къ Царю; ходоковъ этихъ препровождали административныя власти обратно по этапу въ Самару, откуда, послѣ нѣкоторой выдержки въ тюрьмѣ, отпускали домой; крестьяне же не унывали отъ неудачи однихъ ходоковъ и посылали новыхъ, которыхъ постигала та же участь. Такъ дѣло тянулось шесть лѣтъ, и царевщинскіе мужики за свое упорство получили прозваніе бунтарей. Когда я ознакомился съ ихъ дѣломъ, я много бесѣдовалъ съ крестьянами объ этомъ дѣлѣ, читалъ имъ Положеніе, доказывалъ имъ безплодность ихъ упорства, указывая имъ на то, что хотя они по совѣсти и правы, но по закону не правы, что къ сожалѣнію закономъ не предусмотрѣна возможность такого злоупотребленія, какое было совершено какъ ихъ помѣщикомъ, такъ и многими другими, а потому теперь уже ничего не подѣлаешь и надо покориться; тѣмъ болѣе, что хотя часть ихъ надѣла и состоитъ изъ ничего не стоющихъ песчаныхъ бугровъ, но что остальная часть одна стоитъ того оброка, который съ нихъ хотя силкомъ, но все-таки взыскиваютъ; такъ лучше ужъ принять надѣлъ и обрабатывать его, чѣмъ даромъ платить выколачиваемый съ нихъ оброкъ. Къ сожалѣнію, мои увѣщанія на нихъ не дѣйствовали и какъ-то разъ они даже сказали мнѣ:

— Эхъ, Александръ Андреевичъ, хорошій ты человѣкъ, а все же ты баринъ и барскую руку тянешь; не можетъ быть, чтобы былъ такой законъ отъ царя, и вотъ какъ только наши ходоки добьются до царя, такъ намъ нашу землю и вернутъ.

Мои бесѣды съ мужиками по ихъ земельному вопросу чуть не обошлись мнѣ очень дорого, т. е. могли быть причиной очень круп-

ныхъ для меня непріятностей. Вслѣдствіе того, что у меня было небольшое столкновеніе съ однимъ изъ нѣмцевъ управляющихъ, на меня былъ сдѣланъ доносъ, что я возмущаю царевщенскихъ мужиковъ и убѣждаю ихъ не покоряться требованіямъ властей и не принимать надѣла. По счастью для меня, въ это время меня уже хорошо знали всѣ мѣстныя власти,—и жандармскій штабъ-офицеръ, отъ котораго я и узналъ объ этомъ доносѣ, повѣрилъ мнѣ, а можетъ быть провѣрилъ и другимъ путемъ, что я не только не возмущаю мужиковъ, но всѣми силами старался уговорить ихъ подчиниться требованіямъ властей.

Хотя инцидентъ, бывшій у меня съ управляющимъ царевщинскимъ винокуреннымъ заводомъ, и не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ сути настоящаго разсказа, но онъ настолько характеренъ для тогдашняго времени, что я не могу умолчать объ немъ. При производимыхъ мною работахъ, для ремонта рабочихъ инструментовъ, имѣлась кузница, а при кузницѣ молотобоецъ, Иванъ Стараевъ, изъ мѣстныхъ крестьянъ; роста хотя и небольшого, но силы колоссальной; достаточно сказать, что этотъ Иванъ поднималъ одинъ съ земли, клалъ себѣ на плечо и уносилъ въ кузницу буровое долото около 12 пудовъ вѣсомъ. Однажды потребовался какой-то ремонтъ, который нельзя было произвести въ простой кузницѣ, а требовалась обдѣлка на токарномъ станкѣ. Такъ какъ мой молотобоецъ Иванъ умѣлъ работать и на токарномъ станкѣ, то я послалъ его въ механическую мастерскую, имѣвшуюся при винокуренномъ заводѣ, съ порученіемъ попросить позволенія обточить посланный съ нимъ инструментъ. Спустя нѣкоторое время, я снова прихожу въ кузницу и видя моего молотобойца уже возвратившимся, я обращаюсь къ нему со словами:

— Ну что обточилъ?

— Какое тутъ обточилъ, только въ морду получилъ.

— Какъ въ морду получилъ, за что?

— Да такъ, прихожу, говоритъ я, въ мастерскую и говорю мастеру: Александръ Андреевичъ молъ приказали попросить позволенія обточить у васъ на станкѣ вотъ эту вещь, такъ вотъ позвольте молъ; ну что же говоритъ точи себѣ на здоровье, станокъ свободенъ; только это я сталъ заправлять на станокъ, какъ входитъ этотъ проклятый Иродъ Фаустъ (управляющій винокуреннымъ заводомъ носилъ громкую фамилію Фаустъ), подходитъ прямо ко мнѣ и не говоря худого слова хлясть меня прямо по мордѣ и не успѣлъ я и слова сказать, какъ онъ меня еще разъ вдарилъ, а потомъ закричалъ: ты что тутъ, подлая скотина, дѣлаешь, вонъ отсюда; ну я и пошелъ.

Нужно къ этому добавить, что этотъ Фаустъ славился своими мордобитьями и смотря на русскаго мужика какъ на скотину, считалъ себя не только въ правѣ, но какъ бы обязаннымъ бить его какъ скотину, за что былъ прямо ненавидимъ всѣми мужиками; но тѣмъ не менѣе, несмотря на репутацію бунтовщиковъ, царевщенскіе мужички терпѣливо переносили эти мордобитья, которыя продолжались бы вѣроятно еще долго, если бы я не вмѣшался въ это дѣло.

Будучи глубоко возмущенъ разсказомъ моего молотобойца, я ему сказалъ:—а ты что же? сдачи ему не далъ?

— Помилуйте, какъ же можно, за это отвѣчать будешь.

— Ну, говорю ему, другой разъ, если онъ посмѣетъ ударить кого-нибудь изъ васъ, лупи ему сдачи въ мою голову, я отвѣчать буду; а онъ тоже долженъ знать, что какъ вы не имѣете права драться, такъ и онъ на это права не имѣетъ; да скажите это и вашимъ односельчанамъ, чтобы и они знали, что Фаустъ, какъ и всякій другой, драться не имѣетъ права.

Такъ какъ вышеприведенный разговоръ происходилъ въ присутствіи другихъ рабочихъ, которые поторопились разнести его по всему селу, то въ тотъ же день онъ дошелъ и до Фауста. На другой же день господинъ этотъ отъявился ко мнѣ и съ пѣной у рта говоритъ мнѣ:

— Неужели это правда, что будто вы сказали вашимъ рабочимъ давать мнѣ сдачи, если я кого-нибудь изъ нихъ ударю.

— Совершенная, говорю, правда, и долженъ васъ предупредить, что не только это сказалъ, но даже приказалъ такъ поступить, при первомъ же поводѣ съ вашей стороны, и что приказаніе это будетъ неукоснительно исполнено, при чемъ думаю, что такъ же поступятъ не только мои, но и ваши собственные рабочіе, которые несомнѣнно знаютъ о моемъ распоряженіи, данномъ моимъ рабочимъ, и знаютъ теперь, что никто ихъ бить не имѣетъ права; а потому въ вашемъ же интересѣ совѣтую вамъ къ мордобитьямъ болѣе не прибѣгать.

Нѣмецъ мой, разумѣется, пришелъ въ неописуемую ярость, говорилъ что это ни на что не похоже, что это возмутительно, что онъ будетъ жаловаться на то, что я возмущаю его рабочихъ и т. д.; я его слушалъ очень спокойно, старался ему доказать неправильность его взглядовъ и закончилъ словами:—можете жаловаться кому угодно, а чужихъ мордъ все-таки не бейте, такъ какъ иначе вашей можетъ придтись очень плохо. Разговоръ этотъ происходилъ у насъ на дворѣ и такъ какъ въ это время мы проходили мимо двѣнадцатипудоваго долота, лежавшаго на землѣ, то чтобы еще болѣе позлить моего собесѣдника, я крикнулъ моего молотобойца Ивана и прика-

залъ ему унести долото въ кузницу. Когда Иванъ шутя взвалилъ это долото на плечо и удалился съ нимъ, я и говорю:

— Вы видите, какая у этого человѣка, котораго вы позволили себѣ здорово живешь ударить, силища, такъ что же бы осталось отъ вашей физіономіи, если бы онъ догадался треснуть васъ тогда.

Нѣмецъ мой побагровѣлъ и не говоря болѣе ни слова удалился; а затѣмъ появился, не имѣвшій послѣдствій, доносъ на меня, но не въ возмущеніи рабочихъ противъ ихъ управляющаго, а въ возмущеніи будто бы мужиковъ противъ властей. Драться же съ тѣхъ поръ г. Фаустъ пересталъ, и его рабочіе, понимавшіе отлично настоящую причину этой перемѣны въ немъ, неоднократно высказывали мнѣ благодарность за это.

Продолжаю прерванный разсказъ о царевщенскихъ бунтовщикахъ. Былъ назначенъ новый мировой посредникъ, молодой, недавно окончившій курсъ, правовѣдъ. Съ этимъ молодымъ человѣкомъ было не мало курьезовъ, благодаря его совершенному неумѣнію говорить съ мужиками, въ разговорѣ съ которыми онъ употреблялъ нерѣдко иностранныя слова, для мужиковъ совершенно непонятныя, что вызывало не мало недоразумѣній. Такъ однажды ко мнѣ приходитъ старшина съ нѣсколькими стариками и говорятъ:

— Скажи ты намъ на милость, Александръ Андреевичъ, гдѣ бы намъ добыть фактовъ.

— Что вы говорите? какихъ вамъ фактовъ надо?

— Какихъ, да мы и сами не знаемъ какихъ, не знаемъ даже, что за штука такая эти самые факты, а посредственникъ, такъ они называли посредника, ихъ отъ насъ требуетъ. Мы всей душой рады ему ихъ дать, да не знаемъ, что это за штука, да и гдѣ ихъ взять.

Тогда, понявъ въ чемъ дѣло, я постарался, какъ умѣлъ разъяснить имъ значеніе слова фактъ, и дѣло кончилось лишь тѣмъ, что я и многіе другіе, кому я разсказывалъ исторію съ фактами, не давали бѣдному посреднику прохода съ требованіемъ отъ мужиковъ фактовъ; но другой разъ, изъ-за его неумѣнія говорить съ мужиками, разыгралась такая исторія, которая чуть не стоила жизни многимъ царевщенскимъ мужикамъ. Послѣ одного изъ безплодныхъ посѣщеній Царевщины и длинной непонятной рѣчи на крестьянскомъ сходѣ, посредникъ обращается къ волостному старшинѣ со словами:—а въ четвергъ приходите ко мнѣ въ городъ, т. е. значитъ въ Самару, гдѣ жилъ посредникъ.

Старшина, простой безграмотный мужикъ, привыкшій самъ говорить всѣмъ *ты* и что ему всѣ говорятъ *ты*, обращеніе посредника во множественномъ числѣ принялъ относящимся не къ нему одному, а ко всему сходу, какъ поняли и остальные мужики. Дѣло

было въ іюлѣ мѣсяцѣ, какъ разъ рабочая пора, жара, а идти и горами въ городъ 45 верстъ, куда какъ не охота; но бунтовщики не осмѣлились не исполнить приказанія начальства и въ ночь съ среды на четвергъ, взваливши котомки съ хлѣбомъ за спину, побрели въ городъ, куда и прибыли рано утромъ, раньше чѣмъ посредникъ возсталъ отъ сна, и расположились лагеремъ на улицѣ, на которой жилъ посредникъ, въ ожиданіи его пробужденія. Но какъ ни смирно себя вели мужички, толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ все-таки нѣкоторый шумъ производитъ, и шумъ этотъ разбудилъ посредника, который, выскочивъ съ постели и увидавъ въ окно, что передъ его домомъ расположились царевщенскіе мужики, страшно перепугался и не предполагая, что они пришли по его же приказу, вообразилъ, что они пришли бунтовать въ городъ. Вмѣсто того чтобы выдти къ нимъ и спросить, что имъ нужно, онъ, не показываясь на улицу, а перебравшись на сосѣдній дворъ, выходящій на параллельную улицу, полетѣлъ къ губернатору, разбудилъ его и доложилъ ему, что царевщенскіе мужики пришли бунтовать въ городъ. Губернаторъ въ свою очередь, не освѣдомившись въ чемъ же бунтъ этихъ мужиковъ заключается, вызываетъ немедленно полицеймейстра, жандармскаго полковника и командира мѣстнаго резервнаго батальона и отдаетъ распоряженіе двинуть противъ бунтовщиковъ пожарныхъ и солдатъ, и самъ вмѣстѣ съ остальнымъ начальствомъ, подъ охраной пожарныхъ и солдатъ, отправляется на улицу, гдѣ жилъ посредникъ. Не доходя до мужиковъ на порядочное разстояніе, полицеймейстеръ, по приказанію губернатора, кричитъ мужикамъ, чтобы они уходили изъ города. Несмотря на многократно повторенное распоряженіе, мужики, разумѣется, и не думаютъ уходить, а галдятъ что-то, но что, разобрать никто не можетъ. Тогда выдвигаются впередъ пожарные и начинаютъ поливать мужиковъ изъ пожарныхъ трубъ; но и это не дѣйствуетъ, и мужики начинаютъ только галдѣть еще сильнѣе и не только не уходятъ, а начинаютъ напирать на пожарныхъ. Тогда живо выдвигаютъ впередъ солдатъ и даютъ залпъ холостыми зарядами. Залпъ этотъ, разумѣется, осаживаетъ мужиковъ въ первую минуту, но видя, что всѣ стоятъ на ногахъ здравы и невредимы, продолжаютъ галдѣть и не уходятъ. Послѣ безрезультатно повтореннаго залпа холостыми зарядами, былъ уже отданъ приказъ зарядить боевыми патронами, и исторія кончилась бы очень печально, если бы на счастіе мужиковъ не подъѣхалъ въ это время исправникъ, возвращавшійся изъ уѣзда. Увидавъ эту поразившую его картину, исправникъ выскочилъ изъ тарантаса и бросился къ губернатору съ просьбой остановить стрѣльбу, прося вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснить въ чемъ дѣло.

— Да вотъ ваши царевщенскіе, за которыхъ вы всегда заступаетесь, пришли даже сюда бунтовать, говоритъ губернаторъ.

— Да въ чемъ же, ваше превосходительство, они свой бунтъ проявили?

— Какъ въ чемъ? Да видите, они всѣмъ скопищемъ привалили сюда и требованію удалиться не повинуются, а галдятъ и на насъ напираютъ.

— Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе, ваше превосходительство, позвольте я сейчасъ съ ними переговорю и выясню въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ я васъ не отпущу, они васъ убъютъ.

— Не безпокойтесь, ваше превосходительство, не убъютъ, я ихъ хорошо знаю. И съ этими словами исправникъ отправился къ мужикамъ.

Когда, съ пріѣздомъ исправника, насильственныя мѣры противъ мужиковъ были пріостановлены, то и мужики нѣсколько успокоились и стали выжидать, что же дальше будетъ; когда же они увидали приближающагося къ нимъ исправника, они бросились къ нему со словами:

— Батюшка, отецъ родной, вступись ты за насъ, пришли мы сюда не по своей волѣ, а по приказанію посредственника, а насъ, не давши намъ никакого резона, гонятъ отсюда; мы говоримъ имъ, что намъ посредственникъ приказалъ придти, что намъ его надоть, что пока его не увидимъ, не можемъ уйти, а насъ не слухаютъ и все гонятъ.

Такъ какъ все это кричали сразу множество голосовъ, то не вдругъ исправникъ понялъ въ чемъ дѣло; но заставивъ наконецъ мужиковъ смолкнуть и выслушавъ старшину, разсказавшаго ему все по порядку и догадавшись, что вся непріятная исторія вышла изъ-за неумѣстной деликатности посредника, считавшаго долгомъ говорить старшинѣ *вы*, исправникъ сказалъ имъ, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе, что они вѣроятно не такъ поняли посредника, и приказавъ имъ тихо и смирно ожидать его возвращенія, отправился къ ожидавшимъ его властямъ. Доложивъ губернатору въ чемъ дѣло, онъ съ трудомъ могъ уговорить посредника пойти съ нимъ къ мужикамъ и объяснить имъ, что онъ приказывалъ явиться въ городъ лишь одному старшинѣ, а не всему сходу, и очень сожалѣетъ, что они его не такъ поняли и напрасно трудились приходить въ городъ. Почесали мужики затылки и, ругнувъ въ душѣ посредника, побрели восвояси; да еще слава Богу, что всѣ побрели, а не пріѣзжай во-время исправникъ, быть можетъ, сколько бы ихъ легло на улицахъ Самары.

Окончился же совсѣмъ царевщенскій бунтъ, т. е. мужики покорились требованію властей и приняли надѣлы, при слѣдующихъ обстоятельствахъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Не помню въ точности въ 1866 или 67 году былъ назначенъ новый губернаторъ, который, узнавъ всю царевщенскую исторію, рѣшилъ во что бы то ни стало добиться прекращенія ея, и для сего самъ отправился въ Царевщину. Для вящшей внушительности онъ отправился въ Царевщину съ большой свитой; его сопровождали: губернскій предводитель дворянства, жандармскій полковникъ съ его адъютантомъ и нѣсколькими жандармами, мировой посредникъ, дѣлопроизводитель и исправникъ съ полусотней казаковъ. Такъ какъ я былъ знакомъ со всѣми этими властями, да при томъ домъ мой представлялъ нейтральную территорію между воюющими сторонами, т. е. помѣщикомъ и его временнообязанными крестьянами, то губернаторъ, предводитель дворянства и жандармскій полковникъ остановились у меня, а остальные чины въ волостномъ правленіи. Закусивъ съ дороги, власти переодѣлись, облачившись, для большой торжественности, въ мундиры со всѣми регаліями, и вышли къ крестьянскому сходу, собранному на площадкѣ противъ моего дома. Губернаторъ обратился къ крестьянамъ съ рѣчью, въ которой повторилъ то, что уже много разъ имъ говорилось, т. е. доказывалъ имъ незаконность ихъ дѣйствій и закончилъ свою рѣчь словами: что такъ продолжаться болѣе не можетъ, и что имъ остается выбирать одно изъ двухъ: или принять надѣлы, которыми они пользовались при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, или же быть выселенными въ Сибирь. Слушая заключительныя слова губернатора, я невольно подумалъ: ну ва-банкъ ставитъ генералъ, и каково-то будетъ его положеніе, если мужики на эту острастку не поддадутся и отъ принятія надѣла все-таки откажутся. На повторенный дважды вопросъ губернатора:—ну что же, согласны принять надѣлъ? мужики отвѣчали молчаніемъ. Губернаторъ начинаетъ волноваться и, подозвавъ къ себѣ наиболѣе близко стоявшаго къ нему мужика, возвышая голосъ, говоритъ ему:

— Ну отвѣчай, согласенъ ты принять надѣлъ?

Мужикъ мнется, теребитъ въ рукахъ свою шапку и молчитъ. Тогда губернаторъ еще болѣе грознымъ тономъ говоритъ ему:

— Отвѣчай же!

— Да я что же могу отвѣтить, ваше п—ство, какъ міръ, такъ и я, если—міръ не согласенъ, такъ и я не согласенъ.

— Казаки, возьмите его на лѣвую сторону, въ Сибирь пойдетъ.

Та же исторія повторилась со слѣдующимъ вызваннымъ губернаторомъ мужикомъ, съ третьимъ и т. д. и на лѣвой сторонѣ,

кандидатовъ къ высылкѣ въ Сибирь набралось уже порядочно, и губернаторъ видимо сталъ уже самъ сомнѣваться въ успѣхѣ придуманнаго имъ маневра, какъ на выручку ему явился тщедушный мужиченка, съ тонкимъ пронзительнымъ голоскомъ, который, какъ только до него дошла очередь, безъ раздумья сказалъ:

— Да я, ваше п—тво, пожалуй согласенъ.

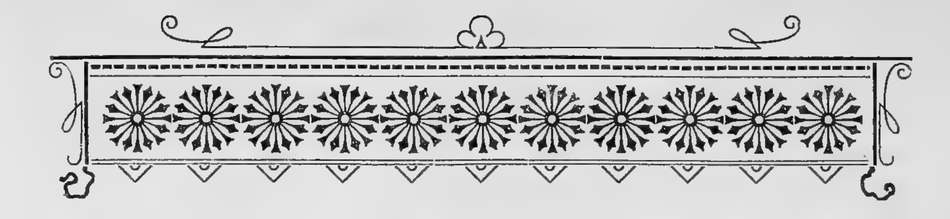
— Ну, молодецъ, становись направо, говоритъ обрадованный губернаторъ и вызываетъ слѣдующаго.

Слѣдующій, почесавъ затылокъ, увлеченный примѣромъ тщедушнаго мужиченки, сказалъ, что и онъ тоже пожалуй согласенъ и тоже былъ поставленъ на правую сторону. Ну, думаю я, теперь дѣло губернаторомъ выиграно, всѣ остальные станутъ изъявлять согласіе; и такъ оно и вышло; а когда послѣдній мужикъ сталъ направо, то и всѣ стоявшіе налѣво обратились къ губернатору со словами:

— Ваше п—тво, да вѣдь и мы сказывали, что какъ міръ, такъ и мы, и если міръ согласенъ, такъ и мы согласны. Губернаторъ, поломавшись немного для порядка, приказалъ и ихъ освободить и присоединить ихъ къ остальнымъ; а затѣмъ, сказалъ мужикамъ нѣсколько наставительныхъ словъ, возвратился въ мой домъ, гдѣ мною предложенъ былъ, всѣмъ проголодавшимся властямъ, скромный обѣдъ, которымъ однако всѣ остались очень довольны, какъ благодаря разыгравшемуся аппетиту, такъ и благодаря тому веселому настроенію, которое было вызвано благополучнымъ окончаніемъ всѣмъ надоѣвшаго дѣла. Довольнѣе же всѣхъ былъ губернаторъ, которому удался его, такой рискованный, маневръ. Какъ оказалось, довольны были и мужики, которымъ тоже уже надоѣло ежегодное выколачиваніе изъ нихъ оброка; но тѣмъ не менѣе жестоко побили того ледащаго мужиченка, который первымъ изъявилъ согласіе на принятіе надѣла; а затѣмъ устроили общественную выпивку, и пьянѣе всѣхъ былъ этотъ битый мужиченка.

А. А—хъ.

За кулисами дипломатіи.

Глава III [1]).

Вооружаться ли Сербіи?—Противоположность взглядовъ Н. П. Игнатьева и Е. П. Новикова.—Высочайшее одобреніе сербскихъ приготовленій.—Проектъ оборонительной конвенціи съ Черногоріею и миссія Ранко Алимпича.—Статья 9-ая.—Негодованіе Е. П. Новикова.—Опасенія Н. П. Игнатьева и его критика конвенціи.—Кто повѣдалъ тайну Австріи?—Подозрѣнія Н. П. Игнатьева.—Татищевская легенда.—Нахальное заявленіе австрійскаго агента въ Бѣлградѣ.—Наше правительство не рѣшается принять вызовъ и старается замять дѣло.—Выписка изъ депеши Горчакова Н. П. Игнатьеву.—Уклончивость министерскихъ инструкцій.—М. Г. Черняевъ.—Deus ex machina.

Надежды на успѣхъ воздѣйствія державъ на Порту и посредничество между нею и инсургентами постепенно ослабѣвали: положеніе князя Милана становилось труднѣе и труднѣе. Конечно, по совѣту Австріи, онъ могъ границы княжества оцѣпить кордономъ войскъ и прекратить всякое общеніе съ инсургентами. Но это было легче сказать, нежели исполнить. Принять противъ движенія репрессивныя мѣры значило стать австрійскимъ жандармомъ, себя во мнѣніи народа уронить и соотвѣтственно поднять шансы соперничествующихъ фамилій: Нѣгошей и Карагеоргіевичей. Роль славянскаго вождя-патріота личному характеру князя Милана какъ ни претила, дѣлать было нечего, онъ принужденъ былъ ее играть до конца.

Но и другая альтернатива—оказывать возстанію поддержку—могла имѣть для Сербіи послѣдствія весьма серьезныя. Рѣшившись на свой рискъ и страхъ дѣйствовать, Сербія компрометтировала себя передъ державами и вызывала опасность турецкаго нашествія. Какъ бы то ни было, во избѣжаніе быть застигнутою врасплохъ, Сербіи въ военномъ отношеніи надлежало готовиться. По этому поводу Н. П. Игнатьевъ высказывается весьма опредѣленно. Въ письмѣ отъ 5—17 марта 1876 г., вотъ что онъ говоритъ А. Н. Карцову:

„Нахожу весьма благоразумнымъ постановленіе Совѣта, о ко-

[1]) См. «Русск. Стар.», февраль 1908 г.

торомъ извѣстила ваша телеграмма 20-го марта. Задирать турокъ и давать поводъ къ столкновенію было бы въ высшей степени безразсудно со стороны сербовъ, но готовыми къ дѣйствію и отпору слѣдуетъ имъ быть. Прошлою осенью Гуссейнъ Авни-Паша замышлялъ ударить внезапно на Сербію съ 50 до 60 тыс. войска подъ предлогомъ „неожиданнаго" для Порты пограничнаго столкновенія, вызваннаго сербскими бандами. При тогдашнемъ положеніи сербскихъ вооруженныхъ силъ, Сераскиру, пожалуй, удалось бы исполнить обѣщаніе, данное султану въ двѣ недѣли смять Сербію. Я тогда сослужилъ службу сербскому народу и князю Милану разстройствомъ плановъ военной турецкой партіи... Теперь пока опасности нѣтъ. Махмудъ и Рашидъ у меня въ рукахъ и не посмѣютъ напасть на Сербію. Но султанъ лично не прочь отъ самыхъ крутыхъ мѣръ при первомъ поводѣ. Министры меня просятъ завтра отправиться къ нему, чтобы внушить ему благоразуміе".

Въ свѣтѣ совершенно противоположномъ представлялись вещи съ точки зрѣнія, на которой стоялъ нашъ посолъ въ Вѣнѣ, Е. П. Новиковъ. По его мнѣнію, сербскія вооруженія были прямымъ поощреніемъ возстанію и дѣлали тщетнымъ мирное посредничество державъ. Приготовленія къ войнѣ Сербіи онъ называлъ не *оборонительными*, а *наступательными*.

Выступленіе Сербіи въ качествѣ славянскаго Пьемонта сильно озабочивало Австро-Венгрію. Одержи Сербія малѣйшій успѣхъ— австрійскіе славяне національныя свои притязанія подняли бы до максимума. Австрійское правительство изъявляло готовность поддерживать Россію противъ Турціи, однако, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы русская политика воздерживалась отъ дѣйствій, которыя могли бы въ славянскомъ мірѣ возбудить агитацію и разжечь страсти.

Равнымъ образомъ, и въ практическомъ отношеніи военное вмѣшательство Сербіи обѣщало мало хорошаго. Не Пьемонтъ рѣшилъ вопросъ италіанскаго объединенія, а штыки французской имперіи. Между тѣмъ, пораженіе Сербіи влекло за собою заступничество Россіи, т. е. ставило насъ лицомъ къ лицу съ Турціею.

Сербское правительство не переставало отъ А. Н. Карцова домогаться: какъ отнесется Россія къ вооруженіямъ Сербіи? Онъ, въ свою очередь, обратился частнымъ письмомъ къ Н. К. Гирсу. Отвѣтъ послѣдовалъ утвердительный.

„Въ письмѣ вашемъ отъ 28-го декабря 1875 г. писалъ Н. К. Гирсъ отъ 12-го января 1876 г., вы задали мнѣ такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ я не могъ взять на себя,—а потому я представилъ ихъ канцлеру, который съ своей стороны счелъ нужнымъ по-

вергнуть на воззрѣніе Государя все ваше письмо ко мнѣ.—Оно было прочтено съ любопытствомъ Его Величествомъ и удостоилось помѣты „Да“ противъ того мѣста, гдѣ вы спрашиваете—одобритъ ли васъ министерство въ томъ, что, стараясь вселить въ сербахъ убѣжденіе въ единствѣ нашихъ съ Австріею стремленій въ пользу мира,—вы въ то же время совѣтуете имъ готовиться на тотъ случай, если бы стремленія эти оказались безплодными?

Итакъ по этому вопросу у васъ руки развязаны. Но вы, конечно, не выпустите изъ виду крайней осторожности и предусмотрительности, необходимыхъ въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ.

Вообще всѣмъ, что вы сюда писали по возвращеніи вашемъ въ Сербію, здѣсь весьма и весьма довольны. Это вамъ, впрочемъ, уже извѣстно изъ телеграммы канцлера—и мнѣ остается лишь васъ поздравить съ этимъ успѣхомъ, что дѣлаю я тѣмъ охотнѣе, что *лично* раздѣляю я *вполнѣ* вашъ взглядъ на настоящія событія“.

Хотя и обставленное возможными оговорками и наставленіями крайней осторожности, разрѣшеніе Сербіи вооружаться представляло собою (въ этомъ Е. П. Новиковъ былъ совершенно правъ), отклоненіе dreikaiserbund'а и было въ противорѣчіи съ предшествующими нашими съ Австро-Венгріею соглашеніями. Снова карты переходили къ Н. П. Игнатьеву съ его политическою программою,— Россія и славянство fara da se. Сербское правительство почувствовало подъ ногами почву: оно принялось не только покупать патроны и обучать войско, но и подумывать—какъ бы уговориться съ Черногоріею, а если возможно и съ Греціею. Рѣшено было послать въ Цетинье съ проектомъ военной конвенціи Ранко Алимпича. Зажигательнымъ характеромъ обращала на себя вниманіе статья 9-ая конвенціи, въ силу которой Сербія и Черногорія взаимно обязывались оказывать возстанію поддержку. Въ промеморіи князь Миланъ эту статью пробуетъ оправдать слѣдующими соображеніями:

„Россія всегда совѣтовала Сербіи и Черногоріи поддерживать между собою дружественныя сношенія. Настоящій моментъ весьма благопріятенъ для заключенія союзнаго договора. Впрочемъ, проектъ, представленный Сербіею, касается лишь возможности войны, а это отнюдь не можетъ поколебать высокую благосклонность Россіи, ибо вполнѣ отвѣчаетъ общему смыслу совѣтовъ: готовиться въ виду событій. Единственная статья несогласная съ политикою Россіи— это статья 9-ая, обязывающая договаривающіяся стороны поддерживать возстаніе. Но Сербія можетъ помогать возстанію только денежно, тогда какъ Черногорія помогала и дѣломъ. Сербія предложила трактатъ: ей теперь назадъ пойти невозможно. Между тѣмъ Черногорія и такую редакцію считаетъ слишкомъ блѣдною. По этимъ

причинамъ Сербіи не слѣдовало бы дѣлать укоровъ, дабы еще болѣе не затруднить положеніе князя Милана.

Положеніе вещей въ Бѣлградѣ и мотивъ предположеній конвенціи въ донесеніяхъ своихъ А. Н. Карцовъ изложилъ со свойственною ему правдивостью, ничего не утаивая. Экспедицію свою онъ самолично повезъ въ Вѣну. Эффектъ получился необыкновенный: Е. П. Новиковъ пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе: „Какъ, воскликнулъ онъ, мы условились съ Австріею дѣйствовать заодно и въ примирительномъ духѣ, а сами за ея спиною побуждаемъ сербовъ вооружаться. А статья девятая, обязывающая Сербію и Черногорію поддерживать возстаніе... Развѣ это не мерзость“. Не теряя минуты, Е. П. Новиковъ засѣлъ писать въ Петербургъ и проектъ конвенціи подвергъ жесточайшей критикѣ. Въ то время какъ депеши переписывались въ конвенціи, а самъ посолъ, еще не остывъ отъ гнѣва, расхаживалъ по комнатѣ, А. Н. Карцовъ сидѣлъ въ креслѣ, понуривъ голову. „Что съ вами?“ остановился и спросилъ Новиковъ. Съ комическою грустью тотъ отвѣчалъ: „Je suis comme Charles Quint: j'assiste à mon propre enterrement“.

Такъ же остался недоволенъ конвенціею и Н. П. Игнатьевъ, но соображенія, имъ руководившія, были совершенно иного рода. Пуще всего онъ боялся (и не безъ основанія), чтобы тайна конвенціи по неосторожности нашего посольства въ Вѣнѣ не стала извѣстною графу Андраши. Опасенія эти Н. П. Игнатьевъ, не стѣсняясь, высказываетъ А. Н. Карцову въ письмѣ отъ 2—14 апрѣля 1876 г.:

„Составленіе и сообщеніе конвенцій, посланныхъ съ Алимпичемъ, было крайне неосторожно. Достаточно было простого оборонительнаго договора, который скрѣпилъ бы кровное сообщество, не компрометтируя никого. Не знаю какимъ путемъ, но содержаніе конвенцій сдѣлалось извѣстнымъ венгерцамъ. На вашемъ мѣстѣ я, прочитавъ проектъ, переданный вамъ Павловичемъ (и снявъ, можетъ быть, наскоро копіи) отдалъ бы ихъ обратно, поблагодаривъ за довѣріе и посовѣтовавъ дѣлать, что Богъ на душу пошлетъ, не ставя насъ въ фальшивое положеніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступилъ я въ 1868 году. Такимъ образомъ, избѣгли бы сообщенія съ Вѣнскимъ посольствомъ и петербургскихъ литографій. Тогда какъ теперь (horribile dictu) копіи провалившихся конвенцій валяются во всѣхъ канцеляріяхъ и, конечно, попали въ руки Бисмарка и Андраши. Легко было предвидѣть впечатлѣніе Е. П. Новикова въ данномъ случаѣ.

Знаю изъ самаго вѣрнаго источника что Е. П. Новиковъ убѣдилъ (черезъ Сабурова) Комундуроса отклонить присылку сербскаго уполномоченнаго. Греческій кабинетъ, напуганный нескром-

ностью сербовъ, яко бы поставившихъ въ извѣстность Вѣнское правительство относительно сего проекта рѣшился уклониться отъ преждевременныхъ переговоровъ, чтобы не быть компрометтированнымъ передъ Европою и Портою *безъ всякой пользы для дѣла.* Изъ Аѳинъ мнѣ передано, что греки удивляются легкомыслію сербовъ, которые если хотѣли предпринять что-нибудь серьезное,— „не должны были вмѣшивать европейскіе кабинеты, въ убѣжденіи, что даже сочувственное правительство не можетъ имъ посовѣтовать иное, какъ миръ и спокойствіе".

Передъ тѣмъ, въ письмѣ отъ 5/17 марта 1876 г. Н. П. Игнатьевъ писалъ А. Н. Карцову;

„Сербія и Черногорія должны были—въ виду грядущихъ, возможныхъ событій заключить между собою оборонительный договоръ. Къ сожалѣнію, въ редакцію проекта введены статьи, обличающія легкомысліе, непредусмотрительность и неосторожность. Не только статья 9-ая, но и нѣкоторыя другія безполезны и даже вредны, ибо компрометтируютъ индиректно и насъ (ихъ покровителей). Кромѣ того, военная конвенція входитъ преждевременно въ такія подробности, которыя могутъ *погубить* все дѣло. Опасаюсь, что она разглашена будетъ. Если Андраши узнаетъ, то и туркамъ будетъ сообщено. Въ искренность венгерцовъ къ намъ не вѣрю, а въ ненависти ихъ къ Сербіи убѣжденъ. *Знаю*, что самое пламенное желаніе ихъ теперь поссорить князя Милана съ кн. Николаемъ, раздуть взаимныя недовѣрія, охладить Петербургъ къ Сербіи, ослабить послѣднюю внутренними смутами и наконецъ осадить княжество на нѣсколько лѣтъ, чтобы сербы внутренніе и внѣшніе присмирѣли и пикнуть не смѣли передъ мадъярами. Цѣль вѣнская весьма ясна: хотятъ подорвать (подъ прикрытіемъ дружбы) наше вліяніе и значеніе (нравственное и политическое) двухъ правительственныхъ сербскихъ центровъ—Бѣлградъ и Цетинье—чтобы замѣнить ихъ вліяніемъ австрійскимъ. Въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ этого не видятъ. Авось „кривая" вывезетъ".

Кто же, однако, повѣдалъ австрійцамъ тайну? Н. П. Игнатьевъ ищетъ виноватаго повсюду: онъ находитъ (письма отъ 5/17 марта 1876 и 2/14 апрѣля 1876 г.), что князь Миланъ „бываетъ слишкомъ откровененъ и легкомысленъ въ разговорѣ съ нѣкоторыми личностями, и все передается венгерцамъ"... Такъ, напримѣръ, лишнее говорилось Доско, а эллинскій агентъ сообщилъ Вреде или доносилъ Ипсиланти, который, чтобы подслужиться (или по глупости) сообщилъ Андраши".

Съ своей точки зрѣнія, Н. П. Игнатьевъ былъ совершенно правъ, утверждая—А. Н. Карцову переговоры слѣдовало вести sous

la main, а въ особенности ничего не сообщать Е. П. Новикову. Фактъ существованія между Сербіею и Черногоріею тайныхъ сношеній и, при томъ, съ одобренія Россіи, по отношенію къ графу Андраши, ставилъ нашего посла въ положеніе самое ложное. Послѣ торжественныхъ обѣщаній единодушнаго дѣйствія, теперь мы уже снизошли до сдѣлки съ маленькою Сербіею, которая въ дѣйствительности, по слабости своего правителя князя Милана, была только орудіемъ революціонной „Омладины“. Представимъ себѣ—графъ Андраши приходитъ къ Е. П. Новикову и ставитъ ему ребромъ вопросъ: что означаетъ посылка Ранко Алимпича въ Цетинье? Е. П. Новикову ничего другого не осталось бы, какъ попробовать свалить вину на сербское правительство. Въ горячности бесѣды и въ оправданіе собственной bonne foi, онъ могъ обнаружить подробности, которыя графу Андраши до того и не были извѣстны. Но отъ прямого отвѣта если бы Е. П. Новикову и удалось уклониться, налицо былъ С. С. Татищевъ, проводившій съ графомъ Андраши вечера въ Carl Theater'ѣ, а по ночамъ, вмѣстѣ съ Ипсиланти, игравшій въ Jockay Club'ѣ. Разумѣется, это одни предположенія, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ они сами просились на умъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Н. П. Игнатьевъ разсказывалъ пишущему эти строки—на столѣ австро-венгерскаго посла въ Константинополѣ графа Зичи случайно увидалъ онъ русскую депешу весьма важную, кажется, князя Горчакова. Другіе члены нашего посольства въ Вѣнѣ (совѣтникъ Васильчиковъ, секретарь Алексѣй Татищевъ) возмущались преклоненіемъ Е. П. Новикова передъ Андраши. Такимъ-то образомъ и сложилась чудовищная легенда будто С. С. Татищевъ продалъ Австріи дипломатическіе секреты.

Что австрійское правительство вполнѣ освѣдомлено—это выступило наружу весьма скоро и въ формѣ неожиданной и грозной. Послѣдовалъ инцидентъ, которому въ своей перепискѣ князь Миланъ даетъ названіе la bombe Wrède. Вотъ какъ этотъ инцидентъ излагаетъ самъ князь Миланъ въ промеморіи.

„Князь Вреде былъ сегодня поутру у князя Милана и тономъ довольно неприличнымъ сдѣлалъ слѣдующую декларацію. Австрія и Россія приняли твердое рѣшеніе сохранить миръ; заявленія князя Николая весьма удовлетворительны; положеніе Сербіи вызывающее. Обѣ державы требуютъ, чтобы Сербія категорически высказалась въ пользу мира; чтобы она прекратила свои приготовленія, иначе державы предъявятъ ей ультиматумъ, а если Сербія не подчинится—Австріи будетъ поручено принять мѣры, дабы заставить Сербію стать относительно Порты въ надлежащее положеніе. Князь отвѣчалъ, что онъ не признаетъ за княземъ Вреде права говорить

отъ имени Россіи; что съ нимъ обходятся не такъ, какъ съ княземъ Николаемъ. Между тѣмъ Сербія не вызываетъ турокъ, а князь Николай поддерживаетъ возстаніе. Въ минуту, когда 40 т. турецкаго войска стоитъ на границѣ, сербская армія еще пашетъ поля. Наконецъ, что онъ князю Вреде дастъ отвѣтъ черезъ нѣсколько дней. Князь Миланъ поручаетъ мнѣ просить вашего совѣта; спросить васъ—австро-венгерскія угрозы дѣлаются ли съ согласія Россіи? и, наконецъ, вамъ замѣтить,—приготовленія дѣлались по совѣту Россіи".

Князь Вреде свою декларацію передалъ въ формѣ возможно торжественной, въ оффиціальной аудіенціи и отъ имени Императора Франца-Іосифа. Князь Миланъ всполошился не на шутку. Наканунѣ аудіенціи позднею ночью онъ звалъ къ себѣ А. Н. Карцова. Тотъ уже легъ спать и не пошелъ. Независимо промеморіи, переданной отъ имени министра иностранныхъ дѣлъ, князь Миланъ А. Н. Карцова пригласилъ придти перетолковать о bombe Wrède частною запискою. Но что могъ сказать А. Н. Карцовъ? Цѣль австрійской деклараціи была не столько пугнуть Сербію, сколько передъ нею русскую политику вывести на свѣжую воду. Вѣдь, если князь Вреде осмѣлился говорить отъ имени русскаго правительства, значитъ, графъ Андраши разсчитывалъ, что изъ Петербурга опроверженія не послѣдуетъ. Въ надеждѣ, хотя у Н. П. Игнатьева найти поддержку, А. Н. Карцовъ обратился къ нему съ вопросомъ: считаемъ ли мы себя солидарными съ угрозами, заявленными въ Бѣлградѣ княземъ Вреде, и что отвѣчать князю Милану? Телеграмму эту Н. П. Игнатьевъ сообщилъ канцлеру князю Горчакову, а А. Н. Карцова увѣдомилъ, что указаніе онъ получитъ изъ Петербурга. Въ дальнѣйшей перепискѣ Н. П. Игнатьевъ избѣгаетъ касаться щекотливаго инцидента и только однажды глухо пишетъ (отъ 2/14 апрѣля 1876 г.): „Васъ я всячески отстаиваю. Съ моимъ пріятелемъ графомъ Зичи побранился за Вреде и написалъ Ник. Карл. Гирсу (съ которымъ я давно въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ), что намъ стыдно выдавать своихъ агентовъ иностранцамъ, въ особенности „венгерцу". Вскорѣ А. Н. Карцовъ получилъ письмо отъ Е. П. Новикова отъ $\frac{\text{21 марта}}{\text{2 апрѣля}}$. Е. П. Новиковъ передалъ ему приказаніе князя А. М. Горчакова въ дѣлахъ, касающихся нынѣшняго политическаго кризиса на Востокѣ, обращаться въ министерство непосредственно, а не черезъ посольство въ Константинополѣ, какъ онъ передъ тѣмъ поступилъ въ инцидентѣ Вреде, за что князь Александръ Михайловичъ поручилъ Е. П. Новикову сдѣлать ему „дружеское замѣчаніе". Et c'est tout. Пойманная съ поличнымъ, наша дипломатія сочла

наиболѣе благоразумнымъ замять непріятное дѣло и оставить его безъ послѣдствій.

Итакъ въ то время какъ нашъ посолъ въ Константинополѣ въ Австро-Венгріи видѣлъ корень всего зла, его Вѣнскій коллега въ ней, и въ ней только одной, усматривалъ якорь спасенія. Поставленный между двухъ огней, дипломатическій агентъ нашъ въ Бѣлградѣ чувствовалъ себя совершенно сбитымъ съ толку. Что же наше министерство иностранныхъ дѣлъ, въ свою очередь, какъ смотрѣло оно на положеніе? Н. К. Гирсъ пишетъ А. Н. Карцову отъ 5/17 февраля 1876 г.

„Принятіе Портою Андрашевской ноты и высказанная ею готовность ввести требуемыя реформы—заставляетъ насъ дѣйствовать теперь и на инсургентовъ, равнымъ образомъ на Сербію и на Черногорію, для умиротворенія края. Вотъ, что канцлеръ писалъ по этому предмету Игнатьеву нѣсколько дней тому назадъ: je ne me dissimule d'aucune façon les difficultés que nous avons encore à surmonter. Si la Porte ne se borne pas à accepter nos propositions, mais se met immédiatement et consciencieusement à l'œuvre pour les réaliser sur place, elle nous offrirait les moyens et j'oserais dire nous imposerait le devoir de contenir les espérances éxagérées qu'on aura pu faire naître en Bosnie et en Herzégovine.

Въ виду важности настоящаго момента, мнѣ казалось полезнымъ, даже необходимымъ сообщить вамъ эту выписку, заключающую въ себѣ цѣлую программу,—въ особенности послѣ письма, въ которомъ я вамъ говорилъ о Высочайшемъ одобреніи сообщенныхъ мнѣ вами взглядовъ. Въ сущности *по мнѣнію моему* нѣтъ причины ихъ измѣнить, но болѣе чѣмъ когда-либо приведеніе ихъ въ дѣйствіе требуетъ осторожности...

...Какъ вамъ извѣстно, здѣсь встревожены посылкою Ранко Алимпича. Это показываетъ, какъ мы желаемъ избѣгнуть всего, что могло бы помѣшать умиротворенію".

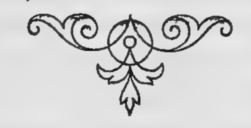
Словно въ зеркалѣ, отражаетъ письмо Н. К. Гирса роковую противорѣчивость нашей политики. Сначала изъ депеши Горчакова приводитъ онъ цитату въ духѣ и стилѣ dreikaiserbun'da, будто бы заключающую въ себѣ цѣлую программу. Эта программа тѣмъ де многозначительнѣй, что возникла она послѣ Высочайшаго одобренія сербскихъ вооруженій. Но весь достигнутый эффектъ Н. К. Гирсъ самъ уничтожаетъ добавленіемъ,—по его мнѣнію,—прежнихъ взглядовъ мѣнять нѣтъ причины, а только нужно ихъ проводить съ большею осторожностью. Пресловутой миссіи Ранко Алимпича онъ не одобряетъ, но и не осуждаетъ, а говоритъ лишь—въ Петербургѣ

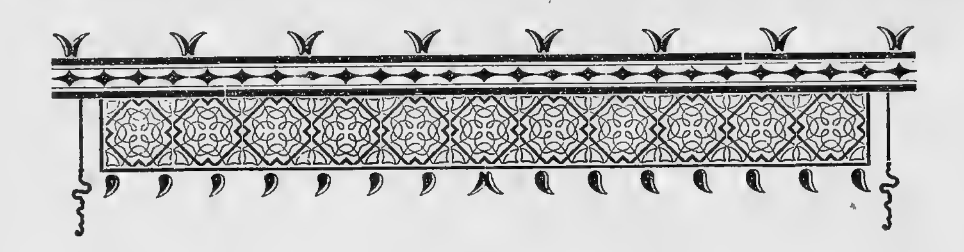
она вызвала тревогу, что̀ еще болѣе доказываетъ миролюбіе Императора Александра II.

Въ Бѣлградѣ надъ загадками русскаго дипломатическаго сфинкса еще долгое время себѣ бы ломали голову и колебались—кого слушаться: угрожающихъ предостереженій Австріи или, полныхъ сочувствія, но боязливыхъ совѣтовъ Россіи. Вдругъ неожиданно движеніе получило могучій толчокъ: изъ Петербурга прибылъ герой Ташкента и Георгіевскій кавалеръ генералъ Черняевъ и предложилъ сербскому правительству свои услуги.

Ю. С. Карцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Памяти П. А. Ефремова.

26-го декабря прошедшаго года скончался выдающійся библіографъ и знатокъ русской литературы Петръ Александровичъ Ефремовъ. Семья русскихъ ученыхъ, вообще немногочисленная, понесла, въ лицѣ покойнаго, значительную, невознаградимую потерю. Полвѣка прослужилъ Ефремовъ честно и плодотворно русской литературѣ на высоко-полезномъ, хотя малозамѣтномъ и рѣдко цѣнимомъ по достоинству, поприщѣ библіографа, и его имя не должно быть забыто русскимъ обществомъ. „Русская Старина" утратила въ немъ одного изъ своихъ лучшихъ давнихъ сотрудниковъ, имя котораго не разъ украшало страницы нашего журнала.

П. А. Ефремовъ родился 2 ноября 1830 г. въ Москвѣ. Отецъ его былъ однимъ изъ членовъ знаменитаго кружка Станкевича, къ которому принадлежалъ Бѣлинскій. Это былъ умный, образованный, любившій литературу человѣкъ, и сынъ его съ дѣтства привыкъ любить книгу. Воспитывался Ефремовъ въ первой московской гимназіи, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, курсъ котораго окончилъ кандидатомъ физико-математическаго факультета. Юность его прошла среди книгъ и самыхъ замѣчательныхъ людей старой Москвы; Ефремовъ мальчикомъ знавалъ Бѣлинскаго, который жилъ въ домѣ его отца. Переѣхавъ въ 1854 г. въ Петербургъ, П. А. поступилъ на государственную службу, которую послѣдовательно проходилъ въ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства, въ вѣдомствѣ удѣловъ и въ министерствѣ финансовъ. Послѣднею его должностью былъ постъ директора государственнаго банка, завѣдывавшаго всѣми сберегательными кассами.

Увлекшись еще на школьной скамьѣ собираніемъ книгъ и составивъ большую библіотеку по русской литературѣ и исторіи, Ефремовъ съ теченіемъ лѣтъ сталъ обладателемъ замѣчательнѣйшаго книгохранилища. Онъ не только собиралъ книги, но группировалъ матеріалы по многимъ интересовавшимъ его отраслямъ. Въ

его библіотеку вошли не только всѣ собранія сочиненій почти всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся русскихъ писателей, вся русская театральная литература XVIII вѣка, въ томъ числѣ всѣ сатирическія изданія XVIII вѣка, представляющія собою величайшую рѣдкость и неоднократно печатавшіяся,—но и такія единственныя рѣдкости, какъ обширные критико-біографическіе матеріалы о любомъ изъ крупныхъ нашихъ дѣятелей и писателей. Читая все, что появлялось въ свѣтъ, за всѣмъ слѣдя, П. А. съ неуклоннымъ вниманіемъ и удивительнымъ трудолюбіемъ собралъ въ альбомахъ вырѣзокъ множество статей и замѣтокъ, появившихся въ разныхъ журналахъ и газетахъ, и многое спасъ отъ забвенія. Такихъ альбомовъ у него было десять о Жуковскомъ, до двадцати о Пушкинѣ, пять о Грибоѣдовѣ. Кто погружался въ то бездонное море, которое называется библіографіей, тотъ пойметъ, что это за тяжелый, упорный трудъ. Славилось также ефремовское собраніе гравюръ, литографій и лубочныхъ картинокъ, проданное нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

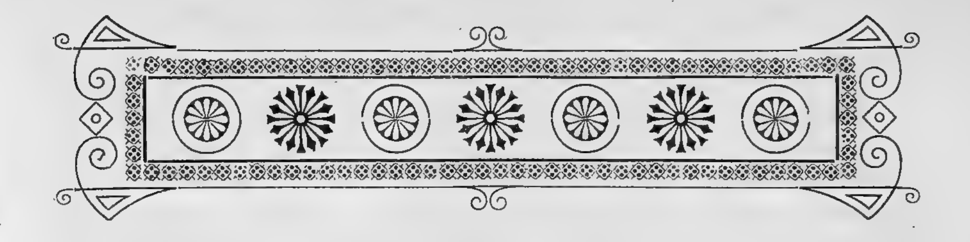
Въ то же время П. А. былъ далекъ отъ собиранія для собиранія, этого въ своемъ родѣ „искусства для искусства". Среди библіофиловъ всего распространеннѣе типъ „собирателя", сосредоточивающаго весь свой интересъ исключительно на рѣдкости предмета. Есть собиратели книгъ, напечатанныхъ только на веленевой бумагѣ; есть собиратели, гоняющіеся за экземплярами, напечатанными на цвѣтной бумагѣ; есть любители книгъ, изданныхъ въ небольшомъ числѣ экземляровъ; есть коллекціонеры, подбирающіе миніатюрныя изданія... До такого мелочнаго коллекціонерства Ефремовъ не унизился и всегда руководствовался въ своей библіофильской дѣятельности научнымъ и литературнымъ интересомъ. Не былъ онъ и собирателемъ-библіографомъ, который эгоистически держитъ подъ спудомъ накопленное добро и наслаждается имъ въ одиночку. Съ чрезвычайной любезностью, мало гармонировавшею съ его наружною суровостью, Ефремовъ дѣлился съ другими своими знаніями, не былъ скупъ на добрый и авторитетный совѣтъ и охотно предоставлялъ другимъ пользоваться матеріалами изъ его литературной сокровищницы. Самъ онъ много поработалъ перомъ. Не будучи литераторомъ въ точномъ смыслѣ слова, Ефремовъ превосходно высказалъ себя въ вспомогательной литературной отрасли—библіографіи. Впрочемъ, нельзя сказать, что онъ былъ совершенно чуждъ болѣе „свѣтской" литературы. Присущая его характеру сатирическая жилка проявилась въ цѣломъ рядѣ замѣтокъ, печатавшихся въ знаменитой „Искрѣ" В. С. Курочкина и Н. А. Степанова. Но это была лишь побочная сторона его литературной дѣятельности, и

извѣстность П. А. Ефремовъ пріобрѣлъ въ качествѣ библіографа. Съ первой библіографической статьей П. А. выступилъ въ 1857 г. въ „Современникѣ". Затѣмъ его многочисленныя статьи и замѣтки стали появляться въ „Библіографическихъ Замѣткахъ", „Отечественныхъ Запискахъ", „Голосѣ", „Книжномъ Вѣстникѣ", „Русск. Архивѣ", „Россійской Библіографіи", „Новомъ Времени", „Русской Старинѣ" и многихъ другихъ изданіяхъ. Списки его трудовъ, помѣщенные въ „Библіографѣ" 1892 г. и въ приложеніи къ редактированному имъ 10-му изданію сочиненій Жуковскаго, достаточно внушительно говорятъ о замѣчательномъ трудолюбіи покойнаго. При этомъ Ефремовъ былъ совершенно чуждъ крохоборства и никогда не увлекался мелочами, и каждая его замѣтка вносила нѣчто новое и существенное. Самыми крупными работами и самыми цѣнными заслугами П. А. были редакціи собраній произведеній цѣлаго ряда русскихъ писателей. Перифразируя извѣстныя слова Аполлона Григорьева о Бѣлинскомъ, имя котораго „какъ плющъ обросло четыре поэтическихъ вѣнца, четыре великихъ и славныхъ имени — Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова", можно сказать, что имя Ефремова навсегда связано съ именами многихъ крупныхъ русскихъ авторовъ. Подъ его редакціею были изданы произведенія Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Жуковскаго, Кантемира, Фонвизина, Новикова, Радищева (оно было сожжено въ 1872 г.), Лукина, Ельчанинова, Рылѣева, Полежаева, В. И. Майкова... Въ свое время П. А. Ефремовъ считался лучшимъ редакторомъ подобныхъ изданій. Послѣдними его работами были „Семь статей В. Г. Бѣлинскаго" (М., 1898) и восьмитомное собраніе сочиненій Пушкина (Спб., 1902—1905).

Выйдя въ 1893 г. въ отставку, П. А. жилъ сначала въ Москвѣ, а послѣднія нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Петербургѣ, среди любимыхъ книгъ, замѣтно угасая тѣломъ, но сохраняя до конца душевную бодрость, живой интересъ къ литературѣ и неслабѣющій юморъ. Его богатая память до гроба хранила бездну литературныхъ знаній и воспоминаній, которыя онъ унесъ съ собою въ могилу. 29-го декабря прахъ П. А. Ефремова былъ преданъ землѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, близъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ Радос

„Русская Старина", въ которой покойный печаталъ въ теченіе многихъ лѣтъ самыя интересныя изъ своихъ статей и сообщеній (о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Жуковскомъ, Рылѣевѣ, Бѣлинскомъ и друг.), навсегда сохранитъ благодарную память о своемъ незабвенномъ сотрудникѣ.

Воспоминаніе о пребываніи первой Русской военной миссіи въ Персіи.

Первая поѣздка въ Тегеранъ.

III.

Внѣшняя ограда города Тегерана.—Гарштегеръ.—Улицы города.—Русская дипломатическая миссія.—Посланникъ Зиновьевъ.—Чиновники посольства.

егеранъ окруженъ земляной оградой, состоящей изъ широкаго и глубокаго долговременной профили рва и земляного вала ввидѣ простого бруствера. Ровъ и валъ въ исправномъ состояніи, должно быть, выкопаны были недавно подъ руководствомъ иностранца Гарштегера. Это самый старинный инструкторъ въ Персіи, поступившій на службу вѣроятно въ первые годы царствованія Насръ-Эдинъ шаха. Родомъ австріецъ, онъ обладалъ большими свѣдѣніями по инженерной части. Гарштегеръ принесъ осязательную пользу въ Персіи, участвуя въ Гератскомъ походѣ въ 50 годахъ; ему же обязаны персіяне взятіемъ этого города. Въ мое время Гарштегеръ—ханъ въ чинѣ полнаго генерала персидской службы, оставался безъ опредѣленнаго назначенія, пользуясь заслуженнымъ почетомъ и содержаніемъ отъ правительства. Иногда онъ внезапно исчезалъ изъ Тегерана и, пробывъ въ отсутствіи болѣе или менѣе продолжительное время, возвращался всегда веселый и довольный къ общему удовольствію его друзей и знакомыхъ. Вѣроятно эти поѣздки были въ связи съ какими-нибудь специальными порученіями отъ правительства, которому онъ продолжалъ служить съ обычными ему рвеніемъ и энергіей, несмотря на свой преклонный возрастъ и тучную комплекцію.

Городской валъ примыкалъ къ воротамъ, которыхъ было семь или восемь, они представляли высокія сводчатыя постройки съ ши-

рокими желѣзными воротами. Во внутреннихъ стѣнахъ сводовъ были караульныя комнаты. Занимавшій ихъ караулъ имѣлъ своею обязанностью не пропускать никого въ ворота въ неуказанное время. Всѣ ворота въ опредѣленный часъ послѣ захода солнца запирались на запоръ и только можно было пройти въ нихъ имѣя на то письменный пропускъ. Нѣкоторые запоздавшіе безпечные путники, дабы не заночевать въ полѣ, должны были искать проходъ въ сторонѣ отъ воротъ, карабкаясь съ большимъ затрудненіемъ черезъ ровъ и валъ.

Въѣхавъ въ Казвинскія ворота и повернувъ налѣво, я продолжалъ путь по внѣшней улицѣ города. Въ недалекомъ разстояніи отъ слѣдующихъ городскихъ воротъ, повернулъ направо въ широкую улицу европейскаго квартала. На углу за высокими стѣнами высились громадныя густыя деревья обширнаго помѣстья; цѣлыя стаи грачей своимъ рѣзкимъ крикомъ нарушали обычную тишину азіатскаго города. Это привело мнѣ на память описаніе богатыхъ англійскихъ помѣстій, съ ихъ старинными парками и непремѣнною ихъ принадлежностью—грачами. На вопросъ мой объ этомъ помѣстьи дѣйствительно оказалось, что это была англійская миссія. Широкая улица этого квартала чисто содержанная и хорошо мощеная въ сущности только этимъ выдавала свою принадлежность къ европейскимъ образцамъ. На сторонахъ же улицы также не виднѣлось ни одного окна и почти сплошныя стѣны скрывали внутри дома. По этой улицѣ расположены посольства французское и австрійское въ нанятыхъ помѣщеніяхъ, а также турецкое въ довольно неказистомъ, но своемъ собственномъ. Зданіе же русскаго посольства находится совсѣмъ въ другой старинной части города, примыкая къ грязнымъ и извилистымъ улицамъ второстепенныхъ базаровъ. Проѣхавъ европейскій кварталъ, мы направились черезъ обширную окруженную высокими стѣнами артиллерійскую площадь; въ воротахъ находился часовой сарбазъ (солдатъ), но ничто не указывало на его строго-отвѣтственную обязанность; самымъ мирнымъ образомъ онъ занимался своимъ туалетомъ, такой же сарбазъ брилъ ему тутъ же голову, огромное капсюльное ружье его стояло невдалекѣ, прислоненное къ стѣнѣ.

Взявъ отъ воротъ наискось немного влѣво, мы черезъ другія ворота выѣхали съ площади и ужъ направились прямой длинной улицей къ зданію русской миссіи.

Окруженное съ четырехъ сторонъ очень высокими стѣнами обширное пространство, занимаемое русскимъ посольствомъ, можетъ быть раздѣлено почти на двѣ равныя половины.

Въ первой ея части прямо передъ въѣздными воротами, въ глу-

бинѣ большого мощенаго двора возвышалось главное зданіе посольства. Влѣво отъ него флигель для старшаго секретаря, съ правой же стороны длинное зданіе, въ которомъ были квартиры драгомана съ семьей, младшихъ чиновниковъ посольства и священника. Сводчатыми воротами въ зданіи посольства можно было пройти въ обширный садъ, въ немъ небольшая оранжерея, а въ дальнемъ углу флигель, гдѣ жилъ докторъ съ семьей. Главное зданіе посольства, повидимому, предназначалось не для одного посланника, при самомъ широкомъ размѣщеніи всегда оставалось большое количество свободныхъ комнатъ, которыя и предоставлялись въ пользованіе пріѣзжихъ, часто командируемыхъ по дѣламъ въ Персію. Въ этомъ же зданіи была домовая церковь.

По пріѣздѣ я былъ проведенъ въ назначенныя для меня комнаты. Заявивъ о желаніи представиться посланнику, я въ полной парадной формѣ явился ему.

Иванъ Алексѣевичъ Зиновьевъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, невысокаго роста, сухощавый съ нервнымъ и подвижнымъ лицомъ и съ быстро бѣгающими глазами. Серьезный, привѣтливый, онъ своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ словамъ собесѣдника чрезвычайно располагалъ его въ свою пользу. Во время трехгодичнаго моего прибыванія въ Персіи, при частыхъ сношеніяхъ съ Зиновьевымъ я имѣлъ достаточно случаевъ хорошо ознакомиться съ нимъ и даже почти изучить его. Иванъ Алексѣевичъ человѣкъ безспорно выдающійся на своемъ посту. Практически ознакомленный по своей продолжительной службѣ въ Персіи, Румыніи, Турціи и опять Персіи, онъ при своихъ обширныхъ теоретическихъ познаніяхъ обладалъ способностью и трудолюбіемъ. Кромѣ обычныхъ иностранныхъ языковъ онъ отлично говорилъ по-турецки и персидски. Долгая служба Зиновьева на востокѣ, хорошо ознакомивъ его съ противникомъ на дипломатическомъ поприщѣ, съ его увертками и затягиваніемъ дѣла, привила ему самому эти качества и дало сильное оружіе въ борьбѣ съ этимъ противникомъ. Весьма труденъ былъ для него турниръ съ такимъ дипломатомъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ Персіи, знаменитый Сапехсаляръ Азамъ Гусей-ханъ, но Зиновьевъ всегда приводилъ его къ желанному для себя результату. Какъ видно, у Ивана Алексѣевича было все, чтобы быть дѣятелемъ замѣченнымъ не однимъ только дипломатическимъ вѣдомствомъ.

Первые дни моего пребыванія въ посольствѣ, когда одиночество въ незнакомой обстановкѣ и полное отсутствіе какого-нибудь дѣла наводили порядочную тоску и скуку, я отчасти отводилъ душу въ обществѣ молодыхъ чиновниковъ посольства Панафидина и Похитонова. Эти хорошо воспитанные и симпатичные молодые люди, даже

въ средѣ своихъ товарищей-чиновниковъ иностранныхъ миссій, отличались особенной коректностью и порядочностью.

Къ сожалѣнію, кромѣ случаевъ оффиціальныхъ приглашеній, они почти никогда не показывались въ иностранномъ обществѣ. Постоянно закупоренные въ тѣсномъ кругу своей миссіи, они положительно лишены были возможности слѣдить за событіями внѣшней жизни, знаніе которыхъ такъ обязательно для агентовъ дипломатіи. Нельзя пропустить, впрочемъ, одного обстоятельства. Несмотря на свою видимую простоту, Панафидинъ и Похитоновъ были проникнуты чрезмѣрною важностью своего служебнаго положенія и считали себя ни болѣе, ни менѣе, какъ представителями Императора. На этой почвѣ происходили нерѣдко недоразумѣнія, которыя могли подать поводъ сомнѣваться въ существованіи добрыхъ отношеній между посольствомъ и русской военной миссіей. Понятно, что въ этомъ случаѣ могла проиграть только послѣдняя, какъ бы будирующая съ представителемъ Русскаго Императора.

Прошло нѣсколько дней и даже болѣе недѣли, какъ вялое персидское правительство, уже давно извѣщенное о моемъ пріѣздѣ, наконецъ дало о себѣ знать.

Драгоманъ Григоровичъ, часто освѣдомлявшійся въ персидскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, принесъ извѣстіе, что военный министръ просилъ меня составить разсчеты довольствія, обмундированія и вообще содержанія каждаго всадника и цѣлой части, взявъ за основаніе штаты русскихъ казаковъ. Началась весьма сложная работа, но не имѣя подъ рукой оффиціальныхъ свѣдѣній, приходилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшать дѣло гадательно. Въ этой работѣ большую пользу мнѣ принесъ Григоровичъ. Онъ занималъ мѣсто перваго драгомана русскаго посольства и, кажется, уже съ давняго времени. По происхожденію арабъ, въ малолѣтствѣ онъ былъ привезенъ въ Россію и воспитанъ какой-то благодѣтельницей-княгиней. Въ его воспитаніи замѣчалось не одно только формальное выполненіе нравственнаго долга, но видна была сердечная, почти родственная заботливость. Дальнѣйшимъ образованіемъ онъ былъ подготовленъ къ службѣ по дипломатіи. Зная, конечно, отлично персидскій языкъ, онъ также свободно владѣлъ французскимъ; характера твердаго, простой, прямодушный, онъ готовъ былъ помочь всякому, кто къ нему обращался. Вездѣ онъ пользовался любовью, а между персіянами слылъ подъ именемъ Арабъ-Саабъ (господинъ арабъ), такъ его называлъ и шахъ. По его родственному происхожденію съ персіянами и долгой службѣ въ этой странѣ, для него, казалось, не существовало сокровенныхъ пружинъ, которыми персіяне старались прикрыть свои дипломатическія тайны. Въ затруд-

нительныхъ случаяхъ онъ отправлялся въ персидское министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и находилъ возможность проникнуть въ тайны, окутанныя большею частью золотой англійской цѣпью.

Наша обоюдная работа переводилась Григоровичемъ на персидскій языкъ, переводъ просматривался Зиновьевымъ. По окончаніи эти свѣдѣнія были представлены военному министру и одобрены шахомъ.

IV.

Сапехсаляръ-Азамъ.—Смотръ шаха гулямамъ.—У Аля-У-Доуле.—Отъѣздъ въ Россію.

Какъ-то я съ Иванъ Алексѣевичемъ отправился представиться Сапехсаляръ-Азаму, занимавшему одновременно двѣ должности—министра иностранныхъ дѣлъ и военнаго. Не имѣя къ нему еще оффиціальнаго отношенія, визитъ мой имѣлъ скорѣе частный характеръ простого знакомства.

Пройдя пѣшкомъ по городу, почти на самомъ концѣ его, въ европейскомъ кварталѣ, мы вошли въ очень большой дворъ—помѣстье Сапехсаляръ-Азама. По срединѣ двора достраивался великолѣпный новый, такъ называемый, хрустальный дворецъ, сооружаемый со всѣми ухищреніями восточной роскоши знатнѣйшаго вельможи. Этотъ дворецъ отчасти и погубилъ его впослѣдствіи.

Теперь же Сапехсаляръ былъ послѣ шаха самымъ всесильнымъ лицомъ въ Персіи. Надѣленный глубокой ясностью ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лживостью языка, весьма способный, высоко образованный и умѣющій безгранично пользоваться своею властью, онъ былъ, безспорно, и первымъ лицомъ между всѣми дипломатами, проживающими въ Тегеранѣ. Но, кажется, по происхожденію Сапехсаляръ-Азамъ не принадлежалъ къ высокому аристократическому роду. Его заносчивость, этотъ безошибочный критерій, выдающій низменность происхожденія, указывала на то.

Постройка дворца, скопленіе въ его рукахъ большого богатства и сильный размахъ власти возбудили подозрѣніе шаха въ возможности отчаянно смѣлыхъ плановъ Сапехсаляра. Многочисленные его противники своими происками еще болѣе подтверждали эти подозрѣнія.

Черезъ два года Сапехсаляръ подвергся опалѣ и былъ удаленъ отъ дѣлъ.

Въ дальнемъ концѣ двора находился сравнительно небольшой домъ, въ которомъ жилъ Сапехсаляръ. Подойдя къ нему, мы по лѣстницѣ поднялись во второй этажъ; налѣво, вѣроятно, былъ входъ

въ главное помѣщеніе, направо же, куда мы повернули, находилась только одна довольно длинная, но не широкая комната. Посреди ея стоялъ большой круглый столъ, покрытый длинною до полу скатертью. За столомъ сидѣлъ въ халатѣ человѣкъ небольшого роста, довольно тучнаго сложенія, съ полнымъ безъ всякой растительности лицомъ, съ небольшими искрящимися веселыми и выражающими хорошее расположеніе духа глазами. Это былъ Сапехсаляръ-Азамъ. Увидя насъ, онъ привсталъ съ своего сидѣнія и радушно поздоровался съ Зиновьевымъ, который помѣстился на стулѣ рядомъ съ нимъ. Мнѣ же кивкомъ головы, ввидѣ полупоклона, указалъ на другой стулъ.

Я немного удивился, что онъ не встрѣтилъ болѣе церемонно посланника. Но это, какъ оказалось, было для него затруднительно: сидя за столомъ, онъ былъ какъ бы въ плѣну, ноги его, прикрытыя длинною скатертью, грѣлись надъ жаровней съ углями, одинъ изъ болѣе распространенныхъ способовъ согрѣванія въ персидскихъ домахъ.

Разговоръ, на персидскомъ языкѣ между посланникомъ и Сапехсаляромъ, длился не долго; повидимому, онъ не касался меня.

Тѣмъ и кончилось мое первое знакомство съ человѣкомъ, съ которымъ въ будущемъ мнѣ приходилось имѣть весьма частыя сношенія.

Покончивъ, повидимому, со всѣми вопросами, касавшихся предстоящаго мнѣ порученія, я все настоятельнѣе обращался къ посланнику, прося ускорить мой обратный отъѣздъ въ Россію. Но здѣсь подвернулось одно обстоятельство, задержавшее меня на нѣкоторое время.

Шахъ желалъ, въ моемъ присутствіи, сдѣлать смотръ своимъ гулямамъ, которые въ числѣ болѣе двухъ тысячъ составляли собственный его конвой.

Утромъ, въ день означеннаго смотра, я выѣхалъ за городскія ворота и широкой аллеей направился къ ближайшему загородному дворцу шаха Эшредъ-Абаду, вблизи котораго были собраны гулямы. Но они не составляли тѣснаго строя. Находясь на различныхъ одинъ отъ другого разстояніяхъ, всадники длинной линіей тянулись вдоль дороги, извиваясь сообразно ея поворотамъ и теряясь въ дали. При этомъ конечно не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь равненіи, не существовало даже между ними и связи. Дистанціи устанавливались сообразно темпераменту стоящихъ по сосѣдству лошадей, видимо непривычныхъ находиться даже въ такой свободно-развязной компаніи. Онѣ смотрѣли одна на другую, съ налитыми кровью глазами, грызли удила и только послушныя рукѣ всадника не дрались между

собою. Впрочемъ, при малѣйшей оплошности поднималась суматоха и въ такихъ мѣстахъ слышалось неистовое ржаніе и лязганье подковъ бившихся задними ногами жеребцовъ.

Какъ говорили, для этого неожиданнаго и необычнаго по времени смотра, пришлось по всему городу собирать лошадей и почти опустошить конюшни нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Указывали даже на присутствіе въ рядахъ гулямовъ лошадей изъ шахскихъ конюшенъ.

Надъ гулямами начальствовалъ родственникъ шаха Ала-У-Доуле, жившій чрезвычайно широко и расточительно, подспорьемъ чему служили деньги отъ большого некомплекта содержимыхъ имъ гулямовъ, въ особенности ихъ лошадей.

Часовъ въ 11 пришло извѣстіе о приближеніи шаха. Онъ появился въ сопровожденіи большой свиты, направился къ ближайшему лѣвому флангу гулямовъ и медленно двигался вдоль линіи. Не слышалось никакой команды, никакихъ привѣтственныхъ возгласовъ. Шахъ, проѣзжая, иногда спрашивалъ о чемъ-нибудь всадниковъ, или обращался къ кому-нибудь изъ свиты. Каждый изъ гулямовъ, мимо котораго проѣзжалъ шахъ, сидя на лошади, дѣлалъ глубокій поклонъ всѣмъ корпусомъ, какъ-то сгибаясь вправо. Но едва шахъ отъѣзжалъ шагомъ на десять, какъ сзади его, между гулямами начинался разговоръ; нѣкоторые изъ нихъ слѣзали съ лошадей, отходили назадъ къ стоящимъ тутъ же разносчикамъ, другіе же, садясь на землю, спокойно покуривали кальянъ.

Шахъ, обогнувъ флангъ, поѣхалъ рысью и остановился въ шагахъ трехстахъ въ тылу всей линіи. Вслѣдъ затѣмъ начали проскакивать мимо него одинъ за другимъ всѣ всадники. Скакали они отлично. Для превосходныхъ персидскихъ аргамаковъ, земля, сплошь усѣянная большими каменьями, не составляла препятствія. Сначала въ скачкѣ соблюдался кое-какой порядокъ, всадники слѣдовали одинъ за другимъ, затѣмъ дистанція между ними стала уменьшаться; появились сразу по два, по три человѣка. Задоръ видимо усиливался. Каждый старался обогнать другого, и началась бѣшеная безпорядочная скачка. Слышались какіе-то возгласы, произносились какія-то имена. Все это стремглавъ мчалось передъ шахомъ, вызывая его одобренія, нѣкоторые изъ всадниковъ, вѣроятно начальствующія лица, приподнимались на стременахъ всѣмъ корпусомъ, низко наклонялись ввидѣ поклона. Въ это время шахъ повернулся зачѣмъ-то назадъ. Подошедшій ко мнѣ Григоровичъ сказалъ, что шахъ зоветъ меня. „Какъ вы находите мою кавалерію?“—спросилъ меня отрывистымъ голосомъ шахъ.

Захваченный врасплохъ, я однако, обойдя смѣшныя стороны

строя, отвѣтилъ: что лошади отличныя и люди скачутъ прекрасно. „А можно ихъ обучить по-казачьи"?

— Это возможно, если удастся пріучить жеребцовъ стоять рядомъ одинъ около другого.

— Я дамъ въ ваше распоряженіе мой табунъ, двѣ тысячи лошадей, если потребуется кастрировать.

На это я отвѣтилъ, что я просилъ бы сначала сдѣлать испытаніе съ этими лошадьми гулямовъ.

Затѣмъ шахъ обратился къ Ала-У-Доуле и приказалъ, въ назначенное мною время, прислать сколько потребуется гулямовъ.

Скачка затѣмъ окончилась и съ нею весь смотръ. Шахъ поѣхалъ къ аллеѣ по направленію разбитыхъ тамъ палатокъ, гдѣ для него былъ приготовленъ десертъ: мороженое, разные фрукты, кофе...

Тамъ же шахъ наградилъ Ала-У-Доуле халатомъ, который онъ тотчасъ же надѣлъ.

Въ этотъ же вечеръ на большомъ городскомъ учебномъ плацу, я дѣлалъ испытанія, насколько лошади гулямовъ, какъ жеребцы, годны къ сомкнутому строю. Изъ приведенной сотни гулямовъ я выбралъ нѣсколько всадниковъ на болѣе смирныхъ лошадяхъ. Ихъ построили также на дистанціи, но ужъ по ровной линіи, затѣмъ оглаживая и успокоивая лошадей, стали понемногу уменьшать эти дистанціи и въ скоромъ времени достигли почти желаннаго результата.

Сомнѣваться было нечего, предстоящее дѣло было возможно, о чемъ и было доложено шаху.

Въ посольствѣ начали поговаривать, что шахъ желаетъ передать мнѣ гулямовъ для обученія ихъ казачьему строю. Но при этомъ добавляли, что Ала-У-Доуле слишкомъ силенъ, чтобы не отклонить это непріятное вмѣшательство въ его дѣло. Однако слухи эти начали какъ-будто потверждаться.

Дня черезъ два послѣ смотра посланникъ, зайдя ко мнѣ въ комнату, передалъ, что Ала-У-Доуле пригласилъ завтра на обѣдъ его, меня и Григоровича.

На другой день, въ означенный часъ, мы были у Ала-У-Доуле. Не помню хорошо подробности, но это былъ торжественнѣйшій пиръ. Еще гораздо раньше обѣда мы въ различныхъ гостиныхъ ѣли всякія сладости, пили шербеты, тянули кальяны и должны были любоваться въ саду плясками бачéй (переодѣтые въ женскіе костюмы мальчики). Однимъ словомъ, прелюдія обѣда была самая восточная.

Часовъ около восьми начался обѣдъ, приглашенныхъ было много,

а кушаній еще больше, однихъ плововъ сортовъ десять. Къ концу обѣда розлили по бокаламъ что-то въ родѣ шампанскаго.

При этомъ случилось одно курьезное обстоятельство, которое ясно потверждало ходившіе слухи о передачѣ мнѣ гулямовъ. Вставъ и приподнявъ бокалъ, Ала-У-Доуле провозгласилъ тостъ, сначала за здоровье полковника Домонтовича, а уже потомъ за посланника.

Въ этомъ странномъ фактѣ даже изысканная персидская вѣжливость не устояла передъ личнымъ побужденіемъ.

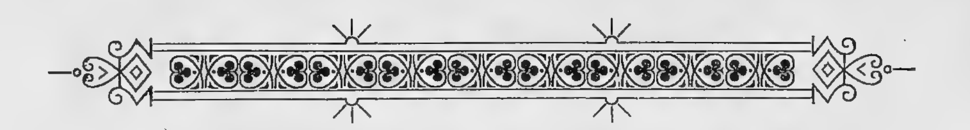
Этимъ обѣдомъ закончилось мое первое пребываніе въ Тегеранѣ.

7-го февраля былъ подписанъ контрактъ, и я на другой день выѣхалъ въ Россію.

А. Домонтовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Университетскій аттестатъ А. И. Герцена.

Въ дополненіе къ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ о прохожденіи А. И. Герценомъ университетскаго курса, сообщеннымъ М. К. Лемке въ „Мірѣ Божьемъ“ за январь 1906 г. и М. И. Успенскимъ въ „Быломъ“ за іюль 1907 г., приводимъ подлинное дѣло „О увольненіи кандидата Коллежскаго Секретаря Александра Герцена“, хранящееся въ архивѣ И. Московскаго Университета.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета
от Коллежскаго Секретаря Александра Герцена

ПРОШЕНІЕ.

Представляя данныя мнѣ на званіе кандидата и на полученную серебряную медаль свидѣтельства, равно и свидѣтельство отъ Совѣта Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, коимъ меня къ оному причисляютъ, покорнѣйше прошу Императорскаго Московскаго Университета Правленіе выдать мнѣ надлежащій аттестатъ.

Къ сему прошенію Коллежскій Секретарь и Кандидатъ Александръ Ивановъ сынъ Герценъ руку приложилъ.

1833 года іюля 31 дня.

Свидѣтельство.

Изъ Совѣта Императорскаго Московскаго Университета дано сіе свидѣтельство Александру Герцену въ томъ, что онъ, окончивъ курсъ наукъ по физико-математическому отдѣленію, былъ испытываемъ на основаніи Положенія о производствѣ въ ученыя степени, 1819 года января 20-го дня Высочайше утвержденнаго, и за отличные успѣхи и поведеніе опредѣленіемъ Совѣта 1833 года іюня 30-го дня утвержденъ Кандидатомъ отдѣленія физико-математическихъ наукъ. 1833 года іюля 6-го дня.

Ректоръ Двигубскій.

Секретарь Совѣта Михаилъ Каченовскій.

Письмоводитель Иванъ Масловъ.

М. П.

Копія.

От Императорскаго Московскаго Университета.

Своекоштный студентъ Александръ Герценъ за очень хорошіе успѣхи, оказанные при публичномъ испытаніи, и лучшее сочиненіе на заданный предметъ отъ отдѣленія физико-математическихъ наукъ, награжденъ въ торжественномъ собраніи 1833 года іюля 6-го дня серебряною медалью, въ засвидѣтельствованіе чего и данъ ему сей листъ, за подписаніемъ Ректора Университета и съ приложеніемъ Университетской печати, іюля 6-го дня 1833 года.

Подлинное подписали: Ректоръ Ив. Двигубскій.
Секретарь Совѣта Мих. Каченовскій.
Письмоводитель Масловъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Протоколистъ Висильской.

Подлинный для доставленія получилъ Тит. Сов. Григорій Ключаревъ. 3 авг. 1833 г.

Журналъ 31 іюля 1833 года.

№ 47. Прошеніе Кандидата Коллежскаго Секретаря Александра Герцена, при коемъ представлены данная ему на сіе званіе отъ Университетскаго Совѣта свидѣтельство, листъ на полученную имъ серебряную медаль и свидѣтельство Совѣта Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы,—проситъ выдать ему надлежащій аттестатъ. По справкѣ оказалось: означенный Герценъ, находясь на службѣ въ Экспедиціи Кремлевскаго строенія, что́ нынѣ Дворцовая контора, по данному отъ оной Экспедиціи дозволенію, допущенъ былъ къ слушанію профессорскихъ лекцій на основаніи Положенія Главнаго Училищъ Правленія, изъясненнаго въ отношеніи Г. Министра Народнаго Просвѣщенія къ Г. Попечителю отъ 17 сентября 1828 года за № 5601 прошлаго 1829 года октября 14-го дня.—Приказали: согласно съ прошеніемъ означеннаго Герцена, изготовя на званіе Кандидата надлежащій аттестатъ, выдать ему оный съ роспискою; а дѣло сіе, почисля рѣшеннымъ, сдать въ свое время въ Архивъ.

Вѣрно: Протоколистъ Васильской.
Разсматривалъ Д. Перевощиковъ.

А т т е с т а т ъ.

По Указу Его Императорскаго Величества изъ Правленія Императорскаго Московскаго Университета, Кандидату Александру Герцену, служившему Коллежскимъ Секретаремъ въ прежде бывшей Экспедиціи Кремлевскаго строенія, переименованной нынѣ въ Московскую Дворцовую Контору, въ томъ, что онъ, Герценъ, съ дозволенія своего начальства, на основаніи Положенія Главнаго Правленія Училищъ, изложеннаго въ отношеніи Гос. Министра Народнаго Просвѣщенія къ Гос. Попечителю М. У. О. отъ 17 сентября

1828, допущенъ 14 октября 1829 года къ слушанію въ семъ Университѣ Профессорскихъ лекцій, гдѣ, окончивъ курсъ по Отдѣленію Физико-Математическихъ наукъ (нынѣ 2-ое Отдѣленіе Философскаго Факультета), на основаніи Положенія о производствѣ въ ученыя степени, Высочайше утвержденнаго 20 января 1819 года, былъ испытываемъ въ наукахъ онаго Отдѣленія и оказалъ отличные успѣхи, доказанные и лучшимъ на заданный предметъ сочиненіемъ, за которое, равно какъ и за отличное поведеніе, онъ, Герценъ, награжденъ серебряною медалью. Вслѣдствіе чего опредѣленіемъ Университетскаго Совѣта 30 іюня 1833 года утвержденъ кандидатомъ Отдѣленія Физико-Математическихъ наукъ и, по прошенію его, уволенъ изъ Университета съ Аттестатомъ, выданнымъ изъ Правленія 3 августа того же 1833 года за № 2800, въ которомъ изъяснено, что, какъ онъ, Герценъ, окончилъ полный курсъ Университетскаго ученія, то имѣетъ право пользоваться Высочайше дарованными преимуществами, означенными въ 43 § Положенія о производствѣ въ ученыя степени и въ Указѣ 9 іюля 1822 года.— Нынѣ онъ, Герценъ, служащій въ Канцеляріи Г. В. Г. Г. Титулярнымъ Совѣтникомъ, въ прошеніи своемъ на имя Правленія Университета объяснилъ, что желаетъ имѣть Аттестатъ напечатаннымъ на пергаментѣ, для чего и представляетъ прежде данный ему за № 2800; а потому и выданъ ему новый Аттестатъ, прежній же оставленъ при дѣлахъ Университета. Москва.—Ноября 1839 года.

Слѣдующій документъ, хранящійся въ томъ же архивѣ, дастъ возможность точно установить время вступленія Н. П. Огарева въ Московскій университетъ.

Генваря 25-го 1832 г.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета

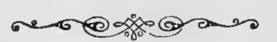
от служащаго въ Государственной Коллегіи
Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскомъ Архивѣ,
Дворянина Николая Огарева

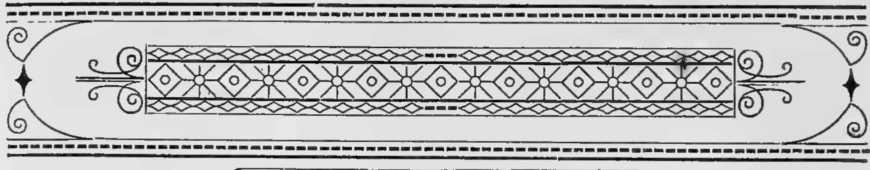
ПРОШЕНІЕ.

Имѣя желаніе слушать лекціи въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ на существующемъ для находящихся на службѣ положеніи, покорнѣйше прошу Правленіе онаго Университета допустить меня къ слушанію профессорскихъ лекцій Нравственно-Политическаго Отдѣленія и снабдить подлежащею для сего табелью. При семъ честь имѣю приложить и свидѣтельство о моемъ званіи.

Къ сему прошенію руку приложилъ Дворянинъ Николай Огаревъ.

Сообщилъ М. Г.

Къ исторіи Крымской кампаніи.

(Изъ переписки англійской королевы Викторіи) [1]).

1853—1856.

Королева Викторія съ самыхъ юныхъ лѣтъ имѣла обыкновеніе хранить въ строгомъ порядкѣ всѣ получаемые ею письма и черновики своихъ отвѣтовъ; послѣ ея восшествія на престолъ также точно сохранялась и ея оффиціальная корреспонденція, и въ результатѣ получилось единственное въ своемъ родѣ собраніе государственныхъ документовъ, состоящее изъ писемъ и меморандумовъ англійскихъ министровъ по вопросамъ внѣшней, внутренней и колоніальной политики Англіи, черновыхъ отвѣтовъ на нихъ королевы, и ея личной обширной переписки съ коронованными особами. Всѣ эти бумаги подобраны и переплетены по томамъ, частью въ хронологическомъ порядкѣ, частью по содержанію писемъ. Число писемъ, написанныхъ королевой и ею внимательно прочитанныхъ, поразительно. Объ этомъ можно судить по тому, что только бумаги, касающіяся сорокалѣтняго періода съ 1821—1861 г.г., составили до 6.000 томовъ, а небольшая часть ихъ, изданная нынѣ, составляетъ три объемистыхъ печатныхъ тома.

Къ числу наиболѣе интересныхъ принадлежатъ тома, заключающіе переписку королевы съ ея дядей, бельгійскимъ королемъ Леопольдомъ, а также собраніе писемъ къ лорду Мельборну.

По желанію королевы, къ письмамъ, касающимся важнѣйшихъ политическихъ событій и серьезныхъ дипломатическихъ перегово-

---

[1]) Queen Victoria Letters ed. by A. C. Binson and Viscount Esher. 3 vol.

ровъ, приложены выписки изъ ея дневниковъ, служащія дополненіемъ или поясненіемъ содержанія этихъ писемъ.

Обнародовать всю эту переписку невозможно,—это составило бы нѣсколько сотъ томовъ, но по желанію короля Эдуарда, нынѣ издана часть этихъ въ высокой степени любопытныхъ писемъ, представляющихъ богатый матеріалъ для историка и для будущаго біографа королевы Викторіи.

Къ сожалѣнію, самое незначительное число этихъ писемъ имѣетъ какое-либо отношеніе къ Россіи и поэтому можетъ найти мѣсто на страницахъ „Русской Старины"; это письма, относящіяся ко времени Крымской кампаніи.

Въ 1853 г. Восточный вопросъ заслонилъ собою всѣ прочіе политическіе интересы. Многолѣтній споръ изъ-за святыхъ мѣстъ вступилъ въ новый фазисъ: разгнѣванное Портою русское правительство рѣшило поддержать свои требованія вооруженной силою, и князь Меншиковъ былъ посланъ въ Константинополь, чтобы предъявить Дивану рѣшительныя требованія царя; въ то же время Николай I, въ откровенной бесѣдѣ съ англійскимъ посланникомъ, сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ завелъ рѣчь о „больномъ человѣкѣ" и предложилъ ему, чтобы въ случаѣ распаденія Турецкой имперіи, владѣнія султана были раздѣлены между Россіей и Англіей. Слова государя были немедленно переданы англійскому правительству.

Вслѣдъ за Меншиковымъ прибылъ въ Константинополь лордъ Стратфордъ Редклифъ, посланный туда, чтобы поддержать интересы Великобританіи; вопросъ о святыхъ мѣстахъ былъ улаженъ; но князь Меншиковъ былъ уполномоченъ кромѣ того поднять вопросъ о протекторатѣ Россіи надъ христіанскими подданными султана. Порта подъ вліяніемъ лорда Редклиффа отвѣтила на требованіе русскаго посла отказомъ, и царь приказалъ русскимъ войскамъ занять Придунайскія княжества, „въ залогъ, доколѣ Турція не удовлетворитъ справедливымъ требованіямъ Россіи".

Въ то время въ Англіи еще не предполагали, что изъ-за этого возгорится война.

„Восточный вопросъ застылъ", писала королева своему дядѣ [1]), „Русскій Императоръ долженъ дать намъ возможность вывести его изъ затруднительнаго положенія. Я убѣждена, что намъ удастся избѣжать войны, но *какъ* это сдѣлать, я еще не вижу".

Относительно Восточнаго вопроса, мнѣнія въ англійскомъ кабинетѣ раздѣлились: особенно рѣзкое разногласіе возникло между лордомъ Пальмерстономъ,—представителемъ старой, враждебной

---

[1]) Письмо королевы къ королю бельгійскому отъ 22 іюня 1853 г.

Россіи партіи, и главою кабинета—лордомъ Абердиномъ, который не довѣрялъ туркамъ, точно такъ же, какъ Гладстонъ, не признававшій для англійскаго правительства обязательства охранять неприкосновенность Оттоманской имперіи.

Ультиматумъ Порты, съ требованіемъ очистить княжества, былъ отклоненъ Россіей.

„Изъ Константинополя получены весьма тревожныя вѣсти", писала королева лорду Кларендону [1]) „они внушаютъ опасенія за будущее... Въ случаѣ войны, нахожденіе эскадръ передъ Константинополемъ освободитъ русскаго Императора отъ роли великодушнаго защитника султана, заботящагося о возстановленіи порядка".

Вначалѣ, Англія рѣшила держаться оборонительнаго образа дѣйствій; судамъ, поспѣшно посланнымъ въ Константинополь, было приказано стоять въ Босфорѣ, а въ случаѣ если бы русскіе перешли Дунай или напали на прибрежныя турецкія владѣнія, то союзный флотъ долженъ былъ вступить въ Черное море.

Несмотря на посылку эскадры, въ Англіи не думали, что дѣло дойдетъ до войны; самъ премьеръ еще 7 октября сомнѣвался въ томъ, что „Россія начнетъ непріязненныя дѣйствія" и высказывался въ томъ смыслѣ, что „возможность рѣшить дѣло путемъ переговоровъ еще не потеряна", предостерегая королеву, что „Россія приметъ вступленіе союзныхъ судовъ въ Черное море за объявленіе войны", онъ доказывалъ, что „если бы лордъ Стратфордъ думалъ, что, въ случаѣ войны, турки не встрѣтятъ поддержки со стороны державъ, то онъ заставилъ бы ихъ вѣроятно отказаться отъ своихъ воинственныхъ намѣреній" [2]).

„Русскому Императору не удалось образовать лигу сѣверныхъ монарховъ противъ западныхъ державъ", говорилъ лордъ Абердинъ [3]), „онъ жалуется на поведеніе державъ, которыя унизили его въ глазахъ всего міра, убѣдивъ его принять извѣстную ноту, а затѣмъ согласившись принять ее въ измѣненной Турціей редакціи. „Пусть они дѣлаютъ теперь что хотятъ, говорилъ Николай I, пусть они рѣшатъ сначала дѣло съ Турціей, рѣшатъ все окончательно и сообщатъ ему то, что будетъ рѣшено. Ему это дѣло наскучило, и онъ бы охотно навсегда развязался съ нимъ".

Абердинъ предлагалъ королевѣ поступить по совѣту царя, выработать совмѣстно съ Турціей ноту, опустивъ въ ней всѣ пункты,

---

[1]) Письмо королевы графу Кларендону, отъ 24 сентября 1853.

[2]) Письмо Абердина къ королевѣ отъ 7 октября 1853 г.

[3]) Меморандумъ принца Альберта, составленный 16 октября 1853 г., въ которомъ изложена бесѣда королевы съ премьеромъ.

*

противъ которыхъ Порта предъявила, по совѣту Стратфорда, свои возраженія, при обсужденіи Вѣнской ноты, стараясь согласовать по возможности ея содержаніе съ заявленіемъ, сдѣланнымъ самимъ царемъ въ Ольмюцѣ, что онъ не добивается никакихъ правъ, привилегій и преимуществъ, и желаетъ одного—строгаго соблюденія status quo".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Абердинъ считалъ необходимымъ заявить Портѣ, что если она будетъ создавать ненужныя затрудненія и дѣлать попытки уклониться отъ мирнаго рѣшенія вопроса, то державы не окажутъ ей поддержки и предоставятъ ей самой выпутаться изъ бѣды.

Таковъ былъ въ то время взглядъ на домогательства Турціи главы англійскаго кабинета, миролюбивыя стремленія котораго сдѣлали его имя вскорѣ весьма непопулярнымъ въ странѣ.

Конечно, трудно было разсчитывать, что турки упустятъ случай объявить войну Россіи въ столь благопріятный для нихъ моментъ, когда христіанскій міръ признялъ правоту ихъ дѣйствій, и когда имъ представлялась возможность воевать бокъ о бокъ съ Англіей и Франціей.

Лично, королева Викторія была противъ войны и подумывала даже объ отозваніи изъ Константинополя лорда Стратфорда, который все время разжигалъ тамъ страсти.

„Какъ видно изъ его частныхъ писемъ", писала королева Абердину [1]), „онъ хочетъ войны и старается втянуть насъ въ нее. Когда онъ говоритъ о необходимости не только „обнажить мечъ, но и не вкладывать его болѣе въ ножны, то мысль его совершенно ясна, поэтому возникаетъ серьезный вопросъ, правильно ли мы поступаемъ, оставляя лорда Стратфорда долѣе въ такомъ положеніи, которое даетъ ему возможность дѣйствовать наперекоръ всѣмъ нашимъ стараніямъ сохранить миръ".

Въ томъ же письмѣ королева выражала свое величайшее изумленіе по поводу того, что „лордъ Стратфордъ препроводилъ англійскому правительству безо всякаго замѣчанія, со своей стороны, нелѣпое предложеніе, сдѣланное ему Решидъ-пашою, который, домогаясь заключить союзъ съ Англіей, выражалъ желаніе, чтобы англійскій флотъ соединился съ турецкимъ для совмѣстныхъ дѣйствій, и чтобы лишнія суда были посланы въ Бѣлое море"! Нота, въ которой паша излагалъ это желаніе, оканчивалась словами: „Порта хотѣла бы, чтобы вышеупомянутые пункты были подтверждены дѣйствіями Англіи и Франціи, и чтобы онѣ доказали своимъ поведеніемъ, что

---

[1]) Королева Викторія—лорду Абердину, 5 ноября 1853 г.

онѣ намѣрены дѣйствовать въ этомъ именно смыслѣ"; королева находила, что это былъ прекрасный случай заявить турецкому правительству отрыто и рѣшительно, что „*мы* [1]) *не намѣрены* быть использованы ею въ ея личныхъ цѣляхъ". Подобное заявленіе могло бы быть *вручено* турецкому правительству, дабы въ будущемъ по этому поводу не могло возникнуть никакихъ недоразумѣній".

Наканунѣ того дня, когда были написаны эти строки, война фактически началась, и первое сраженіе при Ольтеницѣ, происходившее 4 ноября, окончилось для Турціи благопріятно.

Между тѣмъ Императоръ Николай сдѣлалъ шагъ, который въ Англіи былъ сочтенъ „необычайнымъ"; ища поддержки въ королевѣ Викторіи, онъ написалъ ей собственноручное письмо:

„Царское село, 18/30 октября 1853 г.

Madame! вашему величеству извѣстны, надѣюсь, чувства искренняго расположенія, которыя я питаю къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь лично познакомиться съ вами. Мнѣ казалось, что и вы отнеслись ко мнѣ доброжелательно. Надѣюсь, вы мнѣ простите, если наканунѣ весьма серьезныхъ, быть можетъ, событій я обращаюсь къ вамъ лично, чтобы попытаться предотвратить огромное несчастіе, избѣжать которое требуютъ одинаково интересы обѣихъ странъ. Я рѣшаюсь на это съ тѣмъ большимъ довѣріемъ, что задолго до того момента, когда Восточный вопросъ принялъ тотъ прискорбный оборотъ, какой онъ имѣетъ нынѣ, я вошелъ, черезъ сэра Гамильтона Сеймура, въ непосредственное сношеніе съ В. В., съ цѣлью обратить ваше вниманіе на возможныя, хотя не наступившія еще осложненія, которыя представлялись мнѣ весьма вѣроятными и которыя я готовъ былъ выяснить *прежде всего* съ англійскимъ кабинетомъ, чтобы устранить, по мѣрѣ возможности, существующее между нами разногласіе въ взглядахъ.

Происшедшая въ то время переписка, которую вы соблаговолите, быть можетъ, перечитать еще разъ, достигла цѣли, такъ какъ она познакомила англійское правительство въ точности съ самыми сокровенными моими мыслями касательно этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ; тогда же, въ отвѣтъ на нихъ, мнѣ были сообщены взгляды, какихъ держалось, какъ я полагалъ, на этотъ вопросъ правительство Вашего Величества.

Коль скоро намъ были извѣстны наши взаимныя желанія, въ силу какого же рокового стеченія обстоятельствъ возникло между нами такое явное разногласіе во взглядѣ на вещи, относительно которыхъ мы какъ будто пришли къ соглашенію въ самомъ началѣ,

---

[1]) Т. е. Англія.

когда я связалъ себя словомъ по отношенію къ Вашему Величеству, полагая, *что англійское правительство также связало себя по отношенію ко мнѣ.*

Я взываю къ чувству справедливости и къ сердцу Вашего Величества и прошу васъ рѣшить, со свойственнымъ вамъ яснымъ умомъ и здравымъ сужденіемъ, возникшее между нами недоразумѣніе.

Будемте дѣйствовать по-прежнему въ добромъ согласіи, какъ я этого горячо желаю, и какъ этого требуетъ польза нашихъ государствъ; или вы полагаете, что англійскій флагъ долженъ развѣваться рядомъ съ полумѣсяцемъ, чтобы побѣдить Андреевскій крестъ?!

Каково бы ни было рѣшеніе Вашего Величества, вы можете быть увѣрены въ искреннемъ расположеніи, съ какимъ я всегда буду, Вашего Величества преданный братъ и другъ Николай".

Посылая это письмо для прочтенія лордамъ Абердину и Кларендону, королева отозвалась о немъ какъ о весьма важномъ и полезномъ шагѣ въ томъ отношеніи, что онъ не только связывалъ царя лично, но давалъ и ей возможность выяснить нѣкоторые факты и изложить частнымъ образомъ взгляды, которыми должны были въ дальнѣйшемъ руководиться ея министры и она сама.

Вотъ что отвѣчала королева на письмо Императора Николая.

„Windsor castle, 14 ноября 1853 г.

Sire et très cher Frère! Письмо Вашего Императорскаго Величества отъ 18/30 октября доставило мнѣ глубокое и искреннее удовольствіе. Я глубоко тронута высказаннымъ вами расположеніемъ. Ваше Величество знаете меня слишкомъ хорошо, чтобы сомнѣваться въ его взаимности.

Я хотѣла также поблагодарить васъ, Государь, за откровенность, съ какою вы говорите о грозящихъ намъ осложненіяхъ. Желая пойти навстрѣчу лояльнымъ намѣреніямъ Вашего Величества, я считаю долгомъ, со своей стороны, высказать совершенно откровенно свой взглядъ на этотъ предметъ. Это будетъ, я въ томъ увѣрена, лучшее средство поддержать между нами искреннюю дружбу.

Исполняя ваше желаніе, я перечитала конфиденціальныя сообщенія, сдѣланныя мнѣ вами весною, при посредствѣ сэра Гамильтона Сеймура, и отвѣты, которые моему правительству повелѣно было дать вамъ.

Хотя между Вашимъ Величествомъ и мною существовало въ то время большое разногласіе во взглядахъ относительно Турціи и оцѣнки ея жизнеспособности, однако меморандумъ Вашего Величества отъ 3/15 апрѣля вполнѣ разсѣялъ всѣ докучливыя недоразу-

мѣнія и показалъ мнѣ, что хотя мы и не вполнѣ сходимся во взглядахъ относительно „здоровья“ Оттоманской имперіи, но что мы могли сойтись въ мнѣніи относительно необходимости поддержать ея существованіе, не ставить ей унизительныхъ требованій, въ томъ предположеніи, разумѣется, что прочія державы поступили бы такъ же, и чтобы никто не воспользовался ея слабостью, чтобы добиться какихъ-либо особыхъ преимуществъ. Вашему Величеству угодно было заявить по этому поводу, что вы готовы дѣйствовать совмѣстно съ Англіей, дабы продлить существованіе Турецкой имперіи, при условіи, что будутъ устранены всѣ поводы, которые могли бы вызвать опасеніе, что будетъ приступлено къ ея раздѣлу.

Я была также убѣждена въ томъ, что между нами не существовало и не могло существовать разногласія во взглядахъ относительно правъ на Святыя мѣста, которыя, какъ я предполагала, были единственнымъ поводомъ къ жалобамъ Россіи противъ Порты.

Я вполнѣ довѣряю, Государь, слову, данному мнѣ въ то время Вашимъ Величествомъ, которое было подтверждено мнѣ впослѣдствіи тѣми увѣреніями, изъ коихъ я узнала о вашихъ намѣреніяхъ. Никто такъ не цѣнитъ, какъ я, лояльность Вашего Величества, и я хотѣла бы, чтобы моя увѣренность въ томъ устранила съ нашего пути всѣ затрудненія. Но Вашему Величеству извѣстно, что какъ бы ни были чисты побужденія, руководящія поступками монарха, какъ бы ни были возвышенны его личныя качества, они не играютъ рѣшающей роли при заключеніи международныхъ договоровъ, коими одно государство связываетъ себя съ другимъ торжественнымъ обѣщаніемъ, а, судя по формѣ, въ какой были предъявлены Портѣ извѣстныя требованія, можно сказать, что истинныя намѣренія Вашего Величества были невѣрно поняты и истолкованы.

Такъ какъ мнѣ очень хотѣлось выяснить, Государь, что̀ именно могло вызвать то прискорбное недоразумѣніе, то мое вниманіе невольно остановилось на 7 статьѣ Кайнарджинскаго договора, и я должна сказать Вашему Величеству, что, переговоривъ съ самыми компетентными лицами, которыхъ я просила высказать ихъ мнѣніе относительно смысла, какой можетъ имѣть эта статья, и перечитавъ ее сама, съ самымъ искреннимъ желаніемъ быть безпристрастной, я пришла къ убѣжденію, что въ этой статьѣ нѣтъ ничего, что̀ оправдывало бы то толкованіе, какое ей хотѣли придать. Всѣ друзья Вашего Величества увѣрены, такъ же точно, какъ я, что вы не злоупотребили бы властью, которую она предоставляетъ вамъ; но подобное требованіе едва-ли могло бы быть принято монархомъ, дорожившимъ своей независимостью.

Не скрою того тягостнаго впечатлѣнія, какое произвела на меня

оккупація княжествъ. Она вызвала въ Европѣ, за послѣдніе четыре мѣсяца, всеобщую тревогу и можетъ повести къ дальнѣйшимъ событіямъ, о которыхъ я буду глубоко скорбѣть не менѣе Вашего Величества. Но такъ какъ намѣренія Вашего Величества по отношенію къ Портѣ дружественны и безкорыстны, то я надѣюсь, что вы найдете средство высказать ихъ и привести въ исполненіе въ такой формѣ, которая предовратитъ тяжкую опасность, устранить которую составляетъ, могу васъ увѣрить, мое единственное желаніе. Безпристрастіе и вниманіе, съ какимъ я старалась устранить причины, мѣшавшія до сихъ поръ всѣмъ попыткамъ къ примиренію, даютъ мнѣ твердую увѣренность въ томъ, что на самомъ дѣлѣ не существуетъ препятствій, которыя не могли бы быть устранены или предотвращены при содѣйствіи Вашего Величества.

Уповая на Бога, я не теряю надежды на благополучный исходъ, даже послѣ прискорбнаго столкновенія, приведшаго къ кровопролитію въ княжествахъ. Зная, что всѣ преисполнены самыми лучшими намѣреніями, и что у всѣхъ одни общіе интересы, я надѣюсь, что Всемогущій Господь не допуститъ, чтобы Европа, въ нѣдрахъ которой кроется такъ много горючаго матеріала, была объята пожаромъ.

Да хранитъ Господь Ваше Величество. Вѣрьте искреннему расположенію, съ какимъ я остаюсь, Государь и дорогой братъ (Sire et cher Frère), Вашего Величества добрая сестра и другъ (la bien bonne soeur et amie) Викторія".

Въ отвѣтъ на это письмо Императоръ Николай написалъ королевѣ 2/14 декабря 1853 г. слѣдующія характерныя строки:

„Я очень благодаренъ Вашему Величеству за то, что вы были такъ добры, столь дружественно и откровенно отвѣтить на письмо, которое я имѣлъ честь написать вамъ. Благодарю васъ также за довѣріе, съ какимъ вы отнеслись къ моимъ словамъ; мнѣ кажется, я заслужилъ его, и моя двадцативосьмилѣтняя политическая, подъ часъ весьма нелегкая, жизнь не даетъ никому права не довѣрять моему слову.

На сказанное Вашимъ Величествомъ, я позволю себѣ однако возразить что въ дѣлахъ общественныхъ и въ сношеніяхъ между державами, не можетъ быть ничего священнѣе слова монарха; въ моихъ глазахъ это такъ и есть, такъ какъ отъ его рѣшенія зависитъ окончательно: быть войнѣ или миру.

Не стану утруждать вниманія Вашего Величества подробнымъ разборомъ того толкованія, какое вы придаете 7 статьѣ Кайнарджинскаго договора; скажу одно, что Россія и Порта, въ теченіе 80 лѣтъ, понимаютъ его такъ, какъ мы толкуемъ его до сихъ поръ; и только

въ послѣднее время толкованіе это измѣнилось, подъ вліяніемъ тѣхъ подстрекательствъ, о которыхъ Вашему Величеству извѣстно такъ же точно, какъ мнѣ. Возстановленіе этого толкованія въ его первоначальномъ видѣ и упроченіе его торжественнымъ соглашеніемъ составляетъ цѣль всѣхъ моихъ стремленій, и я отъ этого не отступлю, хотя бы изъ-за этого пришлось, вопреки самому горячему моему желанію, пролить кровь, такъ какъ это вопросъ жизни для Россіи и для достиженія его я долженъ напрячь всѣ свои силы.

Если мнѣ пришлось занять княжества,—о чемъ я скорблю такъ же точно, какъ и Ваше Величество,—то это было сдѣлано потому, что вольности, какими они пользуются, были завоеваны въ 1828 и 29 годахъ, мною самимъ *цѣною русской крови.* Слѣдовательно, дѣло идетъ не о завоеваніяхъ; но наканунѣ войны, которая становится все болѣе и болѣе неизбѣжной, я считалъ недостойнымъ отдать ихъ во власть врагамъ христіанской вѣры, коихъ преслѣдованія не составляютъ тайны для тѣхъ, кто дорожитъ правдой.

Мнѣ кажется, я отвѣтилъ на всѣ сомнѣія и упреки Вашего Величества съ полной искренностью. Вамъ угодно было высказать, что хотя кровь уже была пролита, вы все-таки не сомнѣваетесь въ возможности возстановить, при моей помощи, миръ; я отвѣчу вамъ на это отъ всего сердца:

„*Да*, Ваше Величество, это возможно, если исполнительные органы воли Вашего Величества, *въ точности исполнятъ ваши повелѣнія и доброжелательныя намѣренія. Мои же намѣренія, съ самаго начала этого печальнаго періода, остались неизмѣнны. Отступить передъ опасностью, или сдѣлать въ настоящее время то, чего я не хотѣлъ сдѣлать раньше, дабы не нарушить своего слова, было бы недостойно меня*; благородное сердце Вашего Величества пойметъ это.

Мнѣ хотѣлось бы сказать еще, что сердце ваше облилось бы кровью, если бы вамъ были извѣстны всѣ ужасы, совершенные дикой ордой, рядомъ съ которой развѣвается англійскій флагъ.

Сердечно благодарю васъ за ваши добрыя пожеланія; я до конца жизни буду отвѣчать вамъ тѣмъ же. Я счастливъ выразить это вамъ и увѣрить васъ въ искреннемъ расположеніи, съ какимъ я остаюсь Вашего Величества преданный братъ и другъ Николай“.

Но Императору Николаю не удалось убѣдить англійскую королеву въ своей правотѣ: она рѣшила, что „если Россія, отвергнувъ всѣ пріемлемыя условія, стала бы дѣйствовать, соблюдая только свои собственные интересы, которые ничѣмъ не могли быть оправданы, и пренебрегая самыми насущными интересами Европы“, то „по

отношенію къ ней слѣдовало принять болѣе активныя и рѣшительныя мѣры [1])".

Когда же, 30 ноября 1853 г., турецкій флотъ былъ истребленъ въ Синопской бухтѣ, то общественное мнѣніе Англіи было глубоко возмущено этимъ событіемъ, которое въ глазахъ англичанъ ничѣмъ не могло быть оправдано [2]), и въ Англіи стали настойчиво требовать, чтобы было приступлено къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи.

„Я боюсь, что война неизбѣжна, писала королева Викторія, своему дядѣ [3]), Императоръ Николай не далъ удовлетворительнаго отвѣта нашему *брату* Наполеону (онъ, какъ я слышала, возлагалъ большія надежды на свое вмѣшательство, и обманулся въ своихъ ожиданіяхъ); послѣднія же попытки, сдѣланныя Буолемъ, не будутъ, я полагаю, приняты Россіей, такъ же точно, какъ онѣ не могли быть приняты Франціей и Англіей".

26 февраля англійскій кабинетъ обсуждалъ проектъ письма, которое лордъ Кларендонъ долженъ былъ отправить графу Нессельроде съ требованіемъ, чтобы русскія войска очистили княжества. Курьеру было приказано ожидать отвѣта шесть дней; отказъ или молчаніе со стороны графа рѣшено было считать объявленіемъ войны.

Это письмо и ультиматумъ, посланный съ тѣмъ же требованіемъ изъ Парижа, были вручены Царю, 14 марта. Прочитавъ ихъ, онъ сказалъ, что не считаетъ нужнымъ отвѣчать. Это рѣшеніе стало извѣстно въ Лондонѣ 21 числа; но такъ какъ англійское правительство не надѣялось, что Царь согласится исполнить требованіе союзниковъ, то къ военнымъ приготовленіямъ было приступлено раньше, и 22 марта гвардія отплыла на театръ военныхъ дѣйствій,

Большія заботы внушала союзникамъ (Англіи и Франціи) Австрія. Графъ Орловъ былъ посланъ въ Вѣну, чтобы на случай войны обезпечить нейтралитетъ этой державы, но когда Императоръ Францъ-Іосифъ задалъ ему вопросъ относительно дальнѣйшей политики русскаго Царя, въ особенности относительно очищенія княжествъ по окончаніи войны, то Орловъ уклонился отъ положительнаго отвѣта, и австрійское правительство заявило, что оно предоставляетъ себѣ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

Узнавъ о намѣреніи короля прусскаго соблюдать нейтралитетъ,

---

[1]) Письмо королевы графу Кларендону отъ 17 декабря 1853 г.

[2]) Тоже. Письмо безъ даты.

[3]) Письмо королевы Викторіи къ королю Бельгійскому отъ 21 февраля 1854 года.

королева Викторія писала ему [1]), что она „глубоко огорчена этимъ извѣстіемъ“ и „не понимаетъ, что именно побудило его къ этому“.

„Страшныя, неисчислимыя послѣдствія войны тревожатъ меня не менѣе, нежели Ваше Величество, писала она. Мнѣ извѣстно, что русскій Императоръ также не хочетъ войны. Тѣмъ не менѣе онъ предъявляетъ Портѣ такія требованія, которыя всѣ европейскія державы—въ томъ числѣ и вы сами—торжественно признали несовмѣстными съ независимостью Порты. Въ виду сдѣланнаго ими заявленія и вступленія русской оккупаціонной арміи въ княжества, державы должны быть готовы поддержать свое заявленіе силою. Если вопросъ „о туркѣ“ отошелъ теперь на задній планъ, и надвигающаяся война представляется вамъ „тенденціозной“, это объясняется тѣмъ, что истинныя причины, побуждающія Императора настаивать на своихъ требованіяхъ (несмотря на то, что вся Европа этого не одобряетъ и что это можетъ вызвать войну, которая опустошитъ, быть можетъ, весь міръ), свидѣтельствуютъ также объ извѣстной тенденціи; тяжелыя послѣдствія войны могутъ оказаться серьезнѣе первоначальнаго повода къ ней, заключавшагося какъ будто бы лишь въ требованіи ключа отъ заднихъ дверей мечети.

Ваше Величество просите меня „обсудить этотъ вопросъ съ точки зрѣнія миролюбія и сдѣлать все возможное, чтобы помочь Царю, съ честью выйти изъ этого положенія“.

Увы, дорогой братъ, сколько стараній, сколько изобрѣтательности было уже пущено въ ходъ дипломатіей за послѣдніе девять мѣсяцевъ, и все напрасно. Ноты, конвенціи, протоколы и т. п. изготовлялись цѣлыми дюжинами въ канцеляріяхъ разныхъ державъ; изъ потраченныхъ на это чернилъ могло бы образоваться второе Черное море. И все это разбилось объ упорство вашего почтеннаго зятя.

Когда Ваше Величество говорите, что *„вы намѣрены соблюдать строжайшій нейтралитетъ“*, когда вы ссылаетесь при этомъ на здравый смыслъ своего народа, который говоритъ: „турки дѣлали звѣрства, у турокъ много друзей, а Императоръ не сдѣлалъ намъ ничего худого“, то я васъ не понимаю. Я бы поняла, ежели бы говорилъ это король Ганноверскій или Саксонскій. Но я смотрѣла до сихъ поръ на Пруссію какъ на одну изъ великихъ державъ, которыя являются послѣ 1815 г. порукою святости договора, хранительницами циливизаціи, защитницами права и посредниками между государствами“.

На Пруссію союзники, слѣдовательно, не могли разсчитывать, что

[1]) Письмо королевы Викторіи къ королю прусскому отъ 17 марта 1854 г.

же касалось Австріи, то посланный англійской королевой въ Вѣну съ собственноручнымъ ея письмомъ къ Императору Францу Іосифу, ея двоюродный братъ, герцогъ Георгъ Кэмбриджскій, извѣщалъ ее, что большинство сановниковъ и наиболѣе развитыхъ людей поняли всю выгоду союза съ Англіей; что также смотрѣлъ на дѣло и молодой Императоръ Францъ-Іосифъ, который имѣлъ „продолжительный и весьма интересный разговоръ съ герцогомъ, откровенно высказалъ ему свой взглядъ на важнѣйшіе вопросы и произвелъ на него впечатлѣніе человѣка, „который умѣетъ держать слово и никогда не скажетъ того, чего онъ не думаетъ".

Францъ-Іосифъ былъ сильно озабоченъ всѣмъ случившимся; „русскій Императоръ поставилъ его въ затруднительное положеніе; онъ не одобряетъ его образа дѣйствій, но, разумѣется, ему не хотѣлось бы порвать съ давнишнимъ союзникомъ, онъ все еще надѣется, что ему удастся выйти изъ этого затруднительнаго положенія, такъ какъ русскій Императоръ дѣлаетъ предложенія весьма почетныя для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, которыя", по его мнѣнію, „не могутъ быть отвергнуты западными державами, ибо онѣ конечно не будутъ противъ заключенія почетнаго мира, который обезпечитъ спокойствіе въ будущемъ; въ основу мирнаго договора могъ бы, по мнѣнію Императора, „быть положенъ вопросъ о взаимоотношеніи христіанъ на Востокѣ; этотъ вопросъ могъ бы обсуждаться на конференціи, послѣ того какъ русскія войска очистили бы княжества"...

„Пока, Императоръ не желаетъ высказаться яснѣе [1]), считая болѣе честнымъ не возбуждать ложныхъ надеждъ"... но „будьте увѣрены, писалъ герцогъ, что Австрія никогда не будетъ дѣйствовать заодно съ Россіей; она слишкомъ хорошо сознаетъ свои выгоды. Она очень хотѣла бы избѣжать войны, если бы это было возможно"; „въ противномъ случаѣ она вступитъ на совершенно опредѣленный путь,—который будетъ согласоваться съ интересами Австріи, т. е. она будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нами".

Проѣхавъ, по порученію королевы, изъ Вѣны въ Константинополь, герцогъ Кэмбриджскій, подъ впечатлѣніемъ видѣннаго тамъ, нарисовалъ ей печальную картину Турціи [2]): Султанъ не произвелъ на него благопріятнаго впечатлѣнія ни своей внѣшностью, ни своими умственными способностями. „Это довольно жалкое, преждевременно

---

[1]) Письмо герцога Кэмбриджскаго королевѣ Викторіи отъ 28 апрѣля 1854 года.

[2]) Письмо герцога Кэмбриджскаго къ королевѣ Викторіи отъ 13 мая 1854 года.

состарѣвшееся существо, писалъ онъ; въ немъ ничто не говоритъ въ его пользу. Наша бесѣда свелась къ обмѣну вѣжливостей и нѣсколькимъ общимъ мѣстамъ... Его министры, да въ сущности и все населеніе и вся страна, за исключеніемъ Решида-паши, производятъ самое удручающее впечатлѣніе; все это несравненно хуже, нежели я представлялъ себѣ. „Больной человѣкъ" *дѣйствительно очень боленъ* и близокъ къ концу, и чѣмъ скорѣе дипломаты рѣшатъ его участь, тѣмъ лучше, ибо никакія человѣческія силы не могутъ спасти его,— это ясно. Такого взгляда держатся здѣсь въ обѣихъ арміяхъ, во французской и англійской, и это сущая правда. Немыслимо, чтобы турки оставались долѣе въ Европѣ, такъ какъ одно наше появленіе нанесло имъ смертельный ударъ. Въ Англіи едва-ли представляютъ себѣ истинное положеніе дѣла... Необходимо, чтобы всѣ четыре державы дѣйствовали единодушно, иначе дѣла примутъ худшій оборотъ".

Внимательно слѣдя за всѣми перипетіями Восточнаго вопроса, королева Викторія обсуждала получавшіяся ею сообщенія съ своими ближайшими совѣтниками; подъ впечатлѣніемъ одного разговора съ лордомъ Сеймуромъ о дальнѣйшей роли Англіи въ Восточномъ вопросѣ, она писала [1]): „Если бы у бѣднаго Императора Николая было нѣсколько такихъ совѣтниковъ, какъ этотъ преданный, правдивый человѣкъ, то дѣло не дошло бы до того положенія, въ какомъ оно находится въ настоящее время. Къ сожалѣнію, Императоръ не терпитъ, чтобы ему говорили то, что ему не нравится, и что противорѣчитъ его желаніямъ; выслушивая правду, онъ выходитъ изъ себя, и вслѣдствіе этого никто не рѣшается говорить ее. Не хорошо быть вспыльчивымъ и горячимъ; если этими качествами обладаютъ принцы, и тѣмъ болѣе короли и императоры, то имъ никто не говоритъ правды; а это ужасно! Я нахожу, что при воспитаніи принцевъ, слѣдуетъ прежде всего учить ихъ самообладанію".

Рѣшенная подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія Англіи экспедиція союзныхъ войскъ въ Крымъ началась въ сентябрѣ мѣсяцѣ высадкою десанта въ окрестностяхъ Евпаторіи. Получивъ извѣстіе о высадкѣ, кн. Меншиковъ сосредоточилъ свои войска на р. Альмѣ, гдѣ союзники атаковали его и, послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя, заставили отступить.

„Я такъ смущена и взволнована", писала королева Викторія, получивъ изъ Крыма первыя извѣстія объ этомъ сраженіи [2]), „что я не могу собраться съ мыслями". „Я всѣмъ сердцемъ и всей душой

---

[1]) Письмо къ королю бельгійскому отъ 9 мая 1854 г.
[2]) Письмо къ королю бельгійскому отъ 14 ноября 1854 г.

въ Крыму. Поведеніе нашихъ храбрыхъ войскъ выше всякихъ похвалъ; они дѣйствовали геройски, я горжусь ими и горюю только объ ихъ страданіяхъ. Мы знаемъ, что 6 числа произошло сраженіе надъ превосходными силами непріятеля, что при этомъ обѣ стороны понесли значительныя потери; онѣ велики въ особенности со стороны русскихъ. Болѣе мы ничего не знаемъ и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстій. Сколько семей переживаютъ въ настоящую минуту подобную же тревогу. Мысль о несчастныхъ женахъ и матеряхъ, горюющихъ о судьбѣ близкихъ и дорогихъ существъ, ужасна. Въ переживаемое нами время приходится вооружиться мужествомъ и терпѣніемъ".

По полученіи извѣстія о побѣдѣ при Альмѣ, въ Англіи надѣялись на скорое паденіе Севастополя.

5 октября послѣдовало первое бомбардированіе его съ сухого пути и съ моря, не увѣнчавшееся удачей, несмотря на громадное количество выпущенныхъ снарядовъ. Началась знаменитая осада Севастополя. Попытка Меншикова сраженіемъ при Балаклавѣ и Инкерманѣ отрѣзать союзникамъ сообщеніе съ моря повела къ кровопролитному сраженію, окончившемуся побѣдою союзниковъ; извѣстіе объ этой побѣдѣ „преисполнило" англійскую королеву „гордостью и радостью" [1]).

„Не подлежитъ сомнѣнію", писалъ ей принцъ Саксенъ-Веймарскій [2]), участвовавшій въ этомъ сраженіи, что мы были застигнуты (русскими) врасплохъ, ибо мы внезапно услышали, что въ лагерь второй дивизіи посыпались выстрѣлы изъ тяжелыхъ орудій. Почти всѣ палатки были пробиты пулями. Говорятъ даже, будто одна граната попала въ офицерскій сундукъ, разорвалась въ немъ и, разумѣется, разнесла всѣ бывшіе тамъ пожитки на всѣ четыре стороны.

Опытъ принесъ пользу намъ, или лучше сказать лорду Раглану, ибо съ того дня французы и мы стали дѣятельно окапываться на правомъ крылѣ. Онъ теперь такъ укрѣпленъ, что непріятель не можетъ атаковать насъ съ малѣйшей надеждой на успѣхъ; жаль, что это не было сдѣлано раньше. Надъ постройкой этихъ редутовъ работали главнымъ образомъ турки; это буквально единственное, что они сдѣлали, не считая того, что они погребали убитыхъ русскихъ.

Я никогда не забуду вида убитыхъ и умирающихъ, на полѣ

---

[1]) Письмо королевы къ лорду Раглану отъ 18 ноября 1854 г.

[2]) Письмо къ королевѣ принца Эдуарда Саксенъ-Веймарскаго, адъютанта англійскаго главнокомандующаго, лорда Раглана, отъ 28 ноября 1854 г.

битвы, русскихъ. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ пролежали на полѣ по меньшей мѣрѣ 60 часовъ прежде, нежели ихъ увезли въ походные лазареты; большинство, конечно, умерло. Это одно изъ неизбѣжныхъ бѣдствій войны, такъ какъ мы должны были, разумѣется, позаботиться прежде всего о своихъ. Я обошелъ на слѣдующій день лазареты. Ужасное зрѣлище представляли лежавшіе около палатокъ трупы людей, умершихъ за ночь, и груды ампутированныхъ рукъ и ногъ, съ которыхъ даже не были сняты сапоги и брюки.

Русскіе подошли къ намъ такъ близко, что большинству офицеровъ приходилось защищаться саблями и револьверами".

„14 числа (ноября) разразилась такая страшная буря, какія, къ счастью для человѣчества, бываютъ рѣдко. Всѣ наши палатки, разумѣется, были опрокинуты, и мы бѣдствовали весь день. На море было жутко взглянуть. Подлѣ Балаклавы погибло 200 чел. и затонуло одиннадцать судовъ".

Во время этой страшной бури погибъ новый, великолѣпный пароходъ „Принцъ", везшій порохъ, пули, гранаты, постели, байковыя одѣяла и теплую одежду для англійскихъ войскъ. Изъ бывшихъ на немъ 150 чел. спаслось всего шесть.

Конецъ богатаго событіями 1854 г. ознаменовался конференціей, созванной въ Вѣнѣ для переговоровъ о мирѣ, въ основу которыхъ были положены извѣстные „четыре пункта", изъ коихъ третьимъ уничтожалось преобладающее вліяніе Россіи на Черномъ морѣ; конференція окончилась ничѣмъ, такъ какъ Россія отказалась принять третій пунктъ. Переговоры были прерваны.

2 марта 1855 г., въ 3 ч. 45 м. по полудни, въ Англіи было получено, по телеграфу, извѣстіе о внезапной кончинѣ Императора Николая. О его болѣзни ничего не знали, и извѣстіе о его кончинѣ не вызвало радости, какъ это можно было ожидать при данныхъ обстоятельствахъ, а произвело впечатлѣніе чего-то трагическаго; въ Англіи знали, съ какой тревогой и съ чувствомъ какой горькой обиды царь читалъ извѣстія о пораженіяхъ русской арміи. Скорбя о страданіяхъ, какія терпѣло войско въ Крыму, вслѣдствіе необычайно суровой зимы, Николай I возлагалъ послѣднюю надежду на морозъ и говорилъ, что „у Россіи есть два союзника, на которыхъ онъ можетъ положиться—это генералы Январь и Февраль". Но эта надежда обманула. Февраль оказался для царя роковымъ [1]).

[1]) Послѣ кончины Николая Павловича талантливый англійскій художникъ Leech написалъ извѣстную картину „Генералъ февраль оказался измѣнникомъ", въ которой смерть изображена въ мундирѣ русскаго офицера, который положилъ свою костлявую руку Императору на сердце.

„Ошеломляющее извѣстіе о кончинѣ вашего бѣднаго дядя, Императора Николая, получено мною третьяго дня въ 4 часа дня", писала королева Викторія кронпринцессѣ Августѣ [1]). За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ мы узнали, что онъ безнадеженъ. Извѣстіе это пришло совершенно неожиданно; намъ хотѣлось бы, конечно, знать все подробно. Въ настоящую минуту, его кончина должна произвести особенно сильное впечатлѣніе; каковы будутъ послѣдствія этого событія, одному Богу извѣстно. Хотя бѣдный Императоръ скончался нашимъ врагомъ, но мнѣ памятны еще былые, болѣе радостные дни, и едва-ли кто-либо сожалѣетъ больше меня о томъ, что эта злополучная война была объявлена. Я обращаюсь къ вамъ съ просьбою выразить мое искреннее участіе бѣдной Императрицѣ и всей ея семьѣ. Я не могу сдѣлать этого оффиціально, но вы, мой другъ, найдете вѣроятно возможность передать это вашей невѣсткѣ и нынѣ царствующему молодому Императору, не компрометтируя меня. Я чувствую сердечную потребность сдѣлать это"...

„Севастополь въ рукахъ союзниковъ. Непріятель очистилъ въ теченіе ночи и утра южную часть города, взорвавъ предварительно свои склады; подожженный городъ пылаетъ. Ночью сожжены всѣ военныя суда, въ томъ числѣ три парохода, работавшіе въ гавани. Мостъ, соединяющій съ сѣверной стороной города, разрушенъ".

Таково было содержаніе телеграммы, отправленной генераломъ Симпсономъ изъ Крыма 9 сентября 1855 г. и полученной въ Бальморалѣ 10 сентября.

„Великое событіе наконецъ совершилось, Севастополь палъ! Мы получили это извѣстіе вчера вечеромъ, когда еще сидѣли за столомъ" [2]), сообщала королева своему дядѣ [3]). Мы сдѣлали все возможное, чтобы отпраздновать его; но сдѣлать могли немногое, такъ какъ, къ моему огорченію, у насъ нѣтъ тутъ *ни одного* солдата, нѣтъ оркестра, словомъ, нѣтъ ничего, чѣмъ бы можно было проявить свою радость внѣшнимъ образомъ. Мы могли только, по обычаю горцевъ, зажечь костеръ на горѣ, возвышающейся противъ нашего дома, который былъ сложенъ еще въ прошломъ году, когда преждевременное извѣстіе о паденіи Севастополя ввело всѣхъ въ заблужденіе; костеръ тогда зажженъ не былъ, и мы нашли его по возвращеніи сюда".

Радость по поводу паденія Севастополя была омрачена тѣми тяжелыми потерями, какими сопровождалась эта побѣда.

---

[1]) Письмо королевы къ кронпринцессѣ прусской отъ 4 марта 1855 г.

[2]) Письмо королевы Викторіи королю бельгійскому изъ Бальмораля (лѣтняя резиденція королевы въ Шотландіи), отъ 11 сентября 1855 г.

[3]) Королева Викторія—королю бельгійскому, 29 января 1856 г.

„Переговоры о мирѣ интересуютъ въ настоящее время всѣхъ“, писала королева незадолго до открытія парижской конференціи [1]). „Если Россія искренна, то они окончатся вѣроятно миромъ; если нѣтъ, то война будетъ продолжаться съ новымъ напряженіемъ силъ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ дѣлаетъ меня недовѣрчивой.

Политика Англіи была все время *неизмѣнна, въ высшей степени безкорыстна* и руководствовалась исключительно *желаніемъ* оградить Европу отъ заносчивыхъ и опасныхъ притязаній Россіи, этой *варварской державы*, и установить для будущаго такія гарантіи, которыя обезпечили бы насъ отъ *повторенія* подобныхъ непріятныхъ случайностей.

Я повторяю то, что мы говорили съ самаго начала и повторяли тысячу разъ: если бы Пруссія и Австрія приняли, въ 1853 г., по отношенію Россіи твердый и рѣшительный тонъ, то намъ никогда не пришлось бы вести этой войны!“ Назначивъ своимъ уполномоченнымъ на Парижскую конференцію лорда Кларендона, королева Викторія, въ собственноручномъ письмѣ къ своему союзнику Наполеону III [2]), выразила желаніе, чтобы ея уполномоченный могъ лично передать императору ея взглядъ на условія, которыя она считала пріемлемыми и, въ свою очередь, услыхать лично отъ него о томъ, какъ онъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ.

„Военныя дѣйствія нашихъ союзныхъ армій и флота, подчиненныхъ отдѣльнымъ главнокомандующимъ, были сопряжены съ большими трудностями,—писала королева; но ихъ удалось благополучно преодолѣть. При дипломатическихъ переговорахъ, такъ же точно, какъ и во время войны, у русскихъ будетъ огромное преимущество единства плана и дѣйствій, что̀ я считаю еще важнѣе, нежели успѣхи на полѣ битвы; но мы и тутъ одержимъ побѣду, если намъ удастся не допустить того, чтобы непріятель разъединилъ насъ и разбилъ каждаго изъ насъ по отдѣльности.

Хотя я не сомнѣваюсь, что Россія, изъявивъ свое согласіе принять наши предложенія, дѣйствуетъ чистосердечно, но все же въ этомъ нельзя быть вполнѣ увѣренной. Я имѣю полное основаніе думать, что будутъ пущены въ ходъ всѣ старанія и

---

[1]) Какъ извѣстно, совѣщанія о мирѣ начались въ Вѣнѣ еще въ мартѣ 1855 г., но не привели ни къ чему, такъ какъ Англія и Франція хотѣли продолженія войны. Когда паденіе Севастополя и гибель русскаго флота доставили имъ нѣкоторое удовлетвореніе, явилась возможность возобновить переговоры. Они начались 13 февраля 1856 г. и закончились 18 марта подписаніемъ Парижскаго трактата.

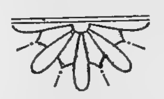
[2]) Письмо королевы Викторіи къ императору французовъ отъ 15 февраля 1856 г.

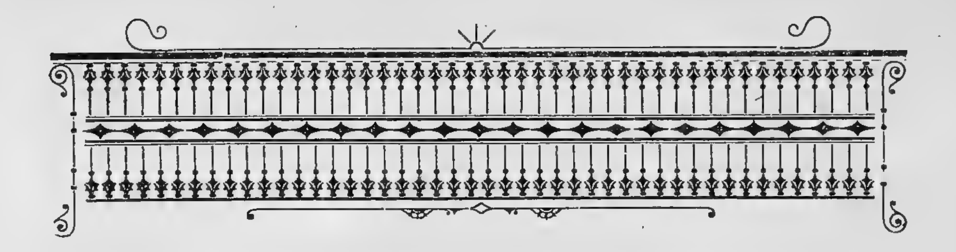
уловки для того, чтобы разстроить или по меньшей мѣрѣ ослабить нашъ союзъ. Но я полагаюсь въ этомъ случаѣ на твердость вашего величества, на мою собственную и моихъ министровъ. Весьма важно, чтобы съ самаго начала переговоровъ было извѣстно, что мы намѣрены быть тверды, чтобы съ этимъ считались, ибо отъ этого, я вполнѣ увѣрена,—будетъ зависѣть заключеніе мира на почетныхъ для Франціи и Англіи условіяхъ, которыя вознаградятъ насъ за тѣ непомѣрныя жертвы, какія понесены обѣими странами".

„Впрочемъ, я не сомнѣваюсь въ томъ, что если будетъ твердо рѣшено настаивать на тѣхъ умѣренныхъ требованіяхъ, которыя предъявлены нами, то мы добьемся такого мира, какого Англія и Франція въ правѣ желать".

Въ мартѣ мѣсяцѣ, 1856 г. переговоры, происходившіе въ Парижѣ, закончились мирнымъ договоромъ, коимъ была обезпечена неприкосновенность Турціи и Черное море объявлено нейтральнымъ: это были самые существенные пункты Парижскаго договора; англійская королева была имъ довольна, хотя она, какъ и многіе въ Англіи, находила, „заключеніе мира нѣсколько преждевременнымъ", и полагала, что, продливъ военныя дѣйствія, можно было бы добиться болѣе выгодныхъ условій мира; но ея союзникъ и вся Франція, денежныя средства которой были истощены, жаждали мира.

В. Т.

Отвращеніе отъ школьнаго ученія.

Петръ Великій, заботясь о поднятіи образованія русскаго юношества вообще, потребовалъ и отъ дѣтей духовенства обязательнаго образованія „въ надежду священства“ въ особыхъ сословныхъ профессіональныхъ славяно-латинскихъ школахъ, которыя должны были открываться по епархіямъ епархіальными архіереями. Школы эти, получившія впослѣдствіи наименованіе семинарій, хотя и не безъ затрудненій и различнаго люда препятствій, съ начала XVIII ст. начинаютъ мало по малу открываться, постепенно умножаясь въ числѣ и охватывая все большее и большее число епархій. Но духовенство отнеслось къ требованію обязательнаго школьнаго образованія своихъ дѣтей не только недоброжелательно, но прямо враждебно. Вслѣдствіе этого со стороны свѣтскаго правительства и духовной власти слѣдуетъ рядъ мѣръ къ привлеченію священно-церковно-служительскихъ дѣтей къ школьному образованію и къ побужденію самихъ родителей къ отдачѣ своихъ дѣтей въ семинаріи.

Привлекая дѣтей духовенства въ школу, епархіальное начальство разсылало строгіе указы, которыми требовалась высылка дѣтей священно-церковно-служителей на разсмотрѣніе преосвященнаго, консисторіи или семинарскаго начальства для опредѣленія въ школу, съ угрозами неисполнителямъ такихъ начальственныхъ предписаній различными взысканіями.

Однако не взирая на подобнаго рода предписанія начальства, родители подъ всякими благовидными предлогами уклонялись отъ представленія дѣтей на такіе смотры. Одни изъ нихъ ссылались на свою бѣдность, лишающую ихъ возможности не только содер-

жать дѣтей въ школѣ, но даже отправить ихъ въ епархіальный городъ. Другіе „притворяли" тупость и непонятіе своихъ дѣтей, якобы неспособныхъ къ школьному ученію. Третьи указывали на болѣзни, которыя препятствуютъ ихъ дѣтямъ быть въ школѣ.

Начальство относилось подозрительно къ подобнаго рода заявленіямъ духовенства, производило по нимъ тщательныя разслѣдованія, и виновные въ обманѣ несли строгія наказанія. Упорствующіе родители, не представлявшіе своихъ дѣтей въ школу, подвергались денежнымъ штрафамъ, отрѣшеніямъ отъ мѣста, монастырскимъ подначаламъ и пр. Возрастныя же дѣти духовенства, не учившіяся въ школѣ, верстались въ подушный окладъ и при разборахъ отдавались въ военную службу. Иногда, когда всѣ обычныя мѣры къ привлеченію дѣтей духовенства въ школу оказывались тщетными, епархіальная власть отправляла по епархіи особыхъ разсыльныхъ, которые на мѣстахъ свидѣтельствовали дѣтей духовенства; при этомъ признанные годными къ школьному ученію забирались въ семинарію и препровождались въ епархіальный городъ подъ стражею, сопровождаемые горькими слезами своихъ близкихъ.

Въ случаѣ поступленія или начальственнаго взятія дѣтей въ семинарію, родители старались какъ-нибудь поскорѣе взять ихъ изъ школы, освободить отъ ненавистнаго школьнаго ученія и опредѣлить куда-нибудь на мѣсто. Съ своей стороны и дѣти, попавшія въ школу, сами и по наученію отцовъ употребляли всевозможныя мѣры, чтобы такъ или иначе освободиться отъ школьнаго ученія. Они „притворяли" себѣ болѣзнь, непонятіе, тупость, чтобы подъ предлогомъ такихъ уважительныхъ причинъ избыть ненавистную школу. Но епархіальное начальство, считая попавшихъ въ школу дѣтей какъ бы прикрѣпленными къ ней, увольняло ихъ изъ семинаріи только по самымъ уважительнымъ причинамъ; оно употребляло всѣ мѣры къ тому, чтобы довести поступившаго въ семинарію если не до окончанія курса, то по крайней мѣрѣ до высшихъ классовъ. Не имѣя возможности освободиться отъ семинаріи по причинамъ болѣе или менѣе уважительнымъ, семинаристы прямо бѣжали изъ школы,—бѣжали иногда цѣлыми толпами. При чемъ родители нерѣдко скрывали этихъ бѣглецовъ отъ очей посыльныхъ, не исполняли требованій начальства объ обратной высылкѣ ихъ въ семинарію, что̀ навлекало и на бѣглецовъ и на укрывателей новыя взысканія и наказанія.

Разнообразіе и суровость карательныхъ мѣръ по отношенію къ отцамъ, противникамъ школьнаго ученія, и дѣтямъ, уклонявшимся отъ школы, зависѣли отъ лицъ, стоявшихъ во главѣ епархіи.

Наглядный примѣръ отношенія епархіальной власти къ попыт-

камъ укрывательства дѣтей отъ школы и „отвращенія“ ихъ отъ школьнаго ученія рисуетъ намъ излагаемое ниже дѣло архива Тобольской духовной консисторіи, рельефно изображающее и мѣстнаго преосвященнаго, и консисторскія власти, и страдательныхъ въ дѣлѣ лицъ—священника и его сына семинариста, и вообще представляющее много бытовыхъ чертъ тогдашняго времени.

Митрополитомъ тобольскимъ съ 1758 г. былъ Павелъ Конюскевичъ (1758—1768 г.). По словамъ полуоффиціальнаго историка Тобольской епархіи, онъ былъ очень строгъ и взыскателенъ къ духовенству. За проступки и вины вызывалъ священно и церковнослужителей въ архіерейскій домъ и монастыри, и велѣлъ употреблять ихъ въ черную работу и даже подвергалъ тѣлесному наказанію, что въ тѣ времена допускалось закономъ“ [1]). Но такая харак- [illegible] преосвященнаго Павла слишкомъ обща и неопредѣленна и не даетъ яснаго представленія объ этомъ типичнѣйшемъ духовномъ администраторѣ XVIII ст. На основаніи архивныхъ данныхъ онъ представляется человѣкомъ суровымъ до жестокости, способнымъ подвергать самому строгому наказанію своихъ подчиненныхъ чуть не за простую описку въ канцелярской бумагѣ,—человѣкомъ, для котораго розги, плети, желѣза были обычнымъ средствомъ вразумленія и наказанія за всякій, самый маловажный и ненамѣренно совершенный проступокъ. Въ качествѣ иллюстрацій сказанному укажемъ на нѣкоторые факты.—29-го мая 1759 г. казначей Тюменскаго монастыря Іовъ рапортовалъ преосвященному о полученіи консисторскаго указа о назначеніи настоятелемъ монастыря префекта Тобольской семинаріи іеромонаха Софронія, съ производствомъ его въ архимандриты. Рапортъ этотъ, по содержанію и формѣ представляющій обычную канцелярскую отписку, вызвалъ однако 8 іюня такую резолюцію митрополита Павла: „Непотребный рапортъ по злоумствію намѣстника, для чего въ монастырѣ Тюменевскомъ держать его въ желѣзахъ и работѣ до изможденія плоти да духъ смирится“ [2]). Въ мартѣ 1761 г. жена священника Лепехина просила митрополита объ опредѣленіи, одного изъ своихъ сыновей, обучавшихся въ семинаріи, для пропитанія ея дьякономъ. По резолюціи преосвященнаго, подканцеляристъ консисторіи далъ справку

---

[1]) Тобольская епархія. ч. 2-я, отд. 1-й. Архипастыри Тобольской епархіи. Омскъ 1892 ч., стр. 76.

[2]) Дѣло архива Тоб. консисторіи 1759 г. № 104: о посвященіи во архим. семинаріи префекта іером. Софронія въ Тюменскій монастырь ко управленію тамошнихъ заказныхъ дѣлъ.

о дѣтяхъ просительницы, ученикахъ риторики. Справки эти показались преосвященному не полными, и онъ распорядился „справщику дать доброе поученіе". „По силѣ вышеписанной его преосвященства резолюціи, сказано въ консисторскомъ опредѣленіи, справщикъ подканцеляристъ Прок. Шестаковъ въ канцеляріи духовной консисторіи плетми наказанъ". „Исправно учинено", сдѣлалъ по сему поводу замѣчаніе преосвященный въ своей революціи 2 апрѣля [1]). Любопытную общую характеристику митр. Павла мы находимъ въ письмѣ ученика философіи Тобольской семинаріи Максима Кочнева къ брату его, Екатеринбургскому закащику, протопопу Кочневу. Письмо это попало въ руки самого преосвященнаго и вызвало долгое слѣдственное производство.

„О здѣшнихъ Тобольскихъ обстоятельствахъ, писалъ Кочневъ своему брату 20 мая 1759 г., вамъ доношу: очень времена стали тверды, прошли златыя тія дни, въ которыхъ пастыри овецъ своихъ питали, согрѣвали и не давали погибати. А нынѣ наступили наемники, видящіи волка грядуща, оставляющіи уже овцы и бѣгающіи или пространнѣе скажу самыя волки расхищающія и поражающія, съ начала своего пребытія равноангеломнъ человѣкомъ себя всюду оказалъ, а какъ всѣ искренности выпримѣтилъ, поступки возъимѣлъ противныя прежнимъ, и званію пастырскому несогласныя. Спрашивалъ съ начала есть ли честныя какъ при семинаріи такъ и въ домѣ архіерейскомъ. которыхъ бы особливо могъ призирать, и на тое когда ему учинилась о нѣкоторыхъ рекомендація, помолчавъ нѣсколько времени, началъ природную свою добродѣтель оказывать. Въ началѣ на сырной недѣлѣ всѣмъ причетникамъ сошилъ красныя вокругъ всего тѣла кавтаны; священниковъ окованныхъ держалъ въ хлѣбнѣ съ сырной недѣли до пятка первыя недѣли, а для службы по церквамъ посланы были ключари, также и архимандритовъ не по рѣдку въ глаза ругался, пѣвчихъ опредѣлилъ за вечерню и за утреню по 15 разъ сквозѣ шпицъ рутенъ изъ которыхъ уже нѣкоторые и претерпѣли, а инымъ еще обѣщаетъ... Кратко: напасть нестерпима, бѣда велика, озлобленіе ужасно, сбылась Борисова (?) рѣчь: емь давляше" [2]).

Приведенныя данныя достаточно характеризуютъ митр. Павла въ его отношеніяхъ къ подчиненнымъ. Они a priori могутъ свидѣтельствовать, каковъ былъ онъ въ отношеніяхъ къ тѣмъ изъ нихъ,

---

[1]) Дѣло арх. Тоб. консисторіи 1761 г. № 226: О выпускѣ изъ семинаріи попов. сына Ах. Лепехина и о опредѣленіи его дьячкомъ.

[2]) Дѣло арх. Тоб. конс. 1759 г. № 158: О прибытіи Екатеринб. закащику протоп. Кочневу въ Тобольскъ для отвѣту по письмамъ брата его философіи слушателя М. Кочнева.

кто, по его мнѣнію, былъ виноватъ въ болѣе или менѣе важныхъ проступкахъ. Такимъ именно и явилось дѣло „отвращенія" отцомъ сына отъ семинарскаго ученія, представляющееся въ слѣдующемъ видѣ [1]).

Въ апрѣлѣ 1764 г. семинаристъ Василій Арефьевъ, состоявшій пѣвчимъ архіерейскаго хора, подалъ преосвященному такое прошеніе: „Взятъ я нижайшій съ 1757 г. вашего преосвященства въ пѣвческую школу, гдѣ и понынѣ нахожусь, но зъ голосу спалъ, нынѣ хотя и имѣю голосъ только рознячь и къ партесному пѣнію неспособенъ. Того ради вашего преосвященства милостиваго архипастыря прошу меня нижайшаго своею милостію архипастырскою не оставить и отпустить къ родителю моему въ домъ, гдѣ на порожнее мѣсто къ церкви Нерукотвореннаго образа дьячкомъ быть желаю и при семъ учинить архипастырскую резолюцію". Суровый преосвященный въ самомъ прошеніи подчеркнулъ слово „рознячь" и сдѣлалъ противъ него отмѣтку: „исправлять лозами", а вообще на прошеніи 8 апрѣля положилъ резолюцію: „Сколько лѣтъ отъ рожденія, въ которой школѣ и какова понятія, а состояніе извѣстно".

По представленнымъ справкамъ оказалось, что Арефьевъ взятъ былъ въ семинарію въ 1759 г. и въ настоящее время ему числится 18 годъ; въ ученическихъ вѣдомостяхъ за 1760 г., за время обученія въ Фарѣ, учителемъ В. Копыловымъ, онъ отмѣченъ: „понятенъ" и за 1762—3 годъ, за время обученія въ синтаксисѣ, тѣмъ же учителемъ рекомендованъ: „ученія хорошаго" и „учится хорошо"; за 1763 и 1764 г., за время обученія въ піитикѣ, учителемъ іеродіакономъ Мартиріемъ отмѣченъ: „прилеженъ, постояненъ и разуменъ" и потомъ іеромонахомъ Іасономъ: „во ученіи понятія добраго и впредь надежнаго".

Эти лестныя рекомендаціи просителя, повидимому, въ глазахъ преосвященнаго увеличивали только его вину—желаніе оставить семинарію и опредѣлиться дьячкомъ. Для митрополита, очевидно, важно было знать, откуда у ученика, способнаго проходить семинарское ученіе, возникло преступное желаніе оставить школу. 19 апрѣля по сему поводу на спросѣ Арефьевъ показалъ, что написалъ свое прошеніе по совѣту и дозволенію упомянутаго выше учителя, діакона Копылова, состоявшаго, кажется, регентомъ архіерейскаго хора. Естественно, что слѣдствіе, прежде всего, обратилось, къ до-

[1]) Дѣло арх. Тоб. консисторіи 1764 г. № 63: О пѣвчемъ В. Арефьевѣ и объ отцѣ его Киргинскомъ священникѣ Ѳед. Тим. Арефьевѣ жъ во отвращеніи имъ онаго Василія отъ семинарійскаго ученія и о протчемъ.

просу Копылова, который показалъ: „Сего 1764 г. апрѣля 6 дня послѣ обѣдни, когда я, побывъ въ пѣвческой, пошелъ изъ оной въ домъ, то сей проситель Арефьевъ вышелъ за мной въ сѣни, гдѣ меня одержалъ, говорилъ, что пишетъ де ко мнѣ отецъ письмо, чтобы какъ можно отпрашиваться мнѣ къ нему и я де хочу архіерею подать прошеніе объ отпускѣ, только ежели де онъ по подаміи прошенія о мнѣ у тебя спроситъ, то де ты скажи пожалуй, что я въ пѣвчествѣ быть неспособенъ, да може де онъ спроситъ у тебя и о ученіи моемъ въ семинаріи, потому что я у тебя учился, то скажи де ты, что и въ семинаріи ненадеженъ, на что я ему сказалъ: что каковъ ты въ пѣвческомъ званіи, то архіерей самъ видитъ, а каково ты у меня учился въ семинаріи, то я иначе не буду свидѣтельствовать, какъ только каковъ ты тогда во ученіи оказывался, при чемъ ему сказалъ и то, что лучше тебѣ прошенія не подавать, на что онъ мнѣ сказалъ, что Богъ дастъ, то и будетъ, только я подамъ, а болѣе я ему ничего не совѣтовалъ“.

Изъ показанія Копылова ясно видно, что Арефьевъ самъ хорошо сознавалъ, какое важное дѣло онъ затѣвалъ, намѣреваясь подать преосвященному свое прошеніе объ увольненіи изъ семинаріи. Онъ предчувствовалъ опасныя послѣдствія своего прошенія и надѣялся въ этомъ случаѣ только на Бога. И предчувствія не обманули Арефьева...

Прочитавъ показанія Копылова, преосвященный, прежде всего, потребовалъ (19 апрѣля) „объявить“ ему упомянутое въ показаніи письмо отца Арефьева, и затѣмъ распорядиться: „Сковать (ученика) въ глухіи желѣза и въ работу отдать, а отца сыскать“.

„Объявленное“ преосвященному письмо къ Арефьеву его отца дало епархіальному начальству основную нить для разслѣдованія дѣла и выясненія виновника, побудившаго семинариста къ подачѣ прошенія объ увольненіи изъ школы, а вмѣстѣ съ нимъ открыло новыя обстоятельства, которыя нельзя было оставить безъ разслѣдованія. Приводимъ это письмо (отъ 11 марта) во всей неприкосновенности, съ соблюденіемъ даже его орѳографіи: „Возлюбленному и превозлюбленному и дражаишему и предражаишему сыну моему Василію Федоровичу посылаю миръ и благословеніе. Отъ матери твоей Пелагеи Ивановны посылаетъ свое матернее благословеніе. Отъ тетушки твоей Пелагеи Тимофеевны всенижайшій поклонъ. Отъ братца твоего Ивана Федоровича всепокорнѣйшій поклонъ. Отъ братца твоего Николая Федоровича всенижайшій поклонъ. Да во извѣстіе вамъ пишу, что кодринской жеребчикъ у насъ терялся то

сего лѣта нашелся мериномъ и очень изрятно. И слава Богу, вся скотина въ цѣлости. Токмо пожалуй сынъ мой возлюбленной Василій Ѳедоровичъ выходи какъ возможно изъ школы. Дедушко былъ нынѣ у меня и говоритъ буди выйдетъ въ домъ, то обѣщаетъ все имѣніе свое тебѣ. Какъ выбыли зимусь въ домѣ, то послѣ васъ мать твоя весьма сокрушалась... Да прошу не можно ли на Матѳеево мѣсто къ намъ во дьячки. Что издержишь, то на насъ надѣйся. Постарайся Василій Федорычъ, пожалѣй наши старости, да пиши о своемъ здравіи и каково у преосвященнаго житіе и какова пищша".

Приведенное письмо, прежде всего, устанавливало фактъ „отвращенія" отцомъ сына отъ школьнаго ученія, въ чемъ принималъ косвенное участіе и „дѣдушка" семинариста. Затѣмъ, одно выраженіе письма подавало мысль о какихъ-то взяткахъ, при помощи которыхъ можно, освободившись отъ школы, получить причетническое мѣсто, что задѣвало уже консисторію. Далѣе, вопросъ о житіи у преосвященнаго и пищѣ могъ свидѣтельствовать о распространившихся слухахъ, что житіе это не совсѣмъ сладко... Наконецъ, на основаніи письма, возникалъ вопросъ, не укрываетъ ли отъ школы священникъ Арефьевъ другихъ своихъ дѣтей. Всѣ эти обстоятельства требовали особагo разслѣдованія. Посему преосвященный распорядился „о лѣтахъ всѣхъ, о ученіи показанныхъ сыновъ выправить". По консисторской справкѣ, извлеченной изъ духовныхъ росписей Киргинской слободы и представленной митрополиту, оказалось за 1762 г. слѣд.: „Священникъ Ѳ. Т. Арефьевъ 35 (45?) лѣтъ, жена ево Пелагія Ив. 46 л., дѣти ихъ—Иванъ 6 л., Николай 3 л.; ево жъ священника сестра дѣвица Пелагія 27 л., Дьячекъ Матѳей Стефановъ 25 л.; за 1763 значится: Иванъ 7 л. обучается часослову; Николай 5 л. чему обучился не отмѣчено. А дѣда его въ тѣхъ росписяхъ и по вѣдомостямъ не значится".

Послѣ сего, во исполненіе резолюціи преосвященнаго, консисторіей былъ отправленъ въ Киргинскую слободу для представленія въ Тобольскъ священника Арефьева разсыльщикъ Ст. Кремлевъ, которому изъ канцеляріи консисторіи отъ 20 апрѣля была дана такая инструкція:

1) Принявъ сію инструкцію, слѣдовать въ Краснослободскъ и во оную Киргинскую слободу немедленно и по прибытіи туда, взявъ онаго священника, возвратиться съ нимъ къ Тобольску на его коштѣ въ скорости и что онъ, священникъ, тобою взятъ будетъ о томъ для надлежащаго вѣдома Краснослободскому духовному правленію дано знать неотмѣнно.

2) Изъ Краснослободска слѣдовать къ Тобольску немедленно жъ

и по прибытіи онаго священника представить его преосвященному при своемъ рапортѣ.

3) Будучи въ пути, нигдѣ ни за чѣмъ не проживать, никому никакихъ обидъ не чинить и взяткамъ ни съ кого ни подъ какимъ видомъ, кромѣ настоящаго со онаго священника ѣздового не касаться подъ опасеніемъ жестокаго штрафа.

4) О дѣлахъ тайности подлежащихъ поступать по указу блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Величества Государя Императора Петра Великаго указу, состоявшемуся генваря 17 числа 1724 г., съ коего при сей инструкціи приложена точная копія.

28 мая Кремлевъ со взятымъ имъ священникомъ Арефьевымъ возвратился въ Тобольскъ и при рапортѣ представилъ его преосвященному. Въ тотъ же день на допросѣ въ консисторіи Арефьевъ показалъ:

1) Сего 764 г. марта 11 дня къ сыну своему, находящемуся въ пѣвчихъ, Василію Арефьеву письмо писалъ онъ самъ своею рукою и послалъ оное съ случившимися проѣзжающими изъ Ирбити въ Тобольскъ ѣздоками, а съ кѣмъ именно того нынѣ показать не упомнитъ.

2) Изъ показанныхъ въ томъ письмѣ дѣтей Иванъ нынѣ состоитъ отъ роду 8 лѣтъ, обучается псалтири десятую каѳисму. Николай 6 л. сего 764 г. марта 25 числа помре.

3) И чтобъ оной пѣвчій сынъ его Василій выходилъ изъ школы какъ возможно, писалъ для того, дабы онъ просился во дьячка на мѣсто произведеннаго тамошней церкви дьячка М. Степанова въ діаконство. И при томъ обнадеживалъ ево, Василія, что онъ издержитъ, т. е. на платежъ со опредѣленія пошлинъ денегъ, въ томъ бы на него, священника, надѣялся.

4) Въ томъ же письмѣ объявлялъ ему, Василію, что дѣдъ его, а его, священника, отецъ, Верхотурскаго монастыря іеромонахъ Лазарь по посылкѣ изъ того монастыря при пашепортѣ, будучи въ Киргинской слободѣ за покупкою церковныхъ и монастырскихъ надобностей, прошлаго 763 г. въ февралѣ мѣсяцѣ заѣзжалъ къ нему, священнику, въ домъ и жилъ чрезъ двои сутки, и при томъ обѣщалъ реченному Василію, есть ли онъ освободится отъ семинаріи, свое имѣніе, т. е. платье, двѣ рясы, одинъ кафтанъ суконный, китайчату рясу жъ отдать.

5) Онымъ письмомъ приказывалъ ему, Василію, къ себѣ писать, каково ему отъ его преосвященства житіе и какова пища въ такой силѣ, что онъ въ милости ли у его преосвященства находится и не имѣетъ ли въ пищи какого недостатка.

6) И оное де письмо писалъ онъ, священникъ, съ самой своей

простоты для одного того, чтобъ онъ, Василій, выпросился къ нему во дьячковское званіе, а не ради иного какого умысла, и о всемъ де сказалъ онъ по священству своему самую истину.

Разсмотрѣвъ представленное показаніе священника Арефьева, преосвященный 2 іюня распорядился, чтобы консисторія дала свое „истинное и справедливое мнѣніе“. Такое мнѣніе консисторія представила въ своемъ постановленіи отъ 18 іюня.

„Понеже, писала консисторія, означенный священникъ Ѳ. Арефьевъ точно вѣдаетъ, что семинарское училище для ползы церкви и отечества, въ силѣ духовнаго регламента, и потомъ въ подтвержденіе многихъ состоявшихся указовъ, учреждено при домѣ вашего преосвященства, въ которое и сынъ ево, оный Василій, взятъ и имъ, священникомъ, отданъ не инако, какъ толко по тѣмъ же правиламъ и обучается нынѣ (со опредѣленіи ево отъ 759 г. въ семинарію) въ школѣ піитикѣ, понятія добраго и впредь ко ученію надеженъ и прилѣжность имѣетъ, точію оный священникъ Ѳ. Арефьевъ онымъ указомъ здѣлалъ противное, что сего 764 г. марта 11 числа писалъ къ нему Василью, писмо, чтобъ онъ выходилъ изъ школы какъ возможно и что издоржитъ, въ томъ на него, священника, надѣялся, почему онъ, Василій, сперва склонять и началъ и склонялъ діакона В. Копылова къ ложному свидѣтельству, чтобъ ево онъ, В. Копыловъ, засвидѣтельствовалъ ненадежнымъ и неспособнымъ ко ученію, чемъ пролазку здѣлалъ, какъ бы по обнадеживанію отцовскому скоряе отбыть отъ семинаріи, а потомъ уже и самъ собою онъ, Василій, отважась апрѣля 8 числа сего 764 г. вашему преосвященству подалъ доношеніе ко отбывательству отъ ученія, объявляя о себѣ, что онъ будто имѣетъ голосъ рознячь, и просился не инуду куда, но ко отцу жъ своему въ домъ и ко одной съ нимъ церкви дьячкомъ. Итакъ онъ, священникъ, онаго своего сына тѣмъ писмомъ вмѣсто того, что было надлежало ему по долгу своему и въ силу указовъ крайнее прилагать о обученіи сына стараніе, онъ отъ того ево отвращалъ, и въ томъ ему навелъ совершенное препятствіе, чрезъ что сынъ ево, оный Василій, и пренебрегалъ то полезное ученіе и просилъ по единому толко того отца своего отъ ученія отвращенію отпуска изъ семинаріи, а не для другой какой законной причины, въ чемъ онъ, священникъ, весма виннымъ оказался, ибо въ такомъ случаѣ, какъ ему, такъ и другимъ, ежели бы кто дѣтямъ своимъ во ученіи препятствіе чинилъ, а онъ то свѣдалъ, должно бъ для общей во ученіи ползы отъ такого препятствія удерживать и объявлять, что то есть противно указомъ. А въ духовномъ регламентѣ на листу 53 подъ числомъ 15 напечатано: Приходящіе ученики были бъ при академіи до конца всѣхъ ученій и не

отпускать отъ школъ ректору безъ вѣдома духовнаго коллегіумъ. А есть ли бъ ректоръ или префектъ, или иный кто отпустилъ ученика отай за мзду поданую, и на таковаго преступника опредѣлить жестокое наказаніе. Въ указѣ 720 г. февраля 9 числа великій государь указалъ объявить всенародно: въ минувшихъ годахъ, которые Его Величества указы о разныхъ дѣлахъ публикованы и впредь публиковаться будутъ въ народъ, чтобъ по онымъ исполненіе чинили, какъ въ тѣхъ указахъ предложено будетъ. Того ради симъ всѣмъ объявляется, что кто въ какое преступленіе впадетъ, противу публикованнымъ указомъ, тотъ будетъ безъ пощады казненъ или наказанъ, такъ какъ въ тѣхъ публикованныхъ указахъ за преступленіе объявлено, не ставя то ему во оправданіе, что смотря на другова чинилъ, чего для надлежитъ всякому поступать по указамъ, и хранить оные и чтобъ впредь никто невѣдѣніемъ не оттоваривался [1]). Того ради вашему преосвященству Тобольская духовная консисторія мнѣніе сіе представляетъ, не соблаговолите ль ваше преосвященство на страхъ прочимъ священно и церковно-служителямъ, дабы никому впредь такъ чинить и дѣтей своихъ отъ школнаго ученія отвращать было не повадно, наказать его, священника Ѳ. Арефьева при канцеляріи духовной консисторіи плѣтми и обязать съ крѣпкимъ подтвержденіемъ подпискою, чтобъ онъ впредь дѣтей своихъ отъ ученія не отвращалъ, за которымъ обязательствомъ отпустить ево, священника, попрежнему къ церкви".

Митрополитъ, повидимому, не вполнѣ согласился съ постановленіемъ консисторіи: хотя онъ сдѣлалъ на немъ отмѣтку—„видѣно" (т. е. смотрѣно), но противъ словъ о наказаніи Арефьева плетьми сдѣлалъ поправку—„лисѣми хвостами" (!?). Изъ дальнѣйшихъ же обстоятельствъ дѣла видно, что послѣ консисторскаго наказанія Арефьевъ, очевидно по распоряженію преосвященнаго, былъ оставленъ въ Тобольскѣ „въ трудахъ".

Спустя уже $3^1/_2$ мѣсяца послѣ состоявшагося о немъ постановленія, Арефьевъ (15 сентября) обратился къ преосвященному со слезнымъ прошеніемъ. „Сего 764 г., маія 28 числа, писалъ онъ въ этомъ прошеніи, по учиненному моему, извѣстному вашему преосвященству преступленію нахожусь я нижайшій въ трудахъ. А нынѣ извѣстился я, что жена моя находится въ болѣзни, отъ чего домишко мое приходитъ въ раззореніе, ибо кромѣ дѣтей моихъ Евдокіи 10, Іоанна 8 л., обучающагося псалтири, тѣмъ моимъ домишкомъ править некому, да и отъ нихъ никакой возможности быть неуповательно, того ради: Архипастырства вашего со всенижайшею моею

---

[1]) См. Полн. собр. законовъ, т. VI, № 3510.

покорностію прошу, дабы позволено было мене нижайшаго въ преступленіи моемъ простить и объ отпускѣ мене Краснослободскаго заказа Киргинской слободы Спасской церкви во священнослуженіе учинить милостивое благоразсмотрѣніе".

Преосвященный, не рѣшая прошенія по существу, распорядился пріобщить его къ дѣлу и затѣмъ (23 сентября) предложилъ консисторіи разсудить, „можно ль умышленную злобу его (Арефьева) простить". Неизвѣстно, какое постановленіе сдѣлала по сему поводу консисторія. Повидимому, она оставила прошеніе Арефьева безъ послѣдствій, потому что 5 ноября онъ обратился къ преосвященному съ новымъ прошеніемъ, въ которомъ, указывая на то, что вслѣдствіе болѣзни жены домишко его раззоряется безгодно, опять просилъ объ отпускѣ во священнослуженіе въ свой приходъ. По этому прошенію митрополитъ опять затребовалъ мнѣніе консисторіи, которая постановила: „Хотя отъ Тобольской духовной консисторіи сего 764 г. іюня 18 дня мнѣніе и было, чтобъ его, священника Ѳ. Арефьева, за показанную его въ дѣлѣ вину наказать при канцеляріи духовной консисторіи плѣтми. Но однако въ разсужденіи умышленной ево злобы не соблаговолите ли ваше преосвященство послать ево, священника Арефьева, въ Невьянской Богоявленской монастырь въ монастырскіе труды на полгодичное время, чрезъ которое время быть ему на ево囗коштѣ. О чемъ Вашему преосвященству духовная консисторія мнѣніе на разсмотрѣніе и представляетъ".

Преосвященный однако почелъ это постановленіе не полнымъ и недостаточно обоснованнымъ, и 22 ноября сдѣлалъ консисторіи запросъ: „По регламенту и Синодальнымъ указамъ чому достоинъ".

Консисторія не торопилась отвѣтомъ на запросъ,—спустя почти мѣсяцъ—17 декабря—она доложила митрополиту: „Въ духовномъ регламентѣ о ученикахъ на листу 53 изображено учениковъ отъ школъ до конца всѣхъ ученій не отпускать. По указу же изъ Св. Синода 744 г. февраля 23 числа изображено, что священно и церковнослужители дѣтямъ своимъ разными виды отъ школьнаго ученія укрывательства чинятъ, то за то съ нихъ велено брать штрафа. А именно съ протопоповъ по два, съ поповъ, по рублю съ полтиною, съ діаконовъ по рублю, съ дьячковъ и пономарей по полтинѣ съ человѣка за каждый мѣсяцъ. И тако по оному дѣлу оказалось, что онъ, священникъ Арефьевъ, сыну своему въ школномъ ученіи, которой нынѣ обучается въ школѣ риторикѣ, дѣйствительное чинилъ препятствіе, и отъ того какъ самъ обманствомъ своимъ отвращалъ, такъ и ево научалъ же, чтобъ и онъ отъ школнаго ученія отпускъ себѣ изходотайствовалъ отъ главной своей команды обманомъ и что

за отпускъ издержитъ, на него бъ надѣялся. Чѣмъ главной своей командѣ явное нанесъ поношеніе, къ чему и искалъ способъ какъ бы чрезъ подарки обмануть. Того ради: вашему преосвященству духовная консисторія мнѣніе сіе представляетъ; не соблаговолите ли ваше преосвященство ево, священника Арефьева, за такую его умышленную злобу и обманъ и за поношеніе командѣ, дабы онъ и другіе такъ впредь чинить не дерзали, доколѣ сынъ его въ семинарскихъ училищахъ до конца не обучится, потомъ быть ему, священнику, въ Туринскомъ Николаевскомъ монастырѣ во священнослуженіи чредномъ и въ монастырскихъ трудахъ на ево собственномъ коштѣ, для чего его въ тотъ монастырь и отправить съ оказіею при указѣ. А сына его Василія изъ семинаріи не отпущать и велѣть за нимъ во ученіи ево учителю имѣть неослабное наблюдательство".

Въ постановленіи этомъ ясно обнаружилось оскорбленное чувство достоинства самихъ членовъ консисторіи, таковыми тогда состояли ректоръ семинаріи, архимандритъ Михаилъ Миткевичъ, впослѣдствіи епископъ иркутскій, и протопопы Василій Русановичъ и Никита Арашильскій. Обиднымъ имъ казалось выраженіе письма свящ. Арефьева, подававшее поводъ думать о намѣреніи его взятками склонить „главную команду" къ увольненію сына изъ семинаріи и къ опредѣленію его на причетническое мѣсто. Митрополиту же наложенное консисторіей наказаніе не казалось особенно строгимъ, тѣмъ болѣе, что Арефьевъ не оставилъ своей мысли какъ-нибудь освободить сына отъ семинарскаго ученія и сдѣлалъ какія-то попытки въ этомъ направленіи. Посему преосвященный 20 декабря положилъ на консисторскомъ опредѣленіи такую резолюцію: „Нынѣ изъ реторики сына хотѣлъ выманить не на словахъ, а писменно, а до совершеннаго окончанія ученіямъ надобно быть шесть годовъ, что причтется по указу счислить". Такимъ образомъ, преосвященный въ настоящемъ случаѣ хотѣлъ съ точностію опредѣлить размѣръ взысканія, причитающагося съ Арефьева, согласно синодальному указу отъ 23 февраля 1744 г. Исполняя желаніе преосвященнаго, консисторія произвела подсчетъ, по которому, полагая штрафу за каждый мѣсяцъ 1 руб. 50 коп., а въ годъ 18 р., за шесть лѣтъ причиталось съ Арефьева 108 руб. Но, кажется, самъ преосвященный не считалъ возможнымъ и отчасти справедливымъ единовременно взыскать съ него такую крупную сумму и посему сдѣлалъ 23 декабря такое опредѣленіе: „Что утаевать дѣтей своихъ отъ ученія въ семѣнаріяхъ священно и церковнослужителямъ не надлежитъ, а паче прилѣжное раченіе о ученіи имѣть, въ указѣ изображено. Тоже само или болше виною состоитъ кто отъ

ученія поученныхъ по болшей половинѣ школнымъ прохожденіемъ прелестію отводитъ. Того ради по учиненной вышѣ справкѣ подлежитъ всѣ штрафныя деньги сискать, однако оныя оставляются, а вмѣсто того сына своего отводимаго имъ отъ ученія, до окончанія совершеннаго ученія въ семѣнаріи содержать на своемъ коштѣ и другихъ въ домѣ оставшихъ ко ученію представить, а его отпустить попрежнему въ свой приходъ".

Такимъ образомъ, послѣ почти семимѣсячнаго томленія въ Тобольскѣ, Арефьевъ получилъ наконецъ давно желанный отпускъ въ свой приходъ. 23 декабря ему было объявлено въ консисторіи архіерейское опредѣленіе, въ исполненіе его онъ далъ подписку и получилъ пашпортъ на проѣздъ въ Киргинскую слободу. Вслѣдъ за нимъ—25 января 1765 г.—былъ посланъ въ Краснослободское духовное правленіе указъ о состоявшемся рѣшеніи дѣла Арефьева и съ требованіемъ высылки его дѣтей Ивана и Николая въ Тобольскъ, при чемъ консисторія забыла даже уже извѣстный ей фактъ смерти одного изъ нихъ. Указомъ 16 іюня консисторія вторично писала въ Краснослободскъ, что такъ какъ дѣти священника Арефьева доселѣ въ семинарію не высланы, то его преосвященство приказалъ о высылкѣ ихъ подтвердить указомъ, съ тѣмъ, ежели еще они и за полученіемъ сего указа вскорости его преосвященству представлены не будутъ, то всеконечно за преслушаніе и неисполненіе по указомъ безо всякаго упущенія оштрафовано быть имѣетъ само духовное правленіе. Послѣднее отъ 16 іюля репортовало консисторіи, что сынъ священника Арефьева Николай помре сего 765 г. въ генварѣ мѣсяцѣ [1]), а Иванъ еще прежде полученія указа отъ духовнаго правленія при доношеніи къ его преосвященству выславъ отцомъ въ Тобольскъ 25 іюня.

Сообщилъ Н. Бирюковъ.

[1]) 25 марта 1764 г., по ранѣе данному показанію отца.

Письмо С. Н. Терпигорева-Атавы [1]) М. Ив. Пыляеву.

Милый Михаилъ Подариловичъ!

Лососокъ... зеленыя щи съ ватрушками... индюшка съ каштанами... генералъ-маіоръ С. Н. Ш—ій... ересіаръ петербургскій ладожскій ёра-монахъ Николай Лѣсковъ... [2]).

Неужели всего этого для Васъ мало, чтобы бросить все и пріѣхать въ среду, въ $4^1/_2$ часа, обѣдать?...

О сердце человѣческое, неужели оно не тронется на сей разъ!...

Въ ожиданіи

Вашъ С. Терпигоровъ [3]).

Сообщилъ В. А. Алексѣевъ.

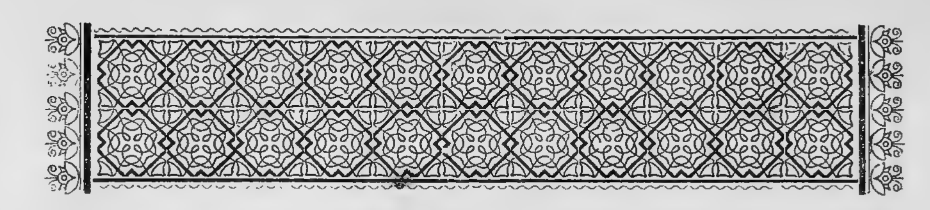

---

[1]) Извѣстный беллетристъ Сергѣй Николаевичъ Терпигоревъ, писавшій подъ псевдонимомъ Атава, родился въ 1841 году и умеръ въ 1895 году. Мих. Ив. Пыляевъ (1842—1899)—житель петербургской стороны, писатель.

[2]) Здѣсь имѣется въ виду Николай Семеновичъ Лѣсковъ (1833—1895) авторъ „Соборянъ".

[3]) Даты на письмѣ нѣтъ.

Царскосельскій лицей въ 1812 г.

Наши военныя неудачи въ первую половину Отечественной войны вызвали въ Петербургѣ тревожныя опасенія за судьбу сѣверной столицы. Тактика французскаго Императора была полна неожиданностей, и невозможно было точно предвидѣть, какой путь онъ изберетъ. Сѣверная армія Витгенштейна, охранявшая дорогу къ Петербургу, была слишкомъ малочисленна, чтобы остановить врага въ случаѣ движенія большихъ непріятельскихъ силъ къ столицѣ. Даже и послѣ занятія Москвы дальнѣйшія намѣренія Наполеона оставались неясными, и твердое рѣшеніе Александра не вступать ни въ какіе переговоры могло естественно вызвать непріятеля къ дальнѣйшему наступленію. Только послѣ Тарутина повернуло къ намъ военное счастье, и въ Петербургѣ тревога постепенно улеглась.

Императоръ Александръ зналъ хорошо, какъ относился Наполеонъ къ завоеванной странѣ. Итальянскій походъ, когда французами были ограблены художественныя сокровища и драгоцѣнности Италіи, былъ у всѣхъ на памяти, и опасеніе, что и Петербургъ можетъ постигнуть судьба Рима, Милана и Венеціи, было вполнѣ понятно. Корсиканскій хищникъ конечно не остановился бы передъ грабежомъ русскаго національнаго имущества въ Петербургѣ, подобно тому, какъ вывезена была изъ Берлина тріумфальная колесница съ Бранденбургскихъ воротъ. Вотъ почему еще въ іюлѣ 1812 года Императоръ Александръ былъ озабоченъ увозомъ изъ Петербурга всего цѣннаго изъ художественныхъ предметовъ и, находясь въ арміи, писалъ престарѣлому фельдмаршалу Салтыкову [1]) письмо, въ которомъ, выражая опасеніе по поводу возможности занятія непріятелемъ Петербурга, указывалъ на необходимость вывоза на этотъ случай изъ столицы архивовъ, картинъ Эрмитажа, двор-

[1]) Рескриптъ отъ 4 іюля 1812 г. изъ Бѣльковщины.

цовыхъ драгоцѣнностей, военныхъ трофеевъ, двухъ статуй Петра Великаго и статуи Суворова.

Все это были конечно одни проекты, которые, къ счастью, не пришлось приводить въ исполненіе. Впрочемъ, обширныя приготовленія осуществились лишь въ вывозѣ части книгъ и рукописей Императорской Публичной библіотеки, которыя уложены были въ ящики и отправлены водою на сѣверъ. Вскорѣ однако все вывезенное было возвращено обратно, при чемъ нѣкоторыя книги и рукописи во время зимовки брига съ ящиками библіотеки, на рѣкѣ Свири, сильно подмокли [1]).

На-ряду съ этими проектами разработывались и другіе: о вывозѣ изъ Петербурга, на случай занятія столицы непріятелемъ, полнаго состава воспитанниковъ учебныхъ заведеній военнаго и гражданскаго вѣдомства. Извлеченное изъ архива министерства народнаго просвѣщенія краткое: *„дѣло о перемѣщеніи лицея на время въ другую губернію на случай нашествія французовъ“* [2]) относится къ первому году жизни Царскосельскаго лицея, который въ это время находился въ вѣдомствѣ министерства просвѣщенія.

Тогдашній министръ графъ А. К. Разумовскій выказалъ рѣдкую заботливость объ учащейся молодежи: что-то отечески-трогательное чувствуется за сухимъ канцелярскимъ слогомъ его распоряженій и предписаній на имя тогдашняго директора лицея Малиновскаго.

Министръ горячо интересуется всякими мелочами, предвидитъ всѣ нужды молодыхъ людей во время длиннаго пути по некультурной странѣ, куда, быть можетъ, будутъ заброшены изъ „чертоговъ Царскихъ“ питомцы лицея. Внимательно обсуждаетъ министръ вопросъ объ одеждѣ, обуви лицеистовъ, о покупкѣ имъ дорожной посуды, о медицинскомъ персоналѣ и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ не забываетъ и о духовныхъ нуждахъ воспитанниковъ; онъ провѣряетъ списки учебнаго персонала и указываетъ директору на необходимость отправленія съ лицеемъ одного изъ профессоровъ, оставленнаго по предположенію совѣта въ Царскомъ Селѣ—словомъ, министръ полонъ самой сердечной заботливости о судьбѣ юныхъ лицеистовъ въ той отдаленной глуши, куда, быть можетъ, заброситъ ихъ буря военной непогоды.

Печатаемые ниже документы рисуютъ намъ цѣлую картину быта того лицея, среди питомцевъ котораго находились въ то время

---

[1]) По этому поводу въ архивѣ имѣется особое дѣло, также не лишенное бытового интереса.

[2]) Дѣло № 70. 1812 г. „По предписанію г. министра о перемѣщеніи лицея въ другую губернію по случаю нашествія французовъ. Началось 14 сентября, кончилось 7 октября 1812 г. На 14 листахъ“.

Пушкинъ, Дельвигъ, Кюхельбекеръ, кн. Горчаковъ и цѣлая плеяда людей Пушкинской эпохи. Воскресаютъ въ памяти и первые профессора, преподаватели и воспитатели Пушкинскаго Лицея—рядъ именъ, оставившихъ слѣдъ въ исторіи, какъ напримѣръ Куницынъ, воспѣтый поэтомъ въ его „воспоминаніяхъ о Царскомъ Селѣ, Кайдановъ, Карцовъ и др. — Отъ списка „служителей“ лицея вѣетъ стариннымъ укладомъ крѣпостного права, когда выраженіе „человѣкъ вольный“ являлось особымъ *званіемъ* лица. Среди служебнаго персонала бросается въ глаза имя дѣвицы Софіи Скалонъ, „Маіорской дочери“, вѣроятно обѣднѣвшей дворянки, нашедшей пріютъ въ лицейскихъ стѣнахъ въ скромной роли „смотрительницы надъ кухней и съѣстными припасами“, съ жалованіемъ въ 25 рублей.

Чрезвычайно интересно (какъ по формѣ, такъ и по содержанію) приложенное къ этому дѣлу письмо протоіерея А. А. Самборскаго къ графу Разумовскому отъ 15 сентября 1812 года, въ которомъ маститый пастырь предлагаетъ министру сопровождать лицеистовъ (въ случаѣ выѣзда ихъ изъ Царскаго Села) вмѣстѣ съ „походнымъ храмомъ“ и „продолжать наставленіе въ Божіемъ Законѣ“, если юноши лицея „удалены будутъ въ чуждые краи“, гдѣ не существуетъ церкви Греко-Россійскаго исповѣданія. Тутъ же и отвѣтъ на это письмо гр. Разумовскаго.

Это тотъ самый протоіерей Самборскій, который былъ духовнымъ наставникомъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, а впослѣдствіи состоялъ священникомъ и духовникомъ при великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, вышедшей замужъ за эрцъ-герцога Іосифа Палатина Венгерскаго и скончавшейся вдали отъ родины во цвѣтѣ лѣтъ. Великая княгиня была несчастлива въ бракѣ и въ качествѣ православной принцессы много терпѣла отъ своей свекрови, супруги Франца II-го, жестокой и мстительной женщины и ярой католички. Говорятъ, что, опасаясь за свою жизнь, она не довѣряла окружающимъ ее настолько, что духовный отецъ ея Самборскій самъ приносилъ ей съѣстные припасы съ рынка, которые потомъ готовила ей дочь его. Эта дочь впослѣдствіи вышла замужъ за перваго директора Царскосельскаго лицея—Малиновскаго. Въ исходѣ XVIII в. въ концѣ Дворцовой набережной, близъ нынѣшняго Литейнаго моста, стоялъ домъ Самборскаго съ прекраснымъ садомъ. Вѣроятно, въ честь его названъ былъ находящійся въ этой мѣстности (между Шпалерной и Французской наб.) до настоящаго времени „Самбурскій переулокъ“. (Вѣроятно „Самборскій“).

К. Военскій.

Секретно.

Господину Директору Императорскаго Царскосельскаго Лицея.

Какъ въ настоящихъ обстоятельствахъ легко случиться можетъ, что назначено будетъ отправить воспитанниковъ Лицея на время въ другую губернію, то необходимо принять заблаговременно нужныя для сего мѣры; посему предписываю вамъ заняться: 1-ое снабженіемъ воспитанниковъ теплою дорожною одеждою; 2-ое росписаніемъ чиновниковъ и служителей, кои необходимо должны слѣдовать за воспитанниками и тѣхъ, кои могутъ остаться здѣсь или въ Царскомъ Селѣ; 3-е заготовленіемъ потребнаго числа ящиковъ и проч. для укладки посуды, нужнѣйшихъ книгъ, постелей, бѣлья и другихъ вещей воспитанникамъ принадлежащихъ, кои признается необходимымъ увезти. Обо всемъ, что вы найдете нужнымъ по сему предмету предпринять, я буду ожидать предварительно вашихъ представленій; равнымъ образомъ имѣете представить мнѣ на утвержденіе вещи, какія за нужное признаете купить.

Министръ Нар. Просвѣщенія
гр. Алексѣй Разумовскій.

№ 3218.
Сентября 14 дня 1812 г.

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія
От Директора Императ. Царскосельскаго Лицея.

На предписаніе Вашего Сіятельства отъ 14 сего сентября № 3218-мъ честь имѣю донести, что Правленіе по журналу № 40-й статьѣ 2-ой покупку нужной для воспитанниковъ въ дорогу теплой одежды и другихъ необходимыхъ при томъ вещей поручило уже Помощнику Надзирателя по хозяйственной части Г-ну Золотареву, который по лавкамъ въ С.-Петербургѣ ихъ сторговалъ; но въ Лицей до разрѣшенія Вашего Сіятельства оныя потребности еще не взяты. Симъ вещамъ представляю при семъ, на благоусмотрѣніе и утвержденіе, Реестръ.

Для составленія Росписанія Чиновниковъ и служителей Лицея, необходимо долженствующихъ слѣдовать за воспитанниками и могущихъ остаться дѣлается соображеніе, и въ слѣдъ за симъ списокъ о нихъ будетъ Вашему Сіятельству представленъ.

Ящики для укладки посуды и прочаго сдѣлать уже приказано. Хотя же сіе предписаніе В. С. отъ 14-го числа получено 19-го пополудни, но Правленіе приложитъ всѣ мѣры, дабы успѣть окончаніемъ начатыхъ распоряженій къ отъѣзду, какъ можно благовременнѣе.

Директоръ Малиновскій.
Секретарь Люценко.

Сентября 19 дня 1812 г.
№ 312.

Реестръ о необходимо нужныхъ для воспитанниковъ вещахъ, изъ коихъ нѣкоторыя уже сторгованы.

	Количество вещей.	Примѣрная цѣна.	
		Руб.	Коп.
Тулуповъ покрытыхъ полукитайкою . . .	30	600	—
Рейтузовъ суконныхъ или шароваръ (взято сукна)	—	405	—
Сапоговъ просторныхъ.	паръ 30	300	—
Теплыхъ кенегъ	паръ 30	60	—
Чулковъ шерстяныхъ	паръ 30	67	50
Рукавичекъ съ варишками	паръ 30	54	—
Ременныхъ поясовъ съ пряжками (готовыхъ не имѣется).	30	30	—
Большихъ чемодановъ для платья (не заказаны по дороговизнѣ)	6	150	—
Жестяной дорожной посуды съ чашками и тарелками на 36 персонъ. (Не заказапо дороговизнѣ) (270)	—	—	—
Нож дорожныхъ складныхъ	3	7	50
Колпаковъ бумажныхъ.	30	52	50
Цыновокъ хорошихъ	30	30	—
Парусины толстой	25	37	50
Мѣшковъ изъ толстаго холста.	20	20	—
Сукна изъ коего шиты фуражки для пришивки ушекъ.	—	18	—

Итого . . . . . 1832 р.

Секретарь Люценко.

Господину Директору Императорскаго Царскосельскаго Лицея.

По рапорту Вашему № 312 находя дѣйствительно нужными въ случаѣ отправленія воспитанниковъ Лицея вещи, означенныя въ реестрѣ, при рапортѣ приложенномъ, предписываю сдѣлать распоряженіе о немедленной покупкѣ готовыхъ вещей и изготовленіи тѣхъ, которыя еще заказать должно. Дорожную посуду я почитаю необходимою, почему не оставьте купить оную, на мѣсто же чемодановъ для платья можно заказать хорошіе ящики, которые обойдутся дешевлѣ и въ коихъ платье столь же удобно положить можно, какъ и въ чемоданахъ.

Впрочемъ, какъ всѣ вещи сіи заготовляются токмо на случай отправленія воспитанниковъ, то должно купить и заказать оныя не иначе, какъ съ условіемъ, что если онѣ употреблены не будутъ, то возьмутся продавцами обратно за цѣну, которую при покупкѣ напередъ назначить можно. Разумѣется, что изъ сего исключаются ящики и вещи, не могущія служить къ другому употребленію.

Министръ Народнаго Просвѣщенія
гр. А. Разумовскій.

№ 3280.
С.-Пбургъ сентября 22 дня
1812 года.

Господину Министру Просвѣщенія.

Вслѣдствіе предписанія В. С. отъ 14 сентября № 3218-й, честь имѣю донести, что въ случаѣ перемѣщенія Лицея, книги, по малому количеству оныхъ и по необходимости, всѣ могутъ быть взяты. Касательно чиновниковъ честь имѣю представить списокъ оныхъ съ показаніемъ жалованья и моими замѣчаніями на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства, осмѣливаюсь при томъ ходатайствовать объ обезпеченіи чиновниковъ имѣющихъ остаться.

(подп.) Директоръ Малиновскій.
Секретарь Конференціи Николай Кошанскій.

Сентября 23 дня
1812 года.

Списокъ чиновниковъ по учебной части при Императорскомъ Лицеѣ.

	Жалованье.	Замѣчанія.
Наставникъ Закона Божія Священникъ *Музовскій*	800	Остается по обязанности другой службы.
Проф. Россійской и Латинской Словесности *Кошанскій* *)	2000	
Проф. Французской Словесности *де Будри***)	2000	Остаться.
Профессоръ Нѣмецкой Словесности *Гауеншильдъ*	2000	
Адъюнктъ - Профессоръ Нравственныхъ Наукъ *Куницынъ*	1200	
Адъюнктъ-Проф. Физико-Математич. Наукъ *Карцовъ*	1200	
Адъюнктъ - Проф. Историческихъ Наукъ *Кайдановъ*	1200	
Адъюнктъ Словесныхъ Наукъ *баронъ Ренненкампфъ*	800	Остаться.
Учитель Чистописанія *Калиничъ*	—	Можетъ заниматься и письмоводствомъ.
Учитель Рисованія *Чириковъ*	—	Гувернеръ.
Учитель Фехтованія *Вальвиль*	800	Остаться.
При Конференціи:		
Секретарь Конференціи Профессоръ *Кошанскій*	500	
Письмоводитель *Веницель*	—	Остается.

Директоръ Малиновскій.

Секретарь Конференціи: Николай Кошанскій.

*) *Ник. Ѳед. Кошанскій.* Литераторъ и переводчикъ. Въ Лицеѣ былъ съ 1811 по 1824 г.

**) *Давидъ Ивановичъ де Будри.* Родомъ швейцарецъ. Прибылъ въ Россію въ 1784 г., при чемъ настоящая его фамилія *Маратъ* по Высоч. повелѣнію измѣнена на де Будри. Былъ въ Лицеѣ съ 1811 по 1821 г. *К. В.*

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

От Директора Императорскаго Царскосельскаго Лицея.

Во исполненіе предписанія Вашего Сіятельства отъ 14 сего сентября № 3218-й, прилагая при семъ два Росписанія о Чиновникахъ, служителяхъ и Инвалидахъ Лицея съ моими отмѣтками о тѣхъ, кои необходимо долженствуютъ слѣдовать за воспитанниками въ случаѣ отправленія ихъ въ другую губернію и кои могутъ остаться въ С.-Петербургѣ, или здѣсь, предаю таковое распоряженіе мое на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства.

Что жъ касается до Чиновниковъ и служителей, могущихъ оставаться, то участь ихъ представляю великодушному попеченію Вашего Сіятельства, поелику они, будучи безъ всякаго состоянія и способовъ къ содержанію себя и семействъ своихъ, не имѣютъ другого прибѣжища надеждѣ своей, кромѣ извѣстнаго Вашего человѣколюбія.

Директоръ Малиновскій.

Сентября 23 дня 1812 года.
№ 314.

РОСПИСАНІЕ

Чиновникамъ къ хозяйственному Правленію Лицея принадлежащимъ.

	Сколько получаетъ жалованія.	Отмѣтки.
1. Членъ Правленія, Надзиратель по учебной и нравственной части 8-го класса *Мартынъ Пилецкій-Урбановичъ*	1500	Можетъ и обучать воспитанниковъ.
2. Секретарь, Колл. Асс. Ефимъ *Люценко* . .	1500	Женатъ и имѣетъ дѣтей.
3. Бухгалтеръ, Губ. Секр. Ѳома *Мудревичъ*. .	500	Ж. и имѣетъ дѣтей.
4. Губ. Секретарь Яковъ *Масалевскій*	500	Остаться.
5. Губ. Секретарь Илья *Григорьевъ*	500	
6. Сенатскій Регистраторъ Михайло *Терентьевъ*	500	
7. Коллежскій Регистраторъ Яковъ *Венигель* (въ отпуску)	500	Остается, ибо его и нѣтъ здѣсь, иначе бы полезенъ былъ.
8. Пом. Надзирателя по хоз. части 12-го класса Матвѣй *Золотаревъ*.	500	
Гувернеры:		
9. Тит. Сов. Алексѣй *Иконниковъ*.	600	Можетъ въ случаѣ нужды обучать воспитанниковъ.
10. Секретарь старшихъ Сергѣй *Чириковъ*.	1500	
11. Отставной Аудиторъ *Илья Пилецкій-Урбановичъ*.	600	
12. Пом. Гувернера Губ. Секр. Александръ *Зерновъ*.	300	Остается при домѣ для присмотра.
13. Докторъ, Титул. Сов. Францъ *Пешель*. . .	1000	Обязанъ другою службою и потому остается.
14. Коммиссіонеръ, Городовой Секретарь Антонъ *Сълецкій-Дзюрдзъ*.	не получаетъ.	Остается.

Директоръ Малиновскій.

РОСПИСАНІЕ

Служителямъ и Инвалидамъ въ вѣдомствѣ Лицея состоящимъ.

	Отмѣтки.	Мѣсячное жалованіе.
1. Людвигъ *Кемерскій* (вольный человѣкъ)		20
2. Карлъ *Бергманъ* (тоже)		15
3. Иванъ *Петровъ* (крѣпостной)		20
4. Матвѣй *Матюсонъ* (бобыльскій сынъ)		20
5. Гаврила *Логиновъ* (крѣпостной)		15
6. Степанъ *Крыжановскій* (вольный)		20
7. Андрей *Сазоновъ* (вольный)	Остаться.	15
8. Ѳома *Лысаковскій* (вольный)	Остаться.	10
9. Поваръ Иванъ *Веригинъ* (мѣщан.)		25
10. *Молостовъ* (отстав. солдатъ)		20
11. Кучеръ Агафонъ *Ефимовъ* (отставной солдатъ)	Остаться.	12
Смотрительница надъ кухнею и съѣстными припасами:		
12. Софія *Скалонъ* (Маіорская дочь)	Остаться.	25
Кастелянша:		
13. Надежда *Матвѣева*, жена отставного Придворнаго Скорохода	Остаться.	16

	Отмѣтки.	Мѣсячное жалованіе.
Инвалиды:		
Унтеръ-офицеръ *Васильевъ*		5
Швейцаръ *Киселевъ*.		6 р. 25 к.
Кобелевъ (остаться для присм. за домомъ) .		5
Перевышинъ.		5
Скубилинъ.		5
Савеловъ.		5
Ефимовъ		5
Кириловъ.		5
Бобовъ		5
Сорокинъ.		5
Цирюльники, служащіе и при Царскосельскомъ Правленіи:		
1. *Летягинъ*. 2. *Мишуровъ*. } остаются по обязанности своей здѣсь.		

Директоръ Малиновскій.

Господину Директору Императорскаго Царскосельскаго Лицея.

По представленіямъ Вашимъ отъ 23 числа сего мѣсяца я согласенъ на приведеніе въ случаѣ надобности въ дѣйство предположеній вашихъ касательно отправленія съ воспитанниками Лицея нѣкоторыхъ чиновниковъ и служителей и оставленія другихъ здѣсь, исключая то, что Адъюнкта барона Ренненкампфа нахожу я нужнымъ отправить, тѣмъ паче, что назначенъ вами къ оставленію здѣсь профессоръ Французской Словесности Будри, коего уроки кромѣ Ренненкампфа никто занять не можетъ. Впрочемъ, разумѣется, что всѣ приготовленія къ отправленію Лицея должны быть токмо предварительныя и впредь до предписанія не надлежитъ предпринять въ семъ отношеніи ничего рѣшительнаго.

Министръ Народнаго Просвѣщенія
гр. А. Разумовскій.

№ 3299.
С.-Петербургъ, сентября
26 дня, 1812 года.

Сіятельнѣйшій Графъ Алексѣй Кирилловичъ!
Милостивый Государь и благодѣтель!

Имѣю щастіе поздравить Ваше Графское Сіятельство Торжествомъ Коронованія всероссійскаго Божія Помазанника! Въ Придворной Церквѣ съ благочестивыми юношами благоучрежденнаго вами и спасительнаго для Отечества Лицея, приносилъ я горячайшія ко Всевышнему Царю Царей устрояющему вся Царства земная по неисповѣдимому намъ земнороднымъ Своему небесному уставу, Молитвы: да нашего Благочестиваго и Прекроткаго Царя сохранится корона непоколебима и да Царство Его послѣ настоящихъ жестокихъ испытаній низпосланныхъ свыше грѣховъ ради нашихъ, вскорѣ избавится отъ нашествія звѣроподобныхъ иноплеменниковъ; да паки возвратится померкшая Россійская Слава и да истинные сыны Церкви и Отечества возрадуются о избавленіи своемъ; и да поживутъ до скончанія Міра тихое и безмолвное житіе. О всемъ семъ мы молились въ Сарскосельской (sic) Придворной Церквѣ потому: что по извѣстнымъ Вашему Сіятельству обстояніямъ! мой величественный Храмъ, устроенный изъ Царскихъ Одеждъ, уже положенъ въ небольшой сундукъ! Который Храмъ купно и я готовъ слѣдовать за вашимъ Благочестивымъ Лицеемъ, на собственномъ

моемъ иждивеніи, не требуя ни малѣйшаго пособія отъ Лицейской Казны. Кромѣ истиннаго моего побужденія ко Благу Общему и въ особенности къ Богоугоднымъ вашей Особы намѣреніямъ и пользы Императорскаго Лицея, я имѣю естественную непреложную обязанность слѣдовать за Лицеемъ, поелику иначе Директоръ, мой зять, совершенно жертвуя собою великодушному своему патріотическому служенію, принужденъ вручить своихъ пятерыхъ сиротъ моему паче же моей добродѣтельной дщери, родственному попеченію. Есть ли бы случилось и то, что юноши Лицея будутъ удалены въ чуждые краи, или въ другое какое мѣсто, то мой Храмъ можетъ быть уготованъ для молитвословія въ продолженіи трехъ часовъ. Кромѣ сего я могу продолжать и наставленіе въ Божьемъ Законѣ. Смѣю удостовѣрить васъ, яко Попечителя Народнаго Просвѣщенія, что я самъ моимъ искреннѣйшимъ пожертвованіемъ могу принесть вашему Лицею существительную (sic) пользу. О чемъ я по долгу моему сообщилъ моему духовному Начальнику: Его Сіятельству Князю Александру Николаевичу Голицыну и Преосвященнѣйшему Митрополиту Амвросію. Обѣ сіи Особы весьма одобрили сіе мое добровольное Богоугодное и безкорыстное пожертвованіе. Удостовѣренъ я, что и ваше Сіятельство по своему благонамѣренному характеру пріимите оное въ такомъ же видѣ. Заключая сіе преискреннее мое начертаніе приношеніемъ Благословеннаго Хлѣба, который есть свидѣтельствомъ моего жертвоприношенія о дражайшемъ вашемъ здравіи и препоручивъ себя вашему благоволенію съ истиннымъ къ вашей Особѣ почтеніемъ и всесовершенною преданностью пребуду, пока жить буду.

Вашего графскаго Сіятельства
всенижайшій слуга и всеусерднѣйшій Богомолецъ
Андрей Самборскій.

1812 г. Сентября 15.
Александрово.

Милостивый Государь мой
Андрей Афанасьевичъ!

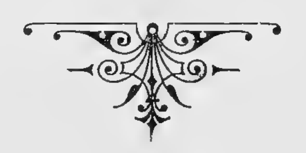
Не могу не принять съ особенною признательностью предположенія Вашего Высокопреподобія въ пользу воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея. Если нещастныя обстоятельства потребуютъ перемѣщенія сего заведенія въ другую губернію, а можетъ быть и въ

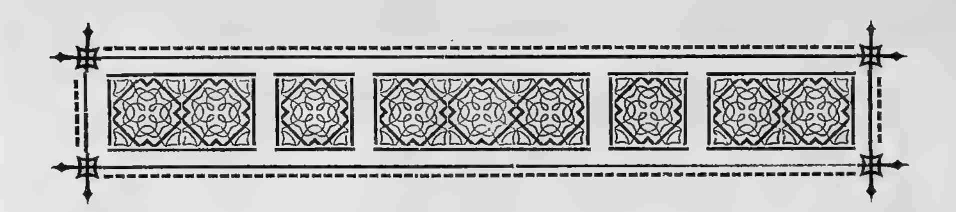
такой край, гдѣ не существуютъ церкви Православнаго Грекороссійскаго Исповѣданія, то безъ сомнѣнія важнѣйшее попеченіе Начальника должно бы состоять въ доставленіи воспитанникамъ способа къ исполненію предписанныхъ Закономъ священныхъ обрядовъ, въ чемъ благотворительное намѣреніе ваше совершенно меня обезпечиваетъ. Примите за сіе и за добрыя ваши желанія чувствительную благодарность мою и увѣренія въ истинномъ почтеніи, съ коимъ пребываю и проч.

(подп.) гр. Алексѣй Разумовскій.

№ 3346.
Октября 4-го 1812 г.
Его Высокопреподобію
А. А. Самборскому

Сообщилъ К. Военскій.

Переписка М. И. Драгомирова съ А. Дрыгальскимъ.

Berlin, Invalidenhaus 13/II, 1880.

Mon général

J'ose presenter à Votre Excellence le livre ci-joint en témoignage de ma plus haute considération pour votre illustre personne et de ma gratitude pour l'instruction precieuse que votre célébre cours de tactique m'a fournie. J'affirme avec un vrai plaisir que la gloire seule de votre nom, repandue depuis longtemps aussi dans ma patrie, a suffi pour assurer à mon travail la reception si favorable dont il se rejouit auprès de notre critique.

Si mon livre dans ses pages contient parfois des arguments et des propos qui ne partagent parfaitement les idées et les normes données par votre Excellence, et si même quelquefois j'ai été assez hardi d'exprimer mes propres pensées, Votre Excellence veuille bien le pardonner à un auteur qui quoique jeune et sans renommée, cherche sincerement la verité et qui est persuadé que l'échange des opinions seulement peut conduir au juste.

D'ailleurs Votre Excellence observera que dans beaucoup de points importants je trouve les maximes propagées dans votre ouvrage d'une éminente et indiscutable valeur non seulement pour les héros de Plevna et de Balkan, mais pour chaque soldat qui aime son beau metier. De même je sais très bien que dans chaque armée d'importance superieure il y a des pratiques guerrieres nationales qui sont l'héritage sacrée des siècles et qui pour cette raison doivent être conservées et developpées à tout prix.

En me flattant de l'ésperance que Votre Excellence me fasse l'honneur de vouloir bien accepter mon modeste ouvrage, je suis

de Votre Excellence le très dévoué

A. von Drygalski.

Получено около
7 ноября 1880 г.

Ваше Превосходительство.

Беру на себя смѣлость препроводить къ вамъ прилагаемую при семъ книгу, въ знакъ глубочайшаго уваженія къ вашей особѣ и во свидѣтельство моей благодарности за тѣ драгоцѣнныя указанія, которыя почерпнуты мною изъ вашего превосходнаго „Курса Тактики“. Съ особеннымъ удовольствіемъ утверждаю, что одного вашего славнаго имени, давно извѣстнаго въ моемъ отечествѣ, было достаточно для того, чтобы мой трудъ былъ столь благосклонно привѣтствуемъ нашею критикой.

Если въ моей книгѣ нѣкоторые аргументы и предположенія не вполнѣ совпадаютъ съ высказанными вами идеями и нормами, если иногда я бралъ на себя смѣлость высказать мое собственное мнѣніе, то, надѣюсь, что вы простите это молодому и не имѣющему авторитета автору, искренно ищущему истины, и убѣжденному, что она достигается обмѣномъ мнѣній.

Кромѣ того, прошу ваше превосходительство обратить вниманіе на то, что высказанныя въ вашемъ трудѣ правила и мнѣнія по многимъ важнымъ вопросамъ военнаго дѣла я считаю непререкаемо цѣнными не только для героевъ Плевны и Балканъ, но для всякаго солдата, любящаго свое прекрасное ремесло. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я очень хорошо знаю, что во всякой арміи есть свои національныя военныя особенности, священное наслѣдіе вѣковъ, которыя должны быть сохранены и развиваемы во что бы то ни стало.

Льщу себя надеждою, что ваше превосходительство не откажете принять прилагаемый скромный трудъ.

Преданный вамъ А. Дрыгальскій.

Берлинъ 13 дек. 1880 г.

Петербургъ, Галерная, 31.

Милостивый Государь

Пишу къ вамъ по-русски, такъ какъ вы знаете этотъ языкъ не хуже меня, я же по-нѣмецки совсѣмъ не знаю, а по-французски затруднился бы выразить то, что желаю вамъ написать.

Позвольте, во 1-хъ, отъ души поблагодарить за слишкомъ лестное для меня письмо ваше и за присылку книги. Если у васъ меня знаютъ, то благодаря только вамъ. Напрасно вы извиняетесь за разногласіе въ мнѣніяхъ: русская пословица гласитъ: „сколько головъ, столько и умовъ“; въ великой, безбрежной области теоріи найдется мѣсто всякому искреннему убѣжденію, и на порогѣ ея совлекаются чины и авторитеты повыше моихъ. При томъ же субъ-

ективность — отличительная черта нашего дѣла; въ немъ объективность—зачастую синонимъ безличія. А гдѣ субъективность, тамъ и разнорѣчіе.

Въ подлинникѣ я вашей книги, къ несчастію, прочесть не могу, и долженъ довольствоваться тѣмъ, что написано о ней въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и что изъ нея передали мнѣ товарищи, ее читавшіе. По этимъ даннымъ, и рискуя, можетъ быть, возражать не совсѣмъ на то, что вы писали, хочу съ вами немного поспорить.

Поставлю прежде всего основныя положенія, дабы вы сразу видѣли, отъ чего я отправляюсь, и можете ли вы съ ними согласиться, или нѣтъ.

1) Основаніе военнаго дѣла составляетъ принципъ взаимной выручки, круговой поруки.

2) Человѣкъ есть животное привычки; въ силу этого *всякая практическая дѣятельность кладетъ на него печать, до такой степени неизгладимую, что родъ занятій опредѣляетъ складъ его понятій*, а слѣдовательно и *характеръ, какъ поступковъ, такъ и отношеній.*

3) Въ жизни и во всѣхъ ея проявленіяхъ, особенно въ нашемъ дѣлѣ, *воля значитъ болѣе ума*; ибо первая есть сила зиждущая, стремящаяся, хотя и слѣпая; второй же, сила прозорливая, направляющая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разлагающая все на противоположные моменты, т. е. приводящая къ нулю.

4) Самоотверженіе—высшая военная добродѣтель—лежитъ въ области воли; ея полюсъ—самосохраненіе,—въ области ума. То и другое можно развить соотвѣтственно направленными упражненіями (это слѣдуетъ изъ 2-го положенія). Весь циклъ ихъ есть: воспитаніе—для воли; образованіе—для ума.

5) Огнестрѣльное оружіе отвѣчаетъ самосохраненію; холодное—самоотверженію.

Перехожу къ вашей почтенной книгѣ.

1) Вы (по рецензіи „Р. Инв.“) говорите, что я не достаточно обращаю вниманія на образованіе; сколько мнѣ кажется, я только ставлю его относительно воспитанія на подобающее ему второе мѣсто: ставлю на основаніи положенія 3-го и послѣдующихъ. Мнѣ это положеніе кажется вѣрнымъ и въ высшей степени важнымъ. Полагаю даже, что основная болѣзнь нашего вѣка—именно недостатокъ воспитанія воли. Отсюда торжество максимовъ въ родѣ laissez faire, laissez passer; отсюда же и то, что мы свои права очень помнимъ, а объ обязанностяхъ предпочитаемъ, если и не совершенно забывать, то и не всегда совершенно помнить; отсюда же страсть къ наслажденіямъ, приводящая ко взгляду, какъ на ве-

личайшее несчастіе, на такія случайности въ жизни, отъ которыхъ въ другія эпохи человѣкъ бы и не поморщился; отсюда, наконецъ, масса самоубійствъ.

Однимъ словомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что воля—основная жизненная сила; что ея высшее напряженіе вызывается войною, особенно боемъ; и что философы дѣлаютъ большую ошибку, считая эту область проявленіемъ якобы однихъ только звѣриныхъ инстинктовъ и потому недостойною ихъ наблюденія. Заключеніе изъ всего этого ясно: нужно гимнастировать волю такъ настойчиво и упорно, какъ только можно; но, разумѣется, не забывая и ума.

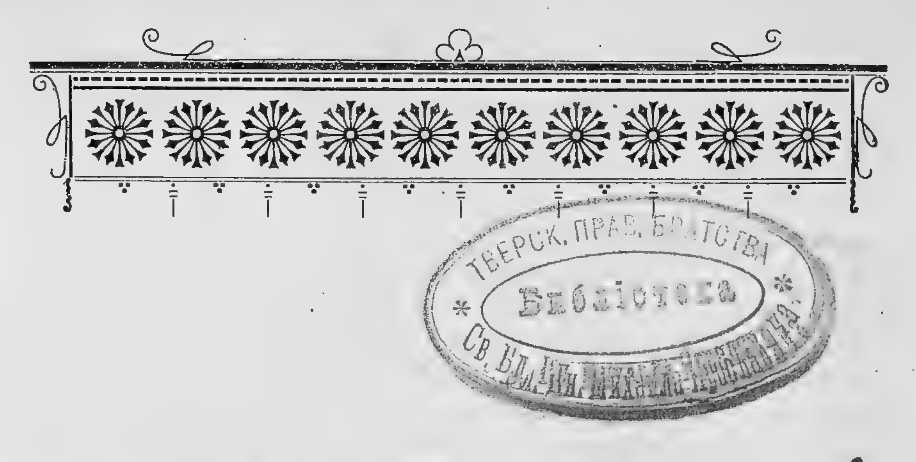
2) Огня я не отрицаю; всегда проводилъ и провожу, что огонь и штыкъ не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга; но что штыкъ нужно отстаивать въ особенности теперь, когда сила огня заслоняетъ его въ сознаніи большинства даже до полнаго отрицанія его значенія. Нельзя допустить распространенія столь ложнаго взгляда потому, что представитель самоотверженія есть штыкъ, и только онъ одинъ. Ружье не можетъ на это претендовать, ибо убить на разстояніи, да еще изъ-за закрытія, на это самоотверженія никакого не требуется. Если бы всегда можно было достигать военныхъ цѣлей средствами, отвѣчающими только инстинкту самосохраненія, тогда конечно можно бы было и совсѣмъ отказаться отъ самоотверженія, но исторія намъ показываетъ, что подобная атрофія цѣлой, и при томъ благороднѣйшей половины инстинктовъ души человѣческой безнаказанно никогда не проходила, а слѣдовательно и проходить не будетъ. Припомнимъ римлянъ въ столкновеніи съ германцами; революціонныя ополченія въ столкновеніи съ регулярными, обученными арміями всей Европы. Съ одной стороны образованіе, подготовка—и слабость воли; съ другой—почти ничего, кромѣ воли.

Однако я вамъ, пожалуй, уже и надоѣлъ; письмо грозитъ обратиться въ разсужденіе; и потому обрываю его круто, прося вѣрить въ искреннее къ вамъ уваженіе.

М. Драгомировъ.

10/22 Ноября
1880 года.

Г. К. Градовскій.

(КЪ ПОРТРЕТУ).

Съ удивительнымъ и рѣдкимъ единодушіемъ русская печать отпраздновала сорокапятилѣтній юбилей литературной дѣятельности Григорія Константиновича Градовскаго. Не только сторонники, но и противники взглядовъ, за которые борется старый журналистъ, пришли пожать руку Градовскому, чтя въ немъ то, что выше всякихъ личныхъ интересовъ,—неуклонную любовь къ правдѣ, неслабѣющую готовность стоять за нее. Градовскій—общепризнанная нравственная и литературная величина. Тяжела и терниста большая часть проходимаго имъ литературнаго поприща, но зато на его долю выпало незаурядное, мало кому достающееся счастье — видѣть хоть нѣкоторые плоды своихъ трудовъ, добиться общаго признанія, услышать слово благодарности отъ нынѣшняго поколѣнія, которое едва выходило изъ колыбели, когда была уже въ полномъ расцвѣтѣ дѣятельность Григорія Константиновича. Пользуясь свѣдѣніями, имѣющимися въ печати и собственными воспоминаніями почтеннаго юбиляра, мы, давая въ этой книжкѣ нашего журнала, имѣющаго честь считать Г. К. Градовскаго въ числѣ своихъ сотрудниковъ, его портретъ, посвящаемъ нѣсколько словъ его благородной, плодотворной дѣятельности.

Г. К. Градовскій родился въ 1842 г. въ с. Макарихѣ, Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи, въ имѣніи своихъ родителей. Родъ Градовскихъ довольно старинный,—малороссійскаго происхожденія, получившій когда-то шляхетскія права. Прадѣдъ Г. К—ча погребенъ въ Макарихѣ, подъ алтаремъ построенной имъ православной церкви. Тамъ же похороненъ и дѣдъ нашего писателя, черноморскій морякъ, участникъ Наваринскаго боя. „Иного родного

языка“— сообщаетъ о себѣ Г. К.,—„кромѣ языка Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, я никогда не зналъ и не признавалъ, хотя, родившись среди малороссовъ, понимаю и люблю народный малорусскій языкъ“. Учился Г. К. въ первой Харьковской гимназіи и, окончивъ ея курсъ въ 1859 г., поступилъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи четыре года, а въ 1863 г. получилъ кандидатскую степень въ Кіевскомъ университетѣ. Ко времени студенчества относится начало авторства Г. К., который въ 1862 г. помѣстилъ въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ свою первую замѣтку—отчетъ о представленіи пьесы „Рославлевъ“ (передѣланной изъ романа Загоскина). Переѣхавъ въ Кіевъ, Г. К. сталъ работать въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“, который тогда издавалъ Фанъ-Юнгъ, а затѣмъ, съ 1865 г., въ „Кіевлянинѣ“, редакціи В. Я. Шульгина; въ составъ редакціи входили, между прочимъ, Н. Х. Бунге, Н. К. Рененкампфъ, Воропоновъ, Ѳ. Ромеръ.

Въ 1869—1871 г.г. Г. К. участвовалъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ В. Ѳ. Корша и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Каткова. М. Н. Катковъ въ то время былъ совсѣмъ не таковъ, какимъ сталъ черезъ нѣсколько лѣтъ, и въ его газетѣ Г. К. помѣщалъ свои статьи о необходимости введенія въ западномъ краѣ судебной и земской реформы, о возможно большомъ обезпеченіи крестьянства и т. п. Въ 1872 г. Г. К. принялъ участіе въ „Гражданинѣ“ кн. В. П. Мещерскаго, но здѣсь не могъ долго удержаться и оставилъ мѣсто редактора, которое занялъ Ѳ. М. Достоевскій. Въ 1873 г. Г. К. работалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ „Русскомъ Мірѣ“, при П. А. Висковатовѣ. Весною 1874 г. В. А. Бильбасовъ, руководившій газетой „Голосъ“, пригласилъ Градовскаго писать по внутреннимъ вопросамъ. Вскорѣ Г. К. взялъ на себя воскресный фельетонъ въ „Голосѣ“, и съ 1 января 1875 г., послѣ нѣсколькихъ удачныхъ пробъ, въ „Голосѣ“ стали появляться по воскресеньямъ фельетоны, подписанные псевдонимомъ „Гамма“, подъ которымъ Г. К. быстро пріобрѣлъ симпатіи читателей и широкую популярность. Параллельно съ участіемъ въ „Голосѣ“ Г. К. издавалъ нѣкоторое время, съ 11 іюля 1876 г., еженедѣльную газету „Русское Обозрѣніе“. Газета эта имѣла огромное вліяніе несмотря на то, что выходила недолго и нерегулярно; печальна была ея судьба, и печаленъ былъ ея быстрый конецъ. Получивъ одиннадцать предостереженій и выдержавъ три пріостановки, она была закрыта 5 августа 1878 г. Въ 1877—1878 г.г. Г. К. ѣздилъ на театръ русско-турецкой войны и корреспондировалъ въ „Голосъ“, сначала изъ Малой Азіи, потомъ изъ Болгаріи. Возвратившись оттуда въ концѣ февраля 1878 г. въ Петербургъ и заставъ свое „Русское Обозрѣніе“ пріостановленнымъ

на шесть мѣсяцевъ, Г. К. помѣстилъ въ „Голосѣ“ извѣстную статью „Итоги войны“. Какъ оцѣнивалъ авторъ эти итоги, видно изъ передаваемыхъ имъ (въ „Московс. Еженедѣльникѣ“ 1907 г.) мыслей, къ которымъ привела его такъ близко видѣнная имъ кампанія. „Всѣ что-нибудь утратили, но все же тѣшились надеждой, что и насъ ждетъ „новое счастье“, давно желанное довершеніе преобразованій. Казалось, вполнѣ ясно было, что застой приводитъ къ разгромамъ, испытаннымъ въ Крымскую войну, а немногіе годы прогресса все же даровали побѣду и обезпечили возвратъ прежней военной славы. Трудно было даже вообразить, въ самомъ мрачномъ и недовѣрчивомъ настроеніи, чтобъ на счетъ бѣднаго русскаго народа, какъ и прежде, создавалось чужое благополучіе, воздвигались новые порядки и конституціи, а Россія обрекалась бы на прежнія, давно осужденныя условія прозябанія въ атмосферѣ невѣжества и мыслебоязни. Неужели послѣ свѣтлыхъ грезъ объ идеальномъ освободительномъ подвигѣ и великой миссіи русскаго народа, по возвратѣ домой насъ ждало лишь старое „разбитое корыто...“?

Въ такомъ духѣ оцѣнивалъ Г. К. „Итоги войны“. Вскорѣ въ „Голосѣ“ появилась статья Г. К., посвященная процессу Вѣры Засуличъ. „Голосъ“ на другой же день получилъ предостереженіе; той же участи подверглась другая газета, перепечатавшая фельетонъ, — „Сѣверный Вѣстникъ“. Въ то время во главѣ комитета министровъ стоялъ П. А. Валуевъ. Г. К. обратился къ нему съ письмомъ, указывая ему на неразумность попятнаго движенія и стѣсненій печати. „Честные и здравомысленные люди и убѣжденія“—писалъ Г. К.—„существуютъ. Необходимо только дать имъ возможность сплотиться, выйти на свѣтъ Божій, освободиться изъ-подъ искусственныхъ наслоеній умственной тины и нравственнаго застоя. Это можетъ совершиться при содѣйствіи печати честной, просвѣщенной, имѣющей твердые принципы, *незыблемую почву въ законѣ*. При существующихъ юридическихъ условіяхъ такой печати у насъ быть не можетъ и, къ сожалѣнію, *только у насъ* изъ всей Европы. Какъ же намъ состязаться съ Западомъ, какъ же жить и управляться внутри! Отстаивать интересы печати гласно, открыто нѣтъ возможности, ибо каждая попытка въ этомъ отношеніи встрѣчаетъ самое ревнивое противодѣйствіе со стороны того управленія, которое, почитая себя опекуномъ русской мысли, неудержимо толкаетъ ее на путь ничтожества и безнравственности“.

8 августа 1878 г. кончался срокъ полугодового молчанія, наложеннаго на „Русское Обозрѣніе“, и въ этотъ день газета должна была выйти. Необходимо замѣтить, что, какъ косо ни смотрѣли на Г. К. въ оффиціальныхъ кругахъ, но его личная благонадежность

была всегда внѣ всякаго подозрѣнія. На войнѣ Г. К. пользовался особымъ разрѣшеніемъ главнокомандующаго, даннымъ „въ видѣ исключенія“, корреспондировать въ „Голосъ“. Но одно обстоятельство измѣнило все и рѣшило судьбу „Русскаго Обозрѣнія“. Въ началѣ августа 1878 г. былъ убитъ шефъ жандармовъ Мезенцовъ. Правящія сферы охватила паника, и было рѣшено первымъ дѣломъ „подтянуть печать“. Вспомнили о „Русскомъ Обозрѣніи“, которое со дня на день должно было выйти. Г. К. получилъ внезапно приглашеніе явиться въ главное управленіе по дѣламъ печати. „Въ назначенное время“—разсказываетъ Г. К.—„я былъ въ хорошо знакомомъ кабинетѣ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. В. В. Григорьевъ всталъ и стоя, безъ всякихъ вступленій, заявилъ:

— По приказанію управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, я обязанъ объявить вамъ воспослѣдовавшее Высочайшее повелѣніе.

Затѣмъ Григорьевъ взялъ бумагу и съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой прочелъ, что по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, повелѣно газету „Русское Обозрѣніе“, за крайне вредное направленіе, прекратить навсегда.

Я молчалъ. Григорьевъ передохнулъ и тѣмъ же холодно-оффиціальнымъ тономъ, смакуя каждое слово, медленно произнесъ:

— Не угодно ли дать подписку, какъ въ выслушаніи объявленнаго вамъ повелѣнія, такъ и слѣдующаго распоряженія управляющаго министерствомъ.

Подписка, заготовленная заранѣе, заключалась въ обязательствѣ не печатать и не оглашать повелѣнія о запрещеніи „Русскаго Обозрѣнія“.

Я все молчалъ и далъ требуемую подпись.

Григорьевъ продолжалъ.

— Мнѣ приказано еще предувѣдомить васъ, что въ случаѣ огласки и нарушенія подписки, вы будете немедленно высланы въ Архангельскую губернію“.

Такъ кончилось „Русское Обозрѣніе“. Въ 1882 г. Г. К. разсказалъ въ „Русской Старинѣ“ (№№ 2 и 3) исторію своей газеты, конечно, насколько позволяли тогдашнія условія.

Цензурныя гоненія, воздвигнутыя на „Голосъ“ главнымъ образомъ изъ-за статей Градовскаго, не прекращались, и ради спасенія газеты Г. К. оставилъ „Голосъ“, сохраняя самыя добрыя отношенія съ Бильбасовымъ и Краевскимъ, и перешелъ въ „Молву“, которую издавалъ В. А. Полетика. Это былъ публицистъ по призванію, но изъ рукъ вонъ плохой издатель, совсѣмъ не коммерсантъ и даже

свысока третировавшій коммерческую сторону дѣла. У Полетики работали Э. К. Ватсонъ, А. Н. Плещеевъ, К. М. Станюковичъ, Д. Д. Минаевъ, И. Ѳ. Василевскій... „Молва“ велась талантливо, живо, въ хорошемъ направленіи, но особаго успѣха не имѣла и въ концѣ концовъ раззорила своего издателя.

Въ 1879 г. Г. К. написалъ для „Древней и Новой Россіи“ статью о недавно скончавшемся В. Я. Шульгинѣ и разборъ сочиненія М. И. Богдановича „Восточная война“ въ связи съ оцѣнкой, данной этой книгѣ академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ. Несмотря на то, что „страха ради іудейска“ разборъ былъ подписанъ какими-то фантастическими иниціалами, подъ которыми никакъ нельзя было узнать Градовскаго, статья была изрядно ощипана цензурой; начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, которому сообщили, что авторъ статьи—севастопольскій генералъ, глубокомысленно замѣтилъ: „сейчасъ видно спеціалиста“...

Насталъ 1880 годъ, и пушкинскій праздникъ по случаю открытія памятника великому поэту въ Москвѣ сильно повысилъ общественное настроеніе. На состоявшемся въ Петербургѣ, въ залѣ Купеческаго собранія, обѣдѣ Г. К. сказалъ рѣчь о Пушкинѣ какъ литераторѣ, которую закончилъ такъ: „Въ день открытія памятника Пушкину вполнѣ умѣстно пожелать, чтобы насталъ конецъ долговременному заблужденію, стоящему на дорогѣ умственной жизни Россіи. Пора же признать заслуги русской литературы и уважать ея представителей не только послѣ смерти литераторовъ, но и при ихъ жизни, во время ихъ дѣятельности. Пора наконецъ признать заслуги русской печати“.

1881 годъ русское общество встрѣтило усиленными толками, что наконецъ-то теперь будетъ „увѣнчано зданіе“. Свою новогоднюю статью въ „Молвѣ“ Г. К. посвятилъ земскимъ соборамъ и, указывая на порядокъ созыва собора 1649 г., совѣтовалъ графу М. Т. Лорисъ-Меликову воспользоваться историческимъ примѣромъ. Черезъ четверть вѣка Г. К. писалъ объ этомъ: „Горжусь тѣмъ, что не только произнесъ запретное слово, но и первый открыто и ясно доказывалъ, въ подневольной еще журналистикѣ, что періодъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ отжилъ, и единственный исходъ представляется въ *народоправствѣ*, исторически свойственномъ русскому народу... Конечно, формы должны быть измѣнены, сообразно современному общечеловѣческому развитію; но основная сущность остается прежней. Къ ней постоянно, такъ или иначе, возвращалось государство, по почину самой верховной власти и подъ вліяніемъ общественнаго сознанія. Упраздненіе крѣпостного права и участіе свободнаго народа въ государственномъ строительствѣ всегда были

идеалами просвѣщенной части русскаго общества. Освобожденіе народа не будетъ довершено, пока не совершится политическая реформа, признаваемая необходимой даже для славянъ, едва вышедшихъ изъ-подъ турецкаго ига“.

Въ томъ же году, незадолго до прекращенія „Молвы“, Г. К., по совѣту А. Ѳ. Кони, былъ приглашенъ М. М. Стасюлевичемъ въ его газету „Порядокъ“, но и эта газета быстро закончила существованіе, длившееся только 13½ мѣсяцевъ. Затѣмъ Г. К. участвовалъ въ „Моск. Телеграфѣ“ до его прекращенія, одиннадцать лѣтъ работалъ въ „Биржев. Вѣдомостяхъ“ (1884—1894 г.), одинъ годъ (1895—1896) въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ и нѣсколько мѣсяцевъ въ газетѣ „Эхо“. Иногда имя Градовскаго появлялось въ журналахъ — „Русской Старинѣ“ (при М. И. Семевскомъ), „Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права“. Съ 1897 г. Г. К., прикованный къ постели тяжелою болѣзнью, почти десять лѣтъ былъ въ сторонѣ отъ литературной жизни, печатаясь очень мало и изрѣдка. Въ прошломъ году болѣзнь оставила Г. К., и онъ опять вступилъ на любимое поприще. Столичная пресса дружно отпраздновала его сорокапятилѣтній юбилей. Г. К. возобновилъ свою литературную дѣятельность и нынѣ участвуетъ въ „Русской Старинѣ“, гдѣ печатаются его воспоминанія, въ газетѣ „Слово“ и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Имя Градовскаго опять мелькаетъ подъ горячими, страстными столбцами, въ которыхъ ни одной ноткой не прозвучитъ старческая усталость, но чувствуется твердая рука крѣпкаго бойца, слышится совершенно юношескій, живой темпераментъ.

Кромѣ главной заслуги Г. К., состоящей въ почти полувѣковомъ служеніи лучшимъ завѣтамъ русской литературы, завѣтамъ добра и правды, ему русское общество обязано цѣлымъ рядомъ полезныхъ и добрыхъ дѣлъ, изъ длиннаго перечня которыхъ укажемъ лишь нѣсколько. Г. К. первый пропагандировалъ союзъ съ Франціей и съ 1870 года въ теченіе многихъ лѣтъ убѣждалъ въ необходимости этого союза, но не съ Наполеонами, Макъ-Магонами или Буланже, а съ французскимъ народомъ. На этомъ же основаніи, онъ доказывалъ вредоносность тройственнаго союза, всегда возставалъ противъ національной вражды съ кѣмъ бы то ни было. Вопреки прежнимъ историкамъ и академической критикѣ, Г. К. впервые выяснилъ въ 1879 г. истинныя причины Крымской войны и общей вражды къ дореформенной Россіи среди прогрессивныхъ народовъ.

Неустанно Г. К. убѣждалъ правительство въ статьяхъ, чтеніяхъ и рѣчахъ,—довершить преобразованія, сосредоточить главнѣйшее

вниманіе на внутреннемъ обновленіи Россіи, а не увлекаться внѣшней политикой. За это, почти постоянно, обвинялся реакціонной печатью въ недостаткѣ „патріотизма“. Съ удивительной политическою прозорливостью Г. К. предсказалъ побѣду прогрессирующей Японіи надъ неподвижнымъ Китаемъ; указывалъ на опасность, грозящую и намъ съ Востока.

Въ декабрѣ 1894 г. и въ январѣ 1895 г., письмами и другими способами Г. К. убѣждалъ приступить къ преобразованію Государственнаго Совѣта, расширить самоуправленіе и народное образованіе и брать за образецъ англійскую монархію. Въ 1895 г. Г. К. участвовалъ въ подачѣ прошенія на Высочайшее имя о пересмотрѣ законовъ о печати и составилъ объяснительную записку, приложенную къ этому прошенію. Энергіи Г. К—ча обязана своимъ возникновеніемъ литераторская касса взаимопомощи.

Основная черта литературной дѣятельности Градовскаго—гражданскій паѳосъ. Страстный и захватывающій, онъ чувствуется во всемъ, что вышло изъ-подъ пера этого писателя. Это — смѣлый и прямой рыцарь свободы.

Но изъ всѣхъ видовъ, въ которыхъ проявляется гражданская свобода, самой дорогой Григорію Константиновичу является свобода печати, свобода слова. Свобода печати — прекрасная дама стараго литературнаго рыцаря. „Всякій разъ“ — писалъ однажды Григорій Константиновичъ—когда друзья, бывало, спрашивали меня на новый годъ: „чего пожелать вамъ“?—я не задумываясь отвѣчалъ:

— Пожелайте счастья Россіи и нашей печати.

— Ну да, конечно... Но вамъ лично?

— Ничего лучше пожелать мнѣ нельзя. Мое личное счастье непосредственно, близко связано съ благомъ и развитіемъ Россіи и съ свободой, съ процвѣтаніемъ печати.

Эту истину я испытывалъ 45 лѣтъ. Ничего иного не желаю и теперь“...

Въ жизни Григорія Константиновича былъ важный и торжественный моментъ, когда смерть витала надъ нимъ, и предъ лицомъ ея старый писатель отдалъ своей совѣсти отчетъ о сдѣланномъ и пережитомъ. Онъ написалъ тогда свое „Послѣднее слово“—свои „предсмертныя замѣтки“, какъ назвалъ Григорій Константиновичъ эти воспоминанія. И не пришлось ему устыдиться и покраснѣть предъ самимъ собою. „Тяжело сознавать“—говорилъ онъ,—„что послѣднее слово“ уже сказано и никогда болѣе не затронетъ сердца и не возбудитъ мысли читателя. Для писателя это значитъ: „кончена жизнь“.

Остается утѣшаться сознаніемъ, что въ теченіе 43 лѣтъ коечто было сдѣлано, что и моя кровь по каплѣ точилась за великое

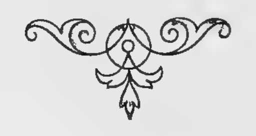
дѣло освобожденія русскаго народа и за благо Россіи. Что-нибудь незримо прибыло на общую пользу, и кое-что останется. Смѣло, безъ противнаго самохвальства скажу, что всегда былъ вѣрнѣйшимъ сыномъ дорогой родины, никому не желалъ зла и не питалъ ненавистныхъ чувствъ къ другимъ народамъ".

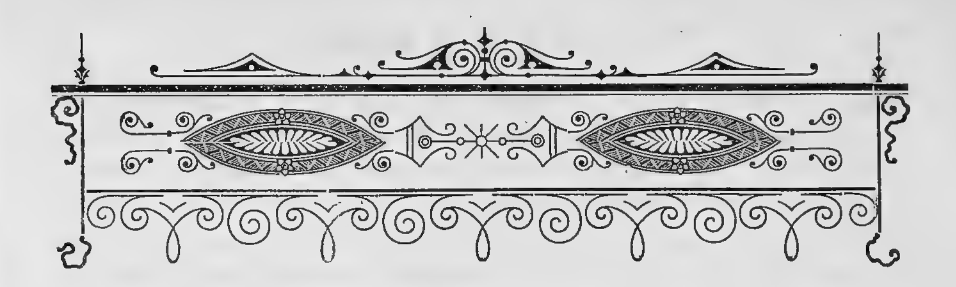
И тутъ же мысль писателя перенеслась къ тому, что онъ такъ любитъ, для чего живетъ, и онъ закончилъ это „Послѣднее слово" своимъ обычнымъ лозунгомъ:

„Да здравствуетъ изъ вѣка въ вѣкъ просвѣщенный, полноправный русскій народъ и всякъ сущій съ нимъ языкъ; да здравствуетъ русская литература, свободно выражающаяся въ свободной печати!"

Пожелаемъ же мы, въ свою очередь, чтобы еще многіе годы длилась умная, добрая, свѣтлая жизнь Григорія Константиновича, жизнь, такъ тѣсно связанная съ судьбами родной литературы, жизнь, въ которой столько лѣтъ было мало радостныхъ, но не было ни одного безполезнаго, даромъ потраченнаго дня...

. . . ъ.

Ко 2-й Кольбергской экспедиціи.

Въ дѣлахъ военной коллегіи сохранился весьма любопытный документъ, относящійся къ первымъ годамъ царствованія Императрицы Екатерины II-й. Это всеподданнѣйшій докладъ военной коллегіи о помилованіи виновныхъ въ неудачѣ при осадѣ въ 1760 году русскими войсками крѣпости Кольберга [1]). Онъ выясняетъ многія обстоятельства, имѣвшія мѣсто въ названномъ предпріятіи, и даетъ новый матеріалъ для характеристики Императрицы. Обстоятельства Кольбергскаго дѣла 1760 года болѣе или менѣе извѣстны изъ исторіи и представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ семилѣтнюю войну, еще въ 1758 году, послѣ сраженія при Цорндорфѣ, русскіе рѣшили овладѣть Кольбергомъ, какъ весьма важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Захватъ этой крѣпости давалъ возможность прочно базироваться въ Помераніи, открывалъ сообщеніе съ флотомъ и обезпечивалъ продовольствіе и снабженіе нашихъ войскъ всѣмъ необходимымъ. Весь гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 700 человѣкъ милиціи и инвалидовъ, но имѣлъ весьма храбраго начальника, маіора Гейдена. Взятіе Кольберга представлялось дѣломъ нетруднымъ, и для этой цѣли былъ посланъ 6 тысячный отрядъ генерала Пальмбаха, который 20 сентября и осадилъ крѣпость. Однако сопротивленіе гарнизона и вооружившихся жителей было настолько упорно, что всѣ нападенія русскаго генерала, получившаго изъ главной арміи подкрѣпленіе, остались безрезультатны и послѣ 19-дневной осады, въ виду угрожавшей опасности быть отрѣзанному отъ арміи, онъ отступилъ въ

[1]) Кольбергъ—германская крѣпость въ Прусской провинціи Померанія, при впаденіи рѣки Персанта въ Балтійское море.

Пруссію. Опытъ былъ повторенъ въ 1760 г. На кампанію этого года возлагались большія надежды. „Чтобъ и нынѣшнею кампаніею короля прусскаго усмирить, арміи нашей на его земляхъ зимовать и пребываніемъ ея тамо честный миръ получить и славной войнѣ конецъ сдѣлать", сказано было въ высочайшемъ рескриптѣ на имя Салтыкова 2 іюня 1760 г. Главныя силы русской арміи были направлены къ Одеру и должны были соединиться съ австрійской арміей между Франкфуртомъ и Глогау. Для покоренія Кольберга была снаряжена эскадра, подъ командою адмирала Мишукова, состоявшая изъ 26 кораблей, и вытребована изъ дѣйствующей арміи легкая кавалерія и нѣсколько находившихся на рѣкѣ Вислѣ драгунскихъ эскадроновъ. 25 іюня адмиралъ Мишуковъ съ флотомъ вышелъ въ море, а 15 августа бросилъ якорь около Кольберга. Положеніе этой крѣпости сравнительно съ положеніемъ при первой осадѣ ея генераломъ Пальмбахомъ почти не измѣнилось: гарнизонъ находился подъ начальствомъ прежняго коменданта, полковника Гейдена, и состоялъ изъ двухъ баталіоновъ земскаго ополченія и 800 человѣкъ крѣпостного полка. Запасовъ было достаточно; крѣпостные верки и укрѣпленія оставались почти безъ измѣненія, но какъ и прежде въ полномъ порядкѣ.

Адмиралъ Мишуковъ, бросивъ якорь, согласно съ мнѣніемъ военнаго совѣта, рѣшилъ бомбардировать съ флота городъ и укрѣпленія, защищавшія входъ въ гавань. 16 была открыта бомбардировка, а 17 началась высадка войскъ. Команда надъ десантомъ была поручена генералу Демидову, который, при поддержкѣ артиллерійскаго огня съ флота, атаковалъ прусскія укрѣпленія при устьѣ р. Персанта и, взявъ ихъ штурмомъ, приступилъ затѣмъ къ траншейнымъ работамъ. Въ концѣ августа получились тревожные слухи объ угрожавшей нашему десанту опасности. Вслѣдствіе этого отрядъ конницы полковника Серебрякова, прибывшаго къ Кольбергу изъ дѣйствующей арміи и прикрывавшій дѣйствія осаждающихъ, былъ отодвинутъ въ направленіи къ Старгарду для наблюденія за непріятелемъ, котораго ожидали отъ Штеттина. Но на самомъ дѣлѣ опасность угрожала съ другой стороны, со стороны рѣки Варты. Въ то время какъ вниманіе русскихъ было обращено главнымъ образомъ на Берлинъ, генералъ Вернеръ съ 3 баталіонами выступилъ изъ Глогау и форсированнымъ маршемъ направился на выручку Кольберга, и 7 сентября уже былъ подъ крѣпостью. Появленіе его было настолько неожиданно, что генералъ Демидовъ до того растерялся, что, не видя еще непріятеля, приказалъ садиться всѣмъ на суда, произведя въ войскѣ смятеніе и безпорядокъ. Вся осадная артиллерія, въ числѣ 22 орудій, досталась непріятелю. Вернеръ

атаковалъ десантъ во время посадки на суда, но былъ отбитъ. Простоявъ до 12 сентября, флотъ Мишукова долженъ былъ сняться съ якоря и отплыть отъ Кольберга.

Въ Петербургѣ остались весьма недовольны исходомъ экспедиціи, и въ результатѣ многіе изъ участниковъ ея оказались на скамьѣ подсудимыхъ. Императрица Елизавета поручила обстоятельства дѣла разслѣдовать военному суду. Впрочемъ, адмиралъ Мишуковъ отъ суда былъ освобожденъ; генералъ Демидовъ лишенъ всѣхъ чиновъ и разжалованъ въ рядовые. Кромѣ того, приговоренъ къ смертной казни, черезъ разстрѣляніе, маіоръ Маринъ „за пьянство и самовольную отлучку съ поста", разжалованъ въ рядовые лейтенантъ Северицинъ, приговоренъ къ денежному штрафу въ размѣрѣ годового оклада вице-адмиралъ Мордвиновъ и нѣкоторые другіе. Судъ былъ оконченъ въ 1762 г., и, въ силу послѣдовавшаго 22 сентября Высочайшаго указа по случаю коронованія Императрицы Екатерины II-й, приговоръ былъ смягченъ. Но въ 1763 году военная коллегія представила мотивированный докладъ, прося осужденнымъ полнаго помилованія. Прилагаемая при семъ резолюція съ достаточной полнотой рисуетъ отношеніе къ этому докладу Императрицы. Только-что утвердившаяся на престолѣ, и можетъ быть подъ впечатлѣніемъ проекта Панина [1]), государыня естественно увидѣла въ представленіи покушеніе на ограниченіе ея самодержавной власти, и даетъ почувствовать военной коллегіи, какъ она должна держать себя по отношенію къ ея особѣ. На объясненіе коллегіи, что она имѣетъ право

---

[1]) Никита Ивановичъ Панинъ проектировалъ создать учрежденіе, напоминавшее верховный тайный совѣтъ, подъ именемъ постояннаго совѣта Императрицы изъ 6—8 постоянныхъ членовъ. Сущность этого проекта можно видѣть изъ словъ генералъ-фельдцейхмейстера Вильбоа, написанныхъ имъ государынѣ: „я не знаю, кто составитель этого проекта, но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется къ аристократическому управленію". Императрица, мечтавшая въ началѣ своего царствованія утвердить въ государствѣ законность и порядокъ, сначала сочувственно относилась къ этому проекту; интересовалась имъ, сама дѣлала на немъ различныя поправки и замѣчанія, и 28 декабря 1762 г. былъ уже подписанъ высочайшій манифестъ, въ которомъ говорилось отъ лица государыни: „Хотимъ и учреждаемъ Императорскій совѣтъ. Оный состоитъ въ шести до осьми персонахъ, которые именоваться должны Императорскими совѣтниками, а число ихъ никогда восьми превосходить и меньше шести умаляться не должно". Однако этотъ манифестъ не былъ обнародованъ. Подъ вліяніемъ окружавшихъ ее совѣтниковъ, Императрица отказалась отъ проведенія въ жизнь этого учрежденія, а Панину, какъ составителю и защитнику проекта, было выражено неудовольствіе (ср. ст. Н. Д. Чечулина, Жур. м—ва нар. просв. 1894 г., т. 292, стр. 68).

представлять свое мнѣніе государямъ на основаніи закона, Императрица, подтвердивъ свои прерогативы, пригрозила предать суду весь составъ военной коллегіи. Дѣло однако окончилось тѣмъ, что былъ представленъ новый докладъ, съ просьбою монаршаго милосердія какъ за представленіе о помилованіи, такъ и за принесенное оправданіе. Это удовлетворило Императрицу Екатерину: „Богъ проститъ“... написала она и приказала хранить переписку въ коллегіи, не отсылая въ сенатъ.

Осужденные тоже получили прощеніе. 18 декабря того же года коллегія снова представила докладъ, почти слово въ слово передающій содержаніе перваго, на которомъ государыня написала: „Для Рождества Христова прощаются“.

У насъ нѣтъ документовъ, указывающихъ, отъ кого происходила инціатива представленія этого новаго доклада. Но можно предположить, что теперь она принадлежала Императрицѣ. На это наводятъ слѣдующія соображенія. Вновь возбудить вопросъ могла или та же коллегія, или государыня. Но насколько невѣроятно было бы первое предположеніе, настолько возможно второе. Съ одной стороны—очень сомнительно, чтобы только-что испросившая прощеніе коллегія могла (да и едва-ли бы нашла нужнымъ) безъ соотвѣтствующаго уполномочія вновь представлять по тому же вопросу, а съ другой—весьма вѣроятно, что смягчившаяся государыня, вполнѣ убѣдившись въ безкорыстности и вѣрноподданности членовъ коллегіи, сама пожелала пересмотрѣть все дѣло и отдала *словесное* приказаніе вновь представить *точно такой же* докладъ.

Такъ какъ всю переписку по этому вопросу Императрица повелѣла хранить въ коллегіи, не отсылая въ сенатъ, настоящіе документы до сего времени не могли быть использованы для научныхъ изслѣдованій.

Этимъ объясняется, почему многіе изслѣдователи, и, въ томъ числѣ, полковникъ Масловскій, производившій спеціальныя изслѣдованія о русской арміи въ семилѣтнюю войну, несмотря на самыя тщательные поиски, не могли найти этихъ документовъ и вынуждены въ своихъ трудахъ ограничиваться констатированіемъ передачи дѣла суду.

Всѣ эти документы—доклады военной коллегіи съ резолюціями Императрицы Екатерины II-й, мы и предлагаемъ вниманію публики, особенно же—просвѣщенному вниманію изслѣдователей.

Н. Затворницкій.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской.

От военной коллегіи

всеподданнѣйшій докладъ.

Прошлаго 1760 года ноября 7 числа въ полученномъ въ коллегію высочайшемъ рескриптѣ слѣдующее изображено, что предпріятіе Ея Императорскаго Величества на Колберхъ желаннаго успѣха не имѣло, но обратилось паче къ нѣкоторому предосужденію побѣдоноснаго Ея Императорскаго Величества въ прочемъ повсюду оружія, тому слѣдующія причины виновны:

1) что адмиралтейская коллегія довольно не старалась о томъ, чтобъ флотъ скорѣе въ море вышелъ; но паче безпремѣнною перепискою о неполномъ числѣ экипажа подала поводъ адмиралу Мишукову нѣсколько далѣе, нежели надлежало, въ Кронштадтѣ промѣшкать;

2) что адмиралъ Мишуковъ, хотя и въ добромъ намѣреніи, однако, повидимому, гораздо излишне полагался, что и однимъ съ моря бомбардированіемъ Колберхъ и къ сдачѣ принужденъ будетъ, и потому о высаженіи людей на берегъ не съ такою ревностью старался, съ какою надлежало; а потому цѣлые два дня совсѣмъ напрасно пропущены, а въ такихъ случаяхъ не только дни, но и часы считаются;

3) что въ Ея Императорскаго Величества арміи извѣстно было, что непріятель небольшой деташаментъ отправляетъ на помощь къ Колберху, однакожъ старанія приложено не было сію помощь воспрепятствовать и ниже знать дано въ лагерь подъ Колберхъ, что сей деташаментъ состоитъ только въ маломъ числѣ, дабы потому мѣры приняты быть могли и нечаянно приближившійся непріятель не показался весьма сильнымъ;

4) что командующій на рѣкѣ Вислѣ генералъ-поручикъ Мордвиновъ не отправилъ туда въ довольной скорости требованной отъ него помощи;

5) что разные при сей экспедиціи подчиненные, кромѣ артиллеристовъ, не исполняли своей должности;

6) что солдаты, пришедъ единожды въ робость и замѣшаніе, ружья свои кидали и на суда побросались;

Что до перваго пункта принадлежитъ, то адмиралтейской коллегіи подтверждено, чтобъ впредь подобныхъ медлительствъ отнюдь не было.

По второму пункту адмиралъ Мишуковъ справедливое Ея Императорскаго Величества неудовольствіе уже довольно чувствуетъ,

но какъ ошибка его произошла отчасти добраго намѣренія (sic), а отчасти отъ излишняго увѣренія, то Ея Императорское Величество изъ природной Ея Императорскаго Величества милости, не хотѣла его болѣе опечалить.

По третьему пункту генералъ графъ Ферморъ, потому что онъ во время болѣзни генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова всѣми дѣлами въ арміи управлялъ, безъ того не оставленъ, чтобъ своей оплошностью и Ея Императорскаго Величества гнѣва не чувствовалъ.

По четвертому—ошибка генералъ-поручика Мордвинова тѣмъ велика, что онъ не имѣлъ столько догадки, сколько всякому офицеру имѣть надобно, но какъ на оказанный ему отъ Ея Императорскаго Величества о томъ гнѣвъ старался онъ показать свое усердіе новою поспѣшностью и тѣмъ проступокъ свой заслужить искалъ, то для того онъ прощается.

Что жъ по пятому пункту принадлежитъ до прочихъ чиновъ, кои свою должность худо наблюдали или и совсѣмъ не исполнили, то правосудіе и честь оружія Ея Императорскаго Величества требуютъ, чтобъ они военнымъ судомъ судимы были.

Впрочемъ, Ея Императорское Величество не одного того ищетъ, кто виноватъ, дабы потому наказывать, но столько же хочетъ, чтобъ тѣ были взысканы, кои должность свою прямо исполнили, какъ то артиллерійская команда поступала, чего ради военный судъ, подавая свою сентенцію о виновныхъ, имѣетъ и о тѣхъ представить, кои, какъ и артиллеристы, отличными себя оказали.

Наконецъ, солдаты достойны были бъ жесточайшаго наказанія, однакожъ ихъ на сей только разъ всемилостивѣйше прощаетъ, повелѣвая военной коллегіи тѣмъ, кои въ ея командѣ состоятъ, въ собраніи объявить, что они дѣйствительно смертной казни достойны, но что изъ милосердія Ея Императорскаго Величества нынѣ только прощается съ тѣмъ, чтобы при другомъ случаѣ лучше то заслужить старались, а инако праведный гнѣвъ тѣмъ больше умножится.

И, во исполненіе того высочайшаго рескрипта, посланнымъ изъ военной коллегіи командѣ указомъ воинскій судъ былъ учрежденъ, по окончаніи котораго все производимое по тому дѣло и съ заключенною сентенціею на разсмотрѣніе военной коллегіи представлено и изъ онаго слѣдующее оказалось:

1) воинскій судъ, имѣвъ довольное разсужденіе по оказавшимся въ дѣлѣ обстоятельствамъ, полагаетъ: хотя покойный адмиралъ и кавалеръ Мишуковъ, что по Колбергской экспедиціи совершенно успѣха не получено (sic), а толь паче и отъ команды его въ вой-

скѣ, бывшемъ на берегу, произошли въ должностяхъ ихъ безпорядки и упущеніе за недачею опредѣленному отъ него надъ дессантомъ главнымъ командиромъ оберъ-цейхмейстеру Демидову довольнаго, а особливо такого, какое онъ въ Высочайшихъ рескриптахъ самъ имѣлъ, наставленія, всему тому, какъ изъ точнаго дѣла видно, причиною и состоялъ, но онъ между прочими изъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества милосердія отъ суда былъ уволенъ; въ такомъ случаѣ судъ и подробности его поступокъ не касается, а только изыскивалъ, въ чемъ и отъ кого, по принятіи оберъ-цейхмейстеромъ ввѣренной ему на сухомъ пути главной команды, какою онъ по важности столь немалаго противу непріятеля предпріятія, какъ то и въ собственномъ его журналѣ гласитъ, до сего времени во всю службу никогда не имѣлъ, въ должностяхъ упущеніи и непорядки произошли, а и при той, первослучившейся ему оберъ-цейхмейстеру, оказіи, не будучи снабженъ наставленіемъ, по крайней силѣ своей и усердію, со всевозможною ревностью, какъ только разсудокъ его достигалъ, труды и стараніе прилагалъ; единственно только къ атакѣ непріятельской крѣпости, а къ тому, что еще принадлежало до должности главнокомандующаго генерала, яко же отъ адмирала ему все на берегу войско и осторожности отъ непріятеля была ввѣрена и на его искусство и попеченіе возложено, собственнымъ своимъ разумѣніемъ, по воинскимъ сухопутному 10 главы и морскому 1 книги I главы уставами изображеннаго, повелѣнія не исполнилъ, то есть: 1) высаженному на берегъ десанту никакого прикрытія не сдѣлалъ и ни о чемъ, что до предпріятія порученной ему экспедиціи слѣдовало, воинскихъ консиліумовъ не имѣлъ и чтобъ въ случаѣ прибытія къ нимъ непріятельскаго сикурса къ отпору, гдѣ можно бы собрать свое войско было, мѣста не назначилъ, и до самого того времени, какъ непріятель дѣйствительно уже оказался, о томъ никому не предлагалъ; 2) въ какой предосторожности весь десантъ находится и въ пристойныхъ ли мѣстахъ имѣетъ форпосты, былъ несвѣдомъ и самъ оныхъ, кромѣ что близъ крѣпости, не признавая въ свою должность, не осматривалъ; 3) читаннаго во флотѣ при консиліумѣ съ наставленіемъ Высочайшаго рескрипта не понялъ, да и послѣ онаго не требовалъ и не прочиталъ, а отзывался о содержаніи того невѣдѣніемъ, а потому и къ удержанію прибывшей къ городу непріятельской помощи заблаговременно повелѣннаго учрежденія не учинилъ, почитая якобы таковая предосторожность до него не принадлежитъ; 4) о слѣдующемъ къ городу непріятельскомъ сикурсѣ извѣстіе получа, однакожъ и потомъ, уповая ускорить взятіемъ непріятельской крѣпости, и не полагался, чтобъ непріятель такъ скоро пришелъ, ничегожъ къ отпору онаго не учре-

дилъ, а дабы ни устрашить въ войскѣ нижніе чины, то непріятельское приближенье скрывалъ, а изъ сего 5) когда непріятель неожидаемо ими пришелъ предъ глаза ихъ и постъ бывшій въ маломъ числѣ людей при деревнѣ Селно разбилъ, тогда не только команды его Демидова войско, но и самъ собою пришелъ въ замѣшательство, и, будучи при томъ въ безпамятствѣ, что дѣлалъ не помнилъ и по командѣ произвелъ отъ себя непорядочныя приказанія, повелѣвая маіору Фридерздорфу съ командой и другимъ морскимъ служителямъ, якобы невооруженнымъ, каковыхъ и не было: не видѣвъ еще отъ непріятеля на апроши и лагерь покушенія, безпремѣнно садиться на суда и отъѣзжать во флотъ, а потомъ оныхъ смотря (sic) возвращалъ и тѣмъ въ людяхъ подалъ причину къ смятенію, а послѣ того объ немъ маіорѣ съ командою и прочихъ, якобы они бѣжали, адмирала и кавалера (sic) рапортовалъ, да въ своемъ журналѣ записалъ о томъ несправедливо, въ то же время и подполковника князя Волконскаго, бывшаго съ малою командою при деревнѣ Селно, обнадежа присылкою помощи, оной къ нему не послалъ, а въ рапортахъ и по журналу своему показалъ, будто бы для той помощи былъ командированъ полковникъ фонъ-Дертенъ, въ чемъ и у суда тоже доказывалъ; но однако и сіе явилось несправедливымъ, а при томъ и бывшіе съ нимъ, Демидовымъ, въ то безпамятство, выше сего означенные, чины въ должности свой упущенія и безпорядокъ произошли (?) и съ которыхъ показаніемъ своимъ въ побѣгѣ маіора Фридерздорфа съ командою и прочихъ тоже въ командированіи полковника фонъ-Дертена, если бъ онъ заподлинно былъ отъ него посланъ и того не учинилъ, подвергалъ онъ ихъ по воинскимъ 27 и 94 артикуламъ смертной казни, но въ томъ за неправое его на нихъ показаніе, присовокупляя къ тому несправедливыя отъ него рапорты и неисправную въ собственныхъ своихъ журналахъ записку, по воинскому процессу, 2 части, I главы, 2 пункта, и соборнаго уложенія 10 главы, 107 пункта (что онъ тому же бы подлежалъ), коснулось уже собственно до него Демидова, но что все то отъ него произошло не изъ злости, умысла или упрямства, а единственно отъ незнанія ввѣренной ему на тогдашнее время главнаго командира должности, не имѣя достаточнаго наставленія, оплошностью его, къ тому же и по замѣшательству своего разсудка въ безпамятствѣ не осмыслясь, а сіе тако-жъ безпамятство и по узаконенію, какъ-то 196 воинскаго артикула, въ толкованіи, въ морскомъ уставѣ 5 книги, 4 главы, 47 пункта, въ раздѣленіи, изображено, для неумышленнаго преступленія облегчается 101 воинскимъ же артикуломъ во отступленіи отъ штурмованія крѣпости приговоръ на изобрѣтеніе суда преданъ; въ такомъ случаѣ за всѣ вышеозначенныя того оберъ-цейх-

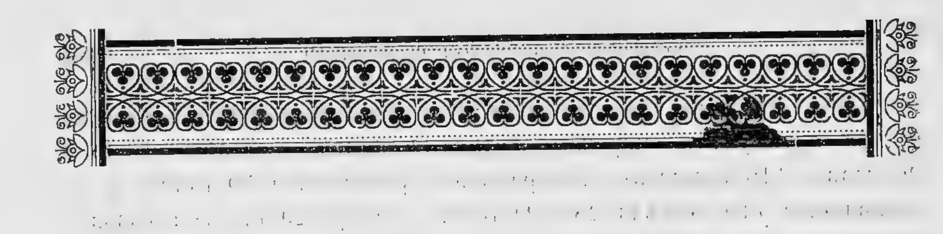
мейстера Демидова преступленія, въ силѣ ближайшихъ воинскихъ 28, 35 артикуловъ, морского устава 1 книги, 5 главы, 10-го и 20 главы 146 пунктовъ, генеральнаго регламента 50 главы, и состоявшихся 719, апрѣля 28, 724 годовъ, января 29 чиселъ (указовъ), надлежитъ его лишить всѣхъ чиновъ и написать въ рядовые.

2) премьеръ-маіору Алексѣю Марину, что онъ будучи на опредѣленномъ посту съ командою напился пьянъ и съ онаго самовольно сошелъ къ гавани, а когда отъ вице-адмирала Мордвинова велѣно ему было паки на тотъ постъ возратиться, то онъ, упрямясь, приносилъ отговорки; при судѣ-жъ въ томъ запирался и команды своей на капитановъ барона Шаферова и Алексѣева, якобы то самовольное отлученіе съ поста учинили они, показывалъ несправедливо — по воинскимъ 27 и 41 артикуламъ учинить смертную казнь, разстрѣлять.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Замѣтки о Пушкинѣ [1]).

V.

Водевильные куплеты Пушкина.

И. А. Шляпкинъ въ своей книгѣ „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“ (Спб. 1903 г.) напечаталъ (стр. 67) найденную имъ въ бумагахъ П. В. Анненкова, извѣстнаго редактора перваго комментированнаго изданія произведеній Пушкина, копію стиховъ, сохранившуюся въ рукописи, которая, по словамъ г. Шляпкина (стр. 63), „видимо, представляла черновую для особаго изданія дополненій къ сочиненіямъ Пушкина“. Вотъ эти стихи:

Будь подобенъ полной чашѣ
Молодыхъ щастливый домъ,
Непонятно счастье ваше,
Но молчите жъ обо всемъ.

Что за диво, что за каша
Для разсудка моего—
Чортъ возьми!—но воля ваша
Не скажу я ничего.

То-то праздникъ мнѣ, да Машѣ,
Другу сердца моего,
Никогда про щастье наше
Мы не скажемъ ничего.

Стойте—тотчасъ угадаю
Горе сердца твоего,
Понимаю, понимаю,
Не болтай же ничего!

Строгій судъ и слово ваше
Цѣнимъ болѣе всего,
Вы-ль одни про щастье наше
Не сказали ничего?

---

[1]) См. «Русск. Стар.», 1907 г. декабрь, 1908 г. январь.

Анненковъ написалъ на копіи: „не надо“, и приведенныхъ стиховъ въ его изданіи нѣтъ. Какъ извѣстно, Анненковъ внесъ въ свою издательскую работу принципъ эстетическаго „усмотрѣнія“ и исключилъ изъ своего собранія немало произведеній Пушкина, которыя, по мнѣнію Анненкова, „являются паразитами на свѣтломъ фонѣ его поэзіи“. Впервые напечатавшій процитированные куплеты г. Шляпкинъ замѣтилъ: „стихи эти, напоминающіе конецъ водевилей 30-хъ годовъ, по нашему мнѣнію, едва-ли принадлежатъ Пушкину“. Разбирая книгу г. Шляпкина, В. Е. Якушкинъ [1]) нашелъ, что ихъ „невозможно приписать Пушкину“. П. А. Ефремовъ въ примѣчаніяхъ къ своему послѣднему изданію сочиненій Пушкина [2]) рѣшительно отвергъ эти стихи какъ „вовсе не принадлежащіе Пушкину куплеты изъ какого-то водевиля“. П. О. Морозовъ въ своемъ новомъ изданіи о нихъ совсѣмъ не упоминаетъ.

Пушкинскій *подлинникъ* куплетовъ нашелся въ поступившей недавно въ библіотеку Академіи Наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина. По словамъ „описанія“ [3]) коллекціи, это — „*черновикъ*“. Такъ какъ майковская коллекція, по странному распоряженію бывшей обладательницы рукописей, доступна только редактору академическаго изданія, то намъ не удалось видѣть подлинникъ, и мы не можемъ судить, насколько вѣрно списана анненковская копія. Во всякомъ случаѣ, показаніе „описанія“, что автографъ представляетъ собою черновикъ, наводитъ на мысль объ авторствѣ Пушкина, который едва-ли сталъ бы исправлять чужіе стихи, если бы записывалъ ихъ. Не все записанное поэтомъ имъ создано, и въ пушкинскихъ бумагахъ встрѣчаются иногда стихи другихъ поэтовъ [4]), но въ данномъ случаѣ, помимо формы подлинника, указывающей на авторскую работу, имѣется еще одинъ доводъ, позволяющій съ нѣкоторымъ основаніемъ приписывать Пушкину эти слабые куплеты.

Вполнѣ справедливо г.г. Шляпкинъ и Ефремовъ увидѣли въ нихъ нѣчто водевильное... 6 іюня 1826 г. П. А. Катенинъ писалъ Пушкину [5]): „у меня къ тебѣ новая просьба. Для бенефиса, слѣдующаго мнѣ за „Андромаху“, нужна была маленькая комедія въ заключеніе спектакля; я выбралъ „Minuit“, и нѣкто мой пріятель

---

[1]) „Русск. Вѣдомости“ 1903 г., № 72, „Новыя изданія текстовъ Пушкина“.

[2]) Т. VIII, 1905 г., стр. 312.

[3]) „Пушкинъ и его современники“, вып. IV, Спб., 1906, стр. 20.

[4]) См. слѣдующую замѣтку.

[5]) Переписка Пушкина, изд. Акад. Наукъ, ред. В. И. Саитова, I, 355.

Николай Ивановичъ Бахтинъ [1]) взялся мнѣ ее перевести; но вотъ горе: тамъ есть *романсъ, или куплеты*, и въ родѣ необыкновенномъ. „Молодой Floridor“ (по-русски Владиміръ) случайно запертъ въ комнатѣ своей кузины, молодой вдовы, ночью на новый годъ и не теряетъ времени съ нею; пока они разнѣживаются, подъ окномъ дается серенада, въ концѣ второго куплета бьетъ полночь, l'heure du berger; старики входятъ, застаютъ молодыхъ, и остается только послать за попомъ, ибо все прочее готово. Французскіе куплеты дурны, но я прошу тебя мнѣ сдѣлать и подарить хорошіе. Ты видишь по ходу сцены, что они должны означать, а на все сладострастное ты собаку съѣлъ: сдѣлай дружбу, не откажи. Музыку сдѣлаемъ прекрасную; Кавосъ обѣщалъ мнѣ давно, что онъ всегда готовъ къ моимъ услугамъ. Пожалуйста, умница, не откажи; тебѣ же это дѣло легкое“...

Съ подобными просьбами Катенинъ не разъ обращался къ Пушкину. Въ 1835 г. онъ просилъ Пушкина написать для него кантату „Сафо“, потомъ поручалъ ему добыть прозаическій переводъ двухъ стихотвореній Сафо [2]). Пушкинъ, вѣроятно, исполнилъ просьбу друга: въ его бумагахъ нашелся прозаическій переводъ указанныхъ Катенинымъ стихотвореній [3]), сдѣланный, должно-быть, съ чьей-нибудь чужою помощью, такъ какъ по-гречески Пушкинъ не зналъ [4]). И въ интересующемъ насъ случаѣ весьма возможно, что Пушкинъ не устоялъ противъ просьбы друга и дѣйствительно написалъ или, по крайней мѣрѣ, пробовалъ набросать для него водевильные куплеты. По содержанію они довольно близко подходятъ къ заданной Катенинымъ темѣ. Катенинскій водевиль кончается обрученіемъ; объ обрученіи говорится и въ куплетахъ. Стихи слабы, но можно думать, что Пушкинъ нарочно далъ имъ такую форму, поддѣлываясь подъ тонъ тогдашнихъ водевилей съ пѣніемъ; можетъ быть, они у него,

---

[1]) О Н. И. Бахтинѣ (род. 3 января 1796 г.—† 26 марта 1864 г.) см. „Русск. Біографическій Словарь“; „Новь“ 1885 г., т. III, стр. 94. Въ 1833 г. Бахтинъ издалъ сочиненія Катенина, которымъ предпослалъ предисловіе, показавшееся Пушкину „весьма замѣчательнымъ“ (Сочиненія П., изд. „Просвѣщенія“, ред. П. О. Морозова, VI, 80, 606—608).

[2]) Письма Катенина къ Пушкину 16 мая, 1 іюня и 7 іюля 1835 г.— „Бумаги А. С. Пушкина“, I, М., 1881 г., стр. 69, 70 и 71.

[3]) Румянцевскій муз., тетр. № 2386—3, л. 1—см. „Русск. Стар.“ 1884 г., декабрь, 539; А. И. Незеленовъ, „Шесть статей о Пушкинѣ“, Спб., 1892 г., стр. 82—83; Сочиненія П., изд. „Просвѣщенія“, ред. П. О. Морозова, VI, 435—436, 655.

[4]) См. письма Пушкина къ Н. И. Гнѣдичу 21 сентября 1821 года и 6 января 1830 г.

что называется, не вытанцовались. Необходимо признать, что принадлежность этихъ стиховъ Пушкину болѣе чѣмъ вѣроятна. Весьма интересно было бы розыскать самый водевиль „Minuit“, переведенный Бахтинымъ. Если бы въ немъ, однако, не оказалось этихъ куплетовъ, то это все-таки не поколебало бы вѣроятности авторства Пушкина, который могъ, начавши работу, не докончить ее (куплеты, повидимому, совсѣмъ не отдѣланы) и не послать этой бездѣлки Катенину.

VI.

Стихи Жуковскаго, приписанные Пушкину.

Въ хранящейся въ Румянцевскомъ музеѣ черновой тетради Пушкина № 2364 записаны (на оборотной сторонѣ 75-го листа) стихи:

О, если бъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Въ душѣ, не снесшей оскорбленья...

Стихи эти В. Е. Якушкинъ „опубликовалъ“ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ [1]).

Во II томѣ академическаго изданія сочиненій Пушкина г. Якушкинъ привелъ эти три стиха [2]) уже съ такою ремаркой:

„На листѣ 75 об. встрѣчаемся со слѣдующей поэтической замѣткой... Такъ, черновая тетрадь отражаетъ намъ (?) противоположныя настроенія, владѣвшія поэтомъ“.

Увы! *Намъ* эти стихи „отражаютъ“ совсѣмъ не то, что г. Якушкину, потому что написалъ ихъ не Пушкинъ, который ихъ только записалъ, а Жуковскій. Они взяты изъ посланія Жуковскаго къ кн. П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину, 1814 г. [3]). Академическое изданіе Пушкина отъ нихъ выиграло въ своей полнотѣ и точности немного.

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1884 г., мартъ, 660.
[2]) Стр. XIX; примѣч., 173.
[3]) См. сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 10-е, Спб., 1901 г., стр. 110.

VII.

Приписываемая Пушкину эпиграмма.

Во многихъ рукописныхъ сборникахъ попадается приписываемая Пушкину эпиграмма:

> Садовникъ десять лѣтъ трудился—
> Пыхтѣлъ, копался, клалъ навозъ,
> Но плодъ желанный не явился,
> Пока не прохватилъ *морозъ*.

Соль эпиграммы въ томъ, что подъ „садовникомъ" разумѣется московскій обыватель одинъ, за женою котораго ухаживалъ съ успѣхомъ адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, Д. М. Морозъ, впослѣдствіи сенаторъ московскихъ департаментовъ сената. Эпиграмма довольно остроумна, но, конечно, не Пушкина: въ ней нѣтъ блеска и изящества пушкинскаго стиха. Имя сенатора Д. М. Мороза сохранилось въ исторіи дѣловыхъ отношеній Пушкина [1]). Вѣроятно, о приведенной нами эпиграммѣ говорилъ М. М. Поповъ въ извѣстной статьѣ „А. С. Пушкинъ", сообщая о приписываемой Пушкину эпиграммѣ на Мороза [2]). Надо думать, что о ней же говоритъ и князь П. А. Вяземскій, въ записной книжкѣ котораго [3]) сохранилось такое замѣчаніе: „Морозъ (нынѣ сенаторъ) былъ въ старину при князѣ Лопухинѣ и при княгинѣ. Ростопчинъ говорилъ, что ей всегда холодно, потому что Морозъ деретъ ей по кожѣ. О Морозѣ есть стихи Нелова". Въ сборникѣ, изъ котораго мы почерпнули эпиграмму и относящіяся къ ней объясненія, Пушкину, какъ часто бываетъ, приписали чужіе стихи.

Сергѣй Алексѣевичъ Нелловъ (1779—1852), разсказываетъ Вяземскій [4]), былъ „основатель стихотворческой школы, послѣдователями коей были Мятлевъ и Соболевскій. Въ теченіе едва-ли не полувѣка малѣйшее житейское событіе въ Москвѣ имѣло въ немъ присяжнаго пѣснопѣвца. Въ обществѣ, въ англійскомъ клубѣ, на балахъ онъ по горячимъ слѣдамъ импровизировалъ свои четверостишія. Жаль, что многія, лучшія изъ нихъ не укладываются въ печатный станокъ"... Пушкину нравились шутки Нелова; онъ од-

---

[1]) „Русск. Стар." 1889 г., январь, 138—140; „Дѣла III Отдѣленія объ А. С. Пушкинѣ", Спб., 1906 г., 150.

[2]) „Русск. Стар." 1874 г., августъ, 685.

[3]) Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, IX, 201.

[4]) Соч. Вяземскаго, VIII, 158—159.

нажды писалъ Вяземскому [1]; „Стихи Неѣлова прелесть, недаромъ я назвалъ его нѣкогда le chantre de la merde! (Это между нами и потомствомъ буди сказано)“. Смѣявшійся надъ „желаннымъ плодомъ“ ближняго Неѣловъ, женатый два раза, самъ дѣтей не имѣлъ, и это тоже подало ему поводъ къ шуткѣ [2]:

Дай, судьба, ты мнѣ ребенка,
Тѣмъ утѣшь ты жребій мой:
Хоть щенка, хоть жеребенка,
Лишь бы былъ мнѣ сынъ родной.

VIII.

Эпиграмма на князя А. Н. Голицына.

Пушкину приписывается относящаяся къ 1826 г. и печатающаяся въ разныхъ заграничныхъ изданіяхъ [3]) эпиграмма на кн. А. Н. Голицына:

„Онъ добрый малый, братъ сестрицынъ:
„Онъ не былъ золъ ни для кого“...
Скажите правду, князь Голицынъ:
Ужъ не повѣсить ли его?

Весьма сомнительна принадлежность ея Пушкину. Едва-ли поэтъ, заключивъ въ 1826 г. компромиссъ съ правительствомъ, набросалъ хоть одну изъ приписываемыхъ ему эпиграммъ, вызванныхъ восшествіемъ на престолъ Николая Павловича; лира его тогда уже не звучала прежнимъ „свободолюбіемъ“. „Намъ кажется, едва-ли тутъ можно узнать Пушкина“, справедливо замѣтилъ П. А. Ефремовъ, который тутъ же прибавилъ: „даже понять ее очень затруднительно“ [4]). Между тѣмъ соль этого довольно остраго укола вовсе нетрудно выяснить. Г. С. Чириковъ въ своихъ „Замѣткахъ на новое изданіе сочиненій Пушкина“ увидѣлъ въ эпиграммѣ „намекъ, можетъ быть, на образъ дѣйствій князя Голицына въ верховномъ уголовномъ судѣ 1826 г.“ [5]).

---

[1]) Переписка Пушкина, ред. В. И. Саитова, I, 218.—О Неѣловѣ см. „Остафьевскій архивъ“, II, 498—499; „Русск. Арх.“ 1868 г., 618—619; Б. Л. Модзалевскій, „Н. И. Лобачевскій, письма его къ И. Е. Великопольскому“, Казань, 1902 г., 9.

[2]) Соч. Вяземскаго, VIII, 361.

[3]) Изданіе Русскаго (Н. В. Гербеля), Берлинъ, 1861 г., стр. 99.

[4]) Сочин. Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 123.

[5]) Бумаги А. С. Пушкина, вып. I, М., 1881 г., стр. 91.

Состоя членомъ слѣдственной комиссіи, разсматривавшей дѣло о возмущеніи 14 декабря 1825 г., кн. А. Н. Голицынъ, типичный іезуитъ и прирожденный слѣдователь-сыщикъ, не въ примѣръ другимъ судьямъ, умѣлъ дѣйствовать на обвиняемыхъ мягкостью и ласковостью обращенія. Это была та мягкость, о которой говоритъ пословица: „мягко постлано, да жестко спать“. Многіе поддались на эту удочку. Декабристъ М. А. Фонвизинъ [1]) вспоминалъ, что „пристойнѣе всѣхъ вели себя кн. Голицынъ и генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, у которыхъ вырывалось сердечное участіе къ узникамъ“. (Бенкендорфъ былъ вскорѣ сдѣланъ шефомъ жандармовъ). Другой декабристъ—князь С. П. Трубецкой [2]) разсказываетъ объ этой „добротѣ“ Голицына. Въ одномъ изъ засѣданій комиссіи Голицынъ завелъ частный разговоръ съ Трубецкимъ и Рылѣевымъ „въ такомъ тонѣ, какъ будто бы мы были въ гостиной, даже съ пріятнымъ видомъ и улыбкой, такъ что, вопреки всѣмъ дотолѣ бывшимъ убѣжденіямъ, пришла мнѣ мысль, что, вѣроятно, князю Голицыну извѣстно, что дѣло наше не такъ худо кончится; что религіозный человѣкъ, какимъ онъ издавна почитался, не могъ бы такъ весело разговаривать и почти шутить съ людьми, обреченными на смерть. Разговоръ же князя Голицына касался различныхъ предположеній Рылѣева, Пестеля, моихъ относительно временнаго правленія въ случаѣ, если бы попытка наша удалась... Разсуждалъ о лучшемъ, по его мнѣнію, составѣ временной верховной власти, о различныхъ мѣрахъ, которыми могла быть установлена конституція, и развивалъ сужденія свои объ этихъ предметахъ—словомъ, онъ меня удивилъ несказанно. Я долго разсуждалъ о неизъяснимомъ для меня поведеніи Голицына и старался объяснить его себѣ“.

13 іюля были повѣшены пять декабристовъ, въ томъ числѣ Рылѣевъ. Поведеніе „мягкосердечнаго“ Голицына нашло достойную оцѣнку въ приведенной эпиграммѣ, которую, несмотря на ея остроуміе и сарказмъ, нѣтъ основаній приписывать Пушкину.

---

[1]) Цитир. по книгѣ Б. Б. Глинскаго „Борьба за конституцію“, Спб., 1908, стр. 278.

[2]) Записки кн. С. П. Трубецкого, Спб., 1907, стр. 69.

IX.

Дата стиховъ о греческомъ возстаніи.

Къ 1823 г. П. В. Анненковъ отнесъ впервые напечатанную имъ [1]) пьесу Пушкина: „Возстань, о Грецiя, возстань“..., глубоко проникнутую страстнымъ сочувствіемъ борющемуся за свое освобожденіе народу. Приводить этихъ стиховъ не будемъ, такъ какъ они достаточно общеизвѣстны. Анненковская дата, по нашему убѣжденію, не можетъ быть принята. Не говоря уже о томъ, что въ этихъ стихахъ говорится о началѣ греческаго возстанія, вспыхнувшаго въ 1821 г., есть еще другія вѣскія основанія относить ихъ именно къ *1821 г.*

Дѣло въ томъ, что въ 1823 г. Пушкинъ совершенно измѣнилъ своему прежнему энтузіастическому отношенію къ грекамъ и греческому движенію. Въ 1821 г. Пушкинъ говорилъ о греческомъ возстаніи съ сочувствіемъ и восторженно писалъ о „прекрасномъ и блистательномъ шагѣ“ „счастливца Ипсиланти“ [2]). Поэтъ велъ, было, журналъ греческаго возстанія и записалъ въ своемъ дневникѣ 2 апрѣля 1821 г., что въ одномъ кишиневскомъ обществѣ, гдѣ говорили объ Ипсиланти, онъ „между пятью греками одинъ говорилъ какъ грекъ; всѣ отчаявались въ успѣхѣ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Грецiя восторжествуетъ, и 2,500,000 турковъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла“. Въ душѣ поэта еще были живы „вольнолюбивыя надежды“—„въ тѣ дни, какъ на брега Дуная великодушный грекъ свободу вызывалъ“. Въ 1823 г. революціонныя движенія уже не возбуждали въ Пушкинѣ, на глазахъ котораго происходило крушеніе революціи въ Германіи, Австріи, Испаніи, Неаполѣ [3]), прежняго пламеннаго сочувствія, и онъ скептически писалъ:

> Паситесь, мирные народы,
> Васъ не пробудитъ чести кличъ!
> Къ чему стадамъ дары свободы?
> Ихъ должно рѣзать или стричь;
> Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды—
> Ярмо съ гремушками да бичъ.

---

[1]) Сочин. Пушкина, изд. П. В. Анненкова, т. VII, стр. 87—88.
[2]) Переписка Пушкина, изд. акад. наукъ, I, 25, 26.
[3]) См. стихи Пушкина 1823 г.: „Недвижный стражъ дремалъ“...

Въ 1824 г. Пушкинъ писалъ о „полнѣйшемъ ничтожествѣ“ видѣнныхъ имъ въ Одессѣ и Кишиневѣ „современныхъ Леонидовъ“, лишенныхъ энтузіазма, не имѣющихъ понятія о чести. Правда, онъ говорилъ, что „очень интересуется греческимъ дѣломъ“,—но прежняго восторга, которымъ дышутъ его отзывы о грекахъ 1821 г., уже не слышно, и ему даже приходилось защищаться противъ чьихъ-то упрековъ во враждѣ къ освобождающейся Греціи и въ симпатіи къ турецкому игу [1]). Тогда же онъ писалъ Вяземскому: „о судьбѣ грековъ позволено разсуждать какъ о судьбѣ моей братьи негровъ; можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Греціей,—это непростительное ребячество. Іезуиты натолковали намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ, а мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. *Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе.* Пріѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада, и ты бы со мною согласился“ [2]).

Очевидно, пылкій призывъ къ возстанію не могъ сорваться съ пера Пушкина въ концѣ его пребыванія на югѣ, когда онъ былъ уже подъ вліяніемъ совсѣмъ иныхъ чувствъ и думъ. Другое дѣло—1821 г., къ которому поэтъ самъ относилъ свой „послѣдній либеральный бредъ“ [3]). И по настроенію, и по мыслямъ стихи: „Возстань, о Греція, возстань“... вполнѣ гармонирують съ отношеніемъ Пушкина къ греческому движенію 1821 г. и, разумѣется, только въ 1821 г. и могли быть написаны.

Н. Лернеръ.

---

[1]) Переписка Пушкина, I, 111—113.

[2]) Тамъ же, стр. 115—119.

[3]) Тамъ же, стр. 91.

Два благодарственныхъ письма Императору Павлу I.

I.

Ваше величество, всемилостивѣйшій государь!

При снисхожденіи отъ высокомонаршія вашего императорскаго величества десницы на мене единаго изъ вѣрноподданныхъ сугубыя благодати, содѣлавшей мене въ едино время и епископомъ и святыя Анны I-й степени кавалеромъ, я, подобно Елисею, въ совершенномъ надѣяніи торжественно предъ вашимъ величествомъ исповѣдался, что милостію вашею, яко-же Елисей милостію Иліиною прешедъ воды, напишу на розехъ престола Господня въ бѣлорусской церкви имя Павла перваго, перваго отъ временъ исторіи не россійской точію, но и всего свѣта,—перваго по кроткой справедливости и по праведной кротости, перваго по благочестію смиренному и по смиренію благочестивому, перваго по мирному любомудрію и мирной любви мира, первому по воздаянію всякому, даже и послѣднѣйшему служителю, а потому первому даже отъ сущихъ млеко величаемому хвалою и славою праведнаго воздаянія. Съ таковымъ столь же вѣрноподданнымъ признаніемъ, какъ и истиннымъ прославленіемъ священнаго имени и добродѣтелей васъ, помазанника Божія и нашего всемилоствивѣйшаго государя, облобызавъ утверждающее въ чинѣ кавалерства и къ ревностнѣйшимъ подвигамъ милостиво возбуждающее имя, начертанное десницею, кою по высочайшему повелѣнію и къ особливому счастію моему толико кратко удостоивался лобызать устами, слѣдующее повторяю и повторяя съ вѣрноподданническою вѣрностію не престану молить Бога: императоръ нашъ Павелъ Твой, о Царю царей, есть возлюбленный помазанникъ,—Павелъ посрамитъ невѣрія афинейскаго соньми, ввергнетъ ехидну въ пламень и волнованіе морей и сушъ укротитъ. Приносятъ ему не Ликаонскіе люди, но самые цари жертву, однако онъ съ кротостью вѣщаетъ: „не намъ, не намъ, но имени истиннаго Бога, имъ-же царіе царствуютъ и коего благодатію и азъ есмь, еже всѣмъ". Повергаюсь духомъ къ священнѣйшимъ стопамъ.

Анастасій епископъ Бѣлорусскій и Могилевскій.

Февраля 17 дня 1799 года.
Могилевъ.

II.

Всемилостивѣйшій государь!

Сей день, его же благослови Господь рожденіемъ твоимъ, августѣйшій монархъ! Пріемлю смѣлость въ священномъ благоговѣніи принести въ жертву всеподданнѣйшую мою благодарность за отеческое вашего Императорскаго величества прощеніе девятитысячнаго моего долгу двадцатилѣтнего банку и всемилостивѣйшее пожалованіе мнѣ четырехъсотъ семидесяти душъ въ Литовской губерніи, на оплату долговъ моихъ и жены моей санктпетербургскому и московскому воспитательнымъ домамъ. Всякое твое даяніе для меня благо и всякъ даръ совершенъ, свыше и отъ тебя отецъ щедротъ нисходяй.

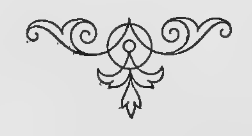
Пріими, всемилостивѣйшій государь! сію всеподданнѣйшую благодарность, слабымъ перомъ изображенную; но въ чувствахъ души твоего вѣрноподданнаго священную и озари оную милосерднымъ твоимъ воззрѣніемъ.

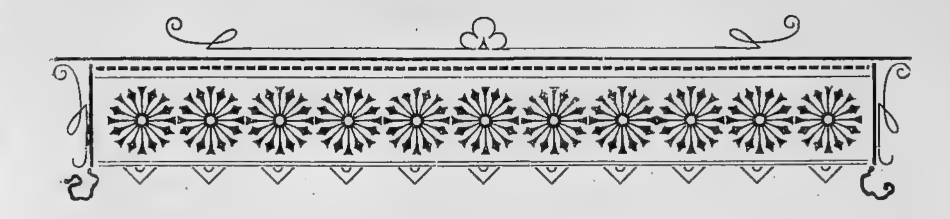
Да продлитъ Всевышній дни твои, августѣйшій монархъ, далѣе границъ естества и я не погибну, ибо праведный нелицепріятный судъ твой исполняющему съ вѣрностью и правдою священную твою волю, крѣпость и защищеніе.

всемилостивѣйшій Государь!
вашего императорскаго величества
вѣрноподданнѣйшій
Павелъ Руничъ.

Двадесятаго
сентября 1800 года.
Владиміръ.

Сообщилъ Д. Успенскій.

Въ плѣну у японцевъ [1]).

XVII.

Когда насъ ввели въ деревню Кономинато, то всѣ жители уже были извѣщены о нашей поимкѣ и несмотря на глубокую ночь съ ребятами и стариками, стоя на улицахъ, смотрѣли на наше шествіе, впереди котораго важно выступалъ старикъ съ шаланды, хвастаясь на всѣхъ перекресткахъ, что онъ виновникъ торжества. Японская полиція отнеслась къ намъ очень внимательно, привела въ лучшую гостиницу и распорядилась, чтобы былъ приготовленъ ужинъ. Крестьяне всю ночь толпились у двери, съ любопытствомъ разсматривая наши щиблеты, форменную фуражку казака и котомки. Всѣ удивлялись, что по истеченіи десяти дней онѣ были полны провизіи и задавали вопросы, какъ съ такой тяжестью можно пройти горами свыше двухъсотъ верстъ.

Передъ ужиномъ мы взяли ванну, а въ 3 часа съ тяжелымъ сердцемъ легли спать, и тотчасъ заснули. Но японцы не дали намъ хорошенько выспаться и уже въ 5 часовъ утра стали будить. Правда, это произошло оттого, что полицейскіе праздновали конецъ нашего бѣгства и, пропьянствовавъ цѣлую ночь, къ утру жаждали дѣятельности, но отъ этого намъ не было легче. Посмотрѣвъ черезъ окно, я увидалъ толпившійся на улицѣ народъ, пришедшій еще разъ посмотрѣть на пойманныхъ офицеровъ; даже японки съ грудными ребятами стояли подъ окнами и съ любопытствомъ смотрѣли наверхъ.

Въ 11 часовъ насъ повели въ г. Акама, чтобы оттуда ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Фукуока. Впереди всѣхъ шелъ пьяный полицейскій, нѣсколько сзади два его собутыльника тоже, какъ и онъ, одѣтые во все бѣлое при шашкахъ, но стоявшіе немного тверже

---

[1]) См. „Русская Старина" февраль, 1908 г.

на ногахъ, а за ними слѣдовала цѣлая толпа крестьянъ, которая фактически одна составляла нашу охрану. Мы прошли мимо того самаго огорода, гдѣ такъ тревожно провели вчерашнюю ночь, затѣмъ около мѣста послѣдней дневки и вышли на широкую, незнакомую намъ дорогу. Въ деревняхъ шпалерами стояли учащіеся, нѣкоторые встрѣчали насъ въ полѣ; это были ученики и ученицы деревень, лежавшихъ вдали отъ дороги, извѣщенные по телефону о предстоящемъ зрѣлищѣ. Всѣ они съ любопытствомъ на насъ смотрѣли; да и было на что посмотрѣть, такъ какъ мы скорѣе походили на бѣглыхъ каторжниковъ, чѣмъ на офицеровъ: казакъ, потерявъ гдѣ-то свою самодѣльную обувь, шелъ босикомъ, мы съ Шикунинымъ безъ шапокъ, такъ какъ послѣднія отъ дождя превратились въ безформенную массу, наши кителя отъ дневокъ въ канавахъ и огородахъ приняли какой-то черный оттѣнокъ, а сами мы съ такой ненавистью смотрѣли на этихъ любопытныхъ зрителей, что многіе изъ нихъ въ смущеніи опускали глаза.

Въ часъ дня мы прибыли въ Акаму, гдѣ всѣ уже знали, что офицеры, бѣжавшіе изъ Фукуока 10 дней тому назадъ, пойманы, и изъ оконъ высовывались желтокожія курносыя лица, смотрѣвшія на насъ какъ на разбойниковъ.

До четырехъ часовъ въ ожиданіи поѣзда намъ пришлось просидѣть въ жандармскомъ управленіи. Время тянулось безконечно долго, намъ всѣмъ хотѣлось спать такъ, что глаза невольно закрывались, и голова временами падала на грудь, но лечь было негдѣ, а просить чего бы то ни было у японцевъ мы не желали. Въ половинѣ четвертаго казака и меня заковали въ кандалы, Шикунину и вѣстовымъ связали руки и въ такомъ видѣ повели на станцію, но мы бодро шли впередъ, сознавая свою правоту, а тотъ позоръ, съ которымъ насъ вели, долженъ былъ мозолить глазъ всякому честному японцу.

Придя на платформу ж. д., жандармы, конвоировавшіе насъ, остановились передъ арестантскимъ вагономъ, но затѣмъ, посовѣтовавшись другъ съ другомъ, рѣшили предоставить намъ комфортъ 3 класса, а чтобы мы не вздумали во время хода поѣзда, въ кандалахъ, бѣжать снова, привязали веревочками къ скамейкамъ. Пассажиры, сидѣвшіе рядомъ съ нами, подсмѣивались и острили на нашъ счетъ, но одна японка, закрывъ себѣ глаза платкомъ, заплакала. Возможно, что и у нея братъ или мужъ, а можетъ быть отецъ былъ взятъ въ плѣнъ, и она представила себѣ его въ кандалахъ, окруженнаго русскими жандармами. Передъ нами мелькали горы и лѣса, по которымъ мы нѣсколько дней тому назадъ шли, съ самыми радужными надеждами, безконечныя рисовыя поля, знакомыя рѣченки, ручейки и пр.

Дождь лилъ какъ изъ ведра, когда мы наконецъ пріѣхали въ Фукуока и, промокнувъ до костей, пришли въ управленіе военно-плѣнныхъ, расположенное среди бараковъ нижнихъ чиновъ. Плѣнные солдатики встрѣтили насъ очень сердечно, но японцы поспѣшили ихъ разогнать.

На балконѣ управленія стоялъ самъ маіоръ, рядомъ съ нимъ капитанъ, завѣдующій военно-плѣнными офицерами, и оба переводчика, а сзади толпились писаря и канцелярскіе служителя. Всѣ они смотрѣли на насъ съ пренебреженіемъ, какъ на величайшихъ преступниковъ и, разговаривая между собой, держали насъ подъ дождемъ. Положимъ, и мы не обращали на нихъ вниманія и, стоя безъ всякаго принужденія, пересмѣивались между собой. Затѣмъ стали снимать съ насъ кандалы. У Шикунина жандармы съ трудомъ развязали веревку и на его рукахъ выступили двѣ ярко красныя полосы—слѣды варварскаго обращенія цивилизованныхъ японцевъ. Двое солдатъ по приказанію маіора принялись насъ обыскивать и, отнявъ все, что только нашли въ карманахъ до носового платка включительно, повели въ карцеры, расположенные недалеко отъ управленія. Входная дверь была высотою въ полтора аршина и запиралась здоровымъ засовомъ и массивнымъ висячимъ замкомъ. Караульный начальникъ отперъ замокъ, отодвинулъ засовъ и открылъ дверцу, которая тотчасъ же захлопнулась, лишь только я въ нее вошелъ. Казака и Шикунина посадили вмѣстѣ въ другой карцеръ, а вѣстовыхъ въ третій.

Мрачное впечатлѣніе произвело на меня это помѣщеніе: голыя стѣны, мѣстами поросшія отъ сырости мхомъ, были разрисованы какимъ-то неизвѣстнымъ художникомъ, который сидя здѣсь тщетно пытался что-то изобразить; маленькое окошко подъ потолкомъ съ деревянной рѣшеткой выходило на помойныя ямы, издававшія страшное зловонье. Ни стула, ни стола не было и отдыхать или ѣсть приходилось сидя на полу.

Я снялъ съ себя все, что на мнѣ было, такъ какъ чувствовалъ дрожь отъ холодной, намокшей одежды и, развѣсивъ ее сушить, сталъ ходить взадъ и впередъ. За стѣной тоже кто-то прогуливался.

— Кто здѣсь сидитъ?—спросилъ я.

— Матросъ!—бойко отвѣтили оттуда.

— За что посаженъ?—снова спросилъ я.

— Да совсѣмъ даромъ, — отвѣтилъ тотъ — ночью сбѣжалъ въ городъ за коньячкомъ, а меня проклятые поймали... я, конечно, сказалъ имъ, что хотѣлъ просто прогуляться... скажи имъ, что за виномъ, пуще наказали бы.

— А на сколько тебя посадили?

— Да на десять дней,—съ негодованіемъ отвѣтилъ матросъ и, не подозрѣвая, что съ нимъ разговариваетъ офицеръ, продолжалъ: —ну, выпусти они меня только ...ей, ей всему караулу морды набью. Не то дѣлали наши ребята: часовыхъ камнями избивали, одинъ матросъ такъ японскому солдату палецъ откусилъ и то всего лишь на недѣлю посадили, а меня вишь на десять,—и онъ закончилъ свою рѣчь трехъ-этажной руганью.

— Какъ же это онъ палецъ ухитрился откусить?—спросилъ я.

— Кто, матросъ-то?... а очень просто,—началъ мой собесѣдникъ —японскій солдатъ сталъ къ нему придираться, ну, конечно нашему брату флотскому это обидно, начали ругаться, а японецъ далъ по мордѣ да какъ-то нечаянно въѣхалъ ему маленькимъ пальцемъ въ ротъ; матросъ былъ не дуракъ и откусилъ его да еще сдачи далъ, ну, а затѣмъ, прибѣжавъ въ баракъ, значитъ, бороду себѣ сбрилъ и гуляетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Тогда насъ во фрунтъ поставили, искали, искали и такъ бы не нашли его, да вотъ бѣда въ чемъ—солдатъ-то каблукомъ наступилъ ему на ногу во время драки, ну, намъ и приказали разуться и по ногѣ отыскали виновнаго... и то, говорю, на недѣлю его засадили, а меня вишь на десять... ну, выпустятъ, всему караулу дамъ себя знать.

Въ 10 часовъ вечера мнѣ принесли постель, состоявшую изъ трехъ одѣялъ, а въ полночь сухое бѣлье. Впослѣдствіи я узналъ, что японцы сдѣлали для насъ исключеніе, давъ каждому по три одѣяла, нижнимъ же чинамъ они предоставляли спать на голомъ полу, подложивъ себѣ подъ голову кулакъ.

XVIII.

На слѣдующее утро въ 6 часовъ открылась дверь карцера, и японцы унесли мои три одѣяла. День прошелъ однообразно и скучно, какъ и всѣ остальные. Мыться намъ не давали. Обѣдъ и ужинъ приносили изъ офицерскихъ бараковъ, но за то все подавалось въ ужасномъ видѣ: половина супа въ горшкѣ, половина уже пролитая на тарелкѣ съ хлѣбомъ. Вмѣсто чая намъ приносили въ лоханкѣ мутную жидкость, на поверхности которой плавалъ жиръ. Въ другое время не сталъ бы пить этой гадости, но тогда необходимость заставляла забыть всякую брезгливость, а японцы при этомъ эхидно спрашивали: „іероси-ка?“ т. е. вкусно ли. Стараясь дѣлать видъ, что насъ ничѣмъ не проберешь, мы *шутили и смѣялись между собой*, а это раздражало японцевъ, по понятіямъ которыхъ аресто-

ванные и преступники должны сидѣть понуривъ головы и сокрушаться о своихъ поступкахъ. Но всего больше насъ донимали японцы тѣмъ, что не давали пить. Несмотря на адскую жару, караулъ оставался холоденъ къ нашимъ просьбамъ дать воды и индифферентно отвѣчалъ: „Мидзу аримасенъ", т. е. нѣтъ воды, и приходилось ждать обѣда или ужина, когда приносили въ лоханкѣ горячаго чаю.

Время для сна было очень неопредѣленно: иногда въ 9 часовъ вечера мы уже спали и только въ 6 вставали, иногда же одѣяла выдавали только въ полночь и въ 5 уже отбирали, а чтобы мы не слишкомъ отсыпались, часовые, проходя ночью мимо нашего карцера, ударяли винтовкой въ дверь и стучали до тѣхъ поръ, пока всѣ не просыпались. Мы даже послали коллективную жалобу маіору, прося его назначить разъ навсегда время выдачи одѣялъ, такъ какъ не согласны подчиняться произволу караульныхъ начальниковъ, которые по своему усмотрѣнію выдаютъ постель то раньше, то позже. Наше заявленіе подѣйствовало, и время для сна было назначено съ 9 вечера и до 6 утра.

7-го іюля насъ поочередно вызывали на предварительное слѣдствіе по дѣлу нашего побѣга, а 10 явился въ карцеръ переводчикъ, который важно прочелъ приговоръ суда, гласившій такъ: „Мичманъ Анатолій Михаиловичъ Толстопятовъ и Хорунджій Василій Ивановичъ Носановъ и техническій мастеръ Михаилъ Михайловичъ Шикунинъ за совершенный первый побѣгъ присуждаются къ содержанію на гауптвахтѣ на нѣкоторое время". Какъ мы ни допрашивались подробностей этой растяжимой резолюціи, добиться ничего не могли, и узнали только, что Фирсовъ и Басаргинъ присуждены къ тому же наказанію. Затѣмъ дверь карцера захлопнулась, и снова настала мертвая тишина.

Мнѣ тяжелѣе всего было переноситъ то бездѣліе, которое насъ окружало. Ходишь, ходишь изъ угла въ уголъ и ждешь не дождешься обѣда или ужина—нашего единственнаго развлеченія. Наконецъ устанешь ходить и сядешь, но сидѣть какъ-то неудобно на полу, такъ какъ начинаетъ спину ломить, и вотъ ложишься во весь ростъ, подложивъ подъ голову кулакъ. Однако такое тяжелое времяпрепровожденіе продолжалось недолго; плѣнные солдатики не оставляли насъ своими заботами и вскорѣ стали намъ бросать въ окно книги, да изъ бараковъ офицеры посылали контрабандой гостинцы, и время потекло гораздо скорѣе.

XIX.

Солнце весело заглядывало въ маленькое окошко мрачнаго карцера, въ которомъ я сидѣлъ уже цѣлую недѣлю, когда дверца открылась, и вошедшій фельдфебель объявилъ, что насъ переводятъ въ бараки, гдѣ въ своихъ комнатахъ будемъ находиться подъ домашнимъ арестомъ. Эта новость насъ очень обрадовала, такъ какъ давала возможность жить по-человѣчески, заниматься и не валяться на грязномъ полу.

Сначала насъ повели въ канцелярію маіора Кодома и предложили разобрать свои вещи, а затѣмъ въ офицерскія помѣщенія, изъ которыхъ семнадцать дней тому назадъ мы бѣжали полные надеждъ на свободу. Перейдя мостъ, переброшенный чрезъ крѣпостной ровъ, мы очутились въ широкой аллеѣ, ведущей къ баракамъ. У всѣхъ насъ сильно билось сердце: вотъ, вотъ сейчасъ увидимъ своихъ товарищей, „дѣдушку", благословившаго насъ на бѣгство, и всѣхъ остальныхъ офицеровъ.

Дѣйствительно въ канцеляріи сидѣлъ полковникъ Саблуковъ, капитанъ, завѣдывавшій военноплѣнными и переводчикъ.

— Ну вотъ и они!—воскликнулъ Ѳедоръ Степановичъ,—что же мнѣ можно съ ними поздороваться, или они все еще считаются арестантами?—и, не дожидаясь отвѣта, добрый старичекъ бросился къ намъ въ объятія.

— Не повезло... не повезло,—шепталъ онъ,—ну, что жъ Божья воля... ахъ, какъ вы всѣ похудѣли... ну, слушайте, вотъ теперь ваше положеніе... вы будете сидѣть въ своихъ комнатахъ, къ вамъ нельзя никому ходить, и вы не должны посѣщать товарищей. Въ случаѣ же нарушенія этихъ правилъ васъ опять переведутъ въ карцеръ.

Дѣдушка волновался и говорилъ отрывисто. Онъ былъ радъ, что мы здоровы, и что во время облавы насъ не тронули, между тѣмъ какъ бывали случаи, что, поймавъ русскихъ офицеровъ, японцы ихъ безпощадно избивали.

Капитанъ что-то сказалъ переводчику, и послѣдній вставъ прочелъ приговоръ, не знаю кѣмъ постановленный, трактовавшій то самое, что уже намъ сообщилъ полковникъ.

Послѣ этого мы вышли изъ канцеляріи, и насъ тотчасъ окружила толпа офицеровъ. Всѣ спѣшили намъ пожать руки, всѣ встрѣчали насъ сердечно и искренно, съ нѣкоторыми мы расцѣловались, другимъ просто крѣпко жали руки, а затѣмъ пошли въ баракъ. У окна моей комнаты столпились артиллеристы, казака и Шикунина

окружили свои товарищи. Выслушавъ исторію нашего скитанія, К—овъ сталъ разсказывать, какъ обнаружились слѣды нашего бѣгства.

— Повѣрка команды прошла благополучно,—началъ онъ,—повѣрялъ тотъ несимпатичный солдатъ, который еще говоритъ по-русски.

Во время переклички Ермаковъ позвалъ Яковлева, мы своихъ вѣстовыхъ, тѣ разбѣжались, а японецъ, махнувъ рукой, распустилъ команду.

Около 11 часовъ появился другой японецъ съ какими-то бланками, искавшій васъ... это было уморительно... онъ заглядывалъ во всѣ комнаты и все спрашивалъ: „гдѣ мицманъ?... гдѣ мицманъ?“ и, наконецъ, войдя въ вашу комнату, увидалъ письмо Саблукову, которое передалъ полковнику, при чемъ тутъ же появился и капитанъ съ переводчикомъ. Дѣдушка прочелъ его вслухъ. Смѣшно было смотрѣть на бѣднаго капитана, когда переводчикъ ему сообщилъ, что вы бѣжали. Онъ сразу присѣлъ, и крупныя капли пота выступили на его лбу. Онъ сдѣлался такимъ несчастнымъ, опустилъ голову и мрачно пошелъ въ вашу комнату. Японцы забѣгали. Ахъ! какъ они глупы! неслись по корридору, и всѣ пробѣгали мимо комнатъ казака и Шикунина, заглянутъ туда, и не догадываясь о ихъ побѣгѣ, опять являются въ вашу комнату. Такъ тянулось время до четырехъ часовъ. Капитанъ ходилъ какъ въ воду опущенный. Въ 4 часа явился сапожникъ съ щиблетами Носонова. Стали искать казака—нѣтъ его нигдѣ. Ну послѣ этого начали повѣрять офицеровъ, и обнаружилось, что и Шикунина нѣтъ, сдѣлали перекличку нижнимъ чинамъ, и оказалось, что Фирсовъ съ Басаргинымъ тоже бѣжали.

Черезъ пять дней пришелъ маіоръ Кодома со своимъ переводчикомъ. Насъ собрали въ столовую.

— Я дуракъ,—началъ маіоръ,—мы всѣ чуть не фыркнули и рѣшили, что рѣчь обѣщаетъ быть блестящей, но они глупѣе меня,—продолжалъ онъ,—они какъ горныя обезьяны, когда съѣдятъ всю провизію, сами вернутся къ намъ... или какъ морскія чудовища погибнутъ въ морѣ... затѣмъ онъ говорилъ, что, благодаря побѣгу, приходится усиливать караулы, ставить заборы, стѣснять офицеровъ и т. д., и онъ надѣется, что *подобные безчестные поступки больше не повторятся.*

Когда маіоръ ушелъ, переводчикъ приблизился къ намъ и сказалъ:

— Мицманъ мнѣ все время грубости дѣлалъ, а послѣдняя грубость, что бѣжалъ. На него тогда всѣ набросились:—видите,—кричала публика,—вотъ вы намъ постоянно непріятности дѣлаете...

письма изъ дома не даете, и начали бѣгать офицеры... вы лично въ этомъ виноваты.

И что же послѣ этого разговора сразу появились письма изъ Россіи.

— А сколько хлопотъ вы японцамъ надѣлали,—замѣтилъ штабсъ-капитанъ П.,—тутъ распространился слухъ, что какая-то шхуна съ пятью европейцами пристала къ одному острову, гдѣ и пережидаетъ погоду. Изъ Симоносеки послали миноносецъ, искали васъ, искали и не нашли. Японцы ворчали, что только уголь сожгли.

— А потомъ, помните, слухъ распространился,—сказалъ поручикъ Б.,—что выкинуло трупъ какого-то европейца и никакъ не могутъ опредѣлить кто это... вотъ мы испугались.

Въ это время кто-то шепнулъ, что идутъ японцы, и вся толпа, сгруппировавшаяся около моего окна, поспѣшила разойтись. Вмѣстѣ съ японцами пришелъ мой вѣстовой, котораго въ теченіе всего нашего бѣгства держали при офицерскихъ баракахъ. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ и смотрѣлъ какъ-то исподлобья. Я съ нимъ поздоровался, хотя сердце мое уже къ нему больше не лежало: я въ немъ видѣлъ труса, который изъ боязни быть разстрѣляннымъ отказался отъ мысли бѣжать изъ плѣна.

Между тѣмъ окошко изъ корридора безпрестанно открывалось, и меня навѣщали артиллеристы.

— Ну вотъ опять ваша комната жилой видъ приняла,—замѣтилъ капитанъ А.,—а то прямо-таки непріятно было проходить мимо нея—вѣчно темно, какъ будто бы все вымерло.

— Да опять будетъ мичманъ сидѣть за столомъ у своего окошка и заниматься,—сказалъ улыбаясь К—овъ.

— Кто тутъ разговариваетъ? нельзя съ каторжниками разговаривать!—шутилъ дѣдушка.

Такъ прошло время до вечера. Въ 10 часовъ я легъ спать, хотя предчувствовалъ, что эту ночь не буду въ состояніи хорошо выспаться,—уже слишкомъ много было сильныхъ впечатлѣній.

XX.

23 іюля казака, Шикунина и меня попросили въ управленіе маіора Кодома, гдѣ представители мѣстной жандармеріи должны были сдѣлать еще одинъ опросъ, и мы опять были посажены въ карцеръ, но на этотъ разъ всѣ вмѣстѣ. На наши вопросы, долго ли намъ придется тутъ находиться, японцы отвѣчали уклончиво, а когда мы спрашивали ихъ, для чего понадобилось сдѣлать новый

опросъ, они безсмысленно говорили: „знаете... теперь измѣнилось". Одно было ясно: мы снова прочно засѣли въ сыромъ карцерѣ, и мало было надежды скоро увидать своихъ товарищей. Все пошло по-старому: къ обѣду подавали подмоченный хлѣбъ, чай въ вонючемъ ушатѣ, который иногда умышленно забывали приносить, и на троихъ выдавали только двѣ вилки и два ножа, отговариваясь тѣмъ, что больше нѣтъ.

4-го августа намъ объявили, что на слѣдующій день насъ повезутъ въ городъ Кокура на военный судъ. Эта новость мнѣ показалась очень странной: дѣйствительно, приговоромъ одного суда мы были присуждены къ *мѣсячному* заключенію на гауптвахтѣ, а когда срокъ наказанія подошелъ уже къ концу, нашъ проступокъ признали уголовнымъ и рѣшили передать военному суду на переразсмотрѣніе.

5-го августа въ 9 часовъ утра передъ отправленіемъ на вокзалъ японскій офицеръ обратился къ намъ съ безконечно длинной рѣчью и закончилъ ее пожеланіемъ скорѣе вернуться въ Фукуока. Переводчикъ съ ехидной улыбкой передалъ намъ это пожеланіе, и по выраженію его лица видно было, что онъ думаетъ: „нѣтъ, братцы, о скоромъ возвращеніи не помышляйте: попались въ лапки военнаго суда—онъ васъ уже постарается обласкать и подальше упечь".

Въ десятомъ часу въ сопровожденіи трехъ жандармовъ мы поѣхали по желѣзной дорогѣ въ городъ Кокура. Въ третій разъ передъ нами проходили знакомыя рисовыя поля, жалкіе сосновые лѣсочки, живописныя ущелья и овраги, въ которыхъ мѣсяцъ тому назадъ мы просиживали цѣлыми днями.

По пріѣздѣ въ Кокура, насъ прямо съ вокзала повели въ помѣщеніе военнаго суда, гдѣ за маленькимъ столомъ, покрытымъ узорчатой скатертью сидѣлъ слѣдователь, а рядомъ съ нимъ за такимъ же столомъ — секретарь, записывавшій показанія. Намъ предлагали тѣ же шаблонные вопросы, которые мы слышали въ канцеляріи маіора Кодома и въ жандармскомъ управленіи, а наши отвѣты записывались на листкахъ прозрачной бумаги трехэтажными іероглифами. Вся эта обстановка отзывала какой-то китайщиной и не внушала къ себѣ довѣрія.

Когда предварительное слѣдствіе закончилось, насъ связали всѣхъ вмѣстѣ веревочками и повели по безконечно длиннымъ улицамъ Кокуры къ городскимъ окраинамъ. Мы знали, что насъ ведутъ въ тюрьму военнаго вѣдомства, гдѣ условія жизни безъ сомнѣнія будутъ болѣе тяжелы, чѣмъ въ Фукуокскомъ карцерѣ, но съ этой мыслью мы уже успѣли давно свыкнуться, а потому она насъ не страшила.

Вскорѣ показалось большое мрачное зданіе военной тюрьмы, окруженное высокой каменной стѣной, у желѣзныхъ воротъ которой стояли двое часовыхъ. Проходя мимо нихъ, конвоировавшіе насъ японцы перекинулись нѣсколькими словами и улыбаясь направились къ главному корпусу тюремнаго зданія. Мы вошли въ длинный и темный корридоръ. На полу сидѣли блѣдные, какъ полотно, худые, преступники въ красныхъ халатахъ съ бѣлыми номерами на груди и плели циновки; другіе шили, третьи исполняли воловыя работы, и все это происходило при мертвой тишинѣ, нарушаемой изрѣдка чахоточнымъ кашлемъ заключенныхъ.

Насъ опять разсадили всѣхъ по одиночкѣ. Камера, въ которой мнѣ пришлось сидѣть, представляла собою большое помѣщеніе съ маленькимъ окномъ, загороженнымъ желѣзной рѣшеткой и проволочной сѣткой. Посреди камеры находилась кровать съ тремя одѣялами, замѣнявшими подушку и все остальное. Рядомъ съ кроватью стоялъ стулъ. Въ лѣвомъ углу камеры лежала сѣтка отъ комаровъ подозрительной чистоты, а въ правомъ за загородкой кадка, назначеніе которой не нуждается въ поясненіи. Во входной двери имѣлось небольшое окошко для наблюденія за арестованными, а около двери на полу былъ поставленъ обѣдъ, состоявшій изъ трехъ чашекъ: одной съ холоднымъ рисомъ, другой—продолговатой формы—съ какой-то кислой жидкостью, напоминавшей слабый кофе безъ сахара, и третьей, наполненной соленой водой, съ плававшими въ ней четырьмя полусырыми картошками. Само собою разумѣется, насколько невкусенъ и непитателенъ былъ этотъ обѣдъ, составлявшій ежедневную пищу заключенныхъ, и доведшій ихъ до того болѣзненнаго состоянія, которое отражалось на ихъ блѣдныхъ, безжизненныхъ лицахъ.

Время тянулось безконечно долго, и такъ какъ дѣлать было абсолютно нечего, то, въ ожиданіи наступленія ночи, приходилось какъ маятникъ ходить изъ угла въ уголъ и вокругъ своей кровати.

Въ 6 часовъ окошко въ двери открылось, и тюремный надзиратель попросилъ обратно обѣденную посуду, которую я ему вернулъ со всѣмъ содержимымъ.

Вечеромъ началась повѣрка арестованныхъ. Одинъ надзиратель съ большой книгой въ рукахъ, глухо выкрикивалъ номера заключенныхъ: „го-зю-ни, го-зю-санъ, го-зы-си, го-зю-го...“ и тотчасъ за нимъ громко на весь корридоръ, раздавались отвѣтныя восклицанія: „ха, ха, ха, ха“. Это было нѣчто ужасное, не поддающееся описанію. Перекличка походила на вопль грѣшниковъ въ аду. Всѣ восклицанія сильно резонировали въ высокихъ сводахъ тюремнаго зданія, а глухой голосъ надзирателя отдавалъ чѣмъ-то холоднымъ и жесто-

кимъ. Насъ не перекликали, хотя мы и вошли въ общую нумерацію преступниковъ, а подойдя къ дверному окошку, заглянули только въ камеру.

Спать по правиламъ тюрьмы разрѣшалось только съ 9 часовъ вечера, а такъ какъ благодаря маленькому окошку уже въ 8 часовъ становилось совершенно темно, то приходилось въ теченіе цѣлаго часа ходить впотьмахъ взадъ и впередъ. Вдругъ открылось окошко входной двери, и оттуда послышались какія-то плачевныя восклицанія! Я подошелъ ближе.

„Очень жалько... очень... жалько“, говорилъ таинственный незнакомецъ, „я все равно... Токіо... Николяй... очень жалько“.

Когда онъ мнѣ нѣсколько разъ повторилъ въ различномъ порядкѣ эти ничѣмъ не связанныя слова, я понялъ, что ко мнѣ пришелъ японскій бонза (буддійскій священникъ) выразить свое соболѣзнованіе и старался мнѣ объяснить, что онъ принадлежитъ тоже къ духовенству, какъ нашъ токійскій епископъ Николай. Поговоривъ немного на смѣшанномъ русско-англійскомъ языкѣ, бонза распростился и, закрывъ окошко, тихимъ шагомъ направился утѣшать остальныхъ заключенныхъ. Вскорѣ я услыхалъ его голосъ въ другомъ концѣ корридора и тѣ же сердобольныя слова: „очень жалько... бонза... я все равно... Токіо Николяй“. Я сразу догадался, что бонза бесѣдуетъ съ моими товарищами.

Между тѣмъ гулять по камерѣ сдѣлалось совершенно невозможно, такъ какъ окончательно стемнѣло, и я безпрестанно натыкался то на стулъ, то на кровать, а время отдыха или вѣрнѣе сна все не наступало. И вотъ опять послышался плачевный тенорокъ бонзы, который началъ свое: „очень жаль... очень жалько... я все...“, но тутъ раздался на всю тюрьму рѣзкій голосъ казака: „пошелъ къ чорту!“ и снова настала гробовая тишина.

Въ 9 часовъ надзиратель, вставъ по срединѣ корридора, крикнулъ что-то на своемъ непонятномъ языкѣ; это былъ сигналъ— ложиться спать. Я принялся развѣшивать сѣтку, которая всего лишь на аршинъ возвышалась надъ головой, и легъ спать, но несмотря на свою усталость никакъ не могъ заснуть, такъ какъ сѣтка, защищавшая отъ комаровъ, служила разсадникомъ блохъ. О количествѣ послѣднихъ можно себѣ составить понятіе по тому, что казакъ за одну ночь поймалъ сто штукъ („не преувеличивая“), и все-таки онѣ продолжали его мучить.

Кромѣ блохъ мнѣ не давали спать и тюремные надзиратели, которые отъ времени до времени открывали дверное окошко и лучемъ яркаго фонаря, какъ прожекторомъ, водили по всѣмъ направленіямъ камеры. Когда этотъ лучъ останавливался на моемъ лицѣ

и надзиратель анализировалъ, сплю ли я или нѣтъ, я поневолѣ просыпался и прогонялъ безцеремоннаго японца, а назойливыя насѣкомыя снова давали о себѣ знать.

Такъ прошла первая ночь въ японской тюрьмѣ.

XXI.

Четырехдневное пребываніе въ тюрьмѣ военнаго вѣдомства произвело на насъ тяжелое впечатлѣніе. Гробовая тишина, среди которой временами раздавались раздражительные крики надзирателей, несчастные осужденные солдаты въ халатахъ кирпичнаго цвѣта съ изнуренными блѣдными лицами, наконецъ, ежедневное появленіе въ нашихъ камерахъ тюремныхъ надзирателей, которые перерывали всѣ одѣяла, сѣтку и пробовали, не поломана ли за ночь рѣшетка окна, меня изводили и озлобляли, а систематичное ничегонедѣланіе служило мнѣ величайшимъ наказаніемъ, которое только можно было придумать. Ходишь, ходишь взадъ и впередъ и съ нетерпѣніемъ ждешь, когда-то откроется дверное окошко, и надзиратель подастъ обѣдъ, а когда наконецъ настанетъ это время и попробуешь холоднаго риса и полусырого картофеля, поневолѣ возвращаешь весь обѣдъ надзирателю и снова принимаешься ходить изъ угла въ уголъ. Такъ прошло двое сутокъ, а на третьи я такъ проголодался, что съѣлъ весь рисъ, всѣ четыре картошки и запилъ ихъ холодной водой...

По утрамъ насъ водили мыться къ общему умывальнику, и тутъ-то я видѣлъ своихъ товарищей. Но какъ они измѣнились—похудѣли, подъ глазами появились синяки, скулы выступили на блѣдныхъ лицахъ, а глаза какъ-то странно смотрѣли въ пространство. Себя самого я не могъ видѣть, но они говорили, что у меня тоже видъ былъ не лучше.

9-го августа насъ повели связанными на военный судъ. Зданіе суда находилось рядомъ съ камерой военнаго слѣдователя, а противъ него въ отдѣльномъ флигелѣ было помѣщеніе для подсудимыхъ, куда насъ посадили въ ожиданіи очереди. Черезъ 1/2 часа изъ главнаго зданія суда вывели 10 осужденныхъ японскихъ солдатъ, которые съ опущенными головами, въ сопровожденіи конвоя, мрачно направились въ городъ, а насъ ввели въ зало засѣданія. На возвышенной эстрадѣ за длиннымъ столомъ сидѣлъ сѣдоватый предсѣдатель, справа и слѣва отъ него судьи; секретарь и прокуроръ помѣщались за особыми столиками.

Предсѣдатель объявилъ судебное засѣданіе открытымъ и черезъ

переводчика спросилъ насъ: *„бѣжали ли мы изъ плѣна“*. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ приказалъ насъ вывести въ комнату подсудимыхъ. Этимъ и закончился весь судъ. Не было ни обвинительной рѣчи прокурора, ни отвѣтной рѣчи защитника. Насъ даже не спрашивали мотивовъ, которыми мы руководствовались, рѣшившись на побѣгъ. По всему было видно, что приговоръ былъ уже заранѣе постановленъ, а судъ назначенъ только для номера.

Черезъ полъ-часа насъ позвали въ залъ суда, гдѣ предсѣдатель принялся читать резолюцію, поминая наши имена и, постепенно возвышая голосъ, казалось, говорилъ: „вы бѣжали, такъ вотъ вамъ, вотъ вамъ...“ По прочтеніи резолюціи, переводчикъ, глубоко вздохнувъ, объявилъ намъ, что за совершенный побѣгъ, на основаніи 38 ст. японскаго закона, мы, офицеры, присуждаемся къ четырехлѣтнему тюремному заключенію, а вѣстовые къ годичному. Судьи со злорадствомъ ожидали впечатлѣнія, которое на насъ произведетъ ихъ приговоръ, но мы выслушали его съ видомъ какъ будто онъ насъ и не касался, такъ какъ сговорились еще въ комнатѣ подсудимыхъ держать себя во время чтенія приговора съ достоинствомъ, какъ подобаетъ русскимъ офицерамъ даже въ томъ случаѣ, если насъ приговорятъ къ смертной казни.

Когда судебное засѣданіе кончилось, насъ связали и повели сначала въ тюрьму военнаго вѣдомства, а въ 2 часа такимъ же порядкомъ перевели въ тюрьму гражданскаго вѣдомства. Послѣдняя представляла собою большой дворъ, обнесенный высокой глинибитной стѣной. На этомъ дворѣ было построено множество длинныхъ и узкихъ деревянныхъ клѣтокъ, у которыхъ по двѣ продольныхъ стѣны состояли изъ деревянныхъ брусьевъ, поставленныхъ вертикально съ промежутками равными толщинѣ брусьевъ, а поперечныя переборки, дѣлившія клѣтки на квадратныя камеры, были сплошныя. Клѣтки имѣли деревянные полы и были покрыты двускатными черепичными крышами.

Противъ входныхъ воротъ тюрьмы стояла канцелярія, въ которой у насъ отобрали всѣ вещи, какъ-то: карандаши, кошельки, гребенки, и произвели формальный обыскъ. Конечно, у насъ опять, уже не знаю въ который разъ, спросили имя, отчество, фамилію, чинъ и пр. и пр., и все это аккуратно записали въ особую книжку.

Во время всей этой процедуры, ворота тюрьмы отворились и во дворъ въѣхала какая-то крытая коляска безъ оконъ, скорѣе походившая на ящикъ съ шестью дверцами. Надзиратель подошелъ къ этой колясочкѣ и принялся отпирать дверцы, изъ которыхъ весело выскочило шесть европейцевъ, какъ оказалось впослѣдствіи—нѣмецъ, австріецъ, голландецъ, два американца и англичанинъ, намѣревав-

шіеся ограбить почтовый пароходъ. Это была тюремная каретка, предназначенная для перевозки преступниковъ. Если у насъ въ Россіи находятъ, что перевозка заключенныхъ не выдерживаетъ критики, то слѣдуетъ замѣтить, что въ Японіи она еще во сто разъ хуже.

Когда всѣ наши отобранныя вещи были переписаны, насъ повели къ одной изъ вышеупомянутыхъ клѣтокъ, открыли рѣшетчатую дверцу и, посадивъ туда казака, Шикунина и меня, снова заперли. Фирсова и Басаргина повели въ другой конецъ двора. Обстановка нашего новаго помѣщенія состояла всего лишь изъ трехъ циновокъ, лежавшихъ на полу, трехъ красныхъ одѣялъ и трехъ подушекъ, набитыхъ чѣмъ-то твердымъ, похожимъ на песокъ.

Если бы годъ тому назадъ мнѣ сказали, что я буду содержаться въ этой сквозной тюрьмѣ, спать на циновкѣ, сидѣть на полу и подчиняться строгимъ тюремнымъ правиламъ, у меня волосы встали бы дыбомъ, но теперь послѣ пятидневнаго заключенія въ тюрьмѣ военнаго вѣдомства съ ея постнымъ режимомъ, попавъ сюда, я считалъ себя вполнѣ счастливымъ и довольнымъ. Въ особенности было пріятно то, что насъ содержали всѣхъ вмѣстѣ и было съ кѣмъ поговорить и подѣлиться впечатлѣніями. Это въ значительной степени облегчало заключеніе и придавало намъ веселое и бодрое настроеніе духа.

XXII.

19-го августа утромъ намъ объявили, что мы будемъ переведены въ Фукуокскую тюрьму, и просили поскорѣе собрать свои вещи, а въ 12 часовъ поспѣшно подали тотъ самый ящикъ на колесахъ, въ которомъ десять дней тому назадъ привезли англійскихъ грабителей, и предложили намъ въ немъ размѣститься. Ящикъ этотъ одною продольною и двумя поперечными переборками былъ раздѣленъ на шесть отдѣленій, въ которыхъ можно было только сидѣть. Вмѣсто оконъ было сдѣлано шесть небольшихъ вырѣзовъ въ стѣнкахъ, прикрытыхъ металлическими щитами, для притока воздуха. Когда дверцы захлопнулись и, очутившись въ полной темнотѣ, мы выѣхали изъ тюремной ограды, я постучалъ въ переборку, за которой сидѣлъ казакъ, и спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Оригинальный способъ передвиженія,—отвѣтилъ онъ „какъ бы вся эта исторія не повалилась на бокъ“.

Дѣйствительно, этого только не хватало для полноты впечатлѣнія.

Впослѣдствіи мы узнали, что причиной нашего поспѣшнаго перевода въ Фукуокскую тюрьму послужило посѣщеніе французскимъ консуломъ бараковъ военно-плѣнныхъ, гдѣ офицеры ему сообщили о нашихъ мытарствахъ, а также о томъ, что двѣ недѣли тому назадъ мы были отправлены на военный судъ, о рѣшеніи котораго имъ ничего неизвѣстно. Консулъ навелъ справки и пожелалъ насъ видѣть, но ему сообщили, что мы находимся въ Кокура, а когда онъ тамъ былъ проѣздомъ, насъ поспѣшили перевести въ Фукуока. Такъ не суждено ему было насъ увидать.

Фукуокская тюрьма ничѣмъ не отличалась отъ Кокурской: тѣ же брусчатыя клѣтки, тотъ же отчаянный супъ изъ рѣдьки къ обѣду и рисовая каша къ ужину, тѣ же надменные тюремные надзиратели, одѣтые во все бѣлое, съ длинными шашками, и тѣ же желтолицые исхудалые преступники въ халатахъ кирпичнаго цвѣта. Но въ смыслѣ благоустройства здѣсь сдѣлали для насъ исключеніе: у сплошной стѣнки нашей клѣтки былъ поставленъ деревянный столикъ и три табуретки, а у противуположной лежали три матраца и три одѣяла, служившіе намъ постелью. Кромѣ того было разрѣшено имѣть книги, присланныя изъ Россіи и отъ токійскаго епископа Николая. Правда, книги по большей части старыя или вѣрнѣе сказать древнія, попадались и греческія и нѣмецкія грамматики, но среди нихъ встрѣчались и литературныя произведенія. Конечно, при такихъ обстоятельствахъ жизнь въ тюрьмѣ носила совсѣмъ другой характеръ, и время шло быстрѣе. Дѣдушка Саблуковъ, узнавъ, что мы находимся въ Фукуока, испросилъ позволеніе повидаться съ нами, и японцы разрѣшили ему насъ посѣтить.

Но, повидимому, данныя намъ привилегіи раздражали тюремныхъ надзирателей, недовольныхъ тѣмъ, что насъ содержатъ лучше чѣмъ японскихъ преступниковъ, и мало по малу они стали къ намъ привязываться и предъявлять различныя несуразныя требованія, которыя мы безповоротно отклоняли. Однимъ изъ такихъ требованій было мытье пола своей камеры. Казакъ категорически заявилъ, что мы этого дѣлать не будемъ и скорѣе пойдемъ на смерть, чѣмъ согласимся унизить званіе русскаго офицера.

Получивъ такой отпоръ, надзиратели стали себѣ позволять разныя насмѣшки и остроты по нашему адресу; сначала мы это пропускали мимо ушей, но какъ-то я не стерпѣлъ и во время прогулки прижалъ надзирателя въ уголъ и закричалъ, что если онъ еще что-нибудь себѣ позволитъ, то я его уложу на мѣстѣ.

— Еще одно слово... одна улыбка... и ты не увидишь больше свѣта,—кричалъ я ему.

Казакъ сталъ меня уговаривать успокоиться, но я его не слу-

шалъ; въ ту минуту мнѣ все на свѣтѣ было безразлично и я готовъ былъ тутъ же прикончить несчастнаго японца. Онъ, конечно, не понималъ, что я ему говорилъ по-русски, но понялъ, что дѣло не шуточное. Лицо его перекосилось и, опустивъ руки по швамъ, онъ, съежившись, неподвижно стоялъ въ углу съ болтавшеюся шашкою. Его три товарища, отойдя немного въ сторону, стояли и ждали, чѣмъ это кончится. Минуты двѣ мы стояли другъ передъ другомъ, и казалось, малѣйшее движеніе со стороны надзирателя послужило бы поводомъ къ роковой развязкѣ, но онъ стоялъ какъ вкопанный съ опущенными глазами. Наконецъ, я повернулся и полѣзъ въ маленькую дверцу моей камеры. За мной пошелъ казакъ и Шикунинъ. Заперевъ за нами дверь, надзиратель облегченно вздохнулъ и, отойдя въ сторону со своими товарищами, сталъ пересмѣиваться.

Слухъ о происшедшемъ быстро разнесся по тюрьмѣ, и около полудня къ намъ явился помощникъ начальника тюрьмы съ переводчикомъ за объясненіями.

— Передайте начальнику тюрьмы,—началъ я,—что если насмѣшки и другія подобныя выходки со стороны вашихъ служащихъ будутъ повторяться, то одного, а можетъ быть двухъ японцевъ, я тутъ же уложу и не позволю поднимать на смѣхъ русскихъ офицеровъ.

— Но это будетъ очень дурно,—отвѣтилъ черезъ переводчика помощникъ начальника тюрьмы.

— Хорошо ли, дурно ли, объ этомъ будутъ судить потомъ,—возразилъ я,—но вамъ во всякомъ случаѣ будетъ очень непріятно, когда здѣсь будетъ лежать парочка японцевъ. И передайте, пожалуйста, вашимъ надзирателямъ, чтобъ они лучше сюда вообще не подходили, такъ какъ мы при настоящемъ положеніи вещей за себя не отвѣчаемъ.

Послѣ этого помощникъ начальника тюрьмы перемѣнилъ разговоръ и спросилъ насъ, довольны ли мы той пищей, которую намъ даютъ. Мы на это отвѣтили, что обѣдъ и ужинъ насъ не удовлетворяютъ, а потому просимъ разрѣшеніе покупать на нашъ счетъ мясо, молоко, сахаръ и чай. Всѣ наши просьбы были тотчасъ же исполнены, и съ этого дня мы стали столоваться гораздо лучше.

Но мы не ограничились однимъ только разговоромъ съ помощникомъ начальника тюрьмы, а составили телеграмму на имя французскаго консула по дѣламъ о военно-плѣнныхъ, прося его пріѣхать въ Фукуокскую тюрьму для выясненія нашего положенія, и отдали ее японскимъ властямъ для отправки.

Черезъ недѣлю насъ троихъ позвали въ канцелярію, гдѣ сидѣлъ помощникъ начальника тюрьмы и какой-то поручикъ съ пере-

водчикомъ, хорошо владѣвшимъ русскимъ языкомъ. Мы сѣли къ столу. Помолчавъ немного, какъ полагается по этикету, помощникъ начальника тюрьмы сталъ говорить по-японски. Затѣмъ переводчикъ, поклонившись ему, сказалъ:

— Начальникъ тюрьмы говоритъ, что онъ желалъ бы знать причину, побудившую васъ отправить эту телеграмму французскому консулу, и онъ показалъ пальцемъ на лежавшую на столѣ нашу депешу, которая все еще не была отнесена на телеграфъ.

— Телеграмма вызвана поведеніемъ вашихъ служащихъ, которые не понимаютъ, что имѣютъ дѣло съ русскими офицерами,—отвѣтили мы,—они позволяютъ себѣ надъ ними издѣваться, предъявляютъ разныя дикія требованія, какъ напримѣръ мытье пола своей камеры и др., которыя разъ навсегда мы категорически отвергаемъ; до сихъ поръ мы все это пропускали мимо ушей, но, наконецъ наше терпѣніе лопнуло, и мы рѣшили требовать вызова консула для выясненія нашего положенія.

Опять настало молчаніе, послѣ котораго переводчикъ сказалъ:

— Здѣсь въ тюрьмѣ содержатся и японскіе офицеры, они подчиняются тюремному режиму, моютъ полы и исполняютъ все, что отъ нихъ требуютъ, почему же вы желаете быть исключеніемъ?

— Если японскіе офицеры моютъ полы, это не значитъ, что и русскіе офицеры будутъ ихъ мыть,—отвѣтилъ я.

Переводчикъ опять поговорилъ со своими начальниками и сказалъ:

— Вы теперь не офицеры, а арестанты, а потому обязаны дѣлать все, что предписывается правилами тюрьмы.

— Въ офицеры мы произведены нашимъ Императоромъ, и онъ одинъ можетъ насъ разжаловать,—возразили мы.

— Однимъ словомъ, начальникъ тюрьмы говоритъ, что васъ будутъ назначать на работы,—перебилъ насъ переводчикъ.

— Въ такомъ случаѣ мы просимъ васъ отправить телеграмму консулу и съ своей стороны предупреждаемъ начальника тюрьмы, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, что мы вашихъ работъ выполнять не будемъ,—замѣтилъ я.

Насъ отвели обратно въ клѣтку. По дорогѣ мы сообщили Фирсову и Басаргину результатъ нашихъ переговоровъ, и стали ходить взадъ и впередъ по камерѣ, какъ вдругъ къ рѣшеткѣ подошелъ помощникъ начальникъ тюрьмы съ поручикомъ и переводчикомъ, который держалъ въ рукахъ нашу телеграмму.

— Я вамъ сказалъ, что васъ можно назначать на работы,—началъ переводчикъ—а помощникъ начальника тюрьмы говоритъ, что мы не имѣемъ право этого дѣлать, что же касается до на-

смѣшекъ, то надзирателямъ не позволяется подымать на смѣхъ даже своихъ арестантовъ.

Повидимому, наша телеграмма надѣлала таки хлопотъ тюремному начальству, которое всѣми силами старалось ее задержать.

Принимая во вниманіе, что заставить японцевъ отправить депешу, сидя здѣсь въ заперти, мы не сможемъ и только ухудшимъ дѣло, мы рѣшили ее взять назадъ, но съ нѣкоторой оговоркой.

— Передайте начальнику тюрьмы,—сказалъ я,—что если онъ можетъ обѣщать намъ, что всевозможныя выходки со стороны надзирателей не повторятся больше, то мы согласны взять назадъ телеграмму, но предупреждаемъ, что при первомъ же новомъ недоразумѣніи депеша будетъ послана консулу, и тогда уже больше на мировую мы не пойдемъ.

Переводчикъ передалъ наше заявленіе и сказалъ, что начальникъ тюрьмы гарантируетъ, что никакихъ недоразумѣній больше не будетъ. Мы взяли назадъ телеграмму и положили ее на столъ, а японцы, присѣдая и шипя отъ удовольствія, просили въ случаѣ надобности обращаться прямо къ начальнику тюрьмы, который для насъ готовъ сдѣлать все отъ него зависящее.

XXIII.

Послѣ разговора съ помощникомъ начальника тюрьмы отношенія японцевъ значительно измѣнились къ лучшему. Надзиратели, изъ-за которыхъ заварилась вся каша, были тотчасъ переведены на другое мѣсто, а новые назиратели избѣгали всякихъ сношеній съ нами. Дѣло доходило даже до комичнаго. Такъ, напримѣръ, какъ только смеркалось (свѣчей намъ не давали), мы тотчасъ же начинали, какъ выражался казакъ, „стлаться", т. е. раскладывать свои тюфяки и ложились спать, хотя по правиламъ тюрьмы это разрѣшалось только въ 9 часовъ вечера.

Минутъ черезъ десять подходилъ къ рѣшеткѣ надзиратель и колеблющимся голосомъ говорилъ:

— Anatá... nérou dekimasén...—т. е. послушайте... спать нельзя.

— Nerou arimasen!—твердо отвѣчали мы, т. е, „мы и не спимъ", и тотчасъ надзиратель испарялся и больше къ намъ не подходилъ. И это повторялось буквально каждый вечеръ.

Такимъ образомъ японцы стали съ нами обращаться вѣжливо, хотя въ душѣ насъ ненавидѣли. Но среди нихъ былъ старичекъ, сердечно относившійся къ намъ и выражавшій даже свои симпатіи, которыя безусловно были искренны и не походили на столь распро-

странненную въ Японіи фальшь. Это былъ христіанинъ Ятта-санъ, котораго мы прозвали „дѣдкой“. Онъ былъ приставленъ къ намъ такъ какъ говорилъ немного по-англійски и усердно изучалъ русскій языкъ, на которомъ впрочемъ съ трудомъ связывалъ два слова. Мы всегда были рады, когда онъ къ намъ приходилъ, и охотно съ нимъ бесѣдовали. Дѣдка намъ говорилъ, что мирные переговоры, повидимому, кончатся заключеніемъ мира, что враждебныя дѣйствія сторонъ прекратились, что арміи уже разошлись и пр. и пр. И каждый разъ послѣ этихъ разговоровъ на душѣ становилось легче, мы начинали разсчитывать, что на самомъ дѣлѣ скоро кончится война, мы вернемся въ Россію и разстанемся съ этими ненавистными японцами. Но время шло, а обстановка оставалась все прежней, условія жизни не мѣнялись, и невольно являлась мысль „нѣтъ... дѣдка навралъ... должно быть мирные переговоры не привели ни къ какому положительному результату, и военныя дѣйствія продолжаются“. При слѣдующемъ свиданіи мы просили дѣдку не скрывать отъ насъ правды и откровенно сказать, не прекращены ли мирные переговоры Но онъ опять начиналъ насъ увѣрять, что перемиріе продолжается, что Комура и Витте уже разъѣхались, что въ Вашингтонѣ былъ произведенъ салютъ въ честь русскаго флота и японскаго и пр. и пр., и опять мы начинали ему вѣрить и строить планы на будущее.

— А ну, какъ насъ заставятъ просидѣть четыре года,—замѣтилъ какъ-то казакъ—вѣдь можетъ же быть, что о насъ въ Россіи забудутъ! да кто тамъ и узнаетъ про то, что мы сидимъ въ тюрьмѣ.

— Этого быть не можетъ,—отвѣчали мы—разъ что война кончилась, должны прекратиться и всѣ враждебныя дѣйствія, но мысль о справедливости словъ казака засѣла между тѣмъ у насъ въ головѣ. Дѣйствительно, намъ казалось страннымъ, что теперь, когда уже, по словамъ дѣдки, закончены мирные переговоры и уполномоченные разъѣхались, насъ все еще держатъ въ тюрьмѣ.

— Или дѣдка вретъ, или насъ рѣшили продержать до конца,—замѣтилъ казакъ—но мы будемъ скандалить и потребуемъ, чтобъ насъ выпустили.

Очевидно этотъ планъ не выдерживалъ критики: ну, какъ въ самомъ дѣлѣ скандалить?! и какъ требовать, чтобы выпустили?! все бы кончилось лишь тѣмъ, что насъ разсадили бы по отдѣльнымъ камерамъ, или чего добраго—перевели бы въ тюрьму военнаго вѣдомства, а тамъ много не поскандалишь. Поэтому мы рѣшили въ случаѣ продолженія нашего ареста въ мирное время бѣжать изъ тюрьмы. Дѣло, конечно, не легкое, но все-таки возможное. Нужно было только выломить одинъ брусъ рѣшетки; отыскавъ слегка над-

треснувшій, мы взялись за него втроемъ и дернули такъ сильно, что онъ затрещалъ и тѣмъ самымъ подтвердилъ возможность бѣгства. Теперь стоило только еще разъ дернуть и онъ вылетѣлъ бы изъ своего гнѣзда. Эту работу мы оставили на послѣ, когда явится необходимость бѣжать. Наша камера была крайняя и выходила къ тюремной стѣнѣ, обращенной къ устью судоходной рѣки. Перелѣзть черезъ нее при взаимной помощи, пользуясь одѣяломъ вмѣсто веревокъ, было вполнѣ возможно, а тамъ мы разсчитывали достать шлюпку и переплыть Цусимскій проливъ.

Тюремные надзиратели въ сосѣднихъ камерахъ ежедневно осматривали брусья клѣтокъ, ударяя по нимъ молотомъ, но насъ они не трогали, предупрежденные начальствомъ тюрьмы, чтобъ къ „русскимъ офицерамъ они не ходили“. Такимъ образомъ нашъ надломанный брусъ благополучно стоялъ незамѣченный японцами.

Въ послѣднихъ числахъ сентября произошло что - то странное: начальникъ тюрьмы сталъ насъ вдругъ приглашать въ свой кабинетъ, гдѣ намъ подавали японскій чай ввидѣ угощенія. Эти приглашенія намъ были очень непріятны, о чемъ мы заявили „дѣдкѣ“, но онъ, конечно, не рисковалъ передать это своему принципалу. Какъ-то разъ начальникъ тюрьмы, позвавъ насъ, передалъ черезъ переводчика, что онъ въ свое время служилъ въ Нагасакахъ, гдѣ часто посѣщалъ русскія военныя суда, имѣлъ друзей среди флотскихъ офицеровъ, отъ которыхъ получалъ подарки и въ свою очередь дарилъ имъ различныя японскія вещи на память.

Къ чему онъ намъ это повѣдалъ, неизвѣстно, можетъ быть онъ разсчитывалъ, что мы ему что-нибудь преподнесемъ, не знаю, во всякомъ случаѣ мы рѣшили отъ него ничего не принимать и отговориться тѣмъ, что до тѣхъ поръ, пока мы не вернемся въ Россію, мы считаемся военно-плѣнными и не имѣемъ права что-либо принимать отъ японцевъ.

3-го октября въ часъ дня къ нашей клѣткѣ опять подошелъ дѣдка и сообщилъ, что начальникъ тюрьмы насъ проситъ къ себѣ. —Онъ вамъ сообщитъ кое-что пріятное,—добавилъ старичекъ.

— Что, миръ подписанъ?—спросили мы.

— А вотъ ужъ тамъ увидите,—отвѣтилъ дѣдка.

Начальникъ тюрьмы, какъ и въ прежніе разы, привсталъ немного при нашемъ появленіи и подалъ намъ руку. Затѣмъ принесли чай, и начались шаблонные вопросы, довольны ли мы пищей, не холодно ли намъ въ тюремныхъ костюмахъ и пр. и пр.

— Я вамъ все время очень соболѣзновалъ,—говорилъ черезъ переводчика начальникъ тюрьмы—но ничего не могъ сдѣлать, чтобъ

улучшить ваше положеніе... вы осуждены военными законами, и я очевидно не могъ измѣнить приговора суда.

Затѣмъ онъ сталъ опять говорить по-японски, улыбаясь и слегка кивая головой, а переводчикъ улыбнувшись съ своей стороны сказалъ намъ:

— Россія и Японія отнынѣ сдѣлались друзьями... миръ подписанъ, и сейчасъ пріѣдутъ за вами изъ бараковъ военно-плѣнныхъ... Микадо приказалъ васъ отпустить и даруетъ вамъ свободу. Вы сейчасъ увидите своихъ товарищей.—Начальникъ тюрьмы съ нетерпѣніемъ ожидалъ, какое впечатлѣніе произведетъ на насъ это извѣстіе, но мы холодно выслушали пріятную для насъ новость. Ни единый мускулъ у насъ не дрогнулъ, хотя на душѣ стало такъ легко и пріятно при мысли, что кончился тяжелый плѣнъ, кончилось и наше злосчастное заключеніе. Видя, что мы остаемся такими же серіозными, какъ пришли, начальникъ тюрьмы спросилъ, поняли ли мы, что онъ передалъ намъ. Мы отвѣтили, что отлично поняли, въ чемъ дѣло, и просимъ его насъ отпустить въ нашу клѣтку, чтобъ собрать свои вещи.

Вернувшись къ себѣ, мы поздравили другъ друга съ заключеніемъ мира и объявили Фирсову и Басаргину, что сейчасъ насъ всѣхъ поведутъ въ бараки. Тѣ тоже порадовались отъ души и стали собираться.

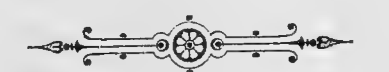
Въ этотъ день мы перехитрили японцевъ и хоть разъ намъ удалось ихъ провести. Намъ очень хотѣлось сняться въ нашихъ красныхъ арестантскихъ костюмахъ, и мы въ свое время объ этомъ просили начальника тюрьмы, но онъ не разрѣшалъ, говоря, что это не согласуется съ правилами тюрьмы. Теперь же мы рѣшились на такую продѣлку: ввиду того, что вся наша одежда очень загрязнилась, лежа въ тюремныхъ подвалахъ, мы попросили начальника тюрьмы разрѣшенія одѣть наше платье на арестантскіе костюмы, которые по приходѣ въ бараки тотчасъ сдадимъ японскимъ офицерамъ. Сначала начальникъ тюрьмы не хотѣлъ намъ этого позволить, но мы настаивали, говоря, что не одѣнемъ нашихъ грязныхъ кителей—и онъ уступилъ.

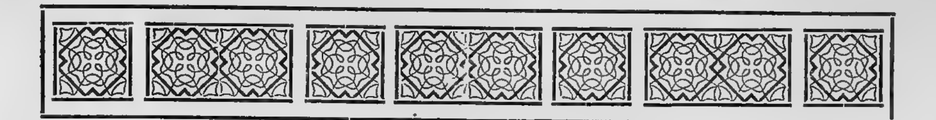
Передъ нашимъ отправленіемъ въ бараки начались длинныя рѣчи, до которыхъ японцы большіе охотники, и, наконецъ, насъ привели въ канцелярію, гдѣ уже находился полковникъ Саблуковъ, японскій капитанъ изъ бараковъ и переводчикъ. Мы бросились Ѳеодору Степановичу въ объятія, онъ крѣпко поцѣловалъ насъ, а также Фирсова и Басаргина, похвалилъ ихъ за то, что они не пожелали отстать отъ своихъ офицеровъ и поздравилъ съ заключеніемъ мира. Затѣмъ начальникъ тюрьмы сказалъ прощальную

рѣчь, и длинной вереницей поѣхали мы на рикшахъ въ бараки. Тамъ насъ радушно встрѣтили всѣ товарищи и вѣстовые, тотчасъ окружили и стали разспрашивать о житьѣ въ тюрьмѣ. Поручикъ К—овъ не замедлилъ снять съ насъ фотографіи въ арестантскихъ костюмахъ, послѣ чего они были возвращены японцамъ. Вечеромъ состоялся товарищескій обѣдъ, съ рѣчами, тостами и горячими пожеланіями. Всѣ сознавали, что насталъ конецъ тяжелому японскому плѣну, и мысленно переносились въ свои семьи, отъ которыхъ были оторваны благодаря случайностямъ войны...

Съ тѣхъ поръ прошло уже свыше года; острое впечатлѣніе трехмѣсячнаго заключенія въ японской тюрьмѣ мало по малу изгладилось, и о побѣгѣ у насъ осталось одно пріятное воспоминаніе. Казакъ съ Фирсовымъ отправился обратно въ свое Забайкалье, Басаргинъ, какъ артурецъ, уволенъ въ отставку, а Шикунинъ вернулся въ свою часть.

Лейтенантъ Толстопятовъ.

Матеріалы для біографіи А. Θ. Воейкова[1]).

II.

„Новости литературы“.

(1822—1826 г.г.).

Въ 1822—26 г.г. А. Θ. Воейковъ издавалъ „Новости литературы“.

Первый нумеръ 1822 г. открывался статьей Жуковскаго „Военный человѣкъ“, посвященной Милорадовичу. Статья сопровождалась послѣсловіемъ, гдѣ было сказано, между прочимъ, что „не дѣло воина разсуждать о причинахъ, заставляющихъ правительство вести войну; его дѣло повиноваться и исполнять свою должность самымъ лучшимъ образомъ“; служебный же досугъ военнослужащій долженъ посвящать чтенію: „вмѣстѣ съ цвѣтами словесности срываетъ онъ плоды нравственности“.

Въ № 5 за тотъ же годъ помѣщенъ стихотворный переводъ Воейкова отрывка изъ III пѣсни поэмы „Искусства и науки“; отрывокъ озаглавленъ „Военное искусство“ и упоминаетъ героевъ 1812—13 г.г.: Кутузова, Раевскаго, Витгенштейна, Остермана, Милорадовича, Коновницына. Отрывокъ сокращенно подписанъ В—ъ. Въ № 9 за полной подписью Воейкова напечатанъ отрывокъ „Страхъ и Надежда“ изъ II-й пѣсни Делилевой поэмы „Воображеніе“. Въ № 19 имѣется стихотворный отрывокъ „Величіе“ изъ II-й пѣсни Деллиля. Въ № 17 напечатанъ приказъ Петра Великаго, данный въ день Полтавской битвы. Въ № 20 помѣщенъ списокъ русскихъ писателей отъ Рюрика; здѣсь упомянуты князья XII—XIII в.в. Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ, Романъ Ростиславовичъ и Константинъ Всеволодовичъ. Въ № 18 напечатанъ тотъ отрывокъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1908 года.

изъ поэмы „Искусства и науки", который былъ читанъ Воейковымъ 5 февраля 1821 г. въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ.

Въ 1822 г. въ журналѣ не было ничего военно-литературнаго. Высоко стоялъ отдѣлъ стихотвореній; здѣсь встрѣчались имена Пушкина, Дельвига, Рылѣева, кн. Долгорукова, Плетнева.

Въ № 2 за 1823 г. имѣется стихотвореніе кн. Вяземскаго, посвященное партизану-поэту, гдѣ авторъ характеризуетъ своего героя:

„въ день брани—ты любитель брани,
въ день мира—ты любитель музы"!

Остроумно замѣчаетъ кн. Вяземскій:

„воинскимъ соблазнясь примѣромъ,
когда бъ Парнасъ давалъ кресты,
и Аполлона кавалеромъ
давно, конечно, былъ бы ты".

Въ № 4 напечатано стихотворное посланіе Плетнева къ А. Ѳ. Воейкову, въ № 6—бравурные стихи Ѳ. Глинки „Гусарская пѣсня", въ № 10—отрывокъ изъ III-й пѣсни Деллилевой поэмы „Воображеніе"; здѣсь авторъ описываетъ прелесть ужаса и спрашиваетъ:

„не замѣчалъ ли ты, какъ любитъ человѣкъ
смотрѣть на зарево, или, взойдя на брегъ,
взирать на бунтъ стихій, на кораблекрушенье,
какъ съ сладкимъ трепетомъ онъ смотритъ на сраженье"?

Къ № 13 приложенъ рисунокъ гроба Ярослава Мудраго, въ № 16 напечатано стихотворное посланіе Воейкова къ Н. И. Гнѣдичу; въ № 18 продолжался печатаніемъ списокъ періодическихъ русскихъ изданій, начатый еще въ 1822 г. Въ № 19 появляется первая въ этомъ журналѣ критическая замѣтка; она принадлежала перу кн. Вяземскаго и объектомъ своимъ имѣла краткое обозрѣніе русской литературы 1822 г. изъ № 5 „Сѣвернаго Архива". Къ № 26 приложены два рисунка памятника въ Прагѣ русскимъ воинамъ, умершимъ отъ ранъ подъ Дрезденомъ и Кульмомъ, и видъ Березоваго острова съ церковью кн. Меншикова.

Въ № 28 помѣщенъ стихотворный переводъ Воейкова отрывка изъ четвертой пѣсни Деллилевой поэмы „Искусства и науки", съ посвященіемъ А. И. Тургеневу, въ № 29—напечатанъ отрывокъ изъ записокъ русскаго офицера „Часы"; авторъ его—офицеръ Ревельскаго полка; очеркъ касается тогдашняго военнаго быта, въ № 39—имѣется разсказъ Воейкова „Зимній Вечеръ", съ посвященіемъ его В. Д. Казначеевой, урожденной княжнѣ Волконской. Въ

стихотвореніи „Пѣснь барда во время владычества татаръ въ Россіи“ изъ № 46 сравнивается положеніе барда въ это владычество съ его положеніемъ при началѣ Руси, когда бардъ громко пѣлъ пѣснь, а при татарахъ онъ

„...дрожащею рукой
поднявъ холодныя желѣза,
молчитъ, смотря на нихъ сквозь слезы
съ неисцѣлимою тоскою“.

Стихотвореніе принадлежитъ Языкову, который въ № 51 журнала въ другомъ стихотвореніи пѣлъ:

„двойной огонь—въ душѣ пѣвца младого,
когда поетъ онъ дѣву и войну;
такъ двѣ струи Дуная голубого
блестятъ живѣй, сливаяся въ одну“.

Журнальный 1824 г. открывался отрывкомъ изъ VI-й пѣсни „Искусства и науки“, гдѣ выясняется значеніе религіи въ дѣлѣ смягченія нравовъ. Въ №№ 11 и 12 Воейковъ говоритъ о Пушкинскомъ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“; въ 12 нумерѣ Воейковъ совѣтуетъ заняться эпической поэзіей на темы изъ русской исторіи; „Владиміръ Великій, Іоаннъ, покоритель Казани, Ермакъ, завоеватель Сибири—пишетъ онъ—ожидаютъ пѣснопѣвца; эпическая поэма есть такой памятникъ, который переживетъ вѣка; Аѳины и Римъ живы въ пѣсняхъ Гомера и Виргилія“. Въ № 18 напечатано привѣтствіе Воейкова Ѳ. Н. Глинкѣ и С. Е. Матвѣеву; поэтъ, по мысли Воейкова, долженъ воспламенять людей ко всему возвышенному и святому, ибо

„кого безбожіе утѣшитъ,
кому ничтожество пріятно?“

Въ № 15 Воейковъ помѣстилъ стихотворный переводъ Деллилевской поэмы „Четыре возраста человѣческихъ“. Въ дѣтствѣ:

„мигъ настоящій—все, и уголъ—цѣлый свѣтъ,
въ рукахъ гремушка—кладъ, сажень есть безконечность,
и вечеръ—будущность, и день единый—вѣчность“.

Въ юности человѣку дана въ спутницы надежда. При наступленіи зрѣлаго возраста, для человѣка

„полъ-жизни есть урокъ на остальныя лѣта,
прошедшимъ будущность умѣя измѣрять,
предвидѣть для него есть только вспоминать“.

Наконецъ старикъ

„...въ мечтахъ бывалымъ дышетъ,
зритъ дальныя страны, сраженій громы слышитъ".

Въ № 23 снова помѣщенъ отрывокъ „Краснорѣчіе" изъ того же Деллиля; здѣсь порицается обскурантизмъ властей и восхваляется стремленіе къ просвѣщенію".

Въ первое полугодіе 1824 г. вышло 24 нумера „Новостей литературы"; во второмъ полугодіи журналъ выходилъ уже по-мѣсячно. Въ іюльской книжкѣ помѣщены произведенія Воейкова: путевой его очеркъ „Путешествіе изъ Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы хановъ Золотой Орды", переводное стихотвореніе Милльвуа „Искупленіе Барда" и ода „на годичное торжество взятія Парижа"; послѣдніе стихи Воейковъ читалъ въ публичномъ собраніи Императорскаго Дерптскаго университета 19 марта 1815 г.; припѣвомъ служило четверостишіе:

„великій царь средь страшныхъ сѣчъ
народовъ ты—любовь и радость,
плѣнилъ враговъ твой грозный мечъ
и цѣлый міръ плѣнила благость"!

Въ августовской книжкѣ помѣщенъ отрывокъ изъ Деллиля „Раздѣлъ должностей въ семействѣ сельскаго жителя".

Въ ноябрьской книжкѣ напечатаны: четвертая эклога изъ Виргилія „Полліонъ", въ переводѣ Воейкова, и очеркъ „Нѣчто объ оружіи, бывшемъ въ употребленіи въ XIV, XV и XVI в.в., переработанный В. Тилло изъ Histoire de la milice française Daniel".

Въ 1823 и 1824 г.г. „Новости Литературы" издавалъ Воейковъ совмѣстно съ Козловымъ, съ 1825 г. онъ началъ издавать этотъ журналъ самостоятельно.

Въ 1825 г. Воейковъ напечаталъ собственное сочиненіе: очерки „Царицыно" (январь), „Екатеринославъ" (сентябрь), „Воспоминаніе о с. Савинскомъ и о добродѣтельномъ его хозяинѣ" (май), гдѣ Лопухину Воейковъ посвящаетъ цѣлый рядъ дифирамбовъ:

„твои занятія, цѣль жизни, счастье, радость—
спасать и миловать, покоить и любить,
врагамъ своимъ прощать, друзьямъ благотворить".

Далѣе онъ напечаталъ рядъ Виргиліевыхъ эклогъ и „рѣчь, говоренную въ торжественномъ собраніи Императорскаго Дерптскаго университета, 19 марта 1815 г., бывшемъ по случаю годовщины воспоминанія о взятіи Парижа. Эта рѣчь была сказана въприсут-

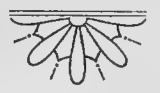
ствіи генерала-отъ-инфантеріи Кнорринга, генералъ-лейтенанта И. Ѳ. Паскевича, генералъ-маіоровъ Писарева, Кнорринга, Полуектова, Красовскаго и многочисленнаго собранія штабъ и оберъ-офицеровъ гренадерскаго корпуса. Въ рѣчи Александръ I сравнивается съ Готфридомъ, а русскіе воины—съ крестоносцами.

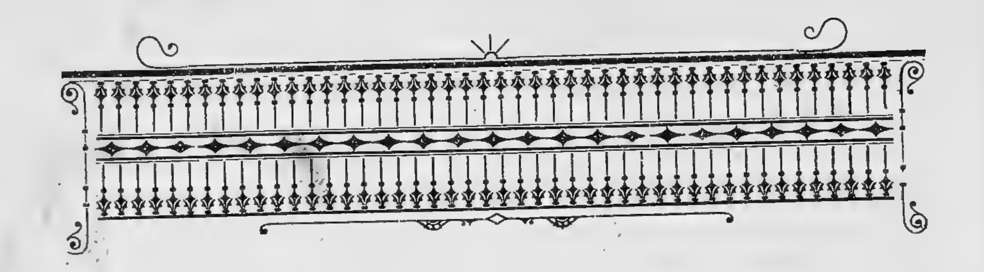
Въ 1826 г. „Новости", очевидно, приканчивались; постепенно журналъ все уменьшался въ своемъ объемѣ, книжки за вторую половину года стали выходить сводными, разъ въ два мѣсяца, и число страницъ за первое полугодіе равнялось 320, а за второе полугодіе—224. Въ этомъ году Воейковъ печаталъ продолженіе очерковъ „Екатеринославъ", очеркъ „Прогулка въ с. Кусковѣ", нѣсколько эклогъ Виргилія и стихотворное посланіе къ Жуковскому, датированное 1813 г., изъ Сарепты. Въ этомъ стихотвореніи Воейковъ писалъ:

„будь нашъ Вилаидъ, Аріостъ, Баянъ!
на Руси былъ свой Владиміръ князь,
князь Владиміръ, солнце свѣтлое,
мы имѣли славныхъ витязей,
святослава съ Ильей Муромцемъ,
со Алешею Поповичемъ,
Со Добрынею Никитичемъ...
...Выбирай, соображай, твори!..
...И тебѣ, орелъ поэзіи,
подлѣ Грея, подлѣ Шиллера
мѣсто на небѣ готовится"!

Сообщилъ М. Соколовскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воспоминанія Ѳ. А. Скалонъ [1]).

Слѣдующею весною капитанъ фонъ-деръ Вейде устроилъ спектакль. Я отличался въ какой-то дѣтской пьесѣ Беркена. Костюмы пажей были получены отъ Театральной Дирекціи изъ шедшаго въ то время балета: „Vert-Vert". Они были малиноваго бархата съ галунами и кружевными воротничками. Послѣ спектакля былъ балъ, и я удостоился чести танцовать кадриль съ супругою директора Надеждою Аѳанасьевною, рожденною Сатиной, при чемъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ надѣлъ на меня свою шляпу съ перомъ. Упоминаю объ этомъ еще и потому, что такое вниманіе всесильнаго Якова Ивановича указывало на его расположеніе ко мнѣ и отражалось въ разныхъ мелочахъ и обхожденіи начальства.

Въ 1-мъ общемъ было потруднѣе, потому что кадеты болѣе старшаго возраста этого класса переводились въ строевыя роты, а въ неранжированной ротѣ оставались болѣе способные младшаго возраста, приходилось тянуться за баллами. Учителя были тоже изъ числа лучшихъ, такъ русскій языкъ преподавалъ Прокоповичъ, другъ Гоголя, французскій—Кунъ, нѣмецкій—Альберсъ, оба наставника наблюдатели, исторію—Касторскій—ужасно строгій, географію—Бѣлоха.

Въ рекреаціонное время меня и нѣкоторыхъ товарищей бралъ къ себѣ на квартиру нашъ ротный командиръ Михаилъ Яковлевичъ фонъ-деръ Вейде. Это былъ отличнѣйшій человѣкъ, высоко образованный, онъ во всѣхъ отношеніяхъ выдѣлялся изъ среды кор-

---

[1]) См. „Русская Старина", 1907 г. октябрь.

пусныхъ офицеровъ, которая, за малыми исключеніями, была невысока въ отношеніи свѣтскаго лоска и знанія языковъ... Были хорошіе люди, но были и невозможные.

Ученіе шло хорошо. Я былъ въ первомъ десяткѣ. Любилъ исторію, географію, языки. Боялся Прокоповича и чувствовалъ отвращеніе къ грамматикѣ. Ариѳметикѣ училъ маленькій симпатичный капитанъ Краунъ.

Съ товарищами я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, въ рекреаціяхъ мы играли въ казаки-разбойники, при чемъ нѣкоторое время я былъ во главѣ одной стороны, а горецъ Чермоевъ—другой. Подъ конецъ сторона Чермоева одолѣла меня, и послѣ отчаянной обороны я былъ плѣненъ. Чермоевъ предложилъ мнѣ дружбу, и мы подружились. Онъ даже сталъ ходить къ намъ въ отпускъ.

Время текло, и я уже былъ во 2-мъ общемъ и во 2-й мушкатерской ротѣ у капитана Александра Христіановича Вилькена. Кадеты его любили за ровное и справедливое отношеніе ко всѣмъ и самостоятельное, достойное отношеніе съ начальствомъ. Въ числѣ офицеровъ были:—славный нѣмецъ художникъ Камбекъ, поляки Чижевичъ и Малиновскій, и какъ распѣвали кадеты:

„Съ нами пуля, съ нами Богъ,
„И поручикъ Рѣшетковъ“.

Чижевичъ былъ строгій, требовательный, но справедливый. Его уважали. Малиновскій былъ требовательный, капризный, лицепріятный и своевольный человѣкъ. Его не любили. Я былъ у него въ отдѣленіи и назначенъ ординарцемъ. Честь велика, но и мученья не мало. Каждый день въ комнатѣ ординарцы упражнялись въ пріемахъ ружьемъ и маршировкѣ. Обучалъ самъ штабсъ-капитанъ Малиновскій. Ко мнѣ онъ относился хорошо. Но кого не взлюбитъ—изведетъ. Онъ пользовался большимъ вліяніемъ у директора и держалъ себя очень самостоятельно. Рѣшетковъ былъ отличный человѣкъ и общій любимецъ.

Въ классахъ произошла большая перемѣна, вмѣсто Кушакевича инспекторомъ классовъ былъ назначенъ полковникъ Линденъ, высоко-образованный, обходительный, всегда ласковый, онъ значительно поднялъ преподавательскую часть и привлекъ въ корпусъ наилучшія педагогическія силы. Субботныя порки изчезли, сѣкли рѣдко и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Мой излюбленный предметъ исторію — преподавалъ Астафьевъ, замѣчательно гуманная и высоко-образованная личность. Если бы не грамматика съ Прокоповичемъ, то жилось бы не дурно. Математическія страданія начались только въ слѣдующемъ классѣ, училъ

алгебрѣ отставной морской офицеръ Михаилъ Павловичъ Епанчинъ или какъ мы его звали „радикалъ во фракѣ". Училъ хорошо. Но что это былъ за сухарь... казалось, кромѣ формулъ, задачъ и логориѳмъ для него ничего не существовало на свѣтѣ. Мы никогда отъ него не слыхали человѣческаго слова. Ходилъ онъ постоянно въ черныхъ брюкахъ и штатскомъ фракѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Я рѣдко достигалъ восьмерки, а все больше получалъ семь и шесть балловъ.

За все время пребыванія въ корпусѣ мнѣ приходилось держать переэкзаменовки только изъ алгебры, аналитики и приложенія алгебры къ геометріи... Геометрію, тригонометрію и сферическую геометрію читалъ полковникъ Германъ, и я получалъ по 9 и по 10 балловъ.

Зимой насъ сводили въ батальонъ. Полковникъ Малевичъ училъ ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ, въ которыхъ достигали виртуозности; съ апрѣля, какъ только-что просохнетъ плацъ, начинались батальонныя ученья. Кадеты любили строевыя занятія, и между корпусами происходило соревнованіе въ отчетливости и чистотѣ исполненія всего касавшагося строя. Съ мая начинались отрядныя ученья, въ іюнѣ представлялись на осмотръ Государю Императору, и Государь поздравлялъ кадетъ съ производствомъ.

Въ 1854 году былъ усиленный выпускъ. Государь Николай Павловичъ подозвалъ выпускныхъ и по обыкновенію долго говорилъ съ ними, благословляя и наставляя на службу. Простившись, Государь поѣхалъ въ направленіи Зимняго Дворца и не успѣлъ съѣхать съ поля, какъ повернулъ коня и остановился между баталіонами. Государь былъ растроганъ: „прощайте, дѣти. Господь съ вами", повторилъ нѣсколько разъ и на наши восторженные крики круто повернулъ лошадь и махнувъ рукою, галопомъ скрылся отъ нашихъ взоровъ.

Прощаніе Государя глубоко потрясло кадетъ, и это было его послѣднее обращеніе къ намъ.

Когда Государя не стало, кадеты сердечно скорбѣли и искренно горевали по немъ. Всѣ видѣли въ немъ отца. Государь любилъ кадетъ и, видя въ нихъ своихъ вѣрныхъ и преданныхъ слугъ въ арміи, высказывалъ къ нимъ чисто отеческое вниманіе и заботу. И дѣйствительно, кадеты его временъ выходили служаками. Наши главные и непосредственные воспитатели были сама кадетская среда, съ твердыми основами товарищества и любви къ Императору, который посвящалъ много времени кадетамъ, слѣдилъ за ихъ воспитаніемъ и создавалъ своимъ отеческимъ попеченіемъ беззавѣтно преданныхъ слугъ себѣ и отечеству.

Неранжированная рота лѣтомъ пользовалась каникулами. Въ первый годъ насъ собрали къ 15 августу, а во второй, не знаю по какой причинѣ, къ 1 сентября. Я уже возвращался въ корпусъ вмѣстѣ съ Николаемъ Криднеромъ, сыномъ Павла Павловича, когда въ Федоровскомъ насъ нагналъ верховой изъ Георгіевска съ извѣстіемъ, что отпускъ продолженъ до 1 сентября.

Переночевавъ, я съ восторгомъ поѣхалъ обратно, а Криднеръ, имѣя переэкзаменовки, долженъ былъ продолжать путь. Это было необыкновенное удовольствіе. Я чувствовалъ себя какъ бы окрыленнымъ. Все казалось мнѣ въ радужномъ свѣтѣ; казалось, вся природа отвѣчала моему настроенію, и дубъ у перекрестка, и кузница, и боковой фасадъ дома, все представлялось мнѣ отзывчивымъ на мой душевный восторгъ.

Подъѣхалъ. На крыльцѣ меня встрѣтилъ, добродушно улыбаясь, толстый Митрій.

— Гдѣ всѣ?

— На пильную ушли.

— А бабушка?

— Дома съ Юліей Егоровной.

Я полетѣлъ къ нимъ стрѣлой. Расцѣловалъ ручки, поблагодаривъ, что вернули, я какъ былъ побѣжалъ на пильную, сокращая путь прямиками. Надо было пройти верстъ пять. Гдѣ шагомъ, гдѣ въ припрыжку, я уже миновалъ оврагъ съ святымъ ключемъ, оставилъ въ правой рукѣ деревню, и дойдя до долины, по которой извивался ручей, обращенный въ запруду у мельницы, вошелъ въ лѣсъ, рѣшилъ идти по сторонѣ, обыкновенно избираемой при нашихъ поѣздкахъ.

Стало вечерѣть. Въ лѣсу было необыкновенно тихо и даже потемнѣло. Ужели я ихъ не встрѣчу, думалось мнѣ. А воображеніе начало уже вырисовывать въ кустахъ и вѣтвяхъ разныя рожи. Но я только прибавлялъ шагу.

Вдругъ изъ-подъ самыхъ ногъ что-то съ шумомъ кинулось въ сторону. Я невольно отскочилъ, какъ ошпаренный, сразу не сообразивши, что встревожилъ тетерева.

Какой стыдъ, подумалъ я—испугался птицы. Хорошо, что никто не видѣлъ моего испуга... Однако шагъ мой убавился, я сталъ оглядываться по сторонамъ. „Что, если я ихъ не встрѣчу! До дому-то далеко. Смеркается... лучше идти назадъ. Нечего дѣлать, надо возвращаться. Пошелъ. Выйдя изъ лѣса, взялъ ближайшее направленіе и зашагалъ по пахати. Иду смѣло, невольный страхъ въ лѣсу прошелъ, передо мною нѣжнымъ силуэтомъ вырисовывается небольшой

перелѣсокъ. Пройду черезъ него, думаю, обходить далеко. Да это, кажется, Пиловское кладбище.

Шагъ мой опять укоротился... Что же ты за воинъ, говоритъ во мнѣ внутренній голосъ, иди... какой же ты кадетъ... Ни за что не обойду кладбища. А, тебѣ страшно—такъ соберись же духомъ и иди. Мало ли, что тебѣ еще предстоитъ въ будущемъ... только спокойно... нечего бояться, если заторопишься, еще споткнешься и можешь упасть... тогда пропадешь отъ страха.

Съ такими разсужденіями я вступилъ на кладбище и со страшнымъ нравственнымъ напряженіемъ, спокойнымъ шагомъ обходилъ кресты и могилы. Оно было не велико, и я скоро вышелъ въ открытое поле... въ то же мгновеніе подъ давленіемъ безотчетнаго порыва страха, я бросился бѣжать со всѣхъ ногъ безъ оглядки, пока не вспомнилъ, что надо еще перебраться черезъ оврагъ со святымъ ключемъ... я, можетъ, его и обошелъ бы, но это было невозможно... вновь собрался съ духомъ, нечего было дѣлать, спустился внизъ, взобрался наверхъ и затѣмъ уже пошелъ, какъ закаленный въ бою воинъ, съ сознаніемъ, что побѣдоносно вышелъ изъ неожиданнаго испытанія.

Въ 1856 году нашъ кадетскій лагерь былъ еще въ Царскомъ Селѣ, на Софійскомъ плацу. Съ начала Восточной войны лагерь былъ туда переведенъ изъ Петергофа. Кадеты не любили этого лагеря. Намъ недоставало обстановки, которая была въ Петергофѣ. Императорскую фамилію мы почти совсѣмъ не видали. Государь былъ только при вступленіи и на смотру; затѣмъ вмѣсто морского купанья—прудъ и скучныя погулки по саду... словомъ, отсутствовали всѣ удовольствія, которыми пользовались кадеты въ Петергофѣ. Погода стояла сырая. На какомъ-то маневрѣ я долго лежалъ на травѣ и простудился, у меня сдѣлалось воспаленіе печени. Я очень мучился въ лазаретѣ, несмотря на превосходный уходъ и вниманіе нашего отряднаго врача доктора Григоровича изъ Инженернаго училища. Какъ только явилась возможность, меня отпустили въ отпускъ, и я уѣхалъ въ Чудлей, имѣніе г-на Вилькена, лежащее на морскомъ берегу въ Нарвской бухтѣ.

Недалеко отъ мызы, была почтовая станія тоже Чудлей, вторая отъ Нарвы. Противъ большого каменнаго, двухъ-этажнаго дома были дворовыя постройки, въ которыхъ мы помѣщались. Кромѣ бабушки съ Анной Егоровной, было все наше семейство и семейство Бергъ.

Надо замѣтить, что наше семейство очень увеличилось; два брата, Егоръ и Павелъ, сестра Эмилія съ кормилицей, и трое сиротъ троюроднаго брата отца—Петра Александровича Скалона: — Софья, Александра и Михаилъ Петровичи. Папа съ согласья матушки

призрѣлъ ихъ послѣ кончины вдовы тетушки Елизаветы Михайловны, рожденной Сабуровой.

Батюшка былъ въ полномъ смыслѣ слова патріархомъ; всѣ нуждающіеся родные находили у него совѣтъ, защиту и пріютъ. Кромѣ названныхъ сиротъ зимой ходили къ намъ въ отпускъ: Ѳедоръ, Николай, Эдуардъ и Дмитрій Криднеры, Идерисъ Чермоевъ, а со временемъ Евстафій Николаевичъ и Николай Антоновичъ Скалонъ и еще другой Эдуардъ Владиміровичъ Криднеръ, но обо всемъ этомъ скажу своевременно. За столъ садились не менѣе двадцати постоянныхъ членовъ семьи.

Имѣніе Вилькена при Императрицѣ Екатеринѣ II Великой принадлежало извѣстной авантюристкѣ герцогинѣ Кингстонъ. Кромѣ дома съ того времени остались шесть мѣдныхъ пушекъ-карронадъ и слѣды парка [1]).

Наше мужское общество помѣстилось въ деревянномъ домикѣ на самомъ берегу моря. Изъ постели мы прямо бѣжали въ волны. Какое это было удовольствіе. Я сталъ быстро поправляться. Меня

---

[1]) Герцогиня Елизавета Кингстонъ (родилась въ 1720 году) славилась умомъ и красотою. Она была дочерью полковника Чудлей и послѣ его смерти была взята ко двору матери короля Георга III. Вскорѣ ей сдѣлалъ предложеніе герцогъ Гамильтонъ и, получивъ согласіе,—уѣхалъ путешествовать по Европѣ. За это время она полюбила и тайно обвѣнчалась съ Гервейемъ, графомъ Бристоль, который, выкрадывая письма герцога Гамильтона, убѣдилъ ее, что она забыта женихомъ. Послѣ кратковременнаго сожительства Гервей долженъ былъ отплыть капитаномъ въ Вестъ-Индію. Ребенокъ отъ этого брака умеръ, и бракъ остался тайнымъ. Ея красота и обхожденіе завоевывала всѣ сердца, но она отклоняла всѣ дѣлаемыя ей многочисленныя предложенія. Въ виду ея роскошной жизни, ходили слухи, что она тайно обвѣнчана съ богатымъ лордомъ Хоовъ, и что она находится въ связи съ наслѣдникомъ престола. Пользуясь своимъ вліяніемъ, миссъ Чудлей, во время отсутсвія Гервея, уговорила священника въ Лейстатѣ выдрать изъ церковныхъ книгъ ея брачное свидѣтельство съ Гервеемъ, который, возвратившись изъ плаванья, сдѣлался графомъ Бристоль и безнадежно заболѣлъ. Тогда она заставила возстановить въ книгахъ свой бракъ съ Гервеемъ, чтобы получить вмѣстѣ съ титуломъ громадное состояніе. Когда же графъ Бристоль неожиданно поправился, она уже задумала сдѣлаться герцогиней Кингстонъ, что при согласіи графа Бристоля ей и удалось. Съ герцогомъ Кингстонъ она прожила четыре года и по завѣщанію получила въ пожизненное владѣніе его громадное состояніе. Прямые наслѣдники стали обвинять и доказывать, что она была двумужницей. Ее обвинили, но завѣщаніе было оставлено въ своей силѣ. Герцогиня удалилась изъ Англіи и попеременно жила въ Римѣ, Петербургѣ и Франціи. Ея обхожденіе по-прежнему всѣхъ очаровывало, а богатство и красота служили поводомъ ко многимъ похожденіямъ и разсказамъ. Она умерла во Франціи въ 1788 году въ купленномъ ею замкѣ St. Assise около Фонтенебло.

очень полюбилъ г-нъ Вилькенъ, и я часто, разговаривая, провожалъ его во время обходовъ, по хозяйству.

Въ числѣ его многочисленной семьи, выдѣлялась миловидностью и своеобразностью поведенія его вторая дочь „Ell'a“. Она была полна жизни и причудъ. Голубоглазая блондинка, ловкая, смѣлая Ell'a была общею любимицею. На прогулкахъ шалостямъ и хохоту ея не было конца: то она появится надъ крутизною обрыва, то перебѣжитъ по одиночному дереву, перекинутому надъ пропастью, то перескакиваетъ съ камня на камень, или вскочитъ и обѣжитъ по борту лодки. Бывало, только и слышишь, какъ, видя ея продѣлки, всѣ пугаются, и тетушки трепещутъ за ея цѣлость. Ell'ѣ все удавалось, все сходило, а страхи покрывались ея радостнымъ смѣхомъ.

Она всѣмъ своимъ существомъ напоминала мнѣ Ундину. И я, храбрый рыцарь, не устоялъ противъ ея чаръ. Но... первое чувство увлеченія было отравлено ревностью. Гдѣ только оказывалась возможность, я старался обратить на себя вниманіе Ell'ы.

Но... вниманіе это останавливалось на моемъ троюродномъ братѣ Михаилѣ. Мишка былъ очень красивъ и жилъ въ Чудлей съ начала лѣта. Умомъ Мишка не отличался, но былъ симпатиченъ и пріятенъ въ обхожденіи.

Приближался день рожденія Ell'ы. Къ намъ часто ѣздилъ нарвскій комендантъ баронъ Василій Мироновичъ Криденеръ. Онъ ухаживалъ за моею сестрою Софіею Антоновною, на которой впослѣдствіи и женился. Я просилъ его привезти пороху для пушекъ, чтобы салютовать во время тоста за здоровье Ell'ы. Просьба моя была исполнена. Мишка боялся выстрѣловъ и не рѣшался стрѣлять, я одинъ справился съ салютами и, зарядивши мои четыре карронады, по очереди перебѣгалъ съ пальникомъ отъ одной къ другой и съ гордостью окутывался въ клубы дыма... Я обругалъ Мишку трусомъ, но... Ell'a заступилась за него и нашла естественнымъ, что онъ боялся выстрѣловъ.

Забавляясь нашимъ ребячествомъ, Вилькенъ устыдилъ меня, сказалъ, что всякая ссора между дворянами должна рѣшаться оружіемъ, а не ругательствами, и предложилъ намъ драться на эспадронахъ. Разумѣется, я съ радостью согласился и думалъ хорошенько отколотить моего соперника. Но онъ отказался отъ поединка, что было признано Ell'ою тоже естественнымъ.—Если такъ, то я тебя побью, Мишка—выпалилъ я и бросился на него. Но меня остановилъ Вилькенъ словами:—Если онъ не хочетъ принять поединка и говоритъ, что не умѣетъ владѣть эспадрономъ, то хочешь рѣшить дѣло со мною. Я выйду за него“.—„Конечно, деритесь съ папа“—

подхватила жестокая Ell'a, и я, сознавая, что буду побитъ,—согласился.

Разумѣется, Вилькенъ меня щадилъ, но все-таки угостилъ молодого пѣтушка нѣсколькими чувствительными ударами.

Мишка торжествовалъ.

У меня горло сдавливало и готовы были брызнуть слезы изъ глазъ, но я ихъ удержалъ. А Вилькенъ добродушно улыбался и похваливалъ меня:—Хорошо, молодецъ, а Мишѣ стыдно, нечего трусить, и стрѣлять боялся и удара испугался, а вотъ онъ не побоялся встать противъ меня и подвергнуться ударамъ.

Но Ell'a, видимо, больше жалѣла Мишу.

Я не могъ разобраться въ своихъ чувствахъ. Душевное равновѣсіе было нарушено, я задумывался, уединялся въ лѣсъ или сидѣлъ на берегу, прислушиваясь къ прибою, вечеромъ глядѣлъ на звѣзды. Что-то болѣзненно меня щемило. Передъ всѣми, стараясь скрыть волновавшія меня чувства, я былъ рѣзокъ и неестественъ.

Наступилъ августъ. Я избѣгалъ Ell'ы и больше проводилъ время въ обществѣ ея отца, который любилъ со мною разговаривать и меня поучать. Онъ былъ очень уменъ, и я съ удовольствіемъ слушалъ его объясненія на мои многочисленные вопросы.

Между тѣмъ въ домикѣ на берегу стало по ночамъ свѣжо, и Вилькенъ помѣстилъ меня въ своемъ кабинетѣ. Нижній этажъ дома, въ которомъ помѣщался кабинетъ, былъ подъ сводами и раздѣленъ пополамъ длиннымъ корридоромъ съ большимъ числомъ дверей въ комнаты, въ которыхъ помѣщались службы, кухня, и кладовыя... Около кабинета не было жилыхъ помѣщеній.

Въ одинъ изъ вечеровъ на дворѣ играла зарница, и надвигалась непогода. Мы собрались къ чаю у Вилькена. За столомъ начали разсказывать страшныя исторіи о привидѣніяхъ, показывающихся въ старыхъ домахъ, на церковныхъ погостахъ, на перекресткахъ и т. п. Этими легендами полны нѣмецкія усадьбы и чего, чего тутъ нѣтъ: сѣрый человѣчекъ (das graue Mänchen), бѣлая дама (die Weisse Frau), ноги въ туфляхъ безъ туловища, катящаяся голова и пр. и пр. и пр.

Вспоминалъ и я нѣсколько разсказовъ и, желая прихвастнуть молодечествомъ, разсказалъ о Өедоровскомъ привидѣніи-Петрушкѣ, которое на утро получило березовое угощеніе.—Вилькенъ подмѣтилъ мою выходку и черезъ нѣкоторое время разсказалъ, что и въ его домѣ бываетъ нечисто (spukt).

Въ давнее время—говорилъ онъ—имѣніе принадлежало графу В..., человѣку суровому и жестокому. Онъ мучилъ и истязалъ своихъ слугъ и былъ ими задушенъ. Съ той поры духъ его не знаетъ

покоя, и бываетъ слышно, какъ его преслѣдуютъ и гоняютъ по дому замученные имъ люди. Мнѣ не довелось его видѣть, а мой отецъ разсказывалъ, что въ одну бурную ночь онъ видѣлъ, какъ страшные образы искалѣченныхъ людей преслѣдовали и въ вихряхъ гонялись вокругъ дома за сгорбленнымъ и задыхающимся привидѣніемъ въ халатѣ и туфляхъ, пока оно не скрылось въ домѣ. Чудлей при Императрицѣ Екатеринѣ принадлежало герцогинѣ Кингстонъ, и ходитъ слухъ, что у насъ въ залѣ иногда бываетъ слышенъ шумъ, переходящій въ ссору и драку между пирующими поклонниками герцогини и ея двумя мужьями. Старые люди, которымъ довелось это слышать, увѣряли, что на другой день видны были въ залѣ слѣды оставшейся съ париковъ пудры.

Все наше общество было очень напугано этими разсказами, и нѣкоторые просили ихъ прекратить, такъ какъ становилось поздно.

— Дѣйствительно, стало поздно—подтвердилъ папа Вилькенъ—пора спать. Возьми, обратился онъ ко мнѣ,—подавая съ усмѣшкой—свѣчку,—только не забудь ее потушить и спокойной ночи.

— Митя, тебѣ не страшно одному спать внизу,—сказала кузина Софи.—Какъ темно на дворѣ, ты взялъ бы кого-нибудь изъ людей.

— Нѣтъ, Софи, я не боюсь—отвѣтилъ я. А у самого сердце сжалось. Войдя въ комнату и поставивъ свѣчку подлѣ постели, я собрался съ духомъ и сталъ спокойно разглядывать всѣ предметы. Вотъ это мое полотенце, вотъ плащъ папа Вилькена, это шкапъ, здѣсь ружья, тутъ щетка, тамъ рога. Хорошо, думаю, на этихъ предметахъ фантазія не разыграется. Подожди, надо посмотрѣть, нѣтъ ли чего подъ диваномъ и постелью. Осмотрѣлъ, раздѣлся и легъ.—Ну, приходится тушить свѣчку. Недаромъ намекнулъ папа Вилькенъ. Утромъ посмотритъ, сколько сгорѣло. Перекрестился и потушилъ.

Лежу и не могу заснуть. По стекламъ зашумѣли крупныя капли дождя. Фу, какъ вѣтеръ завываетъ въ трубѣ. —Непріятно...—Вся комната освѣтилась молніею, и раздался громовой ударъ, такъ что окна затрещали. Дождь залилъ дробью и захлесталъ по стекламъ.

Жутко стало. Удары стали повторяться все чаще и чаще... Завываніе въ трубѣ нагоняло на меня непреодолимый страхъ и тоску... Я завернулся съ головою подъ одѣяло. Ноги показались мнѣ слишкомъ длинными. Какъ бы кто не взялъ за ногу. Свернулся калачикомъ.—Вотъ, думаю, погода, чего добраго, духи погонятъ своего мучителя графа... Уфъ, похолодѣло въ спинѣ... А порывы вѣтра и непогода такъ разыгрались, что у меня начала постукивать челюсть. —Что это...—какъ будто зазвенѣло подъ постелью.—Должно быть, чудится... Нѣтъ, еще разъ и сильнѣе... опять... У меня выступилъ

холодный потъ... На дворѣ чистый адъ. Клиръ, Клиръ, Клиръ, все громче и громче разносилось по комнатѣ. Я невольно присѣлъ, думая, что мнѣ чудится. Но необъяснимое бряцаніе повторялось все чаще, яснѣе, громче и ближе. У меня отъ страха сердце заходило ходуномъ. Въ ушахъ зашумѣло. Казалось, вся комната завертѣлась вокругъ меня.—Вдругъ при сильнѣйшемъ порывѣ вѣтра, что-то страшно забряцало, зазвенѣло и съ искрами покатилось по полу.

Охваченный ужасомъ, я неистово заоралъ и выскочилъ изъ постели. Нога моя задѣла уголекъ, сильная, физическая боль привела въ себя.—Я скорѣе зажегъ свѣчку. На полу валялась грѣлка, изъ которой разсыпались угольки. Мою печь вечеромъ топили, и дѣвушка, не закрывши трубы, поставила въ нее мѣдную грѣлку. Угли раздуло, а грѣлка понемногу соскользнула на полъ.

Убравши всю нечисть, я радовался, что мой крикъ не могъ быть услышанъ. Страхъ совершенно прошелъ, и я, успокоенный, такъ крѣпко заснулъ, что даже не слышалъ, какъ на утро вошелъ папа Вилькенъ.

Проснувшись, я разсказалъ мои похожденія и подтвердилъ ихъ легкимъ обжогомъ ноги и почти цѣльною свѣчкою. Онъ остался мною доволенъ, очень смѣялся и сказалъ, что нарочно выдумалъ свой разсказъ, чтобы попугать меня за хвастовство. Меня всѣ похвалили и называли молодцомъ.

Я сидѣлъ у сестеръ. Въ комнату вбѣжала Ell'а и заставила меня еще разъ разсказать ночное похожденіе.—А знаете—обратилась она къ сестрамъ—гдѣ ночевалъ Миша...—на диванѣ у мадамъ Ваніонъ.

Всѣ засмѣялись. Услышавъ слова Ell'ы, я почувствовалъ такой подъемъ духа, что, казалось, готовъ былъ переночевать, хотя бы съ покойникомъ въ часовнѣ, на погостѣ.

Съ того вечера Ell'а стала со мною любезнѣе, но это продолжалось не долго. Ее повезли въ пансіонъ, а мы отправились въ наши заведенія.

Папа Вилькенъ потомъ былъ директоромъ Калинкинскаго пивовареннаго завода, Ell'а вышла замужъ и у нея куча дѣтей. Я ее больше не видѣлъ. Сестра Софи видалась съ ней и говорила, что изъ Ell'ы вышла ужасно боязливая мать.

Между тѣмъ время шло, и я уже былъ унтеръ-офицеромъ въ I-мъ спеціальномъ классѣ. Изъ товарищей и друзей Чермоевъ уѣхалъ на Кавказъ для свиданія съ родными. За нимъ пріѣзжалъ его дядя, извѣстный кавказецъ, полковникъ Арцу-Чермоевъ.

*

Идерисъ пробылъ годъ въ отпуску и остался въ классѣ. Георгій Бобриковъ, Павелъ Стрѣлковскій, Өедоръ Миллеръ 2-й, Яковъ Ушаковъ, Воробьевъ, Калугинъ, Аршеневскій, Водаръ дружно переходили изъ класса въ классъ. Большинство было очень способно и отлично училось. Только Стрѣлковскій держался въ сторонѣ; у него былъ тяжелый характеръ, онъ легко раздражался и блѣднѣлъ отъ злости.

Всѣ остальные дружно жили между собою.

Я больше всѣхъ любилъ Өедора Криднера; онъ былъ ниже меня классомъ, но съ нимъ я проводилъ всѣ праздники и каникулы въ деревнѣ. Это былъ честнѣйшій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ и неизмѣнно вѣрный товарищъ и другъ.

Съ производствомъ въ унтеръ-офицеры меня назначили во 2-ю роту къ Карлу Николаевичу Малиновскому. Это совпало съ 125-ти лѣтнимъ юбилеемъ корпуса.

Высшее начальство рѣшило въ числѣ празднествъ устроить большой балъ въ общей сборной залѣ и спектакль, такъ какъ основаніе русскому театру было положено въ корпусѣ, и наши первые драматическіе писатели Сумароковъ и Озеровъ были кадетами 1-го корпуса. Традиціи эти почитались, и портреты обоихъ украшали стѣны классной галлереи.

Достойнѣйшій Михаилъ Яковлевичъ фонъ-деръ-Вейде взялъ на себя устройство драматической части, а Малиновскій танцы. Репетиціи и приготовленіе къ спектаклю заняли у насъ много времени. Для французской пьесы былъ приглашенъ нашъ знаменитый комикъ Lemenil, для русской—В. В. Самойловъ, для нѣмецкой—режиссеръ Императорскаго театра. Танцы ставилъ нашъ учитель Эбергардъ, а завѣдывалъ и режиссировалъ Малиновскій. Танцовали—русскій, испанскій танецъ, мазурку, краковякъ, гавотъ. Танцовали превосходно, участвовало до ста кадетъ. Въ корпусѣ вообще всѣ физическія упражненія процвѣтали. Малиновскій добивался въ танцахъ такой же отчетливости въ исполненіи, какъ въ строевыхъ занятіяхъ отъ ординарцевъ. Особенно отличался въ испанскомъ танцѣ Покатиловъ. Всѣ рекреаціи и время послѣ ужина проходили въ репетиціяхъ. Мы очень веселились.

Въ началѣ долженъ былъ идти прологъ, написанный старымъ кадетомъ Өедоромъ Глинкою. Появлялись кадеты старыхъ временъ, соотвѣтственно царствованіямъ, и читали стихи, въ то время, какъ на сценѣ, изображавшей нашъ садъ, открывались ниши съ украшенными зеленью бюстами нашихъ царственныхъ шефовъ. Первый кадетъ, временъ Императрицы Анны, выходя, начиналъ словами:

„Вотъ мѣсто, гдѣ провелъ я молодость свою.
Оно хоть тоже и не то.
Теперь ужъ многаго я въ немъ не узнаю".
. . . .

Каждый кадетъ вспоминалъ свое время и излагалъ главныя событія своего времени и дѣятелей, подготовленныхъ корпусомъ. Это былъ краткій историческій обзоръ за періодъ восьми царствованій.

Lemenil поставилъ намъ водевиль „La soeur de Jocrisse", въ которомъ онъ самъ дебютировалъ. Мнѣ была дана роль „Jocriss'a"— Корвинъ-Круковскій игралъ роль моей сестры; де-Роберти—хозяина, Гангардтъ—дамы.

Въ русской пьесѣ отличался Лебедевъ и Аврамовъ, который такъ увлекся театромъ, что потомъ бросилъ службу и игралъ подъ именемъ Аграмова.

Юбилей праздновали молебномъ и парадомъ. Затѣмъ былъ обѣдъ и вечеромъ театръ.

Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, какъ бывшій кадетъ 1-го корпуса, удостоилъ своимъ присутствіемъ, съ Императрицею и всею Царскою фамиліею, нашъ спектакль.

Театръ былъ построенъ въ вышеупомянутой Аннинской залѣ. Всѣ костюмы были даны изъ Императорскихъ театровъ. Сцена была большая, а партеръ вмѣщалъ до пятисотъ человѣкъ.

Послѣ пролога шелъ нашъ водевиль. Jocrisse придурковатъ и дѣлаетъ одну неловкость за другой, а въ концѣ достигаетъ того, что хозяинъ расходится съ невѣстой и женится на его сестрѣ. Водевиль очень живой и полонъ дѣйствія. Lemenil отлично насъ срепетовалъ, и я имѣлъ выдающійся успѣхъ. Государь, а за нимъ и вся зала, очень смѣялся моимъ дурачествамъ и много апплодировалъ. Поднявшись на сцену, Его Величество подозвалъ меня и похвалилъ.

— Ты отлично игралъ. Кто это васъ училъ?

— Радъ стараться, Ваше Императорское Величество,—отвѣчалъ я.—Насъ училъ Mesieur Lemenil.

Государь подозвалъ его и сталъ милостиво разговаривать, въ отвѣтахъ Государю Lemenil назвалъ меня: „C'est mon petit bijoux".

Поблагодаривши кадетъ и уходя со сцены, Его Величество увидѣлъ уже одѣтаго Лебедева въ длинномъ парикѣ.

— Это что такое?

— Для русской пьесы, Ваше Величество,—отвѣтилъ Лебедевъ,— прикажите сыграть. Насъ поставили послѣ танцевъ, чтобы не затя-

гивать спектакля. Государь засмѣялся и выразилъ желаніе посмотрѣть пьесу до танцевъ.

Все прошло съ большимъ успѣхомъ.

По окончаніи спектакля Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, а за нимъ и все начальство обласкали меня, а на другой день утромъ я получилъ отъ него золотые часы при слѣдующемъ письмѣ:

„Голубчикъ Скалонъ; храни отъ меня эту бездѣлицу на память того удовольствія, которое ты вчера доставилъ своею милою и умною игрою, она мнѣ показала, что ты и съ хорошими способностями и съ добрымъ веселымъ сердцемъ; молю Бога, чтобы качества эти прявлялись у тебя вездѣ, во всю твою жизнь.

Обнимаю тебя

I. Ростовцовъ.

16 февраля
1857 года.

Въ слѣдующемъ году, я опять игралъ подъ руководствомъ Lemenil же „L'Omelette fantastique" тоже съ успѣхомъ.

Къ Крещенію мы подготовлялись къ параду въ Зимнемъ Дворцѣ. Передъ праздниками свободныя роты всѣхъ корпусовъ сводились въ сборномъ залѣ, продѣлывали всѣ ружейные пріемы и церемоніальный маршъ. Въ Крещеніе, послѣ выхода къ Іордани, насъ водили въ Эрмитажъ пить чай съ розанчикомъ, затѣмъ мы стояли развернутымъ фронтомъ въ Николаевскомъ залѣ.

Государь Императоръ обходилъ фронтъ и производилъ смотръ ружейныхъ пріемовъ и церемоніальнаго марша. Разумѣется, быть выбраннымъ въ Крещенскую роту считалось за честь, и сводный батальонъ учился на чистоту.

Послѣдній Крещенскій парадъ мнѣ довелось быть правофланговымъ унтеръ-офицеромъ.

Лѣтомъ мы пошли въ Петергофскій лагерь. Желѣзная дорога была только-что построена до Новаго Петергофа, но еще не открыта для движенія. Насъ провезли на платформахъ, и мы вступили въ лагерь въ присутствіи Ихъ Величествъ, имѣя въ своихъ рядахъ Цесаревича Николая Александровича и великаго князя Александра Александровича. Я имѣлъ счастіе стоять вмѣстѣ съ ними во 2-й мушкетерской ротѣ. Цесаревичъ былъ очень красивъ и обходителенъ.

На одномъ маневрѣ подъ Бабьими-гонами, мы были разсыпаны въ цѣпи, и противъ насъ дѣйствовалъ 2-й кадетскій корпусъ. Поданъ былъ сигналъ наступленіе, мѣстность была въ кустахъ, кадеты стали громко разговаривать, я подбѣжалъ къ флангу цѣпи, гдѣ расшумѣлись, и прикрикнулъ на кадетъ, чтобы возстановить тишину.

— Что за разговоры, не извольте разговаривать.

А одинъ изъ кадетиковъ оборачивается, улыбается и говоритъ:

— Виноватъ, г-нъ унтеръ-офицеръ.

Это былъ Цесаревичъ.

Государыня Императрица всегда сопровождала великихъ князей и ѣздила около нашего батальона въ коляскѣ. На слѣдующій годъ Цесаревичъ стоялъ въ знаменныхъ рядахъ уже унтеръ-офицеромъ, и я имѣлъ счастіе стоять за нимъ во второй шеренгѣ.

Съ перехомъ во второй спеціальный классъ, я былъ переведенъ въ 1-ую роту. Въ прежнее время рота эта пользовалась дурной репутаціей. Въ нее назначались по преимуществу кадеты взрослые по возрасту, но не успѣвавшіе въ наукахъ. Тамъ еще сохранился типъ стараго кадета—закала временъ Клингера, распаривавшаго себѣ ноги колесомъ, говорившаго басомъ, курившаго въ душникъ, ненавидѣвшаго всякое подобіе начальства, достигавшаго 4 общій классъ съ выпускомъ въ гарнизонъ.

Между старыми кадетами встрѣчались очень хорошіе и даже способные молодые люди, при счастіи, нѣкоторые изъ нихъ, выпущенные въ гарнизонъ, со временемъ переходили въ армію и затѣмъ служили даже въ гвардіи.

Когда я поступилъ въ корпусъ, то первая рота еще имѣла этотъ типъ, но директоръ нѣсколькими усиленными выпусками въ гарнизонъ и линейные батальоны достигъ того, что очень ихъ сократилъ.

Вообще Орестъ Семеновичъ былъ не изъ мягкихъ. Въ бытность мою въ 1-й ротѣ, я командовалъ 3-мъ отдѣленіемъ, въ которомъ сосредоточивались отчаянные школяры и лѣнтяи. Изъ послѣднихъ пальма первенства принадлежала хохлу Черницкому. Чего только съ нимъ не дѣлали. Онъ прошелъ всю лѣстницу наказаній, ничего его не пробирало.

Лично мнѣ онъ былъ симпатиченъ, и я не исполнялъ налагаемыхъ на него взысканій, заключавшихся въ лишеніи пищи. Несчастный мальчикъ постоянно долженъ былъ голодать, потому что всегда былъ наказанъ безъ булки, безъ пирога, на одномъ супѣ и т. п.

Шервашидзе—армянинъ съ широкимъ какъ блинъ лицомъ, когда подвергался наказанію, начиналъ мычать. Мычаніе это со слезами продолжалось безостановочно нѣсколько часовъ. Обыкновенно его запирали въ аммуничникъ, и онъ не переставалъ мычать, пока не выпустятъ.

Шершневъ—необыкновенно вялый и мѣшковатый кадетъ, но добрый малый, потомъ выровнялся и служилъ въ Гатчинскихъ ки-

расирахъ Ея Величества, за него мнѣ доставалось на ученьяхъ, а разъ выйдя изъ терпѣнья, я подтолкнулъ его прикладомъ, что было замѣчено капитаномъ Чижевичемъ, и былъ отправленъ послѣ ученья подъ арестъ.

Рѣзвый,—самый отчаянный школяръ и дерзкій на отвѣты, но весьма симпатичный, живой характеръ съ хорошими способностями. Всѣ продѣлки съ дежурными офицерами и нелюбимыми учителями исходили изъ его головы: хлопушки, порохъ, ламповое масло, жвачки, мѣлъ, мокрыя губки и т. п. кадетскій арсеналъ находили въ немъ геніальнаго изобрѣтателя. Въ особенности отъ него доставалось штабсъ-капитанамъ Шулепову и Бракеръ. Но концы такъ ловко имъ прятались, что можно было подозрѣвать Рѣзваго, но онъ не попадался.

Воробьевъ—несчастный мальчикъ съ пляской Св. Витта во всемъ тѣлѣ, но побѣдоносный игрокъ въ шахматы.

Богдановичъ—изъ Симферопольской гимназіи—былъ привезенъ въ мундирѣ съ фалдами, которыя были скоро оторваны кадетами и послужили предметомъ нескончаемыхъ издѣвательствъ и насмѣшекъ.

Мамонтовъ—черноглазый красивый кадетикъ, но находившійся въ постоянныхъ неладахъ съ начальствомъ и учителями. Однажды вечеромъ Мамонтовъ еще съ однимъ кадетикомъ, имя котораго забылъ, забрались курить на чердакъ надъ класснымъ флигелемъ. Кто-то изъ классныхъ сторожей доложилъ дежурному офицеру, что кадеты пошли на чердакъ. Началось преслѣдованіе. Другой кадетъ былъ уже подъ угрозой исключенія изъ корпуса. Мамонтовъ предложилъ ему спуститься по водосточной трубѣ, но тотъ не рѣшался и пришелъ въ отчаяніе.—Садись на спину и держись за меня,—предложилъ ему тогда Мамонтовъ, и такимъ образомъ оба избѣгли поисковъ, и незамѣченные вернулись въ классы.

Князь Оболенскій—рослый, немного полный, но очень красивый мальчикъ. Легко плакалъ, но также легко дерзилъ. Одинъ изъ помощниковъ инспектора классовъ л.-гв. Павловскаго полка штабсъ-капитанъ Ивашкевичъ, шведъ, несмотря на свою польскую фамилію, былъ громаднаго роста съ удлиненной головой и острымъ выдающимся носомъ. Человѣкъ недурной, но туповатый, придирчивый и плохо владѣвшій произношеніемъ русскаго языка. На полугодовыхъ экзаменахъ онъ присутствовалъ при отвѣтѣ Оболенскаго, который, разсказывая о царствованіи Генриха VIII, перечислялъ его женъ. Оболенскій, вѣроятно, не всѣхъ назвалъ, потому что Ивашкевичъ присталъ къ нему съ вопросомъ: „А еще кто“.

— Екатерина Арагонская,—пересчитывалъ Оболенскій, — Анна Болейнъ, Іоанна Сеймуръ, Анна Клевская.

— Еще,—приставалъ Ивашкевичъ.—Оболенскій мялся и уже терялъ терпѣніе.

— Еще,—спрашивалъ Ивашкевичъ.—Оболенскій молчалъ.—Еще кто?—продолжалъ онъ настаивать.

Вдругъ память неожиданно озарила Оболенскаго.—Екатерина Говардъ,—произнесъ онъ съ радостнымъ возгласомъ.

— А еще кто?—невозмутимо вопрошалъ упрямый шведъ.—Оболенскій вспыхнулъ, потерялъ терпѣніе и съ озлобленіемъ крикнулъ: „Софія Блюмъ". Кадеты не выдержали такой неожиданности, и невольный взрывъ хохота увлекъ за собой и экзаменаторовъ. Ивашкевичъ покраснѣлъ и принялъ это за обиду. Наканунѣ вечеромъ было объявлено въ приказѣ по корпусу разрѣшеніе ему вступить въ первый законный бракъ съ дѣвицею Софіею Блюмъ.

При моемъ поступленіи въ корпусъ, 1-й ротой командовалъ л.-гв. Волынскаго полка капитанъ Прутченко—любимый кадетами за порядочность и самостоятельность; послѣ него принялъ роту л.-гв. Павловскаго полка штабсъ-капитанъ Алексѣй Ѳедоровичъ Фроловъ. Въ его командованіе мнѣ пришлось присутствовать при отвратительномъ зрѣлищѣ, устроенномъ директоромъ Орестомъ Семеновичемъ и нашимъ ротнымъ командиромъ. Въ числѣ товарищей былъ одинъ изъ братьевъ Плецъ. Небольшой, коренастый, съ чистымъ, скорѣе красивымъ лицомъ и добрыми глазами, онъ былъ чрезвычайно упрямый и неподатливый въ обращеніи съ начальствомъ. Плецъ былъ выпускной. Не помню по какой причинѣ ротный командиръ выбранилъ Плеца. У Фролова была чрезвычайно непріятная манера обращенія съ кадетами, усвоившая ему кличку—„собачка". Плецъ заупрямился и не исполнилъ повторенныхъ требованій Фролова. Не помню дальнѣйшаго хода исторіи. Плецъ сидѣлъ подъ арестомъ. Мы собирались на ученье, построились, а насъ не ведутъ. Отворяется дверь, и является торжественное шествіе: директора, баталіоннаго, штабъ-офицера, адъютанта, милѣйшаго и симпатичнѣйшаго капитана Геракова, въ сопровожденіи отряда музыкантовъ, въ числѣ обязанностей которыхъ входили экзекуціи. Сторожа принесли скамейку и розги. Привели Плеца и послѣ нѣсколькихъ словъ Ореста Семеновича Плеца жестоко выдрали. Онъ ни слова не произнесъ и, молча, весь красный, удалился. Мы были глубоко возмущены и потрясены такой расправой съ взрослымъ, выпускнымъ кадетомъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его производства въ офицеры.

Само собою, подобныя дѣйствія становились непреодолимою пре-

градою въ сердечныхъ отношеніяхъ между кадетами и такими начальниками. Лихонина кадеты не любили—за безсердечность. Онъ безъ всякаго сожалѣнія, или участія исключалъ изъ корпуса тѣмъ или другимъ путемъ кадетъ лѣнивыхъ, строптивыхъ и характерныхъ. Всѣ это знали, исправительныя мѣры были разныя наказанія и затѣмъ удаленіе изъ заведенія. Въ нужды кадетъ онъ не входилъ. Зато все наружное было въ отличномъ порядкѣ, а воспитательная среда были сами кадеты и рѣдкіе изъ офицеровъ, какъ: фон-деръ-Вейде, Чижевичъ, Вилькенъ своею порядочностью, Талквистъ—добродушіемъ, Прутченко благородствомъ, Гераковъ, Камбекъ, Гладгеймъ, Рѣшетковъ, послѣдніе пять изъ числа дежурныхъ офицеровъ, да еще маленькій Козловъ и Бернатовичъ, о которомъ говорилось въ кадетскихъ стихахъ:

„Генрихъ Фомичъ Бернатовичъ
Самый лучшій офицеръ“.

Карабановъ, писавшій интересныя статьи въ журналѣ В.-Учебныхъ заведеній.

Семенъ Ивановичъ Усовскій,—небольшой, рябой съ клоками щетинистыхъ усовъ, отлично чертилъ и составилъ географическій атласъ. Онъ былъ необыкновенно грязенъ. Кадеты спрашивали его: —Семенъ Ивановичъ, отчего вы не моетесь. —Чище воды не будешь, бѣлѣе снѣга не будешь—такъ чего же мыться—добродушно отвѣчалъ Усовскій.

Были можетъ быть и еще, но я ихъ не сохранилъ въ памяти.

Нѣкоторые офицеры доводили кадетъ до изступленія, такъ, напримѣръ, когда я былъ въ 3-й ротѣ у Талквиста, въ I-й ротѣ былъ фельдфебелемъ Міончинскій, видный и способный полякъ, любимецъ Ореста Семеновича или Надежды Аѳанасьевны, какъ говорили злые языки.—Не помню чѣмъ, но дежурный офицеръ Нестеровъ—такъ его извелъ, что, забывъ свою будущность и выпускъ черезъ три-четыре мѣсяца, онъ бросился на него, желая ударить. Нестеровъ побѣжалъ, и травля пошла по нѣсколькимъ корридорамъ, пока Міончинскій не настигъ Нестерова и не нанесъ ему удара. Міончинскій былъ запертъ въ „Jeux de pomme“, старое недостроенное зданіе временъ Императрицы Анны, въ которомъ первоначально предполагалось размѣстить корпусъ, но которое, не знаю по какой причинѣ, было оставлено и обращено для игры въ мячъ еще въ прошломъ XVIII столѣтіи, а въ наше время „Jeux de pomme“ служило мѣстомъ заключенія до разжалованья въ солдаты для выдающихся преступниковъ всѣхъ корпусовъ.

При мнѣ было, можетъ быть, два-три случая изъ нашего кор-

пуса, а нѣсколько лѣтъ до моего поступленія, въ I-й же ротѣ табуретами закидали дежурнаго офицера и чуть не убили. Дѣло это было разобрано и рѣшено самимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, при чемъ многіе изъ кадетъ были отправлены на Кавказъ солдатами. Въ это время „Jeux de pomme“ былъ населенъ.

Въ корпусѣ между кадетами жили традиціи временъ Ангальта, которое было, какъ бы, золотымъ вѣкомъ корпуса, отразившимся и жившимъ на нравственныхъ принципахъ товарищескаго самовоспитанія, и это не смотря на грубое и жестокое время, пережитое кадетами при Императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I, времени прусской муштры и шпицрутеновъ, которыми хотя и не угощали кадетъ, но отъ нихъ, судя по унаслѣдованнымъ пріемамъ экзекуцій,—образчикъ которыхъ мы видѣли на субботнихъ поркахъ и на бѣдномъ Плецѣ—жестоко доставалось кадетамъ. Во 2-мъ корпусѣ Сухозанетъ засѣкъ кадетика до смерти.

Я держался очень далеко отъ нашихъ дежурныхъ офицеровъ и оттого не имѣлъ столкновеній—за исключеніемъ Бракера, который искалъ случая, говоря на кадетскомъ жаргонѣ,—придраться.

Дмитрій Скалонъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ военнаго быта.

Въ концѣ 70-хъ годовъ, въ одномъ изъ городовъ сѣверо-западнаго края, командовалъ N—скою пѣхотною дивизіею генералъ О., большой руки чудакъ и оригиналъ.

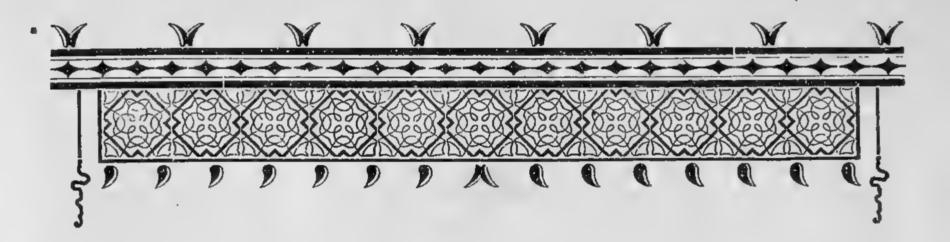
Встрѣчая, напримѣръ, на улицѣ молодого офицера своей дивизіи, онъ, подозвавъ его, нерѣдко спрашивалъ, гдѣ тотъ окончилъ курсъ и, получивъ отвѣтъ, тотчасъ забрасывалъ офицера рядомъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: „а чему равняется площадь круга?“, „чему равняется синусъ прямого угла?“, „гдѣ протекаетъ рѣка Гвадалквивиръ?“, „когда и гдѣ царствовалъ Пепинъ Короткій?“ и такъ далѣе, въ этомъ родѣ. Разсказывали, что подобные вопросы генералъ задавалъ офицерамъ даже на инспекторскомъ смотру, когда они находились въ строю.

Любимымъ времяпрепровожденіемъ генерала О. была также комнатная гимнастика, устроенная въ его квартирѣ. Является какъ-то къ нему въ парадной формѣ полковникъ Б., командовавшій полкомъ въ томъ же городѣ. Въ разговорѣ съ нимъ, генералъ между прочимъ спросилъ его: „А вы занимаетесь комнатной гимнастикой? я такъ ежедневно; это полезно для здоровья! Можете ли вы, напримѣръ, перекинуть правую ногу черезъ вѣнскій стулъ?“. „Не знаю; не пробовалъ ваше п—во!“ — отвѣтилъ полковникъ, бывшій, къ слову сказать, небольшого роста и довольно полнымъ. „А вотъ, мы попробуемъ“, замѣтилъ генералъ, устанавливая стулъ посреди комнаты. Началась проба, при чемъ унтеръ-офицеръ, ординарецъ того же полка, смотрѣлъ въ полуотворенную дверь изъ передней на гимнастическія упражненія своихъ прямыхъ начальниковъ. Генералъ О. этимъ, однако, не удовольствовался. „Ну, а присѣдать по правиламъ можете?“ спросилъ онъ командира полка; „не пробовалъ, ваше п—во!“ отвѣтилъ этотъ послѣдній. „Ну, вотъ, мы и попробуемъ“, замѣтилъ генералъ; „ну-съ, руки въ бедра! начинай!“—и началось „второе“ упражненіе, при чемъ начальникъ дивизіи и командиръ полка, стоя одинъ противъ другого,—усердно присѣдали. Покончивъ съ этимъ, полковникъ Б. поспѣшилъ однако откланяться, очевидно опасаясь, что за присѣданіемъ могутъ послѣдовать и другія гимнастическія упражненія, въ родѣ прыжковъ и проч.

Разсказъ этотъ привелось слышать отъ одного изъ тогда служившихъ офицеровъ въ названной дивизіи.

Сообщилъ Л. Д.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Кампанія 1809 года.

Конгрессъ, ни разу не собиравшійся, былъ тотчасъ же уничтоженъ, какъ только создался, и война возобновилась.

Говорятъ, что князь Прозоровскій, увлеченный особенной любовью къ войнѣ, былъ ея главнымъ зачинщикомъ, и я самъ слышалъ, какъ онъ говорилъ, что она продлится не болѣе одной кампаніи, и увѣрялъ, что берега Дуная или, по крайней мѣрѣ, Молдавія, будутъ за нами. Онъ совершенно презиралъ турецкую армію и во многихъ отношеніяхъ былъ правъ, но ошибался въ опредѣленіи силъ и средствъ мусульманъ. Если онъ имѣлъ вліяніе на рѣшеніе нашего кабинета закрыть конгрессъ, онъ сдѣлалъ большое зло своей родинѣ, конечно, не желая этого, такъ какъ его намѣренія были всегда чисты, и трудно было найти болѣе честнаго человѣка и лучшаго патріота, чѣмъ онъ; но и онъ могъ ошибаться, хотя я не хочу накладывать тѣнь на его память подобнымъ подозрѣніемъ, не имѣя къ тому доказательствъ [2]).

Конечно, французы имѣли больше вліянія на возникновеніе этой

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль, 1908 г.

[2]) Я прибавлю ко всему этому одно размышленіе: если были увѣрены въ полученіи Бессарабіи, между Дунаемъ, Днѣстромъ и отчасти Прутомъ,—сдѣлали большую ошибку, возобновивъ войну. Но если присоединеніе ея, столь необходимое для насъ, требовало военныхъ дѣйствій—война была неизбѣжна.

войны, стоившей намъ много людей и денегъ, чѣмъ князь Прозоровскій. Если бы Наполеонъ желалъ намъ служить въ этомъ случаѣ, какъ онъ обѣщалъ, онъ бы намъ отдалъ безъ войны то, что мы желали, и что намъ было необходимо нужно, но тогда онъ былъ занятъ грандіозными планами войнъ противъ Испаніи и Австріи и не хотѣлъ заниматься Россіей. Его адская политика заставила поспѣшить вести двѣ войны, крайне несвоевременныя и (какъ это и самъ онъ сознавалъ) съ гибельными для него послѣдствіями. Его цѣлью было ослабить единственное государство, которое могло еще воевать съ нимъ. Онъ не зналъ Россія, да и сами русскіе не сознавали ни своихъ силъ, ни своихъ громадныхъ средствъ.

Какъ бы то ни было, князь Прозоровскій получилъ изъ Петербурга приказъ послать, передъ открытіемъ конгресса, курьера въ Константинополь, чтобы объявить султану, что если онъ не вызоветъ тотчасъ же посланника изъ Англіи, война будетъ объявлена. Два дня спустя по возвращеніи курьера, намъ стали хорошо извѣстны намѣренія Наполеона, и можно было быть увѣреннымъ, что теперь турки не согласятся на сдѣланное имъ категорическое предложеніе.

23-го февраля князь Прозоровскій послалъ въ Константинополь курьеромъ капитана Паскевича, флигель-адъютанта Государя, а съ 3-го марта онъ размѣстилъ свою армію на тѣсныхъ квартирахъ.

Главныя силы, состоявшія изъ 8-ой, 15-ой, 16-ой и 22-ой дивизій и части 12-ой, были подъ начальствомъ Кутузова. Задачей ему была поставлена осада Браилова. Генералъ Милорадовичъ оставался въ Валахіи, а генералъ-маіоръ Исаевъ, помощникъ его, въ Малой Валахіи. Онъ командовалъ правымъ флангомъ, я продолжалъ командовать лѣвымъ, а генералъ-лейтенантъ Николай Эссенъ 1-ый—резервнымъ корпусомъ, размѣщеннымъ по всей завоеванной странѣ, отъ Сербіи до Чернаго моря—гдѣ онъ занималъ всѣ крѣпости [1].

---

[1] Одинъ корпусъ былъ въ Ботлишанахъ, чтобы слѣдить за австрійцами, которые вели тогда войну съ французами. Нашъ новый союзъ съ Наполеономъ и гибельныя обстоятельства, постановленныя Эрфуртскимъ договоромъ, принудили насъ къ позорнымъ и пагубнымъ для насъ и для всей Европы, дѣйствіямъ. Мы не вели противъ австрійцевъ активной войны, (чѣмъ вызвали неудовольствіе Наполеона), но непрестанно безпокоили ихъ и вызывали на диверсіи, вслѣдствіе чего была потеряна возможность положить конецъ политической и военной тираніи грабителя Европы и оборонительнымъ союзомъ подорвать могущество колосса, поколебленное недавнимъ сраженіемъ подъ Асперномъ. Послѣ блестящей побѣды эрцгерцога Карла, австрійцы самостоятельно могли бы добиться этого, если бъ мы ихъ не тревожили, а будь они съ нами въ союзѣ, успѣхъ ихъ былъ бы несомнѣннымъ.

Этотъ резервный корпусъ былъ огромный, если сосчитать по числу батальоновъ, а батальоны были составлены въ полномъ комплектѣ. Изъ вторыхъ батальоновъ каждаго полка (резервнаго) были взяты лучшіе офицеры, старые солдаты и даже часть рекрутовъ, чтобы пополнить два дѣйствующихъ батальона, нѣкоторые изъ этихъ батальоновъ были не что иное, какъ кадры, къ нимъ присоединили нѣсколько полковъ, о которыхъ были дурного мнѣнія, или шефовъ которыхъ не любилъ князь Прозоровскій.

Эссенъ, высокомѣрный, гордый, самолюбивый, какъ истый ливонецъ, сознавая свои способности и считая себя обиженнымъ тѣмъ, что долженъ былъ занимать постъ, который считалъ за весьма ничтожный, тогда какъ блестящія, наступательныя дѣйствія поручены генераламъ, съ которыми онъ даже сравнивать себя не хотѣлъ, былъ очень недоволенъ своимъ назначеніемъ, что онъ рѣзко и высказывалъ. Но онъ ничего не выигралъ и страшно о томъ горевалъ. Нѣсколько времени спустя, въ Яссахъ, съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ, который заставилъ его покинуть и армію, и Молдавію, гдѣ онъ могъ бы быть крайне полезенъ.

Атака Журжева 24 марта.

22-го марта, Паскевичъ вернулся изъ Константинополя, привезя отказъ турокъ, который и надо было ожидать [1]).

Князь Прозоровскій хотѣлъ воспользоваться этимъ моментомъ, когда непріятель не былъ еще подготовленъ къ войнѣ и, не находя повода къ возобновленію непріязненныхъ дѣйствій, желалъ овладѣть Журжевымъ. Этотъ поступокъ былъ не особенно законенъ, но

[1]) Въ мартѣ мѣсяцѣ, Зассъ, всегда дѣятельный и ловкій, нашелъ средство захватить корреспонденцію Челибея (бывшаго великаго визиря—сосланнаго въ Измаилъ) съ браиловскимъ Назиромъ. Курьеры, несмотря на договоръ, проѣзжали черезъ Галацъ. Зассъ прекрасно принималъ ихъ, напаивалъ пьяными, отбиралъ и переписывалъ ихъ депеши. Онъ зналъ объ удивленіи и безпокойствѣ Челибея по поводу возможности возобновленія войны, о малыхъ силахъ, которыя имѣлъ, и о помощи, которой просилъ. Назиръ отвѣчалъ ему, что вѣритъ въ миръ, хотя надо имѣть въ виду наше вѣроломство и быть насторожѣ, и прибавлялъ, что помощи прислать не можетъ. Еще до открытія конгресса сдѣлали ошибку, отославъ въ Болгарію и въ крѣпости татаръ, эмигрировавшихъ въ Россію, а также жителей Хотина, Бендеръ, Аккермана и Киліи. Ихъ пересылка вызвала большія стѣсненія, стоила много денегъ и лучшихъ солдатъ. Турки же могли бы ихъ употребить противъ насъ, такъ какъ люди эти были раздражены ненавистью и очень законнымъ желаніемъ мести. Отправка ихъ была политическимъ абсурдомъ, не имѣвшимъ извиненія.

вліяніе этого города было весьма полезно намъ. По отношенію къ туркамъ, князь Прозоровскій считалъ все позволительнымъ, на чемъ онъ и основывалъ свои надежды. Послѣ отъѣзда Мустафы-Байрактара въ Константинополь,—Рущукъ и Журжево остались безъ вліятельнаго начальника; а когда онъ умеръ, одинъ армянинъ, по имени Манукъ-Бей [1]), который былъ наслѣдникомъ и хранителемъ его тайнъ и богатства, пріѣхалъ изъ Константинополя въ Рущукъ, гдѣ овладѣлъ всѣмъ состояніемъ Мустафы, присоединилъ къ своему и уѣхалъ въ Бухарестъ.

Его происхожденіе, жизнь и родъ занятій не служили въ его пользу, но благодаря своимъ огромнымъ богатствамъ, онъ могъ быть полезнымъ. Приняли его очень радушно и оставили въ арміи, чѣмъ-то вродѣ шпіона, ибо онъ узнавалъ всѣ новости. Черезъ 2 года графъ Каменскій далъ ему даже орденъ св. Владиміра 3-ей степени, и намъ казалось очень страннымъ видѣть декорированнымъ этого авантюриста и шпіона.

Онъ оставилъ въ Рущукѣ своего друга, нѣкоего Ахмета, бывшаго также какъ и онъ агентомъ Мустафы. Ахметъ, зная, что Боснякъ-Ага имѣлъ виды на Рущукъ и что, если онъ овладѣетъ имъ или будетъ посланъ туда визиремъ (что̀ и было на самомъ дѣлѣ), то не замедлитъ истребить всѣхъ оставшихся приверженцевъ Мустафы, рѣшилъ передаться намъ и подкупить насъ какой-либо услугой, а именно: предложилъ намъ помочь овладѣть Журжевымъ.

Онъ началъ переговоры, черезъ посредство Манукъ-Бея, съ консуломъ Россіи Кириковымъ, который былъ (какъ говорятъ) увезенъ, по приказанію Мустафы, въ началѣ войны, въ Бухарестъ, а затѣмъ препровожденъ въ Рущукъ, гдѣ содержался очень строго до перемирія [2]).

Ахметъ нашелъ возможнымъ, подъ разными предлогами, вывести изъ Журжева всю артиллерію и не оставилъ тамъ и 400 человѣкъ. Онъ сговорился съ Милорадовичемъ, что уѣдетъ изъ Рущука въ тотъ самый день, въ который тотъ приблизится къ Журжеву, соединится съ нимъ и ручается за взятіе города.

Этотъ проектъ, прекрасно разсчитанный, навѣрное удался бы, если бъ принималъ участіе въ исполненіи задуманнаго не такой человѣкъ, какъ Милорадовичъ. Непростительно было со стороны князя Прозоровскаго довѣрить ему это и оставлять такъ долго командовать въ такой интересной для театра войны странѣ. Прозоровскій

---

[1]) Бей значитъ князь, такъ по крайней мѣрѣ переводятъ въ Россіи. Манукъ никогда имъ не былъ, но заставлялъ называть себя такъ.

[2]) Кириковъ крайне обязанъ Ахмету и Мануку, такъ какъ очень возможно что безъ нихъ, онъ сдѣлался бы жертвой злобы Мустафы.

не могъ не знать его легкомысленности, несообразительности, вѣтренности, глупости, его смѣшного чванства и низкихъ разсчетовъ, связывавшихъ его съ измѣнниками (я говорилъ уже объ этихъ безчестныхъ связяхъ, а ниже приведу еще нѣкоторыя подробности).

Милорадовичъ сообщилъ Филиппеско о нашихъ планахъ, и тѣмъ все дѣло было испорчено, такъ какъ турки узнали все, что противъ нихъ затѣвалось [1]). Если бы даже въ управленіи Валахіей не было нашихъ величайшихъ враговъ, то и тогда Милорадовичу не слѣдовало такъ открыто заготовлять фашины и строить лѣстницы, что туркамъ не трудно было узнать всѣ наши враждебныя намѣренія. Очень странно, и никоимъ образомъ нельзя извинить нерадѣніе Милорадовича, командовавшаго въ теченіе 3-хъ лѣтъ войсками въ въ Бухарестѣ, и имѣвшаго очень слабое понятіе о Журжевѣ и его укрѣпленіяхъ. Онъ безъ конца посылалъ туда офицеровъ подъ разными предлогами, но тѣ, или по небрежности или не обладая необходимыми способностями хорошо видѣть, составляли крайне неточные планы и донесенія.

Квартирмейстеръ его штаба маіоръ Ероевъ, бравый и дѣятельный, но ограниченный и тяжелый, былъ посланъ туда въ началѣ марта, но также ничего, больше другихъ, не увидалъ.

Журжево расположено въ 5-ти или 6-ти верстахъ отъ Дуная, на одномъ изъ его рукавовъ, который очень рѣдко высыхаетъ ранѣе сентября мѣсяца. Этотъ рукавъ развѣтвляется на нѣсколько ручьевъ и образуетъ два большихъ острова, подъ названіемъ Кашара и Канирлова; они раздѣляются каналомъ, который прокопанъ перпендикулярпо къ Журжеву. Крѣпость очень маленькая, она не имѣетъ и тысячи шаговъ въ окружности, но расположена очень правильно. Бастіоны построены по новымъ правиламъ, анвелопа прикрыта, хорошо устроенные прикрытые пути облицованы палисадомъ, а гласисъ окруженъ вторымъ наружнымъ очень глубокимъ рвомъ. Расположеніе этого рва не представляетъ затрудненій для правильной осады, когда онъ можетъ служить даже 3-ей параллелью, или ложементомъ; имъ также можно воспользоваться и при приступѣ.

Никто изъ развѣдчиковъ Милорадовича не замѣтилъ этого рва, что доказываетъ ихъ полное невниманіе при развѣдкахъ.

---

[1]) Милорадовичъ квартировалъ у Филиппеско; кабинетъ его никогда не былъ закрытъ, бумаги валялись на его столѣ, или на туалетѣ дочери его квартиро-хозяина. Приказы, самые секретные, читались и были извѣстны даже тогда, когда Милорадовичъ и не поручалъ читать ихъ Филиппеско (что бывало безпрестанно). Французскій консулъ Ду имѣлъ очень интимныя связи съ этимъ негодяемъ, и турки были извѣщены обо всемъ. (Дальше будутъ видны детали всей этой интриги).

Вдоль Дуная городъ былъ открытъ и, только послѣ таки турки выстроили каменную стѣну. Въ рукавѣ рѣки, омывающей городъ, есть маленькій островокъ, на которомъ выстроена небольшая, старинная крѣпость, какія строили генуэзцы въ Крыму и Бессарабіи лѣтъ 400 тому назадъ. Эта крѣпость имѣетъ не болѣе 500 шаговъ въ окружности и очень возвышена. Въ самомъ городѣ Журжево были очень плохія казармы для войскъ и нѣсколько домовъ для офицеровъ. Вокругъ крѣпости, по обычаю турокъ, находилось огромное предмѣстье, хорошо разбитое и населенное, оно простиралось до гласиса крѣпости. Это предмѣстье было окружено ретраншаментомъ, имѣвшимъ 6 верстъ въ окружности.

Князь Прозоровскій, предувѣдомленный о планахъ Манука и Ахмета черезъ Милорадовича, спросилъ его: удастся ли атака? Милорадовичъ, никогда ни въ чемъ не сомнѣвавшійся и желавшій, по крайней мѣрѣ, получить генералъ-аншефа, отвѣтилъ князю, что успѣхъ несомнѣненъ въ виду плохого состоянія крѣпости, слабости гарнизона, храбрости войскъ, находящихся подъ его командой, и преданности ихъ къ нему [1]).

Рѣшили взять городъ приступомъ, но держали это дѣло пока въ секретѣ. Участниковъ было 8 человѣкъ: князь Прозоровскій, Безакъ —начальникъ канцеляріи, Кутузовъ, Гартингъ, Милорадовичъ, русскій консулъ Кириковъ, Манукъ-Бей и Ахметъ. Я пріѣхалъ тогда въ Яссы и жилъ у Кутузова, который довѣрилъ мнѣ этотъ секретъ, но я предсказалъ неуспѣхъ, и онъ раздѣлилъ мои опасенія.

Милорадовичъ не былъ человѣкомъ, которому можно было бы поручить подобное предпріятіе. Лишь только онъ получилъ приказъ рискнуть на эту атаку, какъ черезъ $^1/_2$ часа сообщилъ объ этомъ своему милѣйшему Филиппеско, а черезъ 8 дней Журжевскій паша зналъ обо всемъ. Пашу этого, по имени Эдинъ, я давно зналъ, онъ былъ смѣлый фанфаронъ, болтунъ и не былъ достоинъ, чтобъ его оповѣщать о предполагаемомъ дѣлѣ.

Князь Прозоровскій, всегда дѣятельный и желавшій быть вездѣ, пріѣхалъ въ Капачени (въ 20-ти верстахъ отъ Бухареста и 55-ти отъ Журжева), чтобъ быть ближе къ Милорадовичу, которому онъ предоставилъ славу этого предпріятія.

Корпусъ Милорадовича, усиленный Ново-Ингерманландскимъ и Орловскимъ полками, 22 марта расположился въ Фолошокахъ, въ 38-и вер. отъ Бухареста, при сліяніи рѣкъ Кильнишъ и Аржишъ.

---

[1]) Онъ былъ проклинаемъ ими; весь его корпусъ терпѣлъ лишенія, благодаря недостатку заботливости, и всѣ до послѣдняго солдата знали, что онъ служитъ измѣнникомъ.

23-го марта Милорадовичъ сдѣлалъ очень тяжелый ночной переходъ въ 28 вер., а 24-го рѣшился на приступъ, который не удался. Ночью замѣчены были въ горахъ огни, тянувшіеся до Дуная. Огни эти очень удивили генераловъ, но валахскій депутатъ, бывшій при Милорадовичѣ (и по всей вѣроятности повѣренный Филиппеско) увѣрилъ, что это крестьяне сжигаютъ старую траву въ это время года. Милорадовичъ не усумнился въ истинѣ его словъ, другіе же генералы отнеслись недовѣрчиво и долго недоумѣвали о причинѣ огней. Спустя 6 мѣсяцевъ, когда я пріѣхалъ командовать въ Бухарестъ, я удостовѣрился, что это были сигналы, которыми Фелиппеско давалъ знать Эдину-пашѣ о движеніи нашихъ войскъ.

Кромѣ того, Милорадовичъ плохо разсчиталъ время и разстояніе, а грязь и лужи, образовавшіяся послѣ оттепели и дождей, заставили нѣсколько колоннъ сдѣлать обходы, что задержало движеніе, и войска подошли къ ретраншаментамъ предмѣстья только послѣ восхода солнца, въ 7 1/2 ч. утра, а разсчитывали начать штурмъ въ 5 ч. Конечно ихъ увидѣли въ городѣ, гдѣ все уже было приготовлено къ встрѣчѣ.

Для атаки войска были раздѣлены на 5 колоннъ, слѣдующимъ образомъ:

1-ая правая колонна:

Генералъ маіоръ Палицынъ.

2 бат. Апшеронскаго полка.

2 „ Сибирскихъ гренадеръ.

2-ая колонна:

Полковникъ Броммеръ

2 бат. Олонецкаго полка

2 „ Малороссійскихъ гренадеръ

3-ая колонна:

Генералъ-маіоръ Ставицкій.

2 бат. Ново-Ингерманландскаго полка.

1 „ Олонецкаго полка.

Первыя три колоны были подъ общимъ начальствомъ генер. Гартинга.

4-ая колонна:

Генералъ-маіоръ Ушаковъ.

2 бат. Одесскаго полка

2 „ 6-го егерскаго полка

5-ая колонна:

Полковникъ Толбухинъ.

2 бат. Орловскаго полка

1 „ 6-го егерскаго полка.

*

Послѣднія двѣ колонны были подъ общимъ начальствомъ графа Цукато.

Бѣлорусскіе гусары и Остахова полкъ, самые храбрые, были поставлены въ резервѣ.

Если бъ получше изучили мѣстность, которую желали атаковать (а знать ее должны были въ совершенствѣ, такъ какъ я уже говорилъ, туда постоянно посылались развѣдчики, а турки никогда не предпринимаютъ предосторожностей противъ лицъ къ нимъ посылаемыхъ), то увидали бы, что надо демонстрировать влѣво и въ центрѣ, а главныя силы перевести вправо (ихъ движеніе было бы скрыто домами предмѣстья), или же повернуть фронтомъ противъ большого лѣваго бастіона, и войти въ мертвое пространство, куда не проникалъ ружейный огонь съ высокихъ валовъ бастіона. Тогда легко можно было бы войти въ крѣпость по берегу рѣки. Правда, что въ то же время мы подвергались бы опасности быть подъ огнемъ небольшого укрѣпленія съ острова, но оказалось, что тамъ не было ни души, чего конечно нельзя было предполагать (а между тѣмъ это фактъ, такъ какъ Журжевскій паша, имѣя мало людей, совершенно оставилъ это маленькое укрѣпленіе). Милорадовичъ перевелъ гр. Цукато съ лѣваго своего фланга на правый, но онъ ничего не могъ тамъ сдѣлать; но если бы онъ передвинулъ сюда Гартинга и остался бы и самъ, то трое такихъ храбрецовъ навѣрное бы побѣдили турокъ.

Послѣ нѣскольких орудійныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны по рентраншаментамъ предмѣстья, турки покинули ихъ, такъ какъ надо было имѣть по крайней мѣрѣ 1.500 чел., чтобы ихъ защищать, а турокъ всего было 400 чел.

Тамъ нашли 14-ть пушекъ, которыя турки принуждены были намъ оставить. Нѣкоторые жители скрылись въ крѣпости, а другіе спрятались въ домахъ или въ садахъ.

Колонны, сомкнувшись, прошли узкія улицы предмѣстья, затѣмъ собрались впереди, но ихъ отвага не могла одолѣть тѣхъ затрудненій, которыя представляли какъ отдѣльныя укрѣпленія, такъ и рвы крѣпости.

Только одинъ, Сибирскаго полка, маіоръ Рихтеръ понялъ и сдѣлалъ то, что дѣйствительно надо было сдѣлать. Онъ съ 30-ю солдатами обошелъ фронтъ бастіона слѣва, ворвался въ крѣпость и даже поднялся на валы, но такъ какъ никто не поддержалъ его, то онъ погибъ вмѣстѣ съ 30-ю славными гренадерами.

Всѣ остальныя колонны считали этотъ ровъ наружнымъ и никто не зналъ о его глубинѣ, а иные даже и о существованіи его. Солдаты отважно кинулись въ него, быстро поставили свои лѣст-

ницы, но онѣ оказались слишкомъ короткими. Генералъ Гартингъ всегда несчастливый, какъ въ своихъ предпріятіяхъ, такъ и въ возлагаемыхъ на него порученіяхъ, плохо разсчиталъ его глубину. Хотя нѣсколькимъ солдатамъ и удалось перейти этотъ ровъ и даже перебраться по закрытому пути, но не было никакой возможности перейти второй ровъ, облицованный камнемъ; для сего надо было доставать лѣстницы изъ перваго рва и переносить ихъ во второй, подъ выстрѣлами въ лицо и среди бѣлаго дня.

Энергія и храбрость Милорадовича, Гартинга и гр. Цукато не помогли дѣлу. Генералъ Ставицкій, сидѣвшій на краю рва, руководилъ переходомъ его съ геройскимъ хладнокровіемъ, но вскорѣ былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ. Ставицкій — былъ командиромъ Бѣлорусскаго полка, и не мѣсто гусарскому генералу быть въ штурмующей колоннѣ, но Милорадовичъ назначилъ его туда, зная его поразительную храбрость. Вскорѣ Милорадовичъ увидѣлъ, какъ къ туркамъ подплыли 17-ть судовъ съ десантомъ изъ Рущука, и тогда въ немъ зародилось сомнѣніе въ успѣхѣ штурма. Попытка сдѣлать новыя усилія, или даже оставаться подъ стѣнами крѣпости дольше, значитъ подвергнуть весь свой отрядъ полнѣйшему истребленію, и онъ рѣшилъ отступить.

Отступленіе совершено было въ полномъ порядкѣ. Онъ не успѣлъ разрушить всѣхъ домовъ предмѣстья, но сжегъ только часть ихъ. Оставаясь въ ретраншаментахъ крѣпости до полудня, онъ взялъ съ собой только 7 пушекъ, но не позаботился о томъ, чтобы имѣть достаточно лошадей—для отвоза ихъ; остальныя 7 пушекъ заклепали. Сдѣлавъ въ ретраншаментахъ нѣсколько совершенно безполезныхъ брешей, вечеромъ того же дня Милорадовичъ отвелъ войска въ Дайо.

Русскіе потеряли въ этомъ несчастномъ штурмѣ, такъ плохо руководимомъ и еще хуже исполненномъ, 27 офицеровъ и 800 солдатъ убитыми и ранеными.

Милорадовичъ имѣлъ наглость въ своихъ донесеніяхъ (подражая бюллетенямъ Наполеона) довести цифру погибшихъ турокъ до 2.000 человѣкъ, а Прозоровскій имѣлъ слабость подтвердить это въ своихъ приказахъ.

Я повторяю, что городъ не имѣлъ и 400 вооруженныхъ защитниковъ, ни одинъ изъ нихъ не погибъ, и только лишь 12 или 15 турокъ было ранено.

Спустя 8 часовъ послѣ приступа, въ Бухарестѣ уже знали о нашемъ неуспѣхѣ, и Филиппеско торжествовалъ; а черезъ нѣсколько времени сталъ распространяться слухъ, что турки даже преслѣдовали и, окончательно разбивъ Милорадовича, двинулись на Буха-

ресть. Несмотря на полную абсурдность этого слуха, народъ вѣрилъ ему, и онъ вызвалъ въ Бухарестѣ панику. Генералъ Энгельгардтъ, президентъ Дивана, потерялъ голову и сдѣлалъ тысячу глупостей. Когда маіоръ Магденко, понтонеръ, пріѣхалъ въ Бухарестъ за лошадьми для отвоза пушекъ, то Энгельгардтъ его арестовалъ. Ко всѣмъ этимъ извѣстіямъ Прозоровскій отнесся довольно холодно, такъ какъ его занималъ теперь планъ дѣйствій противъ Слободзеи.

Маленькая деревушка Слободзея расположена на лѣвомъ берегу небольшого рукава Дуная, протекающаго въ 6 верстахъ отъ Журжева. Въ этой деревнѣ находился домъ Мустафы-Байрактара, и почти вся деревня была населена его людьми и состояла изъ домовъ, фабрикъ, конюшенъ и ригъ его приближенныхъ. Въ этой деревнѣ въ 1807 году, Мейндорфъ подписалъ перемиріе, которое ему такъ плохо удалось. Слободзея, сдѣлавшаяся знаменитою съ тѣхъ поръ, была окружена огромнымъ ретраншаментомъ въ 2 версты длиной. Надо было имѣть, по крайней мѣрѣ, три тысячи человѣкъ для защиты его, турокъ же было въ Слободзеѣ всего 250 человѣкъ.

Генералъ Милорадовичъ отрядилъ туда баталіонъ Сибирскаго полка, подъ начальствомъ полковника Лопухина и капитана Руссо (убитаго въ дѣлѣ подъ Рущукомъ). Лопухинъ легко овладѣлъ ретраншаментомъ и перебилъ всѣхъ защитниковъ его, за исключеніемъ 14 человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ. Два судна съ десантомъ, прибывшія на помощь изъ Рущука, были потоплены нашей артиллеріей.

Въ ретраншаментѣ нашли 27 пушекъ, а въ домѣ Мустафы 32 знамя и громадное количество оружія и боевыхъ запасовъ. Это оказался цѣлый арсеналъ, который, какъ мы видѣли, былъ очень слабо защищенъ. Надо думать, что турки не ожидали нашего нападенія и ничего не успѣли вывезть оттуда. Да и намъ трудно было воспользоваться всѣмъ найденнымъ въ Слободзеѣ имуществомъ, такъ какъ всѣ деревни, на разстояніи 30 верстъ въ окружности, были покинуты жителями, и нигдѣ нельзя было достать ни одной лошади и ни одной повозки. Тогда Лопухинъ, по приказанію Милорадовича, взорвалъ домъ Мустафы, сжегъ всѣ остальные дома и разрушилъ укрѣпленія. Затѣмъ, присоединился къ своему корпусу, который на другой день возвратился обратно [1]).

---

[1]) Лопухинъ и Руссо вполнѣ заслуживали награды, но они ничего не получили, хотя князь Прозоровскій и дѣлалъ представленіе о награжденіи Милорадовича и всего его корпуса, но согласія не послѣдовало. Многіе офицеры были достойны награды, но дѣло кончилось несчастливо; а въ Россіи благодарятъ только за успѣхи. Я говорилъ, что Милорадовичъ разсчитывалъ быть генералъ-аншефомъ, но ошибся на одинъ годъ; желательно, чтобы на цѣлое столѣтіе.

Занявъ Обилешти и Нагошти, Милорадовичъ около послѣдней деревни построилъ редутъ, работу котораго поручилъ маіору Ероеву. Это вышло очень неудачно. Редутъ расположили въ 30 шагахъ отъ стараго полуразвалившагося монастыря, но еще настолько крѣпкаго, что если бы непріятель занялъ его, то могъ бы, послѣ одного ружейнаго залпа, овладѣть редутомъ. Къ тому же редутъ былъ совершенно безполезенъ здѣсь, такъ какъ р. Аржишъ лѣтомъ во многихъ мѣстахъ пересыхаетъ, и тогда редутъ очутится слишкомъ далеко отъ рѣки, чтобы охранять мостъ. Когда я пріѣхалъ командовать въ Валахію, я велѣлъ его срыть.

Другой редутъ, построенный Милорадовичемъ, въ д. Крешести, на р. Ольтѣ, былъ расположенъ удачнѣе. Для защиты праваго берега рѣки, онъ занялъ Руссо-де-Веде и прекрасно расположилъ свои аванпосты, отъ Ольты до Аржишъ. Нѣсколько времени спустя онъ собралъ свои войска въ плохомъ лагерѣ подъ Копачени и занялъ Слатинъ, на Ольтѣ, въ 120 верстахъ отъ устья этой рѣки. Этотъ портъ ни къ чему не былъ годенъ, но Прозоровскій находилъ нужнымъ удержать его за собой, такъ какъ считалъ его важнымъ, что также раздѣлялъ квартирмейстеръ его штаба полковникъ Хоментовскій. Какъ только я пріѣхалъ въ Валахію, то приказалъ отставить его, такъ какъ считалъ его годнымъ только для устройства магазиновъ второй линіи.

Между тѣмъ, князь Прозоровскій вернулся къ главнымъ силамъ, которыя тогда приближались къ Браилову.

Чтобы не прервать порядка описанія военныхъ дѣйствій, бывшихъ на правомъ флангѣ нашей арміи, я долженъ сначала описать, что происходило въ іюлѣ, въ М. Валахіи, до моего пріѣзда въ Бухарестъ.

Послѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, Исаевъ предполагалъ атаковать Видинъ, но Прозоровскій отклонилъ эту идею, плохо согласованную съ силами, которыми располагалъ Исаевъ. Онъ надѣялся на подкрѣпленіе себя сербами, но они совершенно не годились для подобной операціи.

Видинъ—самый укрѣпленный пунктъ, который турки имѣли на Дунаѣ; онъ былъ всегда очень населенъ и имѣлъ сильный гарнизонъ, который можно считать въ 18—20 тысячъ. Чтобы атаковать ихъ, намъ надо было имѣть, по крайней мѣрѣ, вдвое больше сербовъ, присоединивъ къ нимъ 7 или 8 тысячъ нашихъ солдатъ и сильную осадную артиллерію. Тогда только можно было надѣяться на удачное выполненіе такого крупнаго предпріятія.

Прозоровскій не могъ и не долженъ былъ давать 5.000 ч. Исаеву,

а если онъ хотѣлъ взять Видинъ, то долженъ былъ самъ принять въ немъ активное участіе.

Взятіе Бѣлграда сдѣлало Исаева слишкомъ довѣрчивымъ къ сербамъ, которымъ безъ нашей помощи и безъ нашей артиллеріи не удалось бы взять этотъ городъ, такой же сильный, какъ и Видинъ, только потому, что они блокировали его безконечное время. Въ Бѣлградѣ укрѣпленія были въ ужаснѣйшемъ состояніи, артиллерія совершенно негодная къ службѣ и незначительный гарнизонъ.

Кладову было легче взять, чѣмъ Видинъ, а между тѣмъ этого еще не сдѣлали.

24 марта Исаевъ собралъ 2 баталіона, 5 орудій и нѣсколькихъ казаковъ Гоготова полка, въ 80 верстахъ отъ Краіова, около Дуная, противъ острова Ольмары. 25-го онъ занялъ островъ, въ ретраншаментахъ котораго нашелъ нѣсколькихъ турокъ, защищавшихъ деревню, расположенную по срединѣ острова. Турки не хотѣли сдаваться, и Исаевъ, окружилъ ихъ, открылъ артиллерійскій огонь, который заставилъ удалиться подплывшія лодки съ подкрѣпленіемъ. 26-го турки сдались.

Занявъ островъ и усиливъ оборону его ретраншаментами, Исаевъ увѣдомилъ сербовъ о своемъ успѣхѣ, надѣясь, что они, приблизившись, войдутъ съ нимъ въ сношеніе, чему такъ способствовало овладѣніе островомъ Ольмаръ. Островъ представляетъ собой превосходный портъ и, если бы онъ былъ укрѣпленъ, какъ слѣдуетъ, то взятіе его было бы очень труднымъ.

Мы не имѣли достаточныхъ силъ въ М. Валахіи, чтобы дѣйствовать тамъ наступательно, а потому принуждены были вести себя очень осторожно, занимая лишь такіе пункты, которые мы могли бы удержать за собой при поддержѣ войскъ, расположенныхъ въ сосѣднихъ пунктахъ. Сюда относятся: 1) Краіово въ 40 верстахъ отъ Видина, откуда можно было идти вправо и влѣво по Дунаю, теченіе котораго измѣняется около Видина и поворачивается съ запада на востокъ. 2) Чернецъ—откуда можно наблюдать Кладово и Орсово, и 3) Каракалъ—чтобы наблюдать Орсово и Ислово и защищать Краіово. Эти три пункта очень основательно были заняты Исаевымъ, прекраснымъ офицеромъ и обходившимся безъ квартирмейстера.

Спустя нѣкоторое время послѣ взятія о. Ольмаръ, Мелентостойковичъ, одинъ изъ самыхъ достойныхъ, по храбрости и талантамъ, воеводъ, подошелъ къ Дунаю и 21 апрѣля сжегъ предмѣстье Кладовы.

Между тѣмъ, турки, получивъ подкрѣпленіе въ Туртукаѣ, Журжевѣ, Зимницѣ, Турно и Фламундѣ, не оставляли въ покоѣ Ми-

лорадовича. Не предпринимая ничего серьезнаго, они дѣлали постоянныя нападенія и, если не имѣли большого успѣха, но все-таки безпокоили и утомляли войска. Они пытались перейти Дунай въ Туртукаѣ и занять Ольтеницу (маленькая деревня, въ 5 вер. отъ устья Аржишъ), но кн. Прозоровскій, очень предусмотрительно, размѣстилъ тамъ небольшой отрядъ, который онъ послѣдовательно подкрѣплялъ. Сначала тамъ было нѣсколько казаковъ и двѣ слабыя роты егерей, а затѣмъ туда отрядили изъ авангарда цѣлый баталіонъ 7-го Егерскаго полка. Начальникъ этого отряда, полковникъ Лаптевъ, какъ хорошій офицеръ, имѣлъ нѣсколько стычекъ съ турками и, несмотря на всѣ ихъ усилія, не допускалъ укрѣпляться на лѣвомъ берегу Дуная, гдѣ былъ выстроенъ редутъ, столь безуспѣшно атакуемый ими. Постъ этотъ для насъ былъ чрезвычайно важенъ, такъ какъ, если бы турки заняли его, то для наблюденія за ними надо было бы имѣть очень сильный отрядъ. Значеніе этого поста усиливается еще и тѣмъ, что изъ Ольтеницы, вдоль лѣваго берега Аржиши и Домбровицы, можно дойти до Бухареста. Большая дорога тянется на протяженіи 25 верстъ по совершенно открытой мѣстности, а затѣмъ идутъ небольшіе лѣса и кустарники. 15 апрѣля турки приблизились по рѣкѣ, къ Каракулу, но Исаевъ поспѣшилъ изъ Краіова форсированнымъ маршемъ и заставилъ ихъ отступить. Милорадовичъ, желая, чтобы турки прекратили свои безпокойныя демонстраціи, задумалъ взять редутъ, который они построили въ Зимницѣ. Это предпріятіе казалось мнѣ совершенно безполезнымъ, и я рѣшительно отказался отъ него, когда командовалъ въ Валахіи. Редутъ былъ очень большой, сильный и могъ получить въ нѣсколько часовъ помощь изъ Систова, а потому взять его приступомъ, безъ большихъ потерь, было невозможно. Онъ былъ построенъ между двумя или тремя укрѣпленными пунктами, граничившими съ лѣвымъ берегомъ Дуная; срыть его было тоже безполезно, такъ какъ турки въ два дня могли его возстановить. Графъ Цукато [1]), командовавшій авангардомъ Милорадовича, отправилъ въ предполагаемую экспедицію, которая въ сущности была поручена ему самому, генерала Палицына, Палицыну удалось выгнать турокъ изъ ближайшихъ деревень, а 10-го мая онъ появился передъ редутомъ и атаковалъ его, но, потерявъ 8 офицеровъ, въ томъ числѣ Орловскаго полка маіора Жеденѣева и до 100 солдатъ, Палицынъ отступилъ.

---

[1]) Графъ Цукато былъ иллиріецъ и родственникъ графа Колентуля, австрійскаго посланника въ Петербургѣ. Онъ помогъ ему поступить на службу въ Россію. Это былъ прекрасный офицеръ, о которомъ я буду говорить ниже.

3-го іюня туркн, выйдя изъ Ислаева на правый берегъ Ольты, захватили жителей и стада ихъ, однако казакамъ Исаева удалось все отбить у нихъ, а ихъ самихъ прогнать, понеся чувствительныя потери.

15-го іюня турки сдѣлали вылазку на южную сторону острова Ольмара, который они непремѣнно хотѣли вернуть себѣ обратно. Предполагая, что турки желаютъ проникнуть на лѣвый берегъ Дуная и отрѣзать войска, бывшія на островѣ, Исаевъ приказалъ командовавшему Апшеронскимъ полкомъ, подполковнику Кондратьеву подкрѣпить своимъ полкомъ постъ въ Гогошахъ и послалъ бы еще одинъ батальонъ на островъ.

Кладова была весьма важнымъ пунктомъ въ стратегическомъ отношеніи; обладаніе ею упрочивало наши сношенія съ сербами лучше, чѣмъ съ острова, и освобождало сѣверъ Малой Валахіи отъ томительныхъ набѣговъ турокъ. Крѣпость эта, которую австрійцы называютъ Фитисламъ, расположена на правомъ берегу Дуная, въ 20 верстахъ отъ Орсовы и отъ австрійской границы Трансильваніи. Она имѣетъ 4 бастіона, обнесенные полисадомъ, каменную цитадель и хорошій ровъ. Она могла бы долго сопротивляться правильной осадѣ, но ее трудно было взять приступомъ, а между тѣмъ именно этотъ способъ и избрали для овладѣнія ею [1]).

Этотъ приступъ былъ причиной долгой ссоры между Исаевымъ и Милорадовичемъ, который, изъ ненависти къ Исаеву, просилъ Прозоровскаго назначить взятіе крѣпости штурмомъ. Я читалъ этотъ рапортъ Милорадовича, предлагавшій Прозоровскому штурмъ, но однако не принимавшему на себя отвѣтственности за неуспѣхъ. Какъ бы то ни было, но Прозоровскій приказалъ Исаеву взять Кладову. Онъ употребилъ русское слово „сорвать“ (sorvate), что значитъ овладѣть мѣстомъ атаки; хотя настоящее выраженіе— атаковать или штурмовать (shtourmovate). Это происходитъ отъ нѣмецкаго слова, какъ и большинство военныхъ терминовъ, введенныхъ въ русскій языкъ Петромъ Великимъ.

2-го іюля Исаевъ перешелъ Дунай со всѣми своими войсками, объявивъ объ этомъ всѣмъ частямъ, расположеннымъ въ М. Валахіи. Онъ имѣлъ 6 слабыхъ баталіоновъ, 300 пандуровъ и нѣсколько

---

[1]) Въ 5 верст. ниже Кладовы видны остатки каменнаго моста, построеннаго во времена Траяна для атаки дакійцевъ, жившихъ тогда въ Валахіи, и дѣйствительно нельзя было найти лучшаго мѣста для постройки моста. Здѣсь рѣка очень узка и не быстра. До сихъ поръ еще видно предмостное укрѣпленіе, выстроенное Траяномъ, на лѣвомъ берегу Дуная съ бывшею огромною крѣпостью. Когда вода спадаетъ, обнаруживаются остатки арокъ этой великолѣпной постройки.

казаковъ. 4-го онъ блокировалъ Кладову и соединился съ 1.000 сербами, которыхъ и отправилъ осмотрѣть мѣстность, занятую укрѣпленнымъ лагеремъ, на возвышенности, въ 3-хъ вер. отъ города. 5-го онъ построилъ три батареи, изъ которыхъ одна въ 4 орудія, обстрѣливала крѣпость съ лѣваго берега Дуная.

Князь Василій Трубецкой, генералъ-адъютантъ Государя, находился съ Исаевымъ. Онъ былъ присланъ изъ Петербурга послѣ извѣстія о неудачномъ штурмѣ Браилова. Это былъ очень честный человѣкъ, привязанный къ своему царю и родинѣ, безразсудно храбрый, иногда даже до неосторожности. Онъ имѣлъ приказаніе отъ Государя донести обо всемъ, что происходитъ въ арміи. Прозоровскій его очень уважалъ и отправилъ ознакомиться съ Валахіей.

Быть можетъ онъ имѣлъ слишкомъ большое вліяніе на рѣшеніе Исаева—взять приступомъ Кладову, рѣшеніе—которое еще колебалось въ немъ до пріѣзда Трубецкаго, но 9 іюня приступъ былъ произведенъ и, къ сожалѣнію, такъ же безуспѣшно, какъ и приступъ Журжева.

Для штурма Исаевъ раздѣлилъ свои войска на 5 колоннъ: первая съ праваго фланга состояла изъ баталіона Старооскольскаго полка, прибывшаго только наканунѣ, подъ командою маіора Афанасьева и полковника Олонецкаго полка Турчанинова—пріѣхавшаго вмѣстѣ съ кн. Трубецкимъ изъ Бухареста, гдѣ стоялъ его полкъ. Вторая—состояла изъ двухъ баталіоновъ Пензенскаго полка, подъ командою полковника Желтухина. Третья—состояла изъ пандуровъ, подъ начальствомъ Курта, молдавскаго крестьянина изъ Фокшанъ, неизвѣстно какимъ образомъ возвысившагося на русской службѣ до полковника. Четвертая колонна состояла изъ слабаго резервнаго баталіона малороссійскихъ гренадеръ, подъ командою подполковника Ашъ, храбраго и чуднаго офицера. Наконецъ, пятая—состояла изъ одного слабаго резервнаго баталіона 6-го егерскаго полка, подъ командою маіора Глѣбова, и была первоначально назначена для прикрытія батареи, расположенной на лѣвомъ берегу Дуная, но, оставивъ ее, она перешла рѣку въ 2-хъ вер. выше Кладовы и двинулась вдоль рѣки для атаки крѣпости.

Ашъ атаковалъ храбро, но безуспѣшно. Куртъ и его пандуры бѣжали. Они хороши только при защитѣ редутовъ и вообще укрѣпленій, гдѣ страхъ за судьбу, которая ихъ ожидаетъ, если они попадутъ въ руки турокъ, заставляетъ ихъ защищаться до послѣдней крайности. Желтухинъ вообразилъ, по своему обыкновенію, что онъ контуженъ, и скрылся, а полку его пришлось очень плохо. Турчаниновъ съ большими потерями былъ отбитъ; онъ дѣлалъ большія усилія, чтобы достичь вала, но ему невозможно было перейти глубо-

кій, обнесенный полисадомъ, ровъ. Маіоръ Афанасьевъ былъ убитъ.

Исаевъ принужденъ былъ отступить, потерявъ 7 офицеровъ и 350 солдатъ убитыми и 20 офицеровъ и 600 солдатъ ранеными. Въ Кладовѣ было 6—7 тысячъ турокъ, т. е. гораздо больше, чѣмъ нужно для защиты ея. Эта потеря въ тысячу человѣкъ была слишкомъ чувствительна дли Исаева, который и безъ того имѣлъ слишкомъ мало людей въ М. Валахіи. Переходя Дунай, онъ оставилъ на лѣвомъ берегу только сербовъ, которые не участвовали въ атакѣ и прикрывали батареи.

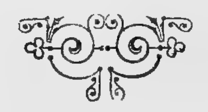
Дабы помѣшать туркамъ посылать подкрѣпленія изъ Флорентины, Исаевъ сдѣлалъ демонстрацію и приказалъ перейти Дунай, около остр. Ольмара, одному резервному баталіону Олонецкаго полка, подъ командою маіора Роганева и капитана Гернетъ, которые имѣли небольшое дѣло съ флорентинскими турками и задержали ихъ въ крѣпости.

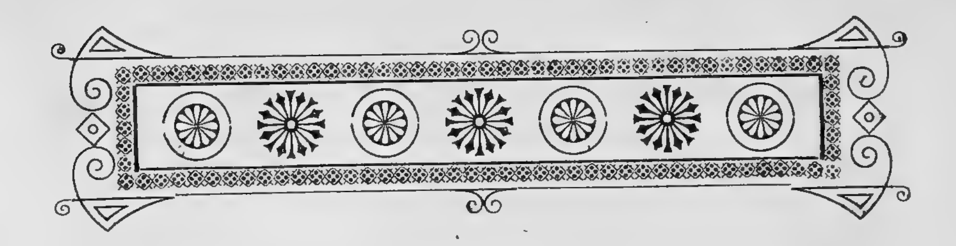
Со времени атаки Кладовы, до моего пріѣзда въ Бухарестъ, ничего не произошло интереснаго въ обѣихъ Валахіяхъ.

Теперь перехожу къ описанію дѣйствій главныхъ силъ при осадѣ Браилова и въ Бессарабіи.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матереубійцы [1]).

(ПРОЦЕССЪ ЖУКОВЫХЪ).

(Эпизодъ изъ судебной хроники XVIII столѣтія).

V.

Наступилъ 1765 годъ. На всероссійскомъ престолѣ уже три года царствовала Императрица Екатерина II. Событія, одно удивительнѣе другого, проходили передъ изумленнымъ обществомъ. Убійство Жуковыхъ стало забываться въ Москвѣ, да и многіе изъ близко стоявшихъ къ этому дѣлу уже умерли; умеръ въ наступившемъ году и старикъ Жуковъ, оставившій все свое состояніе младшему сыну Петру, блестящему офицеру гвардіи, адъютанту графа Витгенштейна. Двѣнадцать лѣтъ томились въ тюрьмѣ супруги Жуковы, ожидая каждый день приведенія приговора въ исполненіе, но въ Петербургѣ какъ будто забыли объ ихъ дѣлѣ, и Московская канцелярія рѣшилась, наконецъ, сама объ немъ напомнить. Снесясь предварительно съ главной полицеймейстерской канцеляріей въ Петербургѣ, она донесеніемъ въ Сенатъ сообщила о необходимости привести приговоръ надъ Жуковыми въ исполненіе.

Получивъ донесеніе, Сенатъ затруднился поступить въ этомъ дѣлѣ самостоятельно и всеподданнѣйшимъ докладомъ донесъ объ этомъ Императрицѣ. Въ докладѣ, подробно излагавшемъ всѣ обстоятельства преступленія, было, между прочимъ, замѣчено, что въ силу сенатскихъ указовъ, опубликованныхъ въ 1754 г., надлежитъ всѣхъ приговоренныхъ къ смертной казни подвергать, въ замѣну ея, на-

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1908 г.

казанію кнутомъ, клейменію и ссылкѣ въ Рогервикъ[1]), въ каторжныя работы, но что Сенатъ въ виду исключительности совершеннаго Жуковыми злодѣйства, не можетъ поступить иначе, какъ утвердивъ смертный приговоръ. Въ разрѣшеніе этого затруднительнаго положенія Сенатъ просилъ Высочайшаго указа.

Разсмотрѣвъ представленный докладъ, Екатерина II сильно заинтересовалась этимъ необычайнымъ процессомъ; поручивъ и. д. генералъ-прокурора князю Александру Алексѣевичу Вяземскому обстоятельно разслѣдовать все дѣло, она, не довольствуясь этимъ, лично входила во всѣ мелочи слѣдствія и направляла дѣйствія властей. Убѣдившись, что преступленіе было совершено не по злостному желанію, а скорѣе по винѣ самой жертвы — матери Жукова и принявъ во вниманіе долголѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ, Императрица захотѣла смягчить суровый приговоръ Елисаветинскаго времени и рѣшила замѣнить казнь какимъ-либо другимъ наказаніемъ. Св. Синоду было предложено выяснить, какія полагаются, по каноническимъ правиламъ, наказанія за убійство родителей, кромѣ смертной казни.

Экстренно созванная комиссія изъ членовъ Синода: митрополита новгородскаго Димитрія и епископовъ: Иннокентія псковскаго и Гавріила тверскаго, внимательнаго разсмотрѣвъ все дѣло, изложила свое мнѣніе въ докладѣ Государынѣ, такого содержанія: „Жукова, какъ убійцу своей матери и сестры и его въ семъ злодѣйствѣ сообщниковъ, законы осуждаютъ на смерть, а церковь, по силѣ древнихъ св. отецъ правилъ, въ томъ отъ нихъ ожидаетъ покаянія, которыми на оное убійцамъ извѣстное полагается время; того ради не благоволитъ ли Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше указать: имъ сему ожиданію церкви соотвѣтствовать, что они исполнить могутъ слѣдующимъ образомъ: 1) при одной изъ публичныхъ церквей, въ праздничные и воскресные дни, онымъ во время пѣнія стоять внѣ церкви, на паперти, приносить Господу Богу со слезами покаяніе и просить входящихъ въ церковь, исповѣдуя грѣхъ и признавая свое недостоинство, о принесеніи за нихъ молитвы, при томъ должно назначить искуснаго священника на проповѣдь, въ которой ему изобразить къ народу Божіе милосердіе въ ожиданіи и принятіи покаянія всякаго грѣшника, доказать, что небесный Отецъ, имѣя ходатая за всѣхъ насъ Іисуса Христа, преклоняется къ помилованію, и увѣщевать: чтобъ они по любви христіанской возымѣли состраданіе о злосчастномъ убійцѣ сихъ состояніи и

---

[1]) Рогервикъ—бухта въ западн. части Финскаго залива. Гор. и крѣпость Балтійскій Портъ, заложен. въ 1723 г.

молили Господа Бога, дабы Онъ ихъ не отринулъ, но простивши беззаконіе сопричтилъ избраннымъ своимъ. Потомъ послать ихъ въ разные монастыри, гдѣ имъ по правиламъ св. отецъ, 20 лѣтъ (включая и время ихъ содержанія въ тюрьмѣ) ходить на всякое церковное пѣніе и становиться не въ церкви, но въ трапезѣ, (въ) постъ исповѣдываться, токмо не причащаться, кромѣ смертнаго случая. Настоятели тѣхъ монастырей должны употреблять ихъ въ сносные, по силѣ каждаго, монастырскіе труды. Сверхъ того поручить ихъ въ смотрѣніе искуснѣйшимъ изъ монашествующихъ, которые должны наблюдать ихъ жизнь и часто имъ напоминать силу вѣры и закона и страшный и неизбѣжный нераскаивающимся грѣшникамъ судъ Божій. По прошествіи же времени ихъ покаянія, ежели съ ясными знаками раскаянія оное препроводятъ, то по силѣ помянутыхъ правилъ пріобщить ихъ къ церкви и сподобить причастія Св. Тайнъ. Болѣе же все оное предаемъ въ высокомонаршее В. И. В. благоволеніе" [1]).

Прежде чѣмъ окончательно рѣшить вопросъ о способѣ наказанія, Императрица пожелала узнать, не имѣется ли у Жуковыхъ дѣтей. На запросъ, посланный генералъ-прокуроромъ въ Московскую канцелярію, получился отвѣтъ, что хотя супруги Жуковы и содержатся въ розыскной экспедиціи вмѣстѣ, но дѣтей у нихъ нѣтъ. Не довольствуясь этимъ сообщеніемъ, Екатерина написала собственноручно письмо къ Московскому главнокомандующему графу Салтыкову [2]), прося выяснить нѣкоторыя подробности: „Графъ Петръ Семеновичъ", — писала она,—„освѣдомтесь доподлинно: не брюхата ли Жукова жена, потому что она вмѣстѣ съ мужемъ содержалась въ тюрьмѣ. И ежели найдется брюхата, то можно ее къ наказанію возить на роспускахъ и дать какую ни на есть обувь, чтобы не зазнобить. А подъ рукою можете и объявлять другимъ, что вы сіе сдѣлали противу предписаннаго обряда по причинѣ того, что она не праздна" [3]).

Основываясь на заключеніи Синода, рѣшено было подвергнуть Жуковыхъ публичному церковному покаянію. Этотъ обычай, очень часто примѣнявшійся на западѣ, въ особенности въ католическихъ странахъ, въ Россіи почти не былъ извѣстенъ. Для того чтобы повліять на народное воображеніе и укрѣпить взглядъ на безпристрастіе суда, обрядъ покаянія предполагалось устроить съ необыкновенною торжественностью: былъ выработанъ особый церемоніалъ, и о преданіи матереубійцъ покаянію должно было быть объявлено

---

[1]) Госуд. Архивъ. Разр. XXII. № 170.
[2]) Графъ Петръ Семен. Салтыковъ, ген.-фельдмаршалъ. 1714—1804 г.
[3]) Письмо помѣчено 26 марта 1766 г. (Госуд. Арх. Разр. XXII. № 170).

Высочайшимъ манифестомъ всенародно. „Божіею милостью, Мы, Екатерина II, Императрица и Самодержица Всероссійская,—гласилъ манифестъ,—объявляемъ всенародно [1]). Учиненное убійство въ 1754 г. матери и сестры своей родной бывшимъ въ нашей лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку каптенармусомъ Алексѣемъ Жуковымъ и женою его Варварою Николаевою по отцѣ Полтевыхъ и сообщниками ихъ, столь страшное злодѣйство, что не токмо въ христіанскихъ народахъ, но и между идолопоклонниками и безъ всякаго закона живущими людьми, почитается чрезъестественное. Мы довольно вѣдаемъ, сколь ужасное сіе преступленіе поразило человѣколюбивое сердце покойной Тетки Нашей Императрицы Елисаветы Петровны. Но какъ такое окаянное дѣло въ цѣлыхъ вѣкахъ рѣдко случающееся, невѣдомыми судьбами Божіими по сіе время не рѣшилося, а передъ немногимъ только временемъ подано намъ отъ Сената Нашего докладомъ, а между тѣмъ нѣкоторые участвующіе яко орудіи въ семъ убійствѣ уже померли, главные же самые убійцы и прямые содѣятели сынъ и братъ убитыхъ матери и сестры и жена его, живы на земли остаются въ тюремномъ заключеніи, то сіе самое столь долговременное продолженіе ихъ жизни наипаче привело насъ въ размышленіе, *угоднѣе ли Богу будетъ* лишеніемъ живота, по законамъ строжайшимъ, сихъ злодѣевъ наказать и яко прямо отступившихъ отъ вѣры Христовой и отъ закона естественнаго истребить, или видѣвъ ихъ преступленіе отчаянное, соблюсти души ихъ отъ вѣчной муки истиннымъ къ Богу покаяніемъ, безъ *нарушенія нашего правосудія и безъ соблазна народнаго*, оставя дни и животъ ихъ въ рукѣ Всевышняго Судіи, на собственное совѣсти раскаяніе и всечасное ихъ сокрушеніе. Въ таковомъ духа Нашего Смущеніи, повелѣли Мы изъ первѣйшихъ нашихъ духовныхъ, а именно: Дмитрію, митрополиту новгородскому, Иннокентію, епископу псковскому и Гавріилу, епископу тверскому, изслѣдовать въ исторіи церковной и въ правилахъ св. отецъ, какія въ древней церкви нашей православной употреблялися подобнымъ злодѣямъ наказанія и какимъ образомъ души ихъ предавалися въ помилованіе Богу, на что Намъ всеподданѣйше отъ нихъ представлено, что хотя по древнѣйшему церкви православной обычаю монархи христіанскіе, яко властители сами духовные и мірскіе, будучи власть предержащая отъ Бога, сохраняли правосудіе въ народахъ по законамъ, отъ нихъ же установленнымъ, и казнь таковымъ злодѣямъ состояла въ волѣ и власти ихъ; но по истинному христіанству прежде всего пеклися они о соблюденіи душъ, погибающихъ отъ вѣчной муки,

[1]) Манифестъ былъ подписанъ Императрицей 24 марта 1766 года.

потому что церковь Божія, по слову евангельскому и апостольскимъ поученіямъ и по силѣ правилъ святыхъ, ожидаетъ истиннаго обращенія къ вѣрѣ христовой и прямого покаянія отъ самыхъ злодѣевъ отчаянныхъ и вовсе закона отпадшихъ. Вслѣдствіе таковаго злоключенія душъ сихъ осужденныхъ, повелѣваемъ: Алексѣя Жукова и жену его Варвару, яко первыхъ виновниковъ душегубству родства и сродства своего, предать церковному предъ народомъ покаянію. По исполненіи котораго послать повелѣваемъ Алексѣя Жукова въ Соловецкій монастырь, а жену его въ Далматскій Тобольской епархіи“ [1]).

VI.

Немедленно же по подписаніи манифеста, именнымъ высочайшимъ указомъ предложено было графу Салтыкову перевести Жуковыхъ изъ мѣста ихъ постояннаго заключенія въ Кремль и „посадить —какъ говорилось въ указѣ,—въ такое заключенное мѣсто, изъ котораго бы вести можно было бы къ собору сихъ убійцевъ чрезъ Ивановскую площадь“ [2]). Вмѣстѣ съ указомъ были препровождены экземпляры манифеста для обнародованія въ Москвѣ.

Церемонію публичнаго покаянія предписано было совершить четыре раза въ теченіе Великаго поста, а именно: въ четвертое и пятое воскресенья, въ четвергъ пятой недѣли и въ Лазареву субботу, въ четырехъ церквахъ: въ Успенскомъ соборѣ, св. Петра и Павла на Басманной, св. Параскевы на Пятницкой и Николы Явленнаго на Арбатской улицѣ. Наблюденіе за обрядомъ было возложено на игумена Знаменскаго монастыря архимандрита Варѳоломея.

1 апрѣля 1766 г. наканунѣ дня, назначеннаго для покаянія, на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ Московскихъ улицъ было объявлено, при барабанномъ боѣ, о совершеніи экзекуціи надъ преступниками. Москва заволновалась въ ожиданіи невиданнаго зрѣлища. На другой день уже съ ранняго утра въ Кремль стали стекаться толпы народа, и обширныя Кремлевскія площади покрылись моремъ головъ. У помѣщенія, гдѣ находились заключенные, былъ поставленъ усиленный воинскій караулъ; сюда же прибыли священники и высшія власти, среди которыхъ находился прибывшій изъ Петербурга кабинетъ-курьеръ, чтобы по окончаніи церемоніи отвезти рапортъ Им-

---

[1]) Полн. собр. зак. т. XVII, № 12600 (стр. 615).
[2]) Гос. Арх. Разр. XXII. № 170.

ператрицѣ. Около 9 час. утра раздался первый ударъ колокола, къ обѣднѣ, толпа всколыхнулась, и взоры всѣхъ устремились къ мѣсту заключенія: раздалась команда выстроившагося караула, и шествіе началось.

Впереди, мѣрно отбивая шагъ подъ рѣдкій барабанный бой, шла рота солдатъ, за ней въ предшествіи двухъ священниковъ съ крестомъ, слѣдовали осужденные, закованные въ кандалы и одѣтые въ длинныя бѣлыя рубахи, въ рукахъ у каждаго были зажжены восковыя свѣчи; у Варвары Жуковой волоса были распущены по плечамъ. При удручающемъ молчаніи, нарушаемомъ только жуткимъ барабаннымъ боемъ, медленно достигла процессія паперти Успенскаго собора. Здѣсь ожидалъ процессію особо назначенный чиновникъ, который, обратясь къ народу, прочелъ Высочайшій манифестъ. По окончаніи чтенія Жуковымъ было велѣно стать на колѣни и произнести вслухъ данную имъ молитву такого содержанія: „Боже всемогущій! Боже милосердія и щедротъ! Призираяй милостивно на всѣхъ прибѣгающихъ къ Тебѣ, и преклоняяйся ко гласу вопіющихъ Ти, испытуяй сердца и утробы, призри на насъ грѣшныхъ припадающихъ предъ величествомъ Твоимъ, вонми гласу моленія нашего, исповѣдуемъ Господи, яко мы недостойны возвести очесъ нашихъ, недостойны скверными нашими устами призывати пресвятое Твое ангелы воспѣваемое имя; паче же недостойны и жизни сія, кровь неповинно убіенныхъ нами вопіетъ къ Тебѣ на насъ, требуя отмщенія. Безпримѣрное сіе беззаконіе поражаетъ насъ страхомъ вѣчнаго отриновенія и осужденія, оскудѣваетъ крѣпость наша отъ гнѣва ярости Твоея. Но Господи! Не хотяй смерти грѣшника, не осуди насъ по беззаконіямъ нашимъ. Господи! Ожидаяй обращенія, призри на насъ кающихся предъ Тобою; Твои спасительныя обѣщанія и самое продолженіе жизни нашея мы отъ руки Твоея въ залогъ Твоего милосердія и долготерпѣнія пріемля дерзаемъ къ Тебѣ прибѣгати. Небесный Отче! Обѣщавый всѣхъ о имени возлюбленнаго Сына Твоего Господа нашего Іисуса Христа призывающихъ Тебѣ услышати, услыши насъ грѣшныхъ, воспомяни Его моленіе, Его страданіе, Его кровь ко очищенію нашему изліянную и смерть за наши беззаконія, по воли Тебѣ небеснаго Отца подъятую. На сего Спасителя и ходатая, вѣчное намъ избавленіе, обрѣтшаго, надеждою нашею возлагаяся, о Его имени полагаемъ на алтарь милосердія Твоего сокрушеніемъ возженныя наша сердца, и припадая предъ Тобою покаяніе приносимъ; помилуй насъ согрѣшившихъ по велицѣй Твоей милости, сотвори, да сіе наше всесмиренное покаяніе и обращеніе будетъ началомъ прославленія имени Твоего святаго; да въ сей жизни начавши славити сподобимся и въ будущей со святыми твоими воспѣти

Тебѣ Отца и единороднаго Твоего Сына всесвятаго и единосущнаго Духа, аминь" [1]).

По прочтеніи молитвы, въ соборѣ началась обѣдня, во все время которой кающіеся должны были стоять на колѣняхъ и обращаться ко всѣмъ входящимъ и выходящимъ изъ церкви съ словами: Возлюбленные о Христѣ! Чувствуя мы тягость нашего беззаконія и ужасаяся раздраженнаго нами Бога, недостойныхъ себя судимъ услышанія Его; васъ убо молимъ, состраждите намъ и возселите къ Господу молитву, да призритъ на покаяніе наше и милостивъ намъ будетъ" [2]).

Во время литургіи діаконъ, по особому синодальному предписанію, возглашалъ особое прошеніе на эктеніи, о кающихся: „о еже приняту быти, покаянію припадающихъ сихъ и исповѣдующихъ беззаконіе свое, Господу помолимся".

По окончаніи обѣдни на паперть былъ вынесенъ налой, и извѣстный проповѣдникъ того времени протоіерей Посниковъ [3]), обратясь къ осужденнымъ и народу, произнесъ нарочно для этого случая составленное слово. „Православныя церкви чада!—началъ онъ,—церковь Божія видитъ теперь предъ очами своими печальное зрѣлище, которымъ матернее ея сердце внутренно прободается. Се вамъ предстоятъ два злодѣя съ тягчайшей смерти осужденные убійцы мужъ и жена матери и сестры своей. О страшнаго злодѣянія! О звѣрскаго терзанія! Таковою едва слыханною дерзостію возстали они противъ самаго Естества, внутреннее совѣсти чувствіе погасили, попрали кровь Новаго Завѣта, обезчестили Евангеліе, оскорбили духа Божія, отъ тѣла церкви Христовой самовольно себя оторвали. О какая лютая для церкви язва, вѣдаете вы, что церковь есть священное духовныхъ овецъ стадо: Но се ея козлища. Церковь есть тихое спасенія пристанище, но се ея буря и волны. Церковь есть мать въ нѣдрахъ своихъ согрѣвающая чадъ своихъ; но се ея изверги. Кто дастъ главѣ нашей воду и очамъ нашимъ источникъ слезъ, да возможемъ оплакать бѣдное сихъ преступниковъ состояніе.

Извѣстно вамъ, православные христіане, сколь страшное Законъ Божій издаетъ на человѣкоубійцевъ опредѣленіе. Въ словѣ Божіемъ написано тако: проливай кровь человѣку, въ ея мѣсто Его проліется, яко во образъ Божій сотворилъ человѣка, глаголетъ Господь Саваоѳъ. А сихъ словъ сила есть та, что человѣкоубійца согрѣшаетъ

---

[1]) Гос. Арх. Разр. XXII, № 170.

[2]) Текстъ этого обращенія и вышеприведенной молитвы былъ выработанъ въ Синодѣ и утвержденъ Императрицей.

[3]) Настоятель церкви Св. Николая Голстунскаго.

противъ Самого Величества Божія, и власть, которую Богъ надъ жизнію человѣческою имѣетъ, злодерзкій сей у Него похищаетъ.

Но что можемъ мы сказать объ отцеубійствѣ? какую заслуживаетъ оно казнь? Божественный Законодатель объ отцеубійствѣ ничего и не помянулъ: какъ-будто не надѣялся онъ, чтобы такое могло быть чудовище, которое бы противъ давшихъ ему жизнь вооружилось. Ибо въ законѣ гласитъ тако: иже злословитъ отца своего или матерь свою, смертію да умретъ, и иже біетъ отца своего или матерь свою, смертію да умретъ. Видите, что законъ тому, кто злословитъ или біетъ родителей, опредѣляетъ смерть: а о тѣхъ, которые родителей убиваютъ, ничего не упоминаетъ: не для того, акибы они недостойны были всякія казни, но для того, что будто невѣроятно казалось быть такой ехиднѣ, которая бы утробу своея матери растерзала. И ежели тотъ, кто злословитъ своихъ родителей, подлежитъ смерти и временной и вѣчной, то какой уже казни повиненъ есть, который свои несчастливыя руки омочилъ въ крови своея матери и сродства своего? Въ такой грѣшной душѣ самая совѣсть есть жесточайшимъ и непрестаннымъ мученіемъ. И сей совѣсти судъ тѣмъ страшнѣе, что онъ есть нѣкоторымъ преддверіемъ будущаго праведнаго суда. О коль страшно есть впасть въ руки Бога жива! Ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всякую душу человѣка творящаго злое.

Но, о Боже Праведный! Аще беззаконія назриши кто постоитъ? Твое есть оное оживляющее насъ слово: яко не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему. Подлинно законъ представляетъ намъ Бога Праведнѣйшимъ и нелицепріятнымъ Судіею. Но Евангеліе Его жъ намъ проповѣдуетъ благоутробнымъ отцемъ. Законъ преступникамъ своимъ отворяетъ адъ: но Евангеліе отверзаетъ кающимся рай. Законъ вопіетъ: Проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всемъ писанномъ въ книгѣ закона. Но благодать съ кротостію призываетъ и говоритъ: Обратитеся и обращуся къ вамъ. Измывайтесь и чисти будете, отъимите лукавство отъ думъ вашихъ предъ очима моима и аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ, яко червленое, яко волну убѣлю. О крайняго снисхожденія! Самъ Богъ неизглаголаннымъ милосердіемъ будучи сподвиженъ принялъ на себя нашу тлѣнную плоть, всѣ естества нашего немощи на себѣ понесъ, пострадалъ и умеръ, съ тѣмъ единственно, чтобъ грѣшнаго человѣка спасти, падшаго возставить, немощнаго исцѣлить, беззаконіями умершаго воскресить. И для того самъ онъ себя уподобляетъ доброму пастырю, погибшей и на горахъ заблуждающей овцы ищущему.

Таковаго милосердія своего яснѣйшіе оставилъ намъ примѣры.

Онъ Давида неповинно Урію убившаго, но покаявшагося помиловалъ. Онъ мытаря грѣхами отягченнаго оправдалъ, Онъ Петра отвергшагося его, но обратившагося не презрѣлъ, но горькія его принялъ слезы. Онъ Савла бывшаго гонителя своего и многихъ святыхъ убійцу, но обратившагося не только не осудилъ, но еще устроилъ его своимъ избраннымъ сосудомъ, и причелъ его къ Апостольскому лику. Онъ разбойника, который многихъ людей неповинно умертвилъ, разбойника, говорю, не отвергъ, но принялъ его истинное покаяніе краткими словами изъясненное, и двери царствія ему отверзъ. Да почто многіе примѣры приводить? Мы сами, благословенніи Христіане! Мы сами живымъ свидѣтельствомъ сея великія благодати. Послушайте, что Апостолъ ко всѣмъ намъ вопіетъ: Богъ богатъ въ своей милости, за премногую любовь свою, ею же возлюби насъ, насъ сущихъ, насъ мертвыхъ прегрѣшеньми, сооживи Христомъ. Благодатію есте спасены чрезъ вѣру. И сіе не отъ васъ Божій даръ. Не отъ дѣлъ, да никто же похвалится. Кто слыша сіи великіе человѣколюбія Господня примѣры, не утвердитъ сердце свое, чтобъ грѣхами не оскорблять сего милосердаго благодѣтеля. И кто, чувствуя совѣсть свою беззаконіями отягощенную, не отвергнетъ отчаяніе, и къ милосердію Господню не прибѣгнетъ?

Сія благодѣтельная Божія десница касается и васъ, злосчастные убійцы: Сей благости источникъ и вамъ отворенъ, ежели только чувствуете раскаяніе въ злодѣйствѣ своемъ. Не слышите ли, какъ благодать ударяетъ въ двери вашего сердца, и сладчайшій гласъ Нашего Спасителя во уши ваши вопіетъ: Пріидите ко мнѣ вы обремененніи грѣхами. Я вашихъ беззаконій отвращаюсь, но ваше покаяніе не отвергаю. Мнѣ ненавистно ваше сердце, но когда оно есть нераскаянно. Ваше отъ зла на добро обращеніе судъ на милость претворяетъ. Ваши слезы огнь моея ярости погашаютъ. На ваше исправленія обѣщаніе мои руки къ объятію вашему простираются. Страшитъ васъ мое правосудіе: Подлинно онаго стрѣлы уже на васъ напряжены. Но милосердіе мое превозмогаетъ. Посмотрите на мои раны, которыми я за грѣхи ваши уязвленъ. Посмотрите сквозь прободенное копіемъ ребро на сердце мое, и видите, коликою оно пылаетъ къ человѣчеству любовію. Сими и каменную душу умягчить могущими словами соберите вы свой смущенный духъ, слезами сокрушите сердце свое, и тяжкими воздыханіями внутренность свою врачу душъ и тѣлесъ откройте. А церковь Христова имѣя себѣ порученную вязать и рѣшить, увѣряетъ васъ именемъ Господнимъ, что ваше покаяніе не отвергнуто, но принято будетъ, яко драгій залогъ вашего отъ зла къ добру обращенія. Да и самымъ дѣломъ вы въ томъ уже увѣрены. Ибо видите, что святая

церковь васъ яко недостойныхъ отъ себя не отогнала, но открыла свои нѣдра, и яко чадолюбивая мать попеченіе свое о васъ приложить одолжена. Налагаетъ на васъ сіи легкія раны, да исцѣлитъ вашу болѣзненную душу. Симъ временнымъ наказаніемъ предвосхищаетъ васъ отъ адскаго вѣчнаго мученія.

А намъ, православныя церкви чада! попечительный Божій промыслъ чрезъ сей печальный случай великое подаетъ наставленіе. Ибо сіе сказали мы не съ тѣмъ, чтобы падшимъ ругаться, но чтобы тѣхъ, которые стоютъ, осторожнѣйшими сдѣлать: не съ тѣмъ, чтобы раны уязвленнымъ пріумножить, но паче, чтобы неуязвленныхъ еще, не вредными соблюсти: не съ тѣмъ, чтобы волнующихся погрузить, не чтобы тѣхъ, которые благополучно плывутъ, предохранить. Теперь мы очами своими видимъ дѣйствія правосудія и милосердія Божія. Правосудіе въ наказаніи грѣшниково: Милосердіе въ призываніи ихъ къ покаянію. Побоимся убо Божія Правосудія, чтобы оное нашими грѣхами, да утвердимъ себя на прежніе не возвращаться пороки. Счастливъ тотъ, кто другихъ бѣдствіями осторожнѣйшимъ дѣлается!

За все сіе благодареніе приносимъ человѣколюбивому Богу, удивляюся премудрости Его. Сею благодарностію обязана ему церковь и мы. Церковь потому, что прославляетъ Онъ ея силу въ наказаніи порока, и святость въ различеніи овцы отъ козлища. А мы для того, что сей случай даетъ намъ наставленіе. Достойно же по Бозѣ праславляетъ и благочестіе вѣрныя Божія служительницы великія и милосердыя самодержицы нашея Екатерины Алексѣевны. Чѣмъ ужаснѣйшимъ видитъ она преступленіе, тѣмъ усерднѣе о спасеніи души преступника къ церквѣ прибѣгаетъ. Ею души сихъ оскверненныхъ къ Божію милосердію приводятся. Ею и мечъ Правосудія надъ оскверненнымъ ихъ тѣломъ для того самаго удерживается, не се ли Христова церковь, прямое твое утвержденіе? не се ли древнихъ твоихъ и святыхъ установленій исполненіе?

Но обратимся уже мы, кротчайшаго Спасителя ученики, къ симъ злосчастнымъ: Подвигнемся объ нихъ сожалѣніемъ, поболимъ сердцемъ, покажемъ ему христіанскія любви. Много бо поразить ихъ можетъ сей всенародный позоръ, да не опровергнетъ ихъ великая сія скорбь въ отчаяніе. Помолимся объ нихъ со всею церковію:

Боже милосердія и отче щедротъ! воспламени сердце сихъ грѣшниковъ къ покаянію: Пріими ихъ къ Тебѣ припадающихъ обычнымъ Твоимъ благоутробіемъ. Трепещущую отъ суда Твоего совѣсть ихъ ободри Евангельскимъ Твоимъ благословеннымъ гласомъ; и еще пріидутъ въ прямое злодѣянія своего раскаяніе, причти ихъ из-

бранному Твоему стаду. А вы, бѣдствующія души! милосердое благого Бога снисхожденіе, общія церкви всей молитвы, и благочестивое монархини о васъ попеченіе къ исцѣленію вашихъ грѣховныхъ ранъ употребите, да не како сіе пренебрегше и временному тягчайшему и будущему безконечному наказанію неизбѣжно себя подвергнете. Аминь".

По окончаніи проповѣди, Жуковы тѣмъ же порядкомъ были отведены подъ караулъ. Три раза подвергались несчастные этой мучительной нравственной пыткѣ. Послѣ этого Алексѣй Жуковъ былъ отправленъ въ Соловецкій монастырь, а жена его въ дальнюю Тобольскую епархію въ Рождественскій дѣвичій монастырь въ Енисейскѣ. Остальные оставшіеся въ живыхъ участники убійства были „нещадно" наказаны кнутомъ, клеймены и сосланы въ каторжныя работы въ Рогервикъ, безъ срока.

Сообщилъ М. Корольковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1908 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

СТРАН.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

Портреты.

Библіографическій листокъ.

10. Проф. В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть III. г., Н. Л. (на оберткѣ мартовской книжки).

11. М. Газенкампфъ. Мой дневникъ 1877—78 гг. Изданіе исправленное и дополненное. В. Березовскаго 1908 г. М. С. (тамъ же).

12. Статьи на современныя темы. Н. Бутовскаго. Спб. 1907. В. П. (тамъ же).

чтобы не сказать, что „тогдашніе земельные спекулянты дѣйствовали все-же добросовѣстнѣе своихъ позднихъ уральскихъ и кавказскихъ подражателей".

Соціологическіе выводы почтеннаго ученаго отличаются строгостью построенія и глубокой правильностью. Это блестящая, яркая картина экономическаго и правового положенія Россіи отъ прекращенія варяжской династіи до конца царствованія второго Романова. Трудъ В. О. Ключевскаго (вскорѣ выйдетъ IV часть) будетъ доведенъ до 1855 г. *Н. Л.*

М. Газенкампфъ. Мой дневникъ 1877—78 г.г. Изданіе испр. и дополн. В. Березовскаго 1908 г.

Вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ въ дополненномъ видѣ дневникъ М. Газенкампфа по обилію фактическаго матеріала является весьма цѣннымъ матеріаломъ для исторіи послѣдней русско-турецкой войны, все еще во всей подробности неразработанной окончательно. Дневникъ написанъ прекраснымъ литературнымъ языкомъ и читается положительно съ захватывающимъ интересомъ. Конечно, будущій историкъ борьбы за освобожденіе славянъ не обойдется безъ дневника М. А. Газенкампфа; читатель же, интересующійся русскою исторіею, найдетъ въ немъ много любопытнаго.

Въ своемъ дневникѣ Газенкампфъ высказываетъ цѣлый рядъ интересныхъ частныхъ замѣчаній.

Неуспѣхъ первой Плевны почтенный авторъ объясняетъ не превосходствомъ турецкихъ силъ, а тѣмъ, что въ упоеніи никопольскимъ тріумфомъ мы прозѣвали прибытіе турокъ въ Плевну и шли туда спустя рукава. Относительно смѣны высшихъ начальниковъ авторъ высказывается, что смѣна полезна лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Неуспѣхъ второй Плевны авторъ объясняетъ отчасти вялостью и нерѣшительностью Криденера, отчасти запальчивостью и заносчивостью Бискупскаго, уговорившаго своего невозмутимо апатичнаго командира, князя Шаховскаго, дѣйствовать самостоятельно, игнорируя Криденера. Характеризуетъ князя Имеретинскаго эпизодъ съ его отмѣненнымъ назначеніемъ начальникомъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи. Эту должность занялъ графъ Шуваловъ, а Имеретинскій получилъ 2-ю пѣхотную (армейскую) дивизію; но онъ этимъ не обидѣлся и заявилъ главнокомандующему, что онъ принялъ бы безропотно и безпрекословно командованіе даже 2-ою ротою 2-го полка 2-ой армейской дивизіи. Первымъ убитымъ генераломъ въ ту войну былъ командиръ 2-ой бригады, 9-ой пѣхотной дивизіи Дерожинскій. Любопытно, что часъ общаго штурма при третьей Плевнѣ, съ четырехъ на три, былъ измѣненъ главнокомандующимъ. Подъ 8 сентября М. А. Газенкампфъ дѣлаетъ такую запись: „куда ни повернись, вездѣ недомысліе и безпомощность; послѣ каждаго крупнаго сраженія, начальствующія лица на нѣсколько дней складываютъ руки,—точно смотръ отбыли". Записываетъ авторъ ходившую остроту по поводу обложенія Плевны: „наши войска вокругъ Плевны — Ноевъ ковчегъ; у Ноя—Тотлебена три сына: Симъ—Гурко, Хамъ—З... и Іафетъ—Криденеръ; въ ковчегѣ есть чистыя животныя—контролеры и нечистыя—интендапты; Крыловъ—первый голубь, выпущенный Ноемъ, который не возвратится". Характеризуетъ Тотлебена, человѣка дѣла, случай съ Зотовымъ; тотъ сталъ дѣлать пространный докладъ, но Тотлебенъ, прослушавъ пять минутъ, сказалъ, что время не терпитъ, и предложилъ исполнить его приказаніе, а соображеніе изложить письменно и представить.

Всѣхъ частностей—повторяю, весьма цѣнныхъ—не перечислить. Да это и не является цѣлью настоящей библіографической замѣтки. Наша цѣль—отмѣтить появленіе отдѣльнымъ изданіемъ капитальнаго дневника М. А. Газенкампфа и отъ души привѣтствовать этотъ прекрасный трудъ. *М. С.*

Статьи на современныя темы. Н. Бутовскаго. Спб. 1907.

Нашъ талантливый военный писатель Н. Д. Бутовскій изложилъ въ этой книгѣ съ особымъ искусствомъ рядъ очерковъ по интересующимъ нашу армію вопросамъ, касающимся желательныхъ преобразованій, а также волненійвъ войскахъ Съ свойственнымъ ему тонкимъ анализомъ и особымъ знаніемъ войскового быта онъ изобразилъ самую суть дѣла и предложилъ надлежащія мѣры оздоровленія.— При описаніи картинъ войсковой жизни люди возсоздаются передъ читателемъ какъ живые. *В. П*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1908 г.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. *По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ*, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1907 по **9** рублей.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

